

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

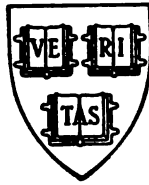
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HW RRMW S

KSF 458

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ГОДЪ

1891

XI.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

X

Октябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.

1891.

Digitized by Google

Книга 10-я. ОКТЯБРЬ, 1891 г.

I. НЕ ПОЙ, ДИТЯ, ПРО СНЫ И ГРЕЗЫ!.. Стихотвореніе. С. Г. Фруга.	3
II. ИСТОРИЯ ХАСИДСКАГО РАСКОЛА. Міросозерцаніе Зальмана и его система раціональнаго хасидизма. С. М. Дубнова	6
III. ЮДИОЪ ТРАХТЕНБЕРГЪ. Повѣсть Карла-Эмиля Францоа. Гл. V, VI, VII, VIII и IX. Перев. А. Г. Каррикъ	37
IV. ИТОГИ. Надежды и ожиданія передовой части русскихъ евреевъ за послѣднія 50 лѣтъ. (Продолженіе). Рув. Кулишера.	114
V. ЕВРЕИ И АНТИСЕМИТИЗМЪ. Статья члена Французской академіи Леруа-Болье. (Продолженіе). Перев. Э. К. Ватсона.	126
VI. ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ. (Продолженіе). В. Н. Никитина.	162
VII. ВЫХОДЦЫ ИЗЪ МЕЖЕПОЛЯ. Романъ. Часть первая. С. О. Ярошевскаго.	177
VIII. * * * Стихотвореніе. М. И. Дубинскаго.	204
IX. РУССКІЕ ЕВРЕИ ВЪ АМЕРИКѢ. Эмиграціонный вопросъ въ АмерикѢ.—Еврейскій вопросъ на американской почвѢ.—Фондъ барона Гирша. Г. М. Прайса.	205
X. ИЗЪ КНИГИ ПРОРОКА ИСАИ. Стихотвореніе. Константина Льдова	219
XI. РУКОВОДСТВО КЪ РУССКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ О ЕВРЕЯХЪ. (Особое приложеніе къ «Восходу»). М. И. Мыша.	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

XII. ПИСЬМА ИЗЪ ГАЛИЦИИ. Письмо седьмое. Veritas.	1
XIII. ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ. Еврейская колонизація въ ПалестинѢ. С. Кондера.	17

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫИ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

О к т я б р ь.

С.- ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.

1881.

△
~~RJad 382.794~~

✓
KSF 458

1891
—
10-12

О Г Л А В Л Е Н І Е.

✓ I. НЕ ПОЙ, ДИТЯ, ПРО СНЫ И ГРЕЗЫ.. Стихотвореніе. С. Г. Фруга.	3
II. ИСТОРИЯ ХАСИДСКАГО РАСКОЛА. Міросозерпаніе Зальмана и его система раціональнаго хасидизма. С. М. Дубинова	6
III. ЮДИОЪ ТРАХТЕНВЕРГЪ. Повѣсть Карла-Энля Францова. Гл. V, VI, VII, VIII и IX. Перев. А. Г. Каррикъ	37
IV. ИТОГИ. Надежды и ожиданія передовой части русскихъ евреевъ за послѣднія 50 лѣтъ. (Продолженіе). Рув. Нулишера.	114
V. ЕВРЕИ И АНТИСЕМИТИЗМЪ. Статья члена Французской академіи Леруа-Волье. (Продолженіе). Перев. Э. Н. Ватсона.	126
VI. ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ. (Продолженіе). В. Н. Никитина.	162
VII. ВЫХОДЦЫ ИЗЪ МЕЖЕПОЛЯ. Романъ. Часть первая. С. О. Ярешевскаго.	177
VIII. * * * Стихотвореніе. М. И. Дубинскаго.	204
IX. РУССКІЕ ЕВРЕИ ВЪ АМЕРИКѢ. Эмиграціонный вопросъ въ АмерикѢ.— Еврейскій вопросъ на американской почвѢ.—Фондъ барона Гирша. Г. М. Прайса.	205
X. ИЗЪ КНИГИ ПРОРОКА ИСАИИ. Стихотвореніе. Константина Льдова.	219
XI. РУКОВОДСТВО КЪ РУССКОМУ ЗАКОВОДАТЕЛЬСТВУ О ЕВРЕЯХЪ. (Особое приложеніе къ «Восходу»). М. И. Мыша.	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ХII. ПИСЬМА ИЗЪ ГАЛИЦІИ. Письмо седьмое. <i>Veritas</i>	1
ХIII. ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ. Еврейская колонизація въ Палестинѣ. С. Кондера.	17
ХIV. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: ИТОГИ «ОБЩЕСТВА ПРОСВѢЩЕНІЯ ЕВРЕЕВЪ». (התחלה ופירוש תורה: <i>Историческій очеркъ дѣятельности «Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи». Составленъ казначеемъ Общества Л. М. Розенталемъ. Части I и II. С.-Петербургъ, 1885—1890 г.</i>). Критикуса	41
ХV. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. Ос. Гр.	56

Продолженіе повѣстей «Между молотомъ и наковальней» и «Кляча» не могло помѣститься въ этой книгѣ.

НЕ ПОЙ, ДИТЯ, ПРО СНЫ, И ГРЕЗЫ!..

Не пой, дитя, про сны и грезы
Въ Эдема сладостной тѣни,
Неувядаемы розы,
Неугасимы огни.
Есть люди,—жизни путь унимай
Ишь только скорбь и грусть несетъ
И даже тихій сонъ могилы
Успокоенья не даетъ...

Въ канунъ субботы,—есть преданье,—
Въ часы полночной тишины,
Когда надъ міромъ рѣютъ чары
И вьются радужные сны,
Подъ тихой сѣнью синагоги
Молитва чудная идетъ.
Въ прозрачной мглѣ едва мерцаетъ
Рѣзью ветхою кивотъ;
Объята мглой пульты и скамьи,
Темнѣютъ люстры въ вышинѣ;
Во тѣнѣ—ни искорки единой,
Ни звука—въ мертвой тишинѣ.

Но кто-то есть подъ этой сѣнью:

Вокругъ амвона—сонмъ тѣней...

Ты видишь... саваны облѣютъ...

Ты слышишь, слышишь... стукъ костей...

Съ нѣмой мольбой воздѣты руки...

Какъ бьются, мечутся въ тѣни!

И сколько скорби, сколько муки

Въ движеніи каждомъ!.. Кто они?—

Зачѣмъ, пріютъ свой мирный бросивъ

Для чуждыхъ вамъ скорбей земли,

Въ ядоль печалей и страданій

Вы, отстрадавшіе, пришли?..

Иль доля та, что васъ томила

Всю жизнь въ неволѣ роковой,

Жива для васъ, властна надъ вами

И тамъ, подъ сѣнью гробовой?..

Въ канунъ субботы, въ часъ полночный

Они выходятъ изъ гробовъ,

И тихо свѣтитъ ночь нѣмая

На литургію мертвецовъ

Покуда звѣзды не погаснутъ

И заблеститъ заря вдали,—

И вновь закроются могилы

Для чуждыхъ имъ скорбей земли...

Народъ, народъ, дитя злосчастья,

Питомецъ душевной темноты!

Какъ жизнь твоя, мрачны и скорбны

Твои легенды и мечты...

Не пой, дитя, про сны и грезы
Въ Эдема сладостной тѣни.
Въ вѣнкахъ надгробныхъ наши розы,
Шумять дожди, бушуютъ грозны,
Гася послѣдніе огни...

С. Фругъ.

ИСТОРИЯ ХАСИДСКАГО РАСКОЛА

НА ОСНОВАНИ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ, ПЕЧАТНЫХЪ И РУКОПИСНЫХЪ.

XI. Мирозерцаніе Залмана и его система рациональнаго хасидизма¹.

Признаки „мирозерцанія“ въ религіозной доктринѣ Залмана. — Трактатъ „*Ta'nie*“ и его отдѣлы. — *Теософія* Залмана: граница между философскимъ наивеніемъ и религіознымъ; призрачность бытія вещественнаго міра и реальность единаго Вѣчнаго Бытія — Бога; все существующее относится къ Богу, какъ лучи къ солнцу. — *Религіозная психологія*: животная или чувственная душа и божественная или разумная душа; три главныхъ свойства разумной души (Мудрость, Пониманіе и Познаніе), какъ источникъ чистой вѣры и нравственности; три покрова разумной души: мысль, слово и дѣло; подчиненное положеніе чувственной души. — *Сущность и цѣль религіи*: единеніе съ Богомъ посредствомъ воплощенія въ своей мысли разума и воли Божества, выраженныхъ въ св. книгахъ, что достигается изученіемъ и исполненіемъ законовъ. — Подчиненіе чувства разуму и восстановление умственной аристократіи. — Подробная параллель между ученіемъ Бешта и Залмана. — Рѣзкія отступленія послѣдняго отъ польско-украинскаго хасидизма. — Система *рациональнаго хасидизма* и упраздненіе культа падишвовъ. — Историческія причины этого переворота. — Теоретическая грандіозность и практическая бесплодность системы Залмана.

Можно-ли называть религіозное ученіе Залмана *мирозерцаніемъ*? Да, вполне. Если подъ этимъ многозначущимъ названіемъ разумѣть такую систему, теологическую или философскую, которая не ограничивается развитіемъ извѣстныхъ частныхъ идей или догматовъ, а восходитъ къ основнымъ началамъ явленій, къ универсальнымъ законамъ бытія и познанія, и только изъ такихъ высшихъ, космическихъ и психическихъ,

¹ См. „Восходъ“ кн. II.

законовъ выводить правилъ религіозно-нравственнаго поведѣнія, — то ужъ, конечно, учанію Залмана, обладающему всѣми этими признаками, нельзя отказывать въ высокомъ титулѣ: «міросозерцаніе». Ибо нигдѣ, ни въ одной изъ хасидскихъ доктринъ широта метафизическихъ основъ и тѣсная связь между этими основами и частными изъ нихъ выводами, между отвлеченной теософіей и практикой вѣры, не выступаютъ такъ ясно и рѣзко, какъ въ системѣ Залмана. Вдумываясь въ эту систему, приходишь къ убѣжденію, что отвлеченной, принципиальной ея частію авторъ придаетъ еще большее значеніе, чѣмъ прикладной. Передъ вами — не проповѣдникъ, не пастырь, а глубокой мыслитель, для котораго религіозное мышленіе служитъ не только средствомъ выработать извѣстные руководящія правила, но и самоцѣлюю цѣлью. Принципы, повидимому, ему дороже правилъ; теорія для него важнѣе практики.

Здѣсь-то именно кроется одна изъ главныхъ особенностей религіозной системы Залмана, прозванной *системою познанія и разумнаго* (תל). Первый основатель хасидизма, этотъ смиренный и безкитросный учитель простолюдина, занимался не столько отвлеченными высшими началами, сколько разъясненіемъ повседневныхъ вопросовъ религіознаго быта и житейской нравственности. Каббала и мистика были для него лишь средствомъ *благоговѣйнаго созерцанія* — своего рода культомъ, потребностью чувства, а не потребностью разума. Преемникъ его, Беръ, — человекъ болѣе книжный и теоретикъ, — значительно усилилъ въ своей хасидской системѣ элементъ метафизическій и создалъ массу отвлеченныхъ нормъ, подъ которыя искусно подводилъ частные случаи. Еще дальнѣйшій шагъ — и шагъ гигантскій — въ этомъ направленіи сдѣлалъ ученикъ Бера, Залманъ. Онъ еще болѣе расширилъ и въ высшей степени усовершенствовалъ теоретическую часть хасидскаго ученія, свелъ многообразныя ея нормы къ одному знаменателю, широко обобщилъ всѣ данныя прежнихъ системъ, не только хасидскихъ, но и болѣе древнихъ каббалистико-мистическихъ, и такимъ образомъ создалъ свою замѣчательную доктрину. Сходясь по вѣдшности съ ученіями Вешта, Бера и другихъ главныхъ учителей хасидизма, эта доктрина тѣмъ не менѣе по суще-

ству во многомъ отъ него отличается, такъ какъ авторъ перемѣстилъ въ полученномъ отъ предшественниковъ матеріалѣ центръ тяжести, иначе разбѣгали составныя части и далъ преобладаніе особому иудейскому направленію въ хасидизмѣ. Это—особая, новая отрасль развѣтвившагося хасидскаго древа, — отрасль, стремившаяся принять размѣръ и объемъ главнаго ствола.

Упомянутое нами главное произведеніе Залмана («Таніо»), содержащее въ себѣ всѣ основы его ученія, дѣлится на три части, нѣ въ концѣ *второй* слѣдовало бы стоять въ началѣ, такъ какъ она представляетъ собою сжатое изложеніе всей принципиальной *подготовки и теософіи* хасидизма. Она озаглавлена: «Врата единства и вѣры» (פרשת ויקרא) и состоитъ изъ 12 небольшихъ главъ, съ особыми введеніями¹. Первая, и самая большая часть (53 главы) носитъ названіе: «Книга для среднихъ людей» (פרשת שמות) и заключаетъ въ себѣ *ученіе о душе и о религиозной задаче жизни*. Третья часть («Посланіе о покаяніи», 19 главокъ) касается частнаго вопроса о способѣ очищенія отъ грѣховъ и о приобщеніи началъ аскетизма. Въ этомъ естественномъ порядкѣ мы и будемъ разсматривать систему Залмана.

Теософія Залмана основана на извѣстномъ каббалистическомъ и хасидскомъ *началѣ всебожія*; но это начало въ системѣ Залмана получаетъ такую широкую постановку, что изъ религіознаго догмата оно превращается почти въ философскій принципъ. Авторъ стоитъ на самой границѣ, отдѣляющей религіозный пантеизмъ отъ философскаго, мистицизмъ отъ спинозизма. Одинъ только шагъ—и пограничная линія исчезнетъ, и вѣрующій догматикъ превратится въ свободнаго мыслителя... Но этого рокового шага человѣкъ вѣры никогда не сдѣлаетъ.

Уже въ самомъ началѣ своего теософическаго трактата Залманъ ясно намѣчаетъ ту грань, за которую испытующій духъ, оставаясь на почвѣ вѣры, не долженъ перейти. Мы должны помнить, — твердитъ онъ неоднократно, — что, согласно закону: *Сила дѣятеля остается въ его дѣлѣ*, Божество присутствуетъ

¹ По начальной фразѣ введенія эта часть называется также „Маліи трактатъ о воспитаніи“ (פרשת ויקרא), что уже вовсе не соответствуетъ ея содержанию.

во всё въ вещахъ и явленіяхъ, и присутствуетъ не пассивно или бессознательно, а активно и сознательно. Богъ, воплотившись въ видимомъ мірѣ, не предоставилъ послѣдняго самому себѣ или неизмѣннымъ законамъ, какъ думаютъ пантеисты-философы, но ежеминутно вмешивается въ его дѣла и направляетъ все согласно своимъ высшимъ предназначеніямъ. Богъ, такимъ образомъ, какъ бы каждое мгновеніе творитъ; міръ *не созданъ* разъ навсегда, а непрерывно *созидается*. Стоитъ измѣниться волѣ Божіей — и вселенная моментально превратится въ ничто¹. Да и *са* *сущности* міръ и теперь — ничто, миражъ, отраженіе безконечнаго, и только нашимъ чувствамъ кажется чѣмъ-то самостоятельнымъ. На самомъ же дѣлѣ самостоятельное бытіе можно признать за однимъ лишь Богомъ. Богъ — единственный и безконечный *Нумэнъ* (нѣчто, непосредственно постигаемое чистымъ разумомъ и являющее безусловное бытіе), все же прочее — только *феномены* (явленія, постигаемыя чувствами и существую-

¹ *Слѣди мѣрѣт* *им* *мѣрѣт*, ч. II, §§ 1—2. Развивая дальше мысль Залмана, можно сказать, что онъ, въ отличіе отъ Спивоноу, видитъ въ Богѣ не наименьшую субстанцію, *присущую* вещамъ, а наименьшую субстанцію, случайно *проявляющуюся* и *дѣйствующую* въ вещахъ, т. е. видитъ Бога не въ состояніи *статикки*, а въ состояніи *динамикки*. По Спивоноу, Богъ есть одновременно и *Натура натураліс* и *Натура натурата* (природа творящая и творимая); по ученію же хасидизма, Богъ есть *исключительно* *Natura naturata*, причемъ подъ терминомъ *Natura* необходимо подразумѣвать единственно реальную безконечную субстанцію, принимающую только различныя временныя формы въ образѣ міра вещественнаго. Одинъ изъ народныхъ еврейскихъ писателей, глубокой знатоки хасидизма, И. С. Леве, довольно итѣко и съ иррациональною точностію опредѣляетъ различіе между спивоноизмомъ и хасидизмомъ, замѣтивъ (въ одномъ писемѣ къ намъ), что изъ хасидскаго опредѣленія Бога какъ „*Существа, переполняющаго собой всю міръ и обходящаго всю міръ*“ (...*מְלֵאךְ לְכָל עוֹלָם וְיָסֵב עָלֶיהָ כְּלֵאָכָה*), спивоноизмъ признаетъ только первую половину, т. е. что Богъ *переполняетъ* міръ, а хасидизмъ настаиваетъ также и на второй ея половинѣ, т. е. что Богъ *обходитъ* міръ, стоитъ одновременно внѣ и внутри его и непрерывно въ немъ дѣйствуетъ. Это сводится къ той же вышеупомянутой разницѣ между „*статиккой*“ и „*динамиккой*“. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что, при всемъ формальномъ сходствѣ между сравнительными ученіями, *чѣмъ* *нѣтъ* *важно* *противоположны* и что хасидизмъ есть въ сущности только „*спивоноизмъ на панакку*“, ибо по Спивоноу пантеизму — Богъ терется въ міръ, а по своеобразному хасидскому пантеизму — міръ терется въ Богѣ, какъ мы уже въ своемъ итѣтѣ замѣтили („*Возникн. Хасидизма*“, „*Восходъ*“, 1886 г., кн. VIII, стр. 13—15).

ція только условно)¹. Эту по существу философскую идею, лежащую въ основаніи величайшихъ доктринъ XVIII вѣка,— идеализма Беркляя, скептицизма Юма и критицизма Канта,— Залманъ развилъ съ особенною ясностью въ одномъ замѣчательномъ параграфѣ своей книги, который мы смѣло признаемъ наилучшимъ изъ всего имъ написаннаго. Вотъ этотъ образцовый отрывокъ (§ 3 второй части) въ точномъ переводѣ:

«Послѣ всего сказаннаго (о существѣ Божиѣмъ), всякій вдумывающійся въ предметы ясно пойметъ, что все созданное и существующее должно по правдѣ (въ дѣйствительности) считаться ничѣмъ и безусловно несуществующимъ по отношенію къ Дѣйствующей Силѣ, дыханіе устъ которой даетъ бытіе предметамъ и превращаетъ ихъ изъ ничего въ нѣчто. Если же намъ каждый сотворенный и содѣянный предметъ кажется чѣмъ-то реально-существующимъ, то это лишь потому, что мы очами своей плоти не видимъ и не постигаемъ силы Божіей и дѣянія устъ Его въ сотворенныхъ вещахъ. Если бы нашему зрѣнію дана была сила видѣть и постичь во всякой твари ея жизненность и духовность, вливающіяся въ нее изъ божественнаго источника, то матеріальная сторона ея, осязательная и грубая, вовсе не замѣчалась бы нами, такъ какъ она потеряла бы свое (кажущееся) бытіе предъ дѣйствительнымъ бытіемъ, заключающимся въ жизненности и духовности данной твари или вещи. Ибо, лишенная своей духовной сущности (пгѣт), вещь превратилась бы въ ничто, и вся совокупность вещей была бы въ состояніи, въ какомъ былъ міръ до своего сотворенія; значитъ, духовная сущность, вытекающая изъ устъ Божіихъ, есть единственная сила, которая непрерывно даетъ бытіе вещи и превращаетъ ее изъ *ничего* въ *нѣчто*. Стало быть, кромя этой духовной сущности, вытекающей изъ Бога, нѣтъ никакого настоящаго бытія.

«Это можно неслыхать примѣромъ. Свѣтъ солнца, освѣщающій землю, есть сіяніе, исходящее изъ солнечной массы и кажущееся глазу разлитымъ по землѣ и во всемъ міровомъ пространствѣ.

¹ Авторъ, конечно, не употребляетъ этой специальной Кантовской терминологіи, но содержаніе соответственныхъ понятій въ его системѣ вполне тождественно съ содержаніемъ терминовъ „феноменъ и нуменъ“.

По простому пониманію выходитъ, что эти свѣтъ и сіяніе заключаются также и въ самой солнечной массѣ, излучающей видъ шара, ибо если свѣтъ распространяется на такіа далекія пространства, то въ своемъ источникѣ онъ подавно долженъ существовать. На самомъ же дѣлѣ, однако, этого не бываетъ. Именно въ источникѣ-то своемъ свѣтъ солнечный есть абсолютное ничто, такъ какъ онъ теряетъ свое бытіе по отношенію къ самому солнечному шару, откуда исходитъ. Солнце испускаетъ изъ себя лучи, освѣщающіе мировое пространство, все поднебесье и землю, т. е. то пространство, гдѣ нѣтъ самого солнца, и здѣсь свѣтъ его кажется чѣмъ-то реально существующимъ, есть *ничто* какъ бы отдѣльное отъ солнца; но въ самомъ своемъ источникѣ, въ шаровидной солнечной массѣ, этотъ свѣтъ есть *ничто*, ибо исчезаетъ въ своемъ источникѣ, въ своей причинѣ. *Реально существуетъ не свѣтъ, а само солнце.*

«Въ такомъ же отношеніи находятся всѣ созданія въ божественной живоносной силѣ Творца, дающей имъ бытіе, между тѣмъ какъ сами они, эти созданія, составляютъ только сіяніе и отблескъ, исходящіе изъ Источника Бытія, подобно лучамъ свѣта изъ солнца. Поэтому все твореніе теряетъ свое мнимое бытіе въ своемъ источникѣ, въ Творцѣ, какъ исчезаютъ лучи солнца въ самомъ солнечномъ шарѣ. Следовательно, мы можемъ называть вещи *существующими* только по отношенію къ нашему тѣлесному зрѣнію, не постигающему непосредственно настоящаго источника ихъ существованія—все одушевляющаго духа Божія... Приведенное сравненіе, однако, не совсемъ полно выражаетъ идею сравниваемаго: въ указанномъ примѣрѣ источникъ (солнце) вовсе не присутствуетъ въ освѣщаемомъ имъ мировомъ пространствѣ (кромѣ мѣста, занимаемаго имъ самимъ) и на землѣ, гдѣ свѣтъ его кажется чѣмъ-то реальнымъ; между тѣмъ какъ въ сотворенныхъ вещахъ всегда пребываетъ ихъ творческій Источникъ (Богъ), который только невидимъ тѣлесному взору»...

Эта глубокая идея, по мнѣнію Залмана, всецѣло выражена въ слѣдующемъ библейскомъ стихѣ: «*И познаешь въ сей день и утвердишь съ сердцемъ своимъ, что Госова есть Богъ въ небесахъ наверху и на землѣ внизу и что нѣтъ больше*» (Второзаконіе,

IV, 39). Слова: *нетъ больше* не означаютъ, что нѣтъ больше боговъ, кромѣ Іеговы, а выражаютъ ту мысль, что кромѣ Бога ничто въ вещественномъ мірѣ не имѣетъ реальнаго бытія, т. е. что внѣ Бога буквально и абсолютно *нетъ ничего*.

И такъ, видимый міръ есть лишь случайное и произвольное проявленіе Божества. Но въ такомъ случаѣ не есть-ли само Божество нѣчто сложное, состоящее изъ разнородныхъ началъ? Отсюда нѣтъ,—отвѣчаетъ авторъ.—Богъ есть абсолютное *простое единство*: Онъ и Его свойства (проявленія)—одно и то же. Нельзя даже сказать, что Богъ есть *душа* міра, ибо душа въ тѣлѣ земной твари есть дѣйствительно субстанція отличная отъ тѣла, и ее нельзя называть *причиною* существованія тѣла. Какъ душа, такъ и тѣло выводятся изъ состоянія небытія въ состояніе бытія (кажущагося) только незримою, но единственно сущою силою Творца, Его словомъ, волею, т. е. Его сущностью (ибо, какъ уже сказано, свойства и сущность Божества тождественны). Единственное подобіе, могущее дать хоть приблизительное понятіе объ отношеніи міра къ Богу, это—указанное выше отношеніе свѣтовыхъ лучей къ солнцу ¹.

Такова въ существенныхъ чертахъ теософія Залмана. Мы видимъ, что она совпадаетъ частью съ соотвѣствующими воззрѣніями Каббалы, частью же—съ ученіемъ Бешта. То, что Залманъ высказалъ въ приведенномъ отрывкѣ, Бештъ выразилъ въ своей прекрасной притчѣ о волшебномъ дворцѣ (мірѣ), изъза котораго не видать было царя (Бога) ². Воззрѣнія сходны и по существу даже тождественны, только приемы различны. Загадочный мистическій языкъ Каббалы и мудрая простота Бешта, умѣвшаго внушать массѣ самыя высокія понятія въ наглядной формѣ, сбѣняются у Залмана точными и сухими метафизическими положеніями, доступными пониманію только немногихъ высшихъ умовъ, привыкшихъ къ отвлеченному мышленію, но непонятными большинству. Здѣсь опять въ Залманѣ сказывается ученый литовець-талмудистъ, умственный аристократъ и теоретикъ по всему складу своего характера.

¹ Тамъ же, ч. II, §§ 4—12, и ч. I, §§ 20, 21 и 48.

² См. „Возникновеніе Хасидима“, „Восходъ“ 1888 г., кн. VIII, стр. 18—14.

Менѣе отвлеченнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе философскимъ характеромъ отличается главная часть творенія Залмана, предназначенная, какъ гласитъ и ея названіе, для «среднихъ людей», въ качествѣ религіознаго руководства. Первые главы этой части заняты ученіемъ о душѣ, тѣмъ, что можно назвать *религіозною психологіей*. Съ высоты метафизики авторъ спускается прямо въ глубь мистической догматики, гдѣ нужно не разсуждать, а вѣрить. Главныя положенія своего ученія о душѣ Залманъ заимствовалъ изъ практической Каббалы, но подробно развитіе, а также практическое примѣненіе ихъ принадлежать вполне ему. Сверхъ того, историческая заслуга автора состоитъ еще въ томъ, что онъ первый ввелъ въ хасидизмъ эту древнюю психологическую доктрину, которую хасидскіе первоучители почему-то игнорировали. Суть этого своеобразнаго ученія вотъ въ чемъ.

Въ каждомъ человѣкѣ имѣются двѣ различныя души: 1) *животная душа*, т. е. жизненная сила и источникъ всѣхъ чувствъ, и 2) *божественная душа*—источникъ высшаго духа и разума. Животная или чувственная душа, которой вмѣстилищемъ служатъ кровь и центръ кровообращенія — сердце, создана изъ четырехъ нѣвѣстныхъ физическихъ стихій—огня, воздуха, воды, земли. Этимъ четыремъ составнымъ частямъ ея соответствуютъ четыре порока чувственности или темперамента: огненная стихія порождаетъ гнѣвъ и гордость (такъ какъ природа огня — подниматься вверхъ); воздушная стихія — легкомысліе, хвастовство, суетность и суетловіе; водная стихія—лѣнь и жажду наслажденій, наконецъ, земляная стихія—лѣньность и флегматичность¹. Таковъ оригинальный законъ образованія темпераментовъ! Авторъ, однако, снѣшить прибавить, что животная душа есть источникъ не только дурныхъ, но и хорошихъ наклонностей. Пропорція зла и добра въ каждой такой душѣ зависитъ отъ того мѣста въ мірѣ «кали-

¹ Срав. краткій компендіумъ практической Каббалы Хаима Витала „Врата святости“ *שער השם* (Варшава, 1851), стр. 4—5, откуда Залманъ заимствовалъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, основы своего ученія. Здѣсь животная душа называется прямо „стихійною“ (*לחיות*).

подъ» (въбожественныхъ началъ или сущностей, раздѣляющихся на добрыя и злыя), изъ котораго душа взята ¹.—Гораздо высшаго свойства—вторая душа, божественная или разумная. Она есть истинная *частица Божества*, дыханіе устъ Его, и о ней-то именно сказано въ Книгѣ Бытія: «И *вдохнулъ* Господь въ ноздри его душу живую». Она вытекаетъ изъ божественнаго разума и сосредоточивается главнымъ образомъ во вмѣстилищѣ человѣческаго разума—въ мовгу, въ головѣ. Это положеніе вполне соотвѣтствуетъ ея верховной роли: она создана, чтобы царствовать, силою сознанія, надъ тѣломъ и надъ низшею животною душою. Разумная душа имѣетъ также множество степеней, отъ которыхъ зависятъ различныя степени духовнаго совершенства людей ².

Божественная или разумная душа одарена десятью свойствами, соотвѣствующими извѣстнымъ десяти творческимъ силамъ Каббалы (*сефиротъ*), черезъ которыя Богъ создалъ міръ. Главныя свойства, коихъ всего *три*, выражаютъ сущность разумной души. Общее имъ названіе—*разумъ*, какъ терминъ родовой, а видовыя названія слѣдующія: *мудрость* (תבונה), т. е. разумъ пассивный, in potentia; *пониманіе* (תבונה), т. е. разумъ активный, къ чему либо прилагаемый, и *познаніе* (תבונה), т. е. тѣсное единеніе познающаго субъекта съ познаваемымъ объектомъ, дающее намъ возможность *созерцать* безконечное и сливаться духовно съ Божествомъ (ибо послѣднее сокрыто во всѣхъ познаваемыхъ вещахъ). Изъ этихъ трехъ главныхъ *умственныхъ* свойствъ души вытекаютъ остальные семь свойствъ *нравственныхъ*, какъ-то: *милость*, *крѣпость* духа, внутренняя *красота* и проч., сообразно именамъ каббалистическихъ «сефиротъ». Тѣ же умственныя свойства служатъ источникомъ чистой *религиозности*. Силою «пониманія» мы постигаемъ присутствіе Бога во всемъ внѣшнемъ видимомъ мірѣ, убѣждаемся въ томъ, что Онъ одинъ имѣетъ дѣйствительное бытіе, а все прочее есть только форма Его проявленія и имѣетъ бытіе призрачное, вслѣдствіе чего мы проникаемся *страхомъ* Божиимъ и религиознымъ *благоговѣніемъ*

¹ Идл., ч. I, § 1.

² Ibid., § 2.

(лшт). Силою же «познанія» мы непосредственно созерцаемъ Божество, сливаемъ свою мысль съ Его мыслью, воюя наша со-составляетъ частипу, отождествляемъ свое мнимое бытіе съ Его дѣйствительнымъ бытіемъ, вслѣдствіе чего насъ охватываетъ чувство безконечной любви къ Виновнику нашего существова-нія (лгзм). А на этихъ двухъ эмоціяхъ—страхѣ и любви—зак-рется все зданіе вѣры ¹.

Но вѣра не должна быть только созерцательною: она дол-жна быть также, и въ большей еще степени, *дѣятельною*. Для доказательства этого религіозная психологія выдвигаетъ новую аксіому. Божественная душа,—говоритъ она,—имѣетъ на себѣ три покроя (שלוש): *мысль, слово и дѣло*. Это значить, на нашемъ языкѣ, что внѣшняя дѣятельность души прояв-ляется въ трехъ названныхъ видахъ. Эта дѣятельность должна быть направлена главнымъ образомъ на религіозныя функціи. «Мысль» проникаетъ въ тайны Божественнаго бытія и созер-цаетъ безконечную мудрость Творца; «слова» облакается въ *изученіе* словъ закона, завѣщанныхъ намъ Богомъ и бого-вдохновенными людьми; «дѣло» сосредоточивается въ *исполненіи* всѣхъ 613 заповѣдей согласно духу Св. Писанія и толкованіямъ талмудистовъ. Эти заповѣди, какъ извѣстно, дѣлятся на 365 отрицательныхъ и 248 положительныхъ. Стимуломъ къ нена-рушенію первыхъ служитъ страхъ Божій; стимуломъ къ соблю-денію вторыхъ служитъ любовь ².

Мы спускаемся все ниже и ниже. Теперь мы уже стали на границѣ религіозной психологіи и практической догматики въ тѣсномъ смыслѣ. Но прежде чѣмъ заняться анализомъ послѣд-ней, отмѣтимъ еще одинъ тезисъ, относящійся къ предыдуще-му изложенію. Тезисъ этотъ касается *взаимнаго отношенія между двумя душами*—животною и разумною. Выше уже упомянуто, что и животная душа заключаетъ въ себѣ и злыя и добрыя на-чала; въ ней даже имѣются, въ видѣ безсознательныхъ началъ, тѣ нравственныя качества, которыя вытекаютъ изъ свойствъ души разумной; но все это не есть божественное, а только—

¹ Ibid., § 33.

² Ibid., § 4.

нѣнайка Божества, «скорлуна» Его (лѣтъ ити мѣд). Ибо все, что внѣ Божества, что не теряется въ Немъ, что считаетъ себя чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ Него, само по себѣ нечисто, тѣнно. Животная душа, находящаяся въ центрѣ кровообращенія—въ сердцѣ, можетъ порождать въ человѣкѣ и добрыя инстинкты или желанія, невозбращаемыя закономъ, но всѣ такія инстинкты и желанія тогда только очистятся и освятятся, если по велѣнію высшаго разума они будутъ направлены исключительно на усовершенствованіе божественной души. Божественная (разумная) душа—эта госпожа, а животная (чувственная) душа—ея рабыня, которая нужна лишь постольку, поскольку она служитъ своей госпожѣ, отдается ея интересамъ и угождаетъ ей. *Чистый разумъ долженъ властвовать надъ чувствами; умъ долженъ повелевать сердцу*, но отнюдь не наоборотъ. Въ микрокосмѣ, именуемомъ человѣкомъ, происходитъ постоянная борьба между обѣими душами—высшей и низшей. Въ однихъ разумная душа одерживаетъ верхъ и подавляетъ свою соперницу: это—праведники; въ другихъ одолеваетъ животная душа: это—грѣшники; въ третьихъ успѣхъ борьбы постоянно колеблется между воюющими сторонами: это—люди средніе, большинство. Первыхъ нѣтъ надобности учить, вторыхъ бесполезно учить, а для третьихъ—для средняго большинства—авторъ написалъ свою книгу ¹.

Чему же онъ ихъ учить на практикѣ?

Продолжая цѣпь своихъ умовключеній, Залманъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Что такое Св. Писаніе со всѣми его заповѣдями и многочисленными изъ этихъ заповѣдей выводами, сдѣланными нашими учителями? Конечно—непосредственная воля и мудрость Божія, воплощенныя въ словахъ. Но мы вѣдь знаемъ, что свойства и силы Божества (а въ томъ числѣ также воля и мудрость) неотдѣлимы отъ Его сущности и составляютъ съ нею единство; стало быть, въ поученіяхъ и завѣтахъ нашихъ священныя книгъ скрыта Вѣчная Сущность, которой мы обязаны нашимъ бытіемъ. Согласно вышеприведеннымъ теософическимъ законамъ, наше лич-

¹ Ibid., §§ 6—12.

ное бытіе есть только призракъ и тогда лишь получаетъ значеніе, когда погружается въ свой первоначальный источникъ—въ Высшее Бытіе. Этого погруженія можно достигнуть силою повнанія, напряженіемъ разумной души, а дойти до такого состоянія не очень трудно, ибо, какъ говорить Моисей вѣрующему: «Влиокъ къ тебѣ сей предметъ, и уста твои и сердце твое въ силахъ его совершить». Стоитъ только углубиться въ изученіе божественныхъ заповѣдей—прямое выраженіе высшей воли—и отдать всѣ силы свои ревностному ихъ соблюденію, чтобы слить свое призракное существованіе съ Вѣчною Сущностью. Понять или познать что нибудь значить *обнять* это «что нибудь» своимъ разумомъ, воплотить его въ себѣ; слѣдовательно, разумъ, углубляющійся въ изученіе заповѣдей и мыслей Божіихъ, обнимаетъ и воплощаетъ въ себѣ скрытую въ нихъ мудрость Бога, тождественную съ Его сущностью; исполняя эти заповѣди на дѣлѣ, человекъ исполняетъ, т. е. воплощаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, волю Божію. А это-то именно и значить «*жить съ Богомъ*», сливаться съ Его вѣчнымъ, реальнымъ бытіемъ¹. Такимъ образомъ самый отвлеченный принципъ религіозной метафизики или теософіи приводитъ къ самому осязательному практическому результату.

Этотъ выводъ составляетъ главный узелъ всей системы, ея срединный устой. Залманъ особенно настаиваетъ на немъ и подчеркиваетъ его многочисленными доводами и поясненіями. «Человекъ (говоритъ онъ), постигающій умомъ какой нибудь религіозный законъ, тѣмъ самымъ постигаетъ и охватываетъ своимъ духомъ волю и мудрость Бога, коего непосредственно никакая мысль не въ состояніи постичь... а это—такое чудное единеніе между человекомъ и Богомъ, какого и представить себѣ нельзя въ мірѣ вещественномъ,—единеніе абсолютное, всестороннее... Изучая *Тору* (законы вѣры), человекъ облакаетъ ее въ свой духъ. Тору можно назвать хлѣбомъ и питаніемъ души, ибо какъ матеріальный хлѣбъ питаетъ тѣло, превращаясь внутри его въ кровь и плоть, и составляетъ условіе физическаго существованія, такъ и Тора, если только человекъ изу-

¹ Ibid., §§ 5, 35, 37, 38.

часть ее со всюю сосредоточенностью мысли и сливаетъ ее во-едино съ своимъ разумомъ, становится лицемъ и причиною жизни разумной души, будучи сама воплощеніемъ разума Живнотдателя»¹. Въ этомъ именно смыслѣ авторъ толкуетъ глубокомысленное Зогаритское изреченіе: «*Богъ и ученіе Его—одно и то же*» (תּוֹרַת מֹשֶׁה וְדַבְרֵי מִלְחָמָה). Существо Бога неотдѣлимо отъ Его свойствъ, изъ коихъ одно есть Его воля, выраженная въ заповѣдяхъ религіи. Слѣдовательно, «человѣкъ, исполняющій какую либо заповѣдь, дѣлается какъ бы тѣломъ (пріемникомъ) для души и воли Высшаго. Поэтому и члены тѣла, физически исполняющіе данную заповѣдь (напр., рука, раздающая милостыню, ноги, идущія въ молитвенный домъ, уста, произносящія слова Св. Писанія), воплощая въ себѣ въ тотъ моментъ божественную волю, становятся сами вмѣстѣлицемъ Божества и чрезъ сіе освящаются»²...

Посредствомъ примѣненія силъ *мысли и слова* къ предметамъ вѣры, т. е. посредствомъ изученія или проповѣдыванія религіозныхъ истинъ, человѣкъ отождествляетъ свою *разумную* душу съ существомъ Божіимъ; посредствомъ же приложенія къ означеннымъ предметамъ физическаго *дѣйствія*, въ видѣ *исполненія* законовъ, человѣкъ облакаетъ «высшимъ свѣтомъ» и свою *животную* душу и даже члены своего тѣла, участвующіе въ томъ исполненіи³. Такимъ образомъ злое, вѣвбожественное начало превращается въ доброе и божественное начало, и человѣкъ становится тѣмъ, чѣмъ быть долженъ—идеальнымъ духовнымъ существомъ⁴. Подобно тому, какъ свѣтъ лампы со-провождается всегда горѣніемъ фитиля, съ коимъ огонь соединяется посредствомъ масла, такъ и высшій свѣтъ, чтобы озарить человѣка, долженъ сопровождаться непремѣнно горѣніемъ и истребленіемъ животной души (т. е. грубыхъ ея свойствъ)—этого фитиля человѣческаго существа,—масломъ же, поддерживающимъ это горѣніе, служатъ добрыя дѣла. Только такимъ путемъ мракъ превращается въ свѣтъ, тлѣнное—въ вѣчное⁵.

¹ Ibid., § 5, къ концу.

² Ibid., § 23.

³ Ibid., § 35.

⁴ Ibid., §§ 35 и 53.

⁵ Ibid., §§ 24—25.

Обратное совершается въ случаяхъ нарушенія божественной воли, выраженной въ заповѣдяхъ. Нарушая даже самый менѣйшій изъ 365 запретительныхъ законовъ, человекъ пятнаетъ и омрачаетъ свою божественную душу и въ моментъ нарушенія еще болѣе далекъ отъ Бога, чѣмъ самая нечистая тварь или языческий идолъ. Переступая волю Божию, онъ тѣмъ самымъ отдѣляется отъ самого Бога, источника истинной жизни и свѣта ¹.

Сознательность въ дѣлѣ вѣры безусловно необходима. Безсознательное исполненіе законовъ, хотя бы и проникнутое искреннимъ чувствомъ, не составляетъ вида полнаго единенія съ Богомъ. Нужно *знать* исполняемые и подлежащіе исполненію законы, изучать ихъ происхожденіе, взаимную связь и развитіе,—знать, откуда выведенъ тотъ или другой законъ и какими толковательными, кавустическими способами онъ выведенъ изъ другихъ законовъ, словомъ—необходимо предаваться изученію не только Св. Писанія, но и талмудической и раввинеской премудростей. Ибо воля Божія воплощена не только въ практическихъ законоположеніяхъ, но и въ теоретическомъ ихъ изслѣдованіи ². Авторъ идетъ еще дальше и утверждаетъ, что *изученіе закона есть еще болѣе высокій видъ единенія съ Богомъ, чѣмъ исполненіе закона*, такъ какъ въ первомъ случаѣ единеніе съ волею Божества, выраженною въ словахъ св. книгъ, совершается при посредствѣ *разумной* души, во второмъ же—посредствомъ *животной* души и физическихъ актовъ. Ученіе важнѣе даже молитвы — этого высшаго выраженія практической религіозности ³. Авторъ повторяетъ извѣстное талмудическое изреченіе: «Съ тѣхъ поръ какъ разрушенъ храмъ, Господь Богъ весь замкнулся въ четырехъ локтяхъ *Галахи*» (заповѣдній),— и объясняя это изреченіе въ смыслѣ сосредоточенія воли Божіей въ религіозныхъ книгахъ, настаиваетъ на первостепенной важности изученія послѣднихъ ⁴. Это возрѣніе логиче-

¹ Ibid., § 52.

² Ibid., § 23. גדולה מעלת' העוסק בחוקה יותר מכל הסגרות ומעילו כחללה שיהי' יחוד.
עולמות עשויים.

³ Ibid., §§ 34 и 58.

⁴ Ibid., § 41.

скія вытекаютъ изъ основной психологической теоріи Залмана, гласящей, что источникомъ истинной вѣры служитъ разумная душа съ своими высшими тремя свойствами: Мудростью, Пониманіемъ и Познаніемъ (תבונה), и отводящей *чувству* въ дѣлѣ религіи низшее, служебное мѣсто.

Свой крайній религиозный *рационализмъ* (теорію о верховенствѣ разума въ дѣлѣ вѣры) Залманъ распространяетъ даже на область непосредственныхъ внутреннихъ эмоцій. По его мнѣнію, непосредственное или естественное чувство ниже чувства, вырабатываемаго путемъ отвлеченныхъ умозаключеній. Такъ, онъ часто повторяетъ, что *страхъ* (благобовѣніе) и *любовь* составляютъ два главныхъ начала вѣры, «два крыла, поднимающія духъ человѣческой вверхъ». Страхъ безъ любви, или любовь безъ страха недостаточны для подъема духа, подобно тому, какъ птица съ однимъ крыломъ летать не можетъ¹. При этомъ авторъ въ названныхъ чувствахъ различаетъ два разряда: низшій и высшій. Къ низшему принадлежатъ религиозныя чувства любви и страха, прирожденные человѣку какъ нѣчто естественное, присущія въ особенности каждому еврею въ силу наслѣдственности, непосредственныя и безсознательныя (עושה יוטת ילולת); къ высшему же разряду причисляются тѣ религиозныя чувства любви и страха, которыя, какъ упомянуто выше, составляютъ продуктъ высшихъ трехъ свойствъ разумной души и вытекаютъ изъ сознательнаго созерцанія Божества, изъ отвлеченнаго мышленія, подсказывающаго намъ, что наше призрачное бытіе должно исчезать въ реальномъ бытіи Бога, какъ лучъ въ солнцѣ (עושה יוטת ילולת). Чувствами первого рода обладаетъ даже невѣжественный простолюдинъ, и ихъ нечего ставить въ заслугу; чувства же второго рода суть достояніе умовъ мыслящихъ, и они-то вмѣняются человѣку въ заслугу, такъ какъ достаются ему не легко, а путемъ долгой сознательной работы надъ собою и напряженнаго самоуглубленія. Сверхъ того, естественныя чувства любви и страха поддерживаютъ въ человѣкѣ только пассивную вѣру въ Творца,—вѣру, при которой вообще спокойнѣе жить и безъ которой люди

¹ Ibid., § 41.

были бы несчастны; между тѣмъ какъ сознательно выработанныя высшія чувства любви и страха приводятъ человѣка къ дѣятельному осуществленію соотвѣтствующаго такому чувству идеала, т. е. къ жизни въ Богѣ, къ самоуничтоженію въ Высшемъ Бытіи. Первыя—временныя, эгоистичны и удовлетворяютъ личной потребности человѣка; вторыя—вѣчны, самоотверженны и приводятъ къ отрѣшенію отъ своего я ради слиянія съ Божествомъ. Только тотъ достигъ идеала вѣры, кто можетъ сказать о себѣ, обращаясь къ Богу, словами псалмиста: «Тебя, Господи, *ожидаетъ* душа моя и *измолгаетъ* отъ желанія увидѣть Тебя!», т. е. тотъ, кто всѣмъ существомъ своимъ сознаетъ, что жизнь внѣ Бога для него немислима и что единственное блаженство заключается въ сознательномъ самоуполеніи своей личности въ Высшемъ Источникѣ¹.

Такова, во всѣхъ существенныхъ своихъ чертахъ, эта замѣчательно стройная религіозная система, выработанная умомъ несомнѣнно глубокимъ, можетъ быть—даже гениальнымъ. Передъ нами прошли мѣрнымъ строемъ цѣлые ряды умозаключеній метафизическихъ, психологическихъ и богословско-догматическихъ. Все здѣсь—связно, послѣдовательно, систематично. Непрерывная цѣпь силлогизмовъ соединяетъ самыя общіе отвлеченныя принципы съ самыми мелкими практическими выводами. Конечно, пуская въ дѣло свободный критическій анализъ, нетрудно разбить эту красивую постройку; но стоя на почвѣ религіи и допуская известныя догматическія положенія, вамъ трудно будетъ, напротивъ, не поддаться обаянію этой величественной, во всѣхъ частяхъ своихъ симметрично расположенной системы, столь ясно, повидимому, разрѣшающей высшіе, вѣчные вопросы бытія, познанія и вѣры... Это обаяніе будетъ, можетъ быть, непродолжительно. Восхищая вашъ умъ, ученіе Залмана вызоветъ, можетъ быть, глухой протестъ въ глубинѣ вашего чувства; васъ не удовлетворитъ эта безстрастная религіозная математика; холодно и неудобно будетъ вашей душѣ въ этихъ высокихъ пространствахъ, гдѣ все тонетъ въ волнахъ какого-то абстрактнаго Бытія, гдѣ жи-

¹ Ibid., 16, 18, 19, 41, 44, 50.

вая особь обязательно обезличивается и обречается на непрерывное самоуничтоженіе мысленное. Въ такомъ смыслѣ высказались бы и мы, еслибъ только намъ предстояла задача критически разобрать систему Залмана; но мы принимаемъ не критику, а исторію, кою которой должны быть чужды личные симпатіи и антипатіи или собственное міросозерцаніе пишущаго. Единственно возможная и даже необходимая для насъ въ данномъ случаѣ оцѣнка—это оцѣнка историческая, т. е. опредѣленіе отношенія доктрины Залмана къ общему ученію хасидизма, всего она составляетъ часть, а также значенія ея въ ходѣ развитія хасидской секты. Объ этомъ мы теперь и поведемъ рѣчь.

Можно-ли считать ученіе Залмана, выступившее подъ знаменемъ хасидизма, прямымъ продолженіемъ ученія Башта, основателя хасидизма? Очевидно, нѣтъ. Поверхностному исследователю можетъ, пожалуй, показаться, на основаніи внѣшняго сходства обонхъ ученій, будто Залманъ только развивалъ принципы Башта; но думать такъ значитъ не замѣчать рѣзкаго существеннаго различія между этими ученіями,—различія въ духѣ, въ направленіи. И въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ ядро Баштова ученія, его отличіе отъ раввинизма и предшествовавшихъ ему мистическихъ системъ?—Въ томъ, что это ученіе *обладало чувством*, а не умъ истиннокамъ истинной реальности¹. Первоучитель хасидизма то и дѣло твердилъ, что раввинское воззрѣніе—будто суть вѣры въ знаніи законовъ и въ богословской учености—ложно и вредно; что *молитва*, простая и сердечная, составляетъ высшее выраженіе религіознаго чувства; что простодушнѣе, съ жаромъ и сердечнымъ умиленіемъ произносящій ежедневно на ру псалмовъ, нисколько не ниже, а порою даже и выше многоученаго мужа, посвящающаго всю свою жизнь холодному штудированію Талмуда со всѣми его мудреными толкованіями. Нѣкоторые изъ сподвижниковъ Башта, въ родѣ его апостола Яковъ-Иосифа, пошли, какъ мы видѣли, еще дальше, и громили раввинскій принципъ «религіозной учености», раввиновъ-законовѣдовъ и книжниковъ съ необыкновенною занальчивостью. Они доходили до того, что прямо совѣтовали своимъ послѣдователямъ «по-

¹ См. „Возникновеніе хасидизма“, „Восходъ“ 1888, вл. IX, стр. 18, п. 4.

вѣнше заниматься книжнымъ ученіемъ», исушающимъ сердце, и побольше отдаваться непосредственному религиозному созерцанію и молитвѣ¹. Что же проповѣдуетъ подъ именемъ хасидизма Залманъ, непосредственный ученикъ Бештова преемника?

Вся вышеназванная «религіозная психологія» Залмана направлена къ тому, чтобы доказать безусловное превосходство разума надъ чувствомъ въ дѣлѣ вѣры, т. е. чтобы установить нѣчто прямо противоположное исходной точкѣ первоначальнаго хасидизма. «Чувственная душа» объявляется нечистою и отдается въ полное рабство «разумной душѣ»; всякое непосредственное сердечное движеніе, хотя бы и доброе, возвышенное, получаетъ цѣну лишь тогда, когда «очищается» и осмыщается высшимъ разумомъ; всякое благородное естественное чувство по достоинству ниже, чѣмъ выводъ разума. *Головной* элементъ въ религіи объявляется господствующимъ, а *сердечный* — подчиненнымъ. Молитва вовсе не занимаетъ перваго мѣста въ религиозномъ культѣ: изученіе закона выше ея². О религиозномъ экстазѣ — главномъ фокусѣ первоначальнаго хасидизма — Залманъ неохотно распространяется. «Экстазъ» въ его системѣ замѣняется абстрактною работою ума, *напряженіемъ мысли*, приводящимъ къ идеѣ самоисчезновенія въ Богѣ и доступнымъ лишь высшимъ умамъ. Изученіе Торы составляетъ высшій видъ единенія человѣка съ Богомъ (болѣе высокій чѣмъ молитва), такъ какъ въ словахъ св. книгъ воплощена мысль и воля Божія, которыя въ моментъ ивученія перевоплощаются въ умѣ ивучающаго... Но развѣ это—не тотъ же принципъ книжнаго раввинизма, только иначе обставленный? Раввинизмъ утверждаетъ, что ивученіе Талмуда и всей богословской письменности составляетъ высшую заслугу человѣка просто потому, что такое—завѣтъ Божій, переданный намъ талмудистами; Залманъ настаиваетъ на томъ же принципѣ, но только старается офилософствовать его, объясняя, что цѣль религиозной науки — обще-

¹ Ср. „Возникн. цадикизма“, „Восходъ“ 1890 г., кн. I, стр. 31, прим., и выше, гл. VI. Ср. также сборникъ изреченій сподвижниковъ Бешта п. в. ירמי' שרם гдѣ сказано: וְהָיָה לְךָ לְעֵלְךָ לְלִבְךָ—לְלֵבְךָ לְלֵבְךָ (Львов. изд. 1862 г., стр. 3).

² См. выше и мѣл., I, § 28.

ніе съ Богомъ посредствомъ воплощенія Его мысли въ своей мысли. Очевидно, что такимъ объясненіемъ раввинизма приоб- рѣтаетъ только лишнее могущественное доказательство въ свою пользу. Но, въ такомъ случаѣ, куда же дѣлся протестъ Беш- това ученія противъ книжниковъ — эта соль первоначальнаго хасидизма? Да и вообще не перевернуть-ли послѣдній вверхъ дномъ въ системѣ Залмана? Можно-ли примирить столь рѣзко противоположныя начала, какъ преобладаніе *чувства* и преобла- даніе *разума* въ дѣлѣ вѣры?

И такъ, несомнѣнно, что по общему духу и направленію су- ществуеетъ коренное различіе между бештіанизмомъ и доктри- ною Залмана, не смотря на одинаковость ихъ исходныхъ пунктовъ. Но чтобы провести *полную параллель* между обои- ми ученіями, чтобы отмѣтить черты сходства и несходства между ними въ частностяхъ и практическихъ выводахъ, необ- ходимо сравнивать ихъ по пунктамъ, ибо тогда только намъ вполне выяснится значеніе реформы, произведенной Залманомъ въ хасидизмѣ. Въ жизнеописаніи Бешта мы формулировали систему первоначальнаго хасидизма въ одиннадцати пунктахъ¹. Сопоставимъ эти пункты вкратцѣ съ соответствующими пунк- тами системы Залмана — и легко найдемъ искомое.

а) Въ теософическомъ догматѣ *всеобщія* обѣ системы сход- дятся; только у Бешта этому догмату дается простое, почти общедоступное объясненіе, а у Залмана онъ уже носитъ харак- теръ крайне отвлеченнаго метафизическаго начала.

б) Начало *взаимодѣйствія высшаго и низшаго міровъ* и влія- нія человѣка на направленіе воли Божества крайне ослаблено въ системѣ Залмана и даже почти сведено къ нулю. Имѣя го- раздо болѣе абстрактное понятіе о Богѣ, чѣмъ первоучитель хасидизма, Залманъ считалъ недостойнымъ своего высокаго міросозерцанія поддерживать теорію, приписывающую людскимъ дѣйствіямъ вліяніе на высшія сферы. Можетъ-ли лучъ измѣ- нить въ чемъ либо составъ солнца? Можетъ-ли призракное бы- тіе вліять на Реальное Бытіе, тѣнь — на предметъ, коего она есть отраженіе? Идеаль вѣры — въ томъ, чтобы не придавать

¹ „Возв. хасидизма“, „Восх.“ 1888 г., кн. IX, стр. 12—14.

никакого значенія своей личности, а, напротивъ, стремиться къ потопленію ея въ личности Божества, посредствомъ постоянного духовнаго общенія съ Нимъ, съ Его мыслью, словами и волею, воплощенными въ священныхъ заповѣдяхъ. Исполняя или изучая эти заповѣди, человѣкъ благодѣтельствуешь себѣ, спасаетъ свою душу, какъ спасается утлая лодочка среди безбрежнаго океана, прицѣпляясь къ огромному кораблю. Въ одномъ мѣстѣ Залманъ даже прямо говоритъ: «Не слѣдуетъ думать, будто на Господа производятъ впечатлѣніе событія и превратности міра, или даже самый міръ. Все это не вызываетъ въ Немъ ровно никакого измѣненія»¹. Эти слова уже прямо противорѣчатъ одному изъ основныхъ началъ практической Каббалы (которой авторъ вообще сильно придерживается), а также одному изъ исходныхъ пунктовъ украинскаго хасидизма.

с) Обѣ сравниваемыхъ системы совершенно согласны въ томъ, что *общеніе съ Богомъ* есть высшая цѣль всякаго культа и должно быть идеальной цѣлью всей жизни человѣка; онѣ только отчасти расходятся въ выборѣ средствъ «общенія». Первоначальный хасидизмъ полагаетъ достаточнымъ для упомянутой цѣли «сосредоточеніе мыслей на Богѣ и сведеніе къ Нему всѣхъ жизненныхъ явленій»; Залманово же ученіе наираетъ главнымъ образомъ на необходимость абстрактнаго мышленія и самоуничтоженія личности въ Богѣ. Тутъ, впрочемъ, разница лишь въ оттѣнкахъ мысли, которая въ силу своей обширности (можно даже сказать—бесконечности) допускаетъ самыя разнообразныя выраженія.

д) Пунктъ этотъ въ нашемъ резюме ученія Бешта формулированъ слѣдующимъ образомъ: «Сущность вѣры—въ чувствѣ, въ непосредственномъ сознаніи, а не въ умѣ и логическомъ познаніи; чѣмъ страстнѣе, воодушевленнѣе это чувство, тѣмъ ближе человѣкъ къ Богу». Мы уже видѣли, что вся система Залмана есть протестъ противъ этого положенія, ибо считаетъ источникомъ вѣры отвлеченный разумъ, а все, что исходитъ изъ непосредственнаго чувства, одобряетъ не иначе, какъ послѣ «очищенія» въ горнилѣ «мудрости, пониманія и познанія».

¹ исл., ч. I, § 42.

е) Теорія объ *экстазѣ и восторженной молитвѣ* значительно видоизмѣнена въ системѣ Залмана, гдѣ она вообще не занимаетъ первостепеннаго мѣста, какъ въ бештіанизмѣ. Последній, какъ извѣстно, придавалъ огромное практическое значеніе мистическому экстазу, какъ вѣрнѣйшему средству единенія съ Богомъ, а молитву считалъ высшимъ проявленіемъ такого экстаза, который, какъ продуктъ чувства, можетъ быть доступенъ и среднему человѣку, долженъ «хватывать не только душу, но и тѣло (шорывистыя тѣлодвиженія и вскрикиванія во время молитвы). Не такъ думалъ Залманъ. Онъ вообще старается избѣгать любимыхъ хасидскихъ словъ: «экстазъ», «восторженное состояніе», «воспламененіе» (פרצת האלהות) и т. п., а на мѣсто ихъ ставитъ свои термины: «Торжество разумной души надъ чувственной», «высочайшее отвлеченіе мыслей», «воплощеніе мудрости Бога въ мысли человѣка» (התעלות המוחית של האלהות במוח האנושי). Онъ также признаетъ необходимость восторженнаго настроенія, но требуетъ, чтобы послѣднее было результатомъ чисто-умственныхъ процессовъ, отвлеченнаго мышленія или созерданія, и чтобы къ нему не примѣшивалось чувственнаго или тѣлеснаго возбужденія. Въ этомъ пунктѣ сынъ Залмана, Беръ (впослѣдствіи расширившій систему отца), видитъ даже главную отличительную черту ученія «раціональнаго хасидизма». Вотъ что онъ говоритъ въ самомъ началѣ своего небольшого «Трактата о восторженности»: «Я начну прежде всего съ опредѣленія общихъ различій между старымъ хасидскимъ направленіемъ и тѣми хасидскими путями, которые начерталъ намъ въ свѣтѣ мудрости своей нашъ покойный отецъ и учитель. Главною цѣлью его священнаго служенія духовнымъ интересамъ своей паствы было, какъ я не разъ слышалъ изъ собственныхъ его устъ, утвердить въ сознаніи вѣрующахъ божественное откровеніе такимъ способомъ, чтобы восторженность ихъ души была непрямѣнно божественнаго (религіознаго) свойства, а не возбужденіемъ плотской жизненности, которое вовсе не есть религіозная восторженность. Въ этомъ—вся разница между служащими Богу своею душой и служащими Ему своимъ тѣломъ... На дѣлѣ мы видимъ, что толпа впадаетъ въ экстазъ отъ чисто-внѣшнихъ вліяній, какъ, напр., отъ страш-

ныкъ представленийъ въ умѣ и воображеніи, отъ криковъ во время молитвы, потрясающихъ плоть; причежь внутренняго свѣта и жизненности вовсе нѣтъ, а въ мозгу нѣтъ никакого впечатлѣнія отъ созерцанія Божества... Но это все есть кожная восторженность, кипѣніе сердца и крови отъ несвященнаго огня»¹. Такимъ образомъ проводится рѣкая раздѣльная черта между двумя родами экстаза: *душевнымъ* и *тѣлеснымъ*, которые у южныхъ хасидовъ до сихъ поръ смѣшиваются и въ теоріи, и на практикѣ. Залманъ, какъ трезвый сѣверянинъ и рационалистъ, не допускалъ ни подъ какимъ видомъ того тѣлеснаго экстаза, тѣхъ механическихъ операций и неистовыхъ тѣлодвиженій во время молитвы, которыя первоучителями хасидизма, этими пылкими южанами, рекомендовались какъ средство отвлекаться отъ мірекой суеты и всецѣло вливаться въ молитвенномъ восторгѣ². Онъ полагалъ возможнымъ достигать состоянія высшаго восторга посредствомъ одного только умственнаго созерцанія, посредствомъ сильнаго напряженія мысли и воли и сосредоточенія ума на смыслѣ произносимыхъ словъ молитвы³. Послѣдователи Залмана усвоили себѣ его взглядъ, и благодаря этому хасидское богослуженіе на сѣверѣ сдѣлалось гораздо благообразнѣе и порядочнѣе, чѣмъ на югѣ, гдѣ хасидъ до сихъ поръ еще не можетъ представить себѣ молитву иначе, какъ въ формѣ отчаянной трескотни, хлопанія, прыганія, неистовыхъ восклицаній и самыхъ необузданныхъ выходовъ разгоряченной фантазіи.

f) Вещь твердилъ, что «изученіе законовъ Тѣры имѣеть лишь второстепенное значеніе», и презрительно относился къ занятію талмудическою казуистикой; Залманъ же, какъ мы видѣли, ставилъ изученіе *Торы* (подъ коей онъ подразумѣвалъ главнымъ образомъ талмудико-раввинскую письменность) на

¹ *Губернскій вѣстникъ*, нов. Варшав. изд. 1876 г., л. 3—4.

² „Возники хасидизма“, „Восходъ“ 1888 г., кн. VIII, стр. 7—8.

³ Въ обширной спеціальной главѣ „О молитвѣ“, помѣщенной въ большомъ съ комментаріями „Молитвенникѣ“ Залмана (תפלה וקשר, Бердичевъ, стр. 1815, т. I, л. 27—38), авторъ говоритъ о каббалистическомъ значеніи молитвы, о необходимости сосредоточенія мысли на ея словахъ и даже буквахъ, но не упоминаетъ ни объ иструженіи, ни о вѣдѣнныхъ молитвенныхъ приемахъ хасидовъ.

первый планъ и цѣнилъ его даже выше молитвы. Неоднократно онъ высказывается въ томъ смыслѣ, что даже въ мальчишкѣ казуистическихъ разсужденіяхъ талмудистовъ скрыта «божественная мудрость», заниматься которою значитъ имѣть общеніе съ Богомъ ¹.

г) Противъ аскетизма и печальнаго настроенія Залманъ востаетъ подобно Бешту, хотя и не съ такою рѣзкостью. Онъ признаетъ нецѣлесообразность постничества и истязанія плоти лишь потому, что «люди нашего поколѣнія не въ силахъ выдержать ихъ въ таковой мѣрѣ, какъ поколѣніе Исаака Лурія (творца аскетической мистики)» ². Въмѣсто печальнаго настроенія онъ также рекомендуетъ бодрость духа, дающую возможность всѣми силами служить Богу, но въ этому присовокупляетъ, что ободрять и оживлять надо только «божественную (разумную) душу»; животную же, чувственную душу необходимо вѣчески сокрушать ³. Въ такомъ воззрѣніи нельзя не усмотрѣть половиннаго аскетизма, отъ склонности къ которому Залманъ, вслѣдствіе своего суроваго воспитанія и свойственнаго литовцамъ стоицизма, никакъ не могъ вполне освободиться.

h) Противъ излишней мелочности и формальности обрядовъ, доведенныхъ раввинизмомъ до чудовищныхъ крайностей, Залманъ не только не воставалъ, подобно первоучителямъ хасидизма, но даже поддерживалъ ихъ со всею силою своего авторитета. Нарушеніе «малѣйшаго обряда, установленнаго книжниками», равносильно въ его глазахъ самому тяжкому грѣху, ибо и въ словахъ книжниковъ воплощена мысль Божія, какъ и въ словахъ Св. Писанія ⁴. Риторизмъ, совершенно чуждый Бешту и его сподвижникамъ, составляетъ отличительную черту вождя сѣверныхъ хасидовъ. Мистикъ въ Залманѣ не подавилъ строгаго и ревностнаго въ мелочахъ раввина. Да и могъ-ли быть инымъ авторъ усовершенствованнаго «Шулхонъ-Оруха»?..

i) Начало равенства людей Залманъ теоретически признавалъ; но это не мѣшало ему дѣлить людей на разряды по сте-

¹ итг., ч. I, §§ 5, 52 и 53.

² Ibid., ч. III, §§ 8-и 12.

³ Ibid., I, § 34.

⁴ Ibid., §§ 24 и 25, и въ приложеніи штрп глж, посланіе 23-е.

пени ихъ умственно-религіознаго развитія и проводить рѣвную грань между отвлеченно-мыслящимъ соверпатедемъ и человѣкомъ средняго ума. Въ противность мнѣнію Бешта, что праведникъ долженъ спускаться къ массѣ и бытьнисходительнымъ къ ея слабостямъ, онъ твердо держался мнѣнія, что люди высшаго разряда должны поднимать массу къ себѣ посредствомъ собственнаго примѣра и пастырскихъ увѣщаній, но не должны сами спускаться съ своей высоты въ недостойную ихъ низменную среду.

к) Способности *ясновидѣнія, пророчества и чудодѣйства* подѣвліаніемъ высшаго единенія съ Богомъ Залманъ рѣшительно отвергаетъ. Даже самому идеальному праведнику онъ нигдѣ не приписываетъ такихъ способностей и считаетъ ихъ вообще невозможными въ наше время.

1) Вслѣдствіе этого и въ силу вышеприведенныхъ особенностей своего міросозерцанія, Залманъ всецѣло отвергаетъ также теорію *цадикизма*—этотъ жизненный пульсъ южнаго хасидизма, этотъ восторженный культъ, замѣнившій для массы самую сущность хасидскаго ученія. Мы видѣли, до какихъ грубыхъ крайностей доведенъ былъ культъ цадиковъ въ произведеніяхъ и въ практической дѣятельности большинства преемниковъ Бешта и Бера. Залмана это крайне шокировало. Онъ не признавалъ не только *культа* цадиковъ, но и самаго *принципа*, положившаго ему начало. Праведникъ или цадикъ—это, по его мнѣнію, такой человѣкъ, который въ высшей степени усовершенствовалъ свою разумную душу и въ постоянномъ религіозномъ созерцаніи дошелъ до полнаго отождествленія своей мысли и воли съ мыслью и волею Божества, до погруженія своего бытія въ Высшее Бытіе. Такой человѣкъ отнюдь не призванъ (какъ думали Бештъ и его преемники) служить посредникомъ между простыми людьми и Богомъ въ дѣлѣ испрошенія милостей, ходатайства объ отпущеніи грѣховъ и т. п. Нѣтъ, праведникъ—это просто *учитель истины*, долженствующій наставлять своихъ послѣдователей, учить ихъ религіозному мышленію, очищать ихъ разумъ высокими, отвлеченными понятіями о началахъ и конечныхъ цѣляхъ религіи, давать имъ практическія правила служенія Господу и наконецъ поддерживать въ нихъ пропо-

вѣдью священный огонь вѣры. Къ праведнику никоимъ образомъ не должно обращаться за помощью матеріальною, за совѣтами въ дѣлахъ житейскихъ, съ просьбами объ исцѣленіи недужныхъ, оплодотвореніи бесплодныхъ женщинъ, — вообще за пророческими предсказаніями и всякаго рода чудотворными фокусами. Праведникъ — это *мудрецъ*, а не *пророкъ* и недавно не чудодѣй. Ему открыты только тайны вѣры и законы ученія Божія, но не неисповѣдимые пути Господни въ дѣлахъ мірскихъ. Онъ можетъ давать спасительные совѣты, какъ служить Богу и какъ понимать религиозное назначеніе человѣка, но не въ состояніи давать вдохновенныя указанія, какъ поступить въ томъ или другомъ дѣлѣ¹. Это значитъ: начало практическаго цадикизма есть ложь, а люди принявшіе его — обманутые слѣпцы...

Таковъ радикальный переворотъ, произведенный Залманомъ въ теоріи и практикѣ хасидизма. Онъ создалъ совершенно новый хасидизмъ, отчасти лишь сходный со своимъ первообразомъ въ ученіяхъ Бешта и Бера и ужь совсѣмъ непохожий на позднѣйшій польско-украинскій хасидизмъ, всецѣло поглощенный культомъ цадиковъ: онъ создалъ *хасидизмъ рациональный*.

Историческія причины отступленія Залмана отъ первоначальнаго хасидизма и отъ утвердившагося на югѣ порядка вещей — для насъ вполне ясны. Залманъ хорошо зналъ югъ, гдѣ получилъ свою хасидскую подготовку, и видѣлъ, чѣмъ стало тамъ ученіе Бешта и Бера. То, что онъ видѣлъ лично и что потомъ доходило до его слуха изъ глубины Украины, не могло оставить въ немъ сомнѣнія на счетъ того направленія, которое окончательно приметъ хасидизмъ на своей родинѣ. Это направленіе онъ считалъ безусловно гибельнымъ для народа. Онъ съ ужасомъ видѣлъ, какъ провозглашенный Бештомъ догматъ о верховенствѣ чувства въ области вѣры повелъ къ какой-то религиозной вакханаліи, къ *мистическому отъяменію* народныхъ массъ, искавшихъ въ новомъ ученіи только забвенія своего горя или панацеи противъ всѣхъ мірскихъ золъ. Онъ видѣлъ, какъ чистый душевный экстазъ, требуемый хасидизмомъ, выродился

¹ Ibid. שרן טזח, посланіе 22-е.

въ грубый тѣлесный экстазъ, доходившій до бѣснованія. Религiозное чувство народа приняло ненормальное, опасное направленiе: оно все болѣе удалялось отъ разума, даже воамущалось противъ него. Знанiе было объявлено подъ омаюю, ивученiе законовъ вѣры—занятiемъ бездушныхъ раввиновъ, умственное превосходство—пустымъ тщеслаviемъ. Простомудръ, —прежнiй забитый и презираемый «амгаарецъ», —выступилъ на арену и поднялъ на своихъ плечахъ новаго кумира для всенароднаго поклоненiя. То былъ цадикъ-чудодѣй, замѣнившiй ученаго раввина. Народъ неистово плясалъ вокругъ этого идола и дѣлалъ его предметомъ страстнаго религiознаго культа. Цадикъ сталъ неизбѣжнымъ посредникомъ между Богомъ и вѣрующими: къ нему приходили за отпущенiемъ грѣховъ, за «чудесами», за помощью во всевозможныхъ житейскихъ случаяхъ, его щедро одаряли. Вѣра въ цадика замѣнила для толпы всѣ основныя догматы хасидизма. Грубое суевѣрiе, невѣжество и разнузданность чувства царилъ въ народѣ... Вотъ какое зрѣлище представилось Залману на югѣ! Сѣверъ еще не былъ зараженъ этимъ тлетворнымъ, на его вслѣдъ, духомъ. Народный характеръ и народныя потребности здѣсь были совершенно иныя¹. Значительная часть народа не была довольна бездушнымъ раввинизмомъ, но она не приняла бы и безумнаго культа цадиковъ, заступившаго его мѣсто на югѣ. Нужно было, чтобы удовлетворить этимъ потребностямъ, изобрѣсти нѣчто новое, болѣе совершенное и чуждое обиху названныхъ крайностей. И вотъ Залманъ создалъ свой «рациональный хасидизмъ». Онъ посадилъ Разумъ на престолъ, положилъ конецъ владычеству Чувства, возстановилъ пошатнувшуюся власть умственной аристократiи, объявилъ религiозное знанiе высшей заслугой, выбросилъ за бортъ цадикизмъ и разжаловалъ плебейское духовенство цадиковъ. На знамени своего ученiя онъ выставилъ три многозначительныхъ слова, коими онъ обозначилъ три главныя свойства «разумной души», служащiя источникомъ чистой вѣры: *Мудрость, Пониманiе, Познанiе* (חכמה, תבונה, תורה). Эти слова, подъ сокращенною формою *Хабодъ* (חב"ד — начальныя

¹ См. выше, гл. I («Восходъ» 1890 г., кн. II, стр. 99—110).

буквы трехъ приведенныхъ словъ), превратились въ названіе самой системы Залмана, впоследствии развитой и дополненной его преемниками ¹.

И такъ, рациональный хасидизмъ обязанъ своимъ происхожденіемъ двумъ причинамъ, изъ коихъ одна положительная, а другая отрицательная. Съ одной стороны, онъ былъ вызванъ своеобразными духовными потребностями той части литовско-бѣлорусскихъ евреевъ, которая была склонна принять хасидизмъ, но не могла, вслѣдствіе своего болѣе высокаго умственнаго уровня, принять это ученіе въ той грубой формѣ, въ какой оно господствовало на югѣ; съ другой стороны—рациональный хасидизмъ Залмана былъ естественной реакціей противъ этого именно огрубѣнія и вырожденія Вештова ученія въ Польшѣ и Украинѣ.

Но восторжествовала-ли эта реформаторская система Залмана, благодаря указаннымъ похвальнымъ стремленіямъ, лежавшимъ въ ея основаніи? Одержала-ли она верхъ надъ своей южной соперницей, обновила-ли духъ хасидизма? Нѣтъ!—отвѣчаетъ исторія.—Но почему же? Потому, что въ самомъ содержаніи Залмановой системы лежало внутреннее противорѣчіе; лежала разлагающая закваска, которая мѣшала системѣ расти, крѣпнуть и получить устойчивость, какъ *практическое исповѣданіе* (ибо, какъ теорія, она, конечно, замѣчательна). Ибо, въ самомъ дѣлѣ, не заключается-ли внутреннее противорѣчіе въ самомъ названіи, которое мы придали этой системѣ и которое выражаетъ всю ея сущность? Не странно-ли звучитъ это сочетаніе словъ: *рациональный хасидизмъ*? Совмѣстимо-ли понятіе о *мистицизмѣ*, необходимо лежащемъ въ основѣ всякаго хасидскаго ученія, съ понятіемъ *рационализма*? Залманъ сдѣлалъ геніальную (попытку

---

¹ Хасидовъ бѣлорусскихъ и значительную часть литовскихъ до сихъ поръ еще называютъ *Хабалниками*. Въ старое время это слово служило ругательной кличкой въ устахъ противниковъ хасидизма („мисагидовъ“). Хотя нѣтъ прямыхъ указаній на историческое происхожденіе имени „Хабалъ“, но несомнѣнно, что оно объясняется такъ, какъ мы это сдѣлали въ текстѣ. Предположеніе Родкисона, будто названіе это присвоено сѣвернымъ хасидамъ на основаніи одной молитвенной формулы, введенной въ употребленіе Залманомъ (תפלה תפלה стр. 7, прим.), гораздо менѣе вѣроятно.

совмѣстить оба эти понятія въ одномъ ученіи, вдобавокъ еще практическомъ, предназначенномъ для массы. Въ этомъ—вся его теоретическая заслуга и роковая практическая ошибка...

Во первыхъ, изгнать Чувство изъ области вѣры и водворить на его мѣстѣ отвлеченный Разумъ—значить дать такую вѣру, которая только свѣтитъ, но не грѣетъ. Такая вѣра не въ силахъ увлечь и воодушевить массу (подъ послѣднимъ словомъ подразумѣваемъ не одну только чернь, но и среднихъ людей, т. е. огромное большинство народа). Масса ищетъ въ религіи теплоты душевной, а не свѣта. Она пойдетъ за тѣмъ, кто воспламенитъ ея сердце, хотя бы онъ и погрузилъ ея умъ въ самый густой мракъ. Она не прельстится и самой возвышенной религіозной метафизикой, ибо не пойметъ ея. Такая метафизика можетъ, пожалуй, восхищать мыслителя, книжника, ученаго, можетъ даже стать для нихъ глубокимъ религіознымъ убѣжденіемъ и практическимъ руководствомъ; но вѣдь такихъ людей всегда ничтожное меньшинство, даже при высокомъ умственномъ уровнѣ народа, какой наблюдался въ старомъ литовскомъ еврействѣ.

Во вторыхъ, и въ этомъ послѣднемъ смыслѣ система Залмана не оказывается цѣльною и однородною, ибо ея рациональныя метафизическія положенія перемѣшаны пополамъ съ мистицизмомъ и съ религіозной догматикой. Мистицизмъ составляетъ несомнѣнно главный суррогатъ религіознаго чувства и потому можетъ имѣть вліяніе на настроеніе массы; но такую способностью обладаетъ опять-таки мистицизмъ *сердечный*, а не *умою*. Теоретическая Каббала—этотъ прототипъ головного мистицизма—за все свое тысячелѣтнее существованіе не могла достигнуть степени вѣроисповѣданія и осталась недосыгаемою для массы *доктриною*, хотя тысячи ученыхъ головъ увлекались ею; простое же ученіе Башта, проникнутое мистицизмомъ *сердечнымъ*, добилось въ короткое время огромнаго вліянія и стало практической религіей милліоновъ людей. Залманъ пошелъ по стопамъ Каббалы, описосифствовалъ свой мистицизмъ, отрезвилъ его, придалъ ему блескъ, отнявъ у него теплоту, — и тѣмъ обрекъ свою систему на печальную, хотя и гордую дѣвственность, на бесплодіе, ибо блестящая, мраморно-холодная красавица оказалась

для народа недоступной. Онъ боролся противъ иступленія религіознаго чувства, противъ мистическаго омыненія, противъ безумнаго тѣлеснаго экстаза, противъ грубаго культа цадиковъ; все это было очень благородно и похвально по своему мотиву; но Залманъ забылъ ту печальную истину, что ежели ужъ народъ дошелъ до такого состоянія, что нуждается въ мистической вѣрѣ, то ему непремѣнно нужны (въ разной степени, конечно) и религіозное омыненіе, и слѣпой культъ, и ненормальный экстазъ. Несчастныя историческія обстоятельства въ связи съ неудовлетворительностью и безжизненностью раввинизма довели народъ до такого состоянія. Если бы Залманъ, человѣкъ широкаго ума, обратилъ вниманіе на эти коренныя причины мистическаго движенія въ еврействѣ и старался бы устранить хоть тѣ изъ нихъ, которыя имѣли духовный характеръ, т. е. вооружился бы противъ бездушнаго раввинскаго формализма, превратившаго религію въ кучу безчисленныхъ пустыхъ обрядностей и въ умственную гимнастику,—то онъ сдѣлалъ бы великое дѣло и сталъ бы пророкомъ будущаго возрожденія народа... Въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, гдѣ это зло пустило особенно глубокіе корни и гдѣ вдобавокъ народъ, болѣе трезвый чѣмъ на югѣ, былъ болѣе доступенъ доводамъ здраваго смысла, — преобразовательная дѣятельность Залмана могла бы быть спасительною. Конечно, противъ раввинскаго формализма и религіозной учености нужно было выставить другой, болѣе высокій, *положительный* идеалъ: искреннее религіозное чувство, простую сердечную вѣру, дающую утѣшеніе въ скорбяхъ и болѣе всего необходимую большинству народа. На первыхъ порахъ, въ силу закона равнаго противодействія, не обошлось бы, вѣроятно, безъ крайнихъ увлеченій, безъ иступленій долго сдержаннаго чувства; но увлеченія этого рода были бы гораде умѣреннѣе, чѣмъ на югѣ, да и трезвость природы и здравый смыслъ сѣверянъ въ концѣ концовъ предохранилъ бы ихъ отъ тѣхъ излишествъ, въ которыя впади южане, въ особенности же отъ нелѣпаго культа цадиковъ. Образовался бы своего рода пѣтизмъ, какъ необходимый противовѣсъ раввинизму. Почва для будущаго была бы вспахана...

Но Залманъ не пошелъ по этому пути. Онъ хотѣлъ *просе-*

ить народъ совершенно инымъ способомъ. Онъ смотрѣлъ не впередъ, а назадъ. вмѣсто религіознаго піетизма, онъ изобрѣлъ піетизмъ *богословскій*, преимущественно даже метафизическій, годный для мыслителей, а не для народа. Онъ не только не ослабилъ раввинизма, а, напротивъ, еще укрѣпилъ его позицію, поколебленную на югѣ проповѣдью Бешта: онъ подтвердилъ раввинскій принципъ, полагавшій центръ тяжести вѣры въ богословскомъ знаніи, т. е. въ изученіи Талмуда и раввинской письменности. Онъ даже объявилъ это казуистическое знаніе единственно дозволеннымъ — и при всей обширности своего ума не могъ отрѣшиться отъ предрасудка противъ свѣтскихъ наукъ и философіи, занятіе которыми онъ продолжалъ считать предосудительнымъ¹. Такимъ образомъ, *желая исправить грѣхи хасидизма и очистить его, Залманъ въ то же время оставилъ въ силѣ тотъ вопіющій порядокъ вещей, противъ котораго первоначальный хасидизмъ выступилъ и ненормальности котораго*

¹ Объявляя «изученіе Торы», въ духѣ раввинскомъ, обязательнымъ для каждаго вѣрующаго, Залманъ объясняетъ это, какъ мы видѣли, тѣмъ, что во время изученія изучающій, сосредоточивая силы своей разумной души на мысляхъ и волѣ Бога, выраженныхъ въ словахъ священныя книгъ (не только библейскихъ, но и талмудическихъ и раввинскихъ), воплощаетъ въ себѣ эти высшія мысли и волю и вступаетъ въ тѣсное общеніе съ Вѣчнымъ Битіемъ. Человѣкъ же, занимающійся вмѣсто этого пустыми дѣлами или праздною болтовней, оставляетъ безъ пищи свою разумную душу, а только оскверняетъ свою животную, чувственную душу, погружая ее въ земную суету. Но гораздо хуже еще поступаетъ, по мнѣнію автора, человѣкъ, занимающійся не-религіозными, «вѣчными науками» (עניני עולם), ибо тотъ, кто предастъ суетнымъ житейскимъ дѣламъ, грязнитъ только свою чувственную душу, между тѣмъ какъ погружающій свой умъ въ свѣтскую мудрость оскверняетъ свою божественную разумную душу и ея три главныя свойства: Мудрость, Пониманіе и Познаніе. Это—все равно, какъ еслибъ онъ въ чистый сосудъ влилъ грязную жидкость. Занятіе свѣтскими науками и философией Залманъ разрѣшаетъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда оно служитъ источникомъ пропитанія, какъ всякое житейское дѣло, или когда люди высшаго порядка пользуются выводами науки для развитія и укрѣпленія началъ вѣры, какъ это дѣлали Маймонидъ, Нахманидъ и другіе древніе наши философы (м"л, ч. I, § 8). Въ такомъ же смыслѣ авторъ высказывается въ своемъ „Шулханъ-Орухъ“ (въ отдѣлѣ „Талмудъ-Тора“) и въ другихъ сочиненіяхъ. Такое узкое возрѣніе можно было бы простить любому изъ первоучителей хасидизма, но Залману, обладавшему такимъ свѣтлымъ и широкимъ умомъ, это едва-ли простительно.

обязанъ былъ своимъ огромнымъ успѣхомъ. Самый же хасидизмъ онъ практически обезличилъ: избавилъ его отъ пороковъ, онъ лишилъ его амьсть съ тѣмъ и его историческія заслугъ.

Вотъ гдѣ кроется причина того, что ученіе Залмана, теоретически столь возвышенное, не имѣло того огромнаго жизненнаго вліянія, какое имѣло гораздо болѣе скромное и логически менѣе совершенное ученіе Бешта. Полу-хасидская, полу-раввинская система Залмана удовлетворяла вполне лишь сравнительно немногихъ понимавшихъ ее; большинство же осталось почти ни причемъ. Бѣлорусскіе и литовскіе хасиды—«Хабадники»—вышли какими-то половинчатыми, какою-то помѣсью, безцвѣтной и безжизненной расой, и въ этомъ состояніи пребываютъ они и доньянѣ. Все достоинство ихъ—отрицательное: они свободны отъ грубыхъ пороковъ польско-украинскаго хасидизма и не признаютъ культа цадиковъ, по крайней мѣрѣ въ суевѣрной его формѣ; положительныхъ же достоинствъ за ними нѣтъ никакихъ. «Рациональный хасидизмъ» Залмана остается до сихъ поръ только геніальною доктриной.

С. М. Дубневъ.

(Продолженіе будетъ).

ЮДИОЪ ТРАХТЕНВЕРГЪ.

ПОВѢСТЬ КАРЛА ЭМИЛЯ ФРАНЦОЗА.

V¹.

Подъ вліяніемъ этого разговора графъ вышелъ изъ дому на свиданіе съ имлою, такъ крѣпко сжимая кулаки, что ногти впи-
вались въ тѣло. „Нужно страхнуть съ себя эту жабу!—бороталъ
онъ, сходя съ лѣстницы въ паркъ,—она мараетъ меня и ее“...
Онъ торопливо направился по шуршащимъ сухимъ листьямъ къ
хвойной аллеѣ, которая одна въ это время года представляла своею
густою зеленою защитою отъ любопытныхъ глазъ. Въ виду этого
графъ и назначилъ ее наканунѣ мѣстомъ свиданія. Съ каждымъ
шагомъ гнѣвъ его проходилъ, а когда онъ донелъ до аллеи и
сталъ ходить по ней взадъ и впередъ между зелеными сучьями,
то въ немъ уже не оставалось никакого другого чувства, кромѣ
страстной жажды поцѣлуя Юдионъ. „Я все скажу ей; пускай она
рѣшитъ сама“,—думалъ онъ и даже шепталъ губами, но въ то же
время чувствовалъ, что говорить себѣ это только для того, чтобы
оправдать себя. Черезъ полчаса ожиданія уста его твердили только
одно слово, которое онъ, какъ въ бреду, шепталъ хриплымъ го-
лосомъ: „Приди! пруди! пруди!“...

Наконецъ онъ услышалъ ея легкіе шаги, увидѣлъ между сучьями
ея платье; она шла быстро, съ разгорѣвшимся лицомъ, въ развя-

¹ См. „Восходъ“, кн. III.

завшейся кружевной косинкѣ на головѣ, развѣвавшейся вокругъ ея золотистыхъ волосъ.— „Наконецъ-то!“ — вскричалъ Агеноръ, бросающъ къ ней на встрѣчу. Юдиѣ остановилась и, взглянувъ на его плающее лицо, невольно содрогнулась и протянула руку, какъ бы защищаясь.

Графъ даже и не замѣтилъ этого.

— Наконецъ-то! — повторилъ онъ и, схвативъ ее въ свои объятія, искалъ губами ея губъ, пока не нашелъ ихъ. Это длилось всего одинъ мигъ, и Юдиѣ вырвалась изъ его рукъ.

— Бога ради,—проговорила она съ такою робкою мольбой въ голосѣ, что онъ оставилъ ее.— Не дѣлайте такъ, чтобы мнѣ было еще тяжелѣе... Мнѣ уже и безъ того такъ горько...

— Вы? — пробормоталъ онъ.— Ты говорила мнѣ вчера ты...

— Я и сегодня буду также говорить,—сказала она, утирая концомъ косинки влажные глаза и сляясь улынуться.— Со вчерашняго дня такъ и сѣдуетъ. Ты поцѣловалъ меня вчера, я твоя невѣста, и мы принадлежимъ другъ другу навѣкъ...

Она сказала это такъ довѣрчиво, съ такимъ глубокимъ убѣжденіемъ, что у него сжалось сердце, и рука, которою онъ готовъ былъ снова обнять ее, невольно опустилась.

— Милая, добрая...—проговорилъ онъ нетвердо, дѣлая надъ собою усиліе, чтобы говорить увѣреннѣе.— Конечно, мы принадлежимъ другъ другу. Ничто въ мірѣ не можетъ болѣе разлучить насъ. И для того, чтобы ты не раскаивалась въ этомъ, я сдѣлаю все, что будетъ въ моей власти.

Это онъ могъ по совѣсти обѣщать, такъ какъ это было его непреложнымъ рѣшеніемъ.

— Клянусь всемогущимъ Богомъ, я люблю тебя, какъ не любилъ еще ни одной женщины!

Блаженная улыбка играла на губахъ дѣвушки, но глаза ея вновь наполнились слезами.

— Я вѣрю тебѣ,—сказала она.— Развѣ я была бы здѣсь,

если бы могла хотя одну минуту сомнѣваться въ твоей честности?— Развѣ пришла бы я вчера?—Я сѣла бы въ своей комнатѣ и выплакала бы себѣ глаза оттого, что люблю человека, который не любитъ меня, не хочетъ сдѣлать меня своею женой... И это знаетъ,— почти взвизгнула она въ порывѣ страсти,—это знаетъ, внесла-ли бы я это, осталась-ли бы я жить съ такимъ стыдомъ, съ такимъ горемъ въ сердцѣ!

— Что за мысли, Юдишь!—съ испугомъ пробормотала графъ.

— Глупыя мысли!—сказала она, кивнувъ головой.—Но, знаешь-ли, въ послѣднее время я такъ много испытала, что какъ будто совсѣмъ переродилась... Право, мнѣ кажется, ни одной дѣвухи не приходилось такъ много испытать. Я потеряла всякую власть надъ своимъ сердцемъ, оно влечетъ меня къ тебѣ и требуетъ, чтобы я принимала твои поцѣлуи и отвѣчала на нихъ. Вотъ тоже и мысли мои... Они бродятъ, бродятъ, безпорядочныя, странныя... Я только тогда и споейва, когда думаю о тебѣ. Вѣдь я знаю тебя...

— А все-таки со вчерашняго дня ты, должно быть, много плакала!—загнѣтилъ онъ, съ нѣжностью всматриваясь въ ея лицо.

— И это тебя удивляетъ?—спросила она съ грустной улыбкой.—Подумай, вѣдь мой отецъ и мой братъ также любятъ меня и я люблю ихъ. Какое же будетъ для нихъ ударъ, когда ты попросишь моей руки—и я должна буду сдѣлаться христіанкой! Пожалуй, я навсегда потеряю ихъ любовь; они отвернутся отъ меня и не захотятъ болѣе знать меня. Ты не знаешь, что значить у насъ отпасть отъ своей вѣры. Въ нашей общинѣ есть бѣдная старушка, вдова Миріамъ Гольдъ, которая живетъ только тѣмъ, что ходитъ за больными. Мужъ ея былъ деревенскій шинкарь. У нихъ была единственная дочь, которая влюбилась въ крестьянина и вышла за него замужъ, переѣхавъ вѣру. Отецъ умеръ со стыда, осмѣянный своими единовѣрцами, а мать ведетъ теперь жалкую жизнь. Она погибла бы, еслибы отецъ мой не вступился за нее. А между тѣмъ

она отеклась отъ своей дочери и почти никогда не вспоминаетъ о ней. Такъ, по крайней мѣрѣ, она увѣрила меня. Сегодня она въ первый разъ заговорила о ней послѣ долгихъ лѣтъ...

Графъ слушалъ молча, обуреваемый хаосомъ мучительныхъ ощущеній.

— Сегодня?—повторилъ онъ съ удивленіемъ.

— Да, вотъ сейчасъ,—оттого я и запоздала, что она настоячиво просила меня выслушать ея исторію. Кто знаетъ,—прибавила она, глубоко вздохнувъ,—можетъ быть, это и не была случайность; можетъ быть, она слышала что нибудь и хотѣла предостеречь меня... А если такъ, то и отецъ мой все узнаетъ, и это будетъ очень некорошо, ибо честность требуетъ, чтобы онъ узналъ это не отъ другихъ, а отъ насъ, отъ тебя—или отъ меня, если ты найдешь, что такъ лучше...

— Надо объ этомъ подумать,—сказалъ графъ сдавленнымъ голосомъ.—Я желалъ бы избавить тебя отъ напрасныхъ мукъ... „Скажи правду!—кричала ему совѣсть.—Ты будешь подлоцъ, если и теперь промолчишь!“ Но какъ сказать? какъ она приметъ это?—Вѣдь говорила же она раньше: „Можетъ быть, я и не перенесла бы этого“...

— Везползшая борьба только сместочаетъ... — машинально продолжалъ онъ, чувствуя, что лицо его блѣднѣетъ отъ прилива крови къ сердцу.—Если бы ты знала, Юдишь, какъ я люблю тебя...

— Я знаю,—перебила она.—Пестому я такъ и спокойна. Ты переговоришь съ моимъ отцомъ, когда сочтешь это удобнымъ, но если онъ раньше того спроситъ меня о нашихъ отношеніяхъ, то, разумеется, я скажу ему правду. Но ты понимаешь, что это было бы тяжело, и, конечно, самъ поговоришь съ отцомъ при первой же возможности. Ты любишь меня и пестому избавишь меня также на будущее время отъ этихъ тайныхъ свиданій. Если бы ты знала, чего мнѣ стоило вчера и сегодня придти сюда! „Некорошо! некорошо!“—кричалъ мнѣ внутренній голосъ; щеки мои горѣли отъ стыда,

и мнѣ хотѣлось спрятаться отъ дневного свѣта, — а все же я пришла, не могла не придти! Словно кто цѣпями тянулъ меня къ тебѣ, ибо я люблю, люблю тебя!

Она стояла передъ нимъ, трепещущая, наклонившись немного впередъ и опустивъ раскраснѣвшееся лицо съ алхими, вздрагивающими губами. Вся кровь ударила ему въ голову при ея послѣднихъ словахъ, умолкъ голосъ совѣсти, утратился послѣдній остатокъ воли, и онъ схватилъ ее, привлекъ къ себѣ и покрылъ поцѣлуями ея голову, лицо, платье, пока она не вырвалась отъ него черезъ нѣсколько секундъ съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ.

— Я терпѣла это потому, что это въ послѣдній разъ — передъ твоимъ сватовствомъ, — произнесла она, задыхаясь. — Прощай!

— Позволь мнѣ идти съ тобою! — просилъ онъ, пытаясь снова обнять ее.

Она молча покачала головой и поспѣшно ушла. Отойдя, она оглянулась; графъ стоялъ неподвижно, провожая ее горящимъ взглядомъ. Юдишь нагнула ему весныкой и побѣжала къ выходу. Не выйдя на дорогу, которая вела изъ замка черезъ городъ къ ея дому, она остановилась въ нерѣшимости. У нея не хватало духа пройти по городу на глазахъ у всѣхъ; ей казалось, что поцѣлуи графа еще горятъ на ея щекахъ и всё увидать ихъ. Она свернула на тропинку, которая вела позади дворовъ, приѣхала тамъ на скамью и дала волю слезамъ, которыя вдругъ ручьемъ потекли изъ ея глазъ. Слезн облегчили ее и она продолжала свой путь къ дому, и вошла туда черезъ заднія ворота.

На дворѣ она увидѣла бричку своего отца, уже успѣвшего вернуться. Въ сѣняхъ Юдишь встрѣтилась старая служанка Сара, которая винявчила ее. Старуха была блѣдна и дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Наконецъ-то ты пришла! — взвизгнула она, заломивъ руки. — О, Боже, Боже милостивый, зачѣмъ Ты далъ мнѣ дожить до этого! Въ свою очередь и Юдишь побѣжала какъ стѣна, къ которой

она должна была прислужиться; но это была только минутная слабость.

— Гдѣ отецъ?—спросила она.

— Въ приемной... Но не ходи къ нему теперь, у него бургомистръ, который все разсказалъ ему... Я сама сейчасъ только узнала обо всемъ отъ кухарки коммисара. Ахъ, дитя, дитя! что...

— Приди мнѣ сказать мамѣ только отецъ останется одинъ,— пересбила ее Юдиль и ушла въ свою комнату.

Долго пришлось ей ждать, сдвинкомъ долго для ея напряженныхъ нервовъ! Бургомистръ былъ честный человекъ и, какъ таковой, считалъ своимъ долгомъ сообщить отцу то, о чемъ уже зналъ весь городъ; но въ то же время онъ былъ и даровитый ораторъ. Поэтому онъ началъ свою рѣчь изложеніемъ обязанностей дружбы, затѣмъ распространился о современной распушенности нравовъ и уже послѣ этого только несчастный слушатель его узналъ въ чемъ дѣло. Даже странно было глядѣть на стараго еврея, когда онъ неподвижно сидѣлъ въ своемъ креслѣ, блѣдный какъ мертвецъ, и только поспазывалъ во временахъ дрожащею рукою свою серебряную бороду.

— Благодарю васъ, — протворилъ онъ нѣсколько хриплымъ, но спокойнымъ и медленнымъ голосомъ, когда ораторъ кончилъ. — Я знаю, что вы говорите это съ доброю цѣлью. Но вотъ что главное: видѣла-ли ваша супруга сама этотъ предполагаемый поцѣлуй въ паркѣ?

— Нѣтъ, его видѣла нани Вроблевская.

— Что же вы раньше не сказали этого? — вскричалъ Трахтенбергъ почти весело, и дѣйствительно принудилъ себя засмѣяться. — Надежная свидѣтельница!.. Теперь я совсѣмъ успокоился; да, впрочемъ, я и раньше не особенно тревожился. Я знаю мою дочь! Что Юдиль гуляла въ паркѣ, что графъ любезно заговорилъ съ нею и она также любезно отвѣчала, — это я допускаю; но все остальное — ложь. Въ этомъ я, отецъ, твердо убѣжденъ.

— Ну, если ужъ вы, пане Трахтенбергъ...

— Да, я, отецъ! Скажите это всакому, кто пожеласть слышать, прошу васъ!

Проводивъ до двери озадаченнаго гостя, еврейъ вернулся на свое мѣсто и тутъ только далъ волю своему горю. Съ глухимъ стономъ отпустился онъ въ кресло и закрылъ руками лицо.

Оглушенный разразившимся надъ нимъ ударомъ, онъ лежалъ неподвижно, не слыша шороха легкихъ, нерѣшительныхъ шаговъ въ комнату, и очнулся только тогда, когда Юдишь дотронулась до его руки.

— Папа, не сердись на меня,—начала она дрожащимъ голосомъ.—Я знаю, ты прочилъ мнѣ другое счастье; но не я избрала мою долю, она сама нашла меня...

— Замолчи!—вспричалъ еврей, оттолкнувъ ея руку. Она еще ниѣла дерзость придти къ нему, заговорить съ нимъ!—онъ не векинулъ себя отъ гнѣва. Но тутъ въ его умѣ мелькнуло значеніе сказанныхъ ею словъ.

— Какое счастье? Что ты мелешь?

— Мое счастье,—тихо, но твердо отвѣтила она.—Я люблю его, и онъ женится на мнѣ!

Старикъ вскочилъ какъ ужаленный, съ выпученными глазами, съ дрожащими губами, и вытянулъ руки, какъ бы отталкивая кого-то.

— А—ахъ!—вырвалось изъ его груди глухитъ, протяжнымъ стономъ. Онъ схватилъ дочь за обѣ руки, притащилъ ее, трепещущую, къ окну и, поставивъ противъ яркаго дневнаго свѣта, впился глазами въ ея глаза, какъ бы желая проникнуть въ самыя тайники ея души. Она твердо выдержала этотъ взглядъ. Влѣдное лицо постепенно краснѣло, пока краска не залила и лобъ, и шею, но вѣки не опускались. Собственная ея кровь и ужасъ, написанный на лицѣ отца, заставили чистую дѣвушку понять, о чемъ спрашивали ее его глаза, и она безъ словъ отвѣтила на этотъ вопросъ.

Еврей глубоко, глубоко вздохнулъ и выпустилъ ея руки.—Разскажи!—коротко приказалъ онъ.

Она колебалась.

— Или я не въ правѣ требовать этого?—закричалъ онъ.

— Можетъ быть... не знаю...—прошептала она, а потомъ продолжала умоляющимъ тономъ:—папа, я сама не знаю, какъ дошло до этого. Я не хотѣла, но не могла... и навѣрное съ нимъ было то же. Но у него честныя нагѣренія...

— Объ этомъ послѣ! Разскажи!

Она начала разсказывать беспорядочнымъ, отрывистымъ полупопотомъ, какъ поглядѣвъ на нее Варановскій при въѣздѣ въ городъ, и какую бурю новыхъ ощущеній подняло въ ней поведеніе его на балѣ у Вроблевскихъ; но дойдя до разговора съ графомъ на чтеніи Вилчевскаго, она побѣдила свою робость и разсказала все остальное, ничего не утаивъ. Отецъ слушалъ неподвижно, прислонясь лбомъ къ оконной рамѣ, и только разъ прервалъ дочь. Когда Юдиень передавала ему свои послѣдующіе разговоры съ графомъ въ домѣ Вроблевскихъ, онъ вдругъ спросилъ:

— И тебя не поразило то, что васъ оставили однихъ?

— Нѣтъ... Конечно, это дѣлалось...

— Случайно!—иронически подсказалъ онъ и, сказавъ кулакъ, погрозилъ имъ къ потолку.—Ну, дайте!

Онъ опять углубился въ кресло; Юдиень сѣла возлѣ него и продолжала свой разсказъ, не утаивъ и послѣдняго разговора своего съ графомъ.

— Отецъ,—заклчила она умоляющимъ голосомъ,—я не забыла и не забуду, какъ тяжело оскорбила я тебя и Рафаила, и поэтому совершенно счастливой я не могу быть. Не ты добръ и уменъ, ты поймешь, что я не могу иначе...—Она упала къ его ногамъ и обняла его колѣни.—Папа, не сердись на меня!

Онъ долго сидѣлъ неподвижно и молча. Потомъ онъ мягко отвелъ ея руки отъ своихъ колѣнъ и поднялся съ кресла. Онъ

подошелъ къ окну и сталъ глядѣть на улицу, гдѣ сгустились раннія осеннія сумерки. „А я-то, глупецъ, такъ оплакивалъ твою раннюю смерть! Счастье твое!—прошепталъ онъ и прибавилъ вслухъ:—Твоя мать“...—но вдругъ остановился и умолкъ.

Молчаніе продолжалось долго и въ комнатѣ совсѣмъ смерлось. Наконецъ, словно очнувшись, онъ зажегъ свѣчи на столѣ и подошелъ къ дочери, которая все еще стояла на колѣняхъ, положивъ голову на стулъ.

— Встань!—приказалъ онъ, подходя къ ней совсѣмъ близко.

Она повиновалась и хотѣла поглядѣть ему въ глаза, но не могла, такъ поразила ее видъ его лица, въ нѣсколько минутъ страшно постарѣвшаго. Но голосъ его былъ теперь твердъ.

— Великое несчастье обрушилось на насъ!—началъ онъ.—Благодарю Бога, что Онъ еще не совсѣмъ погубилъ насъ, но и то, что Онъ наслалъ на насъ, страшно тяжело. Я не стану упрекать тебя. Не слѣдовало бы тебѣ ничего таять отъ меня, но ты такъ молода, а онъ красивъ собою, онъ—графъ... Виня тебя, я долженъ былъ бы винить и себя; мнѣ слѣдовало помнить, къ какимъ людямъ я позволяю тебѣ ходить и какъ можетъ повліять на тебя знакомство съ ними. Мнѣ слѣдовало быть умнѣе, какъ былъ мой бѣдный, честный сынъ! Какой ударъ былъ бы для него, если бы онъ узналъ все это! Но онъ не долженъ знать,—никогда!

Юдиѣ сдѣлала движеніе, желая что-то сказать, но отецъ не далъ ей времени, повторивъ:

— Никогда! Слушай, Юдиѣ! Я знаю, что въ эту минуту ты глуха и слѣпа, какъ эта стѣна, и не поймешь того, что я хочу тебѣ сказать. Но ты должна теперь же узнать и помнить: такъ думаетъ мой отецъ, который любитъ меня болѣе собственной жизни, но никогда не перемѣнитъ своего рѣшенія. Ты не увидишь болѣе ни верхнихъ жильцовъ, ни графа. Ты будешь сидѣть въ своей комнатѣ и не выходить изъ нея безъ моего позволенія. Лучше всего было бы сейчасъ велѣть запретъ лошадей и увезти тебя въ Тарнополь, къ

твоей теткѣ Рехѣ, отъ которой я только что вернулся. Тѣтя Реха—умная и вроткая женщина; она умѣетъ ходить за больными. Но это можно будетъ сдѣлать не раньше, какъ черезъ недѣлю: поспѣшный отъѣздъ далъ бы новую нищу толкамъ...

— Папа, не затоптай меня!—вскричала дѣвушка.

— Не я, а другіе хотятъ сдѣлать это, и были уже на лучшемъ къ тому пути. Но я, отецъ твой, спасу тебя. Кто бы ни былъ этотъ графъ—подлый-ли соблазнитель, поступавшій разсчитанно и нанявшій себѣ въ пособники этого негодяя, что живетъ тамъ наверху, или же просто безхарактерный человѣкъ, пользовавшійся въ чаду страсти услугами этого мерзавца, — твоя судьба, во всякомъ случаѣ, была бы ужасна...

— Не оскорбляй графа!—вскричала дѣвушка. —Онъ добрый, честный человѣкъ! Спроси его, если сомнѣваешься, или выслушай его, когда онъ придетъ просить моей руки.

— Это я могу смѣло обѣщать, — съ горечью возразилъ старикъ. —Никогда не придетъ онъ просить твоей руки! Спрашивать я также не стану, потому что знаю отвѣтъ его напередъ и не хочу давать повода говорить, что старшій Трахтенбергъ съ отчаянія лишился разсудка и совершенно серьезно умолялъ графа жениться на его оболщенной дочери. И такъ...

— Но если онъ придетъ?—перебила Юдифь.

— Тогда я скажу: нѣтъ и нѣтъ! и буду повторять это до тѣхъ поръ, пока во мнѣ остается хоть капля силы, чтобы защищать тебя отъ несчастія. Огонь съ водою не смѣшиваются; жена, ставшая проклятіемъ для своего мужа,—несчастнѣйшее созданіе въ мірѣ. Если бы графъ Варановскій дѣйствительно питалъ безумную мысль жениться на моей дочери, то бракъ этотъ былъ бы его нравственнымъ самоубійствомъ. Три мѣсяца блаженнаго опьяненія и затѣмъ жизнь полная горя... Нѣтъ! ты заслуживаешь лучшей доли. Довольно! ни слова болѣе!—повелительно сказалъ онъ, когда она

хотѣла возражать.—Узнать мое рѣшеніе ты должна была сегодня же, но понять, что внушило его, ты еще не въ состояніи!

Юдиць сдѣлала шагъ впередъ, съ мольбою простирая руки, но отецъ, молча, покачалъ головой. Тогда руки ея опустились, голова поникла и она, вся дрожа, вышла нетвердыми шагами изъ комнаты. Отецъ съ невыразимомъ грустью поглядѣвъ ей вслѣдъ и продолжалъ глядѣть въ томъ же направленіи еще долго послѣ того, какъ дверь за дочерью притворилась.

Въ этой позѣ застала его старая служанка, принеся нѣсколько полученныхъ въ его отсутствіе, и спросила будетъ-ли онъ ужинать. Онъ отказался и сѣлъ читать письма, сился сосредоточить на нихъ мысли, но это ему не удалось и только одно письмо привело къ себѣ его вниманіе. Оно было изъ Бреславля, отъ бывшаго ученика Берхгеймера, Вертольда Вертгеймера, который сообщалъ въ умино стилизованныхъ выраженіяхъ, что онъ по своимъ дѣламъ намѣревается побывать въ Галиціи и въ самомъ непродолжительномъ времени явится лично засвидѣтельствовать свое почтеніе. „Поздно!— съ грустью вымолвилъ старикъ. — Дай Богъ, чтобы бѣдное дитя хоть черезъ годъ или черезъ два оправилось!“

Покуда онъ сидѣлъ, углубленный въ свои грустныя думы, послышался стукъ въ дверь, но Трахтенбергъ поднималъ голову только тогда, когда посѣтитель уже стоялъ передъ нимъ. Это былъ Вроблевскій. Онъ съ печальной миной протянулъ еврею руку, и мягко сказалъ:

— Пана Насанашъ, я зналъ, что вы въ заботѣ и въ горѣ, и тутъ вѣрный другъ долженъ быть на лицо.

Лицо еврея передернулось, но онъ сдержался. Онъ не взялъ протянутой руки, но голосъ его былъ совершенно спокойный, когда онъ спросилъ:

— Что же имѣеть сказать мнѣ вѣрный другъ?

— Богъ мой, какъ вы на меня смотрите? Точно я въ чемъ нибудь виноватъ. Если вы такъ думаете, то это напраслина,— по чести! Въ моемъ домѣ между молодыми людьми не было ска-

зано ни одного предосудительнаго слова, и я былъ ошеломленъ, узнавъ о происшедшемъ...

— Прекрасно,—произнесъ еврей все еще хладнокровно и сдержанно;—но не можете же вы требовать, чтобы я вѣрилъ вамъ... Къ чему эта комедія? Зачѣмъ вы пришли сюда?

— Вы оскорбляете меня, пане Наанань! Меня привела къ вамъ просто старая дружба, по чести! И наконецъ, вѣдь я же въ нѣкоторомъ смыслѣ причастенъ этому дѣлу. Можете третировать меня какъ хотите, а я исполню свой долгъ, какъ честный человекъ и какъ другъ вашъ. Я завтра же — а если хотите даже сегодня — пойду къ графу и скажу ему: „Вы познакомились съ этой молодой дѣвушкой въ моемъ домѣ, поэтому я въ правѣ напомнить вамъ, что вы рискуете нанести жестокое оскорбленіе почтенной семьѣ. Умоляю васъ прекратить всякія дальнѣйшія попытки“... Да, я непремѣнно сдѣлаю это!

— Хорошо. Дѣлайте, что хотите.

— Но, Богъ мой, развѣ вы не одобряете?... Вѣдь это единственный способъ подѣйствовать на графа. А лучшаго посредника вамъ не найти.

— Конечно — и болѣе честнаго. Только въ посредникѣ-то я совсѣмъ не нуждаюсь. Я запретилъ моей дочери навсегда вступать въ какія бы то ни было сношенія съ графомъ, съ вами или съ вашими дамами, а такъ какъ она доброе еврейское дитя, выросшее въ повиновеніи отцу, то послушается меня, хотя бы это было и тяжело для нея.

Вроблевскій усмѣхнулся.

— Не значить-ли это снимать шапку вѣстѣ съ волосами? Быть можетъ, графъ отвѣтитъ, что у него честныя намѣренія, что онъ намѣренъ жениться на дѣвушкѣ... Вѣдь можетъ же это быть...

— Это ничего не измѣнило бы въ дѣлѣ. Я отказалъ бы въ моемъ согласіи,—и Юдиель уже знаетъ это,—отказалъ бы не

изъ неавности къ христіанамъ, а потому что подобный бракъ былъ бы несчастіемъ для обоихъ.

Сказавъ это, онъ всталъ.

— Не можете быть, чтобы это было ваше послѣднее слово! — вскричалъ комиссаръ. — Значить, вы отвергаете руку, которую протягиваетъ вамъ другъ?

— Отвергаю, — коротко отвѣтилъ еврей. — Я не осуждаю васъ за то, что вы пришли сюда, — продолжалъ онъ тономъ невыразимаго презрѣнія. — Каждый человѣкъ поступаетъ по своимъ правиламъ. Ваше правило, какъ судьи и какъ частнаго лица, состоитъ въ томъ, чтобы давать убѣждать себя обѣимъ сторонамъ. Графъ уже убѣдилъ васъ и теперь остается убѣждать мнѣ. Но я отказываюсь...

Вроблевскій напѣнился въ лицѣ отъ обѣшенства и съ трудомъ овладѣлъ собою.

— Послушайте, пане Назамалъ, — пробормotalъ онъ; — должно быть, меня оклеветали передъ вами. Не бургомистръ-ли? О, если бы вы знали, что его жена... Однако, право, мнѣ тяжело думать, что мы разстанемся такимъ неприятнымъ образомъ.

— Что дѣлать? А все-таки вы должны будете покориться этому, — сказалъ Трахтенбергъ, выпрямляясь. — Иначе я вынужденъ буду позвать моего кучера.

Комиссаръ, высочивъ въ темныя сѣни, долженъ былъ приклониться къ притолкѣ, до того онъ былъ ошеломленъ и взбѣшенъ. „Поплатишься ты мнѣ за это, полатишься!“ — шипѣлъ онъ, разъ десять повторивъ это слово.

Онъ вышелъ на улицу и въ раздумьи ходилъ по ней взадъ и впередъ. Наконецъ рѣшеніе его созрѣло. „Такъ будетъ хорошо... Сегодня же нужно все устроить! — Онъ посмотрѣлъ на часы: — Делать! Времени еще много!“ — и онъ быстрыми шагами пошелъ по направлению къ замку.

Черезъ полчаса онъ былъ уже у графа, который только что вышелъ изъ-за стола.

— Вы пришли узнать о письмѣ?—спросилъ тотъ.— Оно уже отправлено.

— Въ этомъ я не сомнѣвался, а пришелъ доказать вамъ на дѣлѣ мою признательность.

Онъ наскоро рассказалъ ему о случившемся, разумѣется, представивъ дѣло по своему.

— Произошла, должно быть, ужасная сцена. Дѣвушка поклялась, что она не откажется отъ васъ, а старикъ объявилъ, что даже предложеніе руки съ вашей стороны будетъ принято имъ какъ смертельная обида. Онъ заперъ дѣвушку въ ея комнату и завтра на зарѣ хотѣлъ вынести ее къ своимъ родственникамъ,—одинъ Богъ знаетъ куда, въ какое нибудь другое готто. Она потеряна для васъ, если вы не будете дѣйствовать быстро...

Графъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ.

— Что же мнѣ дѣлать?—спросилъ онъ.

— Плохо было бы, если бы вы сами не знали этого!

— Увезти? Но вѣдь это было бы насиліемъ...

— Скажите, какое небывалое дѣло! Успокойтесь, впрочемъ; препятствій не встрѣтите. Я знаю, гдѣ находится комната дѣвушки.

— А если она упрется?

— Не уперлась же, когда вы позвали ее придти въ паркъ. Разъ этотъ глухой фанатикъ объявилъ, что онъ не согласится даже на бракъ ея съ вами, конечно, она не задумается бѣжать.

— Но она потребуетъ отъ меня клятвы...

— Ну, и поклянитесь! „Клятвы влюбленныхъ“—знаете пѣсенку? Да впрочемъ, кажется, вы и сами прекрасно научились находиться въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Если вы до сихъ поръ безъ клятвъ такъ далеко зашли, то пойдете и далѣе.

— Нѣтъ, этого нельзя... Моя совѣсть не позволяетъ мнѣ этого.

Но въ то же время воображеніе уже рисовало ему его маленькій замокъ на опушкѣ лѣса, въ пятнадцатомъ разстояніи отъ города,

каreta у воротъ замка, и его самого, несущаго на рукахъ въ домъ свою возлюбленную...

— Ваша совѣсть...— молвилъ комиссаръ.— Объ этомъ, конечно, вамъ судить, а не другому... Однако, обдумайте все хорошенько; вамъ остается еще на это нѣсколько часовъ. Если рѣшитесь, то прѣзжайте въ каретѣ, въ часъ ночи, по той улицѣ, которая пролегаетъ позади нашего дома; но само собою разумѣется, что экипажъ нужно оставить въ нѣсколькихъ стагахъ шарахъ отъ нашихъ воротъ. Я буду наслаждаться въ это время чистымъ воздухомъ у открытаго окна на лицевомъ фасадѣ дома. Если съ ударомъ часа я увижу васъ внизу подъ окномъ, то отпру вамъ дверь. Подумайте обо всемъ хорошенько, а пока прощайте, или до свиданія.

Онъ повернулся, чтобы уйти, но графъ сдѣлалъ движеніе, заставившее его остановиться.— Пойдите, одно слово... Такъ Трахтенбергъ сказалъ дочери, что онъ не согласился бы даже и на бракъ ея со мною?.. Правда-ли это?

— Развѣ я лгалъ когда нибудь?— обижено возразилъ комиссаръ, и тотчасъ прибавилъ, улыбаясь:— или вы считаете меня глупцомъ? Развѣ сталъ бы я утверждать ложь, которая открылась бы съ перваго же объясненія вашего съ дѣвушкой? Плохо же вы знаете меня, любезный графъ!

— Но неужли онъ такой фанатикъ?

— А что же тутъ удивительнаго? Развѣ мы люди въ ихъ глазахъ? Если и это обстоятельство не способно облегчить вашу совѣсть... Впрочемъ, это ваше дѣло!

Онъ откланялся и ушелъ.

VI.

Прошло четыре недѣли. Былъ ненастный ноябрьскій день. Овныя снѣговныя тучи низко нависли надъ землей и по временамъ, когда гнѣвный вѣтеръ нагонялъ ихъ еще ниже, изъ нихъ

хлопьями валилъ снѣгъ, превращавшійся въ воздухъ въ воду, а на землѣ въ грязь. Между скользкой, взрытой землей и низко нависшими тучами стоялъ густой, безконечный, неподвижный туманъ; теплый западный вѣтеръ, дувшій временами въ верхнихъ слояхъ воздуха, обуславливая паденіе снѣга, не проникалъ такъ низко, чтобы разогнать туманъ, который окутывалъ землю сѣрой пеленой, поглощая всѣ тоны и краски. Самый острый глазъ ничего не могъ бы рассмотреть въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія. Въ стены словно все вымерло; ни души живой не встрѣчалось путнику, ѣхавшему въ легкомъ экипажѣ съ горной западной стороны, направляясь въ городеу, и не у кого было ему спросить дорогу. Экипажъ былъ порожній и горячіе воронные боны несли его выхресть, когда кучеръ опускалъ поводья; грязь кобылами летѣла изъ-подъ ихъ ногъ; но въ непроницаемомъ туманѣ приходилось мчаться наобумъ. Въ полдень на дворѣ было не свѣтлѣе, чѣмъ раннимъ утромъ, когда кучеръ выѣхалъ со двора.

— Скажи во весь духъ, Федька,—говорилъ ему пославшій его кастелянъ.—Помни, что дѣло идетъ о жизни и смерти!

Федька и самъ зналъ это. Вотъ онъ опять отпустилъ поводья, но вдругъ экипажъ остановился; лошади рванулись, но тщетно: болото засосало ихъ по колѣна. Кучеръ соскочилъ на землю и также увязъ. Очевидно, онъ съѣхалъ съ дороги на крутомъ поворотѣ и забрался въ рыхлыя кашни. Безпоинцио стоялъ онъ, не зная, что дѣлать, куда направить коней.

— Иезусъ Марія!—вскричалъ онъ,—а она-то, можетъ быть, ужъ умираетъ!

Вдругъ до слуха его донесся отдаленный звукъ. Онъ прислушался и распозналъ благовѣсть на башнѣ доминиканской церкви. Кучеръ схватился за поводья, нахлесталъ лошадей такъ, что онѣ взвились на дыбы и, направляясь по звукамъ колокола, вывезъ экипажъ на дорогу. Тутъ изъ-за тумана показался и красный крестъ надъ городскими воротами; вотъ и таможня! Еще пять

минуъ — и письмо, которое Федька везеть, будетъ въ рукахъ коннисара.

Но этому не суждено было такъ скоро сбыться. Доѣхавъ до первыхъ домовъ, возница встрѣтилъ толпившійся народъ. — „Оторвись!“ — закричалъ онъ. — Однако, пришлось ѣхать шагомъ, а добравшись до вѣзда въ улицу, экипажъ долженъ былъ совсѣмъ остановиться: густая толпа народа запружала всю улицу; все населеніе городка, христіане и евреи, мужчины и женщины, стояли здѣсь плотною стѣной, колебавшейся то взадъ, то впередъ. Изъ толпы не вылетало, однако, ни малѣйшаго крика, всѣ шептались и даже когда кучеръ попытался двинуться впередъ, то его останавливали вполголоса: — „Не видишь развѣ — похороны!“

Возница внялъ этому внушенію и остановилъ экипажъ у монастырской стѣны. Онъ не спрашивалъ, кого хоронять — какое ему дѣло до этого, и счастье его, что онъ не спрашивалъ, а въ особенности, что на немъ не было ливреи его господина, графа Агевора Барановскаго!

На улицѣ столпилась, чтобы слѣдовать за похороннымъ кортежемъ, вся бѣднѣйшая часть населенія: крестьяне, работники и нищія — черныя, грубыя народы, который тупо влачатъ изо дня въ день свою жизнь, безъ радости и безъ печали, кромѣ вѣчной заботы о своемъ жалкомъ существованіи. Большое значеніе долженъ былъ имѣть для него этотъ покойникъ, если всѣ лица были такъ возбуждены. Чуть кто нибудь дѣлалъ громкій вопросъ или порывался впередъ, какъ другіе тотчасъ останавливали. Находившіеся здѣсь евреи имѣли всѣ до одного разрѣзы на одеждѣ, которые обыкновенно дѣлаются въ знакъ траура только родственниками; но этого покойника, повидимому, всѣ считали роднымъ. Всякій разъ, когда въ толпѣ раздавался женскій вопль, по ней пробѣгалъ ропотъ, и это былъ ропотъ не только горя, но и негодованія; изъ толпы вырывалось иногда глухое проклятіе, переходившее изъ устъ въ уста.

Изъ дома умершаго доносились вопли и плачь. „Это сестра его съ дѣтми изъ Тарнополя пріѣхала, — шептали въ толпѣ, — а сына все еще нѣтъ!“ Воздухъ огласился какими-то глухими звуками, которые скоро замолкли. Это была короткая молитва погребальнаго братства передъ тѣмъ, какъ войти въ домъ за покойникомъ. „Посторонитесь!“ — пробѣжало по рядамъ. Народъ стѣснился еще плотнѣе, очистивъ середину улицы. Иные влѣзли въ экипажъ графа Барановскаго, кучеръ котораго не препятствовалъ этому и, соскочивъ съ козелъ, возился около лошадей. Это былъ простой, бѣдный мужикъ, который хотя и везъ въ известную ночь, за мѣсяць передъ тѣмъ, своего господина съ молоденькою еврейкой въ маленькій замокъ Барановскихъ у подошвы Карпатскихъ горъ, но нравственно былъ столько же причастенъ этой винѣ, сколько и лошади, которыми онъ правилъ. И тѣмъ не менѣе онъ не могъ усидѣть на своихъ высокихъ козлахъ, на глазахъ у всѣхъ, когда узналъ — кого понесутъ мимо него.

Но до этого случился еще другой потрясающій фактъ. У въѣзда въ улицу раздался неожиданно громкій крикъ, пронесшійся по толпѣ: „Рафаэль! сынъ пріѣхалъ!“ Крикъ этотъ донесся до дома покойника, и начавшаяся тамъ молитва разомъ порвалась. Порядокъ нарушился, все заволновалось и толпа шарахнулась назадъ, къ таможенѣ. Здѣсь опять все стало стѣной; слышались голоса, спрашивавшіе, правда-ли, что пріѣхалъ сынъ, и куда онъ дѣвался. Но никто не могъ дать отвѣта. Наконецъ, кто-то изъ распорядителей далъ объясненіе переднимъ рядамъ, которые передали его далѣе: Рафаэль, узнавъ отъ таможенныхъ, что онъ пріѣхалъ слишкомъ поздно, лишился чувствъ, но вскорѣ оправился и его повели въ домъ съ задней стороны, чтобы дать возможность проститься съ отцомъ.

— Назадъ, песуть! — Всѣ шарахнулись и снова вытянулись шпалерами, но горе и негодование выражались теперь громче прежняго, плачущія женщины вопили, мужчины сжимали кулаки,

прокиная Юдиѣ и графа. Вучеръ Ѳедька надвинулъ себѣ шапку на самое лицо. „А еще не знаютъ они, что произошло у насъ сегодня утромъ!“—думалъ онъ. Ни за что не пожелалъ бы онъ быть теперь въ кожѣ своего сѣятельнаго барина.

Спусти нѣсколько минутъ, послѣднее прощаніе съ покойникомъ кончилось и снова началась молитва; глухо и торжественно разносились въ туманномъ воздухѣ гортанные звуки еврейскихъ словъ. Кортѣжъ сформировался. Впереди шли ученики еврейскихъ школъ, начиная съ пятилѣтнихъ, всѣ въ длинныхъ черныхъ одеждахъ. Предводящие своими учителями, они выступали попарно, сначала молча, потомъ вдругъ, по данному знаку, сотни чистыхъ дѣтскихъ голосовъ пропѣли короткую молитву, которая словно вопль печали огласила воздухъ. Это была молитва о мирѣ усопшей души. „Аминь, аминь!“—словно эхо раскатилось по рядамъ. За дѣтьми слѣдовали юноши, за ними взрослые люди, всѣ въ парадныхъ костюмахъ,—въ суконныхъ или шелковыхъ кафтанахъ съ виднѣвшимся издали разрѣзомъ на груди. Нѣкоторые шопотомъ молились, но большинство шло съ мрачнымъ видомъ, низко опустивъ голову. Раздался громкій крикъ: „Во спасеніе души!“—и сторожа стали наклонять къ толпѣ кружки, навязанныя на длинныя жерди. Показались члены погребальнаго братства въ длинныхъ одеждахъ; шестеро изъ нихъ несли тѣло, окутанное бѣлымъ холщевымъ саваномъ и съ головой, накрытой бѣлымъ покрываломъ. Трупъ лежалъ на носилкахъ, ногами впередъ, безъ гроба, и очертанія его ясно обрисовывались подъ бѣлымъ покрываломъ. Женщины зарыдали громче, мужчины колотили себя въ грудь, бормоча: „Съ миромъ, съ миромъ!“ Когда прошло братство, которое одно было въ правѣ окружать покойника, и показалась голова траурнаго кортежа, толпа снова заволновалась и изъ рядовъ ея послышался глухой крикъ. Впереди всѣхъ шелъ Рафаилъ, какъ былъ въ своемъ дорожномъ платьѣ, забрызганномъ грязью. Онъ такъ глубоко сдѣлалъ себѣ разрѣзъ на груди, что поранилъ кожу

и края разрѣза были запятнаны свѣжей кровью. Черные какъ смоль волосы рѣзко выдавали землястую блѣдность его лица, черты котораго словно окаменѣли. Шедшій съ нимъ рядомъ дядя предлагалъ ему опереться на его руку, но онъ отклонилъ эту поддержку и шагалъ прямой, какъ автоматъ, неподвижно устремивъ глаза на носилки, и только полукрѣпныя губы и опущенные углы рта обнаруживали безысходное горе, давившее его грудь. Но не одно горе гнѣздилося въ его душѣ, а также и жажда мести.

— Вѣдьяжка!—вскликивали женщины, но мужчины молчали и, сдерживая дыханіе, всматривались въ лицо Рафаила. Когда кто-то крикнулъ: „Отисти за него, мы поможемъ!“—сотни устъ поддерживали этотъ крикъ, словно онъ назрѣвалъ во всѣхъ сердцахъ. Городской врачъ и еврейскій старшина, слѣдовавшіе за Рафаиломъ, съ испугомъ оглянулись на шедшія позади христіанскія власти, съ бургомистромъ во главѣ; тутъ же былъ и г-нъ Варлеси со своими офицерами, но окружного комиссара не было. Медленно двигался кортежъ, углубляясь въ туманную даль стѣны и направляясь къ „доброму мѣсту“, какъ называютъ восточные евреи кладбище, и всякій, кто могъ, присоединялся къ нему. Улица вскорѣ очистилась, и Федька могъ проѣхать къ дому; но онъ счелъ за лучшее заѣхать съ задней стороны, словно дѣло, которое привело его сюда, боялось свѣта даже этого пасмурнаго дня.

Наружная дверь въ первый этажъ была заперта; когда кучеръ постучался, къ нему подошелъ одинъ изъ двухъ гусаръ, которые праздно прохаживались по двору, и спросилъ, что ему нужно. Федька объяснилъ и солдатъ стукнулъ два раза въ дверь. Отворилъ третій гусаръ, а четвертый стоялъ наверху лѣстницы. Наконецъ появилась и вухарка комиссара.

— Нашъ баринъ со страха заболѣлъ, — шепнула она Федькѣ;—онъ такъ боится евреевъ, что просилъ поставить къ нему солдатъ, но тебя-то онъ приметъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ Оедьку позвали въ коннаты. Комиссаръ, блѣдный и разстроенный, сидѣлъ въ креслѣ; лицо его стало еще блѣднѣе, когда онъ пробѣжалъ привезенное ему письмо; оно состояло всего изъ двухъ слѣдующихъ строкъ: „Случилось несчастье; не знаю, что дѣлать. Призжайте немедленно и захватите съ собою городского врача“. Вроблевскій вскочилъ.

— Что же случилось?—спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Если въ письмѣ не сказано... — нерѣшительно началъ Оедька и замолчалъ.

— Да говори же! Меня зовутъ въ Борки, велѣтъ привести доктора—значить, отъ меня не останется тайной. Не заболѣла-ли еврейка?

Кучеръ покивалъ головой.

— Она очень плоха.

— Сдѣлала что нибудь надъ собою?

Оедька молчалъ.

— Да говори же! что у васъ тамъ случилось? Вѣдь докторъ долженъ захватить съ собою нужныя лекарства.

— Она... она упала въ прудъ...

— Когда?

— Сегодня на разсвѣтѣ. Графъ еще спалъ.

— Кто же ее вытаскилъ?

— Я съ кастеляномъ. Нелегкое было дѣло! Она не давалась. Мы вытаскивали ее только тогда, когда она уже лишилась чувствъ.

— Этого еще не доставало!—простоналъ комиссаръ, въ волненіи ходя по кабинету.—Мало еще скандала!... Но чѣмъ же я-то могу помочь?—прибавилъ онъ вслухъ.—Доктора ты и самъ могъ бы найти. Только не городского! это глупости! городской врачъ самъ еврей, а хорошо хотя то, что евреи еще не знаютъ пока,

гдѣ находится графъ. Я дамъ тебѣ записку къ полковому врачу въ Рощовкѣ.

Онъ подошелъ къ письменному столу и взялся за перо, но написалъ нѣсколько строкъ, остановился.

— Слушай, Федька, не странно-ли, однако, что вчера умеръ еврей, а сегодня поутру у васъ случилось это несчастіе? Какой чортъ могъ такъ скоро извѣстить дѣвушку?

— Никто не извѣщалъ ее, сударь,—отвѣчалъ кучеръ.—Къ намъ въ замокъ ни одна душа не заходила въ это время. Дѣвушка еще ничего не знаетъ.

— Такъ зачѣмъ же ей было топиться? Взаблмошная женщина! Живеть себѣ среди тысячи радостей со своимъ люб...

Онъ не договорилъ. Этотъ русинскій мужикъ такъ странно глядѣлъ на него! „Скверно,—подумалъ комиссаръ,—очень скверно. Пожалуй, она повторить... а ужъ до этого никакъ нельзя допускать. Если еще этотъ скандалъ подвернется, то я пропалъ! Нужно выпроводить отсюда ихъ обоихъ“.

Онъ всталъ изъ-за стола и сказалъ:

— Я ѣду съ тобою!

Поглядѣвъ въ окно, комиссаръ убѣдился, что улица совсѣмъ пуста.

— Гдѣ твой экипажъ? У заднихъ воротъ? Хорошо. Такъ мы можемъ незамѣтно проѣхать въ Рашковку. Эти глупые жиды вчера угрожали мнѣ...

Онъ выслалъ кучера въ прихожую и сталъ торопливо одѣваться. Въ это время вошла пани Анна. Мужъ открылъ ей дѣлъ своей поѣздки и супруги обмѣнялись на прощанье короткими, но выразительными словами. Жена въ одномъ словѣ очертила роль своего мужа въ этомъ дѣлѣ и пожелала ему удостоиться на пути заслуженной награды; онъ отблагодарилъ указаніемъ на пріора и на ротмистра. Затѣмъ, комиссаръ ушелъ и, спускаясь съ лѣстницы, съ робостью заглянулъ въ настежь отворенную дверь коннаты, откуда въ этотъ день вы-

несли покойника. Окна были завѣшаны, зеркала обращены къ стѣнѣ; въ углу полутемной комнаты горѣла масляная лампа— „свѣточъ души“; половицы тихо поскрипывали, какъ бы съ облегченіемъ вздыхая послѣ унесеннаго съ нихъ страшнаго груза.

Коммисаръ содрогнулся и, торопливо перейдя дворъ, вскочилъ въ экипажъ. Одинъ изъ гусаровъ сѣлъ на козлы и воляса быстро покатила по пустынному проулку къ рѣкѣ, а потомъ берегомъ въ предѣстіе Ронковку, гдѣ находились казармы гусарскаго полка и жилъ полевой врачъ.

Послѣдній былъ дома и съ готовностью согласился ѣхать, обязавшись хранить дѣло въ тайнѣ. Но когда коммисаръ объяснилъ ему, кто нуждается въ его помощи и попросилъ захватить съ собою необходимыя лекарства, то старый докторъ, съ суровыми, желѣзными чертами лица, оказался глубоко потрясеннымъ.

— Дочь Трахтенберга! — повторилъ онъ, и сѣдые, щетинистые усы его дрогнули.—Вчера я стоялъ у постели умирающаго отца, а сегодня дочь... А давно-ли—какихъ нибудь два мѣсяца тому назадъ—эти люди жили столь мирно и счастливо!.. Страшное преступленіе совершилось здѣсь, г. коммисаръ!

— Объ этомъ еще можно поспорить!—возразилъ Вроблевскій, помогая врачу укладывать въ чемоданъ необходимыя вещи. И только когда они уже уѣхали въ экипажъ, и Вроблевскій хотя отпустилъ гусара, но приказалъ кучеру объѣхать городъ стороною и отнюдь не попадаться на встрѣчу возвращающейся похоронной процессіи, онъ сталъ излагать врачу, какъ онъ смотритъ на дѣло.

— Вы видите, какъ несправедлива во мнѣ чернь, — началъ тогда коммисаръ.—Но и графъ не такъ виноватъ, какъ это кажется. Несчастіе началось собственно по винѣ самого отца, вслѣдствіе его фанатизма. „Я охотнѣе соглашусь видѣть мою дочь мертвою, чѣмъ графиню Барановской“, — вотъ его слова! По чести! Не будь этого, Агеноръ не прибѣгъ бы къ насилію.

— Тѣмъ лучше, — замѣтилъ докторъ;—значить, теперь онъ

можетъ жениться на ней. Мертвый теперь уже не можетъ протестовать.

— Гм!—крикнулъ комиссаръ, не зная, что сказать. Однако, мысль доктора засѣла въ его умѣ. Это былъ бы по крайней мѣрѣ исходъ изъ затрудненій. Хотя онъ и неохотно предоставилъ бы евреямъ такое торжество, но по крайней мѣрѣ женитьба графа на еврейкѣ отклонила бы грозящее слѣдствіе. Только о женитьбѣ нечего было и думать. Во всемъ остальномъ Агеноръ былъ мягокъ какъ воскъ, но въ этомъ онъ былъ твердъ какъ желѣзо. Предки, старинный, чистый родъ, — это былъ его пунктъ помѣшательства. Какъ онъ однажды выразился по этому поводу? „Если бы мнѣ пришлось выбирать между женитьбой на еврейкѣ и исправительной тюрьмой, тогда только я задумался бы, не зная, что навлечетъ наиболѣе позора на моихъ предковъ“... Однако, если женитьба единственное средство спасти жизнь Юдней и предупредить дальнѣйшій скандалъ...

Комиссаръ невольно закрылъ глаза. Это былъ черствый, безсовѣстный человѣкъ, вся жизнь котораго была одна сплошная ложь, и, однако, даже онъ содрогнулся въ первую минуту отъ мысли, мелькнувшей въ его умѣ, и попытался отогнать ее. Это было бы слишкомъ гнусно—да и рискованно... Онъ предложилъ доктору сигару и заговорилъ о погодѣ и о скверной дорогѣ. Дѣйствительно, путешествіе по размякшимъ дорогамъ сѣрой, унылой степи было не изъ пріятныхъ, но этотъ разговоръ скоро истончился.

„Рискованно... но отчего же собственно? — гвоздило опять въ умѣ комиссара.—Во всякомъ случаѣ, парочкѣ пришлось бы уѣхать на годъ или на два за границу. Въ это время Юдней успѣла бы успокоиться и если бы съ нею потолковать разумнымъ и въ то же время мягкимъ манеромъ... Ужъ, конечно, она не осталась бы обезпеченною... А этотъ негодяй навѣрное изъявитъ полную готовность, и отыскать его будетъ не трудно. Въ Россію онъ, разумеется,

не поѣхалъ, не смотря на всѣ свои клятвы... Если бы и графъ согласился, то это въ сущности былъ бы нелучшій исходъ...

Онъ уже могъ теперь спокойно развивать въ умѣ свой планъ во всѣхъ подробностяхъ, и дѣлалъ это съ какимъ-то страннымъ, двойственнымъ чувствомъ: въ глубинѣ души онъ самъ содрогался отъ своей мысли, а въ то же время чувствовалъ пріятное щеко-таніе самолюбія отъ сознанія своей находчивости. Это удовольствіе отразилось на его лицѣ, такъ что докторъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Что васъ такъ веселитъ?

Коммисаръ вздрогнулъ.

— Я думалъ—о чести, бишь, я думалъ?.. Гм! быть можетъ, все еще устроится хорошо. Что касается до дѣвушки, то я полагаюсь на ваше искусство. Грустно было бы, если бы такое прелестное созданіе такъ жалко кончилось!

— Да, грустно! и для васъ очень непріятно,—замѣтилъ докторъ.

— Для меня? Не думаете-ли вы, любезный докторъ, что жалоба, поданная старикомъ въ губернію, можетъ насъ тревожить? Мнѣ рѣшительно ничего не грозитъ, да и графу—едва-ли. Слава Богу, мы вѣдь живемъ въ правовомъ государствѣ! Губернаторъ, конечно, поступитъ согласно закону и передастъ жалобу на разсмотрѣніе первой инстанціи.

— А первая инстанція—вы сами?

— Не я, а здѣшній окружной коммисариатъ. Это разница!.. Однако, вотъ видите, какой истительный народъ эти евреи!—прибавилъ онъ грустнымъ тономъ.—Вотъ хотя бы этотъ старикъ: вмѣсто того, чтобы употребить послѣдніе часы жизни на приниреніе съ Богомъ, онъ употребляетъ ихъ на месть тѣмъ, кого считаетъ своими врагами...

— Тогда какъ съ ними эти люди поступили, какъ истинные христіане,—добавилъ докторъ, омять передернувъ своими сѣдыми усами.—Но мнѣ кажется, дѣло было иначе. Названіе Трахтен-

бергъ умеръ бы раньше, если бы его не поддерживало сознание, что онъ долженъ еще исполнить свой послѣдній долгъ на землѣ. Того же мнѣнія и мой коллега, городской врачъ. Мы изумлялись, видя, какъ желѣзная воля поддерживаетъ исчахшее тѣло старика. Меня перваго позвали къ нему въ утро послѣ побѣга его дочери, такъ какъ мой коллега находился въ ту пору въ отлучкѣ. Когда старая служанка прибѣжала сказать отцу, что Юднень не откликается на стукъ въ дверь ея комнаты, онъ самъ бросился туда и дубовая дверь разлетѣлась какъ тростникъ подъ его напоромъ. Но въ комнатѣ дочери онъ прочелъ оставленную ему записку и упалъ, какъ подкошенный. Апоплексическій ударъ и параличъ лѣвой стороны—случай безусловно смертельный. Я пришелъ черезъ часъ послѣ того, пустилъ ему кровь, принялъ все другія мѣры, но съ грустнымъ сознаниемъ, что я ничего не могу сделать, который не доживетъ до утра. Онъ пытливо глядѣлъ на меня и лепеталъ что-то отнявшимися языкомъ, но я ничего не понималъ. Тогда онъ написалъ: „Много-ли остается времени?“ Я хотѣлъ солгать, но не могъ и отвѣтилъ, что это зависитъ отъ воли Божіей. Онъ написалъ послѣ того: „Помогите! только на три недѣли“. Никогда не забуду я выраженія его глазъ въ ту минуту... Къ нему пришли старшины еврейской общины и онъ написалъ имъ свою послѣднюю волю. Они повиновались по первому знаку. Тотчасъ были разсланы гонцы къ его роднымъ, къ нотариусу, къ адвокату, д-ру Розенбергу, во Львовъ. Я требовалъ вначалѣ, чтобы больной лежалъ спокойно, но видя, какъ возвращается жизнь въ его глаза по мѣрѣ того, какъ онъ пишетъ, и какъ зашѣтно тверже дѣлается его почеркъ, я удивился и пересталъ протестовать. Оставалось еще одно затрудненіе, и самое важное: старикъ страстно желалъ видѣть сына, который учится въ Гейдельбергѣ, а по извѣщенію почтой сынъ могъ бы пріѣхать не раньше, какъ черезъ пять недѣль. Но черезъ десять минутъ и это затрудненіе уладилось: какой-то молодой еврей вызвался бить

курьеромъ и мчаться день и ночь... Видите-ли, г. комиссаръ, каковы эти евреи! Многое можно сказать противъ нихъ, но нельзя не признать, что они умѣютъ уважать волю умирающихъ...

— Слишкомъ, къ сожалѣнію! — вскричалъ Вроблевскій. — Я не брошу камень въ старика; чувство ненависти ослѣпило его. Но какъ могли всё эти, въ сущности, умные люди такъ поддаться его клеветамъ на меня? Вѣдь это обратится имъ же на пагубу. Мнѣ достоверно извѣстно, что искусившійся въ крѣпостворствѣ Розенкранцъ, еврейскій стряпчій изъ Львова, написалъ формальный доносъ на меня, а тѣ самые люди, которые не смѣютъ дохнуть въ мою присутствіи, наперерывъ стремились подписаться подъ этотъ доносомъ. Но, разумѣется, въ немъ все ложь, наглая ложь! По чести! Согласитесь же, докторъ, что христіанинъ не сталъ бы думать, при послѣднемъ издыханіи, о мести!

Врачъ пожалъ плечами.

— Можетъ быть, Трахтенбергомъ руководила не одна месть. Я и мой коллега, разумѣется, вставали противъ безконечныхъ дѣловыхъ разговоровъ у постели умирающаго, но онъ возражалъ намъ...

Докторъ остановился.

— Продолжайте, — съ улыбкой сказалъ комиссаръ, — у кого совѣсть такъ чиста, какъ у меня, тотъ можетъ все выслушать.

— Онъ возражалъ: „Меня только и поддерживаетъ еще сознаніе, что я долженъ выполнить свой долгъ. Предоставленіе подобному человѣку судебной власти вопіеть къ Богу, и я не смѣю явиться предъ лицо Творца, пока не исполню все, что въ моей власти, для очищенія земли отъ подобнаго судьи“. Извините меня, г. Вроблевскій...

Комиссаръ немного поблѣднѣлъ.

— О, это меня не стѣсняетъ, пожалуйста! Это слишкомъ несправедливо, слишкомъ глупо, чтобы стоило обижаться. Старикъ наказываетъ меня за то, что графъ похитилъ его дочь! Но если это

такъ огорчило его, то не лучше-ли было бы употребить оставшіяся еще силы для возвращенія ея? Евреи—такой проникливый народъ, что не замедлили бы открыть убійнице графа...

— Замокъ Борки?—спросилъ врачъ.—Наэнаналъ и еврейскіе старшины знали это въ первый же вечеръ послѣ побѣга, и ваше требованіе, чтобы я далъ слово молчать, было совсѣмъ напрасной предосторожностью. Мало того: вызывались охотники силой вернуть Юдию и отдать ее на судъ общины, но отецъ ея воспротивился этому. „Нѣтъ,—сказалъ онъ,—это могло бы стоить жизни комунибудь, или навлечь на когонибудь строгое наказаніе по суду. Нельзя подвергать опасности честныхъ людей ради погибшаго созданія. И что пользы судить ее? Предоставимъ судъ Богу. Вѣдь для нея и для васъ она покойница“. Но въ тайнахъ его души еще оставалась жалость къ несчастной и онъ долго противился страшному обряду, который совершается у евреевъ въ подобныхъ—очень рѣдкихъ у нихъ—случаяхъ. Въ здѣшней общинѣ уже два вѣка не слыхано о такомъ фактѣ, чтобы еврейская дѣвушка убѣгала отъ родителей съ христіаниномъ. Наконецъ, рѣшаясь на исполненіе этого обряда, онъ предъявилъ одно условіе, которое только для него, своего вождя и предстателя, евреи согласились выконнить.

— Я не понимаю васъ. Какой обрядъ?

— Похороны!

— Похороны? — изумился комиссаръ. — Они похоронили Юдию?

Онъ готовъ былъ раскохотаться, но, взглянувъ на лицо своего собесѣдника, онъ точно онемѣлъ.

— Это было ужасно... Никогда не забуду... Уступая просьбамъ общины, мы съ коллегой не покидали больного въ послѣдніе дни и по очереди дежурили при немъ, сибываясь черезъ каждые шесть часовъ. Но въ нашемъ безсиліи удержать отлетающую жизнь мы уже не сомнѣвались. Послѣ отъѣзда адвоката, на больного

нашло сонное состояніе; ударъ хотя и не повторялся, но остатокъ жизненныхъ силъ угасалъ, и Наоанаилъ лежалъ въ забытіи, лепеча по временамъ имя своего сына. Не желай онъ такъ горячо видѣть его, быть можетъ, жизнь покинула бы его еще ранѣе... Третьяго дня, часовъ въ одиннадцать вечера, когда я пришелъ смѣнить моего коллегу, тотъ шепнулъ мнѣ:

— Кончается. Оставайтесь при немъ... И что бы ни случилось въ эту ночь—не разспрашивайте.

— Вскорѣ послѣ того вошли въ комнату еврейскіе старшины съ раввиномъ, всѣ въ молитвенныхъ мантияхъ; они поклонились больному и раввины спросилъ:—начинать-ли?—Наоанаилъ кивнулъ головой. Тогда отворилась дверь и вошли двѣнадцать членовъ погребальнаго братства, всѣ въ бѣлыхъ похоронныхъ одеждахъ и со странною ношей въ рукахъ: они несли роскошный розовый кустъ, къ корнямъ котораго еще была прилипла сырая земля,—не понятно, откуда они могли добыть его, быть можетъ, въ оранжереяхъ графа Агенора.—Они поднесли его къ кровати и Наоанаилъ, протянувъ руку, прикоснулся къ его коронкѣ; губы его зашевелились, быть можетъ, шепча благословеніе и послѣднее прости. Въ это время присутствующіе закрыли лица мантиями и нѣкоторые вслухъ зарыдали. Потомъ кустъ отнесли на средину комнаты; къ нему подошелъ раввинъ съ такимъ мрачнымъ лицомъ, какого я еще въ жизни не видывалъ, и, протянувъ надъ кустомъ руку, громко и сурово произнесъ какія-то слова,—должно быть, проклятіе. Послѣ этого онъ схватилъ кустъ обѣими руками, сломалъ его и бросилъ вѣтки на полъ. Присутствующіе начали подходить одинъ за другимъ, срывать по цвѣтку и, обрывая лепестки, разсѣивать ихъ по полу, пока измятый и оборванный кустъ не лишился всего своего украшенія. Я приблизился къ изголовью кровати. Старикъ лежалъ съ закрытыми глазами, но, очевидно, зналъ, что творится въ комнате; изъ груди его вылетали тихіе стѣны и слезы градомъ катились по щекамъ. Въ такомъ же положеніи оставался онъ и тогда,

когда въ комнатѣ зажгли лампаду—„свѣточъ души“ той, которая отнынѣ умерла для своего отца и для общины, и когда сдѣлали на его сорочкѣ надрѣзъ, свидѣтельствующій о надрѣзѣ въ жизни носящихъ трауръ. Наконецъ въ комнату внесли доску, положили на нее кустъ и всѣ тщательно подобранные лепестки, накрыли бѣлымъ покрываломъ и унесли все это изъ комнаты. Старшины вышли вслѣдъ за другими, и я часа два послѣ того оставался наединѣ съ умирающимъ и держалъ его руку, не имѣя силы сказать слова. Немного погодя, старшины съ раввиномъ возвратились и послѣдній подошелъ къ кровати.

— Исполнено,—сказалъ онъ,—и такъ какъ ты велъ праведную жизнь—да продлить ее Превѣчный,—то желаніе твое удовлетворено. Могила твоей дочери погнѣщается между могилой твоей жены—миръ ей праху!—и тѣмъ мѣстомъ, которое ты предназначилъ для твоего собственнаго упокоенія. И если дочь твоя будетъ еще сохранять нашу вѣру, когда Господь призоветъ ее къ Своему суду, то дамъ тебѣ клятву, что эта могила приметъ ея прахъ!—Наеванилъ кивнулъ головой и съ той минуты дыханіе его стало спокойнѣе, и постепенно стихало; но онъ прожилъ послѣ того еще часовъ десять и заснулъ навѣки только вчера въ полдень...

Врачъ тяжело вздохнулъ.

— Пожалуйста—не тень!—горячо сказалъ онъ, когда комисаръ хотѣлъ что-то сказать.—Когда я думаю объ этой пустой могилѣ и о больной, къ которой я теперь ѣду...

Онъ быстро раскрылъ окно кареты, глубоко вдыхая свѣжій воздухъ и подставляя подъ дождь горячій лобъ.—„Какой сантиментальный!—подумалъ комисаръ.—Странно, что большинство людей сантиментально!“ Однако, заговорить онъ не рѣшился, и путники долго ѣхали молча; сумерки смѣнились ночью, когда они приблизились къ гористой мѣстности, гдѣ усталыя лошади съ трудомъ тащили на подъемъ уязавшій въ грязи экипажъ.

Наконецъ они совсѣмъ остановились.

— Что случилось?! — вскричалъ комиссаръ, высовываясь изъ окна.

— Не знаю, — отвѣтилъ Оедька, — въ намъ на встрѣчу ѣдутъ два всадника съ факелами, а позади ихъ карета. Намъ надо постоять, чтобы развѣхаться на этой узкой дорогѣ.

Это были графскіе слуги, а въ каретѣ сидѣлъ кастелянъ. Онъ подошелъ къ дверцѣ экипажа.

— Наконецъ-то, г. комиссаръ! Везете-ли вы врача? Графъ внѣ себя и посылаетъ меня за вами.

— Развѣ ей хуже? — спросилъ врачъ.

— Не знаю, — грустно отвѣтилъ кастелянъ. — Съ самаго начала было очень худо. Сильнѣйшая горячка! Двѣ служанки едва могутъ сдерживать бѣдную на постели. Не пересядете-ли вы въ мою карету? Мои лошади не такъ устали какъ ваши, и мы черезъ полчаса будемъ въ замкѣ.

Борки служили вначалѣ охотничьимъ замкомъ Барановскихъ и только послѣдній умершій глава дома, холостой, нелюдимый чудакъ, расширилъ это маленькое зданіе въ жилой домъ. Построенный на одномъ изъ первыхъ мягкихъ склоновъ горнаго края, онъ глядѣлъ окнами на безконечную равнину, и этотъ видъ былъ его единственнымъ украшеніемъ, если не считать еще сада, очень большого, но запущеннаго. Прудъ, на которомъ разыгралась въ это утро отчаянная борьба, былъ искусственно вырытъ на лужайкѣ позади дома.

Когда пріѣзжіе вошли въ сѣни, графъ выбѣжалъ къ нимъ на встрѣчу.

— Докторъ Рейзеръ! — вскричалъ онъ, схвативъ за руку врача. — Пойдите!

Онъ повелъ его наверхъ и потомъ, черезъ амфиладу комнатъ, въ комнату больной. Тамъ лежала Юдиѣ, мертвенно-блѣдная, съ похудѣвшимъ лицомъ, съ каплями пота на лбу, съ прилипшими къ мокрымъ вискамъ растрепанными космами золотистыхъ волосъ. Глаза ея были закрыты, все тѣло тряслось въ лихорадкѣ. Двѣ

деревенскія служанки съ тупыми лицами сидѣли на полу въ ногахъ постели.

— Спать,—прошептала графъ.

Врачъ покачалъ головой и тихо приблизился къ постели, всматриваясь въ исхудалое, блѣдное лицо молодой женщины, которую нѣсколько недѣль тому назадъ онъ видѣлъ цвѣтущею красотой. Ему вспомнился розовый кустъ и у него защемило сердце.

Больная вдругъ открыла лихорадочно-блестѣвшіе глаза и прошептала:—Агеноръ!

Графъ подбѣжалъ и нѣжно наклонился къ ней.

— Я здѣсь, что ты желаешь?

— Агеноръ!—крикнула молодая женщина—сжался! Дай мнѣ умереть!

Она попыталась подняться, но графъ мягко придержалъ ее на подушкахъ.

— Сжался!—стонала она, борясь съ нимъ.—Ты самъ видишь, что я не могу такъ жить... я не стану проклинать тебя, я буду благословлять тебя, только дай мнѣ умереть!.. Вотъ онъ — прудъ...

Графу снова пришлось бороться съ нею пока не кончился пароксизмъ.

— Четырнадцать часовъ такъ продолжается,—шепнуть онъ врачу;—бредъ сивняется лихорадкой, но она все время не перестаетъ твердить одни и тѣ же слова.—Это раздражаетъ душу!

— Да, это дѣйствительно раздражаетъ душу,—тихо отвѣтилъ докторъ, но тонъ его былъ холоденъ и рѣзокъ, какъ ударъ ножа.

Онъ опять приблизился къ постели. На тѣлѣ больной не замѣтно было никакихъ поврежденій, если не считать синяковъ на рукахъ и царапинъ на правой щекѣ, вѣроятно, причиненныхъ острыми листомъ кувшинчика. Когда докторъ началъ измѣрять температуру и щупать пульсъ, больная, открывъ глаза, уставилась на него.

— Докторъ Рейзеръ! — вдругъ вскричала она, — вы добрый человѣкъ... пустите меня въ прудъ! Вы другъ моего отца... я должна избавить его отъ позора...

Врачъ заботливо прикрылъ ее и вышелъ въ смежную комнату. Агеноръ послѣдовалъ за нимъ.

— Какъ вы находите ее? — озабоченно спросилъ онъ.

— Врачъ здѣсь безсиленъ, — рѣзко отвѣтилъ старикъ. — Наружныя поврежденія незначительны; воспаленіе легкихъ или мозга, повидимому, не грозитъ; жаръ — хотя и силенъ, но не чрезвычайенъ, и достаточно объясняется утреннимъ событіемъ. Будь она спокойна духомъ, и будь ея паденіе въ воду простою случайностью, она могла бы черезъ два дня встать съ постели.

— А при настоящихъ условіяхъ? — озабоченно спросилъ графъ.

— При настоящихъ условіяхъ дѣло кончится плохо. Утверждать этого я не берусь, но таково мое убѣжденіе. Я дамъ ей сонныхъ канель на эту ночь и постараюсь унять лихорадку. Надѣюсь, что къ утру она придетъ въ полное сознаніе. Но что въ этомъ пользы? Развѣ ея желаніе умереть есть только горячешный бредъ? Завтра она не станетъ просить ни васъ, ни меня, чтобы мы не мѣшали ей, а сама устроитъ это.

Графъ ломалъ себѣ руки.

— Я готовъ на все, чтобы успокоить ее, — сказалъ онъ. — Она все видитъ въ слишкомъ черномъ свѣтѣ, но, можетъ быть, мнѣ еще удастся успокоить ее. Я не покину ее — никогда не покину! А если я буду беречь ее самымъ бдительнымъ образомъ...

Врачъ покачалъ головой.

— Не поможетъ это, — сурово сказалъ онъ. — Можно-ли и чѣмъ успокоить бѣдную женщину, — это вамъ ближе знать; но о надзорѣ вы мнѣ не толкуйте; знаю я по опыту, велика-ли въ немъ польза. Да, хотя бы и удалось предохранить ее отъ самоубійства, то разнища была бы только въ родѣ смерти. Если она не утонетъ въ прудѣ, то зачахнетъ въ своей постелѣ. Разбитое

сердце—вздоръ! Это только въ романахъ пишутъ; а чакотека, государь мой, это—дѣйствительность! Я видѣлъ Юдию мѣсяца полтора тому назадъ и вижу ее теперь, и долженъ вамъ сказать, что она на прямомъ пути къ чакотеѣ. Съ точки зрѣнія моей совѣсти, разница между этими двумя родами смерти не особенно существенна; а какъ съ вашей—про то вамъ самому знать.

Онъ подошелъ къ своей аптечкѣ и началъ готовить какое-то снадобье. Графъ тяжело вздохнулъ.

— Вы слишкомъ строго судите меня, докторъ. Такой опытный человѣкъ, какъ вы, не можетъ не знать, что такія дѣла рѣдко кончаются трагически... Клянусь вамъ, что я понимаю мои обязанности въ отношеніи Юдины очень серьезно, но женитьба на ней была бы нравственнымъ самоубійствомъ... Не можетъ быть, чтобы вы не понимали этого...

Докторъ круто обернулся и мрачно посмотрѣлъ на него.

— Понимаю,—отвѣтилъ онъ, кивнувъ головой, — только не знаю, слѣдуетъ-ли предпочитать нравственному самоубійству физическое убійство другого человѣка!

Молодой человѣкъ сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Но что же мнѣ дѣлать? — простоналъ онъ.

Докторъ Рейзеръ пожалъ плечами.

— Выбирать... избрать то, что для васъ легче. Обсудите сами вашъ выборъ... А теперь ложитесь спать; вы дурно выглядите. За эту ночь я ручаюсь. Ступайте спать; доброй ночи!

Докторъ вернулся въ комнату больной. Графъ долго глядѣлъ ему вслѣдъ, потомъ съ тяжелымъ вздохомъ пошелъ въ свою спальню и бросился на диванъ. Цѣлый часъ неподвижно просидѣлъ онъ въ темнотѣ, ломая собою голову надъ вопросомъ: убійство или самоубійство—есть-ли третій исходъ?

Стукъ въ дверь заставилъ его вскочить. Это былъ настольникъ.

— Панъ Вроблевскій, — сказалъ онъ, — велѣтъ спросить, же-

знаете-ли вы сегодня говорить съ нимъ. Если нѣтъ, то онъ пойдетъ спать.

Графъ въ своемъ страшномъ горѣ теперь забылъ о немъ. Какъ ни пагубны были для него до сихъ поръ совѣты этого негодая, но въ своей безпомощности графъ прежде всего вспомнилъ въ это утро о немъ, такъ какъ Вроблевскій былъ единственнымъ повѣреннымъ въ этомъ дѣлѣ.

— Сейчасъ приду, — крикнулъ онъ.

Агеноръ нашелъ своего гостя въ столовой, находившейся въ партерѣ. Вроблевскій, истребивъ поданный ему ужинъ и спокойно развалившись въ креслѣ, курилъ сигару и прихлебывалъ вино.

— Извините меня, — началъ графъ.

— Не безпокойтесь, пожалуйста! вѣдь я знаю, что у васъ теперь тяжкія заботы... А послалъ я спросить только потому, что немного усталъ... Присядьте и скажите, чѣмъ я могу вамъ служить. Вѣдь вы видите, что я вамъ истинный другъ. Не такъ-то легко, но честно, было мнѣ бросить службу и семью, чтобы ѣхать къ вамъ... Такъ ободритесь же, графъ, расскажите мнѣ...

— Благодарю. Рассказать, что произошло здѣсь сегодня утромъ...

— Это я уже знаю, только не совсѣмъ хорошо понимаю. Извините, графъ, — но въ упрекъ вамъ сказать, — вы, мнѣ кажется, поступили недостаточно осторожно. Помните-ли, что я вамъ отвѣтилъ во время разговора нашего наканунѣ похищенія, когда вы говорили, что дѣвушка, быть можетъ, отнесется къ этому факту слишкомъ трагически, что ваша совѣсть не позволяетъ и проч.?.. Я отвѣтилъ: совѣсть? — это ваше дѣло. Разбирайтесь съ нею, какъ знаете. Я говорилъ себѣ тогда: „Графъ знаетъ Юдиѣ лучше твоего, и ему ближе судить о своихъ отношеніяхъ къ ней; если онъ признаетъ свои опасенія несомнѣтельными, то послѣдуетъ твоему плану; если же наоборотъ, то ты напрасно схватываешь насморкъ, карауля у от-

вореннаго окна". Вы пришли, стало быть, ваша совѣсть успокоилась, а остальное до меня не касается.

— И вы это мнѣ говорите! — вскричалъ Агеноръ.

Чиновникъ счелъ за лучшее перетолковать по своему этотъ горькій, негодующій возгласъ, и возразилъ невиннымъ тономъ:

— Кому же ближе сказать вамъ это, какъ не мнѣ, вашему истинному и единственному другу? Вѣдь я не упрекаю васъ; вы ошиблись—вотъ и все. Но, сознавъ свою ошибку, вы должны были дѣйствовать осторожнѣе, не вдругъ, а постепенно отрезвлять дѣвушку отъ ея вллюзій. Для всего есть извѣстныя формы, и нѣрѣдко все зависитъ именно отъ формы. Но ужъ отнюдь не слѣдовало допускать до такого скандала, какъ эта борьба на прудѣ. Вы приставили же къ ней сегодня сидѣлокъ; отчего же не приставили ихъ вчера?

— Оставимъ это!—сказалъ графъ.—Успинили-ли вы мою совѣсть въ этомъ случаѣ, дѣлали-ли вы только то, чего я самъ желалъ,—дѣло не въ этомъ. Ваше поведеніе во всякомъ случаѣ не уменьшаетъ моей вины, по крайней мѣрѣ въ моихъ собственныхъ глазахъ. Я поступилъ дурно, возмутительно, безжалостно. Можетъ быть, и неосторожно. Но въ первые дни и недѣли мы оба жили какъ въ чаду. Я забылъ весь міръ, кромя нея, и не заботился о завтрашнемъ днѣ; вѣроятно, и она также. Потомъ настало пробужденіе; она допрашивала, наставляла; ей и въ голову не приходило, что я могу не жениться на ней, и она только удивлялась, отчего не ѣдетъ всенцѣ крестить ее и вѣнчать насъ. Я такъ страдалъ, обманывая ее, заглушая поцѣлуями ея сомнѣнія, что эти страданія должны искупить часть моей вины. Вдобавокъ все это было напрасно. Вчера утромъ она долго оставалась одна въ своей комнатѣ и когда вышла ко мнѣ, то я прочелъ на ея лицѣ: „Не вѣрю тебѣ болѣе!“ Тутъ я покался. Она слушала меня, по наружности, споконно, кивала головой даже на мою клятву никогда не оставлять ее, и я подумалъ: „Ну, черезъ нѣ-

сколько дней она совсѣмъ примирится со своимъ положеніемъ". По ея желанію, я оставилъ ее одну, но вечеромъ она позвала меня къ себѣ, и я ужаснулся, взглянувъ на нее. Какое безграничное горе было написано на ея лицѣ, и при этомъ—ни слезинки! „Женись на мнѣ!—умоляла она меня.—Три дня я буду твоею женою, а потомъ лишу себя жизни. Ты будешь снова свободенъ". Это было ужасно...

Онъ умолялъ.

— Мужайтесь!—ободрялъ комиссаръ.—Конечно, вы старались успокоить ее?

Графъ покачалъ головой.

— Я сказалъ ей только: „Умереть съ тобою я могу, но жениться на тебѣ не могу. Если хочешь, этотъ часъ будетъ послѣднимъ для насъ обоихъ. Если же ты отвергнешь мое предложеніе и одна лишнишь себя жизни, то, все равно, я послѣдую за тобою". Я говорилъ это совершенно серьезно...

— Не сомнѣваюсь... А потомъ вы оставили ее одну?

— Я просидѣлъ до утра у ея постели. Она лежала неподвижно. Полагая, что она спитъ, я не сталъ долѣе бороться съ усталостью. Потомъ крики людей на дворѣ заставили меня вскочить. Одеяла замѣтили ее и бросились за нею... Такимъ образомъ, несчастіе успѣли предупредить...

— Будемъ надѣяться на Бога, что навсегда,—произнесъ чиновникъ елеиннымъ тономъ.—Что говорить докторъ?

Графъ передалъ слова Рейзера и престоная, ломая себѣ руки:—Это ужасно!

— Гмъ!.. А она еще не знаетъ, что отецъ ея умеръ?

— Умеръ?—вскричалъ Агеноръ; подбочивъ на иѣсть.

Комиссаръ хладнокровно разсказалъ подробности смерти стараго еврея.

— Этотъ фактъ пока не должно идти въ расчетъ, — прибавилъ онъ.—Она ничего не узнаетъ, если вы предпримите съ нею,

напримѣръ, дальнее путешествіе куда нибудь—въ Италію, въ Парижъ... Но въ сущности это ни къ чему не поведетъ. Чахотка—самоубійство—фу, Ты, Господи!.. Даже морозъ по кожѣ пробѣгаетъ! Конечно, если вѣрить доктору... Только вѣрить-ли ему? Вѣдь онъ, скажу вамъ, человѣкъ сентиментальный, филантропъ,—лицо комиссара принимало все болѣе и болѣе презрительное выраженіе,—быть можетъ, даже юдофиль.

— Я вѣрю ему,—возразилъ графъ.—И если бы вы видѣли эту несчастную, то повѣрили бы и сами.

— Скверно! Нужно хорошенько обсудить что дѣлать. Все, что вы говорили ей вчера, было—не въ обиду вамъ сказать—чистымъ вздоромъ. Такъ можетъ поступать какой нибудь приказчикъ изъ мелочной лавки, который не можетъ жениться на своей швей; а отъ Барановскаго требуется другое. Какая польза будетъ вамъ, дѣвушка, міру—оттого, что вы вмѣстѣ умрете? Нѣтъ, есть двойкій исходъ: или вы предоставите всему идти своимъ путемъ...

— Ни за что!—вскричалъ графъ.

— Не кипятитесь! вѣдь и я тоже не людоѣдъ. Я хотѣлъ только предложить вамъ немедленно увести ее на югъ, взять съ собою врача и бдительно смотрѣть за нею. Впрочемъ—если вы увѣрены, что катастрофа и въ этомъ случаѣ неизбежна, то не будемъ объ этомъ и говорить..

— Объ этомъ—не будемъ!

— Въ такомъ случаѣ, намъ вообще не о чемъ и разсуждать. Дорогу къ ближайшему всладу вы и безъ меня найдете.

Графъ стоялъ отвернувшись.

— Стало быть, и вы не знаете другого выхода?

— Не знаю... Очень сожалею, но ужъ если суждено, то мнѣ остается только пожелать вамъ много счастья...

Онъ умолялъ. Графъ обратилъ къ нему свое мрачное, смертельно-блѣдное лицо и пробормоталъ:

— Разумѣется—какой же тутъ можетъ быть еще выходъ?..

Да... я такъ и сдѣлаю... Условьтесь, пожалуйста, съ ближайшимъ кзандомъ. Можно завтра же покончить!

Вроблевскій пристально поглядѣлъ на него, содрогаясь въ душѣ.

— А послѣ свадьбы вы лишите себя жизни?—спросилъ онъ.

Графъ промолчалъ.

„Навѣрное, или очень вѣроятно, что онъ такъ и поступитъ,— подумалъ комиссаръ,—а до этого нельзя допускать. Теперь, когда евреи бунтуютъ, онъ остается моимъ единственнымъ источникомъ дохода. Наконецъ и человѣколюбіе велитъ спасти его“...

— Гмъ! Вы знаете, любезный графъ, что и я не юдофилъ, но, право, поворъ вовсе не такъ великъ, чтобы вы не могли пережить его...

Варановскій покачалъ головой.

— Разсудкомъ эти вещи плохо понимаются,—сказалъ онъ.— Гордость моя происхожденіемъ, именемъ, породой была, такъ сказать, позвоночникъ столбомъ моей жизни. Меня внучилъ этой гордости мой отецъ, и я держался за нее всѣми силами моей души. Могу-ли я остаться жить жалкимъ калѣвой, съ переломленной спиной? Не могу—вотъ и все!

— Вотъ и все...—машинально повторилъ комиссаръ.

Онъ долго колебался предложить свой планъ и наконецъ рѣшился.

— Гмъ! Слушайте, дружище! Это вы всегда можете сдѣлать; но если бы, наприимѣръ,—вы говорите, что врачъ далъ ей на эту ночь сонныхъ капель—что, если бы найти и для ея души сонныхъ капля, которыя усыпили бы ее на два, на три года, словомъ—пока это нужно вамъ,—и чтобы отъ васъ завсѣгда пробудить ее, когда понадобится...

— Что вы хотите сказать?

— Чтобы все зависѣло отъ васъ, говорю вамъ... Само собою разумѣется, что вы разбудите ее только тогда, когда будете увѣрены, что она приметъ это гораздо снѣжнѣе, чѣмъ теперь. А вѣдь всегда нибудь такъ и будетъ. Первый пилъ страсти осты-

нетъ, явятся обязанности—ребенокъ, быть можетъ, даже не одинъ... Разумѣется, вы должны немедленно увести ее въ чужіе края.

— Говорите яснѣе!

— Это мнѣ только такъ—въ голову пришло. По дружбѣ къ вамъ, скажу,—а ужъ потомъ рѣшайте сами!.. Бѣдный малый, конечно, охотно сдѣлалъ бы это для васъ—вѣдь вы спасли его своею протекціей... А ужъ молчать онъ сталъ бы ради собственного интереса.

— Да кто такой?

— Вѣдь вы помните, конечно, исторію съ вашимъ арендаторомъ Афонасьевичемъ?—Этотъ Игнатій Трудко...

Графъ отступилъ на шагъ и задрожалъ.

— Молчите!—вскричалъ онъ, протянувъ руку и какъ бы отталкивая искusstеля.

— Простите, это такъ—одно лишь предположеніе... Однако, ужъ поздно.—Онъ взглянулъ на часы.—За полночь!

— Это было бы преступленіемъ,—сказалъ графъ.

— Вѣдь убійство или самоубійство также не похвальные поступки. Взвѣсьте-ка все хорошенько до завтра, а пока — доброй ночи!

Быстро, не оглядываясь, вышелъ онъ изъ комнаты и велѣлъ слугѣ провести его въ приготовленную для него спальню. „Чортъ побери сантиментальность!“ — думалъ онъ, но какъ ни мало былъ онъ самъ расположенъ къ ней, однако, въ эту ночь онъ долго не могъ заснуть.

Солнце стояло уже высоко, когда онъ проснулся. Часы показывали десять. Вроблевскій быстро вскочилъ съ постели и позвонилъ слугѣ. Тотъ сообщилъ ему, что графъ уже нѣсколько разъ освѣдомлялся—всталъ-ли г. комиссаръ, что докторъ уѣхалъ, а больная еще почиваетъ.

Спустя нѣсколько минутъ, гость вышелъ къ хозяину. Графъ казался страшно постарѣвшимъ и вообще имѣлъ очень дурной видъ.

— Я рѣшился,—отрывисто произнесъ онъ.—Только нельзя-ли скорѣе... безъ проволочекъ? Когда можетъ быть здѣсь этотъ человѣкъ?

— Хорошо-ли вы обдумали?—спросилъ Вроблевскій.

— Пожалуйста, безъ лицемѣрія!—вспылилъ графъ.—Вѣдь это въ вашемъ расчетѣ—вы будете обеспечены на всю жизнь. Вы напередъ знали, что утопающій схватится за лезвее ножа, который вы протянули ему... Экипажъ заложенъ... Какая сумма нужна вамъ сейчасъ, и когда привезете вы этого человѣка?

Вроблевскій также умѣлъ говорить коротко, когда это ему было нужно.

— Десять тысячъ гульденовъ. Привезу послѣ завтра.

Графъ написалъ чекъ на имя управляющаго его имѣніями и молча вручилъ его комиссару. Тотъ внимательно прочелъ бумагу и, кивнувъ въ знакъ одобренія, положилъ ее въ карманъ и ушелъ, не поклонившись и не простившись съ графомъ.

VII.

Рафаилъ вернулся съ печальной церемоніи такимъ же, какъ и былъ: блѣднымъ, одѣпенѣлымъ, но твердымъ. Весь городъ жалѣлъ его; но теперь къ состраданію присоединилось и удивленіе: онъ и теперь, не смотря на горе и усталость, прежде всего подумалъ о другихъ. Созвавъ къ себѣ бѣдныхъ, которымъ помогалъ его отецъ, Рафаилъ объявилъ имъ, что только рука дающая теперь другая, но не самое даяніе. И ни къ кому изъ этихъ униженныхъ и обремененныхъ не отнесся онъ такъ привѣтливо и сострадательно, какъ къ старой Миріамъ Гольдъ, дочь которой вышла за христіанина.

— Успокойтесь, Миріамъ,—сказалъ онъ, когда трепещущая старуха предстала передъ нимъ;—и на невинныхъ можетъ обрушиться этотъ позоръ.

Мысль эта была и его собственнымъ утѣшеніемъ въ первые часы

безумнаго гора, которому онъ отдался по исполненіи обязанностей, которыя онъ считалъ священными. Правда, въ эту ночь, когда онъ одиноко сидѣлъ въ углу комнаты, гдѣ лежалъ мертвецъ, и неподвижно глядѣлъ на блѣдный „свѣточъ души“, онъ невольно долженъ былъ думать о томъ, какъ это все случилось, и о тѣхъ тщетныхъ предостереженіяхъ, которыя онъ дѣлалъ своему отцу, — ему приходило на умъ вопросъ: „Не мы-ли отчасти виноваты въ случившемся?“ — и ничто не могло быть для него горше этого сомнѣнія. Но онъ сумѣлъ заглушить въ себѣ это сомнѣніе, когда онъ вспоминалъ о томъ несмысленномъ позорѣ, какимъ запятнала себя его сестра. „Послѣдняя дѣвушка въ гетто, — говорилъ онъ себѣ, скрежеща зубами, — бережетъ свою честь и охотнѣе умереть, чѣмъ пожертвуетъ ею, — а она, дочь наидостойнѣйшаго въ еврейской общинѣ, не подорожила ею! Да, она заслуживала презрѣнія“... И если Рафаилъ встрѣчалъ съ тревожнымъ сердцемъ наступающее утро, когда должно было произойти вскрытіе нотаріусомъ духовнаго завѣщанія, то лишь потому, что онъ опасался — не завѣщаль-ли ему умирающій отецъ поступать крѣтко съ павшей сестрой.

Но это опасеніе оказалось напраснымъ. Въ завѣщаніи, составленномъ нотаріусомъ по черновой, набросанной разбитою рукою умирающаго, о Юдиен упоминалось лишь настолько, насколько это требовалось закономъ: ей оставялась законная часть наслѣдства. Рафаилу же послышалось благословеніе и предоставлялось на его собственное усмотрѣніе — взять-ли ему въ свое завѣдываніе фабрику, или же продолжать свое образованіе. Объ одномъ только просилъ его отецъ: настоять на довершеніи дѣла, которое старикъ поручилъ адвокату Розенбергу. Но и тутъ шла рѣчь только объ окружномъ комиссарѣ, а не о Юдиен или графѣ. „Такой человекъ не долженъ долѣе оставаться судьей“. Вотъ и все, что тамъ было сказано.

Рѣшеніе Рафаила быстро созрѣло: онъ объявилъ своимъ опекунамъ, что останется на родинѣ, будетъ продолжать дѣло своего отца и жить, какъ жилъ отецъ. Послѣ первой недѣли траура онъ

взялъ въ свое завѣдываніе фабрику, стараясь вознаграить недостатокъ опытности усердіемъ и обдуманностью. Окружное начальство назначило опеку и надъ Юдиѣю въ лицѣ бургомистра, которому эта опека не доставила большихъ хлопотъ: онъ послалъ по адресу графа Барановскаго копію съ духовнаго завѣщанія, помѣстивъ капиталъ на проценты—и только. На это извѣщеніе не было получено никакого отвѣта, что никого и не удивило, такъ какъ было уже извѣстно, что Юдиѣ находится съ графомъ въ чужихъ краяхъ. Гдѣ?—этого никто не зналъ, ни даже Рафаилъ. Онъ былъ, впрочемъ, единственнымъ человѣкомъ въ городѣ, никогда не произносившимъ имени своей сестры.

Недѣля проходила за недѣлей; наступила зима и окутала городокъ и степь снѣжнымъ саваномъ. Вскорѣ и посторонніе перестали заниматься красавицей-грѣшницей, разбившей сердце своего отца и наслаждающейся теперь со своимъ обольстителемъ всеми радостями жизни подъ небомъ юга. Пищей для разговора служилъ теперь другой предметъ: отставка отъ должности окружнаго комиссара. Сначала люди шепотомъ передавали другъ другу, что положеніе его непрочно, потомъ велухъ заговорили, что адвокату Розенбергу удалось добиться слѣдствія надъ нимъ, и, наконецъ, въ одинъ февральскій день все городское населеніе высыпало на улицу, чтобы видѣть въѣздъ слѣдственной комиссіи, состоявшей изъ члена окружнаго соѣта и его секретаря. Всѣ находили эту мѣру вполне естественной: „Иначе и быть не могло“, — толковали въ толпѣ, и ликовали.

Но въ результатъ случилось нѣчто неожиданное. По просьбѣ Рафаила, старшины еврейской общины подавляли всякую враждебную выходку противъ комиссара, и никто не позволялъ себѣ ни одного неприличнаго слова противъ него. Это было первымъ слабымъ шагомъ къ цѣли. Съ другой стороны, улицы противъ комиссара, собранныя покойнымъ Назанайломъ, а потомъ его сыномъ, хотя и оказали свое дѣйствіе, но не вполне. Члены львов-

скаго губернскаго правленія, правда, отнеслись къ этимъ обвиненіямъ внимательнѣе, чѣмъ къ прежнимъ жалобамъ на Вроблевскаго, но въ совѣтѣ все еще засѣдалъ высокоуважаемый членъ—нѣжный дядюшка пани Анны; а такъ какъ онъ утверждалъ, что всѣ обвиненія вымыслены, то остальные члены изъ вѣжливости не рѣшились ему противорѣчить. Высшіе чиновники въ до-реформенной Австріи всегда соблюдали правила вѣжливости въ отношеніи другъ друга. Послѣ этого самъ Розенбергъ отказался отъ всякой надежды, и на отчаянный возгласъ Рафаила: „какъ можетъ держаться такой режимъ, при которомъ возможны такія вещи?“ — могъ только отвѣтить: „Вѣдь и порядокъ же такой, какой возможенъ при подобныхъ обстоятельствахъ!“

Но вдругъ нѣжный дядюшка заболѣлъ и долженъ былъ взять продолжительный отпускъ. Одно это еще немногимъ помогло бы, но врачи предсказывали, что ему уже нельзя будетъ болѣе вернуться на свою должность, а въ виду этого члены губернскаго совѣта пришли къ убѣжденію, что такія преступленія, какъ приписываемыя Вроблевскому, не могутъ быть долѣе терпимы. Назначили слѣдствіе, которое должно было прямо вести къ отставкѣ и наказанію виновнаго. Въ ту пору въ Австріи должностное лицо, заслуживающее только отставки, никогда не попадало подъ судъ, иначе судамъ было бы слишкомъ много дѣла и слишкомъ много упразднялось бы вакансій.

Вроблевскій хорошо зналъ это. Первые мѣсяцы онъ, поэтому, проводилъ между страхомъ и надеждой, — страхомъ передъ мертвецомъ и передъ блѣднымъ, мрачнымъ юношей, который, встрѣчаясь съ нимъ, мѣрилъ его такимъ взглядомъ, что у Вроблевскаго невольно сжимался кулакъ, хотя показать его онъ не смѣлъ, — и надеждой на учтивость членовъ львовскаго совѣта. Но затѣмъ пришло время, когда онъ сталъ безмятежно радоваться ассигнаціямъ, ежемѣсячно приносимымъ къ нему въ домъ управляющимъ графскими имѣніями. Большую часть этихъ денегъ онъ оставлялъ въ своемъ

карманѣ, и лишь очень немногія отправлять въ Россію по адресу: „Г-ну Антону Бродскому, въ Могилевѣ“. Къ деньгамъ прилагались письма въ такомъ родѣ: „Вотъ вамъ, панъ Трудко, деньги, присланныя мнѣ для васъ графомъ. Надѣюсь, что вы останетесь довольны; а если и нѣтъ, то это для васъ ни къ чему не послужить: ни не бойся васъ!“ Письма писались иногда грубѣе, иногда мягче этого, смотря по величинѣ посылаемой суммы. Вообще комиссаръ успокоился и говорилъ себѣ, что „глупые евреи слишкомъ рано возликовали“. Но когда пришло извѣстіе, что надъ нимъ назначено слѣдствіе, то это его совершенно сломало. Онъ тотчасъ понялъ, что судьба его рѣшена и борьба была бы напрасной. Въ теченіе своей двадцатилѣтней службы онъ имѣлъ достаточно случаевъ узнать, какой исходъ имѣють обыкновенно подобныя факты. Съ извѣстомъ приходилось проститься, оставалось только попытаться избѣгнуть кары.

Вроблевскій предсталъ предъ судью съ видомъ оскорбленной добродѣтели и вручилъ ему прошеніе объ отставкѣ.

— Слѣдствіе докажетъ мою невинность, — сказалъ онъ, — но я не позволю безнаказанно оскорблять меня сомнѣніемъ. Я обязанъ отнестись не только передъ своимъ собственнымъ достоинствомъ, но и передъ достоинствомъ моего сословія и моихъ коллегъ, которые — смѣло говорю это, такъ какъ вижу на дѣлѣ — столь же ревностно и честно исполняютъ свои обязанности, какъ и я исполнялъ ихъ.

И онъ назвалъ цѣлый рядъ своихъ коллегъ, замаранныхъ однимъ хуже другого. Члены слѣдственной комиссіи наострили уши, понявъ, что грозитъ неизбѣримый скандалъ. Комиссія приступила къ слѣдствію, но донесла о своихъ соображеніяхъ во Львовъ, и тамошній совѣтъ, по зрѣломъ размысленіи, призналъ, что въ отставкѣ негодяй будетъ безвреденъ, и что въ сущности все равно, продержатъ-ли его нѣсколько лѣтъ на казенномъ содержаніи въ тюрьмѣ или же попросту выдавать ему пенсію, такъ какъ въ первомъ случаѣ пришлось бы содержать въ тюрьмѣ и многихъ изъ

его коллегъ. Покровитель его къ тому же былъ еще живъ, поэтому слѣдствіе было черезъ два мѣсяца прекращено, и Вроблевскій уволенъ въ отставку съ пенсіей.

Результатъ этотъ никого не удовлетворилъ, но больше всего поразилъ Рафаила Трахтенберга. Правда, Вроблевскій пересталъ быть судьей, но отъ заслуженнаго наказанія онъ все-таки избавился. „И это потому, что онъ притѣснялъ почти исключительно евреевъ“, говорилъ себѣ въноша, котораго этотъ новый жизненный опытъ преисполнилъ еще большею горечи. Вроблевскій, напротивъ того, послѣ первой продолжительной досады, легко примирился со своею долей. Правда, почетныя лица города и окрестное дворянство относились къ нему теперь очень холодно, но съ нѣкоторой долей философіи можно было съ этимъ примириться, тѣмъ болѣе, что около него оставалось еще довольно любезныхъ цѣнителей свѣтскихъ талантовъ его самого и его супруги. Къ тому же онъ избавился отъ скучной должности, а безъ взятокъ легко было обойтись, когда довольно было написать коротенькую записку къ графу Барановскому, чтобы получить столько денегъ, сколько душѣ угодно. Агеноръ никогда не отвѣчалъ ему; въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ Вроблевскій не получилъ отъ него ни строчки и даже не зналъ, гдѣ находится любящаяся чета; но управляющій погѣстьями графа, молчаливый и суровый швабъ Михайль Штигле, аккуратно доставлялъ письма и, по истеченіи нѣкотораго времени, приносилъ отвѣты въ таковой формѣ, которая была пріятнѣе эвек-коммисару, чѣмъ самыя нѣжныя посланія. Однако, управляющій исполнялъ эти порученія съ очень недовольной миной, и однажды даже отвѣтилъ рѣзко Вроблевскому, когда тотъ, очистивъ, по требованію Рафаила, квартиру въ домѣ Трахтенберга, изъявилъ желаніе поселиться во флигелѣ замка. Но стоило ему только написать къ графу, чтобы получить удовлетвореніе и по этому пункту, и вскорѣ онъ зажилъ даже веселѣе и беззаботнѣе прежняго.

Письма изъ Россіи нисколько не портили хорошаго расположенія

духа эвекъ-коммисара, и чѣмъ болѣе заключалось въ нихъ угрозы, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ читалъ онъ ихъ. „Кто только не пускается нынче на плутни?—говорилъ онъ себѣ.—Дуракъ, а туда же хочеть быть плутомъ!“ Чего еще въ самомъ дѣлѣ было нужно этому Игнатію Трудкѣ? Изъ трехсотъ гульденовъ, которые ежемѣсячно присылались для него графомъ, онъ получалъ цѣлыхъ сто, а вѣдь съ такою суммой въ Могилевѣ можно было отлично прожить. Требовать всей суммы, ссылаясь на устное обѣщаніе графа, было со стороны этого Трудки просто дерзостью. „Графъ не хочеть давать вамъ болѣе,—не разъ писалъ ему Вроблевскій.—Онъ отлично знаетъ, что вы, ради собственного интереса, не осмѣлитесь выдать его, или вернуться въ Австрію“. Однако, этотъ наглець не успокоивался и продолжалъ писать: „Себя не пожалѣю, чтобы погубить васъ обоихъ!“ Эдакій шутъ!

Такимъ образомъ, дни бывшаго чиновника текли въ почетномъ досугѣ, и такъ какъ ни пріоръ, ни ротмистръ не принадлежали къ тѣмъ черствымъ людямъ, которые отшатнулись отъ Вроблевскаго, когда онъ попалъ подъ судъ, то и кани Анна была довольна. Супруги нисколько не завидовали новому комиссару Гроцѣ и его женѣ, буржуазной четѣ бѣдняковъ, перебывавшихся съ дѣтьми буквально однимъ жалованьемъ мужа. Этотъ пуританинъ, также поселившійся въ домѣ Трахтенберга, даже платилъ за свою квартиру! Квартира Вроблевскаго въ замкѣ была, значитъ, не только дешевле, но и пріятнѣе. Передъ окнами разстилался великолѣпный паркъ, въ которомъ, вдобавокъ, не показывалось болѣе ни одного еврея. Первой мѣрой Вроблевскаго по переездѣ въ замокъ было восстановление у воротъ доски, запрещающей входъ евреямъ. Неподатливый Штегле воспротивился—было и этому, вѣроятно, писалъ даже по поводу этой мелочи къ графу, но въ концѣ концовъ пересталъ упорствовать. Вроблевскому же казалось, что и весенніе цвѣты стали ароматичнѣе, и зеленныя аллеи тѣнистѣе съ тѣхъ поръ, какъ у воротъ снова появилась помянутая доска.

Прошло лѣто и наступила годовщина торжественнаго вѣзда графа въ городокъ. Въ церкви его патрона былъ отслуженъ въ этотъ день торжественный молебенъ и управляющій Штигле роздалъ, по порученію владѣльца, деньги мѣстнымъ бѣднымъ; но гдѣ находился въ это время самъ благотворитель—этого не преждему никто не зналъ. Одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ рассказывалъ, что онъ видѣлъ молодую чету въ Веревѣ, въ самомъ романтическомъ мѣстѣ—въ саду, гдѣ показывалъ могилу Джулиеты; оба, казалось, осматривали все въ самомъ возвышенномъ настроеніи и лонъ-лакей называлъ Юдию „графиней“. Но рассказчику, котораго вообще считали лгуномъ, не повѣрили, и если онъ случайно этотъ разъ говорилъ правду, то лонъ-лакей долженъ былъ ошибаться. Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы графъ женился на еврейкѣ. А въ концѣ ноября наступила годовщина другого дня, незабвеннаго для жителей городка. Поутру старая синагога не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ помолиться за упокой души Наанаила Трахтенберга. Изъ синагоги вся толпа, старъ и младъ, потекла на кладбище, гдѣ благоговѣйно выслушала молитву, прочитанную Рафаиломъ на могилѣ своего отца. „Аминь! аминь!“ — рыдая произносили сотни голосовъ. Потомъ всѣ стали разсматривать красивый монументъ, поставленный Рафаиломъ на могилѣ, и читать высѣченные на камнѣ, вмѣсто всякихъ воскваленій, которыя можно было читать на другихъ памятникахъ, простые слова: „Память праведника не умираетъ“. Между этой могилой и той, въ которой покоилась безвременно умершая жена Наанаила, оставалось пустое мѣсто, — узкая полоса, поросшая сорной травой и колючимъ кустарникомъ, и только еврейскіе старшины да члены погребальнаго братства знали, какъ, однажды ночью, на этой полосѣ была вырыта яма и что въ эту яму было опущено. Другіе только подозрѣвали, но никто не спрашивалъ, и ни одинъ изъ многихъ сотенъ людей не произнесъ имени Юдию, пока они находились на „добромъ мѣстѣ“. Память праведника не умираетъ, но кто умеръ въ грѣхѣ, „ниа того не поминается“. Юдию

умерла, а въ „доброю мѣстѣ“ говорятъ лишь о тѣхъ покойникахъ, которыхъ можно помянуть честью. Но не выходя за рѣшотку, отраждающую обитателя мира отъ доли борьбы, на чудовищную дочь посыпались проклятія. Только одинъ молчалъ — Рафаэль. Онъ шелъ рядомъ со старшинами, выпрямивъ станъ и сохраняя на лицѣ мрачное и неподвижное выраженіе, какое всѣ привыкли видѣть на немъ. Съ самаго возвращенія его въ городъ никто не видалъ ни улыбки на его губахъ, и ни слезы на его рѣсницахъ. Только когда процессія проходила мимо замка Варановскаго угля рта молодого еврея дрогнули и во взглядѣ, устремленномъ на бѣлыя стѣны, высиившіяся, отражая лучи осенняго солнца, среди оголенныхъ деревьевъ парка, сверкнулъ огонь безсильной, но непримиримой ненависти.

Быть можетъ, помывшая его жажда мести была бы нѣсколько утолена, еслибы онъ могъ знать, что происходило въ это самое время въ одной изъ комнатъ замка, въ кабинетѣ управляющаго графскими имѣніями. Михаилъ Штигле съ самаго утра сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, углубленный въ счеты, и отъ времени до времени покачивалъ головой, ворчалъ что-то себѣ подъ носъ и слова принимался считать. Кочивъ, онъ долго просидѣлъ уставившись глазами въ пространство; наконецъ, онъ рѣшился и написалъ графу короткое, но вразумительное писмо. При поступленіи на службу къ его милости, отъ него, Штигле, требовались бережливость и хорошее веденіе хозяйства для очищенія родовыхъ помѣстьевъ отъ долговъ, которыми опуталъ ихъ предшествовавшій владѣлецъ. Въ первый годъ его управленія, чистый доходъ съ имѣній, за покрытіемъ процентовъ на долгъ, составлялъ двѣнадцать тысячъ гульденовъ, личные же расходы графа вдесятеро превысили эту сумму, въ виду чего пришлось заключить новые займы, и на очень тяжелыхъ условіяхъ. Не можетъ-ли его милость какъ нибудь умѣрить свои расходы, а главное — не можетъ-ли онъ самъ пріѣхать и поближе вникнуть въ свои дѣла? Въ противномъ же

случаѣ оиъ, Михаилъ Штигле, не считаетъ возможнымъ долге оставаться на своемъ посту. Въ сельскомъ хозяйствѣ оиъ считаетъ себя довольно компетентнымъ, но отнюдь не въ операціяхъ съ росто-
вщиками.

Письмо это было адресовано: „Въ банкирскій домъ М. Видермана и Комп., въ Вѣнѣ, для передачи графу Агенору Барановскому“. Адресъ графа былъ неизвѣстенъ и самому управляющему. Это обстоятельство также беспокоило его, какъ и многое другое въ этихъ запутанныхъ дѣлахъ.

Можетъ быть, это дурное его настроеніе и было причиною того, что оиъ, противъ своего обыкновенія, сердито выслушалъ слугу, пришедшаго доложить, что его во что бы то ни стало жаласть видѣть какой-то капуцинскій монахъ. Штигле велѣлъ выпустить его, и въ кабинетъ робко вошелъ собенный старецъ съ длинной бѣдой бородой. Управляющій принялъ его весьма сурово, въ особенности когда узналъ, зачѣмъ оиъ пришелъ. Монахъ спрашивалъ адресъ графа Барановскаго.

— Не ваше дѣло! — проворчалъ швабъ.

Старикъ приблизился. — Дѣло не терпитъ отлагательства, клянусь Богомъ и всѣми святыми, не терпите! — презрительно умоляющимъ и дрожащимъ голосомъ.

— Такъ напишите ему. Я переищу письмо.

Монахъ покачалъ головой и придвинулся еще на шагъ, спрашивая не можетъ-ли г. управляющій самъ помочь ему. У него есть родственникъ въ Россіи, бѣдный человекъ, Игнатій Трудка, которому графъ назначилъ, за оказанныя ему важныя услуги, триста гульденовъ въ мѣсяцъ пенсін. Она высылается графомъ черезъ паня Вроблевскаго, а тотъ пересылаетъ Трудкѣ всего одну треть, да и ту неаккуратно. Не можетъ-ли панъ управляющій самъ уплачивать эту сумму?—Говоря это, капуцинъ рыскалъ глазами по бумагамъ на письменномъ столѣ и успѣлъ прочесть адресъ на письмѣ къ графу.

— Нѣтъ, мнѣ ничего неизвѣстно объ этомъ дѣлѣ, — отвѣтилъ Штигле. — Обратитесь къ Вроблевскому. Прощайте!

Монахъ съ минуту постоялъ еще въ нерѣшительности, потомъ смиренно поклонился и вышелъ изъ комнаты, понуривъ голову. Въ корридорѣ онъ досталъ свой молитвенникъ и быстро набросалъ въ немъ нѣсколько строкъ. Затѣмъ онъ отправился къ Вроблевскому. Передъ нимъ онъ вдругъ преобразился, словно страхнулъ съ себя свою старческую согбенность. Спина его выпрямилась, голосъ сталъ звученъ и твердъ.

— Не пугайтесь, панъ комиссаръ, — сказалъ онъ. — Я пришелъ, чтобы лично посчитаться; письменно дѣло идетъ туго.

Вроблевскій поблѣднѣлъ, но быстро овладѣлъ собою.

— Чего же мнѣ пугаться? — спросилъ онъ, засмѣявшись. — Вѣдь это ваша шея, которою вы рискуете! Считаться намъ съ вами нечего; что графъ посылаетъ вамъ, то вы и получаете. За ноябрь онъ еще ничего не прислалъ.

— Что ни слово, то ложь! — возразилъ Трудка. — Подайте мои деньги, или я напишу графу.

— Кто же вамъ иѣшаетъ? Пишите. Адреса его я не знаю, — иначе сказалъ бы вамъ; но панъ Штигле пересылаетъ къ нему письма. Только разсудите сначала, кому изъ насъ онъ, графъ, скорѣе повѣритъ, вамъ или мнѣ? Вы перешлете ему мои письма? Но припомните, милѣйшій, показывались-ли въ моихъ письмахъ суммы, которыя предлагались къ нимъ?

Посѣтитель молчалъ, вспоминая, что суммы дѣйствительно не показывались. Но вдругъ онъ вскинулъ и сталъ грозить судомъ, говоря, что предпочитаетъ сидѣть здѣсь сытый въ тюрьмѣ, чѣмъ голодать въ Могилевѣ. Хорошее общество, которымъ онъ будетъ пользоваться въ тюрьмѣ, вознаградить его за недостатокъ свободы.

Вроблевскій слушалъ съ усмѣшкой.

— Воп! — сказалъ онъ. — Дѣлайте, какъ знаете. Теперь выслушайте мое последнее слово. Вотъ здѣсь, — онъ досталъ свой бу-

мажннкъ,—лежать двѣсти гульденовъ. Я кладу ихъ вотъ въ этотъ конвертъ и надписываю на немъ: „Пану Антону Бродскому, въ Могилевъ“,—видите? Этотъ конвертъ мой слуга отнесетъ на почту и вы пойдете вмѣстѣ съ нимъ. Кроме того, вотъ вамъ двадцать гульденовъ на обратный путь. Теперь я звоню слугѣ и прикажу ему, смотря по надобности, или пойти съ вами на почту, или же вытолкать васъ за двери.

Немного погодя, Вроблевскій, подойдя къ окну, увидалъ мнимаго монаха мирно удаляющимся, вмѣстѣ со слугою, но направленною къ городу. „Ишь какъ его потянуло въ Могилевъ!“—сказалъ себѣ эскъ-коммисаръ, громко засмѣявшись. Но врядъ-ли ему было бы такъ весело, еслибы онъ угадывалъ, съ какими мыслями ушелъ отъ него обманутый негодяй.

VIII.

На бѣлоснѣжныхъ вуколахъ Монте-Бальдо горѣли ясне лучи утренней зари; изъ горной долины Сарки дулъ холодный сѣверный вѣтеръ, разгоняя туманъ надъ моремъ и облака въ небо. Только вокругъ горныхъ ннкъ клубились еще темно-сѣрые туманы, словно траурные флаги, или же прятались въ ущелья, жалась къ голубиимъ водамъ езера. Но и тамъ ихъ достигло солнце, когда оно поднялось наконецъ надъ мощнымъ «*Altissimo di Nago*», который широко и рѣзко выдается между двумя веселыми ландшафтами Эча и Гардскаго озера. Багряный востокъ поблѣднѣлъ, туманъ развѣялся и золотые лучи щедро полились въ синее пространство неба, и на воды, и на зеленые луга, и на сѣрныя, красноватыя и фіолетовыя скалы, накрытыя бѣлоснѣжными шапками, и на узкія, извилистыя улицы Ривы, этой «*Regina del Garda*», какъ ее величаютъ,—старой, безобразной властительницы вѣчно юнаго и прелестнаго царства.

На балконѣ стараго, но хорошо сохранившагося небольшого

палаццо, стройный корпусъ котораго выглядывалъ, у самыхъ воротъ Санъ-Мигале, изъ густой зелени вихолецаго сада, стоялъ графъ Барановскій и глядѣлъ чрезъ смѣшанныя груды домовъ внизу на голубую, почти безбрежную поверхность озера и на прилегающій къ нему цвѣтущій ландшафтъ съ мелькающими на немъ бѣлыми хижинами. Это было первое ясное утро послѣ безконечныхъ дождей—и какъ тоскливо ждалъ графъ солнечнаго луча, словно онъ долженъ былъ разсѣять мракъ, накопившійся въ его душѣ. Но никакое солнце не могло разсѣять этотъ мракъ. Агеноръ ошибался, какъ онъ ошибся два мѣсяца тому назадъ, когда въ ясный сентябрьскій день онъ впервые вошелъ въ этотъ домъ и сказалъ себѣ: „Здѣсь такъ хорошо, такъ тихо и мирно, что всѣ тревоги должны улечься, всѣ заботы разсѣяться“. Нѣтъ! для его мученной души не было болѣе мира на землѣ. Иллюзіей была и радость его нѣсколько недѣль тому назадъ, когда акушерка положила къ нему на руки новорожденное дитя, и онъ вскричалъ, поднявъ глаза къ небу: „Благодарю тебя, милосердый Боже, за этого ангела! Онъ спасетъ меня и подниметъ мой духъ!“ Это было прелестное, веселое дитя съ свѣтлыми волосами матери и съ темными глазами отца; кормилица увѣряла, что крошка уже смѣется, когда видитъ синьора графа. Но послѣднему казалось, что онъ читаетъ угрозу въ этихъ темныхъ глазкахъ, и что маленькая ручка толкаетъ его еще глубже въ бездну преступленія и всяческихъ замѣшательствъ.

Дѣло вышло не такъ, какъ онъ ожидалъ, давая свое согласіе на роковую и гнусную комедію въ ту ночь, когда онъ съ лихорадочною дрожью сидѣлъ у постели больной, или шагалъ взадъ и впередъ по своей спальнѣ, въ охотничьемъ замкѣ. Въ ту пору, на пути, который указывалъ ему искуситель, онъ усматривалъ только одно страшнаго: разобличеніе обмана, позоръ передъ людьми. А какъ сложится его совѣтная жизнь съ любимой женщиной послѣ того, какъ онъ уснитъ ее душу „искусственнымъ средствомъ“, и

каково будетъ пробужденіе,—объ этомъ онъ почти и не думалъ. До этого еще было далеко,—все могло какъ нибудь уладиться. Даже если бы этотъ путь велъ не на просторъ, а въ садъ, окруженный тюренными стѣнами, то вѣдь и надъ такимъ садомъ сіяетъ солнце и мерцаютъ звѣзды, и онъ все-таки представлялся раемъ въ сравненіи съ тѣннымъ, душнымъ застѣнкомъ, въ которомъ графъ чувствовалъ себя во время разговора съ докторомъ Рейзеромъ, прежде чѣмъ это исчадіе ада, Вроблевскій, подалъ ему свой совѣтъ. Правда, разоблаченіе было бы позоромъ. Но вѣроятно-ли, возможно-ли оно? Да если бы и такъ, развѣ оно запятнало бы имя Варановскихъ въ такой мѣрѣ, въ какой запятнали бы его самоубійство или бракъ съ еврейкой? Наконецъ, ради самой Юдины онъ долженъ былъ рѣшиться на то, что онъ сдѣлалъ; это было единственнымъ средствомъ успокоить ее, спасти ей жизнь. Избери онъ смерть, она послѣдовала бы за нимъ,—и чѣмъ же это было бы лучше?

Поэтому онъ согласился, и у него словно гора свалилась съ плечъ, когда Вроблевскій уѣхалъ изъ замка. Графъ и въ слѣдующіе дни не раскаявался въ своемъ рѣшеніи. Напротивъ: когда онъ увидѣлъ, что довольно ему было, запинаясь, проговорить: „Твоя воля исполнена — всендѣ пріѣдетъ“, чтобы умирающая вновь ожила; когда, сидя по цѣлымъ часамъ у ея постели, онъ слышалъ тихое рыданіе, въ которомъ отходили ея напряженные нервы; видѣлъ улыбку, мелькавшую сквозъ слезы на ея лицѣ,—онъ хвалилъ себя за то, что превозмогъ свои колебанія; вѣдь шагъ, на который онъ рѣшился, требовалъ гораздо болѣе мужества, чѣмъ сколько нужно его для самоубійства. Ни онъ, ни она не вспоминали о прошломъ, и только разъ Юдина сказала: „Простимъ другъ другу наши прошлые грѣхи: ты — что я хотѣла тебя покинуть; я—что ты колебался! Отнынѣ, покуда Богъ продлитъ наши дни, между нами будутъ только счастье, любовь и вѣрность. Ахъ! какъ хороша жизнь!“ Агеноръ склонился къ ея

рукѣ и покрылъ ее поцѣлуями. Да, онъ выбралъ меньшее изъ золъ, и къ тому же далъ себѣ слово—по совершеніи гнусной церемоніи, взглянуть его насколько хватитъ силы.

Онъ со страхомъ думалъ о ней и, съ приближеніемъ ровового часа, какъ мальчишка замуривалъ глаза передъ неизбежной опасностью. „Къ чему мнѣ говорить съ этимъ человѣкомъ?“—возразилъ онъ, когда Вроблевскій привелъ же-ксендза и хотѣлъ его представить графу, „чтобы условиться на счетъ программы завтрашняго представленія“. Всякая отерочка была графу неприятна; вѣдь костюмъ человѣкъ этотъ привезъ съ собою, а камердинеръ Ягъ могъ сейчасъ же освѣтить дошовую шерковъ занка. Ягъ знаетъ, что предстоить, и долженъ служить свидѣтелемъ; онъ только считаетъ Трудку настоящимъ ксендзомъ.

— О, нилкое потерпѣніе влюбленнаго!—смился, вскричалъ комисаръ.—Но достопочтенный отецъ долженъ сначала окрестить престное дитя, и предварительно еще посвятить часокъ-другой представленію его въ христіанской вѣрѣ.—Графъ отступилъ на шагъ и почти съ ужасомъ уставился глазами на наглеца. Онъ не былъ ханжой, но не былъ и атеистомъ; онъ вѣрилъ въ Бога, не размышляя о религіи; соблюдалъ католическіе праздники потому, что его выучили этому въ дѣтствѣ, и члену семьи Барановскихъ нельзя было не соблюдать этихъ обычаевъ. Онъ столь же мало сознавалъ въ ту ночь вощунство, заключавшееся въ его поступкѣ, какъ и преступленіе свое передъ Юдиною, и видѣлъ въ этомъ поступкѣ только нарушеніе государственныхъ законовъ. Сознаніе всего этого только теперь озарило и ошеломило его. Пускай бы ужъ таинство брака было осквернено, но и таинство крещенія!... Графъ зналъ катехизисъ; крещеніе было столь же священно, какъ и бракъ если еще не белѣе. „Крестить?—пробормоталъ онъ тогда, съ трудомъ овладѣвъ собою. — Она же можетъ оставаться еврейкой“. Комисаръ громко расхохотался. „Она и останется еврейкой, любезный графъ. Но если мы не продѣлаемъ съ нею этого перваго

фокуса, то она не позѣритъ и второму. Она — дѣвушка очень умная и можетъ сообразить, что бракъ не будетъ законнымъ, если она не приметъ сперва католической вѣры. Такъ ужъ, пожалуйста, безъ сантиментальностей! И такъ какъ вамъ это жалательно, то мы быстро и сейчасъ же обдѣлаемъ то и другое“.

Графъ молча кивнулъ головой и, отдавъ Яну нужныя приказанія, пошелъ въ Юдиен. Она знала, что ей придется креститься; ждала этого съ часу на часъ; это было ея собственное желаніе, отъ исполненія котораго она ставила въ зависимость свою жизнь. И тѣмъ не менѣе она мнугалась и горько, судорожно зарыдала. Агеноръ взялъ ея руку, стараясь усюконтъ ее. „Оставь, — сказала она, — тебѣ не понять этого“, — и не переставая плакать, прибавила:

— Я знаю, что я могу сдѣлаться твоею женою только крестившись, и всю жизнь буду на колѣняхъ благодарить тебя за то, что ты рѣшился жениться на мнѣ. Ты создаешь для меня рай на землѣ; но пройти въ него черезъ этотъ обрядъ значитъ для меня пройти черезъ адъ. Не брани меня; вѣдь я говорю это не изъ ненависти къ твоей вѣрѣ, и даже не потому, что это чуждая мнѣ вѣра. Отецъ мой вѣдь навѣрное уже истинный благочестивый еврей, однако, и онъ всегда говорилъ: „Всѣ мы дѣти одного Небеснаго Отца“. Но — подумай! — вѣдь этотъ шагъ навсегда разлучаетъ меня съ отцомъ и съ Рафаиломъ. Отнынѣ у меня остаешься на землѣ только одинъ ты! Но я плачу изъ жалости къ нимъ, а не къ себѣ. Они теряютъ дочь, сестру; побѣгъ съ тобою, какъ съ мужемъ, они еще могли бы простить мнѣ, но какъ христіанинъ я буду для нихъ умершей. Ахъ! что выстрадаютъ ихъ сердца, и что вытерпятъ они отъ своихъ единовѣрцевъ! Мнѣ постоянно вспоминается Мириамъ Гольдъ, дочь которой также вышла за христіанина.

Слова съ трудомъ выходили изъ ея горла и слезы непрерывно струились по щекамъ. Графу казалось, что онъ еще не видывалъ такого горя. Молча стоялъ онъ передъ нею, не имѣя силъ выговорить слова;

да и что могъ бы онъ сказать? Что онъ готовъ извѣстить ее отъ этого герца? Но этимъ можно было испортить все дѣло. Онъ продолжалъ, но эта сцена такъ потрясла его, что онъ самъ еле держался на ногахъ, когда вель трепещущую дѣвушку въ капеллу.

Бывшій монастырскій послушникъ справилъ оба обряда въ нѣсколько минутъ. Графу казалось, что онъ видитъ все это сквозь туманъ и слышитъ какіе-то отдаленные звуки, — такъ сильно стучало у него въ вискахъ. А между тѣмъ, какъ часто рисовалась передъ нимъ въ послѣдствіи эта картина: полутемная капелла, блѣдная, жалкая женщина возлѣ него; плутовская фивіономія негодя въ орнатѣ и тутъ же въ сторонѣ комиссаръ съ елейною миной, безпрестанно приобъгающий къ носовому платку, чтобы скрыть смѣхъ; и старшій, вѣрный Янъ, обливаемый слезами оттого, что одинъ изъ Барановскихъ женится на еврейкѣ... Вотъ и сегодня, въ то время, когда графъ стоялъ на балконѣ среди южнаго пейзажа, сіяющаго яркими красками и солнечнымъ свѣтомъ, и слѣдилъ глазами за парусомъ скользившаго по озеру челнока, все это вдругъ стерлось передъ нимъ и глазамъ представилась капелла въ Боркахъ, въ ухахъ завучалъ, среди птичьяго щелбета въ парѣ, гнусавый голосъ, говорившій: „И да будете вы мужемъ и женою во имя“...

— Ахъ! это ужасно! — простоналъ Агеноръ. — Никогда не должно бы этого быть! Хуже ничего нельзя было придумать!

И не кончутство этого благословенія учило его теперь, спустя годъ. Онъ давно понялъ, что тягчайшая вина его состояла не въ томъ, что онъ оскорбилъ Бога и нарушилъ законъ; сознаніе это мелькнуло ему на другой же день послѣ грустной комедіи. Комиссаръ уѣхалъ, сказавъ на прощанье: „Ну, теперь маршъ въ Италію, или куда нибудь еще дальше! Помните, что этотъ жестительный Рафаэль можетъ обвинить васъ въ похищеніи его сестры, и въ одинъ прекрасный день сюда нагрянетъ, пожалуй, слѣдственная комиссія, которая и сіятельную графиню потянетъ къ допросу!“ Агеноръ тотчасъ пошелъ къ Юдиенъ объявить, что они завтра же

отправляется путешествовать. Она отвѣчала, что готова, но изъявила непремѣнное желаніе проѣхать черезъ свой родной городъ. — „Зачѣмъ?“ — „Чтобы вымолить прощеніе у моего отца“.

Графъ испугался; извѣстіе о смерти отца должно было странно потрясти ее и къ тому же въ городѣ тайна ихъ флигивнаго брака неминуемо разоблачилась бы. Онъ сталъ умолять Юдию не подвергаться подобнымъ потрясеніямъ. — „Притомъ же это было бы напрасно. Вѣдь ты знаешь, что онъ не проститъ тебѣ перехода въ христіанство“. — „Все-таки надо попытаться. Это мой долгъ передъ собою и передъ нимъ. Да и передъ тобою также, Агеноръ. Мой отецъ не долженъ считать твою жену безчестной, легкомысленной женщиной. Если онъ прогонитъ отъ своего порога и графиню Барановскую, то, по крайней мѣрѣ, совѣтъ моя будетъ спокойнѣе“. Графъ безпомощно искалъ сколько нибудь основательнаго предлога, чтобы отговорить ее; наконецъ ему мелькнула одна мысль.

— Графиня Барановская, — вскричалъ онъ, — не должна подвергаться опасности быть выгнанной къ намъ нибудь съ своего порога. Ты обязана этимъ передо мною! — Замѣтивъ, что этотъ предлогъ подѣйствовалъ на молодую женщину, онъ ухватился за него, сталъ повторять его все снова и снова, и сталъ умолять ее пощадить честь его имени. Юдія горько заплакала, говоря: „Честь твоего имени для тебя дороже моего сповѣствія“, однако, покорилась и просила только разрѣшенія написать отцу. Спустя нѣсколько часовъ она привезла ему письмо и взяла съ него честное слово, что онъ отошлетъ его ей отцу. — „Честное слово!“ — пробороталъ онъ блѣдными губами. Потомъ, когда она ушла и онъ стоялъ передъ каминомъ, глядя какъ пожираетъ пламя ее письмо къ мертвецу, въ умъ его мучительно гвоздилъ вопросъ: „Чѣмъ я лучше этого Вроблевскаго, котораго я такъ презираю?“

— Скорѣе! скорѣе вонъ отсюда! — Это была его единственная мысль до той минуты, когда они сѣли въ карету. Запуганный предо-

стереженіями комиссара, графъ избралъ самый короткій и удивительный путь къ границѣ черезъ Буковину, Трансильванію и южную Венгрію до Фіуме, а оттуда моремъ въ Анкону. Молодая чета путешествовала со всѣми удобствами, какія могли быть доставлены деньгами; при каждомъ переѣздѣ впередъ посылался курьеръ, который приготовлялъ все нужное. Тѣмъ не менѣе путешествіе по горнымъ, малонаселеннымъ мѣстамъ, по дорогамъ, заваленнымъ глупыми снѣгомъ, было до крайности скучно и утомительно, и никакія деньги не могли превратить жалкихъ постоянныхъ дворовъ въ удобныя гостиницы. Вдобавокъ ѣхать приходилось медленно, какъ по случаю дурныхъ дорогъ, такъ и потому, что положеніе Юдиень требовало этого. Она была очень слаба и блѣдна; похуdivшее лично ея устало и грустно глядѣло изъ мѣховъ, въ которые она была укутана. „Поскорѣ бы доѣхать до Клаузенбурга!“ — повторяла она, вздыхая: графъ сказалъ ей, что это первый городъ, гдѣ они могутъ найти письма съ родины. Наконецъ, они добрались до Клаузенбурга, но Юдиень не нашла тамъ никакого отвѣта отъ своего отца, и графъ не зналъ болѣе, чѣмъ и утѣшать ее. Слезы ея повергали его въ уныніе, тѣмъ болѣе, что онъ получилъ дурныя вѣсти отъ комиссара. Тотъ писалъ ему, что Рафалль подалъ на него жалобу за покиженіе его сестры, и подкупленные имъ судьи дѣйствуютъ съ необычайнымъ усердіемъ; комиссаръ не терялъ, однако, надежды уладить какъ нибудь это дѣло, если графъ не пожалѣетъ денегъ. Агеноръ послалъ ему чекъ на требуемую сумму, съ заботой спрашивая себя: „Поможетъ-ли это?“ Съ самаго начала путешествія онъ принялъ имя графа Ногиди — имя не вымышленное, а принадлежавшее ко многимъ титуламъ Барановскихъ — и строго приказалъ своимъ людямъ скрывать отъ Юдиень новое имя, а отъ постороннихъ — старое. Онъ считалъ это возможнымъ, такъ какъ молодая женщина почти никогда не разговаривала съ чужими. Но въ роковую остановку въ Клаузенбургѣ случай открылъ Юдиень новое имя графа, и она спросила его, что

это значить. Растерявшись и не имѣя навыка во лжи, онъ не зналъ, что сказать,—и такъ долго медлилъ, что Юдиень пришла въ сильную тревогу. Наконецъ, онъ сказалъ: „Узнай все! Мы напрасно ждемъ письма отъ твоихъ; они сердятся на насъ и возбудили противъ меня судебное преслѣдованіе за то, что я женился на тебѣ, несовершеннолѣтней, безъ ихъ согласія. Наказаніе, которое грозитъ намъ за это, не тяжело, и если я все-таки стараюсь избѣжать его, то ты поймешь, что я дѣлаю это ради насъ всѣхъ“.

Она и теперь повѣрила ему; это доказывали ея слезы и отчаяніе, съ какимъ она воскликнула: „Значить, мы навсегда лишились родины!“ — „Нѣтъ,—успокоивалъ графъ,—только пока не уляжется гнѣвъ твоихъ родныхъ, а я надѣюсь, что онъ когданибудь уляжется“. — „Богъ милосердъ! — проговорила Юдиень.— Было бы слишкомъ ужасно, и я не примирилась бы съ жизнью, еслибы изъ-за меня ты лишился отечества и покоя!“ Эта жалоба тяжело — тяжело недоувѣрія — поразила Агенора; Юдиень говорила правду, только не она, а онъ самъ былъ виноватъ во всемъ. И ко всему еще эта необходимость лгать, — лгать ежедневно, ежечасно, и постоянно трепетать отъ страха, что истина откроется! Такъ, однажды, въ банатѣ, ихъ застигла ягатель и они принуждены были искать убѣжища въ ближайшемъ замкѣ. Владѣлица его радушно приняла ихъ и въ разговорѣ за ужиномъ спросила Юдиень: „Какъ васъ зовутъ?“ Молодая женщина сильно покраснѣла и отвѣтила:— „Ногила“. — „Это я знаю,—сказала старая венгерская нагнатка.— Я спрашиваю ваше крестное имя“. Юдиень смутилась еще болѣе и безпомощно поглядѣла на Агенора. „Что съ тобою, Юдиень? — вскричалъ онъ, принужденно засмѣявшись.— Ты словно забыла свое имя!“ Потомъ, когда они остались одни, она заплакала, говоря:— „Ахъ! я не увѣрена даже въ собственномъ имени! Ты называешь меня по прежнему Юдиенью, а при крещеніи меня нарекли Маріей и я думала, что для постороннихъ я должна называться этимъ именемъ“. Слова эти, лучше всякихъ жалобъ и слезъ, выяснили

графу ея положеніе, и сердце его переполнилось жалостью, — жалостью къ ней и къ самому себѣ.

Въ ту пору онъ еще могъ бороться съ отчаяніемъ. Подобно тому, какъ онъ прежде мечталъ, что все уладится, когда комедія будетъ сыграна, а потомъ, — когда они покинутъ мрачныя Борки, такъ теперь онъ возлагалъ всѣ свои надежды на Италію. Онъ прожилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда былъ совсѣмъ юнымъ, беззаботнымъ офицеромъ, и сохранилъ объ этой странѣ самое свѣтлое воспоминаніе. Тамъ, въ этомъ земномъ раѣ, кончатся всѣ его заботы и горести! И эта надежда не совсѣмъ обманула его. Прежде всего онъ повезъ Юдиноу во Флоренцію и нанялъ тамъ прелестную виллу близъ Porta del Prato. Спокойствіе и мягкій южный воздухъ принесли пользу молодой женщинѣ, на щекахъ ея вновь заиграли румянецъ, глаза ея возвратились блескъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и настроеніе духа стало спокойнѣе и яснѣе. По временамъ она даже шутила и смѣялась, какъ подобало ея возрасту. Эта перемена отразилась и на Агенорѣ; и онъ также почувствовалъ себя — или казался — счастливымъ. Когда же однажды, послѣ чуднаго дня, проведеннаго ими въ Фіозоле, Юдиноу бросилась къ нему въ объятія и, краснѣя, открыла ему радостную тайну, — онъ возликовалъ вмѣстѣ съ нею, потому что любилъ ее и всѣмъ сердцемъ желалъ для нея того чистаго счастья, которое должно было привязать ее къ жизни новыми, крѣпкими узами. Онъ могъ теперь съ болѣе легкимъ сердцемъ читать письма комиссара, который писалъ все чаще и чаще, изображая черными красками опасность, грозящую со стороны Рафаэла, и жалуясь въ то же время на безстыдство Трудки, требовація котораго будто бы все возрастали. Графъ зналъ Вроблевскаго, зналъ, что онъ способенъ сдѣлать изъ мухи слона, чтобы выманить деньги; но съ этой стороны непріятности улаживались деньгами, а Барановскій былъ богатъ, и даже считалъ себя богаче, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Гораздо непріятнѣе было для него то, что, въ началѣ жаркаго сезона, путешественники изъ Рима и

Италиі потянулись въ болѣе прохладную Флоренцію, и на улицахъ и въ садахъ казино начали встрѣчаться знакомыя лица, бывшіе полковые товарищи, или помѣщики изъ Галиціи. Отцы семействъ, съ достоинствомъ сдѣвшіе въ экипажахъ со своими женами и дочерьми, встрѣчая графа съ его спутницей, глядѣли на нихъ съ любопытствомъ, но дѣлали видъ, что не узнаютъ Барановскаго; холостяки же или соломенные вдовцы раскланивались съ нимъ и значительно улыбались. Подобныя встрѣчи учащались и пребываніе во Флоренціи становилось съ каждымъ днемъ неудобнѣе, но графъ медлилъ отъѣздомъ потому, что Юдвѣ нуждалась въ покоѣ и видимо чувствовала себя здѣсь хорошо. Вскорѣ, однако, пришлось рѣшиться на отъѣздъ. Однажды Агенору подали визитную карточку, на которой стояло: „Баронъ Викторъ Огинскій“. Это былъ старый другъ, товарищъ юности, и встрѣча была радостная и сердечная съ обѣихъ сторонъ; но потомъ Огинскій серьезно сказалъ: „Такъ какъ ты путешествуешь инкогнито, то, значить, не желаешь, чтобы тебя узнавали и я не пришелъ бы къ тебѣ, не смотря на все мое желаніе видѣть тебя, еслибы, какъ другъ твой, не считалъ своимъ долгомъ сдѣлать это. Благодаря твоей спутницѣ, въ городѣ много говорятъ о тебѣ“.

— Кому какое дѣло до того, — возразилъ графъ, — какъ и въ обществѣ кого я живу?

— Никому нѣтъ дѣла, — былъ отвѣтъ, — покуда это не дастъ повода къ такимъ предположеніямъ, которыя бросаютъ на тебя тѣнь. Всѣмъ извѣстно — какихъ ты взглядовъ на сословныя обязанности, и всѣ знаютъ происхожденіе этой дамы; поэтому никто не вѣрилъ до сихъ поръ, что ты женатъ на ней, и всѣ видѣли только признакъ твоей черезчуръ большой деликатности въ томъ, что ты выдаешь ее передъ слугами за твою жену. Но твой Янъ, въ разговорѣ съ другимъ польскимъ лакеемъ, который подтрунивалъ надъ его легковѣріемъ, поклялся всѣми святыми, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ краденія и брака. Это извѣстіе уже облетѣло весь городъ.

Серьезно этому все-таки не вѣрять, однако, всё такъ озадачены, что я счелъ своимъ долгомъ лично спросить тебя, правда-ли это? — „Благодарю тебя, — сказалъ графъ, но отвѣчать тебѣ не могу“. — „Это хуже подтвержденія, — предостерегъ Огинскій. — Вмѣсто разъясненія, это дастъ только поводъ къ нескончаемымъ сплетнямъ“. — „Что дѣлать! Я все-таки долженъ остаться при своемъ“.

Огинскій взялся за шляпу.

— Въ такомъ случаѣ, какъ другъ, — сказалъ онъ, — я могу посоветовать тебѣ одно: жить только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ тебя никто не знаетъ, пока ты не можешь разъяснить свое положеніе.

Черезъ два дня графъ послѣдовалъ этому совѣту.

Былъ конецъ апрѣля и путь лежалъ черезъ Миланъ, между озерами. Свѣтъ, аромат, красота — всюду, куда глазъ хваталъ; но Италия уже не представлялась Агенору раемъ, въ которомъ творятся чудеса. Подъ влияніемъ разговора съ барономъ онъ распорядился, чтобы письма къ нему адресовались черезъ вѣнскій банкъ. Никто въ Галиціи не долженъ былъ знать его мѣстопробыванія. Онъ былъ такъ подавленъ испытаннымъ униженіемъ, что послѣ короткаго пребыванія въ Велладжіо, не смотря на то, что онъ тамъ не встрѣтилъ ни одного знакомаго, поспѣшилъ уѣхать далѣе, ища болѣе уединеннаго мѣста. Молодая чета остановилась въ Изео, на озерѣ того же имени, — но на долго-ли? — съ отчаяніемъ спрашивалъ себя графъ.

Однако, потому, когда недѣля тихо проходила за недѣлей, не принося никакихъ новыхъ неспрiятностей, онъ снова ободрился, по крайней мѣрѣ настолько, что могъ скрывать отъ Юдиши гложущую его заботу, но и это удавалось ему не вполне. Впрочемъ, не одно только отраженіе его униженія было причиной того, что съ отъѣзда изъ Флоренціи Юдишь по цѣлымъ днямъ сидѣла погруженная въ мрачную задумчивость. Она не плакала болѣе, но это нѣмое, скрытое горе было глубже открытаго, причемъ и ли-

хорадочные припадки стали возвращаться. Австрійскій штабъ-лекаръ, прїѣзжавшій иногда изъ Бресчии по приглашенію Агенора, повачиваль головой.

— Радостнаго настроенія духа,—сказаль онъ,—я, къ сожалѣнію, не могу прописать. Поговорите разъ серьезно съ вашей супругой. Можетъ быть, ее заботитъ только предстоящій тяжелый кризисъ; это бываетъ иногда у молодыхъ женщинъ.

Графъ долго колебался, прежде чѣмъ рѣшился спросить ее объ этомъ. Юдичъ промолчала и только, когда онъ присталь къ ней, умоляя отвѣтить, она сказала:

— А если бы и такъ? Развѣ не естественно, что женщина, обремененная проклятіемъ своего отца, трепещетъ передъ тѣмъ часомъ, въ который она сама должна сдѣлаться матерью?

Онъ пытался утѣшать ее, говоря, что Богъ милосердъ.

— Богъ!—горячо вскричала она.—Да, если бы я могла прибѣгнуть къ Нему, если бы могла молиться! Но я не могу, Агеноръ! Прежде, если меня удручало горе, забота, раскаяніе, я бралась за свой молитвенникъ и взывала къ Богу моихъ отцовъ, а теперь у меня нѣтъ молитвенника...

— Но Богъ одинъ,—возразиль онъ.—Формулы безразличны.

Она мрачно покачала головой.

— Это я и сама говорила себѣ, но проку мало... Ахъ! какъ тебѣ объяснить то, что происходитъ въ моей бѣдной головѣ? Вѣдь нужно же молиться на какомъ нибудь языкѣ. Старому я разучилась, а новому не выучилась... Ты водилъ меня по католическимъ храмамъ, показываль мнѣ прекрасные образа, высокіе своды; а съ какимъ чувствомъ я глядѣла на нихъ—объ этомъ ты никогда не спрашиваль... Во мнѣ холодѣло сердце, когда изъ солнечнаго свѣта мы входили подъ эти прохладные своды. Мнѣ было такъ чуждо, такъ странно тамъ! Выучусь-ли я когда нибудь молиться въ церкви? Быть можетъ, было бы лучше, если бы мнѣ

все толкомъ объяснили, но я не имѣю понятія о вашей вѣрѣ; я даже не умѣю креститься. Что я знаю о Распятомъ, кромя того, что изъ-за него все мое племя донынѣ терпитъ униженія и гоненія?..

Графъ виновато поникъ головой; онъ понялъ теперь, что это крещеніе было не только конщунствомъ передъ его собственной вѣрой, но и преступленіемъ передъ бѣдной, жаждущей вѣры, человѣческой душой. Что онъ могъ сказать ей? чѣмъ поддержать ее! Единственное, на что онъ былъ въ правѣ указать ей, это на ея обязанности передъ новой жизнью, развивавшейся у нея подъ сердцемъ. И когда онъ заговорилъ объ этомъ, то черты ея дѣйствительно смягчились и она нашла облегченіе въ слезахъ.

— Будешь-ли ты радъ этому ребенку? Не станешь-ли ты тяготиться имъ?—спросила она.

И такъ какъ сердце подсказало Агенору настоящія искреннія слова, то они не остались безъ дѣйствія.

— Я постараюсь быть твердой,—обѣщала она, и сдержала свое слово.

И вотъ послѣ этого настали дни, когда лицо ея оживлялось улыбкой и она могла по временамъ наслаждаться красотами природы. И у графа также боязнь людей настолько улеглась, что онъ рѣшался дѣлать съ Юдишью небольшія экскурсіи въ Бресцію, на Гардское озеро или въ Верону. Въ этомъ послѣднемъ городѣ, въ саду францисканскаго монастыря, гдѣ имъ показывали каменное корыто, называемое «*tomba di Giulietta*», они провели такой счастливый часъ, какого не переживали послѣ свѣтлыхъ дней въ Фіоволе.

Но и этому часу суждено было кончиться печально. Въ то время, какъ они весело бродили между грядъ съ овощами, разбитыхъ вокругъ могилы, Агеноръ вдругъ вздрогнулъ и заспѣшилъ возвращеніемъ въ гостинницу, а затѣмъ и отъѣздомъ. На

вопросы Юдией онъ объяснилъ, что ему нездоровится. Но полчаса спустя, выглянувъ изъ окна гостиницы на улицу, гдѣ дождалась ихъ карета, молодая женщина угадала настоящую причину ихъ нespѣшнаго отъѣзда. На улицѣ стоялъ какой-то господинъ и допрашивалъ Яна, который угрюмо отвѣчалъ ему по польски. Этому же самому господина она видѣла поутру въ саду францисканскаго монастыря, но не обратила на него большого вниманія. Теперь она все сообразила и сильно поблѣднѣла, но ничего не сказала графу.

Только два дня спустя, когда онъ, замѣтивъ ея уныніе, предложилъ новую прогулку, она съ горечью отказалась. „Пожалуй, ты опять захвораешь... Прости! — прибавила она, зарыдавъ. — Я знаю, что и ты несчастливъ. Ты, бывший самымъ уважаемымъ человекомъ на родинѣ, не смѣешь теперь показаться въ люди даже на чужбинѣ, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ нибудь изъ соотечественниковъ, кто могъ бы рассказать потомъ, что ты женатъ на еврейкѣ. Я не спрашиваю, дѣйствительно-ли это такой большой стыдъ, и уменьшится-ли онъ отъ того, что ты прачешь его, коль скоро ты самъ считаешь его такимъ; для меня довольно знать, что изъ-за меня ты несчастливъ... Но представь же себѣ, каково мнѣ сознавать это!“

— Подумай о ребенкѣ! — просилъ Агеноръ.

Онъ не зналъ болѣе сильнаго заклинанія, но и это уже потеряло силу.

— Именно потому, что я думаю о немъ, я вдвойнѣ несчастна, — съ отчаяніемъ вскричала Юдией. — Можешь-ли ты любить дитя той женщины, которую ты тяготишься? Вѣдь оно только крѣпче свяжетъ тебя съ нею! До сихъ поръ ты клялъ только часъ нашей свадьбы, а скоро будешь клясть и часъ его рожденія.

Оба стали несчастны, глубоко несчастны, и этому несчастью не предвидѣлось конца. Впереди было новое горе, новая вина...

IX.

— Негодяй я, или безумецъ—не знаю, что вѣрнѣе?—говорилъ себѣ графъ Агеноръ, стоя на балконѣ гостинницы и глядя на мокрый пейзажъ, все ярче и ярче блиставшій подъ лучами осенняго солнца.—И что мнѣ сказать ей, когда она опять спроситъ, скоро-ли будутъ крестить ребенка?

Это было ближайшая и тягчайшая изъ его заботъ, но не одна она мучила Агенора. До сихъ поръ онъ не обращалъ большого вниманія на вымогательства Вроблевскаго, но наконецъ ему пришлось подумать объ опасностяхъ, которыми ненасытность этого вампира угрожала его будущности и незапятнанной чести его фамиліи. Чѣмъ же это кончится? Онъ не хочетъ покидать Юдионъ, не хочетъ разбивать ея иллюзіи—нѣтъ, нѣтъ! Но можетъ-ли онъ всю жизнь провести на чужбинѣ, въ праздности, въ постыдной роли бѣглеца, трепещущаго передъ каждымъ жандармомъ, опасаясь, что тотъ потребуетъ бумаги графа и графини Ногила, спѣшащаго миновать дорогой каждый встрѣчный экипажъ изъ боязни, что въ немъ сидитъ кто нибудь знакомый. Долже жить такъ невозможно,—а гдѣ выходъ изъ этого положенія?

Звучный дѣтскій голосокъ вывелъ его изъ задумчивости: въ саду подъ балкономъ прогуливалась толстая мамка Аннунціата, стараясь утѣшить пѣніемъ расплакавшееся дитя. Вслѣдъ затѣмъ послышался звавшій кормилицу голосъ Юдионъ, уже сидѣвшей въ столовой въ ожиданіи графа къ завтраку. Онъ выпрямился, провалявъ рукою по лицу, какъ бы сгоняя съ него слѣды мрачныхъ думъ, и спустился внизъ.

Въ дверяхъ столовой съ нимъ встрѣтилась кормилица. Агеноръ нагнулся и поцѣловалъ въ лобъ своего сына, серьезно глядѣвшаго на него своими большими темными глазами, словно о чемъ-то размышляя. Поднявъ голову, графъ встрѣтилъ пристальный, шутливый взглядъ Юдионъ. Онъ понялъ его значеніе: несчастная

сидилась прочесть на его лицѣ, съ какимъ чувствомъ онъ цѣлуетъ ребенка... Агеноръ пожелалъ ей добраго утра, сядясь казаться непринужденнѣе; онъ угадывалъ по ея глазамъ и по блѣдности щекъ, что она и въ эту ночь много плакала. О чемъ?—объ этомъ незачѣмъ было и спрашивать.

Онъ сѣлъ противъ нея, прихлебнулъ чаю и сдавленнымъ голосомъ похвалилъ чудесное утро.

— У насъ только весной бываютъ такіе дни,—закончилъ онъ,—а теперь поздняя осень.

— Да, сегодня 30-е ноября,—выговорила Юдишь дрожащимъ голосомъ.

— Уже?—равнодушно сказалъ графъ.—Какъ время-то...

Онъ не договорилъ; взглянувъ на Юдишь, онъ вдругъ сообразилъ почему она такъ подчеркнула это число.

— Боже мой!—вскричалъ онъ и, пересѣвъ къ ней ближе, заключилъ ее въ свои объятія.—Прости!.. И какъ это я забылъ? Сегодня день нашей свадьбы...

Она ничего не отвѣтила и, припавъ къ его плечу, тихо заплакала.

— Оставь,—прошептала она, когда онъ попытался успокоить ее, и еще крѣпче прижалась лицомъ къ его плечу.—Такъ лучше...

Но немного погодя она вытерла слезы и мягко высвободилась изъ его объятій.

— Сядь противъ меня и поговоримъ разумно,—сказала она.— Не будемъ мучить другъ друга, Агеноръ; не будемъ спрашивать, какъ мы прожили этотъ годъ,—такъ-ли, какъ бы слѣдовало? Поразсудимъ лучше, что намъ дѣлать впередъ. Намѣренъ ты оставаться здѣсь?

— Разумѣется—по крайней мѣрѣ, на зиму,—поспѣшилъ онъ отвѣтить;—то есть, если ты желаешь—иначе мы можемъ уѣхать куда нибудь еще южнѣе,—напримѣръ, въ Сицилію...

Она покачала головой.

— А если на сѣверъ? домой?

— Вѣдь ты знаешь, что это невозможно, — сказалъ онъ за-
пняясь.

— Нѣтъ, — возразила она, — я этого не знаю, а только вѣрю
тебѣ. Но увѣреешь-ли ты самъ-то въ это? Ты говоришь, что
тебѣ грозитъ опасность попасть подъ судъ по жалобѣ моего отца
за то, что женился на мнѣ безъ его согласія. Но наказаніе не
можетъ быть тяжкимъ и, конечно, не будетъ позорнымъ.

— Для человѣка моего званія... — началъ онъ.

— Не говори этого! — сказала она, сдѣлавъ руюю отрица-
тельный жестъ. — Человѣку твоего званія приличествуетъ самому
управлять своими дѣлами и, главное, приличествуетъ каждому
прямо глядѣть въ глаза, а не прятаться отъ всѣхъ знакомыхъ
въ отдаленныхъ углахъ чужой страны. Если тебя дѣйствительно
удерживаетъ на чужбинѣ только боязнь наказанія, то вернемся,
умоляю тебя! вернемся ради твоей собственной пользы!

— Я уже навелъ справки, — отвѣтилъ онъ нетвердымъ голо-
сомъ. — Если наказаніе незначительно...

— Ты не умѣешь лгать, — перебила она. — Если бы ты дѣй-
ствительно навелъ справки, то давно получилъ бы отвѣтъ. Но
тебя удерживаетъ отъ возвращенія не страхъ наказанія, а стыдъ,
что ты вернешься съ женой-еврейкой...

— Нѣтъ! вовсе нѣтъ! Сколько разъ нужно тебя увѣрять въ
это?!

— Что же другое? Вѣдь это наша гибель, Агеноръ! Пойми,
каково мнѣ думать, что мы не можемъ вернуться, пока живъ мой
отецъ, потому что тебѣ грозитъ его гнѣвъ!... Что онъ сердитъ
на насъ — это я вѣдь знаю: онъ второе письмо мое также оставилъ
безъ отвѣта.

— Ты писала ему? — вскричалъ графъ, поблѣднѣвъ.

— Да, за нѣсколько дней до родовъ, когда я не въ силахъ
была долѣе бороться съ тревогой. И письмо было такое, что

гнѣвъ его долженъ быть ужъ очень сильный, если не отвѣтилъ. А все-таки, Агеноръ, умоляю тебя, дай мнѣ возможность лично попытаться!

Онъ не слушалъ ея и лицо его становилось все блѣднѣе по мѣрѣ того, какъ онъ представлялъ себѣ вѣроятныя послѣдствія ея письма. „Все потеряно!—думалъ онъ.—Теперь тамъ извѣстно о подлогѣ..

— И какъ это ты могла?“—пробормоталъ онъ.

— Какъ?—вскричала она, и въ глазахъ ея сверкнулъ огонь.— Ты смѣешь упрекать меня за это письмо? Да человекъ ты, или нѣтъ? Были у тебя когда нибудь родители? И ты говоришь, что любишь меня!

— Ты не такъ поняла меня,—въ смущеніи оправдывался Барановскій.—Твоя правда, пора подумать о возвращеніи! Однако, все же не раньше весны. Вести зимою такого маленькаго ребенка съ Гардскаго озера въ Галицію было бы прямо безуміемъ. Вспомни дорогу до Фіуме!

— Но тогда ты избралъ особенно дурную дорогу. Мы можемъ ѣхать на Вѣну.

— Вѣдь и Альпы зимою негостеприимны. Что, если ребенокъ не выдержитъ? Подумай только!.. Это ты не должна имѣть на твоей совѣсти.

— Когда же ты думаешь ѣхать?

— Какъ только наступитъ весна въ Галиціи.

— Въ апрѣлѣ. Хорошо. Честное слово, Агеноръ?

— Честнее слово!—сказалъ онъ, подумавъ про-себя: „Меня навѣрное еще гораздо ранѣе заарестуютъ здѣсь“.

— Слушай,—продолжала Юдиль,—когда же ты думаешь крестить ребенка? Вѣдь ему уже шесть недѣль. Кормилица жалуется, что этотъ маленькій язычникъ навлекаетъ на нее много на-смѣшекъ.

— Окрестить, какъ только будетъ можно,—обѣщавъ онъ.— Я уже говорилъ тебѣ, что со мною нѣтъ бумагъ, удостовѣрю-

нихъ мое настоящее имя. Я уже написалъ, чтобы мнѣ выслали ихъ, но еще не получилъ. Мы такъ далеко забрались!...

— Да, далеко! — повторила она, глядя въ пространство, и глубоко вздохнула. — Воспользуйся хорошимъ днемъ, — прибавила она, помолчавъ. — Покатайся по озеру!

— А ты — не хочешь?

Она сдѣлала отрицательный жестъ. Онъ взявъ ея руку, рука была холодна.

— Юдишь! — началъ онъ, — что бы ни случилось... — Но онъ не могъ продолжать. У него сдавило горло и онъ молча вышелъ изъ комнаты.

Машинально взявъ свою шляпу, онъ медленными шагами, свѣсивъ голову на грудь, направился къ озеру. Въ головѣ непрерывно гвездила одна мысль: какъ отвратить опасность, которую навлекло на него это письмо? Не бѣжать-ли скорѣе въ Сицилію, или въ Египетъ? Но если жалоба уже подана въ судъ и дѣлу данъ ходъ, то бѣгство не поможетъ. Указъ о задержаніи догнать его, и ему ничего болѣе не остается, какъ пустить себя пулю въ лобъ, или спрыгнуть въ эти свѣтлыя, глубокія воды, что стелятся подъ нимъ... Онъ — самъ не зная какъ — очутился въ челнокѣ, которымъ правилъ его любимый лодочникъ, смуглый, красивый парень...

— Не нагибайтесь такъ, сеньоръ графъ, лодка теряетъ равновѣсіе, — услышалъ вдругъ Барановскій. Онъ выпрямился. Нѣтъ, этого не слѣдуетъ дѣлать до послѣдней крайности — не слѣдуетъ ради этой бѣдной женщины...

— Назадъ! — приказалъ онъ, стараясь привести въ порядокъ свои мысли, пока городокъ снова выросалъ передъ нимъ изъ воды.

Ему оставался одинъ исходъ: извѣстить комиссара и отдать въ его распоряженіе необходимую сумму, чтобы потушить дѣло въ судѣ. „Этотъ человѣкъ можетъ многое сдѣлать въ этомъ отно-

шеніи, и сдѣлаетъ ради собственной шкуры“. Графъ еще ничего не зналъ. ни объ увольненіи Вроблевскаго, ни о причинахъ, вызвавшихъ эту мѣру. Тотъ, разувѣтается, молчалъ объ этомъ въ своихъ письмахъ, управляющій же его Михаилъ Штигле не писалъ ни одной лишней строчки противъ того, что считалъ безусловно необходимымъ.

Агеноръ поспѣшилъ домой и тотчасъ сѣлъ писать письмо къ комиссару. Но вскорѣ перо выпало изъ его рукъ. „Какъ это все омерзительно! — подумалъ онъ. — Какая трусость!.. Еслибы кто нибудь сказалъ мнѣ, что я буду способенъ на это... Гнусно, гнусно! — прошипѣлъ онъ и такъ крѣпко сжалъ кулакъ, что ногти впились въ ладонь. Но затѣмъ онъ опять взялся за перо; вѣдь иначе нельзя было. Долго бился онъ; прежде чѣмъ подобралъ нужныя слова для рискованнаго порученія, наконецъ запечаталъ письмо въ конвертъ, приложилъ къ нему чекъ на десять тысячъ гульденовъ, запечаталъ все вмѣстѣ въ другой конвертъ, адресованный на имя Штигле, и затѣмъ вложилъ въ третій конвертъ съ адресомъ вѣнскаго банка.

— Вотъ и эта гнусная игра въ прятки—что это, какъ не трусость?—подумалъ онъ съ мучительнымъ презрѣніемъ къ самому себѣ.—И скоро-ли конецъ этому лганью?

И тутъ мысль о крещеніи сына снова заставила его сердце болѣзненно сжаться.

Въ силу закона императора Іосифа, незаконнорожденный сынъ еврейки Юдиен Трахтенбергъ долженъ былъ сдѣлаться евреемъ; ни одинъ католическій священникъ не сталъ бы крестить его безъ письменнаго согласія на то матери. Вписать же мальчика въ метрическія книги подъ именемъ графа Ногилы, или Барановскаго, не согласился бы ни одинъ ксендзъ безъ предъявленія ему брачнаго свидѣтельства родителей. Что тутъ было дѣлать? Опять прибѣгнуть къ подлогу? или сознаться въ истинѣ? Но ни то, ни другое

невозможно и остается только рѣшить—долго-ли можно будетъ уклоняться отъ настоянїи матери.

Чудный день этотъ былъ для графа самымъ мрачнымъ, какой онъ когда либо переживалъ. Онъ тоскливо глядѣлъ на великолѣпный закатъ солнца, уходившаго за Торбольскія горы, заливая на озеро и окрестности снопы багряныхъ лучей. Не радость принесло оно ему въ этотъ день, а что-то еще принесетъ завтра?.. Долго не могъ заснуть въ эту ночь Агеноръ, а, заснувъ, видѣлъ мучительные сны.

Солнце стояло уже высоко, когда онъ проснулся. Первое, что онъ увидѣлъ, былъ старый его камердинеръ Янъ, казавшійся сильно разстроеннымъ.

— Простите, графъ, что я разбудилъ васъ, — пробормоталъ онъ. — Графиня лежитъ безъ чувствъ, и причиной этому я, старый оселъ! — прибавилъ онъ, ломая себѣ руки.

— Что случилось? — вскричалъ Агеноръ, вскочивъ и торопливо хватаясь за платье.

— И все это по моей безграмотности! — продолжалъ слуга плаксивымъ голосомъ. — Будь я грамотнымъ, я прочелъ бы адресъ и приписку почтамта, и не отдалъ бы письма графинѣ...

— Какого письма? — вскричалъ Барановскій, задрожавъ отъ волненїи, и схватилъ слугу за плечи.

— Нѣсколько недѣль тому назадъ, прежде еще чѣмъ родился нашъ князекъ, графиня дала мнѣ это письмо, говоря: „Отнеси на почту, Янъ, и пошли заказнымъ“. Я исполнилъ. Только, вотъ, прихожу я сегодня въ почтамтъ за письмами для насъ, и вижу, что пришла одна газета. Я взялъ ее и уже уходилъ, какъ вдругъ почтамтскій чиновникъ вернулъ меня. „Синьоръ Янъ, — сказалъ онъ, — получите обратно письмо! Въ ту страну, гдѣ находится адресатъ, почта пока еще не ходитъ“. Ничего не спрашивая, я взялъ письмо и принесъ его графинѣ, уже сидѣвшей въ столовой. Она взглянула на конвертъ, вскрикнула: „Отецъ мой!“ и по-

катилась безъ чувствъ. Письмо-то было адресовано къ ея отцу, а почтамтъ приписалъ на оборотѣ: „Адресатъ умеръ“. Это мнѣ объяснила потомъ Ганя; она грамотная, а я старый осель...

Графъ не дослушалъ и уже бѣжалъ въ столовую. Въ дверяхъ стояла горничная Ганя.

— Графиня пришла въ себя, — сообщила она, — но желаетъ оставаться одна и приказала никого не впускать... ни даже васъ, графъ, — прибавила она, когда Агеноръ уже взялся-было за ручку двери.

Онъ отстранилъ служанку и вошелъ. Несчастная женщина лежала на полу. Распущенные волосы сбились и космами висѣли вокругъ блѣднаго, застывшаго лица. Агеноръ бросился къ ней, но она медленно подняла голову, приподнялась на рукахъ и поглядѣла на него такимъ взглядомъ, что онъ остановился и невольно потупилъ глаза: онъ былъ не въ силахъ вынести этого упорнаго взгляда.

— Уйди! — произнесла она тихо и едва внятно, но такимъ тономъ, который проникъ въ него до мозга костей. Шатаясь, какъ осужденный, вышелъ онъ изъ комнаты.

Весь этотъ день онъ не видалъ ея; Юдиѣ не выходила изъ своей спальни и не принимала никакой пищи. Графъ не зналъ, что дѣлать, но горничной Ганѣ, которая была очень предана своей госпожѣ, пришла счастливая мысль. Вечеромъ, она взяла ребенка, рѣшительно вошла къ ней въ комнату и принялась умолять ее побереечь себя. Она надѣялась смягчить этимъ ея гора, заставить ее заплакать, но это не удалось. Однако, Юдиѣ поглядила ребенка по головкѣ и согласилась взять немного бульона. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, уже около полуночи, она велѣла позвать къ ней графа.

Онъ вошелъ нетвердыми шагами и приблизился къ постели, на которой она лежала. Когда онъ взглянулъ ей въ лицо, у него замерло сердце отъ жалости и раскаянiя.

— Юдиѣ, — прошепталъ онъ, — еслибы ты знала, что я сегодня выстрадалъ...

Она кивнула головой и жестко сказала:

— Вѣрю, что и тебѣ неприятно! Я не стану упрекать тебя и позвала только зачѣмъ, чтобы ты разъяснилъ мнѣ нѣкоторыя вещи, которыя я должна знать. Ты скажешь правду? Ты вѣришь въ Бога, Агеноръ, и не станешь обманывать меня въ такія минуты?

— Зачѣмъ тебѣ еще болѣе волноваться сегодня, Юдиѣ? — просилъ онъ.—Подумай о нашемъ ребенкѣ!

— О немъ-то я и думаю... Иначе я съума сошла бы... Отвѣчай, Агеноръ: когда умеръ мой отецъ?

Онъ хотѣлъ-было отвѣтить уклончиво, отговориться незнаемъ, но, подъ давленіемъ ея взгляда, не могъ этого сдѣлать.

— Съ годъ тому назадъ.

— О! — произнесла она. Это былъ одинъ звукъ, но сколько въ немъ было страшной душевной муки!.. Она закрыла глаза и лежала, тяжело дыша.

— Юдиѣ? — тихо шепталъ графъ и старался схватить ея руку.

— Оставь! — прошептала она, — оставь!.. Я убійца моего отца... Говори правду: онъ умеръ въ день моего побѣга?

— Нѣтъ, спустя нѣсколько недѣль,—увѣрялъ Агеноръ.

— Все равно, онъ умеръ съ горя изъ-за меня... Зачѣмъ же ты говорилъ, что онъ преслѣдуетъ насъ судомъ?

— Это правда. Онъ еще при жизни подалъ жалобу въ судъ, а послѣ его смерти за это дѣло взялся Рафаилъ. Такъ мнѣ писали изъ дому.

— Можетъ быть. Рафаилъ—добрый сынъ, и хочетъ отмстить убійцамъ своего отца. Если бы онъ зналъ, что это напрасно!.. „Милъ отмщеніе и Азъ воздамъ!“ говоритъ Господь. Не знаетъ Рафаилъ, что самъ Богъ взялъ на себя его дѣло!.. И Онъ до-

вернуть его, я чувствую это... Бѣдное, невинное дитя! — вскрикнула она.

Агеноръ упалъ на колѣни и воздѣлъ къ ней сложенные руки.

— Ради него, Юднѣ! именно ради ребенка!.. Вѣдь все можетъ еще устроиться хорошо...

Она мрачно покачала головой.

— На жи и проклятіи не строится счастье... Отца уже не было въ живыхъ, когда мы вѣнчались? — спросила она.

Графъ молчалъ.

— Такъ вотъ отчего ты не хотѣлъ тогда захватить въ нашъ городъ!.. Однако, ты позволилъ же мнѣ написать къ отцу, и далъ честное слово, что доставишь ему письмо, — честное слово графа Агенора Барановскаго!

— Вспомни, въ какомъ я былъ тогда положеніи. Ты только что оправилась отъ болѣзни, докторъ запретилъ всякое волненіе... Ты не можешь, ты не въ правѣ презирать меня за это!

— Но въ этомъ-ли одномъ ты лгалъ?.. Встань, погляди мнѣ въ глаза!.. Жена-ли я твоя? Христіанка-ли я?

Графъ почувствовалъ, какъ вся кровь прилила у него къ сердцу.

— Вспомни же... — пролепеталъ онъ.

— Помню... Но у меня почва уходитъ изъ-подъ ногъ; я не знаю даже, вѣрить-ли мнѣ своимъ глазамъ, своимъ ушамъ... И, наконецъ, что я смыслу въ вашихъ обрядахъ? Не было-ли все это фикціей, обманомъ, чтобы заставить меня жить? Вѣдь и это возможно, коль скоро твой пріятель и совѣтникъ — отъявленный плутъ. Но если это былъ обманъ, то сознайся въ немъ, по крайней мѣрѣ, теперь!.. Дадъ тебѣ слово, что я не наложу на себя рукъ. Вѣдь въ такомъ случаѣ у моего ребенка нѣтъ отца, и я должна сохранить ему мать... Я хочу только знать истину. Если я не христіанка, то я могу политься по прежнему, и почитать моего отца по нашему обычаю. Ты былъ бы худшимъ изъ людей, Агеноръ,

если бы и теперь солгалъ. Отвѣчай же: христіанка-ли я? жена-ли твоя?

У графа подкосились колѣни и онъ ухватился за спинку кровати, чтобы не упасть. Сердце его замерло, въ вискахъ било словно молотомъ. Онъ медлилъ отвѣчать не долѣе секунды, но она показала ему вѣнокъ.

— Да, — произнесъ онъ наконецъ, не узнавая собственнаго голоса, — ты христіанка и моя жена!

А. Каррикъ.

(Продолженіе будетъ).

ИТОГИ.

НАДЕЖДЫ И ОЖИДАНИЯ ПЕРЕДОВОЙ ЧАСТИ РУССКИХЪ Евреевъ
ЗА ПОСЛѢДНІЯ 50 ЛѢТЪ ¹.

(1838—1888 г.).

Памяти Абрама Манасеевича Ратгауза.

II. Мѣры для привлеченія евреевъ къ общевропейскому образованію.

а) Уже выше (см. введеніе) нами было указано, что въ началѣ разсматриваемаго періода изъ среды пограничнаго населенія сосѣднихъ странъ (изъ Пруссіи и Австріи) непрерывно и неудержимо притекала струя, которою освѣжалась духовная жизнь и умственная дѣятельность передовыхъ людей среди еврейскаго населенія западныхъ и южныхъ губерній Россіи. Этимъ объясняется, почему въ прилегавшихъ къ западной границѣ мѣстностяхъ, особенно же въ ближайшихъ къ этой границѣ наиболѣе населенныхъ городахъ, всегда было извѣстное число семействъ, члены которыхъ обладали специально-еврейскими знаніями и вмѣстѣ съ тѣмъ, отчасти, общевропейскимъ образованіемъ. Эти семейства, по внѣшней обстановкѣ ихъ жизни, ничѣмъ не отличались отъ остальнаго еврейскаго населенія той же мѣстности, и именно потому служили центрами, отъ которыхъ стремленіе къ свѣту распространялось во всѣ стороны, передавалось по всѣмъ направленіямъ. Въ лонѣ этихъ семействъ находили убѣжище и тѣ адепты новаго направленія, которые должны были скрывать самомагійное сопрیکосновеніе

¹ См. „Восходъ“, кн. II за 1891 г.

свое съ предметами свѣтскаго знанія — изъ опасенія потерять насущный кусокъ хлѣба ¹, доставлявшійся имъ благотворителями за ихъ благочестивыя занятія изученіемъ специально-еврейской письменности, угодной Богу.

б) Менѣе податливымъ оказывалось населеніе многолюдныхъ центровъ, отдаленныхъ отъ границы. Помимо вліянія цадиковъ, которымъ подчинялись приверженцы ихъ (хасиды), здѣсь дѣйствовало, какъ бы инстинктивно, чувство національнаго самосохраненія. Избѣгали свѣтскаго знанія и чуждались его въ виду многократно повторявшихся случаевъ отступленія отъ еврейскаго исповѣданія тѣхъ именно, которые прельстились новымъ направленіемъ въ сферѣ умственной дѣятельности. Такого рода опасенія были чрезвычайно сильны и тормазили распространеніе европейскаго образованія въ сильной мѣрѣ.

Общественныя отношенія налагали оковы даже на такихъ лицъ, которыя, усвоивъ себѣ знаніе европейскихъ языковъ, этимъ знаніемъ приносили пользу себѣ и своему обществу, доказывая послѣднему живымъ примѣромъ, что приобретенное ими образованіе несколько не отталкиваетъ ихъ отъ еврейства, а хорошо съ нимъ уживается ². Хотя имъ самимъ такія новшества (знаніе европейскаго языка и преимущественное занятіе свѣтскими предметами) — прощались, вслѣдствіе приносимой ими пользы, тѣмъ не менѣе ихъ всѣми мѣрами удерживали отъ посылки

¹ Къ такимъ, соблюдавшимъ строжайшую тайну и осторожность адептамъ, принадлежалъ, въ началѣ разсматриваемаго періода, бѣдный молодой человекъ Г. Гринбаумъ, который впоследствии, принявъ православіе при вступленіи въ кіевскій университетъ, назвался Владиміромъ Фадоровымъ. Мы еще встрѣтимся съ нимъ не разъ при дальнѣйшемъ изложеніи.

² По такимъ семейнымъ связямъ и отношеніямъ къ обществу и покойной другъ, памяти котораго посвящены эти очерки, находился въ крайне затруднительномъ и щекотливомъ положеніи, долго не рѣшался помѣстить своего единственнаго сына въ гимназію, въ которую онъ, наконецъ, отдалъ его послѣ предварительнаго пребыванія въ житомирскомъ раввинскомъ училищѣ. Уже изъ этого примѣра видно, какъ благотѣльно было для тогдашняго молодого поколѣнія открытіе особихъ для евреевъ училищъ, которыя, помимо своей прямой и непосредственной пользы, служили промежуточными станціями, облегчавшими молодому поколѣнію переходъ въ общеобразовательныя учебныя заведенія.

своихъ дѣтей въ общія учебныя заведенія — гдѣ неминуемо и безповоротнo должны были исчезнуть въ дѣтахъ всякая привязанность и любовь къ еврейству. Эти, отчасти основательныя, опасенія со стороны еврейскаго населенія правительство стремилось предотвратить, или по крайней мѣрѣ значительно ослабить учрежденіемъ особыхъ училищъ для еврейскихъ дѣтей.

в) До середины сороковыхъ годовъ эти училища существовали только въ тѣхъ городскихъ центрахъ, гдѣ еврейскія общества по собственному почину рѣшались открывать и содержать такія заведенія на свой счетъ. Варшава и Одесса были пионерами въ этомъ отношеніи. Въ составъ еврейскихъ обществъ этихъ городовъ входили многія, переселившіяся туда изъ-за границы семейства, дѣти которыхъ нуждались въ такомъ же воспитаніи, какое ихъ родители получали раньше въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ, спеціально-еврейскихъ и общихъ. Устроенныя этими обществами училища (раввинское въ Варшавѣ и коммерческое въ Одессѣ, а за нимъ такое же въ Кишиневѣ) по своей программѣ и учебному персоналу¹ оказывались до того цѣлесообразными, что они призваны были образ-

¹ Учебный персоналъ упомянутыхъ трехъ училищъ отчасти вербовался изъ заграничныхъ выходцевъ (какимъ, напр., былъ *Б. Штерн*, состоявшій директоромъ одесскаго еврейскаго училища и преподавателемъ нѣкоторыхъ общеобразовательныхъ предметовъ въ томъ же училищѣ), отчасти изъ русскихъ евреевъ, успѣвшихъ усвоить себѣ необходимыя знанія самообученіемъ. Къ числу этихъ лицъ принадлежалъ *Я. Эйхенбаумъ* — автодидактъ-математикъ и авторъ замѣчательныхъ по своему изяществу и совершенству отдѣлки стихотвореній на древне-еврейскомъ языкѣ, — бывшій раньше директоромъ кишиневскаго еврейскаго частнаго училища и назначенный впоследствии, при открытіи житомирскаго раввинскаго училища, инспекторомъ послѣдняго. И Штернъ, и Эйхенбаумъ, равно какъ и бывшій тогда директоромъ варшавскаго раввинскаго училища *Г. Айзенбаумъ*, независимо отъ своей служебной дѣятельности, способствовали распространенію образованія между евреями своимъ личнымъ вліяніемъ и литературною дѣятельностью. Насколько были обаятельны для тогдашней молодежи живыя бесѣды Штерна, какъ преподавателя исторіи, настолько же увлекали ее стихотворенія Эйхенбаума. Не менѣе сильное воздѣйствіе оказывали астрономическія и математическія сочиненія *Х. З. Слоинскаго* (послѣдствіи занимавшаго мѣсто Эйхенбаума въ житомирскомъ раввинскомъ училищѣ), также написанныя на древне-еврейскомъ языкѣ и съ жадностью изучавшіяся многими изъ слушателей частныхъ раввинскихъ школъ (іешивотъ) въ литовскихъ губерніяхъ.

цовыми такимъ знатокомъ школьнаго дѣла, какимъ былъ д-ръ *Лиллиенталя*. Будучи проповѣдникомъ рижской еврейской общины и обративъ на себя вниманіе управлявшихъ остзейскими провинціями русскихъ сановниковъ, а чрезъ нихъ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, этотъ заграничный д-ръ философіи былъ приглашенъ для содѣйствія правительству къ осуществленію предначертаній его по предмету привлеченія евреевъ къ общеевропейскому образованію.

г) Объѣздъ д-ра *Лиллиенталя* наиболѣе многолюдныхъ центровъ еврейскаго населенія, съ цѣлью расположить его въ пользу упомянутыхъ мѣръ, былъ знаменательнымъ событіемъ ¹. Послѣ

¹ Изъ печатавшихся въ издававшейся докторомъ Д. Филиповичемъ газетѣ— „Allgem. Ztg. d. Judenthums“ за 1842 и 1843 годы—корреспонденцій изъ мѣстъ, которыя посетилъ д-ръ *Лиллиенталя*, я приведу здѣсь извлеченіе изъ корреспонденціи, напечатанной 18 февраля 1843 года, въ 7 № газеты за этотъ годъ.

„Корреспондентъ (изъ Одессы) сообщаетъ, что „указъ 22-го іюня 1842 года (которымъ еврейское населеніе призывалось къ полезной дѣятельности вообще, и къ воспріятію общеевропейскаго образованія въ особенности)—разбудилъ еврейское населеніе отъ латаргическаго сна, и вмѣстѣ съ тѣмъ, пробудилъ въ немъ надежду на лучшее будущее. При великодушномъ настроеніи нашего Государя, при либеральномъ и человеколюбивомъ образѣ мыслей его министровъ, мы увѣваемъ, что начертанныя въ этомъ указѣ мѣры направлены къ тому, чтобы вмѣстѣ съ образованіемъ улучшить и гражданское положеніе нашихъ дѣтей... Если бы устрояемое развитіе русскихъ евреевъ не сопровождалось улучшеніемъ ихъ гражданскаго положенія, то оно повело бы лишь къ болѣе ясному пониженію или своему позорнаго безправія“...

Весьма вѣроятно, что авторъ этой корреспонденціи (зловѣчно вѣрно изображающей положенія еврея, получившаго образованіе безъ соотвѣствующихъ гражданскихъ правъ) былъ и авторомъ докладной записки, поданной д-ромъ *Лиллиенталемъ* отъ имени одесскаго еврейскаго общества тогдашнему генералъ-губернатору новороссійскаго края графу (впоследствии князю) Воронцову, отъ котораго впоследствии до насъ на имя того же общества приводимый ниже отвѣтъ, характеризующій отношеніе сановниковъ того времени къ дѣлу просвѣщенія евреевъ. Желательно было бы найти этотъ важный документъ въ подлинникѣ; въ корреспонденціи онъ переданъ „въ дословномъ переводѣ“, но, къ сожалѣнію, безъ обозначенія числа и мѣсяца. Справки, мною наведенныя по этому предмету, къ сожалѣнію, ни къ чему до сихъ поръ не привели. Вотъ какъ изложено этотъ документъ на нѣмецкомъ языкѣ:

„Одесскому еврейскому обществу.

„Вмѣстѣ съ письмомъ отъ г. министра народнаго просвѣщенія, д-ръ *Лиллиенталя* передалъ мнѣ и докладную записку одесскаго еврейскаго общества, которую я чп-

слуховъ о предполагавшихся противъ еврейскаго населенія рѣзкихъ и крутыхъ мѣрахъ, пріятіе которыхъ поставлено въ зависимость отъ успѣха, которымъ увѣнчается миссія д-ра Ли-

таль съ большимъ вниманіемъ. Большое удовольствіе доставляетъ мнѣ знакомство съ д-ромъ Лиаленталемъ, который такъ хорошо рекомендовалъ мнѣ д. т. с. Уваровымъ, и о которомъ я вообще слышалъ много похвального. Послѣ приближенія только 20-ти-лѣтняго знакомства со мною, одесское еврейство навѣрное получило твердое убѣжденіе, что я всегда былъ готовъ, и буду готовъ и въ будущемъ, оказать помощь населенію этихъ губерній (Новоросс.) во всемъ, что только отъ меня зависитъ,—что я особенно считаю пріятнымъ для себя долгомъ способствовать всѣмъ, находящимся въ моемъ распоряженіи, средствами успѣху и продвижанію существующихъ въ Одессѣ и Кишиневѣ еврейскихъ училищъ, а также—расширенію круга дѣйствія этихъ полезныхъ учебныхъ заведеній и на другія мѣста Новороссіи и Бессарабіи. Д-ръ Лиаленталь можетъ увѣрить своихъ одесскихъ единовѣрцевъ, что относительно затрудненій, которыя при нынѣшнихъ условіяхъ представляютъ великому образованному еврейскому юношѣ пріимать съ пользою прибрѣтенныя въ школахъ познанія, я вполнѣ раздѣляю мнѣніе просителей (подписавшихъ докладную записку), и что я убѣжденъ, что еврейскія училища только тогда принесутъ дѣйствительную пользу, когда выходящей изъ нихъ молодежи будетъ открыта болѣе широкая дорога. *Наше правительство, столь ревностно текущее объ улучшеніи положенія евреевъ въ Россіи, приметъ соотвѣтствующія мѣры, чтобы поощрить еврейскую молодежь къ изученію полезныхъ знаній, и чтобы она могла извлечь изъ своихъ научныхъ успѣховъ и соразмѣрную пользу.* Мѣстнымъ начальствамъ, къ которымъ обратился по этому предмету министръ народнаго просвѣщенія, предоставлено право и на нихъ возложена обязанность высказывать правительству свое мнѣніе въ этомъ отношеніи. Вслѣдствіе этого и я займусь этимъ дѣломъ, и по возвращеніи въ Одессу переговорю съ представителями тамшняго еврейскаго общества, съ тѣмъ, чтобы, по соглашеніи съ ними, могло быть сдѣлано представленіе въ Петербургъ“.

Въ каждомъ словѣ этого отвѣта звучитъ задумчивость и благородство, столь свойственное мыслителямъ русскимъ сановникамъ той знаменательной эпохи. О графѣ Киселевѣ и его отношеніи къ вопросу объ улучшеніи гражданскаго положенія еврейскаго населенія Россіи намъ еще придется говорить въ дальнѣйшемъ изложеніи. Здѣсь же считаю не лишнимъ привести слова, сказанныя молодымъ писателемъ того времени *В. Вольфзономъ*, въ изъявленіи министру народнаго просвѣщенія графу Уварову тѣхъ чувствъ благодарности, которыя питала къ нему передовая часть еврейскаго населенія. Не смотря на крайнюю бѣдность родителей Вольфзона—выходцевъ изъ Галиціи,—этотъ даровитый молодой человѣкъ получилъ блестящее образованіе, сперва въ Одессѣ (при помощи лучшихъ преподавателей), а затѣмъ въ Лейпцигѣ, гдѣ имъ написано было замѣчательное для того времени сочиненіе „Die schönwissenschaftliche Literatur der Russen“. Посвящая это сочиненіе графу Уварову, молодой писатель заканчиваетъ свое посвященіе слѣдующими словами: „За мой народъ, ненавидимый, загнанный и отверженный,

лиентала, уже нечего было опасаться какого либо открытаго со-противленія или хотя бы и скрытаго противоудѣйствія (даже со стороны общества, въ которыхъ преобладало вліяніе надимовъ) начинаніямъ правительства, провозвѣстникомъ которыхъ былъ снабженный важными полномочіями д-ръ Лиліенталь.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вниманіе, которое оказывали мѣстные власти преподавѣднику-еврею, льстало самолюбію даже самыхъ темныхъ массъ. Нечего говорить о такихъ обществахъ, вліятельные представители которыхъ понимали важность миссіи д-ра Лиліентала. Они давно уже ждали съ нетерпѣніемъ рѣшительнаго мѣропріятія, хотя бы съ принудительнымъ характеромъ по отношенію къ образованію дѣтей. Въ такихъ обществахъ д-ра Лиліентала встрѣчали торжественно и радушно. Въ виду близившагося осуществленія давнишней мечты тамъ закрывали глаза на то, что къ существовавшимъ весьма обременительнымъ для евреевъ налогамъ долженъ былъ прибавиться новый налогъ, подъ названіемъ свѣчнаго сбора, предназначенный служить специальнымъ источникомъ для открытія и содержанія особуыхъ училищъ для евреевъ. Никто не предвкушалъ тогда тѣхъ криковъ и воплей, которые раздавались въ средѣ голодавшей еврейской массы, благодаря тогдашнимъ способамъ

жуналистѣ въ своихъ лучшихъ стремленіяхъ—за этотъ народъ прини неподкупную благодарность, выраженную въ гласѣ, выливающейся изъ моей горячей груди“.

(„Mein Volk—verhasst, verbannt, verstossen,
Verkant in seinen Lebensschönstem Drang
Für dieses Volk, dem zieh Dein Herz erschlossen,
Nimm meines Liedes unbestochenen Dank,
Das aus der heissen Seele mir geflossen“).

Ниже мы увидимъ, что и тѣ лица, которымъ поручено было исполненіе задуманныхъ правительствомъ мѣръ образованія евреевъ, были высоко-достойными людьми. Имена такихъ лицъ, какъ *Николай Михайловичъ Трехмиловскій* (бывшій директоромъ училищъ Волынской губерніи и Житомирской гимназіи) и *Владимиръ Яковлевичъ Ковалевскій* (бывшій раньше инспекторомъ той же гимназіи, а потомъ первымъ директоромъ открытаго въ Житомирѣ раввинскаго училища)—не должны быть забыты потомствомъ. Своимъ любовнымъ отношеніемъ къ житомирскому раввинскому училищу и къ его воспитанникамъ они въ высокой степени содѣйствовали его процвѣтанію.

вниманія—въ числѣ прочихъ налоговъ—и этого новаго сбора. Лучшие люди изъ евреевъ не могли также предвидѣть, что тысячи и десятки тысячъ изъ тѣхъ суммъ, каждая копѣйка которыхъ добывалась цѣною тяжкихъ жертвъ, будутъ затрачены на предметы, совершенно чуждые дѣлу образованія евреевъ. Но то, чего не предчувствовали люди, убаюкивавшіеся радужными надеждами на наступленіе «эры просвѣщенія», то предвидѣли, или по крайней мѣрѣ чули закоснѣлые обскуранты. Какъ увидимъ ниже, они оказались наиболѣе прозорливыми. Они не только не огорчались, а, напротивъ, искренно радовались растратѣ суммъ, предназначенныхъ для образованія евреевъ. Всякое уменьшеніе этихъ суммъ рассматривалось ими какъ чистый выигрышъ. Неуклонно стремясь къ удержанію въ средѣ еврейскаго населенія исконныхъ порядковъ, при которыхъ сила и вліяніе по дѣламъ общественнымъ находились и оставались въ ихъ рукахъ, они готовы были принести для этой цѣли денежныя жертвы, хотя бы онѣ добывались изъ крохъ бѣднѣйшей части еврейскаго населенія. Все это дѣлалось какъ бы во имя сохраненія наиболѣе существенныхъ чертъ національной самобытности.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, мы перейдемъ къ рассмотрѣнію слѣдующихъ основныхъ вопросовъ: 1) Какъ относились органы администраціи вообще и въ особенности учебной, съ одной стороны, и еврейскія общества—съ другой стороны, къ открывавшимся на счетъ свѣчнаго сбора училищамъ? 2) Какъ относились тѣ и другія къ наиболѣе выдающимся ученымъ изъ евреевъ и къ учащейся еврейской молодежи? 3) Какое значеніе имѣло для существованія специально-еврейскихъ училищъ возбужденное противъ нихъ гоненіе юдофобской печати, когда въ этомъ гоненіи стали принимать участіе и *биоміе серен*? 4) Какую роль играли въ умственномъ движеніи этой эпохи древне-еврейскій языкъ и разговорное нарѣчіе? 5) Какъ постепенно отмигивались и наконецъ уничтожены были тѣ мѣры, которыми правительство, въ началѣ эпохи, старалось возбудить въ средѣ евреевъ стремленіе къ европейскому образованію? 6) Заключительные выводы.

1. Какъ относились къ открывавшимся на счетъ свѣчнаго сбора, такъ называемымъ казеннымъ еврейскимъ училищамъ— съ одной стороны, органы администраціи, особенно учебной, а съ другой—сами еврейскія общества.

Открытие особыхъ училищъ для евреевъ, и помимо требовавшихся для этого матеріальныхъ средствъ, было дѣломъ далеко не легкимъ. Даже и послѣ того, какъ открытіе и содержаніе этихъ училищъ уже было достаточно обеспечено въ матеріальномъ отношеніи накопившимися поступлениями изъ назначеннаго для нихъ новаго источника,—и тогда все еще существовало важное затрудненіе, состоявшее въ томъ, что болѣе состоятельные евреи всячески избѣгали какъ общеобразовательныхъ, такъ и устраиваемыхъ особо для еврейскаго населенія училищъ, и что въ эти послѣднія неохотно посылали своихъ дѣтей и бѣдняки. Послѣдніе, разъ они рѣшались отдавать дѣтей въ школу, вопреки враждебному настроенію окружавшей ихъ среды къ образованію, должны были отдавать предпочтеніе общеобразовательнымъ заведеніямъ, уже потому, что дѣти ихъ, съ поступленіемъ въ 4-й классъ гимназій, освобождались отъ исполненія рекрутской повинности, которая, какъ уже выше было сказано, всею тяжестью своею легла на немущихъ евреевъ, такъ какъ отъ нея освобождались гильдейскіе купцы и ихъ сыновья. Начальники среднихъ учебныхъ заведеній, отстаивая права воспитанниковъ-евреевъ по отношенію къ рекрутчинѣ, всегда обнаруживали въ этомъ отношеніи такую энергію, что она отнимала у сборщиковъ еврейскихъ обществъ всякую охоту посягать на права гимназистовъ-евреевъ. Тягаться съ законными требованіями учебной администраціи, представляемой такою важною особой, какою былъ въ то время директоръ гимназій вообще, а тѣмъ болѣе директоръ гимназій въ губернскомъ городѣ (директоръ училищъ всей губерніи)—было совершенно не по силамъ сборщикамъ еврейскимъ, если они даже располагали значительными общественными суммами.

Такой очевидной пользы нельзя было ожидать отъ училищъ, которыя должны были открываться исключительно для евреевъ и посѣщеніе которыхъ не предоставляло никакой льготы по отношенію къ рекрутской повинности. Только впоследствии

раввинскія училища уравнины были въ этомъ отношеніи съ общими учебными заведеніями.

Въ виду этого опасеніе, что эти учебныя заведенія останутся безъ учениковъ, и что они, послѣ неудачной попытки нустить ихъ въ ходъ, закроются на радость приверженцамъ тьмы и застою, — имѣло достаточныя основанія. Но эти опасенія вскорѣ исчезли — главнымъ образомъ благодаря гуманности и энергіи, какими одушевлены были лица, которымъ правительство поручило открытіе главныхъ рассадниковъ смѣшаннаго (спеціально-еврейскаго съ общеевропейскимъ) образованія, т. е. упомянутыхъ выше двухъ раввинскихъ училищъ¹.

¹ Вопросы относительно программъ для этихъ училищъ по спеціально-еврейскимъ предметамъ, какъ и относительно составленія соответствующихъ этимъ программамъ и вообще пригодныхъ для преподаванія руководствъ — еще задолго до открытія училищъ обсуждались въ особой комисіи, почему-то получившей названіе Раввинской. Въ ней рядомъ съ двумя авторитетами по спеціально-талмудической литературѣ (*Исаакомъ Воложинскимъ* и *Мандельманъ Любавичскимъ*) заседали такіе особы, какъ *Израиль Гальперинъ* (глава извѣстнаго въ то время бердичевскаго bankersкаго дома) и *Б. Штернъ* (упомянутый выше директоръ одесскаго училища). Всѣ участвовавшіе въ совѣщаніяхъ комисіи лица предложены были для этой цѣли д-ромъ Лициентамъ носѣ его объѣзда, при чемъ, очевидно, имѣлось въ виду, чтобы рѣшенія комисіи пользовались неподобающимъ авторитетомъ у приверженцевъ самыхъ противоположныхъ воззрѣній. Но при всемъ стараніи д-ра Лициента избѣгать людей слишкомъ прямолинейныхъ, неподатливыхъ и строптивыхъ, и при всемъ обнаруженномъ имъ умѣніи мирить и соглашать между собою такіе разнородные элементы, какіе, по его же выбору, должны были входить въ составъ этой комисіи — дѣятельность этой послѣдней нельзя назвать плодотворною. — Не говоря уже о столкновеніяхъ самого д-ра Лициента съ *Б. Штерномъ* (живыми выходы котораго принимались честолюбію и самолюбіемъ Штерна, котораго, какъ увѣряютъ, Лициентъ обезоруживалъ лишь скромностью и безпредѣльнымъ терпѣніемъ), нелегко было добиться соглашенія между такими крайне противоположными взглядами, какіе должны были существовать по отношенію къ объему спеціально-еврейскаго преподаванія, съ одной стороны, — у *Б. Штерна*, по мнѣнію котораго преподаваніе этихъ предметовъ во всякомъ случаѣ должно было подчиняться цѣлямъ общеевропейскаго образованія, а съ другой стороны — у *Воложинскаго* и *Любавичскаго* раввиновъ, которые могли отвести общеевропейскому образованію весьма ограниченное мѣсто въ ряду предметовъ, знаніе которыхъ требовалось имъ отъ воспитанниковъ спеціально-еврейскихъ, особенно же раввинскихъ училищъ. И дѣйствительно, изъ приведеннаго ниже извлеченія изъ письма *Д. О. Мандельштана*, который, во время своего пребыванія на филологическомъ факультетѣ *С. П. В.* универ.

Ограничиваясь сообщеніемъ тѣхъ свѣдѣній, за достовѣрность которыхъ могу ручаться, я укажу какъ дѣйствовали въ этомъ отношеніи тогдашній директоръ училищъ Волынской губерніи Николай Михайловичъ Трохимовскій.

ситета, вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ какъ бы секретаремъ этой комисіи, ни увидитъ, что каждый изъ членовъ этой комисіи защищалъ свое мнѣніе *со страстною запальчивостью* (hithmargèru seh lê krath seh bé-khol khochom), такъ какъ „пренія велись каждымъ изъ нихъ на основаніи его убѣжденій—безъ всякаго лицепріятія“.

Упомянутое письмо Л. О. Мандельштама (написанное въ концѣ лѣта 1848 г. къ одному изъ жившихъ въ Минскѣ друзей его—г-ну Браудѣ—и помѣщенное г. Вульманомъ въ № 232 авр. газеты „Гамелица“ 1889 г.) бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на важныя отношенія этихъ членовъ комисіи, которые „держались поодаль (mithnakhrim—чуждались) другъ отъ друга даже послѣ всѣхъ усилій примирительнаго свойства, какія были употреблены авторомъ письма“. „По своимъ личнымъ взглядамъ и наклонностямъ члены комисіи вполне соотвѣтствуютъ тѣмъ четыремъ главнымъ направленіямъ, какія господствуютъ среди еврейскаго населенія Россіи, а именно: благочестивому (хасиду), ортодоксальному (Mithnagdım), промышленно-торговому и просвѣтительному. Будучи величинами несоизмеримыми и неподлежащими сравненію (различаясь между собою какъ по качеству и степени своихъ научныхъ знаній, такъ и по возрасту, темпераменту и по своей профессіи), эти члены какъ бы представляютъ четыре колеса экипажа (orphan ha—merkhabha), одинаково необходимыя для его стройнаго движенія. Такъ, напр., Ис. Воложинскій протаживаетъ правую руку высокоученому талмудисту и каббалисту Менделю Любавичскому, лѣвую же—опытному въ важныхъ для теперешняго времени житейскихъ дѣлахъ Израилю Гальперину, который въ свою очередь принимаетъ въ бодрѣ свѣдущему по части свѣтскаго образованія, къ бодрѣ прозорливому и осмотрительному Б. Штерну“... „Такъ, напр., послѣ уступки, сдѣланной относительно изученія *свѣтскихъ предметовъ вообще*, разсматривался вопросъ о томъ: сколько времени можно удѣлять такому изученію?—Каждый изъ членовъ, исходя изъ своей, совершенно особенной точки зрѣнія, защищалъ свое мнѣніе записывающимися изъ соображающихся источниковъ доводами, и, послѣ всесторонняго обсужденія этого вопроса, принято было рѣшеніе: *удѣлять этимъ предметамъ три часа ежедневно*“.

Не смотря, однако жъ, на то, что Л. О. Мандельштамъ отзывался съ похвалою о дѣятельности членовъ комисіи и о способѣ обсужденія ими предложенныхъ вопросовъ, велика, однако жъ (показуясь находившимся въ его же интимныхъ замѣткахъ), не усмотрѣвъ, что, придерживаясь его же одобренія (экипажу), эта дѣятельность скорѣе напоминала „возъ“ въ баснѣ Крылова, который „билъ бы и пилъ тамъ“—если бы его не вытѣщали этотъ же докладчикъ комисіи. По крайней мѣрѣ хорошо извѣстно, что послѣ внезапнаго исчезновенія изъ Россіи д-ра Дилленталя и послѣ замѣщенія его (при министерствѣ народнаго просвѣ-

Ясно сознавая, что при точномъ соблюденіи всѣхъ формальныхъ требованій относительно положеннаго для поступленія въ учебное заведеніе числа лѣтъ, а также относительно необходимыхъ для этого документовъ—цифра поступающихъ будетъ ничтожная, онъ, какъ впоследствии самъ выразился, позволялъ себѣ въ этомъ отношеніи весьма широкія уклоненія отъ буквы закона въ пользу его духа. Принимались молодые люди значительно старше положеннаго возраста, и притомъ съ документами, которые должны были быть дополнены впоследствии—уже по требованію учебнаго начальства. Мало того, желая увеличить обаяніе открывшагося тогда житомирскаго раввинскаго училища—по крайней мѣрѣ въ глазахъ тѣхъ, которые дорожили специально-еврейскимъ знаніемъ,—этотъ высоко-гуманный и безукоризненно-честный исполнитель воли тогдашняго министра народнаго просвѣщенія не стѣснялся вступить въ переписку, на собственный рискъ и страхъ, съ И. Б. Левинзономъ, приглашая его занять мѣсто въ испытательномъ комитетѣ, учрежденномъ при училищѣ, откуда Левинзонъ, при открытіи раввинскаго училища, долженъ былъ перейти въ это послѣднее въ качествѣ инспектора ¹.

Изъ послѣдовавшаго на представленіе Н. М. Трохимовскаго отвѣта помощника начальника учебнаго округа, занимавшаго тогда мѣсто попечителя, видно, что Левинзонъ былъ приглашенъ участвовать въ учреждавшемся при дирекціи училищъ

щенія) Л. О. Манделштамомъ, этому послѣднему приходилось снова обѣзгать всѣ мѣста, гдѣ находились,—рядомъ съ бывшими членами коммисіи—и другія авторитетныя лица (въ числѣ ихъ ученый Н. В. Левицкий), чтобы они своими подписями на заранѣе выработанныхъ программахъ, а также на учебникахъ, которые предназначались для введенія въ спеціально-еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ по предметамъ еврейскаго знанія, изъявили свое одобреніе.

¹ Въ своемъ представленіи о Левинзонѣ начальству кievскаго учебнаго округа Николай Михайловичъ пользовался указаніями, перечисляя не только составленную авторомъ настоящаго очерка записки о литературныхъ трудахъ упомянутаго писателя вообще, особенно же о томъ изъ его сочиненій, за которое онъ удостоенъ былъ Высочайшей награды. Въ сущности, всѣ хлопоты Н. М. въ этомъ направленіи оказались тщетны, и ему чуть не пришлось покончить изъ собственнаго кармана ту сумму, которую онъ, еще до полученія разрѣшенія изъ Кіева, выслалъ Левинзону на проѣздъ изъ Кременда въ Житомиръ.

испытательномъ комитетѣ, въ которомъ должны были подвергаться испытанію лица, изъявлявшія желаніе занимать мѣста преподавателей спеціально-еврейскихъ предметовъ какъ въ самомъ раввинскомъ училищѣ, такъ и въ другихъ предназначенныхъ для евреевъ училищахъ. Помощникъ начальника учебного округа, вполне соглашаясь съ мнѣніемъ директора училищъ о необходимости пригласить И. В. Левинзона, вмѣстѣ съ представленіемъ объ этомъ министру народнаго просвѣщенія просилъ разрѣшенія на выдачу Левинзону 150 р. на путевыя издержки — съ *предоставленіемъ ему права*: получить впоследствии особое денежное вознагражденіе за его труды въ комитетѣ. Изъ сохранившихся у автора настоящаго очерка писемъ Левинзона (писанныхъ въ мартѣ и въ продолженіе лѣта 1847 г.) оказывается, что Левинзонъ, изъявивъ письменное согласіе на приглашеніе и получивъ отъ директора училищъ испрашивавшуюся для него на путевыя издержки сумму (еще до разрѣшенія этого пособия министерствомъ народнаго просвѣщенія), долженъ былъ откаться отъ исполненія своего намѣренія вслѣдствіе крайняго разстройства его здоровья. Послѣ же отказа Левинзона, назначеніе г-на Эйхенбаума на должность инспектора раввинскаго училища уже послѣдовало прямо изъ Петербурга.

Рув. Кулишеръ.

(Продолженіе будетъ).

ЕВРЕИ И АНТИСЕМИТИЗМЪ.

Статья члена Французской академіи Леруа-Болье.

НАРЕКАНІЯ НА ЕВРЕЕВЪ.

I. Нареканія религіозныя ¹.

Въ подобныхъ вопросахъ нравы сильнѣе предписаній религіи или нравственности. Здѣсь вина падаетъ не столько на раввиновъ или христіанскихъ пастырей, а скорѣе на обоюдную развращенность еврейской и христіанской совѣсти, являющуюся въ свою очередь результатомъ вѣкового нерасположенія. Для того, чтобы мы имѣли право требовать отъ еврея, чтобы онъ обращался съ нами какъ съ братьями, намъ самимъ слѣдовало бы выказывать по отношенію къ еврею хотя бы немного того христіанскаго милосердія, къ которому сводится законъ и ученіе пророковъ.

Тѣ ученые, которые тщательно разыскиваютъ въ Талмудѣ слѣды еврейской ненависти противъ христіанъ, слишкомъ часто забываютъ и то, въ какую эпоху составленъ былъ Талмудъ, и способъ, какимъ онъ былъ составленъ, и степень авторитетности, признаваемую за нимъ синагогой. Талмудъ, какъ мы уже сказали выше, есть ничто иное, какъ протоколъ мнѣній, высказывавшихся въ раввинскихъ школахъ начиная съ I-го вѣка до Р. Х. и до IV или V вѣка послѣ Р. Х. Въ немъ главнымъ образомъ слѣдуетъ искать еврейскаго міровоззрѣнія, господствовавшаго, такъ сказать, наканунѣ разрушенія Іерусалима и на завтра послѣ этого разрушенія. Въ теченіе всей своей

¹ См. „Восходъ“, кн. III.

продолжительной исторіи Израиль не зналъ болѣе тревожной эпохи. Тѣмъ временемъ, пока раввины компилировали Мишну или Гемару, израильскій народъ переживалъ самый тяжелый кризисъ своего существованія: ему приходилось, подъ тяжелой плющильной машиной римской или персидской, вопреки своей воли, переходить изъ состоянія націи въ состояніе религіи; теперь ему предстояло, послѣ того какъ онъ въ теченіи вѣковъ пребылъ сплоченнымъ народомъ, превратиться въ религіозное общество, разсѣянное по всему земному шару. Подобныя перемѣны совершаются не безъ страданій и не безъ сопротивленія. Казалось, что съ разрушеніемъ іерусалимскаго храма культъ Іеговы не переживетъ самостоятельнаго существованія создавшаго его народа, что Израиль, изгнанный изъ своей родины и разсѣянный по всѣмъ четыремъ направлениамъ вѣтра, окончательно погибнетъ. Не предстояло-ли ему исчезнуть среди другихъ націй и затеряться въ океанѣ народовъ, на которомъ кое-гдѣ плавали жалкіе его обломки?

Главная забота ученыхъ заключалась въ томъ, чтобы спасти религію и національность, одну при помощи другой, такъ какъ обѣ онѣ казались имъ неразрывно связанными. Никто не рѣшался предполагать, чтобы одна изъ нихъ бесконечно пережила другую. Этимъ объясняются одновременно и національная исключительность, и крайній ритуализмъ Талмуда. Для того, чтобы обезпечить спасеніе Израіля, нужно было какъ можно тѣснѣе сковать евреевъ между собою и какъ можно строже отдѣлать ихъ отъ иновѣрцевъ. Раввины это отлично поняли, и потому Талмудъ придавъ религіи одновременно значеніе и цемента, и изолятора; между евреемъ и юземъ возведена была стѣна обрядностей. Расчлененному Израілю угрожало распаденіе; для того, чтобы не дать обломкамъ его превратиться въ прахъ, ученые окружили его и, такъ сказать, набили на него въ видѣ обручей многочисленныя и прочныя связи, въ видѣ разныхъ мелочныхъ практическихъ предписаній, въ видѣ узкихъ обрядностей. Этимъ путемъ Талмудъ придавъ евреямъ извѣстную сплоченность, которая не дала ихъ племени распасться среди окружавшихъ ихъ народовъ. Обрядность спасла Израиль;

Талмудъ далъ ему возможность существовать, придавъ ему неподвижность на цѣлыхъ пятнадцать столѣтій.

Этимъ обрядностямъ и правиламъ, которыя порою кажутся намъ ребяческими, Израиль обязанъ своею жизнью. Но эта обрядность, еще болѣе усиленная Талмудомъ, отнюдь не сковала еврея до скончанія вѣковъ: еврей имѣетъ возможность освободиться отъ тѣхъ практическихъ постановленій, которыя направлены къ тому, чтобъ изолировать его отъ народовъ, среди которыхъ ему суждено жить. Мы представляемъ себѣ Талмудъ чѣмъ-то въ родѣ неизбежнаго кодекса, которому на вѣки вѣчные подчинена еврейская жизнь. Но мы ошибаемся. Еврей, по мѣрѣ того, какъ онъ выходитъ изъ своей традиционной среды, мало-по-малу эмансипируется отъ авторитета Талмуда; предписанія, которыя онъ прежде считалъ обязательными, теперь представляются ему лишь условными. А такъ какъ въ иудаизмѣ нѣтъ ничего въ родѣ папъ или соборовъ, которые рѣшали бы, что должно быть сохранено и что можетъ быть измѣнено, то еврейскія общины фактически пользуются значительной свободой: лондонскій или парижскій еврей можетъ вполне игнорировать тѣ правила, которыя добросовѣстно соблюдаетъ еврей бердичевскій или виленскій. Словомъ, какъ нельзя болѣе ошибочно представлять себѣ еврея прикованнымъ на вѣки вѣчные къ Талмуду, къ высказываемымъ въ немъ правиламъ или устанавливаемымъ въ немъ обрядностямъ.

Въ дѣйствительности значеніе Талмуда мало-по-малу падаетъ и уже недалеко то время, когда для большинства евреевъ Мишна будетъ ничѣмъ инымъ, какъ археологическимъ документомъ. Для этого, быть можетъ, понадобится не болѣе двухъ вѣковъ. Уже и теперь Талмудъ сохранилъ цѣликомъ свое значеніе только въ такихъ странахъ, гдѣ законъ или нравы оставляютъ еврея въ изолированномъ положеніи; по большей части христіанская исключительность поддерживаетъ исключительность еврейскую и сохраняетъ за Талмудомъ его господство. Даже на Востокѣ, въ Румыніи и въ Россіи, съ каждымъ поколѣніемъ растетъ число евреевъ, стряхивающихъ съ себя господство Талмуда. Даже среди самыхъ фанатическихъ евреевъ хасидскій каббализмъ явился какъ бы реакціей противъ крайностей

талмудической обрядности. Что касается Запада—Англии, Франціи, Италіи, большей части Германіи, то здѣсь большая часть евреевъ вовсе не знаетъ Талмуда. Попробуйте спросить у знакомыхъ вашихъ евреевъ, что имъ извѣстно о немъ?—«Да гдѣ же намъ было научиться ему?—отвѣтять вамъ;—вѣдь его не преподають ни въ лицеяхъ, ни въ школахъ правовѣднія; для него не нашлось ни мѣста, ни времени въ нашихъ учебныхъ программахъ. А вы сами-то—читали, что-ли, жизнеописаніе св. Тома? Ну, такъ вотъ Талмудъ—насколько же дѣло раввиновъ, насколько католическіе святцы—дѣло вашихъ патеровъ».—Старики-евреи на Востокѣ жалуются даже на то, что среди самихъ раввиновъ замѣтно падаютъ талмудическія знанія. «Они едва знакомы съ Мишной», — говорилъ мнѣ съ пренебреженіемъ о западныхъ раввинахъ одинъ молодой талмудистъ изъ русскихъ евреевъ.

Какъ ни важно историческое значеніе Талмуда, іудаизмъ, однако, отнюдь не прикованъ къ нему. Мы считаемъ послѣдній неподвижнымъ, потому что онъ оставался неизмѣннымъ въ теченіи пятнадцати столѣтій; но подобное заключеніе едва-ли вѣрно. Ничто не осуждаетъ іудаизмъ оставаться на вѣки вѣчные завернутымъ въ листы Талмуда. Ничто не мѣшаетъ ему сдѣлаться самой свободной религіей, пробывъ столько времени самой узкой и раболѣпной религіей, и онъ уже теперь выказываетъ притязаніе на то. Оставаясь въ неподвижномъ состояніи съ самаго момента паденія Израиля, онъ, однако, похваляется тѣмъ, что онъ—самая прогрессивная изъ религій, наименѣе связанная обрядами, наиболѣе способная къ разнаго рода преобразованіямъ. Онъ самъ сковалъ себѣ тѣ оковы, которыя онъ несетъ, но онѣ не впились въ его тѣло, онъ всегда можетъ порвать или сбросить ихъ.

Недостаточно выхватить нѣсколько текстовъ изъ Талмуда для того, чтобъ осудить іудаизмъ. Нѣтъ ни одной религіи, которая въ состояніи была бы противостоять подобному критическому приему; сама дѣвственная евангельская мораль не выдержала бы подобнаго испытанія. Нѣсколько фразъ, выхваченныхъ изъ Мишны или изъ Гемары, столь же мало доказываютъ извращенность еврейской нравственности, какъ иныя фразы, выхва-

ченныя изъ сочиненій нашихъ казуистовъ, доказывали бы извращенность католической морали. Воевать противъ иуданамъ съ помощью такихъ приемовъ значить вести ребяческую и педантическую полемику, въ родъ той, которую такъ часто вели между собою различныя христіанскія исповѣданія. При этомъ еврею, для того, чтобы защищаться, достаточно было бы сослаться на католика для опроверженія протестанта, на протестанта—для опроверженія католика, и т. д. «Разоблаченному иуданству», появлявшемуся въ теченіи вѣковъ на всевозможныхъ языкахъ, сколько можно было бы противопоставить «Разоблаченныхъ палествъ» или «Разоблаченныхъ протестантизмовъ», появившихся въ свѣтъ въ теченіи послѣднихъ трехъ столѣтій! Всѣ подобныя произведенія по большей части чужды всякаго научнаго характера, все равно, выходятъ-ли они изъ еврейской или же изъ христіанской лабораторій. Для того, чтобы извлечь изъ реформатскаго ученія самыя безнравственные тезисы, достаточно съ извѣстною предвзятою мыслью подобрать нѣкоторые реформатскіе тезисы. Нѣкоторые нѣмецкіе богословы сами сознавались въ томъ ¹, что тому, кто захотѣлъ бы отнестись къ писаніямъ Лютера такъ же, какъ Роллингъ ² и его присные относились къ Талмуду, не трудно было бы доказать, что все лютеранство есть ничто иное, какъ сплетеніе нелѣпостей и глупостей ³.

Объ извѣстной религіи или объ извѣстномъ ученіи нельзя судить на основаніи отрывочныхъ текстовъ или выхваченныхъ наудачу фразъ. Правда, что къ этому способу не затрудня-

¹ Напр., Ф. Делитъ, профессоръ богословія въ лейпцигскомъ университетѣ: „Rohlings Talmudjude beleuchtet“, переведенный на русскій языкъ подъ заглавіемъ „Слово правды о Талмудѣ“.

² Д-ръ Роллингъ, авторъ книги „Der Talmudjude“ (Мюнхенъ, 1878). Это сочиненіе, недавно перевѣданное на французскій языкъ, дало поводъ вѣнскому раввину д-ру Блоху возбудить процессъ, причемъ обнаружены были всѣ искаженія Роллинга. Ср. „Zur Judenfrage nach den Akten des Processes Rohling-Bloch“, Іос. Коппа. Лейпцигъ, 1886.

³ Подобныя опыты, впрочемъ, не разъ и дѣлали, какъ по отношенію къ Лютеру, такъ и по отношенію къ Кальвину, католики-полемисты. Смолсъ, напр., на Обена: „La Vie de Luther“ и „La Vie de Calvin“.

лись прибѣгать противники христіанства — и въ числѣ ихъ и евреи, — въ борьбѣ своей противъ церкви, противъ папства, противъ религиозныхъ орденовъ. Но если пріемъ этотъ негоденъ для борьбы противъ католицизма, то онъ не становится лучше будучи направленъ противъ іудаизма. Разъ христіане допускаютъ его по отношенію къ Талмуду, — который никто, однако, не считаетъ внушеннымъ свыше, — то имъ приходится допустить его и по отношенію къ Библии, авторитетность которой одинаково признаютъ и христіане, и евреи; а при пользованіи подобнаго рода пріемомъ и Библия можетъ оказаться въ такомъ же положеніи, какъ и Талмудъ. И дѣйствительно, иные антисемиты не побоялись коснуться и ея, забывая при этомъ, что, метя черезъ Библию въ еврея, они рискуютъ попасть въ христіанина. Эти благочестивые противники Израила забываютъ, что въ этомъ отношеніи у нихъ былъ великій предшественникъ, съ которымъ они, однако, врядъ-ли пожелали бы стать на одну доску. Развѣ великій насмѣшникъ Вольтеръ не доказалъ гораздо раньше ихъ, «что ни у одного народа никогда не бывало болѣе отвратительныхъ нравовъ, чѣмъ у евреевъ»? Развѣ онъ не утверждалъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что «еврейская религія — единственная въ мірѣ, предписывавшая приносить человѣческія жертвоприношенія»? ¹. Указываю на это антисемитамъ на тотъ случай, если это имъ неизвѣстно. Но одинаково нападая на евреевъ и на Библию, Вольтеръ очень хорошо зналъ, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло.

Съ религіями случается то же, что съ старинными храмами изъ камня и мрамора: въ то время какъ молящіеся преклоняли колѣна на ихъ каменныхъ плитахъ, вокругъ нихъ, а часто и подъ самыми сводами ихъ, люди жили, веселились, порою даже воевали; нерѣдко въ нихъ вторгались воины и превращали колокольни ихъ въ сторожевыя башни, а придѣлы — въ цитадели. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если на стѣнахъ ихъ остались еще слѣды происходившей въ нихъ и вокругъ нихъ борьбы. То же и съ религіями: и онѣ не могли просуществовать вѣка безъ того, чтобы на нихъ не остались извѣстные

¹ Сочиненія Вольтера, изд. 1775, т. XXXVIII.

слѣды и порчи; и онѣ порою были превращаемы въ цитадели и въ блокгаузы. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы нужно было кричать караулъ, если вслѣдствіе того на стѣнахъ ихъ остались слѣды крови или гравы. Талмудическій іудаизмъ служилъ въ теченіе четырнадцати вѣковъ Израилю цитаделью, редутомъ; Гемара служила ему валомъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если тамъ и сямъ встрѣчаются еще слѣды частокоча. Израилю пришлось выдержать продолжительную осаду въ этомъ укрѣпленномъ мѣстѣ, возведенномъ его раввинами изъ текстовъ и изъ обрядностей послѣ разрушенія стѣнъ Сіона катапультами Тита. Найдется-ли другая религія, которая подвергалась бы нападенію столькихъ враговъ? И была-ли другая эпоха, за исключеніемъ нашей, въ которую іудаизмъ могъ бы разоружиться? Для того, чтобы разоружиться, ему нужно было быть увѣреннымъ въ мирѣ, а можетъ-ли онъ быть увѣренъ въ немъ повсюду даже и въ наше время? Поэтому намъ и не слѣдуетъ слишкомъ упрекать его въ фанатизмъ, который мы возбудили и поддерживаемъ нашей же нетерпимостью. Мы не имѣемъ права заклеить чело еврея навсегда тѣмъ или другимъ талмудическимъ правиломъ. Это было бы столько же справедливо, какъ, напр., запрещать католикамъ удалять съ папертей своихъ церквей эшафоты своихъ аутода-фе или навѣки привязать кальвиниста къ столбу того кроста, на которомъ былъ сожженъ Серва.

III.

Было бы безъинтересно прослѣдить исторію еврея по литературѣ и по народнымъ сказаніямъ среднихъ вѣковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что еврей всегда дѣйствовалъ на народное воображеніе, а порою представлялся ему въ фантастическомъ вадѣ. Да и въ настоящее еще время въ нерасположеніи массъ къ евреямъ сказывается страхъ, основанный на предрассудкахъ. Для народной массы цѣлой половины Европы еврей остался таинственнымъ существомъ, владѣющимъ какими-то страшными, таинственными снадобьями, находящимся въ ближайшемъ родствѣ съ кудесникомъ. Отнюдь не слѣдуетъ

видѣть простую игру словъ въ томъ, что собираемъ вѣдьмъ и колдуній присвоено наименованіе «шабашъ». Для народныхъ массъ трактаты Талмуда, сожженные святымъ Людовикомъ, представлялись несомнѣннымъ чернокнижіемъ; странныя еврейскія буквы казались ей каббалистическими знаками. Еврей считался прирожденнымъ знатокомъ тайныхъ знаній и нѣчто подобное приписывается ему и доселѣ: его склонны обвинить въ сношеніяхъ съ дьяволомъ, ему сплошь да рядомъ приписываютъ самыя странныя дѣйствія, ибо «еврей не такой человѣкъ какъ другіе люди».

Не только на Востоцѣ, но и на Западѣ народное невѣжество и суевѣріе и до сихъ поръ еще служить питательнымъ источникомъ ненависти противъ еврея; на его счетъ распускаются разныя легенды, варварская наивность которыхъ является прямой насмѣшкой надъ духомъ и преданіями іуданна. Сколько въ теченіе среднихъ вѣковъ сожжено было евреевъ по обвиненію въ томъ, что они, прокалывая перочиннымъ ножомъ освященную просфору, такъ сказать, вторично распяли Христа! А между тѣмъ это одна изъ тѣхъ басней, самыя данныя которой свидѣтельствуютъ о ея лживости: еврей, не вѣрующій ни въ божество Христа, ни въ невидимое присутствіе Его подъ видомъ хлѣба, и не подумаетъ совершить актъ святотатственнаго любопытства—проколоть просфору, чтобы посмотрѣть, будетъ-ли изъ нея сочиться кровь; подобная кощунственная мысль можетъ родиться только въ головѣ христіанина. Приблизительно то же самое можно сказать и о другой баснѣ, распространенной еще въ трехъ четвертяхъ Европы.

Въ Россіи и вообще въ восточныхъ областяхъ Европы замѣчено, что народныя движенія противъ евреевъ начинались преимущественно при приближеніи праздниковъ Пасхи. И въ наши дни, также какъ и во времена крестовыхъ походовъ, это совпаденіе завестить, быть можетъ, менѣе отъ желанія невѣжественныхъ массъ отмстить за божественнаго Распятаго котомкамъ его палачей, сколько отъ кровавыхъ легендъ, распространенныхъ въ народной массѣ относительно еврейской Пасхи. Читатель, безъ сомнѣнія, уже догадался, что мы разубѣдемъ здѣсь нелѣпное обвиненіе, стоявшее въ теченіе вѣковъ

жизни такому множеству евреевъ во всевозможныхъ странахъ, причемъ, однако, никогда и нигдѣ нельзя было доказать дѣйствительную виновность хотя бы одного еврея.

Въ Россіи, въ Польшѣ, въ Румыніи, въ Богеміи, въ Венгріи простонародье воображаетъ, будто евреямъ нужна христіанская кровь для изготовленія своихъ пасхальныхъ опрѣсноковъ. Мало того, — къ повору нашему, въ самой Франціи, во время муниципальных выборовъ 1890-го года, эта преступная клевета распространялась публично въ афишахъ, расклеиваемыхъ анонимными агитаторами на парижскихъ стѣнахъ. Въ селеніяхъ и даже въ городахъ Венгріи, Румыніи, Россіи, гдѣ такъ часто встрѣчаются, подъ тонкимъ вѣшнимъ слоемъ новѣйшей цивилизаціи, средневѣковые взгляды и вѣрованія, крестьянинъ или ремесленникъ не сомнѣвается въ томъ, что евреи, для празднованія своей Пасхи, дѣйствительно нуждаются въ христіанской крови. Крестьянину-мадьяру или русскому мужику, конечно, неизвѣстно то, что, по свидѣтельству Тертуліана или Минуція Феликса, тому же гнусному и нелѣпому обвиненію подвергались первые христіане со стороны язычниковъ, зажелательное невѣжество которыхъ принимало, безъ сомнѣнія, за настоящее жертвоприношеніе плотью и кровью символическую плоть и кровь Св. Причастія. Каждый разъ, какъ только гдѣ нибудь пропадетъ безслѣдно какой нибудь христіанскій ребенокъ, каждый разъ, какъ въ какой нибудь рвѣѣ или городскомъ рву полиція найдетъ трупъ мальчика или дѣвочки, народный голосъ тотчасъ же усматриваетъ здѣсь дѣло ножа еврейскаго рѣзника, хотя бы даже на трупѣ не оказалось никакихъ слѣдовъ вѣшняго насилія. Это настолько общенравственно, что убійцы находятъ очень удобнымъ перетаскивать трупы своихъ жертвъ въ улицы и переулки еврейскаго квартала, въ полной увѣренности, что имъ удастся этимъ путемъ направить подозрѣнія и ярость толпы на ложный путь.

Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ легенда эта пользовалась безусловной вѣрой; она была пережжена и въ стихахъ, и въ прозѣ, какъ о томъ свидѣлствуютъ басни Чосера. Подобныя нелѣпыя басни обладаютъ замѣчательною живучестью. Поэтому отнюдь не изолированнымъ фактомъ явился

въ концѣ XIX столѣтія процессъ, придавшій въ 1883 году имолетную знаменитость венгерскому мѣстечку Тисса-Эслару. Обвиненіе, направленное противъ тисса-эсларскихъ евреевъ, было возбуждаемо не разъ въ теченіи послѣднихъ 50-ти лѣтъ, противъ евреевъ въ Сиріи, въ Египтѣ, въ Румыніи, въ Россіи: въ 1880 году подобное обвиненіе было возбуждено въ Закавказьи, въ Кутаисѣ; въ 1881 г.—въ Александріи, въ Египтѣ; не далѣе какъ въ 1890 году—въ Дамаскѣ, уже извѣстномъ съ 1840-го года по подобнаго же рода обвиненію. Можно было привести еще нѣсколько подобныхъ же дѣлъ въ Россіи, а именно въ Саратовѣ, при императорахъ Николаѣ и Александрѣ II. Здѣсь въ теченіе нѣкотораго времени подобныя обвиненія возникали такъ часто и неосновательность ихъ была до того очевидна, что русское правительство запретило давать имъ ходъ. Нужно при этомъ замѣтить, что въ Россіи подобное обвиненіе казалось тѣмъ болѣе естественнымъ, что одна или двѣ русскія секты подозрѣвались, быть можетъ, столь же неосновательно, въ подобныхъ же дѣйствіяхъ, ставившихся въ вину евреямъ¹.

Во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ объ убійствахъ съ религиозными цѣлями обвиненіе обыкновенно основывалось на легендѣ. «Кому же, какъ не евреямъ, была надобность убивать эту дѣвушку?»—наивно замѣтилъ одинъ свидѣтель въ кутаисскомъ процессѣ 1880 года. Такъ разсуждаетъ толпа какъ у подножія Кавказскихъ горъ, такъ и въ венгерской «Пустѣ», и никакія судебныя или медицинскія слѣдствія не въ состояніи будутъ разубѣдить ихъ. И нигде не помогло дѣлу то, что и въ Россіи, и въ Венгріи, какъ и всюду, гдѣ существуетъ правильное судопроизводство, передъ христіанскимъ или мусульманскимъ судилищемъ, судьи, наименѣе расположенные къ евреямъ, напшись вынужденными признать невиновность евреевъ: упрямая ненависть антисемитовъ не желаетъ признавать этой невиновности; она предпочитаетъ заподозрить судей-христіанъ въ томъ, что они подкуплены золотомъ Израиля; имъ дѣла нѣтъ до того, что это негѣное обвиненіе опровергнуто во всѣхъ странахъ² и на всѣхъ

¹ Ср. „L'Empire des tsars et les Russes“, т. III; „La Religion“, кн. III, гл. IX.

² Здѣсь можно привести на русскомъ языкѣ: Д. А. Хвольсонъ, профессоръ с.-петербургскаго университета: „О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ

языкахъ. Любопытнѣе всего то, что среди ученыхъ, доказавшихъ негѣдность этого обвиненія, встрѣчается и римскій папа, и притомъ такой, который занимаетъ выдающееся мѣсто по своей учености и по критическому складу своего ума ¹. Еще въ среднѣе вѣка папы Григорій IX (въ 1235 году) и Иннокентій IV (въ 1247 году), въ буллахъ, изданныхъ въ Лионѣ, публично осудили эту клевету, что подало поводъ, три столѣтія спустя, протестантскимъ собирателямъ «Магдебургскихъ Лѣтописей» утверждать, будто папа Иннокентій IV далъ подкупить себя евреямъ.

Не находя въ Талмудѣ ничего для подтвержденія своихъ увѣреній, враги евреевъ стали утверждать, будто вѣроисповѣдное убійство основывается на каббалистическихъ предразсудкахъ. Въ доказательство благочестиваго каннибализма евреевъ они вдумали приводить одну или двѣ метафоры изъ книги «Зогаръ», средневѣкового каббалистическаго кодекса, пользующагося и нынѣ еще извѣстнымъ почетомъ среди нѣкоторыхъ евреевъ, а именно у хасидовъ. Другіе ссылались на свидѣ-

---

противъ евреевъ», С.-Петербургъ, 1880, 2-е изд., и г. Любоставскій: «Вопросъ объ употребленіи евреями-сектаторами христіанской крови» и т. д. Москва, 1876.— По нѣмецки, Йос. Коппъ, „Zur Judenfrage“, Лейпцигъ, 1886, 3-я часть. По итальянски: Корредо-Джудетти: „Pio Judaeis; Riflessioni e documenti“, Туринъ, 1884. По англійски: „Nineteenth Century“, ноябрь 1883 г., и т. д.

¹ Папа Климентъ XIV, Гангавелли, бывшій въ то время собственномъ римской куріи. Еврей въ Ямполѣ (въ Подоліи) былъ обвиненъ въ 1766 году въ убійствѣ христіанина для употребленія его крови при изготовленіи своихъ оръжіевъ. Онъ въ отвѣтъ своимъ положенію, не побоялся прибѣгнуть къ заступничеству папскаго престола. Рассмотрѣніе вопроса было поручено папой Бенедиктомъ XIV Гангавелли. Ученый францисканецъ составилъ длинный докладъ, въ которомъ онъ, рассмотрѣвъ отдѣльно главные случаи вѣроисповѣднаго убійства, въ которыхъ въ теченіи вѣковъ обвинялись евреи, пришелъ къ заключенію о негѣдности подобныхъ обвиненій. Это заключеніе было одобрено римскою куріей, которая поручила папскому нунцію въ Варшавѣ отстаивать евреевъ противъ подобныхъ клеветъ. Докладъ Гангавелли, копія съ котораго была найдена въ архивахъ римской еврейской общины, обнаружовалъ д-ромъ Берлингеромъ на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Gutachten Gaaganellis (Clemens XIV) in Angelegenheit der Blutbeschuldigung der Juden“, Берлинъ, 1888 г., а на итальянскомъ Исидоромъ Лёбомъ въ „Revue des études juives“, Парижъ, апрѣль 1889.

тельскія показанія, само собою, въ высшей степени сомнительныя, въ которыхъ евреевъ, перешедшихъ въ христіанскую вѣру, хотя и тутъ нельзя не замѣтить, что большинство крещенныхъ евреевъ, какъ констатировалъ уже Ганганелли, подавали въ пользу своихъ бывшихъ единовѣрцевъ безусловно оправдательныя вердикты. Напротивъ, изъ всѣхъ религій, которымъ приписывались такія кровавыя обрядности, еврейская является именно тою, которая наименѣе способна была вызвать подобныя подозрѣнія. Равви не извѣстно, что законъ запрещаетъ евреямъ питаться кровью? Что для нихъ всякая пища, содержащая въ себѣ кровь, есть *трефная*, т. е. нечистая, такъ что имъ дозволяется употреблять въ пищу только такое мясо, изъ котораго выпущена вся кровь? На этотъ счетъ запрещеніе Св. Писанія безусловно; оно также строго подтверждается Талмудомъ и безусловно соблюдается обычаями и еврейскими мясными торговлями, въ которыхъ продается *кашерное* мясо. Евреи питаютъ такое непреодолимое отвращеніе къ крови, что одинъ германскій ученый не могъ себѣ иначе еге объяснить, какъ сравненіемъ съ предразсудкомъ полиневецвъ: онъ полагаетъ, что кровь для евреевъ—*taboo*. И тѣмъ не менѣе, въ глазахъ русскаго или венгерскаго простолюдина не подлежитъ сомнѣнію, что еврейскіе раввины выпускаютъ кровь изъ христіанскихъ дѣтей, съ тѣмъ чтобъ употребить ее на приготовленіе пасхальныхъ опрѣснковъ.

Здѣсь замѣчаются не еврейскія традиціи, а, напротивъ, слѣды старыхъ народныхъ предразсудковъ, въ которыхъ кровь играла весьма важную роль, причемъ колдуны и чернокнижники постоянно домогались человѣческой крови. Средневѣковое воображеніе вѣрило въ чудодѣйственную силу крови, и свои-то вѣрованія приписало евреямъ. Если бы даже когда либо и было доказано, что въ Триентѣ или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ еврейскій ножъ «изъ религіозной ненависти» дѣйствительно принесъ въ жертву христіанскихъ дѣтей, какъ, напр., блаженныхъ Симеона и Андрея, о которыхъ говорится въ *Acta sanctoquin* ¹, то я, съ своей стороны, въ подобныхъ дѣто-

¹ Двое дѣтей чествуются церковью католическою, какъ мученики евреевъ: одинъ блаженный Симеонъ Трентскій, умерщвленный въ 1475 году; другое, блаженн-

убійствахъ могъ бы усмотрѣть лишь частныя преступленія или проявленія извѣстнаго рода *семейств* за угнетенія и преслѣдованія, претерпѣваемые сынами Иакова. Вѣдь намъ не слѣдуетъ забывать того, что безчеловѣчное обращеніе наннхъ предковъ съ евреями вполне способно было внушить послѣднимъ мысль о самыхъ варварскихъ мщеніяхъ. Что касается, въ частности, дѣтей, то исторія въ этомъ отношеніи и намъ далеко не всегда отводитъ красивую роль. Если, съ одной стороны, никогда не было неопровержимо доказано, что евреи изъ фанатизма убивали христіанскихъ дѣтей, то, увѣ! не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ теченіи вѣковъ христіане различныхъ поповѣданій не стѣснялись похищать у еврея его сыновей и дочерей, — не съ тѣмъ, правда, чтобы вскрывать имъ жилы и выпускать изъ нихъ кровь, но чтобы насильно крестить, — что, быть можетъ, было не менѣе больно для родительскаго сердца. Подобныхъ фактовъ множество, и здѣсь дѣло идетъ уже не о предполагаемыхъ преступленіяхъ, совершенныхъ впотьмахъ, тайно, но о похищеніяхъ дѣтей, соверженныхъ среди бѣлаго дня, подъ покровительствомъ законовъ и по предписанію властей; въ нѣкоторыхъ государствахъ, а именно въ Испаніи и Португаліи, подобныя факты встрѣчались тысячи и десятки тысячъ разъ. Что же касается болѣе недавнихъ примѣровъ случившихся, въ соседнемъ съ Франціей государствѣ, то намъ даже противно говорить о нихъ: существуетъ одно имя, которое для католика лучше всего было бы оставить въ полнѣйшемъ забвеніи ¹.

IV.

Христіанинъ, принадлежащій къ просвѣщеннымъ классамъ, не раздѣляетъ застарѣлыхъ предрасудковъ простолюдина отно-

Андрей Равскій (въ Бриксенской епархіи), убитый въ 1462 году. Нужно замѣтить, что первый канонизированъ еще въ 1588 году, а второй лишь въ 1753 г. Самъ Ганганелли, допуская несомнѣнность обоихъ этихъ убійствъ, замѣчаетъ, однако, въ вышеупомянутой запискѣ, что римская курія сильно замедлила провозглашеніемъ ихъ мучениками.

¹ Намекъ на извѣстное дѣло Мортарм.

сительно еврея. И въ восточной Европѣ—въ Венгріи, Румыніи, Россіи, тонкій образованный слѣдъ—или «интеллигенція», какъ говорятъ въ Россіи,—очень хорошо знаетъ, что еврей не крадетъ дѣтей для того, чтобы отдать ихъ подѣ ножь рѣзника, и что для справленія еврейской Пасхи нѣтъ ни малѣйшей надобности въ христіанской крови. Католики, протестанты, православные предъявляютъ еврею другое обвиненіе, менѣе ребяческое и менѣе грубое: они обвиняютъ его въ томъ, что онъ является природненнымъ врагомъ того, что они называютъ «христіанской цивилизаціей». Изъ всѣхъ обвиненій, предъявляемыхъ противъ Израиля, это обвиненіе, быть можетъ, по самой неопредѣленности своей, является однимъ изъ самыхъ важныхъ.

Если,—говорятъ,—вѣрно, что въ своихъ тайныхъ обрядностяхъ еврей-талмудистъ не находитъ удовольствія проливать христіанскую кровь, то, съ другой стороны, еврей, и именно «еврей-прогрессисты», поступаютъ еще хуже: они стараются подкопаться подѣ христіанскую вѣру, нравственность, цивилизацію. Не довольствуясь тѣмъ, что они пользуются въ новейшее время терпимостью, они стараются, открыто или тайно, лишить Израилу и современное общество ихъ христіанскаго характера. Съ этой точки зрѣнія іуданамъ является разлагающимъ элементомъ, какъ съ точекъ зрѣнія религиозной и нравственной, такъ и съ точекъ зрѣнія національной и этнографической: это растверитель древнихъ христіанскихъ обществъ.

Въ протестантской Германіи, въ православной Россіи, въ католической Франціи или Австріи,—всюду еврей считается самымъ ревностнымъ разрушителемъ того, что принято называть христіанскимъ государствомъ и христіанской культурой. Христіане различныхъ вѣроисповѣданій, беря примѣръ съ пастора Штеккера, утверждаютъ, будто, нападая на евреевъ и на іуданамъ, они переходятъ къ наступательному образу дѣйствій лишь для того, чтобы защищаться. Бываютъ такіе люди, которые умищаются находить всюду въ исторіи потайныя оружія, которые вѣрять въ сложные планы, тайно и сконбинированные и преслѣдуемые въ теченіе вѣковъ: такіе люди доходятъ до того, что представляютъ себѣ «вожаковъ Іуды» вѣчными подстрекателями къ непрерывной борьбѣ противъ

Христа, христіанской церкви и духа христіанства¹. Въ ихъ глазахъ бывшій народъ Божій, возмущившійся противъ своего Мессіи, сдѣлался врагомъ царствія Божьяго, подъ основы котораго онъ тайно подкапывается и на развалинахъ котораго онъ надѣется водрузить владычество Израиля. Евреи, будто бы, являются инициаторами, апостолами и ссужателями денегъ для того грандіознаго анти-крестоваго похода, который ведется въ новѣйшее время противъ христіанскихъ преданій и установленій. Такимъ образомъ, антисемитизмъ является нѣкоторымъ образомъ противобѣсомъ антиклерикализму; это иная форма «Kulturkampf'a», — Kulturkampf, направленный противъ противниковъ, открытыхъ или явныхъ, христіанскаго просвѣщенія.

Таковъ въ дѣйствительности одинъ изъ факторовъ антисемитизма; его можно узнать по той странѣ и по той эпохѣ, въ которую онъ появился. Далекое не случайно онъ родился въ Висмарковской Германіи, въ самый разгаръ борьбы между новой имперіей и католической іерархіей. Между тѣмъ какъ нѣмецкая либеральная печать, руководимая отчасти евреями шла на приступъ противъ католической церкви, осажденныя, отыскавъ слабый пунктъ линіи обложенія, сдѣлали вылазку по направленію къ синагогѣ, въ ту сторону, гдѣ размещены были войска подъ предводительствомъ еврея Ласкера. Пока война велась честнымъ образомъ, подобная диверсія была вполне естественна въ виду состава обѣихъ арій. И дѣйствительно, этотъ пріемъ можетъ считаться классическимъ среди новѣйшихъ антиклерикальныхъ кампаній. Еврею угрожаетъ опасность сдѣлаться жертвой войны, объявленной христіанству. Событія неказываютъ, что для него не всегда безопасно возбуждать въ-ронесповѣдную борьбу или вмѣшиваться въ нее: на его долю въ ней могутъ достаться одни только туманы. Стрѣлы, выпущенныя имъ или его сторонниками противъ клериковъ, угрожаютъ обернуться противъ самого Израиля. Для еврея очень невыгодно, когда поднимается вопросъ о томъ, для чьихъ глазъ непріятенъ видъ креста и чьи руки чешутся, чтобы истребить у насъ старыя и дорогіе символы религіи нашихъ отцовъ.—

¹ Ср., напримѣръ: „Les Juifs—nos maîtres“, Шабоки. Парижъ, 1882 г.

«Наужели,—спрашивалъ меня одинъ силезскій нѣмецъ,—вы желали бы запретить намъ возвратити Талмуду тѣ удары, которые нанесены Евангелію? Развѣ когда къ государству обращаются съ призывомъ противъ нашего духовенства и нашихъ христіанскихъ учрежденій, мы не имѣемъ такого же права обратити въ государство и къ народу съ призывомъ противъ раввиновъ и противъ еврейскихъ учрежденій? Если Израиль, составляющій меньшинство, требуетъ для себя терпимости, то пускай онъ самъ выказываетъ ее по отношенію къ намъ, составляющимъ большинство. Иначе онъ снова услышитъ, какъ милліоны христіанъ стануть вопить: «Гепъ! Гепъ!»¹. И такъ говорятъ не одни только вѣрующіе: я слышалъ нѣчто подобное изъ устъ скептиковъ или людей индифферентныхъ, которые, однако, по отношенію къ евреямъ, начинали вспоминать, что они христіане.

Такимъ образомъ антиклерикализмъ, какъ *contre-cour*, является однимъ изъ главныхъ виновниковъ антисемитизма, и во многихъ странахъ это отозвалось тяжелѣе на евреяхъ, чѣмъ на католикахъ. На обращенные къ католической религіи упреки, что она является въ странѣ чѣмъ-то иноземнымъ и повинуется иноземному предводителю, католики считали себя въ правѣ отвѣчать указаніемъ на евреевъ, какъ на пришлое племя, не имѣющее отечества и патриотизма. На раздававшіеся въ Германіи упреки, что, напр., паписты тѣломъ и душой—«ультрамонтаны», идущіе наперекоръ германскому духу, католики отвѣчали упреками «сеMITамъ» въ томъ, что они идутъ наперекоръ нѣмецкому духу и нѣмецкой культурѣ. — «Фронтъ противъ Рима»,—воскликнула какъ-то, въ 1879-мъ году, въ самый разгаръ пресловутаго «*Kulturkampf*», одна изъ берлинскихъ газетъ, редактируемая евреями. На этотъ боевой кличъ органъ ультрамонтанскаго центра, газета «Германія» отвѣтила другимъ

¹ *Gens, gens*, — традиціонный возгласъ науськиванія противъ евреевъ въ Германіи. Ему давали различныя, болѣе или менѣе фантастическія толкованія; такъ, напр., въ немъ видѣли вачальныя буквы словъ: *Hierusalem est perditâ*. По предположенію Исидора Леба, это, быть можетъ, ничто иное, какъ испорченное: „Hebe, heb“—держи, хватай его, еще употребляемое въ Эльзасѣ и въ прирейнскихъ провинціяхъ.

боевымъ кликомъ: «Фронтъ противъ новаго Іерусалима». Во всё времена нетерпимость всегда вызывала нетерпимость: *abusus abusus...*

У германскаго народа наконецъ раскрылись глаза,—продолжала «Германія»:—онъ уразумѣлъ теперь, что настоящій «Kulturkampf», настоящая борьба за цивилизацію—эта борьба противъ еврейскаго духа и еврейскихъ денегъ. Во всякаго рода политическихъ движеніяхъ наиболѣе яростными революціонерами и радикалами всегда являются евреи, ведущіе борьбу на жизнь и на смерть противъ всего, что осталось еще христіанскаго, историческаго и законнаго въ современной жизни народовъ¹.

И не одни только католики, вынужденные бороться противъ князя Бисмарка и его наивныхъ союзниковъ—національ-либераловъ, выступали съ этимъ серьезнымъ обвиненіемъ противъ евреевъ: протестантская Германія вторила Германіи католической. Прусскіе пѣтисты, испугавшись того, что удары, направленные противъ римской іерархіи, попадали, черезъ епископскія митры, на ихъ собственный культъ, явились, быть можетъ, самыми ревностными проповѣдниками новаго крестоваго похода². «Крестовая Газета» превосходила усердіемъ «Германію». Да и внѣ предѣловъ Германіи, въ такихъ государствахъ, гдѣ подобныя жалобы казались бы уже совершенно неумѣстными, нѣкоторые писатели въ свою очередь вторили имъ. Московская «Русь» Аксакова играла славянскую партію въ космополитическомъ квартетѣ, вмѣстѣ съ протестантской «Kreuz-Zeitung», ультрамонтанской «Germania» и органомъ римской куріи «Civiltà Cattolica». Такимъ образомъ борьба противъ Израиля являлась въ одинаковой степени Kulturkampfомъ и для прусскаго протестанта, и для католика-француза или австрійца, и для православнаго русскаго. Дѣло, по всеобщему убѣжденію, шло о томъ, чтобы сохранить за новѣй-

¹ „Germania“, 10-го сентября 1879 г.

² Я могъ бы привести, въ видѣ примѣра, рѣчь, произнесенную наслороу Штекеромъ въ прусскомъ сеймѣ 22-го марта 1880 г. Ср. также исавіа профессора Трейкса.

ными народами благодѣянiя христіанской цивилизаціи, вытравляя такъ называемый іудаизмъ изъ европейскихъ обществъ. Всѣмъ—славянамъ, латинцамъ, германцамъ, мадьярамъ—еврей, этотъ ненавистный паразитъ, сталъ вдругъ представляться чѣмъ-то въ родѣ смертоноснаго микроба, заразной бактеріи, разносящей ядъ по жиламъ новѣйшихъ обществъ и государствъ.

V.

Какое значеніе имѣетъ это обвиненіе? И стоитъ-ли долго разсуждать о немъ, для того чтобъ отличить, что въ немъ основательно или неосновательно? Прежде всего — согласно-ли оно съ исторіей, съ голыми и грубыми фактами, съ цифрами и числами? Затѣмъ, не значить-ли слишкомъ возведичивать Израиль и приписывать еврею неподобающую ему власть, усматривая въ немъ какъ бы вдохновителя или подсказывателя духа времени? Вольтеръ и Дидро, конечно, немало удивились бы, если бы имъ объявили, что они были лишь предтечами или безсознательными выразителями мнѣній евреевъ. Не придаемъ-ли мы слишкомъ малое значеніе исторіи развитiя «новѣйшихъ идей», приписывая евреямъ и іудаизму замѣтное колебаніе извѣстныхъ нравственныхъ, религіозныхъ, социальныхъ и политическихъ понятій? Не равносильно-ли это было забвенію со стороны христіанъ своихъ собственныхъ грѣховъ, для того чтобы свалить ихъ на Израиль, какъ на козлице отпущенiя?

Какъ бы кто ни смотрѣлъ на духъ новѣйшаго времени, во всякомъ случаѣ было бы неосновательно порицать или хвалить за него евреевъ. Народъ израильскій задыхался еще за рѣшетками разныхъ гетто въ то время, когда традиціонныя основы христіанскихъ обществъ были уже подкопаны такими руками, которыя отнюдь не бывали въ ученіи у раввиновъ.

Я нисколько не отрицаю того, что обвинители евреевъ могутъ въ данномъ случаѣ сослаться на свидѣтельства самихъ же евреевъ. Нѣкоторые «семиты» гордо подняли упрекъ, брошенный имъ съ высоты лютеранскихъ церковныхъ кафедръ или съ прусской парламентской трибуны, и усматриваютъ въ немъ

нѣчто такое, что даетъ имъ право на уваженіе народовъ. Иной эмансипированный сынъ Іакова не побоялся указать намъ на своихъ жалкихъ предковъ, жившихъ въ еврейскихъ кварталахъ, какъ на отдаленныхъ пионеровъ революціи и на тайныя орудія освобожденія духа человѣческаго. Словоиъ, вздумали было приписать къ славѣ народа, давшаго міру религію, еще и ту славу, что онъ же далъ ему раціонализмъ, представляя намъ его такимъ образомъ разрушающимъ одною рукою то, что онъ сдѣлалъ другою. Изъ народа, который въ теченіе двадцати пяти или тридцати вѣковъ упорно основывалъ все на Писаніи или на Словѣ Божьемъ, вдругъ вздумали дѣлать представителя скептицизма и таинственнаго наставника тѣхъ, которые отрицали авторитетъ Писанія и Слова Божья. «Еврей, — говоритъ одинъ блестящій писатель, — былъ учителемъ невѣрующаго; всѣ революціонеры духа прибѣгали къ нему, или тайкомъ, или открыто. Онъ работалъ въ большой мастерской кощунства великаго императора Фридриха или швабскихъ и аррагонскихъ принцевъ»¹. Быть можетъ, это дѣйствительно справедливо; но дѣйствительно-ли въ этихъ мастерскихъ сковано оружіе новѣйшаго раціонализма или отлиты ученія, преобразившія европейскія общества?

Каковы бы ни были просвѣты, которые открыли еврейскіе раввины тамъ и сямъ для худосочной средневѣковой природы, во всякомъ случаѣ не Израиль привелъ въ движеніе новый міръ. Какъ ни глубока и остроумна еврейскій геній, но если еврей приписываетъ себѣ переворотъ въ современномъ обществѣ, то онъ тогда хвастаетъ. Не его кротообразная работа заставила колебаться башни готическихъ соборовъ, не она пробила брешь въ стѣнахъ замковъ графовъ Валуа и дворцахъ Бурбоновъ. Чтобы быть создателемъ новѣйшаго общества, не достаточно отрицать вѣчность общества средневѣковаго. Но за то еврей имѣетъ право гордиться тѣмъ, что онъ не преклонилъ чела передъ богами другихъ народовъ, какъ бы ни назывались эти боги. Однимъ уже только существованіемъ своимъ онъ, въ теченіе двадцати сто-

¹ Джемсъ Дарингтеръ: „Coup d'oeil sur l'histoire du peuple juif“, 1881 г., стр. 16.

лѣтій, протестовалъ противъ стараго порядка и того общества, которое не отвело бы ему больше мѣста, чѣмъ еретикъ, если бы Провидѣніе не опредѣлило ему быть хранителемъ Библии и невольнымъ слушателемъ пророковъ. Еврей—вотъ настоящій протестантъ, не входившій ни въ какія сдѣлки. Но его протестъ, открытый или тайный, робкій или смѣлый, долженъ быть замолкнутъ въ пламени костровъ, на которыхъ сжигались его учителя и его книги. Но если бы даже онъ и былъ услышанъ, если бы даже онъ раздавался смѣлѣе и свободнѣе, во всякомъ случаѣ не протестъ еврея вызвалъ бы наши революціи, ибо этотъ протестъ основывался на традиціи, а не во имя традиціи совершилась революція, преобразившая лицо земли.

Если всмотрѣться ближе въ людей, которые въ теченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ потрясали устои дворцовъ и храмовъ,—много-ли мы найдемъ въ числѣ ихъ евреевъ или учениковъ евреевъ? Если классифицировать новѣйшія науки, тѣ, которыя дали отцамъ нашимъ въ руки «орудія для эмансипаціи ума», т. е. науки естественныя и историческія, то какія, собственно, мы найдемъ еврейскія науки, въ области которыхъ евреи дѣйствительно являлись бы инициаторами? Не исторія же? Не философія? Не новѣйшія физика или химія? Или, быть можетъ, физиологія, быть можетъ, одна изъ юнѣйшихъ наукъ, носящая нѣсколько претенціозное названіе соціологіи? Во всѣхъ этихъ областяхъ человѣческой мысли и знанія я встрѣчаю ученыхъ евреевъ, но нигдѣ не вижу еврейской науки. Быть можетъ, ее слѣдуетъ искать въ религіозной экзегетикѣ, къ которой какъ будто даже призваны евреи, въ качествѣ хранителей Библии? Но новѣйшій еврей предоставилъ протестанту критику священныя книги, ключъ къ которой находился въ рукахъ одного Иранля; если предки его и подготовили ее издалека, въ XI и XII вѣкахъ, въ лицѣ Раши и его соревнователей, то труды ихъ сдѣлались достояніемъ гетто, и даже въ XVI вѣкѣ роль раввиновъ ограничилась тѣмъ, что они доставили переводчиковъ Лютеру и Рейхлину. Если мы взглянемъ въ разнообразныя и измѣнчивыя системы, въ которыхъ пыталась формулироваться колеблющаяся и лишенная образности новѣйшая мысль, то невольно возникаетъ вопросъ: которая же изъ

этихъ системъ можетъ считаться еврейскою? Позитивизмъ? эволюціонизмъ? детерминизмъ? пессимизмъ? Какъ ни силенъ и глубокъ еврейскій умъ, какъ онъ ни терпѣливъ и многостороненъ, какъ ни значительна его способность принаровленія, все же еврей могъ имѣть на образованіе новѣйшаго общества лишь второстепенное, и даже ничтожное вліяніе; и при этомъ здѣсь совершенно безразлично то, что вина въ томъ падаетъ въ значительной мѣрѣ на преслѣдованія и униженія, жертвой которыхъ былъ еврей,—падаетъ скорѣе на насъ, чѣмъ на него: результатъ все же остается одинъ и тотъ же; и если бы даже весь израильскій народъ погибъ на лобныхъ мѣстахъ Кастиліи, то полное исчезновеніе его не отодвинуло бы и на столѣтъ наступленіе новыхъ общественныхъ порядковъ. Приверженцы и противники еврея приписываютъ ему совершенно чуждую ему функцію, упорно усматривая въ немъ тѣ незамѣтныя дрожжи, которыя вызвали къ жизни то, что мы называемъ новыми идеями. Зародыши ихъ существовали уже въ классическомъ мірѣ.

Тотъ, кто вздумалъ бы прослѣдить преобразованія европейскаго общества въ теченіи вѣковъ, увидитъ въ этихъ преобразованіяхъ внутреннюю эволюцію, естественную, органическую, естественный результатъ дѣйствія совидательныхъ силъ нашей цивилизаціи. Внѣшнія вліянія могли ускорить внутреннее развитіе ихъ, но они не въ состояніи были создать ихъ; и среди этихъ вліяній — вліяніе еврея не было ни единственнымъ, ни даже наиболѣе сильнымъ. Новѣйшій міровой строй, возрожденіе, реформу, революцію—создали не еврей и не еврейскій духъ; его создало нѣчто болѣе общее и тонкое, а именно духъ анализа, духъ изслѣдованія, научныя стремленія, первыя проблески которыхъ замѣчаются не въ Іудеѣ, а въ Греціи, откуда они и унаслѣдованы нами; если даже впослѣдствіи они и проникли къ намъ черезъ посредство евреевъ и арабовъ, то тѣмъ не менѣе источника ихъ все же слѣдуетъ искать въ Греціи. На нашу старинную христіанскую цивилизацію, — цивилизацію сложную, составленную изъ разнородныхъ элементовъ, вліяли другіе реактивы, а не иудаизмъ. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на одно обстоятельство: вліяніе, дѣйстви-

тельное или кажущееся, евреевъ, разсѣянныхъ по всему земному шару, казавшееся весьма значительнымъ и во всякомъ случаѣ реальнымъ въ средніе вѣка, стало все болѣе и болѣе уменьшаться по мѣрѣ того, какъ ускорялось движеніе, вызвавшее новый мѣръ. Будучи еще замѣтнымъ кое-гдѣ въ полутьмѣ въ эпоху возрожденія или реформаціонную, силуэтъ еврея почти совсѣмъ исчезъ съ кулисы исторіи къ эпохѣ возникновенія революціи. Эпоха этого великаго крушенія принадлежитъ, быть можетъ, къ числу тѣхъ, когда человѣческія общества менѣе всего чувствовали руку еврея ¹.

Гдѣ же былъ еврей въ Парижѣ XVIII столѣтія? Еще при Людовикѣ XVI въ Парижѣ насчитывалось всего какихъ нибудь три или четыре сотни евреевъ, забравшихся сюда съ юга или изъ Эльзаса и запрятавшихся по предмѣстьямъ. А между тѣмъ выходитъ, что уже въ нашемъ французскомъ XVIII вѣкѣ замѣчалось то, что антисемиты называютъ «еврейскимъ духомъ». Неужели же Даламберъ, Дидро и энциклопедисты состояли, помимо нашего вѣдома, учениками какой нибудь талмудъ-торы? Сходство, во всякомъ случаѣ, поразительное. Можно было бы обратиться, да и обращались, съ документами въ рукахъ къ литературѣ, наукѣ и философіи монархической Франціи, ранѣе паденія тамъ королевской власти, съ такими же упреками, съ какими обращаются къ евреямъ и къ «семитической литературѣ» разные Штеккеры и Трейчке. «XVIII вѣкъ,—говорилъ недавно одинъ молодой критикъ, — не былъ ни христіанскимъ, ни французскимъ ². Быстрое угасаніе христіанской идеи, прогрессивный упадокъ идеи объ отечествѣ—вотъ два характеристическіе признака эпохи, продолжавшейся съ 1700 до 1790 года». Вѣкъ этотъ чувствовалъ антипатію ко всякаго рода власти, духовной и матеріальной; онъ ненавидѣлъ іерархію и относился съ пренебреженіемъ къ традиціямъ; онъ былъ космополитиченъ и равнодушенъ къ величію родины; «онъ отличался въ одно и то же время и анти-французскимъ, и анти-христіанскимъ харак-

¹ Здѣсь мы не касаемся участія, приписываемаго евреямъ въ тайныхъ обществахъ; мы будемъ имѣть случай возвратиться къ этому предмету впоследствии.

² Эм. Фагъ: „Dix-huitième siècle“, предисловіе, 1890.

теромъ, и слѣдствіемъ этого было извѣстное пониженіе нравственныхъ началъ, которое въ свою очередь было тѣсно связано съ таковымъ же пониженіемъ литературнаго и философскаго духа». Не слышатся-ли въ этихъ словахъ историка и критика XVIII столѣтія знакомые мотивы протестантскаго, католическаго или православнаго антисемитизма, указывающихъ на ожиданіе прессы и общества? Не выражены-ли здѣсь въ немногихъ словахъ наши главные моральныя, религіозныя и политическія обвиненія противъ евреевъ и іудаизма?

И это не одно только простое совпаденіе. Еврей не можетъ быть пропитанъ тѣмъ духомъ отрицанія, протеста или скептицизма, который мы приписываемъ его народу; онъ можетъ сдѣлаться пропагандистомъ его, но никогда не будетъ его вдохновителемъ: онъ получилъ его отъ насъ, отъ отцовъ нашихъ «арійской» крови и отъ католическаго или протестантскаго воспитанія. Не еврей зажегъ тотъ факель, которымъ онъ, какъ его въ томъ обвиняютъ, размахиваетъ въ христіанскомъ мірѣ, а получилъ онъ его изъ христіанскихъ рукъ. Ни нашъ XVIII вѣкъ, ни французская революція не были продуктомъ іудаизма. Но еврей имѣетъ полное основаніе быть благодарнымъ революціи. Развѣ не она освободила его отъ второго египетскаго плѣненія? Ему дозволено видѣть въ ней руку Іеговы... Меня нисколько не удивляетъ,—что бы тамъ объ этомъ ни говорила синагога,—если въ своей лирической восторженности благодарный еврей, вмѣстѣ съ Дармштетеромъ, приравниваетъ «Гору революціоннаго собранія Хоробу» и т. д. ¹. Вольно еврею вѣрить, что «благодаря Вольтеру торжествуетъ Библия, осыпанная эпиграммами со стороны того же Вольтера»; вольно ему видѣть въ революціи осуществленіе старинныхъ пророчествъ Израіля. Я противъ этого ничего не говорю; но изъ того, что такой пророкъ какъ Исаія, съ высоты горъ Морія или Кармель, увидѣлъ, сквозь туманъ вѣковъ, зарождающуюся гдѣ-то далеко эру всеобщаго братства, еще не слѣдуетъ, чтобъ Израіль былъ главнымъ виновникомъ осуществленія — увы! далеко еще неполнаго—таинственныхъ видѣній этихъ ясновидящихъ. Быть

¹ Джемсъ Дармштетеръ: „Joseph Salvador“, стр. 52, ср. стр. 28 и 29.

можетъ, какъ насъ увѣряютъ, и вѣрно то, что іерусалимское нарѣчіе—нарѣчіе всей новѣйшей Европы; но если бы «Вѣрую» новаго міра дѣйствительно было ничто иное, какъ «Вѣрую» древняго еврейскаго міра, то во всякомъ случаѣ новая Европа получила его не отъ Іерусалима и ужъ отнюдь не отъ еврея. Со стороны еврея происходитъ смѣшеніе понятій, когда онъ хвалится тѣмъ, что открылъ міру пути свободы и равенства, когда онъ старается выставить раввиновъ наставниками философовъ и вдохновителями «правъ человѣка»: онъ въ данномъ случаѣ смѣшиваетъ новую эру съ стариною, синагогу или *школу* съ храмомъ Моріа; онъ смѣшиваетъ *хахамовъ* и ученыхъ талмудистовъ съ пророками Іудеи и Ефраима, и гетто—съ Сіонскимъ холмомъ.

Безъ сомнѣнія, іудаизмъ имѣетъ полное право требовать и своей доли участія въ томъ постепенномъ появленіи новыхъ идей, которыя, послѣ многихъ вѣковъ рабства, повели къ эмансипаціи Израиля. Подобно Греціи и Риму—быть можетъ, даже въ большей степени, чѣмъ они,—и безводная Іудея бросила въ міръ нѣкоторыя сѣмена, которыя, сохранивъ живучесть свою въ теченіи вѣковъ, дали ростки, изъ которыхъ вышли идеи новаго міра. Еврей имѣетъ право напомнить намъ о томъ, когда мы готовы объ этомъ забыть. Въ фундаментахъ новѣйшаго общества можно найти и палестинскіе камни, какъ мы еще не такъ давно имѣли случай на то указывать¹. Не въ одномъ отношеніи новое общество являлось примѣненіемъ идеала, который внесъ въ міръ Израиль. Идея объ общественной справедливости—идея израильская; наступленіе на землѣ царства справедливости всегда составляло предметъ мечтаній іудея, какъ намъ недавно еще напомнилъ о томъ послѣдній историкъ Израиля. Для того, чтобы добраться до первоисточника 1789-го года, нужно поискать дальше, чѣмъ въ эпохѣ возрожденія и реформаціи; нужно вернуться даже дальше классической древности и Евангелія, и обратиться къ Библии, къ Торѣ и къ пророкамъ. Въ этомъ смыслѣ вѣрно то, что новыя десять заповѣдей правъ человѣка

¹ Ср. „Revue des deux Mondes“ отъ 15 іюня 1789 г. и „Le Banquet du Centenaire de 1789 г.“, въ нашей книгѣ: „La Révolution et le Liberalisme“, 1890.

прямо вытекають изъ скрижалей, принесенныхъ съ горы Синай, и что ночь 4-го августа явилась отдаленнымъ и невольнымъ эхо съ горы Хоревъ.

Но это участіе Израиля въ образованіи новыхъ обществъ приходится на долю не средневѣкового еврея—униженнаго, подавленнаго, отупѣвшаго, а на долю еврейскихъ книгъ, сдѣлавшихся достояніемъ христіанскихъ народовъ. Если новыя идеи и новѣйшее общество и имѣють учителей въ средѣ евреевъ, то учителя эти во всякомъ случаѣ не ученые талмудисты, Апкеназимъ или Сефардимъ (изъ Германіи и Испаніи), а древніе пророки Израиля—Исаія, Іеремія, Іезекиль, которые были своего рода великими революціонерами. Если сама реформація, если англійскія и американскія либеральныя учрежденія имѣють какую либо связь съ іудаизмомъ, то связь эта устанавливается при посредствѣ Библии, а не еврея, посредствомъ старинной книги, читаемой по вечерамъ вслухъ въ семейной обстановкѣ, а не посредствомъ живыхъ обломковъ двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ. Въ эпоху революцій въ Англии и въ Америкѣ, тамъ вовсе не было евреевъ, такъ что можно было бы даже сказать, что страны, наиболѣе сохранившія еврейскій духъ,—именно тѣ, въ которыхъ еврей никогда не имѣлъ вліянія. Повидимому, Жюрие и протестантскіе пасторы, бывшіе въ этомъ отношеніи учителями Руссо,—дѣйствительно отыскивали въ Библии принципъ народо-властія; но для отысканія его имъ не приходилось отправляться въ *еврейскую улицу гетто*. По словамъ одного американца, еврея по происхожденію², основатели сѣверо-американскаго союза заимствовали изъ Библии, а именно изъ «Пятикнижія» и «Книги Судей», образцы для созданныхъ имъ федеральныхъ и народныхъ учреждений; но для этого Адамсамъ и Мадисонамъ не приходилось брать уроковъ въ европейскихъ или африканскихъ еврейскихъ школахъ.

Часто мы ставимъ въ заслугу протестантскимъ народамъ и

² Оскаръ С. Штраусъ, сѣверо-американскій посланникъ въ Турціи: „Les Origines de la forme republicaine du gouvernement dans les États-Unis d'Amérique“; франц. переводъ съ предисловіемъ Э. де-Лавелея, Парижъ, 1890 г., Алькана.

реформаціи то, что, по всей справедливости, слѣдовало бы приписать скорѣе Вибліи и древнимъ іудеямъ,—я не говорю: евреямъ (современнымъ). На востокѣ и на западѣ отъ Атлантическаго океана заурядному современному еврею, этому маленькому еврейчику изъ гетто, не принадлежитъ никакой роли въ происхожденіи тѣхъ новыхъ идей, которыя измѣнили внѣшній видъ міра; онѣ отразились на еврей, но не ему принадлежитъ инициатива въ нихъ; здѣсь, какъ и въ многихъ другихъ отношеніяхъ, еврей являлся скорѣе подражателемъ, чѣмъ инициаторомъ. Для того, чтобъ усвоить себѣ новыя идеи, ему пришлось отрѣшиться отъ своихъ старыхъ, іудайскихъ знаній. Онъ былъ до того связанъ и опутанъ Талмудомъ и обрядовыми предписаніями, что если бы мы не разрубали его путь, или если бы мы не дали ему въ руки ножницы и напилковъ, для того чтобы перерѣзать и перепилить ихъ, то, быть можетъ, онъ никогда бы не былъ въ состояніи сбросить ихъ съ себя. Я, съ своей стороны, склоненъ думать, что, будучи предоставленъ самому себѣ и изолированъ отъ христіанина, еврей-талмудистъ такъ же трудно могъ бы отрѣшиться отъ преданій іудаизма и освободиться отъ ига Талмуда, какъ, напр., мусульманинъ сбросить съ себя цѣпи Корана. И у еврея гражданское законодательство было слито въ одно цѣлое съ религіознымъ; для него Талмудъ, какъ и для мусульманина Коранъ, являлись кодексомъ того и другого. Тотъ самый образованный западный еврей, который представляется намъ столь подвижнымъ, столь гибкимъ, столь быстро все схватывающимъ и усвоивающимъ, столь склоннымъ ко всякаго рода прогрессу, по моему глубокому убѣжденію, остался бы неподвижно стоять на одной точкѣ, если бы его перенести въ атмосферу исключительно еврейскую, запретить въ кругѣ возрѣній предковъ его. Онъ, такъ сказать, былъ осужденъ на то фарисейскимъ формализмомъ Мишны и Гемары, всей этой безконечной сѣтью всяческихъ предписаній, которая опутывала его со всѣхъ сторонъ, тою узкою житейскою регламентаціей, гдѣ все было предусматрѣно и подведено подъ известную формулу, гдѣ каждый день, каждый часъ «ставилъ его лицомъ къ лицу съ известнымъ предписаніемъ, *мишвой*, которое необходимо должно быть исполнено». Для того, чтобы выр-

ваться изъ подобнаго рабства, ему нужна была помощь извнѣ. Такъ оно и случилось. Не изъ еврейскихъ школъ повѣяло тѣмъ новымъ духомъ, который превратилъ еврея въ современнаго человека, и даже тамъ, гдѣ сокрушены были стѣны гетто, новыя вѣянія побѣдили не безъ серьезнаго сопротивленія со стороны раввиновъ. Не слѣдуетъ извращать ролей. Случилось какъ разъ наоборотъ тому, въ чемъ желали бы увѣрить насъ иные семиты и антисемиты, почти въ одинаковой мѣрѣ склонные возвеличивать Израиль: не еврей освободилъ христіанскую мысль, а, напротивъ, христіанская или, если это вамъ лучше нравится, «арійская» мысль эмансипировала еврея.

Безъ Декарта я не могу представить себѣ Спинозу; равнымъ образомъ, я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы безъ Лессинга или безъ Вольтера явился Моисей Мендельсонъ. Точно также, если оглянуться подальше назадъ, существовалъ-ли бы Филонъ, если бы не было Платона и греческихъ философовъ, имѣли-ли бы мы Маймонида, если бы не было Аристотеля и арабскихъ философовъ? Вы невольно приходите къ заключенію, что во всѣ эпохи еврейскій умъ для полета своего нуждался въ толчкѣ извнѣ; можно было бы сказать, что онъ лишенъ возможности самъ расправить свои крылья, что для этого ему нужна посторонняя помощь. Быть можетъ, объясненія тому слѣдуетъ искать въ тяжести традицій, которыя еврейскому уму приходится поднимать вмѣстѣ съ собою на воздухъ. Но не этимъ вопросомъ мы желали бы заняться въ настоящее время: для насъ достаточно указать здѣсь на то, что въ новѣйшее время еврей получалъ, а не давалъ импульсъ. Во всѣхъ еврейскихъ общинахъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, верхъ одержали ультра-консерваторы, «обскуранты», — по крайней мѣрѣ въ послѣднія два-три столѣтія. Новыя идеи не только не исходили изъ синагогъ, но лишь съ величайшимъ трудомъ находили себѣ доступъ туда. Синагога, такъ сказать, законопатилась въ своихъ преданіяхъ; въ Польшѣ, въ Венгріи, даже въ Германіи, словомъ—почти всюду, она поступила такъ же, какъ поступаютъ въ сѣверныхъ странахъ, гдѣ, при наступленіи зимы, наглухо замазываютъ окна для того, чтобы не допустить проникновенія въ комнаты холоднаго воздуха. Синагога предавала

анаемъ самыхъ славныхъ изъ своихъ сыновъ и на головы всѣхъ новаторовъ обрушился «херемъ», со всѣми его страшными проклятіями. Барухъ Спиноза подвергся въ XVII вѣкѣ отчужденію со стороны самой просвѣщенной въ то время еврейской общины въ мірѣ. Моисей Мендельсонъ, послужившій Лессингу оригиналомъ для его «Натана Мудраго», былъ въ XVIII вѣкѣ свидѣтелемъ того, какъ его, переведенные на нѣмецкій языкъ «Пятикнижіе» и «Псалтырь» были осуждены нѣмецкими и еврейскими раввинами. Берлинская синагога отвергала книги, писанныя на общеупотребительномъ языкѣ, и изгоняла изъ своей среды одного изъ своихъ членовъ за то, что онъ прочелъ нѣмецкую книгу. Ашкеназисты и сефардисты, т. е. громадная масса евреевъ, слѣдовавшихъ за этими двумя толками, съ ужасомъ относились къ философамъ и къ ихъ ученіямъ; къ свѣтскимъ наукамъ они относились съ величайшей подозрительностью¹. Въ то самое время, какъ въ Парижѣ уже толковали о философій Декарта или о близкомъ возрожденіи человѣка, въ еврейскихъ школахъ восточной и центральной Европы мечтали еще о кабалистическихъ утопіяхъ, предавались хасидскимъ бреднямъ, съ жаромъ боролись за или противъ ложныхъ Мессій, разныхъ Франковъ и Саббатаевъ².

V.

Всюду, на Востокѣ, какъ и на Западѣ, свѣтъ, новыя идеи проникли въ узкіе переулки еврейскихъ гетто извнѣ, благодаря факеламъ, зажженнымъ волами, разсѣвая густой мракъ «Judengasse». Да и могло-ли быть иначе послѣ цѣлыхъ вѣковъ отчужденія и униженія? Какъ ни значительна упругость еврея, однако и эта упругость подалась подъ двойнымъ ярмомъ тяже-

¹ Ср. автобіографію раввина-философа Соломона Маймона, обнаруженную въ 1792—93 г. Р. Морицемъ, подъ заглавіемъ: «Salomon Maimons Lebensgeschichte».—Арведъ Барниъ: «Un Juifs polonais», «Revue» отъ 15 окт. 1889 г. На русскомъ языкѣ: „Автобіографія Соломона Маймона“ въ „Еврейской Библіотекѣ“ т. I и II.

² 17-й и 18-й вѣка дѣйствительно были эпохой лже-мессій и распространенія хасидизма или нео-кабализма, господствующаго еще въ нѣкоторыхъ областяхъ. Ср. Грецъ, «Geschichte der Juden», т. X, гл. 6—9.

лыхъ талмудическихъ традицій и недовѣрчивости враждебнаго общества. Подобно тому, какъ это случилось и въ первые вѣка послѣ разрушенія храма, еврей, уйдя въ себя, замкнулся въ тѣсномъ кругу своихъ обычаевъ и обрядностей. Около 1700 года іудеи сдѣлались, быть можетъ, болѣе евреями, чѣмъ каковыми они были наканунѣ крестовыхъ походовъ. Намъ не трудно представить себѣ то, чѣмъ былъ европейскій еврей за какихъ нибудь 30 или 40 лѣтъ до французской революціи; для этого намъ достаточно бросить взглядъ на Востокъ, туда, гдѣ евреи живутъ еще густыми массами, отдѣленные отъ христіанъ какъ моральными, такъ и матеріальными оградами. Близкое знакомство съ новыми людьми и новыми порядками прошло для нихъ безслѣдно; всюду чувствуется наслѣдственное отвращеніе еврея, предоставленнаго самому себѣ, къ разнымъ новшествамъ и реформамъ. Въ этомъ отношеніи еврей остался еще такимъ же восточнымъ человѣкомъ, какими были его предки. Удивленія достойна скорѣе быстрая метаморфоза, подъ волшебнымъ жезломъ западной культуры, къ которой мы еще возвратимся ниже.

Тотъ, кто незнакомъ съ большими еврейскими поселеніями, въ которыхъ евреи, собравшись тысячами, живутъ своею особою жизнью, по еврейскому обычаю,—тотъ совсѣмъ незнакомъ съ евреемъ. Только тамъ, т. е. въ Богеміи, Галиціи, Литвѣ, Малороссіи, Молдавіи, мы еще находимъ еврея, оставшагося евреемъ. Вглядитесь хорошенько въ этого представителя настоящаго еврейства. Неужели вы признаете польскаго, русскаго или румынскаго еврея способнымъ къ какимъ нибудь новшествамъ? Неужели онъ въ состояніи будетъ направить новый міръ по непроложеннымъ еще дорогамъ? Неужели вы заподозрите его въ томъ, что онъ въ состояніи будетъ подвергнуть опасности христіанскую цивилизацію? Это несчастное существо слишкомъ принижено и слишкомъ бѣдно для этого, слишкомъ невѣжественно и слишкомъ индифферентно къ нашимъ политическимъ и религіознымъ пререканіямъ. Попробуйте распрашивать его,—онъ даже и не пойметъ васъ: онъ для этого слишкомъ еврей, слишкомъ религіозенъ, слишкомъ богобоязненъ, слишкомъ преданъ традиціямъ, словомъ — слишкомъ консервативенъ.

Мы считаемъ нужнымъ особенно подчеркнуть консерватизмъ

еврей, и намъ еще не разъ придется возвращаться къ этому предмету. На свѣтѣ, быть можетъ, не найдется ничего болѣе консервативнаго, чѣмъ еврей-талмудистъ. Своею привязанностью къ нравамъ и обычаямъ предковъ онъ ни въ чемъ не уступитъ китайскому мандарину или русскому крестьянину. Этотъ человекъ, котораго намъ желаютъ представить прирожденнымъ противникомъ преданія, только и заботится о томъ, чтобы сообразоваться съ преданіемъ. Тамъ, гдѣ еврей остался евреемъ, ни правительству, ни христіанскому обществу нечего опасаться Израиля. Замѣчательно то, что именно въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ болѣе всего раздается жалобъ на «ожидовленіе» современнаго общества, еврей наименѣе остался евреемъ. Для того, чтобы сдѣлаться «разлагающимъ» политическимъ или религіознымъ элементомъ, еврей долженъ, прежде всего, такъ сказать, утратить свое еврейство. Это не трудно прослѣдить въ Германіи, въ Австро-Венгріи, даже во Франціи, а равнымъ образомъ въ Россіи и вообще на Востокѣ: если встрѣчаются евреи, которыхъ можно упрекнуть въ распространеніи духа отрицанія и разрушенія, то таковыми въ большей части случаевъ являются евреи, уже въ извѣстной мѣрѣ эмансипировавшіеся отъ еврейства, такіе евреи, которые, вслѣдствіе соприкосновенія съ христіанами, уже отрѣшились отъ вѣрованій и традицій Израиля. Этотъ еврей новѣйшей формации, котораго намъ изображаютъ чуть-ли не главнымъ виновникомъ порчи нашей христіанской цивилизаціи, самъ является продуктомъ этой цивилизаціи; не онъ заражаетъ насъ ядомъ, текущимъ по нашимъ жиламъ, а онъ самъ заразился отъ насъ этимъ ядомъ и лишь переноситъ его.

Возьмемъ тѣ страны, гдѣ то, что мы называемъ новѣйшими идеями, затронули только верхнюю кору, напр., Россію. Неужели какойнибудь виленскій еврей въ длинномъ лапсердакѣ и въ ерможкѣ угрожаетъ русскому государственному строю и православію? Къ этому повѣрить? А между тѣмъ я знаю въ Петербургѣ и въ Москвѣ людей, которые были бы не прочь увѣрить насъ въ этомъ. Здѣсь можно встрѣтить не только журналистовъ, — въ родѣ покойнаго Аксакова или нынѣ здравствующаго Мещерскаго, но и лицъ болѣе вліятельныхъ, которыя,

во время разоренія еврейскихъ домовъ и лавокъ въ 1881 году, открыто выражали свое сожалѣнiе о томъ, что «образованные евреи пользуются плодами своего образованiя для того, чтобы поколебать основы общества и распространять въ народъ вредныя ученiя».

Подобный упрекъ, брошенный въ такой моментъ въ лицо русскимъ евреямъ, былъ обращенъ не по надлежащему адресу. Въ виду существующихъ въ Россiи таможенныхъ и цензурныхъ установленiй, едва ли еврейская контрабанда могла провести въ предѣлы Россiи съ Запада «вредныя ученiя». Если евреи и занимались когда либо распространенiемъ идей, то, конечно, не въ современной Россiи. Съ гораздо большею основательностью еврейскiе раввины и банкиры могли бы обратить противъ самой Россiи вышеприведенныя упреки, высказанные по адресу евреевъ. Длиннобородые евреи въ пейсахъ могли бы спросить, напр., что сдѣлали гимназiи съ ихъ сыновьями и дочерьми. Не одинъ еврей, какъ на Востоку, такъ и на Западѣ, могъ бы повторить слова, вложенныя однимъ выдающимся русскимъ писателемъ въ уста стараго еврея Авраама, уроженца западныхъ губерний Россiи: «Наши дѣти уже не имѣютъ вѣрованiй; они уже не повторяютъ съ нами нашихъ молитвъ, но они и не молятся вашими молитвами. Они никакъ не молятся и ни во что не вѣрятъ»¹. Да и не въ одной Россiи замѣчается то, что отцы и дѣды лишь съ величайшимъ трудомъ узнаютъ своихъ сыновей и внуковъ.

Пора бы намъ перестать думать исключительно о насъ самихъ. Мы все только толкуемъ о влiянiи евреевъ на христiанскiя общества и не обращаемъ ни малѣйшаго вниманiя на влiанiе новѣйшей культуры на евреевъ и на iудаизмъ. Поступая иначе, мы не замедлили бы убѣдиться въ томъ, что если еврей, повидимому, и оказываетъ порою разлагающее влiанiе на хри-

---

¹ Рассказъ „Въ камерѣ прокурора“ („Вѣстанкъ Европы“, 1880 г.) переведенъ въ „Revue Politique“ отъ 16 апрѣля 1881 г. Въ нашемъ сочиненiи „L'Empire des tsars et le Russes“ (t. III liv. IV, ch. III) мы привели причесныя участiя историческихъ евреевъ въ политическихъ кружкахъ. См. тамъ.

стианское общество, то христианинъ или «аріецъ» въ гораздо сильнѣйшей степени оказываетъ разлагающее вліяніе на іуданамъ. Израилю, не сломившемуся отъ двадцати-вѣковаго угнетенія, угрожаетъ опасностью освободившая его цивилизація. Изъ всѣхъ лютыхъ враговъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, — отъ Фараона и Новуходносора до Тита и отъ Адриана до Торжевмады, — ни одинъ не былъ для него такъ опасенъ, какъ наше современное общество, обращающееся къ нему съ благосклонной улыбкой. Наши новыя вѣянія, наша критика, наши «арійскія» науки рѣшительно подкапываются подъ еврейскіе нравы и обычаи. На долго-ли іудаизмъ переживетъ разрушеніе этихъ нравовъ и обычаевъ? Быть можетъ и переживетъ, но во всякомъ случаѣ—это вопросъ, столь же важный для синагоги, какъ и для христіанской церкви. Въ настоящее время, при сопрیکосновеніи съ нами, въ лонѣ іудаизма происходитъ внутренній процессъ разложенія и размельченія. Когда онъ окончится—это намъ неизвѣстно.

Такимъ образомъ замѣчается взаимодѣйствіе между евреемъ и не-евреемъ, между *гоемъ* и сыномъ Іакова, повидимому одинаково развѣдающее, но въ концѣ концовъ болѣе опасное для еврея, чѣмъ для *гоя*. Что помогло еврею сохраниться и въ теченіе тысячелѣтій не дало ему исчезнуть среди другихъ націй? Ничто иное, какъ его религія, какъ строгое соблюденіе обрядностей и часто мелочныхъ правилъ, которыми опуталъ его Талмудъ. Теперь же мы видимъ, что новыя вѣянія Запада начинаютъ уже касаться этихъ охранительныхъ обрядностей, этой брони традицій, которая защищала Израиль въ теченіи двухъ тысячелѣтій и которую ничто не въ состояніи было пробить; броня эта начинаетъ отпадать кусками. Іуданамъ, а вмѣстѣ съ нимъ и еврей, лишенные этой охранительной брони, окажутся, такъ сказать, обнаженными. Будутъ-ли они въ состояніи, въ такомъ обнаженномъ видѣ, противостоятъ развѣдающему вліянію нашихъ новѣйшихъ реактивовъ, въ которые имъ придется окунуться? А что станется съ евреемъ, если бы іуданамъ растворился? Не угрожаетъ-ли еврею, сформировавшемуся и сохранившемуся благодаря его религіи, не угрожаетъ-ли ему опасность исчезнуть вмѣстѣ съ іудаизмомъ?

Изъ всего этого очевидно, что еврейскіе раввины имѣли бы полнѣйшее право одѣлать лютеранскимъ и инымъ духовнымъ лицамъ тотъ самый упрекъ, который тѣ такъ часто дѣлаютъ евреямъ. Евреямъ есть основаніе беспокоиться, и они отлично сознаютъ это. Мнѣ случалось встрѣчать среди нихъ такихъ, которые съ опасеніемъ говорили о томъ, что когда-нибудь могутъ пасть искусственныя преграды, возведенныя между евреями и христіанами, причемъ они открыто высказывали предпочтеніе униженію и стѣсненію ограничительныхъ законовъ сравнительно съ нашею развращающей свободою. Они утверждали, что далеко не все можетъ быть полезно для Израиля въ той цивилизаціи, которая какъ будто отерываетъ передъ нимъ весь міръ. Тамъ, гдѣ иные привѣтствовали торжество Сіона, они спрашивали, не слѣдуетъ-ли видѣть въ побѣдѣ его предвѣстіе его паденія, и не сведется-ли такъ-называемая эмассипація евреевъ къ постепенному, но неизбѣжному поглощенію ихъ другими народами?

Между евреемъ и не-евреемъ, между «семитомъ» и «арійцемъ», неизмѣнно существуетъ та разница, что именно наши идеи, наша арійская, германо-латинская цивилизація угрожаютъ вызвать разложеніе іудаизма, между тѣмъ какъ въ ученіяхъ, угрожающихъ христіанству и развѣдающихъ наши христіанскія общества, не замѣчается никакого специфически-семитическаго характера. Развѣ вы найдете ихъ у арабовъ? Еврей заразился отъ насъ тою болѣзью, которою какъ мы его въ томъ обвиняемъ, онъ угрожаетъ заразить насъ. Это одинаково примѣнимо и къ Западу, и къ Востоку, и къ Франціи, и къ Россіи. Скентицизмъ, матеріализмъ, нигилизмъ не только не являются продуктами іудейства, но напротивъ, являются у евреевъ, зараженныхъ ими, лишь признакомъ и результатомъ соприкосновенія племенъ, свидѣтельствуютъ о сближеніи евреевъ съ нами. Здѣсь, какъ и вездѣ, въ наши дни, какъ и въ средніе вѣка, еврей явился лишь передаточнымъ агентомъ, чѣмъ-то въ родѣ маклера. Тотъ интеллектуальный товаръ, который онъ предлагаетъ и продаетъ намъ, обыкновенно офабрикованъ бываетъ не имъ: онъ взялъ его у насъ же, въ нашихъ мастерскихъ и лабораторіяхъ, развѣ-что онъ при-

дакъ ему свой фасонъ, свою отдѣлку. Часто повторяють, что еврей ничего не производитъ, что онъ всегда является лишь посредникомъ. Это является единственно вѣрнымъ именно въ данномъ случаѣ.

Однако мнѣ кажется, что даже въ этомъ отношеніи преувеличиваютъ вліяніе еврея. Если онъ является монополистомъ въ банковомъ дѣлѣ, то онъ далеко не является таковымъ въ дѣлѣ распространенія идей. Во всякомъ случаѣ, ничто не обязываетъ насъ заимствовать идеи у него. Несправедливо было бы приписывать еврейской пропіи, израильскому скептицизму, свойству семитическаго ума распространеніе ученій, которыя часто еврей преподноситъ намъ лишь потому, что онѣ приходятъ намъ по вкусу и что онѣ имѣютъ сбытъ. Онъ и здѣсь, по своему коммерческому инстинкту, повинуется лишь закону спроса и предложенія.

Между еврейскимъ духомъ и христіанскимъ, между ветхимъ завѣтомъ и новымъ, тамъ гдѣ оба сохранили свое господство, антагонизмъ далеко не такъ значителенъ, какъ-то часто воображаютъ себѣ. Судя потому, какъ иные христіане отзываются объ еврейскомъ духѣ и объ іудаизмѣ, можно было бы подумать, что между Библией и Евангеліемъ нѣтъ ничего общаго; повидимому, забываютъ то, что въ основѣ того и другого лежатъ тотъ-же Богъ, тѣ-же десять заповѣдей, та-же мораль. Пускай еврей и христіанинъ остаются одинаково вѣрными—одинъ Торѣ, другой—Евангелію, и между ними будетъ меньше противоположности, чѣмъ сходства. Если бы въ нашихъ новѣйшихъ обществахъ не произошло иной перемѣны, кромѣ замѣны цивилизаціи исключительно христіанской цивилизаціею еврейскою или еврейско-христіанскою, то идея о Богѣ, идея моральная и религиозная продолжали бы витать надъ нашими обществами. Стоитъ-ли труда останавливаться на доказательствахъ того, что этимъ не ограничивается преобразование, совершающееся въ средѣ нашего западнаго міра, что въ новѣйшей эволюціи новой мысли и новаго общества кроется нѣчто иное, чѣмъ возвращеніе изъ Европы къ Іерусалиму... Положительнымъ слѣдствомъ былъ бы тотъ, кто видѣлъ бы во всемъ этомъ ничто иное, какъ заповѣдалое торжество синагоги надъ церковью.

Не станемъ же поэтому говорить объ «ожидовленіи» христіанскихъ обществъ. Если бы христіане остались въ большей мѣрѣ христіанами, то вліяніе на нихъ евреевъ было бы ничтожно. То, что вы называете «ожидовленіемъ» нашихъ новѣйшихъ обществъ,—евреи и христіане могли бы назвать это съ большимъ основаніемъ—да простятъ мнѣ этотъ варваризмъ—«ожиженіемъ» нашего общества. Арійцы и семиты, христіане, переставшіе быть христіанами, и евреи, переставшіе быть евреями, въ концѣ-концовъ возвращаются къ одному и тому же безсознательному язычеству; Симъ и Іафеть, подталкиваемые однимъ и тѣмъ же вѣтромъ, скользятъ рядомъ по одной и той же наклонной плоскости. Наши тяжелыя на подъемъ западныя племена, которыхъ Евангелію съ трудомъ удалось оторвать отъ поклоненія матеріи и силѣ, готовы возвратиться къ прежнему натурализму, но только лишенному на этотъ разъ той мнѣической оболочки, которая лежала на немъ точно поэтическое покрывало. И самъ Израиль, избранный для того, чтобы сохранить ученіе о живомъ Богѣ,—Израиль, котораго въ дни оны пророки его лишь съ великимъ трудомъ отрывали отъ жертвенниковъ „Молоха или Ваала, Израиль, расслабленный въ современной жизни, и которому надоѣло ожидать своего Мессію, начинаетъ, повидимому, подобно старѣющему Соломону, забывать союзъ свой съ Предвѣчнымъ, для того, чтобы воскуривать ошміамъ на холмахъ, передъ жертвенниками мнѣземныхъ идоловъ Камоша и Астарты.

Если въ упадкѣ христіанской идеи можно усмотрѣть торжество однихъ вѣрваній надъ другими, отдаленнаго прошлаго надъ прошлымъ недавнимъ, то это скорѣе всего торжество стараго язычества, или безсмертнаго язычества,—какъ сказали бы язычники нашихъ дней,—готоваго одержать побѣду и надъ Торой, и надъ Евангеліемъ. Съ христіанскимъ духомъ ведутъ борьбу не столько новая наука и новый духъ времени, съ его смутными стремленіями, сколько старинныя языческія инстинкты, вождѣнія плоти и житейская гордость, снова разнузданные въ теченіи послѣднихъ вѣковъ. Идолопоклонство передъ природой, идолопоклонство передъ человѣкомъ, возведеннымъ на степень божества,—вотъ тотъ новый культъ, къ которому, повидимому, при-

ходить наша западная цивилизація; и быть можетъ эта лже-религія человѣческаго, поставленнаго на мѣсто божественнаго, еще опаснѣе для Библіи, чѣмъ для Евангелія, для Синаи, чѣмъ для Голгофы. Апостолъ земнаго, будетъ ли онъ коллективный или индивидуальный, является полнѣйшимъ отрицаніемъ іудаизма: «я предвѣчный, твой Богъ,—сказалъ Іегова,—и ты не будешь имѣть другихъ боговъ».

«Хорошо, — скажетъ, пожалуй, иной антисемитъ;—допустимъ, что еврей является не единственнымъ, и даже, быть можетъ, не главнымъ факторомъ утраты современными обществами ихъ христіанскаго характера. Іудаизму угрожаетъ опасность погибнуть самому, какъ жертва той борьбы, которую онъ и его сторонники вели противъ христіанства и христіанской идеи. Но говоря объ «ожидовленіи» обществъ и о разложеніи, вносимомъ евреемъ въ среду европейскихъ народовъ, мы имѣемъ въ виду не столько іудеизмъ религіозный, сколько іудеизмъ племенной, не столько еврея, сколько семита. Израиль представляется намъ чуждымъ племенемъ, водворившимся среди новѣйшихъ народовъ и угрожающимъ имъ одновременно и нравственнымъ, и матеріальнымъ порабощеніемъ. Онъ угрожаетъ опасностью не только религіи, но и національности. Оставимъ въ сторонѣ христіанскую цивилизацію; но еврей вліяетъ разлагающимъ образомъ на нѣчто такое, что близко нашему сердцу,—на наше національное развитіе, на нашъ духъ, на нашу французскую, или славянскую, или германскую душу».

Такимъ образомъ изъ за религіознаго обвинительнаго пункта выступаетъ другой, но, въ сущности тѣсно связанный съ нимъ,—національный, быть можетъ еще болѣе важный, потому что онъ имѣетъ болѣе общій характеръ, потому что онъ затрогиваетъ интересы большаго числа людей, и притомъ именно тѣ, которые особенно чувствительны для новыхъ народовъ.

Пер. Э. К. Ватсонъ.

(Продолженіе будетъ).

ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ

ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ¹.

Отчетъ г. Иславина разсматривался сперва въ департаментѣ м-ва госуд. имущ., а потомъ, по мысли Киселева, вмѣстѣ съ другими свѣдѣніями,—въ особомъ комитетѣ, учрежденномъ изъ чиновъ м-ва госуд. имуществъ и м-ва внутр. дѣлъ, причемъ, согласно заключенію комитета, опиравшася на доводахъ г. Иславина, Киселевъ нашелъ необходимымъ, «въ видахъ ускоренія устройства евреевъ въ земледѣльческомъ состояніи»,—принять надлежащія мѣры: 1) къ упрощенію производства дѣлъ для разрѣшенія переселенія; 2) къ дозволенію меньшаго, противъ прежняго, состава семействъ для поселенія; 3) къ увеличенію пособія для поселившихся въ западныхъ губерніяхъ; 4) къ учрежденію болѣе дѣятельнаго надзора за поселенцами; 5) къ избранію удобныхъ, по возможности, земель для поселенія евреевъ; 6) къ обученію рациональному хозяйству нѣкоторыхъ молодыхъ евреевъ, и 7) къ приглашенію евреевъ капиталистовъ къ поселенію ихъ единодѣльцевъ.

По *первому* пункту, во избѣжаніе указанной г. Иславинымъ длинной процедуры собиранія опросившихся въ земледѣльцы свѣдѣній, полагалось: 1) для содѣйствія губернаторамъ въ ускоре-

¹ См. „Восходъ“, кн. IX 1890 г.

ніи поселенія и для отвращенія излишней переписки,—учредить особые, подъ предѣдательствомъ губернаторовъ, комитеты изъ вице-губернаторовъ, управляющихъ палатами госуд. имущ. и совѣтниковъ ховяйственныхъ отдѣленій этихъ палатъ; 2) на прибавку жалованья дѣлопроизводителямъ и на канцелярскіе расходы назначить въ каждой губерніи отъ 150 до 200 руб. въ годъ, изъ суммъ, опредѣленныхъ изъ коробочнаго сбора на поселеніе евреевъ; 3) въ случаѣ надобности—приглашать для совѣщаній или объясненій въ комитетъ губернскихъ люстраторовъ и другихъ лицъ, по распоряженію начальниковъ губерній; 4) по просьбѣ, передаваемой въ комитетъ, дѣлать одновременно распоряженіе о собраніи справокъ и о приготовленіи участка; требованіе справокъ ограничить опредѣлительными вопросами: отъ ревизскаго отдѣленія казенной палаты — о составѣ семейства, а отъ полиціи и думы:—а) не было-ли на просителѣ частныхъ долговъ, препятствовавшихъ переходу, и б) не состоялъ ли онъ, или одинъ изъ членовъ его семейства подъ судомъ или слѣдствіемъ. На доставленіе справокъ проектировался трехнедѣльный срокъ. Затѣмъ, по разрѣшеніи еврею поселенія, надлежало безотлагательно перечислить переселенца по окладу, сложить недоимки и требовать увѣдомленія о перечисленіи и сложеніи недоимокъ въ теченіи трехъ недѣль; вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщать думу о приостановленіи взысканія недоимки, а палату госуд. имущ. о немедленномъ поселеніи.

По *второму* пункту. Значительное число просьбъ евреевъ о поселеніи побудило министерство, по отсутствію денежныхъ средствъ, ограничить поселеніе только такими семействами, которыя бы имѣли въ своемъ составѣ не менѣе 6-ти душъ, при 3-хъ работникахъ. Но такъ какъ опытъ показалъ теперь, что такихъ семействъ не много, а денежные источники на поселеніе, напротивъ, возросли болѣе чѣмъ на 200,000 р. и оставались безъ употребленія, то предполагалось дозволить поселеніе евреямъ, если въ семействѣ было 2 работника при 4-хъ и даже 3-хъ душахъ мужского пола.

По *третьему* пункту. Для отвлеченія евреевъ отъ мелкихъ промысловъ въ западномъ краѣ, предполагалось привлечь ихъ къ поселенію преимущественно на пустопорожнихъ

мѣстахъ въ Новороссійскомъ краѣ и потому пособіе для переселившихся туда было опредѣлено значительно болѣе (175 руб. на семейство, вмѣсто 50 для западныхъ губерній); но неурожаи и болѣзни, постигшіе Новороссійскій край въ послѣднія 5 лѣтъ и отдаленность земель, назначенныхъ для поселенія,—заставили евреевъ селиться предпочтительно въ западныхъ губерніяхъ. Не видя основанія и пользы стѣснять поселеніе ихъ въ западныхъ губерніяхъ, проектировалось теперь увеличить и для этихъ губерній пособіе до 100 руб. на семейство, а самое устройство домовъ и хозяйствъ, по примѣру новороссійскихъ колоній, — возлагать на мѣстное начальство при участіи самихъ поселенцевъ и при наблюденіи со стороны губернскаго комитета.

По четвертому пункту—объ отводѣ болѣе удобныхъ земель, сдѣлано слѣдующее весьма рациональное предположеніе. Установивъ фактъ, что въ 1852 г., земли, отведенныя евреямъ, оказались болѣею частію и малоудобными, и безъ покосовъ, нынѣ проектировалось поручить начальникамъ губерній вытребовать изъ палаты гос. им. полныя люстраціонныя свѣдѣнія о всѣхъ вакантныхъ земляхъ и въ засѣданіи комитетовъ, при участіи губернскихъ люстраторовъ, сдѣлать назначеніе: какія свободныя земли, не стѣсняясь получаемымъ съ нихъ оброкомъ, могли быть предоставлены подъ поселеніе евреевъ, затѣмъ предназначать къ первоначальному заселенію участки болѣе обширныя, переходя потомъ къ участкамъ меньшимъ, а если бы на предназначенныхъ участкахъ были хозяйственные строенія, то и ихъ предоставлять поселяющимся евреямъ по умѣренной оцѣнкѣ, въ счетъ слѣдуемаго имъ пособія.

По пятому пункту—объ усиленіи надзора за поселенцами, разъяснялось, что по недостаточности средствъ поселенцевъ западнаго края и худому свойству участковъ, отъ поселенцевъ невозможно было требовать исполненія условій прочнаго водворенія; но когда имъ будутъ отводиться болѣе удобныя земли и удвоить пособіе, тогда, въ предупрежденіе всякихъ съ ихъ стороны изворотовъ, полагалось: 1) примѣняясь къ порядку, введенному въ Новороссійскихъ поселеніяхъ, раздѣлять евреевъ на разряды и подвергать имѣющихъ неудовлетворительное хозяйство,—

ограниченіямъ, предположеннымъ въ составленной м-мъ гос. имуществъ инструкціи о евреяхъ-земледѣльцахъ Новороссійскаго края, и 2) поручить губернскимъ комитетамъ производить въ опредѣленные законами сроки, чрезъ довѣренныхъ чиновниковъ, осмотръ еврейскихъ поселеній, поступаая съ совершенно неблагонадежными къ хозяйству на основаніи Св. Зак. т. IX, прилож. къ ст. 1319, примѣч. къ ст. 38¹.

По *шестому* пункту—для распространенія между евреями-поселенцами свѣдѣній о рациональномъ хозяйствѣ, представлялось необходимымъ имѣть на каждыя 100 семействъ поселенцевъ — по одному ученику, а всего до 30 учениковъ, въ Горьгорѣцкомъ земледѣльческомъ училищѣ и садовыхъ заведеніяхъ. Выборъ учениковъ оставлялся на желаніи родителей, а для уплаты за ихъ ученіе полагалось отдѣлять ежегодно изъ суммы, предназначенной на поселеніе евреевъ, по 75 руб. изъ каждой губерніи, всего 1,575 руб. въ годъ.

По *седьмому* пункту. Разъяснивъ, что поселенія, устроенныя, напримѣръ, Раппопортомъ, болѣе другихъ отличались благоустройствомъ, ибо успѣхъ поселеній связанъ былъ съ личными интересами учредителей, Киселевъ предлагалъ поставить въ обязанность начальникамъ губерній пригласить значительнѣйшихъ капиталистовъ изъ евреевъ къ учрежденію поселеній изъ ихъ единовѣрцевъ, распространивъ между ними свѣдѣнія о преимуществахъ, предоставлявшихся за подобное усердіе, вовведеніемъ ихъ въ почетное гражданство.

Приведенныя предположенія и составленныя на основаніи ихъ инструкціи были предварительно соглашены съ мнѣніемъ м-ва вн. дѣлъ, которое, съ своей стороны, признало необходи-

---

¹ Примѣчаніе, между прочимъ, гласило: „Если съ истеченіемъ шести лѣтъ, поселенные евреи не будутъ имѣть полного хозяйства, а останутся въ тягость обществу по исполненію за нихъ разныхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей, то, по удостовѣреніи мѣстнаго управленія, что улучшение послѣдовало отъ собственной лви ихъ въ нерадѣніи о хозяйствѣ, или отъ развратнаго поведенія,—они, съ разрѣшенія м-ра гос. им. исключаются изъ сельскаго состоянія; всѣ члены семейства, способные къ военной службѣ, отдаются въ рекруты; полученныя же за нихъ квитанціи обращаются въ продажу и вырученная сумма приобщается къ общему капиталу, на поселеніе евреевъ.

мымъ ввести еще нѣкоторыя мѣры къ болѣе правильному устройству еврейскихъ поселеній на земляхъ владѣльческихъ, и потому испрашивало разрѣшенія на составленіе правилъ: а) о порядкѣ водворенія евреевъ на владѣльческихъ земляхъ, и б) объ учрежденіи ближайшаго надзора за ихъ хозяйствомъ.

Комитетъ объ устройствѣ евреевъ, рассмотрѣвъ означенныя предположенія, признавъ ихъ вполне соотвѣтствовавшими цѣли и положилъ: предоставить м-ру гос. им. ввести ихъ въ дѣйствіе совмѣстно съ м-ромъ вн. дѣлъ, а послѣднему, относительно евреевъ, поселяемыхъ на владѣльческихъ земляхъ, разрѣшилъ составить дополнителныя правила, съ тѣмъ, что если они будутъ измѣнять существующія о евреяхъ *постановленія*, то представить на утвержденіе законодательнымъ порядкомъ. Журналъ комитета былъ утвержденъ имп. Николаемъ 19-го августа 1852 года.

Одновременно съ обнародованіемъ этого постановленія, Кн. Селевъ счелъ нужнымъ предложить палатамъ гос. им.: 1) употребить всѣ мѣры къ содѣйствію губернскому комитету и доставлять ему всѣ свѣдѣнія о вакантныхъ земляхъ, для назначенія участковъ подъ поселеніе евреевъ; 2) по окончательномъ назначеніи земель, заготовить въ нихъ потребное число участковъ, составить планы расположенія селеній и домовъ, дабы всякій желающій поселиться еврей тотчасъ могъ занять слѣдующій ему участокъ и начать постройку дома; 3) въ отношеніи постройки и хозяйственнаго обзаведенія—содѣйствовать поселенцамъ въ приисканіи, по дешевымъ цѣнамъ, матеріаловъ, рабочихъ, скота, земледѣльческихъ орудій и наблюдать за правильностью постройки по планамъ и оказывать во всемъ ближайшее участие для споспѣшествованія хозяйственному устройству евреевъ-земледѣльцевъ; строго наблюдать, чтобы мѣропріятія приносили дѣйствительную пользу успѣху дѣла, а не были источникомъ новыхъ затрудненій отъ медленности или напраснаго канцелярскаго формализма; 4) распорядиться избраніемъ на каждыя 100 семействъ евреевъ-земледѣльцевъ по одному способному молодому человѣку, изъ лучшихъ еврейскихъ семействъ, по желанію родителей, и о помѣщеніи ихъ въ горыгорѣцкое земледѣльческое училище или садо-

выя заведенія войти съ представленіемъ въ департаментъ сельскаго хозяйства, и повторять сію мѣру всякій разъ, по окончаніи курса прежними учениками. Предоставивъ мѣстному начальству всѣ способы къ удовлетворительному устройству евреевъ въ земледѣльческомъ состояніи, къ надзору за ними и къ побужденію ихъ къ осѣдлости, — Киселевъ счелъ себя въ правѣ ожидать, что поселеніе евреевъ «будетъ сопровождаться надлежащимъ успѣхомъ, какъ по внѣшнему, такъ и внутреннему ихъ устройству, будетъ соответствовать цѣли правительства и тѣмъ подѣйствуетъ на привлеченіе и другихъ евреевъ къ полезному земледѣльческому состоянію». При этомъ онъ поручилъ палатамъ объяснять въ годовыхъ отчетахъ: сколько каждый годъ поселено будетъ вновь евреевъ и сколько изъ нихъ обстроится и обзаведется прочнымъ хозяйствомъ¹.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Евреи, еще въ 1836 г. поселившіеся въ Минской губерніи, въ числѣ 10 семействъ, на землѣ помѣщика Корсака, по заключенному съ нимъ контракту на 25 лѣтъ, до истеченія срока пожелали перейти на казенную землю, получили на это согласіе Корсака и въ 1850 г. перешли въ казенное имѣніе Борисковичъ; но минское губернское правленіе отказало имъ въ пособіи изъ коробочнаго сбора и въ льготѣ, положенной для переселенцевъ, потому что они воспользовались ею еще въ 1836 г. Палата гос. им. не знала какъ поступить: слѣдовало-ли упомянутыя 10 семействъ облагать оброкомъ или надлежало предоставить имъ 10-ти лѣтнюю льготу?

Разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, департаментъ нашелъ, что евреи, въ случаѣ перехода съ владѣльческихъ на казенныя земли — не лишались права на льготу въ платежѣ оброка и освобождались на 25 лѣтъ отъ *всѣхъ* податей и денежныхъ повинностей. Съ этимъ мнѣніемъ и Киселевъ согласился. Такимъ образомъ и на евреевъ, переселившихся въ Борисковичъ, распространили льготу въ поземельномъ оброкѣ.

¹ По документамъ отъ 18 іюля и 17 сентября 1852 г.

Одна изъ палатъ спрашивала министерство, слѣдовало-ли: а) при составленіи люстраціонныхъ инвентарей—показывать евреевъ - земледѣльцевъ въ спискѣ постороннихъ людей, или помѣщать ихъ въ посемейныхъ спискахъ послѣ государственныхъ крестьянъ и однодворцевъ, особою статью; б) считать-ли находившіяся въ пользованіи ихъ земли,—запасными или отведенными имъ въ нормальный надѣлъ, и в) вносить-ли причитавшійся съ нихъ оброкъ въ общее исчисленіе дохода съ имѣнія и какъ объяснять предоставленное имъ льготное время отъ платежа оброка? Департаментъ разъяснилъ, что 1) при люстраціи казен. имѣній, въ которыхъ находились уже поселенія евреевъ, слѣдуетъ, составлять особые имъ именныя списки и помѣщать ихъ послѣ посемейныхъ списковъ крестьянъ и однодворцевъ; 2) отведенныя для евреевъ земли подраздѣлять по всѣмъ статьямъ люстраціоннаго инвентаря на заселенныя и незаселенныя и помѣщать: первыя — въ графахъ именнаго списка евреямъ, а послѣднія — въ особой вѣдомости, именуя «предназначенными для поселенія евреевъ-земледѣльцевъ участками»; 3) причитавшійся съ еврейскихъ участковъ, по нормальной оцѣнкѣ, оброкъ, показывать по всѣмъ статьямъ поземельныхъ платежей, а также въ общемъ исчисленіи дохода особою статью, съ объясненіемъ въ примѣчаніи, сколько причиталось этого оброка за земли, уже заселенныя евреями, и въ которомъ году истекало опредѣленное для нихъ льготное отъ платежа оброка время, и 4) по мѣрѣ окончательнаго водворенія евреевъ на земляхъ, предназначенныхъ для того по люстраціи,—входить съ представленіями въ министерство объ исключеніи слѣдовавшаго за эти земли оброка изъ годовыхъ окладовъ на опредѣленное закономъ льготное время и, по полученіи разрѣшенія,—отмѣчать въ люстраціонныхъ инвентаряхъ, по вѣдомости еврейскимъ участкамъ и въ общемъ исчисленіи дохода съ имѣнія.

Виленская палата представила росписаніе 123 участкамъ, назначеннымъ ею подъ поселеніе, въ 1852 г., евреевъ. Между тѣмъ обнаружилось, что при назначеніи участковъ подъ поселеніе евреевъ, палата не обращала вниманія на выборъ земель, годныхъ для хлѣбопашества, и на другія мѣстныя обстоятель-

ства, отчего въ росписаніе 1848 г. включила 28 участковъ песчаной почвы, неудобныхъ—10 и 27 назначенныхъ въ 1847 г., а равно и другія неправильности. Департаментъ объявилъ палатѣ «*строійиъ сывозоръ*», и предписалъ: 1) подѣ поселеніе евреевъ въ казенныхъ имѣніяхъ—отводить, въ случаѣ явки желающихъ, земли преимущественно показанныя въ росписаніяхъ 1847—1849 г. и въ люстраціонныхъ инвентаряхъ имѣній Олькеники и Палашки, кромѣ 65 участковъ, вдвойнѣ назначенныхъ и неудобныхъ, которые изъ росписаній исключить; 2) при недостаточности этихъ участковъ, — назначить подѣ водвореніе евреевъ и предположенныя ею земли, но не иначе, какъ по ближайшемъ удостовѣреніи, что онѣ совершенно пригодны для хлѣбопашества, а по условіямъ съ контрагентами могутъ быть отданы подѣ водвореніе евреевъ, и 3) отводъ евреямъ участковъ и прочія распоряженія по ихъ водворенію дѣлать не иначе, какъ на основаніи предписанныхъ для того правилъ, подѣ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности.

Вице-директоръ по части люстраціи, обозрѣвъ, въ 1849 г., люстраціонныя дѣйствія въ западныхъ губерніяхъ и основываясь на заявленіяхъ окружныхъ начальниковъ, между прочимъ, донесъ, что евреи селились на казенныхъ земляхъ «не для занятія хлѣбопашествомъ, а только ради избѣжанія рекрутской повинности, почему отведенныхъ имъ земель сами не обрабатывали, а отдавали въ оброкъ другимъ лицамъ и вредно вліяли на крестьянъ своими обычными торговыми продѣлками». Второй департаментъ поручилъ управляющимъ палатами удостовѣриться: дѣйствительно-ли и въ какихъ именно мѣстахъ евреи отдавали отведенныя имъ для хлѣбопашества земли въ оброкъ другимъ; чѣмъ они преимущественно занимались; какое имѣли вліяніе на государственныхъ крестьянъ и какими средствами легче было бы отвратить происходившія отъ того злоупотребленія?

Управляющіе палатами донесли: *Могилевскою*, *Вилenskою*, *Подольскою* и *Кіевскою*, что вліяніе евреевъ на нравственность крестьянъ болѣе того, какое вообще они имѣли на поселянъ въ западномъ краѣ—не замѣчено; что въ Кіевской губерніи—евреи занимались, сверхъ хлѣбопашества, и нѣкоторыми ремеслами.

Минскою,—что евреи: а) водворялись въ земледѣльцы «дѣйствительно для избѣжанія рекрутской повинности, какъ это доказывалось наклонностію поселенныхъ въ Минской губерніи семействъ къ частнымъ отлучкамъ въ города и мѣстечки, для занятій мелочною торговлею, и малою ихъ охотою предаться земледѣльческимъ трудамъ»; б) при «строгомъ наблюденіи окружныхъ управленій—участки свои *засѣвали сами*, но, будучи поселены вмѣстѣ съ крестьянами,—легко могли пользоваться ихъ простотою, давать имъ, за большіе проценты, въ ссуду деньги, продукты и вещи, и приводить ихъ въ разореніе», и в) для отвращенія вредныхъ ихъ дѣйствій—необходимо было, по мѣтнію управляющаго, селить евреевъ «не ближе 3-хъ верстнаго, отъ деревень, разстоянія», причемъ «замѣченныхъ въ нерадѣніи къ хлѣбопашеству и вредномъ влияніи на крестьянъ—подвергать, по приговорамъ сельскихъ обществъ, наказанію, въ крайнемъ случаѣ къ исключенію изъ числа земледѣльцевъ. *Ковенскою*—что а) изъ числа поселенныхъ въ фольваркахъ. Яйсахъ и Ельно 20 семействъ хлѣбопашествомъ въ прежнемъ составѣ работниковъ занимались только 6 семействъ; въ 5 семействахъ работали одни хозяева, а приписанные къ нимъ члены на поселеніе не прибыли; 6 евреевъ самовольно оставили свои усадьбы, переуступивъ право пользованія ими другимъ евреямъ, а въ остальныхъ занимались хозяйствомъ работники или родственники поселенцевъ; всѣ евреи были поселены на полныхъ участкахъ, не въ томъ числѣ, какое требовалось правилами, а по переуступкамъ своихъ земель другимъ или при оставленіи на своихъ мѣстахъ работниковъ; на «исправное веденіе хозяйства подавали весьма малую надежду, получившіе же по переуступкѣ отъ нихъ земли, не имѣя средствъ къ обработкѣ участковъ,—«по самой необходимости передавали ихъ въ содержаніе другимъ, даже тѣмъ, которые не приобрѣли права на званіе земледѣльца»; оставляли евреи хозяйство какъ по привычкѣ къ праздности, такъ и вслѣдствіе поселенія ихъ безъ удостовѣренія въ достаточности средствъ къ содержанію хозяйства, отчего давшіе подписку не требовать ничего отъ казны—при поселеніи оказались не состоятельными; потому управляющій сомнѣвался въ возможности достигнуть желаемой цѣли,

но «отклонить ихъ отъ нерадѣнія» ему казалось вѣрнѣе предоставленіемъ палатамъ разсматривать права желающихъ селиться, «лишеніемъ ихъ правъ на усадьбы съ предоставленіемъ искать свои деньги съ тѣхъ, кому заплатили, а самыя неправильно переуступленныя земли—отдать въ содержаніе съ публичныхъ торговъ». *Витебскою*,—что хотя водворившіеся евреи и «не отдавали своихъ участковъ въ оброкъ, но занимались земледѣіемъ» не охотно, лѣниво и обработку земель производили, большею частію, наймами, а между тѣмъ, живя среди крестьянъ,—обманывали ихъ мелочною промышленностію». *Волыскою*,—что изъ всѣхъ поселенныхъ въ казенныхъ имѣніяхъ евреевъ, едва 10 семействъ сами обрабатывали свои участки; прочіе же «отдавали ихъ крестьянамъ съ половины снопа или нанимали обрабатывать ихъ постороннихъ лицъ, а сами занимались извозомъ, мелочною торговлею, тайнымъ подвожомъ вина и нерѣдко навлекали на себя подозрѣніе въ конокрадствѣ»; устранять зло управляющій полагалъ: назначеніемъ неимѣвшихъ средствъ—работниками; лишеніемъ ихъ права имѣть жилищную забару безъ скота и земледѣльческихъ орудій, строжайшимъ запрещеніемъ торговать чѣмъ бы то ни было и нанимать крестьянъ для работъ; удаленіемъ изъ казенныхъ имѣній и лишеніемъ всѣхъ льготъ тѣхъ евреевъ, которые лично не будутъ заниматься хлѣбопашествомъ.

Изложенные отзывы управляющихъ департаментъ сообщилъ V Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи для совокупнаго соображенія съ дѣлами состоявшаго при отдѣленіи особаго комитета для разсмотрѣнія равныхъ предположеній по водворенію евреевъ въ казенныхъ имѣніяхъ и для составленія по сей части дополнительныхъ правилъ¹

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Нѣкоторые губернаторы западныхъ губерній тоже заявляли о вредномъ вліяніи евреевъ на крестьянъ посредствомъ тайной торговли питіями въ селеніяхъ, въ которыхъ проживали

¹ По документамъ отъ 29 декабря 1851 г., 10 февраля 14 апрѣля, 12 и 15 июня 1852 г.

только подъ видомъ арендаторовъ частной земли. Оттого министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшилось измѣнить порядокъ: а) покупки евреями земель, и б) содержанія ими оброчныхъ статей внѣ городовъ и мѣстечекъ. Къ пріобрѣтенію и владѣнію землями на правѣ собственности внѣ городовъ и мѣстечекъ, гдѣ имъ дозволялась торговля пштыями, оно полагало допускать ихъ не иначе, какъ съ обязанностью перехода ихъ въ земледѣльцы, что соответствовало бы, по его мнѣнію, «цѣли правительства — наибольшаго обращенія ихъ къ настоящей сельской осѣдлости», да и «устранило бы вредное ихъ вліяніе на нравственность крестьянъ пштыною промышленностью, которою они не переставали заниматься при всѣхъ наблюденіяхъ и воспрещеніяхъ, пользуясь возможностью пріобрѣтать или нанимать земли, если не въ самыхъ населенныхъ имѣніяхъ, то въ близкомъ отъ нихъ разстояніи». Въ этихъ же видахъ министерство проектировало: «обязать евреевъ, уже владѣвшихъ землями на правѣ собственности—тоже перейти въ земледѣльцы въ полугодичный срокъ отъ времени обнародованія этого постановленія на мѣстѣ, или продать свои земли въ тотъ же срокъ лицамъ, имѣвшимъ право владѣнія, а самимъ перейти на мѣста дозволеннаго имъ жительства по прежнему состоянію; въ случаѣ же невыполненія ими этого условія,—высылать ихъ посредствомъ полиціи, земли со всѣми строеніями и заведеніями отбирать, продавать съ публичнаго торга, а вырученныя деньги отдавать бывшему владѣльцу или обращать на возмѣщеніе взысканій, какія могли на немъ оказаться»; за нарушеніе правилъ по пріобрѣтенію земель евреями «подвергать ихъ, равно содѣйствовавшихъ имъ помѣщиковъ и управляющихъ имѣніями—уголовнымъ взысканіямъ». Присутственнымъ мѣстамъ, совершавшимъ крѣпостные акты на переходъ недвижимыхъ имуществъ, «вмѣнить въ обязанность въ случаѣ покупки или пріобрѣтенія какимъ либо другимъ законнымъ способомъ земель евреями внѣ городовъ и мѣстечекъ, совершать акты не иначе, какъ со включеніемъ условія обязанности пріобрѣтателя вступить во владѣніе землею по переходѣ въ земледѣльцы и только тогда уѣзднымъ и земскимъ судамъ распорядиться о ввѣдѣ евреевъ во владѣніе показанными зем-

ями»; наконецъ, «содержателямъ оброчныхъ статей воспретить проживать постоянно въ селеніи, участвовать въ продажѣ питей и вообще имѣть на нее вліяніе; прежде передачи евреямъ въ содержаніе оброчныхъ статей по помѣщичьимъ имѣніямъ—являть контракты, для ближайшаго за ихъ исполненіемъ надзора, полиціи».

Министръ внутреннихъ дѣлъ, заручившись положительнымъ отзывомъ министра государственныхъ имуществъ, внесъ объ этомъ представленіе въ комитетъ министровъ, по положенію котораго послѣдовало (10 января 1853 г.) Высочайшее повелѣніе, «чтобы къ содержанію оброчныхъ статей во владѣльческихъ имѣніяхъ евреи допускались только по формальнымъ контрактамъ, въ которыхъ непременно включать условіе, что держатели статей никакого вліянія на продажу крѣпкихъ напитковъ и коммерческія сношенія крестьянъ, равно постоянного жительства въ селахъ и деревняхъ имѣть не будутъ, подъ опасеніемъ законной отвѣтственности обѣихъ договаривающихся сторонъ, безъ чего и самыхъ договоровъ къ засвидѣтельствуванію не принимать и затѣмъ договоры приводить въ дѣйствіе не прежде, какъ по предъявленіи оныхъ въ земскомъ судѣ и у станового пристава, которые обязаны, подъ личною отвѣтственностью, наблюдать за точнымъ исполненіемъ означенныхъ условій».

Далѣе, о порядкѣ пріобрѣтенія евреями внѣ городовъ и мѣстечекъ земель министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ въ государственный совѣтъ, который мнѣніемъ своимъ, между прочимъ, положилъ: «пріобрѣтеніе и владѣніе земельными участками внѣ городовъ и мѣстечекъ — дозволяется евреямъ не иначе, какъ съ условіемъ непрямьнаго перехода ихъ въ земледѣльческое состояніе и съ соблюденіемъ притомъ въ точности предписанныхъ правилъ о евреяхъ-земледѣльцахъ. Сіе ограниченіе не распространяется, однако же, на евреевъ-купцовъ, которые могутъ, безъ перехода въ земледѣльческое состояніе, пріобрѣтати земли для поселенія своихъ единоовѣрцевъ, для учрежденія хозяйственныхъ и промышленныхъ заведеній и для скотоводства, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) изъ земли, пріобрѣтенной евреями-купцами для поселенія ихъ единоовѣрцевъ, должно

причитаться въ губерніяхъ западныхъ не менѣе 12 дес. на семейство; 2) поселенные на землѣ евреи обращаются въ земледѣльческое состояніе на основаніи постановленныхъ для того правилъ, съ воспрещеніемъ заниматься какими либо иными промыслами, кромѣ присвоенныхъ сему званію. Въ актахъ на приобрѣтеніе евреями купцами земли означается предметъ, на который земля приобрѣтается, съ обязанностью приобрѣтателя, по ввѣдѣ его во владѣніе—въ теченіи 3-хъ лѣтъ непремѣнно устроить, сообразно тому, какъ въ актѣ сказано, или поселеніе евреевъ-земледѣльцевъ, или же то заведеніе, для котораго земля приобрѣтена; при неисполненіи сего или при выбытіи евреевъ изъ кунеческаго сословія,—дозволяется имъ владѣть землею не иначе, какъ съ переходомъ въ земледѣльцы, или продать ее въ теченіи 6 мѣсяцевъ лицамъ, имѣющимъ право владѣть оною. Въ случаѣ неисполненія сихъ условій—земля отбирается немедленно въ вѣденіе опеки, для продажи мѣрами правительства по общимъ о подобныхъ имуществахъ правиламъ. Мѣстнымъ начальствамъ вѣняется въ обязанность строжайше наблюдать, чтобы евреи подъ предлогомъ земледѣлія не занимались воспрещенными имъ промыслами (1, 7—10 п.). Имп. Николай I утвердилъ этотъ законъ 4 мая 1853 г.

Поселялись евреи для хлѣбопашества на казенныхъ земляхъ чрезъ окружныхъ начальниковъ и по полученіи отъ нихъ подписокъ евреевъ въ принятіи ими земельныхъ участковъ,—палаты просили о перечисленіи ихъ въ число поселянъ. Казенныя палаты, которыя до исполненія вѣли, отъ начала поселенія евреевъ, какъ дознался г. Иславинъ, по нѣскольку лѣтъ переписку, извѣщали палаты государственныхъ имуществъ объ окончательномъ перечисленіи еврейскихъ семействъ въ земледѣльцы, съ предоставленіемъ имъ льготъ со дня перечисленія. Гродненская палата усмотрѣла, что при предоставленіи, согласно заключеніямъ мѣстной казенной палаты, льготъ евреямъ-земледѣльцамъ со дня перечисленія ихъ въ это званіе, послѣдовавшаго въ нѣкоторыхъ колоніяхъ даже послѣ двухъ лѣтъ ихъ водворенія,—казна должна была лишиться доходовъ съ земель, бывшихъ въ пользованіи еврейскихъ семействъ до ихъ перечисленія, — поэтому обратилась къ казенной палатѣ съ пред-

поженіемъ о назначеніи евреямъ-земледѣльцамъ льготъ отъ платежа поземельнаго оброка, податей и отъ рекрутской повинности со дня принятія ими земельныхъ участковъ, или со дня ихъ водворенія; но казенная палата въ этомъ отказала, ибо льготные годы считались, по ея мнѣнію, съ того времени, съ котораго они исключались изъ окладовъ по прежнему состоянію; еврей, поселившіеся на казенной землѣ, освобождались отъ платежа всѣхъ недоимокъ по тому же прежнему состоянію лишь со времени исключенія ихъ изъ мѣщанскаго сословія. Оттого гродненская палата спрашивала департаментъ: какъ считать льготы поселенныхъ уже еврейскихъ семействъ, т. е. со дня-ли ихъ водворенія, или со дня окончательнаго перечисленія изъ прежняго званія?

Департаментъ вывелъ заключеніе, что 1) хотя въ 457 ст. уст. о подат. и сказано: «льготные годы евреямъ-земледѣльцамъ считать съ того времени, съ коего они будутъ исключены изъ окладовъ по прежнему состоянію», но дѣйствіе это, согласно 209 ст. того же устава, долженствовало совершаться немедленно по водвореніи поселенцевъ на мѣстѣ, т. е. оба распоряженія, совпадая между собою, — полагали одинаковое начало льготамъ, разность же въ этомъ происходила единственно отъ несвоевременнаго перечисленія, замедлявшася продолжительными переписками казенной палаты; 2) возникшій вопросъ разъяснялся кромѣ того и 210 ст. устава и § 50 прилож. къ 1319 ст. зак. о сост., коими 25-лѣтній срокъ на переходъ евреевъ изъ земледѣльческаго въ другія состоянія опредѣленъ былъ именно со времени водворенія, подъ условіемъ въ противномъ случаѣ подвергнуться уплатѣ всѣхъ податей за все протекшее льготное время и недоимокъ, сложенныхъ при переселеніи; 3) соответственно сему, при возбужденномъ вопросѣ о льготѣ евреямъ въ платежѣ за отведенныя имъ земли, оброка, циркулярнымъ предписаніемъ департамента отъ 28 февраля 1851 г., велѣно было палатамъ облагать евреевъ оброкомъ по истеченіи 10 лѣтъ отъ ихъ водворенія, и 4) всѣ прочія права, преимущества и обязанности евреевъ, вытекавшія изъ перехода ихъ въ земледѣльцы, — опредѣлялись правилами, изложенными въ прилож. 1319 ст. зак. о сост., равномѣрно отъ времени водво-

ренія или поселенія ихъ на земляхъ казенныхъ. Такимъ образомъ, департаментъ призналъ за евреями право на льготы со времени ихъ водворенія въ казенныхъ имѣнїяхъ. Министерство финансовъ согласилось съ приведеннымъ взглядомъ и онъ былъ преподанъ къ руководству палатамъ казеннымъ и государственныхъ имуществъ.

При развѣздахъ по казеннымъ селенїямъ управляющей могилевскою палатою находилъ, что «весьма немногіе» изъ евреевъ, перечисленныхъ въ земледѣльческое состояніе, «занимались, какъ слѣдовало, земледѣліемъ и обзавелись хозяйствомъ; большая же часть ихъ, бывъ перечислены въ это сословіе, при крайне *бѣдномъ* состояніи,—не имѣли средствъ къ обзаведенію необходимымъ хозяйствомъ и земледѣльческими орудїями; нѣкоторые, за всѣми требованїями чрезъ земскую полицію,—вовсе не являлись на предназначенныя имъ земли, а занимались по прежнему въ городахъ и мѣстечкахъ разными промыслами, имѣя всѣ способы къ обзаведенію сельскимъ хозяйствомъ, или же, чтобы оттянуть дѣло, старались о перечисленїи ихъ на помѣщичьи земли». Палата государственныхъ имуществъ просила: департаментъ—о пособїи первымъ евреямъ изъ коробочнаго сбора, на обзаведеніе хозяйствомъ и земледѣльческими орудїями, а губернской комитетъ—объ исключенїи послѣднихъ, для примѣра другимъ, изъ земледѣльческаго званїя. Начальникъ губерніи, какъ предсѣдатель комитета, нашелъ въ правилахъ о евреяхъ-земледѣльцахъ, что если по истеченїи 6-ти лѣтъ евреи не обзаведутся домами и всѣмъ хозяйствомъ, то исключаются изъ званїя, а этою неопредѣлительностью евреи, дескать, пользовались и не приступали къ водворенію на казенныхъ земляхъ, почему представилъ генералъ-губернатору о необходимости опредѣленїя, что именно евреи въ каждомъ году должны построить и чѣмъ обзавестись ¹.

В. Дакатинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹ По документамъ отъ 17 и 31 октября и 15 декабря 1862 г.

ВЫХОДЦЫ ИЗЪ МЕЖЕПОЛЯ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

— Все-ли готово, бабушка Бина?..

— Все, все, Инда... будетъ дѣтямъ вдоволь; еще останется. У меня не то, что у другихъ... Я люблю, чтобы всѣ были довольны. Впрочемъ, сами посмотрите...

И бабушка Бина приподняла крышку небольшого, кованлаго желѣзомъ сундува.

Инда подошла, опустила въ сундукъ руку и, повидимому, довольная, проговорила:

— Когда, десять лѣтъ тому назадъ, я принимала у жены нашего богача Ханмъ-Арома, то тоже не было такого обилия... Вамъ за это воздастся, Бина... Вы знаете, Господь любить, когда балуютъ ребятиншекъ...

По морщинистому лицу бабушки Бины пробѣжала блаженная улыбка. Въ это время за ситцевой занавѣской раздался глухой крикъ новорожденнаго. Обѣ женщины бросились туда. Инда подбѣжала къ малюткѣ, а Бина нагнулась къ блѣдному лицу дочери и съ нѣжной заботливостью сказала:

— Ты бы его покормила... Ты знаешь, что послѣ завтра предстоитъ бѣдному ребенку...

— Ничего, мальчуганъ здоровый, — успокоивала Инда, взявъ малютку на руки и качая его, — къ тому же, Вошье дѣло... и наши праотцы это испытали... То, что заповѣдано Всевышнимъ, то къ благу...

Молодая мать, лежавшая въ широкой кровати, заваленной перинами и подушками, приподнялась и протянула руки по направленію къ Индѣ.

Когда малютка, почувствовавъ на своемъ личиѣ теплую грудь матери, пересталъ кричать, молодая женщина спросила: Дувидъ еще не приходилъ?—Этотъ вопросъ занималъ ее давно, но она почему-то стѣснялась предложить его старухамъ. Дувидъ ушелъ по очень важному дѣлу. Послѣ завтра, въ большой синагогѣ долженъ былъ совершиться актъ обрѣзанія. Нужно было условиться насчетъ того, кто какія возьметъ на себя обязанности. Задача была чрезвычайно трудная. Въ виду того, что день обрѣзанія совпадалъ съ Суднымъ Днемъ, участіе въ этомъ обрядѣ считалось особенною благодатью. Поэтому-то каждый изъ обывателей Межеполя и добивался этого участія... Какъ только на межепольскомъ базарѣ стало извѣстно, что дочь Бины, Хая, разрѣшилась мальчикомъ, и что обрядъ обрѣзанія выпадаетъ на Судный День, старый домъ Дувиды, съ большой остроконечной крышей и сквозными воротами, брался чуть-ли не съ приступа. Всѣ почтенные и непочтенные хозяева Межеполя, всѣ друзья и враги Дувиды спѣшили къ нему, прося имѣть ихъ въ виду при раздачѣ почестей во время обряда обрѣзанія. Хаимъ-Аронъ, первый богатъ Межеполя, тоже пришелъ къ Дувиду.

— Видишь, я самъ пришелъ къ тебѣ. Надѣюсь, ты не обойдешь меня...

— Помилуйте, ребѣ Хаимъ-Аронъ,—въ смущеніи отъ такой неслыханной чести, бормоталъ Дувидъ.

— То-то... Авось пригожусь... Такъ я снокоентъ?..

— Будьте вполне спокойны... Кому-кому, а вамъ уже самъ Богъ велѣлъ быть *мецице*...

— Мецице!..—воскликнулъ Хаимъ-Аронъ, — кому же ты дашь *сандекъ*?..

— Нашему почтенному раввину...

— Вотъ ужъ этого я не ожидалъ отъ тебя, Дувидъ. Раби Нухимъ почтенный человекъ, но не забудь, что я Хаимъ-Аронъ... Я хочу быть *сандекъ*...

Вотъ этотъ-то вопросъ, который долженъ былъ сегодня рѣ-

питься въ домѣ равнина, и волновала молодую женщину. Съ одной стороны, она бы очень хотѣла, чтобъ *сандекъ* былъ равнинъ, но съ другой — какъ же отказать такому влиятельному человѣку, какъ Хаимъ-Аронъ. Обѣ старухи какъ будто угадали мысли Хаи и въ одно время сказали:

— Ну, Богъ дастъ, все уладится...

— Признаться, я, не задумываясь, отдала бы *сандекъ* нашему благочестивому равнину, — сказала Инда.

— Ну, не говорите Инда, — со вздохомъ возразила Бина, — Хаимъ-Арона нельзя обойти...

— Почему нельзя?.. — съ легкимъ задоромъ произнесла Инда, при чемъ въ ея вытцвѣтшихъ отъ времени глазахъ блеснулъ огонекъ. — Вы знаете, что Всевышній цѣнитъ въ людяхъ только благочестіе и ученость...

— А все-таки благочестіе и ученость...

Споръ между обѣими женщинами, изъ которыхъ Индѣ было подѣ семьдесятъ, а Бинѣ подѣ шестьдесятъ лѣтъ, былъ прерванъ шумомъ въ сѣняхъ.

Не успѣла Бина броситься къ сундуку съ заготовленнымъ угощеніемъ, а Инда — задернуть край занавѣски, какъ дверь распахнулась, и въ комнату съ шумомъ ворвалась цѣлая толпа маленькихъ мальчиковъ, подѣ предводительствомъ длиннаго верзла въ оборванномъ балахонѣ и всклокоченныхъ локонахъ.

— Цыцъ, — прогремѣлъ верзла, оборачиваясь къ шумѣвшей оравѣ. — Скажите: добрый вечеръ.

— Добрый вечеръ, — на разные лады пропищали тоненькіе дѣтскіе голоса.

— Добрый вечеръ, дѣти, добрый вечеръ, — нѣжнымъ, растроганнымъ голосомъ проговорила бабушка Бина, — читайте молитву, читайте... Пряниковъ много для васъ приготовила.

Въ дѣтской толпѣ пробѣжалъ радостный ропотъ, но верзла въ локонахъ снова остановилъ ихъ грознымъ: «цыцъ»... и потомъ прибавилъ:

— Сейчасъ самъ р. Йейвевъ придетъ...

Въ эту минуту сквозь толпу ребятишекъ протиснулся самъ р. Йейвевъ. На немъ былъ субботній балахонъ изъ поряжѣлаго ластика и круглая плисовая шапка, опушенная какинь-то

страннаго цвѣта мѣкомъ. Въ рукахъ онъ держалъ палку и ку-мачевый платокъ. Видъ у него былъ торжественный. Осанка, не смотря на его сгорбленную тощую фигуру, важная.

— Добрый вечеръ, бабушка Бина... А, и вы тутъ бабушка Инда... Какъ видите, самъ пришелъ съ своими питомцами... Нельзя, такой торжественный случай... Скажите: добрый вечеръ,—дѣти...

— Добрый вечеръ... еще разъ гаркнули дѣтскіе голоса.

— Ну, такъ... какъ же было мнѣ самому не придти... послѣ завтра обрѣзаніе... Обрѣзаніе въ Судный День!! Смѣло могу сказать, что новорожденный будетъ великимъ ученымъ, украшеніемъ Израиля... А такъ какъ, въ концѣ концовъ, ему не миновать рогаго ребѣ Іейкева, то посудите сами...

За занавѣской снова раздался плачь младенца.

— А, понимаетъ, мальчуга, о комъ рѣчь идетъ... ну, дѣти, начинайте: «Слушай Израиль»...

«Слушай Израиль, я твой Богъ, единый, вездѣсущій...»— дружно и съ увлеченіемъ подхватили дѣти, и звонкіе голоса ихъ наполнили комнату. Ребѣ Іейкевъ самъ тоже читалъ. Когда онъ дошелъ до слова «единъ», онъ въ какомъ-то экстазѣ закрылъ глаза, поднялъ правую руку и судорожно сжалъ кулаки, словно угрожалъ кому-то. Въ эту минуту ребѣ Іейкевъ былъ богѣе, чѣмъ комиченъ. Но не такъ смотрѣли на это Бина и Инда. Наэлектризованныя экстазомъ Іейкева, онѣ тоже зажмурили глаза и судорожно сжали свои высохшіе, почти дѣтскіе кулачки, тихо шепча «единъ»... И молодая мать съ тихимъ умиле-ніемъ шептала слова молитвы и не сводила глазъ съ малютки, появленіе котораго на свѣтъ съ такимъ восторгомъ было встрѣчено всѣми обывателями Межаполя.—Что-то ждетъ его?.. Дѣйствительно-ли онъ будетъ славой во Израилѣ?..

Когда молитва кончилась, мальчики окружили бабушку Бину, которая съ трудомъ добралась до завѣтнаго сундука. Оттуда она вытащила большой мѣшокъ съ наръваннымъ на ломти пряникомъ, орѣхами и варенымъ горохомъ. Поднявъ его надъ головами ребятиншекъ, она нѣсколько мгновеній съ любовью и восторгомъ смотрѣла на эту маленькую неструю толпу. Потомъ она кѣлыми пригоршнями стала раздавать дѣтямъ сласти.

— Еще, еще, бабушка Бина,—кричали мальчики, непрерывъ протягивая свои руки.

— На, на... не скажите, что бабушка Бина жалѣть. Наслаждайтесь на здоровье. Молитву хорошо прочли. Ребѣ Іейкевъ васъ хорошо учить.

Когда мальчики уже по два, а иные и по три раза получили лакомства, р. Іейкевъ строго скомандовалъ:

— Ну, теперь по домамъ... Хаимъ,—обратился онъ къ длинному верзилѣ,—смотри, не обижай дѣтей и не отнимай у нихъ лакомствъ...

Хаимъ, который въ свою очередь получилъ отъ бабушки Бины большой кусокъ пряника и два мѣдныхъ цытака, молча повернулъ спину и направился къ двери. По дорогѣ онъ успѣлъ одного мальчика ущипнуть, а другого выдрать за уши. Но на этотъ разъ дѣти не протестовали, думая больше о неприкосновенности лакомствъ, чѣмъ ушей.

— А теперь и вамъ, ребѣ Іейкевъ, за труды,—сказала Бина, торжественно подавая ему маленькую рюмочку вина и большой кусокъ пряника. — А вотъ этотъ узелочекъ возьмите для жены и дѣтей.

— За это большое вамъ спасибо, Бина. У васъ добрее сердце, и въ загробной жизни васъ ждетъ блаженство.

— По мѣрѣ силъ своихъ стараюсь, р. Іейкевъ...

Бабушка Инда все это время молча стояла, подперши двумя пальцами свой морщинистый подбородокъ.

Она очевидно находилась еще подъ вліяніемъ только что испытанныхъ впечатлѣній. Сколько разъ въ теченіе ея долгой жизни ей приходилось присутствовать при подобныхъ обрядахъ, слышать торжественныя слова молитвы, любоваться кудрявыми головками беззаботныхъ мальчиковъ. Все повторяется, ничего нѣтъ новаго подъ луной!.. При послѣднихъ словахъ Бины она глубоко вздохнула.

— Да, Бина, самъ Господь заботится о васъ, вотъ у васъ и *кадмаз*¹ будетъ .. не то, что я горемычная.

— Ну, бабушка Инда, кому-кому, а вамъ жаловаться

¹ Рождественскъ, читающій заукойную молитву.

нелзя, — авторитетно произнесъ ребъ Іейкевъ;— за ваши добрыя дѣла и благочестивую жизнь вы давно заслужили себѣ кресло въ рай. А что касается «кадиша», то хотя у васъ и нѣтъ мужского потомства, но кто же изъ жителей Межеполя не сочтетъ за счастье читать послѣ вашей смерти и «кадишъ» и «Мишпансъ»... Ну, а теперь спокойной ночи... что-то вашъ Дувидъ слишкомъ засидѣлся у раввина... Нужно и мнѣ пойти туда.

Онъ медленно направился къ двери и, поцѣловавъ прибывшій къ косяку пергаментный свертокъ съ заповѣдями, хотѣлъ уже выйти, какъ кто-то загородилъ ему дорогу.

— Фу, какъ вы меня испугали... Вы-ли это ребъ Гиршель? откуда Богъ принесъ?—отступивъ нѣсколько назадъ, воскликнулъ р. Іейкевъ.

— Я, самый, какъ видите—грубымъ басомъ проговорилъ Гиршель, машинально прикасаясь рукой къ пергаментному свертку.—А откуда я пріѣхалъ... Но прежде нужно позалать добраго вечера бабушкѣ Бинѣ. И вы тутъ, Иида? Значить, все благополучно... Гдѣ же самъ Дувидъ?

Гиршель былъ мужчина лѣтъ подъ пятьдесятъ, крѣпкій, коренастый, съ крупными типичными чертами и сильной просѣдью въ бородѣ. Одѣтъ онъ былъ, какъ и всѣ обыватели Межеполя, хотя въ его костюмѣ замѣтны были нѣкоторыя, правда, незначительныя отступленія отъ рутинны. Такъ, его верхнее платье изъ чернаго тика не достигало пятокъ, какъ этого требовалъ обычай, и имѣло покрой скорѣе казакина, чѣмъ балахона; вмѣсто башмаковъ у него были смазные сапоги, а на головѣ — суконный картузь. Его сѣдые локоны тоже не болтались ниже ушей, а сливались съ бородой. Разговоромъ своимъ и манерами Гиршель производилъ впечатлѣніе бывалаго человѣка. Когда Бина сказала ему, гдѣ Дувидъ, онъ воскликнулъ:

— Я такъ и зналъ. Когда жена сообщила мнѣ, что ваша Хая родила мальчика, и что обрѣзаніе будетъ въ Судный День, я сказалъ себѣ:—Ага, Ханъ-Аронъ навѣрно захочетъ получить сандекъ, чтобы легче попасть въ рай... Ну, такъ и есть. Не умный-ли я человѣкъ послѣ этого, р. Іейкевъ?

Р. Іейкевъ мотнулъ головой, а бабушка Бина спросила:

— Откуда же вы приехали?

— Скажу, скажу, не торопите только. Я это знаю по своим лошадям: когда их понукают кнутом, они фыркают... А все же так я скажу, что если у Дувиды есть ум в голове, то он не должен допустить, чтобы Хань-Арону досталась такая честь...

— Ну, уж вы всегда так! — протестовала бабушка Бина.

— Нет, Бина, вы этого не говорите, спросите хоть Инду, и она вам то же самое скажет...

— Я уже свое сказала, — отозвалась бабушка Инда.

— Мое дело сторона, — замечил р. Лейков, как будто и к нему обращались за советом.

— Еще бы не сторона... Вы что... с ребятами нянчитесь. А попробовали бы сдержать такую тройку, как моя!..

— Избави меня Бог от такой профессии, как ваша, — обидчиво проговорил р. Лейков.

Гришель лукаво усмехнулся.

— Вы думаете, что мои лошади хуже ваших псекунов... И тех и других Всевышний создал...

— Что с вами толковать; известно, что вы экикурец.

— И вы бы, ребя Лейков, сдѣлались экикурейцемъ, если бы хоть на одинъ день выѣхали изъ Межеполя. Вотъ, вы говорите, что я экикурецъ, а вы бы посмотрѣли, какіе люди живутъ въ Житомирѣ, въ Нѣжинѣ, въ Києвѣ. Спросите моихъ лошадей, и тѣ вамъ скажутъ, что такое Житомиръ!.. А вы, вотъ, не знаете... А про Одессу слышали развѣ когда-нибудь?

— Вы развѣ и въ Одессѣ бывали? — въ одинъ голосъ спросили Инда и Бина.

— Вѣдь да не доѣхалъ — съ легкимъ вздохомъ проговорилъ Гришель. — Лѣвая пристяжка заболѣла. Жаль стало животнаго и повернулъ во свояси. Но, Богъ дастъ, буду живъ, непременно поѣду... Пассажиры уже на примѣтъ. Вѣдь моя тройка и въ Вердичевѣ известна...

— Оттуда уже, навѣрное, безбожникомъ вернетесь, — охидно замечилъ р. Лейковъ.

— Тогда вамъ придется уступить мѣ въ ваше мѣсто.

— Развѣ я безбожникъ? — серьезно обидѣлся р. Лейковъ.

— Развѣ въ Одессѣ не живутъ благочестивые сыны Израиля?

— Но говорятъ, что тамъ евреи носятъ короткополые сюртуки,—замѣтила бабушка Бина.

— И даже бороды брѣютъ,—ехидно вставилъ р. Іейковъ.

— А я слыжала, что тамъ женщины въ микву не ходятъ,—замѣтила Инда.

— Говорятъ,—лаконически проговорилъ Гиршель.

— А вы сами видали?—приставала бабушка Бина.

— Я видалъ очень хорошихъ людей,—уклончиво отвѣчалъ Гиршель. — Не далѣе, какъ три дня тому назадъ, когда моя лѣвая пристяжка заболѣла... Но вотъ и самъ ховяинъ. Миръ тебѣ, Дувидъ...

— И вамъ миръ, р. Гиршель.

Въ комнату вошелъ молодой красивый еврей въ праздничномъ суконномъ сюртукѣ до щиколотокъ и вычищенныхъ ваксой сапогахъ. На головѣ у него былъ плюсовый картузь, а шея была повязана большимъ шелковымъ шарфомъ чернаго цвѣта. Небольшая черная бородка была тщательно причесана, а длинные локоны завиты, отчего казались совсѣмъ короткими. Вообще, вся наружность молодого еврея, какъ и праздничное одѣяніе его, претендовали на нѣкоторую щеголеватость. Это и былъ самъ ховяинъ дома и отецъ новорожденного.

— Миръ вамъ, — повторилъ онъ еще разъ, пожимая руки Гиршелю и Іейкову.—Откуда Богъ принесть?..

— Ну, ты тамъ еще не былъ, откуда я пріѣхалъ, — добродушно сказалъ Гиршель. — А ты лучше расскажи намъ, кому ты передалъ...

— Ахъ и не спрашивайте,—въ сердцахъ перебилъ его Дувидъ.—Столько неприятностей!

При послѣднихъ словахъ, бабушка Бина приблизилась къ Дувиду, а Инда высунула изъ за занавѣски свое маленькое морщинистое лицо, на которомъ было написано живое и нетерпѣливое любопытство. Не осталась безъ участія и молодая мать, у которой при словахъ мужа сердце тревожно забилось.

— На чемъ же вы порѣшили? — въ нетерпѣніи спросилъ Гиршель.

— Ни на чемъ... Хаимъ-Аронъ не хочетъ уступать. Онъ

объявилъ, что жертвуетъ на бѣдныхъ двадцать нудовъ муки и пять рублей денегъ.

— Въ самомъ дѣлѣ!.. воскликнули одновременно бабушка Бина и р. Гейкевъ.

— Но ты, конечно, не поддайся на эту удочку...

— Что, я... Раби Нухимъ и всѣ присутствующіе протестовали. Съ тѣхъ поръ, какъ мѣръ созданъ, еще случая не было, чтобы эта честь досталась не раввину.

Дувидъ говорилъ взволнованнымъ голосомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нетрудно было замѣтить, что вся эта исторія доставляетъ ему внутреннее наслажденіе и счастье.

— Гмъ... двадцать нудовъ муки и пять рублей,—процѣдилъ сквоеъ зубы Гиршель.—Сейчасъ Хаимъ-Арона узнать можно... Уже слишкомъ за дешовую цѣну хочетъ онъ приобрести будущее блаженство...

— Что вы, что вы, р. Гиршель... — вступилась бабушка Бина.—Это царское пожертвованіе. Кто, кромѣ Хаимъ-Арона, въ состояніи удѣлить столько для бѣдныхъ...

— Вотъ я не Хаимъ-Аронъ, а готовъ пожертвовать столько же для бѣдныхъ за такую честь!..

Это заявленіе стараго Гиршеля всѣхъ поразило своей неожиданностью. Бина въ недоумѣніи подняла на него свои недоброжелательные глаза, р. Гейкевъ отъ удивленія даже ротъ разинулъ, а Инда испуганно повернула свое лицо къ роженницѣ, какъ бы спрашивая: слышала ли она? Самъ Дувидъ съ недобрымъ взглядомъ на Гиршеля.

— Видно, вы много заработали своей послѣдней побѣдой, что хотите тягаться съ Хаимъ-Арономъ,—не безъ ироніи наконецъ проговорила бабушка Бина.

— Много или мало, до этого никому дѣла нѣтъ,—грубо оборвалъ ее Гиршель; — да, впрочемъ, что объ этомъ толковать; послѣ завтра посмотримъ, чья возьметъ.

— А вотъ что, Дувидъ,—обратился онъ къ хозяину;—пока что, ты и меня не забудь... Хотя я и не ученый и талмуду не обучался, но въ моей груди все же бьется сердце... Хоть одну минуту дай поддержать мнѣ на рукахъ младенца... Чортъ возьми,

не умѣю говорить... но мои лошади меня отлично понимают... надѣюсь, ты не глуше моихъ лошадей...

При этомъ Гиршель поднялся и, принявъ торжественную позу, сталъ противъ Дувидъ. Дувидъ растерянно глядѣлъ на него, не зная, что сказать. Понять-то онъ его понималъ, но удовлетворить его желаніе было болѣе, чѣмъ мудро. Положимъ, Гиршель хочетъ немногаго, и онъ, Дувидъ, вполне сочувствуетъ ему; но что скажутъ остальные, захотятъ ли почтенныя хозяева Межеполя, между которыми столько родовитыхъ и ученыхъ мужей, стоять рядомъ съ Гиршелемъ-фурманомъ... Видъ Гиршель, что ни говори, всетаки не болѣе какъ фурманъ и никогда талмуду не обучался. Всѣ эти соображенія съ быстротою молніи пробѣжали въ головѣ Дувидъ, и онъ невольно перергнулся съ р. Іейковомъ, какъ бы ища у него совѣта и опоры. Р. Іейковъ ехидно улыбался, бросая предательскіе взгляды то на Вину, то на Гиршеля.

— Ну, что же, Дувидъ, обещаешь? — прервалъ наконецъ молчаніе Гиршель.

— Конечно, обещаю, — собравшись съ духомъ и не глядя ни на кого, проговорилъ Дувидъ. — Какъ же можно отказать.

— То-то... сейчасъ видно, что умный человѣкъ, хотя ты некогда съ лошадьми не знался. Ну, теперь я сповоенъ и найду пѣтуха повертѣть. А насчетъ Хаймъ-Арона, ты, того, не поддавайся, — и довольный и счастливый Гиршель вышелъ изъ комнаты.

Какъ только дверь закрылась за ушедшимъ, бабушка Бина, едва сдерживавшая свой гнѣвъ, набросилась на Дувидъ.

— Вотъ ужъ не ожидала такой чести! Гиршель-фурманъ будетъ стоять рядомъ съ раби Нухимомъ, Хаймъ-Арономъ и другими важными лицами и будетъ держать на рукахъ моего внука... До чего я дожила... Ну, скажите вы, р. Іейковъ...

— Что до меня... — началъ р. Іейковъ, но Дувидъ перебилъ его.

— Р. Гиршель по моему ничуть не хуже другихъ; къ тому же онъ нашъ сосѣдъ и давнишній другъ нашей семьи.

— Но онъ все же не больше какъ фурманъ, только и знаетъ, что своихъ лошадей; талмуда и въ глаза не видалъ. Что-же ты, Дувидъ, хочешь, чтобы всѣ смѣялись надъ нами. Нако-

нецъ, нужно было хотъ жену спросить, если не меня, — горячилась Бина.

При имени жены у Дувида сердце радостно забилося; за хлопотами и суетой онъ совсѣмъ забылъ про жену и про то маленькое существо, которое было невольной причиной столькихъ неприятностей и недоразумѣній. Онъ быстро подошелъ къ заставкѣ и заглянулъ туда. Тамъ бабушка Инда возилась съ чѣмъ-то, жалобно пищавшимъ. Дувиду жаль стало этого существа. Онъ вдругъ почувствовалъ къ нему такой приливъ нѣжности и любви, какого онъ до сихъ поръ никогда не испытывалъ. Это маленькое существо—его собственное, плоть отъ плоти его. А Хая? Онъ поднялъ на нее глаза и встрѣтилъ ее мягкій любящій взглядъ.

— Уйди, уйди,—сказала она нѣжно.—Нельзя смотрѣть, когда ребенка купаютъ.

Дувидъ молча вышелъ и въ задумчивости подселъ къ столу. Новые ощущенія волновали его душу. Они смущали и радовали его. Въ общемъ онъ былъ счастливъ.

II.

Бабушка Инда и бабушка Бина чуть не поссорились между собой изъ-за того, кому изъ нихъ нести малютку въ синагогу. Ни одна изъ нихъ не хотѣла уступить другой этой чести.

Бина стояла на своемъ правѣ, какъ бабушка, приводя при этомъ и тотъ резонъ, что она здоровѣе бабушки Инды, и ей ни почемъ будетъ донести крошку на рукахъ. Бабушка же Инда основывала свое право на обычай. Когда, 20 лѣтъ тому назадъ, у Хаймъ-Арона родился сынъ, и его нужно было нести въ синагогу, то никто и не думалъ устранять ее, Инду, отъ ея прямой обязанности. Въ споръ, однако, вмѣшалось нѣсколько старыхъ женщинъ. Онѣ, какъ дважды два, доказали, что ни бабушка Бина, а тѣмъ болѣе бабушка Инда, не въ состоянн будутъ донести малютку до синагоги, до которой было очень далеко, и что эту обязанность должна взять на себя длинноногая Яхна. Послѣдняя славилась своей физической силой. Такимъ образомъ, Яхна, никогда не цѣнившая своихъ

физическихъ преимуществъ, теперь сразу выросла въ собственныхъ глазахъ. Имѣя бабушку Бину съ одной стороны, Инду съ другой и съ десятокъ почтенныхъ старухъ впереди и позади себя, она торжественно выступила въ путь, не сводя глазъ со спящаго малютки, котораго она едва чувствовала въ своихъ крѣпкихъ мускулистыхъ рукахъ.

Хотя было еще очень рано, но со всѣхъ сторонъ въ синагогу сбѣжали западные мужчины и женщины въ праздничныхъ костюмахъ. Преимущественно встрѣчались женщины, такъ какъ большинство мужчинъ, еще наванувъ послѣ вечерней трапезы забравшись въ синагогу, оставались тамъ уже всю ночь и вовсе не уходили домой. По мѣрѣ приближенія къ синагогѣ corteжъ увеличивался подростками. Взрослые мужчины считали для себя неприличнымъ вмѣшаться въ толпу женщинъ. Всю дорогу бабушка Инда и бабушка Бина торжественно молчали, тогда какъ кругомъ нихъ всё жужжало, какъ ичелы. Но когда corteжъ дошелъ до дверей, ведущихъ въ женскую половину синагоги, Инда вдругъ нагнулась къ Яхвѣ, быстро выхватила изъ ея рукъ малютку и, съ несвойственной ей возрасту быстротой, стала подыматься по лѣстницѣ. Бабушка Бина успѣла только ротъ раскрыть отъ удивленія и замахать руками отъ злости. Но дѣло было сдѣлано, и волею-неволею пришлось съ этимъ помириться и послѣдовать за остальными.

— Ничего,—утѣшала она себя вслухъ,—Всевышній видитъ мои желанія.

Женская половина была уже биткомъ набита молящимися, и вновь пришедшимъ съ трудомъ удалось добраться до своихъ мѣстъ. Для бабушки Бины и бабушки Инды были приготовлены мѣста въ самомъ почетномъ ряду. Съ ихъ появленіемъ среди присутствующихъ воцарилась на время тишина. Но вслѣдъ затѣмъ опять поднялся невообразимый шумъ, среди котораго въ разныхъ углахъ уже слышались глухія рыданія и истерическія всхлипыванія. Женщины молились горячо. Блѣдныя лица и покраснѣвшіе отъ слезъ глаза свидѣтельствовали объ ихъ душевномъ состояніи. Однѣ провозносили слова молитвы тихимъ шопотомъ, другія читали громко съ увлеченіемъ, ударяя на каждое слово, благоговѣнно подымая

глаза къ небу и простирая руки къ востоку. Не умѣющія читать группировались вокругъ чтницы, ловили каждое, произнесенное послѣднимъ слово, тоже подымали глаза и простирали руки... Всюду слышались сдержанные вздохи, страстные выкрикиванія... Всѣ призывали невидимое Божество, стараясь приблизиться къ Нему, уместивить Его, то трогательнымъ словомъ молитвы, то экзальтированнымъ взглядомъ, то страстнымъ тѣлодвиженіемъ. Въ дунномъ, спертomъ воздухѣ чувствовалось общее напряженіе. Это была настоящая атмосфера для страстныхъ порывовъ и религіознаго экстаза, которымъ не могли не поддаваться экзальтированные и ослабленные постомъ и молитвой женщины. Бабушка Бина и бабушка Инда не умѣли читать и обыкновенно пользовались услугами какой нибудь чтницы. На этотъ разъ роль чтницы взяла на себя длинноногая Яхна, усѣвшаяся по этому случаю на почетномъ мѣстѣ противъ бабушки Вины, но ни Бина, ни Инда, не смотря на мастерское чтеніе Яхны, не повторяли за ней слова молитвы. Вначалѣ имъ мѣшалъ слабый крикъ младенца. Но когда послѣдній, уставшій и убаюканный гуломъ голосовъ, притихъ, обѣ женщины сосредоточили все свое вниманіе на томъ, что дѣлалось внизу, въ мужской половинѣ. Сквозь небольшія рѣшетчатыя отверстія, продѣланныя въ стѣнѣ, снизу донесились стройные мелодическіе голоса пѣвчихъ, прерываемые порою громкимъ и страстнымъ выкрикиваніемъ самого кантора. Мушны держали себя еще сдержанно. Шло только утреннее богослуженіе, и каждый молился про себя. Отъ времени до времени, однако, и внизу слышались громкіе вздохи и вскрипываніе. И здѣсь, какъ и наверху, въ женской половинѣ, молящихся было больше, чѣмъ мѣстѣ, и многіе ютились у входа, въ передней. На астрадѣ, устроенной въ самомъ центрѣ синагоги, еще никого не было. Нѣсколько разъ, впрочемъ, туда уже набирался ребъ Лейкавъ, осматривавъ, все ли приготовленное въ порядкѣ, и затѣмъ, хотя этого еще не требовалось, громкимъ хлопаніемъ о столъ деревянной хлопнушкой призывалъ къ тишинѣ.

Эти то хлопанія больше всего занимали теперь Инду и Вину. Бабушка Инда каждый разъ вскакивала и подбѣгала къ

рѣшетчатому отверстию, чтобы посмотрѣть внизъ, а бабушка Бина, на рукахъ которой теперь покоился младенецъ, еще ближе нагибалась къ маленькому личику его, красному и сморщенному, какъ ея собственное лицо. При этомъ сердце ея нерешительно какимъ-то тоскливымъ, но въ то же время захватывающимъ чувствомъ, а изъ глазъ струились слезы... Въ эту минуту она думала не о Богѣ, не о грозномъ и справедливомъ Судьѣ всѣхъ живущихъ на землѣ, воссѣвшемъ сегодня на Вышній Престолъ, чтобы судить народъ Израильскій; она думала о томъ маленькомъ безсильномъ существѣ, которое было ей почему то такъ дорого, такъ близко. Вотъ—вотъ придутъ и возьмутъ у нея малютку, понесутъ внизъ, обнажатъ его крохотное тѣльце, и лезвіе остраго ножа коснется его.

— Будь милосердъ, Всевышній! услышь молитву мою, какъ нѣкогда услышалъ молитву праотца Авраама, — шептали сухія, истресканные отъ жары и жажды губы бабушки Бины. — Будь милосердъ къ невинному младенцу!

Хлопаніе мало по малу замирало. Бабушка Инда опять усаживалась на свое мѣсто, а Яхна снова принималась за чтеніе. Стоны и всхлипыванія слышались со всѣхъ сторонъ. Въ немнѣе напряженномъ состояніи находился и Дувидъ. Сердце его то билось, то замирало, по мѣрѣ приближенія рековой минуты. Закутавшись въ свой новый, отороченный серебромъ *талесъ* и опустивъ голову на руки, онъ тихо и горячо молился. О чемъ, онъ самъ не зналъ. Его мысли были слутаны, голова горѣла какъ въ лихорадкѣ. Онъ весь былъ точно наэлектризованъ и изъ его груди вырывались тяжелые, болѣзненные вздохи. Порою онъ совсѣмъ переставалъ молиться, прислушиваясь то къ гнѣію кантора, то къ сдержаннымъ всхлипываніямъ сосѣда, то къ хаотическому гулу, доносившемуся изъ женской поковни. Тогда онъ вспоминалъ о бабушкѣ Индѣ, о бабушкѣ Бинѣ и о томъ крохотномъ существѣ, которое было плоть отъ плоти его.

— Что съ нимъ будутъ дѣлать? Неужели сегодня, сейчасъ.

И какъ бы пристыженный грѣховностью своихъ мыслей, онъ снова принимался за молитву и еще съ большою горяч-

ностью вчитывался въ слова, смыслъ которыхъ онъ едва въ состояніи былъ уловить. Вдругъ онъ почувствовалъ, какъ кто-то коснулся его плеча. Онъ поднялъ голову и увидѣлъ передъ собой р. Іейкава въ черной плисовой ермолкѣ и длинной бѣлой рубахѣ съ широкими рукавами. Дувидъ вадрогнулъ и взглянулъ на него сухими, воспаленными глазами.

— Ступайте на эстраду, р. Дувидъ, — торжественно сказалъ р. Іейкевъ; — тамъ ужъ всё и ждутъ васъ.

На эстрадѣ дѣйствительно ужъ находилось порядочное общество. Тутъ были всё, кто принималъ или хотѣлъ принимать участіе въ обрядѣ обрѣзанія. Впереди всѣхъ стоялъ раввинъ, раби Нухимъ, маленький толстый старичекъ въ бѣлой шелковой ермолкѣ и черномъ атласномъ балахонѣ. Длинные до подбородка локоны и маленькая козлиная борода придавали добродушному лицу раби Нухима нѣсколько смѣшное выраженіе. Рядомъ съ нимъ въ такой же ермолкѣ и такомъ же атласномъ балахонѣ межепольскій богатъ, Ханімъ-Аронъ, плотный, коренастый человекъ лѣтъ подъ 50, съ окладистой бородой съ просѣдью и чисто еврейскимъ носомъ. Умные, пронзательные глаза, гордая осанка и та самоувѣренность, съ которой держался Ханімъ-Аронъ, сразу изобличали въ немъ межепольскаго богача и воротилу. Тутъ же находился и операторъ, толстый съ краснымъ лицомъ мужчина. Около этихъ лицъ группировались остальные почетные обыватели Межеполя, то ближе, то дальше отъ раби Нухима и Ханіма-Арона, смотря потому, кто какое мѣсто занималъ въ межепольскомъ обществѣ по богатству и происхожденію. Въ самомъ углу эстрады видѣлась типичная голова Гиршеля. Костюмъ его былъ тотъ же, въ которомъ онъ два дня тому назадъ явился къ Дувиду.

На эстрадѣ было далеко не тихо. Густрой басъ Ханіма-Арона сливался съ тоненькимъ голоскомъ раби Нухима. Ихъ ежеминутно перебивалъ длинный и тощій лабааникъ р. Фромимъ, а ему въ свою очередь не давалъ говорить торговецъ рыбой и дегтемъ р. Файвель, маленький юркій человекъ, имѣвшій слабость вмѣшиваться во всё дѣла общины. Дальше уже нельзя было разобрать, кто говоритъ, и кто отвѣчаетъ, кто за что стоитъ, кто что оспариваетъ. Кругомъ эстрады лѣпились лю-

бопытные разныхъ возрастовъ. Былъ первый перерывъ, и большая часть молящихся вышла изъ синагоги на обширный дворъ, чтобы освѣжиться и отдохнуть. Въ синагогѣ было невыносимо душно и жарко. Чувствовался удушливый запахъ горящаго воску, смѣшанный съ парами аммиачныхъ солей и человеческого пота.

Синагога теперь не производила того глубокаго потрясающаго нервы впечатлѣнія, какъ за часъ тому назадъ, когда при блѣдномъ мерцаніи сотенъ восковыхъ свѣчей слышался страстный призывъ кантора къ смиренію и покаянію. Теперь всѣ были утомлены испытаннымъ напряженіемъ и вяло сидѣли на своихъ мѣстахъ или спѣшили выходить на чистый воздухъ. Только эстрада волновалась. Всѣ ждали Дувида. Наконецъ и онъ явился, блѣдный, еле передвигая ноги. За нимъ шелъ р. Іейкевъ.

— Ну, вотъ и Дувидъ,—сказалъ Хаимъ-Аронъ,—теперь, я думаю, вопросъ рѣшенъ. Такъ какъ никто больше меня не жертвуетъ, то сандекъ остается за мной.

Въ эту минуту кто то дернулъ за рукавъ Дувида.

Онъ оглянулся и увидѣлъ Гиршеля.

— Дувидъ,—сказалъ взволнованнымъ голосомъ Гиршель;—они меня не считали въ числѣ участвующихъ. Неужели ты забылъ?

— Неужели...—машинально повторилъ за нимъ Дувидъ, рѣшительно не понимая, о чемъ идетъ рѣчь.

— Такъ напомни, скажи же,—торопилъ его Гиршель.—Ты же самъ третьяго дня вечеромъ общалъ мнѣ...

Голосъ у Гиршеля дрожалъ отъ волненія и нетерпѣнія.

Одно мгновеніе Дувидъ что-то соображалъ, потомъ онъ сразу пріободрился и несмѣлымъ голосомъ сказалъ:

— Господа, еще р. Гиршеля вы забыли.

— Какого Гиршеля?—спросилъ Хаимъ-Аронъ.

— Меня,—отвѣтилъ за себя Гиршель.

— Васъ?—Вы бы, р. Гиршель, лучше за своими лошадьми присмотрѣли, чѣмъ совѣтаться куда не слѣдуетъ,—сказалъ Хаимъ-Аронъ, презрительно взглянувъ на Гиршеля.

— Сказалъ я вамъ, р. Гиршель, не соваться, — шепнуть ему на ухо р. Йейкевъ.

— Вы, раби Ханмъ-Аронъ, забываете, что сегодня день Страшнаго Суда, и что въ этотъ день за моими лошадьми обыкновенно ходить Грицько.

— Все же таки, р. Гиршель, вамъ не мѣсто здѣсь. Вы видите, что тутъ все именитые хозяева.

— А развѣ я у моихъ лошадей не именитъ? Спросите-ка у моей лѣвой пристяжки...

— Вы, р. Гиршель, никогда въ хедерѣ не учились и приличій не знаете.

— Но я знаю, чего я хочу и что получу. Спросите мою лѣвую пристяжку. Она тоже любитъ иногда колѣнца выкидывать, но я совсѣмъ не трусь, и хотя Талмуду не учился, но Всевышній меня разумомъ не обидѣлъ... Слушайте, именитые хозяева, что я вамъ скажу: сегодня день Страшнаго Суда и сегодня обрядъ обрѣзанія, и я хочу наравнѣ со всѣми исполнить хотя бы самую послѣднюю обязанность! Чортъ побери, еслибъ я такъ резонно говорилъ своимъ лошадямъ, они давно бы меня поняли.

— Гиршель правъ, Гиршель правъ!—слышалось въ заднихъ рядахъ, — надо дать Гиршелю обязанность. Раби Нухимъ, скажите вы свое слово; что жъ вы молчите?

— Что касается меня...—началъ раввинъ, но его прервалъ Ханмъ-Аронъ.

— Этому никогда не бывать,—сказалъ онъ гордо,—чтобъ я и Гиршель-фурманъ стояли рядомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно, и я не согласенъ!—фистулой крикнулъ маленькій Файвель.

— И я,—въ свою очередь сказалъ длинный Фронмъ.

— А мы желаемъ!—слышалось въ заднихъ рядахъ, на ступенькахъ эстрады и внизу въ залѣ.

— Ханмъ-Аронъ и такъ насильно захватилъ самую почетную обязанность!—крикнулъ кто-то въ толпѣ.

— Господа,—сказалъ Гиршель настолько громко, насколько это позволяли ему его голосовыя средства.—Нашъ раввинъ получить сандекъ. Пусть подохнетъ моя тройка, если это такъ не

будеть. Я покупаю сандекъ для раби Нулима. Даю 10 рублей и 40 пуд. муки для бѣдныхъ.

Заявленіе Гиршеля-фурмана до такой степени было неожиданно для всѣхъ присутствовавшихъ, что въ синагогѣ на минуту воцарилась мертвая тишина. Сотни головъ, молодыхъ и старыхъ, въ ермолкахъ, въ мѣховыхъ шапкахъ, въ картузахъ, точно застыли въ ожиданіи того, что будетъ. Солнечный свѣтъ, падавшій изъ узкихъ стрѣльчатыхъ оконъ и смѣшанный съ желтымъ пламенемъ восковыхъ свѣчей, своеобразно освѣщала всю эту неструю толпу.

Болѣе всѣхъ былъ пораженъ Хаимъ-Аронъ. Онъ сначала взглянулъ на Гиршеля, потомъ на своихъ сосѣдей, потомъ на окружающую его толпу, которая упорно молчала. Отъ этой гробовой тишины ему жутко стало. Что, если онъ въ самомъ дѣлѣ поступилъ нехорошо; если Всевышній приметъ его поступокъ за излишнее высокомеріе! Холодный потъ выступилъ у него на лбу.

— Господа...— началъ онъ, собравъ остатки своихъ силъ.

Но его никто не слушалъ. Толпа уже очнулась отъ своего оцѣпенѣнія и теперь шумѣла, какъ морской прибой. Трудно было разобраться въ этомъ хаосѣ всевозможныхъ голосовъ. Нѣсколько разъ р. Лейкель пробовалъ призывать къ порядку, но его хлопущка совсѣмъ заглушалась общимъ шумомъ. Было, однако, ясно, что большинство на сторонѣ Гиршеля, и что дѣло Хаимъ-Арона проиграно безапелляціонно. Хаимъ-Аронъ, не добившись слова, направился къ ступенькамъ эстрады, въ надеждѣ, что его позовутъ назадъ, что, наконецъ, его единомышленники, Фроимъ и Файвель, последуютъ за нимъ. Но ни Фроимъ, ни Файвель не шевелились и даже не смотрѣли на него. Въ эту минуту кто-то крикнулъ: «новорожденнаго несутъ, сторонитесь, новорожденнаго несутъ!». И, незамѣтно для самого себя, Хаимъ-Аронъ очутился вдругъ въ заднихъ рядахъ. Взоры всѣхъ были устремлены теперь на бабушку Вину и бабушку Инду, которыя, остановившись у входа, ждали, чтось у нихъ приняли плачущаго младенца. Эту обязанность исполнилъ Гиршель. Счастливый и сіяющій, онъ донесъ младенца до эстрады, гдѣ цѣлая толпа ждала своей очереди. Младенецъ, переходя изъ рукъ въ руки, очутился, наконецъ, въ рукахъ раввина.

Дувидъ, ошеломленный предшествовавшей сценой, теперь пришелъ въ себя. Крикъ младенца отрезвилъ его. Инстинктивно онъ закрылъ глаза, и когда снова открылъ ихъ, онъ увидалъ только окровавленное лезвие ножа. Все было уже кончено, и всѣ поздравляли его съ сыномъ Иосифомъ.

— Пусть онъ будетъ прекрасенъ и цѣломудренъ, какъ библейскій Иосифъ,—наставительно произнесъ раби Нухимъ.

— И отваженъ, какъ мой конюхъ Грицько,—который даже чорта не боится,—улыбаясь сказалъ Гиршель.

Перерывъ кончился. У амвона уже стоялъ канторъ, закутанный въ талесъ и окруженный пѣвчими. Залъ снова наполнился молящимися, спѣшившими занять свои мѣста. Въ это время бабушка Вина и Инда спѣшили домой съ своей дорогой ношей. Ихъ никто не сопровождалъ. Маленькій Иосифъ теперь былъ только восьмидневный младенецъ и какъ таковой онъ ужъ больше никого не интересовалъ. Общественный эгоизмъ взялъ отъ него свою дань и теперь забылъ о немъ...

III.

Праздники прошли весело въ Межеполѣ. Дни стояли чудные. Въ воздухѣ было такъ тепло, что не только день, но и часть ночи можно было проводить въ «куцахъ» и любоваться голубымъ небомъ и звѣздами. Благодаря хорошей погодѣ, крестьяне изъ окрестныхъ деревень съѣзжались со своими продуктами на базаръ, и торговля шла бойко. Дувидъ тоже много торговалъ. Въ его галантерейной лавкѣ, находившейся въ самомъ центрѣ базара, цѣлый день толпился народъ. Онъ не успѣвалъ удовлетворять всѣхъ требованій. Хая еще была въ постели, хотя чувствовала себя хорошо и могла бы отлично сидѣть въ лавкѣ. Но это было бы противно обычаю, да кромѣ того бабушка Вина боялась дурного глаза. Маленькій Иосифъ росъ не по днямъ, а по часамъ. Однимъ словомъ, Дувидъ могъ бы быть совсѣмъ доволенъ, если бы его не смущала исторія съ Хаимъ-Арономъ. Какъ и всѣ въ Межеполѣ, онъ кредитовался у Хаимъ-Арона, и теперь боялся, чтобы тотъ не отказалъ ему въ кредитъ. Въ праздникъ Симхасъ-Торы, когда весь городъ почти отправился

къ Хаимъ-Арону, который въ этотъ день отлично угощаль, и Дувидъ пошелъ къ нему, въ надеждѣ помириться съ нимъ и доказать ему, что онъ, Дувидъ, ни въ чемъ не виноватъ. Но Хаимъ-Аронъ принялъ его очень холодно, и ни въ какія объясненія съ нимъ вступать не захотѣлъ.

— Тенерь некогда, въ другой разъ. Мы вѣдь съ тобой не въ послѣдній разъ видимся.

— Не хочеть, такъ не нужно... мысленно сказалъ себѣ Дувидъ,—Богъ дастъ и безъ него обойдусь!..

Дѣйствительно, необходимости въ новомъ займѣ не предвидѣлось, а срокъ стараго долга былъ еще далеко впереди. Дувидъ думалъ теперь о томъ, какъ бы расширить свою торговлю, получить больше кредита и самому съѣздить въ Бердичевъ или даже въ Харьковъ за товарами. Хая вполне сочувствовала его планамъ, тѣмъ болѣе, что кто-то распустилъ слухъ, что въ городъ придетъ на постой цѣлый баталіонъ солдатъ. Значить, торговля пойдетъ бойко. Всѣхъ довольнѣе была бабушка Бина. Она по цѣлымъ днямъ нянчилась съ маленькимъ Иосифомъ; купала его, пеленала, смазывала масломъ, клала въ его колыбельку на ночь пергаментный свитокъ съ заповѣдями, чтобъ злые духи не смущали малютку во снѣ и пр. Она смотрѣла на маленькаго Иосифа не только какъ на своего внука, сына ея младшей дочери, но какъ на своего кадина и будущее свѣтло во Израилѣ. Въ ея воображеніи Иосифъ рисовался уже юношей, изучающимъ Талмудъ и вступающимъ въ споры съ авторитетными учеными. Слава о его учености распространяется по всему свѣту, и многія общины хотять имѣть его у себя раввиномъ:

— Да, бабушка Инда, мой Иосифъ будетъ раввиномъ. Запомните мое пророчество.

— Дай Богъ!

Бабушка Инда каждый день навѣщала роженницу и наставляла ее своими совѣтами. Опыта у нея было много. Въ теченіе всей своей долготѣтней жизни она дѣлила время между акушерскими обязанностями и заботами о бѣдныхъ и больныхъ. Акушерской практикой она стала заниматься еще въ молодости; потомъ, когда она убѣдилась, что у нея потомства не бу-

дѣть и трудиться не для кого, она все свое свободное время посвятила бѣднымъ и больнымъ. Пациентовъ, въ особенности бѣдныхъ, у нея всегда было много. Она вѣчно хлопотала, собирала, распредѣляла. Болѣе дѣятельной благотворительницы, чѣмъ бабушка Инда, въ Межеполѣ не было. Теперь она была занята болѣе, чѣмъ когда либо. Нужно было распредѣлить между бѣдными города пожертвованіе Гиршеля-фурмана. Это была трудная задача. Бабушка Инда никогда не имѣла въ рукахъ такой суммы для раздачи. Нужно было поневолѣ подыскать себѣ помощницу. Бабушка Инда подумала было о Винѣ, но та была занята своими новыми обязанностями, и Инда обратилась за помощью къ Яхнѣ. Яхна была вдова, имѣла шестнадцатилѣтнюю дочь, красавицу Зельду, и была известна своимъ достаткомъ. Она имѣла подвижную лавочку и торговала исключительно по базарнымъ днямъ. Въ остальные дни она была свободна и потому приняла съ удовольствіемъ предложеніе Инды, льстившее ея самолюбію. Цѣлыхъ двѣ недѣли Инда и Яхна трудились надъ распредѣленіемъ среди бѣдныхъ денегъ и муки, и всѣ эти двѣ недѣли все населеніе волновалось такъ, какъ будто рѣшались міровые вопросы. Такое волненіе не могло, конечно, ускользнуть отъ дѣятельнаго ока мѣстнаго начальства въ лицѣ квартальнаго Кржипинскаго. Межепольцы были увѣрены, что въ данномъ случаѣ былъ доносъ, и что доносчикомъ явился занимающій должность десятника при сборщикѣ податей, Вѣльвелѣ. Это былъ маленькій, плюгавенькій старичокъ, ехидный и злой, съ вывороченными отъ воспаления нижними вѣками, что придавало его лицу отвратительное выраженіе, пугающее не только дѣтей, но и взрослыхъ, видѣвшихъ его въ первый разъ. Благодаря этому физическому пороку, межепольцы прозвали его «покойникъ», на томъ, будто, основаніи, что злые люди, послѣ смерти, принимаютъ такой видъ, когда, въ наказаніе за свою нечестивую жизнь, они обречены шататься по міру и пугать людей. Вѣльвелѣ не пользовался симпатіей своихъ согражданъ и жилъ съ ними въ вѣчномъ антагонизмѣ.

Какъ полицейская власть, онъ имѣлъ возможность на каждомъ шагѣ пакостить межепольцамъ и доносить на нихъ, когда онъ былъ чѣмъ нибудь недоволенъ. За то межепольцы тоже

метили Вэльвелé: не приглашали его на семейныя торжества, лишали его синагогальныхъ почестей во время большихъ праздниковъ и пр. Бабушка Инда, въ особенноти, не любила Вэльвелé и никогда не принимала его въ счетъ при раздачѣ пожертвованій. То же случилось и теперь. Вотъ онъ и донесъ.

Межепольцы до того привыкли къ строгому обращенію съ ними квартальнаго Кржипинскаго и вымогательству съ его стороны, что никогда не вдавались въ критику тѣхъ обвиненій, которыя онъ на нихъ взводилъ.

— «Продается, значитъ, нужно платить», — говорили межепольцы. Но, съ другой стороны, Кржипинскій былъ человекъ закона и всё свои ридирки старался оформить и узаконить. Съ этой цѣлью онъ постоянно натравливалъ на межепольцевъ Вэльвелé и при малѣйшемъ столкновеніи являлся самолично. Узнавъ о крупномъ пожертвованіи Гиршеля, Кржипинскій сильно вознегодовалъ и, призвавъ къ себѣ Вэльвелé, велѣлъ докладывать все дѣло, какъ было. Проникшись, такъ сказать, сущностью дѣла, онъ, послѣ разказа Вэльвелé, послалъ за Гиршелемъ, Дувидомъ и бабушкой Индой. Бабушка Инда, никогда не имѣвшая дѣла съ полиціей, сильно перепугалась и наотрѣвъ отказалась слѣдовать за Вэльвелé. Но къ нему на помощь вскорѣ явился десятникъ Гаврила, гроза и страшилище межепольцевъ. Это былъ высокій, сухой старикъ съ суровыми какъ бы застывшими чертами лица, съ жесткими подстриженными усами и сѣдой, щетинистой бородой, которую онъ брилъ только по большимъ праздникамъ. Сѣдые, нависшія брови дѣлали его лицо еще болѣе грознымъ, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Такъ какъ Вэльвелé-«покойникъ» и Гаврила-десятникъ пользовались плохой репутаціей среди межепольцевъ, то одно ихъ появленіе было равносильно самому строгому наказанію. Не даромъ бабушка Инда, вся затряслась, когда увидѣла вошедшаго Гаврилу. Не говоря ни слова, послѣдній взялъ бабушку на плечи и вынесъ изъ комнаты, къ величайшему ужасу межепольскихъ обывателей и обывательницъ, толпой сбѣжавшихся къ домику Инды. Къ счастью, бывшіе тутъ Дувидъ и Гиршель, освободили бабушку Инду изъ объятій Гаврилы, причемъ

Дувидъ всунулъ неугомонному десятнику два мѣдныхъ пятака и сказалъ:

— Придешь ко мнѣ домой, дамъ еще чарку водки.

— А я привяжу тебя къ хвосту моей лѣвой пристяжки и пушу въ поле, — въ свою очередь пообѣщалъ Гиршель.

— Ну, знаемъ тебя, бисовъ сынъ, — окрысился на него Гаврила, — никогда чарки не поднесешь; извѣстно, «аникоресь»!

— Ахъ ты, хамово отродье! Подожди, поѣду въ Бердичевъ, привезу тебѣ крѣпкую веревку.

— Я не Гаманъ твой, чтобъ меня вѣшали. А вотъ васъ всѣхъ тронхъ высѣкутъ. Не будь я Гаврила, если не такъ. Ну, ступайте, бисовы дѣти. Вѣльвелѣ, не правда-ли, ихъ высѣкутъ?

Не смотря на то, что Гиршель и Дувидъ не особенно были напуганы призывомъ квартального и знали заранѣе, чѣмъ кончится вся эта исторія, однако, замѣчаніе Гаврилы заставило ихъ обоихъ поблѣднѣть. Квартальный Кржипинскій былъ большой самодуръ, и его выходки часто ставили въ тупикъ мирныхъ обывателей Межеполя.

— Р. Гиршель, — шепотомъ сказалъ Дувидъ, — я захватилъ съ собою полфунта чаю и кисеть табаку. Не мало-ли будетъ...

— За что же ему больше? Въ Бердичевѣ и этого не дадутъ теперь.

— Въ самомъ дѣлѣ? — наивно спросилъ Дувидъ.

— Когда я, въ послѣдній разъ, набралъ пассажировъ въ Одессу, между ними былъ одинъ молодой панъ; онъ меня и спрашиваетъ: — а что, квартальные у васъ еще берутъ взятки? — Верутъ, — говорю я. — Вотъ скоро перестанутъ брать... — Жаль только, что моя пристяжка заболѣла. Много интереснаго рассказывалъ этотъ панъ.

Квартальный Кржипинскій уже ждалъ у себя на крыльцѣ. Такъ какъ былъ еще ранній часъ, то онъ былъ въ халатѣ и туфляхъ на босую ногу. Волосы его были всклокочены, а вѣки вздуты и красны.

Во рту онъ держалъ длинную трубку, которая еле дымилась. Кржипинскій былъ еще не старый человѣкъ, хотя, бла-

годаря общему ожиренію и одутловатости, онъ казался старше своихъ лѣтъ. Въ Межепогѣ онъ начальствовалъ уже очень давно, зналъ всѣхъ обывателей по именамъ, говорилъ съ ними на жаргонѣ и по пятницамъ любилъ пробовать фаршированную рыбу. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ крайне строгъ и за малѣйшее отступленіе отъ закона, т. е. отъ его, Кржипинскаго, капризовъ, онъ немилосердно каралъ. Замѣтивъ бабушку Инду, шедшую позади Гиршеля и Дувиды, онъ самодовольно улыбнулся и, сдѣлавъ удивленную мину, спросилъ на жаргонѣ:

— Ты, бабуся, зачѣмъ ко мнѣ приехала?

Бабушка Инда, услышавъ родную рѣчь, приободрилась немного.

— Вы же, панъ, велѣли мнѣ придти.

— Я?..—удивился Кржипинскій,—никогда. Мнѣ вотъ этихъ лоботрясовъ желательно было видѣть,—при этомъ онъ указалъ головою на Гиршеля и Дувиды, стоявшихъ безъ шапокъ.—Но нечего дѣлать; разъ ты пришла, то и отвѣтъ держи!

— Ваше благородіе, — выступилъ впередъ Дувидъ, — осмѣлюсь вамъ сказать: я вчера только получилъ изъ Полтавы свѣжій турецкій табакъ и вотъ принесъ на пробу... Если понравится...

— Ага... Это хорошо; у меня весь табакъ вышелъ. Но это послѣ. Скажи лучше...

— Также свѣжій чай, самый что ни на есть китайскій. Въ Житомирѣ самъ губернаторъ его покупаетъ. Вотъ, посмотрите... — И Дувидъ, вынувъ изъ-за пазухи два свертка, подалъ ихъ Кржипинскому. — Если понравится, то пришлите въ лавку, и я вамъ отпущу...

— Непремѣнно дамъ тебѣ торговать, — сказалъ Кржипинскій, взявъ изъ рукъ Дувиды оба свертка. — Мнѣ и чай нуженъ. Ну, какъ здоровье твоей жены? Торгуешь уже?

— Вчера, въ первый разъ, пришла въ лавку, — отвѣтилъ Дувидъ, польщенный вниманіемъ Кржипинскаго.

— Ну, передай ей отъ меня поклонъ; скажи, что какъ-нибудь загляну въ лавку; а Винѣ скажи, чтобъ она фаршированной рыбы мнѣ прислала. Ужъ больно хорошо она ее при-

готовляють. И ты ступай, Инда. Этотъ болванъ Гаврила только напрасно тебя потревожилъ, бабуся...

— И мнѣ можно идти?—спросилъ молчавшій до сихъ поръ Гиршель.

— А, ребъ Гиршель, и ты тутъ?

— Развѣ вы меня не видали?..

— Побей меня Богъ...

— Это вѣроятно оттого, что я пришелъ гвѣшкомъ. Но моя лѣвая пристяжка сегодня захромала. Грицько говоритъ, что домовой къ ней ночью подбирался, но она его лягнула.

— А твой Грицько видѣлъ домового?

— Какъ же; за хвостъ его схватилъ.

— Почему же онъ его не задержалъ?

— Боялся, чтобъ ваше благородіе не разсердилось.

— Ну, вотъ этотъ самый домовой сидитъ у меня въ холодной и ждетъ тебя, Гиршель! Гаврико, оведи ребъ Гиршеля въ холодную.

— А вы туда не придете, панъ квартальный? — спросилъ Гиршель, новидимому нисколько не смущаясь.

— А мнѣ что же тамъ дѣлать?

— Вотъ видите, когда Грицько вчера схватилъ за хвостъ домового, то этотъ запустилъ ему, Грицько, свою лапу за пазуху и утащилъ у него кисеть.

— Ахъ, каналья! А въ кисетѣ что было?

— Цѣлый серебряный рубль.

— И до сихъ поръ никто у него не отобралъ кисета?

— Никто...

— Ну, такъ сходи, Гиршель, самъ и возьми у него кисеть. Только вернись поскорѣе.

Гиршель не заставилъ себя долго ждать и черезъ минуту вернулся и вручилъ Кржишинекому старый кисеть изъ бычачьяго пузыря.

— А серебряный рубль гдѣ же?—пошаривъ въ кисетѣ, спросилъ Кржишинскій?—Нужно къ дѣлу приложить.

— Не хотѣлъ дать, каналья; говорить, самъ его благородію вручу.

— Ахъ ты, старая бестія,—заливаясь добродушнымъ смѣхомъ, воскликнулъ Кржининскій.—Хитро придумалъ. Ну, да вѣдь не первый годъ я тебя знаю. Ну, ступай домой, да смотри у меня..

— Вотъ я на той недѣлѣ ѣду въ Бердичевъ,—сказалъ Гиршель,—можетъ вашему благородію что-нибудь понадобится.

— Развѣ фунтъ-другой Жукова,—принявъ серьезную мину, отвѣтилъ Кржининскій.

— Непремѣнно привезу.

— Скажу спасибо. А теперь ты свободенъ.

Дувидъ ждалъ Гиршеля у воротъ. Бабушки Инды давно уже не было. Гиршель рассказалъ ему послѣдовательно все, какъ было.

— Однако, смѣло съ вашей стороны,—замѣтилъ Дувидъ.— Вѣдь вы знаете нашего квартальнаго.

— Оттого-то я такъ и поступилъ, что знаю его; — лукаво подмигивая, сказалъ Гиршель. — Спустия минуту онъ прибавилъ: Когда тотъ панъ сказалъ мнѣ, что скоро перестанутъ брать взятки, я посмотрѣлъ на него, какъ на дурака. Какъ таки можно безъ взятокъ? Но теперь я самъ думаю, что это возможно. За что, спрашивается, ты ему далъ полфунта чаю и пачку турецкаго табаку? Эхъ, Дувидъ, вотъ я и неученый, и Талмуда не знаю, а все же у меня тутъ — и онъ ткнулъ себя пальцемъ въ лобъ—многое вертится. Не такъ бы намъ жить нужно. Поѣзжай-ка, Дувидъ, хоть въ Житомиръ; тамъ все же не такъ, какъ у насъ.

Когда они вышли на базарную площадь, масса любопытныхъ обступила ихъ. Всѣхъ интересовалъ окончившійся такъ благополучно инцидентъ, и разпросамъ конца не было. Бабушка Инда, Дувидъ, а въ особенности Гиршель, сдѣлались героями дня и весь городокъ ими интересовался. Въ особенности понравилась всѣмъ находчивость Гиршеля. Самые умные люди Межеполя, какъ, напримѣръ, длинный Фромъ и юркій Файвель, отдавали должную дань мудрости Гиршеля, а Ханъ-Шимонъ, прозванный за свою ученость и любовь къ резонерству философомъ, даже вступилъ съ нимъ въ нѣкотораго рода ученый диспутъ.

— Что бы вышло изъ васъ, р. Гиршель, если бы вы учились Талмуду,—глубокомысленно сказала онъ.

— То же, что и теперь; я бы Гиршелемъ остался,—хладнокровно отвѣтилъ Гиршель.

— Ну, не говорите. Талмудъ сочинили благочестивѣйшіе и умнѣйшіе люди, какіе только существовали на свѣтѣ.

— Не спорю,—спокойно сказалъ Гиршель.

— Есть, и кромѣ Талмуда, хорошія книги, напр., кабалистическія.

— Я, вы знаете, неучъ, ребъ Хаимъ-Шимонъ; будь у меня сынъ, непремѣнно отдалъ бы его къ вамъ въ ученіе; но моя лѣвая пристяжка...

— Ничего, и ее можно бы отдать въ ученіе...

Всѣ расхохотались, и громче всѣхъ Гиршель.

— Ну, моя лѣвая къ вамъ въ ученіе не пойдетъ; да еще вопросъ, сзумѣете-ли вы съ ней справиться.

Хаимъ-Шимонъ только теперь понялъ свою оплошность и сильно переконфузился. Однако, онъ не хотѣлъ казаться смѣшнымъ, въ особенности въ глазахъ такого неуча, какъ Гиршель.

— Въ Талмудѣ есть примѣры,—началъ онъ...

Но въ это время кто-то издали замѣтилъ идущаго на базаръ Кржипинскаго. Толпа мигомъ разсыпалась.

С. Яремевскій.

(Продолженіе будетъ).

* * *

Я изнылъ отъ тоски, я усталъ отъ тревогъ
И въ борьбѣ непосильной ослабъ;
Я страдалъ, сколько жилъ, я терпѣлъ, сколько могъ,
И упалъ, какъ истерзанный рабъ.

Но въ груди у себя—среди невзгодъ и оковъ—
Я источникъ любви берегалъ
И отъ лживыхъ друзей и неживыхъ враговъ
Я его, какъ святыню, скрывалъ.

О, мой другъ! эту жизнь поскарѣй обнови,
Пожалѣй о свободномъ рабѣ,—
И широкую дверь въ эту пристань любви
Я безстрашно открою тебѣ.

М. Дубинскій.

РУССКІЕ ЕВРЕИ ВЪ АМЕРИКѢ¹.

ЭМИГРАЦИОННЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ АМЕРИКѢ.—ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ НА АМЕРИКАНСКОЙ ПОЧВѢ.—ФОНДЪ БАРОНА ГИРША.

а. Эмиграціонный вопросъ.

I.

Черезъ годъ американцы празднуютъ 400-лѣтіе открытія ихъ континента Христофоромъ Колумбомъ и намѣреваются показать старому міру, что Новый Свѣтъ успѣлъ за это, относительно короткое, время. Народъ Сѣв. Соед. Штатовъ хочетъ удивить «гнилую Европу» грандіозностью прогресса своей страны за одно только столѣтіе—съ тѣхъ поръ, какъ свободолюбивый янки велѣлъ напыщенному Джонъ Булю обратиться во свояси и не мѣшаться въ чужія дѣла.

Только когда на выставѣ въ Чикаго міръ убѣдится въ колоссальномъ развитіи и успѣхѣ американскаго народа на всѣхъ поприщахъ общественнаго прогресса—громадное значеніе и величіе страны, о которыхъ до сихъ поръ имѣютъ только слабое понятіе, станетъ вполне яснымъ для европейцевъ.

И дѣйствительно, никакая страна земного шара, никакой народъ въ мірѣ не могутъ гордиться своимъ прогрессомъ болѣе, чѣмъ Соединенные Штаты, 100 лѣтъ тому назадъ представлявшіе собою всего 13 мизерныхъ колоній, разсѣянныхъ по необозримымъ преріямъ и раздѣленныхъ одна отъ другой дремучими гѣсами, непроходимыми горами и тысячемильными равнинами, а нынѣ превратившіеся въ полсотни многомилліонныхъ штатовъ, стоящихъ на высшей ступени цивилизаціи и съ сожалѣніемъ смотрящихъ на дряхлую, вѣчно дрожащую предъ вѣшними или внутренними врагами Европу.

¹ См. „Восходъ“, кн. III, за сей годъ.

Велика страна, соединенная подъ свободно развѣвающимся звѣздо-полосномъ знамени: отъ вѣчно бурныхъ водъ Атлантического до тихо-журчащихъ водъ Великаго океана, отъ полярныхъ льдинъ Беринга и холодныхъ береговъ Нью-Фаундленда до узкаго Панамскаго перешейка и теплаго Мексиканскаго залива — распростерлась одна великая страна, народъ которой можетъ гордиться не только громадностью своихъ территорій, въ которыхъ солнце никогда не заходитъ, но и сознаниемъ, что онъ за одно столѣтіе достигъ высшей степени экономического, политическаго и социальнаго развитія, чѣмъ двадцативѣковая Европа.

Гдѣ безконечный патріархальный лѣсъ покрывалъ недавно все пространство — нынѣ миллионы людей добываютъ уголь и зерно для полъ-міра; гдѣ только вѣкъ-другой тому назадъ дикій индѣецъ охотился за буффало и газелью — нынѣ какъ изъ земли выросли гиганты, миллионные города; гдѣ цивилизованная нога никогда не ступила — теперь развѣваются флаги всѣхъ странъ земного шара; гдѣ одиноко бродили племена краснокожихъ — процвѣтаетъ богатѣйшая нація цивилизованнаго міра.

Необозрими поля этой страны; неисчислимы ея природныя богатства; велико ея политическое могущество; изумителенъ ея индустриальный успѣхъ; замѣчательно ея экономическое развитіе; грандіозна ея цивилизація, — но невольно задаешься вопросомъ: какъ этотъ колоссъ-народъ выросъ такъ скоро до такой высоты, какъ има того чародѣя, кто съ волшебною быстротою превратилъ пустыню въ величайшую страну міра?

II.

Имя этого волшебника — *эмирамъ*...

Когда Колумбъ изумилъ міръ своимъ открытіемъ, объявивъ, что тамъ, за синими водами безбрежнаго океана, лежитъ новый дѣвственный континентъ — феодальная Европа уже находилась въ борьбѣ за существованіе съ возрастающею силою новой, буржуазной системы. Открытіе Америки, открывъ обширное поле завоевательнымъ наклонностямъ феодальныхъ государствъ — въ то же время указало грандіозный рынокъ увеличивающейся производительной силѣ буржуазіи.

Все, что было отчаяннаго, сильнаго, смѣлаго, отважнаго и храбраго въ Старомъ мірѣ, бросилось въ Новый за добычею, за успѣхомъ, за рынками, за золотомъ, за приключеніями. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ американскій континентъ былъ притягательною силою для всѣхъ энергическихъ и закаленныхъ натуръ, убѣжищемъ суровыхъ фанатиковъ-пуританъ, непреклонныхъ гугенотовъ, предпримчивыхъ іудеевъ и всѣхъ группъ и народовъ, гонимыхъ, страдавшихъ и бѣжавшихъ отъ тюремъ, мученій и востровъ невизантичной Европы.

Понятна сила и энергія этихъ исключительныхъ натуръ, неудивительна ихъ побѣда надъ простодушными племенами краснокожихъ, нечего изумляться быстрому завоеванію всего континента людьми, которымъ нечего терять и которые въ то же время могли приобрѣсти цѣлый міръ.

Но не только въ первое время послѣ открытія, но и послѣ, а частью и теперь оставляющіе Европу, чтобы начать новую жизнь въ новой странѣ, принадлежать къ особеннымъ натурамъ, стоящимъ выше обыденнаго уровня,—энергія и сила которыхъ ищетъ поприща въ болѣе широкой странѣ, гдѣ индивидуальныя природныя способности не ограничены безчисленными искусственными, политическими и общественными преградами, гдѣ свободной силѣ есть свободное великое поприще.

Эмигрантъ сдѣлалъ Америку тѣмъ, что она въ настоящее время представляетъ, и тотъ городъ, въ которомъ будетъ праздноваться 400-лѣтіе ея открытія, есть типичный примѣръ этого. Двадцать лѣтъ тому назадъ отъ сальной свѣчи сгорѣлъ весь городъ Чикаго, илѣвшій тогда нѣсколько тысячъ деревянныхъ домиковъ съ нѣсколькими десятками тысячъ народонаселенія,—сегодня этотъ разрушенный городъ, какъ сфинксъ, возсталъ изъ своего пепла и, благодаря исключительному своему положенію въ центрѣ Соединенныхъ Штатовъ и у устья Миссиссипи и великихъ озеръ, привлекъ къ себѣ громадную эмиграціонную массу, которая сдѣлала изъ этого города съ его 1½ милл. населеніемъ одинъ изъ величайшихъ городовъ Америки.

Прогрессъ страны прямо зависитъ отъ эмиграціоннаго движенія. Отъ 1789 до 1820 г. эмиграція была очень слаба и, пропорціонально ей, слабо было и развитіе страны. Отъ 20-хъ до 60-хъ

годовъ прогрессъ Соед. Штатовъ былъ очень быстръ, и велика была и массовая эмиграція, которая гигантски выросла за послѣднія нѣсколько десятилѣтій, въ теченіе которыхъ благосостояніе страны достигло неожиданныхъ размѣровъ.

Стоитъ внимательно изучить слѣдующія статистическія данныя, извлеченныя изъ официальнаго отчета 1890 г.

Прибыло въ Сѣв. Соед. Штаты эми- Изъ 455302 прибывш. въ Соед. Штаты		въ 1890 г. было:	
грантовъ:		Въ Нью-Йоркѣ	364886
1789—1820	250000	„ Балтиморѣ	27178
1820—1860	4.893243	„ Восточѣ	29813
1860—1870	2.041459	„ Филадельфіи	22658
1870—1880	2.742137	„ другихъ штатахъ . . .	11567
1880—1890	5.704170		
За 100 лѣтъ	15.631009	Было въ С. Ш. въ 1880 г. Кроме этихъ,	
Отъ 1881 до 1890.			прибыло за
1881	669431		8 лѣтъ.
1882	788922	1881	до 1888
1883	603322	Шведовъ	еще 326000
1884	518592	Австрійцевъ	262000
1885	395346	Итальянцевъ	506000
1886	344204	Русскихъ	190000
1887	496109	Азіатцевъ	62000
1888	546889		
1889	444427		
1890	455302		

Official Census of 1890. Vol. Emigration.

Впрочемъ, значеніе эмиграціи понятно. Многочисленная масса энергическихъ и способныхъ людей обогащаетъ и представляетъ хорошій матеріалъ для великой страны: ихъ энергія, ихъ рабочая сила, ихъ матеріальныя средства, ихъ искусство въ ремеслахъ, ихъ потребительная сила—все это увеличиваетъ народонаселеніе, богатство, производительность и значеніе страны, ея развитіе и прогрессъ. Что это такъ, могутъ засвидѣтельствовать великіе города: Нью-Йоркъ, Чикаго, Бруклинъ, Ст.-Луи, Денверъ и сотни другихъ гигантовъ-городовъ, выросшихъ съ невѣроятной быстротою за послѣднія 20—30 лѣтъ и, особенно, за послѣднее десятилѣтіе, во время котораго эмиграція такъ сильно развилась.

Да американцы это и признаютъ, по крайней мѣрѣ, признавали. Недаромъ они давали всевозможныя привилегіи новопривывающимъ

не даромъ они послали агентовъ въ Европу, чтобы усиливать эмиграцію; не даромъ города и мѣстности, особенно западныхъ штатовъ, тратили милліоны на рекламы, государство давало эмигрантамъ даровую землю, желѣзныя дороги—устройство: они то сдѣлали страну могущественною.

III.

No tempora mutantur...

Быстрое теченіе, поливающее и орождающее поля и равнины страны, можетъ ее также наводнить и уничтожить, если быстротѣ теченія не положанъ предѣлъ въ должное время. Что служить матеріаломъ и импульсомъ прогресса въ одинъ періодъ народнаго развитія можетъ сдѣлаться причиною его регресса при другихъ условіяхъ, въ другое время. Эмиграція, бывшая источникомъ американскаго благосостоянія, грозитъ сдѣлаться разрушителемъ ею же произведеннаго богатства и значенія страны. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ народъ, рабочій классъ, который въ недалекой перспективѣ видитъ для себя судьбу общеевропейскаго пролетаріата, если переселеніе это не будетъ имѣть предѣлъ. Конечно, американской плутократіи еще и теперь массовая эмиграція по душѣ. Она увеличиваетъ ея доходи, наполняетъ ея карманы, унижаетъ заработную плату, возвышаетъ цѣну ея земель, домовъ, квартиръ и служитъ удобнымъ орудіемъ для борьбы съ зазнавшимся американскимъ рабочимъ, который еще имѣетъ наглость думать, что безъ хорошей квартиры, порядочной одежды и мяса и пива 3 раза въ день онъ не можетъ обойтись. Не то европейскій эмигрантъ. Ему лишь бы чернѣйшій хлѣбъ и землянка—онъ и за это готовъ работать 12—14 часовъ. Но онять такіе *tempora mutantur...*

Хотя буржуазія еще только недавно сдѣлалась побѣдительницей міра, предъ которой все преклоняется, уже вездѣ, и особенно въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, выросла и окрепла новая сила; это—народъ, рабочая масса, кости и мускулы націй, которымъ надоѣло вытаскивать кантаны изъ огня и за это быть вознагражденнымъ только скорлупой и шишками, — рабочее движеніе пустило корни и сдѣлалось силою, съ которою даже могуществу нашего американскаго капитала должно сдаться.

И весь этотъ народъ, еще самъ хорошо непонимающій своей силы и причинъ своего порабощенія, начинаетъ смотрѣть на массовую эмиграцію недружелюбно, считая новопривывающихъ въ Европу чужихъ причиною пониженія заработной платы, вздорожанія предметовъ необходимости и, вообще, ухудшенія положенія американскаго рабочаго класса и, поэтому, требуетъ ограниченія черезчуръ усилившейся европейской эмиграціи.

И дѣйствительно, нельзя не признать рациональности его требованій,—если даже можно сомнѣваться въ его справедливости и гуманности. Фактъ тотъ, что:

- 1) эмиграція слишкомъ быстра, громадна, она массовая,
- 2) ея характеръ перемѣнился,
- 3) она сосредоточивается въ большихъ городахъ.

Мы видѣли, что за послѣднее десятилѣтіе въ Соединеніе Штатовъ прибыло болѣе 5-ти милліоновъ эмигрантовъ, или больше, чѣмъ въ предшущія два десятилѣтія, и больше, чѣмъ въ 70 лѣтъ, отъ 1789 до 1860 года. Такой небывалый приливъ эмигрантовъ не можетъ не сдѣлаться обременительнымъ даже для богатѣйшей страны, *тѣмъ болѣе*, а это главное, что классъ новѣйшихъ эмигрантовъ не таковъ, какъ былъ прежде.

Если эмиграція прежде рекрутировалась изъ энергическаго и способнаго класса европейскихъ народовъ, то теперь это не то, и очень часто Европа шлетъ Америкѣ подонки своего общества. Когда эмиграція была еще мало развита, уже самъ фактъ рѣшенія и готовности предпринять такой путь, въ такую дальнюю, невѣдомую страну, показывалъ, что эмигрировавшій обладаетъ особой энергіей, силой, способностями и средствами: больше, слабѣе, нерѣшительнѣе, не имѣющіе средствъ и не знающіе ремесла такого шага не дѣлали. Поэтому пионеры эмиграціи были и пионерами цивилизаціи страны, которой они принесли свою силу, отважность, искусство и средства. Не то теперь. Америка уже не за тридевять земель, куда семь лѣтъ скачи — не доскачешь. Путь, который прежде эмигранты должны были дѣлать на парусныхъ корабляхъ, въ 70—100 сутокъ, или, на первыхъ пароходахъ, въ 20—30 дней, теперь можно сдѣлать въ 10 даже въ 7 дней. Америка уже не страна чудесъ, куда ѣдутъ только сорви-голови, искатели приключеній и бѣглые преступники; теперь

это обмывенная страна; почти каждый европеецъ имѣетъ тамъ, если не родственниковъ, то друзей или знакомыхъ. Теперь въ Америку уже ѣдутъ и безъ денегъ, и безъ ремесла или особннхъ знаній; теперь для этого не нужно такой энергіи и рѣшительности, — каждый имѣетъ тамъ во-о-н-и-бу-дъ, на котораго онъ надѣется, во всякомъ случаѣ онъ думаетъ, что умирать съ голоду тамъ нельзя, что очень легко въ Европѣ. Наоборотъ, люди энергическіе, съ знаніемъ ремесла, съ профессіей и деньгами, знаютъ, что миллионъ, все равно, теперь уже не такъ легко достать по той сторонѣ океана, а съ ихъ способностями и средствами имъ и въ Европѣ не дурно.

Вотъ почему въ то время, какъ прежде главный востингентъ эмигрантовъ были—нѣмцы, ирландцы, швейцарцы и т. п. народы—въ послѣднее десятилѣтіе эмигранты были главнымъ образомъ изъ Австро-Венгрии, Россіи, Италіи и Азіи. Какъ мы видѣли, изъ Австріи прибыли только за 8 лѣтъ 262,000 ч.—венгры, поляки, словаки—въ два раза больше, чѣмъ за все время до 1880 года; итальянцевъ было въ 1880 году всего въ числѣ 44,000, прибыло за 8 лѣтъ 506,000, или въ 8 разъ больше; русскіе евреи и поляковъ, которыхъ въ 1880 году было 84 т., прибыло 190,000, въ 2½ раза больше; а арабовъ, цыганъ и др. азіатцевъ, числящихся всего въ 2000 ч. въ 1880 году, прибыло за 8 лѣтъ—62,000 чел., въ 31 разъ больше.

Большая часть этихъ народовъ не ремесленники и не имѣютъ также средствъ и занимаются въ Америкѣ или торговлею, или подлержствомъ, или же наполняютъ собою ряды легкой, низкншей ремесла, какъ: портняжество, табачная индустрія, вытѣсная американцевъ и ноншяя ихъ заработную плату.

Другой эффектъ подобнаго рода эмиграціи—это сконцентрированіе ея въ большихъ городахъ, что, понятно, вытекаетъ изъ снчаго характера новнхъ эмигрантовъ. Пренне эмигранты съ энергіей, ремесломъ и деньгами не останавливались въ первыхъ городахъ, а шли дальше на западъ, который они развнли и обогатили. Теперешній же людъ — все бѣдняки, они едва имѣютъ средства добраться до перваго американскаго порта, и не имѣютъ силъ и рѣшительности ѣхать дальше, въ особенности, если они не ремесленники. Поэтому они группируются другъ около друга, живя одинъ отъ другаго, создавая еврейскій, итальянскій, арабскій,

богемскій и другіе кварталы Нью-Йорка или другихъ городовъ, гдѣ въ этихъ «гетто» скученность, обособенность, бѣдность, нищета и грязь ничѣмъ не отличаются отъ подобныхъ благословенныхъ мѣстъ европейскихъ темныхъ закоулковъ.

Въ 1880 году въ Нью-Йоркѣ было около 95 тысячъ итальянцевъ, теперь ихъ до 150,000 чел. Арабовъ было нѣсколько сотенъ, теперь ихъ цѣлая колонія въ 50 тысячъ. Такъ и относительно остальныхъ подобныхъ народовъ.

Слѣдствіемъ такого положенія вещей и явилась перемена въ отношеніи американца къ европейской эмиграціи, на которую онъ начинаетъ смотрѣть тѣми же глазами, какъ прежде на китайскую эмиграцію — и въ которой онъ хотѣлъ бы примѣнять тѣ же мѣры. Американецъ говоритъ, что эмиграція, пожалуй, здорова и хорошая пища для его страны, но что слишкомъ большая доза этой пищи, которая къ тому же, въ послѣднее время, не особенно хорошаго качества — уже чрезъ чуръ обременяетъ желудокъ Америки, и, чего добраго, можетъ сдѣлаться опасной. Поэтому въ эмиграціи нужно начать соблюдать діету, выбирать хорошее и удобное, принимать въ установленные промежутки, отвергать гнилое и вообще быть осторожными и разборчивыми.

Вотъ почему въ послѣдніе годы издавались разные ограничительные законы, а въ апрѣлѣ 1890 г. изданъ былъ очень суровый законъ, заставляющій пароходы брать обратно въ Европу по десяткамъ и сотнямъ отвергнутыхъ эмигрантовъ. Вотъ почему крайняя партія требуетъ совершенно закрытія американскихъ портовъ европейскимъ эмигрантамъ. Вотъ чѣмъ объясняются послѣднія событія въ Нью-Орлеанѣ. Вотъ какъ явился и родился въ Америкѣ новый, очень важный эмиграціонный вопросъ, который не мѣшаетъ европейцамъ принять во вниманіе и изучить.

Составною частью этого общаго эмиграціоннаго вопроса въ Америкѣ, есть въ несчастью, и еврейскій вопросъ, который мы рассмотримъ здѣсь въ его общихъ и частныхъ чертахъ.

б. Еврейскій вопросъ на американской почвѣ.

І.

Да не подумаетъ читатель, что въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америка дѣйствительно существуетъ *еврейскій* вопросъ въ томъ

смыслѣ, въ какомъ это слово понимается въ нѣкоторыхъ странахъ восточной Европы. Ни въ религіозномъ, ни въ экономическомъ, ни въ политическомъ отношеніи *еврейскаго* вопроса въ томъ смыслѣ быть не можетъ въ религіозно-секулярной, экономически-свободной, политически-равноправной странѣ. Если мы тутъ называемъ тѣ частныя проблемы, которыя вызваны усиленной эмиграціей русскихъ евреевъ въ большіе города Соединенныхъ Штатовъ, проблемы, имѣющія значеніе только для эмигрантовъ, — *еврейскимъ* вопросомъ, то это только для удобства, какъ характеристика общаго эмиграціоннаго вопроса въ его частномъ, специальномъ отношеніи къ евреямъ.

II.

Въ 1880 году въ Соединенныхъ Штатахъ было около 300 тыс. евреевъ, разбѣянныхъ по всѣмъ городамъ и весамъ страны (точное число неизвѣстно, такъ какъ въ Америкѣ людей не классифицируютъ по ихъ вѣрѣ). Въ Нью-Йоркѣ жило нѣсколько десятковъ тысячъ, только незначительная часть которыхъ обитала отдѣльно въ одномъ кварталѣ. Прошло 10 лѣтъ — и Соединенные Штаты насчитываютъ свое еврейское населеніе въ 700 тысячъ изъ которыхъ до 300 тысячъ находится въ одномъ городѣ Нью-Йоркѣ, гдѣ они скучены и обособлены въ одномъ городскомъ участкѣ, занимающемъ почти 2½ квадратныхъ улицъ и представляющаго собой видъ лѣбаго еврейскаго города пресловутой «черты». Не лишне повторить причины этого явленія и того факта, что *русские* евреи составляютъ главный контингентъ этого американскаго Бердичева: онѣ довольно извѣстны.

Сначала эмигрировали люди, или прямо бѣжавшіе отъ погромовъ или изъ боязни ихъ; затѣмъ слѣдовали привлеченные слухами о комитетской помощи; затѣмъ бѣжали тѣ, которые чувствовали себя способными устроиться въ новой странѣ; за этими — ихъ родственники, за которыми слѣдовали знакомые, а потомъ ужъ бросилась масса, которой нечѣмъ было жить на родинѣ и которая эмигрировала въ Америку просто потому, что куда-нибудь же нужно уѣхать... Первые эмигранты надѣялись на комитеты, вторые — на свои собственные силы, третьи — на вторыхъ, четвертые, просто, на «авось» или еврейскій «батохонтъ». Комитеты немного помогли первымъ; знаніе ремесла и нѣкоторыя средства

выручили вторыхъ; эти какъ-нибудь пристроили третьихъ; остальные же—безъ комитета, безъ ремесла, безъ денегъ, безъ родственниковъ живутъ... какъ?.. Посѣтите еврейскіе кварталы Филадельфіи, Бостона и Нью-Йорка, и вы сдѣлаете хоть немного судить, жизнь-ли это... Гдѣ всей этой разношерстной массѣ обитать? Естественно тамъ, гдѣ первые эмигранты поселились и вторые устроились; понятно, всѣмъ вмѣстѣ, одинъ около другаго, надъ другимъ. Результатъ—еврейскій кварталъ растетъ вширь, вверхъ, внизъ, оттѣсняя другія національности, помогая строить 10-этажныя казармы, переполняя чердаки, подвалы и улицы.

Эти жители—все бѣдный, невѣжественный, забытый, изо дня въ день перебивающійся народъ, скученный по 100 и 200 *семействъ* въ одномъ домѣ или Penitentiaries (тюрьма), какъ ихъ называютъ американцы.

Можно-ли ожидать чистоты, санитарности, здороваго воздуха и т. п. въ этихъ улицахъ, узкихъ, съ многочисленными домами, съ ихъ многочисленнымъ населеніемъ? Результатъ—еврейскій кварталъ—одна изъ нагрязнѣйшихъ, сирадныхъ и антисанитарныхъ частей города, гдѣ естественны нищета, болѣзни, эпидеміи. Чѣмъ всей этой массѣ заниматься, какъ пропитываться, съ чего жить? Ремесленники, не зная языка страны, должны работать у себя или у своихъ же евреевъ, отсюда заработная плата понижается до минимума. Сильные и здоровые идутъ на фабрики и терпятъ каторгу за мизерную плату, другіе сибѣнать сдѣлаться скоросѣльными портными, сигармазерами и т. д., переполняя эти ремесла и понижая плату до minimum'a, остальные или бездѣлствуютъ, или занимаются мелкой торговлей и, вообще, живутъ другъ отъ друга...

Резюмируемъ всѣ эти результаты и явленія массовой и притѣмъ безпорядочной, неорганизованной эмиграціи.

1) Изолированный, обособленный еврейскій кварталъ со всѣми атрибутами такового.

2) Водорожаніе кварталъ и всѣхъ предметовъ необходимости.

3) Постоянное пониженіе заработной платы во всѣхъ отрасляхъ производства и занятій.

4) Страшная бѣдность, нищета и безпомощность.

5) Совершенное изолированіе отъ остальнаго американскаго населенія; незнаніе языка и обычаевъ страны; ношеніе особенной

одежды; особенный языкъ, особенная жизнь, особенная пресса— все особое и отличное отъ общей окружающей жизни.

Такое аномальное положеніе вызываетъ, съ одной стороны, недоумѣніе и неудовольствіе американцевъ, съ другой стороны—вопросъ, какъ помочь этому, какъ уничтожить эти ненормальности и предотвратить дальнѣйшее развитіе этого европейскаго зла на американской почвѣ?

III.

Проблема, представляемая вышеприведенными обстоятельствоми, еще болѣе осложняется спеціальной еврейской чертой. Всѣ перечисленные аномальныя явленія эмигрантской жизни имѣютъ общее значеніе и также частное. Въ общемъ они не различаются отъ положенія эмигрантовъ другихъ національностей: итальянская, ботемская, польская и др. эмиграціонныя массы и кварталы большихъ городовъ представляютъ тѣ же проблемы, въ экономическомъ, санитарномъ, матеріальномъ и др. отношеніяхъ. Но еврейская эмиграціонная проблема еще осложняется той историческою еврейскою чертою, которая, даже среди мира и свободы, чувствуетъ надъ собою проклятіе Агасфера, которое, если и не причиняетъ явныхъ страданій, то вселяетъ болѣзнь таковыхъ.

Какъ ни велика толерантность американцевъ, какъ ни глубоко вкоренилась тамъ религіозная свобода—однако еще не пришло то время, о которомъ можно было бы сказать, что теперь всякая расовая рознь и религіозныя предубѣжденія окончательно навсегда исчезли. Многовѣковныя гоненія и особое историческое положеніе еврейскаго народа не прошли безслѣдно ни для евреевъ, ни для христіанъ и не могли не быть импортированы и въ Америку, вѣсть съ европейскими народами, туда переселившимися. Еврей слишкомъ много терпѣлъ, чтобы, при первомъ лучѣ солнца, совершенно забыть ужасы долгой страшной ночи, и даже среди бѣды дня онъ невольно озирается и ступаетъ осторожно, боясь возбудить уснувшую ненависть. Вотъ почему и американскій еврей, пользующійся всѣми благами политическаго равноправія и религіозной свободы, все-таки старается набѣгать всего, что бы могло возбудить противъ него и дать новую пищу угасающему пламени нетерпимости. Вотъ почему русско-еврейская эмиграція и ея послѣдствія пред-

ставляютъ особенную проблему для американскаго еврея. Онъ боится, что приливъ этой массы на долгое время затормозитъ ассимилиацію, обамериканизированіе евреевъ Соединенныхъ Штатовъ. Американскій еврей уже началъ забывать свое исключительное историческое положеніе. Онъ уже почти слился съ окружающимъ населеніемъ и чувствовалъ себя гражданиномъ, человекомъ, американцемъ. Онъ гордился высокимъ положеніемъ еврея на всѣхъ поприщахъ государственной жизни и сознаниемъ, что еврей меньше другихъ народовъ ложится бременемъ на общество, такъ какъ еврей самъ заботится о своихъ больныхъ, слабыхъ, бѣдныхъ, не допуская ихъ прибѣгать къ общественной, городской и государственной помощи. И вдругъ массовой наливъ новыхъ эмигрантовъ грозитъ переимѣнить его положеніе! Бывшій шамесъ попадаетъ въ новое мѣсто, гдѣ ему повезло, и гдѣ онъ достигаетъ богатства, блестящаго положенія и даже дворянства. Онъ уже свыкается съ своимъ новымъ положеніемъ, его окружающіе и онъ самъ совершенно забываютъ его прежнее состояніе и прошлую жизнь, и онъ вполне наслаждается настоящимъ. Вдругъ, въ одно прекрасное утро, въ виду всѣхъ, къ нему нагрянуло нѣсколько десятковъ оборванныхъ, истощенныхъ, изголодавшихся, грязныхъ гостей, которые съ радостью бросаются на его аристократическую шею и съ плачемъ объявляютъ ему, что они его родственники, братья, дяди, кузены—Янкель деръ меламедъ, Шмуэль деръ шамесъ, et tutti quanti, и вся демократія его роднаго бесгамедреша. Вообразите себѣ положеніе нашего богача и дворянина: съ одной стороны—это его дѣйствительные родственники, которые все-таки ему дороги и которымъ онъ хочетъ помочь; съ другой же стороны—какой баламахъ! Весь міръ, всѣ его аристократическіе сосѣди, онъ самъ такъ грубо знаетъ о своемъ происхожденіи, о своемъ прошломъ, о своей бѣдности. Но дѣлать нечего,—родственники въ печальномъ положеніи, имъ нужно помочь, и ихъ нужно вывести въ люди. Нашъ богачъ тратитъ громадныя суммы и старается всѣми силами устроить свою родину. Глупѣйшіе изъ его знакомыхъ, пожалуй, пожимаютъ плечами, проходя мимо одного изъ бѣдныхъ родственниковъ, но большая часть, благороднѣйшіе изъ его сосѣдей симпатизируютъ богачу и признаютъ это милосердіе и помощь его

бѣднымъ братьямъ. Но—за первой партіей родныхъ прибываетъ другая, еще болѣе нищая и оборванная, за вторую танется третья за этой—четвертая, и приливу его родныхъ не предвидится предѣла, такъ что бѣдный богачъ ужь не на шутку испугался и не знаетъ что ему дѣлать съ этими незваными гостями.

Таково именно положеніе американскаго еврея. Онъ теряетъ голову и не знаетъ, что дѣлать. Оставить эмигрантовъ косить въ ихъ вѣжествѣ и бѣдности ему бы не хотѣлось, изъ за нихъ, какъ и изъ за своего собственнаго положенія; помочь же всѣмъ—невозможно. Что же дѣлать?

Прежде чѣмъ приступить къ леченію индивидуальнаго или общественнаго организма, нужно поставить вѣрный діагнозъ болѣзни и, узнавъ причины его ненормальнаго состоянія, постараться по возможности удалить ихъ, послѣ чего можно думать о леченіи даннаго организма отъ недуговъ, произведенныхъ удаленными условіями. Безъ удаленія вѣшнихъ причинъ болѣзни, невозможно рациональное леченіе внутреннихъ недуговъ.

Причины ненормальнаго положенія еврейскихъ эмигрантовъ въ Америкѣ, какъ мы видѣли прежде, суть слѣдующія: во 1-хъ, общія условія настоящей индустріальной системы; во 2-хъ, чрезчуръ многочисленная эмиграція людей, часто совсѣмъ негодныхъ и неспособныхъ для американской жизни; въ 3-хъ, сконцентрированіе въ большихъ индустріальныхъ и торговыхъ центрахъ, и въ 4-хъ, (что, въ сущности,—слѣдствіе первыхъ причинъ) ихъ бѣдность, безпомощность и ихъ послѣдствія.

Удалить первую причину невозможно. Настоящая индустріальная система (въ Америкѣ) неминуемо должна пасть бременемъ на рабочаго, сконцентрировавъ его въ фабричныхъ городахъ, превративъ его въ раба машины и ея обладателя, понижая его заработную плату, повышая цѣны предметовъ необходимости и ухудшая постоянно его матеріальное положеніе и пр. Надѣяться какъ-нибудь освободить *еврейскаго* рабочаго отъ ига, подъ тяжестью котораго стонетъ весь американскій народъ, — было бы слишкомъ оптимистично. Вѣ общаго разрѣшенія проблемы не можетъ быть частнаго, еврейскаго. Единственно, что можно сдѣлать въ этомъ отношеніи, и что эмигранты и дѣ-

лать, — это присоединиться къ обще-американскому рабочему движению.

Но тѣмъ болѣе нужно было бы — если только возможно — удалить остальные вышеприведенныя причины.

Но возможно-ли это, и какъ?

Г. Н. Прайсъ.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ КНИГИ ПРОРОКА ИСАИ.

I.

Слушай, лазурное небо,
Смохни, земля, и внимай!
Через пророка Сіону
Такъ говоритъ Саваофъ:
Горе вамъ, грѣшныя люди,
Вы—беззаконный народъ.
Я, какъ дѣтой, васъ лелѣялъ,
Какъ сыновей, возростилъ,—
Что-жь отъ Меня вы отпали,
Что-же забыли Меня?
Знаеть осель господина,
Ясли свои узнаеть,
Знаеть и волю неразумный,
Кто промышляетъ о немъ,—
Вы-же презрѣли Егову,
Вы отреклись отъ Него.
Горѣ вамъ! Гнѣвною дланью
Васъ поразилъ Саваофъ,
Сердце пресытилъ печалью,
Язвами тѣло покрылъ.

Все оно въ пятнахъ багровыхъ
Съ темени вплоть до стопы,
Раны его не обмыты,
Нѣтъ перевязокъ на нихъ,
Нѣтъ и цѣлебнаго маля
Вдвун боль утолить...
Чѣмъ-же еще, Іудей,
Богу тебя покарать,
Чѣмъ-же въ мятежное племя
Духъ покаянья вдѣхнуть?
Ваши поля опустѣли,
Выжегъ огонь города,
Жатвы враги пожинають,
Тутъ же надъ вами глумясь,—
Мало-ли вамъ? Посмотрите,
Очи раскройте свои:
Какъ виноградникъ загложій,
Всѣми оставленъ Сіонъ,
Всѣми покинутъ, безлюденъ,—
Точно забытый шалашъ,
Точно шалашъ въ огородѣ,
Гдѣ не пололи давно,
Гдѣ, вмѣсто овощей спѣлыхъ,
Лишній репейникъ растетъ.

Константинъ Льдовъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ГАЛИЦІИ¹.

VII.

Я надѣюсь, что читатели «Восхода» въ промежутокъ времени, отдѣляющій это письмо отъ предыдущаго, не совсѣмъ упустили изъ виду галиційскія событія. Они, слѣдовательно, знаютъ, что то, что я предсказывалъ относительно выборовъ, именно относительно неблагоприятныхъ избирательныхъ маневровъ, дѣйствительно сбылось. Честолюбцы, употребившіе свои туго набитые кошельки, чтобы повліять на выборы, жестоко заплатились за эти попытки. Особенно тотъ, который выступилъ въ округѣ д-ра Блоха, оказавшаго столь незабвенныя услуги защитѣ еврейскаго дѣла. Прикативъ изъ Парижа съ намѣреніемъ не пожалѣть средствъ для того, чтобы одержать побѣду надъ Блохомъ, ретивый соперникъ послѣдняго разорился на этомъ предпріятіи, что повело за собой тяжкую нервную лихорадку, а затѣмъ и его смерть. Послужить-ли это предостереженіемъ на будущія времена? Мы бы этого сильно желали, но столь же сильно мы въ этомъ сомнѣваемся. Замѣчательно, что именно о Коломейскій округъ разбилось столько надеждъ и упованій. Исторія этихъ влополучныхъ жертвъ достаточно интересна для того, чтобы стоило подробнѣе остановиться на ней. Этотъ рядъ жертвъ выборной горячки открываетъ собой М. Ландсбергеръ, одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ львовскихъ адвокатовъ, которому практика приносила прекрасный доходъ. Быть можетъ, именно это обстоятельство возбудило въ немъ духъ честолюбія, и, туго набивъ кошелечекъ деньгами, онъ отправился въ Коломею добывать себѣ депутатскія полномочія. Старанія

---

¹ См. „Восходъ“ 1891 г. кн. II.

увѣнчались успѣхомъ, и онъ поселился въ Вѣнѣ, открывъ адвокатскую контору, прекрасно обставленную... но клиентовъ не было. Срокъ депутатскихъ полномочій истекъ, и, на этотъ разъ безъ денегъ, Ландсбергеръ явился предъ своими избирателями для получения новыхъ полномочій. Но избиратели, какъ практическіе люди, умѣли продавать, но не дарить депутатскія полномочія, которыя теперь достались другому извѣстному львовскому адвокату, богатая практика котораго позволяла купить эти полномочія. Черезъ три года съ нимъ тоже повторилась исторія д-ра Ландсбергера, и безплодныя усилія — вліяніемъ одной политической программы удержать свое депутатское мѣсто — привели только къ тому, что у несчастнаго кандидата обнаружился порокъ сердца, жертвой котораго онъ и палъ черезъ три мѣсяца. Казалось бы, что эти двѣ жертвы политическаго честолюбія должны были послужить достаточно сильнымъ предостереженіемъ на будущее время, но все было тщетно... Уже новая жертва готова была слѣдовать по пути первыхъ двухъ. На этотъ разъ это былъ раввинъ Шрейберъ. Весьма возможно, что онъ былъ выдающимся талмудистомъ, но во всемъ современномъ онъ былъ круглымъ невѣждой. Къ позору для Галиціи и онъ, цѣною большихъ денегъ, добился депутатскаго званія и, пріѣхавъ въ Вѣну, быстро сталъ любимой фігурой карикатурныхъ журналовъ: не умѣя связать правильно двухъ словъ по-нѣмецки, не понимая даже дебатовъ, онъ часто голосовалъ вмѣстѣ съ своими политическими противниками.

Послѣ этого злополучнаго тріо, выступилъ человекъ во всеоружіи знанія и краснорѣчія — д-ръ Блохъ. Завоевавъ депутатское полномочіе, онъ сумѣлъ такъ себя поставить, что всякая борьба съ нимъ стала невозможной. Однако, старая привычка почтенныхъ избирателей продавать депутатское полномочіе не исчезла; они охотно принимали всякія приношенія отъ каждаго честолюбца, желавшаго конкурировать съ д-мъ Блохомъ, для того, чтобы затѣмъ выбрать этого послѣдняго, Именно такой жертвой этого корыстолюбія избирателей Коломен и палъ вышеупомянутый парижскій кандидатъ. Все это рисуется въ крайне непривлекательныхъ краскахъ положеніе вещей въ Галиціи, но виноваты въ этомъ не одни продажные избиратели, но и депутаты, позорно приносящіе на избирательную трибуну, вмѣсто принциповъ, золотыя мѣшки. Однако,

въ третій разъ одержанная д-ромъ Блохомъ побѣда доказываетъ, что правда и дѣйствительныя заслуги могутъ все же одержать верхъ и надъ галиційскою продажною.

Въ настоящее время галиційское еврейство имѣетъ двухъ представителей въ парламентѣ, которые въ полномъ смыслѣ слова являются достойными народными делегатами. Здѣшній д-ръ Викъ (Вук), выбранный теперь округомъ Тарнополь-Бреды, вполне достоинъ того довѣрія, которое ему оказали избиратели. И ему пришлось выдержать тяжелую борьбу съ богатствомъ и щедростью честолюбивыхъ кандидатовъ. Именно д-ръ Зомеръ, директоръ Карль-Лудвигской желѣзной дороги, осыпалъ избирателей золотымъ дождемъ, но все было тщетно, и избиратели, видѣвшіе въ д-рѣ Викѣ надежную защиту своихъ интересовъ, не ошиблись: его первая рѣчь въ парламентѣ была оцѣнена по достоинству даже его политическими противниками. Онъ оказался депутатомъ вполне достойнымъ своего высокаго положенія, съумѣвшимъ соединить въ себѣ мужество, умъ и тонкій тактъ.

Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести нѣсколько отрывковъ изъ этой рѣчи д-ра Вика, обратившей на себя общее вниманіе. Онъ началъ съ вопроса, представляющаго общій интересъ, — съ недостатковъ судопроизводства въ Галиціи, требующаго самымъ настоятельнымъ образомъ реформы. Подкрѣпивъ свое положеніе цѣлымъ рядомъ краснорѣчивыхъ фактовъ, онъ затѣмъ перешелъ къ существенной части своей рѣчи, къ возраженіямъ депутату Шнейдера, который наканунѣ позволилъ себѣ дикую вылазку противъ еврейства. Отвѣтъ Вика, что называется, уничтожилъ противника; при этомъ Викъ говорилъ въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ, и именно тѣмъ сильнѣе было дѣйствіе его словъ. «Въ нашемъ парламентѣ, — сказалъ онъ, — имѣется партія, которая сама себя называетъ антисемитической. Что же такое антисемитизмъ? Антисемитизмъ значитъ, выражаясь на чисто-нѣмецкомъ языкѣ, ненависть къ еврейству; и такъ — мы имѣемъ партію, которая начертала на своемъ знамени ненависть и презрѣніе къ религіозной общинѣ, признанной государствомъ. Эта партія жаждетъ на то, что административныя органы считаютъ своимъ долгомъ съ нею бороться; нужна большая смѣлость, чтобы жаловаться на то, что незаконнымъ стремленіямъ этой партіи ставится плотина, что ея органы конфискуются, ея собранія

запрещаются: кто хочет вѣтра, долженъ примириться и съ бурей, и кто нарушаетъ законы, долженъ быть готовымъ къ тому, чтобы нести послѣдствія закононарушенія. Если же эти господа говорятъ здѣсь то, чего не имѣютъ права говорить въ своихъ собраніяхъ и печатать въ своихъ органахъ, то это *злоупотребленіе депутатскимъ полномочіемъ, злоупотребленіе своею неприкосновенностью*. Я бы, собственно, не имѣлъ основаній, — продолжалъ ораторъ, — останавливаться на этомъ вопросѣ, который представляетъ собой продуктъ специфическихъ вѣнскихъ отношеній, и поэтому не касается меня, когда я становлюсь на точку зрѣнія галиційскихъ интересовъ. И я бы дѣйствительно промолчалъ, если бы вызовъ, брошенный антисемитической партіей, не шелъ слишкомъ далеко. Здѣсь находится депутатъ, который позволяетъ себѣ выставить положеніе, что только соплеменники могутъ произносить судебные приговоры надъ соплеменниками и что если чехъ и можетъ судить нѣмца, то такого права отнюдь нельзя предоставить еврею по отношенію къ христіанину. А такъ какъ нѣтъ такого округа, въ которомъ не было бы извѣстнаго числа христіанъ, то это сводится къ требованію полного устраненія еврейскаго населенія отъ судебныхъ функцій. И съ такимъ требованіемъ депутатъ позволяетъ себѣ обратиться къ австрійскому министру юстиціи, первому блюстителю основныхъ законовъ страны! Впрочемъ, что понимаетъ эта партія въ вопросѣ объ основныхъ законахъ, для нея это — слово искусственно составленнаго большинства двухъ третей».

Указавъ затѣмъ, что непростительно со стороны либеральной партіи, гордо считающей себя защитницей основныхъ законовъ государственной конституціи, не возражать противъ подобныхъ толкованій, ораторъ продолжалъ: «Я не хочу касаться вопроса о нравственности достоинствъ тѣхъ, которые выступаютъ здѣсь противъ насъ и нашей религіозной общины. Я не считаю совмѣстнымъ съ достоинствомъ парламента возбуждать личные вопросы. Я поэтому не спрашиваю, кто эти люди, насъ обвиняющіе, обладаютъ ли они необходимыми для роли обвинителя достоинствами? Я прямо перехожу къ сущности дѣла и спрашиваю: чѣмъ обосновываютъ эти люди свои обвиненія?.. Мой противникъ привелъ примѣръ вѣнца, отказавшагося присягнуть, когда судья, приведившій его къ присягѣ, оказался евреемъ. Ораторъ заявляетъ, что и онъ сдѣлалъ бы то же самое.

Позвольте мнѣ по этому поводу подѣлиться тѣмъ, что случилось на моихъ глазахъ. Это было вскорѣ послѣ введенія нашихъ основныхъ законовъ; я только что окончилъ свое юридическое образованіе и завѣдывалъ въ львовскомъ судѣ одной изъ уголовныхъ камеръ. Это, какъ часто говорили мнѣ товарищи, добрая католическая мѣстность. По своей должности я долженъ былъ сотни лицъ приводить къ присягѣ, и это были искренно вѣрующіе католики; они знали, что я еврей, но ни одинъ подъ этимъ предлогомъ не уклонился отъ присяги, къ которой я ихъ на Евангеліи приводилъ съ такимъ же глубокимъ чувствомъ, съ какимъ въ сосѣднихъ камерахъ мои товарищи-христіане приводили къ присягѣ на Торѣ моихъ единовѣрцевъ. Только въ дикомъ умѣ можетъ зародиться мысль, что мы не обязаны относиться къ другой религіи съ чувствомъ благоговѣнія и уваженія. Судья—это человѣкъ образованный, а человѣкъ образованный никогда не позволитъ себѣ насмѣшливо относиться къ религіозному символу, предъ которымъ преклоняются милліоны людей. Приводить ли еврей къ присягѣ на крестѣ, или христіанинъ къ присягѣ на Торѣ, святость присяги отъ этого нисколько не страдаетъ. Поэтому я, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія моей религіи, не могу быть удовлетвореннымъ отвѣтомъ министра, не отличающимся желательной въ такомъ вопросѣ ясностью. Онъ говорилъ вполне салоннымъ языкомъ; онъ съ дипломатическою ловкостью обошелъ сущность вопроса, но ясно и точно онъ объ немъ не высказался... Но во всякомъ случаѣ я ему благодаренъ за то, что онъ хоть выступилъ въ защиту основныхъ законовъ, заявивъ, что для австрійскаго министра они одни являются рѣшающимъ моментомъ.

Послѣ этого ловко направленаго удара по адресу министра юстиціи, ораторъ снова сталъ гладить по головкѣ своихъ соотечичей, галиційскихъ поляковъ, и говорить имъ такія вещи, которыя имъ очень нравились и которыя они даже вознаграждали громкими аплодисментами, но относительно которыхъ они внутри себя отлично чувствовали, что этотъ добрый человѣчекъ дѣлаетъ имъ такіе комплименты, которые не имѣютъ ничего общаго съ истиной.

«Вы, господа, —продолжалъ именно ораторъ, —считаете себя стоящими во главѣ цивилизаціи, но смѣю васъ увѣрить, въ Галиціи я никогда не сталкивался съ подобными вещами.

Я долго былъ членомъ львовскаго общиннаго совѣта, сидѣлъ много лѣтъ въ различныхъ корпораціяхъ и ферейнахъ рядомъ съ представителями различныхъ религій, но мнѣ никогда не приходилось слышать такой грубой тонъ и такіе нападки противъ моихъ единовѣрцевъ. А здѣсь при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ раздается дикій крикъ «der Jude wird verbrannt!». Я думаю, парламентъ не достаточно сильно противодействуетъ этому... Я долженъ, впрочемъ, поблагодарить графа Кавонини, который говорилъ съ такимъ высокимъ краснорѣчіемъ объ этой болѣзни; я благодаренъ также и д-ру Баренрейтеру, открыто назвавшему вчера это движеніе болѣзнию. Эта болѣзнь распространилась по Германіи, но эта послѣдняя избавилась теперь отъ этой язвы; она была затѣмъ распространена въ Венгрію, и тамъ теперь нѣтъ больше ея слѣдовъ. Наконецъ, она нынѣ занесена въ нашу добродушную, гостеприимную Вѣну, и находятся, конечно, люди, для которыхъ это превосходный случай нагрѣть себѣ руки. Но я надѣюсь на здравый смыслъ населенія, и, какъ доброе предзнаменованіе, я привѣтствую основаніе «ферейна для борьбы съ антисемитизмомъ», соединившаго лучшія имена страны, людей съ самыми выдающимися заслугами. Да будетъ это началомъ конца!»

Эта рѣчь д-ра Бика, изъ которой мы привели лишь нѣкоторые отрывки, встрѣтила живѣйшее сочувствіе парламента. И мы, съ своей стороны, можемъ отозваться съ полной похвалой объ этой столь же дѣльно и краснорѣчиво, какъ и тактично составленной рѣчи. Отдѣлавъ, какъ слѣдуетъ, Шнейдера, д-ръ Бикъ далъ чувствительный урокъ и министру юстиціи, который лайковыми перчатками отстранилъ нападеніе Шнейдера на основные законы конституціи, но ни слова не отвѣтилъ на его долгіе нападки на евреевъ. Весьма кстати было и все, сказанное имъ по адресу поляковъ. Ораторъ примѣнилъ методъ, который часто употребляютъ по отношенію къ дѣтямъ, въ присутствіи которыхъ порицаютъ извѣстные недостатки, при чемъ имъ ничѣмъ не даютъ понять, что эти недостатки замѣтили именно у нихъ. Однако, сомнительно, чтобы этотъ методъ могъ принести дѣйствительную пользу. Не только въ Австріи, но и у насъ антисемитизмъ успѣлъ уже распространиться и оптимистическій взглядъ на это д-ра Бика не соотвѣтствуетъ теперь дѣйствительному положе-

нію вещей въ Галиціи. Что означаетъ собой, въ самомъ дѣлѣ, это систематическое устраненіе еврейскихъ чиновниковъ изъ всѣхъ органовъ мѣстнаго управленія? И развѣ самъ д-ръ Бикъ не поднималъ объ этомъ вопроса въ общинномъ совѣтѣ? Что означаетъ то, что прошеніе евреевъ о назначеніи ихъ на какую нибудь должность или о повышеніи, обыкновенно возвращается съ замѣчаніемъ, что при прошеніи не приложено свидѣтельство о крещеніи? Развѣ не характеристично, что ни въ одномъ общественномъ учрежденіи, въ которомъ и евреи участвуютъ большими суммами, не служатъ ни одинъ еврей? Въ галиційскихъ сберегательныхъ кассахъ, въ земскихъ банкахъ, въ магистратѣ и общинныхъ совѣтахъ не служатъ ни одинъ еврей. Неужели все это еще не составляетъ антисемитизма? Развѣ не знаетъ д-ръ Бикъ, что при объявленіи торговъ на постройку новаго зданія для сберегательной кассы ясно было сказано, что евреи не будутъ къ нимъ допущены? А между тѣмъ процвѣтаніе этихъ кассъ раньше всего обусловливается еврейскою бережливостью и трудолюбіемъ. Быть можетъ, д-ръ Бикъ не знаетъ и о томъ, что въ уставѣ вновь учрежденнаго торговаго банка прямо сказано, что отъ евреевъ капиталы приниматься не будутъ, а между тѣмъ во главѣ его стоятъ исключительно либералы, люди, подобные Яшинскому и Махнацкому. Кажется, это достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ антисемитизмѣ этихъ господъ! Д-ръ Бикъ долженъ былъ бы затѣмъ знать, что здѣсь нигѣются ферайны, предостерегающіе всякаго христіанина отъ покупокъ товаровъ въ еврейскихъ лавкахъ. Онъ долженъ помнить и тотъ крикъ, который подняла польская пресса по поводу взятія братьями Лиліенфельдъ въ аренду нѣсколькихъ польскихъ пемѣстій, — крикъ, заключавшійся рефреномъ: «Святая польская почва оскверняется!» и оказавшій такое сильное вліяніе, что эти лица сочли себя вынужденными отказаться отъ этихъ арендъ, не смотря на безспорность своего права. Фразы д-ра Бика о томъ, что ему въ Галиціи никогда не приходилось встрѣчаться съ проявленіями антисемитизма, звучатъ, конечно, очень красиво, но отнюдь не соответствуютъ вышеприведеннымъ фактамъ, которые мы можемъ пополнить еще цѣлымъ рядомъ другихъ, не менѣе краснорѣчивыхъ. Но остановимся лишь на новѣйшемъ — на брошюрѣ графа Идизицкаго, въ которой мы читаемъ столь избитыя фразы о «еврейской язвѣ и еврей-

скомъ вампирствѣ». Неужели и это не проявленіе антисемитизма?

Самое замѣчательное у этого графа Идизницкаго — это то, что еще годъ тому назадъ этотъ же самый графъ публично восхвалялъ евреевъ, приписывая имъ всевозможныя добродѣтели. И вотъ въ теченіе года какая перемена! Есть господа, для которыхъ переменить убѣжденія такъ же легко, какъ переменить перчатки.

Всего этого достаточно для доказательства того, что дѣйствительное положеніе вещей далеко не столь отрадное, какъ это можно было бы заключить изъ рѣчи д-ра Бика. Мы не ставимъ этого въ упрекъ оратору. Быть можетъ методъ, имъ принятый, правиленъ; печально только то, что такимъ образомъ въ обществѣ распространяются превратныя представленія. Мы недавно, напр., читали въ «Allgemeine Zeitung des Judenthums», что во всей Галиціи нѣтъ и слѣдовъ антисемитизма. Однимъ росчеркомъ пера публицистъ не только уничтожилъ въ Галиціи антисемитизмъ, но и замелъ его слѣды. Блаженъ, кто вѣруетъ, но мы, живущіе въ Польшѣ, не можемъ, къ несчастью, этому вѣрить, такъ какъ печальное знаніе вытѣсняетъ блаженную вѣру.

Если сопоставить всѣ обвиненія, съ различныхъ сторонъ приводимыя противъ евреевъ, то получится по-истинѣ ужасающая картина, которая не могла бы произвести потрясающаго эффекта развѣ потому, что всѣ эти обвиненія раньше всего противорѣчатъ другъ другу. Съ одной стороны, хоръ либераловъ поетъ: нужно отказаться отъ всего устарѣвшаго; пока евреи не стряхнуть съ себя вѣковой пыли, они останутся намъ чуждыми. Ихъ упрямое сохраненіе старой религіи дѣлаетъ невозможнымъ процессъ ассимиляціи. Съ другой стороны, клерикальная печать кричитъ, что еврей — безбожникъ, онъ не живетъ согласно предписаніямъ своей религіи, онъ вноситъ ядъ сомнѣнія въ окружающее его общество и отравляетъ такимъ образомъ всю Европу. Интересно сопоставить это съ обвиненіями одного галиційскаго листка; они звучатъ такъ оригинально, что авторъ могъ бы смѣло потребовать себѣ за нихъ патентъ. Названіе этой оригинальной статьи — «Еврейскія учрежденія». Когда старая ложь начинаетъ терять свою силу, то надо прибѣгнуть къ содѣйствію правды и такой правдой является, конечно, утвержденіе, что евреи расходуютъ большія

суммы на дѣла благотворительности. Казалось бы, это такая черта, которая должна бы была заслужить слово признательности даже со стороны злѣйшаго врага... Ничуть не бывало. Цѣль статьи—доказать, что именно въ этой благотворительности лежитъ серьезная опасность для всей христіанской Европы.

Со времени эмансипаціи евреевъ, читаемъ мы между прочимъ въ этой статьѣ, они устроили цѣлый рядъ благотворительныхъ учреждений, что въ сущности является христіанскимъ началомъ, причемъ всѣ эти учреждения преслѣдуютъ не религіозныя цѣли—такихъ еврей не устраиваютъ, — но лишь цѣли укрѣпленія обособленнаго положенія евреевъ среди остальнаго населенія. Они такимъ образомъ нарушили условіе, въ предположеніе котораго они и были эмансипированы. Поэтому еврейская пресса поступаетъ, по мнѣнію автора, лицемѣрно, когда она антисемитизмъ обвиняетъ въ религіозной нетерпимости. Прикрываться принципомъ вѣротерпимости—это со стороны евреевъ лишь ловкій политическій маневръ. Это для нихъ надежный щитъ, въ сущности прикрывающій собой ихъ стремленіе занимать въ обществѣ обособленное положеніе.

Ужъ одно то, что авторъ говоритъ о еврейскихъ учрежденіяхъ, будто они являются лишь подражаніемъ христіанскихъ, показываетъ, что исторія возникновенія еврейскихъ благотворительныхъ учреждений ему совершенно неизвѣстна. Мы по этому вопросу и не вступимъ съ нимъ въ полемику. Отмѣтимъ только нѣсколько характерныхъ мѣстъ. «Христіанскія благотворительныя учрежденія, какъ дѣло любви, обязаны своимъ возникновеніемъ вѣрѣ и поэтому остаются всегда въ рукахъ церкви или церковныхъ институтовъ»; наоборотъ, «еврейскія учрежденія преслѣдуютъ, почти безъ исключенія, цѣли не религіозныя, а лишь цѣли укрѣпленія еврейскаго обособленнаго соціального положенія. Христіанская благотворительность обогащаетъ церкви, учреждаетъ школы и больницы, еврейская преслѣдуетъ только воспитательныя и образовательныя цѣли». Вотъ, извольте видѣть, въ чемъ великій грѣхъ еврейства.

Еще своеобразнѣе является разсужденіе автора о томъ, что въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, основанныхъ евреями и на еврейскія деньги и служащихъ для всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданія, извѣстное число мѣстъ резервируется для евреевъ. По мнѣнію почтеннаго автора, слѣдовало бы

установить процентное отношеніе, пропорціональнсе дѣйстви-
тельному распредѣленію населенія. Впрочемъ, отъ господъ юдо-
фобовъ надо всего ожидать, и намъ остается лишь еще благо-
дарить автора за то, что онъ не ставитъ евреевъ въ упрекъ,
что они не исключаютъ вовсе изъ своихъ благотворительныхъ
заведеній своихъ единовѣрцевъ.

Задняя мысль, скрывающаяся въ словахъ автора, что ев-
реи не выполнили условія, въ предположеніе котораго имъ
была дана эмансипація, очень ясна: надо взять назадъ все,
данное имъ эмансипаціей. Но чего, собственно, не выполнили
евреи? Не перешли въ христіанство? Но для этого не было
никакой нужды ихъ эмансипировать. Не выполняютъ развѣ
евреи своихъ обязанностей по отношенію къ государству? Же-
лаютъ развѣ они освобожденія отъ денежныхъ или натураль-
ныхъ повинностей? Они поддерживаютъ въ нуждѣ своихъ еди-
новѣрцевъ, а также и обездоленныхъ христіанскихъ согражданъ—
развѣ въ этомъ выражается стремленіе удержать за собой обосо-
бленное социальное положеніе? Они содѣйствуютъ распростра-
ненію просвѣщенія между своими единовѣрцами и облегчаютъ
такимъ образомъ прямые задачи государства; быть можетъ это
слѣдуетъ имъ поставить въ упрекъ? Они, далѣе, стремятся об-
легчить тяжелое положеніе своихъ единовѣрцевъ въ Палестинѣ
устройствомъ школъ и поддержкой ремесла... Но развѣ это бо-
лѣе тяжелое преступленіе, чѣмъ тѣ заботы, которыя протес-
танты и католики прилагаютъ для поддержки своихъ едино-
вѣрцевъ въ отдаленнѣйшихъ странахъ? Если, какъ думаетъ
авторъ разбираемой нами статьи, «практическое христіанство»
дѣлаетъ менѣе въ области благотворительности, чѣмъ «prak-
тическое еврейство», то казалось бы всего естественнѣе свое
честолюбіе положить въ томъ, чтобы достигъ такого же ожив-
ленія въ области христіанской благотворительности. Но вмѣсто
этого люди съ легкимъ сердцемъ предпочитаютъ болѣе простую
задачу: обвиненіе евреевъ въ стремленіе укрѣпить свое обо-
собленное социальное положеніе, и при этомъ еще завѣдомо за-
малчиваютъ тотъ всѣмъ извѣстный фактъ, что евреи уча-
ствуютъ весьма значительными взносами даже въ специально
христіанскихъ благотворительныхъ дѣлахъ.

Итакъ, наслѣдственный порокъ Израиля — это благотвори-
тельность. Оригинальный порокъ. Жаль только, что своеобраз-

ный обвинитель не приложилъ кстаги и рецепта исправленія еврейства отъ этого порока.

Къ несчастью, не только въ лагерѣ антисемитовъ встрѣчаемся мы съ самымъ разнороднымъ каталогомъ еврейскихъ пороковъ и, вслѣдствіе этого, съ самымъ разнообразнымъ составомъ рецептовъ для ихъ уничтоженія! Такое же разнообразіе спасительныхъ и радикальныхъ средствъ мы встрѣчаемъ, увы, и въ лагерѣ самихъ евреевъ. И каждый,—въ этомъ трагизмъ положенія,—считаетъ свое средство не только спасительнымъ, но и единственно спасительнымъ... Еврейство отдалаетъ отъ спасенія только нежеланіе принять къ исполненію благодѣтельный совѣтъ... Существуютъ у насъ, напримѣръ, два общества „Przymierze Braci“ и „Zion“; оба одинаково тароваты въ предложеніи спасительныхъ совѣтовъ. Но какъ существенно различны эти совѣты! Изъ среды перваго ферейна раздается боевой кликъ: „отбросьте все старое! Растворитесь въ коренномъ населеніи, станьте полякамъ и только поляками“. И они идутъ въ своемъ усердѣ такъ далеко, что объявляютъ войну всему еврейскому. Въ то время какъ ихъ главный органъ „Ojczyzna“ посвящаетъ всего только нѣсколько словъ смерти величайшаго еврейскаго историка проф. Гретца, она помѣщаетъ длинныя некрологи по поводу кончины всѣхъ польскихъ публицистовъ и раньше всѣхъ вспоминаетъ о годовщинахъ всѣхъ польскихъ дѣятелей. И что имъ за дѣло до Гретца? Онъ даль еврейству его исторію, но, вѣдь, это именно то; что замедляетъ процессъ ассимиляціи въ томъ ея видѣ, въ какомъ его понимаютъ такіе ассимиляторы. Діаметрально противоположно направленіе „Сіона“. Его пароль—„въ Палестину“, его мечта—еврейское государство и еврейскій языкъ, который долженъ сдѣлаться мировымъ! Гдѣ же, спрашивается, дѣйствительное спасеніе? Оба общества бьютъ далѣе своей цѣли, но между ними есть существенная разница. „Przymierze Braci“ это партія оппортуниста—и тотъ, кто разъ побывалъ въ ихъ собраніяхъ, вынесъ ощущеніе, что онъ находится между карьеристами, которые завтра съ такимъ же пафосомъ будутъ выкрикивать иной лозунгъ, разъ только обстоятельства измѣнятся. И тогда мы, пожалуй, услышимъ: „Только нѣмецкое! Нѣмецкая культура, нѣмецкая литература!“ Наоборотъ, „Zion“ одушевленъ вполне опредѣленнымъ идеаломъ, къ которому онъ и стремится съ непоколебимою вѣрою. Что этотъ идеалъ лишь мечта,

лишь фантомъ, это къ дѣлу не относится. Но несомнѣнно, что въ этомъ обществѣ чувствуется бѣненіе пульса восторженной молодежи! Путь къ истинѣ нерѣдко ведетъ черезъ заблужденія, и надо надѣяться, что и изъ этихъ мечтаній выработается здоровое ядро. Это „Sturm und Drangperiode“, который переживаетъ юношество въ этихъ мечтахъ!

Стремленіе къ подражанію, характерная черта нашего времени, въ связи съ желаніемъ быть и нѣсколько оригинальнымъ вызвало къ жизни въ Черновицахъ еще третій фрейнгъ среди мѣстной университетской молодежи. Конечная цѣль та же, что и у „Zion'a“. Этотъ фрейнгъ, носящій названіе „Asmanäg“, имѣетъ также въ виду распространеніе знанія еврейства и національной идеи среди учащейся молодежи, но въ то же время представляетъ собою нѣчто въ родѣ буршеншафта, съ обязательными мензурами, съ своими собственными «цѣвтами», съ кнейпами, которыя они періодически посѣщаютъ съ большимъ рвеніемъ, и со всѣми другими принадлежностями нѣмецкихъ студенческихъ корпорацій. Если цѣль общества — распространеніе знаній о еврействѣ — и заслуживаетъ всяческой похвалы, то нѣсколько дикимъ представляется преслѣдованіе такой цѣли попутно съ дуэлями безъ пощады и веселыми вечеринками въ пивныхъ. Иудаизмъ никогда не распространялъ свое ученіе при помощи меча; еврейское сознаніе и еврейское ученіе возстаютъ противъ всякаго рода кровопролитія. Что же общего между мензурой, дуэлями, кнейпами и еврейскимъ ученіемъ? Уже гораздо похвальнѣе недавнее рѣшеніе союза «Сіонъ» издавать, съ цѣлью распространенія еврейской національной идеи среди массы, популярную исторію евреевъ на разговорномъ языкѣ.

Наконецъ, въ нашей общинѣ получилъ разрѣшеніе важный вопросъ, по поводу котораго было поднято много шума, именно вопросъ о замѣщеніи вакансіи проповѣдника. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ я уже говорилъ о томъ, что стремленіе нѣкоторыхъ выбрать проповѣдника, который произносилъ бы проповѣди по-польски, не могутъ увѣнчаться успѣхомъ, во-первыхъ, потому, что масса вовсе не была бы въ состояніи понять такого проповѣдника, во-вторыхъ, для того, чтобы имѣть такихъ проповѣдниковъ, надо предварительно образовать учрежденіе, въ которомъ подготовлялись бы такіе проповѣдники, слѣдовательно, пришлось бы ждать приблизительно два десяти-

лѣтія. И дѣйствительно, въ концѣ концовъ пришлось выбрать нѣмецкаго проповѣдника—д-ра Карро, который былъ до сихъ поръ равниномъ въ Пильвенѣ. На прошлой недѣлѣ произошло торжество вступленія д-ра Карро въ должность въ новой его общинѣ. Онъ произнесъ по этому поводу рѣчь, которой никакъ нельзя отказать въ опредѣленности и энергіи. Констатируя, что его задача—поддержаніе мира въ общинѣ, онъ заявилъ, что не желаетъ покупать этотъ миръ цѣною своей безцвѣтности, цѣною угожденія всѣмъ партіямъ, колебанія между различными программами... Такой миръ былъ бы равносильнъ бездѣятельности; онъ желаетъ, напротивъ, мира, богатаго зачатками плодотворной дѣятельности. Онъ желаетъ поэтому реформъ, какъ въ самомъ храмѣ, такъ и въ общинѣ. Если во всему этому и можно отнестись съ полнымъ сочувствіемъ, то все же нельзя сказать, чтобы первая его реформа отличалась тѣмъ плодотворнымъ характеромъ, о которомъ онъ говорилъ въ своей проповѣди. Эта реформа чересчуръ не гармонируетъ съ общимъ строемъ современной синагоги, ея хоромъ и органомъ. Д-ръ Карро желаетъ ввести въ храмъ давно отжившій свой вѣкъ «Pilpul», т. е. талмудическую казуистику. Всѣ эти тонкіе, схоластическіе, талмудическіе споры представляютъ нѣчто чудовищное въ современной нѣмецкой синагогѣ.

Не знаемъ, видитъ-ли д-ръ Карро въ этомъ спасеніе, или же онъ хотѣлъ только импонировать своимъ талмудическимъ знаніемъ; но если нашъ проповѣдникъ подъ реформами понимаетъ такія талмудическія хитросплетенія, то онъ на крайне ложномъ пути... Храмъ не мѣсто для нихъ, и масса, его посѣщающая, ничего не понимаетъ въ этихъ хитросплетеніяхъ... Нашъ раввинъ можетъ смѣло перенести свою богатую энергіей дѣятельность въ другія сферы, гдѣ для нея найдется болѣе плодотворное приложеніе; а такихъ сферъ очень много. Всѣ наши благотворительныя заведенія, имѣющія такія благородныя задачи, нуждаются въ энергичной и заботливой рукѣ, а они представлены самимъ себѣ, или точнѣе, должностнымъ лицамъ, преслѣдующимъ раньше всего свой собственный интересъ. Храмъ почти не посѣщается, а въ общемъ какое-то равнодушіе, какая-то лѣнь развѣдаетъ всю общину... Я могу это иллюстрировать фактомъ, свидѣтелемъ котораго я былъ недѣли двѣ тому назадъ.

20-го прошлаго мѣсяца печатное объявленіе возвѣстило тор-

жественное богослуженіе въ память Абрама Кона, погибшаго мученической смертью въ 1848 г. въ борьбѣ съ мракомъ. Въ назначенный часъ я былъ въ храмѣ, который, однако, оказался совершенно пустынь. Служители предложили мнѣ пойти погулять, такъ какъ времени до начала службы должно еще пройти порядочно. Пришлось послѣдовать совѣту. Наконецъ, одинъ изъ членовъ правленія синагоги пришелъ за мной и пригласилъ пойти въ храмъ. Какое же было мое удивленіе, когда я опять увидѣлъ тѣ же пустыя скамьи. Христіанскій репортеръ одной польской варшавской газеты присоединился къ нашему небольшому кружку и рассказалъ, что, боясь опоздать къ началу богослуженія, онъ взялъ парный экипажъ, а теперь можетъ, повидимому, пойти спокойно гулять по окрестнымъ улицамъ. Краска стыда бросилась мнѣ въ лицо. Въ нашей общинѣ не нашлось достаточно людей для того, чтобы почтить память Абрама Кона, пионера свѣта и просвѣщенія, запечатлѣвшаго своею кровью свою борьбу съ тьмою. Вотъ та благодарность; которою мы оплачиваемъ нашимъ лучшимъ дѣятелямъ! Неужели же изъ нашей среды дѣйствительно исчезли всѣ идеалы? Если бы великій покойникъ всталъ изъ своей могилы и посмотрѣлъ на печальное богослуженіе въ честь его памяти, онъ легъ бы обратно въ могилу съ горькимъ сознаніемъ, что для такой партіи прогресса, которая не чтитъ даже памяти погибшихъ за нее борцовъ, не стоила принимать мученическаго вѣнца.

При такихъ обстоятельствахъ новому раввину предстоятъ болѣе серьезныя задачи, чѣмъ талмудическія пренія: надо вывести общину изъ того латаргическаго состоянія, въ которомъ она находится, оживить ее новымъ духомъ. Это единственный путь, которымъ новый раввинъ можетъ покорить сердца членовъ общины.

Духовная жизнь бьется гораздо болѣе сильнымъ ключемъ въ народной массѣ, чѣмъ въ такъ называемой интеллигенціи. Возбуждающимъ и оживляющимъ образомъ дѣйствуетъ на эту массу еврейскій театръ, дающій у насъ ежедневно представленія—вотъ уже въ теченіе трехъ лѣтъ. Его процвѣтанію въ значительной степени содѣйствовала директоръ театра, г. Гольдфаденъ, въ лицѣ котораго театръ сдѣлалъ крайне цѣнное приобрѣтеніе. Имъ написанныя и въ театрѣ подъ его руководствомъ исполняемыя драмы имѣютъ образовательное для

массы значеніе, знакомя ее съ славной исторіей ея народа. «Иосифъ Иосовльманъ», «Десятая заповѣдь», «Маккавен», «Юднень и Олофернъ»,—это произведенія, которыя сдѣлали бы честь и большой сдѣлъ. И какое блестящее исполненіе! Положительно забываешь, что находишься въ театрѣ, языкъ котораго—еврейскій жаргонъ.

Переходя въ область литературы, мы должны констатировать крайне печальный фактъ—прекращеніе превосходнаго еврейскаго журнала «Н'шманъ», который два года въ Краковѣ велъ столь извѣстный А. Бродесъ. Бродесъ принадлежитъ къ числу самыхъ выдающихся современныхъ еврейскихъ литераторовъ. Нѣкоторые его романы, въ особенности приобрѣвшіе широкую извѣстность «Н'дат w'h'chaim» и «Stei hakzowes», по современности затрагиваемыхъ ими темъ и живости изложенія, положительно заслуживаютъ того, чтобы перевести ихъ на европейскіе языки. Причина этого печальнаго прекращенія журнала, который съ такимъ талантомъ отзывался на всѣ вопросы современной жизни, все тотъ же общественный индифферентизмъ, развѣдающій все наше общество.

Если съ грустью приходится видѣть гибель такихъ литературныхъ предпріятій, то съ меньшей грустью приходится встрѣчать появленіе стряпни разныхъ литературныхъ дѣльцовъ. Такъ, напр., нѣкій Эрентейль желаетъ научить насъ тому «какъ можно помочь галиційскимъ евреямъ?» На прѣстранствѣ 85 страницъ тянется убійственная болтовня, среди которой не выдѣляется ни одна здравая мысль!

Съ радостью привѣтствуемъ мы, съ другой стороны, какъ выдающееся литературное явленіе, выходъ въ свѣтъ въ Парижѣ работы галиційскаго еврея Бернарда Померанца «La Grèce et la Judée». Авторъ—учитель закона Божьяго въ Ярославлѣ, небольшомъ городкѣ Галиціи, и эта книга—его первое печатное литературное произведеніе. Эта книга, написанная превосходнымъ французскимъ языкомъ, изобилуетъ многими идеями, которымъ отнюдь нельзя отказать въ оригинальности. Это сочиненіе, какъ показываетъ уже его названіе, занимается тѣми двумя мировозрѣніями, которыя приобрѣли мировое господство: эллинизмомъ и іудайзмомъ. Оставляя за собой право въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ писемъ возвратиться къ этому выдающемуся труду, чтобы обстоятельнѣе побесѣдовать о возбужденныхъ въ немъ вопросахъ, я на этотъ разъ огра-

ничусь указаніемъ, что это сочиненіе было встрѣчено самымъ сочувственнымъ образомъ во французской литературѣ, богатой блестящими трудами.

Въ заключеніе я хочу сообщить и о возникновеніи у насъ новаго литературнаго предпріятія. Польскій литераторъ и профессоръ здѣшняго университета Ад. Ципперъ предпринялъ изданіе дешевой бібліотеки—изъ небольшихъ томиковъ—переводовъ на польскій языкъ литературныхъ произведеній всѣхъ странъ. Изданіе носитъ названіе «Biblioteka powszechna». Между прочимъ, появился и томикъ «Obraski zycia Zydowskiego», переводы изъ «культурныхъ очерковъ» Натана Самуэли. Мастерскому переводу, сдѣланному проф. Цюкеромъ, предпослано предисловіе, которое съ уваженіемъ отзывается о значеніи этихъ очерковъ и даетъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія объ авторѣ. Кстати, могу сообщить, что на дняхъ въ Лейпцигѣ долженъ появиться новый томъ культурныхъ очерковъ Н. Самуэли.

Въ слѣдующемъ своемъ письмѣ я сообщу вамъ о судьбѣ Левенъ-Гиршевскаго фонда для Галиціи. Я остановлюсь и на томъ, что, благодаря этому фонду, было до сихъ поръ сдѣлано, и на томъ, что предполагается сдѣлать въ будущемъ.

Veritas.

Львовъ. Октябрь 1891 г.

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

ЕВРЕЙСКАЯ КОЛОНИЗАЦІЯ ВЪ ПАЛЕСТИНѢ¹.

Востокъ такъ медленно подвигается на пути къ прогрессу сравнительно съ Западомъ, что путешественнику, пересаживающемуся изъ вагона европейской желѣзной дороги на левантскаго мула, рѣзко бросается въ глаза устарѣлый порядокъ вещей, и ему кажется, что восточныя страны Средиземнаго моря какъ бы замерли въ своей неподвижности и останутся въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать турецкая имперія. Тѣмъ не менѣе, за послѣднее двадцатилѣтіе въ Сиріи и Палестинѣ произошли существенныя перемѣны, такъ какъ послѣдствія кипрскихъ и египетскихъ событій не могли не отразиться и на сосѣднихъ странахъ. Въ настоящее же время у насъ на глазахъ совершается такое знаменательное движеніе, которое, при благоприятныхъ обстоя-

---

¹ Статья эта была напечатана въ извѣстномъ англійскомъ журналѣ „Blackwood's Edinburgh Magazine“, June 1891, и принадлежитъ перу С. Р. Кондера (не-еврея),— лица, близко изсѣдовавшаго Палестину (лѣтъ 10 тому назадъ). Мы не во всемъ раздѣляемъ воззрѣнія почтеннаго автора; полагаемъ, кромѣ того, что вопросъ имъ не исчерпанъ вполне: онъ почти не принимаетъ во вниманіе уже существующихъ еврейскихъ колоній, онъ не касается, далѣе, того, какіе размѣры можетъ принять палестинское движеніе, во сколько въ этомъ движеніи ключъ къ разрѣшенію т. н. „еврейскаго вопроса“, и т. д. Даемъ, однако, мѣсто этой статьѣ, какъ интересному литературному явленію въ общей прессѣ, и какъ матеріалу по занимающему теперь многихъ вопросу—о степени пригодности Палестины для колонизаціонныхъ цѣлей.

тельстввахъ, можетъ привести къ полному перевороту въ теперешнемъ положеніи Палестины.

Когда власть турецкаго султана была восстановлена въ Сиріи, послѣ бомбардировки Акра въ 1840 г., то его правительству пришлось имѣть дѣло съ населеніемъ, съ давнихъ поръ привыкшимъ къ полунезависимости подъ управленіемъ туземныхъ властей, имѣвшихъ резиденціи въ различныхъ мѣстностяхъ страны. Власть пашей вначалѣ была ограничена, но съ теченіемъ времени значительно усилилась, и, наконецъ безпокойное населеніе Самаріи было совершенно усмирено съ помощью варварской расправы, которой оно было подвергнуто курдскими губернаторами, причемъ было перевѣшано множество крестьянъ. Заговоры и бунты, составлявшіеся не только въ городахъ, но даже и въ деревняхъ, были подавлены, населеніе обложено данью, которая собиралась съ помощью вооруженной силы. Но дѣтъ двадцать тому назадъ султанъ пользовался въ за-іорданскихъ областяхъ только номинальной властью, и еще не такъ давно одинъ изъ тамошнихъ администраторовъ, отправившійся собирать налоги въ Бени-Сакръ (Beni-Sakhr), вынужденъ былъ бѣжать оттуда и благодарить судьбу за то, что ему удалось вернуться цѣлымъ изъ этой экспедиціи и заплатить только своимъ багажомъ.

Но приведенныя въ дѣйствіе ружья новой системы, (repeating-rifles), которыми была вооружена турецкая полиція, очень скоро положили конецъ такому безначалію и восстановили силу закона въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ турки; номады, вытѣсненные изъ западныхъ равнинъ, были мало-по-малу подчинены губернатору, имѣющему мѣстопробываніе въ городѣ Эсъ-Сальтъ, въ Гилеадской области (Es-Salt in Gilead).

Власть настоящихъ арабовъ съ каждымъ годомъ уменьшалась на восточныхъ границахъ Сиріи и, наконецъ, совершенно исчезла на западной сторонѣ Іордана. Власть же турокъ, напротивъ того, возростала, такъ что въ настоящее время въ

предѣлахъ Сиріи нѣтъ ни одной независимой провинціи. Кровавыя событія въ Дамаскѣ въ 1860 г. также привели къ значительнымъ перемѣнамъ въ Ливанской области. Племя маронитовъ, благодаря разумной администраціи, быстро увеличилось и достигло нѣкотораго благосостоянія; враждебное же ему племя друзовъ мало-по-малу выселилось изъ Ливанской области и расположилось на горѣ Хермонъ (Негмон) и въ обширныхъ Башанскихъ (Bashan) равнинахъ. Это племя принадлежитъ къ числу самыхъ непокорныхъ и безпокойныхъ подданныхъ султана въ этой мѣстности и держится въ страхѣ только съ помощью военныхъ фортвовъ, заведенныхъ нарочно для этой цѣли дамасскимъ правительствомъ.

Исслѣдованіе Палестины и интересныя описанія ея привлекаютъ туда ежегодно множество посѣтителей, которые толпами являются во время пасхи, и которые проникаютъ теперь внутрь страны гораздо далѣе, чѣмъ прежніе путешественники; но все же очень немногіе изслѣдовали ее такъ основательно, какъ наши королевскіе принцы, осмогрѣвшіе въ 1882 г. большую часть центральной области за Іорданомъ. Между тѣмъ, знакомство съ западными обычаями произвело, во многихъ мѣстностяхъ, значительную перемѣну въ нравахъ крестьянскаго населенія, и хотя замѣчаемая перемѣна не всегда оказывается къ лучшему, но все-таки старый мусульманскій фанатизмъ, повидимому, сильно ослабѣлъ въ горныхъ мѣстностяхъ, по крайней мѣрѣ, въ наружномъ его проявленіи. Впрочемъ, перемѣна эта не ограничивается только смягченіемъ нравовъ крестьянскаго сословія, такъ какъ населеніе Палестины все увеличивается, и этотъ приростъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ иностранныхъ переселенцевъ. Германскія колоніи, находящіяся уже двадцать два года въ Яффѣ, Хайфѣ и Іерусалимѣ, ввели и распространили въ странѣ европейскіе обычаи. Въ то же время въ странѣ оказалось и вліяніе еврейскихъ капиталистовъ, которыми были приобрѣтены тамъ земли, и по примѣру которыхъ туда переселились и многіе другіе евреи.

Эмиграція еврейскаго населенія въ Палестину началась дѣтъ двѣнадцата тому назадъ и усиливалась съ каждымъ годомъ, вслѣдствіе тѣхъ стѣсненій, которымъ оно подвергалось въ европейскихъ странахъ. Въ настоящее же время евреи больше, чѣмъ когда-либо, заняты вопросомъ о переселеніи въ Палестину, и такъ какъ вопросъ этотъ возбужденъ ими по собственному почину, то рѣшеніе его въ утвердительномъ смыслѣ легко можетъ привести ихъ къ практическимъ результатамъ. Если это намѣреніе будетъ одобрено еврейскими вожаками и встрѣтитъ поддержку со стороны ихъ капиталистовъ, то мы, быть можетъ, сдѣлаемся свидѣтелями весьма замѣчательнаго историческаго событія—возвращенія евреевъ въ ихъ отечество,—что, разумѣется, приведетъ къ радикальнымъ перемѣнамъ въ настоящемъ положеніи Палестины. Мы имѣемъ въ виду лишь вкратцѣ обсудить здѣсь, во первыхъ, выполнимость и желательность подобнаго событія и шансы на успѣхъ еврейскихъ колонистовъ, въ связи съ предстоящими имъ затрудненіями, а во вторыхъ, указать на нѣкоторыя мѣропріятія послѣдняго времени, благодаря которымъ эти затрудненія могутъ быть устранены, и къ которымъ прежде всего слѣдуетъ отнести проведеніе желѣзныхъ дорогъ и измѣненіе въ законодательствѣ, препятствовавшемъ иностранцамъ поселяться въ турецкихъ владѣніяхъ.

Ожесточенные крики, все громче и громче раздающіеся противъ евреевъ на континентѣ, разумѣется, были главной причиной, заставившей ихъ вожаковъ поднять вопросъ о переселеніи въ Палестину. Евреевъ, быть можетъ, слѣдуетъ назвать наилучше организованнымъ народомъ между цивилизованными націями, и ихъ вліятельные люди и капиталисты хорошо понимаютъ свои обязанности въ отношеніи своихъ бѣдныхъ и несчастныхъ собратьевъ; но тяжелое бремя, свалившееся имъ на плечи, оказалось непосильнымъ для нихъ. Говорятъ, что въ Англию прибыло, въ теченіе полугода, до 15,000 совершенно обнищавшихъ евреевъ и должно прибыть еще столько-

же. Такое по-истинѣ печальное положеніе дѣла, повидимому, сильно озабочиваетъ умы еврейскихъ патриотовъ, которые, разумѣется, не могутъ относиться равнодушно къ бѣдствіямъ своихъ единоплеменниковъ и изыскиваютъ радикальныя средства къ улучшенію ихъ быта.

Ненависть къ евреямъ и возбуждаемая противъ нихъ преслѣдованія обыкновенно объясняютъ религіозными антипатіями, ихъ собственной обособленностью и склонностью къ ростовщичеству. Ихъ называютъ паразитствующей націей. Но, допустивъ даже справедливость такого мнѣнія, мы все-таки не можемъ не замѣтить, что ихъ паразитствующій образъ жизни является логическимъ послѣдствіемъ бездѣятельности и безпечности тѣхъ, на чей счетъ онъ ведется. Люди, вообще, очень склонны сваливать свои грѣхи на другихъ и упрекать своихъ ближнихъ въ томъ, въ чемъ они сами виноваты больше всѣхъ. Справедливость сказаннаго нами вполне подтверждается историческими данными. Вспомнимъ, что предубѣжденіе противъ евреевъ началось еще задолго до того времени, какъ средне-вѣковые христіане выступили противъ нихъ съ обвиненіемъ въ смерти Христа. Тацитъ отзывался о нихъ съ такимъ же раздраженіемъ, какъ и римскіе поэты, которые клеймятъ презрѣніемъ еврейскихъ торгашей и ростовщиковъ, разоряющихъ всемірную столицу. Они были изгнаны изъ Рима Клавдіемъ еще за двадцать лѣтъ до гоненія, воздвигнутаго противъ нихъ Нерономъ, когда римское правительство не дѣлало почти никакого различія между евреями и христіанами. Впрочемъ, эти насильственные мѣры не приводили почти ни къ какимъ существеннымъ результатамъ, и евреи очень часто достигали самыхъ высшихъ должностей въ римской имперіи, какъ до разрушенія Іерусалима, такъ и послѣ того. Но враждебное отношеніе римлянъ къ евреямъ слѣдуетъ, повидимому, объяснять не религіозными, а совершенно иными причинами, сохранившими свою силу и впослѣдствіи.

Еще въ самую отдаленную эпоху, норманны, въ оправда-

ніе своей ненависти къ евреямъ, часто ссылались на религиозныя причины. Достопамятное сказаніе о іоркскихъ евреяхъ, схватившихъ будто бы христіанскаго мальчика и зарѣзавшихъ его для исполненія одного изъ пасхальныхъ обрядовъ, послужило какъ бы призывнымъ сигналомъ къ возобновленію тѣхъ криковъ, которые вотъ уже восемнадцать столѣтій раздаются, отъ времени до времени, во всѣхъ странахъ, въ которыхъ поселяются евреи. Крики эти и до сихъ поръ почти ежегодно повторяются не только въ Азіи, но даже и въ Европѣ. А между тѣмъ, обвиненія въ упомянутомъ злодѣяніи ввозились не противъ однихъ только евреевъ. Такъ, римляне утверждали, что христіане пожираютъ младенцевъ, а отцы церкви, съ своей стороны, обвиняютъ еретиковъ въ томъ, что они будто бы убиваютъ маленькихъ дѣтей и съѣдаютъ ихъ при совершеніи своихъ таинствъ. То же самое преступленіе римская церковь приписываетъ и тамплиерамъ, и мы не видимъ причины, почему бы въ данномъ случаѣ одной клеветѣ слѣдовало вѣрить больше, чѣмъ другой. Любопытно, однако, то обстоятельство, что въ Турціи, въ силу особаго декрета, всѣ подобныя обвиненія противъ евреевъ были объявлены клеветой.

Но за этими извѣтями, такъ сильно разжигавшими ненависть къ евреямъ въ невѣжественныхъ и суевѣрныхъ массахъ, скрывались другія, гораздо болѣе дѣйствительныя причины для преслѣдованія ихъ въ эту эпоху. Норманское дворянство, повидимому, ни мало не стѣснялось религиозными предубѣжденіями въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о займѣ денегъ у евреевъ. Покупка оружія и равныхъ предметовъ роскоши не дешево обходилась, а земли уже были заложены, — изъ чего слѣдуетъ, что денежные дѣла норманскихъ феодаловъ находились далеко не въ блестящемъ положеніи въ то время, когда они отправились на завоеваніе южной Италіи и Сициліи, и когда они, поощренныя успѣхомъ, задумали перенести свои завоеванія на восточныя страны Средиземнаго моря. При такихъ обстоятельствахъ они, разумѣется, считали болѣе

удобнымъ для себя возбуждать преслѣдованія противъ евреевъ, чѣмъ платить имъ свои долги или хотя бы условленные проценты.

По завоеваніи Палестины норманнами, они прежде всего позаботились о томъ, чтобы очистить ее отъ опаснаго для нихъ элемента, и хотя дворянство продолжало занимать деньги подъ огромные проценты для покрытія военныхъ и другихъ разорительныхъ издержекъ, но теперь оно уже обращалось за этимъ къ армянамъ, грекамъ и тамплерамъ. Что же касается до евреевъ, то въ двѣнадцатомъ столѣтіи имъ удалось достигнуть самаго завиднаго положенія въ не-христіанскихъ странахъ Леванта. Веніаминъ Тудела рассказываетъ, что они пользовались полной независимостью въ Пальмирѣ и были въ большомъ почетѣ у дамасскихъ и багдадскихъ султановъ. Въ Палестинѣ же, по его словамъ, проживало самое незначительное число бѣдныхъ евреевъ, красильщиковъ и стекольщиковъ по профессіи.

Въ наше время евреевъ больше всего ненавидятъ тамъ, гдѣ они, благодаря своей несокрушимой энергіи, терпѣнію и предпріимчивости, успѣваютъ сосредоточить въ своихъ рукахъ большую часть торговли и финансовыхъ операцій. Разумѣется, чѣмъ безпечнѣе и недалеконивиднѣе тотъ или другой народъ, тѣмъ легче конкурировать съ нимъ и наживаться на его счетъ другому, болѣе дѣятельному и оборотливому народу. Въ подтвержденіе этого мы можемъ указать на то, что въ Шотландіи, напримѣръ, гдѣ народъ трудолюбивъ, бережливъ и смелливъ, евреи, насколько намъ извѣстно, рѣдко выгодно устраиваютъ свои дѣла. Тамъ, гдѣ всякій старается жить сообразно съ своими средствами, никто не станетъ занимать деньги подъ большіе проценты, но, съ другой стороны, никто не станетъ также и распространять нелѣпныхъ слуховъ объ исчезнувшихъ будто бы и зарѣваныхъ дѣтяхъ, при наступленіи сроковъ уплаты по долговымъ обязательствамъ.

Евреевъ, сверхъ того, обвиняютъ въ слишкомъ радикаль-

номъ образѣ мыслей и революціонныхъ тенденціяхъ. Но такое обвиненіе кажется намъ по меньшей мѣрѣ страннымъ въ виду совершенно противоположнаго обвиненія, также вводимого противъ нихъ. Никому не безызвѣстно, что евреевъ всегда упрекали и упрекаютъ до сихъ поръ въ самомъ закоренѣломъ консерватизмѣ, выражающемся въ стремленіи удержать во что бы то ни стало свои законы, свою религію, свой языкъ и свои обычаи. Вообще, евреи отличаются скорѣе консервативнымъ, чѣмъ революціоннымъ характеромъ, и ихъ едва-ли можно обвинять въ непочтеніи и неповиновеніи властямъ, безъ явнаго нарушенія справедливости.

Положеніе евреевъ въ средѣ недостаточно дѣятельнаго народа очень похоже на положеніе ученика въ школѣ, нелюбимаго и преслѣдуемаго товарищами за его неутомимое прилежаніе. Разумѣется, если этотъ ученикъ, не смотря на встрѣчаемое имъ недоброжелательство, будетъ высоко держать въ рукахъ знамя труда, то, въ концѣ концовъ, достигнетъ своей цѣли и будетъ вознагражденъ за свое прилежаніе. Но, конечно, ему придется вести тяжелую борьбу съ окружающими его неблагоприятными условіями.

Еврей является всюду, гдѣ можно заработать что нибудь посредствомъ упорнаго труда, изобрѣтательности или дальновидной предусмотрительности. Лавки евреевъ-скупщиковъ драгоценныхъ камней, тянущіяся въ Кумбарли на протяженіи цѣлой улицы, магазины ювелировъ въ Трансваалѣ и многія другія коммерческія колоніи евреевъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о присутствіи имъ духа предпріимчивости и о ихъ стремленіи проложить себѣ путь къ новымъ отраслямъ промышленности. Такъ, когда британская экспедиція отправилась въ 1884 г. въ Бечаналандъ (Bechuanaland), то жилища боеровъ оказались всюду запертыми для англичанъ, и они очутились бы въ самомъ затруднительномъ положеніи, если бы къ нимъ не явились на помощь еврейскіе комиссіонеры, позаботившіеся доставить имъ всевозможныя удобства. Бриг-

бургъ (Vrijburg), въ качествѣ столичнаго города бозровъ, состоявшій до тѣхъ поръ изъ полудюжины каменныхъ домовъ, въ полгода обстроился совсѣмъ заново, и въ числѣ другихъ зданій появился отель съ прекрасными бильярдными залами и французскимъ поваромъ. И столько хлопотъ и трудовъ было потрачено евреями для удовлетворенія только временной потребности, такъ какъ они хорошо знали, что ихъ отель съ бильярдными залами совершенно опустѣетъ по уходѣ англійскихъ войскъ.

Но предприимчивость и дѣловитость евреевъ проявлялись главнымъ образомъ въ торговыхъ и финансовыхъ операціяхъ. Что же касается до того, способны-ли они сами взяться за плугъ, то этотъ вопросъ довольно трудно рѣшить въ настоящее время, такъ какъ они до сихъ поръ предпочитали, повидимому, скумать хлѣбъ, посѣянный другими. Намъ даже не разъ приходилось слышать сомнѣнія насчетъ того, чтобы земледѣльческая колонія, составленная изъ однихъ только евреевъ, могла достигнуть успѣшныхъ результатовъ. Поэтому, для успѣха дѣла, необходимо, чтобы такая колонія была организована съ большою осмотрительностью и составлена изъ людей способныхъ къ земледѣльческому труду и дѣйствительно желающихъ посвятить ему свои силы. Такимъ образомъ, теперешнее движеніе евреевъ, съ цѣлью основанія земледѣльческихъ колоній, представляетъ особенный интересъ въ виду ихъ заявленій, что туда будутъ отправлены именно такіе люди, какіе нужны для успѣха задуманнаго предпріятія.

Изъ исторіи намъ извѣстно, что, по прибытіи Нееміи въ Іерусалимъ, онъ былъ осажденъ жалобами на евреевъ за то, что они забрали подъ залогъ крестьянскую землю. Но нужно вспомнить, что евреи, вернувшіеся туда подъ предводительствомъ Эздры, не принадлежали къ земледѣльческому классу. Вавилоняне оставили виноградарей и пахарей въ ихъ отечествѣ и увели въ плѣнъ только іудейскихъ священниковъ, князей и купцовъ, и изъ крестовидныхъ таблицъ (cruciforme tablets)

видно, что евреи занимались торговлей въ Вавилонѣ, какъ во время своего плѣна, такъ и впоследствии. Что же касается до евреевъ, эмигрировавшихъ въ Палестину въ 1880 г. и поселившихся въ Иерусалимѣ, то они зарабатывали себѣ средства къ жизни тѣмъ, что служили посредниками между крестьянами и ихъ городскими покупателями. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, въ Палестинѣ, какъ говорятъ, было не болѣе 8,000 евреевъ, теперь же ихъ насчитываютъ тамъ до 100,000 человекъ, — изъ этого числа 15,000 живутъ частію въ самомъ Иерусалимѣ, частію же въ его окрестностяхъ и составляютъ около половины городского населенія. Большая часть изъ этихъ переселенцевъ явилась въ Палестину почти безъ всякихъ средствъ къ жизни, но черезъ нѣсколько лѣтъ ихъ матеріальное положеніе настолько улучшилось, что они получили возможность купить землю, и выстроили въ складчину длинные ряды домовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ видѣлись прежде одни пустыри. Любопытно то, что въ силу сдѣлокъ, заключенныхъ между владѣльцами этихъ домовъ, они отдавались въ наемъ въ первое время, по жребію. По сообщеніямъ еврейской прессы, теперь также проектируется постройка 4,000 домовъ на протяженіи южной дороги, ведущей къ Вилелему. Главное затрудненіе для постройки домовъ въ этой мѣстности заключается въ способѣ доставки воды, такъ какъ въ Иерусалимѣ имѣется всего только одинъ, крайне недостаточный водный источникъ, и большая часть его населенія снабжается водой изъ дождевого водоема (rain-water cisterne). Но это уже старинный вопросъ о доставкѣ воды, который при Пилатѣ былъ разрѣшенъ съ помощью постройки двухъ длинныхъ водопроводовъ изъ источниковъ Этама и другихъ источниковъ на югѣ Вилелема, но эти водопроводы такъ запущены въ настоящее время, что почти совсѣмъ не дѣйствуютъ — нижній, впрочемъ, отъ времени до времени исправляется и доставляетъ воду къ оградѣ храма, верхній же совершенно испорченъ. Одна англійская компанія недавно предлагала свои услуги по части устройства водопроводовъ,

но этимъ способомъ едва-ли можно совершенно устранить существующее неудобство, въ виду быстро возрастающаго населенія.

Миссіонерскимъ обществомъ также сдѣлана была попытка оказать помощь евреямъ посредствомъ суммъ, собранныхъ спеціально для того, чтобы основать для нихъ колонію въ Артуфѣ, въ нижнихъ холмахъ, на западной сторонѣ города. Но выборъ мѣстности нельзя назвать вполне удачнымъ, такъ какъ населеніе деревень въ долинахъ сильно страдаетъ отъ лихорадокъ въ осеннее время. Тѣмъ не менѣе, земледѣльческая колонія была учреждена, и многіе изъ обнищавшихъ евреевъ-переселенцевъ были переведены туда изъ черезчуръ переполненной столицы. Но между евреями, принятыми христіанскими миссіями подъ свое покровительство, нашлось, повидимому, не много пожелавшихъ принять христіанство; англійскіе же евреи отвесили крайне недовѣрчиво къ дѣйствіямъ миссіонеровъ и рѣшили употребить все отъ нихъ зависящее, чтобы помочь своимъ собратьямъ и избавить ихъ отъ благодѣяній иновѣрцевъ.

Такимъ образомъ, поддержка извнѣ принимается не совсемъ охотно гордыми и энергичными представителями еврейской націи, которые ревниво оберегаютъ интересы «древняго народа», какъ они любятъ себя называть. Въ доброжелательствѣ христіанскихъ миссіонеровъ они тотчасъ усмотрѣли попытки къ прозелитизму и стремленіе къ осуществленію заранѣе обдуманной цѣли, искусно прикрываемое челоуѣколюбивыми побужденіями. Но теперешнее движеніе евреевъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что начато по ихъ собственной инициативѣ, вслѣдствіе чего возбуждаетъ въ нихъ особенно сильный интересъ. Ассоціація *Chovevey Zion* приглашаетъ всѣхъ «друзей Сіона» сплотиться вмѣстѣ и составить неразрывный союзъ съ цѣлью переселенія въ Палестину евреевъ, высланныхъ изъ Европы, и устройства земледѣльческихъ колоній. Во главѣ этой ассоціаціи находятся весьма вліятельные люди и всѣмъ извѣстные капиталисты. Проектируемая мѣра была

встрѣчена всюду (?) съ большимъ сочувствіемъ, и хотя ассоціація предстоить преодолѣть не мало затрудненій для достиженія практическихъ результатовъ, но выполнение принимаемой ею на себя задачи отразится на всей судьбѣ Палестины и приведетъ къ значительнымъ перемѣнамъ въ размѣщеніи еврейскаго населенія и въ его законодательствѣ.

Что же касается до возраженій противъ цѣлесообразности переселенія евреевъ въ Палестину, выставляемыхъ на видъ такъ называемыми практиками, то они касаются главнымъ образомъ слѣдующихъ пунктовъ: во первыхъ — что турецкое правительство помѣшаетъ осуществить планъ, составленный евреями; во вторыхъ — что страна уже населена и по своему плодородію немногимъ отличается отъ каменистой пустыни; въ третьихъ — что евреи, занимающіеся съ незапамятныхъ временъ торговлей, никогда не привыкнуть къ земледѣльческому труду, и, наконецъ, въ четвертыхъ — что теперешнее ихъ движеніе имѣетъ чрезчуръ восторженный характеръ и походить на религиозное увлеченіе, чуждое всякихъ практическихъ соображеній.

На первый пунктъ возраженій мы можемъ, съ своей стороны, возразить, что нѣтъ никакого основанія утверждать, что султанъ отнесется враждебно къ намѣренію евреевъ основать колоніи въ его владѣніяхъ. По заявленіямъ еврейской прессы, стѣснительныя ограниченія, мѣшавшія иностранцамъ покупать землю на востокѣ, въ настоящее время отмѣнены¹. Впрочемъ, эти ограниченія и прежде не простирались на купчія, совершаемыя легальнымъ порядкомъ, но миссіонерскія общества обходили законъ, совершая купчія черезъ посредство мусульманскихъ агентовъ. Еврейскіе и другіе капиталисты также не разъ покупали земли на востокѣ, которыя приносили имъ значительный доходъ, не смотря на разорительную систему бакшиша. Финансовое положеніе евреевъ также долж-

¹ Но въ послѣднее время опять возобновлены; ст. Кондера помѣщена, напомнимъ, въ *июльской* книгѣ „В. Е. М.“.

Прим. ред.

но расположить султана въ ихъ пользу, и сверхъ того, они не могутъ быть заподозрѣны ни въ какихъ враждебныхъ замыслахъ противъ Турціи¹. Разумѣется, по возвращеніи ихъ на родину, въ нихъ пробудится духъ національности, но въ основѣ теперешняго ихъ движенія лежатъ скорѣе религіозныя, чѣмъ національныя побужденія (?), Коранъ же ставитъ евреевъ, такъ же какъ и христіанъ—какъ подданныхъ, которымъ дозволено исповѣдывать свою религію—въ совершенно инныя условія, чѣмъ народовъ, не имѣющихъ никакого письменнаго устава религіи (no religion of a book). Правительство Порты имѣетъ въ своемъ распоряженіи огромное пространство земли, которой, въ силу своего закона, оно можетъ бесплатно надѣлять всѣхъ, желающихъ обработывать ее. Такъ, въ Нижней Галилеѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, находилось до 200,000 акровъ незанятой земли; точно такъ же и ваиорданская область Гилеадъ (Gilead), отличающаяся своимъ здоровымъ климатомъ, весьма бѣдно заселена. Въ виду стѣсненнаго положенія мѣстныхъ крестьянъ, они, вѣроятно, охотно согласились бы продать часть своихъ незанятыхъ земель; но при этомъ необходимо принять мѣры къ тому, чтобы покупка земли была произведена не въ ущербъ туземному населенію, которое, не смотря на свою малочисленность, отличается трудолюбіемъ и выносливостью, и, при другихъ административныхъ порядкахъ, можетъ составить лучшій земледѣльческій элементъ страны.

Второе возраженіе—что Палестина уже достаточно населена—намъ кажется не совсѣмъ убѣдительнымъ, такъ какъ оно можетъ быть сдѣлано на одинаковомъ основаніи и относительно всякой другой страны въ мірѣ. Новыя колоніи Южной Африки такъ переполнены многочисленнымъ населеніемъ кафровъ, что туда, кажется, рѣшительно невозможно переселять бѣлыхъ людей, не нарушая законныхъ правъ мирныхъ тузем-

¹ Однако, въ турецкихъ органахъ печати и правительственныхъ сферахъ высказывались въ этомъ году опасенія, не связано-ли массовое переселеніе евреевъ съ политическими осложненіями.

Прим. ред.

цавъ. А между тѣмъ, эта причина никогда не выставляется на видъ, какъ помѣха для колонизаціи въ Африкѣ. Цифра всего теперешняго населенія Сиріи, по своему пространству значительно превосходящей Валлисъ, по всей вѣроятности, не доходить и до половины цифры лондонскаго населенія. Въ Дамаскѣ, единственномъ городѣ страны, заслуживающимъ этого названія, насчитываютъ не многимъ болѣе 200,000 жителей. За Иорданомъ же, въ мѣстности, занятой теперь номадами, — гдѣ безпрестанно попадаются развалины городовъ, винодѣленъ, маслобоенъ (olive-yards) и другіе слѣды исчезнувшей человѣческой жизни, — приходится среднимъ числомъ не болѣе семи человѣкъ жителей на цѣлую квадратную милю. Несомнѣннымъ доказательствомъ того, что страна доставляла средства къ жизни въ десять разъ болѣе многочисленному населенію, служить масса развалинъ, относящихся къ цвѣтущему періоду римскаго и византійскаго владычества. Даже во времена норманскихъ королей количество населенія было, повидимому, гораздо значительнѣе теперешняго. Самое ея пространство свидѣтельствуетъ, что она можетъ вмѣстить въ себѣ еще цѣлый милліонъ жителей и даже болѣе. Мнѣніе же о неплодородіи Палестины, вѣроятно, составилось вслѣдствіе того, что большинство путешественниковъ посѣщали до сихъ поръ наименѣе урожайныя ея мѣстности. Дѣйствительно, пустыни, окружающія Мертвое море, и мѣловыя плоскогорья на югѣ отъ Бааршебы (Beerseba) — годны только для скотоводства при настоящемъ положеніи вопроса о доставкѣ воды; но, вообще, говоря о климатѣ, плодородіи и произведеніяхъ Палестины, ее скорѣе всего можно сравнить съ Южной Италіей, которая съ давнихъ временъ называется земнымъ раемъ. У насъ также встрѣчаются каменистыя мѣстности, цѣлыя пространства съ голыми утесами и неплодныя равнины, — и все-таки Англія не считается страной, непригодной для земледѣлія. Палестина же, и при теперешнихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, изобилуетъ хлѣбомъ, виномъ и масломъ.

Третье возраженіе—что евреи не земледѣльческій народъ—быть можетъ, больше всего заслуживаетъ вниманія. Они сами отрицаютъ справедливость этого мнѣнія, мы же можемъ только сказать, что главная причина, побуждавшая ихъ заниматься больше торговлей, чѣмъ земледѣіемъ, заключалась въ томъ, что для нихъ затруднительно было пріобрѣтать земельную собственность вслѣдствіе неблагоприятныхъ законодательныхъ мѣръ, направляемыхъ противъ нихъ. Но они желаютъ теперь, чтобъ ихъ колонисты посвятили себя земледѣльческому труду, и, дѣйствительно, вначалѣ они должны будутъ ограничиться исключительно этимъ занятіемъ. Современемъ же, когда они прочно оснуются на избранныхъ ими мѣстахъ, земледѣльческій трудъ можетъ привести ихъ къ весьма существеннымъ результатамъ и открыть для нихъ доступъ какъ къ промышленнымъ занятіямъ, такъ и къ торговымъ сношеніямъ съ другими странами. Для нихъ откроется широкое поле для примѣненія своихъ способностей и въ ремесленной, и въ строительной, и въ коммерческой части,—причемъ не лишнее принять къ свѣдѣнію, что Палестина, въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія, а можетъ быть и болѣе, была страной шелководства. Разведеніе шелковичнаго червя, какъ извѣстно, начато было еще при Юстиніанѣ, въ Кипрѣ и въ Сиріи.

Наконецъ, четвертое и послѣднее возраженіе—что теперешнее движеніе евреевъ имѣетъ характеръ религіозной экзальтаціи—на столько поверхностно, что должно быть отнесено къ числу набитыхъ фразъ, раздающихся при обсужденіи всякаго серьезнаго и смѣлаго предпріятія. Мы не станемъ отрицать того, что евреями руководитъ въ данномъ случаѣ глубокое религіозное чувство¹. Изъ года въ годъ они молятъ Бога о сво-

¹ Такой взглядъ автора не совсѣмъ соответствуетъ дѣйствительности: если нельзя отрицать у некоторыхъ горячихъ приверженцевъ палестинской колонизаціи примѣсы религіознаго чувства, все-таки въ основѣ движенія лежатъ (по крайней мѣрѣ у большинства принципиальныхъ сторонниковъ) побужденія національныя.

Прим. ред.

емъ освобожденія, и неужели эта горячая жельба, это *постоянное* стремленіе къ освобожденію могутъ быть названы религіозной энзаальтаціей, когда они, подъ давленіемъ обстоятельство, принимаютъ острую форму. Но отчеты о послѣднихъ митингахъ евреевъ свидѣтельствуютъ, что они дѣйствуютъ подъ вліяніемъ не одного только религіознаго чувства, а руководствуются также и практическими соображеніями. Изъ рѣчей ихъ ораторовъ видно, что они хорошо сознаютъ, какъ предстоянція имъ затрудненія, такъ и необходимость сплотиться вмѣстѣ и дѣйствовать по заранѣ обдуманному плану. Въ то же время на этихъ митингахъ подробно обсуждались всѣ выгоды и невыгоды предполагаемой эмиграціи, а также и тѣ мѣропріятія, къ которымъ должны будутъ прибѣгнуть еврейскіе комитеты. Вообще, евреи, прежде всего, отличаются здравомысліемъ, и ихъ едва-ли можно заподозрить въ способности увлекаться до забвенія практическихъ соображеній.

Идея о переселеніи евреевъ въ Палестину уже не новая, и между ними не разъ заходила рѣчь о возможности осуществленія ея. Съ этою цѣлью собирались даже свѣдѣнія о положеніи страны. Такъ, въ 1878 г. въ «Jewish Chronicle» было напечатано по этому поводу цѣлый рядъ писемъ, возбуждившихъ живѣйшій интересъ въ еврейской публикѣ. Послѣ того, извѣстный м-ръ Лоренцъ Олифантъ также долго трудился надъ разрѣшеніемъ вопроса о возможности переселенія евреевъ въ Палестину, и результатомъ его изслѣдованій было появленіе въ печати сочиненія подъ заглавіемъ «The land of Gilead»¹, содержащаго въ себѣ много практическихъ и полезныхъ свѣдѣній о странѣ. Но въ то время для переселенія евреевъ существовало два непреодолимыхъ препятствія: во первыхъ, турецкій султанъ противился этому, а во вторыхъ, и сами евреи, въ концѣ концовъ, пришли къ тому заключенію, что гористая страна Гилеадъ, находящаяся за Иорданомъ, на которую

¹ The Land of Gilead, with Excursions in the Lebanon, by Laurence Oliphant, 1880.

м-ръ Олифантъ указывалъ въ своей книгѣ, какъ на главный переселенческій пунктъ, неудобна для поселенія, по своей отдаленности и вслѣдствіе сосѣдства съ хищными кочевниками. Теперь же оба эти затрудненія, повидимому, могутъ быть устранены. Турецкій султанъ, по всей вѣроятности, не оставитъ безъ вниманія коллективную просьбу вліятельныхъ еврейскихъ капиталистовъ и исполнитъ то, въ чемъ онъ отказывалъ прежде. Что же касается до отдаленности Гилеада, то это препятствіе также будетъ устранено съ помощью постройки проектируемой желѣзной дороги отъ Средиземнаго моря до Дамаска. Эта линія уже осмотрѣна вдоль тракта, на который указывалось въ вышеупомянутыхъ письмахъ, и который, по пересѣченіи равнины Эвдралонъ, спускается въ Иорданскую долину въ видѣ отлогой и открытой равнины, проходящей по южной сторонѣ Галилейскаго моря и достигающей Башавскихъ равнинъ естественнымъ спускомъ. Такимъ образомъ, эта линія будетъ огибать сѣверную часть чрезвычайно здоровой и богатой водою Гилеадской страны, съ ея дубовыми лѣсами, быстрыми источниками и древними разрушенными городами, и пересѣчетъ обширныя хлѣбныя равнины Хорана (Hauran), плодородная почва которыхъ уже доставляетъ хлѣбъ для экспорта.

Вторая желѣзная дорога, къ постройки которой уже приступлено, откроетъ доступъ въ Иерусалимъ со стороны Яффы. Эта линія пересѣкаетъ Саронскія (Sharon) равнины и достигаетъ до еврейской колоніи въ Артуфъ, откуда она направляется далѣе, вдоль большого рва, ведущаго въ столицу южной Палестины. Въ центрѣ страны древняя столица оказывается еще доступнѣе въ Сихемъ (at Shechem) съ берега, хотя тутъ и не имѣется естественной гавани. Что же касается до другихъ желѣзнодорожныхъ линій, на которыя указывалъ м-ръ Олифантъ, то думаютъ, что проведеніе ихъ будетъ сопряжено съ значительными техническими затрудненіями, но всетаки надѣются, что со временемъ можно будетъ устроить сообщеніе съ Суэзскимъ каналомъ вдоль морского берега, черезъ Газу.

Причина замедленія постройки желѣзныхъ дорогъ въ Палестинѣ зависѣла, главнымъ образомъ, отъ политическихъ и финансовыхъ затрудненій. Всѣ были того мнѣнія, что желѣзныя дороги въ Палестинѣ не въ состояннн будутъ содержать себя сами, при незначительности прежняго ея населенія и сравнительно маломъ числѣ ея ежегодныхъ посѣтителей. Но внезапное увеличеніе населенія совершенно намѣняетъ сущность вопроса. Желѣзныя же дороги — эти проводники цивилизаціи — сдѣлаютъ удобными для поселенія тѣ страны, достиженіе которыхъ, въ непродолжительномъ времени, будетъ отнимать всего нѣсколько часовъ времени, тогда какъ прежде оно было сопряжено съ продолжительнымъ и крайне утомительнымъ путешествіемъ на вьючныхъ животныхъ.

Башанскія хлѣбныя равнины, не смотря на замѣчаемый тамъ недостатокъ воды, всегда славились своимъ плодородіемъ. Населеніе этой мѣстности состоитъ теперь преимущественно изъ друзовъ и арабовъ, но развалины древнихъ городовъ, относящіяся къ римскому періоду, свидѣтельствуютъ, что здѣсь прежде жило гораздо болѣе многочисленное населеніе. Быть можетъ, безпокойныя племена номадовъ могутъ причинить нѣкоторыя хлопоты, но на это зло не слѣдуетъ смотрѣть какъ на серьезное препятствіе (?), тѣмъ болѣе, что теперь власть турецкаго правительства въ этой мѣстности гораздо сильнѣе, чѣмъ то было двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, когда м-ръ Олифантъ собиралъ на мѣстѣ свѣдѣнія о Гилеадской области. Если проектируемая земледѣльческая колонизація состоится, и Палестина станетъ страной, вполне доступной для торговыхъ сношеній, то она можетъ сдѣлаться для Англіи весьма важнымъ пунктомъ для закупки хлѣба, такъ какъ она ближе къ ней, чѣмъ Россія; въ то же время она можетъ съ успѣхомъ конкурировать и съ Индіей, въ виду огромныхъ пошлинъ, которыя намъ приходится платить за провозъ хлѣба черезъ Суазскій каналъ, и возможности сократить провозъ моремъ на половину. Съ улучшеніемъ способовъ обработки хлѣба и раз-

вitiемъ земледѣльческаго дѣла, торговля хлѣбомъ на вывозъ можетъ принять гораздо болѣе широкіе размѣры, чѣмъ въ настоящее время. А благодаря сухому климату, Ваданская и Гилеадская области могутъ, повидимому, считаться самыми здоровыми мѣстностями Сиріи, за исключеніемъ южныхъ пастушескихъ степей. Тѣ, которые совѣтуютъ колонистамъ поселиться въ безводной полосѣ на сѣверѣ Бечуаналанда или въ дикородныхъ мѣстностяхъ императорской восточно-африканской компаніи, предлагаютъ имъ гораздо менѣе практичный и цѣлесообразный планъ, чѣмъ тѣ, которые утверждаютъ, что для нихъ всегдѣ удобнѣе занять старинный центръ торговли и земледѣлія, переселившись въ Палестину. Что же касается до климата и производительности почвы, то, благодаря своему физическому положенію, Сирія должна быть настолько же плодородна, какъ и южная Италія, и въ этомъ отношеніи она превосходитъ Грецію и другія восточныя страны Средиземнаго моря. Такимъ образомъ, вопросъ сводится къ тому, чтобы заручиться согласіемъ султана и найти необходимыя средства для учрежденія колоній, къ чему, повидимому, и направлены въ настоящее время усилія еврейскихъ патриотовъ.

Не смотря на все то, что писалось до сихъ поръ о Святой Землѣ, въ народныхъ массахъ почему-то составилось мнѣніе, что она вся состоитъ изъ песчаныхъ равнинъ съ пальмовыми оазисами и голыхъ каменистыхъ горъ, совершенно непригодныхъ для обработки. Многіе же совершенно серьезно думаютъ, что надъ страной тяготѣетъ проклятіе, вслѣдствіе чего дождь не орошаетъ земли и крѣпы не растутъ въ долинахъ. Въ послѣднее время, впрочемъ, начали распространяться слухи, что проклятіе это снято и засуха прекратилась, въ чемъ многіе видятъ столь желанное предзнаменованіе скорого возвращенія евреевъ на родину. На самомъ же дѣлѣ, метеорологическія наблюденія въ Палестинѣ показываютъ, что климатъ тамъ нисколько не перемѣнился, по крайней мѣрѣ, за послѣднее двадцатилѣтіе, и что дожди идутъ тамъ такъ же часто и въ такомъ

же обилии, какъ и въ другихъ странахъ Средиземнаго моря, хотя бываетъ и продолжительная засуха, какъ и въ прежнее время. Тѣмъ, кому приходилось любоваться роскошнымъ ковромъ цвѣтовъ, покрывающимъ весной Иорданскую долину, или прислушиваться къ воркованью дѣвнхъ голубей въ дубовыхъ лѣсахъ около Назарета, или гоняться за пугливыми сайгами, бѣгающими по кармельскимъ прогалинамъ, или перебѣжать черезъ горные источники Гилеадской области, окруженные цѣлыми лѣсами дубовъ и сосенъ, или засматриваться на необозримыя саронскія и галилейскія равнины съ растущимъ на нихъ хлѣбомъ, или топтать подъ ногами тимьянъ на самарійскихъ холмахъ, или отдыхать въ садахъ, подъ тѣнью фиговыхъ, оливковыхъ, тутовыхъ и абрикосовыхъ деревьевъ, обремененныхъ плодами;—тѣмъ хорошо известно, что Палестина волюнъ заслуживаетъ и теперь, какъ прежде, названія обитованной земли. Если надъ нею и тяготѣетъ проклятіе, то оно заключается въ несправедливыхъ и совершенно невозможныхъ административныхъ порядкахъ. Гнетъ, давящій крестьянина и подрывающій земледѣліе, сдѣлалъ свое дѣло и превратилъ хлѣбное поле въ поле сорной травы. Жадные паша, несправедливые судьи, грабители-откупщики—вотъ кто разоряетъ страну и тяготѣетъ надъ нею, какъ истинное проклятіе. Мать-природа и теперь предвизваетъ земледѣльцу свои дары—хлѣбъ, растущій на ея плодотворныхъ равнинахъ, и вино и масло, добываемыя на ея зеленыхъ холмахъ и въ тѣнистыхъ оливковыхъ рощахъ; но слѣдъ прахитакелъ и паразитовъ отнимаетъ у нею все, что она приобретаетъ своимъ тѣловымъ трудомъ.

Такимъ образомъ, если предпологаемая еврейми колонизація состоится, —а намъ кажется невозможна, чтобы Палестина осталась невзантой, если даже страны, представляющія горядо менѣе удобствъ для населенія, привлекаютъ къ себѣ вниманіе европейскихъ колонизаторовъ, — то необходимо будетъ принять мѣры къ тому, чтобы подождать конецъ существую-

щимъ теперь злоупотребленіямъ и позаботиться о томъ, чтобы плоды труда пожинали не паразиты, а сами труженики. Разумѣется, нельзя рассчитывать, чтобы султанъ дозволилъ распространить и на другія провинціи такую же правительственную систему, какая существуетъ въ Ливанской области, и которая, скажемъ къ слѣду, прекрасно выработана и представляетъ образецъ турецкой администраціи. Точно такъ же невозможно, не возбуждая подозрѣній султана, обращаться къ нему съ предложеніемъ поручить покровительству европейскихъ державъ страну, населеніе которой состоитъ большею частью изъ мусульманъ, и въ которой находятся (въ Хевронѣ (Hebron) и Іерусалимѣ) двѣ главныя ихъ святыни. Но нѣтъ и надобности обращаться къ нему съ такими предложеніями. Необходимо только позаботиться, чтобы при покупкѣ земли колонисты заручались документами, составленными по всѣмъ правиламъ турецкихъ законовъ, и чтобы земельныя границы были точно и ясно опредѣлены; сверхъ того, нужно настоять на томъ, чтобы подати на хлѣбъ налагались не въ то время, когда онъ стоитъ на корню—что составляетъ одно изъ величайшихъ злоупотребленій—а послѣ его обмолога, и чтобы деньги вносились прямо въ константинопольское казначейство, безъ всякихъ вычетовъ, которые привыкли дѣлать мѣстныя власти и откупщики. Наконецъ, необходимо позаботиться, чтобы была заведена настоящая полиція, а также и о томъ, чтобы предводителямъ и старшинамъ колонистовъ были предоставлены оффиціальнымъ порядкомъ такія же права, какими пользуются главные раввины въ Іерусалимѣ. Разумѣется, турецкія власти будутъ протестовать противъ такихъ мѣръ, если же онѣ не будутъ приняты своевременно, то проектируемая колонизація никогда не достигнетъ тѣхъ полезныхъ результатовъ, какихъ можно ожидать отъ нея. Но выполненіе условій, на которыя мы указываемъ, не сопряжено ни съ какими существенными затрудненіями, такъ какъ они ни въ какомъ случаѣ не мо-

гутъ повести къ нарушенію ученія Корана, или къ ослабленію верховной власти султана.

Быть можетъ, между самими евреями возникнутъ нѣкоторыя непредвидѣнныя затрудненія, которыя могутъ быть вызваны выполненіемъ предписаній ихъ закона и правилъ, изложенныхъ въ Талмудѣ. Такъ, по ученію Мишны, строгое выполнение постановленій относительно субботняго года считается обязательнымъ только въ предѣлахъ Святой Земли; въ Сиріи же за галилейской границей, они могутъ быть выполняемы не такъ строго, а въ другихъ странахъ дозволяется и совсѣмъ не выполнять ихъ. Но нѣкоторые доказываютъ, что какъ этотъ, такъ и другой законъ, касающійся пасхальныхъ обрядовъ и «Красной Коровы», могли имѣть силу въ Святой Землѣ только въ то время, когда существовалъ іерусалимскій храмъ, и когда можно было совершать богослуженіе, а до тѣхъ поръ, пока храмъ остается въ теперешнемъ видѣ, евреи и на родинѣ могутъ ограничиться тѣми же обрядами, которые они совершаютъ въ изгнаніи.

Каковы бы ни были наши собственные религіозныя мнѣнія, но намъ кажется, что изъ сказаннаго здѣсь ясно видно, что вопросъ о переселеніи евреевъ на родину можетъ быть разсматриваемъ не съ одной только точки зрѣнія отвлеченнаго увлеченія или религіозной экзальтаціи. Единственное серьезное возраженіе, которое можно сдѣлать противъ эмиграцій вообще, состоитъ въ томъ, что онѣ предпринимаются по большей части съ спекулятивными цѣлями, съ надеждами на быстрое обогащеніе посредствомъ покупки и продажи земли, вслѣдствіе чего эмигранты-аферисты смотрятъ на нее только какъ на одно изъ средствъ для наживы и барышей и нисколько не заботятся объ обработкѣ ея. Для предупрежденія этого зла, замѣчаемаго также и въ Америкѣ, необходимо обставить дѣло колонизаціи такимъ образомъ, чтобы обработка земли составляла главную и единственную задачу для колонистовъ, и чтобы земля представляла для нихъ цѣнность только съ этой точки

врѣнія. Только этимъ путемъ и могутъ быть ограждены интересы трудолюбивыхъ земледѣльцевъ. Что же касается до спекуляторовъ и аферистовъ, гонящихся за легкой наживой, то имъ ничего не остается болѣе, какъ перенести свою дѣятельность въ другія страны (въ Южную Африку, на примѣръ), гдѣ они могутъ заняться, въ видахъ быстраго обогащенія, покупкой и продажей степей, не прикладывая своего труда къ обработкѣ ихъ.

Въ заключеніе этой краткой статьи, посвященной нами обсужденію одного изъ самыхъ интересныхъ современныхъ вопросовъ, удачное разрѣшеніе котораго можетъ привести къ полному перевороту въ судьбѣ цѣлой націи (?),—намъ остается только повторить слова, сказанныя три столѣтія тому назадъ однимъ изъ гениальнѣйшихъ людей Англіи въ отвѣтъ на крики слѣпой и закоренѣлой ненависти противъ евреевъ, которые продолжаютъ раздаваться и до сихъ поръ:

«Развѣ у еврея не такіе же органы чувствъ, какъ и у христіанина? Развѣ онъ пытается не тѣмъ же, чѣмъ и христіанинъ, поражается не тѣмъ же оружіемъ, подверженъ не тѣмъ же болѣзнямъ, излечивается не тѣми же лекарствами, страдаетъ не въ одинаковой степени отъ лѣтняго жара и зимняго холода? Если вы станете колоть насъ, развѣ изъ насъ не польется кровь? Если вы задумаете щекотать насъ, развѣ мы въ состояніи будемъ удержаться отъ истерического хохота? Если вы дадите намъ отравы, развѣ мы не умремъ? Если вы сдѣлаете намъ зло, развѣ мы не отмстимъ за него? Если мы во всемъ этомъ похожи на васъ, то и въ остальномъ мы ничѣмъ отъ васъ не отличаемся. Если еврей нанесетъ кровную обиду христіанину, то чѣмъ онъ отплатитъ ему за это? Разумѣется, отмститъ. Если же христіанинъ нанесетъ такую же обиду еврею, то чѣмъ онъ отплатитъ ему за нее, слѣдуя его собственному примѣру? Разумѣется, тоже отмститъ».

Если же вы перестанете дѣлать намъ зло и начнете руко-

воздвигаться въ отношеніи насъ чувствами справедливости и
человѣколюбія, то чѣмъ отплатимъ мы вамъ за это? Конечно,
благодарностью, — прибавимъ мы съ своей стороны, въ видѣ де-
полненія къ приведенной нами цитатѣ.

С. Кондерь.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИТОГИ «ОБЩЕСТВА ПРОСВѢЩЕНІЯ ЕВРЕЕВЪ».

(הנהגת חב"ד בקרב תולדות: *Историческій очеркъ дѣятельности «Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи»*. Составленъ казначемъ Общества Л. М. Розенманомъ. Части I и II. С.-Петербургъ, 1885—1890 г.).

«Общество распространенія просвѣщенія между евреями» — такое неслыханное обаяніе имѣло это нѣя для многихъ еще въ недавнемъ прошломъ, и какъ странно, чуждо звучитъ оно для насъ теперь! Всѣмъ должно быть хорошо памятно еще то время, когда «Общество просвѣщенія» было или, вѣрнѣе, казалось центромъ еврейской умственной жизни въ Россіи. На «Общество» возлагались всевозможныя просвѣдительныя задачи, отъ его дѣятельности ожидали непосредственныхъ результатовъ даже въ гражданской и социальной жизни евреевъ, на него съ благоговѣніемъ и надеждою изирало мелодое поколѣніе, выросшее въ глуши провинціи и восторженно искавшее «свѣта», духовнаго обновленія и незытъ, болѣе широкіе горизонты.

А теперь? Кто думаетъ нынѣ объ этомъ, все еще существующемъ, учрежденіи, кто интересуется его дѣятельностью, кто ждетъ отъ него инициативы или помощи въ какомъ бы то ни было крупномъ общественномъ дѣлѣ? «Общество просвѣщенія», такъ недавно еще стоявшее въ центрѣ еврейской умственной жизни, силою вещей отодвинуто куда-то въ дальній уголъ ея, да и само оно какъ будто спѣшитъ убраться «на покой», какъ престарѣлый инвалидъ, отслужившій свой срокъ. Можно думать, что оно уже не жаветь, а доживаетъ...

Значить, пора уже готовить некрологъ «Общества»? О, нѣтъ: это еще преждевременно. Мы склонны вѣрить, что почтенное учрежденіе доживаетъ только первый фазисъ своего существованія, что оно оставалось негону лишь, что было захвачено врасплохъ бурями смутнаго времени, но очнется и почувствуетъ въ себѣ еще достаточно силъ для того, чтобы возродиться

къ новой жизни, начать новую дѣятельность, болѣе сообразную съ измѣнившимися условіями. Во всякомъ случаѣ, теперь-то именно и настала пора подвести итоги всей минувшей дѣятельности «Общества», написать біографію его за тотъ недавній періодъ, который волею судьбы отходить уже въ область исторіи... Если «Обществу» еще суждено возродиться, — чего не могутъ не желать всѣ благомыслящіе люди, — то безпристрастная историческая оцѣнка его прежней роли, его успѣховъ и неудачъ, его заслугъ и промаховъ, тѣмъ важнѣе, ибо ясное опредѣленіе прошедшаго можетъ научить многому насчетъ того, что слѣдуетъ дѣлать въ будущемъ.

Необходимость приготовить матеріалъ для такой исторической оцѣнки понизъ, уже нѣсколько лѣтъ назадъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ комитета «Общества просвѣщенія», имѣя покойный, Леонъ Розенталь. Въ 1885 г. онъ собралъ и обнародовалъ, въ переводѣ на древне-еврейскій языкъ, извлеченія изъ протоколовъ и постановленій комитета «Общества» за двадцатилѣтній періодъ — отъ конца 1863 г. до 1884 г. включительно. Сверхъ того имъ собрана изъ комитетскаго архива значительная коллекція писемъ, статей и докладныхъ записокъ, касающихся дѣятельности «Общества» въ 60-хъ годахъ. Коллекція эта опубликована только въ прошломъ году, уже по смерти собирателя, въ видѣ второго тома начатаго имъ изданія. Къ этому тому приложены біографія и портретъ Л. М. Розенталя.

Этотъ двутомный сборникъ официальныхъ протоколовъ и документовъ, конечно, не заслуживаетъ еще названія *«Историческая очерка дѣятельности Общества»* etc., какое дали ему издатели, ибо въ настоящемъ своемъ видѣ онъ можетъ служить только сырымъ матеріаломъ для историческаго описанія; но въ послѣднемъ смыслѣ онъ имѣетъ неоспоримо важное значеніе. Особенный интересъ для будущаго наследователя судьбы еврейства въ Россіи въ 60-хъ годахъ представляетъ второй томъ сборника, гдѣ сосредоточена частная переписка по дѣламъ «Общества». Здѣсь довольно ясно отражаются разнообразныя умственныя теченія названной эпохи, ея бурныя стремленія и чаянія ея «лучшихъ людей». Дѣятельность самого «Общества» и отношенія къ нему различныхъ сферъ, еврейскихъ и не-еврейскихъ, выступаютъ здѣсь гораздо рельефнѣе, чѣмъ въ официальныхъ протоколахъ и отчетахъ, собранныхъ въ первый томъ.

Но именно въ виду важности рассматриваемаго изданія, какъ фактическаго основанія не только для исторіи «Общества просвѣщенія», но и отчасти также для характеристики умственнаго состоянія евреевъ въ извѣстную эпоху, мы не можемъ не указать на нѣкоторые крупные недо-

статки этого изданія, прямо вредящіе его главной цѣли. При болѣе внимательномъ отношеніи къ дѣлу со стороны собирателя и издателя, этихъ недостатковъ не было бы, и упомянутое «фактическое основаніе» было бы и шире, и прочтѣе. Прежде всего мы недоумѣваемъ, что побудило издателя опубликовать всѣ протоколы «Общества» и почти всю напечатанную переписку *не въ русскомъ подлинникѣ*, а въ переводѣ на древнеарійскій языкъ, вообще непригодный для передачи стили современныхъ официальныхъ документовъ. Предназначая свой сборникъ не для массы и не для праздно-любопытныхъ изъ «публики», а для интересующихся дѣломъ интеллигентныхъ людей¹, издатели могли, кажется, легко сообразить, что въ силѣ выдать опубликованіе документовъ въ русскомъ подлинникѣ было бы гораздо цѣлесообразнѣе. Неужели и тутъ виѣшалась «политика», — та политика скрытничанья и трусливыхъ опасеній, которая губить или искажаетъ у насъ столько хорошихъ начинаній, которая еще недавно, напримеръ, подсказала чревуцуръ «дальновиднымъ» людямъ, что вредно публиковать старинные историческіе документы о еврейхъ, потому-де, что юдефобы могутъ воспользоваться ими для своихъ цѣлей? Неужели-же и членами комитета «Общества просвѣщенія» руководилъ этотъ суевѣрный страхъ «дурного глаза», и неужели эта именно причина побудила ихъ отказаться отъ изданія своего сборника матеріаловъ въ подлинникѣ, во избѣжаніе широкой гласности? Но вѣдь, кажется, дѣятельность «Общества» происходила всегда открыто и съ легальной стороны; но крайней мѣрѣ, совершенно безукоризненна... Какъ бы то ни было, но теперь приходится намъ, за неимѣніемъ подлинника документовъ, удовольствоваться ихъ переводомъ, вдобавокъ весьма неудовлетворительнымъ, въ чемъ признается и самъ издатель. А если такъ, то кто намъ поручится за фактическую точность перевода?²

¹ Изданіе этого сборника, въ качествѣ важнаго историческаго матеріала, было принципиально рѣшено комитетомъ общества, а затѣмъ и общимъ собраніемъ членовъ въ началѣ 1885 г. (см. предисловіе къ 1-му тому).

² Въ предисловіи къ 1-му тому собиратель оправдываетъ недостатки перевода оговоркою упомятаго переводчика, который «извѣстъ бы основательно русскій языкъ», и своими многосложными коммерческими занятіями, не позволявшими ему съ достаточнымъ вниманіемъ корректировать книгу. Стало быть, переводъ и въ отношеніи точности ненадеженъ, такъ какъ переводчикъ, вслѣдствіе плохого знанія русскаго языка, не могъ вполне понимать оригиналъ, а слитіе съ послѣднимъ перевода было, по признанію самого издателя, недостаточнымъ.

Далѣ, книга не можетъ похвалиться и *полнотою* содержанія. Такъ, во вторыхъ томахъ, списокъ интересномъ, вышущая, также по непонятной причинѣ, почти вся переписка, относящаяся къ періоду послѣ 1870 года. (Переписка за 1864—69 г. занимаетъ въ этомъ томѣ 206 страницъ, а за 1870—84 г. — всего 12 страницъ). И тутъ является вопросъ: что заставило издателей быть столь снисходительными къ четвердцатидесяти годамъ и столь равнодушными къ семидесяти? Почему, открывавши и подробно осматривая одну эпоху, они сочли нужнымъ ослѣпить въ полутьмѣ другую? Видъ такое извѣдѣніе способно породить недоумѣніе и заставляетъ даже сомнѣваться въ искренности и правдолюбін издателей. Читатель, руководясь простыми соображеніями: *qui prodest*, можетъ подозревать, что въ сборникѣ вышущему именно то, о чемъ, изъ личныхъ видовъ, издатели сочли удобнымъ умалчать. Но развѣ тамъ издается *историческій матеріалъ*, развѣ позволительно упускать цѣлый рядъ общественныя факторы безъ особаго уважительнаго причина не личнаго, а общаго-же характера? Въ данномъ случаѣ такіа причина не указаны, — и читатель въ правѣ сомнѣваться въ безпристрастномъ выборѣ документовъ, одну часть которыхъ сочли нужнымъ опубликовать, а другую — умалчать.

Да и въ данной части выборъ матеріаловъ оставляетъ весьма многого желать. Рядомъ съ документами содержательными, имѣющими большой историческій интересъ, попадаются нередко документы совершенно частнаго характера, какъ, напримѣръ, просьбы разныхъ писателей о денежныя пособіяхъ, переписка комитета съ разными лицами о самыхъ ничтожныхъ предметахъ etc. Имена писателей, обращавшихся въ комитетъ съ просьбами, подчасъ весьма незначительными, запечатаны *en toutes lettres*, и письма ихъ воспроизведены цѣликомъ. Большинство этихъ писателей находится еще въ живыхъ и едва-ли будетъ довольно, когда увидитъ свои имена напечатанными подъ такими вовсе не литературными произведеніями. Въ такомъ случаѣ, издатели совершили двойной грѣхъ: противъ писателей, частную корреспонденцію которыхъ опубликовали, очевидно, безъ согласія авторовъ, и противъ публики, которую заставляютъ читать чужія письма, дѣшево искажающаго общественнаго интереса.

Таковы недостатки рисованнаго издавія, — довольно грубые, какъ видите. Но издателимъ иного прѣдстѣтъ, ибо они всѣтаки много сдѣлали, хотя и не все, что могли бы. Благодаря ихъ стараніямъ, мы имѣемъ теперь изрядную коллекцію документовъ, большая часть которыхъ окажетъ будущему историкъ русскимъ евреевъ немаловажную услугу. Дѣятельность

«Общества просвѣщенія», какъ одного изъ факторовъ недавняго прошлаго, раскрывается здѣсь не только въ своей наружной протокольной формѣ, но и въ истѣ съ своей внутренней подкладкой, въ связи съ общественнымъ настроеніемъ, стремленіями и чаяніями той эпохи. Въ этомъ смыслѣ нельзя согласиться съ покойнымъ составителемъ обзора, Л. Розенталемъ, сказавшимъ (въ предисловіи къ т. I, стр. XIV), что «книга, заключающая въ себѣ дѣянія союза, предназначеннаго распространять просвѣщеніе среди милліоновъ нашихъ братьевъ, несомнѣнно достойна вниманія, какъ обширная глава изъ исторіи евреевъ въ нашомъ отечествѣ». Да, это, дѣйствительно, обширная и дѣльная глава изъ нашей исторіи, хотя эта глава могла бы быть составлена и полнѣе, и толковѣе. Слѣдуетъ еще прибавить, что это — глава необработанная, представляющая собою сырой матеріалъ для извѣстныхъ выводовъ и обобщеній. Некоторыя такіе выводы и обобщенія въ связи съ фактическимъ обзоромъ дѣятельности «Общества просвѣщенія» мы намерены сдѣлать на слѣдующихъ страницахъ. Вѣстѣ съ тѣмъ мы позволимъ себѣ отнѣстись коренную принципиальную разницу между задачами нашего «просвѣщенія» въ недавнемъ прошломъ, такъ далеко отодвинутая отъ насъ напоромъ событий, и таковыми же задачами въ настоящемъ или, точнѣе, въ ближайшемъ будущемъ.

I.

Главныя причины, вызвавшія къ жизни «Общество просвѣщенія евреевъ», слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ нужно было распространяться. Униженіе божество среди евреевъ, на задѣ минувшаго царствованія, вліяніе элементарныхъ и раввинскихъ училищъ, воспріятіе къ образованію со стороны правительства, законъ о расширеніи правъ евреевъ, получившихъ вышнее образованіе, и, наконецъ, перенективъ «обрусенія» и равноправія — воля общіе членамъ, побуждавшія некоторыя богатѣе и вліятельныя петербургскія евреи ходатайствовать объ учрежденіи союза, нѣтъшаго цѣлью содѣйствовать просвѣщенію еврейской массы въ жалательномъ правительствѣ направленіи. «Мы восточно слышали отъ высокопоставленныхъ особъ, съ каими сталъ являться, — говорить единъ изъ учредителей «Общества», — упрямъ еврейскъ въ бытовомъ мнѣніи, фанатичнѣ, стучающій отъ всего русскаго, и получали со всѣхъ сторонъ увѣренія, что съ устраненіемъ этихъ особенностей дождеженіе нашихъ братьевъ въ Россіи улучшится, и что мы всѣ станемъ равноправными гражданами государства.

Это-то и побудило насъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, учредить союзъ образованныхъ людей для искорененія вышеупомянутыхъ недостатковъ нашихъ, посредствомъ распространенія среди евреевъ русской грамоты и всякихъ полезныхъ знаний» (т. I, введении, стр. VI—VIII).

2-го октября 1863 г. уставъ «Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи» былъ утвержденъ, съ одобренія министра народнаго просвѣщенія, министромъ внутреннихъ дѣлъ. Первый параграфъ устава гласилъ: «Общество поставило себѣ цѣлью распространять просвѣщеніе между евреями, живущими въ Россіи, поощрять ихъ литературу и доставлять пособіе учащемуся юношеству. Въ этихъ видахъ, Общество споспѣшествуетъ распространенію между евреями знанія русскаго языка, издаетъ само и содѣйствуетъ другимъ къ изданію новыхъ сочиненій, переводовъ и періодическихъ изданій, какъ на русскомъ, такъ и на еврейскомъ языкахъ, имѣющихъ цѣлью распространить просвѣщеніе между евреями, и поощрять пособиями юношество, посвящающее себя наукѣ». Комитетъ «Общества» находился въ Петербургѣ. Годовой взносъ «дѣйствительныхъ членовъ» былъ опредѣленъ первоначально въ 25 рублей, но спустя три года учредители поняли, что эта цифра слишкомъ велика для людей средняго достатка, а потому въ измѣненномъ (въ началѣ 1867 г.) уставѣ прибавили еще разрядъ «членовъ-благотворителей», годового взноса которыхъ назначенъ былъ въ разнѣрѣ десяти рублей.

Учредителями Общества, какъ уже сказано, были преимущественно представители еврейской денежной аристократіи въ столицѣ: баронъ Евсей Гиндбургъ (предсѣдатель Общества до своей смерти въ 1878 г.), его сынъ баронъ Гораций Гиндбургъ (вытѣсненный предсѣдателемъ), Л. М. Розенталь (бессѣнный казначей), А. Бродскій и др. Къ нимъ прикнули скорѣй, въ качествѣ членовъ комитета, нѣкоторые представители ученаго сословія: раввинъ д-ръ Нейманъ, д-ръ I. Вертмансъ, проф. Хвольсонъ, А. Я. Гаркави; но влияние послѣднихъ на дѣла «Общества» значительно уступило влиянію главныхъ учредителей, отъ щедрости которыхъ зависѣло матеріальное существованіе «Общества», нѣбольшаго сравнительно очень мало членовъ. Это преобладающее влияніе учредителей шло и хорошему и дурному сторону. Съ одной стороны, главное участіе въ комитетѣ людей практическимъ и дѣловымъ придавало всюу учрежденію нѣкоторую устойчивость, солидность и предохраняло его отъ разныхъ нецѣльныхъ умелостей. Уверенность, спокойствіе и осторожность въ дѣйствіяхъ, безъ сомнѣнія, нужны были комитету для того, чтобы не возстановить противъ себя ни

еврейской ортодоксальной массы, косо смотрѣвшей на всю эту просвѣтительную «загѣю», ни правительственныхъ органовъ. Но, съ другой стороны, это вліяніе значительно суживало задачи «Общества», и придало имъ съ самаго начала строго-утилитарный характеръ. Главнымъ девизомъ учредителей было: «образование ради достиженія равноправія». Вслѣдствіе этого они заботились больше о формальномъ, казенномъ образованіи, о распространеніи русской грамоты и элементарной школьной науки, чѣмъ о внутреннемъ духовномъ просвѣщеніи массы и ея тенныхъ руководителей, чѣмъ о серьезномъ авансѣ, способномъ поднять утѣшительный и отчасти даже нравственный уровень всего народа, отъ высшихъ до низшихъ его слоевъ. Умѣренность и осторожность примѣнялись учредителями вѣрѣдко также въ извѣстной степени, а это вело къ ограниченію круга дѣйствій «Общества», къ вѣрѣщительности и постояннымъ колебаніямъ, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія.

Уже съ первыхъ шаговъ дѣятельности комитета, ясно обозначилась эта сдерживающая, консервативная роль учредителей по отношенію ко всякимъ широкимъ преобразовательнымъ планамъ. Такъ, на первомъ засѣданіи «Общества», состоявшемся 8-го декабря 1863 года, одинъ изъ членовъ, д-ръ І. Вертенсонъ, прочелъ обширный докладъ, въ которомъ развилъ ту мысль, что дѣятельность «Общества» должна быть направлена, главнымъ образомъ, на преобразование стараго порядка *воспитанія* еврейскихъ дѣтей, ибо такая задача гораздо важнѣе поддержки средняго и высшаго образованія¹. Предложеніе г. Вертенсона означало, что пора приступить къ преобразованію хедеровъ и іешивотовъ на новыхъ началахъ. Этотъ широкій планъ, осуществленіе котораго было тогда важнѣе всѣхъ задачъ «Общества», вмѣстѣ взятыхъ, повидимому, испугалъ руководителей комитета, оспаривавшихся, какъ бы не возстановить противъ себя ревнителей старины. Въ отвѣтъ на предложеніе г. Вертенсона, предсѣдатель заявилъ, что на первыхъ порахъ комитетъ считаетъ болѣе цѣлесообразнымъ «ограничить свои дѣйствія поддержкою учащейся молодежи и распространеніемъ полезныхъ книгъ въ народѣ».

По этой узкой колеѣ шло «Общество» въ теченіе всего перваго года своего существованія (1864 годъ). Дѣятельность его, собственно говоря, была еще скромнѣе той, которая намѣчена въ программѣ предсѣдателя,

¹ Ч. I, стр. 1. Собиратель почему-то сталъ извѣстнѣе привести хоть вкратцѣ содержаніе этого замѣчательнаго доклада, ограничившись только упоминаніемъ о немъ.

ибо de facto она сводилась почти исключительно къ поддержкѣ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. О «распространеніи полезныхъ книгъ» только думали, но ничего по этой части не сдѣлали въ 1864 г. (ср. таблицу приходовъ и расходовъ «Общества», приложенную къ 1-му тому, изъ коей видно, что въ означенномъ году израсходовано на пособия еврейско-студентамъ разныхъ университетовъ и институтовъ свыше 3,000 р., а на «поощреніе литературы»—всего 195 руб.). Особая коммиссія, составленная изъ членовъ комитета для разработки этого вопроса, приняла къ заключенію, что въ видахъ *распространенія русскаго языка* среди евреевъ необходимо заботиться объ изданіи учебниковъ русской грамоты спеціально для еврейскихъ дѣтей, напечатать по-русски руководство къ исторіи евреевъ и поощрять всѣхъ пишущихъ для евреевъ на русскомъ языкѣ; въ видахъ же *распространенія полезныхъ знаний*, рѣшено вовсе не касаться философскихъ и религіозныхъ вопросовъ, чтобы не возбудить недобѣры въ массѣ, но издавать книги по *естествознанію*, уже на древне-еврейскомъ языкѣ, предназначая такіа книги для людей, вышедшихъ изъ школьнаго возраста, которымъ русскій языкъ совершенно чуждъ (ч. I, стр. 5 и ч. II, стр. 11—17). Когда дошло дѣло до практическаго приѣмленія этихъ общихъ положеній, встрѣтились значительныя затрудненія. Оказалось, что еврейско-русскихъ писателей, за исключеніемъ нѣсколькихъ единицъ, еще нѣтъ; что ихъ нужно раньше создать, а потомъ уже поощрять къ труду. Для «улучшенія числа такихъ писателей», комитетъ рѣшилъ издавать ежегодно объемистая сборникъ статей по еврейской литературѣ на русскомъ языкѣ и вознаграждать авторовъ этихъ статей приличнымъ гонораромъ (29-го апрѣля 1864 г.). Не въ особенно авантажномъ положеніи оказались и литераторы, писавшіе по древне-еврейски, которыхъ «Общество» хотѣло утилизировать для «распространенія полезныхъ знаний» въ массѣ. Большинство этихъ литераторовъ щеголяло извѣстностью языка, но не имѣло въ душю никакихъ положительныхъ общихъ знаній и было неспособно создать что-либо оригинальнее. Ихъ могло хватить только на переводъ съ европейскихъ языковъ на еврейскій. Такую именно работу «Общество» и поручило имъ. Такъ, неізвиному еврейскому стилисту К. Шульману поручено было перевести «Всемірную Исторію» Вебера (сокращенную), съ изданіемъ которой комитетъ потомъ возился нѣсколько лѣтъ; предполагалось еще издавать особое популярно-научное приложение къ газетѣ «Гамедницъ», подъ редакціей Х. З. Слонимскаго (одного изъ немногихъ писателей съ извѣстнымъ научнымъ цензомъ), но этотъ планъ, послѣ долгихъ перегово-

ровъ, не состоялся. Такимъ образомъ, «литературная» часть программы, намѣченной себѣ «Обществомъ», на первыхъ порахъ не дала никакихъ крупныхъ результатовъ — и «Общество просвѣщенія» въ сущности исполняло роль студенческой вспомогательной кассы.

Въ то время, какъ члены комитета въ столицѣ съ первыхъ же шаговъ устали и дѣйствовали вяло даже въ намѣченномъ направленіи, въ провинціальныхъ интеллигентныхъ кружкахъ на «Общество» возлагались самыя разнообразныя задачи. Это видно изъ массы писемъ и проектовъ, полученныхъ комитетомъ изъ разныхъ городовъ за одинъ только 1864 годъ (т. II, стр. 6—80). Въ провинціи распространялись самыя недѣльные слухи о стремленіяхъ новаго столичнаго учрежденія. Приверженцы старины были увѣрены, что дѣятельность Общества поведетъ къ разрушенію всѣхъ вѣковыхъ устоевъ іудаизма, къ реформѣ религіи, къ упраздненію талмудическаго воспитанія и замѣвѣ его современнымъ, еретическимъ (ч. I, VIII). Этотъ классъ тотчасъ же сталъ въ оборонительное положеніе по отношенію къ «Обществу» и, гдѣ только могъ, тормозилъ его дѣйствія. Съ другой стороны, «передовые» люди тоже не могли освоиться съ цѣлями «Общества». Въ глухихъ углахъ «черты осѣдлости», гдѣ немногіе «друзья новаго просвѣщенія» были въ загоиѣ и сильно терпѣли отъ окружающей фанатической среды, возникновеніе «Общества» встрѣчено было угнетенными «насклинями» съ восторгомъ. Въ новыхъ учрежденіи эти наивные люди видѣли оплотъ противъ иракобѣсія раввиновъ и хасидовъ, въ немъ чаяли найти сильную защиту противъ этихъ враговъ своихъ и угнетателей, съ которыми готовы были вступить въ борьбу, не подозревая, что петербургскіе «вожди просвѣщенія» вовсе не такъ воинственно настроены...

Даже интеллигентные евреи въ крупныхъ центрахъ—писатели, передовые раввины и преподаватели раввинскихъ училищъ и элементарныхъ еврейскихъ школъ—находились въ невѣдѣніи насчетъ истинныхъ намѣреній «Общества просвѣщенія» и ждали отъ него инициативы во многихъ важныхъ предпріятіяхъ. Въ 1864 г. однимъ изъ настоятельнѣйшихъ вопросовъ еврейской жизни былъ вопросъ о казенныхъ еврейскихъ училищахъ. Тогда держались упорные слухи, что правительство собирается упразднить всѣ эти школы, устроенныя нѣтъ въ 40-хъ годахъ, и вообще намѣрено отказаться отъ поддержки специально-еврейскихъ учебныхъ заведеній, въ виду того, что евреи, желающіе учиться, могутъ поступать въ общія учебныя заведенія всѣхъ разрядовъ наравнѣ съ христіанами. Слухи эти, имѣвшіе солидное основаніе, сильно встревожили еврейскую интеллигенцію, ибо пос-

лѣдняя справедливо предвидѣла въ упраздненіи спеціальныхъ школъ сильный ударъ для образованія евреевъ, которые въ массѣ были еще неподготовлены къ общимъ учебнымъ заведеніямъ и вдобавокъ нуждались именно въ раціональныхъ школахъ съ параллельнымъ преподаваніемъ общихъ и еврейскихъ предметовъ. Сообщая комитету «Общества просвѣщенія» обо всѣхъ этихъ опасеніяхъ, извѣстный писатель Х. З. Слонимскій, бывшій тогда инспекторомъ жигомирскаго раввинскаго училища, убѣдительно проситъ членовъ комитета употребить свое вліяніе въ Петербургѣ, чтобы отстоять еврейскія школы (т. II, стр. 7—8). Комитетъ вполнѣ согласился съ этими доводами и обратился съ надлежащимъ ходатайствомъ къ министру народнаго просвѣщенія (февраль 1864). Послѣдствія извѣстны. Дамокловъ мечъ продолжалъ висѣть надъ еврейскими школами—и спустя восемь лѣтъ онѣ были официально закрыты.

Изъ дальнѣйшей переписки провинціальной интеллигенціи съ комитетомъ ясно видно, что и среди самихъ приверженцевъ спеціальнаго образованія господствовала крайняя путаница взглядовъ на задачи и методъ этого образованія. Въ то время, какъ одни требовали воспитанія «въ рускомъ духѣ», преподаванія всѣхъ предметовъ на рускомъ языкѣ (письмо Гурвича, т. II, стр. 76, и др.), другіе рекомендовали ввести въ школы преподаваніе на ивритскомъ языкѣ въ виду того, что современная еврейская наука и литература сосредоточена въ Германіи (письмо г. Слонимскаго, февраль 1864, т. II, стр. 22—24). Мнѣнія рѣзко расходились также и относительно обученія еврейскимъ предметамъ въ казенныхъ училищахъ. Это «обученіе» находилось въ самомъ жалкомъ состояніи, и карикатурную сторону его весьма удачно представилъ одинъ изъ выдающихся тогда еврейскихъ педагоговъ (*ibid.*).

Кромѣ проектовъ относительно школьнаго дѣла, комитетъ получалъ съ разныхъ сторонъ предположенія касательно подъема умственнаго уровня еврейской массы вообще. Такъ, извѣстный поэтъ и преподаватель виленскаго раввинскаго училища, А. В. Лебенсонъ, рекомендовалъ предпринять дешевое народное изданіе всѣхъ еврейскихъ классическихъ произведеній стараго и новаго времени, имѣющихъ научное или философское значеніе. Поэтъ Л. О. Гордонъ, тогда школьный учитель въ Шавляхъ, совѣтуетъ комитету заботиться главнымъ образомъ о распространеніи образованія въ маленькихъ городахъ и ивстечкахъ, гдѣ масса особенно консервативна, а для интеллигенціи издавать серьезный научно-литературный журналъ на рускомъ языкѣ. С. I. Финъ стоитъ за изданіе хорошихъ газетъ для евре-

еть и за обширную разработку еврейской исторіи. С. М. Абрамовичъ радуется за распространеніе естественныхъ наукъ на древне-еврейскомъ языкѣ, какъ средство очищенія религиозныхъ понятій массы. Романистъ А. Мазу заявляетъ, что этой же цѣли можно достигнуть не столько сухими научными или философскими трактатами, сколько общедоступными беллетристическими произведеніями. Д-ръ Ротенбергъ изъ Бердичева совѣтуетъ учредить въ большихъ еврейскихъ центрахъ комитеты изъ нѣсколькихъ членовъ «Общества просвѣщенія» для борьбы съ ревнителями старинны, пользующимися всякими неблаговидными средствами, чтобы скомпрометировать въ глазахъ еврейской массы и русскаго правительства дѣло образованія евреевъ (т. II, стр. 10—78).—Вообще, въ искреннихъ совѣтахъ, планахъ и проектахъ всякаго рода недостатка не было. Комитетъ всѣ такіе проекты выслушивалъ и тѣмъ не менѣе продолжалъ идти своимъ тихимъ, неторопливымъ шагомъ, придерживаясь мудраго изреченія: тише ѣдешь—дальше будешь. Но сбылась-ли вторая половина этого изреченія?...

II.

Съ 1865 г. комитетъ нѣсколько расширилъ свою научно-литературную программу; но и тутъ результаты получились крайне незначительные и во всякомъ случаѣ несравнимыя съ количествомъ потраченныхъ на это силъ и издержекъ. Цѣлыхъ два года комитетъ возился съ изданіемъ «Сборника статей по еврейской литературѣ», два тощихъ выпуска котораго появились только въ концѣ 1866 г., послѣ чего изданіе совсѣмъ прекратилось. Неуслѣхъ этого литературнаго предпріятія, на которое «Общество» возлагало столько надеждъ, объясняли въ свое время отсутствіемъ хорошихъ сотрудниковъ и умѣлыхъ редакторовъ, да еще равнодушіемъ публики къ серьезнымъ книгамъ. Но нѣкоторые факты позднѣйшаго времени показали, что при большей энергіи со стороны издателей серьезные органы печати могутъ разсчитывать на успѣхъ и даже завоевать себѣ популярность въ еврейской читающей публикѣ. То, что удалось впоследствии частнымъ предпринчивымъ издателямъ, не удалось «Обществу», которое вынуждено было совершенно отказаться отъ своей первоначальной идеи—имѣть свой собственный научно-литературный органъ.

Такимъ же образомъ потерпѣлъ фіаско планъ изданія еженедѣльной газеты по естествовѣднію, подъ редакціей г. Слонимскаго. Только еврейскій переводъ «Всемирной Исторіи» Вебера, порученный г. Шулеману, по-

двигался впередъ, и первые томы его появились въ концѣ 60-хъ годовъ. Въ 1868 г. комитетъ постановилъ приступить къ переводу Библии на русскій языкъ и къ изданію такого перевода параллельно съ еврейскимъ текстомъ. Это столь простое дѣло встрѣтило, однако, сильныя затрудненія, какъ со стороны духовной цензуры, такъ и вслѣдствіе недостатка въ хорошихъ исполнителей. Переговоры, хлопоты и работа продолжались нѣсколько лѣтъ—и въ концѣ концовъ вышелъ только переводъ Пятикнижія. Не меньше возни имѣлъ комитетъ съ изданіемъ «свода религиозно-правственныхъ поученій талмудистовъ и раввиновъ», задуманнымъ имъ еще въ первые годы своей дѣятельности. Собираніе изреченій, которое взяли на себя С. Финъ и Х. Каценеленбогенъ, переводъ имъ на русскій языкъ (Л. О. Левандю) и общая редакция (Л. О. Гордона) продолжались 6—7 лѣтъ—и результатомъ всей этой работы явились два тома, извѣстные подъ именемъ «Мировоззрѣніе талмудистовъ» (Спб., 1874—76 г.). Слѣдуетъ прибавить, что это—наилучшее изъ всѣхъ изданій «Общества».

Въ 1866 г. «Общество» сдѣлало послѣднюю попытку спасти еврейскія казенныя училища, постепенное закрытіе которыхъ уже началось (закрывались, такъ называемыя «школы второго разряда», гдѣ вмѣстѣ съ русской грамотой преподавались и еврейскіе предметы). Особая комиссія, назначенная комитетомъ «Общества», приготовила обширную докладную записку къ министру народнаго просвѣщенія, гдѣ собраны многія фактическія данныя и компетентные отзывы о еврейскомъ учебномъ дѣлѣ въ Россіи. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, комитетъ постановилъ ходатайствовать о слѣдующемъ: 1) оставить въ силѣ казенныя еврейскія училища, какъ безусловно необходимыя для евреевъ; 2) обучать въ нихъ всѣмъ предметамъ еврейскаго вѣрученія; 3) сдѣлать эти предметы для учениковъ обязательными; 4—7) предоставить нѣкоторыя льготы кончающимъ курсъ въ этихъ училищахъ, увеличить размѣръ жалованья учителей и назначать таковыхъ только изъ лицъ, кончившихъ раввинское училище или другое среднее или высшее учебное заведеніе. Записка эта, составленная въ февралѣ 1866 г., не была, однако, тотчасъ послана по назначенію; комитетъ сначала ограничился тѣмъ, что ходатайствовалъ передъ министромъ объ оставленіи еврейскихъ школъ на прежнихъ основаніяхъ и просилъ разрѣшенія изложить свои взгляды на эту предметъ. Получивъ такое разрѣшеніе, комитетъ подалъ, въ октябрѣ 1866 г., упомянутую докладную записку, но свое представленіе формулировалъ уже въ другихъ, болѣе уфренныхъ, пунктахъ, касаясь только внѣшняго улучшенія школъ

и не настаивая на преподаваніи еврейскихъ предметовъ, причеъ допускалъ даже, что еврейскія школы можно упразднить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣются гимназіи или прогимназіи¹. Такимъ образомъ, комитетъ самъ значительно склонился къ официальному проекту и забылъ, что весь *raison d'être* специально еврейскихъ училищъ заключался именно въ рациональность преподаванія въ нихъ еврейскихъ предметовъ, ибо только въ такомъ видѣ эти училища могли служить противовѣсомъ безобразнымъ хедерамъ и ешиботамъ. Само собою разумѣется, что «смягченное» ходатайство комитета не могло ни къ чему повести. Да, впрочемъ, участь еврейскихъ школъ и даже раввинскихъ училищъ была уже рѣшена; приведеніе приговора въ исполненіе было только отсрочено на нѣсколько лѣтъ.

Что ходатайства комитета, вообще, не пользовались особеннымъ вліяніемъ въ высшихъ сферахъ, доказываетъ и слѣдующій весьма характерный эпизодъ. Въ половинѣ 60-хъ годовъ, когда евреи такъ порывисто устремились къ «обрусѣнію» и когда въ русскомъ обществѣ и печати къ нимъ еще благоволили, газета «Виленскій Вѣстникъ» вдругъ заразилась юдофобіей и стала печатать рядъ возмутительныхъ статей противъ евреевъ. Въ виду оффиціознаго характера газеты, которую обязательно получали всѣ мѣстные правительственныя учрежденія и даже волостныя правленія, а также въ виду новизны антиеврейской агитаціи, упомянутыя статьи могли имѣть (и, судя по фактамъ, дѣйствительно имѣли) пагубное вліяніе на отношеніе мѣстнаго христіанскаго населенія къ евреямъ. Неудивительно, поэтому, что евреи, непривычныя еще тогда къ печатной травлѣ, не только оскорбились, но и встревожились. И вотъ полетѣли въ комитетъ «Общества просвѣщенія» жалобныя письма и просьбы о «воздѣйствіи». Преподаватели раввинскаго училища въ Вильнѣ (май, 1866 г.) прислали въ комитетъ номера «Виленскаго Вѣстника», гдѣ напечатаны наиболѣе подстрекательныя статьи, и сообщили, что послѣднія уже произвели свое вредное дѣйствіе на мелкихъ чиновниковъ и на низшую публику, среди коихъ съ нѣкотораго времени стала проявляться вражда къ евреямъ. Въ томъ же смыслѣ писали изъ Вилейки и изъ Поневѣжа, причеъ представители поневѣжской еврейской интеллигенціи выставляли на видъ, что

¹ Ср. ч. I, стр. 31, и ч. II, стр. 85—86 и 88—100, откуда ясно видно колебаніе комитета въ школьномъ вопросѣ.

означенныя юдофобскія статьи могутъ имѣть дурное вліаніе и на еврейскую массу, ввухая ей недоувѣріе къ русскому образованію и къ идеѣ «обрусвнія» (ч. II, стр. 167—69). Одновременно съ этимъ получена была всматетомъ копія съ жалобы, поданной представителями виленской еврейской общины тогдашнему генераль-губернатору сѣверо-западнаго края фонъ-Кауфману. Жалоба написана въ весьма энергическомъ тонѣ. Авторы ея доказываютъ, что такія обвиненія, какія голословно бросялъ въ лицо всему еврейству «Виленскій Вѣстникъ» (обвиненія въ исконной ненависти евреевъ ко всему русскому, въ тайномъ расположеніи ихъ къ кнѣзжнмъ полякамъ, въ изувѣрствѣ, фанатизмѣ, эксплоатаціи, политической неблагонадежности etc), будучи ложны сами по себѣ, способны возстановить противъ евреевъ коренное населеніе и вдобавокъ радикально противорѣчатъ всей политикѣ правительства по отношенію къ евреямъ, имѣющей цѣлью сблизить послѣднихъ съ христіанскимъ населеніемъ. Чтобы предотвратить могущія прозойти изъ такой печатной агитаціи опасныя послѣдствія, представители виленскаго еврейскаго общества просятъ генераль-губернатора смѣстить новаго редактора «Вѣстника» Забѣлина, который затѣялъ всю эту агитацію, и кромѣ того привлечь его къ законной отвѣтственности за возбужденіе одного класса населенія противъ другого (ibid. 170 — 72). Получивъ всѣ вышеозначенныя документы, комитетъ «Общества» съ своей стороны обратился въ главное управленіе по дѣламъ печати съ жалобой на «Виленскій Вѣстникъ», основанною на изложенныхъ сейчасъ доводахъ, и просилъ обязать эту редакцію заявить, что всѣ напечатанныя въ ней статьи противъ евреевъ не внушены никакими оффиціальными органами. Это было въ іюнѣ 1866 г., а въ сентябрѣ полученъ былъ изъ главнаго управленія отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ оскорбленія въ печати евреевъ вообще или членовъ «Общества просвѣщенія» въ частности оскорбленные могутъ обратиться къ законному суду, что нѣтъ основанія запрещать газетамъ писать публицистическія статьи противъ евреевъ и что ходатайства такого рода вовсе не входятъ въ кругъ дѣйствій «Общества просвѣщенія», специальная задача котораго опредѣлена его уставомъ. Комитетъ «принялъ къ свѣдѣнію» этотъ репринандъ и до такой степени проникся имъ, что впоследствии ни разу не воспользовался даже предоставленнымъ ему правомъ привлекать къ суду тѣхъ, которые нападали и клеветали въ печати на самое «Общество про-

свѣщенія» (какъ напр. Брафманъ, газета «Новое Время» и др.). Въ общественныя дѣла, не предусмотрѣнныя его уставомъ, онъ ужъ больше не сталъ вмѣшиваться и, какъ извѣстно, проявлялъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ изумительную кротость нрава.

Критикусь.

(Продолженіе будетъ).

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ.

Два слова о Правдѣ - Истинѣ и Правдѣ - Справедливости. — „Утробныя вождѣнія, какъ центръ мировоззрѣнія“. — Житейскія волны. — Заботы газетъ о томъ, что дѣлать съ Мошкой. — Проектъ мичмана Дирки и — „къ чорту Мошку!“ — Путешественникъ „по русскимъ городамъ“ и царидинскіе евреи. — Безъ жида никакъ невозможно. — Тройственный судъ надъ „жидомъ“ — съ „чисто русской точки зрѣнія“. — Г. Ярошъ въ роли обвинителя. — Психологическій этюдъ о еврейскомъ характерѣ. — „Жидовскіе дѣвры шелестятъ“. — Поминки по Симонѣ, Гейне, Берне и Лассалѣ, спрямленные г. Ярошемъ. — Проектъ г. Яроша о введеніи испуганій „на званіе челоуѣка“. — Первое испуганіе и филологическая ошибка.

Помните-ли вы, читатель, скорбный нию о безпокойно-пытливомъ юношѣ, сорвавшемъ покрывало съ сумрачнаго лика богини Изиды?

Передъ нимъ предстала «истина жизни» во всемъ безобразіи «оголенного факта», съ холоднымъ выраженіемъ своей безцѣльной жестокости и тупого безстрастія къ добру и злу...

Чуткая совѣсть по добру томившагося юноши не свесла безобразія «оголенного факта», обманувшаго всѣ мечты его о красотѣ истины; — онъ умеръ — передъ смертью смутно чуя, что это — лишь одна *половина* Правды, что жизнь мировая движется и правится другою — не менѣе могущею, но болѣе чарующею силой — Справедливостью. Онъ не ошибся.

Кроткая, вдумчивая Справедливость единственно даетъ тонъ и смыслъ мировой жизни; только ею оживляются груди разрозненныхъ, несвязанныхъ общей идеей фактовъ; только она *очеловѣчиваетъ* сумрачный ликъ жестокой Истины; внѣ ея — бездушіе, холодъ и смерть.

Этой богини бѣдному юношѣ не суждено было узрѣть...

Прошли вѣка; цѣною великихъ жертвъ, невинной крови и упорныхъ усилій, челоуѣчество купило себѣ право на господство Справедливости; всюду воздвигнулись въ честь ея храмы; ея именемъ создавались царства, сходились народы; соединялись огромныя группы людей для мирной и братской работы.

Казалось, власти «оголенного факта» пришел ужь конец—и только ничтожная горсть кротовъ человеческой породы осталась *служить* ей до поры, до времени. До поры, до времени?.. Грустное заблужденіе!

Слуги—всегда слуги: отсутствие обязанностей, несложный трудъ и сытное содержаніе влекутъ къ себѣ всѣхъ тѣхъ, кто ищетъ въ жизни не рутинной и честной работы, а бездѣльнаго лакейничая...

Бываютъ въ общественной жизни печальныя эпохи, когда разнузданный расчетъ и своекорыстная выгода особенно властно влекутъ къ себѣ прислужниковъ... И въ наши дни, читатель, все болѣе разрастаются ряды прислужниковъ и поклонниковъ «оголенного факта»; все болѣе они теоретизируютъ его, возводятъ даже въ научный и моральный принципъ.

Механическій, несогрѣваемый искрой святой справедливости фактъ сталъ вынѣ альфой, изъ коей исходить сознаніе общественной дѣятельности; онъ сдѣлался и оагой—убѣжищемъ, куда укрывается и гдѣ ищетъ себѣ оправданія изрѣдка пробуждающаяся общественная совѣсть. Идеалы—исканіе смысла и цѣли жизни (дѣятельной, а не самодовлѣющей) — объявлены праздными вопросами; взанѣтъ ихъ (во какая это замѣна?) выдвинуты эгонистическія требованія торжествующаго момента. Кто проникся и удовлетворился несложными требованіями его, тому — честь, мѣсто и столовый приборъ на жизненномъ пиру; кто въ снущенной душѣ чувствует еще дуновение Бога Живого—тому гамлетствующіе резонеры самодовольно вѣщаютъ: «уйди отъ людей! Въ себѣ самомъ, въ своемъ самоусовершенствованіи обрѣтешь ты отвѣтъ на запросы неутомимаго духа».

И снущенные искатели «Бога Живого» уходятъ отъ жизни, уступаютъ свое поприще тѣмъ, кто умѣетъ проходить его съ правдивымъ ликовааніемъ,— уходятъ подъ безмятежную сѣнь личнаго совершенствованія, прозявая тамъ изумительныя, но своей самоотверженности, но бессмысленныя по результатамъ, чудеса подвижничества. Уровъ отъ нихъ ухода двойной: немногочисленные ряды вонтелей за дѣятельное служеніе справедливости и благу общественному значительно рѣдѣютъ, а на мѣста ушедшихъ становятся довольные, ничѣмъ не снущенные поклонники факта, почувствовавшіе безпрепятственную возможность не только легко жать и обильно собирать жизненныя блага, но и возводить эту ненудную работу въ высокій гражданскій принципъ.

Да, оскудѣваютъ доброжелательныя стремленія, вокругъ все болѣе и болѣе нарастаютъ беззащитныя чисто «утробныя вождѣнія». И если

объ этомъ можно сожалѣть вообще, то съ точки зрѣнія еврейскихъ интересовъ придется прямо скорбѣть.

Евреи всегда съ особенной чувствительностью отражаютъ настроеніе общества, среди котораго они живутъ. Если вокругъ свѣтло и радостно, то лучъ солнца ударяетъ и въ нѣ оконце, озаряя надеждою нѣ нелегкую жизнь; когда же начинаютъ сдвигаться тучи и раздаются глухіе раскаты наступающей грозы—еврей покорно склоняетъ голову: онъ первый падаетъ жертвою неразумной стихійной силы.

Если властно и надменно звучитъ дерзкій окрикъ: «Прочь съ дороги, чужой! Мнѣ хочется завять твоѣ мѣсто!»—что долженъ, что можетъ отвѣтить на это «чужой»? Онъ молчитъ... Въѣсто него, но и противъ него, говорить шумящій водоворотъ замутившейся жизни, говорить ея рожденная, на ея хлѣбахъ возросшая литература.

Прислушаемся къ нѣ согласному голосу.

Право, легальность, взаимныя по отношенію другъ къ другу обязанности членовъ единой государственной семьи—пустозвонныя слова. Книжныя сѣммы добра и зла устарѣли; надо смотрѣть на дѣло трезвѣе: то, что затрудняетъ нѣ одному жить «во всю»—зло; что служитъ копей въожделѣннѣмъ, удовлетворяетъ нѣмъ притѣлливый амантитъ, то—добро.—Зоологическая это теорія—скажетъ читатель—и при ней не можетъ уже быть и рѣчи о какнѣхъ-то тамъ основахъ общенія и въковыхъ моральныхъ правдлахъ. Да о нѣхъ и не говорятъ, какъ не говорили о нѣхъ въ тѣ далекія—по времени, но близкія намъ—по духу, эпохи, когда люди по моральному складу своему мало разнились отъ представителей животнаго царства. Прочтите въ статьѣ профессора Вагнера «Этика въ зоологій»¹ хотя бы слѣдующіе факты изъ далекаго прошлаго: «Во время черной смерти (въ XIII в.) народъ обвинялъ евреевъ въ отравѣ и перерѣзалъ ихъ. Трупы лежали нѣсколько мѣсяцевъ на улицахъ Париза безъ похоронъ. Изъ ѣмъ волки, которые до того размножились въ этой части города, что по нѣмъ не смѣли проходить люди... Преслѣдованіе евреевъ началось съ Верва. Народъ принудилъ въ Базелѣ правительство запретить нѣгнѣть евреевъ. Но прежде того всѣхъ жившихъ въ немъ евреевъ заверли въ деревянную, нарочно выстроенную клѣтку и сожгли живыми. Въ Страсбургѣ сожгли около 2,000 евреевъ на нѣхъ кладбищѣ» и т. д. Это безнскуственное по-вѣствованіе родитъ въ насъ одновременно и ужасъ, и радостное чувство;

¹ „Русское Обзрѣніе“.—1891 г., кн. VI.

ужасъ—передъ дикостью чело́вѣка, радость—по поводу того, что все это отъ васъ далеко, прошло, забыто и никогда не воскреснетъ. Такъ думаетъ и проф. Вагнеръ, когда съ радостными чувствами заключаетъ свое описаніе исполненными глубокой вѣры въ торжество чело́вѣчности словами: «Всѣ эти тяжелыя картины прошлаго теперь исчезли или на пути къ полному исчезанію. Чело́вѣчность выскочитъ вѣрнѣе съ цивилизаціей, и кажется, что уже недалеко ея полная побѣда надъ зѣбротами, кровожадностью, жестокостью и нелюдимостью чело́вѣка». Но такъ-ли это? Оставимъ на время «васъ возвышающій обманъ» идеалиста-профессора (не правдали,—накъ онъ мало схожъ съ его двойникомъ «Кетомъ-Мурлыкой»?) и посмотримъ попристальнѣе въ «тѣну низкихъ истинъ»... Далеко-ли мы ушли отъ страшнаго прошлаго? Измѣнились только врисмы и способъ дѣйствія; но духъ, но животный инстинктъ остались тѣ же. Не тотъ-ли самый инстинктъ, который водилъ рукою чело́вѣка, когда онъ подносилъ зажженую палку къ деревянной клеткѣ, заключавшей въ себѣ сотни беззащитныхъ людей, живеть, двигаетъ людьми и помысли? Развѣ не тѣ же «жестокость и нелюдимость»—только подъ иною формою—водилъ рукою кучки адвокатовъ, когда они своими знаменитыми «правилами» подписывали суровый приговоръ своимъ товарищамъ-смернямъ, отстраняя ихъ отъ живаго интеллигентнаго дѣла и повергая въ отчаяніе безнадежности?..

Не та-ли развѣ «вонючая конкуренція» заставила додуматься московскихъ типографовъ-литографовъ до нѣтъ ходатайства о воспрещеніи евреямъ содержать типографскія заведенія, дающія нѣмѣ сотни честныхъ, трудолюбивыхъ работниковъ?

А ходатайство елецкаго биржевого комитета? Читайте: «Елецкій биржевой комитетъ подалъ ходатайство объ удаленіи изъ Ельца евреевъ, постепенно захватывающихъ всѣ отрасли торговли въ городѣ и уѣздѣ»¹. Да развѣ елецкій биржевой комитетъ одинъ отличился въ этомъ направленіи? Мутныя волны жизни за послѣдніе годы ежедневно, почти ежечасно выбрасываютъ сотни такихъ «ходатайствъ, представленій и проектовъ»; услужливая «литература» подхватываетъ ихъ, укрощаетъ ими свои жидкіе столбцы и составляетъ эффектные вступленія и послѣсловія. Привѣчательнѣе всего то, что въ подобныхъ ходатайствахъ беззастѣнливо, безъ всякихъ прикрасъ и прикритій, выставляются нѣтъ настоящіе мотивы—все тѣ же утробныя вожделія.

¹ „Кіевлянинъ“ № 113, отъ 24-го мая, 1891 г.

Прежняя «мирная конкуренція», предъявляя къ евреямъ и еврейству обвиненія, все же заботилась о томъ, чтобы подкрѣпить ихъ,—хоть съ виду, солидными доказательствами; ихъ выводъ всегда такъ или иначе являлся результатомъ (правильнымъ или неправильнымъ—вопросъ другой) изъ представленныхъ отдѣльныхъ доводовъ; нынѣ же это считается излишнимъ: весь обвинительный багажъ состоитъ изъ краткой формулы: «Надо воспретить, выселить, удалить!» Воинствующая конкуренція не задается вопросами: за что уничтожать, почему воспретить? куда дѣваться тому, кого они просятъ «выселить, удалить»? Это взлывнiя церемонiи; въ чему разговоры и мудрствованiя, когда дѣло, по мнѣнiю «Кіевлянина», разрѣшается очень просто,—чуть-ли не въ десяти словахъ: «Мошка—плутъ?—Плутъ.—Мошка не хочетъ быть хорошимъ гражданиномъ?—Не хочетъ.—А, не хочетъ—и не надо; къ чорту Мошку! А куда и какъ—это не мое уже дѣло»¹.

Эти жестокія слова «кіевлянинскіе» сотрудникъ влагаетъ въ уста своего прiятеля—гоголевскаго начивана Дырка. Не кѣшается отиѣтать здѣсь любивый шутихъ: тотъ самый начиванъ Дырка, который, по достовѣрному свидѣтельству Гоголя, только и дѣла дѣлалъ, что сибѣлся встати и не-встати, ежели палецъ ему покажешь—нынѣ занимается уже разрѣшеніемъ государственной важности вопросовъ и является вдохновеннымъ руководителемъ столпа газетной водофобii. Въ приведенномъ разсужденіи alter ego «Кіевлянина» обращаютъ на себя вниманіе два слѣдующихъ, высказанныхъ съ категоричностью почти военнаго человѣка, положенiя: «Мошка—плутъ; Мошка—плохой гражданинъ...» Изъ чего, однако, это слѣдуетъ?—вопросаешь ошеломленный читатель. Да должно быть изъ того, что Мошка, «торгующій въ раздробъ, продаетъ свой товаръ дешево, нежели торговецъ не-еврей...»

Такъ, по крайней мѣрѣ, мотивируетъ тотъ же «Кіевлянинъ» утиѣстность и важность организующагося, по его словамъ, въ Варшавѣ «противоеврейскаго общества»². Торговая конкуренція съ евреями—по мнѣнiю «Кіевлянина»—со стороны христіанъ рѣшительно невозможна; «происходить это»—вообразите—«потому, что еврейская торговля основывается на широкомъ и дешевомъ кредитѣ оптовыхъ продавцевъ, также евреевъ. При помощи такого кредита еврей, торгующій въ раздробъ, имѣетъ возможность продавать свой товаръ дешево». Привѣтствуя проектъ Варшавы, «Кіев-

¹ „Кіевлянинъ“, 1891 г. № 115.

² „Кіевлянинъ“, № 53.

лянинъ» приглашаетъ юго-западное купечество послѣдовать этому примѣру. И такъ, при помощи этой справки, мы можемъ приблизительно уяснить себѣ ходъ умозаключеній, приведшихъ къ формулѣ — «къ чорту Мошку!» «Мошка—плуть», потому что пользуется дешевымъ кредитомъ, который ему представляетъ, заимъте—тоже Мошка; «Мошка плохой гражданинъ», потому что къ пользѣ потребителей понижаетъ цѣны на товары; наконецъ—«къ чорту—Мошку», потому, что онъ мѣшаетъ чистокровнымъ русскимъ промышленникамъ держать въ востойной кабалѣ русскаго же потребителя.—Таковы, очевидно, востойные пункты мировоззрѣнія гг. ничиана Пихно и профессора Дырки, совокупными силами редижирующаго газету «Кіевлянинъ»; преимущество этихъ воззрѣній—въ ихъ простотѣ и ясности; люди по крайней мѣрѣ знаютъ, чего они хотятъ. За то совершенно неясны ходъ мыслей и желаній ученаго автора статьи «Путешествіе по русскимъ городамъ», печатающейся въ «Русскомъ Обзорнѣ». Въ одной изъ главъ этой статьи¹ авторъ—г. Е. Рагозинъ²—не преминулъ высказаться и по еврейскому вопросу.

Описывая Царцынъ и экономическія задачи, къ разрѣшенію которыхъ этотъ городъ стремится очень вяло, г. Рагозинъ восклицаетъ: «А жаль,—какое завидное положеніе имѣлъ бы Царцынъ, если бы въ немъ было побольше культурныхъ людей и *поменьше евреевъ...*» Чѣмъ же царцынскіе евреи провинились передъ авторомъ? Видите-ли: «тотчасъ, по моемъ вѣздѣ въ Царцынъ, я засыпанъ былъ жалобами, что евреи заперли городъ, завладѣли всею торговлею, керосиномъ, рыбой и постепенно пробираются въ Астрахань, чтобы завладѣть тамъ рыбными промыслами».

Обвиненіе это по самой постановкѣ своей, самаго сомнительнаго характера: подтвердись каждый изъ обвинительныхъ пунктовъ въ отдаленности и всё они вѣстѣ — все же поведеніе царцынскихъ евреевъ остается непредосудительнымъ и безукоризненнымъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ представлены доказательства или безчестнаго способа дѣйствія. Если даже поверхностно поглядѣть на сѣтованія царцынцевъ, то и тогда нельзя не выразить удивленія по поводу отсутствія самоуваженія у всѣхъ этихъ гг. жалобщиковъ. И въ самомъ дѣлѣ,—въ центрѣ Великороссіи, гдѣ еврей, по своей ничтожной малочисленности, терются и растворяются, какъ капля

¹ „Русское Обзорніе“, 1891 г., июль.

² Е. Рагозинъ состоитъ дѣятельнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ.

въ морѣ, въ подавляющей массѣ коренного населенія, развѣ можетъ быть разговоръ о захватѣ ими въ свои руки промышленно-торговой дѣятельности? Не естествененъ-ли въ вышнихъ устахъ вопросъ, —отчего г. жалобники, вмѣсто вздорныхъ сѣтованій передъ каждымъ встрѣчнымъ и повеленнымъ, не позаботились сами оладѣть всѣмъ тѣмъ, чѣмъ нынѣ владѣють евреи; вѣдь послѣдніе, какъ говоритъ г. Рагозинъ, появились въ Царицынѣ никакъ *не раньше* 15 лѣтъ тому назадъ; не въ правѣ-ли мы предположить, что, когда появился еврей и путемъ тяжелыхъ усилій, предприимчивости и упрямости, возвысилъ экономическое значеніе Царицына, то тогда лишь царицынцы догадались, что все, принадлежащее нынѣ евреямъ, могло принадлежать имъ. Можно и должно, конечно, плакаться на свое безсиліе, но нельзя же винить другихъ за то, что они свободны отъ этого тяжелого для государства порока. Очевидно, что и г. Рагозинъ отлично знаетъ цѣну всѣмъ этимъ жалобамъ, по крайней мѣрѣ, онъ самъ говоритъ: «зная, какъ русскій человекъ *охотно жалуется*, я, призвавшись, *не совѣмъ (!)* повѣрилъ нареканіямъ на евреевъ, которымъ достаточно показать свой носъ, чтобы тотчасъ поднялся крикъ о захватѣ торговли и прочимъ ужасамъ» —отлично бы кажется!.. но... «но жалобы все доволнялись подробностями, которые придавали всему дѣлу реальную почву, и я рѣшился сдѣлать экспертизу». Приемъ г. эксперта, надо отдать справедливость, очень оригинальнъ: вмѣсто того, чтобы разузнать, сколько именно евреевъ жаветь въ этомъ городѣ, каково ихъ процентное отношеніе къ мѣстному коренному населенію, состоящему изъ 36,000 душъ, —г. Рагозинъ отправляется на «мѣстную биржу» —железно-дорожный вокзалъ, и что же? среди 112 лицъ, присутствовавшихъ въ вокзалѣ до прихода поѣзда, ему удалось насчитать 85 евреевъ, 25 русскихъ и 2 армянъ, т. е.: евреевъ было на биржѣ почти 79%. И такъ, операционный базисъ найденъ, участіе евреевъ въ промышленной дѣятельности края относится къ участію христіанъ, какъ 79 къ 112; выводъ этотъ столь же оригиналенъ, сколь оригиналенъ и употребленный для него приемъ экспертизы.

Какъ бы тамъ ни было, фактъ существованія въ Царицынѣ еврейской колоніи, такимъ образомъ, блистательно подтвердился, «оставалось лишь разъяснить, приноситъ-ли она пользу или вредъ?» Начинаются новые «экспертизы» и сыскъ; къ сожалѣнію, однако, г. Рагозинъ не даетъ никакихъ указаній о приемахъ и способахъ, при помощи которыхъ онъ производилъ свою провѣрку. Изъ какихъ источниковъ черпалъ онъ свои свѣдѣнія, при помощи кого и чего они провѣрялись, наконецъ, кто тѣ

«окольные люди», которые сборне и купно выдали царицынскимъ евреямъ неодобрительную аттестацію—про все это намъ ничего неизвѣстно. А жаль, ибо безъ этихъ указаній мы не можемъ довѣриться автору, обнаружившему своею предыдущей экспертизой крайнюю легкость въ постановкѣ выводовъ и оцѣнкѣ фактовъ.

Впрочемъ, свойство обвинительной формулы таково, что намъ нечего бояться фактовъ—какъ-бы грозны они ни были. Да и врядъ-ли кого можно убѣдить въ вредѣ евреевъ фактами, подобными тѣмъ, которые приводитъ г. Рагозинъ. Не угодно-ли?

Фактъ первый: «Евреи, состоя въ сношеніяхъ со всѣми міромъ и и получая ежедневно отовсюду свѣдѣнія, гораздо *лучше* мѣстныхъ людей, *понимаютъ* положеніе рынка и потому *лучше могутъ пользоваться* всѣми колебаніями цѣнъ». И это называется *фактомъ!* Мы думаемъ, что намъ, г. Рагозинъ, извѣстно различіе между фактовъ и сужденіемъ: вѣдь все, что вы говорите, представляетъ собою лишь сужденіе и притомъ затасканное; оно, кромѣ признанія заслугъ мѣстныхъ евреевъ, ничего въ себѣ не содержитъ: евреи «лучше понимаютъ и потому лучше могутъ пользоваться»...

Фактъ второй: Собравшись въ Царицынѣ въ большомъ числѣ, «они *перехватываютъ* съ поѣздовъ всѣхъ покупателей, *заговариваютъ* ихъ и прямо *не допускаютъ* до производителей».—Опять-таки старая пѣсня о несчастныхъ покупателяхъ, которыхъ хватаютъ, заговариваютъ и не допускаютъ...

Фактъ третій: Повѣствованіе о томъ, что евреи входятъ въ стачку съ повѣренными и управителями мѣстныхъ промышленныхъ предприятий, тѣмъ дѣйствуютъ во вредъ хозяевамъ. Что-жъ? Слѣдуетъ сообщить хозяевамъ о продѣлкахъ ихъ повѣренныхъ и о необходимости поставить на ихъ мѣста служащихъ болѣе преданныхъ хозяйскому интересу.

Фактъ четвертый: Получивъ свѣдѣніе о приказѣ министра отправить всѣ вагоны подъ уголь и зная, что вслѣдствіе этой мѣры, цѣны на соль должны подняться, евреи стали скупать ее, давая большія цѣны...

Чувствуя, что представленныхъ фактовъ слишкомъ мало для подкрѣпленія его выводовъ, г. Рагозинъ замѣчаетъ: «Я рассказываю болѣе *крупные* факты, но мелкіе встрѣчаются каждый день»...

Изъ представленныхъ авторомъ «крупныхъ» фактовъ, особенное вниманіе обращаетъ на себя продѣлка евреевъ съ солью; здѣсь, какъ въ капль воды, отразилась вся совокупность практикуемыхъ евреями безчестныхъ

приемовъ торговли! Въсто того, чтобы по-братски подѣлиться со всѣми прочими торговцами дошедшей до нихъ «коммерческой тайной», они обратили ее въ свое исключительное пользованіе... Мы чрезвычайно тронуты высокимъ идеализмомъ предъявляемыхъ г. Рагозинымъ къ торговой профессіи требованій и, въ защиту антитоварищескаго поступка евреевъ города Царицына, осмѣливаемся сказать лишь одно: нельзя отъ еврейскаго купца требовать такой же добросовѣстности, какая присуща русскому ученому.

Во всей этой «царицынской іереміадѣ» насъ удивляетъ лишь одно: по что царицынцамъ лишь все «слезы горькія»,—не лучше-ли имъ обратиться къ спасительному содѣйствію мѣстной администраціи? И мы вмѣстѣ съ г. Рагозинымъ негодующе вопрошаемъ: «Почему не жалуется никто на незаконное проживаниеъ евреевъ въ Царицынѣ?»

Да вотъ—подите же... «А потому никто не жалуется, что *болятся*; многіе позапутались съ евреями, многіе вкусили плода отъ древа познанія добра и зла, а остальные *болятся остаться безъ дѣлъ и продажъ*»... *Боятся* остаться безъ дѣлъ и продажъ... это что такое?

Да ободрите же малодушно-сомнѣвающихся царицынцевъ хоть вы, г. Рагозинъ! Чего бы имъ, кажется, бояться: и эксплуататоръ—жида, и безчестный конкурентъ, и развратитель добродѣтельныхъ царицынскихъ прикащиковъ—гови его!.. анъ-нѣтъ, безъ жиды никакъ не возможно... Кстати, какъ много въ послѣднее время расплодилось подобныхъ «малодушно-сомнѣвающихся»... Вотъ, для примѣра, Москва и ея публицисты.—Ужъ, кажись, имъ теперь бы ликовать и праздникъ изъавленія праздновать: давно желанный «исходъ» евреевъ сталъ фактомъ;—крылья развязаны, пути къ благоденствію расчищены, и остается лишь отряхнуться отъ прошлаго, какъ отъ тяжелаго сна. Въ дѣйствительности же происходитъ—скажемъ словами одной изъ героинь комедій Островскаго—«совѣсть напротивъ»: солидные представители московской индустріи ходатайствуютъ о реабилитациіи жиды, а представители московской публицистики жалобно молятъ: «Ваше благородіе! Увольте къ намъ Мошку хоть на побывку...»¹

Право, читатель, трудно говорить серьезно обо всей этой и грустной, но и смѣшной канители: «*Жидъ умишлъ*»—*скверно*; «*жидъ умишлъ*»—*еще сквернѣй*... Господи Боже,—зачѣмъ въ соблазнъ и смущеніе честному люду ты создалъ «жиды»?!

Смущаетъ еврейскій вопросъ и ирраго обывателя до такой степени, что, будучи совершенно чуждъ литературному дѣлу, онъ хватается за

¹ См. переизданію изъ „Моск. Вѣд.“ въ 12 № „Хроники Восхода“.

перо и строчить статью: *Еврейский вопросъ съ чисто-русской точки зрѣнія*. Куда дѣвался страхъ передъ печатнымъ словомъ? Его преодо- дѣвается, видно, сознание, что за вздоръ, высказанный по еврейскому вопросу, никто не осудитъ. Въ газетѣ «Кіевлянинъ» одинъ изъ такихъ обывателей, г. Л. *Брусескій*, помѣстилъ «письмо въ редакцію»¹ подъ заглавіемъ: «Къ еврейскому вопросу». «Чрезвычайные успѣхи евреевъ— такъ начинается это письмо—въ дѣлѣ эксплуатаціи ими христіанскаго населенія въ Россіи и нѣтъ, по-истинѣ библейское, размноженіе не явилось какъ *deus ex machina* древней трагедіи, внезапно и безпричинно, а являются совершенно естественными и нормальными послѣдствіями историческаго событія и обстоятельствъ, долгое время слагавшихся».

Упомянувъ о благопріятномъ положеніи евреевъ въ Рѣчи Посполитой и о присоединеніи ихъ вмѣстѣ съ «разгромленной Польшей» къ Россіи, авторъ письма, въ дальѣйшемъ своемъ изложеніи, указываетъ на слѣдующія причины усиленія евреевъ: «Россія, присоединивъ обширныя бывшія польскія области, не была настолько *культурна*, чтобы воспользоваться, въ экономическомъ отношеніи, плодами своихъ политическихъ успѣховъ и выслать въ приобретенную страну контингентъ людей изъ класса торгово-промышленнаго, который бы, пользуясь разгромомъ тогдашняго польскаго общества, занялъ мѣсто туземцевъ, дѣятельность коихъ, въ силу совершившихся событій, должна была, естественно, придти въ упадокъ». При этихъ условіяхъ евреи стали постепенно усиливаться; затѣмъ, не малую службу сослужили имъ также наполеоновскія войны и польскія возстанія, при которыхъ евреи, благодаря своему «политическому индифферентизму и нравственной неразборчивости», усилились въ своемъ экономическомъ ростѣ. Словомъ, въ то время, когда исторія, какъ видитъ читатель, работала въ пользу синовъ Израиля, «христіанское населеніе (т. е. поляки) лишилось довѣрія, а слѣдовательно, и должной *поддержки* (?) *правительства въ усиленіи противодѣйствія экономической гегемоніи евреевъ*». Исчисляя, затѣмъ, пороки евреевъ, авторъ предлагаетъ и средства борьбы съ еврействомъ. Они слѣдующія: подъемъ предпринимчивости и численности христіанскаго торгово-промышленнаго населенія черезъ учрежденіе торговыхъ обществъ, акціонерныхъ компаній исключительно изъ христіанъ.

Конечно, противъ такихъ средствъ борьбы никто не можетъ ничего возразить: еврея, камишь, нечѣмъ всѣхъ изъ-являютъ неудовольствія противъ

¹ „Кіевлянинъ“, 1891 г., № 110.

«мирной конкуренціи»; они не страшатся мирныхъ конкурентовъ, ибо, какъ это признаетъ и г. Бржескій, своимъ успѣхомъ въ торгово-промышленномъ дѣлѣ евреи обязаны не только «отрицательнымъ» причинамъ, но и тѣмъ, которыя «истекаютъ изъ національныхъ особенностей характера ихъ—даровитости, настойчивости, бережливости и т. п.». Вообще, авторъ деликатничаетъ съ евреями и, рекомендуя свои средства борьбы съ ними, справедливо замѣчаетъ: «*многo* способа удовлетворительнаго разрѣшенія еврейскаго вопроса, согласно съ гуманностью и современной цивилизаціей, *быть не можетъ*». Но... во въ этомъ сдержанномъ, съ виду, письмѣ запрятано—положимъ, далеко далеко—«утробное вождельніе» націоналиста нашихъ дней. Авторъ въ своемъ изложеніи задается какъ бы миклодохомъ вопросомъ о томъ, кто будетъ той могучей ратью, которая, сокрушивъ «вліяніе евреевъ», воспользуется выгодами занимаемаго ими нынѣ положенія. Если вы подумаете, что выгоды эти должны достаться коренному русскому населенію, то вы ошибетесь. Г. Бржескій думаетъ иначе: «считаетъ не лишнимъ замѣтить,—говорится въ письмѣ по этому поводу,—что разсчитывать въ дѣлѣ протаводѣйствія еврейской дѣятельности на серьезное участіе и содѣйствіе населенія центральныхъ губерній едва-ли не было бы большимъ заблужденіемъ, такъ какъ онѣ и понынѣ сами небогаты ремесленниками, а *великорусскіе* (такъ-съ!) торговцы и промышленники, съ расширеніемъ границъ Россіи далеко на востокъ, *неопредѣленно-долгое время* еще будутъ находить тамъ обширное поле, притомъ удобное и прибыльное, для своихъ капиталовъ и энергій». Придется, значить, какъ это ни неприятно, воспользоваться «выгодами еврейскаго положенія» западному населенію (т. е. полякамъ)! И такъ, г. Л. Бржескій уже составилъ приблизительную дислокацію силъ для будущей компаніи: вы, гг. «русскіе», уйдете туда, подальше... на востокъ... въ Азію; тамъ вамъ будетъ, знаете-ли, «и удобно, и прибыльно»; а мы, такъ ужъ и быть, останемся здѣсь, въ европейской Россіи для занятія евреями... Думаетъ, что смыслъ приведенной вами выше тирады достаточно раскрываетъ тайный умыселъ подобнымъ гершителямъ еврейскаго вопроса съ русской точки зрѣнія. Въ предстоящей въ будущемъ лишь дѣлежкѣ выгодъ и благъ г. Бржескій старается уже кой-кого обойти... Что-то дальше будетъ?..

Если помяку прилично говорить о еврейскомъ вопросѣ съ русской точки зрѣнія, то еврею это сугубо прилично; такъ рѣшилъ г. *Полинковскій* и

попѣстель въ той-же газетѣ¹ «письмо въ редакцію», на тему, избранную вышепереченнымъ г. Бржескимъ. Многія положенія этого письма до того убѣдительно и остроумны, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести ихъ въ извлеченіи: «судя по тому, что уже сдѣлано въ теченіе послѣдняго десятилѣтія по пути къ рѣшенію еврейскаго вопроса, и потому, что объ этомъ вопросѣ говорятъ и пишутъ въ большей части органовъ русской печати, русскую точку зрѣнія на еврейскій вопросъ можно выразить,—какъ полагаетъ г. Полянковскій,—въ слѣдующей краткой формулѣ: *на мѣсто еврея, идя бы онъ ни стоялъ, нужно поставить русскаго*. Всѣ нескончаемыя разсужденія на тему «почему это такъ нужно» ужь до того надѣлаи всѣмъ практическимъ людямъ, какъ изъ евреевъ, такъ и изъ не-евреевъ, что просто совѣстно ихъ повторять... Весь еврейскій вопросъ съ русской точки зрѣнія сводится не къ тому, *почему* нужно замѣнить еврея русскимъ, а къ тому, *какъ* осуществить эту замѣну возможно легче и скорѣе». Наибольше правильное разрѣшеніе этого вопроса г. Полянковскій видитъ въ эмиграціи бѣднѣйшей части еврейскаго населенія, причемъ русскимъ правительству и обществу, какъ стороннѣ заинтересованной, надлежитъ озаботиться о предоставленіи средствъ къ выселенію,—для какой цѣли г. Полянковскій рекомендуетъ употребить остатки коробочныхъ и другихъ, съ однихъ евреевъ установленныхъ, сборовъ. Безъ широкой правительственной и общественной помощи эмиграція состояться не можетъ, ибо эмигрировать будутъ лишь тѣ, кому нечего ѣсть здѣсь, въ Россіи. «Та же часть евреевъ, которая могла бы уйти изъ Россіи безъ посторонней помощи, имѣетъ *свой*, еврейскій, взглядъ на еврейскій вопросъ и вовсе не думаетъ уходить, эта часть евреевъ считаетъ Россію своей естественной и законной родиной и пока находитъ въ этой родинѣ достаточно воздуха и престоера, чтобы жить и трудиться на ея почвѣ, *по одному словесному приглашенію Россіи не покинетъ*».

Если отбросить въкоторыя излишнія рѣзкости тона письма г. Полянковскаго, то вѣрва не согласится, что онъ, въ общемъ, довольно правильно формулируетъ и «русскую точку зрѣнія» на еврейскій вопросъ, и тѣ выводы, къ которымъ она обязываетъ.

Въ этотъ турниръ поляка и еврея поспѣивалъ виѣшаться *чисто-русскій* человекъ, который внесъ свою настоящую *чисто-русскую* точку

¹ „Кіевлянинъ“, 1891 г. № 112.

зрѣнія. Тамъ, гдѣ хитроумный полякъ и осторожный еврей выказываютъ политичность, онъ проявляетъ чисто-русскую, идущую на проломъ, отвагу.

Авторъ чисто-русскаго письма ¹ г. Михайленко—откровенно заявляетъ: «Всѣмъ намъ очень хорошо извѣстно, что значительная часть еврейскаго населенія, наполняющая наши города и мѣстечки, страшно бѣдствуетъ и, дѣйствительно, часто еврейская семья оказывается вынужденною довольствоваться одною луковицею и двумя картофелными въ день»... И такъ, еврейское населеніе, кажется, очень дешево обходится русскому народу; за огромный трудъ, допустимъ, даже мало производительный—еврейская семья получаетъ лишь двѣ картофелныя и луковицу въ день. Но г-ну Михайленко и это представляется большою щедростію со стороны кореннаго населенія: «Пусть даже луковицу и двѣ картофелныя въ день,—патетически восклицаетъ г. Михайленко,—но если эта провизія получается не проаводительнымъ трудомъ, а операціями, низшими близкое соотношеніе съ уставомъ о нак. и уложеніемъ о нак. или неписаннымъ кодексомъ общечеловѣческой нравственности, то это уже тяжело для населенія, которое оказывается вынужденнымъ снабжать евреевъ и лукомъ, и картофелю». Отбрасывая риторическія украшенія, которыя плохо скрываютъ мысль автора, заключающуюся въ томъ, что коренное населеніе не хочетъ болѣе «снабжать» евреевъ даже этимъ скуднымъ кормомъ, мы можемъ формулировать взглядъ г. Михайленко такъ: оно только съ виду выходитъ, что евреи чрезвычайно мало потребляютъ, а помножьте-ка двѣ картофелныя на 5 мил. (цифру евр. населенія), что дастъ 10.000,000, да прибавьте сюда еще 5.000,000 луковиць, и получится весьма почтенное количество провизій, потребляемой еврейскимъ населеніемъ въ теченіе одного лишь дня; въ теченіе же года сколько евреи пожыраютъ—трудно и счесть; зачѣмъ же такую массу картофелю и луку тратить на какихъ-то пришлепцовъ, когда много силъ, которые съ аппетитомъ потребятъ скромное жидовское блюдо? А потому «до пріятнаго свиданія, гг. евреи. До свиданія не потому, чтобы вы, русскіе, *жаждали занять* ваши мѣста по части всевозможныхъ темныхъ профессій, а потому, что мы уже не въ силахъ больше прокармливать васъ, потому, что мы скоро не въ состояніи будемъ снабжать васъ даже одною луковицею въ день на семью. До свиданія, для вашего же блага, и не понимайте насъ лжкомъ: мы *сдѣлали для васъ все, что могли*; пусть теперь этимъ займутся другіе»...

¹ „Кіевлянинъ“, 1891 г. № 116.

Но прежде, чѣмъ позвать протянутую г. Михайленко для прощанія руку, гг. евреи въ правѣ спросить его, въ чемъ заключается добро, сдѣланное имъ? Что значать слова: «мы сдѣлали *все*, что могли?» Очень неясно.. «Воспоминаніе передо мной разворачиваетъ свой длинный свитокъ»... и мы читаемъ въ несть, что было сдѣлано гг. Михайленко. Да, въ известномъ отношеніи, пожалуй, сдѣлано все, что было возможно...

Грустно, читатель! Куда уйти отъ мучительныхъ впечатлѣній жизни и ея прислужницы—газетной литературы? Конечно, въ область науки и художественно *правдиваго* синтеза. Сферы эти всегда чуждались базарнаго гама и его суеты, тамъ всегда сияетъ мягкій свѣтъ добра и красоты. Горькое заблужденіе! Наука и изящная литература также увлечены общими потоками, и онѣ услужливо отзываются на общій нестройный гулъ. Говорятъ, что участіе нѣкоторой части «серьезной» литературы въ безобразной рыночной свалкѣ находитъ себѣ оправданіе въ отзывчивости и чуткости къ «жизненнымъ тревоженіямъ». Можетъ быть; но эта односторонняя отзывчивость и тенденціозная чуткость что-то очень подозрительны.

Вотъ передъ нами рядъ статей, подъ однимъ общимъ заглавіемъ—«Среди самообличеній»¹, принадлежащихъ перу г. Яроша, изготовленныхъ изъ дурно-искрошенныхъ тенденцій разныхъ западно-европейскихъ антисемитовъ, обильно политыхъ острою водкой самовѣрія и нетерпимости; каждое слово, выступающее изъ-подъ его пера, дышетъ ненавистью ко всему «чужому», т. е. къ тому, кто живетъ, не справляясь съ мудростью самозванныхъ учителей—въ родѣ его самого, гг. Астафьевыхъ, Иловайскихъ и т. п.

По истинѣ, забавное зрѣлище представляетъ собою названный выше ученый авторъ, который, запутавшись «среди самообличеній» западнаго безсилія, невольно обличаетъ самого себя въ прегрѣшенія, являющихся обыкновенно результатомъ «охоты смертной». Мы пройдемъ мимо тѣхъ главъ работы г. Яроша, гдѣ онъ съ остервенѣніемъ неблагодарнаго выкоррика бьетъ по сосцамъ свою корнаницу—западно-европейскую науку, нѣсколько капель молока которой было достаточно для того, чтобы выростить изъ него мундирнаго ученаго; мы не станемъ также рассказывать о томъ, какъ на протяженіи 50 длинныхъ газетныхъ столбцовъ г. Ярошъ своею тупою шпажкой «колетъ, рубитъ, рѣжетъ» европейскіе идеалы, строй общественный и литературу; это все—не наша обязанность. Общественная критика и публицистика отиѣтали, конечно, и увертливые приемы

¹ „Московскія Вѣдомости“, 1891 г. №№ 125, 126, 127, 129 и 130.

автора и акробатическую подстановку имъ, въ ходѣ аргументацій, однихъ понятій вмѣсто другихъ и, наконецъ, филигранный стиль, переходящій еженипунто въ ходульность и высокопарность. Когда читаешь лощенныя фразы г. Яроша, невольно вспоминаются слова Фальстафа «Скажи, что тебѣ угодно, но говори какъ человекъ изъ этого вѣра!»

Мы займемся разборомъ только пятой, по счету, статьи г. Яроша, посвященной имъ еврейству и еврейскому вопросу. Лишь въ отношеніи къ ней небезынтересно отпѣтить «подвижность, изворотливость и быстроту скачковъ», къ которымъ прибѣгаетъ аргументація автора, и тотъ злобный духъ, какъ мы выше сказали, гордыни и нетерпимости, который г. Ярошъ окутываетъ дышкомъ якобы философской объективности. Г. Ярошу также удѣлъ будничнаго юдофобскаго публициста; боясь, чтобы его не смѣшали съ темною компаніей разныхъ Жителей, Петербуржцевъ, Буренныхъ и т. п., онъ осторожно заявляетъ: «Въ настоящее время «тѣни гнета» (по отношенію къ евреямъ) въ Европѣ разсѣялись; настала пора анализировать и выяснять, что можетъ влиять въ европейскую цивилизацію струя еврейскаго вліянія. *Мы коснемся вопроса безпристрастно, отдавая полную дань уваженію отдѣльнымъ почтеннымъ личностямъ*». Собственно — г. Ярошъ и не сталъ бы заниматься еврействомъ и вопросомъ о стремленіи его къ міродержавству и могуществу, да на бѣду евреевъ «самый фактъ ихъ могущества служить едва-ли не крупнѣйшей уликой *противъ современнаго европейскаго общества*, — уликой, обозначающей крайнюю степень его нравственно-политической расшатанности, безжизненности и дезорганизации». Ну, а ежели коснулось «улики» противъ Европы, то г. Ярошъ никакъ не можетъ обойти ее. Но, какъ нужъ, воссѣдающій на вершинахъ знанія, онъ не можетъ останавливаться передъ мелкими вопросами, для разсмотрѣнія которымъ надо возиться съ разными досадными документами и цифрами, — взианъ этого, г. Ярошъ анализируетъ *духъ* еврейства, вскрываетъ внутренній *нервъ*, движущій нить, разбираетъ еврейскихъ великихъ писателей, словотъ, пытается дать полную «психологию еврейскаго народа».

«Индя дѣло съ притязаніями чужого племени занять мѣсто между нами, вѣрнѣе — надъ нами, изслѣдователь долженъ былъ бы, — справедливо замѣчаетъ г. Ярошъ, — прежде всего *изучить свойства* претендента. Вдумываясь же въ эти свойства, онъ пришелъ бы къ слѣдующимъ заключеніямъ». Чтобы не обременять читателя, изложимъ ихъ вкратцѣ: *жестокій эгоизмъ, полное отсутствіе альтруистическихъ порывовъ*

и даже *отсутствіе моральнаго обвинія*; конечно, при такихъ свойствахъ никакое государство, никакими мѣрами не можетъ сдѣлать изъ евреевъ порядочныхъ гражданъ. «Можно вѣдѣться исправить самую законнѣшую злую волю, — восклицаетъ г. Ярошъ, — но какъ повліять на того, съ коимъ *просто нѣтъ моральнаго обвинія*. Единственная форма общенія такихъ людей — союзъ ради какихъ-либо выгодныхъ предпріятій, но такой союзъ, по вѣрному замѣчанію блаженнаго Августина, не государство, а шагnum latrocinium—*болотная шайка*». Всѣ эти соображенія вѣрны, хотя и затасканы; но какое они имѣютъ отношеніе къ еврейству?

Развѣ г. Ярошъ доказалъ, что у евреевъ отсутствуютъ «альтрунизмъ и даже моральное обвиніе».

Развѣ такихъ банальныхъ трюизмовъ, что «евреи издавна привыкли считать себя избраннымъ народомъ, которому обѣщается земля, принадлежащая другимъ племенамъ, и передъ которыми другіе народы должны испугаться и разбѣгаться» — оправдывается привычностію къ еврейству выставляемыхъ г. Ярошемъ положеній?

Неужели для того, чтобы назвать цѣлую націю — огромной шайкою, достаточно сослаться на бѣглый афоризмъ Достоевскаго, который формулируетъ еврейское *credo* въ слѣдующихъ словахъ: «Вѣрь въ побѣду надъ всѣми міромъ; вѣрь, что все покорится тебѣ»?

И такъ, затасканный трюизмъ и цитата изъ Достоевскаго — вотъ *всѣ* (буквально!) арсеналъ фактовъ, при помощи которыхъ г. Ярошъ разрѣшаетъ «научно» взятую имъ на себя психологическую задачу. Такова солидность приговора г. Яроша. Ниже мы приведемъ одинъ изъ многихъ образчиковъ, гдѣ г. Ярошъ проявляетъ такую «подвижность мысли», что невольно приходится адресоваться къ нему съ приведенными имъ же словами папы Бенедикта XIII, сказанными имъ на диспутѣ одному крещеному еврею: «Ты не долженъ прыгать туда и сюда, но остаться на своемъ предметѣ и отвѣчать прямо на предложенный вопросъ». Такъ, напр., задавшись вопросомъ о свойственной еврейскому характеру консерватизмѣ, г. Ярошъ прямо заявляетъ: «*Справедливо* указываютъ въ еврейскомъ духѣ элементъ консерватизма». Ну, и слава Богу! думаетъ обрадованный читатель. Но нѣтъ — погодите: это лишь публицистическій фортель; вслѣдъ за тѣмъ г. Ярошъ, по свойственной ему подвижности мысли, дѣлаетъ — для всякаго другого головоломный, но для него привычный скачекъ — и вотъ мы стоимъ вистѣтъ съ нимъ уже передъ новою фразой: «Но, къ сожалѣнію, въ консерватизмѣ еврейскомъ мы видимъ тенденцію замыкаться въ «словѣ пророка», рабски трепетать

передъ преданіемъ, растворять все новое въ мертвенно старомъ; это — *не тотъ консерватизмъ, который любовно оберегаетъ историческія традиціи*. Какъ видите, поставленный первоначально г. Ярошъ тезисъ постепенно ослабляется, и вотъ—послѣдній скачокъ—и признававшее нѣтъ сомнѣній указаніе на элементъ консерватизма въ еврейскомъ духѣ падаетъ совершенно подъ напоромъ окончательнаго вывода, что «евреи склонны ко взрывамъ и разрушительности, причемъ моральная узкость и нервная подвижность евреевъ *дѣлаетъ эти взрывы особенно стремительными*».

Неправда-ли, любезо? Консерватизмъ, ведущій ко взрывамъ и разрушительности... Такая-же участь подъ перомъ г. Яроша постигаетъ и признававшая всѣми еврейскія семейныя добродѣтели, отзывчивость къ горю ближняго и проч.

И такъ, послѣднее убожище, куда могло бы укрыться еврейское національное самолюбіе, разрушено... Кажись, все сражено—и г. Ярошъ собирается вложить свою діалектическую инажонку—въ ножны. Но, чу!.. слышится какой-то легкій шелестъ; съ выси литературнаго олимпина льется ровный свѣтъ, окружающій ореоломъ безсмертія имена великихъ служителей «мысли и слова»... А, это шелестятъ жидовскіе лавры!.. Это—свѣтъ, озаряющій имена Спьяновъ, Гейне, Борне, Лассала и ии, др. еврейскихъ писателей. Надо сорвать эти лавры, нужно погасить возженные благодарнымъ потомствомъ свѣтильнички. Снова поднимается молодецкая атака; снова мелькаетъ быстро и удачно инажонка Яроша; опять начинается верническая галлопада, игра «научными данными», жонглированіе цитатами—и все это освѣщено бенгальскимъ фейерверкомъ лихихъ словъ, словъ и словъ...

«Нерѣдко говорятъ о даровитости еврейскаго племени, объ умственныхъ его талантахъ; но признаніе этой талантливости требуетъ также оговорки». Хорошо: хоть съ оговоркой, а все же г. Ярошъ признаетъ талантливость евреевъ. Но.. но къ дальнѣйшему изложенію подъ перомъ Яроша произойдетъ съ еврейской талантливостью та же метаморфоза, что и съ консерватизмомъ. Начинаясь «оговорки»: «Въ большинствѣ случаевъ (эластичное словечко!) произведенія еврейской мысли не отличаются глубокой систематичностью и правильной солидной логикой. Все это замѣняется подвижностью, изворотливостью и быстротою скачковъ (точь въ точь, какъ у Яроша). Горячность стала еврейскаго писателя не грѣетъ читателей; напротивъ, она производитъ впечатлѣніе холодной нервности и носить на себѣ тяжелый характеръ какой-то конвульсивности».

Охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ природу и сущность еврейскаго таланта, г. Яромъ принимается за различиваніе отдѣльных, почему-то считавшихся доселѣ великими, еврейскихъ писателей: Спиноза — плохенькій философъ; Гейне — фразеръ, прачущій свою духовную нищету подъ шумкою фразъ; Верне — голудень, драющій своими нравственнымъ содержаниемъ; Лассаль — ловкій фальсификаторъ, который только и дѣла дѣлалъ, что фальсифицировавъ сердечныя чувства, научныя изслѣдованія и даже политическія убѣжденія... Само собою разумѣется, что о вкусахъ не спорятъ. Найдется не мало людей, которые третируютъ Шекспира и Пушкина, какъ «мальчишекъ и цвятъ»; стало быть, и г. Яромъ воленъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ. Но, когда капризные вкусы предлагаются публикѣ, какъ *научныя* положенія, мы въ правѣ требовать, чтобы они, по возможности, *объективировались* и обставлялись доказательствами. Въ области литературной не можетъ вѣсть иѣсто деспотической принципіи — *sic volo, sic jubeo* (я такъ хочу — такъ приказываю); нельзя третировать своихъ читателей, какъ подневольную ученическую аудиторію, которая, посредствомъ системы «отгѣтокъ», принуждена принимать безъ возраженія учительское слово. Докажи или молчи — таково долженъ быть лозунгъ уважающаго себя публициста. Къ сожалѣнію, авторъ статей «Среди самообличеній» не раздѣляетъ этого положенія.

Вотъ ходъ его аргументацій:

Ученіе Спинозы есть зеркало природы; природа же равнодушна къ добру и злу; чего же, стало быть, можно ожидать отъ ученія Спинозы? Течный натурализмъ Спинозы — не по душѣ г. Ярому; его болѣе влекутъ къ себѣ лирическія изліянія средневѣковыхъ аскетовъ, которые, созерцая природу, восклицали: «Господи! Я уму отъ сладостныхъ чувствъ, если ты не угѣришь мою радость». Быть можетъ, еще многое иное изъ тѣхъ среднихъ вѣковъ чаруетъ г. Ярома, но на этомъ основаніи, согласитесь, нельзя же отрицать всего того, что не согласуется съ средне вѣковыми воззрѣніями. Да кромѣ того, въ сужденіи о Спинозѣ явственно выступаютъ крупное противорѣчіе: Спиноза порицается какъ разъ за тѣ самыя свойства, отсутствіе которыхъ г. Яромъ ставитъ въ вину еврейскимъ писателямъ — именно: объективность, спокойствіе и неподраточенная субъективизмомъ правдивость.

Въ судѣ, производимомъ надъ Гейне, съ такою же основательностью, проявляется въ полномъ блескѣ отгѣченная нами выше въ ученіи авторѣ склонность къ скачкамъ и подстановкѣ одного понятія мѣсто другого.

Обвинительная формула противъ Гейне кратка и выразительна: «Несомненно, что *въ произведеніяхъ* Гейне, при громадномъ самоиѣннѣ автора и при непрекращающемся фейерверкѣ фразъ, большая бѣдность содержанія». Отъѣтъ этотъ относится, такимъ образомъ, къ произведеніямъ Гейне вообще; между тѣмъ, въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи, г. Ярошъ осылается *исключительно* на философскія, критическія, вафлетическія статьи, не обмолвившись ни словомъ о его *поэзіи*! Эта подстановка, вѣсто цѣлаго — части, облегчаетъ г. Ярошу возможность высказать такое заключеніе: «мы, не обинуясь, полагаемъ, что его *прозаическія* произведенія не могутъ *научить* (!) насъ ничему существенному и не въ силахъ вдохновить ни на что возвышенное... Такимъ образомъ, вѣсто общаго суда надъ «произведеніями» Гейне вообще, мы читаемъ приговоръ надъ его *прозаическими* произведеніями. Да, позвольте! Гдѣ же Гейне-поэтъ, который своими стихами будилъ восторги всего образованнаго міра? Объ этомъ ни слова! Такая безцеремонная игра понятіями можетъ доказать, что угодно, наиримѣръ: Пушкинъ — заурядецъ, *ибо* его «исторія Пугачевского бунта» — владенческая конвилацин; Гоголь и Тургеневъ поражаютъ бѣдностью содержанія, *такъ какъ* стихотворныя произведенія ихъ неспособны подвинуть насъ ни на что высокое. Фальшь подобныхъ умозаключеній ясна до очевидности:

Пушкинъ силенъ не прозою своею, а поэзіями и лирическими стихотвореніями; Гоголь и Тургеневъ, наоборотъ, — не стихотвореніями своими, а романами...

Ахъ, г. профессор! Можно ненавидѣть жидовъ, но зачѣмъ вѣстѣ съ нами ненавидѣть и истину?...

Разбирая какого нибудь автора, надо имѣть въ виду то, что составляетъ главнѣйшее содержаніе его литературной дѣятельности. Гейне стяжалъ себѣ бессмертіе не философскими или литературно-критическими статьями, каковы бы онѣ ни были, а вѣчно юной, благоухающей свѣжестью и прелестью новизны, поэзіей своею. Если бы въ вѣстѣ произведеній Гейне, — говорить его литературные критики, — участвовала лишь одна «Книга вѣселя», то и этого было бы достаточно, чтобы отвести ему въ исторіи всеобщей литературы то мѣсто, которое онъ имѣтъ занимать.

Я, право, не знаю, стоитъ-ли, въ виду явной недобросовѣстности сужденій г. Яроша, останавливаться еще на его еѣннѣ Верне и Лассала? Если мы это дѣлаемъ, то только для того, чтобы доказать, что себѣ уче-

ный обличитель не только силенъ въ жонглированіи фразами, но обладаетъ и даромъ вымысла.

Эти благодарныя свойства г. Яромъ съ особенной силой обнаруживаетъ въ «оцѣнкѣ» Лассала; своимъ «анатомическимъ ножомъ» безпристрастной критикѣ, онъ крошитъ его на мелкіе кусочки.

Въ интимной жизни Лассаль — чуть-ли не заурядный альфонсъ, чему служить доказательствомъ его связь съ графиней Гатцфельдтъ: «такая связь молодого человѣка съ особой преклоннаго возраста, знаменуетъ *чисто-еврейское безразличіе* къ свойствамъ объекта «любви», обнаруживаетъ фальшь любовнаго пафоса Лассала въ другихъ случаяхъ его дальнѣйшихъ поощреній: громкая фраза здѣсь прикрывала только тщеславіе и нервность».

Вмѣсто всякой оскорбительной для памяти Лассала защиты, мы укажемъ лишь на то, что лучшіе шесть-семь лѣтъ своей жизни Лассаль посвятилъ отчаянной, почти геройской борьбѣ за восстановление человѣческихъ правъ угнетаемой и поруганной мужемъ женщины; противъ Лассала были огромныя богатства, связи графа съ знатными родами, рутинна общественнаго мѣтвія — и онъ *одинъ*, одинъ противъ всѣхъ — бился за благо чужой ему женщины. Подвигъ Лассала былъ оцѣненъ и, когда судебный приговоръ подтвердилъ то, что Лассаль считалъ правдой, ему были возданы неслыханныя почести: съ громкими ликованиями народъ почталъ его отъ здания суда по улицамъ города. Въ процессѣ графини Гатцфельдтъ иѣмецкое общество справедливо увидѣло могучій протестъ противъ вѣковой тираніи, въ данномъ случаѣ, тираніи семейной. И эти чистыя, почти святыя минуты въ жизни Лассала г. Яромъ пытается свести на хорошо оплачиваемыя услуги неразборчиваго альфонса!

Не лучше отзывается авторъ объ ученой дѣятельности Лассала, продолжая надъ нимъ то же, что продолжалъ раньше надъ Гейне. Читателю предлагается разборъ одного изъ наиболее слабыхъ произведеній Лассала, представляющаго собою *первый* опытъ его на литературномъ поприщѣ, именно о философѣ Гераклитѣ. Но отчего же г. Яромъ, будучи самъ, по своей специальности, юристомъ, не занялся разборомъ лассалевскаго сочиненія «О приобрѣтеніи правъ», которое доставило автору значительную извѣстность въ юридическомъ мірѣ?..

Особенно громить авторъ политическую дѣятельность Лассала: «сначала онъ вникнулъ къ людямъ, стремившимся къ національному объединенію Германіи. Но солидный путь постепеннаго преусиженія былъ не по нему;

онъ скоро повернулъ свои усилія къ революціи, составляющей всегдашнюю лѣстницу и пьедесталъ всѣхъ эгоистовъ и честолюбцевъ. Онъ началъ проповѣдь о свободѣ, которую, однако же, не его мнѣнію, нужно водворять насиліемъ». Такимъ образомъ, Лассаль представленъ какъ разрушитель, готовый прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Но этого мало: Лассаль не вѣрилъ въ то дѣло, которому служилъ, и, не мнѣнію г. Яроша, даже не любилъ его: «даже друзья его не могли отрицать того, что *дѣло народа не было дѣломъ его сердца*. Каковы же результаты трудовъ Лассала? Прославляя свою «ученость», онъ явился союзникомъ современнаго германскаго милитаризма и содѣйствовалъ водворенію въ Германіи нынѣшней «железной эпохи», ибо дѣйствовалъ въ тылъ людямъ, отстававшимъ духовный строй прежней Германіи — свѣточа цивилизаціи. Правительство, хотя и сажало его, отъ времени до времени, въ тюрьму, но не боялось его. Бисмаркъ не могъ безъ сѣиха видѣть тощую фигуру берлинскаго еврея, карабкавшагося на нипровизованный тронъ, который Лассаль, въ противовѣсъ трону Гогенцоллерновъ, думалъ принастать на спинахъ рабочаго люда».

Здѣсь, конечно, не мѣсто говорить о значеніи политической дѣятельности Лассала; но каковы бы ни были его увлеченія и ошибки, искренность и убѣжденность Лассала стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія. Только злоба и преднамѣренная клевета могутъ усомниться въ нравственной чистотѣ Лассала. Недавно опубликованный дневникъ ¹ этого блестящаго демагога свидѣтельствуетъ о томъ, что дѣло народа всегда было дѣломъ его сердца. Вотъ что мы читаемъ въ дневникѣ Лассала — почти еще *мальчишка*; цѣною крайнихъ усилій добившись отцовскаго разрѣшенія на поступленіе въ университетъ, Лассаль на вопросъ отца — какой профессіи онъ намѣренъ себя посвятить, безъ колебанія отвѣчаетъ — публицистикѣ; «теперь, — сказалъ онъ, — теперь настало время, когда надо бороться за святые цѣли человечества... Борьба за благородныя цѣли всегда *должна вестись самими благородными ередствами*. Дайте намъ просвѣщать и развивать народъ». На вопросъ почему онъ долженъ рисковать своею участіемъ, юный Лассаль отвѣчаетъ: «Почему именно я долженъ быть ученикомъ? Почему? — Потому, что Богъ вложилъ голосъ въ душу мою, и онъ зоветъ меня на борьбу, потому, что Богъ далъ мнѣ силы, я чувствую это, которыя дѣлаютъ меня способнымъ къ борьбѣ! Потому, что я могу бороться и страдать за

¹ См. „Русская Мысль“ 1891 г., вѣ. VII.

возвышенную цѣль. Потому, что я не хочу обмануть Бога за силы, которыя онъ нѣ далъ для опредѣленной цѣли. Потому, одиниѣ словоиъ, что я не могу иначе!.. Въ приведенныхъ нами строкахъ вылилася пылкій, страстный характеръ Лассала: онъ могъ увлекаться, могъ ошибаться, но никогда не могъ быть безчестнымъ... Лучшую оцѣнку личности Лассала сдѣлалъ кн. Бисмаркъ (тотъ самый, который, по увѣренію г. Яроша, «не могъ безъ смѣла смотрѣть на тощую фигуру берлинскаго еврея!») въ своей рѣчи, произнесенной въ 1876 г. передъ нѣмецкимъ рейхстагомъ. Хвала его глубинну ума, разносторонность талантовъ, любезность манеръ, онъ въ заключеніе замѣтилъ, что если бы Лассаль не умеръ такъ рано, то нѣрное бы отрѣсся отъ своихъ политическихъ послѣдователей и учениковъ, ибо «въ ихъ обществѣ онъ былъ бы такъ же несчастенъ, какъ *орелъ* на птичьемъ дворѣ»... Уже изъ этой одной рѣчи можно убѣдиться въ ложности утвержденія г. Яроша объ отрицательномъ отношеніи кн. Висмарка къ личности Лассала. Всѣмъ также извѣстно, что Лассаль былъ частнымъ секретаремъ Висмарка, и онъ, быть можетъ, первый зародилъ въ Висмаркѣ идеи «государственнаго социализма»¹.—По крайней мѣрѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ оппозиціонныя Висмарку газеты считали нужнымъ напомнить о тѣсной дружбѣ, связывавшей его съ Лассалемъ, которой канцлеръ никогда не скрывалъ—ни при жизни Лассала, ни по смерти его.—Какъ читатель видитъ, ссылка на кн. Висмарка, дѣлаемая г. Ярошемъ, неудачна, равно какъ крайне неудачно и самое вападеніе на дорогія всякому культурному человѣку тѣни Спивонозъ, Гейне, Верне и Лассала. Такія злобныя попытки кончаются всегда неудачно и свидѣлствуютъ лишь о безосновательной самонадѣянности обличителя, о которомъ мы—принимая ихъ въ данномъ случаѣ—считаемъ себя въ правѣ сказать словами цитируемаго нѣ же итальянскаго писателя XV в.: «это уже особенность нало свѣдущихъ людей, что большая часть изъ нихъ, если они обладаютъ только самыя невначительныя позваніяни, *тотчасъ же обмѣливаются нападати на перыцазъ авторитетноезъ знамія*»...

Чтобы разъ на всегда покончить съ опредѣленіемъ литературной личности этого возмозволеннаго врага еврейства, мы считаемъ великимъ указать, что въ обще-русской литературѣ сдѣлана почти аналогичная съ нашей оцѣнка г. Яроша. Разбирая другое произведедіе пера г. Яроша, помѣщенное въ «Русскомъ Вѣстникѣ», рецензентъ почтеннаго журнала «Рус-

¹ В. Чуйко: Фердинандъ Лассаль.

ская Мысль»¹ такъ отзывается о значеніи его работы: «отъ всего разсужденія г. Яроша, не смотря на то, что оно уснащено множествомъ благочестивыхъ изреченій, вѣетъ холодомъ мертвящей злобы и высокомерія: ненавидѣть европейскую культуру, *знать общечеловѣческую идею*, мутить понятія объ источникахъ человѣческой цивилизаціи — *вотъ цѣль* подобныхъ разсужденій».

Но если г. Ярошъ въ своихъ научныхъ изысканіяхъ является зауряднымъ, мелочно-честолюбивымъ кропателемъ, то въ области «принциповъ» онъ отнынѣ стужалъ себя громадную извѣстность; будучи крайне рѣшительнымъ противникомъ «отвлеченныхъ положеній», разбираемый нами авторъ желаетъ реформировать вѣковое понятіе—*«человѣкъ»* на тонъ основанія, что евреи съ жадностью хватаются за общія формулы: «значеніе человѣка, какъ такового», «равноправность», «свобода подъ защитой права». «Все это,—говоритъ г. Ярошъ,—почтенные принципы, но они требуютъ правильнаго пониманія и приращенія къ жизни». А какъ ихъ надо *поминать* и *примѣнять* — этому поучаетъ г. Ярошъ своихъ читателей въ нижеслѣдующихъ словахъ: «Конечно, признаніе самостоятельнаго достоинства человѣческой личности, *есть всякаго анималиста ся оболочка, происхожденія, званія и состоянія*, составляетъ благородное начало, выработанное долгимъ трудомъ и освященное христіанскимъ ученіемъ. Но это начало *не законъ природы, а идеальное представленіе*. Когда мы говоримъ, что «нѣсть ни эллина, ни іудея, ни варвара, ни скифа, ни раба, ни свободнаго», то мы подразумѣваемъ не вообще человѣка, какъ существо на двухъ ногахъ, а нѣсть въ умѣ нѣкоторый моральный образъ человѣка съ извѣстными атрибутами и свойствами. *Званіемъ «человѣкъ» нельзя пользоваться какъ естественнымъ фактомъ или даромъ природы, — его нужно заслужить*. Разумѣется, всякій человѣкъ есть человѣкъ; но онъ можетъ быть и сквернымъ человѣкомъ, и тогда онъ не подойдетъ подъ названную формулу и вѣдъ вытекающія изъ нея послѣдствія. Если кто нибудь обратится къ своимъ ближнимъ съ настойчивымъ требованіемъ: «я—человѣкъ, а потому вы должны меня уважать», то ближніе въ полнѣмъ правѣ ему отвѣтить: «не слыши со своимъ требованіемъ, *докажи прежде*, что ты дѣйствительно человѣкъ, что сердце—твое дѣйствительно человѣческое сердце, а не сердце какой нибудь коварной пантеры или кровожаднаго тигра».

¹ „Русская Мысль“—1891 г., кн. VII, стр. 338.

Всѣмъ уважаемый хроникеръ «Вѣстника Европы»¹, по достоинству, оцѣнилъ и вольное обращеніе автора со «старыми текстами и формулами», и смѣлость поправки великаго евангедскаго заветѣ, и попытку доказать, что «еврей только потому, что онъ еврей, можетъ быть признавать человѣкомъ лишь по предварительномъ изслѣдованіи и одобреніи его «свойствъ и атрибутовъ».

Мы же, въ свою очередь, оставляя въ сторонѣ теорію, коснемся лишь практическихъ послѣдствій формулы г. Яроша. По формулѣ этой, человѣкъ *долженъ доказать*, что онъ — человѣкъ; безъ этихъ доказательствъ онъ рассматривается, какъ звѣрь. Но тутъ возбуждаются такого рода вопросы: кому надо предъявлять доказательства своей «человѣчности»; передъ кѣмъ это «званіе» надо заслужить; кто будетъ судьей въ опредѣленіи того, — человѣческое-ли у меня сердце или, наоборотъ, сердце коварной пантеры или кровожаднаго тигра; далѣе, въ чемъ заключаются гарантіи того, что въ будущую «комиссію для испытанія на званіе человѣка» (предсѣдателемъ коей долженъ быть назначенъ, по справедливости, *человѣчный Ярошъ*) не попадутъ члены съ «сердцемъ, если не пантеры, то во всякомъ случаѣ другого недобраго звѣрька; наконецъ, каковъ будетъ тотъ «моральный образъ человѣка», который гг. экзаменаторы будутъ прилагать, какъ мѣрку, къ каждому еврею, осмѣливающемуся заявить претензію на «званіе человѣка»? Это — немелочные вопросы и притомъ безотлагательные, в ны лишь можемъ выразить свое удивленіе, какъ такой принципиальный противникъ отвлеченныхъ *принциповъ*, какъ г. Ярошъ, не позаботился о практической сторонѣ проектируемаго имъ новшества. Мы надѣемся, что г. Ярошъ скорѣе представитъ общественному суду полную программу требованій для испытанія на званіе человѣка; равно какъ разработаетъ детально систему испытательныхъ *средствъ*, кои найдутъ себѣ прихвѣненіе въ будущей экзаменационной комиссіи. Хорошо бы, если бы г. Ярошъ поторопился съ представленіемъ *практической* части своего проекта, а те могутъ произойти большія недоразумѣнія.

Лица, увлеченныя новизной теоріи г. Яроша, могутъ, по невѣдѣнію, попасть въ тотъ же «просакъ», въ какой попали двое студентовъ одного изъ нашихъ университетовъ.

Какъ люди молодые, а потому пылкіе и увлекающіеся, они не-

¹ „Вѣстникъ Европы“—1891 г., кн. VII, стр. 432—433.

давно учинили *испытаніе* надъ однимъ евреемъ, какъ надо полагать, съ цѣлью опредѣлить «атрибуты и свойства» его. Изъ корреспонденцій «Одес. Листка» мы узнаемъ объ этомъ происшествіи слѣдующее: «Въ сел. М., Елисаветградскаго уѣзда, принадлежащемъ дочери богача В., служили при экономіи въ качествѣ управляющаго — полякъ М. и контролеромъ—еврей Z. Нынѣшніи лѣтомъ къ управляющему М. пріѣхали въ гости два его сына студента и двое изъ товарищей, также студенты. На-дняхъ Z., жившій въ другомъ хуторѣ, пріѣхалъ купаться въ селеніе М. Въ купальнѣ онъ засталъ четырехъ студентовъ, съ которыми онъ повдоровался. Они только что выкупались и были одѣты. Подождать пока они закончили туалетъ и вышли изъ купальни, Z. заперъ купальню и началъ раздѣваться. Онъ уже готовился войти въ воду, какъ услышалъ зовъ. Ничего не предчувствуя, онъ отворилъ двери. Вошли два студента М. и одинъ изъ гостей и начали хлестать палками голого Z. Несчастный упалъ, обливаясь кровью, молилъ о пощадѣ, но саврасы были неутомимы. Вызванный изъ Елисаветграда врачъ нашелъ около 30 кровавыхъ полосъ на тѣлѣ Z.».

Намъ глубоко жаль этихъ молодыхъ людей, которые такъ превратно поняли проповѣдь Яроша о необходимости *мыслить* чловека въ принадлежности къ челоѳической породѣ, такъ какъ за свою чисто *филологическую* ошибку, состоявшую въ томъ, что они сочли тождественными слова «*испытаніе*» и «*мытка*», имъ придется вести *юридическую* отвѣтственность. Дѣло въ томъ, что по нашимъ законамъ (перидконъ-таки устарѣлымъ) еврей все еще считается объектомъ, охраняемымъ отъ преступныхъ посягательствъ... Послѣните же, г. Ярошь, съ практической частью вашего проекта, дабы не вводить въ печальное заблужденіе неопытныхъ юнцовъ!..

Намъ еще остается, читатель, пройтись съ вами по нивѣ «связиной словесности», чтобы полюбоваться нахровымъ цѣтотъ воскресей, на ней юдофобіи; но «бесѣда» моя и безъ того уже разрослась, а потому отложимъ эту прогулку до слѣдующаго раза.

Ос. Гр.

Издание Е. Гребера. Краковъ, 1890. Съ 12-ю портретами (особое приложение къ предыдущей книгѣ). Критикуса. 21

XII. БИБЛИОГРАФІЯ. *Beiträge zur Geschichte der rechtlichen Stellung der Juden namentlich im Gebiet des heutigen Oesterreich-Ungarn vom zehnten bis zum sechszehnten Jahrhundert. Von R. Saitchik. Frankfurt-a-M. 1890. 59 S.S. in 8°* (Къ исторіи правового положенія евреевъ въ области нынѣшней Австро-Венгріи отъ X до XVI в. Соч. Р. Зайчика). С. М. 37

XIII. ЗА ПРОШЛЫЙ ГОДЪ. Еврейская «осѣдлость» по закону и въ дѣйствительности.—Чиншевики-евреи.—Положеніе евреевъ въ «черты осѣдлости».—Чѣмъ объясняется обиліе дѣлъ о евреяхъ въ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ? — Характеристика этихъ дѣлъ. М. Леонтьева. 39

РЕДАКЦІЯ И ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА „ВОСХОДЪ“

С.-Петербургъ, Площадь Большого Театра, 2—32.

РЕДАКЦІЯ открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ и средамъ отъ 10-ти часовъ утра до часу пополудни.

КОНТОРА открыта ежедневно, отъ 9-ти часовъ утра до 8-ми часовъ вечера, по праздникамъ до 1 ч. пополудни.

Подписная цѣна журнала „Восходъ“ съ „Недѣльной Хроникой Восхода“

	въ Россіи:	за границу.
На годъ съ доставкою и пересылкою	10 р. — к.	12 р. — к.
На полгода	6 ” — ”	7 ” — ”
На три мѣсяца.	3 ” — ”	4 ” — ”

На три мѣсяца можно подписаться лишь въ слѣдующіе сроки: съ 1-го Января, съ 1-го Апрѣля, съ 1-го Іюля и съ 1-го Октября. На другіе сроки подписка не принимается.

Отдѣльная подписка на журналъ „Восходъ“ или на „Недѣльную Хронику“ не принимается.

Отдѣльныя книги журнала стоятъ по 1 руб. каждая. Двойныя книги — 2 р. Отдѣльныя №№ „Недѣльной Хроники“ стоятъ по 10 к., для ипогородныхъ — 15 к.

Желающіе пользоваться разсрочкой подписной платы обращаются непосредственно въ редакцію и уплачиваютъ при подпискѣ 4 р., въ 1-му Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 р.

Объявленія для напечатанія въ журналъ „Восходъ“ принимаются по слѣдующей таксѣ: за одну страницу 15 р., за $\frac{1}{2}$ страницы 8 руб., за $\frac{1}{4}$ страницы 4 руб.; для помѣщенія въ „Недѣльной Хроникѣ“ — 10 коп. за строчку петита, въ $\frac{1}{2}$ столбца или за занимаемое ею мѣсто. При повтореніи дѣлается уступка.

За аккуратность и своевременную доставку редакція отвѣчаетъ лишь предъ тѣми, которые подписались въ главной конторѣ ея. Лица, подписавшіяся въ книжныхъ магазинахъ, съ своими жалобами благоволятъ обращаться въ означенные магазины.

За перемѣну адреса уплачивается 50 коп., которыя можно выслать почтовыми марками.

Редакторъ-издатель А. Е. Ландау.

ГОДЪ

1891

XI.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

XI

Н о я б р ь .

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Лавдау. Площадь Большого Театра, 2.

1891.

Digitized by Google

Книга 11-я. НОЯБРЬ, 1891 г.

I. ВЫХОДЦЫ ИЗЪ МЕЖЕПОЛЯ. Романъ. Часть первая. (Продолженіе). С. О. Ярошевскаго.	3
II. ЮДИОБЪ ТРАХТЕНБЕРГЪ. Повѣсть Карла-Эмиля Францоа. Гл. X, XI, XII и XIII. Перев. А. Г. Каррикъ	34
III. РУССКІЕ ЕВРЕИ ВЪ АМЕРИКѢ. Эмиграціонный вопросъ въ Америкѣ.— Еврейскій вопросъ на американской почвѣ.—Фондъ барона Гирша. (Продолженіе). Г. М. Прайса.	74
IV. ИЗЪ КНИГИ ПРОРОКА ИСАИИ. Стихотвореніе. Константина Льдова	94
V. ЕВРЕИ И АНТИСЕМИТИЗМЪ. II. Нареканія національныя. Статья члена Французской академіи Леруа-Волье. Перев. Л. Б.	98
VI. ИСТОРИЯ ХАСИДСКАГО РАСКОЛА. Возобновленіе антихасидскаго движенія (1796 г.). С. М. Дубнова	121
VII. МОЛИТВА. Стихотвореніе. И. Т.	145
VIII. ЧЕРЕЗЪ ГРАНИЦУ. Изъ воспоминаній дѣтства. Бень-Ами	146
IX. ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ. (Продолженіе). В. Н. Никитина	171
X. НАДЪ БИБЛЕЕЙ. Стихотвореніе. Л. Медвѣдева	182
XI. РУКОВОДСТВО КЪ РУССКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ О ЕВРЕЯХЪ. (Особое приложеніе къ «Восходу»). М. И. Мыша.	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

XII. ПИСЬМА ИЗЪ ГАЛИЦИИ. Письмо восьмое. Veritas.	1
XIII. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: ИТОГИ «ОБЩЕСТВА ПРОСВѢЩЕНІЯ ЕВРЕЕВЪ». (הוֹדוּת הַבְּרִית מִרְבֵּי הַשָּׁמַיִם; Историческій очеркъ дѣятельности «Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи». Составленъ казначеемъ Общ- (См. 3 стр. обертки).	

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

Н о я б р ь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.

1891.

ВЫХОДЦЫ ИЗЪ МЕЖЕПОЛЯ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

IV ¹.

Слухъ о томъ, что въ Межеполѣ будетъ квартировать баталіонъ N—скаго полка, повидимому, не былъ вымысленный. Глубокой осенью Гиршель вернулся съ какими-то двумя пассажирами, изъ которыхъ одинъ былъ полковой портной, а другой маркитантъ. Оба они пріѣхали заранѣе высмотрѣть мѣстность, отыскать квартиры, завязать сношенія съ межепольскимъ торговымъ міромъ и пр. По ихъ словамъ, N—скій полкъ долженъ былъ къ веснѣ вступить въ Межеполь, въ окрестностяхъ котораго и назначенъ лагерный сборъ. Эта новость всполошила весь городокъ. Съ одной стороны радовались, что съ вступленіемъ въ городъ войска оживится торговля, съ другой—межепольцевъ страшили постой, военныя повинности деньгами и натурой и многія другія соображенія. Старожилы, помнившіе квартированіе въ Межеполѣ K—го полка, рассказывали много ужасовъ про москалей. Однако, въ общемъ, больше радовались, чѣмъ огорчались.

Дувидъ, давно уже строившій планы насчетъ расширенія своей торговли и поѣздки въ одинъ изъ торговыхъ центровъ, окончательно рѣшилъ теперь осуществить свои мечты. Мысль о поѣздкѣ и радовала, и страшила его. Онъ никогда еще не выѣзжалъ изъ Межеполя далѣе, какъ за пять миль, да и такое путешествіе казалось ему большимъ. И вдругъ онъ очутится за 40—50 миль отъ своего родного мѣста, въ незнакомомъ городѣ, среди незнакомыхъ людей. Одно утѣшеніе было, что онъ

¹ См. „Восходъ“ кн. X.

ѣдетъ съ Гиршелемъ, и что тотъ его въ обиду не дастъ. Хая, хотя ободряла его, но въ душѣ еще болѣе беспокоилась, чѣмъ самъ Дувидъ. Около двухъ недѣль шли сборы. Бина напекла всякихъ печеній въ такомъ количествѣ, что хватило бы на цѣлыхъ полгода, Хая приготовила бѣлье, платье, положила праздничный кафтанъ, вышитую бархатную ермолку и новый суконный, тоже вышитый мѣшокъ съ молитвенными принадлежностями. «Придется же показываться чужимъ людямъ и въ синагогу сходить», рассуждала она съ матерью, и обѣ женщины пришли къ тому заключенію, что среди чужихъ людей нужно себя показать съ самой лучшей стороны. Наконецъ все было готово, и въ одно прекрасное утро къ дому Дувиды подкатила большая фурманская колымага, запряженная тройкой и набитая разными пассажирами. На козлахъ возсѣдалъ самъ Гиршель въ своемъ будничномъ костюмѣ, состоявшемъ изъ ватной кацавейки, смазныхъ сапогъ и теплой мѣховой шапки. Хотя еще было недѣль пять до пасхи, но въ этомъ году праздники наступали очень поздно и въ воздухѣ уже пахло весной.

— Ну, Дувидъ, торопись, коли хочешь имѣть королеву въ первую пасхальную ночь!—весело воскликнулъ Гиршель, съ ловкостью юноши соскакивая съ высокихъ козель.

— Неужели еще нужно сомнѣваться, что вы съ Божьей помощью вернетесь къ празднику домой?—сказала Бина, помогая выносить узлы и класть ихъ въ колымагу.

— Я не сомнѣваюсь, Бина; Богъ дастъ вернемся. Съ такими лошадьми, какъ мои, да не вернуться къ празднику. Послѣ этого и фурманомъ не стоитъ быть!—И онъ дружески потрещалъ своихъ лошадей.

Дувиду было отведено удобное мѣсто въ колымагѣ, но Гиршель ухитрился набрать такую массу пассажировъ, а послѣдніе—захватить съ собою такую массу узловъ, что когда Бина и Хая уложили всѣ вещи Дувиды, то образовалась такая гора, что сѣсть въ колымагу не было рѣшительно никакой возможности. Начался ропотъ среди пассажировъ.

— Что вы тамъ бормочете,—сердито крикнулъ Гиршель;—ужь если мои лошади не ропщутъ, то вамъ и давно... Видно, никогда вы въ фурманской шкурѣ не были. Эй, сожмитесь

маленько... вотъ такъ; а вы сядьте бокомъ. А ты бы, мой другъ, свои ноги выбросилъ за бортъ колымаги. Этакъ бы лучше. Ну, садись Дувидъ... мѣста много...

Дувидъ стоялъ какъ опущенный въ воду. Грустно было ему расстаться съ Хасей, у которой глаза были красны отъ слезъ, и съ тѣмъ маленькимъ существомъ, которое она держала на рукахъ и которое смотрѣло на него такимъ чистымъ яснымъ взглядомъ. Иосифъ, не смотря на свои полгода, былъ крупный, хорошо упитанный ребенокъ и общалъ быть очень красивымъ. Хая поднесла его къ Дувиду. Дувидъ взялъ ребенка на руки, подержалъ нѣсколько минутъ, поцѣловалъ его и потомъ передалъ его Бинѣ.

— Ну, славный же у тебя бутузъ,—сказалъ Гиршель, оторвавшись на минуту отъ своихъ пассажировъ и подходя къ Дувиду.—Настоящій принцъ! Будетъ ученый, запомни мое слово. Что, бутузъ, правда? Да смотри, хорошенько разучи вопросы къ прѣзду отца!..

— Охъ, дожить бы уже до того времени,—съ грустью говорила Бина.

— Доживете, Богъ дастъ. Еще годика три-четыре, и вашъ Иосифъ насъ всѣхъ поразитъ. Ну, а теперь прощайте. Прощайся съ женой, Дувидъ.

Дувидъ застѣнчиво взглянулъ на жену, точно она была для него чужая женщина, и, пробормотавъ что то и не подавая руки, вскочилъ въ колымагу.

— Съ Богомъ, съ Богомъ, да благословить Всевышній путь твой!—громко говорила Бина.

Ту же напутственную молитву, но тихо, шептала и Хая. Когда все уже было готово и Гиршель, взявъ возжи въ руки, закричалъ: «вье!.. вье!».. изъ за угла улицы выбѣжалъ какой-то человекъ съ большимъ узломъ за плечами.

— Ребъ Гиршель, ребъ Гиршель!—во все горло кричалъ незнакомецъ.

Гиршель остановилъ лошадей и оглянулся назадъ.

— Не будь я еврей, если это не грязный Юкель,—сказалъ онъ полувесело, полусердито.—Ну, братъ, опоздалъ. Ужъ я всѣхъ пассажировъ размѣстилъ.

Незнакомецъ тѣмъ временемъ, запыхавшись, успѣлъ добѣжать до колымаги.

— Буда же вы его посадите, ребъ Гиршель?—сказалъ кто-то изъ пассажировъ.

— А посадить нужно. Все же еврейская душа,—съ философскимъ спокойствіемъ рассуждалъ Гиршель, внимательно осматривая внутренность колымаги.

— Ну, подѣвай Юкель, да смотри, безъ ногъ.

— Какъ же такъ?—изумился Юкель.

— Дуракъ, не понимаешь! Ноги на вѣсу держи? Ну, вѣсье! — И хваленая тройка Гиршеля, слава которой распространялась даже дальше Бердичева, пошла слабой рысью, съ трудомъ таща грузную колымагу съ болѣе, чѣмъ десяткомъ пассажировъ. Еще нѣсколько минутъ Хая и Вина смотрѣли вслѣдъ за удалявшейся колымагой и, когда наконецъ послѣдняя скрылась за поворотомъ сосѣдней улицы, обѣ женщины вошли въ домъ. Хая наскоро покормила Іосифа и, осушивъ слезы, наполнявшія помимо ея воли ея красивые глаза, стала одѣваться, чтобы пойти въ лавку. Теперь лавка всецѣло осталась на ея рукахъ, но это нисколько ее не смущало. Въ дѣлѣ веденія торговли она нисколько не уступала мужу, если не превосходила его быстрой сообразительностью, умѣніемъ обходиться съ покупателями, выставлять лучшія качества своего товара и пр. Не даромъ межепольцы говорили, что у Дувида *эйшисъ хамлэ*, и что безъ такой жены ему бы не такъ хорошо жилось на свѣтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ своей красоты, Хая обладала живымъ, воспримчивымъ умомъ и дѣятельнымъ характеромъ. Во всѣхъ почти дѣлахъ инициатива принадлежала ей, и только традиціонное положеніе женщины ея среды не позволяло ей развернуть всѣхъ своихъ природныхъ способностей. Напротивъ, мягкій уступчивый Дувидъ совсѣмъ не былъ подготовленъ къ торговлѣ. Его родители, люди съ достаткомъ, раньше хотѣли сдѣлать изъ него ученаго и, по тогдашнему обычаю, всецѣло окунули его въ талмудическую науку, удаляя отъ него все живое и реальное. Но когда отецъ Дувиды умеръ, и послѣдній принужденъ былъ заняться дѣлами лавки, уже будучи женатымъ, ему пришлось очень круто. Вотъ тутъ то и сказались всестороннія

способности Хая, которая явилась, точно благодѣтельная фея, на выручку своему мужу.

Не успѣла Хая расположиться за прилавкомъ, какъ вошла Двойра, торгующая въ смежной лавкѣ свѣжей рыбой, дегтемъ и дрожжами.

— Знаешь новость, Хая.

— Что такое?

— Къ намъ мейтръ пріѣхаль.

— Какой мейтръ?..

— Ахъ, Боже мой, мейтръ. Только что былъ у меня въ лавкѣ р. Іейкевъ. Вѣрно, говорить, апикойресъ какой-нибудь. А то зачѣмъ ему къ намъ пріѣхать. Къ тому же литовець. А извѣстно, что у нихъ въ сердцѣ крестъ вырѣзанъ.

— Какія ужасы вы говорите, Двойра... Но кто онъ такой?.. Зачѣмъ онъ къ намъ пріѣхаль?..

— Извѣстно, зачѣмъ. Чтобъ учить каллиграфіи.

— Каллиграфіи—изумилась и, вмѣстѣ съ тѣмъ, почему то обрадовалась Хая.

— Очень намъ нужна каллиграфія. Прожили мы свой вѣкъ и никогда ни пера, ни чернилъ не видали. Только расходъ лишній. Къ тому же не благочестивое это дѣло.

— Почему же?—возразила Хая. Но въ эту минуту въ лавку вошелъ какой-то мужчина и робко остановился у дверей. Это былъ не межеполець, такъ какъ, во 1-хъ, ни Хая, ни Двойра его не знали, а во 2-хъ, и видъ у него былъ не межепольскій. Это былъ еще сравнительно молодой человѣкъ, худой, оборванный, съ черными глазами и черной же длинной бородой. Черные, точно посыпанные пухомъ локоны его торчали космами и казались короче принятаго у межепольцевъ размѣра. Напротивъ, волосы на головѣ не были острижены подъ гребенку и тоже прядями торчали на затылкѣ. Въ Межеполѣ такую шевелюру носили только портные и цирюльники. Однимъ словомъ, все изобличало въ немъ не межепольца, а выходца изъ какой-то далекой страны, какою только могла быть Литва.

— Мейтръ...—одновременно промелькнуло въ головахъ обѣихъ женщинъ, и онѣ многозначительно переглянулись.

— Что скажете? Что-нибудь купить хотите?—съ утончен-

ной, выработанной практикой, вѣжливостью обратилась къ незнакомцу Хая.

— Мнѣ ребѣ Дувиды хотѣлось бы видѣть, — такъ же робко произнесъ незнакомецъ.

— Его нѣтъ. Онъ только сегодня уѣхалъ за товаромъ.

— За товаромъ?.. а далеко?

— Въ Бердичевъ.

— Въ Бердичевъ?

— А вы сами откуда?..

— Я? я издалека. И по лицу незнакомца пробѣжала не то загадочная, не то страдальческая улыбка. — Я изъ Пинска.

— Изъ Пинска? — въ свою очередь удивилась Хая.

— Изъ Пинска? — воскликнула, не выдержавъ, Двойра. Гдѣ же это Пинскъ? Это не Литва?..

— Литва.

Обѣ женщины снова переглянулись; затѣмъ Двойра спросила:

— Вы, не мейтръ-ли?

— Мейтръ, Ице-мейтръ, — прибавилъ незнакомецъ, видимо облегченный тѣмъ, что не ему первому пришлось отрекомендоваться.

Наступила короткая пауза, во время которой только женщины чувствовали себя нѣсколько неловко, тогда какъ Ице-мейтръ, очевидно освоившись уже съ окружающею обстановкою, съ любопытствомъ оглядывалъ внутренность лавки. Потомъ, вынувъ изъ бокового кармана своего ободраннаго балахона пѣлугу пачку бумагъ, приблизился къ прилавку.

— Вотъ видите; — сказалъ онъ, развернувъ пачку и кладя ее на столъ: — вотъ мой собственный почеркъ. Посмотрите. Умѣете читать? Нѣтъ? Какъ жаль! Все же вы можете видѣть каллиграфію. А вотъ еще. А тутъ цифры. У насъ всѣ умѣютъ писать. Ну хоть бы письмо мужу написать...

Ице улыбнулся, а Хая покраснѣла до корня волосъ. Ей стало стыдно, что она не умѣетъ писать. Двойра тоже ощущала нѣкоторую неловкость, стараясь скрыть это подъ видомъ равнодушія. Ице-мейтръ между тѣмъ краснорѣчиво развивалъ свои мысли о пользѣ писанія и хвалилъ свой методъ.

— Вотъ такъ я учу писать чернилами, а вотъ и каранда-

шомъ... Но это уже послѣ. А вначалѣ у меня пишутъ мѣломъ на восковой бумагѣ. Вотъ смотрите. Хотя сто лѣтъ пиши, бумага не портится. Сотрешь мѣлъ и снова пиши, пока не научишься. Бумага вѣдь деньги стоитъ...

Въ лавкѣ собралась между тѣмъ толпа народу.

Торговки и торговцы изъ сосѣднихъ лавокъ столпились вкругъ мейтра и съ любопытствомъ слѣдили за его объясненіями, сопровождавшимися демонстраціями. Больше всего вѣсь понравился методъ писанія разведеннымъ мѣломъ на восковой бумагѣ.

— Но кто же будетъ у васъ учиться, ребѣ Ице?—спросилъ наконецъ мужъ Двойры, грубый и неотесанный Пинхесъ, который съ трудомъ читалъ по складамъ молитвы.

— Какъ кто?—съ сознаниемъ своего умственного превосходства, проговорилъ Ице.—Вы всѣ, а затѣмъ ваши дѣти.

— Держи карманъ. Не на что деньги тратить!

— Развѣ нашимъ дѣтямъ недостаточно знанія Талмуда и Торы,—авторитетно произнесъ длинный Фроимъ.

— Это вѣдь новшество,—прибавилъ Файвель.

— Но это вѣдь нужно!—И Ице снова, и на этотъ разъ еще съ большимъ краснорѣчіемъ сталъ развивать передъ слушателями свои мысли. Это была для Ице лучшая реклама, какую онъ могъ только придумать для себя. Хотя онъ на этотъ разъ не думалъ убѣдить своихъ упорныхъ противниковъ, но за то не прошло и часа, какъ уже весь городокъ зналъ о пріѣздѣ Ице-мейтра, о его намѣреніяхъ, стремленіяхъ и пр. Одна Хая въ душѣ была согласна вполне съ мейтромъ и, придя вечеромъ домой, долго думала о томъ, какъ бы научиться писать.

Ице-мейтръ скоро освоился въ Межеполѣ. Хотя онъ все еще не имѣлъ собственнаго угла и ночевалъ въ молитвенномъ домѣ, на голой скамьѣ, но онъ нисколько не унывалъ. Онъ зналъ, что рано или поздно онъ свое возьметъ, не здѣсь, такъ тамъ. Не даромъ же онъ столько проѣхалъ или, вѣрнѣе, прошелъ пѣшкомъ. «Чорта съ два онъ бы сюда пріѣхалъ, если бы не Гиршель». Онъ случайно встрѣтился съ Гиршелемъ въ Житомирѣ, и когда тотъ узналъ, что онъ мейтръ, онъ радостно воскликнулъ:

— Поѣжай къ намъ. Ручаюсь тебѣ головой, что ты въ

концѣ концовъ отобьешь всѣхъ учениковъ у Хаимъ-Шимона. Да и напишѣтъ почтеннымъ ховяевамъ не мѣшало бы научиться рукоприкладству. Я, грѣшный, также не умѣю, а не мѣшало бы.

Мейтръ тогда не придавалъ приглашенію Гиршеля особеннаго значенія, рассчитывая пристроиться въ большомъ городѣ.

Но когда надежды его не оправдались, онъ, не долго думая, пустился въ путь, благо и багажъ его былъ не тяжелый, лишь старый суконный мѣшокъ съ молитвенными принадлежностями и нѣсколько прописей... Онъ былъ сильно огорченъ, узнавъ что Гиршель, только за часъ тому назадъ, уѣхалъ. Тогда онъ рѣшился дѣйствовать своимъ обычнымъ путемъ, т. е. рекламировать себя, идя изъ дома въ домъ, изъ лавки въ лавку. Это былъ нѣсколько неудобный, но за то вѣрный способъ. Къ тому же Ице не привыкъ брезгать средствами. Прогулявшись изъ Пинска въ Межеполь безъ гроша денегъ въ карманѣ, не всякій сдумѣетъ. Даже Хаимъ-Шимонъ пришелъ въ умиленіе, услышавъ какъ путешествовалъ Ице.

— Да,—сказалъ онъ глубокомысленно,—изъ Пинска до Межеполя. А сколько это, примѣрно, будетъ миль. Впрочемъ, — прибавилъ онъ, — въ старину наши знаменитые каббалисты и не те продѣлывали... Напримѣръ, раби Лейбъ-Соресъ...

— А вы думаете, я каббалѣ не учился?—задорно проговорилъ Ици.

— Ты?!—и Хаимъ-Шимонъ окинулъ его высокомернымъ взглядомъ.

— О, я еще многое, кромѣ каббалы, знаю,—съ самохвальствомъ продолжалъ Ице, желая очевидно пустить пыль въ глаза Хаимъ-Шимону и другимъ слушателямъ.

— Что же ты еще знаешь? Ну, скажи, въ какой главѣ рассказано про чудо раби Смарагда.

Ице сказалъ и тутъ же прибавилъ:

— Все это пустяки. Подождите, когда я приобрету учениковъ, я не то вамъ покажу. Да и вы сами, ребѣ Хаимъ-Шимонъ, ко мнѣ учиться придете.

— Я!.. Къ такому молокососу, какъ ты? — вспыхнулъ Хаимъ-Шимонъ.

Къ концу третьей недѣли своего пребыванія въ Межеполѣ, Ице, зайдя какъ-то къ Хаѣ, чтобъ узнать, нѣтъ-ли извѣстій отъ Дувиды, засталъ ее съ письмомъ въ рукахъ.

— Какъ хорошо, что вы зашли, ребъ Ице, — сказала обрадованная Хая;—получила я письмо отъ мужа и хотѣла ужъ идти къ Файвелю, чтобъ онъ мнѣ прочелъ. Вотъ вы прочтите. Плохо, когда сама не умѣешь читать. Непремѣнно научусь.

Ице развернулъ письмо и прочелъ его Хаѣ.

Письмо было писано чрезъ нѣсколько дней по приѣздѣ въ Бердичевъ и заключало въ себѣ нѣкоторыя такія подробности чисто дѣловаго характера, которыхъ посторонній человекъ, а въ особенности Файвель, главный конкурентъ Дувиды, не долженъ былъ вовсе знать.

Когда Ице окончилъ чтеніе, Хая облегченно вздохнула.

— Слава Богу, что вы подвернулись, — сказала она. — Что бы тамъ ни говорили, буду учиться!..

Рѣшеніе Хаи было безповоротно, и она условилась съ Ице, чтобъ онъ приходилъ къ ней по вечерамъ, при чемъ уговорилась съ нимъ относительно платы. Условились также соблюдать тайну. Однако, тайна скоро открылась, и главнымъ образомъ благодаря самому Ице, который разгласилъ ее съ цѣлью рекламы. Примѣръ Хаи сначала вызвалъ недоумѣніе, даже ропоть. Въ душѣ однако всѣ завидовали молодой жѣнщинѣ, и многіе искали только удобнаго случая, чтобы послѣдовать ея примѣру. Шансы мейтра очень быстро поднялись съ того момента, когда Хаимъ-Аронъ призвалъ его къ себѣ и, произведя предварительно подробный экзаменъ, поручилъ ему обучать письму и цифрамъ свою 14-ти-лѣтнюю дочку Сару. Поступкомъ Хаимъ-Арона было, такъ сказать, санкціонировано положежіе мейтра въ Межеполѣ, и предложенія посыпались къ нему одно за другимъ, тѣмъ болѣе, что зимній учебный сезонъ подходилъ къ концу, и многіе родители были озабочены, кому изъ учителей отдавать своихъ дѣтей.

Ребъ Іейкевъ специально обучалъ мальчиковъ отъ 4-хъ до

7-ми-лѣтняго возраста; ребѣ Лейбеле занимался преподаваніемъ библии, молитвъ и, отчасти, легкихъ трактатовъ талмуда. У него учились мальчики до 13-14-ти-лѣтняго возраста. У него они обыкновенно кончали свое школьное образованіе и вступали въ жизнь, если не поступали для дальнѣйшаго усовершенствованія въ талмудѣ къ Хаимъ-Шимону. Иногда въ Межеполь наѣзжали и другіе учителя и вступали въ соревнованіе то съ Лейбеле, то съ Хаимъ-Шимонъ; но они успѣха не имѣли и, продержавшись одинъ сезонъ, уѣзжали. Ице-мейтръ, уже по самой кличкѣ своей, Богъ знаетъ откуда взятой, не могъ составить конкуренціи никому изъ представителей существовавшихъ въ Межеполѣ школъ. И если р. Гейковъ, Лейбеле, а въ особенности Хаимъ-Шимонъ, интриговали противъ него, то просто потому, что они не могли свыкнуться съ мыслью о новомъ небываломъ явленіи въ Межеполѣ. Но Ице зналъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и не обращалъ на своихъ противниковъ никакого вниманія. Три рубля, полученные впередъ у Хаи за полный курсъ обученія, послужили ему основой его будущаго благополучія въ Межеполѣ. Хотя онъ все еще продолжалъ ночевать въ молитвенномъ домѣ, однако, онъ уже мечталъ теперь о собственной квартирѣ и высматривалъ, гдѣ удобнѣе и подешевле. Наконецъ онъ остановился на комнатѣ, которую за ненадобностью отдавала длинноногая Яхна. Это помѣщеніе имѣло очень много преимуществъ въ глазахъ Ице. Во 1-хъ, ея дешевизна, во 2 хъ, Яхна, какъ женщина съ достаткомъ, не требовала платы впередъ, въ 3-хъ, она позволяла ему устроить въ комнатѣ школу, чего другія хозяйки не позволяли, боясь шума. Для Яхны же это было все равно, такъ какъ она всѣ дни проводила на базарѣ. Но не всѣ выгоды были на сторонѣ мейтра. Яхна тоже была себѣ на умѣ и, отдавая, повидимому, на такихъ выгодныхъ условіяхъ комнату новому жильцу, она втайнѣ обдумывала, какъ бы отдать къ нему въ ученіе свою дочь, и въ то же время радовалась, что, наконецъ, въ ея домѣ водворился мужчина.

За недѣлю до праздниковъ Ице переѣхалъ на новую квартиру и въ тотъ же день зашелъ къ портному Хаимъ-Юйне.

— Ну, ребъ Хаимъ-Юйне, сказалъ я вамъ, что на праздни дамъ вамъ заработать,—торжественно сказалъ Ице.

— Пока еще не вижу ничего. А вотъ когда я съ васъ мѣрку сниму.

Хаимъ-Юйне сидѣлъ на широкой лавкѣ, согнувшись въ три погбеда надъ какой-то работой, которую онъ заканчивалъ. Это былъ сухой сторбленный старикъ, добрый по натурѣ и честный до щепетильности. Мастеръ онъ былъ плохой, подмастерьевъ не держалъ, да и не для чего было. Но заказы у него были, и онъ ихъ добросовѣстно исполнялъ, сидя съ утра до вечера сторбившись надъ работой. Дѣтей у него не было, а его жена, Ента, хотя и известная сплетница, но смотрѣла на жизнь съ такимъ же философскимъ спокойствіемъ, какъ и ея мужъ, и не требовала отъ него ничего лишняго.

— Ну, такъ снимайте мѣрку!

Хаимъ-Юйне медленно отложилъ работу, положилъ иглоку въ одну сторону, наперстокъ въ другую и потомъ, поднявъ голову, взглянулъ на мейтра.

— Тамъ, тамъ; значить, снимать мѣрку,—проговорилъ онъ, какъ бы про себя.—Хорошо... Мнѣ будетъ на что купить ману, а вы въ пристойномъ видѣ явитесь въ синагогу. Это хорошо!

— Необходимо!—сказалъ мейтръ.— Подождите, еще не то будете шить для меня. Дайте только время... Вѣдь я всего сколько здѣсь? Какія-нибудь четыре недѣли! А вотъ вы бы посмотрѣли, какіе успѣхи сдѣлала Хая! И съ другими то же будетъ... Посмотрите. Ну, а теперь снимайте мѣрку!

Мейтръ говорилъ правду. Въ теченіе этого сравнительно короткаго времени Хая сдѣлала изумительные успѣхи. Сидя у себя въ лавкѣ, она, не переставая, упражнялась въ выведеніи вычурныхъ знаковъ еврейскаго письменнаго алфавита. Сначала ей все казалось очень трудно, потомъ все легче и легче, и въ ту минуту, когда мейтръ разговаривалъ съ портнымъ, она усердно копировала фразу: «я поѣхала въ Бердичевъ за товаромъ». Она кончила, посмотрѣла на свою работу, и улыбка счастья появилась на ея лицѣ. Еще немного, и она въ состояніи будетъ писать цѣлыя письма. Нѣсколько словъ она и теперь могла бы написать мужу. Но зачѣмъ, когда черезъ недѣлю онъ самъ

прійдетъ. И она вспомнила, что время кормить маленькаго Иосифа. Быстро бросивъ перо, она заперла лавку и побѣжала домой.

V.

— Вье!.. Вье!.. Ну, дорогие пассажиры, довольно нѣжиться въ моей колымагѣ. Пора и честь знать. Соскакивайте!

Пассажиры соскакивали со своими мѣшками и котомками, и Гиршель подвигался все дальше по улицамъ Межеполя. По мѣрѣ того, какъ колымага опорожнялась, лошади Гиршеля становились бодрѣе и наконецъ поскакали даже рысью, чего уже съ ними давно не было.

— Ага, почувствовали-таки, что дома, — улыбаясь во все лицо, проговорилъ Гиршель, обернувшись къ Дувиду, загорѣлое лицо котораго дышало нетерпѣнiемъ. Со всѣхъ сторонъ бѣжали женщины и дѣти навстрѣчу своимъ мужьямъ и отцамъ. «Вѣроятно, скоро и Хая появится!» И сердце Дувиды сильно забилось. Еще двѣ улицы, еще одинъ поворотъ. Вотъ ужъ виднѣе его домъ съ громадной крышей, кое-гдѣ заплатанной новой драпью.

— Поздненько-таки пріѣхали, — сказалъ онъ, лишь бы что-нибудь сказать.

— Ничего, въ баню еще успѣешь сбѣгать! Но вотъ и твоя королева бѣжить...

Дѣйствительно навстрѣчу бѣжала Хая, вся зардѣвшись, съ счастливой улыбкой на красивыхъ губахъ. Свади плелась Вина, держа маленькаго Иосифа на рукахъ. Колымага остановилась. Дувидъ быстро соскочилъ и подбѣжалъ къ женѣ. Но руки другъ другу они не подали и не поцѣловались. Они оба покраснѣли, у обоихъ сердце радостно запрыгало, глаза ихъ встрѣтились; но оба ничего другъ другу не сказали. Межепольскій кодексъ приличій не позволяло никакихъ сердечныхъ налянiй, въ особенности на улицѣ при чужихъ. Только когда подошла Вина съ ребенкомъ, картина сразу перемѣнилась и сдержанность Дувиды исчезла. Онъ взялъ ребенка на руки и открылъ его горячими поцѣлуями.

— Ну, вотъ и прїѣхали,—говорилъ между тѣмъ Гиршель, поправляя упряжь на лѣвой пристяжкѣ.

— Заповѣдали-таки порядкомъ;—возразила Бина. — Мы уже было потеряли всякую надежду...

— За кого же вы меня считаете, Бина? Сказалъ, что прїѣдемъ къ первой пасхальной вечерѣ, и что Хая будетъ королевой. Ну, что бутузъ? — обратился Гиршель къ маленькому Иосифу, который все еще былъ на рукахъ отца:—вопросы прїготовилъ? Ахъ, эти вопросы... Вотъ еслибъ у меня былъ сынъ. — И онъ глубоко вздохнулъ. — Ну, а теперь пора и въ старухѣ, а затѣмъ въ баню. Освѣтлю и тебѣ, Дувидъ, не терять золотого времени. Не забудь, что ты сегодня король. Вьел.. Вьел..

И усталая тройка Гершеля лихо помчалась по знакомой дорогѣ.

Когда Дувидъ и его семья вошли въ домъ, Хая, наконецъ, рѣшилась заговорить съ мужемъ.

— Ну, какъ съѣздилъ?

— Слава Богу, все хорошо.. А какъ у васъ?..

— И у васъ, благодаря Господу, все хорошо. Торговала недурно.

Хая хотѣла еще что-то сообщить мужу, но воздержалась, при чемъ краска бросилась ей въ лицо.

— Еще успѣю,—мысленно утѣшала она себя.

— А что ты скажешь объ Иосифѣ?

— Молодець, будетъ намъ служить утѣшеніемъ въ старости.

Пока супруги вполголоса разговаривали между собой, Бина рылась въ сундукѣ, вынимая оттуда бѣлье для Дувида. Собравъ и сложивъ аккуратно все нужное, она обернулась къ зятю.

— Ну, теперь ступай въ баню! Видишь, какъ уже поздно. Ты навѣрно будешь послѣднимъ.

Въ то время, когда Дувидъ спѣшилъ въ баню, многіе уже шли въ синагогу къ вечерней молитвѣ. Но всѣ знали, что Дувидъ недавно прїѣхалъ, и это не ставилось ему въ упрекъ. У входа въ баню Дувидъ столкнулся съ ребѣмъ Іейкевомъ, который уже былъ одѣтъ по праздничному и спѣшилъ въ синагогу.

— Слѣшите, слѣшите, а то уже поздно. Одинъ лишь ребъ Гиршель смываетъ свои еще грѣхи въ миквѣ!

Ребъ Іейкевъ былъ арендаторомъ бани въ товариществѣ съ своей тещей, старой и горбатой Динцой. Въ обыкновенное время послѣдняя завѣдывала только женскимъ отдѣленіемъ, но въ праздничные дни, когда въ баню стекалась масса народу, она севалась всюду, при чемъ, вопреки извѣстному цѣломудрію и скромности еврейской женщины, она не стѣснялась лицемерія и мужской наготы. Это, однако, никого не шокировало, такъ какъ старую горбуню никто не считалъ за женщину, да и она сама давно навѣрное забыла, къ какому полу принадлежитъ. Она возилась въ грязномъ и низкомъ предбанникѣ, когда Дувидъ вошелъ туда. Не обращая на нее вниманія, онъ быстро сталъ раздѣваться. Сквозь полуотворенныя двери, ведущія въ баню, валелъ густой уже остывшій паръ, который грязными каплями осѣдалъ на потолокъ и стѣны. Слышенъ былъ плескъ воды.

— Слышишь, какъ Гиршель-то возится,—сказала горбуня,—не хуже любой женщины, право. А говорятъ еще, что онъ эпикойресъ... Вздоръ! А ты, Дувидъ, только сегодня вернулся?

Дувидъ не удостоилъ горбуню отвѣтомъ и вбѣжалъ въ баню. Тамъ было совершенно темно. Затхлый сырой запахъ, пропитанный человѣческимъ потомъ и грязью, на мгновенье захватилъ его дыханіе. Большія грязныя лужи мутной воды покрывали гнилой дырявый полъ; съ потолка, точно холодный дождь падала грязная влага. То тамъ, то здѣсь стояли опрокинутыя кадки, ведра, тазы... Дувидъ, хотя очень хорошо знакомый съ внутреннимъ расположеніемъ бани, однако, на каждомъ шагѣ спотыкался и падалъ.

— Ребъ Гиршель, гдѣ вы?—сказалъ онъ наконецъ, охваченный какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ.

— А, это ты, Дувидъ,—раздалось откуда-то изъ глубины, точно изъ подземелья,—что-же ты не лѣзешь, или хочешь париться.

— Гдѣ ужъ тутъ париться. Я въ микву хочу, да не могу попасть—хоть глазъ выколи. А вы въ миквѣ?..

— Я уже выгѣзаю. Съ меня довольно. Ступай сюда! Ну, вотъ.

Холодная рука Гиршеля коснулась тѣла Дувидъ.

— Вотъ ступеньки... Ступай. Можно подумать, что ты никогда не купался...

— Но тутъ такъ темно, — оправдывался Дувидъ, спускаясь по мокрымъ и скользкимъ ступенькамъ въ какую-то яму, откуда носился ужасный запахъ гнилой застоявшейся воды. На послѣдней ступенькѣ Дувидъ остановился, дрожая всѣмъ тѣломъ. И страхъ, и неприятное чувство охватили его. На мгновенье ему показалось, что онъ навсегда останется въ этомъ темномъ и тѣсномъ колодцѣ. Но онъ превозмогъ свой страхъ и со всего размаху окунулся. Не смотря на то, что въ этотъ день почти все мужское населеніе Межеполя окуналось въ воду этого колодца, вода была холодна до боли. Больше трехъ разъ Дувидъ не могъ окунуться. Точно желѣзные обручи обхватили его и по всему тѣлу возниклись мелкія иголки. Онъ выскочилъ изъ воды и, не помня себя, пробѣжалъ въ предбанникъ. Гиршель еще одѣвался.

— Что такъ скоро?—спросилъ онъ.

— Не могъ больше, —дрожа всѣмъ тѣломъ, выговорилъ Дувидъ. •

— Ага!—и Гиршель лукаво улыбнулся.

По выходѣ изъ бани они отправились прямо въ синагогу. Сумерки уже сгустились, хотя кое-гдѣ небо еще алѣло вечернею зарею. Въ воздухѣ было совсѣмъ тепло и пахло весной. Почти во всѣхъ домахъ горѣли огни; окна и двери были настежь открыты; вездѣ видно было праздничное веселое оживленіе; молодыя женщины, дѣвушки и дѣти въ своихъ праздничныхъ костюмахъ наполняли улицы. Гиршель все больше и больше приходилъ въ хорошее расположеніе духа.

— Да, Дувидъ; скажу я тебѣ, —началъ онъ послѣ довольно продолжительной паузы.—Вотъ говорятъ, что въ раю хорошо. Не спорю. Но какъ бы тебѣ сказать. Ну, ты самъ понимаешь? Вотъ ты уже былъ въ большихъ городахъ. Ну, скажи, развѣ не хорошо тамъ?

Дувидъ вмѣсто отвѣта только вздохнулъ. Онъ самъ еще не успѣлъ отдать себѣ отчета въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія онъ вынесъ изъ своего продолжительнаго путешествія. Пять недѣль

онъ былъ въ отсутствіи, проѣзжалъ многіе города, мѣстечки, села; видѣлъ много разнаго люда. Сразу разобраться въ такомъ хаосѣ было невозможно Дувиду, до сихъ поръ никогда не выѣзжавшему изъ Межеполя. Но онъ чувствовалъ, что послѣ этой поѣздки онъ совсѣмъ другой человѣкъ. Въ чемъ состояла эта перемена, эта разница, онъ не могъ опредѣлить, но онъ чувствовалъ ее и въ глубинѣ души соглашался съ Гиршелемъ, что и на землѣ хорошо.

Служба въ синагогѣ уже подходила къ концу, когда Дувидъ и Гиршель пришли туда. Канторъ на этотъ разъ торопился и прихожане, очевидно, ему сочувствовали. Всѣмъ хотѣлось поскорѣе очутиться дома въ средѣ своей семьи, въ ярко освѣщенной комнатѣ, гдѣ ихъ ждетъ королевское ложе.

По окончаніи служенія, р. Іейкевъ, взожда на эстраду, хлопнулъ раза два по столу своей классической хлопнушкой и, когда водворилась сравнительная тишина, громко провозгласилъ:

— Господа, кому угодно пригласить на первую пасхальную трапезу странниковъ? Есть...

— Я!.. я!..—послышалось со всѣхъ сторонъ. Дувиду достался Ице-мейтръ, который все еще пока былъ на положеніи странника, имѣющаго право на гостепримство. Онъ теперь былъ неузнаваемъ. На немъ былъ новый кафтанъ изъ чернаго лоснящагося тика, сшитый по всѣмъ правиламъ межепольской моды портнымъ Ханмъ-Іойне, и новый же плисовый картузь. Волосы и локоны его уже не торчали космами какъ прежде, а были приведены въ надлежащій порядокъ циркульникомъ Янке-лемъ. Въ общемъ, внѣшность Ице теперь нисколько не напоминала тощаго странника, и онъ давалъ это чувствовать Дувиду разными намеками. Послѣдній былъ очень радъ, что ему попался такой приличный гость, а когда болтливый мейтръ сталъ передавать ему подробности изъ своей жизни и, между прочимъ, упомянулъ, что онъ обучаетъ Хая письму, Дувидъ пришелъ въ восторгъ.

— А Хая мнѣ этого не говорила!

— Она хочетъ вамъ сдѣлать сюрпризъ.

— Въ такомъ случаѣ будемъ молчать,—сказалъ Дувидъ. Хая была нѣсколько сконфужена, увидя мейтра. Но когда она

убѣдилась, что Дувидъ ничего не знаетъ, она тоже обрадовалась гостю и пригласила его занять почетное мѣсто рядомъ съ хозяиномъ.

Въ хорошо освѣщенной и празднично выглядѣвшей комнатѣ все уже было приготовлено. Столъ былъ уставленъ всѣмъ необходимымъ по предписанію ритуала. Этажами лежало нѣсколько опрѣсннковъ, завернутыхъ въ бѣлоснѣжное полотенце; рядомъ стояли тарелки съ горькой зеленью и съ соленой водой, въ которой плавало нѣсколько круто сваренныхъ яицъ; далѣе стоялъ подносъ съ нѣсколькими бокалами, по числу транспзниковъ и однимъ лишнимъ для невидимаго гостя. Среди бокаловъ возвышался графинъ съ краснымъ виномъ. Нѣсколько приборовъ дополняли сервировку стола. На кушеткѣ, предназначенной для хозяина, было тщательно приготовлено ложе изъ подушекъ. Вокругъ же стола, съ остальныхъ сторонъ стояли стулья. Бина и Хая были одѣты по праздничному. На Бинѣ, кромѣ того, былъ повязанъ на головѣ черный шелковый платокъ съ красными крапинками, а на Хаѣ—серьги, кольца, ожерелье. Маленькій Іосифъ, тоже въ праздничной обновкѣ, сидя на колѣняхъ у Бины, простиралъ свои пухлыя ручки къ столу, гдѣ въ двухъ серебряныхъ подсвѣчникахъ горѣли 3-хъ-копѣечныя сальныя свѣчи.

— Дожить бы мнѣ ужъ до того, когда ты будешь въ состояніи предлагать вопросы,—со вздохомъ говорила Бина.

Хая суетилась, счастливая и довольная. Дувидъ провѣрялъ, все ли приготовлено, не пропущено-ли чегонибудь. Хотя онъ зналъ всю процедуру пасхальной вечера наизусть, но онъ все-таки справился съ лежавшимъ передъ нимъ молитвенникомъ.

— Все, какъ слѣдуетъ,—сказалъ Дувидъ, когда, послѣ омовенія рукъ, всѣ усѣлись на своихъ мѣстахъ, а онъ возлегъ на свое ложе, принявъ классическую позу.—И такъ...

Наступила торжественная тишина, среди которой слышался нѣсколько взволнованный голосъ Дувиды, повѣствовавшаго объ исходѣ израильтянъ изъ Египта. Когда дѣло дошло до исчисления десяти казней египетскихъ, то каждый изъ присутствовавшихъ погружалъ свой мизинецъ въ стоявшій передъ нимъ бокалъ съ краснымъ виномъ и затѣмъ вынималъ палецъ,

страхивая приставшую къ нему каплю. Бина заставила даже маленькаго Иосифа продѣлать это. Затѣмъ началась трапеза, состоявшая изъ нѣсколькихъ блюдъ, искусно приготовленныхъ самой Биною, съ неизмѣнной фаршированной рыбой, свѣжимъ бульономъ съ классическими клецками, напоминающими бомбы, съ мясными блюдами и компотомъ изъ сливъ и картофеля. Все это было свѣжо, вкусно, и всѣ ѣли съ аппетитомъ, запивая небольшими глотками краснаго вина. Всѣмъ распоряжалась Хая, а Бина держала на рукахъ маленькаго Иосифа, которому, впрочемъ, не сидѣлось на мѣстѣ. Онъ перекочевывалъ отъ отца къ мейтру, большая борода котораго очень понравилась его пухлымъ, но цѣпкимъ пальчикамъ. Когда Хая удалилась въ кухню, чтобы принести послѣднее блюдо, Дувидъ быстро, чтобъ присутствующіе не замѣтили, отломилъ большой кусокъ опрѣснока и спряталъ его подъ подушку, на которую онъ облокачивался. Хая, однако, перехитрила мужа и, спрятавшись въ дверяхъ, слѣдила за всѣми его движеніями. Оттого она нѣсколько больше, чѣмъ слѣдовало, провозилась въ кухнѣ, за что даже получила выговоръ отъ Бины. Но она только улыбнулась, счастливая своей находчивостью. Когда доѣдали послѣднее блюдо, Бина вдругъ обратилась къ Дувиду

— А афикоменъ?

— У меня его не будетъ,—лукаво улыбаясь, сказалъ Дувидъ.

— Какъ можно! Во всемъ король, а самое главное забыть.

Дай, я спрячу.

— Какъ хотите.

— Оставьте, мамаша;—вмѣшалась Хая, — если онъ не хочетъ, тѣмъ лучше для меня: искать не нужно будетъ.

— Къ тому же, это, по предписанію ритуала, не обязательно, — вмѣшался Ице-мейтръ.

— Ну, охота вамъ возиться съ афикоменомъ,—сказалъ Дувидъ.—Наливайте-ка лучше бокалы, а я встану встрѣчать пророка. Бина взялась за графинъ, а Дувидъ торжественно всталъ.

Въ это время Хая незамѣтно подкралась къ ложу, вытащила спрятанный Дувидомъ подъ подушкой опрѣснокъ и, въ свою очередь, спрятала его подъ скатерть около своего прибора.

— Все-ли готово?—спросилъ Дувидь.

— Подожди, подожди, бокаль для пророка еще не полонъ!— воскликнула Бина.—Ну, теперь готово.

Всѣ встали. Наступила торжественная тишина. Благоговѣйное оцѣпенѣніе охватило присутствующихъ, лица у всѣхъ напряглись, глаза устремились на открытую дверь. Свѣжая, ароматная струя ночного воздуха ворвалась въ комнату, а вмѣстѣ съ нею и черная мгла, казавшаяся еще чернѣй отъ рѣзкаго контраста съ ярко освѣщенной комнатой. На мгновение всѣ поддались наядѣ, взволнованные, съ замирающими сердцами, съ блѣдными лицами. Потомъ всѣ, какъ бы уговорившись, обернулись къ столу, куда маленькій Іосифъ протягивалъ ручки.

Тамъ, на самомъ концѣ, стоялъ высокій, наполненный до краевъ бокаль съ краснымъ виномъ,—бокаль, специально приготовленный для невидимаго, но желаннаго гостя. Отъ сотрясенія воздуха жидкость въ немъ колебалась. Всѣ просіяли, а бабушка Бина даже прослезилась отъ умиленія и, указывая на малютку, проговорила:

— Онъ одинъ удостоился его видѣть. Ручки къ нему протягивалъ.

Когда мейтръ, слегка возбужденный выпитымъ виномъ и тихо напѣвая пасхальную пѣсню о томъ: «какъ пришелъ волкъ и съѣлъ овечку», ушелъ, а бабушка Бина удалилась за перегородку съ маленькимъ Іосифомъ, Дувидъ подошелъ къ своему ложу и сталъ искать что-то подъ подушкой. Но ничего не найдя, онъ нахмурился. Убиравшая со стола Хая замѣтила это и, подойдя къ мужу, лукаво спросила.

— Ты что ищешь?

Дувидъ, по выраженію ея лица, догадался, что это она похитила и спрятала опрѣснокъ.

— Перехитрила меня. Ну, будь по твоему. Ужъ вѣрно на роду написано быть мнѣ у тебя въ подчиненіи!

Онъ тихо взялъ ея руку. Глаза ихъ встрѣтились, и они оба зардѣлись, какъ застѣнчивыя дѣти.

— Моя королева,—тихо, едва слышно прошептала Дувидъ, привлекая къ себѣ жену.

VI

Съ ранняго утра межепольскіе обыватели были въ страшномъ волненіи. Вѣсть, что Вельвеле-«покойникъ» ходитъ въ сопровожденіи москалей по домамъ и забираетъ лучшую мебель для гг. офицеровъ, произвела настоящую панику, въ особенности среди женщинъ и дѣтей. Ворота и двери запирались на запоръ, окна закрывались ставнями; болѣе предусмотрительныя хозяйки затыкали даже дымовыя трубы и прорѣхи въ крышѣ, такъ какъ по опыту знали, что Вельвеле-покойникъ проберется всюду, когда захочетъ. Дѣтей буквально била лихорадка, и они прятались въ печки, подъ кровати, въ самыя глухіе углы комнатъ. Это была формальная осада, которую съ согласія или вѣрнѣе по приказанію городскихъ властей Вельвеле устроилъ межепольцамъ. Паника была настолько сильна, что даже многія лавки закрылись, и хозяева побѣжали домой защищать свое добро отъ врага. Въ сущности, на совѣщаніи у Кржицинскаго, гдѣ участвовали и сборщикъ податей, и другіе власть имущіе, было заранѣе рѣшено, у кого какую мебель забрать, и у Вельвеле въ рукахъ былъ точный списокъ домохозяевъ, подлежащихъ этой *повинности*. Но межепольцы этого не знали. Къ тому же Вельвеле не всегда былъ склоненъ исполнять въ точности предначертанія высшаго начальства, и потому всѣ запирались, рѣшаясь лучше выдержать страшную осаду, чѣмъ сдаться въ руки Вельвеле безъ боя... Въ помощь Вельвеле, кромѣ нѣсколькихъ солдатъ-квартирьеровъ, былъ откомандированъ Кржицинскимъ десятникъ Гаврила, самъ бывшій москаль и очень любившій подобныя нападенія.

Было чудное августовское утро. Легкій серебристый туманъ, пронизанный яркими лучами, точно прозрачной кисеей окутывалъ городокъ... На улицахъ, обыкновенно шумныхъ и кипящихъ женщинами и дѣтьми, теперь было пусто, точно всѣ умерли или разбѣжались; большіе неуклюжіе дома, съ громадными остроконечными крышами, запертыми воротами и ставнями, наводили щемящую тоску... Вельвеле шель впереди своего отряда съ неизмѣнной палочкой въ рукахъ. Онъ былъ мраченъ, и некрасивое старческое лицо его съ вывороченными нижними

вѣками получало отъ этого еще болѣе неприятное выраженіе. Отъ времени до времени онъ останавливался, совѣщался съ идущимъ позади него Гаврилой и указывалъ палочкой на тотъ или другой домъ. Тогда солдаты подходили туда, стучали въ дверь, пробовали снимать ставни, напирала на ворота. До сихъ поръ маленькому отряду, съ Вельвеле во главѣ, не удалось проникнуть ни въ одинъ домъ... Вельвеле кусалъ себѣ губы отъ злости. Гаврила сжималъ кулаки и ерошилъ свою сѣдую щетину...

Солдаты добродушно посмѣивались.

— Что же, сучій сынъ...—точно злая собака, оскалилъ свои еще крѣпкіе зубы Гаврила.

— Молчи, дуракъ, не твое дѣло разсуждать! — остановилъ его Вельвеле.

Въ это время они приблизились къ дому Дувиды, который, какъ и всѣ прочіе, былъ запертъ со всѣхъ сторонъ, словно неприступная крѣпость. Самъ Дувидъ не думалъ запирается. Какъ почетный обыватель и аккуратный плательщикъ всевозможныхъ многочисленныхъ налоговъ, онъ былъ увѣренъ, что къ нему не пойдутъ. Но предусмотрительная Хая распорядилась иначе и, оставшись дома, заперлась на всякій случай. Она знала межепольскіе порядки и, въ особенности, злого Вельвеле, который, со дня извѣстной исторіи съ раздачей пожертвованныхъ Гиршелемъ денегъ, имѣлъ зубъ и на семейство Дувиды.

Остановившись передъ домомъ Дувиды, Вельвеле нѣсколько минутъ молчалъ, какъ бы соображая что-то. Потомъ велѣлъ солдатамъ осторожно попробовать дверь. Она не поддавалась. Ворота тоже были крѣпко заперты. Вельвеле постучалъ осторожно въ дверь. Никто не отзывался. Тогда онъ сталъ стучать сильнѣе. Отвѣта изнутри не было.

— Вина, бабушка Вина! Пустите, а то хуже будетъ, — закричалъ онъ своимъ крикливымъ голосомъ.

Долго не было отвѣта, наконецъ раздался голосъ Хай:

— Кто тамъ? Что вамъ нужно?

— А, Хая! Ты дема? Тѣмъ лучше. Отопри намъ!

— Чего вамъ, Вельвеле?

— Будто не знаешь? Намъ нуженъ твой орѣховый диванъ для г. полковника.

— Пусть г. полковникъ себѣ купить, если ему нужно. Мы не обязаны давать. Мы заплатили налоги. Мы свободны отъ постоя!

Голосъ Хая временами прерывался отъ волненія и злобы. Она вся дрожала. Бина стояла тутъ же съ Иосифомъ на рукахъ, который отъ испуга громко плакалъ. Бина шептала молитву.

— Ну, Хая, это напрасно. Ни у кого изъ межепольцевъ нѣтъ такого дивана, какъ у тебя. Согласись, что пану полковнику нуженъ диванъ!

— А я не дамъ.

— Я велю дверь ломать.

— Попробуйте! Перваго, кто войдетъ, я окачу горячей смолой!

Наступило молчаніе. Нѣсколько минутъ Вельвеле стоялъ въ раздумьи. Дверей ломать ему не приказано было; къ тому же угроза Хая его порядочно напугала. Онъ уже хотѣлъ удалиться, какъ вдругъ его ослѣпила блестящая мысль. Расположеніе дома Дувида было ему отлично знакомо. Обойти кругомъ, забраться на погребъ, а оттуда черезъ отдушину пробраться въ крытый дворъ было дѣломъ одной минуты. Оставивъ Гаврилу съ двумя солдатами у входныхъ дверей, онъ съ остальными тихо удалился, чтобъ привести свой планъ въ исполненіе. Не прошло и пяти минутъ, какъ раздался скрипъ большихъ воротъ, а вслѣдъ за нимъ и голосъ торжествующаго Вельвеле.

— Гдѣ же ты, Гаврила, чортъ собачій? Эй, москали, сюда!

Всѣ грянули въ открытыя двери. Побѣда, казалось, осталась за Вельвеле, и Хая, блѣдная и дрожа всѣмъ тѣломъ, съ грустью смотрѣла, какъ солдаты ухватились за ножки орѣховаго дивана. Бина съ Иосифомъ спряталась въ сосѣдней комнатѣ.

Но въ эту минуту на порогъ показался квартальный Кржипинскій. Желая провѣрить дѣйствія Вельвеле, онъ прошелся по улицамъ Межеполя. Увидя солдатъ около дома Дувида и зная, что Дувидъ не значится въ спискѣ, онъ вошелъ въ домъ. При его появленіи Вельвеле весь согнулся и инстинктивно подста-

вилъ спину, а Гаврила вытянулся, выпятивъ впередъ свои, покрытыя щетиной, скулы. Кржипинскій молча исполнилъ свой долгъ, т. е. прошелся нѣсколько разъ палкой по спинѣ Вельвеле, попробовалъ своими кулаками крѣпость скулъ десятника Гаврилы и затѣмъ крикнулъ своимъ хриплымъ жирнымъ голосомъ:

— Пошли вонъ! Кто вамъ велѣлъ беспокоить пани Хая? Вонъ, сучья дѣти!

Вельвеле съ своимъ отрядомъ мигомъ удалился, унося въ сердцѣ отчаянную злобу, которую онъ не замедлилъ выместить черезъ нѣсколько минутъ, силой ворвавшись въ домъ одного изъ своихъ враговъ и, не смотря на отчаянное сопротивленіе, утащивъ пару сломанныхъ стульевъ. Между тѣмъ, Кржипинскій, оставшись одинъ, самодовольно оглянулся, покрутилъ свои усы и улыбаясь сказалъ:

— Вотъ видишь, пани Хая, какой я тебѣ другъ. Не будь меня, все бы пропало. Да, ты скажи Дувиду, что это я, именно я, спасъ тебя отъ москалей. Ха, ха, ха... Впрочемъ, я самъ пройду къ тебѣ въ лавку. Славный вакштофъ привезъ изъ Бердичева Дувидъ. Офицеры ему спасибо скажутъ.

Хая еще не могла придти въ себя отъ сильнаго нервнаго сотрясенія. Она ничего не понимала изъ того, что ей говорилъ Кржипинскій, но въ душѣ была ему безконечно благодарна за его своевременное появленіе. Когда Кржипинскій ушелъ и она немного пришла въ себя, она бросилась отыскивать мать и ребенка. Но ихъ нигдѣ не было. Въ отчаяніи она выбѣжала во дворъ, обошла его кругомъ, заглядывая во всѣ щели, спустилась въ погребъ, вернулась назадъ, заглянула въ большую печь,—Вины нигдѣ не было.

Хая хотѣла уже бѣжать къ мужу, какъ вдругъ услышала дѣтскій плачь, раздававшійся откуда-то сверху. Она прислушалась и, сообразивъ, что голосъ раздается съ чердака, быстро взобралась туда по узкой лѣстницѣ. Тамъ она дѣйствительно нашла маленькаго Іосифа, а возлѣ него Бину, почти обезумѣвшую отъ страха.

Хая съ трудомъ удалось убѣдить ее, что опасность миновала, что Кржипинскій прогналъ Вельвеле и диванъ остался.

Это извѣстiе подѣйствовало на Бину и она согласилась наконецъ сойти внизъ. Когда Дувидъ, извѣщенный Кржипинскимъ о случившемся, прибѣжалъ домой, всё уже успокоилось. Окна и двери были открыты не только у него, но и въ остальныхъ домахъ. Опасность миновала, и межепольцы вздохнули свободно.

Маленькая сухопарая Ента, жена Хаимъ-Юйне, бѣгала изъ дома въ домъ, рассказывая, что гдѣ успѣлъ забрать Вельвеле. Когда она прибѣжала къ Дувиду, Вина сидѣла на диванѣ и съ особенной гордостью повѣствовала сосѣдкамъ, какъ самъ квартальный приходилъ ихъ спасать.

— Это не человекъ, а ангелъ!—воскликнула Ента.

— Да, ангелъ... Два фунта вакштофа только что взялъ у меня,—шепнулъ Дувидъ женѣ.

VI.

Нѣсколько дней спустя межепольцы были вознаграждены невиданнымъ ими дотолѣ грандіознымъ зрѣлищемъ. Въ Межеполь вступилъ штабъ N-скаго полка съ I-мъ баталіономъ. Съ ранняго утра все населеніе, не исключая стариковъ и старухъ, высыпало за городъ къ рогаткамъ. Тутъ же расположились всё городскія власти и представители отъ мѣстнаго общества съ хлѣбомъ-солью, духовенство въ лицѣ протопопа Моусея и дьячка Никанора, наконецъ, самъ квартальный Кржипинскій съ своими неизмѣнными Гаврилой съ одной и Вельвеле съ другой стороны. Панъ Кржипинскій былъ неузнаваемъ. Онъ самъ нѣкогда служилъ въ войскѣ, и, хотя это было ужъ очень давно и дальше подпрапорщика онъ не пошелъ, однако, военная жилка въ немъ осталась, и теперь она проявилась во всемъ блескѣ. Онъ былъ въ вицмундирѣ, въ ботфортахъ и при всѣхъ своихъ регаліяхъ, которыя, впрочемъ, состояли изъ одной бронзовой медали въ память чего-то. Онъ былъ весь красный отъ жары и волненія, пыхтѣлъ, вытиралъ потъ большимъ краснымъ платкомъ, но не терялъ веселой бодрости и ходилъ козыремъ около мѣстныхъ паненокъ и пань, тоже вышедшихъ посмотреть на душекъ-офицеровъ. Паненки и пани гримасничали, хихикали отъ ар-

мейскихъ остротъ Кржипинскаго и въ то же время дѣлали ему глаза.

День былъ солнечный, жаркій; въ воздухѣ чувствовалась духота. Отъ напряженнаго ожиданія и жары у всѣхъ въ горлѣ пересохло. Запасливый протопопъ Моусей каждый разъ прикладывался, незамѣтно для другихъ, къ бутылкѣ, спрятанной въ рукавъ подрясника. Дьячекъ Никаноръ смотрѣлъ и только облизывался. Толпа, сначала оживленная, начала мало-по-малу терять бодрость и становилась вялой. Кржипинскій уже два раза посылалъ Гаврилу посмотрѣть съ ближайшаго кургана, не видно-ли приближенія войска. Наконецъ, посланный въ третій разъ, Гаврила радостно замахалъ руками.

— Идутъ, идутъ!—вскричалъ онъ такимъ голосомъ, что даже протопопъ Моусей открылъ глаза. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, поднялись и побѣжали навстрѣчу, не смотря на строгое приказаніе Кржипинскаго—не переходить за рогатку и держать себя чинно. Но какъ удержать толпу? Сначала побѣжали подростки, за ними, точно толкаемые сзади, пустились взрослые, а вслѣдъ затѣмъ и женщины. Не устояли и старики, и старухи. Панъ Кржипинскій горячился, кричалъ: «Куда вы, сучьи дѣти, порода паршивая! Пойдите, я васъ!»—И въ то же время самъ, забывъ свой санъ, бѣжалъ впередъ по направленію къ густому столбу пыли, который показался на дорогѣ. Послышался мѣрный топотъ ногъ, раздавалось чье-то громкое приказаніе, и воздухъ огласился трубными звуками и барабаннымъ боемъ. Толпа замерла. Взоры всѣхъ были устремлены на высокаго, непомятно высокаго солдата, важно шествовавшего впереди всѣхъ съ длинной золоченой булавой въ рукахъ, которую онъ красиво подбрасывалъ вверхъ и ловилъ на лету. За нимъ правильными шеренгами шли музыканты съ блестящими на солнцѣ трубами, литаврами, барабанами. Бравурный маршъ, который они играли, до того наэлектризовалъ толпу, ничего подобнаго до сихъ поръ не слышавшую, что поднялся громкій ликующій вопль, на время заглушившій самыя звучныя трубы. Власть смѣшались съ толпой, представители общества забыли про хлѣбъ-соль, протопопъ Моусей совсѣмъ ослабѣлъ и его съ трудомъ поддерживалъ дьячокъ Никаноръ. Всѣ въ какомъ-то восторгѣ не отрывали глазъ

отъ статной фигуры сѣдого полковника, отъ его прекрасной вороной лошади, отъ массы штыковъ, какъ серебро блестящихъ на солнцѣ, отъ запыленныхъ лицъ офицеровъ съ сверкающими саблями въ рукахъ, наконецъ отъ какого-то страннаго орудія, похожаго на дымовую трубу, которое везли 4 пары лошадей цугомъ. Все это было такъ странно, такъ ново и такъ красиво! Только ужъ на городской площади, гдѣ было приготовлено угощеніе для войска, власти спохватились; но было уже поздно. Войско вступило въ городъ безъ хлѣба-соли, безъ крестнаго осѣненія, безъ шествія пана Кржипинскаго впереди, какъ указывающаго дорогу. Тѣмъ не менѣе угощеніе вышло на славу, и офицеры и солдаты стали расходиться по заранее приготовленнымъ для нихъ квартирамъ. Тутъ уже межепольцы ничего не могли подѣлать. Если они еще кое-какъ могли отстоявать свое имущество и мебель, то уже никакъ не могли избавиться отъ постоя. Почти въ каждомъ домѣ помѣщался либо офицеръ съ деньщикомъ, либо солдатъ, а то и цѣлыхъ дватри, смотря по состоянію хозяина или, вѣрнѣе, смотря по тому, въ какихъ отношеніяхъ онъ былъ съ Вельвеле. Вся бѣда была въ томъ, что солдатамъ не только отводилась квартира, но хозяева обязаны были ихъ кормить. Вѣдныя межепольскіе обыватели! Бѣдные солдаты! Послѣ инцидента съ Вельвеле, Дувидъ конечно заранее зналъ, что ему не миновать постоя. Дать мѣсто одному или двумъ солдатамъ и кормить ихъ—куда ни шло. Ни Дувидъ, ни Хая не были скупы и заранее рѣшили кормить москалей хорошо. «Все же люди». Но каково было ихъ удивленіе, когда Вельвеле привелъ къ нимъ цѣлую команду барабанщиковъ. Солдаты заняли самую лучшую комнату, живо размѣстились въ ней, поставили длинные гладко выструганные столы, вытащили изъ своихъ ранцевъ палочки и... стали барабанить. Болѣе тонкой мести нельзя было придумать. Хая по цѣлымъ днямъ плакала, бабушка Вина совсѣмъ слегла, а Дувидъ ходилъ какъ ошалѣлый. Только маленькій Іосифъ съ большимъ интересомъ слѣдилъ за ритмической дробью, безпрестанно выбиваемой красивыми палочками. Это очевидно нравилось ему, онъ протягивалъ ручки и хваталъ палочки.

Дувидъ ходилъ къ Кржипинскому, къ засѣдателю, къ почт-

мейстеру—ничто не помогало. Засѣдатель и почтмейстеръ ничего не могли сдѣлать, а Кржипинскій хотя и могъ, но на этотъ разъ боялся строгаго полковника.

— Подъ судъ меня хочешь подвести... мѣста и чиновъ лишить, сучій сынъ!..—кричалъ Кржипинскій, точно онъ, а не Дувидъ страдаетъ отъ барабанщиковъ. Но въ концѣ концовъ Кржипинскій всетаки не могъ устоять противъ соблазна, и, когда Дувидъ принесъ ему червонецъ, онъ приказалъ немедленно очистить квартиру Дувидова отъ постоя.

— Смотри, подъ судъ попалу, тебя не пощажу,—говорилъ Кржипинскій.

Дувидъ улыбался, счастливый, что избавился отъ страшнаго постоя. На этотъ разъ онъ даже не жалѣлъ о червонцѣ. «Ничего,—думалъ онъ,—торговля пойдетъ хорошо, заработаю не одинъ червонецъ». Того же мнѣнія была и Хая, которая теперь очень усердно сидѣла въ лавкѣ и принимала покупателей. Теперь ей ужъ не нужно было каждый разъ бѣгать домой, чтобы кормить Іосифа. Мальчуганъ былъ уже отлученъ отъ груди и ѣлъ все, въ особенности сладости, которыми украдкой подчивала своего любимца бабушка Бина.

VIII.

Ице-мейтръ изъ Пинска отлично устроился въ Межеполѣ. Едва-ли когда нибудь у себя на родинѣ, и въ особенности во время своихъ продолжительныхъ странствованій по свѣту, онъ мечталъ о такой счастливой жизни. У него было много учениковъ, а еще больше ученицъ. Обыкновенно классы его дѣлились на утреннiе и вечернiе: на послѣднихъ бывали исключительно ученики, днемъ занятые изученiемъ Талмуда у Хаимъ-Шимона, и тѣ изъ ученицъ, которыя по чему либо не могли посѣщать утреннихъ занятiй. Классы мейтра очень понравились юному межепольскому населенiю, и оно охотно ихъ посѣщало. Къ тому же это было живое дѣло, и юноши, измученные за день изученiемъ головомныхъ талмудическихъ трактатовъ и еще болѣе головомными комментарiями Хаимъ-Шимона, душой отдыхали у мейтра. Это была совсѣмъ новая, не-

привычная для нихъ атмосфера. Сидѣть за столомъ и выводить разведеннымъ мѣломъ буквы и цифры или копировать прописи на масляной бумагѣ и въ то же время чувствовать, что мозгъ свободенъ, имѣть возможность болтать, шутить, острить—не счастье-ли это!

Самъ мейтръ ничуть не напоминалъ ни суроваго аскета, учителя Лейбеле, ни глубокомысленнаго педанта-философа Хаймъ-Шимона. Это былъ совсѣмъ новый человѣкъ для межепольцевъ, и они долго не знали, какъ смотрѣть на него. Мейтръ далеко не ограничился преподавательской дѣятельностью. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Межеполье вступило войско и торговля дѣла межепольцевъ расширились, въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, а также въ сношеніяхъ съ кліентами, стали являться такіе факторы, которые требовали нѣкоторыхъ спеціальныхъ знаній, какъ, напр., знаніе языка, законовъ, письма и пр. Неожиданно для всѣхъ мейтръ оказался на высотѣ всего этого. Онъ владѣлъ языкомъ, умѣлъ писать по-русски и даже отчасти составлять прошенія. Въ другое время межепольцы отшатнулись бы отъ такого человѣка, какъ завѣдомаго *эмикореса*, но теперь его знанія были имъ крайне необходимы, и практическая мудрость взяла верхъ надъ религіознымъ фанатизмомъ. Нѣкоторые отцы стали даже, конечно, съ разными отступленіями, просить мейтра открыть курсъ *чистописанія*. Подъ этимъ они подразумѣвали изученіе русской грамоты. Дувидъ первый воспользовался вновь открытыми талантами мейтра и теперь въ состояніи былъ уже разбирать не всегда грамотно написанныя записочки гг. офицеровъ и ихъ женъ съ требованіемъ отпустить тотъ или другой товаръ изъ лавки. Этимъ обстоятельствомъ сразу объяснилось, почему Дувидъ торгуетъ больше всѣхъ въ городѣ, не смотря на то, что у нѣкоторыхъ лавки если не лучше, то во всякомъ случаѣ не хуже чѣмъ у него. Ларчикъ просто открывался, и практическіе межепольцы не преминули послѣдовать примѣру Дувиды, а такъ какъ они, въ большинствѣ случаевъ, были слишкомъ стары для поступленія въ школу мейтра, то посылали къ нему своихъ сыновей и дочерей. Это былъ колоссальный переворотъ въ умахъ межепольцевъ, настоящая революція, но безшумная, безкровная, явив-

шаяся лишь слѣдствіемъ практической необходимости и требова- ній времени.

Самъ мейтръ едва-ли подозрѣвалъ, что онъ такое натво- рилъ въ Межеполѣ, и счастливый своимъ внѣшнимъ успѣхомъ, онъ въ то же время часто грустилъ, задумывался, иной разъ даже забывалъ сходить къ вечерней молитвѣ. Никто, конечно, не зналъ причины его душевнаго настроенія, да онъ никому и не открывался; но догадываться и дѣлать предположенія ни- кому не воспрещалось, въ особенности маленькой Ентѣ, у кото- рой былъ удивительный нюхъ, когда дѣло касалось тонкихъ изгибовъ человѣческой души.

— Не понимаю,—говорила она, сидя на заваленкѣ окру- женная сосѣдками, — отчего бы мейтру не жениться? Развѣ прилично мужчинѣ жить безъ жены, да и грѣшно къ тому.

— А развѣ онъ вдовецъ?

— Что ты, съ того свѣта пришла, что-ли? Всѣмъ извѣстно, что мейтръ вдовецъ! Да какъ же иначе?

Разъ Ента, зайдя зачѣмъ-то къ Яхнѣ, завела съ ней разго- воръ о ея вдовьемъ положеніи.

— Вотъ вы и съ достаткомъ, Яхна, и ни въ чемъ не нуж- даетесь, а все-таки вамъ невесело живется.

— Что и говорить,—глубоко вздохнула Яхна.

— То-то... Вдовье положеніе... Не мудрено.

Яхна вторично вздохнула:

— Видно ужъ мнѣ такъ суждено.

— Ну, не говорите. Я сидѣла недалеко отъ васъ въ Суд- ный День и видѣла какъ вы молились. Можетъ быть, Господь услышалъ вашу молитву.

— Нѣтъ, Ента, гдѣ ужъ мнѣ думать,—слегка даже покрас- нѣвъ, проговорила Яхна,—вотъ моя Зельда подростетъ. Ей бы жениха.

— Ну, Зельда своимъ порядкомъ, а вы своимъ порядкомъ. Вы еще молоды, и жизнь для васъ не потеряна еще...

Яхна молчала. Слова Енты, точно бальзамъ, разливались по ея душѣ и заставляли давно ужъ остывшее сердце биться усиленнѣе. По свойственному женщинамъ чутью, она угады- вала сокровенныя мысли своей собесѣдницы, да и какъ она

могла ихъ не угадывать, когда онѣ давно зародились въ ея собственной головѣ и занимали ее днемъ и ночью.

Ента, между тѣмъ, не переставала говорить на ту же тему, восхваляя семейную жизнь, разбивая пессимистическіе взгляды Яхны на этотъ счетъ, пока, наконецъ, не выбралась на настоящій путь.

— Да, — сказала она, — вамъ именно нужно такого мужа, какъ мейтръ: богобоязненный, благочестивый, дѣтей не имѣеть и зарабатываетъ сколько!

— Почему я знаю, что у него нѣтъ дѣтей; — сказала Яхна такимъ тономъ, какъ будто вопросъ уже рѣшенъ, и дѣло только идетъ о разъясненіи этого спорнаго пункта.

— Что ты, Яхна? Можно-ли сомнѣваться! Еслибъ дѣти были, развѣ нешзвѣстно было бы. Ну, а еслибъ и были, что за бѣда. Такого жениха не сыщешь скоро. Любая дѣвушка, не то что вдова, пошла бы за мейтра. Ты это лучше другихъ должна знать. Вѣдь сколько времени подъ одной кровлей живете!

Яхна должна была согласиться съ несокрушимой логикой маленькой Енты.

— Но возьметъ-ли онъ меня, — усомнилась она. — Вѣдь у меня дочь.

— Какъ не возьметъ? — воскликнула съ азартомъ Ента. — Какой же ему еще жены нужно! Слава Богу, посмотри только на себя. А что у тебя дочь есть, что жъ за бѣда. Твое приданое отъ этого не уменьшится.

— Приданое Зельды давно уже хранится у Хаимъ-Арона, — сказала Яхна. — Я теперь ни копѣйки не должна на нее потратить.

— Вотъ и отлично.

Отъ Яхны неутомимая Ента пошла прямо къ Іейкеву. Толковать съ мужчиной, да еще съ мейтромъ, о такомъ тонкомъ вопросѣ, какъ сватовство, Ента не чувствовала себя въ силахъ. Для этого нуженъ былъ Іейкевъ, занимавшійся въ свободное отъ преподаванія время сватовствомъ. Онъ сразу поставитъ дѣло на надлежащую ногу. Не бѣда, что придется дѣлить гонораръ. Все равно, Іейкевъ бы потребовалъ свою часть, даже

еслибъ и не участвовалъ въ дѣлѣ. Переговоры съ Іейкевымъ длились не долго, и вечеромъ того же дня, одѣтый въ свой праздничный балахонъ, онъ отправился къ мейтру.

Предложеніе Іейкева сильно взволновало мейтра, и онъ долго не давалъ ему никакого отвѣта. Можно было думать, что эта партія ему не по душѣ, что Яхна ему не нравится, что приданаго мало, что его смущаетъ то обстоятельство, что у Яхны есть дочь. Никто не зналъ, въ чемъ собственно загвоздка, и, не смотря на свои дипломатическіе таланты, Іейкевъ терялъ голову въ разныхъ догадкахъ. Нѣсколько дней тянулись переговоры. Мейтръ, очевидно, ставилъ препятствія, придираясь къ разнымъ мелочамъ. Но противная сторона шла на уступки, и мейтръ, истощивъ, наконецъ, весь запасъ своихъ придиричьихъ требованій, произнесъ давно ожидаемое «да». Несмотря на то, что мейтръ и Яхна отлично знали другъ друга, все таки, по обычаю, были устроены смотрины, и ровно черезъ недѣлю межепольцы присутствовали на свадьбѣ молодой пары. Хотя и женихъ и невѣста были вдовыми, но Яхна пожелала устроить свадьбу на славу, и это ей удалось исполнѣ. Возвращаясь домой съ свадебнаго пира, межепольцы не могли нахвалиться обиліемъ угощеній и явствъ.

— Вотъ такъ свадьба, — говорилъ нѣсколько подкутившій Іейкевъ. — Пропади у меня борода и пейсы, если любой благочестивый еврей не пожелалъ бы имѣть такой жены, какъ Яхна!

— Что ты грѣшишь языкомъ, — остановилъ его суровый Лейбеле, — ты забылъ 10-ю заповѣдь.

— Въ Каббалѣ сказано, — глубокомысленно началъ Хаймъ-Шимонъ, но языкъ у него заплетался, онъ такъ и не окончилъ своей мысли.

— Вотъ такъ свадьба! — повторялъ между тѣмъ Іейкевъ, — такая жена, какъ Яхна...

С. Ярошевскій.

(Продолженіе будетъ).

ЮДИОЪ ТРАХТЕНБЕРГЪ.

ПОВѢСТЬ КАРЛА ЭМИЛЯ ФРАНЦОЗА.

Х ¹.

Прошло три недѣли послѣ описанныхъ событій; приближалось Рождество. Солнце изо дня въ день сіяло надъ озеромъ и горами, и жители городской долины говорили, что они не замѣнятъ такого чуднаго декабря. И подъ этия яркимъ солнцемъ, среди красота природы, чета, обитавшая въ замкѣ близъ Порты Санъ-Микеле, тянула сѣрую, унылую прачущуюся отъ людей жизнь, которую она себѣ создала. Юдиоъ вскорѣ оправилась и начала выходить къ столу, не выдавая своихъ чувствъ ни однимъ вздохомъ, ни одною жалобой. Графъ также проводилъ время по своему обыкновенію, и ни одинъ слово не касался прошлаго. Но оба ясно и мучительно сознавали, что между ними образовалась глубокая бездна; Юдиоъ чувствовала, что ей не перешагнуть ея, а у графа не хватало мужества на такую попытку,—и они, какъ въ туманѣ, продолжали идти рядомъ, переставъ ясно читать въ душѣ другъ друга; и ни одинъ изъ нихъ не протягивалъ спутнику руки, чтобы поддержать его съ жалостью и любовью. Только два раза въ эти недѣли они обмѣнялись нѣсколькими словами сверхъ вседневнаго, необходимаго. „Аугсбургская Всеобщая Газета“ — единственная изъ большихъ газетъ, имѣвшая въ ту пору доступъ въ Австрію—

---

¹ См. „Восходъ“, кн. X.

принесла однажды длинную статью по поводу закона о гражданскомъ бракѣ, изданнаго въ герцогствѣ Саксенъ-Веймарскомъ. Это былъ первый законъ въ Европѣ, допускавшій смѣшанные браки между христианами и евреями безъ перемѣны вѣроисповѣданія. Юдиѣ только что прочла эту статью, когда Барановскій вошелъ въ комнату. Она спросила его, слышалъ-ли онъ объ этомъ законѣ.

— Да,—отвѣтилъ онъ.—Удивительное дѣло!

— Еще-бы! Людямъ, выросшимъ въ нашихъ краяхъ, оно должно представляться даже невозможнымъ. Но коль скоро чудо совершилось въ одной странѣ, оно можетъ совершиться и въ другихъ, и, быть можетъ, придетъ время, когда ни для кого не будетъ несчастіемъ имѣть сердце и слѣдовать его влеченіямъ... Она глубоко вздохнула и прибавила:—Я сохранию этотъ листокъ. Я вложила бы его въ свой молитвенникъ, если бы такой былъ у меня.

Графъ ничего не отвѣтилъ; немного погодя, чтобы сказать что-нибудь, онъ замѣтилъ:

— Эти веймарцы вообще провели у себя много нововведеній.

Но Юдиѣ, казалось, не слыхала этихъ словъ, на лицѣ ея была написана глубокая, горькая дума.

— Какъ ты думаешь,—спросила она вдругъ,—есть такой молитвенникъ, который могъ бы служить для всѣхъ людей, вѣрующихъ въ Бога, какого бы они ни были вѣроисповѣданія?

— Не знаю, но можно справиться,—отвѣтилъ графъ.

— Это было бы напрасно. Теперь, конечно, еще нѣтъ такого молитвенника, но когданибудь онъ явится...

Во второй разъ разговоръ между ними вышелъ изъ тѣсныхъ рамокъ общаго словъ объ обѣдѣ, о погодѣ и о здоровьѣ ребенка, по поводу визита, сдѣланнаго имъ подестой Ривы. Агеноръ страшно поблѣднѣлъ, когда ему доложили о прибытіи начальника города; но оказалось, что его привело самое безобидное дѣло. Въ канунъ Новаго Года въ Триентѣ устраивалось большое празднество въ пользу бѣдныхъ Южнаго Тироля, и подеста желалъ лично вру-

чить входные билеты богатымъ форестіери, чтобы получить за нихъ побольше денегъ. Когда этотъ толстый господинъ съ оливковымъ лицомъ, раскниавшись въ благодарностяхъ за щедрый даръ, вышелъ изъ комнаты, Юдишь спросила графа:

— Ты поѣдешь?

— Конечно, вѣтъ, — отвѣтилъ онъ, удивленный вопросомъ. Это меня нисколько не интересуетъ. Да могу-ли я оставить тебя одну?

— Что-же со мною сдѣлается?... Я уже давно думаю, только не знала какъ сказать тебѣ... Мнѣ кажется, для тебя было полезно разстаться со мною на нѣсколько недѣль и пожить въ свѣтѣ. Да, пожалуй, и...

— И для тебя также! — вскричалъ онъ. — Неужели между нами уже дошло до этого?

— Для насъ обоихъ это было бы полезно, — мягко отвѣтила Юдишь. — Можетъ быть, послѣ короткой разлуки, наши взаимныя отношенія стали-бы свободнѣе... — Не говори! — горячо остановила она его, когда онъ хотѣлъ что-то возразить. — Словами ничего не поправишь... Подумай о моемъ предложеніи, прошу тебя!

Она встала и быстро вышла изъ комнаты. Спустя недѣлю послѣ этого разговора, передъ самымъ Рождествомъ, Барановскій получилъ денежное письмо отъ своего вѣнскаго банкира. Гг. Бидерманъ и К° увѣдомили графа, что хранившійся у нихъ капиталъ его вышелъ весь. Они, конечно, не задумываясь, высылаютъ ему требуемую сумму, но почтительнѣе просятъ покрыть этотъ долгъ при первой возможности. Вместе съ тѣмъ они переслали ему два письма, изъ которыхъ одно было получено ими уже съ недѣлю назадъ, а другое только что пришло съ эстафетой.

Первое было отъ Штигле и заключало въ себѣ уже извѣстное, настоятельное внушеніе насчетъ бережливости; второе же было отвѣтомъ Вроблевскаго на письмо графа отъ 30-го ноября. Онъ писалъ, что хотя Рафаэль вскрылъ письмо, полученное на имя его покойнаго отца, и приложилъ его къ дѣлу, но онъ,

Вроблевскій, еще не теряеть надежды отклонить опасность, если съ первою же почтой получить остальные тридцать тысячъ гульденовъ. Въ противномъ случаѣ, онъ рѣшился, во избѣжаніе позора, пустить себя пулю въ лобъ, да и графу совѣтовалъ сдѣлать то же. Къ этому письму было приложено нѣсколько строкъ отъ Штигла. Онъ писалъ, что ему удалось занять послѣдніе, потребованные графомъ десять тысячъ гульденовъ только за 40⁰/₀; а такъ какъ, при такихъ обстоятельствахъ, онъ предвидитъ неизбѣжное разореніе, то окончательно отказывается отъ своего мѣста и очистить его къ концу марта.

Агеноръ, не помня себя отъ бѣшенства, изорвалъ письмо комиссара. — Что за негодяй! Такой низости онъ не ожидалъ даже отъ него, какъ ни хорошо были ему пзвѣстны его ачность и лживость. Подъ впечатлѣніемъ своего разговора съ Юдифью, онъ не подумалъ сейчасъ же потребовать назадъ свой вексель, а впоследствии не сдѣлалъ этого потому, что было уже слишкомъ поздно. Честный Вроблевскій не возвращалъ того, что поподадо въ его руки. — „Везъ сомнѣнія, сказалъ себѣ графъ, онъ зачтетъ эти деньги въ задатокъ за свои будущія услуги. И это письмо!.. И онъ отдался въ руки такого человѣка!..“ — Правда, Агеноръ былъ теперь не совсѣмъ безоруженъ: послѣднее письмо доказывало низость Вроблевскаго яснаѣ дня; но и это не могло служить къ большой пользѣ, покуда графъ показывалъ своимъ отсутствіемъ, какъ боится онъ всякихъ разоблаченій... Уже одно это требовало его возвращенія, и къ тому же необходимо было привести въ порядокъ свое хозяйство. Удержать за собой всѣ свои вотчины не оставалось болѣе никакой возможности. Но какъ уѣхать? какъ оставить Юдиѣ одну?

До самаго обѣда графъ оставался погруженный въ свои мучительныя думы, въ борьбу противоположныхъ мыслей и чувствъ, и потомъ съ трудомъ собрался съ силами настолько, чтобы казаться спокойнымъ передъ Юдиѣю. Но это не вполне удалось ему; послѣ

обѣда, когда онъ курить сигару, молодая женщина подошла къ нему и спросила:

— Ты получилъ сегодня дурныя вѣсти изъ дому. Что случилось?

— Ничего особеннаго, — отвѣтилъ графъ. — Неприятности по хозяйству... Старые долги моего кузена...

— Ты долженъ ѣхать домой и устроить твои дѣла; это твоя обязанность. Я останусь пока съ ребенкомъ здѣсь, а въ апрѣлѣ ты пріѣдешь за нами, или мы одни пріѣдемъ къ тебѣ.

— Тебѣ хочется отдѣлаться отъ меня, — замѣтилъ онъ съ принужденнымъ смѣхомъ; но взглядъ его, устремленный на Юдию, былъ очень серьезень.

Она поняла этотъ взглядъ и спокойно выдержала его.

— Твои опасенія напрасны, Агеноръ. Ты хорошо знаешь, что ребенокъ привязываетъ меня къ жизни. И развѣ рѣшусь я причинить тебѣ такое горе? Каковы бы ни были твои вины передо мною, но ты сдержалъ слово: сдѣлалъ меня своею женою. Скажу тебѣ откровенно: мнѣ кажется, что было бы счастьемъ, какъ для тебя, такъ и для меня, если бы я вскорѣ умерла естественною смертию.

— Юдию!

— Прости, не слѣдовало бы говорить этого, но эта мысль сама собою вырвалась у меня изъ сердца. И наконецъ, вѣдь это правда! Уже здѣсь намъ не легко, а что будетъ дома!.. Но я знаю, что мое самоубійство было бы для тебя страшнымъ несчастьемъ... Твоя совѣсть никогда не нашла бы себѣ покоя. Имѣть на душѣ смерть человѣка, да еще человѣка, который насъ любилъ, — прибавила она съ мрачнымъ выраженіемъ лица, — нѣтъ, Агеноръ, отъ этого чувства я избавлю тебя... Когда же ты ѣдешь?

— Дай мнѣ подумать, — попросилъ онъ. — Могу ли я оставить тебя одну съ такими мрачными мыслями?.. Но ты мучаешь себя совѣсть напрасно...

— Замолчи, — произнесла Юдию умоляющимъ тономъ, — не го-

вори объ этомъ; словами ничего не поправишь, повторяю тебѣ... Именно ради меня ты долженъ ѣхать домой. Я чувствую, что мнѣ будетъ легче разобраться въ своей душѣ и успокоиться, если я останусь на нѣкоторое время одна... А что же еще можетъ тебя удерживать? Боязнь мести Рафаила? Судебнаго преслѣдованія? Но въ послѣдніе дни я много размышляла объ этомъ, и мнѣ кажется теперь почти невѣроятнымъ, чтобы ты серьезно боялся этого. Обвиняемый—графъ стариннаго рода, приведшій обращенную душу въ лоно католической церкви; обвинитель—еврей, и процессъ будетъ разбираться въ Галиціи!.. Вѣрь мнѣ, Агеноръ: если бы ты обезчестилъ меня и потомъ выгналъ изъ дому, и если бы я, обманутая и опозоренная, явилась въ судъ требовать твоего наказанія, то господа судьи расхохотались бы мнѣ въ лицо. Я говорю это безъ всякой горечи, просто потому, что это истина... Еще разъ повторю: ты долженъ ѣхать.

Однако, онъ опять попросилъ дать ему время на размышленіе. Но, если безъ меня она узнаетъ истину? думалъ онъ. „Но какъ могла бы она узнать ее, когда ихъ мѣстопробываніе было извѣстно только вѣнскому банку?“—А между тѣмъ удержать ее отъ возвращенія на родину долѣ апрѣля не предвидѣлось никакой возможности. По крайней мѣрѣ, если онъ вернется раньше, то можетъ принять какія нибудь мѣры, посоветоваться съ опытнымъ адвокатомъ.

Послѣ Рождества графъ уѣхалъ. Даже минута прощанія не могла сблизить вновь эти отчужденныя сердца, какъ ни теплы были слова, которыми они обмѣнялись при этомъ. Сухими глазами проводила Юдиѣ экипажъ, выѣзжавшій изъ воротъ парка.

— До радостнаго свиданія!—крикнулъ еще разъ Агеноръ, высунувшись въ окно.

— До свиданія!—дружески отвѣтила Юдиѣ, махая платкомъ. Сердце подсказывало ей, что свиданіе не будетъ радостнымъ.

Въ палаццо близъ воротъ Санъ-Микеле стало еще тише. Одиѣ

только старый Янъ, оставленный охранять женщинъ, показывался иногда въ городкѣ; Юдиень же никогда не переступала за предѣлы парка. Она посвящала много времени уходу за ребенкомъ, читала иногда книги, которыя Агеноръ выслалъ ей изъ Инспрука, но часто сидѣла неподвижно по цѣлымъ часамъ, погруженная въ свои думы, съ застывшимъ взглядомъ, какъ будто обращеннымъ внутрь. Вѣрная Ганя заботливо вертѣлась около нея и, подѣ разными предлогами, безпрестанно входила въ маленькую гостиную. Эта умная дѣвушка, поступившая въ горничныя къ Юдиень только дорогой, въ Черновицахъ, немного знала объ ея прошломъ; о послѣднемъ же несчастіи, поразившемъ эту бѣдную душу, Ганѣ было извѣстно только то, что барыня ея оплакиваетъ смерть своего отца. Но состраданіе сдѣлало эту дѣвушку проникательной. „Знай графъ то, что я знаю, ворчала она, онъ писалъ бы чаще!“

Она была, впрочемъ, несправедлива къ графу. Онъ не лѣнился писать и присылалъ короткія извѣстія о себѣ всякій разъ, когда свѣшныи путь, а по пріѣздѣ, неприятыя дѣла и событія, давали ему время на это. Но и самыя длинныя, самыя нѣжныя письма не могли бы облегчить подавленнаго состоянія духа Юдиень. Агеноръ писалъ, что ему приходится много хлопотать по своимъ дѣламъ, и что онъ мало съ кѣмъ видится. Въ одномъ изъ писемъ онъ упомянулъ, что опасеніе судебного преслѣдованія дѣйствительно оказалось напраснымъ. Въ другомъ передалъ дошедшій до него слухъ, что Рафанлъ здоровъ и съ большимъ рвеніемъ и успѣхомъ ведетъ дѣла своей фабрики. Юдиень сердечно благодарила графа за каждое его письмо и увѣряла, что она и ребенокъ вполнѣ здоровы. Но и ея письма были коротки, и въ нихъ ни слова не говорилось о томъ, что наполняло всѣ ея мысли. Если она въ самомъ дѣлѣ думала вначалѣ, что въ одиночествѣ она скорѣе успокоится, то надежда эта не оправдалась, — во снѣ и на яву передъ нею рисовался одинъ и тотъ же образъ: ея отецъ, на смертномъ одрѣ, испускающій свой послѣдній вздохъ съ проклятіемъ своей

убійцѣ. Вѣчно, вѣчно видѣла она этотъ образъ, даже когда сидѣла у колыбели своего ребенка. Поэтому для несчастной было полезно, когда ребенокъ ея потребовалъ усиленныхъ заботъ: кормилица Анунціата заболѣла, а другую не сейчасъ удалось найти, и трехмѣсячнаго ребенка пришлось перевести на искусственное кормленіе. Это было сопряжено съ большими хлопотами и заботами, и только въ эти тяжелые дни Юдиноѣ не чувствовала своего другого, худшаго горя...

Тѣмъ временемъ февраль прошалъ, и въ саду видны зацвѣли первые весенніе цвѣты; воздухъ былъ такъ теплъ, какъ бываетъ только въ іюнѣ въ суровомъ отечествѣ Юдиноѣ, куда она стремилась всѣми своими помыслами. Ребенокъ снова могъ оставаться по цѣлымъ часамъ на открытой, солнечной террасѣ. Онъ сидѣлъ на колыбеляхъ у Анунціаты, оставшейся при немъ нянькой, а Юдиноѣ сидѣла возлѣ и наклонялась иногда, чтобы поцѣловать его ручки.

Малютка, уже знавшій свою мать, улыбался ей, тербляя рученками ея лицо, и въ такія минуты даже на этомъ блѣдномъ, врачномъ лицѣ появлялось подобіе улыбки.

Такимъ образомъ сидѣли онѣ однажды на террасѣ, въ началѣ марта, когда явился Янъ и доложилъ, что въ сѣняхъ дожидается какой-то нищенствующій монахъ, который желаетъ видѣть графа. Хотя Анунціата ни слова не понимала изъ того языка, на которомъ Янъ говорилъ со своею госпожой, однако, онъ счелъ нужнымъ понизить голосъ до шопота, прибавивъ:

— Этотъ человекъ изъ Галиціи; онъ знаетъ насъ, знаетъ наше настоящее имя. Я десять разъ повторялъ ему, что графъ уѣхалъ, но онъ все твердитъ свое: „Доложите обо мнѣ. Меня онъ приметъ“, и не уходитъ.

— Позовите его сюда,—сказала Юдиноѣ.

Вошелъ согбенный старикъ, съ длинной сѣдой бородой.

— Хвала Иисусу Христу,—произнесъ онъ съ глубокимъ по-

клононь и, видя, что Юдиень не откликнется, добавилъ самъ:— во вѣки вѣковъ, аминь.

— Вы желаете видѣть моего мужа?—спросила молодая женщина.—Онъ уѣхалъ передъ Новымъ Годомъ, и я не знаю въ точности, когда возвратится. Онъ поѣхалъ въ Подолію, въ свои помѣстья.

— Ваша милость,—началъ старикъ дрожащимъ голосомъ,— мнѣ очень нужно видѣть графа. Прошу васъ, скажите ему...

— Если вы не вѣрите мнѣ,—гордо и рѣзко перебила Юдиень,— то мнѣ нечего болѣе сказать вамъ.

Монахъ сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Простите, — пробормоталъ онъ. — Но это было бы такъ ужасно для меня... Такъ ужасно! — повторилъ онъ громко и совсѣмъ другимъ голосомъ, такъ что Юдиень съ удивленіемъ посмотрѣла на него.—Я сдѣлалъ весь этотъ длинный путь собственно съ тѣмъ, чтобы увидѣть графа,—прибавилъ онъ, снова принявъ дрожащій, старческій голосъ.

— Не можете-ли вы передать мнѣ ваше дѣло?

— Нѣтъ... Невозможно!

Одвако, онъ не уходилъ.

— Что же вамъ нужно еще?—спросила Юдиень.

Монахъ ничего не отвѣчалъ.

— Достопочтенный отецъ,—вмѣшался Янъ,—вѣроятно, не откажется отъ закуски и отъ маленькаго дара.

— Такъ предложи ему то и другое, — сказала Юдиень, повернувшись къ ребенку. Когда она снова оглянулась, монахъ уже вышелъ въ сѣни вслѣдъ за слугой.

„Странно!“ подумала молодая женщина: „Какимъ образомъ этотъ человѣкъ нашелъ дорогу сюда, когда даже письма Агенора идутъ обходомъ черезъ вѣнскій банкъ? И что нужно этому монаху?“

Черезъ часъ послѣ этого, когда Юдиѣ сидѣла за обѣдомъ, Янъ доложилъ ей:

— Старикъ-то все еще сидитъ у насъ въ людской... Въ немъ есть что-то подозрительное...

— А что?

— Когда Ганя подавала ему обѣдъ, онъ вдругъ чего-то испугался. Я самъ видѣлъ, какъ онъ вадрогнулъ. Но Ганя говорить, что она не знаетъ его... Это во-первыхъ; а во-вторыхъ, этотъ старикъ пьетъ за троихъ. Я предупреждалъ его, что наше фейнтлинское—дьявольское вино; но онъ сосетъ его, какъ воду, и при этомъ стонетъ, увѣряя, что не знаетъ, что и дѣлать теперь...

— Дай ему два гульдена и выпроводи его, — приказала Юдиѣ.

Спустя еще часъ, когда она сидѣла въ своей комнатѣ и писала Агенору—разсказывая о посѣщеніи монаха, къ ней вдругъ вбѣжала Ганя, вся блѣдная и трепещущая.

— Графиня, — пробормотала она въ страшномъ волненіи, — вѣдь монахъ-то этотъ вовсе не монахъ, а писарь Трудка. Я знаю его.

— Какъ такъ?

— Да, это Игнатій Трудка, который былъ писцомъ у адвоката въ Черновицахъ, у котораго я служила. Онъ ухаживалъ тогда за мною и хотѣлъ жениться на мнѣ. Къ счастью, вскорѣ оказалось, что онъ мошенникъ, котораго разыскиваетъ полиція. А теперь онъ нарядился монахомъ, чтобы обманывать людей.

— Но этотъ монахъ—старикъ.

— Это у него накладная борода. Она осталась въ рукахъ Яна, когда тотъ схватилъ его. Онъ не хотѣлъ уходить и все требовалъ еще и еще вина; тогда Янъ хотѣлъ вытолкать его, но негодяй закричалъ: „Въ этомъ домѣ я могу требовать всего, чего хочу!“ и замахнулся на Яна кулакомъ; но, будучи сильно пьянъ, упалъ, а Янъ на него. Услыхавъ шумъ, я вбѣжала въ людскую и увидѣла, что Янъ стоитъ съ бородой въ рукѣ, а монахъ ле-

жить на полу. „Что это значитъ?“ закричала я и вдругъ узнала этого мошенника. „Это ты!“ воскликнула я. „Что тебѣ здѣсь нужно? Вотъ, я сейчасъ позову полицію и объявлю, что ты прикидываешься монахомъ!“ Когда я сказала это, онъ почти отрезвился отъ страха и поднялся на ноги.—Я не знаю васъ, вы ошибаетесь, сказалъ онъ.—„Какъ! мнѣ не узнать моего бывшего жениха? Вотъ погоди, плутъ!“—Молчи, если тебѣ дорога жизнь, шепнулъ онъ мнѣ тогда.—„Какъ бы не такъ! Стану я болѣться такихъ негодяевъ и обманщиковъ! Янъ, толкай его въ шею!“ сказала я. Но, должно быть, и Янъ уже видѣлъ его прежде, графиня, потому что онъ стоялъ, вытаращивъ на него глаза, блѣдный какъ полотно, и бормоталъ: „Гдѣ я видѣлъ это лицо, гдѣ я видѣлъ его?“—Никогда ты не видалъ меня, возразилъ Трудка.—„Видѣлъ... Да, въ Боркахъ!“, вспомнилъ тутъ Янъ... Что вы такъ поблѣдѣли, графиня?..

Дѣйствительно, лицо Юдиен сдѣлалось мертвенно-блѣднымъ и она, какъ надломленная, упала въ кресло, возлѣ котораго стояла.

— Далѣе,—прошптала она,—что далѣе?

— Ничего болѣе!. Чего вы такъ испугались? Или я не должна была говорить вамъ этого. Но я думала, что надо доложить вамъ, что у насъ происходитъ: вѣдь Янъ стоитъ словно окаменѣлый, какъ старуха въ Виблин, и все бормочетъ: „Въ Боркахъ! въ Боркахъ!“ А Трудка твердитъ одно: „Неправда, неправда...“ Но, Богъ мой! вамъ дурно...

Казалось, что такъ: глаза Юдиен закрылись, голова сватилась на грудь, которая тяжело дышала. Однако, она преодолѣла свою слабость и встала.

— Надо поговорить съ нимъ,—прошптала она.

— Съ Яномъ?.. Позвать его?

Юдиен сдѣлала отрицательный жестъ и пошла къ двери, но колѣни ея такъ дрожали, что она упала бы, если бы Ганя не поддерживала ее.

— Ради Бога! Что съ вами, графиня?—вскричала горничная.—Куда вы хотите идти?

— Дай руку,—прошептала Юдиоѣ и велѣла вести себя въ людскую.

Дверь въ большую, низкую комнату была отворена настежь; у стола стоялъ Янъ, а противъ него незнакомецъ, бритое лицо котораго плутовски выглядывало изъ-подъ капюшона; накладная борода валялась на полу возлѣ разбитой бутылки. Вѣрный старый слуга, у котораго текли по щекамъ слезы, высыпалъ на столъ деньги изъ своего кошелька.

— Вотъ, всѣ мои сбереженія, — говорилъ онъ, рыдая:— 204 гульдена. Тебѣ хватитъ этого на обратный путь, а графъ дастъ тебѣ потомъ, сколько хочешь, только уходи, Бога ради, уходи! Несчастливая женщина не должна знать истины...

Въ это время вошла Юдиоѣ.

— Благодарю тебя, Янъ,—сказала она.—Но уйди отсюда; мнѣ нужно поговорить съ этимъ человѣкомъ.

Старикъ отпрянулъ назадъ.

— Онъ лжетъ, графиня, онъ лжетъ!—вскричалъ онъ со слезами.

— Уходи!—повторила она.—Мои силы не выдержать долѣе.

Старикъ, плача, выскользнулъ въ дверь и знакомъ вызвалъ за собою Ганю, которая начала осаждать его вопросами.

— Теперь мы должны глядѣть въ оба,—сказалъ онъ ей, дрожа всѣмъ тѣломъ.—День и ночь надо стеречь ее; море такъ близко...

Разговоръ въ людской продолжался недолго, всего нѣсколько минутъ. Потомъ Трудка вышелъ, держа въ рукѣ накладную бороду.

— По правдѣ сказать, панъ Янъ,—прошепталъ онъ,—мнѣ жаль ее... Однако, она велѣла мнѣ послать васъ къ ней; ей нужно что-то приказать вамъ.

Когда Янъ вошелъ въ людскую, Юдиѣ сѣла на скамьѣ у стола.

— Вотъ,—тихо проговорила она, подавая слугѣ маленькій ключъ,—открой шкапулку въ моей спальнѣ и дай этому человѣку 300 гульденовъ, которые я общала ему. И пошли ко мнѣ Гани.

Вошедшая черезъ минуту горничная, нашла свою госпожу безъ чувствъ, лежащую на полу. Она была въ такомъ глубокомъ обморокѣ, что только врачу, за которымъ поспѣшно сбѣгалъ Янъ, удалось привести ее въ чувство своими солями. Онъ оставался при больной до поздней ночи и, повидному, находилъ ея положеніе очень серьезнымъ.

— Ей грозитъ воспаленіе мозга, — сказали онъ, уходя. — Я опасюсь всего худшаго. Однако, онъ ошибся; когда онъ пришелъ на другой день, Юдиѣ была уже на ногахъ. Но она такъ странно постарѣла за эту ночь, что казалась тѣнью; врачъ былъ потрясенъ, замѣтивъ бѣлыя нити въ ея золотистыхъ волосахъ. „Одны волосы!“ прошепталъ онъ.

— Послушайте, графиня, я не знаю, что съ вами приключилось, но вамъ слѣдуетъ помнить, что вы мать...

— Повѣрьте, что я не забываю этого, — сказала молодая женщина, благодаря его за участіе.

Онъ ушелъ отъ нея, немного успокоенный. Отлегло отъ сердца и у Гани, когда госпожа ее снова заговорила съ нею разсудительно и ласково, какъ и всегда. Одинъ Янъ не успокоился. „Не кончится это добромъ!“ шепталъ онъ про себя цѣлый день, дѣлая свое дѣло. „Спаси Богъ ея разсудокъ!“ Забота его возросла, когда Юдиѣ призвала его вечеромъ къ себѣ и сказала:

— Ты хотѣлъ пожертвовать для меня твоими сбереженіями, Янъ. Значитъ, ты любишь меня и конечно не пожалѣешь ссудить мнѣ твои деньги, если я попрошу тебя объ этомъ.

— Съ величайшею радостью, — отвѣтилъ старикъ; — но въ шкапулкѣ остается еще столько...

— Тѣмъ не менѣе, я прошу тебя ссудить мнѣ твои деньги: я непремѣнно возвращу ихъ тебѣ.

Янъ принесъ ей деньги, но послѣ того озабоченно говорилъ Ганѣ:

— Не ладно что-то въ головѣ у нашей барыни!

Однако, на слѣдующее утро онъ убѣдился, что барыня его въ полномъ разсудкѣ.

XI.

Три недѣли спустя, когда, по календарю, былъ первый весенній день, подолийская равнина имѣла такой унылый и грязный видъ, словно надъ нею уже много лѣтъ не свѣтило солнце съ голубого неба. Графъ Агеноръ зябъ въ своемъ экипажѣ, который везъ его, подъ вѣтромъ и дождемъ, по скользкой дорогѣ, изъ замка Борки въ уѣздный городъ, куда его настоятельно вызывалъ его повѣренный. Впрочемъ, не холодъ только заставлялъ его дрожать: его была лихорадка; даже и послѣ того, какъ онъ просидѣлъ цѣлый часъ въ натопленномъ кабинетѣ своего пріятеля-юриста, онъ все еще теръ себѣ руки, стараясь согрѣться и избавиться отъ тяжелаго чувства, парализовавшаго всѣ его члены.

— Почти три мѣсяца прошло, — со вздохомъ сказалъ онъ, — а чего я достигъ?

— Если это упрекъ мнѣ, — возразилъ повѣренный, — то я долженъ отклонить его. Я сдѣлалъ все, что могъ: финансы ваши приведены въ порядокъ съ возможно меньшими жертвами; г-нъ Штигле остается при васъ, правда, и Вроблевскій также, но противъ этого ужъ я ничего не могу подѣлать. Добромъ съ нимъ не развяжешься. Предложите ему 20,000 гульденовъ пожизненной пенсiи за его молчанiе, онъ приметъ ихъ съ благодарностью, но въ первый же годъ попроситъ еще 20,000 и, если вы не дадите ихъ, то положенiе дѣлъ останется безъ перемѣны. Застрачивать этого человѣка нельзя; его письма къ вамъ доказываютъ только его живыи и

мошенническій характеръ; ваши же письма къ нему свидѣтельствуютъ о томъ, что вы совершили подлогъ и святотатство и склоняли Вроблевскаго подкупить судей. Не обращать вниманія на его угрозы?... Я самъ такъ совѣтовалъ, пока не узналъ этого человѣка; но теперь не посоветую. Это типъ легкомысленнаго плута, въ одно и то же время вымогателя и расточителя; онъ уже задолжалъ ростовщикамъ всю ту сумму, которую вынудилъ у васъ; у него нѣтъ теперь другого источника, кромѣ вашего страха. Если этотъ источникъ исчезнетъ, то Вроблевскій останется хуже чѣмъ нищимъ; и если онъ говоритъ мнѣ: „Тогда я постараюсь попастьъ въ тюрьму, на готовое содержаніе, и буду играть тамъ въ карты на горохъ съ моимъ товарищемъ по заключенію, Барановскимъ,“—то въ этомъ есть частица правды. Но имѣете-ли вы причины бояться его?— Да, имѣете. Что вы обманули дѣвушку, это еще не важно; важно то, что вы нарушили государственные законы; и еще важнѣе, — что вы совершили святотатство. Я излагаю вамъ чисто практическій взглядъ на дѣло; нравственно же слѣдовало бы, конечно, поставить факты въ обратномъ порядкѣ...

— Я то же думаю,—мрачно сказалъ графъ.—У меня сердце сжимается, когда я думаю объ этой несчастной женщинѣ.

— Стало быть, вы и сами попали на ту мысль, которую я хотѣлъ подать вамъ, какъ мой лучшій совѣтъ,—сказалъ повѣренный.

— Вы хотите сказать: открыть Юдиенъ все и повторить обряды крещенія и брака по настоящему? Я уже много разъ думалъ объ этомъ, но боюсь, что раскаяніе окажется слишкомъ запоздавшимъ. Я уже обманулъ ее однажды, когда ей мелькнуло сомнѣніе; это была худшая минута въ моей жизни. Боюсь, если она узнаетъ обманъ, то ей легче покажется смерть, чѣмъ жизнь со мною...

— Не забудьте, что она любитъ свое дитя! Во всякомъ случаѣ, вы обязаны открыть ей истину, и я убѣжденъ, что это принесетъ хорошіе плоды. Я даю вамъ этотъ совѣтъ прежде всего,

какъ юристъ; тогда вы развяжетесь съ Вроблевскимъ, предоставите его судьбѣ и заставите идти на улицу, вмѣсто того, чтобы хазайничать въ вашемъ лучшемъ замкѣ, изъ котораго онъ выжилъ васъ. Донести-то на васъ онъ донесетъ и въ этомъ случаѣ, но тогда наказаніе будетъ мягче и не будетъ имѣть ничего позорящаго въ глазахъ свѣта. Епископъ врядъ-ли вмѣшается въ это дѣло, когда вы дѣйствительно приведете новообращенную душу въ лоно церкви. Представителемъ же мірской судебной власти, съ которымъ вы прежде всего будете имѣть дѣло, — преемникъ Вроблевскаго, панъ Гросца, честиѣйшій и справедлиѣйшій человекъ. Предстанъ вы теперь передъ его судомъ, — я далеко не былъ бы спокоенъ за васъ; но тогда, я убѣжденъ, что онъ скажетъ: „Графъ виновенъ, но онъ страдалъ, покался и искупилъ свою вину“. Впрочемъ, не только юристъ, но и лучший другъ, не могъ бы дать вамъ лучшаго совѣта, чѣмъ тотъ, который я даю. Вѣдь вы не чувствуете себя счастливымъ...

— Видитъ Богъ, что нѣтъ, — произнесъ графъ дрожащими губами.

— Съ такимъ бременемъ на сердцѣ — счастье немисливо. Сбросьте же это бремя! Уваженіе къ вашему сословію не можетъ же мѣшать этому?

— Конечно, нѣтъ, — съ горечью сказалъ Агеноръ. — Мое положеніе относительно этого сословія не можетъ быть хуже, чѣмъ теперь. Я опальный...

— Вы видите вещи въ слишкомъ черномъ свѣтѣ, — успокаивалъ адвокатъ; — но дурные толки дѣйствительно ходятъ. Меня всегда удивляло, какъ, по одному слову вашего лакея въ разговорѣ съ другими лакеями во Флоренціи, могъ такъ далеко распространиться слухъ о вашемъ мнимомъ бракѣ; и въ особенности удивляло, почему этому слуху какъ-то вдругъ всѣ повѣрили въ послѣдніе мѣсяцы. Но это объясняется просто: потому что этотъ слухъ — къ сожалѣнію, согласный съ истиной — даетъ наиболѣе

пищи злымъ языкамъ. Придумай ктонибудь что-либо еще худшее,— истина не распространилась бы такъ скоро. Теперь же всякій имѣетъ предлогъ блеснуть чистотой своихъ католическихъ убѣжденій, возмущаясь совершеннымъ въ Боркахъ святотатствомъ, и заявить о своихъ дворянскихъ чувствахъ, осуждая ваше поведеніе, какъ недостойное дворянина. Дошло даже до того, что жалѣютъ еврейку. Я не повѣрилъ бы этому, если бы не слышалъ собственными ушами. Впрочемъ, обо всемъ этомъ толкуютъ, хотя и много, но по секрету, чтобы не доводить до свѣдѣнія пана Гросцы; вѣдь это былъ бы доносъ. Что скажутъ всѣ эти господа, когда вы привезете сюда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, еврейку въ качествѣ вашей законной супруги, этого я не берусь рѣшать; но полагаю, что заговорятъ не худшее, чѣмъ теперь, а скорѣе лучшее. Тогда, по крайней мѣрѣ, хорошіе и честные люди—положимъ, что ихъ немного—перемѣнятъ свое мнѣніе о васъ.

— Вы правы,—сказалъ Агеноръ, вставая.—И ужъ если дѣлать, то дѣлать скорѣе! Я сегодня же съѣзжу въ мѣстечко, чтобы повидаться со Штигле, устрою дѣла на время моего отсутствія и завтра утромъ уѣду въ Риву. А вы здѣсь добудьте всѣ нужныя бумаги и вышлите мнѣ ихъ.

— Никакое порученіе не могло бы быть для меня пріятнѣе этого,—сказалъ адвокатъ, пожмая протянутую руку.—Счастливымъ путь!

XII.

Когда графъ ѣхалъ изъ уѣзднаго города въ мѣстечко, погода стала еще хуже; дождь усилился, падалъ въ перемежку со снѣгомъ и замерзалъ на землѣ. По обледѣлой дорогѣ можно было ѣхать только шагомъ. Однако графъ теперь не жалъ; на щекахъ его игралъ румянецъ, глаза блестя, на душѣ было такъ легко, какъ давно не бывало. Узкая, трудная тропа лежала передъ нимъ,

но она вела къ примиренію съ самимъ собою и, можетъ быть, къ счастью.

Дождь лилъ все сильнѣе, рѣзкій сѣверный вѣтеръ гналъ и хлесталъ его. Къ этому присоединилась темнота, и храбрый Федька долженъ былъ по временамъ останавливаться, чтобы не сбиться съ дороги.

— Собачья погода, ваша милость!—оправдывался онъ передъ графомъ.—Ужъ кому больше знакома эта равнина со всѣми ея капризами, какъ не мнѣ? А такая непогода, какъ сегодня, всего разъ застала меня здѣсь: это, когда, я...

Онъ замолчалъ, спохватившись, что графу можетъ быть непріятно вспоминать тотъ день, когда еврейская дѣвушка бросилась въ прудъ. Въ смущеніи, онъ такъ настегалъ лошадей, что онѣ рванулись впередъ и если не опрокинули экипажа, то все же налетѣли на другую повозку, которая медленно тащилась впереди. Это была жалкая бричка съ парусиннымъ верхомъ, за которую экипажъ графа зацѣпился колесомъ и остановился. Федька съ проклятіемъ соскочилъ съ козелъ, чтобы отцѣпить колесо. Ямщикъ съ повозки, видимо, еврей, также ругался.

— Словно самого императора везетъ, что на людей наѣзжаетъ!.

— Императора не императора,—гордо возразилъ Федька,—но графъ Барановскій тоже любитъ ѣздить шибко.

— А я везу только бѣдную, больную еврейку съ маленькимъ ребенкомъ,—вскричалъ еврей,—но вѣдь и они тоже люди!

— Ну, ну!—умиротворительно сказалъ добродушный Федька,—минутку постоять не велика бѣда.

Онъ стегнулъ горячихъ вороныхъ коней, и разстояніе между двумя экипажами стало быстро возрастать. Федька давно уже пріѣхалъ въ замокъ, когда сидѣвшіе въ бричкѣ увидѣли первые огни предмѣстья Рошковки.

— Тетушка, вотъ мы и въ Рошковкѣ,—сказалъ еврей, огля-

нувшись вглубь брочки.—Ты можешь добыть въ шинкѣ молока для ребенка.

— Слава Богу!—отвѣтилъ слабый голосъ.—Остановись, пожалуйста. Боюсь, что ребенокъ простудился; онъ что-то очень безпокоенъ.

— Что дѣлать?—сказала въ утѣшеніе еврей.—Однако, ты всё твою платку навертѣла на него, а сама дрожишь. Какъ же такъ? Грѣхъ такъ рисковать своимъ здоровьемъ... Впрочемъ, глупо и спорить объ этомъ съ матерью...

Изъ брочки слышался тихій дѣтскій плачь.

— Потерпи еще двѣ минутки!—утѣшалъ ящикъ.—А куда же везти-то васъ?

Отвѣта не послѣдовало.

— Тетка, слышишь-ли? Къ какому дому въ мѣстечкѣ нужно подвезти васъ?

— Остановись среди улицы,—отвѣтилъ тихій, дрожащій голосъ.—Я сойду на улицѣ...

— Благо, тепло одѣта!—проворчалъ еврей.—Ну, вольному воля... Прр!.. Вотъ и шинокъ!

Онъ помогъ женщинѣ выйти изъ повозки и, видя, что она шатается, хотѣлъ поддержать ея ребенка; но она не дала его, и еврей только довелъ ее до шинка. Большая, обнаженная комната была переполнена пьющими извозчиками и мужиками; спертый, удушливый воздухъ былъ пропитанъ сивухой, табачнымъ дымомъ и испареніями множества людей, сидѣвшихъ въ этой жарко натопленной комнатѣ въ мокромъ платьѣ.

— Здѣсь вамъ не мѣсто,—съ жалостью сказала шинкарька, когда ящикъ ввелъ новую гостью, и отворила дверь въ смежную комнату, свою спальню. Вскорѣ она принесла туда молока, увѣряя, что „лучшаго не найти въ цѣломъ свѣтѣ“, и глядѣла, пока приѣзжая наливала его въ рожокъ и давала ребенку.

— Не сама кормишь ребенка-то?—спросила она.— Правда, ты слишкомъ слаба для этого.

Платокъ, въ который была окутана голова незнакомки, былъ низко надвинутъ на глаза, и хозяйка не могла ясно рассмотреть ея лица. Она видѣла только, что оно исхудалое и болѣзненное.

— Но малышъ у тебя здоровенькій,—прибавила она въ утѣшеніе.— Вѣдь мальчикъ—не правда ли? Ишь, какъ весело ноженьками дрыгаетъ! Знать, не долго были въ дорогѣ-то, что онъ такой бодрый. Вы не изъ Тлусты-ли?

Незнакомка сдѣлала отрицательный жестъ.

— Мы были въ дорогѣ нѣсколько недѣль,—сказала она,—но я берегла ребенка, что могла; да и вездѣ есть добрые люди.

— Нѣсколько недѣль!—вскричала женщина.— Это зимою-то! Должно быть, вы изъ краковского округа?

— Нѣтъ, то мѣсто, откуда мы ѣдемъ, еще дальше.

— Еще дальше! Значить изъ Ашканаза (Германіи)? Или изъ Праги? Тамъ тоже есть большая еврейская община. Только, судя по твоему выговору, я думала, что ты изъ нашего края. Хочешь переночевать у меня?

Незнакомка покачала головой.

— Миѣ нужно въ мѣстечко.

— Не думаешь-ли ты, что въ тамошнихъ гостиницахъ лучше, чѣмъ у меня?—обиженно спросила женщина, но сейчасъ-же опять приняла свой участливый тонъ:

— Какъ ты дрожишь! не лихорадка ли у тебя? Подожди, я принесу тебѣ горячаго супа. Я не за деньги; если ты бѣдна, то миѣ ничего не нужно...

И, не дожидаясь отвѣта, она побѣжала въ кухню. Но незнакомка не долго оставалась одна. Прежде всего вошелъ ея возница.

— Отдохни тетушка; я могу подождать,—сказалъ онъ.

Потомъ просунулась въ дверь бородатая голова, которая привѣтствовала гостью словами:

— Добро пожаловать! Я здѣшній хозяинъ. Сейчасъ принесутъ супъ.

Наконецъ вошла старуха, при видѣ которой незнакомка вздрогнула и нагнула платокъ еще ниже на свое лицо. Но маленькая высохшая старуха, со сморщеннымъ лицомъ, изъ котораго торчалъ, какъ указательный палецъ, большой, кривоватый носъ, не обратила на прїѣзжую большаго вниманія. Она пожелала ей добраго вечера, сѣла на другомъ концѣ стола и грустно уставилась впередъ своими покраснѣвшими, слезящимися глазами.

Вошла хозяйка съ дымящеюся тарелкой въ рукахъ.

— Здравствуй, бабушка Миріамъ,—привѣтствовала она старуху.— Хорошо, что ты пришла къ намъ вмѣсто того, чтобы сидѣть одной въ своей конурѣ! Бушай,—обратилась она къ незнакомкѣ, ставя передъ нею тарелку.—Я принесла также кусочекъ курицы, Немного, но сколько есть. Не хорошо, что ты все еще плачешь, Миріамъ,— сказала она старухѣ.

— Ахъ!—прорыдала Миріамъ Гольдъ,—не я плачу, а сердце мое плачетъ.... Вѣдь она была мое дитя, моя плоть и кровь.

— Никто и не мѣшалъ тебѣ плакать въ первое время,—возразила хозяйка.—Но вотъ уже четыре мѣсяца, какъ она умерла, а ты все еще плачешь, не осушая глазъ. Всѣ мы умремъ когда-нибудь, и молодыя часто умираютъ раньше стариковъ. Вѣдь и я похоронила мою Рахиль, а моя Рахиль... ну, что тебя обижать...

— Знаю я, что ты хочешь сказать,—возразила старуха.—То, что твоя Рахиль была хорошая дѣвушка, а моя Лія—нѣтъ. Положимъ, что моя Лія ходила въ христіанскую церковь; положимъ, что она сдѣлалась женой крестьянина, но развѣ написано гдѣ-нибудь, тетка Мальке, развѣ написано, что Господь нашъ на небесахъ — да будетъ хвала Его имени! — думаетъ о Ліи то же, что и вы?

— Написано, бабушка Миріамъ,—торжественно возразила инкарка,—вонъ тамъ написано,—она указала на Библию, лежавшую на окнѣ. Богу не угодно, чтобы Ліи дѣлались Варварами.

— Въ этомъ мы не сговоримся,— сказала старуха, махнувъ

рукой, и вытерла передникомъ слезящіеся глаза.—Оставь мнѣ утѣшеніе думать, что, по крайней мѣрѣ, въ Немъ мое бѣдное дитя найдетъ себѣ милосерднаго Судью. Вѣдь передъ кончиной она вспомнила, что звалась когда-то Ліей, и послала слезно просить меня придти къ ней. Но я была слишкомъ труслива; я дала убѣдить себя не ходить и нанесла моей бѣдной дочери еще эту послѣднюю обиду. Ей-то теперь хорошо, а меня мучаетъ раскаяніе, и оттого я плачу, тетушка Мальке, и не перестану плакать никогда...

— Ты знаешь, что я не уговаривала и не отговаривала тебя, когда ты спросила моего совѣта,—напомнила хозяйка.—Я сказала тебѣ только, что нужно спросить мнѣніе раввина и другихъ благочестивыхъ людей, что это не женское дѣло.

— Именно женское!—рыдая проговорила Миріамъ.—Вто можетъ быть судьей между матерью и ея дѣтищемъ? Но вы застрашили меня; вы говорили, что это противно волѣ Божіей; а когда я пришла къ Рафану, то онъ отвѣтилъ мнѣ: „Моя помощь останется при тебѣ, если ты и пойдешь къ дочери, но совѣтовать тебѣ я ничего не могу. Дочь твоя не умираетъ, а давно умерла. Я, на твоемъ мѣстѣ, не пошелъ бы. Я знаю, что ты счастливѣе меня: твоя Лія не была опозоренной женщиной, какъ моя сестра. Но...“

Въ комнатѣ вдругъ раздался короткій, рѣзкій, горестный крикъ, заставившій вздрогнуть обѣихъ женщинъ.

— Что съ тобою?—вскричали онѣ, обернувшись къ незнакомкѣ.

Она закрыла руками лицо, и платокъ соскользнулъ съ ея головы, обваруживъ рыжіе, золотистые волосы съ просѣдью. Шляпка попятилась назадъ, глядя на эти распавшіеся волосы съ такимъ ужасомъ и отвращеніемъ, какъ будто передъ нею было гнѣздо змѣй.

— Что это значитъ?—вскричала она.—Какая же ты честная еврейская женщина, если ходишь въ своихъ волосахъ?

Миріамъ также остолбенѣла.

— Милосердый Богъ! — шептала она. — Эти волосы... несчастная...

— Отвѣчай же, — кричала шинкарка незнакомкѣ. — Здѣсь еврейскій домъ! Мы должны знать, чего принимаемъ къ себѣ.

— Молчи! — пробормотала Мириамъ, подходя къ ней. — Развѣ ты не узнаешь? Это Юднѣй...

— Юднѣй! — воскликнула шинкарка. — Вонъ отсюда!

Юднѣй опустила руки и повернула къ ней лицо, шепча: „уйду, уйду!“

Широко раскрытыми глазами глядѣла хозяйка на это мертвенно блѣдное лицо, когда-то — казалось, не далѣе какъ вчера — такое прелестное и цвѣтущее, на этотъ согбенный, лихорадочно трясушійся станъ.

— О! — прошептала она наконецъ, — самъ Богъ наказалъ!

Между тѣмъ Мириамъ бросилась къ Юднѣй, и слезы уже не капали, а ручьемъ текли по сморщеннымъ щекамъ старухи. Страстно обхвативъ руками нѣжный станъ молодой женщины, она гладила ея блѣдное лицо своими сморщенными руками и бормотала рыдающимъ голосомъ:

— Бѣдняжка, бѣдняжка! Самъ Богъ посылаетъ тебя мнѣ.

Шинкарка съ удивленіемъ глядѣла на эту сцену. Какъ ни глубоко было ея негодованіе противъ отступницы, но при этой картинѣ она почувствовала, что вѣки ея что-то жмуть, и повернулась къ двери.

— Торопись, бабушка Мириамъ, — сказала она; — я должна открыть все моему мужу, а онъ не потерпитъ этой женщины у себя въ домѣ.

Уходя, она подумала: „Какая сострадательная эта Мириамъ! Была бы и я такою, если бы не боялась Бога“.

Состраданіе старухи было такъ горяче, что тронуло и согрѣло даже оцѣпенѣвшее въ своемъ горѣ сердце Юднѣй.

— Я знаю, Мириамъ,—говорила она, запинаясь—я знаю, что вы всегда любили меня...

— Всегда любила!—бормотала старуха.—Ты была такъ прекрасна и такъ добра! о, какъ добра! И когда я узнала, что тебя видѣли въ саду съ графомъ, то меня словно ножомъ ударило въ сердце; мнѣ было почти такъ-же больно, какъ въ тотъ день, когда бѣдный мужъ мой сказалъ мнѣ: „О! жена, лучше было бы, если бы твое чрево оставалось бесплоднымъ! Наша Лія связалась съ Василюмъ“! Въ горѣ, я побѣжала къ тебѣ и рассказала тебѣ въ предостереженіе исторію моей бѣдной дочери. Какъ ни тяжело было это для меня, но для тебя я готова была на все. Ахъ! все уже было напрасно! Какъ я сокрушалась по тебѣ!.. Молиться за тебя я не смѣла; мнѣ сказали, что грѣхъ молиться за отступницу. Вѣдь ты христіанка? перебила она себя.

Юдишь покачала головой.

— Праве?—радостно вскричала старуха,—такъ можно еще много исправить. Графъ бросилъ тебя за то, что ты отказалась креститься,—не правда-ли?

— Нѣтъ,—возразила Юдишь.—Я еврейка, но вина въ отступничествѣ все-таки лежитъ на мнѣ. И сколько еще другихъ винъ! Я несчастнѣйшее существо, осужденное и въ этой жизни и въ будущей.

— Только не въ будущей, Юдишь!—произнесла Мириамъ, почти торжественно.—Кто столько пожилъ, какъ я, и столько принялъ горя отъ людей, хотя и причиняемого во имя Бога, тотъ знаетъ, что Богъ милосерднѣе людей. И ты тоже много выстрадала—я не спрашиваю тебя, а читаю это на твоемъ лицѣ...

За дверью послышался нетропкій споръ. Мужской голосъ говорилъ: „вонъ ее! она не пожалѣла своего отца!

Это былъ голосъ шникаря, но жена уговаривала его не горячиться.

— Уйдемъ,—сказала Мириамъ.—Я живу за нѣсколько домовъ

отсюда; комната моя напoплена, и ты можешь переночевать у меня.

Юдиѳъ снова закутала свое дитя.

— Благодарю васъ,— сказала она,— но я не хочу, чтобы вы страдали изъ за меня, Мириамъ. Вы существуете людскою благотворительностью, и вамъ не простять, если вы примите меня.

— Пускай,— вскричала старуха, выпрямившись, и увядшее лицо ея озарилось какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ.— Пускай я умру съ голоду, а все же буду благословлять часъ, въ который нога твоя переступитъ черезъ мой порогъ. Тебя самъ Богъ посылаетъ мнѣ. Онъ услышалъ молитву, которую я день и ночь возносила къ Нему съ тѣхъ поръ, какъ умерла бѣдная дочь моя. Я водѣвала руки и кричала: „О! дай мнѣ загладить мою трусость и жестокость! Что пользы мертвымъ въ нашихъ слезахъ, и что значить мое раскаяніе передъ тобою, милосердный Боже, требующимъ отъ людей состраданія другъ къ другу?“ Но Онъ зналъ, на что нужно мое раскаяніе; Онъ зналъ, что я могу уплатить мой долгъ передъ мертвыми... Пойдешь-же,— закончила она почти съ мольбою,— пойдешь ко мнѣ...

— Не могу,— сказала Юдиѳъ,— мнѣ нужно къ Рафалу.

— Нѣтъ, нѣтъ!— закричала старуха, махая руками.— Не подвергай себя этому горю,— робко прибавила она.— Вѣдь ты же слышала...

— Надо!

Юдиѳъ встала, но силы измѣнили ей.

— Надо!— повторила она, снова собравшись съ силами, хотя ее била лихорадка и она едва стояла на ногахъ. Мириамъ ввела у нея изъ рукъ ребенка, и она не сопротивлялась этому.

Дверь распахнулась, и вошелъ шинкаръ.

— Если вы сейчасъ... Онъ остановился, увидѣвъ, что обѣ женщины готовы уйти; видъ Юдиѳъ, едва державшейся на ногахъ, зажалъ ему ротъ.

— Двѣнадцать крейцеровъ,—пробормоталъ онъ только, когда она спросила, сколько она должна. Онъ взялъ отсчитанныя ею мѣдныя монеты и вертѣлъ ихъ въ рукѣ, видимо чувствуя себя неловко.

— Подумай хорошенько,—повторила Маріамъ, идя вмѣстѣ съ Юдиѣю къ бричкѣ.—Ужъ если ты непременно хочешь идти къ Рафаилу, то пойди завтра, отдохнувъ немного.

— Надо сегодня,—возразила Юдиѣ.— У меня усиливается лихорадка; въ Глусть врачъ предупредилъ меня, что мнѣ грозитъ тяжкая болѣзнь. Можетъ быть, завтра я уже буду безъ памяти и болѣе не встану... Вези меня къ большому дому на-супротивъ монастыря,—сказала она ямщику, который съ угрюмымъ видомъ стоялъ возлѣ лошадей.

— Знаю,—врачно отвѣтилъ онъ.—Ужъ заплачено, такъ надо везти. Но еслибы я зналъ въ Тарнополь, кто вы такая...

Онъ не договорилъ и такъ свирѣпо стегнулъ лошадей, что онѣ разомъ снялись съ мѣста и вынесли за ворота. Но на улицѣ, гдѣ стояло цѣлое море грязи, лошади снова потащились шагомъ. Молча сидѣла Юдиѣ, прижимая къ груди ребенка, и слышно было только по временамъ, какъ стучали ея зубы отъ лихорадки. Миріамъ снова принялась умолять ее отложить до завтра это тяжелое посѣщеніе.

— Вѣдь ты полумертвая,—съ отчаяніемъ восклицала старуха.

— Надо сегодня,—твердила несчастная женщина.—Но у меня начинаютъ путаться мысли, а нужно, чтобы хотя одна душа узнала мою исторію, пока я еще могу говорить. Преступникъ долженъ понести заслуженную кару. Выслушай, Миріамъ, какъ поступилъ со мною графъ... И она рассказала ей все въ короткихъ, отрывистыхъ словахъ. Миріамъ не совсѣмъ хорошо поняла; для нея было ясно только то, что Юдиѣ жестоко обманута.

— Бѣдное дитя!—говорила она, обнимая ее и рыдая. Когда повозка остановилась у дома Рафаила, старуха стала просить

Юдиѣ:—Пусти меня сначала поговорить съ нимъ, подготовить его.—Но та не хотѣла и слушать объ этомъ.

Однако, когда она вышла изъ повозки и увидѣла домъ, гдѣ прошли, подъ крыломъ родительскимъ, счастливые, спокойные годы ея жизни,—домъ, по которому она такъ часто и такъ мучительно тосковала на чужбинѣ,—ее покинули послѣднія силы, и она упала бы, не смотря на поддержку Мириамъ, если бы не схватился надъ нею болѣе сильный человекъ и не поддержалъ ее. Это былъ русинъ, кучеръ экипажа, стоявшаго передъ домомъ Трахтенберга.

— Деревянный ты, что-ли?—сердито закричалъ онъ еврейскому ящичку, который остался сидѣть на козлахъ и уже отъѣзжалъ отъ дома, не заботясь о двухъ женщинахъ. Еврей обернулся, насмѣшливо крикнулъ:

— Получай за нихъ съ Бога! уступаю тебѣ!—и скрылся въ туманѣ.

Юдиѣ снова собралась съ силами и, держа на рукахъ ребенка, вошла, въ сопровожденіи Мириамъ, въ сѣни, а потомъ, не стучась, отворила дверь въ кабинетъ своего отца. Въ полутемной комнатѣ, при свѣтѣ одной свѣчи, Рафаиль сидѣлъ за конторкой и писалъ письмо. Услыхавъ шумъ отворившейся двери, онъ обернулся, слабо вскрикнулъ и, поблѣднѣвъ, какъ мертвецъ, съ ужасомъ и отвращеніемъ уставился глазами на свою несчастную сестру, словно передъ нимъ стояло привидѣніе.

— Вонъ отсюда!—пробормоталъ онъ наконецъ.—Вонъ!—повторилъ онъ громче, указывая дрожащею рукой на дверь.

— Рафаиль!—съ рыданіемъ проговорила Юдиѣ и упала на колѣни возлѣ двери, гдѣ стояла. Мириамъ бросилась впередъ къ Рафаилу и, ухватившись за полу его одежды, съ отчаяніемъ закричала:

— Сжался! она пріѣхала на родину умирать!

Но онъ вырвался отъ нея и отступилъ къ двери въ смежную комнату. Страшно было глядѣть на него, когда онъ стоялъ съ поблѣднѣвшими, полуоткрытыми губами, съ блѣдныиъ, какъ воскъ, лицомъ, ища правою рукою ручку двери, а лѣвую запустивъ въ

свои черные, всклокоченные волосы; на лицѣ его былъ написанъ такой ужасъ и такое негодованіе, что старуха, трепеща, отступила назадъ. Такъ прошло нѣсколько секундъ; Юдиѣ не двигалась съ мѣста. Но ребенокъ ея вдругъ заплакалъ, и эти звуки какъ будто заставили Рафаила придти въ себя.

— Уведи ее отсюда,—закричалъ онъ Мириамъ хриплымъ, почти невнятнымъ голосомъ; казалось, слова съ трудомъ выходили изъ его сдавленнаго горла.—Ея доля наслѣдства лежитъ у бургомистра. Ей нечего дѣлать въ этомъ домѣ.

— Пощади! — молила Мириамъ. — Вы лежали подъ однимъ сердцемъ! Вспомни, что ей приготовлена могила между твоими отцомъ и матерью...

— Къ сожалѣнію! — кричалъ онъ, приходя въ неистовство. — Отцеубійца не заслуживаетъ этого.

Юдиѣ глухо простонала и стукнулась головою объ полъ. Ребенокъ выпалъ изъ ея рукъ и громко заплакалъ. Мириамъ бросилась къ нему.

— Рафаиль,—вскричала она, поднявъ ребенка,—пожалѣй невинное дитя!

Но онъ уже не слышалъ ея: онъ вышелъ изъ комнаты; Мириамъ осталась одна съ Юдиѣю, лежавшею безъ чувствъ.

— Помогите! — кричала старуха. — Отецъ небесный, сжапись надъ нею!

Зовъ ея былъ услышанъ. Дверь изъ сѣней отворилась, и вошелъ старый господинъ съ суровымъ смуглымъ лицомъ, съ сѣдыми волосами и усами. Это былъ докторъ Рейзеръ.

— Молчи,—приказалъ онъ старухѣ, которая, при видѣ его, раскричалась еще громче, но уже отъ радости. Докторъ наклонился къ Юдиѣ, лежавшей безъ чувствъ, и потомъ выпрямился, глубоко потрясенный; ему не нужно было спрашивать, кто эта женщина и зачѣмъ пришла сюда. Онъ торопливо выбѣжалъ за двери, позвалъ своего кучера и велѣлъ ему подать изъ экипажа

ящикъ съ аптечкой. Докторъ пріѣхалъ въ этотъ домъ къ комиссару Гросцѣ, жившему наверху. Когда кучеръ принесъ изъ экипажа аптечку, докторъ началъ приводить Юдию въ чувство съ помощью солей; ему помогли только кучеръ и Мириамъ. Старая Сарра, выглянувшая было въ отворенную дверь, со страхомъ убѣжала, когда Мириамъ стала звать ее.

Наконецъ Юдья открыла глаза, но докторъ тотчасъ понялъ, что сознание еще не возвратилось къ ней.

— Моя могила!—диво кричала она, стараясь вырваться изъ державшихъ ее рукъ:—Гдѣ моя могила?

Докторъ могъ усадить ее въ свою карету только послѣ того, какъ припадокъ немого стихъ.

— Везите ее ко мнѣ, просила Мириамъ; у меня теплая комната и хорошая постель.

Рейзеръ и не зналъ никакого другаго убѣжища; Юдья не приняла бы ни въ еврейскій, ни въ христіанскій госпиталь. Притомъ же домишко, гдѣ жила Мириамъ, находился всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его дома. Онъ приказалъ кучеру ѣхать въ Рошковку кратчайшимъ путемъ, мимо замка.

— Будь ты проклятъ!—вскричала старуха, когда они проѣзжали мимо освѣщенныхъ оконъ замка.—Вотъ, онъ пируетъ здѣсь со своими друзьями! Ему и горя мало, что его жертва, его ребенокъ погибаютъ!

Врачъ не возражалъ, вѣроятно, думая то же самое. Однако, оба они ошибались; если могло быть возмездіе, равное винѣ Барановскаго, то оно постигло его въ эту минуту. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету, терзаемый всѣми фуриями раскаянія и страха, и уже въ который разъ перечитывалъ только что полученное письмо изъ Ривы. Письмо было отъ Гани, извѣщавшей графа о событіяхъ послѣдняго времени, объ исчезновеніи своей госпожи, о томъ, какъ она, Ганя, уже просила сосѣдей искать въ озерѣ трупъ графини, когда одинъ кучеръ изъ Мори принесъ ей

съ Яномъ прощальный поклонъ отъ нея и подтвержденіе обща-
нія, что Янъ непремѣнно получить назадъ свои деньги.

„Не въ деньгахъ дѣло,“ прибавляла дѣвушка: „а въ томъ, что
обоихъ насъ мучаетъ забота о нашей госпожѣ и о милыхъ малюткѣ,
и мы убѣдительно просимъ васъ, графъ, вернуть насъ на родину“.

Поздно, — камень покотился! Ничего нельзя уже ни поправить,
ни скрыть. Смертельнымъ врагомъ его вернулась Юдиѣ на родину,
чтобы предать его позору. Графъ ходилъ по комнатамъ цѣлые часы,
какъ автоматъ, куда ноги не перестали служить ему, и блѣд-
ныя губы его, то громче, то тише твердили одно и то же:
„Поздно!.. поздно!“

XIII.

Въ тотъ же вечеръ сосѣди Рафаила узнали поразительную
новость, и на слѣдующее утро она переходила изъ устъ въ уста,
вызывая всеобщее изумленіе и ужасъ. Богъ наказалъ злоупотре-
бленіе его священнымъ именемъ; преступница раздавлена въ прахъ;
Юдиѣ Трахтенбергъ вернулась на родину нишею и безнадежно
больною; видѣвшіе ее люди утверждали, что она непремѣнно умереть.
Счетъ былъ сведенъ; ни состраданію, ни преслѣдованію не могло
быть болѣе мѣста. Всѣ хвалили Рафаила за то, что онъ не про-
тиводѣйствовалъ нарающей рукѣ Творца, и осуждали Миріамъ,
которая осмѣлилась сдѣлать это. Лучшие и болѣе мягкіе люди
говорили о ней:

„Она губитъ свою душу, прибавляя эту новую вину къ той
отвѣтственности, которая лежитъ на ней за ее собственное погиб-
шее дитя!“ Суровые и грубые судили иначе; движимые любопыт-
ствомъ, они съ ранняго утра осаждали домишко Миріамъ въ Рош-
ковѣ, стараясь увидѣть въ окно или въ отворенную дверь „жерт-
ву Божию“. Когда старуха, выйдя изъ комнаты, умоляла ихъ
разойтись или, по крайней мѣрѣ, говорить тише, чтобы не беспо-

воить больную, то уходили лишь немвогіе; большинство же съ угрозами напирало, крича:—стыдись! ты позоришь нашу общину.

Но бѣдная, слабая старуха, которая до тѣхъ поръ, въ сознаніи своего несчастья и своей бѣдности, готова была передъ всякимъ унижаться, лишь бы ей простили грѣхъ ея дочери, теперь не сдавалась. Гордо стояла она передъ толпой, и лицо ея сіяло такимъ же свѣтомъ, какъ наканунѣ вечеромъ, когда она по-няла, на что нужно было Богу ея раскаянье.

— Стыдитесь вы!—кричала она.—Вамъ ли, глупцамъ, судить о волѣ Божіей и о томъ, что въ его глазахъ позорно и что нѣтъ! Подите прочь, говорю вамъ.

И, должно быть, было что то въ ея лицѣ и въ ея словахъ, что дѣйствовало даже на самыхъ грубыхъ, потому что толпа отступила.

Правда, лишь на одну секунду. Потомъ кто-то крикнулъ:

— Развѣ не нашлось еще ни одного христіанина, который захотѣлъ бы на тебѣ жениться?—и наемъника разсѣяла обаянію. Но тутъ къ Миріамъ подошла помощь. Одинъ изъ старѣйшихъ общины, сѣдовласый Симонъ Трагманъ, проходя мимо дома Миріамъ, услышалъ шумъ и вступился за старуху.

— Уходите!—закричалъ онъ толпѣ.—Гдѣ Богъ говоритъ, тамъ люди должны молчать! Уходите, я требую этого имени вашего покойнаго благодѣтеля. Если была его воля на те, чтобы грѣшница покоилась рядомъ съ нимъ въ могилѣ, то, значить, онъ желалъ, чтобы она и скончалась съ миромъ.

Это подѣйствовало, и толпа очистила домъ, но осталась стоять на улицѣ, разговаривая вполголоса! Ее удерживало любопытство; хотя никто собственно не зналъ, чего онъ ждетъ, но каждый думалъ, что такіа неслыханныя дѣла должны же имѣть какія нибудь послѣдствія.

Однако, ожиданіе начинало уже казаться напраснымъ. Къ Миріамъ пришелъ только старый докторъ, который приходилъ уже

рано утромъ. Но прежде чѣмъ онъ ушелъ, къ домишку подѣхала карета, въ которой сидѣлъ бургомистръ. Увидѣвъ сборище, онъ съ трудомъ устоялъ передъ искушеніемъ произнести рѣчь; однако, онъ удержался, вспомнивъ, что пріѣхалъ навѣстить ввѣренную его опеку сироту, и вошелъ къ больной. Онъ вручилъ Мириамъ значительную сумму денегъ на уходъ и леченіе и освѣдомился у доктора Рейзера о положеніи больной. Но тотъ уклонился отъ положительнаго отвѣта, сказавъ только, что у Юдинои сильная нервная горячка, и что онъ не ручается за исходъ. Это дало предлогъ бургомистру выразить свое соболѣзнованіе въ краснорѣчивыхъ словахъ, а услышавъ звуки собственнаго голоса, онъ уже не могъ отказать себѣ въ удовольствіи слышать его подолѣе и потому встати сказалъ похвальное слово Мириамъ за ея сострадательность. Старуха перебила его просьбой не беспокоить больную, а докторъ Рейзеръ поступилъ еще энергичнѣе: онъ попросту взялъ Демосеена подъ руку и увелъ изъ дома.

Выходя, они увидѣли картину, которая вполнѣ вознаградила зѣвакъ за ихъ долгое терпѣніе. Изъ замка въ галопъ примчался экипажъ и шумно подкатилъ къ дому Мириамъ. Изъ него выскочилъ графъ Агеноръ, блѣдный, дрожащій отъ волненія, и бросился на встрѣчу къ двумъ вышедшимъ изъ дома мужчинамъ.

— Что съ нею?—въ волненіи проговорилъ онъ, схвативъ за руку врача.

Докторъ Рейзеръ нерѣшительно отвѣтилъ, и нельзя сказать, чтобы дружескимъ тономъ.

— Миѣ нужно къ ней!—вскричалъ Агеноръ.—Я сейчасъ же увезу ее въ замокъ,—ее и моего сына. Нельзя ни минуты долѣе оставлять ихъ здѣсь...!

— Гм! гм!—протяжно крикнулъ докторъ.—Объ этомъ нужно еще подумать... Вашъ видъ можетъ подѣйствовать на больную не совсѣмъ успокоительно...

Онъ не кончилъ,—въ сѣни выскочила Мириамъ и загородила графу дорогу.

— Вонъ отсюда!—закричала она.—Вонъ! — прибавила она тише, но съ непреклонною рѣшимостью.—Юдиень и ея ребенокъ останутся здѣсь...

— Тетушка,—сказалъ графъ просительнымъ тономъ,—я очень признателенъ вамъ за вашу сострадательность, но въ замкѣ лучшій воздухъ и лучше будетъ ухоть...

— Я не нуждаюсь въ вашей признательности,—почти шопотомъ произнесла старуха, съ усилениемъ сдерживаясь.—Не всякій можетъ быть такъ сострадателенъ, какъ вы... Но, повторяю вамъ, Юдиень останется у меня, и малютка также. Никто не можетъ ходить за нею лучше меня; а что касается воздуха, то—воздухъ въ вашемъ замкѣ, графъ, нехорошій: онъ губить людей...

— Но я стою на моемъ правѣ,—возразилъ Агеноръ.—Моя семья...

— Потише! — Старуха подошла къ нему еще ближе и чуть-внятно пробормотала:—ваша жена—хотите вы сказать? Не заставьте ли меня говорить...

Графъ попятился отъ нея и замолчалъ.

— Докторъ!—обратился онъ къ врачу умоляющимъ тономъ. Но тотъ покачалъ головой.

— Ничего не могу сдѣлать, графъ,—сказалъ онъ.—Уйдите, господа. Старуха нужна больной.

...Черезъ нѣсколько часовъ, въ городѣ распространился слухъ, что Юдиень умерла. Народъ сотнями повалилъ въ Рошковку, чтобы убѣдиться въ этомъ, но извѣстie оказалось ложнымъ. Можетъ быть, слухъ этотъ возникъ и повторился въ послѣдующіе дни лишь потому, что никто не вѣрилъ возможности выздоровленія несчастной: Богъ осудилъ ее, могила уже ждала, — значить, только и оставалось, что умереть. Однако, Юдиень не умерла, и врачъ сообщалъ съ каждымъ днемъ все болѣе успокоительныя извѣстія тѣмъ, кто освѣ-

домлялся о ней. Это привело въ беспокойство, какъ евреевъ, такъ и христіанъ: вѣдь если она останется въ живыхъ, то счетъ не будетъ сведенъ; какъ же тогда судить о ней? Какъ относиться къ ней? Впрочемъ, въ городѣ существовалъ только одинъ человѣкъ, который, дѣйствительно, отъ всего сердца желалъ ей смерти: это былъ Людвигъ Вроблевскій. Выздоровленіе ея грозило его личной безопасности; графа ему нечего было бояться, — но если бы еврейка выздоровѣла и подала жалобу Гросцѣ, то спокойной и пріятной жизни Вроблевскаго наступилъ бы конецъ: онъ попалъ бы въ болѣе тѣсное помѣщеніе, чѣмъ его покой въ замкѣ, а увѣренность, что виѣствъ съ нимъ пострадалъ бы и Барановскій, была не большимъ утѣшеніемъ. Поэтому, чѣмъ благопріятіе были извѣстія о больной, тѣмъ бессоннѣе становились ночи бывшего комиссара; а когда, черезъ три недѣли по возвращеніи Юдиен, пришло извѣстіе, что она уже встала съ постели, — Вроблевскій попросилъ у графа свиданія. Хотя Агеноръ и терпѣлъ его въ своемъ домѣ и не рѣшался отказывать до сихъ поръ въ исполненіи даже самыхъ дерзкихъ его требованій, но единственнымъ свиданіемъ ихъ было то, которое произошло въ январѣ, тотчасъ по возвращеніи графа, и ознаменовалось весьма непріятнымъ объясненіемъ. Агеноръ избѣгалъ встрѣчаться съ нимъ, предоставляя имѣть съ нимъ дѣло своему повѣренному, когда это было необходимо. „Онъ уже изъ одной трусости, думалъ комиссаръ, не рѣшится отказаться отъ свиданія со мною“. Однако, онъ ошибся, — Агеноръ отказался. Тогда Вроблевскому пришлось прибѣгнуть къ перу. Живыми красками изображалъ онъ въ своемъ письмѣ ходячіе слухи о мнимомъ бракѣ, — слухи, уже ранѣе распространившіеся въ дворянскихъ кружкахъ, теперь же, со времени возвращенія Юдиен, извѣстные каждому на десять миль въ окружности. Въ истинѣ ихъ никто не сомнѣвается, и непонятно, что Гросца до сихъ поръ не обратилъ на нихъ вниманія. Но что будетъ, когда заговоритъ сама Юдиень? Ему самому, заключалъ онъ, не грозитъ никакой опасности, и только непоколебимая

дружба къ графу внушаетъ ему это предостереженіе. Однако, и это трогательное письмо осталось безъ отвѣта; когда же Вроблевскій обратился за объясненіемъ къ повѣренному, тотъ отвѣчалъ: „графъ увѣренъ, что ему нечего бояться матери своего ребенка; если Юдионъ заговоритъ, то это навлечетъ непріятность прежде всего на пана Вроблевскаго, тѣмъ болѣе, что и показанія Игнатія Трудки выяснятъ, что пану Вроблевскому принадлежитъ главная роль въ этихъ некрасивыхъ событіяхъ. Означенный Трудка уже отдалъ себя въ распоряженіе графа съ этою цѣлью“.

Нехорошія минуты пережилъ комиссаръ, читая этотъ отвѣтъ. Не получая болѣе требованій изъ Могилева, онъ совсѣмъ пересталъ посылать деньги Трудкѣ и присвоивалъ ихъ себѣ сполна, а тутъ вдругъ этотъ человѣкъ снова всплываетъ!.. „Ба!—заклучилъ онъ, однако,—если графъ не боится, то чего же мнѣ-то бояться? Ему грозить потеря чести, а мнѣ право, въ дѣлѣ чести нечего терять“. Но на душѣ у него отъ этого не стало легче.

Едва ли, впрочемъ, онъ вѣрно понималъ положеніе графа; многіе были того мнѣнія, что и Барановскому уже нечего было терять. Возвращеніе Юдиона возродило и обострило ходившіе на счетъ его неблагопріятные слухи; находили ли люди его сословія, что онъ слишкомъ поцеремонился съ еврейкой, порицали ли они его средства, — во всякомъ случаѣ, всѣ единогласно осуждали его. Но эта опала, глубоко огорчившая его въ первыя недѣли по возвращеніи, стала казаться ему потомъ ничтожной, въ сравненіи съ тяжелыми нравственными страданіями, которыя онъ переживалъ: съ глодавшими его душу угрызениями совѣсти, съ мучительнымъ страхомъ суда. Все, что было хорошаго и дурного въ его натурѣ, содѣйствовало этимъ душевнымъ мукамъ: любовь его къ несчастной женщинѣ, горячее желаніе загладить свою вину и возстановить себя въ собственномъ мнѣніи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и то ложное, внѣшнее понятіе о чести, которое заставляло его когда-то считать всякое преступленіе болѣе простительнымъ, чѣмъ женитьба на еврейкѣ.

„Она не должна умереть! — кричалъ онъ, вѣсь себя отъ тревоги, старому врачу, котораго посѣщалъ каждый день въ это тяжелое время, — и не должна обвинять меня!“ — прибавлялъ онъ съ неменьшею страстностью, быть можетъ, и самъ не отдавая себѣ отчета, что болѣе страшить его изъ этихъ двухъ случаевъ. Докторъ Рейзеръ, относившійся къ нему вначалѣ довольно сурово, постепенно сжалился надъ его муками и сдался на его просьбы, когда графъ сталъ умолять его взять на себя роль посредника между нимъ и Юдиѣю и помочь ему выполнить планъ, который онъ составилъ еще до возвращенія на родину.

Но при всей осторожности, съ которой докторъ приступилъ къ этой попыткѣ, блѣдныя щеки выздоравливающей, при первомъ же намекѣ его, покрылись краской, и она протянула руку, чтобы заставить его молчать.

— Не говорите, — вскричала она: — я не довольно еще окрѣпла, чтобы слушать объ этомъ. Если мои силы окрѣпнутъ, тогда я подумаю и о немъ...

— Чтобы погубить его, — грустно замѣтилъ старикъ.

— Чтобы исполнить мой долгъ передъ собою, передъ моимъ ребенкомъ и моимъ братомъ, — возразила она. — О, вы еще не знаете, какъ велика его вина передо мною! Онъ хотѣлъ отнять у меня даже мое наслѣдство!

— Этого не можетъ быть! — возразилъ врачъ.

— Я говорю о моей могилѣ, — запальчиво вскричала Юдиѣ, — о лучшемъ, что мнѣ остается... Ахъ! это болѣе, чѣмъ я смѣла вадѣяться... Что вы такъ странно смотрите на меня, докторъ? Голова моя совсѣмъ ясна, и я все понимаю какъ нельзя лучше; понимаю и трусость, и порочность его! О, какъ велика, какъ велика его вина!

— Оставимъ этотъ разговоръ, — успокоительно сказалъ Рейзеръ, беря ея руку. — Я вижу, что вы ненавидите его, и мнѣ тутъ нечего вмешиваться.

— Да, я ненавижу его, — глухо сказала Юднѣ, — но, я справедлива къ нему. Что онъ обманулъ меня для того, чтобы обладать мною, — это я еще могу понять, и могла бы даже простить. Гдѣ ему было узнать, что и еврейка также человѣкъ, что у нея могутъ быть сердце и честь? Мнѣ извѣстно, къ тому же, что этотъ негодяй, Вроблевскій, подстрекалъ его и всячески расчищалъ для него дорогу, стараясь заглушить его совѣсть. Наконецъ, онъ дѣйствительно любилъ меня по своему... Я понимаю даже гнусный обманъ, даже мнимый бракъ, на который подстрекнулъ его этотъ негодяй... Вѣдь онъ — Барановскій! Это казалось ему единственнымъ исходомъ. Онъ отнялъ у меня честь, отнялъ доброе имя, но далъ мнѣ взамѣнъ то, что могъ дать: свое покровительство, свою вѣрность, свои заботы обо мнѣ. Но онъ отнялъ у меня другое, еще болѣе священное благо, котораго не могъ вознаградить: мою вѣру, взамѣнъ которой онъ далъ мнѣ нѣсколько капель воли изъ руки обманщика. И это послѣднее преступленіе даже не должно было казаться ему необходимымъ. Онъ опасался, что иначе у меня явится подозрѣніе; но развѣ это оправданіе? Развѣ въ правѣ человѣкъ отнимать у другаго то, что есть самаго священнаго, лишь въ свое успокоеніе, для того, чтобы вина его не могла открыться? И какъ легко было бы ему обезпечить себя съ этой стороны другими способомъ! Онъ зналъ, какъ слѣпо я вѣрила ему; ему ничего не стоило бы увѣрить меня, что креститься нѣтъ пока необходимости, — и преступленіе стало бы излишнимъ. Но онъ и не подумалъ объ этомъ. Еврейка! — развѣ у нея можетъ быть религиозное чувство? Развѣ ей нужна вѣра? А когда я сказала ему, что нужна, когда онъ увидѣлъ, въ какихъ холодныхъ потемкахъ бродитъ мой умъ, и какъ я изнываю по свѣту и теплу, — ему стало неловко, онъ вспомнилъ о своемъ преступленіи. Но это было единственное чувство, которое оно пробудило въ немъ.

— А что же онъ сталъ бы дѣлать въ противномъ случаѣ?

Крестить васъ по настоящему, или обратить въ свою вѣру безъ этой формальности? Развѣ это было бы простительнѣе?

— По моему—да!—твердо возразила Юдионъ.—Будь я католичкой, это было бы теперь для меня страшнымъ несчастіемъ, но его вина въ моихъ глазахъ была бы меньше. Однако, слушайте далѣе! Когда я узнала, что отецъ мой умеръ, и поняла, что я его убійца; когда душа моя изнывала въ такомъ горѣ, какое Всевышній рѣдко кому посылаетъ въ испытаніе, я стала умолять любимаго человѣка: „Скажи мнѣ истину, сжапись надо мною! Я хочу чтить память моего отца и молиться о его душѣ по нашему обряду, иначе я съ ума сойду!“—А онъ опять солгалъ! Что же, у васъ и на это есть оправданіе?

— Нѣтъ,—отвѣчала докторъ,—не оправданіе, а искупленіе. Вы уже знаете, конечно, отъ вашей сидѣлки о намѣреніяхъ графа Агенора. Едва онъ узналъ о вашемъ возвращеніи, какъ примчался сюда за своею женой и за своимъ сыномъ, чтобы на глазахъ всѣхъ увести ихъ въ свой замокъ... Что же вы такъ поблѣднѣли? Развѣ это скрыли отъ васъ?!

Дѣйствительно, вся браска сбѣжала съ лица Юдионъ, голова ея упала на спинку стула, поблѣвшія губы открылись. Она тяжело дышала.

— Это ничего,—прошептала она, когда докторъ съ безпокойствомъ взял ея руку.—Мириамъ рассказывала мнѣ, но я поняла иначе...

— Что же вы скажете теперь, когда знаете, какъ это надо понимать? Графъ обвиняется съ вами тотчасъ же послѣ вашего крещенія. Такъ мнѣ поручено передать вамъ.

Она все еще тяжело дышала и не открывала глазъ; губы ея подергивались какъ бы отъ сдержанныхъ слезъ.

— Вы были неготовы къ этому,—сказалъ докторъ, вставая.—Я приду за отвѣтомъ завтра.

Она продолжала молчать. Докторъ глядѣлъ на нее и видѣлъ,

что лицо ея дѣлается спокойнѣе, какъ будто застываетъ; вѣки оставались опущенными, и двѣ крупныя слезы скатились по щекамъ; но брови сдвигались все мрачнѣе и мрачнѣе. Не отрывая глазъ, она дала свой отвѣтъ, тихо покачавъ головой.

— Какъ это понимать?—пробормоталъ онъ, оторопѣвъ.—Вы отклоняете?

— А какъ же иначе?.. Вѣдь это то же, что желать воскресить мертвыхъ... Я подумала: какое было бы счастье, если бы онъ раньше согласился на это добровольно! и эта мысль вызвала у меня слезы... Но теперь, когда онъ хочетъ сдѣлать это только изъ страха передъ судомъ...

— Поговорите съ нимъ, и вы убѣдитесь въ искренности его раскаянія... Подумайте, наконецъ, о ребенкѣ! Ради него одного, вы не въ правѣ отказываться. Будетъ ли вашъ сынъ наследникомъ Барановскаго, или...—Онъ остановился.—Простите, но и это нужно взвѣснить...

Дѣйствительно, она какъ будто забыла объ этомъ. Глаза ея машинально обратились въ тотъ уголокъ, гдѣ стояла кофимелька ея мамутки; мышцы губъ снова стали судорожно подергиваться, и глаза наполнились слезами.

— Я не стану болѣе мучить васъ,—сказалъ врачъ, берясь за шляпу.—Спросите свою совѣсть и тогда примите ваше рѣшеніе. Завтра я опять зайду.

Онъ ушелъ.

— Я полагаю, что завтра вы получите ея согласіе, сказалъ онъ графу, отдавая ему отчетъ въ этомъ разговорѣ. А такъ какъ вы оба молоды, то все еще можетъ наладиться хорошо.

Агеноръ мрачно уставился глазами въ полъ.

— Если только вы не ошибаетесь, сказалъ онъ.—Если ея ненависть ко мнѣ не пересилитъ любви къ ребенку...

— Этого я не думаю,—возразилъ докторъ.—Вѣдь она еврейка,

а чего не сдѣлаетъ еврейка для своего дѣтища? Я, по правдѣ сказать, только на этомъ основываю всѣ мои надежды, ибо на нее не можетъ дѣйствовать то, что подѣйствовало бы на заурядный характеръ: житейская мудрость, личная выгода, желаніе возбуждать зависть; все это чуждо ей и, объ этомъ она и не подумаетъ.

Перев. А. Каррикъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РУССКІЕ ЕВРЕИ ВЪ АМЕРИКѢ¹.

ЭМИГРАЦИОННЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ АМЕРИКѢ.—ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ НА АМЕРИКАНСКОЙ ПОЧВѢ.—ФОНДЪ ВАРОНА ГИРША.

IV.

Разсмотримъ, напр., причины массовой эмиграціи.

Какъ это ни невѣроятно и ни печально, но между евреями и до сихъ поръ господствуетъ крайнее невѣжество о судьбѣ эмигрантовъ въ АмерикѢ. Если уже перестали считать Америку страню, текущею млекою и медомъ, землею, гдѣ золото валется на улицахъ, гдѣ «халэсъ» растутъ на фонаряхъ, а «кидэшъ»—настойка—проведена посредствомъ трубъ въ каждую квартиру, то и еще доннѣ воображаютъ, что тамъ легко зарабатывать, что, разъ человѣкъ ступилъ на почву Колумби, онъ уже обезпеченъ, хоть бы онъ не имѣлъ денегъ, не зналъ никакого ремесла и не имѣлъ особыхъ способностей.

Еще и теперь тысячами прибываютъ въ порты Соединенныхъ Штатовъ эмигранты—цѣлыя семейства, часто безъ одного цента—совершенно негодные для американской жизни, безъ знанія ремесла, безъ способности работать, имѣя въ карманѣ только . . . адреса нѣсколькихъ знакомыхъ.

Судьба этихъ людей незавидна. Если правительство не отсылаетъ ихъ обратно тѣмъ-же пароходомъ, они падаютъ бременемъ на своихъ знакомыхъ и на комитеты. Спустя нѣкоторое время, имъ приходится или умирать съ голоду, или взять котомку на плечи и начать «ходить» торговать, педлеровать — тоже родъ нищенства. Болѣе здорové садутъ за машину и рады, когда за 12—14

¹ См. „Восходъ“, кн. X.

часовую работу могутъ заработать на сухой хлѣбъ и плату за свой чердакъ. Если американцы не имѣютъ работы, какъ ее могутъ достать «зеленые»; если по временамъ въ Нью-Йоркѣ находятъ отъ 15-ти до 20-ти тысячъ людей безъ крова, если на одно объявленіе, требующее бухгалтера, объявитель получилъ (а это не единственный фактъ) 960 отвѣтовъ, если около всѣхъ фабрикъ, заводовъ, лавокъ и т. д. каждое утро толпятся сотни людей, съ «выраженіемъ надежды и муки» ожидающіе, пока хозяинъ потребуетъ хоть одного изъ нихъ—то что же остается бѣднымъ эмигрантамъ—оборваннымъ, голоднымъ, безъ языка и знанія страны, безъ ремесла и занятія?.. Знаютъ-ли все это *ест* эмигранты, съ легкимъ сердцемъ и еще болѣе легкимъ карманомъ отправляющіеся въ страну долларовъ? Едва-ли.

Будутъ старики, больные, хилые; будутъ бѣдняки, не ремесленники, не рабочіе; будутъ привыкшіе къ комфорту и безбѣдной жизни; будутъ гордые обладатели аттестатовъ зрѣлости, неспособные ни къ чему, развѣ только давать уроки и зубрить латынь; бѣгутъ кандидаты правъ и дѣйствительные студенты; несутся цѣлыя семьи, еле собирающія достаточно средствъ, чтобы заплатить за свой проѣздъ; отправляются люди, оставившіе обезпеченное положеніе ради — какъ выразился одинъ изъ нихъ *идеалистическою* стремленія въ страну равенства и т. д.; однимъ словомъ,—будутъ тысячи, десятки тысячъ, которые не должны были бы вѣхать, которымъ нечего ожидать въ новой странѣ, которые сдѣлали бы лучше, если бы остались тамъ, гдѣ они были.

Поѣдетъ какой-нибудь ремесленникъ, или просто энергическій и ловкій человекъ, который въ «чертѣ» трижды въ день съ голоду умиралъ и весь свой вѣкъ не зналъ хорошаго обѣда или порядочной одежды; провалится онъ нѣсколько мѣсяцевъ, или даже больше, въ Нью-Йоркѣ и, конечно, ничего домой не пишетъ; наконецъ, посчастливилось ему достать работу, и вотъ нашъ Янкель деръ Шнейдеръ или Тодресъ деръ Шамесъ покупаетъ себѣ подержанный пиджакъ и шляпу, беретъ толстую золотую цѣпь и часы на выплату за цѣну въ 4 раза превышающую настоящую ея стоимость, снимается и посылаетъ своимъ знакомымъ въ Ушипкахъ и т. д. жестяную карточку съ письмомъ, что, дескать, я зарабатываю 1 р. 50 к. въ день, живу въ комнатѣ съ мягкой ме-

белю, кушаю бѣлый хлѣбъ и 2 раза въ день мясо, и при семь посылаю 5 рублей, для своей жены.

Онъ, конечно, умалчиваетъ, что заработокъ его не значить то, что 1½ руб. въ Ушишкахъ, а есть просто 70 центовъ въ день, да и то 2—3 дня въ недѣлю онъ «стопаеть»; забываетъ онъ также прибавить, какъ трудно ему удалось достать и эту работу, а также и то, что его «этажъ» восьмой или десятый, и что мясо и хлѣбъ, употребляемые имъ, — «съ душкою». Для него и это хорошо, къ лучшему онъ и не привыкъ; но... но за нимъ и чрезъ него тянутся еще десятки и сотни, которые дома привыкли и къ лучшей жизни, и которымъ, если даже удастся достигнуть подобнаго идеала, то онъ покажется не особенно-то сладкимъ.

Нельзя сказать, что всѣмъ худо, что никто не долженъ вѣхать. Первое будетъ невѣрно, на второе никто права не имѣть. Бываютъ обстоятельства и времена, когда невозможно остаться и волей-неволей приходится уѣзжать даже съ самой печальной перспективой; но только въ такихъ случаяхъ эмиграція позволительна и то—послѣ тщательнаго обсужденія предпринимаемаго шага. Многимъ отдѣльнымъ личностямъ, можетъ быть, и живется болѣе или менѣе сносно и хорошо въ Соед. Штатахъ, *массъ* же—худо, трудно, тяжело, горько... И это необходимо знать. Если бы желающіе эмигрировать *знали* это, если бы они вполне понимали прежде, чтѣ ихъ ожидаетъ — только тѣ бы эмигрировали, которые могутъ пристроиться, которые болѣе способны, которые долго приготавлиются къ поѣздѣ, изучаютъ языкъ, ремесло или скопили средства для будущей борьбы съ обстоятельствами въ новой странѣ.

Такимъ образомъ, первымъ необходимымъ шагомъ къ разрѣшенію еврейскаго эмиграціоннаго вопроса въ Америкѣ, это—*распространеніе точныхъ свѣдѣній и знаній* объ Америкѣ и положеніи рабочихъ и др. классовъ въ различныхъ ея городахъ. Только такое знаніе эмигрантомъ ожидающей его судьбы прекратитъ *массовую* эмиграцію, которая сопряжена съ такими жертвами для эмигрирующихъ и такъ опасна уже поселившимся прежде эмигрантамъ.

Распространеніе такихъ извѣстій должно бы исходить отъ американскихъ евреевъ, отъ комитетовъ, а также отъ самихъ рус-

сихъ эмигрантовъ въ АмерикѢ, что до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не дѣлается.

Второе рѣшеніе эмиграціоннаго вопроса—это *урегулированіе* эмиграціи.

V.

Не всегда эмигрантамъ худо по ихъ собственной винѣ, не вездѣ имъ трудно устроиться по неспособности. Многие могли бы достать выгодное занятіе, если бы знали, гдѣ оно и куда ѣхать, и какъ и когда искать работу. Многие ремесленники умираютъ съ голоду, не зная, что, поѣзжай они въ извѣстный городъ, они могли бы выгодно примѣнять свой трудъ. Нѣкоторыя занятія требуются только въ извѣстныхъ мѣстахъ или штатахъ. Большею части эмигрантовъ северно потому, что они поселяются въ Нью-Йоркѣ въ то время, когда въ меньшихъ городахъ имъ жилось бы довольно сносно. Для того чтобы

во 1-хъ, удержать людей, не годныхъ для американской жизни, отъ эмиграціи;

во 2-хъ, чтобы предотвратить дальнѣйшее сконцентрированіе эмиграціи въ Нью-Йоркѣ и др. большихъ городахъ;

въ 3-хъ, чтобы, еще прежде прибытія въ порты Соединенныхъ Штатахъ, распределить эмигрантовъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ, по ихъ специальнымъ способностямъ, имъ легче пристроиться;

въ 4-хъ, чтобы дать собирающимся эмигрировать возможность разузнать объ ихъ назначеніи и судьбѣ;

въ 5-хъ, чтобы оберечь эмигрантовъ отъ послѣдствій ихъ незнанія языка и дороги и еще въ Европѣ охранить отъ обмановъ разныхъ агентовъ и т. под. людей, и

въ 6-хъ, дать возможность комитетамъ контролировать эмиграцію и уменьшать нужду и бѣдность до возможнаго,

необходимо *урегулированіе эмиграціи*, какъ оно было очерчено въ проектѣ, который пишушій эти строки внесъ въ комитетъ фонда барона Гирша, въ сентябрѣ прошлаго года. Проектъ во многомъ идентиченъ съ планомъ урегулированія эмиграціи, представленнымъ редакціей «Восхода» въ № 42, 43 и 44 «Хроника» за 1890 годъ.

Я думаю, что я дамъ читателю наилучшее представленіе мо-

его проекта, когда процитирую здѣсь тѣ передовыя статьи, отъ которыхъ мой проектъ отличается только болѣе *детальной* обработкой для приложенія на практикѣ. Вотъ что говорится, между прочимъ, въ этихъ статьяхъ:

«Помню того, что дѣлается и что должно дѣлать въ самой Америкѣ— куда все еще направляется $\frac{9}{10}$ всѣхъ русско-еврейскихъ эмигрантовъ— о чемъ рѣчь будетъ впереди, помню этого, говоримъ мы, надо что-нибудь сдѣлать уже на первомъ, такъ сказать, этапномъ пунктѣ, гдѣ начинаются бѣдствія и мытарства эмигрантовъ. Такимъ этапнымъ пунктомъ являются пограничныя прусскія и австрійскія мѣстечка, чрезъ которыя направляются русско-еврейскіе выходцы. Въ этихъ-то этапныхъ пунктахъ необходимо имѣть дѣльныхъ и толковыхъ людей, которые сумѣли бы подвергнуть эмигрантовъ тщательной сортировкѣ, содѣйствовать дальнѣйшему путешествію тѣхъ, которые составляютъ собою элементъ, пригодный для американской жизни, и, напротивъ того, удержатъ всѣми мѣрами отъ такого путешествія тѣхъ, которые въ Америкѣ ничего для себя ждать не могутъ. Разъ рѣшено единственныхъ пособій не давать, а употреблять ищющіяся средства для того контингента лицъ, изъ которыхъ можетъ выработаться типъ, подходящий для американскихъ жизненныхъ условій, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, если это возможно, устроить такъ, чтобы на тѣхъ, которые не подходятъ подъ этотъ типъ, не напрасно тратились средства (все равно, ихъ ли собственныя, или же суммы того или другого благотворительнаго учрежденія) на поѣздку въ Нью-Йоркъ, чтобы валаться на улицахъ этого города въ грязь и нищету и погибнуть отъ голода и холода. Если ужъ такому субъекту суждено бѣдствовать, то пусть онъ хоть не разорится окончательно и не потратить своихъ скудныхъ крохъ на совершенно напрасную переправу чрезъ океанъ. Это должно быть первымъ дѣломъ тѣхъ уполномоченныхъ отъ комитетовъ лицъ, которыя будутъ находиться на этихъ первыхъ пунктахъ. Въ то же время эти уполномоченные должны являться противобѣсомъ тѣмъ, заслужившимъ уже столь печальную извѣстность, агентамъ, которые обираютъ несчастныхъ эмигрантовъ. Парализуя дѣйствія этихъ агентовъ и сами помогая эмигрантамъ ориентироваться въ условіяхъ предстоящаго имъ путешествія, уполномоченные этииъ самымъ сэберегутъ для нихъ— и въ то же время, значить, и для заботящихся о нихъ комитетовъ, къ которымъ эмигранты въ концѣ концовъ все равно прибѣгаютъ—тѣ суммы, которыя теперь попадаютъ въ карманы недобросовѣстныхъ аферистовъ. Помню того, у этихъ уполномоченныхъ должны быть сосредоточены свѣдѣнія о томъ, куда можно удобнѣе помѣстить въ качествѣ рабочихъ или, вообще, пристроить тотъ или другой контингентъ эмигрантовъ для того, чтобы послѣдніе уже кратчайшимъ путемъ могли бы туда отправиться и не тратить лишніиъ средствъ на разныя остановки и объѣзды».

Въ слѣдующей статьѣ «Хроники» мы читаемъ вотъ что:

«Такъ какъ американскіе комитеты рѣшились употребить свои средства не на временную помощь эмигрантамъ, а на то, чтобы создать для нихъ что-нибудь прочное, обезпечивающее ихъ въ будущемъ, то соотвѣтственно этому и долженъ быть, конечно, тотъ контингентъ эмигрантовъ, которыхъ комитеты эти могутъ взять на свое попеченіе. Само собою разумѣется, что контингентъ этотъ могутъ составить только либо ремесленники, либо вообще люди, способные къ болѣе или менѣе тяжелому физическому труду. Согласно съ этимъ, и уполномоченные отъ комитетовъ, которые будутъ находиться въ пограничныхъ прусскіихъ и австрійскихъ мѣстечкахъ, для устройства эмигрантовъ въ Америкѣ при помощи комитетовъ, будутъ, конечно, избирать исключительно лицъ, принадлежащихъ къ только что упомянутой категоріи. Этихъ лицъ уполномоченные и выдадутъ нѣчто въ родѣ удостовѣренія, дающаго имъ право на вниманіе и поддержку со стороны американскихъ комитетовъ, и съ ними, и только съ ними, комитеты и будутъ считаться. На тѣхъ же эмигрантовъ, которые явятся въ Америку безъ такихъ удостовѣреній уполномоченныхъ, американскіе комитеты не должны обращать никакого вниманія. Не поощрять же имъ, въ самомъ дѣлѣ, педлерство, торговашество и т. п. промыслы. Но относительно значенія этихъ удостовѣреній, эмигранты должны быть предупреждены всевозможными способами. Ихъ должны объ этомъ предупреждать устно—уполномоченные въ пограничныхъ пунктахъ, и печатно—какъ чрезъ еврейскія газеты, такъ, главнымъ образомъ, чрезъ бросающіеся въ глаза удобочитаемые и удобопонятные для массы плакаты на русскоиъ, нѣмецкомъ языкахъ и всего больше, разумѣется, на жаргонѣ. Такіе плакаты должны быть раздаваемы эмигрантамъ въ пограничныхъ пунктахъ и расклеены на видныхъ мѣстахъ на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, по ляніямъ, ведущимъ отъ границы въ портовыхъ городахъ—Гамбургу, Бремену и др., и, вообще, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бывають часто большія или меньшія сборища эмигрантовъ. Въ плакатахъ особенно ясно и категорически должно быть изложено, что лица, отправляющіяся въ Америку безъ удостовѣренія комитетскихъ уполномоченныхъ, ни подъ какимъ видомъ не могутъ ожидать какой-либо помощи отъ американскихъ комитетовъ. Такого рода предупрежденія, выраженные, какъ мы уже сказали, въ самой рѣзкой, категорической формѣ, безъ сомнѣнія, удержатъ, если и не всѣхъ, то, во всякомъ случаѣ очень многихъ отъ рискованнаго отправленія чрезъ океанъ—въ надеждѣ на помощь и содѣйствіе со стороны американскихъ благотворителей и Гиршевскаго фонда, и во всякомъ случаѣ эти послѣдніе не будутъ имѣть на совѣсти бѣдствія и страданія тѣхъ, которые не послушались столь категорическихъ предостереженій.

«Массовое скопленіе эмигрантовъ въ Нью-Йоркѣ—совершенно основательно говорится далѣе въ этой же передовой статьѣ «Хроники»,—это одно изъ наиболѣе важныхъ золь, на которое особенно жалуются американскіе еврейскіе дѣятели, близко принимающіе къ сердцу участь русско-еврейскихъ выход-

цевъ. Но и это зло также можетъ быть значительно ослаблено при посредствѣ пограничныхъ комитетскихъ уполномоченныхъ, и тѣмъ радикальнѣе, чѣмъ въ большемъ числѣ пограничныхъ пунктовъ будутъ находиться такіе уполномоченные. Необходимо установить такой порядокъ, по которому изъ пограничныхъ пунктовъ извѣстное число и извѣстная категория эмигрантовъ—изъ тѣхъ, разумеется, которые могутъ рассчитывать на помощь американскихъ комитетовъ,—должны отправиться въ путь лишь тогда, когда уполномоченными на этихъ пунктахъ будутъ получены свѣдѣнія, что такое именно число лицъ данной категории можно будетъ пристроить. Остальнымъ же лучше выжидать въ маленькихъ пограничныхъ мѣстечкахъ, гдѣ и помѣщеніе, и пропитаніе дешевле, чѣмъ, до приисканія подходящаго для нихъ дѣла, валяться въ сырыхъ нью-іоркскихъ подвалахъ и птаться Вогъ-вѣсть чѣмъ, и притомъ за несравненно болѣе дорогія цѣны. При такомъ порядкѣ, въ Нью-Йоркѣ не будетъ уже никакого скопленія эмигрантовъ и не повторятся уже тѣ безобразія, которыя связаны съ припоминательнѣмъ Кастель-Гарденомъ; а тѣ, которые прибудутъ въ заранѣе определенномъ американскими комитетами числѣ, тотчасъ же, безъ всякой остановки въ Нью-Йоркѣ, могутъ быть размѣщены по заранѣе определеннымъ мѣстамъ.

«Установивъ такой порядокъ передвиженія эмигрантовъ, американскіе комитеты уже будутъ имѣть дѣло не только съ гораздо меньшимъ контингентомъ ихъ, но, вдобавокъ, съ такимъ контингентомъ, который болѣе или менѣе подходитъ для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя комитеты эти поставили себѣ, въ дѣлѣ устройства русско-еврейскихъ выходцевъ. У комитетовъ этихъ тогда будетъ и больше средствъ, и больше времени для осуществленія самыхъ существенныхъ задачъ, которыя они поставили или должны поставятъ себѣ по отношенію къ русско-еврейскимъ эмигрантамъ».

Резюмируя все выше сказанное, урегулированіе эмиграціи должно состоять въ учрежденіи главнаго эмиграціоннаго бюро въ Гамбургѣ, съ отдѣленіями въ другихъ портахъ и съ агентами въ нѣсколькихъ пограничныхъ городахъ и мѣстечкахъ. Дѣятельность бюро во всѣхъ его отдѣленіяхъ и отрасляхъ была бы слѣдующая:

1. Распространять свѣдѣнія объ Америкѣ.
2. Давать совѣты желающимъ эмигрировать и удерживать отъ эмиграціи всѣхъ, неспособныхъ для нея.
3. Оберегать эмигрантовъ отъ обмановъ въ пути.
4. Регулировать эмиграцію по сообщеніямъ изъ Соединенныхъ Штатовъ и направлять эмигрантовъ только туда, гдѣ въ данное время они могутъ достать занятіе, и гдѣ мѣстные евреи могутъ имъ помочь.

5. Еще въ Европѣ организовать партіи, которыя легче и скорѣе могутъ колонизироваться.

Что подобный планъ рационаленъ и принесъ бы большую пользу, не сомнѣвается никто изъ читавшихъ его; что онъ практиченъ и удобенъ для исполненія въ этомъ, я думаю, не сомнѣваются и читатели.

Почему этотъ планъ, который во всякомъ случаѣ значительно облегчилъ бы разрѣшеніе еврейскаго эмиграціоннаго вопроса въ Америкѣ, не былъ принятъ комитетомъ Фонда барона Гирша, читатель увидитъ изъ слѣдующей главы. Я хочу только прибавить, что если планъ необходимъ, рационаленъ и практиченъ,—то я не вижу, почему бы эмигрантамъ оставлять инициативу американскимъ евреямъ,—которые, въ сущности, достаточно обременены заботой о тѣхъ, которые уже тамъ,—и не взять ее на себя, сформировавъ общество, подобное «Палестинскому». Вѣдь отъ американской эмиграціи зависитъ судьба *большаго* числа людей, и подобное общество могло принести больше пользы. Притомъ подобное урегулированіе эмиграціи могло бы *ничего не стоить обществу*, которое могло бы деньгами, собираемыми имъ отъ обыкновенной комиссiи, даваемой пароходными компаніями всѣмъ агентамъ, не только покрыть *всю* расходу бюро съ его отдѣленіями, но и еще собрать *довольно значительную сумму* для устройства колоніи и обзаведенія колонистовъ.

в. Американскій фондъ барона Гирша.

І.

Я долженъ предупредить читателя, что окончательное мнѣніе объ этомъ фондѣ и его приложеніи къ дѣлу еще рано формулировать, въ виду того, что этотъ фондъ только годъ тому назадъ учрежденъ и что еще до сихъ поръ не рѣшено въ деталяхъ, какъ его употребить. Тѣмъ не менѣе, этотъ фондъ представляетъ очень большой интересъ, особенно для русскихъ евреевъ, для которыхъ онъ и учрежденъ, и изъ его употребленія за короткое время его существованія уже можно кое что узнать и понять—чѣмъ онъ могъ бы быть и чѣмъ онъ, по всей вѣроятности, станетъ.

Я долженъ также предостеречь читателя отъ неоснова-

тельнаго осужденія распорядителей фонда. Не должно и не возможно сомнѣваться въ высокой чести, способностяхъ и искреннемъ желаніи помочь своимъ братьямъ тѣхъ лицъ, которыя стоятъ во главѣ центрального комитета фонда барона Гирша въ Америкѣ: президента—судьи Айзакса (M. S. Asaacs); вице-президента—банкира Шиффа (G. H. Shiff); казначея—банкира Ж. Зелигмана (G. Seligman), секретаря—адвоката Гольдмана (Goldman) и другихъ членовъ комитета. Почти со всѣми ими я имѣю честь быть знакомымъ и не могу не выразить своего высокаго мнѣнія объ ихъ способностяхъ и патриотизмѣ.

Но—amicus Plato sed amicus veritas...

Питаю глубокое уваженіе къ этимъ лицамъ, распоряжающимся громадными суммами, пожертвованными барономъ Гиршемъ для нуждъ эмигрантовъ, — я, однако, не могу не высказать своего мнѣнія объ ихъ дѣйствіяхъ и планахъ.

Для русскихъ евреевъ фондъ барона Гирша и способъ его употребленія имѣютъ громадную важность, и я думаю, что они имѣютъ право знать его цѣль, употребленіе, примѣненіе, будущее, и что безпристрастное освѣщеніе его свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ въ настоящее время не лишне.

II.

Общая исторія фонда, вѣроятно, всѣмъ извѣстна.

Великій филантропъ, благородный еврей Морицъ баронъ Гиршъ де Герейтъ пожелалъ, какъ многіе другіе евреи до него, удѣлить часть своего громаднаго богатства бѣднымъ своимъ братьямъ, находящимся въ стѣсненномъ положеніи въ нѣкоторыхъ странахъ просвѣщеннаго міра. Послѣ погромовъ, баронъ Гиршъ принялъ очень дѣятельное участіе въ облегченіи участи разгромленныхъ и особенно въ помощи массамъ, бѣжавшимъ тогда изъ своей родины въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Кажется, нѣсколько лѣтъ спустя, баронъ Гиршъ изумилъ міръ своимъ новымъ подвигомъ—именно, готовностью пожертвовать по 50 миліоновъ франковъ Австріи и Россіи, для учрежденія ремесленныхъ школъ и для помощи вообще евреямъ этихъ странъ. Къ сожалѣнію, планы жертвователя относительно Россіи не могли осуществиться, и баронъ долгое время не могъ рѣшить, какъ упо-

требить эти громадныя суммы, предназначенныя для русскихъ евреевъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, посланникъ Сѣв. Соед. Штатовъ въ Турціи—еврей Оскаръ Страусъ, въ личномъ разговорѣ съ барономъ Гиршемъ, обратилъ его вниманіе на чрезвычайно бѣдственное положеніе русско-еврейскихъ эмигрантовъ въ Соедин. Штатахъ,—положеніе, грозящее выдвинуть и тамъ опасный «еврейскій вопросъ». Баронъ уже и прежде интересовался положеніемъ эмигрантовъ въ Америкѣ и уже жертвовалъ порядочныя суммы—особенно еврейскимъ колоніямъ; теперь же онъ вошелъ въ переписку съ выдающимися филантропическими дѣятелями еврейскихъ общинъ Нью-Йорка и Филадельфіи, результатомъ которой было согласіе барона передать капиталъ, для котораго не нашлось примѣненія въ самой Россіи, для нуждъ русскихъ и румынскихъ эмигрантовъ въ Америкѣ, если американскіе филантропы представятъ общій планъ дѣйствій, согласныхъ съ мнѣніемъ барона. Общій планъ былъ представленъ и утвержденъ, и съ мая 1890 года баронъ началъ высылать ежемѣсячно по 10,000 долларовъ,—проценты съ капитала, который долженъ быть предоставленъ, когда организація и планъ американскаго комитета окончателно созрѣютъ. Разработка плановъ комитета шла очень медленно, и эксперименты, временно предпріятыя на посылаемые проценты, были не особенно удачны; но наконецъ все было готово, и въ концѣ февраля 1891 г. баронъ Гиршъ прислалъ комитету сумму въ 12 милл. франковъ или 2.400,000 долларовъ, съ обѣщаніемъ увеличить эту сумму, если этотъ капиталъ окажется недостаточнымъ.

Такова исторія этого феноменальнаго пожертвованія. Посмотримъ, каковъ составъ комитета, каковы его планы, дѣйствія и настоящее и вѣроятное будущее этого фонда.

III.

Баронъ Гиршъ лично не можетъ заняться управленіемъ благотворительныхъ дѣлъ, основанныхъ на его капиталѣ въ Америкѣ. Кого же ему избрать для этой важной роли? Естественно, что ему надо избрать людей ему лично извѣстныхъ, людей занимающихъ высокое общественное положеніе и сами прославившихся своею благотворительною дѣятельностью. Таковы и на самомъ дѣлѣ юристъ Айзаксъ, банкиръ-милліонеръ Зелигманъ, милліонеръ-

филантропъ Шиффъ, адвокатъ Гольдманъ, фабрикантъ Гоффманъ и другіе члены комитета фонда барона Гирша. Лучшаго и другого состава комитета не могло бы и быть. Но если таковой составъ и естественъ, то естественны и кардинальные недостатки его. Безспорно, что всѣ эти господа—высоко честные и уважаемые люди, одаренные особеннымъ умомъ и способностями, помогшими имъ достигъ самыхъ высшихъ ступеней; но безспорно и то, что все это еще не доказываетъ, что всѣ они особенно компетентны въ практической филантропіи, т. е. въ распредѣленіи и управленіи гигантскаго фонда въ пользу бѣдныхъ массъ эмигрантовъ.

Тотъ фактъ, что они сами жертвовали и жертвуютъ громадные деньги для этой же цѣли, еще не доказываетъ, что они научно изучили положеніе нуждающихся въ благотворительности и лучшіе способы имъ помочь. Наконецъ и то, что почти всѣ они принимали дѣятельное участіе и, въ сущности, управляли прежними комитетами и благотворительными предпріятіями, тоже не говорить за нихъ, такъ какъ результатъ всѣхъ этихъ прежнихъ предпріятій скорѣе говорить противъ ихъ *умнія* завѣдывать подобными дѣлами.

Эти господа—банкиры, судьи, адвокаты, фабриканты, торговцы; откуда же имъ знать дѣйствительное положеніе бѣдныхъ еврейскихъ массъ въ кварталахъ и улицахъ, въ которыхъ эти джентльмены едва-ли когда бываютъ, да и то съ зажатымъ носомъ и закрытыми глазами, дабы виды и ароматы этихъ улицъ не слишкомъ тревожили обоняніе и зрѣніе счастливыхъ обитателей пятой Эвенею; откуда имъ, рожденнымъ въ другой странѣ, живущимъ въ другомъ мірѣ, воспитаннымъ въ другомъ обществѣ, привыкшимъ къ другой жизни, откуда этимъ господамъ понимать русско-еврейскихъ эмигрантовъ, ихъ характеръ, недостатки, качества, особенности, нужды, потребности—и лучшіе способы помочь имъ?

Тѣ эмигранты, которые встрѣчаются имъ въ ихъ рѣдкихъ посѣщеніяхъ благотворительныхъ заведеній, едва ли могутъ имъ служить критеріемъ для сужденія о *всѣхъ* эмигрантахъ. Да, наконецъ, со всей ихъ добротой и искреннимъ желаніемъ пособить своимъ собратьямъ—они вѣдь дѣловые люди, вращающіе громадными миллионными дѣлами, люди, время и вниманіе которыхъ, понятно, совершенно поглощены ихъ кблоссальными личными интересами. Могутъ-ли эти люди что нибудь важное выдумать и сдѣ-

латъ за тотъ часъ, въ который они собираются разъ въ двѣ недѣли, насильно оторвавшись на нѣсколько минутъ отъ своихъ личныхъ громадныхъ дѣлъ?

Совершенно естественно поэтому, что тузамъ фонда приходится отдать разработку плановъ и ихъ практическое исполненіе другимъ людямъ, время которыхъ не такъ дорого и финансовое положеніе ниже. Но кого же имъ избрать въ управители, въ генеральные директора фонда? Тѣ же причины, которыя заставили барона Гирша прибѣгнуть къ содѣйствію американскихъ выдающихся банкировъ и адвокатовъ, заставляютъ этихъ адвокатовъ и банкировъ, въ свою очередь, искать другихъ людей. Но тутъ еще *филантропическое* дѣло. Если бы рѣчь шла о сооруженіи новой желѣзной дороги, основаніи новаго банка или веденіи громаднаго процесса, то гг. Зелигманъ, Шиффъ, Айзаксъ и пр., безъ сомнѣнія, взяли бы человѣка, не блистающаго своимъ общественнымъ положеніемъ или ораторскими способностями, а хорошо знакомаго со всѣми деталями дѣла, которое онъ долженъ вести подъ личною отвѣтственностью, и кромѣ спеціальнаго знанія поручаемаго предпріятія, отъ него бы требовались честность, преданность дѣлу, рѣшительность, энергія и т. под. качества, необходимыя для веденія всякаго, тѣмъ болѣе милліоннаго, дѣла. Не то въ благотворительной сферѣ: во первыхъ, дѣло не личное, и къ тому же избраніе зависитъ не отъ одного члена, а отъ всѣхъ; тутъ уже выступаетъ на сцену протекція, политическіе взгляды, а подчасъ и интрига. Во вторыхъ, благотворительность—не наука, не искусство, и докторовъ филантропія и ея спеціалистовъ еще нѣтъ. Въ третьихъ, кого бы ни избрали въ управители—отвѣтственность за управленіе фондомъ единственно лежитъ на членахъ центрального комитета. Въ четвертыхъ, человѣкъ, имѣющій выгодное дѣло или профессию, не пойдетъ заниматься профессиональною филантропіею. Въ пятыхъ, нуженъ человѣкъ съ извѣстнымъ общественнымъ именемъ, который могъ бы импонировать массѣ, лавировать между Сциллой и Харибдой филантропіи, ораторъ, дипломатъ; все это безусловно необходимо, если даже онъ и незнакомъ съ массой нуждъ, которыя ему придется удовлетворять, если даже онъ и не обладаетъ энергіей, рѣшительностью и т. под. необходимыми качествами.

Центральный комитетъ фонда барона Гирша избралъ своимъ генеральнымъ агентомъ мистера А. С. Соломона, — джентльмена безъ особаго дѣла или профессіи, бывшаго члена американскаго конгресса, члена статистическаго англійскаго бюро, президента американскаго отдѣленія Alliance Israelite Universelle, предсѣдателя разныхъ масонскихъ и другихъ обществъ, тонкаго дипломата, порядочнаго оратора и... и... *только...* Особеннаго знанія эмигрантовъ, ихъ нуждъ и характера отъ г. Соломона, понятно, нечего ожидать; не только еврейскаго, но, кажется, и нѣмецкаго языка онъ не понимаетъ; рѣдко когда видѣлъ или зналъ русскихъ евреевъ; наврядъ-ли когда нибудь управлялъ финансовыми дѣлами; но за то онъ обладаетъ всѣми качествами выдающагося члена политической партіи и... хорошій знакомый господъ членовъ центрального комитета.

И такъ, г. Соломонъ—генеральный агентъ фонда. Повторяю: иначе и быть не могло, другое избраніе немисливо. Есть, конечно, въ Нью-Йоркѣ нѣкоторые люди, болѣе г. Соломона знающіе эмигрантовъ и ихъ бытъ, болѣе его преданные евреямъ-эмигрантамъ, хорошо изучившіе ихъ, понимающіе какъ съ ними обходиться и какъ имъ помочь, но избрать ихъ—избрать, напр., г-на А. Райхова, г. Розенталя или др.—вѣдь невозможно: «а что скажетъ княгиня Марія Алексѣевна?» Предупреждаю, я ничего не имѣю противъ г. Соломона лично; я только выражаю свое мнѣніе о немъ, насколько онъ важенъ для еврейскихъ эмигрантовъ въ его должности управителя фонда.

Впрочемъ, въ данномъ дѣлѣ врядъ-ли даже и энергическій, рѣшительный и понимающій человекъ могъ сдѣлать все, или даже очень много. Хотя члены комитета сами не могутъ отдаться управленію фондомъ, но ихъ отвѣтственность предъ барономъ и публикою такъ велика, что они не могутъ предоставить широкихъ правъ подчиненнымъ и волею-неволею должны лично вести дѣло и руководствовать имъ. Понятно поэтому, что какъ теоретическая разработка плановъ и проектовъ, такъ и практическое распредѣленіе суммъ могутъ подвигаться только черепашнымъ шагомъ.

Вотъ почему бѣдному колонисту Розенгайна приходится ждать 10 мѣсяцевъ, пока онъ получитъ рѣшеніе комитета не давать ему просимыхъ 100 долларовъ; вотъ почему иной бѣднякъ можетъ

умереть съ голоду, пока комитетъ разсмотритъ его прошеніе, и сгнать, пока получитъ рѣшеніе; вотъ почему одинъ членъ общаесть, другой противодѣйствуетъ, третій не исполняетъ, президентъ говоритъ «I am disgusted with the whole business», и всѣ стонуть подъ неприятною тяжестью навязанной имъ шапки Мономаха...

Все это, къ сожалѣнію, естественно въ благотворительныхъ дѣлахъ, и въ данномъ случаѣ комитетъ и его члены не виноваты въ этихъ комическихъ—часто трагическихъ—послѣдствіяхъ, примѣры которыхъ я могъ бы привести сотнями.

Главныя черты фонда барона Гирша, предписанныя самимъ жертвователемъ, слѣдующія:

I. Капиталь въ 2½ милліона долларовъ вложить въ земельную или другую солидную, вѣрную собственность (240,000 долларовъ назначены на колонія), и проценты, около 120,000 долларовъ въ годъ, раздѣлить на двѣ части—60% и 40%.

II. Первую часть, т. е. 60% дохода съ основного капитала, или же, если необходимо, и основной капиталъ употребить на слѣдующія цѣли:

- 1) Индустріальное образованіе эмигрантовъ.
- 2) Улучшеніе жилищъ.
- 3) Основаніе земледѣльческихъ и ремесленныхъ поселеній.

III. Вторую часть дохода, т. е. 40% или около 48,000 долларовъ въ годъ, употребить на временную помощь эмигрантамъ, чрезъ посредство существующихъ благотворительныхъ учреждений—нью-іоркскихъ соединенныхъ благотворительныхъ учреждений (United Hebrew Charities), которымъ выдавать 25% или 2,500 долларовъ ежемѣсячно, а 1,500 раздѣлить по другимъ городамъ, и спеціально Филадельфію и Балтиморъ.

IV. Эти 4 тысячи долларовъ, получаемыя изъ общихъ 10,000 ежемѣсячнаго дохода, должны быть употреблены:

а) На транспортированіе новоприбывающихъ эмигрантовъ въ мѣстности и города, гдѣ имъ легче можно будетъ устроиться и гдѣ на нихъ ремесло есть спросъ.

б) На обученіе эмигрантовъ легко изучаемымъ ремесламъ и на поддержку ихъ во время ученія.

с) На снабженіе ремесленниковъ необходимыми инструментами и на уплату за ихъ вступленіе въ рабочія организаци и печи.

д) На денежную помощь, въ исключительныхъ случаяхъ—суда избраннымъ личностямъ небольшихъ суммъ для основанія или веденія собственнаго дѣла.

Какъ я уже сказалъ раньше, баронъ Гиршъ прислалъ въ теченіе прошлаго года по 10,000 долларовъ ежемѣсячно, изъ которыхъ 4,000 отданы были нью-іоркскому (2,500), филадельфійскому и балтиморскому благотворительнымъ комитетамъ для вышеозначенныхъ цѣлей; остальные 6,000 остались въ специальномъ распоряженіи центрального комитета фонда, и на нихъ предпринято было нѣскольکو благотворительныхъ опытовъ. Я говорю *опытовъ*, ибо окончательныхъ и рѣшительныхъ детальныхъ плановъ центральный комитетъ еще не имѣлъ. Разработка этихъ плановъ была передана вспомогательному комитету, составленному изъ нѣсколькихъ дюжинъ профессоровъ, докторовъ, юристовъ, банкировъ и дипломатовъ, которые должны были выработать практическое примѣненіе вышеназванныхъ статей употребленія фонда.

Оставимъ на время этихъ просвѣщенныхъ джентльменовъ ломать свои мудрыя головы надъ рѣшеніемъ ихъ трудной филантропической проблемы и рассмотримъ опыты комитета и способъ употребленія 40% фонда благотворительными учрежденіями.

IV.

Первымъ дѣломъ центрального комитета, или лучше сказать—его генеральнаго агента г. Соломона, было собраніе статистики о числѣ, положеніи и т. д. еврейскихъ эмигрантовъ въ Нью-Йоркѣ.

Напечатаны были вопросные листы съ рубриками: улица, домъ, квартира, имя, число дѣтей, заработокъ, имущество и т. д.,—набрано было около сотни молодыхъ людей, и пошла писать губернія.

Встрепенулся еврейскій участокъ; разнеслись слухи, что «агенты» барона Гирша «считаютъ» евреевъ; разгорѣлась фантазія бѣдняка, начали строить жители подземелія воздушные замки. Что сія перепись означаетъ—никто не зналъ. Говорили, что вѣдь нужно же знать барону, сколько эмигрантовъ въ Нью-Йоркѣ, такъ какъ

для каждаго онъ даетъ 100, а по другой редакціи — 500 долларовъ. Какъ бы то ни было, миллионеръ-баронъ считаетъ евреевъ, и каждый считалъ своимъ долгомъ показать себя по возможности бѣднѣе, а свое семейство увеличить на бумагѣ по крайней мѣрѣ на полдюжину ребятъ. «Э!—думалъ себѣ бѣднякъ,—велика бѣда, если баронъ заплатитъ еще по 100 долларовъ за дитя; баронъ не обѣднѣетъ, а дѣти все же могутъ быть еще!» Статистики же, которые получали по столько-то за полный листъ, понятно, снѣшили жать, пока солнце свѣтитъ.

Это дѣло стоило многихъ тысячъ, но никто изъ непосвященныхъ не знаетъ результатовъ переписки, которую держатъ, вопреки обыкновенію, въ тайнѣ для прессы и публики.

Вторымъ дѣломъ комитета было основаніе прошлымъ лѣтомъ временной ремесленной школы въ зданіи еврейскаго технического института.

Собрали сотню эмигрантовъ въ школу, поставили имъ полдюжину учителей, и начали этихъ бывшихъ учителей, торговцевъ и т. под. людей учить столярному и токарному ремесламъ. Ученіе продолжалось 2—3 мѣсяца, во время которыхъ учениковъ поддерживали суммами въ 3 доллара въ недѣлю—холостыхъ, и 5 дол.—семейныхъ.

Прошло три мѣсяца и, конечно, столяровъ и ремесленниковъ изъ этой толпы не сдѣлали, такъ что пришлось признать непрактичность всего эксперимента; эмигранты же разошлись; одни начали педлеровать, другіе пошли на фабрику, третьи и теперь безъ работы. Фіаско этого предпріятія было признано и членами комитета, хотя въ послѣднее время сдѣлана еще разъ подобная попытка, результатъ которой еще не извѣстенъ.

Болѣе полезнымъ дѣломъ было основаніе нѣсколькихъ дневныхъ и вечернихъ школъ англійскаго языка, хотя, въ виду существованія таковыхъ на городской счетъ, и это не особенно было необходимо, тѣмъ болѣе, что учителями въ школахъ комитета какъ будто нарочно не назначили русскихъ учителей, которые лучше другихъ могутъ учить своихъ собратьевъ.

Распоряженіе 2,500 долларами, ежемѣсячно выдаваемыми обществомъ Unit. Hebr. Charities, находилось въ рукахъ г. Райхова, начальника рабочаго бюро.

Главная дѣятельность г. Райхова концентрировалась на транспортированіи эмигрантовъ въ другіе города и обученіи ихъ разнымъ ремесламъ. И эта дѣятельность не принесла много пользы, — въ этомъ случаѣ не по причинѣ некомпетентности распорядителя, а по самому существу опыта. Хорошему ремеслу нельзя научить въ 4—6 недѣль и за 10—25 долларовъ; ремесла же, какъ табачныя и разныя формы портняжества, такъ уже переполнены, что въ нихъ или мѣста уже нѣтъ, или заработокъ невозможно мизерный.

Такова исторія опытовъ для помощи эмигрантамъ, предпринятыхъ въ прошломъ году на средства фонда барона Гирша.

V.

Что же наши профессора и пр. въ это время успѣли придумать? Удалось-ли имъ изобрѣсти или разрѣшить эмиграціонную проблему? Чѣмъ больше они думали, тѣмъ больше они видѣли и узнавали, что ничего не знаютъ и что эмиграціонная проблема для нихъ остается неразрѣшимою. Прошелъ годъ практическихъ экспериментовъ и теоретическихъ работъ; индустриальный комитетъ началъ неудачными ремесленными школами — и еще и нынѣ стоитъ на томъ.

Комитетъ просвѣщенія желаетъ совсѣмъ ликвидировать свои «дѣла».

Санитарный комитетъ хочетъ начать постройку десятка-другого домовъ, чѣмъ и разрѣшится задача.

Агркультурный комитетъ самъ мало что выдумалъ, но при этомъ поступилъ и хорошо, и дурно: хорошо тѣмъ, что далъ за себя думать русскому кружку «друзей Гальперина»; дурно тѣмъ, что не даетъ за себя уже кстати и дѣлать.

Что же, а овечка-то гдѣ?

Помнитересовались-ли и ея мнѣніемъ, какъ съ ней обходиться, призвали-ли и ее въ совѣтъ великихъ людей?

Но развѣ это мыслимо? Баронъ Гиршъ вѣдь деньги далъ для эмигрантовъ, не *имъ*, а выше названнымъ джентльменамъ. Можно ли допустить, что корифеи науки, финансовыя короли, милліонеры, банкиры, свѣтила юриспруденціи *нуждаются* въ совѣтѣ оборванныхъ и бѣдныхъ эмигрантовъ: сапожниковъ, портныхъ, фабричныхъ и другихъ рабочихъ? Развѣ массы доступны геніальные планы

филантропіи?—печной горшокъ ей дороже всѣхъ великолѣпныхъ проектовъ комитета. Правда, есть и между эмигрантами интеллигенція, которая, пожалуй, кое что и смыслитъ, но... она совсѣмъ бросилась въ рабочее движеніе, издастъ еврейскія газеты, критикуетъ дѣйствія комитета, и вообще она политически неблагонадежна. Не этихъ-ли агитаторовъ спросить, какъ распорядиться съ милліонами Гарша? Тѣхъ же немногихъ русскихъ, которые особенно уважаются комитетомъ, если и приглашаютъ дать свое мнѣніе, то только такъ, для формы—пусть, дескать, эмигранты не обижаются вѣдь выслушиваемъ и ихъ представителей. Назначили, напр., вспомогательный агрикультурный комитетъ изъ нѣсколькихъ русскихъ, которые были въ прежнихъ колоніяхъ и болѣе всѣхъ компетентны въ этомъ вопросѣ; сдѣлавъ подобную уступку, комитетъ счелъ русскихъ уже удовлетворенными и назначилъ на постъ управляющаго колонизаціоннымъ дѣломъ американца, *электрика* д-ра Мозеса!

Такъ-то ведется, или до сихъ поръ велось дѣло фонда барона Гарша.

А между тѣмъ вѣдь ларчикъ просто открывается...

Пусть бы комитетъ основывалъ свои школы, ремесленныя и меремесленныя, транспортировалъ эмигрантовъ въ другіе города, даже строилъ новыя дома, если ужъ непременно это хочется; но главное вниманіе его должно было быть обращено на урегулированіе эмиграціи и основаніе земледѣльческихъ и индустріальныхъ поселеній.

VI.

Проектъ урегулированія эмиграціи былъ представленъ пишущимъ эти строки, по просьбѣ президента центрального комитета, господамъ распорядителямъ фонда. Не смотря на то, что президентъ самъ былъ за него, а также и вице-президентъ Шиффъ; не смотря на то, что газета «American Hebrew» тоже ратовала за этотъ проектъ, который вообще былъ одобренъ вездѣ,—онъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ скитанья по разнымъ «столамъ», былъ отвергнутъ.

Резоны комитета при отверженіи этого плана были слѣдующіе:

1. Комитетъ опасается, чтобы американская пресса и публика

не счита «урегулированіе» за возбужденіе и подстрекательство къ эмиграціи.

2. Онъ думаетъ, что какъ только евреи узнаютъ, что существуетъ такой-то комитетъ, они бросятся массами, ожидая отъ него помощи и перевозки.

3. Американскіе евреи думаютъ, что у нихъ и безъ того много хлопотъ съ тѣми эмигрантами, которые уже находятся въ Америкѣ, и урегулированіе эмиграціи должно предприняться или европейскими, или же самими русскими евреями.

Первые два резона, конечно, не очень-то вѣски, такъ какъ скоро стало бы очевидно, что европейское эмиграціонное бюро далеко не подстрекаетъ къ эмиграціи, а наоборотъ; но третій резонъ нельзя не признать справедливымъ со стороны американскихъ евреевъ. Урегулированіе эмиграціи, дѣйствительно, должно было быть дѣломъ самихъ русскихъ евреевъ, причемъ американскіе комитеты, конечно, не отказались бы содѣйствовать подобному европейскому эмиграціонному бюро.

Что же касается основанія колоній, то пока это дѣло еще только въ зачаткѣ, и еще неизвѣстно, что изъ него выйдетъ, хотя прежнія дѣйствія комитета и назначеніе электрика во главѣ колонизаціоннаго дѣла едва-ли обѣщаютъ много хорошаго.

Проектъ основанія промышленныхъ и земледѣльческихъ поселеній былъ выработанъ русскимъ кружкомъ «друзей Гальперина» и въ общемъ былъ принятъ комитетомъ. Судьба его зависитъ отъ того, сколько комитетъ пригласитъ русскихъ къ завѣдыванію дѣломъ. Чѣмъ больше силы и свободы дѣйствій сама русскіе эмигранты будутъ имѣть въ его исполненіи, тѣмъ больше его шансы на успѣхъ, и наоборотъ—почти ничего порядочнаго не выйдетъ, если комитетскіе генералъ-агенты и электрики исключительно сами будутъ его вести.

VII.

Можно-ли уже въ настоящее время дать окончательное мнѣніе о будущности фонда барона Гирша? Едва-ли.

Можно-ли уже теперь признать, что дѣло великодушнаго барона «hat sein Zweck verfehlt?»

Разсудокъ отвѣчаетъ «да», надежда говоритъ «нѣтъ».

Не хочется вѣрить, что такое грандіозное дѣло потерять фiasco; не хочется признать, что благородство великаго жертвователя не принесетъ должныхъ результатовъ; не хочется допустить, чтобы бѣдные эмигранты были такъ разочарованы въ своей единственной надеждѣ...

Уже носятя слухи о новомъ филантропическомъ подвигѣ барона Гирша. Не пора-ли русско-еврейской интеллигенціи проснуться и помочь великому дѣлу барона и его сотрудниковъ? Не пора-ли самимъ эмигрантамъ тоже принять участіе въ великомъ дѣлѣ своего перерожденія? ¹...

Г. Прайсъ.

Май 1891 г.

---

¹ Само собою разумѣется, что все здѣсь высказанное о фондѣ барона Гирша и американскихъ дѣятеляхъ, имъ управляющихъ, остается всецѣло на отвѣтственности автора. Во всякомъ случаѣ надо надѣяться, что послѣ поѣздки по Россіи уполномоченнаго барона Гирша г. Уайта дѣла примутъ совершенно иной оборотъ.

Ред.

ИЗЪ КНИГИ ПРОРОКА ИСАИИ.

II.

Господь воззвалъ къ тебѣ, Израиль,
Устами вѣщани гласить:
Когда-то вѣрная столица
Теперь—гнѣздилище грѣха,—
Она распутна, какъ блудница,
Въ ней нѣтъ ни правды, ни стыда.
Гдѣ правосудіе царило,
Царятъ лишь подкушъ и мечи;
Вино разбавлено водою,
Какъ изгарь, стало серебро.
Сіонъ, Сіонъ, твои вельможи
Тебя къ погибели влекутъ,—
Они—какъ ржавчина на стали,
Они—какъ въ полѣ саранча.
Но самъ Господь подыметъ руку.
И самъ мятежнымъ отомститъ!
Онъ ѣдкой щелочью очиститъ
Отъ темныхъ пятенъ серебро,
Расплавитъ олово и снова
Покроетъ славою Сіонъ.

Но тѣ, что сѣяли неправду,
Отъ Бога въ сердцѣ отрелись,
Тѣхъ сокрушить огонь Господень,
Спалить, какъ хворостъ на кострѣ.
И будутъ грѣшники, какъ ясень
Съ увядшей, блеклою листвою,
Какъ перегнившая солома,
Какъ садъ безъ солнца и воды.
И сильный станетъ, какъ отрепье,
И беззаконныя дѣла
Падутъ, какъ искры огневныя,
И ветошь злобы подожгутъ.
И будутъ оба, распалаясь,
Въ огнѣ горючемъ пламенѣтъ,
И не погаситъ это пламя
Никто до Божьяго суда.

III.

Настанутъ дни, — и всѣ народы
Бъ горѣ Господней притекутъ,
И Богъ разсудитъ распри міра,
И злобу міра обличитъ.
И вотъ мечи свои на сохи
Они въ тотъ день перекуютъ,
Перекуютъ мечи и копья
На закругленные серпы.
Сыны враждующихъ народовъ
Забудутъ ненависть отцовъ,

И не пойдетъ съ тѣхъ поръ войною
На человѣка человѣкъ.
Иноплеменники къ Сіону
Придутъ на голосъ Божества
И на горѣ Господней примутъ
Его пророческій завѣтъ.
А вы, народъ Его избранный,
Какимъ идете вы путемъ?
Вашъ домъ исполненъ чародѣйства,
Какъ филистимлянамъ, волхвы
По облакамъ для васъ гадаютъ,
По звѣздамъ Божьимъ ворожатъ.
Вашъ Богъ—сокровища земныя,
Земное золото—вашъ Богъ,
И сила ваша, ваша правда—
Сѣкиры, копыя и мечи.
Нѣтъ счета вашимъ колесницамъ,
Нѣтъ счета быстрымъ скакунамъ,
Нѣтъ счета вашему богатству
И вашимъ мнимымъ божествамъ.
Предъ кѣмъ Израиль преклонился,
Предъ кѣмъ унизился Сіонъ,—
Къ идѣлю рукъ своихъ взываетъ,
Молитвы идоломъ поеть!
Зато Господь придетъ во гнѣвъъ
И гордыхъ духомъ не прѣститъ,
И задрожать они и бросать
На землю идоловъ своихъ;

И станетъ золото добычей
Летучей мыши и вроту.
Въ тотъ день надменный ужаснется,
Отъ славы Божіей уйдетъ
И притаится, точно филинъ,
Въ пещерѣ темной и сырой.
И чѣмъ кичился онъ? Мгновенна,
Мгновенна, грѣшникъ, жизнь твоя:
Въ позражъ дыханіе стѣснится, —
И нѣтъ, и не было тебя.

Константинъ Льдовъ.

ЕВРЕИ И АНТИСЕМИТИЗМЪ¹.

Статья члена Французской академіи Леруа-Балье.

II. Нареканія національныя. Еврей какъ раса и племенная особенность.

За нареканіями религиозными идутъ нареканія національныя. Евреи оказываются опасными не только для религіи и традиціонныхъ основъ нашихъ христіанскихъ обществъ, но и для нашей національности, съ нашей мѣстной культурой и нашими историческими приобрѣтеніями въ области духа. А въ глазахъ современныхъ народовъ, нѣтъ болѣе тяжкаго преступленія; все прощается, кромѣ этого: это грѣхъ непростительный.

Въ еврей стали видѣть семита, — тяжкое для потомковъ Авраама открытіе! Ужъ рѣчь идетъ не о вѣрѣ ихъ, но о крови, которая течетъ въ ихъ жилахъ. Утверждаютъ, что евреи у насъ элементъ чужой — изъ чуждой намъ расы, и у нихъ съ нами нѣтъ ничего общаго. Израиль представляется какъ-бы восточнымъ племенемъ, разсѣяннымъ среди современныхъ народовъ. Если евреямъ нечего болѣе страшиться фанатизма религиознаго, то противъ нихъ направляется нѣчто не менѣе страстное, не менѣе проникнутое духомъ исключительности, — расовая ненависть. XIX вѣкъ будетъ считаться въ исторіи вѣкомъ національностей. Национальное чувство, явившееся столь быстро вслѣдъ за космополитизмомъ XVIII вѣка, было, быть можетъ, величайшей силою столѣтія, слѣдовавшаго за французской революціей. На нашихъ глазахъ, и даже въ значительной степени при нашемъ участіи, чувство это преобразовало Европу, оказывая чудеса, неслыханныя въ исторіи, — воскрешая мертвыхъ

¹ См. „Восходъ“, кн. X.

и заставляя ходить паралитиковъ. Опасно имѣть противъ себя эту ужасную силу; евреи въ нѣсколькихъ странахъ испытали это на себѣ, и не въ ихъ власти было уклониться отъ этого испытанія. Сильно возбужденное, какъ одержанными побѣдами, такъ и выпадавшими на его долю неудачами, національное чувство должно было, въ своемъ изступленіи, направиться противъ этихъ людей другой крови, явившихся изъ другихъ странъ, отчасти въ весьма недавнее время. Каждый у себя нападаетъ на то, что въ составѣ націи кажется ему постороннимъ тѣломъ. Такимъ образомъ, въ Германіи нѣмецкая исключительность вооружилась противъ «семитовъ». Еврей считалъ себя уже въ безопасности, подъ защитой новѣйшей терпимости, и вотъ его сосѣди вновь собираются вытѣснить его, но уже не во имя креста и Христа, а во имя его предковъ, во имя Исаака и Якова.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что антисемитизмъ впервые появился въ новой имперіи Гогенцоллерновъ. Тутъ была готовая колыбель для него. Уже послѣ 1815 года нѣмецкіе евреи были жертвами одержанныхъ нѣмцами побѣдъ. Возвышеніе и господство Франціи дало имъ тутъ въ свое время свободу и права, которыхъ они были затѣмъ лишены. Тевтонофилы, освободившись отъ Наполеона, возмущались тѣмъ, что евреи могли считать себя нѣмцами. Отъ Рейна до Вислы раздались старинные крики: her! her! Шестьдесятъ лѣтъ спустя, Седанъ долженъ былъ имѣть для евреевъ тѣ же послѣдствія, что Ватерлоо. Отголосокъ трубныхъ звуковъ, торжествовавшихъ пораженіе Франціи, былъ опять сигналомъ къ «Judenhetze». И это было вполне естественно. Какъ война за независимость, такъ и восстановленіе имперіи должно было пробудить тевтонофильство, или то, что еврейскій историкъ ¹ называетъ die christliche Deuschtümelei. Въ тотъ моментъ, когда, въ упоеніи своимъ вновь обрѣтеннымъ могуществомъ, германизмъ превозносилъ все, казавшееся ему тевтонскимъ, отъ топора Арминія до библии Лютера,—старинно-нѣмецкая мнительность естественно обрати-

¹ Graetz, Geschichte der Juden, т. XI, стр. 338.—Ср. G. Valbert, Hommes et choses du temps présent, стр. 78, 79.

лась противъ Израиля. Возможно-ли, — разсуждалъ прусскій юнкеръ, — чтобы германизму — побѣдителю Франціи при Вильгельмѣ, пришлось быть униженнымъ семитами и подчиненнымъ иудаизму? Между этими двумя терминами: германизмомъ и иудаизмомъ, Germanenthum и Judenthum, мелочной и педантичный патріотизмъ по ту сторону Рейна открывалъ какой-то естественный антагонизмъ. Вѣдь противопоставлялись въ ту же эпоху, какъ два вѣчныхъ врага, — германизмъ и «романизмъ», новый императорскій престолъ и древній папскій. Могъ-ли гордый германецъ, отвергнувшій иго Рима, подчиниться господству Иерусалима? Съ этой стороны, нѣмецкій антисемитизмъ является какъ-бы своего рода дополненіемъ, а не противоположностью антиклерикализма и Kulturkampf'a¹. И то, и другое выросло на почвѣ тевтонской гордости, — естественно, что они и явились на свѣтъ Божій въ одно время. Это были два враждебныхъ брата, можно было-бы даже сказать — два брата-близнеца, которые, подобно Исаву и Иакову, боролись во чревѣ ихъ матери.

«Ничего кромѣ нѣмецкаго въ Германіи!» Таковъ, повидимому, былъ девизъ новой имперіи въ первые годы. Съ почвы обновленнаго отечества слѣдовало удалить всякое чужестранное растеніе. Германія, казалось, подвергала себя извѣстнаго рода національному очищенію. Долго, долго подчинялись германцы иноземцамъ; они желали теперь освободиться отъ всякаго гнета: политическаго, умственнаго, экономическаго, — французскаго, римскаго или еврейскаго. Нашъ вѣкъ любить ученныя формулы, и особенно нѣмцы любятъ облекать свои антипатіи научной виѣшностью. Къ сынамъ Израиля покорители Эльзаса и Лотарингіи примѣнили свои современныя теоріи о расахъ и національностяхъ. Они придумали, что еврей не только не тевтонской крови, но даже не происходитъ отъ арійскаго, или (какъ выражаются въ Берлинѣ) отъ индо-германскаго корня. Это — «азіать», «семитъ», близкій родственникъ араба и кареагенянина, — поэтому нѣтъ для него мѣста подъ готическими крыльями орла Гогенцоллерновъ. Мало того, его присутствіе

¹ См. Revue d. d. M. du 15 févr., стр. 797—798, „Восходъ“ 1891 г., кн. 3.

среди нѣмцевъ угрожаетъ опасностью нѣмецкому гению, «нѣмецкой культурѣ»—матери и кормилицѣ современной цивилизаціи¹.

Раздавшіеся въ Германіи князя Бисмарка клики тревоги распространились и за ея предѣлы, отдаваясь вдали, словно трубные звуки победы. Пароль, данный въ Берлинѣ, напелъ себѣ эхо на всѣхъ границахъ Германіи за предѣлами ея. Національное чувство было не менѣе сильно, не менѣе ревниво и у сосѣдей ея; на востокѣ, какъ и на западѣ, дикія страсти еще болѣе обострили его. Точно также какъ и въ Германіи, еврею приходилось слышать, что онъ пришлецъ,—пришлецъ изъ чуждой, враждебной расы. Такъ было въ Австро-Венгріи, гдѣ вѣнскіе нѣмцы слѣдовали лишь примѣру своихъ берлинскихъ единоплеменниковъ; такъ оно было и въ Россіи, порою даже во Франціи. Разница была только въ томъ, что въ Пештѣ и Москвѣ вмѣсто германизма говорили о славизмѣ или мадьяризмѣ, одинаково находящихся-де въ опасности угнетенія со стороны семитовъ. Именно какъ противъ «чужихъ»—возставали противъ евреевъ ихъ противники.

Эти нареканія національнаго свойства представляются мнѣ менѣе новыми, чѣмъ они кажутся съ перваго взгляда. Они подразумѣвались во всѣхъ тѣхъ упрекахъ, которые уже въ теченіе вѣковъ сыплются на евреевъ. Для открытія того, что евреи составляютъ какъ бы государство въ государствѣ и народъ въ народѣ, нашимъ предкамъ не нужно было дожидаться современныхъ теорій о борьбѣ расъ, борьбѣ за жизнь. Имѣй Испанія эпохи возрожденія нѣкоторые этнологическія свѣдѣнія, названіе «семитовъ» было бы укрѣплено за евреями уже иберійцами Кастиліи со временъ Ксаменеса и Торквемады. Именно семитовъ (можетъ быть, и не отдавая себѣ въ этомъ отчета) преслѣдовала Испанія католическихъ королей въ лицѣ своихъ Judios—людей другой крови, другой вѣры. Если существовала когда-либо опасность семитическая, то подлинно для испан-

¹ Эта мысль была выражена въ тысячахъ изданій и сотняхъ брошюръ. Укажу въ особенности на W. Marr'a: Sieg des Judenthums über das Germanenthum von nicht confessionellen Standpunkt aus betrachtet; Berne, Costenoble, 1879.

скихъ странъ, прикрѣпленныхъ къ Африкѣ арабскимъ владычествомъ и связанныхъ съ Европой крестомъ своей вѣры. Вооружаясь противъ евреевъ и мусульманъ, онѣ инстинктивно старались очистить себя отъ всего семитическаго и африканскаго. Этимъ объясняются ужасы ихъ инквизиціи противъ евреевъ и новыхъ христіанъ (*poevos cristianos*). Если бы Испанія подчинялась только интересамъ религіи, она послушалась бы совѣтовъ Рима, она не превзошла бы въ своихъ жестокостяхъ римскій инквизиціонный судъ.

Углубимся еще далѣе: антисемитизмъ проявляется уже въ возмущеніи большихъ городовъ древняго мира противъ евреевъ. Въ Римѣ, Антиохіи, Александріи — греческая или римская чернь нападала на нихъ столько же, какъ на людей чужихъ (или, если угодно, какъ на расу), — на ихъ чуждые нравы и чуждую культуру, сколько какъ на враговъ своихъ боговъ. То же самое замѣчаемъ у классическихъ писателей. Профессоръ фонъ Трейчке имѣлъ уже среди нихъ знаменитыхъ предшественниковъ. Ювеналь или Тацитъ, когда говорятъ о субботѣ или обрѣзаніи, беспокоятся уже относительно «объевреиванія» (*judaisation*) древняго общества, ихъ пугаетъ замѣна римскихъ законовъ и обычаевъ еврейскими¹. Можно даже сказать: антисемитизмъ, — въ смыслѣ нареканій на еврейство (разсматриваемое, какъ особое, чужое племя), — предшествовалъ еще разрушенію Іерусалима и разсѣянію Израиля. Ему начало, по крайней мѣрѣ, со временъ вавилонскаго плѣна, если не египетскаго рабства. Формулу его мы находимъ даже въ Библии; евреи сами намъ ее сохранили; она была дана Гаманомъ въ книгѣ «Эсфирь» и фараономъ въ «Исходѣ». Пастору Штеккеру оставалось только усвоить ее себѣ. «И сказалъ тогда Гаманъ царю Агасверу: во всѣхъ частяхъ твоего государства живетъ отдѣльно среди другихъ народовъ разсѣянный между ними народъ, имѣющій свои законы, отличающіеся отъ законовъ всѣхъ народовъ,

¹ Romanas autem soliti contemnere leges,
Iudaicum ediscunt et servant ac metuunt jus.

Tradidit arcano quodcumque volumine Moses. (Ювеналь, сатира XIV. стихи 100 и слѣд.) ср. Tacitus, *Historiae*, v, 5.

и не соблюдающій законовъ царскихъ». Въ то время не задумывались ясно и категорически предлагать рѣшеніе, и Гаманъ прибавляетъ: «Если царю угодно, пусть будетъ изданъ приказъ, чтобы этотъ народъ истребить». У евреевъ хорошая память: у нихъ сохранилось воспоминаніе о министрѣ Агасвера¹; еще понынѣ, ежегодно, въ праздникъ Пуримъ, весь Израиль весело празднуетъ паденіе Гамана.

I.

Двадцать пять вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ красота Эсфири спасла Израиль,—а слова агагита Гамана, сына Амадасы, не утратили своего значенія. Можно ли спорить противъ того, что евреи, разсѣянные по Востоку и Западу, долгое время составляли особый народъ среди окружающихъ народовъ? Израиль былъ разбитъ, и остатки колѣнъ его казались издали похожими на осколки бронзы, которые могутъ пережить вѣка; можно было бы сказать: обломки сокрушеннаго народа... Евреи въ теченіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ представляли почти единичное явленіе—націи безъ территоріи. Среди христіанскихъ или мусульманскихъ государствъ, они походили на слои кремня, разбросанные въ мѣловыхъ берегахъ Нормандіи. Евреи, прежде всѣхъ, стали обыкновенно говорить о себѣ: нашъ народъ, наша нація. Ихъ законъ былъ для нихъ въ такой же степени національной связью, какъ и религіозною. Они жили воспоминаніемъ о Иерусалимѣ, оставшемся родиною для ихъ души, для ихъ надеждъ. Сионъ былъ всегда воображаемой столицей разсѣяннаго еврейства; о его возстановленіи говорилъ еврей въ своихъ молитвахъ, ожидалъ этого согласно обѣщаніямъ Іеговы и, полагаясь на слова своихъ пророковъ, кочевалъ странникомъ между народами, среди которыхъ изгнаніе заставляло его устраивать свои жилища.

Но можно ли судить о будущемъ, соображаясь съ прошлымъ, и не опровергнуто ли уже въ нѣкоторыхъ странахъ это прошлое настоящимъ? Вопросъ сводится, собственно, къ тому,—долженъ

¹ Кн. Эсфири, III, 8, 9. Сравни. въ Исходѣ, I, 8, 10, слова фараона: „Сини Израиля составляютъ, вотъ, народъ болѣе численный и болѣе сильный, чѣмъ мы“ и т. д.

ли иудаизмъ, представляя особый культъ, составлять всегда и вѣсѣду и особую народность— или, другими словами,—будетъ ли еврей, поселившійся среди преимущественно христіанскихъ націй, всегда оставаться (для нихъ) чужимъ пришельцемъ, не могущимъ слиться съ окружающей средой? Если исходить изъ того, что національность образуется общностью вѣрованій и кровнымъ родствомъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія: еврей никогда не сдѣлается ни французомъ, ни нѣмцемъ, ни венгерцемъ, ни русскимъ. Однако, дѣйствительно ли національность обуславливается расой и религіей? Точно ли национальное единство основывается только на единствѣ вѣры и общности происхожденія? Для насъ, французовъ XIX-го вѣка, подобный вопросъ кажется точно исходящимъ изъ какой-то другой эпохи, другого міра. Мы представляемъ себѣ понятіе о французской національности, состоящимъ изъ чего-то болѣе возвышеннаго, обширнаго... Не станемъ, все-таки, судить о другихъ народахъ во себѣ: это было бы по отношенію къ нимъ несправедливо; и какъ бы вопросъ намъ ни казался устарѣлымъ, отжившимъ,—на немъ стоитъ и слѣдуетъ остановиться.

Что такое нація? Понятіе—не легко поддающееся опредѣленію. По счастью, мы можемъ сослаться на прекрасную бесѣду объ этомъ предметѣ г. Ренана. Для насъ, французевъ, національность отождествляется съ народнымъ сознаніемъ. Нація, прежде всего,—продуктъ исторіи; ее создаетъ и поддерживаетъ общность интересовъ, преданій, чувствъ. Национальность образуется обыкновенно подъ влияніемъ нѣсколькихъ факторовъ, и во многихъ странахъ религія была однимъ изъ такихъ факторовъ, какъ напр., въ Испаніи, въ Россіи. Вотъ, между прочимъ, одна изъ причинъ, почему русскому и испанцу такъ трудно видѣть въ еврей своего соотечественника.

Но вѣдь въ нѣкоторыхъ странахъ, почти на всемъ Востокѣ, не существуетъ вовсе сознанія національности, или, лучше сказать, она сливается съ религіей. Прежде всего, это замѣчается у мусульманъ: правовѣрный не знаетъ другой родины, кромѣ ислама; для него всѣ національныя различія исчезаютъ передъ религіознымъ единствомъ. Это можно считать недостаткомъ, а пожалуй, и достоинствомъ ислама. Самымъ крупнымъ перево-

ротомъ, который могъ бы совершиться въ восточномъ мирѣ, было бы образованіе національнаго чувства, очищеннаго отъ всякихъ религіозныхъ элементовъ. У нѣкоторыхъ народностей, исповѣдующихъ исламъ, какъ-то, у албанскихъ арнаутовъ, ассирійскихъ арабовъ, кажется, уже порою проглядываетъ стремленіе національности отдѣлиться отъ религіи. Но исламъ такъ крѣпко связалъ ихъ, что потребуется цѣлый рядъ поколѣній для того, чтобы одна могла вполне эмансипироваться отъ другой. У христіанъ Востока, въ противоположность мусульманамъ, религія вовсе не изгладила національнаго чувства, она какъ бы слилась съ нимъ, и у нихъ (восточныхъ христіанъ) то и другое также, поэтому, кажутся нераздѣльными. Въ такого рода сферѣ, гдѣ и христіане и мусульмане отождествляютъ национальность съ религіей, гдѣ послѣдняя является признакомъ первой, еврей также не можетъ имѣть другой національности, кромѣ своей религіи. Еврей невольно остается евреемъ, подобно тому, какъ армянинъ — армяниномъ, грекъ — грекомъ.

Тутъ мы позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Въ странахъ, гдѣ уже вѣками, подъ сѣнью церковей или отдѣльныхъ религій, существуютъ вмѣстѣ слившіяся національности,—въ Сиріи, Малой Азіи и Месопотаміи—положеніе еврея не является единичнымъ въ своемъ родѣ. Не какъ у еврея, но какъ у жителя Востока, какъ у азіата, у него нѣтъ другой національности, какъ его религія. Самая долговѣчность Израиля, закопавшагося въ свои вѣрованія и обычаи, какъ она ни кажется намъ удивительной, на самомъ дѣлѣ, вовсе не такое единственное въ исторіи чудо, не имѣющее будто бы ничего подобнаго, какъ это обыкновенно принято представлять себѣ: современный міръ является еще свидѣтелемъ совершенно аналогичныхъ чудесъ. Территорія Востока сохранила въ теченіе вѣковъ нѣсколько этихъ мертвыхъ націй,—такъ сказать, мумій этихъ народовъ, окутанныхъ и какъ бы набальзамированныхъ своею религіею. Египетскіе копты, марониты и друзы Ливана, парсы Индіи, даже азіатскіе армяне и греки представляютъ намъ также примѣры народовъ или племенъ, пережившихъ свое политическое разрушеніе и, хотя въ разной степени, сохранившихъ свою индивидуальность. Огромная разниа между

всѣми этими обитателями Востока и евреями въ томъ, что послѣдніе болѣе разсѣяны и на значительно большемъ пространствѣ; это же произошло потому, что ихъ удаленіе изъ древняго отечества относится къ наиболѣе отдаленному времени и произведено было наиболѣе радикальнымъ способомъ. По той же причинѣ имъ особенно трудно соединиться когда либо въ одно національное цѣлое.

Какъ бы то ни было, тамъ, гдѣ евреи продолжаютъ составлять отдѣльный народъ, они только подчиняются традиціямъ Востока. И во многихъ странахъ, гдѣ господствуетъ еще старинное смѣшеніе національности съ религіей, не отъ нихъ зависитъ эмансипироваться отъ этого. Ни мусульманинъ, ни христіанинъ въ Авіи не позволяютъ еврею называть себя туркомъ, арабомъ, грекомъ или армяниномъ. Ему невольно приходится оставаться замкнутымъ племенемъ. Ему нельзя имѣть другой родины, кромѣ Израіля. Насколько это вѣрно, можно судить по тому, что еврей, мѣняя свою религію, думаетъ, подобно своимъ сосѣдямъ—«арійцамъ» и «туранцамъ», что онъ перемѣнилъ и свою національность. Дѣтъ 20 тому назадъ, у меня былъ проводникомъ по окрестностямъ Іерусалима еврей, говорившій по-нѣмецки. Когда я спросилъ его, какой онъ націи, онъ не безъ гордости отвѣтилъ мнѣ: «я американецъ». Оказалось, что онъ былъ окрещенъ американскими миссіонерами и поэтому считалъ себя ихъ соотечественникомъ. Сдѣлавшись христіаниномъ, онъ какъ бы выступилъ изъ своей «націи». Развѣ не такъ еще до сихъ поръ называются у турокъ на официальномъ языкѣ различныя религіозныя общины?

Это отождествленіе религіи и національности не всегда было свойственно одному лишь Востоку. Нетерпимость или политика пытались дать ему мѣсто и у насъ, на Западѣ, то въ цѣляхъ римской куріи, то въ цѣляхъ реформаціи. Во Франціи, Англии, Голландіи, Австро-Венгрии, Польшѣ, въ государствахъ нѣмецкихъ или скандинавскихъ,—къ этому были направлены усилія въ XVI и XVII вѣкахъ. Если Людовикъ XIV и Вильгельмъ III потерпѣли въ этомъ отношеніи полную неудачу, то именно вслѣдствіе того, что шли противъ общественнаго мнѣнія на Западѣ. Но въ то время, когда казалось, что англичанинъ не можетъ

быть папистомъ, а французъ—протестантомъ. естественно, и еврей не могъ быть ни англичаниномъ, ни французомъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы еще удержались подобные взгляды, по крайней мѣрѣ, въ одномъ,—наиболѣе обширномъ. Законъ и общественное мнѣніе продолжаютъ связывать тамъ національность съ религіею. Съ этой стороны, Россія является еще вполне восточной страной, примыкая болѣе къ Азіи, чѣмъ къ Европѣ. Соприкосновеніе Москвы съ византийцами и другими восточными народами не прошло безслѣдно. Въ ея глазахъ внѣ православія—нѣтъ истинно русскаго. Православіе является наиболѣе надежной гарантіей принадлежности къ русской національности... Вотъ чѣмъ объясняется то, что и другіе религіозные культы, будь это христіанскіе или не-христіанскіе, законъ на официальномъ языкѣ называетъ «иностранными исповѣданіями». Въ этомъ отношеніи протестанты и католики находятся не въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ евреи. Привилегія послѣднихъ лишь въ томъ, что они возбуждаютъ большую ненависть. Національное направленіе съ особенною силою отзывается на еврей, на «семиць», вдвойнѣ чуждомъ: и по расѣ и по религіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что противъ еврея въ Россіи направлена не столько религіозная нетерпимость, сколько нетерпимость національная,—узкій и мнительный патріотизмъ, одинаково вооружающійся и противъ остзейскихъ лютеранъ, и противъ литовскихъ или бѣлорусскихъ католиковъ, и противъ униатовъ Подляхив, и противъ западно-русскихъ евреевъ. И Россію нельзя собственно считать вполне отвѣтственной за то, что русскій патріотизмъ сохранилъ вѣроисповѣдную окраску. Виною тутъ, прежде всего, исторія ¹. Великая славянская имперія все еще не въ состояніи вполне отрѣшиться отъ восточныхъ элементовъ своего прошлаго. И она ищетъ политическаго единства въ единствѣ религіозномъ... Эти отношенія, впрочемъ, уже весьма вѣрно охарактеризовалъ и г. Э. М. де-Вогюз...

¹ См. *L'empire des tsars et les Russes*, т. III, la Religion, кн. I, гл. II кн. IV, гл. I (Hachette, 1889).

II.

Для насъ, жителей Западной Европы или Америки, эта восточная точка зрѣнія, очевидно, представляется устарѣлой. Полагаю, что то же будетъ скоро съ тѣмъ мнѣніемъ, которое ставитъ національность въ зависимость не отъ религіи, а отъ расы. Приходится слышать: такъ какъ, де, основной каждой націи служить единство расы, то евреи, составляющіе особую расу, не могутъ входить въ составъ какой либо другой націи. Вѣрно-ли все это? Откровенно сказать, — нѣмецъ, желающій обусловить національность единствомъ расы, кажется мнѣ не менѣе отсталымъ, чѣмъ русскій, обуславливающій ее единствомъ религіи. Хотя это смѣшеніе національности съ расой имѣетъ видъ научный, современный, однако, оно относится лишь къ прошлому, и къ отдаленному прошлому. Это представленіе и устарѣло, и, при томъ, опять-таки чистовосточное. По крайней мѣрѣ, оно примѣнимо къ Востоку, гдѣ уже въ продолженіе вѣковъ живутъ, бокъ-о-бокъ, не смѣшиваясь другъ съ другомъ, общины, отдѣленные высокими барьерами религіи; гдѣ каждое племя (каждая, значить, національная группа) остается въ сторонѣ отъ другихъ, сосредоточенное и замкнутое въ своей вѣрѣ, въ своемъ культѣ. Такимъ образомъ, мы опять имѣемъ дѣло съ отождествленіемъ національности и религіи, такъ какъ между смежными народами только религія можетъ ставить непроницаемыя преграды. И даже на Востокѣ, если присмотрѣться ближе, можно убѣдиться, что наиболѣе замкнутыя этническія группы, начиная съ Израиля, далеко не ускользнули отъ смѣшенія съ другими народами. Закрывъ нѣкогда доступъ древнимъ національнымъ общинамъ Леванта, религія въ презелитизмѣ же сама оставила за собою какъ-бы ключъ, чтобы открыть этотъ доступъ. Евреи сами, какъ увидимъ ниже, дадутъ намъ доказательство справедливости этихъ словъ.

Что касается современныхъ народовъ Европы и Америки, то про какой же изъ нихъ можно сказать, что тутъ національность основана на единствѣ расы? Не про Англію-ли—съ ея

амальгамою бритовъ, саксовъ, датчанъ, норманновъ? Про Францію—съ ея кимврами, галлами, иберійцами, германцами, латинянами? Про Германію, гдѣ тевтоны до того смѣшались съ кельтами на западѣ, со славянами на востокѣ, что во многихъ мѣстностяхъ Германія большинство кѣмцевъ утратило голубые глаза и свѣтлые волосы древнихъ германцевъ? Развѣ про Россію, древнюю Московію, съ ея смѣсью сарматовъ, скиеовъ, славянъ, татаръ, финновъ, еще до сихъ поръ мало обрусѣвшихъ? Не про Сѣв.-Американскіе Штаты-ли, которые въ теченіе столѣтія получили колонистовъ изъ всѣхъ странъ Европы; или про испанско-американскія республики, которыя изобрѣли цѣлую гамму тоновъ и полутоновъ, чтобы дать названія различнымъ видамъ метисовъ, происшедшихъ отъ скрещиванія европейцевъ съ индѣйцами и неграми. Всѣ современные націи представляютъ ничто иное, какъ смѣсь расъ и болѣе или менѣе слившихся вмѣстѣ народовъ: французы, русскіе, нѣмцы, англичане, итальянцы, испанцы, венгерцы, греки, румыны, болгаре,—всѣ мы half-bred, со смѣшанною кровью. Вообще, какіе бы это ни были современные народы, великіе или малые, западные или восточные, какъ бы они себя ни называли: германцами, англичанами, латинянами, славянами,—я не вижу среди нихъ народовъ съ чистой кровью.

Пусть такъ, скажутъ на это: но вѣдь кельты, латиняне, германцы, славяне, т. е. тѣ этническіе элементы, изъ которыхъ образовались современные націи, все это элементы однородные. Французы, итальянцы, нѣмцы, англичане, русскіе,—всѣ мы родственники другъ другу; мы приходимъ отъ одного общаго корня—отъ арійцевъ, мы принадлежимъ къ великой индо-европейской семьѣ, къ наиболѣе благородной и прогрессивной расѣ. Евреи, напротивъ того, «семиты». Потомки Авраама, Исаака и Іакова принадлежать къ другой расѣ, одаренной противоположными намъ инстинктами. Между Израилемъ и нами нѣтъ родства: еврей не можетъ съ нами ассимилироваться, онъ не можетъ войти въ составъ нашихъ арійскихъ націй.

Оно мнѣ извѣстно, это послѣднее возраженіе, но я долженъ сознаться, что оно на меня мало дѣйствуетъ. Этотъ доводъ

имѣлъ бы, можетъ быть, больше убѣдительной силы, если бы въ составъ современныхъ націй входили только арійскіе элементы. Но глазъ антропологовъ открылъ тутъ другіе этническіе элементы, болѣе низкаго происхожденія. Подъ слоями арійскихъ племенъ: кельтическихъ, латинскихъ, германскихъ—въ нашей же Европѣ усмотрѣны были болѣе древнія наслоенія, которыя, кажется, просто были прикрыты индо-европейскими наносами. Ископаемыя европейскія расы, кро-маньонская и неандертальская не исчезли цѣликомъ передъ арійцами изъ Азіи. Ископаемый человѣкъ насчитываетъ еще потомковъ среди насъ. Ничто не даетъ намъ основанія полагать, что всѣ мы, дѣйствительно, арійцы. Французъ или нѣмецъ, воображающіе себя происходящимъ отъ чистой индо-германской крови,—быть можетъ, потомки пещернаго человѣка. Въ дѣйствительности, теперь, можетъ быть, настолько же можно говорить объ «арійской расѣ», какъ о «расѣ латинской»¹.

Оставимъ, однако, времена доисторическія и неразрѣшимыя проблемы. Развѣ мы не знаемъ даже въ Европѣ историческаго періода, или еще лучше, развѣ мы не встрѣчали у нѣкоторыхъ современныхъ націй, другихъ «мнородцевъ» или «иноплеменниковъ», кромѣ семита-еврея? Среди нашихъ такъ называемыхъ арійскихъ народовъ я вижу, по крайней мѣрѣ, два чуждые арійцамъ этическіе элемента, многочисленные представители которыхъ, и послѣ вторженія потока арійскихъ народностей на нашу материкъ, до сихъ поръ попадаются на поверхности Европы. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, иберійцы и лигурийцы Испаніи, Прованса и Италіи? Что такое финны Венгріи, Финляндіи и Россіи? Развѣ это арійцы? Или развѣ семитъ намъ болѣе чуждъ, чѣмъ пиринейскіе иберійцы или прибалтійскіе финны? Во всякомъ случаѣ, тому, кто имѣлъ возможность сравнивать еврея съ прибалтійскимъ эстомъ или приволжскимъ черемисомъ, тому нельзя не сознаться, что—если посравнить финна и семита, то именно послѣдній окажется болѣе похожимъ на насъ. А если иберійцы Испаніи и финны Венгріи могли себѣ усвоить нашу

¹ См. новый трудъ проф. Гексли: Nineteenth Century, novembre, 1890.

цивилизацию, то нисколько не видно, почему семить-еврей къ ней неспособенъ.

Намъ, къ сожалѣнiю, приходится останавливаться здѣсь на вопросахъ этнографiи, столь спутанныхъ, столь темныхъ даже для самихъ специалистовъ. Чаще всего мы трактуемъ о нихъ съ самымъ наивнымъ невѣжествомъ. Мы употребляемъ выраженiе: «семитическая раса», не будучи даже увѣрены, что существовала когда либо этническая группа, которая должна была бы такъ называться. Уже нѣсколько разъ указывалось, что слово «семитическiй» на самомъ дѣлѣ только лингвистическiй терминъ; онъ не соотвѣтствуетъ, можетъ быть, никакой группировкѣ человѣческихъ расъ. Мы называемъ евреевъ семитами, потому что древнiе евреи говорили на языкѣ, считаемомъ семитическимъ, языкѣ, какъ мы между тѣмъ знаемъ, ничего не доказываетъ по отношенiю къ происхожденiю. Народъ можетъ перемѣнить языкъ, не перемѣняя для этого своей расы. Ирландцы, научившись англiйскому языку, не сдѣлались вслѣдствiе этого англо-саксами; а негры нашихъ антилскихъ острововъ, говорящiе по-французски, однако, не принадлежатъ же къ «арiйской» расѣ.

Выраженiе «семить» скорѣе, можетъ быть, способно затемнить вопросъ, чѣмъ способствовать его разъясненiю. Оно ничего не говоритъ намъ о происхожденiи Израиля или о родственныхъ ему племенахъ; оно наводитъ только на рискованныя сопоставленiя и малообоснованныя сближенiя. Будемъ, однако, за неизмѣнiемъ другого, держаться этого термина. Что же можно сказать про евреевъ-семитовъ: что они черные или желтые? Что въ физическомъ и умственномъ отношенiи они сильно разнятся отъ насъ, образуютъ даже какъ бы особую породу, соотвѣтствующую особому видовому подраздѣленiю человѣческаго рода? Или что отъ ихъ брака съ нашими сыновьями или дочерьми получаются мулаты, или метисы?... Развѣ можно сравнить присутствiе среди насъ семитовъ съ находженiемъ въ нашей средѣ китайцевъ или съ присутствiемъ негровъ у американцевъ? Развѣ евреи могутъ подавать поводъ къ тѣмъ опасенiямъ, которыя существуютъ въ нѣкоторыхъ штатахъ великой заатлантической республики по отношенiю къ неграмъ? Да и

можно ли теперь утверждать, что тамъ дѣйствительно двѣ несоединимыя расы? Сравнимъ же теперь себя съ семитами: отличаются ли они отъ насъ цвѣтомъ кожи или формой черепа? Развѣ не требуется намъ известная доля вниманія, чтобы ихъ распознать?—Потому лишь, что изгибъ носа у нихъ замѣтнѣе, чѣмъ у насъ, можно ли утверждать, что между нами и ими нѣтъ ничего общаго?

Если уже держаться неопредѣленныхъ, но болѣе или менѣе сложившихся представлений о расахъ и дѣлаемой среди нихъ классификаціи, то нѣтъ никакого сомнѣнія относительно нашего родства съ семитами. Хотятъ ли они этого сами или нѣтъ, какъ бы то ни было—арійцы и семиты братья: объ этомъ свидѣлствуютъ все ихъ черты. И тѣ, и другіе принадлежать къ той великой бѣлой расѣ, кавказской или средиземной (какъ ее ни называть), которая имѣетъ притязанія на всемірное господство. Даже исходя изъ той, этнографической точки зрѣнія, допускающей существованіе отдѣльныхъ группъ: арійской и семитической—нельзя не замѣтить, что семиты ближе къ арійцамъ, чѣмъ туранцы; что еврей часто представляется намъ болѣе родственнымъ, чѣмъ гордые мадьяры или снѣживые великороссы, — настолько и тѣ и другіе въ значительной степени перемѣшались съ финно-тюркскимъ племенемъ. А если, оставивъ въ сторонѣ темные родословные вопросы, обратимъ вниманіе на внутренній міръ, умственные способности, привычки и склонности,—развѣ можно не признать что семитъ-еврей намъ ближе, чѣмъ индусскій браминъ, имѣющій основаніе хвастать чистотою своей арійской крови?

Аріицы, семиты, туранцы,—столько наименованій, которыми страшно злоупотребляли! Въ исторіи человѣчества имѣется чтонибудь и помимо борьбы расъ. Въ этомъ отношеніи наука XIX вѣка, можетъ быть, опять пошла не по настоящему пути. Если борьба расъ и племенъ была однимъ изъ факторовъ религіозной и духовной исторіи человѣчества, то во всякомъ случаѣ не единственнымъ. Одна изъ причинъ распространенія теоріи расъ заключается въ ея кажущейся простотѣ. Но это скорѣе могло бы возбуждать къ ней недоувѣріе,—и теперь въ этомъ убѣдились. Послѣ теоріи расъ, въ силу которой все рѣ-

шалось различіемъ происхожденія, явилась теорія среды, стремящаяся объяснить все вліяніемъ мѣста, времени, климата. Принимая въ соображеніе извѣстную односторонность каждой изъ нихъ, приходится, по крайней мѣрѣ, внести въ нихъ поправки и дополнить одну другою. Вотъ, напр., Иранъ и Туранъ выставлялись, какъ классическій типъ противоположности расъ; казалось, что они именно представляютъ двѣ, во всемъ рѣзко отличающіяся, этническія индивидуальности. Однако, было замѣчено, что тутъ дѣло не столько въ различіи двухъ расъ, сколько въ различіи этихъ двухъ странъ, что тутъ не два чуждыхъ другъ другу народныхъ духа, но двѣ разнящіяся по природнымъ условіямъ мѣстности. То же самое, во многихъ отношеніяхъ, между арійцемъ и семитомъ. Семитъ, удаленный изъ азіатскихъ или африканскихъ пустынь, теряетъ многое изъ того, что казалось его природною особенностью. Большая часть тѣхъ отличительныхъ чертъ, которыя издавна приписываются сынамъ Сима, на самомъ дѣлѣ, свойственны только арабу,—да и не столько арабу, сколько Аравіи, не столько человѣку, сколько пустынѣ.

Прошло то время, когда можно было сводить объясненіе всего хода исторіи нашего материка къ антагонизму между арійцами и семитами. Что бы на этотъ счетъ ни думали школьные педанты, въ разграбленіи еврейскихъ лавокъ мужиками Малороссіи или ремесленниками вѣнскихъ предмѣстій — нельзя видѣть эпилога продолжительной борьбы Ганнибала и Сципіона, Абдерахмана и Карла Мартелла, Саладина и Львиного Сердца. Ни карагеныне, ни сарацины не имѣютъ никакого отношенія къ борьбѣ между пасторомъ Штежеромъ и раввинами; мнимый антагонизмъ въ общемъ духовномъ складѣ арійцевъ и семитовъ—это только избирательный маневръ для князя Алоиза Лихтенштейна и доктора Кронаветтера. Объ этой легендарной враждебности арійцевъ и семитовъ, мы не находимъ нигдѣ никакого упоминанія и слѣда въ еврейскихъ книгахъ, или въ исторіи Израіля. Ни Библія, ни Евангеліе ея не знали. Еврей всегда былъ ей чуждъ. Проклятія пророковъ были направлены, преимущественно, на города или племена

семитическіе. Разрушители израильскаго и іудейскаго царства, ассирійцы и халдейцы, считаются семитами; напротивъ того, освободитель дома Израилева, — тотъ, кого Богъ Израиля называлъ «своимъ пастыремъ и помазаникомъ», тотъ, кого Іегова велъ рукою своею ¹—царь Киръ, является, какъ это принято полагать, арійцемъ. И если пооднѣе евреи возставали и боролись противъ грековъ Антиоха и римлянъ Тита;—то, съ другой стороны, они смиренно преклонялись предъ Александромъ и Помпеемъ, и синедрионъ іерусалимскій, насколько я знаю, никогда не думалъ о борьбѣ за мировое преобладаніе съ македонскими фалангами или римскими легіонами.

Вообще, отъ установленія основнаго различія между семитами и арійцами приходится отказаться. Съ тѣхъ поръ, какъ успѣли лучше ознакомиться съ Востокомъ и изучили близко народности семитическихъ языковъ,—между ними всѣми были замѣчены такія различія въ нравахъ, вѣрованіяхъ, образѣ правленія, въ силу которыхъ говорить объ одномъ и томъ же духѣ ихъ—отнюдь нельзя. Единство семитическаго духа было разбито; исчезла та простота, которая ему приписывалась. Одна за другой изглаживались тѣ черты, умственные и нравственные, изъ которыхъ складывалась идеальная фигура семита; а въ силу этого самаго, исчезъ и контрастъ между семитомъ и арійцемъ. Семитическій духъ, семитическіе инстинкты, семитическая цивилизація—все это стало абстракціей. Рядомъ съ евреями и арабами, пришлось включить въ эту группу всѣ сосѣдніе народы съ аналогичными языками, не только ассирійцевъ и халдеянъ, но и финикійанъ и хананеянъ — традиционныхъ враговъ еврейской націи—тѣ народы, на которыхъ Израилъ всегда смотрѣлъ, какъ на вполне чуждые ему и по крови, и по вѣрованіямъ;—племена, которыхъ Библія причисляетъ къ потомству Хама, а не Сима ². Не существуетъ, значитъ, особенно въ религіи, семитическаго духа, семитическаго генія. Оказалось, что, у большей часто семитовъ, какъ и у арійцевъ, долгое время

¹ Исаія, XLV 2, 2

² Бутія, IX, 6, 19.

господствовали идолопоклонство и многобожіе. Они также обоготворяли силы природы, а миеологія семитическая гораздо ближе къ миеологіи арійской, чѣмъ Вааль или Астарта къ Богу Синаю. Когда созданіе науки о семитическихъ надписяхъ и открытіе Вавилона и Ниневіи привели къ болѣе близкому ознакомленію съ семитическими богами, то поразительно удивляло, какъ мало они, въ сущности, отличаются отъ своихъ арійскихъ собратьевъ¹. Барьеры между обоими пантеонами съ каждымъ днемъ все болѣе падаютъ. Какъ мужскія, такъ и женскія божества у арійцевъ и у семитовъ близки другъ другу. Даже болѣе, арійское многобожіе, въ своемъ высшемъ выраженіи у грековъ, носитъ на себѣ печать семитическихъ религіозныхъ преданій. Религія эллиновъ не ждала панатіи или апостола «невѣдомаго Бога», чтобы сдѣлать позаимствованія въ культѣ Сиріи. Афродита Праксителя родилась въ пучинѣ финикійскаго моря; Адонисъ, вступивъ на классическій Олимпъ, сохранилъ свою азіатскую прелесть, а Цибела — свою восточную свиту.

Нельзя также сказать, что монотеизмъ — достояніе семитовъ, въ противоположность арійцамъ. Духъ монотеизма, въ сущности, обнаружился только у евреевъ, почитателей Іеговы, и лишь послѣ нихъ, и благодаря имъ, у арабовъ, на половину іуданизированныхъ Магометомъ. Въ этомъ отношеніи — и это обстоятельство, не лишенное значенія, — евреи стоятъ одиноко среди всѣхъ народовъ, считаемыхъ по языку и по расѣ семитическими. Они — единичное явленіе въ своей группѣ, еще болѣе, чѣмъ греки въ своей; они тутъ одни, и не имѣютъ себѣ равныхъ среди «народовъ». Чтобы подвести ихъ подъ одну группу съ другими сосѣдями-семитами, поставить ихъ на одинъ уровень, пришлось бы сдѣлать предположеніе, что первоначально и у нихъ царило многобожіе, болѣе или менѣе анало-

---

¹ James Darmesteter, *Race et tradition* (Journal de Parlement, 28 may 1883). — У того же ученаго сказано: „характеристикой обѣихъ семей, кажется, являются въ арійской миеологіи — преобладаніе миеовъ о бурѣ, а въ семитической миеологіи — преобладаніе миеовъ покойнаго времени.“

гичное съ сирійскимъ или финикійскимъ, что Ягова былъ только своего рода Вааломъ или Юпитеромъ, который истребилъ своихъ соперниковъ. Но при допущеніи этой новой теоріи, исчезаетъ послѣдняя черта стариннаго различія между семитическимъ и арійскимъ гениемъ ¹.

Итакъ, ничто въ религіи не отдѣляетъ рѣзко арійцевъ отъ семитовъ; ничто не могло вызвать въ нихъ сильно расходящихся склонностей. Въ ихъ понятіяхъ о божественномъ также нѣтъ рѣзкой разницы. А вѣдь на противоположности ихъ религіознаго міросозерцанія основывали антагонизмъ арійской и семитической мысли. И если оставить въ сторонѣ эту мнимую противоположность, то что останется, съ точки зрѣнія интеллектуальной или моральной, отъ той пропасти, которая будто бы лежитъ между міромъ Сима и міромъ Іафета? — Небольшой развѣ ровъ, который съ каждымъ днемъ заполняется, благодаря новымъ научнымъ изслѣдованіямъ.

Когда намъ говорятъ о семитахъ, насъ слѣдовало бы по крайней мѣрѣ предупредить — о какихъ, собственно, семитахъ рѣчь, ибо въ ихъ средѣ мы замѣчаемъ различія столь же крупныя, какъ между ними вообще и арійцами. «Семитическій гений, — писалъ одинъ изъ знатоковъ предмета ², — крайне простъ; онъ не знаетъ ни отгѣнковъ, ни сложности. Старинный семитическій умъ, по своей натурѣ, является антифилософскимъ и антинаучнымъ. Народамъ, которыхъ называютъ семитическими, недостаетъ того разнообразія, той широты, той эластичности ума, которыя составляютъ условія совершенствованія». Это, можетъ быть, вѣрно относительно арабовъ, не смотря на школы Багдада и Кордовы; можетъ быть, и относительно древнихъ евреевъ; но можетъ-ли это относиться къ современнымъ евреямъ, воспитаннымъ или выросшимъ въ соприкосновеніи съ нами?

¹ Точно такъ же, если въ преданіяхъ и обрядахъ Ирака видѣть проявленіе семитическихъ вліяній, именно халдейскихъ, то съ такимъ же основаніемъ можно указать на заимствованія отъ иудеевъ, въ области вѣрованій и обрядовъ, у арійцевъ Персіи, послѣдователей Зороастра.

² Ренавъ, *Mélanges d'histoire et de voyage*; — *les Peuples sémitiques*, ср. *Histoire générale des langues sémitiques*, стр. 120.

Если существуетъ различіе между европейцами и азіатами, между обитателями Запада и Востока, — различіе, впрочемъ, происхожденія сравнительно недавняго, зависящее, по моему, не отъ расы, — то оно заключается въ идеѣ прогресса, этомъ современномъ понятіи совершенства, сдѣлавшемся среди насъ какъ бы предметомъ слѣпой вѣры, суевѣрно раздѣляемой учеными и невѣждами. Но ничто не указываетъ на то, чтобы эта идея была противна и чужда евреямъ. Если они ее не извлекли изъ собственнаго духовнаго запаса, то они легко воспринимаютъ ее, проникаются ею, становясь самыми горячими и нетерпѣливыми ея пропагаторами. Что касается философскаго духа, то, кажется, трудно въ немъ отказать соплеменникамъ Спинозы. Впрочемъ, можно-ли вообще судить о современныхъ народахъ по ихъ предкамъ самыхъ отдаленныхъ періодовъ древней исторіи? Если бы евреи Палестины были чистыми семитами, то развѣ можно было бы уподоблять современнаго еврея древнему израильянину или семиту далекой эпохи, отдѣляющейся отъ насъ пространствомъ 2000—3000 лѣтъ? Скорѣе можно было бы французамъ приписать всѣ тѣ черты галловъ, которыя описываетъ Цезарь въ своихъ «Комментаріяхъ», или изображать современныхъ нѣмцевъ и русскихъ славянъ по «Германи» Тацита и «Лѣтописи» Нестора.

Менѣе всего, можетъ быть, мѣняется въ расѣ характеръ; такъ, у французовъ третьей республики можно еще найти черты галловъ временъ Верцингеторикса. Если не прирожденными способностями и умомъ, то не характеромъ-ли и темпераментомъ отличается отъ насъ семиръ, будь это еврей или не-еврей? Этимъ, можетъ быть, скорѣе; и мы увидимъ ниже, какъ именно и почему, — по крайней мѣрѣ, относительно евреевъ. Но вотъ тутъ, обыкновенно, случайные этнологи впадаютъ въ особое увлеченіе, противопоставляя пороки «семиръ» добродѣтелямъ «арійца». Перваго представляютъ падкимъ на деньги, жаднымъ, узкосердечнымъ, низкимъ, коварнымъ, подобострастнымъ, мстительнымъ, привычнымъ ко всякаго рода подлостямъ и обманамъ; втораго — благороднымъ, открытымъ, рыцарскимъ, безкорыстнымъ и деликатнымъ, преисполненнымъ всякихъ добродѣтелей и достоинствъ.

Я, съ своей стороны, отношусь съ недоувѣрiемъ къ этимъ, набросаннымъ широкимъ взмахомъ кисти, портретамъ, въ которыхъ все черно на одной сторонѣ, и свѣтло — на другой; нельзя такимъ простымъ способомъ изображать старинныя расы, содержащія десятки различныхъ націй. Мнѣ хотѣлось бы чего-либо болѣе основательнаго и болѣе отвѣннаго. Римлянинъ, напр., отнюдь не былъ ни менѣе суровъ, ни менѣе узкосердеченъ, ни менѣе жаденъ, чѣмъ карагенянинъ, а представленіе, которое даютъ намъ о семитѣ, подходило бы столько же и къ современному греку, армянину, персіянину (которые считаются арійцами), какъ и къ еврею, причисляемому къ группѣ семитовъ. «Семитическій характеръ, — сказалъ г. Ренанъ, — въ общемъ суровъ, узокъ, эгоистиченъ». Это, можетъ быть, правда, и не только относительно араба; но что касается еврея, то объясненіе тому скорѣе въ условіяхъ историческаго воспитанія, чѣмъ въ расѣ. Вѣдь, не надо забывать, что, если сухость ума или сердца кажется намъ значительно распространенной среди Израиля, то, въ значительной степени, онъ обязанъ этимъ тому образу жизни, который мы для него создали.

Во всякомъ случаѣ, есть обстоятельство, которое мы слишкомъ часто упускаемъ изъ виду, и которое намъ даже грѣшно не принимать въ расчетъ. Когда мы говоримъ о жестокости семитовъ, то не слѣдовало бы намъ забывать, что именно изъ среды семитическихъ племенъ вышло то, что имѣется на свѣтѣ наиболѣе кроткаго и мягкаго — Евангеліе. На этой каменистой почвѣ Сирія пустила ростки полевая лилія, благоуханіе которой, еще 19 столѣтій спустя, наполняетъ міръ. Прекраснѣйшее среди всѣхъ языковъ человѣческихъ слово—слово любви къ ближнему—вышло изъ устъ этихъ потомковъ Сима. Семитами была возвѣщена благая вѣсть; передъ толпами семитовъ, на семитическомъ нарѣчiи, было произнесена «Нагорная проповѣдь», и именно семитами, не взиравшими ни на голодъ, ни на жажду, были указаны древнему міру девять блаженствъ. И тутъ, въ вопросѣ о расѣ и предкахъ, какъ и въ вопросѣ о Библии, нельзя, говоря объ Израилѣ, миновать Христа. Странно, что христіанамъ нужно объ этомъ напоминать: крестъ отрече-

нѣя былъ намъ принесенъ на еврейскихъ плечахъ, — тотъ крестъ, который вызывалъ негодованіе въ Элладѣ и который, въ продолженіи трехъ или четырехъ вѣковъ, вѣрующіе могли показывать почитателямъ мраморныхъ боговъ только прикрытымъ разными таинственными эмблемами. Кровь, пролитая на Голгоѣ для искушенія людей, кровь, которую наши старинные живописцы представляютъ намъ собранной ангелами въ золотые сосуды, была кровь семитическая. Ни Иисуса любимый ученикъ его — Іоаннъ, ни Симонъ, именуемый Кефаломъ, ни одинъ изъ 12 апостоловъ, не были арійскаго происхожденія.

Для того, кто захотѣлъ бы доискиваться первоначальныхъ источниковъ, особенно, если онъ вѣритъ, что церковь была установлена и первоначально организована апостолами, — само христіанство является лишь продуктомъ семитизма, является таковымъ столько же, какъ и іуданизмъ. Намъ часто говорить теперь о семитическомъ завоеваніи; если міръ былъ когда-либо завоеванъ семитами, то мечемъ Павла изъ Тарса, христіанскаго Ганнибала и Александра. Не битва при Каннахъ была величайшей побѣдой семита. Тамъ, гдѣ потерпѣлъ когда-то неудачу сынъ Гамилькара, побѣдилъ — смиренный еврей изъ Киликіи.

Благодаря Христу и двѣнадцати апостоламъ, осуществились великія обѣщанія пророковъ израильскихъ: греки и римляне, весь арійскій міръ склонился подъ скипетромъ сына Давидова. Имперія, возвеличенная римскими легіонами, досталась въ удѣлъ преемникамъ галилейскаго рыбака. Статуи цезарей были низвергнуты съ ихъ пьедестала, и императоры, лучше всего олицетворявшіе римское оружіе и греческую мудрость — Траянъ и Маркъ Аврелій — были сброшены съ ихъ мраморныхъ колоннъ, чтобы уступить мѣсто Петру и Павлу, военачальникамъ Иисуса Назаретскаго. Ромулова волчица, одолѣвшая карагенскихъ слоновъ, была побѣждена іудейскимъ львомъ: *vicit leo de tribu Juda* (побѣдилъ левъ изъ племени Іудова) — вырѣзана надпись на основаніи обелиска, воздвигнутаго Сикстомъ V...

Вотъ истинная побѣда семитовъ, и арійскій геній до сихъ поръ подчиняется ей. Между антисемитами — наиболѣе послѣдовательными, наиболѣе логичными являются, можетъ быть, тѣ,

которые, чтобы стряхнуть совсѣмъ семитическое иго, отвергаютъ Евангеліе точно такъ же, какъ и Библию, вооружаясь одинаково противъ вилеемской колыбели и синайскихъ таблицъ ¹.

Пер. Л. Б.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹ Тутъ слѣдуетъ упомянуть о двухъ мало извѣстныхъ книгахъ, въ которыхъ первымъ нареканіемъ на семитизмъ является то, что имъ порождено христіанство. Одна изъ нихъ, напечатанная въ концѣ второй имперіи принадлежитъ перу Трифона, впоследствии члена коммуны 1871 г., и называется *le Molochisme juif*; другая, относящаяся къ 1890 г. (Dentu), носитъ названіе *Argens et Sémites: le Bilan du judaïsme et du christianisme*, par A. Regnard, т. 1-й (только этотъ томъ и появился).

ИСТОРИЯ ХАСИДСКАГО РАСКОЛА.

НА ОСНОВАНИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ, ПЕЧАТНЫХЪ И
РУКОПИСНЫХЪ.

Эпоха третья: послѣдняя рѣшительная борьба и окончатель-
ный расколъ (1796—1801 г.).

III. Возобновленіе антихасидскаго движенія (1796 г.)¹.

Поворотъ въ 1796 г. — Предшествовавшее долгое бездѣйствіе антихасидовъ. — Причины этого: безуспѣшность прежнихъ мѣръ, неурядица въ литовскихъ кагалныхъ дѣлахъ въ 1780-хъ годахъ и политическая смута 1791—95 г. — Усиленное распространеніе хасидизма въ Литвѣ, особенно въ Минской губерніи. — Хасидскіе центры въ Карлинѣ и Ляховичахъ; мѣстные цадикъ: Озеръ и Мордохай. — „Карлинеры“. — Синагога хасидовъ въ Минскѣ и закрытіе ея (1794 г.) — Виленскіе хасидскіе „мишюны“. — Центръ сектантовъ въ Амдурѣ, Гродненской губерніи, и дерзкая политика цадика Хайкеля. — Хитрая уловка сектантовъ: распространеніе слуховъ о мнимомъ „раскаленіи“ гаона. — Негодованіе въ Вильнѣ. — Рѣшимость возобновить походъ противъ хасидовъ. — Циркуляръ Гаона (іюнь 1796 г.). — Посылка уполномоченныхъ Сааді и Халма. — Недоразумѣніе въ Минскѣ. — Запросъ минскаго кагала. — Второе посланіе гаона (сентябрь 1796 г.) и призывъ къ рѣшительной борьбѣ. — Всеобщее ополченіе противъ хасидовъ и появленіе клочки „миснагимъ“.

1796-й годъ знаменателенъ въ исторіи хасидизма. Въ этомъ году въ Литвѣ снова возгорѣлась, послѣ продолжительнаго перерыва, ожесточенная борьба противъ хасидовъ. Борьба на сей разъ оказалась рѣшительною и привела къ тому роковому исходу, котораго всѣ такъ боялись. Окончательный религіозный

¹ См. „Восходъ“, кн. X.

расколъ сталъ неминуемъ, какъ только враждующія стороны убѣдились, что примиреніе невозможно.

Эпоха, предшествовавшая этому повороту (1781—1796 г.), знакома уже намъ въ подробностяхъ изъ предыдущаго описанія. То было время усиленнаго роста хасидской секты не только на югѣ, гдѣ она почти не встрѣчала препятствій, но и на сѣверѣ, гдѣ надъ нею тяготѣло проклятiе синагоги. Литовскіе гоненія 1781 г. ¹ временно ошеломили сектантовъ, но послѣдніе вскорѣ оправались и продолжали размножаться. Повтореніе тѣхъ же гоненій, спустя три года, въ Бѣлоруссіи ², также не имѣло желательныхъ послѣдствій: паства «ересіарха» Залмана постепенно все разрасталась. Послѣ этого, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ (1784—1796), не принималось никакихъ общихъ мѣръ противъ хасидовъ ни въ Литвѣ, ни въ Бѣлоруссіи. Случайныя мѣстныя столкновенія между сектантами и ихъ противниками не прекращались, но большихъ сраженій не было. Высшее духовенство, съ гаономъ Иліей во главѣ, хранило глубокое молчаніе. Оно, казалось, или забыло про «еретиковъ», или махнуло на нихъ рукою, потерявъ надежду вернуть этихъ заблудшихъ овецъ къ паствѣ вѣрующихъ. Это бездѣйствіе гаона и его оруженосцевъ сильно смущало неугомонныхъ ревнителей, желавшихъ полного искорененія «ереси». Хасиды же пріободрились. Распространились слухи, будто гаонъ склоненъ къ прекращенію борьбы и даже къ примиренію съ сектою, которую онъ прежде такъ жестоко преслѣдовалъ. Хасиды все это толковали въ свою пользу и убаюкивали себя мыслью, что строптивые раввины невольно поддались обаянію священнаго Вештова ученія и не стануть больше тѣснить его приверженцевъ.

Въ этихъ расчетахъ хасидовъ было, конечно, много самообольщенія, свойственнаго гонимымъ людямъ, которымъ дали передышку,—но было въ нихъ и нѣчто, похожее на правду. Не подлежитъ сомнѣнію, что безуспѣшность первыхъ двухъ походовъ противъ секты (1772 и 1781 гг.) временно обезкуражила рав-

¹ Выше, гл. VII.

² Выше, гл. X.

виновъ-ревнителѣй. Послѣдніе убѣдились въ томъ, что отлученіями и синагогальными проклятїями можно только мгновенно ошеломить сектантовъ, но нельзя ни возвратить заблудшихъ на путь правотѣрія, ни прїостановить дальнѣйшее ихъ размноженіе. Съ другой стороны, по мѣрѣ распространенія хасидизма, преслѣдовать его приверженцевъ становилось все труднѣе. Духовные пастыри тѣхъ городовъ, гдѣ хасиды осыла въ значительномъ числѣ, находились въ матеріальной зависимости отъ послѣднихъ и не имѣли охоты рисковать своими доходами ради сомнительнаго успѣха въ борьбѣ противъ секты. Другія вліятельныя лица, въ душѣ ненавидѣвшія хасидовъ, молчали просто изъ опасенія возбудить распри, нарушить общественное спокойствіе или потерпѣть ущербъ въ личныхъ интересахъ.

Къ этимъ *спеціальнымъ* соображеніямъ присоединялись еще другія, *общія причины*, отвлекавшія вниманіе «ревнителѣй закона» отъ ненавистной имъ секты. Причины эти были двоякаго рода: а) крайняя неурядица въ дѣлахъ главныхъ еврейскихъ общинъ Литвы, особенно же виленской, во второй половинѣ 1780-хъ годовъ, и б) политическая смута въ Польшѣ и Литвѣ въ бурное время послѣднихъ двухъ раздѣловъ (1791—95 гг.).

Въ общественныхъ дѣлахъ литовскихъ евреевъ, въ 1780-хъ годахъ, творилось что-то неладное. Старая кагальная организація, приспособленная къ патріархальнымъ шляхетскимъ порядкамъ, и нѣкогда столь мощная именно въ Литвѣ, замѣтно близилась къ паденію, ибо рушились и падали тѣ государственные и соціальные устои, которые ее дотолѣ поддерживали. Беспорядки и злоупотребленія стараго кагала, прежде искусно прикрываемые общимъ «порядкомъ вещей», стали очевидными, когда самый этотъ «порядокъ вещей» обнаружилъ всѣ свои прорѣхи, накануне паденія Рѣчи Посполитой. Кажалось, и евреи заразились тогдашнею польскою безурядицею, породившею произволь и беззаконія. Кагальные правители сильно угнетаютъ подчиненную имъ еврейскую массу, а послѣдняя, выведенная изъ терпѣнія, жалуется на своихъ угнетителей высшимъ государственнымъ властямъ. Иногда сами кагальники распадаются на враждебныя партїи и доносятъ

правительству другъ на друга¹. Польское правительство поздно хватается за умъ, убѣждается въ необходимости преобразовать на новыхъ началахъ еврейское общественное управленіе и вообще все гражданское устройство евреевъ, создаетъ проекты и «планы реформъ» («Скарбовая комиссія», Чацкій), изъ которыхъ, конечно, ровно ничего не выходитъ.

Наибольшая неурядица замѣчается въ виленской еврейской общинѣ,—той верховной и образцовой общинѣ, откуда исходила всякая важная инициатива по дѣламъ обще-еврейскимъ. Здѣсь возгорѣлась борьба между духовнымъ и свѣтскимъ элементами общественнаго управленія—между раввиномъ и кагалными старшинами. Последніе не влюбились своего верховнаго раввина, Самуила Вигдоровича, и спорили съ нимъ изъ-за прерогативъ власти. За права раввина вступилась значительная часть общины, между тѣмъ какъ другая часть тянула къ кагалу. Возникли сильные раздоры, которые къ 1785 г. дошли до крайности и приняли характеръ бурной междоусобицы. Въ распрю вмѣшались представители высшей польской власти: виленскій архіепископъ Массальскій и виленскій воевода, литовскій гетманъ, князь Радзивиль. Первый держалъ сторону раввина, а второй—сторону кагала. Спорамъ, столкновеніямъ и процессамъ не было конца. Дошло до того, что воевода схватилъ нѣсколькихъ представителей раввинской партіи и заточилъ ихъ въ своемъ несвижскомъ тюремномъ замкѣ. Виленскіе евреи были въ смятеніи. Всякій порядокъ и всякая дисциплина въ общинѣ исчезли. Только смерть верховнаго раввина (1790 г.) положила конецъ этой безобразной междоусобицѣ. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ беспорядковъ, рѣшили на будущее время совсѣмъ упразднить должность верховнаго раввина въ Вильнѣ².

Эта кагално-духовная распря, происходившая въ самомъ центрѣ раввинизма, была какъ разъ на руку хасидамъ. Про нихъ какъ будто забыли, да еслибы и помнили, то взаимная

¹ Ср. жалобы мнѣскихъ евреевъ и виленскихъ кагалниковъ отъ 1782 и 1788 гг. въ „Литовскихъ еврейскъ“ С. А. Бершадскаго, стр. 48—52.

² См. пѣсню пѣтр („Исторія Виленск. евр. общины“) С. І. Фина, стр. 180 и 272, а также „Литов. евреи“ г. Бершадскаго, стр. 49.

вражда не позволяла бы ихъ противникамъ соединиться ради преслѣдованія опальной секты. Сектанты, во всякомъ случаѣ, могли злорадствовать, видя, какъ дерутся между собою и другъ друга побиваютъ «сильные» міра еврейскаго, отъ которыхъ они недавно столько терпѣли, и какъ вслѣдствіе этого парализуются силы враговъ хасидизма.

Еще болѣе благопріятствовали хасидамъ—общая политическая смута и внутреннія войны, обуревавшія Польшу и Литву въ 1791—94 годахъ. Конституція 3-го мая 1791 г., провозглашенная свободолюбивыми поляками въ Варшавѣ и, между прочимъ, установившая равноправіе евреевъ, возбудила противъ себя Россію. На сцену появляется поддерживаемая Россіей Тарговицкая конфедерація, какъ противовѣсъ конституціонной партіи. Начинается страшная междоусобная война, свирѣпствующая съ особенною силою въ Литвѣ (1792). Побѣждаютъ конфедераты, вспомошествоваемые Россією. По второму раздѣлу (1793) къ русской территоріи присоединяются—Волынь, Подоля и воеводство Минское. Послѣдній отчаянный порывъ польской націи къ самостоятельности—возстаніе подъ предводительствомъ Костюшки (1794 г.)—сопровождается великими потрясеніями во всемъ государствѣ. Литва, какъ область пограничная между двумя воюющими государствами, испытываетъ всѣ ужасы смутнаго времени. Революционная буря и двукратная кровопролитная осада Вильны долго держать въ страхѣ мѣстныхъ евреевъ¹. Наконецъ, третій раздѣлъ Польши (1795 года) превращаетъ и всю Литву съ ея почти полумилліоннымъ еврейскимъ населеніемъ въ русскую провинцію.

До хасидовъ-ли было въ эти бурные годы политическихъ переворотовъ и непрерывныхъ войнъ, когда рѣшались судьбы земель и народовъ, и когда съ самими евреями совершались роковыя политическія превращенія?.. А хасиды, разумѣется, пользовались этою всеобщою смутою, отвлекавшею отъ нихъ вниманіе тѣхъ, кого они боялись. Расшатанность государственной и общественной власти обезпечивала имъ безнаказанность. Подъ шумъ событій они стали смѣлѣе дѣйствовать, вновь стали

¹ Назв. соч. Фина, стр. 25.

открыто исповѣдывать и пропагандировать свое ученіе. Тамъ и сямъ возстановлялись хасидскія моельни, возникали хасидскіе центры, появлялись новые цадикъ...

Больше всего на сей разъ хасиды размножились и приобрѣли силу въ Минской губерніи. Духовный центръ ихъ находился въ *Карлинѣ*—городѣ, откуда впервые вышла хасидская пропаганда въ Литвѣ¹. Здѣсь, какъ намъ уже извѣстно, жилъ старѣйшій литовскій цадикъ, Соломонъ Карлинскій, убитый въ 1792 году, во время безчинствъ русско-конфедератскихъ войскъ въ Минскомъ воеводствѣ². Соломонъ оставилъ двухъ главныхъ учениковъ, отъ которыхъ, впоследствии, развѣтвилась іерархія цадиковъ въ Литвѣ. То были: *Ошеръ Карлинскій* или *Столинскій* (сынъ преждевременно умершаго Аарона изъ Карлина, основателя перваго тайнаго общества хасидовъ въ Литвѣ) и *Мордохай Ляховицкій*. Оба они, послѣ 1792 г., главенствовали надъ хасидами Минской губерніи. Первый имѣлъ свою резиденцію въ Карлинѣ, а позднѣе перенесъ ее въ близлежащее м. Столинъ; второй осѣлъ въ м. Ляховичахъ, Минской губ., и образовалъ свой особый приходъ. Мордохай Ляховицкій игралъ среди хасидовъ болѣе важную роль, чѣмъ сотоварищъ его Ошеръ, и больше приближался къ типу украинскаго цадика. Хасиды считали его чудотворцемъ. Они, напр., твердо вѣрили, что знаменитый литовскій гетманъ и воевода Радзивиль, лишившійся своего могущества послѣ войны 1794 г., кончилъ такъ плохо именно потому, что этого захотѣлъ ихъ цадикъ Мордохай, который наказалъ воеводу за его враждебное отношеніе къ хасидамъ³. Вслѣдствіе своей громадной популярности среди темной хасидской массы, Мордохай былъ особенно ненавистенъ раввинамъ-равнителямъ, которые считали его однимъ изъ опаснѣйшихъ цадиковъ⁴. Съ вождемъ бѣлорусскихъ хасидовъ, Залма-

¹ Выше, гл. II.

² Выше, гл. VII. Слѣдуетъ исправить тамъ существенную ошибку: Соломонъ убитъ не въ 1812 г., а въ 1792 г. Ср. שלם רב (Вильна, 1882 г.), предисловіе.

³ הגר"ח ר"ס הרבנים לייבאל, Варшава, 1798 г., введене.

⁴ Ibidem; см. также рукопись 7711 изъ № 27 (по старому полному списку), въ перечнѣ главныхъ цадиковъ.

номъ, онъ, повидимому, имѣлъ весьма мало общаго, но за то поддерживалъ постоянныя сношенія съ далекими украинскими цадиками, съ которыми даже породнился (съ чернобыльской династіей). Подобно Хайкелю Амдурскому (выше, гл. VII), Мордохай тянулъ больше къ южному хасидизму, чѣмъ къ сѣверному; однако, онъ не былъ такъ воинственно настроенъ и не впадалъ въ тѣ грубыя крайности, которыми амдурскій цадикъ пріобрѣлъ себѣ столь печальную славу.

Хасиды Минской губерніи, по своему первоначальному происхожденію, продолжали называться «карлинскими» или «карлинерами»¹. Эти «карлинеры» въ значительномъ числѣ утвердились въ самомъ Минскѣ. Здѣсь они имѣли свою особую синагогу, которая, вслѣдствіе вышеупомянутыхъ обстоятельствъ, долго не обращала на себя вниманія мѣстныхъ «ревнителей». Но когда, послѣ второго раздѣла, Минскъ былъ присоединенъ къ Россіи и успокоился отъ бурь смутнаго времени, мѣстный кагалъ и раввины сочли невозможнымъ попускать дольше явнымъ нарушителямъ закона и рѣшили упразднить хасидскую синагогу. Въ «Пинкось» минской еврейской общины, подъ 1794 годомъ, находимъ слѣдующую запись:

«Постановленіемъ представителей кагала назначены три члена по дѣлу о закрытіи молебни хасидовъ, съ предоставленіемъ этимъ тремъ членамъ по сему дѣлу полной власти семи *тубовъ* (почетныхъ представителей) города. Сказаннымъ тремъ лицамъ предоставлено также право производить расходъ по этому дѣлу по своему усмотрѣнію. Повѣренные кагальной кассы обязаны отпускать имъ деньги на всѣ расходы по этому предмету по ихъ востребованію. Всякая сумма, которую они потребуютъ по роспискѣ, должна быть всегда выдаваема имъ повѣренными. Шамени и служители обязаны подчиняться имъ во всемъ, что касается этого дѣла, какъ семи *тубамъ* города. Избраны: *роизъ* (голова) р. Илья сынъ р. Ц. Г., *роизъ* р. Илья сынъ р. Шалома и р. Самуилъ сынъ р. Дана. Расходъ, который будетъ произведенъ означенными лицами, не подлежитъ никакому контролю. 21 Тамуза 5554 юда (іюль 1794 г.)².

¹ п.у. л.т.т. №№ 24 и 52.

² Документъ переведенъ съ подлинника во 2-мъ томѣ „Книги Кагалъ“ Братъ-

Но если официальные хасидскія синагоги не допускались въ Литвѣ кагалными властями, какъ черезчуръ дерзкій протестъ противъ установленной богослужебной обрядности, то хасиды тѣмъ не менѣе, имѣли, во всѣхъ мѣстахъ своей обшлости, свои негласныя молельни или молитвенныя собранія (*Миньонымъ*, *гуж*). Эти молитвенныя собранія происходили въ домахъ частныхъ лицъ изъ вліятельныхъ и богатѣйшихъ членовъ секты, и туда зоркое око кагала не могло проникнуть. Самая интимность такихъ собраній дѣлала ихъ особенно привлекательными для сектантовъ, которые тамъ не только молились, но и совѣщались о своихъ общихъ дѣлахъ. Подобныя «Миньонымъ» имѣлись и въ самой резиденціи гаона — въ *Вильнѣ*. Во главѣ одного виленаго «Миньона» стоялъ нѣкій *Мееръ Рефоемъ*, горячій приверженецъ Залмана Шнеерсона, къ приходу котораго, повидимому, принадлежалъ весь этотъ молитвенный кружокъ. Существовала въ Вильнѣ и другая частная молельня для хасидовъ-«карлинеровъ», почитателей двухъ вышеупомянутыхъ цадиковъ минскаго района — Ошера Карлинскаго и Мордохая Ляховицкаго ¹.

Во Гродненской губерніи, въ м. Амдурѣ, существовалъ еще тотъ центральный хасидскій кружокъ, который уже въ 1781 г. навлекъ на себя гнѣвъ раввиновъ. Во главѣ этого кружка и сектантовъ ближайшаго района стоялъ по прежнему извѣстный Хайкель Амдурскій ². Этотъ цадикъ продолжалъ пропагандировать ученіе хасидизма въ той крайне грубой формѣ, какую оно приняло въ то время въ Украинѣ. Культъ цадика стоялъ здѣсь на первомъ планѣ. Хайкель былъ предметомъ восторженнаго поклоненія многочисленныхъ приверженцевъ, собиравшихся къ нему изъ разныхъ мѣстъ. Безъ солиднаго приношенія или «выкупа» (*идіонъ*) къ нему не являлись. Платили за все: за лицезрѣніе, за совѣтъ, за благословеніе, исцѣленіе

мана, гдѣ напечатанъ весь Минскій „Ливкошъ“ (3-е изд. 1888 г., № 9). Подлинность документа не подлежитъ сомнѣнію, хотя онъ и помѣщенъ въ книгѣ, не амунающей къ себѣ довѣрія.

¹ Ср. *Ливкошъ гуж*, стр. 264; *Полуднъ гуж*, л. 89а; выше, гл. X. въ I-й кн. „Восхода“ 1891 г. стр. 69, прим. 2-е; рукопись *гуж гуж*, № 24.

² Выше, гл. VII.

отъ недуговъ и т. п. Непосредственно завѣдывалъ этой торговлей секретарь Хайкеля, вѣкій *Айзикъ Монешесъ*, который получалъ съ посѣтителей установленный «выкупъ», искусно вынытывалъ ихъ тайны, докладывалъ обо всемъ цадику и затѣмъ допускалъ къ личной аудіенціи съ послѣднимъ. Кромѣ того, Хайкель имѣлъ двухъ постоянныхъ агентовъ, на обязанности которыхъ лежало развѣдывать по разнымъ городамъ, рассказывать о чудесахъ амдурскаго цадика и побуждать легковѣрныхъ людей ѣхать въ Амдуръ «на поклонъ». Такимъ образомъ, число почитателей Хайкеля росло съ каждымъ годомъ ¹.

Опираясь на свою популярность, Хайкель позволялъ себѣ иногда слишкомъ смѣлыя выходки противъ раввиновъ и даже противъ «священной особы» виленскаго гаона. Во время гоненій на хасидовъ 1781 г., разгнѣванный цадикъ будто-бы послалъ одного изъ своихъ агентовъ въ Вильну съ порученіемъ убить гаона. Но затѣмъ онъ смягчился, вернулъ посланнаго и сказалъ: «Жалость пробудилась во мнѣ. Поэтому вернись. Ибо сказано: Богъ милосердъ ко всѣмъ тварямъ своимъ (Псалмы, 145). Да и тѣмъ самымъ, что я послалъ тебя, я уже ослабилъ его (гаона) силу и убилъ въ немъ злого духа. Отнынѣ онъ будетъ покоренъ намъ». И когда вслѣдъ за тѣмъ наступило вышеупомянутое затишье, и въ Вильнѣ ничего не предпринималось противъ сектантовъ, Хайкель хвалился, что это онъ именно своими чарами сломилъ гордыню гаона и заставилъ его молчать. Окружающіе амдурскаго цадика и въ особенности его секретарь, Айзикъ Монешесъ, распускали завѣдомо ложные слухи, будто гаонъ, чтобы искупить свой великій грѣхъ противъ хасидовъ, посылалъ не разъ богатый выкупъ Хайкелю и униженно молилъ о прощеніи. Незлопамятный цадикъ простилъ и вдобавокъ «очистилъ» гаона, поднявъ его (мысленно, конечно) на небо и окунувъ въ пламя геенны. Другіе прибавляли, что въ душѣ гаонъ сочувствуетъ хасидизму, но обстоятельствами вынужденъ прикидываться «миснагидомъ» (про-

¹ 179 г. № 42. Подробное описаніе образа жизни Хайкеля и всего амдурскаго кружка будетъ помѣщено ниже въ главѣ объ образѣ жизни хасидовъ и цадиговъ конца XVIII вѣка.

тивникомъ хасидовъ), о чемъ глубоко скорбитъ и втайнѣ проливаетъ слезы. Третьи рассказывали, какъ о неоспоримомъ фактѣ, будто въ 1783 г. гаонъ прислалъ Хайкелю значительную сумму денегъ, въ видѣ выкупа (*midion*) за свою грѣшную душу. Сначала цадикъ не хотѣлъ ихъ принять, но затѣмъ уступилъ настояніямъ окружающихъ, принявъ деньги и сказалъ: «съ Божьей помощью я извлеку чистое изъ нечистаго. Всѣ могутъ быть порядочными людьми, но не онъ (гаонъ). При немъ мира не будетъ. Онъ слишкомъ переполненъ наружною ученостью, чтобы достигнуть состоянія восторженности. Однако, вредить онъ, во всякомъ случаѣ, больше не будетъ». Приближенные къ Хайкелю передавали, что они не разъ видѣли, какъ онъ, во время третьей субботней трапезы, велъ себя очень странно: сначала вздыхалъ и волновался, а затѣмъ смѣялся,—и когда его однажды спросили о причинѣ этого, онъ отвѣчалъ: «Трудно было мнѣ отвлечь Илію Виленскаго отъ его пути, но наконецъ я его одолѣлъ — и вы вскорѣ увидите съ изумленіемъ, что онъ будетъ бѣгать за нами, какъ простѣйшій изъ нашихъ учениковъ, и всетаки не дойдетъ до степени послѣднихъ»¹.

Всѣ эти распространявшіеся между хасидами нелѣпые толки сводились къ одному — къ хвастливому увѣренію, что гаонъ раскаялся въ своемъ прежнемъ поведеніи относительно секты и склоненъ помириться съ нею. Хасидамъ очень льстило такое сознаніе своей духовной мощи; они приписывали это неотразимому вліянію своихъ цадиковъ. И дѣйствительно, двѣнадцатилѣтнее молчаніе гаона и высшаго раввинскаго синклита могло подать поводъ даже не столь легковѣрнымъ людямъ думать, что главные гонители секты отказались отъ своей прежней строгой политики и болѣе склонны къ умиротворенію. Погруженные въ самосозерцаніе и ничего не видя кругомъ, хасиды не замѣчали, что ихъ враги, при всѣхъ своихъ колебаніяхъ и неувѣренности въ успѣхъ, возобновили бы борьбу, еслибы не были вынуждены къ молчанію посторонними обстоятельствами—все-

¹ Ibid., № 46. Что такіе слухи дѣйствительно циркулировали между хасидами, которые имъ вполне вѣрили, доказано формальнымъ дознаніемъ, произведеннымъ раввинами, и свидѣтельствами очевидцевъ.

общей политической смутой и раздорами въ общинахъ. Вскорѣ, однако, благодушствующимъ хасидамъ пришлось очнуться и испытать жестокое разочарованіе.

Быстрый ростъ хасидской секты въ Литвѣ снова сталъ привлекать къ ней вниманіе общества, по мѣрѣ того, какъ послѣднее оправлялось отъ волненій смутнаго времени. Заносчивыя увѣренія падиговъ, въ родѣ Хайкеля, и ихъ прихвостней насчетъ «раскаянія и смиренія» гаона вызвали въ Вильнѣ живѣйшее негодованіе. Сектанты заходили уже слишкомъ далеко, эксплуатируя иногда молчаніе Гаона самымъ наглымъ образомъ, съ цѣлью обезопасить себя отъ преслѣдованій или привлечь на свою сторону наивныхъ людей. Такъ, напримѣръ, въ началѣ 1796 г. хасиды прибѣгнули къ слѣдующей уловкѣ. Одинъ изъ нихъ облекся въ одѣяніе кающагося грѣшника и «справлялъ голуся», т. е. скитался по разнымъ далекимъ отъ родины мѣстамъ и подвергалъ себя лишеніямъ, во искупленіе своихъ грѣховъ. Бродилъ онъ по захолустьямъ западнаго края, удаленнымъ отъ Вильны, и забирался даже въ прусскую Польшу. Странника сопровождалъ мальчикъ-служитель, который повсюду разглашалъ, что его таинственный господинъ — родной сынъ виленскаго гаона. Самозванецъ весьма мало говорилъ и неохотно отвѣчалъ на вопросы; но когда его спрашивали, что думаетъ его отецъ о хасидской сектѣ, онъ въ глубокомъ смущеніи отвѣчалъ, что гаонъ искренно кается во всемъ, содѣянномъ имъ противъ хасидовъ, и говорить, что если бы былъ помоложе, то искупилъ бы свои прегрѣшенія тѣмъ, что ходилъ бы изъ города въ городъ съ цѣлью самолично вербовать приверженцевъ божественному ученію хасидизма. Эту мистификацію мнимый сынъ гаона повторялъ въ разныхъ городахъ пограничной Пруссіи, гдѣ многіе ему повѣрили. Но наконецъ онъ попался. По уходѣ его изъ Бреславля, гдѣ онъ многихъ успѣлъ обморочить, туда пріѣхалъ прямо изъ Вильны одинъ изъ приближенныхъ гаона, рабби Зундель, и узнавъ о продѣлкахъ самозванца, сообщилъ, что гаонъ и не думалъ каяться и что всѣ его сыновья сидятъ спокойно дома. Тогда представители бреславской общины, увѣдомленные, что самозванецъ прибылъ въ Гамбургъ, довели о немъ до свѣдѣнія гам-

бургскаго раввина, извѣстнаго Рафаила Пинскаго, который и велѣлъ задержать обманщика и примѣрно наказать его ¹.

Этотъ случай сталъ вскорѣ извѣстенъ въ Вильнѣ и окончательно вывелъ изъ терпѣнія мѣстныхъ «ревнителей». Гаонъ, хоть и глубоко возмущенный пущенной про него клеветой, все еще не рѣшался обличить клеветниковъ и тѣмъ подать сигналъ къ новому сраженію. Онъ былъ уже слишкомъ старъ и слабъ (ему было 76 лѣтъ) и боялся всякихъ сильныхъ волненій. Но ревнителямъ удалось уничтожить его колебанія. Они представили ему, какой великій вредъ для правовѣрія произойдетъ, если онъ, глава синагоги, будетъ молчать послѣ такого скандала. Продолжительное бездѣйствіе уже и безъ того унизило авторитетъ раввиновъ и дало возможность сектѣ повсюду усиливаться. Мало того, сектанты переходятъ въ наступленіе. Распространяя ложные слухи о «раскаянніи» ихъ противниковъ и особенно гаона, они вводятъ въ заблужденіе слѣпую массу и даже иныхъ благочестивыхъ раввиновъ, которые, «какъ туловище покорно головѣ», покорны авторитету гаона. Пастыри разныхъ общинъ, сбитые съ толку означенными ложными слухами, склонны уже вступить въ компромисъ съ еретиками, полагая, что такова воля ихъ верховнаго главы. За пастырями идетъ вѣрующая паства.—Ересь распространяется съ быстротою эпидеміи. Хасиды смѣются надъ безсиліемъ раввиновъ и гордятся своимъ успѣхомъ. Если прежняя борьба съ сектантами была безплодна, то нынѣшнее молчаніе прямо *опасно*, ибо въ глазахъ толпы молчаніе — знакъ согласія. Итакъ, надо во что-бы то ни стало противодѣйствовать, надо возобновить борьбу противъ «безбожной» секты, но возобновить такъ, чтобы успѣхъ былъ болѣе или менѣе обезпеченъ.

Эти убѣдительные доводы подѣйствовали. Въ гаонѣ проснулся прежній ревнитель и «воинъ Господній». Всякія колебанія исчезли. Нужно было бороться уже просто изъ чувства самосохраненія. И вотъ въ 1796 году борьба возобновилась. Открылся третій и окончательный походъ противъ хасидовъ въ

¹ Изъ рукописей, бывшихъ въ рукахъ С. І. Фина, сообщено въ примѣч. стр. 140, примѣч.

Литвъ—пеходъ, которому суждено было имѣть рѣшающее значеніе.

Время для открытія кампаніи было вполне благопріятное. Литва послѣ долгихъ войнъ и политическихъ смуть успокоилась. Весь край вступилъ въ составъ русскаго государства. Подъ ногами его обывателей почувствовалась твердая почва; крѣпкая государственная власть и прочное управленіе замѣнили прежнюю расшатанность, произволь и бесиліе власти. Поляки потеряли отечество, евреи же только перемѣнили подданство, перешедши изъ-подъ опеки слабаго и разстроенаго государства подъ покровительство могущественной державы. Утомленные безурядицею и произволомъ, они желали только покоя и порядка. Имъ казалось, что ихъ ждетъ лучшее будущее...

Евреи считали особенно для себя многообѣщающимъ тотъ фактъ, что новое правительство не наложило рукъ на ихъ внутреннее самоуправленіе и оставило въ силѣ всё ихъ общинныя учрежденія: кагалъ, раввинатъ, религіозныя братства. Они были увѣрены, что подъ покровительствомъ русскаго правительства эти учрежденія еще болѣе упрочатся. Кагалы, обезсиленные прежнею смутою, теперь воспрянули: будущее улыбалось имъ. Они будутъ управлять общинами на твердыхъ началахъ, завѣщанныхъ предками, въ духѣ правовѣрія и строгаго консерватизма. Съ врагами установленныхъ порядковъ они, конечно, сумѣютъ справиться. Справятся они и съ хасидами, этими «вѣроотступниками» и нарушителями общественнаго спокойствія. Долго сектантамъ все сходило съ рукъ: довольно! Настало время подавить этотъ духъ крамолы, положить конецъ преступной агитаціи, колеблющей основы раввинскаго іудаизма, и употребить для этого всю силу свѣтской и духовной власти.

Такія мысли должны были занимать и виленскихъ «ревнителей», когда послѣднія дерзкія выходки хасидовъ окончательно истощили ихъ долготерпѣніе. Всѣ были настроены на воинственный ладъ. Весною 1796 г., въ Вильнѣ, подъ предѣтельствомъ гаона, состоялось засѣданіе раввиновъ и представителей кагала. Было рѣшено: 1) призвать къ борьбѣ противъ

хасидовъ всё вліятельнѣйшія еврейскія общины Литвы и Бѣлорусіи; 2) послать двухъ уполномоченныхъ,—виленскаго раввина, Хаима Черейскаго, и ученика Гаона, Саадія-бенъ-Натана,—съ порученіемъ явиться къ представителямъ означенныхъ общинъ и совѣщаться съ ними о мѣрахъ противодѣйствія хасидской пропагандѣ; 3) разослать повсюду циркуляръ, за подписью гаона, для опроверженія ложныхъ слуховъ, распускаемыхъ хасидами насчетъ мнимаго «раскаянія» раввиновъ, и довести до всеобщаго свѣдѣнія о принятыхъ въ Вильнѣ рѣшеніяхъ.

Циркуляръ отъ имени гаона, подписанный въ началѣ іюня 1796 г., гласилъ:

«Съ помощью Божіею, день третій, начало мѣсяца Сивана 5556 года, въ святомъ градѣ Вильнѣ.

«Благоговѣющимъ передъ словомъ Божіимъ и ученіемъ Его, сынамъ Авраама, Исаака и Якова, чадамъ святымъ, первороднымъ, соблюдающимъ заповѣди Господа и вѣрнымъ завѣту Его,—да удостоятся они вступить въ Іерусалимъ, градъ величія Его,—миръ и благословеніе!

«Я слышу клевету многихъ, громкому голосу поношенія и ругательства внимаю. Шайка людей злыхъ и преступныхъ, именующихъ себя *хасидами* и возмутившихся противъ Отца своего Небеснаго, хвастаетъ, увѣряя, будто я отрекаюсь теперь отъ всего, что я сказалъ о нихъ доселѣ, одобряю всё ихъ дѣйствія и считаю ихъ путь праведнымъ. Этимъ способомъ они, хасиды, ловятъ въ свои сѣти многихъ сыновъ нашего народа, души которыхъ не должны поддаваться искушенію. И такъ какъ я боюсь, чтобы не нашлись еще и другіе люди, которые дадутъ вѣру ихъ словамъ, я симъ рѣшительно объявляю, чтобы, сохрани Господи, не навязывали мнѣ такихъ нелѣпостей. Не будетъ подобнаго во Израилѣ! На своемъ посту стою я, какъ въ былое время, такъ и теперь. На всякомъ, носящемъ имя израильтянина и имѣющемъ въ сердцѣ страхъ Божій, лежитъ священная обязанность отталкивать ихъ (хасидовъ) и преслѣдовать, доколѣ рука еврейская достигаетъ, ибо преступленіе скрывается внутри ихъ, и невыносимы они еврейству, какъ язва.

«Нынѣ вызвались два славныхъ мужа—раввинъ испытанной учености, рабби Хаимъ изъ Черей, вѣрный пастырь нашей об-

щины, и ученый единомышленникъ его, извѣстный Саадій сынъ Натана-Ноты—и согласились объѣхать края литовскій и русскій (т. е. бѣлорусскій), дабы разгласить о томъ между всѣмъ братьями нашими израильянами. Поэтому необходимо, чтобы всякій, сердца котораго коснулся страхъ Божій, оказывалъ имъ всякаго рода содѣйствіе, какъ личное, такъ и денежное, для удовлетворенія всѣхъ надобностей означенныхъ уполномоченныхъ. Можетъ быть; свыше помогутъ намъ этимъ путемъ искоренить имя ихъ (хасидовъ) съ лица земли.—*Илія сынъ Залмана изъ Вильны* ¹.

Спустя мѣсяць слишкомъ, 6-го тамуза (середина іюля 1796 г.), представители виленскаго кагала, въ числѣ пяти чело-вѣкъ, засвидѣтельствовали подъ текстомъ этого циркуляра подлинность подписи гаона и скрѣпили документъ официально. ² Копіи съ циркуляра вручили названнымъ двумъ посламъ для предъявленія по пути своего слѣдованія представителямъ общинъ и раввинамъ. Посламъ даны были также подробныя личныя инструкціи, какъ именно агитировать противъ хасидовъ, въ чемъ обвинять ихъ, какъ диспутировать по вопросамъ вѣры съ вождями секты, какія средства борьбы рекомендовать раввинамъ; но точное содержаніе этихъ инструкцій намъ неизвѣстно ³.

Подъ праздникъ новаго года (еврейскаго, 5557-го), послы, Саадій и Хаимъ, прибыли въ Минскъ. Мѣстные хасиды, зная, какъ зажигательно дѣйствуетъ на умы каждое слово гаона, сильно встревожились и распространили слухъ, будто циркуляръ, привезенный уполномоченными, подложенъ и никогда не былъ подписанъ гаономъ, который будто-бы продолжаетъ благоволить къ сектантамъ ⁴. Этотъ ложный слухъ смутилъ многихъ. Сомнѣніе укрѣплялось еще тѣмъ, что посланные предъявили не подлинникъ письма гаона, а лишь копію съ

¹ Напечатано впервые въ книгѣ проповѣданка Израіля Лейбеля *מגילת חב* (Баршава, 1798). Намъ взято изъ рукописнаго экземпляра, л. 4б.

² Тамъ же.

³ Что инструкціи были, видно изъ отвѣтнаго письма Залмана, которое будетъ приведено въ слѣдующей главѣ.

⁴ *מגילת חב*, стр. 141.

него. Минскіе раввины и правители кагала склонны были повѣрить посламъ, но ихъ затрудняло недоувѣріе массы, которую можно было подвинуть на борьбу съ сектою не иначе, какъ по призыву гаона; а призывъ-то этотъ вдругъ оказался сомнительнымъ! Чтобы выйти изъ затрудненія, минскіе ревнители отправили нарочныхъ пословъ въ Вильну съ письмомъ къ гаону, слѣдующаго содержанія:

«День третій, 5-го Тишри, 5557 года; въ святомъ градѣ Минскѣ.

«Да возсіяетъ свѣтъ, какъ утренняя заря, владыкѣ, учителю и пастырю нашему, вождю всѣхъ сыновъ разсѣванія, мужу святому, оваренному славою, Илин,—да сіяетъ свѣточъ его!

«Въ виду того, что размножились въ нашемъ городѣ развратители сего поколѣнія, люди превратныхъ убѣжденій, именующіе себя *хасидами*, увлекающіе на гибель обывателей города, ежедневно рыскающіе за добычей и ловящіе въ свои сѣти души юныя и нѣжныя, даже школьныхъ дѣтей, при чемъ люди эти все болѣе усиливаются, размножаются и матеріально разоряютъ обманутыхъ ими простолюдиновъ, какъ хорошо извѣстно вамъ, человекъ, проникнутому духомъ Божіимъ. — (въ виду всего этого, мы давно рѣшили принять мѣры противъ означенныхъ сектантовъ)¹. Но мы подумали: если человекъ, котораго Царь (небесный) захотѣлъ возвысить, если вы, нашъ покровитель, глядя на все это, стоите и не поднимаете своего голоса, чтобы истребить нечестивыхъ и искоренить тернии, то что же намъ дѣлать? И поэтому не хватило у насъ духа выступить противъ нихъ (хасидовъ) на войну, тѣмъ болѣе, что они могли бы дерзко возразить намъ: «Не говорите высокомерно! Вѣдь вотъ человекъ, величайшій изъ исполнителей, на котораго вы надѣетесь (гаонъ), вѣдь и онъ отвелъ отъ насъ свою карающую десницу, зная, что мы идемъ по правому пути, и соглашаясь съ нами». Поэтому мы колебались и не знали, доколѣ будетъ это (хасидизмъ) для насъ камнемъ преткновенія. Но вотъ, дождались мы, наконецъ, и услышали голосъ вашъ

¹ Фразы въ скобкахъ нѣтъ въ текстѣ, но ее нужно подразумѣвать: иначе нѣтъ никакой связи между предложеніями.

въ вашемъ посланіи. Мы видѣли горестъ сердца вашего, читая, какъ вы умоляете еврейское общество и каждого, сердца котораго коснулся страхъ Божій, ополчиться на брань противъ отступниковъ и обезсилить ихъ. Тогда мы воспрянули духомъ и стали, какъ одинъ человекъ, и рѣшились дѣйствовать общими силами, авось сжалятся Господь надъ бѣднымъ народомъ своимъ въ такое тяжелое время, и зло улетучится какъ дымъ...

«Итакъ, возлюбленный нашъ и вѣрный заступникъ! Мы имѣемъ достаточно силъ для того, чтобы сдѣлать съ хасидами, что хотимъ, и давить ихъ, насколько простирается наше вліяніе, въ нашей губерніи. И мы думаемъ, что если они начнутъ падать передъ нами, то уже не встанутъ и въ губерніяхъ Виленской и Слонимской. Съ насъ же возьмутъ примѣръ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ хасиды размножились и уснули, — о чемъ нѣтъ надобности распространяться для мужа разумнаго, какъ вы. Но теперь мы опять не знаемъ, что дѣлать, въ виду того, что мы не удостоились видѣть подлинникъ вашего высокаго посланія, а читали только копію съ него, — что дало поводъ людямъ злонамѣреннымъ клеветать и хвалиться на всѣхъ перекресткахъ, будто ваши чистыя слова написаны поддѣльно, и не отъ вашего святѣйшества изошли тѣ слова. И вотъ продолжаютъ они (хасиды) дѣлать свое дурное дѣло, и строятъ себѣ дома, и начинаютъ воздвигать для себя домъ собранія (молитвеннаго) за чертою ихъ осѣдлости.

«Обо всемъ этомъ скорбитъ сердце наше, и въ смущеніи духа пишемъ сіи слова. Но если мы еще разъ услышимъ голосъ нашего владыки въ ясномъ и толковомъ посланіи, подписанномъ вашею чистою рукою, — то мы всѣ, какъ одинъ человекъ, будемъ готовы сдѣлать все, что изрекутъ ваши уста, и что только есть въ нашихъ силахъ. Покорнѣйше просимъ только разъяснить намъ все обстоятельно и подробно.

«Съ нетерпѣніемъ ожидающіе вашего высокаго отвѣта, предводителя, правители и почетныя лица г. Минска:

Урія б. Давидъ изъ Вильны.

Яковъ-Израиль вмѣстѣ съ владыкою раввиномъ нашей общины.

Леуда-Лейбъ б. Моше.

Илія б. Цеси-Гиршъ.

(Слѣдуютъ еще 22 подписи разныхъ лицъ) ¹.

Это письмо, высланное изъ Минска спустя три дня послѣ правдника новаго года, привезено было въ Вильну черезъ два-три дня, т. е. почти наканунѣ «страшнаго дня» Всепрощенья (Іомъ-Кипура). Можно себѣ представить удивленіе и огорченіе гаона и его свиты при полученіи такого посланія, которое было, конечно, дополнено подробными устными сообщеніями подателей посланія о смутномъ настроеніи минскихъ обывателей. Однако, тотчасъ отвѣчать было невозможно: пришлось переждать Іомъ-Кипуръ ². Прошелъ торжественный канунъ поста, когда даже враги прощаютъ другъ другу обиды и примираются, прошелъ и самый день Всепрощенья,—только хасидамъ не было прощенья. Слишкомъ много злобы накинѣло противъ нихъ. Сердца ревнителей жаждали мщенья отступникамъ, дерзнувшимъ подвергнуть сомнѣнію слова гаона и дискредитовать его уполномоченныхъ. На другой день послѣ Іомъ-Кипура, гаонъ, еще изнуренный постомъ и суточнымъ бдѣніемъ, старчески немощный и больной, собрался съ силами и продиктовалъ слѣдующее знаменательное посланіе, обращенное не только къ минскому кагалу, но и ко всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ вождямъ евреевъ Литвы, Бѣлоруссіи, Подолии и Волыни:

«Вѣрные сыны Израіля, благоговѣно покорные слову Божію, идущіе на проломъ, дабы отстоять домъ Израилевъ, очистить сердца отъ камней, охранить паству Божію, какъ пастырь — стадо свое; — вы, предводители губернскаго кагала г. Минска, — да охранить васъ Богъ за то, что вы первые вышли на священную борьбу! Пламя вашего рвенія прорвалось и охватило сухіе сучья, которые слѣдуетъ искоренить изъ вертограда Господня — изъ народа, избраннаго Богомъ, какъ наслѣдіе Его. Если они (хасиды) издѣваются (надъ закономъ), то сокрушите имъ голову! Пусть безумцы, строящіе козни, поймутъ, что ждетъ ихъ, и не вернуться къ своему безумію!

¹ תשובה ט"ו, א. 5.

² תשובה ט"ז стр. 141

«Первыми должны выступить въ походъ вы, герои, избранники означеннаго города, а съ вами должны раздѣлить трудъ ваши пастыри, избранные въ губернскомъ кагалѣ. Вы же, горы Израиля, духовные пастыри каждой губерніи, свѣтскіе вожди каждой губерніи, вы, предводители губернскихъ кагаловъ Могилева, Полоцка, Житомира, Винницы, Каменца-Подольскаго, — въ вашихъ рукахъ есть молотъ, которымъ вы можете разбить злоумышленниковъ, противниковъ свѣта, враговъ народа, и обратить ихъ въ бѣгство! Вы, воины слова Божія, имѣете силу искоренить тѣхъ, которые окажутъ сопротивленіе справедливому приговору, который вы произнесете надъ виновными. —

... «Горе этому роду (хасидовъ), проклинающему своего отца (Бога) и не благословляющему своей матери (св. Торы)! Тяжко провинилась она передъ вами, отвернувшись отъ васъ и ожесточивъ сердце свое, дабы въ грубомъ невѣдѣніи презирать доброе и предпочитать дурное. Они нарушили законы, отвергли постановленія своего Создателя и дѣлаютъ въ божественномъ ученіи открытія несогласныя съ истиною... Унаслѣдованное нами ученіе Моисеево они урѣзываютъ, сочиняютъ новый завѣтъ, строятъ козни въ домѣ Божіемъ, отказываются употреблять чистое мясо ¹, толкуютъ превратно законы вѣры и воображаютъ, что ихъ путь угоденъ Богу!

«На это камни изъ стѣнъ вопіютъ, и небо облачается въ трауръ, ибо вѣнецъ закона оскверненъ, и высокое унижено. Они называютъ себя *благочестивыми* («хасидимъ»)! Какой позоръ! Какъ высокомѣренъ этотъ родъ! Какія дерзкія слова бросаетъ онъ въ сторону Верховнаго! Указываютъ на всякое дерево, на всякій камень и говорятъ: вотъ Богъ твой, Израиль! Они толкуютъ многія мѣста Св. Писанія совершенно превратно, особенно же стихи: «*Благословенъ Господь славы съ своего мѣста*» и «*Ты (Господи) оживляешь все*» ². Горе ихъ дурнымъ пастырямъ, измыслившимъ отъ себя новый законъ и новое ученіе! Уче-

¹. Намекъ на хасидскій способъ убоя слота.

². Хасидамъ, какъ извѣстно, толкуютъ эти стихи въ смыслѣ *буквальной* всездѣшности Бога, скрывающагося во всѣхъ вещахъ, какъ ихъ причина или субстратъ. Гаонъ видѣлъ въ этомъ мнѣніи признакъ ереси Спинозы.

ники, жившіе послѣ нихъ, выпили этотъ отравленный напитокъ—и теперь имя Божіе оскверняется черезъ нихъ. Между ними (хасидами) есть люди, запятнавшіе себя кровью невинныхъ бѣдняковъ. Всякому дурному дѣлу они содѣйствуютъ, всякаго злодѣя и грѣшника поддерживаютъ. Не малую долю въ ихъ безобразіяхъ имѣютъ вельможи и богачи нашего народа. Что же сдѣлаютъ эти нечестивые, когда Богъ возстанетъ и вышлетъ съ нихъ? Вѣдь Онъ воздастъ имъ по заслугамъ и погубитъ ихъ посредствомъ ихъ же собственныхъ беззаконій и злодѣйствъ. Исповѣдываться и рыдать должны эти несчастные и бить рукою по бедрамъ. Ибо было-ли когда-либо во Израилѣ время, подобное настоящему, когда Вѣра отринута, Правда попирается ногами среди улицы, а на ея престолѣ возсѣдаетъ Ложь, увлекающая души на погибель? Если-бы мы вздумали описать все, то устала-бы рука, да и бумаги не хватило-бы на изображеніе всѣхъ ихъ злодѣйствъ и грѣховъ... Вотъ до чего мы дожили, о Боже! Израиль—заблудшая овца, а сатана пришелъ и смутилъ ее на распутьи своими дурными совѣтами!...

«Нѣтъ, надо найти убѣжище отъ свирѣпствующей бури, надо выровнять кривые пути и очистить ихъ отъ камней преткновенія! Надобно отомстить за ученіе Божіе, вѣнецъ котораго сброшенъ на землю этими своевольниками (хасидами). Нужно всенародно наказывать скорпіонами этихъ безумцевъ, для ихъ же исправленія. Пусть никто не сжалится надъ ними и не пріютитъ ихъ! Пусть общество лицемѣровъ останется всѣми покинутымъ! Тотъ, кто послѣдуетъ за ними, пусть будетъ выставленъ къ позорному столбу! Но развѣ найдется такой, который былъ бы настолько низокъ и безчувственъ, настолько окаменѣлъ сердцемъ, чтобы не чувствовать всего зла, причиняемаго (отступниками) народу Божію?

«Облекитесь рвеніемъ во имя Бога, пусть искры летятъ изъ-подъ вашихъ ногъ, пусть пламя пышетъ изъ устъ вашихъ, пусть сверкаетъ мечъ,—мечъ мститель за божественный законъ, за священный завѣтъ! Остающіеся увидятъ и возрадуются, ибо отрадно праведнику совершать правый судъ; злодѣевъ же постигнетъ поражение, которое Господь ускоритъ въ свое время.

«Такъ говорить, съ горестью въ душѣ, скорбящій о проис-

ходящемъ, ревнующій за Бога и къ Нему возносящій душу свою, — *Имя снъ блаженнаго р. Залмана* ¹.

Подпись сдѣлана гаономъ собственноручно, что удостовѣрено шестью виленскими раввинами-судьями, подписавшимися подъ приведеннымъ документомъ, въ тотъ же день, а именно: 11-го тишри 5557 г. (*сентябрь 1796 г.*).

Многіе изъ нынѣшнихъ читателей, привыкшихъ къ связанной логической рѣчи, вынесутъ, вѣроятно, самое смутное впечатлѣніе изъ чтенія этого оригинальнаго посланія, состоящаго изъ беспорядочной массы произвольно подобранныхъ библейскихъ выраженій и даже цѣлыхъ стиховъ, логическую связь которыхъ приходится отгадывать и дополнять самому читателю (что отчасти и сдѣлано въ нашемъ переводѣ). Современники же находили этотъ документъ не только совершенно яснымъ, но и въ высшей степени краснорѣчивымъ. Для нихъ были очевидны слѣдующіе практическіе выводы, которые можно было сдѣлать изъ превыспренней рѣчи виленскаго оракула, а именно:

1) Что гаонъ призываетъ вѣрующихъ къ открытой *административной борьбѣ* съ хасидами, вслѣдствіе чего обращается преимущественно къ «губернскимъ кагаламъ», признаннымъ и русскимъ правительствомъ, а не къ однимъ духовнымъ пастырямъ, имѣвшимъ только одно орудіе кары — отлученіе отъ синагоги. (Въ этомъ отношеніи новое посланіе существенно отличается отъ всѣхъ предыдущихъ посланій, циркуляровъ и воззваній (напр. 1772 и 1781 гг.), гдѣ обращались главнымъ образомъ къ раввинамъ съ просьбою карать «отступниковъ» синагогальными проклятiями и «херемами»).

2) Хасиды на сей разъ обвиняются гаономъ уже не въ одномъ лишь нарушеніи внѣшнихъ обрядовъ, а въ опаснѣйшей ереси, направленной противъ самой основы религіозной догматики, а именно: въ *буквальномъ толкованіи идеи вездѣсущности Божіей*, клонящемся къ мистическому или философскому пантеизму. Эта тенденція, какъ намъ извѣстно, дѣйствительно явно проглядывала въ хасидскихъ книгахъ.

3) Дозволяются и даже предписываются всевозможныя сред-

¹ מצותה רבב א. 5 ב. ו בא—ב.

ства борьбы противъ хасидовъ, а выборъ такихъ средствъ предоставляется усмотрѣнію каждаго «губернскаго кагала», который имѣеть соображаться съ мѣстными условіями и удобствами.

Надо вспомнить, какъ велико было въ то время повсюду обаяніе имени гаона, какъ чутко прислушивались къ каждому его слову, — чтобы понять, какое впечатлѣніе должно было произвести вышеприведенное посланіе. Его повсюду читали и знали наизусть¹. Каждое слово его, каждая буква толковались и тщательно взвѣшивались, какъ слово или буква закона. Необычайная рѣзкость тона дѣйствовала зажигательно. Верховный глава раввинизма изрекаетъ свой гнѣвъ, — какъ было не встрепенуться его восторженнымъ поклонникамъ? А поклонялось ему все правовѣрное еврейство Литвы и Бѣлоруссіи. Въ Подоліи и Волыни голосъ гаона не былъ услышанъ: тамъ раввинизмъ уже лишился престола и хасидская іерархія господствовала почти безраздѣльно; но на сѣверѣ верховный авторитетъ гаона свято чтли, и каждое приказаніе его считалось обязательнымъ.

Между тѣмъ агитація виленскихъ пословъ, Саадія и Хаима, продолжала волновать умы. Изъ Минска, гдѣ по полученіи рѣшительнаго отвѣта гаона ихъ миссія увѣнчалась успѣхомъ, они поѣхали дальше въ Могилевъ, Шкловъ, Полоцкъ и другіе еврейскіе центры. Повсюду они развозили вышеприведенныя прокламаціи гаона, проповѣдывали въ синагогахъ противъ хасидской ереси и возбуждали въ вѣрующихъ ненависть къ сектантамъ.

Началась глухая, но упорная борьба въ общинахъ. Хасидовъ снова стали прижимать, съ ними прерывали сношенія, мѣшали имъ собираться для молитвы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они были малочисленны. Съ особеннымъ усердіемъ стали жечь ихъ книги, гдѣ, по убѣжденію раввиновъ, таилась та опасная ересь, на которую указывалъ гаонъ въ своемъ посланіи. Такъ, сжигались и истреблялись извѣстныя книги Якова-Іосифа, Бера

¹ Многіе цитаты изъ этого посланія стали впоследствии ходячими формулами антихасидской литературы, и даже нынѣ многіе ихъ еще помнятъ и цитируютъ наизусть.

изъ Межирича, сочиненія, приписываемыя Бешту, и «Таніо» Залмана ¹. Но все это была только прелюдія борьбы: то были небольшія стычки и перестрѣлки передъ рѣшительнымъ сраженіемъ, къ которому ревностно готовились.

А готовились къ нему не отдѣльныя лица, а вся вѣрующая масса, воспламененная призывомъ гаона и напуганная тѣми ужасами, которыми, какъ всё тогда думали, грозилъ еврейству успѣхъ «безбожной» секты. Въ это именно время появляется и входитъ во всеобщее употребленіе кличка *Миснагимъ* (מסנגים — противники или сопротивляющіеся) для обозначенія всѣхъ не принадлежащихъ къ хасидской сектѣ, т. е. подавляющаго большинства народа въ Литвѣ и Бѣлоруссіи ². Эта кличка, сохранившаяся и до сихъ поръ, весьма характерна. Всѣ евреи, оставшіеся вѣрными старымъ обычаямъ, назвали себя «противниками» хасидской секты, *протестантами*. Въ Германіи «протестантами» называютъ тѣхъ, которые отпали отъ стараго католичества и приняли реформацію Лютера; у евреевъ же вышло наоборотъ: сектанты-нововводители сохранили за собою положительное названіе — «хасиды» (благочестивцы), а все старое ортодоксальное еврейство именуется, по отношенію къ нимъ, отрицательнымъ названіемъ — «протестанты». Спросите нынѣ любого еврея, изъ какихъ религіозныхъ группъ состоитъ данная еврейская община, — и вы услышите стереотипный отвѣтъ: «Изъ миснагидовъ (противниковъ) и хасидовъ». Выходитъ, будто основою іудейства былъ хасидизмъ, а раввинская ортодоксія народилась уже позже, какъ противовѣсъ хасидизму, что исторически совершенно нелѣпо. Это неправильное наименованіе всѣхъ евреевъ старой вѣры «миснагидами», нынѣ звучащее столь странно, объясняется однако *временнымъ* исто-

¹ Подробности объ этомъ моментѣ борьбы намъ неизвѣстны, но общій ея характеръ можно выслѣдить по послѣдствіямъ и по нѣкоторымъ близкимъ указаніямъ въ современныхъ документахъ, какъ, напр., въ תשובת הגאון ז"ל (посланіе Залмана въ концѣ книги). Жги въ особенности книги: דברי חיים ופתיחות, דברי חיים ופתיחות, דברי חיים ופתיחות, — первыя наданія которыхъ поэтому почти совершенно исчезли.

² Слово «миснагимъ», какъ общеупотребительный терминъ для обозначенія антихасидовъ, впервые приведено въ книгѣ Израиля Лейбеля תשובת הגאון (1797—98 гг.) и затѣмъ повторено во многихъ современныхъ документахъ.

рическимъ фактомъ: въ концѣ прошлаго вѣка, во время анти-хасидскаго движенія, всѣ евреи, не увлекшіеся хасидскимъ ученіемъ, дѣйствительно были «миснагидами», т. е. противниками хасидской секты, протестантами, боровшимися противъ послѣдней. Кличка «миснагиды», имѣвшая тогда фактическое значеніе, сохранилась за ортодоксами и потомъ, по прекращеніи религіозной борьбы, — вслѣдствіе чего кличка эта и звучитъ нынѣ анахронизмомъ.

С. М. Дубновъ.

(Продолженіе будетъ).

МОЛИТВА.

Сладкіе звуки, святія мгновенья,
Ангель-ли въ небѣ васъ зародилъ?
Сколько въ васъ счастья, сколько водненья,
Сколько восторженныхъ силъ!

Музыки неба, едва уловимой,
Отлики въ созвучіяхъ слышится мнѣ,
Словно молитву творять херувимы,
Славятъ Творца въ голубой вышинѣ.

Влагой туманною кроются очи, —
Слезы въ нихъ, слезы... Разсудокъ молчить...
И пробудиться нѣтъ власти, нѣтъ мочи,
Слышу душою: Господь говорить!

О, какъ ничтожны земныя мученья,
Вѣчныя тайны я сердцемъ постигъ —
Въ этотъ торжественный мигъ просвѣтленья,
Въ этотъ таинственный мигъ!

И. Т.

ЧЕРЕЗЪ ГРАНИЦУ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ДѢТСТВА.

Осень въ полномъ разгарѣ. На дворѣ Кислевъ (ноябрь), недѣли этакъ за двѣ до Хануки. Льетъ частый и довольно крупный дождь изъ низконависшихъ почти надъ самою землею сѣро-дымчатыхъ неподвижныхъ тучъ.

Я только что пришелъ изъ хедера «обѣдать» и, сидя за столомъ, ѣлъ съ величайшимъ наслажденіемъ натертый чеснокомъ ломоть хлѣба, который каждый разъ приподношу ко рту другимъ манеромъ, другою стороною, другою рукою, и все это наперекоръ ругани сестры, находящей эту манеру кушать и мужчицкой, и свинской. Ноги тоже при этомъ не остаются въ бездѣйствіи и сильно стучать по перекладинамъ стола. Все это, однако, мнѣ ничуть не препятствуетъ смотрѣть во дворъ, черезъ затуманенныя тусклыя стекла, о которыя ежеминутно разбиваются тысячи дождевыхъ капель. Нигдѣ не видно живой души. Одна безконечная слякоть и огромныя мутныя лужи, среди которыхъ кое-гдѣ въ беспорядкѣ торчатъ землянки. Вотъ изъ трубы землянки «бондерингъ» (жены бондаря) валитъ густой черный дымъ, который горизонтальнымъ почти столбомъ направляется направо и стелется почти по самой землѣ, закрывая передо мной весь видъ. Самъ не знаю почему, я вдругъ притихаю и, держа ломоть у самаго рта, съ большимъ вниманіемъ присматриваюсь къ этому дыму. «Вотъ когда бы дымъ всегда направлялся къ землѣ, тогда вѣдь неба не было бы», начинаю я философствовать про себя. «Ну что же тогда видно было бы надъ нами? Можетъ быть, Бога и ангеловъ? Э, вѣдь небесъ цѣлыхъ семь», опровергаю я себя вдругъ. Затѣмъ у меня возникаетъ новый

вопросъ: всё-ли небеса образуются изъ дыма, или только первое. Стая вороновъ, спустившихся вдругъ съ шумнымъ карканьемъ на ближайшій частоколь, отвлекаетъ мое вниманіе отъ этихъ астрономическихъ и теологическихъ проблемъ и приковываетъ его къ этимъ птицамъ, которыхъ я очень любилъ, не смотря на всё ужасы, рассказанные въ хедерѣ про ихъ роковое, вѣщее карканье. Я смотрю, какъ онѣ установились длиннымъ густымъ рядомъ и стоятъ, немного вздувши крылья, съ опущенными зарытыми въ густыя перья головками, такъ что снаружи торчатъ одни клювы. Нѣкоторыя изъ нихъ спустились,—однѣ на землю, другія на крышу землянки, откуда валить дымъ,—и медленно раскачиваются, очевидно отыскивая какую нибудь пищу. Я снова принимаюсь жевать и смотрю на трубу съ опрокинутой макитрой, и вдругъ мнѣ начинаетъ казаться, что эта труба съ макитрой на макушкѣ вполне походитъ на моего мучителя Ваньку въ длинной холщевой рубахѣ и съ отцовской бараньей шапкой на головѣ. Вотъ такъ онъ меня поджидалъ на кучѣ навоза каждый разъ, когда я ходилъ въ хедеръ мимо ихъ землянки, поджидалъ, чтобъ вцѣпиться въ мои несчастные пейсы, или забросать меня камнями. Для вѣщаго усугубленія иллюзій, я пальцемъ нажимаю глазъ, и мой Ванька продѣлываетъ разныя эволюціи, то подпрыгивая вверхъ, то опускаясь.

— Чтобъ ты сгорѣлъ съ твоими штучками,—начинаетъ сестра въ негодованіи.—Вѣдь больше ему не о чемъ думать, какъ объ этихъ глупостяхъ. Подумаешь, счастливецъ какой! Иди, иди уже въ землю—въ твой хедеръ.

И такъ какъ дѣйствительно уже было пора, то я, при всемъ моемъ искреннемъ желаніи поступать на зло сестрѣ, наскоро совершаю послѣ-трапезную молитву и начинаю собираться въ хедеръ. Едва успѣлъ я взять въ руки мой круглый бумажный фонарь, въ картонномъ днѣ котораго торчалъ крошечный кусочекъ сальной свѣчи, какъ къ намъ вбѣжала запыхавшися Голда, миловидная, полная, краснощекая дѣвушка лѣтъ пятнадцати, съ большими темнорусыми косами, подвязанными на затылкѣ въ видѣ большого бублика, дочь р. Шлоймы, одного изъ почтенныхъ мѣстныхъ торговцевъ и домохозяевъ.

— Пріѣхалъ мой отецъ и привезъ вамъ письмо отъ матери, — проговорила она и сейчасъ же выбѣжала.

Уже полтора мѣсяца какъ мать уѣхала вѣстотъ съ старшей моей сестрой въ Кульчи, гдѣ умеръ мужъ послѣдней, за котораго она вышла всего за годъ до описываемой эпохи.

Полученіе письма уже само по себѣ считалось въ нашемъ городкѣ чрезвычайнымъ событіемъ, такъ какъ о почтовыхъ сообщеніяхъ мы даже и не слышали никогда. И потому, когда случилось такое рѣдкое событіе, то объ этомъ зналъ старъ и младъ, и не только самъ фактъ полученія дѣлался всѣмъ извѣстенъ, но и все содержаніе письма. Я поэтому, помимо большой радости, ощутилъ еще какую-то немовѣрную гордость. И затѣмъ въ головѣ мигомъ блеснуло еще наиприятнѣйшее соображеніе, что подъ прикрытіемъ письма я могу придти въ хедеръ позже на часъ или два. Мы немедленно изъ всѣхъ силъ побѣжали къ р. Шлоймѣ. Однако, сейчасъ по выходѣ изъ дома, у насъ возникъ серьезный споръ. Сестра требовала, чтобъ мы шли «задней стороною», а я настаивалъ, что слѣдуетъ идти «улицей».

Настаивалъ я на «улицѣ», потому что, идя задней стороною, надо было проходить мимо хедера, и я боялся, что ребенка задержатъ. Сестра же боялась застрянуть въ грязи, которая по улицѣ стояла невылазная, между тѣмъ какъ заднею стороною можно было кое-какъ пробраться, держась за заборы, стѣны и т. д. Разумѣется, страхъ передъ хедеромъ взялъ у меня верхъ надъ страхомъ передъ грязью, и мы съ сестрой, обмѣнявшись предварительно проклятіями, пустились различными дорогами.

Передъ домомъ ребѣ Шлоймы стояла до осей въ грязи большая молдавская каруца (телѣга), нагруженная разными ящичками, боченками, жестянками, мѣшками и тюками, которые дѣятельно выгружались старымъ молдаваниномъ съ давно небритую щетинистою бородою. Звали его бади Штефаномъ, и былъ онъ неизмѣннымъ фурщикомъ всѣхъ лавочниковъ, ѣздившихъ за товарами. Ему помогали два прѣтущихъ здоровьемъ сына р. Шлоймы, Беръ и Ицикъ.

Лошади стояли привязанныя къ дышлу, съ понурыми голо-

вами и широко раскрытыми глазами, и не дотрогивались до лежавшаго передъ ними сѣна. И было что-то страдальческое въ измученномъ выраженіи изнуренныхъ животныхъ. Не смотря на все желаніе опередить непремѣнно сестру, я, однако, не могъ устоять передъ соблазномъ осмотрѣть каруцу и лошадей во всѣхъ подробностяхъ. Видя полное смиреніе послѣднихъ, я осмѣлился потрепать ихъ за гривы, хвостъ и дошелъ даже до морды, все, разумѣется, съ оглядкой. Наконецъ, прогнанный Беромъ, я зашелъ въ домъ, гдѣ уже нашелъ сестру, стоявшую въ нерѣшительности среди комнаты, такъ какъ на нее никто не обращалъ вниманія. Не больше вниманія вызвало и мое появленіе.

Комната была завалена мокрыми отъ снѣга узлами, всякаго рода банками, мокрой одеждой, огромными грязными сапогами, и имѣла въ эту минуту крайне непривѣтливый видъ. По временамъ пропыхгали то сама хозяйка, толстая неуклюжая Зисель, то одна изъ ея двухъ дочерей, Голда или Эстеръ. Самого р. Шлоймы не было. Спустя полчаса появился и онъ, въ сопровожденіи бади Штефана, и между ними завязался безконечный споръ, очевидно изъ-за расплаты. Но вотъ Штефанъ, заложивъ кнутъ подъ мышку, сталъ наконецъ считать полученныя деньги, перекладывая ихъ съ десятокъ разъ изъ одной своей ладони на другую; затѣмъ, тщательно плюнувъ на нихъ — для счастья, — уложилъ въ грязный кожаный мѣшочекъ и засунулъ глубоко въ карманы своихъ широкихъ кожаныхъ шароваръ. Выпивъ залпомъ полученный изъ рукъ Зисель стаканчикъ «ратю» (водки), онъ ушелъ очень довольный, пожелавъ хозяевамъ всякихъ благъ. Прошло, однако, еще очень долго, пока всѣ узлы и товары были рассмотрѣны и убраны, уже наступили полные сумерки, когда въ домъ воцарился кое-какой порядокъ и стали накрывать на столъ. Раза два, правда, то Зисель, то р. Шлойма просили насъ подождать, пока все уляжется.

Я, однако, не особенно тяготился ожиданіемъ и съ величайшимъ любопытствомъ и удовольствіемъ присматривался ко всему, что дѣлалось, и слушалъ рассказы р. Шлоймы про свое путешествіе: какъ онъ въ дорогѣ застрялъ и долженъ былъ

провести субботу въ деревнѣ, гдѣ не было ни одного еврея; какъ онъ было забылъ одинъ увель на станціи и т. д. Наконецъ, уже при зажженной свѣчѣ всѣ усѣлись за столъ, и когда въ огромной мискѣ былъ поданъ дымящійся супъ съ фасолями, Зисель обратилась къ намъ: «Ну, что же вы не спрашиваете о матери?» Этотъ вопросъ поставилъ насъ въ весьма затруднительное положеніе, такъ какъ мы рѣшительно не знали, какъ начать. Наконецъ, сестра пробормотала что-то про письмо.

— Письмо есть,—сказалъ р. Шлойма,—но оно не къ вамъ, а къ р. Шоэль-Арону насчетъ васъ. Это письмо мнѣ передалъ въ Луминорѣ мой родственникъ р. Нухимъ, который недавно былъ въ Борбуцахъ и видѣлъ тамъ твою мать съ Беллой (имя моей сестры). Онѣ туда пріѣхали изъ Кульчи хлопотать, чтобъ имъ выдали то, что осталось послѣ ея мужа Шулема. Ну, у молдавскихъ властей,—чтобъ они всѣ погибли,—много сдѣлаешь! Это все взяточники, грабители. Такъ все и пропало у кульчинскаго комиссара. Говорятъ, до ста червонцевъ отъ него осталось. Даже одежду его набралъ себѣ.

Зисель, къ которой р. Шлойма собственно обращался, всплеснула руками и искренно пожелала комиссару «проболѣть» эти деньги до послѣдняго гроша.

— Теперь,—продолжалъ р. Шлойма,—онѣ должны переправиться черезъ границу (въ Россію) и поѣхать въ О., гдѣ живетъ братъ покойнаго мужа Веллы, чтобы взять «халицу».

Не смотря на все мое дѣтское легкомысліе, при этомъ извѣстіи у меня сердце сильно сжалось и слезы ручьемъ потекли изъ глазъ. Мать я любилъ всей силою своей дѣтской души: ничто и никто не имѣлъ для меня столько невыразимаго обаянія; какъ мысль о ней. Все, что было у меня тогда дорогого, священнаго, что заставило меня трепетать всѣмъ сердцемъ—сосредоточивалось въ ней одной. Мысль о ея пріѣздѣ, о радости видѣться съ ней меня рѣдко покидала и наполняла меня какимъ-то невыразимымъ свѣтлымъ счастьемъ. И вдругъ—это единственное, радостное ожиданіе въ нашей неприглядной жизни такъ обмануто. Сестра, видя мои слезы и не менѣе меня удрученная, тоже расплакалась,

Тронутая Зисель стала насъ утѣшать, уговаривая, что мать

все-таки скоро возвратится, что мы будемъ еще счастливы и богаты всѣмъ вмѣстѣ и т. д. Затѣмъ, обратившись къ своимъ дѣтямъ, стала указывать на то, какъ они должны быть благодарны уже за то, что Богъ имъ сохранилъ родителей—и довольствоваться тѣмъ, что имѣютъ, никогда не рошща противъ судьбы. Скоро, однако, по настоянію сестры, я принужденъ былъ уйти въ хедеръ, и, такъ какъ я выразилъ сильное опасеніе, чтобъ ребе меня не билъ за послѣобѣденное отсутствіе, то со мною, для оправданія меня, былъ снаряженъ младшій сынъ р. Шлоймы, Ицикъ. Отсутствовать въ будни изъ хедера было такимъ чрезвычайнымъ событіемъ, что, когда я туда явился, все мнѣ казалось страннымъ, словно я тутъ не былъ годы, и я даже опутилъ нѣкоторую пріятность, видя своихъ товарищей, которые меня встрѣтили съ крайне любопытными взорами, не смѣя, однако, обращаться ко мнѣ съ вопросами, такъ какъ они въ то время сидѣли за столомъ передъ раскрытыми книгами Пятикнижія. Я, разумѣется, сейчасъ же сѣлъ на свое обычное мѣсто, при строгомъ взглядѣ, брошенномъ на меня ребе, не смотря на всѣ оправданія. Какъ глубоко запечатлѣлась въ моей памяти вся эта страница, раскрытая въ ту минуту. Какъ она стоитъ ясно передо мною со всѣми подробностями, эта темная, лоснящаяся жиромъ страница. И до сихъ поръ стоить мнѣ раскрыть эту страницу, и я весь переношусь въ ту эпоху, вижу всю эту обстановку, испытываю тѣ чувства, ощущаю даже царившій въ то время въ хедерѣ запахъ—какую-то смѣсь свѣчной гари, свѣжикъ коржей, пекшихся на кухнѣ, вареной капусты и бараньихъ тулуповъ, въ которые одѣвалась большая часть учениковъ. Увидѣвъ раскрытое Пятикнижіе, я сейчасъ успокоился, у меня разомъ исчезло тягостное чувство страха, которое меня постоянно охватывало, когда я садился за роковой столъ. Библия для насъ была отдыхомъ, чуднымъ, сладостнымъ отдохновеніемъ послѣ сухой и намъ совершенно недоступной галахи Талмуда. Когда раскрывали Библию послѣ Талмуда, я чувствовалъ то же, что чувствуетъ человѣкъ послѣ долгой суровой зимы, очутившійся въ первый разъ среди зеленѣющихъ полей, залитыхъ солнечнымъ сіяніемъ. И все носится предо мною текстъ этой страницы, сдѣлавшійся мнѣ почему-то особенно дорогимъ: «И поднялъ Іаковъ свои стопы

и пошелъ въ страну дѣтей Востока. И увидѣлъ онъ: и вотъ колодезь въ полѣ, и тамъ три стада овецъ отдыхаютъ около него, изъ колодезя пили стада,—и большой камень на отверстіи колодезя. И собираются тамъ всѣ стада, и скатываютъ тогда камень съ отверстія колодезя, и напаваютъ овецъ, и кладутъ опять камень на отверстіе колодезя, на его мѣсто. И сказалъ имъ Іаковъ: «Братья, откуда вы? И сказали они: «Изъ Хорона мы».—И сказалъ онъ имъ: «знаете-ли вы Лавана, сына Нахра?»—И сказали они: «Знаемъ».—И сказалъ онъ: «Миръ-ли съ нимъ?»—И сказали они: «Миръ, и вотъ дочь его, Рахиль, идетъ съ овцами».

Въ какую прекрасную чудную область наивной чистой простоты уносилъ меня этотъ прелестный рассказъ.

Этотъ текстъ, помимо своихъ поэтическихъ красотъ, имѣлъ отношеніе и къ ближайшимъ событіямъ моей жизни. Очень скоро и мнѣ пришлось «поднять стопы» и идти въ страну дѣтей Востока, гдѣ я тоже нашелъ стада, безконечныя стада...

Когда я возвратился домой, я нашелъ у насъ добрую сосѣдку Цину-Лею со всѣми ея дочерьми, и еще другую сосѣдку Фрадель съ своею старшею дочерью, ровесницей моей сестры. Мы съ сестрой жили одни, и каждую ночь какая нибудь изъ подругъ сестры приходила къ намъ ночевать. Купали мы цѣлую недѣлю дома, а по субботамъ у той же Цины-Леи, этой чудной женщины, о которой я уже много разъ говорилъ въ прежнихъ моихъ воспоминаніяхъ. Сосѣдки громко между собой болтали о событіи дня,—о приѣздѣ р. Шлойме и о халицѣ моей сестры.

— Бѣдная, несчастная Сура,—говорила Цина-Лея,—какъ ее несчастье преслѣдуетъ со всѣхъ сторонъ. Дожила, наконецъ, до того, что выдала замужъ старшую свою дочь. Сколько ей это стоило горькихъ слезъ, униженій. Зять попался хороший, благочестивый, умный, ученый и къ тому не бѣдный. Такъ вотъ же не суждено тебѣ счастье. Пожилъ три мѣсяца, уѣхалъ—и умеръ въ чужомъ городѣ, въ какой-то Кульчѣ, и все, что осталось отъ него, досталось какому-то разбойнику. А теперь еще съ халицею сколько будетъ хлопотъ. Вотъ когда уже Богъ хочетъ наказать человѣка... Сколько разъ я ей го-

ворила: Сура, не грѣшите, не горюйте такъ, не плачьте такъ по мужу. Богъ далъ, Богъ взялъ. Онъ знаетъ, что дѣлаетъ. Что мы, смертные, можемъ знать. Благодарите и за то, что есть. А она нѣтъ, все плачетъ и забыть не хочетъ.

Фрадель тоже была того мнѣнія, что надо смириться передъ волей Господа, если онъ наказываетъ, иначе можетъ постигнуть еще большее несчастье. И она привела нѣсколько примѣровъ необычайнаго смиренія, вычитанныхъ ею изъ тайтш-хумеша¹, гдѣ къ библейскому тексту присоединено множество прелестнѣйшихъ легендъ изъ Талмуда и Мидраша. Я слушалъ ихъ бесѣды, кушая все тотъ же хлѣбъ съ чеснокомъ.

Онѣ бы еще долго, вѣроятно, просидѣли, но въ стѣну раздался стукъ. Это звали домой Цину-Лею, которой домъ былъ прилѣпленъ къ нашему и имѣлъ съ нимъ общую стѣну. Рива, старшая дочь Цины-Леи, и Мирель, дочь Фрадель, остались у насъ ночевать. Дѣвцы всѣ вмѣстѣ улеглись на большой постели матери и принялись болтать и громко хохотать; я легъ на деревянной лавкѣ возлѣ печи, которой, однако, въ тотъ день не топили, и долго дрожалъ отъ холода. Дождь не переставалъ лить, и вѣтеръ все дулъ съ тою же порывистою силою. Казалось, вотъ-вотъ онъ снесетъ камышевую крышу или даже весь домъ. Я долго не могъ заснуть и невольно прислушивался къ его жалобному завыванію; мнѣ слышалась въ немъ отчетливая мелодія, однообразная, печальная, нарывающая душу. И вдругъ предо мной въ темнотѣ всталъ образъ покойнаго мужа моей сестры; я сталъ себѣ рисовать подробности его смерти, и меня обнялъ такой ужасъ, что я весь съезжился и запрятался подъ свое одѣяло, крѣпко уткнувъ лицо въ подушку. Улегшись, я принялся за любимую забаву—крѣпко прижималъ закрытые глаза къ подушкѣ, и мнѣ представлялось безконечное черное небо, усѣянное мелкими искорками. Это прекрасное зрѣлище, которое я всегда произвольно могъ вызывать, мнѣ всегда доставляло неизмовѣрное наслажденіе. Успокоившись этой забавой, я опять высунулъ голову, чтобы подышать воздухомъ.

¹ Паткивиѣ на жаргонѣ.

Черезъ незавѣщенное окно видны были блестящія лужи, тоже словно дрожавшія отъ холода. Вѣтеръ насвистывалъ все ту же грустную мелодію.

Удивительное дѣло. Никогда не замѣчаются такъ рѣзко самыя мелочныя, совершенно постороннія подробности, какъ именно въ тотъ моментъ, когда совершается самое важное, самое роковое въ вашей жизни. Сидя надъ изголовіемъ опасно больного или даже покойника, вы начинаете замѣчать самыя смѣшныя и глупыя мелочи, вамъ лѣзутъ въ голову самыя вздорныя, иногда непристойныя мысли, — и это, не смотря на всю искренность, всю глубину вашей скорби. И вотъ, не смотря на всю рѣзкость событій, послѣдовавшихъ за этимъ днемъ и долженствовавшихъ поразить мое дѣтское воображеніе, я ихъ никоимъ образомъ не могу отдѣлать отъ ихъ обстановки, отъ всѣхъ мельчайшихъ подробностей, которыя ихъ сопровождали.

Густыя сумерки слѣдующаго дня. Зимнія сумерки—это были чуднѣйшія минуты нашей хедерной жизни. Въ это время, какова бы ни была погода, нашъ ребе уходилъ въ бесъ-гамидрашъ молиться. Вся дробь, всѣ эти крошечные пятилѣтніе ребяташки, наполнявшіе хедеръ своимъ пискомъ, разошлись уже по домамъ. Остались одни мы «гемурники» (изучавшіе Талмудъ), человѣкъ десять, изъ которыхъ старшему было около двѣнадцати лѣтъ. Жена ребе со всѣми своими домохадцами—на кухнѣ, гдѣ они, впрочемъ, и постоянно оставались. Мы всѣ усаживаемся тѣсно другъ возлѣ друга у жарко натопленной печи. Рядомъ висятъ часы съ пожелтѣвшимъ, растрескавшимся циферблатомъ, съ огромными заржавленными гириями, къ одной изъ которыхъ привязанъ толкачъ отъ ступки для усиленія тяжести. Сидимъ и рассказываемъ сказки, слышанныя уже сотни разъ, но никогда не теряющія своей неисчерпаемой прелести, никогда не перестающія возбуждать нашъ ужасъ или восторгъ, смотря по содержанію. И чѣмъ страшнѣе, чѣмъ ужаснѣе это послѣднее, тѣмъ тѣснѣе жмемся мы другъ къ другу. И если въ это время заскрипитъ скамѣйка или же часы издадутъ хриплое шипѣніе, мы приходимъ въ какое-то сладостное содроганіе. Иногда же разсуждаемъ тихо, шопотомъ о самыхъ серьезныхъ вещахъ: о Богѣ, ангелахъ, небѣ, раѣ, адѣ, о разныхъ рели-

гюизныхъ вопросахъ, таинственныхъ явленійхъ, мертвецахъ, духахъ и т. п.

Иногда разговоръ заходитъ о ребѣ Мойше-Монтефіоре, о Ротшильдахъ, которые для насъ являлись совершенно сказочными лицами. При этомъ всякій высказываетъ, что желалъ бы онъ приобрести, еслибы онъ вдругъ сталъ такъ богатъ, какъ Ротшильдъ. Желаніе значительнаго большинства сводилось къ маленькой лошади съ маленькой телѣжкой; нѣкоторые мечтали о приобретеніи знаменитыхъ часовъ «галаха» (священника), о необычайности которыхъ много говорили. Были, однако, и болѣе высокіе мечтатели, говорившіе о постройкѣ какого-то совершенно необыкновеннаго «оренъ-койдеша»¹ изъ золота, который стоилъ бы миллионъ разъ миллионъ червонцевъ и брилліантовъ. Было не мало и такихъ, которые выражали желаніе немедленно отнять «у турка» «Эрець-Исроэль» (Землю Израильскую). Къ этимъ мечтателямъ принадлежалъ и я. Вообще, «Эрець-Исроэль» въ нашихъ дѣтскихъ бесѣдахъ занималъ одно изъ самыхъ высокихъ мѣстъ. Говорили мы всегда о немъ съ какимъ-то умиленіемъ, словно о любимой матери. Съ нимъ для насъ соединялось самое высокое, самое возвышенное, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самое прекрасное, — завершеніе всего, о чемъ только можетъ мечтать воображеніе. Въ комнатѣ становится все темнѣе, такъ что мы уже не видимъ другъ друга. Всѣ окружающіе предметы исчезаютъ, слившись въ одну сплошную массу. Мы вдругъ затихаемъ и прислушиваемся къ однообразному, унылому стуку маятника, который, въ эту минуту, отдается особенно странно, словно что-то далекое, замогильное... За окномъ, вырѣзывающимся блѣдно-синимъ четырехугольникомъ на густомъ черномъ фонѣ, слабо очерчивается сильно движущійся предметъ, словно тѣнь, быстро скользящая по какой-то поверхности. Это молодое деревцо, сильно покачиваемое вѣтромъ въ разныя стороны. Темнота еще болѣе сгустилась. Тишина становится еще напряженнѣе, и только двое-трое боязливо перешептываются. Вотъ скрипнула дверь: по стѣнѣ проскользнула узкая свѣтлая полоса. У всѣхъ проходитъ дрожь по тѣлу, всѣ прислушива-

¹ Ковчегъ для храненія свитковъ священнаго писанія.

ются съ замираніемъ сердца, у всѣхъ одна и та же мысль: не ребели? Нѣтъ, не ребе.

Еще нѣсколько минутъ или секундъ невыразимо хорошихъ, невыразимо сладостныхъ, какъ послѣднія минуты передъ разлукой съ самымъ дорогимъ существомъ. Но вотъ, мимо оконъ, проскользнула тѣнь, послышался неясный, словно отдаленный шумъ шаговъ; съ хриплымъ шумомъ отворилась дверь въ сѣняхъ, съ тонкимъ свистомъ—вторая дверь,—и появилась огромная, мощная фигура ребѣ Хаимъ-Герша. И, словно ночные духи передъ разсвѣтомъ, внезапно исчезаетъ все окутывавшее насъ волшебство. Ребе, въ темнотѣ, достаетъ спичку на карнизѣ печки, гдѣ онѣ всегда хранятся разбросанными въ пыли, натираетъ ее объ эту же печку и зажигаетъ лежащую на окнѣ, завернутую на половину въ бумагу, тоненькую, мутно-бѣлую, со множествомъ горбиковъ, сальную свѣчку, которую вставляетъ въ низенькій, сдѣланный изъ куска глины подсвѣчникъ, залитый со всѣхъ сторонъ нитеобразными застывшими сальными отеками. Мы становимся вокругъ стола съ молитвенниками и совершаемъ вечернюю молитву, тоже очень любимую нами и очень намъ пріятную, такъ какъ она отдаляла начало ученія еще на нѣсколько минутъ. Р. Хаимъ-Гершъ за этотъ промежутокъ времени сбрасываетъ и тщательно складываетъ свой зеленый, или, лучше, позеленѣвшій ластиковый кафтанъ, и одѣваетъ ситцевый, на ватѣ, халатъ, съ разноцвѣтными заплатами, насыпаетъ въ свою роговую черную табакерку нюхательнаго табаку своего собственнаго издѣлія, изъ большого темно-сѣраго разбитаго кувшина, навѣшиваетъ надъ своимъ больнымъ краснымъ глазомъ кусокъ синей сахарной бумаги, служащей ему очень давно и оттого сильно засаленной, и наконецъ—усаживается у узкаго края стола, на деревянномъ, некрашенномъ и необитомъ диванѣ, положивъ около себя красный платокъ съ огромными бѣлыми цвѣтами, табакерку и двухременный «канчукъ».

Фоліанты раскрываются. По всему моему тѣлу проходить дрожь. Сегодня четвергъ и шіуръ (пройденое за недѣлю изъ Талмуда) надо читать каждому отдѣльно. А я уже знаю, что съ меня начнутъ, ибо я — первый по познаніямъ въ хедерѣ.

«Ну, Хаимель, начинай!»... Что за превращеніе, Господи! Что за мягкость и даже мѣткость въ голосѣ. И вотъ, можетъ быть, за это мягкое, провисшее оди́нъ разъ въ жизни: «Ну, Хаимель, начинай!»—у меня сохранилась самая лучшая память о р. Хаимъ-Гершѣ, безпощадно терзавшемъ мое бѣдное тѣло въ теченіе четырехъ-пяти лѣтъ.

Я, однако, долженъ признаться, что у Хаимъ-Герша было много достоинствъ, искушавшихъ его жестокость. Да и послѣднюю онъ проявлялъ не въ свою пользу. Для него канчукъ была система, какъ всякая другая, употреблявшаяся имъ, какъ онъ глубоко былъ убѣжденъ, намъ во благо, а не въ своихъ интересахъ; безъ канчука онъ считалъ бы такъ же невозможнымъ приступить къ ученію, какъ бааль-гагуле пуститься въ дорогу безъ кнута. Необычайную же ко мнѣ мягкость моего ребе въ этотъ вечеръ я себѣ объясняю тѣмъ, что онъ въ бесъ-гамедрашѣ узналъ о томъ, о чемъ я узналъ только позже.

Взволнованный, но уже безъ обычнаго страха, я приступаю къ чтенію. Гордясь мною, раскалывая меня повсюду, считая меня искренно чѣмъ-то выдающимся, р. Хаимъ-Гершъ ко мнѣ, однако, относился особенно строго и безпощадно дупилъ меня за малѣйшую ошибку, малѣйшую запинку въ переводѣ и объясненіи Библии или Талмуда. И вотъ, я, гордость и украшеніе нашего хедера, пожалуй, всего нашего городка, болѣе всѣхъ украшался синебагровыми полосами, проводившимся канчукомъ по всѣмъ частямъ моего тощаго тѣла. Ничего подобнаго, однако, на этотъ разъ не было. Запинки, ошибки, которыхъ теперь было довольно много, проходили совершенно безнаказанно. Р. Хаимъ-Гершъ не только не хватался за канчукъ, но каждый разъ самъ старался выводить меня изъ затрудненія.

При такихъ-то благоприятныхъ, рѣдкихъ обстоятельствахъ кончилъ я чтеніе одного изъ труднѣйшихъ мѣстъ Бавы-Камы съ комментаріями Раши и Маршагу, не получивъ даже ни одного подзатыльника. Какое всегда пріятное чувство охватывало меня, когда въ четвергъ вечеромъ кончаю, бывало, чтеніе шіура. Это былъ нашъ еженедѣльный экзаменъ, самый страшный изъ всѣхъ. Сдавъ шіуръ въ четвергъ, я уже не боялся

получать канчуки, по крайней мѣрѣ до воскресенья, исключая экстренные случаи, отъ ученія независимые.

Съ торжествующимъ, сияющимъ взоромъ оглядываешь товарищей, съ смертнымъ трепетомъ ждущихъ своей очереди. И съ какою умильною завистью они смотрѣли на меня.

«Вотъ счастливецъ»,—говорили ихъ полные страха глаза. А бѣдные гонимъ! Сколько ужаса было въ ихъ глазахъ. И съ какой благоговѣйной завистью смотрѣли они на меня, эти несчастныя, обреченныя на непрерывныя истязанія.

Когда я кончилъ и читать началъ Пейселе, считавшійся вторымъ въ нашемъ хедерѣ, дверь открылась, и вошла маленькая, тощая, одноглазая Переле, жена р. Хаима-Герша.

Эту Переле мы ненавидѣли всюю силою нашихъ дѣтскихъ душъ и боялись гораздо больше чѣмъ самого р. Хаима-Герша. Ибо всѣ канчуки, получаемые нами помимо ученія, имѣли единственной причиной эту одноглазую вѣдму. Ни одна изъ нашихъ шалостей, даже въ хедера, не ускользала отъ единого глаза этой истинной Бабы-Яги и немедленно докладывалась мужу, съ настоятельнымъ требованіемъ немедленнаго воздаянія. И это маленькое, тощее, безобразное созданіе, злого, ядовитаго языка котораго боялся весь городъ, имѣло неотразимое вліяніе на своего гиганта-мужа и держала его въ ежовыхъ рукавицахъ. Ея воля являлась для него закономъ, и р. Хаимъ-Гершъ долженъ былъ безъ разсужденій и немедленно чинить требуемое «возмездіе». Поэтому ея появленіе всегда вызывало во всѣхъ насъ невольный ужасъ; каждый опасался, не противъ него-ли Сатана является съ обвиненіемъ, и всякій начинать перебирать въ головѣ всѣ свои вольныя и невольныя прегрѣшенія.

Мы, однако, до того знали нашу ребенцъ, что всякій разъ безошибочно могли сказать—является-ли она съ обвиненіемъ или нѣтъ. Обыкновенно, являясь съ обвиненіемъ, она медленно отворяла дверь, медленно съ какою-то торжественностью приближалась къ столу, гдѣ происходили наши занятія, не смотрѣла ни на кого, сосредоточивъ будто все вниманіе на чулкѣ, который она никогда не выпускала изъ рукъ даже по улицѣ,—и, мѣрно покачивая головой, наклоненной въ одну сторону, начинала острымъ, визгливымъ голосомъ:

«Прекрасно, прекрасно. Отличная у тебя банда, Ханиъ-Гершъ, нечего скавать. Добро изъ нихъ вырастеть—чтобъ они лучше не доросли. Это каторжники, настоящіе каторжники! Они въ тринадцать лѣтъ въ тюрьму попадутъ, вспомнишь ты мое слово» и т. д. въ этомъ родѣ. И все больше и больше воспламенялась она сама рисуемыми ужасами, и, по мѣрѣ воспламененія, ея визгливо-шипящій голосокъ все больше и больше возвышался и вся она преобразовывалась до неузнаваемости. Чулокъ бросался, лицо зеленѣло и суживалось еще больше, ротъ принималъ форму узкой, продолговатой щели, внутри которой что-то болталось съ необычайной быстротой.

Ужасъ переживаемой пытки еще увеличивался отъ того, что до обозначенія настоящаго преступника проходило добрыхъ пять минутъ, казавшихся намъ всѣмъ вѣчностью. Преступленіе, столь вдохновлявшее Переле и вызывавшее въ ней столь яростный гнѣвъ, обыкновенно состояло въ томъ, что какой-нибудь изъ учениковъ, идя въ хедеръ, погнался за индюкомъ Духихи и хотѣлъ непременно вырвать перо изъ его хвоста, распущеннаго вѣромъ, или же другой, проходя мимо очень низенькой землянки «бондеринъ», взобрался на крышу и бросилъ въ трубу камень, попавшій какъ разъ въ котель съ варившейся въ то время мамалыгой. Это, впрочемъ, я назвалъ самыя ужасныя преступленія. За послѣднее, напр., преступленіе герой его, Янтете, подвергался въ теченіе цѣлой недѣли сѣченію по три раза въ день при самой торжественной обстановкѣ. Героя, лишеннаго для вящшей торжественности штановъ, съ рубахою заложенною на голову, посадили верхомъ на кочергу, дали въ руки гусиное крыло, вѣето меча, и такимъ образомъ обводили нѣсколько разъ по хедеру, при непрерывномъ дѣйствіи канчука. Это памятное въ хедерной лѣтописи триумфальное шествіе Янтете навело на насъ такой ужасъ, что мы цѣлые годы его не могли забыть.

И такъ, вдругъ появилась Переле, но въ такомъ видѣ, что мы сейчасъ могли убѣдиться, что никому ничего не грозить. И не смотря на всю нашу ненависть къ ней, мы, однако, обрадовались ея появленію, какъ обрадовались бы появленію всякаго посторонняго лица, которое хоть на короткое время от-

влекло бы ребе отъ ученія. Переле же, когда не являлась съ обвиненіемъ, всегда приносила какую нибудь новость или слухъ.

И потому ее въ такихъ случаяхъ очень интересно было слушать. Но и этого на сей разъ не было.

— Тамъ Идесъ пришла, — обратилась она къ мужу. — У нихъ вѣдь теперь собрались насчетъ него (тутъ она своимъ острымъ подбородкомъ указала на меня). Ну, такъ вотъ она его пришла звать туда. — Не смотря на то, что, очевидно, происходило что-то необычайное, коль скоро у шохета собрались специально ради меня, ребе вмѣстѣ съ женою рѣшили, что меня отведутъ туда по окончаніи ученія. Странно, и до сихъ поръ мнѣ непонятно, почему то чрезвычайное, ради котораго меня пришли звать, вмѣсто дѣтскаго любопытства, вызвало во мнѣ непріятное, тяжелое чувство. Я инстинктивно чувствовалъ, что я дѣлаюсь предметомъ общественной заботливости, превращаюсь въ какой-то всѣмъ принадлежащій предметъ, и я нисколько не былъ въ претензіи на моего ребе за то, что онъ меня не отпустилъ тотчасъ же, тѣмъ болѣе, что я вѣдь былъ свободенъ отъ всякаго страха и обезпеченъ отъ перспективы всякаго рода побоевъ.

Но вотъ часы, издавъ предварительно продолжительное хриплое шипѣніе, прозвонили восемь. Свѣчка тоже уже догорала, и ребе скомандовалъ закрыть книги. Одѣвшись, мы, по обыкновенію, отправились на кухню, гдѣ находилась семья ребе, и, прочитавъ всѣ вмѣстѣ громко молитву Криась-Шма, зажгли фонари, пожелали, или, лучше, прокричали: спокойной ночи, и отправились въ путь въ сопровожденіи ребе, несшаго въ одной рукѣ фонарь, а въ другой — большую палку.

Р. Хаймъ-Гершъ всегда отводилъ насъ домой самъ, cadaго до его квартиры. И, не смотря на его присутствіе, эти вечернія возвращенія изъ хедера были одними изъ самыхъ лучшихъ, самыхъ радостныхъ моментовъ нашей дѣтской жизни. Намъ предоставлялась полнѣйшая свобода. Мы могли гдѣ, кричать, смѣяться, сколько душѣ угодно. Особой прелестью эти возвращенія домой отличались въ морозное время.

Чистый темно-синій необъятный сводъ небесный усѣянъ милліонами неправильно разбросанныхъ, ярко блещущихъ звѣздъ,

мигающихъ миллионами холодныхъ синихъ огоньковъ. Воздухъ чистъ и прозраченъ, но будто пронизанъ тончайшими иголочками, которыя словно крапивою жгутъ намъ лицо и уши. Кругомъ ни души, ни звука, и звонко, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, таинственно отдаются наши шаги на мерзлыхъ улицахъ пустыннаго городка. Въ равныхъ мѣстахъ мерцають слабые огоньки, которые кажутся далеко-далеко; неясно очерчиваются разбросанныя въ безпорядкѣ землянки, которыя скорѣе можно принять за скирды сѣна или соломы.

Вотъ гдѣ-то близко скрипнула дверь, и оттуда вывалиль густой паръ. Изъ отдаленнаго конца городка, гдѣ живутъ одни молдаване, доносится хриплый лай чабанской собаки. Вотъ большая, единственная акація нашей улицы передъ домомъ р. Шимпона. Какъ она вся приубралась, побѣлѣла и превратилась словно въ огромную серебряную люстру.

Вотъ только-что мигавшій далеко-далеко огонекъ внезапно исчезъ; «легли спать»,—рѣшаетъ всякій мысленно. И мы все бодро идемъ впередъ, громко разговаривая, а иногда заводя веселыя пѣсни, не смотря на сильный холодъ. Даже самъ ребенокъ иногда тихо подпѣвалъ вмѣстѣ съ нами.

Теперь, разумѣется, въ виду ужасной слякоти, всѣхъ этихъ прелестей не было. Тутъ надо было ходить съ оглядкой, ощущать на каждомъ шагу дорогу, чтобы не попасть въ какую-нибудь яму или лужу. Но мы и тутъ не унывали, и наша веселость отъ этого нисколько не страдала. Вотъ, какъ только мы вышли, у Исрулека загорѣлся фонарь; немного дальше Янтете оставилъ одинъ башмакъ въ липкой грязи; храбръшійся Мендель растянулся во весь ростъ у порога дома сапожника р. Алтера, отца моего лучшаго друга Пейселе,—и всѣ эти приключенія вызвали самый громкій дѣтскій смѣхъ, самую рѣзвую веселость. Вотъ мы проходимъ мимо шинка р. Хаима, почти противъ нашего дома. За столомъ, посреди котораго какъ-то уныло горитъ сальная свѣчка, сидятъ одинокій старый молдаванъ, бядя Русулу, завятый пьяница и очень богатый человекъ, у котораго десятки тысячъ овецъ, и о которомъ говорятъ, что у него нѣсколько горшковъ червонцевъ закопано гдѣ-то въ невѣдомомъ мѣстѣ. Передъ нимъ стоитъ недопитая

рюмка *ратю* (водки), и, покачиваясь въ разные стороны, онъ уже хриплымъ, полусоннымъ голосомъ распѣваетъ свой «Франдзуверди»¹. Немного дальше, у печки, сидитъ Дина, жена ребѣ Хаима, съ опущенными на бедра руками, изъ которыхъ одна держитъ чулокъ. Она сидитъ съ закинутой назадъ головой и, очевидно, дремлетъ. «Вотъ бы ей «фонфу» (зажженую бумажку или вату) въ носъ пустить», шепчетъ мнѣ на ухо хромой Хемеле, внукъ нашего стараго, тогда уже покойнаго, раввина, одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ проказниковъ. Я нахожу, что задернутый вверхъ носъ Дины, дѣйствительно, какъ бы самъ напрашивается на «фонфу», и отъ души сожалѣю, что эта прекрасная идея не можетъ быть приведена въ исполненіе. Такъ, въ самомъ свѣтломъ, сіяющемъ настроеніи дохожу я до дома р. Шозль-Арона. Но тутъ у меня вдругъ все замираетъ въ душѣ.

Я далеко не принадлежалъ къ робкимъ дѣтямъ и, при случаѣ, могъ отлично постоять за себя при полученной обидѣ, отъ кого бы она ни послѣдовала, исключая ребе, который пользовался особыми правами. Я никогда не молчалъ, а старался отплачивать по мѣрѣ силъ. Смирненіе для меня было какимъ-то гадливымъ порокомъ, и смиренныхъ товарищей я терпѣть не могъ и относился къ нимъ съ глубокимъ презрѣніемъ, насколько это чувство можетъ проявляться у дѣтей. Но, вѣроятно, никто изъ моихъ даже самыхъ смиренныхъ товарищей не отличался такой застѣнчивостью и стыдливостью, какъ я. Я никогда не могъ рѣшиться пройти по улицѣ лѣтомъ, напр., среди нѣсколькихъ сидѣвшихъ вмѣстѣ женщинъ или мужчинъ. Каждый разъ, когда мнѣ приходилось идти куда-нибудь за чѣмъ-нибудь, я чувствовалъ истинную пытку, прежде чѣмъ отворить дверь; и часто я такъ-таки уходилъ, не зашедши въ домъ. Вотъ почему, когда мы дошли до дома р. Шозль-Арона, у меня сердце чуть не выпрыгнуло, и еслибы р. Хаимъ-Гершгъ не отворилъ мнѣ дверь и не подождалъ, пока я не зайду, я несомнѣнно убѣжалъ бы. Въ первой комнатѣ я нашелъ мою сестру, сидѣвшую на лежанкѣ, между упомянутой выше Зи-

¹ „Зеленый листъ“. Этими словами начинается большая часть молдаванскихъ пѣсень.

сель и нашей доброй Циной-Леей, что меня значительно приободрило; тутъ около нихъ стояла хозяйка дома, высокая, худощавая, смуглая Идесъ. Женщины между собой громко о чемъ-то разговаривали и, при моемъ появленіи, съ видомъ участія стали покачивать головами. Я прошелъ прямо во вторую комнату, самъ не знаю и не помню какъ, гдѣ кромѣ хозяйна, р. Шоэль-Арона, сидѣло еще четыре человѣка. Самъ р. Шоэль-Аронъ былъ человѣкъ невысокаго роста, съ весьма блѣднымъ, безкровнымъ лицомъ и сильно впалую грудью. Не смотря на его невзрачность, онъ имѣлъ въ себѣ что-то невыразимо привлекательное. Его глаза всегда свѣтились какимъ-то дѣтскимъ добродушіемъ и довѣрчивостью. Говорилъ онъ немного хрипло, но и въ голосѣ звучала какая-то мягкость. Что касается остальныхъ, то это были: р. Шлойме, привезшій письмо отъ матери, р. Шимшонъ, мужъ Цины-Лей, мужчина довольно высокаго роста, съ большою черною, съ нѣкоторою просѣдью, бородою, съ всегда суровымъ заботливымъ выраженіемъ лица, исключая дня Симхасъ-Торы, когда онъ превращался совершенно въ ребенка. Затѣмъ коренастый р. Дуди, первый богачъ нашего города, котораго цѣнили въ двѣсти червонцевъ (шестьсотъ рублей). Это былъ человѣкъ, о которомъ ничего особеннаго нельзя сказать, хотя видъ у него былъ внушительный, почтенный.

Наконецъ четвертый былъ р. Ицекъ, болѣе извѣстный подъ прозвищемъ р. Ицекъ-Ольдъ (дубина). Съ нимъ считаю нужнымъ немного подробнѣе познакомить читателя, такъ какъ онъ послужилъ непосредственной причиной моей переправы черезъ границу. Это былъ уже старикъ, весь сѣдой, высокій, плечистый, словомъ, настоящій атлетъ. Одѣтъ онъ былъ не какъ всѣ, а какъ настоящій мужикъ, въ большой бѣлый, ничѣмъ не крытый кожухъ, опоясанный цвѣтнымъ поясомъ, большую бѣлую барашковую шапку и огромные смазные сапоги.

Р. Ицекъ отличался отъ другихъ не только своей внѣшностью. И во всемъ прочемъ онъ стоялъ совершенно особнякомъ. Въ нашемъ городкѣ, гдѣ даже всѣ портные и сапожники, сравнительно, были люди болѣе или менѣе интеллигентные, т. е. понимали молитвы, Библию и даже кое-что смыслили въ Мишиѣ, онъ былъ единственный полный амъ-

орець (невѣжда). Нѣкоторыя исковерканныя имъ слова молитвы сдѣлались прямо знаменитыми и всегда вызывали неудержимый хохоть. Не смотря на все это, онъ сохранялъ всегда какую-то внушительную важность, и никто не осмѣливался его третировать, какъ обыкновенно третируютъ среди евреевъ выдающихся невѣждъ, дѣлающихся посмѣшищемъ даже мальчишекъ... Дѣтей у него своихъ не было, и это его сильно огорчало. У жены его Малки отъ перваго мужа была дочь, имѣвшая уже свою многочисленную семью, которой р. Ицекъ, однако, не особенно жаловалъ. Имѣлъ онъ свой собственный, довольно просторный домъ на самомъ почти концѣ единой нашей улицы. Но жилъ онъ съ своей женой въ одной каморкѣ, съ крошечнымъ оконцемъ, даже не выбѣленной известью, а вымазанной одной глиной. Въ этой же каморкѣ и была кухня, и, кромѣ того, болѣе трехъ четвертей было занято пшеницей, льномъ, кукурузой, рожью—въ мѣшкахъ или же просто разсыпанными прямо по полу. Кромѣ деревянной некрашеной кровати, потруженной до спинки въ зерна, и такого же деревяннаго столика, никакой другой мебели у нихъ не было. Онъ главнымъ образомъ занимался ссудой денегъ на проценты молдаванскимъ крестьянамъ, но дѣлалъ это въ строжайшей тайнѣ, такъ что даже посторонніе не осмѣливались говорить объ этомъ громко. Кромѣ того, онъ малыми количествами покупалъ или получалъ въ видѣ процентовъ всякаго рода зерновой хлѣбъ, который всегда самъ сушилъ, пересѣвалъ на рѣшетѣ и потомъ перепродавалъ.

Помимо всего этого, жена его еще торговала отрубнымъ квасомъ и дрожжами, а онъ—нюхательнымъ табакомъ, который самъ дѣлалъ. О немъ упорно говорили и съ большой увѣренностью, что у него въ домѣ глубоко въ землѣ зарыты горшочки съ червонцами. Характеромъ онъ былъ суровъ и несообщителенъ и въ теплое время года могъ проводить цѣлые дни у порога своей квартиры съ трубкой въ зубахъ, не вымолвивъ ни съ кѣмъ ни слова. Нѣкоторые, однако, говорили, что человекъ онъ не злой и что онъ не прочь оказать иногда услугу.

Какъ большая часть невѣжественныхъ людей, онъ отличался неимоверною набожностью и со смѣшною педантичностью исполнялъ малѣйшіе обряды. Мы, дѣти, вслѣдствіе его молчали-

восты и суровосты его выраженія, считали его чуть ли не колдуномъ и не безъ страха ходили къ нему покупать нюхательный табакъ. Однажды, помню, весною, передъ вечеромъ, нашъ сосѣдъ р. Шимшонъ попросилъ меня сбѣгать къ нему взять за грошъ нюхательнаго табаку. Р. Ицекъ, по обыкновенію, сидѣлъ на порогѣ, на маленькой круглой табуреткѣ, въ кожухѣ, не смотря на прекрасный теплый весенній вечеръ.

— Р. Ицекъ-Ольць,—обратился я къ нему очень нанвно,—дайте мнѣ за грошъ табаку.

— Вотъ я тебѣ задамъ—ребъ Ицекъ-Ольць,—подскочилъ онъ, какъ ужаленный, и бросился за мной съ палкой въ рукахъ. Вообще онъ былъ очень чувствителенъ ко всякаго рода обидамъ и насмѣшкамъ, особенно, намекавшимъ на его невѣжество. Послѣ описаннаго случая, р. Ицекъ-Ольць внушалъ мнѣ неодолимый ужасъ, и я ни за что не рѣшился бы приблизиться къ его берлогѣ.

Таково было собравшееся общество.

Я вошелъ, очень смущенный, и остановился на порогѣ. Р. Шоэль-Аронъ встрѣтилъ меня съ своей обычной добродушною улыбкою и пальцемъ подозвалъ къ себѣ. Онъ сидѣлъ за столомъ, заваленномъ фолліантами, между тѣмъ какъ другіе расположились на длинной деревянной скамейкѣ. Очувтившись между р. Шоэль-Арономъ и его гостями, я еще больше смутился и рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ собой, какъ стоять, куда дѣвать руки, на что и на кого смотрѣть.

Р. Шоэль-Аронъ сталъ гладить меня по щекѣ и какъ-то разсѣянно спрашивать о моемъ ученіи. Онъ словно находился въ какомъ-то затруденіи. Черезъ минуты двѣ, Идесъ принесла мнѣ холоднаго мутнаго чаю въ толстомъ тускломъ стаканѣ безъ блюда и съ небольшимъ, кругомъ обгрызаннымъ кускомъ сахара. Меня усадили рядомъ съ р. Дуди и р. Шлойме. Во все время, когда я пилъ чай, всѣ молчали и смотрѣли въ разныя стороны, какъ будто тѣмъ-то недовольные, и меня до того это затрудняло, что я стѣснялся откусывать сахаръ, боясь обратить на себя вниманіе.

Наконецъ, когда я кончилъ свой чай, р. Шоэль-Аронъ, почесывая пальцемъ въ одномъ ухѣ, заговорилъ своимъ хриплымъ,

добрымъ, мягкимъ голосомъ, погружившись весь въ лежавшій передъ нимъ фоліантъ, будто онъ вычитывалъ оттуда все, что онъ говорилъ.

— Ты, Хаимель,—началъ онъ,—мальчикъ умный, и тебѣ уже одиннадцать лѣтъ, а потому ты уже долженъ все понимать. Вотъ видишь — твоя мать теперь въ большомъ несчастіи. Она пишетъ, что уѣзжаетъ надолго съ твоей сестрой, далеко, черезъ границу, и не знаетъ сама, когда она возвратится. Она тамъ имѣетъ очень трудное дѣло,—оно можетъ затянуться на годъ, больше чѣмъ на годъ. Одинъ только Богъ можетъ знать. Ну, такъ она пишетъ, чтобъ мы заботились о васъ, о тебѣ и о твоей сестрѣ. Вы вѣдь теперь одни, совсѣмъ одни. А дѣти не могутъ жить одни. Такъ дальше нельзя жить, какъ вы жили до сихъ поръ. Вѣдь не хорошо вамъ такъ. Что это за жизнь. Двое дѣтей—одни въ домѣ. Такъ надо, чтобъ вы гдѣ-нибудь жили въ семьѣ, среди людей. Что же, когда Богъ васъ такъ наказалъ, и у васъ нѣтъ своей семьи, такъ надо устроить иначе. Есть добрые люди на свѣтѣ, которые могутъ васъ принять къ себѣ.

Тутъ ребѣ Шоэль-Аронъ сильно закашлялся, приподнялся со своего мѣста, опять сѣлъ и, еще энергичнѣе колукая пальцемъ въ ухѣ, продолжалъ:

— Ну скажи, ты вѣдь умный мальчикъ. Какъ лучше жить: однимъ въ домѣ, или въ семьѣ, гдѣ есть старшіе. Вотъ Рейна (моя сестра) можетъ быть у меня. Что мы будемъ ѣсть, и она будетъ ѣсть. Какъ Богъ дастъ. Ужъ съ нею говорили, и она согласилась. Теперь насчетъ тебя. Тебя ребѣ Ицекъ хочетъ взять къ себѣ, т. е., не такъ взять, а такъ совсѣмъ, какъ родного сына. Онъ будетъ тебя кормить, одѣвать, платить за тебя *схаръ-лимудъ* (плата за ученіе); и если только будешь хорошимъ, послушнымъ мальчикомъ, будешь слушаться во всемъ, не говорить дерзостей, то тебѣ будетъ хорошо, какъ у родного отца, и еще другіе будутъ тебѣ завидовать. Если хочешь, можешь идти даже сейчасъ къ р. Ицеку. Это зависитъ только отъ тебя. Ну, хочешь идти сейчасъ?

Вмѣсто всякаго отвѣта, я заплакалъ, горько, больно заплакалъ, не какъ ребенокъ, а какъ взрослый человекъ, почув-

ствовавшій вдругъ, какое страшное будущее передъ нимъ открылось. Стыдъ, сознание своего униженія, своей безпомощности, своей горькой осиротѣлости, неодолимое чувство отвращенія и какого-то страха — все это вмѣстѣ охватило меня при этомъ ужасномъ предложеніи. Я, принадлежавшій къ лучшей семьѣ городка, къ которой всѣ относились съ благоговѣйнымъ уваженіемъ, я поселился въ качествѣ приемыша у этого колдуна! Р. Ицекъ-Ольць будетъ моимъ благодѣтелемъ, моимъ покровителемъ. Ему я долженъ буду повиноваться, съ нимъ сидѣть рядомъ въ синагогѣ, съ нимъ идти изъ синагоги. И всѣ мои товарищи будутъ это видѣть. И буду я теперь возвращаться по субботамъ не въ нашъ домъ (съ какою мучительною любовью думалъ я теперь о немъ), а въ берлогу р. Ицекъ-Ольца. Тамъ буду я проводить эти чудные субботніе вечера и буду слушать змиройсь (субботніе напѣвы) этого мужика въ кожухѣ. И тутъ молніею пронеслись предо мною—мать съ ея измученнымъ, страдальческимъ лицомъ; покойный отецъ, съ его чуднымъ лицомъ святого, въ которомъ свѣтилось столько безконечной кротости и доброты, съ его благороднымъ лбомъ, словно озареннымъ безпрестанно глубокою мыслью и тяжелой думой; старшая сестра съ заплаканными глазами; братья, разсѣянные, заброшенные Богъ знаетъ куда; вспомнилось бывшее, когда всѣ еще жили вмѣстѣ, домъ, полный праздничнаго свѣта, и дорогія лица, залитыя праздничнымъ сіяніемъ. И еще ужаснѣе предстало предо мною мое горькое одиночество и страшное будущее среди чужихъ, безъ близкой дорогой души.

И я продолжалъ рыдать, порывисто, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Сейчасъ прибѣжали женщины и стали меня успокаивать и спрашивать о причинѣ плача.

Но даже нѣжность и мягкость Цины-Лей не въ состояніи были меня успокоить, и не смотря на всѣ мои старанія, я никоимъ образомъ не могъ одолѣть плача, чтобъ сказать слово.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

Наконецъ р. Дуди подошелъ ко мнѣ и съ большимъ негодованіемъ въ голосъ, воскликнулъ:

— Такъ *тебѣ*, значить, еще не нравится; ты не хочешь?

— Не хочу, — отвѣтилъ я твердо и рѣшительно, сквозь рыданія, и мгновенно успокоился.

Какъ только я произнесъ этотъ отвѣтъ, р. Ицекъ, сидѣвшій въ углу съ понурою головою, съ трубочкой въ зубахъ, медленно поднялся и тихо вышелъ.

— Не хочеть, такъ переправимъ его черезъ границу, къ его дядѣ Гершу. Какъ вы думаете? — обратился ко всѣмъ р. Дуди.

— Разумѣется, надо будетъ переправить черезъ границу, — подтвердили всѣ.

— Хочешь поѣхать къ дядѣ Гершу? — обратился ко мнѣ р. Шозль-Аронъ.

Я кивнулъ головою въ знакъ согласія, и всѣ встали со своихъ мѣстъ, чтобъ раявиться.

— Какъ же мы это устроимъ? — спросилъ р. Шлойме, уже одѣвая свой тулупъ изъ черныхъ барашковъ, крытый сукномъ. — Вѣдь же дитя, нельзя послать его одного съ проводниками.

— Конечно, конечно нельзя, — отвѣтилъ ребъ Дуди. — Надо будетъ подождать случая, когда еще кто-нибудь переправится.

И на этомъ всѣ разошлись.

Я, облегченный, какъ человѣкъ, избавившійся отъ большого грозившаго ему несчастія, побѣждалъ къ сестрѣ, чтобъ идти вмѣстѣ съ нею домой. Она была очень заплакана, но улыбнулась мнѣ сквозь слезы и крѣпко поцѣловала. Она, очевидно, была очень довольна моимъ поведеніемъ. Но когда она собралась уже идти, Идесъ заявила, что она останется у нихъ ночевать, что у насъ въ домѣ слишкомъ холодно.

— Ну, а ты пойдѣ къ намъ, — обратилась ко мнѣ Цина-Лей, и вопросительно посмотрѣла на мужа.

— Что же — пускай, — отвѣтилъ тотъ, пожавъ недовольно плечами, и мы всѣ вмѣстѣ отправились.

Не смотря на то, что у Цины-Лей я могъ себя чувствовать, какъ у себя дома, не смотря на ужинъ, состоявшій изъ сметаны, и постель у горячо натопленной печи, мнѣ было не по себѣ. Это была первая ночь, проведенная мною не дома, и меня охватила сильная грусть по этомъ холодномъ, но тѣмъ не менѣе дорогомъ мнѣ домѣ. Мнѣ какъ-будто больно было за него, словно его обидѣли, оставивъ одного, безъ души. И мнѣ каза-

лось, что онъ долженъ страдать, бояться, чувствовать свое одиночество. Я себя представлялъ, какъ онъ стоитъ одинъ, среди темной ночи, охваченный со всѣхъ сторонъ сырýmъ холодомъ, рисовалъ себѣ пустыя комнаты, въ которыхъ жалобно свиститъ вѣтеръ, и мнѣ становилось страшно жутко. И сердце сжималось сильною болью и тоскою по всѣхъ и особенно по сестрѣ, оставшейся у Идесъ, и съ которою, мнѣ казалось, я расстался уже давно-давно. Я долго не могъ заснуть, ворочаясь на своей постели, и нѣсколько разъ я готовъ былъ расплакаться.

Вѣтеръ завывалъ такъ же жалобно и тоскливо, какъ и накануне; кругомъ раздавался разнообразный храпъ многочисленной семьи Цины-Лен, и все это усиливало тоску. Однако, вскорѣ мысль о поѣздкѣ черезъ границу къ дядѣ Гершу, о которомъ часто говорила мать, взяла наконецъ верхъ надъ всѣми тяжелыми грустными чувствами, и чѣмъ больше я сталъ думать объ этой поѣздкѣ, тѣмъ больше я преисполнялся гордости и нетерпѣливаго ожиданія. «Шутка-ли переправиться черезъ границу!» Нашъ городокъ находился всего верстахъ въ двѣнадцать отъ русской границы, и о переправѣ на ту сторону приходилось часто слышать. Объ этомъ всегда рассказывали шопотомъ, таинственно, и герой, совершившій эту переправу, дѣлался предметомъ всеобщаго вниманія. Даже помню, какъ рыжій р. Айзикъ разъ совершилъ въ субботу торжественно благодарственную молитву (гомель) за благополучную переправу. Помню, что возвратился онъ съ окровавленнымъ лицомъ, и это въ городкѣ произвело ужасное впечатлѣнiе. Рассказывали другъ другу шопотомъ, что проводники или, проще сказать, контрабандисты-молдаване по дорогѣ хотѣли его убить требуя отъ него денегъ; что онъ пустился бѣжать, самъ не зная куда, въ страшную темную ночь, и добѣжалъ до какой то «кошары»¹, гдѣ чуть не былъ растерзанъ собаками; но на ихъ страшный лай и на его еще болѣе ужасные крики выбѣжали чабаны, и онъ у нихъ провелъ ночь.

Съ тѣхъ поръ р. Айзикъ навсегда прекратилъ свои частыя ночныя странствованія и вмѣсто опаснаго занятія «переправ-

¹ Загонъ для овецъ.

щика чаю», составлявшаго главный предметъ контрабанды, сталъ заниматься болѣе мирнымъ ремесломъ торговца рыбою.

И вдругъ я сдѣлаюсь героемъ столь богатой опасностями и приключеніями переправы!

Тенерь я уже не могъ заснуть отъ волненія и нетерпѣнія. Меня словно подмывало, и я не могъ спокойно лежать на мѣстѣ. Однако, въ концѣ концовъ я все-таки заснулъ и проспалъ сладкимъ сномъ до самаго утра.

Безъ-Ами.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ

ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ ¹.

Поселенный въ 1849 г., при казенномъ фольваркѣ Дубово (Гродненской губерніи) еврей Маркусъ обратился въ министерство съ просьбою о бесплатной выдачѣ ему лѣсныхъ матеріаловъ и объ оказаніи ему денежнаго пособія на постройку дома, вмѣсто сгорѣвшаго. Въ постановленіяхъ о евреяхъ-земледѣльцахъ не заключалось правилъ ни о пособіи имъ въ подобныхъ случаяхъ, ни о самомъ участіи ихъ въ общественномъ, съ государственныхъ крестьянъ, сборѣ, изъ котораго производились пособія поселянамъ, потерпѣвшимъ отъ пожаровъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ еще не было введено взаимное застрахованіе строеній. Департаментъ предписалъ палатамъ западныхъ губерній: сообразить возникшіе вопросы съ мѣстными обстоятельствами и потомъ представить заключеніе, съ подробнымъ объясненіемъ принятыхъ основаній.

Палаты отвѣтили: *Гродненская*,—что хотя еврей-поселенцы въ общественномъ, съ государственныхъ крестьянъ, сборѣ и не участвовали, но всѣ они, въ Гродненской губерніи, были поселены на собственный счетъ и при обзаведеніи хозяйствомъ совершенно истощили всѣ свои средства, потому, для поддержанія и поощренія ихъ къ земледѣлію, слѣдовало бы оказать пособіе Маркусу, лишившемуся всего состоянія, до 300 руб.,

¹ См. „Восходъ“ кн. X.

а на будущее время подвести евреевъ-поселенцевъ подъ одно правило съ государственными крестьянами, съ участіемъ въ сборѣ для пособія въ пожарныхъ случаяхъ. *Виленская*, — что, для успѣха въ устройствѣ хозяйства евреевъ земледѣльцевъ, слѣдовало бы назначать погорѣльцамъ денежное, изъ коробочнаго сбора, пособие, хотя по 25 руб. на каждое семейство, и отпускать лѣсной матеріалъ изъ казенныхъ дачъ за половину попенныхъ денегъ, съ разсрочкою этой ссуды на 6 лѣтъ, начиная съ года, слѣдовавшаго за пожарнымъ. *Ковенская*, — что пособие евреямъ, потерпѣвшимъ отъ пожаровъ, слѣдовало бы отпускать изъ коробочнаго сбора, отъ тѣхъ же евреевъ поступающаго. *Волинская*, — что на нужды евреевъ, поселенныхъ на казенныхъ земляхъ, вслѣдствіе пожара, наводненія, градобитія, бури и проч. несчастій, которыя могутъ привести ихъ въ совершенное разореніе, кромѣ дарового отпуска лѣсныхъ матеріаловъ изъ казенныхъ дачъ, полезно бы отпускать имъ наравнѣ съ крестьянами ссуды безъ процентовъ изъ суммъ вспомогательныхъ кассъ, съ возвратомъ по равной части въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; но, какъ поселеніе земледѣльцевъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не было приведено еще въ совершенство и у нихъ еще не существовало вспомогательныхъ кассъ, да и суммъ коробочнаго сбора у нихъ тоже не было, то впредь до восстановленія таковыхъ, палата полагала производить имъ пособие изъ вспомогательныхъ кассъ сельскихъ обществъ государственныхъ крестьянъ или изъ суммъ коробочнаго сбора, принадлежавшаго еврейскимъ обществамъ, въ коихъ они состояли. *Кіевская*, — что дѣль правительства заключалась въ доставленіи евреямъ-земледѣльцамъ вѣщшихъ удобствъ къ устройству ихъ благосостоянія, для чего, равно какъ для пріохочиванія ихъ къ переходу въ земледѣльческое состояніе, — многіе изъ евреевъ, постигая благія преднамѣренія правительства объ устройствѣ ихъ быта, съ охотою на собственный счетъ, безъ пособія отъ казны, поселялись на казенныхъ земляхъ, а потому, въ случаѣ происшедшихъ убытковъ отъ пожаровъ, было необходимо оказывать имъ пособие заимообразно изъ суммъ хозяйственнаго капитала по 5% и лѣсныхъ матеріаловъ по существовавшей таксъ, съ возвратомъ какъ денегъ, такъ

и за матеріалы, въ теченіе 6 лѣтъ, съ представленіемъ въ обезпеченіе исправнаго возврата пособія круговаго поручительства всего поселившагося еврейскаго общества, каковую мѣру допустить впредь до введенія въ еврейскихъ поселеніяхъ взаимнаго страхованія строеній. *Минская*,—что коробочный сборъ въ еврейскихъ селеніяхъ ограничивался предметами одного общаго сбора, а также штрафами за несоблюденіе установленныхъ правилъ; что въ счетъ коробочнаго сбора не было ни поступленія денегъ, ни надежды на поступленіе: еврей-земледѣльцы, не имѣя своего рѣзника, рѣзку скота и птицъ не производили, а покупали говядину въ Вобруйскѣ и прочихъ мѣстечкахъ, гдѣ уплачивали и коробочный сборъ; что потребность въ пособияхъ отъ пожаровъ должно было удовлетворять изъ общаго коробочнаго сбора до истеченія 10-лѣтняго срока, со времени ихъ поселенія, а по истеченіи этого срока и обложеніи ихъ платежемъ за отведенныя имъ въ надѣлъ земли, наравнѣ съ казенными крестьянами, потребность эту удовлетворять изъ общественнаго сбора, отсчитывая по 2 к. на ревизскую душу изъ вносимаго ими оброка. *Могилевская*,—что установленный съ государственныхъ крестьянъ общественный сборъ отчислялся изъ доходовъ имѣнія, считая по 50 коп. съ души, и имѣлъ назначеніе, между прочимъ, и на пособіе въ пожарныхъ случаяхъ (по 3 коп. съ души); что еврей-земледѣльцы хотя и освобождены, въ теченіе 10 лѣтъ, отъ платежа оброка за предоставленныя имъ земли, со времени водворенія, но по неимѣнію другихъ источниковъ, изъ коихъ бы можно было оказывать погорѣвшимъ евреямъ денежное пособіе, они затруднились въ постройкѣ домовъ, тѣмъ болѣе, что на это требовались вдругъ значительныя суммы, а они почти всѣ были бѣднаго состоянія, почему надлежало бы предоставить обществамъ евреевъ-земледѣльцевъ учредить, на оказаніе погорѣльцамъ пособія, ежегодный мірской сборъ по 3 коп. съ души, впредь до истеченія 10-лѣтней льготы, а по ея истеніи подчинить ихъ, въ этомъ отношеніи, общему съ государственными крестьянами правилу; пока же составитъ между еврейскими обществами мірской сборъ, нуждавшимся въ пособіи выдавать деньги изъ общихъ государственныхъ доходовъ на десять лѣтъ, безъ

процентовъ, на счетъ учреждаемаго мірскаго сбора, подъ круговыя поручительства еврейскихъ обществъ, а лѣсъ отпускать изъ казенныхъ дачъ на томъ же основаніи, какъ дѣлалось для казенныхъ крестьянъ. *Витебская*,—что необходимо сравнить евреевъ-земледѣльцевъ съ государственными крестьянами въ правахъ на пособія въ пожарныхъ случаяхъ, потому что въ земледѣльцы переходили еврейскія семейства по большей части до того ограниченнаго состоянія, что многія изъ нихъ, кромѣ выданнаго казною денежнаго пособія, не имѣли рѣшительно никакихъ средствъ даже на первоначальное обзаведеніе хозяйствомъ, и, если при истребленіи пожаромъ домовъ не сдѣлать имъ пособія, то бѣднѣйшіе изъ нихъ оставляютъ свои поселенія и хлѣбопашество, съ выгодами котораго большая часть евреевъ-земледѣльцевъ не успѣла еще ознакомиться; для устраненія же казны отъ издержекъ при выдачѣ, въ пожарныхъ случаяхъ, пособій евреямъ-земледѣльцамъ можно было отдѣлять изъ коробочнаго сбора на пособія въ пожарныхъ случаяхъ столько, чтобы на каждую ревизскую душу приходилось болѣе, нежели опредѣлено на этотъ предметъ положеніемъ объ общественномъ сборѣ съ казенныхъ крестьянъ. *Подольская*,—что для выдачи пособія евреямъ-земледѣльцамъ въ пожарныхъ случаяхъ полезно было подчинить ихъ общему положенію о взаимномъ застрахованіи строеній въ казенныхъ селеніяхъ съ тѣмъ, чтобы они вносили сумму страховыхъ платежей, до окончанія срока льготы по особой вѣдомости, въ уѣздныя казначейства для записки особою статьею, подъ названіемъ «пожарнаго капитала евреевъ-поселенцевъ», а изъ него производить вознагражденіе за строенія, которыя по застраховкѣ могутъ быть истреблены пожаромъ.

Сообразивъ приведенные доводы палатъ, департаментъ заключилъ: 1) что положеніемъ о повсемѣстномъ страхованіи въ казенныхъ селеніяхъ (7 іюля 1852 г.)—оно было обязательно для всѣхъ, жительствовавшихъ тамъ поселянъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, слѣдовательно въ той же степени должно было распространяться и на евреевъ-земледѣльцевъ, которымъ могъ быть разрѣшаемъ лѣсной матеріалъ въ порціи, установленной для крестьянъ, изъ дачъ, приписанныхъ

къ самымъ селеніямъ, гдѣ были водворены евреи, или изъ другихъ дачъ казенныхъ; въ послѣднемъ случаѣ не иначе, какъ за половину попенной платы, опредѣленной по таксѣ; денежное же имъ пособіе основывать на количествѣ пожарнаго капитала, который составитъ изъ страховыхъ премій, а при недостаткѣ этого источника — на коробочномъ сборѣ, употребленіе коего, по правиламъ о евреяхъ-земледѣльцахъ, соответствовало назначеніямъ общественнаго сбора съ государственныхъ крестьянъ, имѣвшаго цѣлью вспомошествованіе вообще поселянамъ въ ихъ нуждахъ; 2) пособія изъ коробочнаго сбора должны были производиться въ видѣ ссуды, съ ограниченіемъ количества крайнею необходимостью и разсрочкою возврата не далѣе 6 лѣтъ, подъ круговое ручательство общества, къ которому принадлежалъ погорѣвшій, для чего и степень ссуды предстояло опредѣлять по общественному приговору, вносимому окружнымъ начальникомъ, при своемъ мнѣніи, на утвержденіе губернскаго о евреяхъ комитета, и 3) какъ изъ общаго отзыва палаты выяснилось, что, по бѣдности и малому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ населенію водворенныхъ тамъ на казенныхъ земляхъ евреевъ, нельзя еще было образовать коробочнаго сбора, предметы котораго оставались въ рукахъ держателей статьи по городамъ и мѣстечкамъ, куда еврей-земледѣльцы обращались для убоя скота, птицъ и покупки кошернаго мяса, составлявшихъ главныя основанія означеннаго сбора, то, до учрежденія сборовъ отдѣльно между обществами евреевъ-земледѣльцевъ, департаментъ допускалъ производство денежныхъ имъ пособій изъ общихъ коробочныхъ сборовъ по губерніямъ, въ установленномъ для того порядкѣ.

Департаментъ полагалъ предписать палатамъ государственныхъ имуществъ западныхъ губерній распорядиться взимать съ евреевъ-земледѣльцевъ, при застрахованіи ихъ строеній, преміи и сдавать ихъ въ казначейство для образованія страхового капитала, но Киселевъ велѣлъ спросить мнѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ затянувшаяся переписка кончилась испрошеніемъ Киселевымъ высочайшаго разрѣшенія (7 іюня 1854 г.) на распространеніе положенія о взаимномъ застрахованіи въ казенныхъ селеніяхъ отъ пожаровъ (7 іюля

1852 г.) на евреевъ-земледѣльцевъ, «для преподаванія имъ возможности получать необходимыя, въ пожарныхъ случаяхъ, пособія съ тѣмъ, чтобы страховые платежи, вносимые евреями (по 4 к. съ души въ годъ), для упрощенія счетоводства, причисляемы были къ страховому капиталу государственныхъ крестьянъ», и чтобы «самое страхованіе было обязательно для всѣхъ, безъ изъятія, евреевъ-земледѣльцевъ такъ же, какъ оно было обязательно для всѣхъ государственныхъ крестьянъ». Объ этомъ Киселевъ объявилъ циркулярно палатамъ государственныхъ имуществъ западныхъ губерній, приказавъ имъ, во 1-хъ, немедленно, по окончаніи полевыхъ работъ, приступить къ операціи страхованія во всѣхъ еврейскихъ селеніяхъ на правахъ, подробно изложенныхъ въ положеніи 1852 г., и особо данныхъ по этому предмету наставленій; во 2-хъ, дѣйствіе страхованія ввести съ 1 января 1855 г., подѣ ближайшимъ наблюденіемъ и руководствомъ окружныхъ начальниковъ, обязавъ ихъ внушить евреямъ-земледѣльцамъ всѣ подробности и выгоды таковой мѣры, и въ 3-хъ, о порядкѣ страхованія доносить министерству ¹.

Здѣсь же кстаті отмѣтимъ, что еврейскихъ строеній застраховано было въ 1854 г., по губерніямъ: Волынской—4, въ 150 р., Виленской—9, въ 704 р. 50 к., Гродненской—312, въ 13.162 р., Могилевской—39, въ 1467 р., Ковенской—25, въ 300 р. и Витебской—52, итого 441 дворъ въ 15783 р. 50 к., кромѣ Витебской.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Нѣсколько лѣтъ сряду составлявшіеся, «Инструкція» о мѣрахъ надзора за нерадивыми евреями-земледѣльцами и «Нормальные инвентари» хозяйственнымъ принадлежностямъ были рассмотрѣны совѣтомъ министра, который, какъ и ученый комитетъ министерства, одобрилъ ихъ, сдѣлавъ лишь нѣкоторыя необходимыя дополненія, при чемъ инвентари были представлены, для распубликованія, правительствующему сенату ².

¹ По документамъ отъ 11 и 13 мая 1853 и 21 и 30 іюня 1854 г.

² Полн. собр. закон. 1853 г. № 27571.

По нормальному инвентарю хозяйственнымъ принадлежностямъ, которыми должны были быть снабжаемы евреи при водвореніи ихъ *единоотрцами* на казенныхъ имѣніяхъ *западныхъ губерній*, еврей-патроны обязывались приготовить а) на каждое семейство: 1) *хозяйственнымъ строеній*: домъ деревянный, построенный по Высочайше утвержденнымъ, для казенныхъ селеній въ западныхъ губерніяхъ, планамъ, и состоящій изъ двухъ жилыхъ комнатъ съ сѣнями, кухнею, кладовою и чердакомъ, съ тѣмъ, чтобы въ жилой части дома на каждую наличную, въ водворяемомъ семействѣ, душу, не исключая и малолѣтнихъ, приходилось не менѣе двухъ кубическихъ сажень воздуха, а равно, чтобы мѣсто между потолкомъ и крышею (чердакъ) могло, какъ у нѣмецкихъ колонистовъ, служить для ссыпки зернового хлѣба и храненія другихъ запасовъ и тѣмъ замѣнить устройство особыхъ амбаровъ, или кладовыхъ; конюшню самой легкой постройки для четырехъ штукъ крупнаго скота; скотный дворъ; сарай для помѣщенія телѣги, саней и земледѣльческихъ орудій; гумно съ амбаромъ и клуною, для молотбы и складкѣ хлѣба; овинъ съ сушиломъ, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ существуетъ обычай устраивать эти заведенія для сушки; висячіе замки для запиранія дома, конюшни, сарая и амбара. 2) *Домашнихъ принадлежностей*: столъ, двѣ скамьи, приставныя къ стѣнамъ дома, двѣ кровати, простую лѣстницу для входа на чердакъ и крышу, котель желѣзный, два деревянныхъ ведра, коромысло, четыре глиняныхъ горшка, два ножа, ложекъ по числу душъ въ семействѣ, кружку жестяную для воды, квашню для растворенія хлѣба. 3) *Рабочаго и друаго скота*: въ *сѣверной полосѣ губерніи*, имѣющей грунтъ песчаный и требующей при удобреніи небольшого количества навоза, а при запашкѣ сохи въ одну лошадь или пару воловъ: пару воловъ, одну корову дойную, три овцы матки, одного барана на пять семействъ, одну лошадь на два семейства. Въ *средней полосѣ губерніи*, заключающей въ себѣ глинистую почву, требующую сильнаго удобренія: пару воловъ, двѣ коровы дойныхъ, три овцы, одну лошадь, одного барана на пять семействъ. Въ *южной полосѣ*, образующей твердый черноземъ: пару воловъ, двѣ коровы дойныхъ, двѣ лошади, три

овцы, одного барана на пять семействъ. 4) *Земледѣльческія орудія*: телѣгу (возъ), сани, борону, косу, два серпа, заступъ желѣзный, лопату деревянную, топоръ, двое деревянныхъ граблей, деревянную вилу, два цѣпа, ярмо, буравъ, долото, 20 фунтовъ веревокъ, конскую сбрую по числу лошадей, соху въ *сѣверной и средней* полосахъ. 5) *Хлѣба на продовольствіе*: по одной четверти озимаго хлѣба и по $\frac{1}{2}$ четверти ржаной муки на каждую душу, безъ различія пола и возраста, и на каждое семейство по одной четверти картофеля и по одному четверику свеклы. 6) *Сѣмяна на посѣвъ*: Ржи или озимой пшеницы $1\frac{1}{2}$ четверти, ячменя 1 четв., овса $\frac{1}{2}$ четв., картофеля $\frac{1}{2}$ четв. 7) *Корма для скота*: сѣна 2 куб. саж., соломы 2 куб. саж. 8) *Топлива*: дровъ трехполѣнныхъ— $1\frac{1}{2}$, куб. саж., въ мѣстахъ безлѣсныхъ—камыша или соломы 2 куб. саж. 9) *Одежды*: 1 армякъ съ капюшономъ для мужчины, 1 тулупъ такой же для женщины. Обувь для мужчины и женщины. б) На два семейства: въ южной полосѣ, взаимно сохи, 1 рало и в) на три семейства, въ той же полосѣ, одинъ плугъ. *Примѣчанія*: 1) Причисленіе казенныхъ имѣній, въ коихъ поселены еврей-земледѣльцы, къ одной изъ трехъ показанныхъ выше полосъ, опредѣляется начальниками губерній по свойству почвы и образу производства въ ней сельскаго хозяйства. 2) Если на участкѣ, который будетъ назначенъ для евреевъ, поселяемыхъ иждивеніемъ своихъ единовѣрцевъ, не будетъ проточной воды, то водворители обязаны устроить на немъ достаточное, для продовольствія жителей и скота ихъ, число колодезевъ.

Такой же нормальный инвентарь хозяйственнымъ принадлежностямъ должны имѣть евреи, водворяющіеся на собственный счетъ въ казенныхъ имѣніяхъ западныхъ губерній.

Нормальный инвентарь хозяйственнымъ принадлежностямъ, которыхъ евреи должны были имѣть на 6 годъ своего водворенія. 1) На каждое семейство: *рабочаго и другого скота*: въ *сѣверной* полосѣ губерній—пару воловъ, двѣ коровы, пять овецъ, одну лошадь; въ *средней* полосѣ губерній—три вола, двѣ коровы, пять овецъ, одну лошадь; въ *южной* полосѣ—четыре вола, двѣ коровы, пять овецъ, одну лошадь. *Земледѣльческія орудія*: телѣгу, сани, двѣ бороны, двѣ косы, два серпа,

два желѣзныхъ заступа, двѣ деревянныя лопаты, одинъ топоръ, трое деревянныхъ граблей, двѣ вилы, три цѣпа, два ярма, буравъ, долото, конскую сбрую по числу лошадей. Двѣ сохи въ сѣверной и средней полосахъ. Одно рало въ южной полосѣ. *Хлѣба на годовое продовольствіе*: по $1\frac{1}{2}$ четверти ржи на каждую душу, 1 четверть картофеля и $\frac{1}{2}$ четв. свеклы на семейство. *Сѣмянъ на посѣвъ*: ржи озимой или озимой пшеницы 2 четверти, ячменя 1 четв., овса 1 четв., картофеля $\frac{1}{2}$, четв. *Корма для скота*: три кубическихъ сажени сѣна и столько же соломы. *Топлива*: по $1\frac{1}{2}$ куб. саж. трехполѣнныхъ дровъ, 3 куб. саж. камыша или соломы, и 2) на два семейства: одинъ плугъ въ южной полосѣ.

Черниговская и Полтавская губерніи не принадлежали къ западнымъ, а между тѣмъ евреи и тамъ стали селиться по деревнямъ на купленныхъ земляхъ. Вслѣдствіе жалобъ мѣстныхъ начальствъ на неодобрительное поведеніе евреевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ испросилъ, черезъ еврейскій комитетъ, высочайшее повелѣніе (3 Мая 1855 г.) объ ограниченіи дозволенія еврейскихъ поселеній только на земляхъ, которыя евреи уже приобрѣли, а далѣе не дозволять имъ никакихъ новыхъ земельныхъ приобретеній въ означенныхъ губерніяхъ, для собственнаго поселенія или для поселенія единовѣрцевъ.

Въ то же министерство внутреннихъ дѣлъ постоянно поступали представленія начальниковъ губерній о разрѣшеніи перечисленія евреевъ въ земледѣльческое состояніе, тогда какъ по закону (19 Августа 1852 г.) всѣ распоряженія по устройству евреевъ въ земледѣльческомъ званіи возложены были на мѣстныя губернскія начальства, почему, во избѣжаніе напрасной переписки, министръ предложилъ циркулярно губернаторамъ руководствоваться закономъ. Въ то же время, озабочиваясь устройствомъ евреевъ, поселенныхъ на земляхъ владѣльческихъ, оно препроводило къ губернаторамъ слѣдующія «правила для разсмотрѣнія условій, заключаемыхъ землевладѣльцами съ евреями, поселяемыми на ихъ земляхъ, и для надзора» за этими евреями:

1) О разсмотрѣніи условій, заключаемыхъ землевладѣльцами съ евреями, поселяемыми на ихъ земляхъ. Инструкціею о

поселеніи евреевъ, составленною на основаніи высоч. утвержд. 19 Августа 1852 г. журнала еврейскаго комитета, губернскому начальству, въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, предоставлено разсматривать и утверждать проекты условій, заключаемыхъ евреями съ частными лицами, о наймѣ земель собственно для земледѣльческихъ занятій. 2) На семь основаніи губернское начальство обязано: а) наблюдать за правильностію и точностію условій, заключаемыхъ евреями съ частными лицами о наймѣ земель, и б) имѣть постоянный строгій надзоръ, чтобы въ наймѣ евреями земель не скрывался подлогъ, и чтобы евреи не прибѣгали къ земледѣльческому званію, какъ къ средству воспользоваться предоставляемыми имъ закономъ льготами. 3) При разсмотрѣніи проекта условій о наймѣ земель, губернское начальство главнѣйше наблюдаетъ, чтобы въ проектѣ этомъ съ надлежащею точностію и полнотою опредѣлено было: а) съ кѣмъ именно оный заключается; б) какіе именно земли, лѣса, уголья и въ какомъ количествѣ отдаются въ наемъ; в) какую оброчную сумму (чиншъ) и въ какіе сроки евреи обязываются уплачивать владѣльцу за нанятія у него земли; если же евреи за пользованіе нанятыми землями принимаютъ на себя исправленіе какихъ-либо натуральныхъ повинностей въ пользу владѣльца, то въ чемъ именно онѣ должны состоять; равнымъ образомъ въ проектѣ могутъ быть помѣщены и другія условія, какія признаны будутъ необходимыми по мѣстнымъ обстоятельствамъ, съ тѣмъ, однако, чтобы условія эти, по общему основанію закона, отнюдь не клонились къ какому-либо стѣсненію или ограниченію личныхъ правъ евреевъ, и чтобы, во всякомъ случаѣ, сіи послѣдніе, въ теченіе контрактнаго срока, могли безпрепятственно заниматься земледѣліемъ на нанятыхъ ими земляхъ. 4) Затѣмъ, губернское начальство, если найдетъ сказанный проектъ удовлетворительнымъ, то по утвержденіи возвращаетъ оный просителямъ для совершенія установленнымъ порядкомъ формальнаго контракта. 5) По водвореніи евреевъ на земляхъ владѣльческихъ, губернское начальство имѣетъ строгое наблюденіе за точнымъ исполненіемъ со стороны евреевъ-поселенцевъ обязанностей по новому состоянію и, главное, не упускаетъ изъ виду: а) что евреи, пе-

речисленные въ земледѣльческое состояніе, должны немедленно обзавестись хозяйствомъ, свойственнымъ сему состоянію; б) что евреи, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 25 лѣтъ со времени перечисленія ихъ въ сказанное состояніе, должны обрабатывать нанятыя у постороннихъ лицъ земли непремѣнно сами или при пособіи своихъ единовѣрцевъ, но отнюдь не отдавать оныя въ наймы христіанамъ; в) что евреи, поступившіе въ земледѣльцы, ни подъ какимъ предлогомъ не могутъ заниматься промыслами, несвойственными сельскому быту и положительно воспрещенными евреямъ-земледѣльцамъ. *Примѣчаніе:* губернское начальство, для ближайшаго удостовѣренія въ исполненіи принятыхъ на себя евреями обязанностей по земледѣльческому состоянію, можетъ командировать по временамъ особыхъ, состоящихъ въ распоряженіи онаго, чиновниковъ въ мѣста поселенія евреевъ. б) На губернское начальство возлагается обязанность представлять въ министерство внутреннихъ дѣлъ, по хозяйственному департаменту, ежегодно къ 15 января, отчетъ по прилагаемой формѣ о состояніи евреевъ, поселившихся на владѣльческихъ земляхъ въ губерніи; 7) если евреи, поселившіеся на земляхъ владѣльческихъ, будутъ уклоняться отъ исполненія принятыхъ на себя обязанностей по новому званію, они немедленно подвергаются тѣмъ взысканіямъ, какія опредѣлены инструкціею относительно евреевъ, поселенныхъ на земляхъ казенныхъ ¹.

В. Никитинъ.

(Продолженіе будетъ).

---

¹ По документамъ отъ 31 марта, 8 мая, 18 августа 1853 г., 8 июля 1855 г.

НАДЪ БИБЛІЕЙ.

Когда повиснетъ ночь надъ міромъ утомленнымъ
И тихо онъ уснетъ, тревожнымъ сномъ объятъ,
Когда плеяды звѣздъ мерцаемъ отдаленнымъ
Землѣ о чемъ-то говорить, —

Спѣшу въ ночной тиши зажечь свою лампаду,
И съ вѣромъ склоняясь надъ книгой-книгъ святой,
Больному сердцу я хочу найти отраду
И съ небомъ сблизиться мечтой.

Читаю жадно я священныя страницы,
Сознаніемъ уносясь въ минувшіе вѣка..
Въ душѣ воздушныхъ грезъ тѣснятся вереницы,
И горечь жизни далека.

Патріархальный міръ! Онъ дорогъ для поэта,
Онъ въ простотѣ своей исполнень мощныхъ силъ...
Въ тѣ годы самъ Госнодь скрижалями завѣта
Съ своимъ народомъ говорилъ.

И преклонялись всѣ предъ Богомъ всемогущимъ,
Какъ предъ властителемъ покорные рабы,
Еще не смущены злосчастіемъ грядущимъ
Своей страдальческой судьбы.

Бъ престолу Божьему духовно улетаю,
Колѣнопреклоненъ, смиренный царь—пастухъ
Слагалъ слова молитвъ, и арфа золотая
Творца земли плѣняла слухъ.

Все въ бездну унеслось! Угрюмый гнетъ страданья
Окуталъ черной иглой сіянье древнихъ дней,
Но блещутъ, какъ лучи, библейскія преданья
Нетлѣнной прелестью своей.

Я погружаюсь въ нихъ... невольно льются слезы
Надъ прахомъ прошлаго... но, отдыхая въ немъ,
Сжигаю я въ себѣ слѣды житейской прозы
Святой поэзіи огнемъ.

Нѣтъ прежней тяжести на сердцѣ просвѣтленномъ...
Какъ быстро ночь прошла... ужъ занялась заря...
И гаснутъ искры звѣздъ на небѣ отдаленномъ,
Землѣ о чемъ-то говоря...

Л. Медвѣдевъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ГАЛИЦІИ¹.

VIІІ.

Въ прошломъ моемъ письмѣ, какъ помнятъ читатели, я полемизировалъ съ членомъ рейхсрата, д-ромъ Бикомъ, заявившимъ въ этомъ законодательномъ собраніи, будто бы въ Галиціи антисемитизма вовсе не существуетъ. Я старался выяснить, что политика д-ра Бика, умышленно игнорирующаго явления, которыя всемію бросаются въ глаза, не только не приноситъ пользы, но, напротивъ, оказываетъ большой вредъ. Въслѣдствіе заявленія д-ра Бика, на жалобы здѣшнихъ евреевъ не обращаютъ вниманія. Всякій думаетъ, что если представитель евреевъ въ рейхсратѣ отрицаетъ существованіе у насъ антисемитизма, толкуетъ объ идиллическомъ единеніи христіанъ и евреевъ и утверждаетъ, что религіозныя соображенія не играютъ никакой роли при замѣщеніи административныхъ должностей, — то, значить, все обстоитъ благополучно. Но вамъ уже извѣстенъ инцидентъ съ братьями Лиліенфельдъ, который надѣлалъ у насъ столько шума. Важное значеніе этого инцидента побуждаетъ меня подробнѣе заняться имъ.

Здѣшняя палата государственныхъ имуществъ управляетъ значительнымъ числомъ имѣній, арендуемыхъ польскими помещиками. Арендаторы эти хозяйничали такъ исправно, что плодородныя земли превратились въ пустоши, хозяйственныя строенія пришли въ ветхость и развалились. Въ концѣ концовъ арендаторы отказались даже вносить арендную плату, чѣмъ нанесли значительный ущербъ казнѣ. Это побудило палату отдать имѣнія въ болѣе исправныя руки. Выборъ палъ

---

¹ См. „Восходъ“, кн. X.
Восходъ, кн. 11.

на братьевъ Лиліенфельдъ, пользующихся репутаціею прекрасныхъ хозяевъ и, кромѣ того, успѣвшихъ расположить къ себѣ поляковъ. Братьевъ Лиліенфельдъ можно считать евреями только по имени. Тѣмъ не менѣе назначеніе ихъ арендаторами вызвало цѣлую бурю. Польскія газеты подняли неистовый шумъ, называя это назначеніе позоромъ для польской націи, толкуя о томъ, что произошла профанация польской земли, что евреи постепенно захватятъ ее въ свои руки, вытѣснятъ поляковъ и превратятъ послѣднихъ въ своихъ вассаловъ. Словомъ, этотъ невинный инцидентъ былъ раздутъ до событія громадной важности. Кончилось дѣло тѣмъ, что удалось возбудить страсти населенія, и братьямъ Лиліенфельдъ начали угрожать насиліями, такъ что они, не желая подвергать себя явной опасности, вынуждены были отказаться отъ аренды.

Однако, между польскими газетами нашлась, все-таки, одна, которая имѣла мужество вступить за братьевъ Лиліенфельдъ. Она начала доказывать, что такой способъ оттѣсненія евреевъ въ политическомъ отношеніи неразуменъ, препятствуя процессу ассимиляціи. Только установивъ ихъ равноправность съ остальными гражданами, можно побудить ихъ принять полезное и дѣятельное участіе въ культурной работѣ. Нельзя отрицать, что еврей представляетъ собою полезную силу, такъ какъ онъ отличается духомъ предпріимчивости и энергіею. Но этою силою можно будетъ воспользоваться только въ томъ случаѣ, если христіане сумѣютъ привлечь его на свою сторону любовнымъ и братскимъ отношеніемъ.

Эти дерзкія разсужденія газеты не обошлись ей даромъ. На нее накинулись, какъ на еврейскій органъ, подкупленный евреями. Это обвиненіе не замедлило произвести свое дѣйствіе. Газета перемѣнила позицію. Подъ ассимиляціею, — заговорила она, — мы не разумѣемъ поверхностнаго сближенія, выражающагося въ усвоеніи себѣ языка и нравовъ страны; подъ ассимиляціею мы разумѣемъ полное сліянiе, слѣдовательно и въ религіозномъ отношеніи, ибо пока такого сліянiя не произойдетъ, еврей останется чужеземцемъ, не будетъ насъ любить, не сроднится съ нашими интересами и будетъ продолжать эксплуатировать христіанъ, жить на ихъ счетъ и питаться ихъ кровью. Поэтому-де не мѣшаетъ предоставить имъ участіе въ общихъ правахъ. Опытъ выяснилъ, что лишеніе евреевъ правъ сильно препятствуетъ процессу

успѣшной ассимиляціи... Словомъ, вторая статья газеты сразу обнаружила обратную сторону медали.

Нечего сказать, хороша защита! При этомъ газета — «Львовскій Дневникъ» — рѣшительно заявляетъ, что она не страдаетъ болѣзненно вѣка, чуждается антисемитизма и искренно расположена къ евреямъ; но это расположеніе объясняется ея надеждою, что они скоро перестанутъ быть евреями. Хороша логика!

Но и антисемитизмъ имѣетъ свою хорошую сторону. О немъ можно сказать то же, что Мефистофель говоритъ о себѣ: «я часть той силы, которая вѣчно жаждетъ зла, а творитъ добро». Инцидентъ съ братьями Лиліенфельдъ отрезвить многихъ евреевъ и сыграетъ роль успѣшной операціи, возвращающей пациенту зрѣніе. Еврейскіе полонофилы, провозглашавшіе до сихъ поръ лозунгъ: «ассимиляція, во что бы то ни стало ассимиляція!» — предчувствуютъ уже горькое разочарованіе. Въ послѣднемъ номерѣ «Ojczyzna», — органа «Союза братьевъ» — мы находимъ слѣдующій отчетъ о засѣданіи этого общества: «Членъ правленія, д-ръ Френкель, сдѣлалъ предложеніе, въ которомъ требуетъ, чтобы ложная идея объ ассимиляціи, составлявшая основную цѣль общества, была оставлена и чтобы центръ тяжести его дѣятельности былъ перенесенъ на другую почву, именно на почву возбужденія политическаго самосознанія, преданности цивилизаціи, духа предпримчивости, трудолюбія и практической дѣятельности, которые могутъ служить наилучшимъ орудіемъ противъ грубыхъ нападокъ враговъ, отвергающихъ мирное сближеніе. Стремиться къ этой цѣли — вотъ главная задача нашего общества, ибо она дастъ лучшіе плоды чѣмъ бесполезная ассимиляція, которой мы до сихъ поръ посвящали столько времени и труда». Мотивировка этого интереснаго предложенія обнимаетъ слѣдующіе пункты: 1) всѣ усилія, направленные къ ассимиляціи нашихъ единовѣрцевъ, хотя и имѣли нѣкоторый успѣхъ, но не встрѣтили никакого сочувствія со стороны нашихъ братьевъ-христіанъ. 2) Чѣмъ болѣе мы стараемся съ ними сблизиться, тѣмъ сильнѣе они отъ насъ отстраняются и даже грубо отвергаютъ нашу дружбу. 3) Не смотря на то, что евреевъ постоянно упрекаютъ въ нерасположеніи заниматься земледѣліемъ, теперь, когда братья Лиліенфельдъ, пользующіеся репутаціею прекрасныхъ сельскихъ хозяевъ, хотѣли взять въ аренду нѣкоторыя имѣнія вѣдом-

ства государственныхъ имуществъ, лица, предъявляющія намъ вышеозначенный упрекъ, воспротивились этому, пуская въ ходъ самыя незаконныя средства, разжигая страсти населенія и проповѣдуя настоящій крестовый походъ противъ своихъ еврейскихъ соотечественниковъ, какъ будто послѣдніе не состоятъ гражданами страны, не исполняютъ своихъ гражданскихъ обязанностей и не помогаютъ населенію нести бремя наголовъ. Наконецъ, 4) означенные братья Лиліенфельдъ не принадлежатъ къ числу тѣхъ евреевъ, которые чуждаются ассимиляціи; напротивъ того, они тѣломъ и душою—поляки и готовы всѣмъ пожертвовать для своего польскаго отечества».

Если бы всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ какойнибудь членъ «Союза братьевъ» рѣшился сдѣлать подобное предложеніе, то его немедленно заклеили бы «измѣнникомъ» и съ поворомъ вычеркнули бы изъ списка общества, — такъ сильно оно преклонялось предъ кумиромъ ассимиляціи. Но на этотъ разъ дѣло приняло иной оборотъ; на этотъ разъ въ время произнесенныя слова встрѣтили полное сочувствіе со стороны людей, потерпѣвшихъ горькое разочарованіе въ своей завѣтной мечтѣ. Автора предложенія никто не прерывалъ; напротивъ, выраженіе лицъ всѣхъ присутствовавшихъ свидѣтельствовало о томъ, что слова его припались собранію по сердцу, и его предсѣдатель, д-ръ Пинесь, послѣдшилъ присоединиться въ своемъ отвѣтѣ къ чувствамъ, воодушевлявшимъ все собраніе. «Послѣднія печальныя событія, — сказалъ онъ, — особенно же инцидентъ съ братьями Лиліенфельдъ, возбуждали во мнѣ однородныя мысли, и я долженъ сознаться, что все это можетъ нанести смертельный ударъ такъ давно нами лелѣянной мысли объ ассимиляціи. Да, я первый могъ бы присоединиться къ предложенію. Къ чему искать сближенія; когда его съ другой стороны рѣшительно отвергаютъ? Но такъ какъ ассимиляція не проникла еще въ народныя массы, не стала еще общимъ достояніемъ всего населенія Галиціи, то я думаю, что не зачѣмъ останавливаться на полъ-пути, что надо продолжать начатое дѣло, пока цѣль не будетъ вполне достигнута. Тогда настанетъ время обратить все вниманіе на задачи, указанныя авторомъ предложенія».

Для обыкновеннаго смертнаго этотъ отвѣтъ представляетъ неразрѣшимую загадку. Съ одной стороны признается, что ассимиляціонная идея ни къ чему не привела, а — съ другой

предлагается не отказываться отъ нея и продолжать дѣло ея осуществленія. Наконецъ, до какого предѣла слѣдуетъ ее осуществлять? Неужели, какъ совѣтуетъ здѣшній «Dziennik», — до полного самоотреченія, или, говоря яснѣе, до перемѣны вѣры?..

Что касается до этого рода ассимиляціи, то она практикуется здѣсь съ христіанской стороны въ широкихъ размѣрахъ и при помощи насильственныхъ средствъ, живо напоминающихъ извѣстный стихъ изъ гетовскаго «Лѣснаго царя»: «Неволей или волей, а будешь ты мой». Вотъ факты: въ набожномъ, но очень бѣдномъ еврейскомъ семействѣ тяжело заболѣла дочь; ее пришлось помѣстить въ больницу, содержимую здѣшними монахинями. Последнія начали заботиться о ея благосостояніи не только тѣлесномъ, но и духовномъ, пустивъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы побудить ее отказаться отъ вѣры своихъ отцовъ, и обѣщая ей за это не только вѣчное спасеніе, но и всевозможныя земныя блага. Однако, дѣвушка не только не вняла ихъ обѣщаніямъ и угрозамъ, но рѣшительно потребовала отъ своихъ родителей, чтобы ее перевели въ другую больницу, такъ какъ монахини не даютъ ей ни минуты покоя. Положеніе больной было, однако, такъ опасно, что объ этомъ нельзя было и думать, и въ скоромъ времени бѣдная дѣвушка умерла. Но каково же было отчаяніе родителей, когда насталъ день похоронъ и они узнали, что ихъ дочь будетъ похоронена не на еврейскомъ, а на христіанскомъ кладбищѣ! Всѣ ихъ просьбы, жалобы, слезы ни къ чему не привели: монахини категорически заявили, что больная незадолго до смерти пожелала креститься, и что обрядъ крещенія былъ дѣйствительно надъ нею совершенъ.

Совершенно такой же случай произошелъ съ однимъ офицеромъ-евреемъ, который на-дняхъ умеръ въ военномъ госпиталѣ. И онъ оказался крещенымъ и, къ отчаянію своихъ родителей, для которыхъ онъ всегда былъ преданнымъ и почтительнымъ сыномъ, его также похоронили на христіанскомъ кладбищѣ.

Еще болѣе прискорбный случай насильственнаго крещенія произошелъ въ Коломеѣ. Тамъ жилъ еврей-адвокатъ д-ръ Брашъ, жившій вполне религіознымъ человѣкомъ. Но это не помѣшало какъ его дочери, которая влюбилась въ чиновника-христіанина, такъ и остальнымъ его дѣтямъ и, наконецъ, даже

его женѣ перейти въ католическую вѣру. Семейныя отношенія, однако, отъ этого не разстроились, и д-ръ Брашъ продолжалъ по прежнему жить въ добромъ согласіи съ женою и дѣтьми: они ходили по воскресеньямъ въ костель, а онъ по субботамъ въ синагогу, строго при этомъ соблюдая всѣ религиозныя обряды. Вдругъ онъ сильно занемогъ. Тутъ жена и дочери пустили въ ходъ всевозможныя средства, чтобы побудить его принять католичество. Но онъ рѣшительно отъ этого отказался. Тогда жена воспользовалась минутою, когда онъ находился въ полусознательномъ состояніи, и начала настаивать такъ сильно, что больной, наконецъ, поддался. Священникъ оказался подъ рукою, и обрядъ крещенія былъ совершенъ. Но почти тотчасъ же послѣдовало раскаяніе, и больной сталъ умолять, чтобы ему вернули вѣру его отцовъ; на его просьбы и мольбы, однако, никто не обращалъ вниманія. Неоднократно онъ посылалъ еврея, прислуживавшаго ему во время болѣзни, позвать къ нему единовѣрцевъ, но жена имъ воспрепятствовала входить въ домъ. Душевныя страданія ухудшили его состояніе, и дѣло кончилось тѣмъ, что онъ умеръ. Еврей, ему прислуживавшій, рассказываетъ, что несчастный доходилъ до отчаянія и въ ночь своей смерти неоднократно восклицалъ: «Schema Israel»; но все это ему не помогло: его похоронили на христіанскомъ кладбищѣ. За то семья усопшаго имѣла удовлетвореніе, что похороны были блестящи, что вся мѣстная знать приняла въ нихъ участіе и что отношенія ея семьи къ мѣстной христіанской интеллигенціи значительно улучшились...

Вообще, за послѣднее время здѣсь крестилось много евреевъ. На одной истекшей недѣлѣ пять еврейскихъ дѣвушекъ приняли христіанство. Противъ этого нельзя было бы ничего возразить, если бы переходъ въ христіанство былъ дѣломъ убѣжденія. Но приведенные случаи вызваны легкомысленнымъ отношеніемъ къ религіи и представляютъ печальное доказательство нравственной извращенности нашей молодежи, не имѣющей понятія о глубокомъ этическомъ содержаніи своей вѣры и относящейся къ ней, какъ къ наряду, который замѣняютъ другимъ, когда онъ не хорошо сидитъ или выпелъ изъ моды. Это объясняется тѣмъ, что наша молодежь воспитывается такъ, какъ будто евреи не имѣютъ ни исторіи, ни народныхъ вѣрованій. И этому удивляться нечего. Еще очень недавно воспитанники большинства нашихъ гимназій не имѣли законоучи-

теля, такъ что изъ закона Божія имъ вовсе не выставлялся баллъ, или же это дѣлалось въ видѣ простой формальности для полноты свидѣтельства, такъ какъ ни раввинъ, ни его помощникъ не принимали никакого участія въ экзаменахъ.

Созданный барономъ Гиршемъ фондъ оказывается и въ этомъ отношеніи весьма плодотворнымъ. Во всѣхъ городахъ, не исключая и захолустныхъ мѣстечекъ, появились еврейскіе законоучители, которые находятся на высотѣ своего призванія и энергически заботятся о томъ, чтобы преподаваемый ими предметъ пользовался такимъ же почетомъ, какъ и всѣ остальные. Было бы, однако, желательно, чтобы дѣло не ограничилось одною религіею и чтобы нашему юношеству сообщались надлежащія свѣдѣнія изъ еврейской исторіи и литературы, потому что оно, по большей части, совершенно съ ними незнакомо. Если бы оно узнавало въ школахъ, что евреи имѣютъ славное прошлое, то нынѣшній индифферентизмъ замѣнился бы теплымъ и любовнымъ отношеніемъ къ вѣрованіямъ отцовъ.

Всѣ еврейскія школы—въ Коломеѣ, Черновицахъ, Стрыѣ, Станиславовѣ, Краковѣ и т. д., которыя содержались прежде вѣнской «Іег. Allianz», перешли теперь въ вѣдѣніе фонда барона Гирша. Приобрѣтено нѣсколько новыхъ школьныхъ зданій. Въ нѣкоторыхъ городахъ учреждены ремесленные школы. Польза всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній двоякая: съ одной стороны, они обезпечиваютъ будущность еврейскаго подросткающаго поколѣнія въ Галиціи; съ другой—они даютъ заработокъ педагогическимъ силамъ, которыя не находили себѣ примѣненія въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и терпѣли страшную нужду. Лучшимъ и притомъ чисто-еврейскимъ оружіемъ противъ презрѣнія, нападковъ и вражды являются образованіе и честный трудъ. Поэтому желательно, чтобы всѣ три здѣшнія общества, посвятившія себя дѣлу рѣшенія еврейскаго вопроса, слились въ одинъ большой союзъ и соединили бы всѣ свои силы для достиженія одной великой цѣли, именно — для поднятія культурнаго уровня здѣшняго еврейства, къ чему собственно и стремятся всѣ здѣшніе евреи, какъ бы они ни расходились въ другихъ отношеніяхъ.

Никогда еще мы такъ не нуждались въ единодушіи, какъ теперь. Дѣло въ томъ, что здѣшнія польскія газеты, обнаружившія истинныя свои цѣли и желающія возстановить у насъ средневѣковые порядки, выступаютъ нашими опекунами, пред-

писываютъ, какъ намъ молиться и на какомъ языкѣ отправлять богослуженіе. Мало того, онѣ вмѣшиваются въ наши общинныя дѣла, требуютъ отчета въ положеніи нашихъ школъ и храмовъ,—словно мы обязаны отвѣтствовать передъ ними, словно онѣ, въ качествѣ нашихъ друзей, имѣютъ право на активное участіе въ нашихъ дѣлахъ! Съ недѣлю тому назадъ умеръ здѣсь нотаріусъ д-ръ Блуменфельдъ, и—представьте себѣ!—новый нашъ раввинъ, д-ръ Карро, имѣлъ дерзость промнестити надгробную рѣчь по-нѣмецки. Понятно, что д-ръ Блуменфельдъ, котораго поляки при жизни всячески преслѣдовали, вдругъ послѣ смерти превращается въ единственнаго польскаго патріота среди здѣшнихъ евреевъ, и газеты не помнятъ себя отъ негодованія при мысли, что какой-то «нѣмецъ» имѣлъ дерзость говорить по-нѣмецки надъ его трупомъ. Онѣ глубоко сожальютъ о бѣдномъ покойникѣ, который, конечно, въ виду постигшаго его позора, нѣсколько разъ перевернулся въ гробу. Что только не приходится выслушать д-ру Карро за совершенное имъ оскверненіе трупа! Юмористическіе листки осмѣиваютъ его въ карриатурахъ, а остальная печать набрасывается по этому поводу на евреевъ вообще.

Однако, пора обратиться и къ болѣе отраднымъ фактамъ. Здѣшнее общество «Schomer Israel», образовавшееся съ цѣлью споспѣшествованія политическимъ и социальнымъ успѣхамъ нашихъ единовѣрцевъ и въ теченіе многихъ лѣтъ погружившееся въ глубокой сонъ, подаетъ опять признаки жизни, главнымъ образомъ благодаря энергіи новаго раввина, упомянутого уже д-ра Карро. Онъ принялъ на себя редакцію органа названнаго общества—газеты «Israelit», которая, чтобы успѣшнѣе удовлетворять новой своей задачѣ, будетъ выходить съ января будущаго года еженедѣльно. Написанныя имъ для газеты статьи отличаются силою, мужествомъ, сознательнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Д-ръ Карро смѣло и открыто порицаетъ въ этихъ статьяхъ все, что въ жизни нашей общины заслуживаетъ порицанія: индифферентизмъ, халатность, бюрократическіе приемы, но не упускаетъ, при этомъ случаѣ, сдѣлать надлежащія указанія и дать совѣтъ, какъ устранить неудобствительные порядки. Само собою разумѣется, что его энергическій образъ дѣйствій навлекаетъ на него много непріятностей и создаетъ ему не мало враговъ; но онъ, видимо, не принадлежитъ къ числу людей, которые страшатся борьбы

и не доводятъ разъ начатаго дѣла до конца. Принявъ на себя редакцію газеты, онъ сразу показалъ, что ясно видитъ, въ чемъ дѣло, и умѣетъ выбирать средства, вѣрнѣе всего приводящія къ цѣли. Духовная проповѣдь недостаточна, чтобы призвать нашу общину къ новой жизни, потому что тѣ члены ея, которые наиболѣе нуждаются въ поученіи, рѣдко посѣщаютъ храмъ. Но въ газетѣ, читаемой всѣми членами общины, онъ съ успѣхомъ можетъ поучать и наставлять. Кроме того, д-ръ Карро будетъ еженедѣльно читать лекціи на темы изъ еврейской исторіи и литературы. Слушателями этихъ лекцій могутъ быть какъ мужчины, такъ и женщины.

Изъ достовѣрнаго источника я узнаю, что на-дняхъ здѣсь начнетъ выходить новая польская газета, поставившая себѣ цѣлью противодѣйствовать антисемитизму. Лица, ставшія во главѣ редакціи, служатъ ручательствомъ за успѣхъ новаго органа. Называютъ такихъ испытанныхъ дѣятелей, какъ д-ръ Гольдманнъ, д-ръ Іекелесъ и д-ръ Апкемази. Но участвовать въ газетѣ будутъ не только наши единовѣрцы. Называютъ, кромѣ того, двухъ профессоровъ-христіанъ. Весьма от-раднo, что въ нынѣшнее время повальнаго антисемитизма на-ходятся люди, имѣющіе мужество бодро вступать въ борьбу за правду и справедливость.

Въ здѣшнемъ высшемъ духовенствѣ также находятся люди, рѣшительно отвергающіе антисемитизмъ. Вотъ фактъ, се-общаемый мнѣ изъ вполне достовѣрнаго источника: о. Ва-шары, часто посѣщающій городъ Коморнъ въ качествѣ глав-наго инспектора тамошней бенедиктинской гимназіи, всегда навѣщаетъ во время своихъ пріѣздовъ мѣстнаго главнаго рав-вина, д-ра Шнитцера, и обыкновенно обѣдаетъ у него. Это случилось и недавно. Во время обѣда о. Вашары по обыкно-венію спросилъ раввина: «Что же новаго у васъ въ городѣ?» Тотъ отвѣтилъ, что все идетъ по старому, и что только въ гимназіи назначенъ новый учитель. «Если, — прибавилъ раввинъ, — этотъ новый учитель будетъ усердствовать въ своемъ дѣлѣ такъ, какъ онъ усердствуетъ въ антисемити-ческихъ проискахъ, то онъ окажется лучшимъ учителемъ во всемъ государствѣ». Не прошло и десяти дней, какъ учитель получилъ административное назначеніе, а на его мѣсто былъ назначенъ просвѣщенный педагогъ.

Каждая эпоха порождаетъ своеобразныя литературныя про-

изведенія. Это можно сказать въ настоящее время и о Галиции. Въ здѣшней литературѣ проявляются нѣкоторыя новыя теченія. Мы говоримъ объ изданныхъ нашими единовѣрцами трудахъ на польскомъ языкѣ. На первый разъ я укажу на двѣ книги, удовлетворяющія давно существующей потребности. Первая носитъ заглавие: «Podręcznik do Historji Izraelitów, przez N. Landesa, direktora szkoły mieszkiej w Lwowie». Г. Ландесъ, пользующійся репутаціею прекраснаго педагога, оказалъ изданіемъ этой книги большую услугу здѣшнимъ евреямъ. Я уже говорилъ о томъ, что еврейская молодежь у насъ воспитывается въ полномъ незнакомствѣ еврейской исторіи и литературы. Жизнь Алкивіада или Цезаря она изучаетъ до мельчайшихъ подробностей, но дѣянія нашихъ пророковъ ей совершенно неизвѣстны; она восторгается литературными произведеніями всѣхъ народовъ, кромѣ только еврейскаго. Мнѣ и въ голову не приходитъ отговаривать нашу молодежь отъ изученія европейской науки и литературы; но польская пословица гласитъ: «чужое знать—хорошо, свое знать надо», и эта пословица содержитъ въ себѣ глубокую истину. Къ нашей молодежи можно примѣнить слова польскаго поэта: «чужое хвалите, своего не знаете; вамъ неизвѣстно, что у васъ хорошаго». Главная вина тутъ падаетъ на родителей, которые заботятся только о томъ, чтобы обезпечить за своими дѣтьми выгодную карьеру. Вотъ почему между молодыми людьми нѣтъ любви къ еврейству, и индифферентизмъ, порождаемый полнымъ незнакомствомъ еврейской исторіи, усиливается съ каждымъ днемъ. Евреи, еще преданные вѣрѣ своихъ отцовъ, не могутъ не сокрушаться при видѣ результатовъ теперешняго воспитанія. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ «Dziennik Polski» помѣстилъ корреспонденцію, въ которой говорилось, что о праздникѣ Ханука вовсе въ еврейской исторіи не упоминается, а что онъ выдуманъ вѣнскимъ студенческимъ обществомъ «Kadimah», чтобы возбуждать евреевъ противъ поляковъ и затруднить процессъ ассимиляціи, никто не возсталъ противъ этой небывлицы. Между тѣмъ, событія, вызвавшія этотъ праздникъ, рассказаны даже въ священной исторіи д-ра Шустера, переведенной на польскій языкъ законоучителемъ д-ромъ Радецкимъ и введенной, въ качествѣ руководства, для IV класса христіанскихъ народныхъ училищъ. Вотъ до чего довелъ насъ ложно-понятый прогрессъ: воспи-

танники народныхъ школъ, христіане, лучше знаютъ событія, вызвавшія праздникъ Ханука, чѣмъ воспитанники гимназій и даже студенты-евреи. Съ другой стороны, незнакомство нашей молодежи съ еврейскою исторіею и литературою вызывается тѣмъ, что она не знаетъ нѣмецкаго языка и что не существуетъ такой книги на польскомъ языкѣ, изъ которой она могла бы ознакомиться съ заслугами нашихъ отцовъ предъ лицомъ науки и цивилизаціи. Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, г. Ландесъ издалъ свой трудъ, и теперь учащаяся еврейская молодежь можетъ знакомиться съ исторіею своего племени на польскомъ языкѣ. Слогъ названнаго труда прекрасный, важнѣйшія событія еврейской исторіи изложены весьма занимательно и иллюстрируются въ книгѣ біографіями замѣчательныхъ евреевъ. Авторъ дополнилъ свой трудъ исторіею евреевъ въ Польшѣ, составленной на основаніи лучшихъ источниковъ.

Кромѣ того, недавно появилась у насъ книга: «*Sprawa żydowska w czasie sejmu wielkiego*», также предназначенная для еврейской молодежи, чтобы ознакомить ее съ исторіею ея народа и вызвать въ ней чувства племенной солидарности. Эта книга, принадлежащая перу г. Дейхеса, написана ясно, тепло, живо и интересно, и обнимаетъ славную эпоху отечественной исторіи, во время которой евреи играли немаловажную роль. Книгу можно одинаково рекомендовать какъ христіанамъ, такъ и евреямъ: первые убѣдятся изъ нея, какія услуги евреи могутъ оказать отечеству, когда съ ними обращаются любовно; вторые вынесутъ изъ нея убѣжденіе, что можно тѣломъ и душою быть преданнымъ отечеству и служить ему вѣрою и правдою, не отрекаясь ни отъ вѣрованной отцовъ, ни отъ племенныхъ особенностей.

Не могу окончить письма, не упомянувъ о замѣчательной женщинѣ, скончавшейся недавно во Львовѣ на 78-мъ году жизни. Мы говоримъ о Еессе Воллернеръ, урожденной Кельманнъ, весьма замѣчательной гебраисткѣ. Еще дѣвочкой она, вмѣстѣ съ старшимъ своимъ братомъ, обучалась еврейскому языку, который она такъ полюбила, что по субботамъ и праздникамъ начала изучать Пятикнижіе въ оригиналѣ при помощи мендельсоновскаго перевода. Однажды отецъ обратилъ ея вниманіе на нѣкоторыя письма Анны-Маріи Шурманнъ, написанныя на древне-еврейскомъ языкѣ. «И я должна научиться такъ писать», — воскликнула она восторженно.

Вслѣдъ затѣмъ она начала брать уроки еврейскаго языка. Ея учитель, д-ръ Гольдшмидтъ, открывъ въ ней литературныя дарованія и посовѣтовалъ ей заняться переводомъ на древне-еврейскій языкъ.

Дѣвушкѣ едва минуло четырнадцать лѣтъ, какъ родители обручили ее съ молодымъ человекомъ того же возраста, нѣкимъ Л. Розанесъ изъ Бродъ. Обрученные вступили въ любовную переписку на древне-еврейскомъ языкѣ, которая, по мнѣнью умершаго пражскаго раввина, является вѣрнымъ отраженіемъ «Пѣсни Пѣсней». Не смотря на настойчивыя просьбы раввина Рапапорта, дѣвушка изъ скромности не согласилась обнародовать свои письма; но она ихъ тщательно хранила, собираясь, повидимому, ихъ напечатать послѣ свадьбы. Тутъ женихъ внезапно умеръ. Она долгое время была безутѣшна, не находя нигдѣ себѣ покоя. Какой-то полякъ далъ ей суевѣрной матери благой совѣтъ—и письма были сожжены.

Литературныя произведенія этой женщины, появившіяся въ разныхъ еврейскихъ изданіяхъ, свидѣтельствуютъ о прекрасномъ знакомствѣ ея съ древне-еврейскимъ языкомъ и носятъ отпечатокъ несомнѣннаго дарованія.

Veritas.

Львовъ, 31-го октября.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИТОГИ «ОБЩЕСТВА ПРОСВѢЩЕНІЯ ЕВРЕЕВЪ».

(תולדות חברת בני השכלה: *Историческій очеркъ дѣятельности «Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи»*. Составленъ казначеемъ Общества Л. М. Розенталемъ. Части I и II. С.-Петербургъ, 1885—1890 г.).

(Окончаніе)¹.

III.

Крупнѣйшимъ событіемъ въ жизни «Общества» въ слѣдующіе годы было основаніе въ Одессѣ самостоятельнаго отдѣленія «Общества просвѣщенія». Необходимость такого отдѣленія чувствовалось на югѣ почти съ самаго возникновенія «Общества». По инициативѣ А. М. Бродскаго, начались переговоры съ петербургскимъ комитетомъ, и было рѣшено въ принципѣ, что программа одесскаго отдѣленія должна быть ограничена сравнительно съ программой главнаго комитета и должна сводиться къ распространенію русскаго языка среди евреевъ. Представители одесской еврейской интеллигенціи (Л. Пинскеръ, О. Рабиновичъ и Э. Соловейчикъ) выработали планъ дѣятельности для достиженія этой цѣли («просвѣщенія евреевъ на русскомъ языкѣ и въ русскомъ духѣ», какъ они выразились). Главнымъ пунктомъ въ этомъ планѣ было: преподаваніе въ школахъ всѣхъ еврейскихъ предметовъ (закона вѣры etc.) на русскомъ языкѣ, вмѣсто употреблявшагося тогда нѣмецкаго, пріученіе евреевъ къ русскому языку посредствомъ перевода на этотъ языкъ Св. Писанія и молитвенника. Вообще, рекомендовалось сдѣлать русскій языкъ общепотребительнымъ у евреевъ дома, въ школахъ и даже синагогахъ. Противъ этого пункта возсталъ одесскій раввинъ д-ръ Швабахеръ, доказывавшій съ одной стороны, что неприлично сдѣлать молитвенникъ и св. книги орудіемъ изученія русскаго языка, а съ другой—необходимость для всякаго образованнаго еврея знать нѣмецкій языкъ, на которомъ изъются всѣ источники еврейской исторіи и науки. «Особое мнѣніе» д-ра Швабахера было, однако, оставлено безъ послѣдствій—и петербургскій комитетъ приступилъ къ ходатайству о разрѣшеніи

¹ См. „Восходъ“, кн. X.

отдѣленія въ Одессѣ по программѣ руссификаторовъ. Разрѣшеніе послѣдовало лишь въ августѣ 1867 г. Въ слѣдующемъ году комитетъ одесскаго отдѣленія вступилъ «въ отравленіе своихъ обязанностей». Дѣятельность его была еще уже и бездѣятѣ дѣятельности главнаго комитета. Результатомъ всѣхъ его четырехлѣтнихъ усилій, рвенія и заботъ было изданіе вѣсколькихъ ничтожныхъ учебниковъ граноты, катихизисовъ и еврейскихъ молитвенниковъ на русскоиъ языкѣ (т. II, стр. 129 сл.). Объ этомъ въ дѣломъ рядѣ засѣданій велись серьезные разсужденія и горячіе дебаты, какъ будто отъ изданія того или другаго жалкаго учебника зависѣло спасеніе русскаго еврейства... Единственнымъ дѣльнымъ предпріятіемъ одесскаго отдѣленія было изданіе органа русскыхъ евреевъ «День», который съ конца 1869 до половины 1871 года выходилъ подъ редакціей г. Орнштейна и при постоянномъ участіи М. Г. Моргулиса, И. Г. Оршанскаго и др. Смутное время, наступившее для одесскихъ евреевъ послѣ паскальныхъ «безпорядковъ» 1871 г., въ связи съ недостаткомъ средствъ въ комитетѣ и другими неблагоприятными обстоятельствами, положило конецъ существованію «Дня». Спустя годъ прекратило свою дѣятельность и одесское отдѣленіе. Вотъ какъ объясняетъ этотъ рѣшительный шагъ предсѣдатель одесскаго комитета, д-ръ Соловейчикъ, въ своемъ письмѣ на ния главнаго комитета, *въ мартѣ 1872 года.*

«Отдѣленіе Общества просвѣщенія» въ Одессѣ, основанное съ единственною цѣлью—пріучать евреевъ къ русскому языку, съ самаго начала своей дѣятельности пришло къ убѣжденію, что вслѣдствіе скудости своихъ средствъ, а также вслѣдствіе независящихъ обстоятельствъ, оно, «Отдѣленіе», не сумѣетъ, какъ должно, осуществлять свою задачу. Это было причиною вялаго хода дѣлъ въ «Отдѣленіи» и ничтожности достигнутыхъ имъ результатовъ. Вдобавокъ безпорядка, жертвою которыхъ были наши единовѣрцы въ нашемъ городѣ въ минувшую Пасху, *заставили руководителей «Отдѣленія» опустить руки и усомниться въ томъ, действительно-ли хороша поставленная имъ себѣ цѣль, ибо, какъ видно, всѣ старанія нашихъ братьевъ сблизиться съ русскими останутся напрасными, пока чернь (русская) будетъ пребывать въ своемъ нынѣшнемъ зрубомъ состояніи и питать къ евреямъ враждебныя чувства.* По всѣмъ вышеозначеннымъ причинамъ, а также вслѣдствіе выѣзда вѣкоторыхъ изъ учредителей «Отдѣленія», дѣятельность комитета совершенно пріостановилась. И когда недавно члены его собрались, чтобы обдумать положеніе дѣлъ «Отдѣленія», они пришли къ за-

ключенію, что нѣтъ надежды на преуспѣваніе этого учрежденія въ настоящее время... И потому мы вынуждены объявить, что существованіе «Отдѣленія» прекратилось»¹.

На это письмо можно, по нашему мнѣнію, смотрѣть какъ на историческій документъ, весьма важный для характеристики настроенія нашей интеллигенціи въ ту эпоху «бурь и стремленій», или точнѣе—«порывовъ и удивительныхъ скачковъ»...

Одною изъ причинъ закрытія одесскаго отдѣленія былъ недостатокъ денежныхъ средствъ. Это было вполне естественно, такъ какъ и главный комитетъ, отъ котораго матеріально отчасти зависѣло Отдѣленіе, самъ былъ крайне стѣсненъ въ средствахъ. Петербургскій комитетъ отдавалъ въ распоряженіе одесскаго одну восьмую часть своихъ доходовъ, которые въ среднемъ простирались до 6,000 рублей въ годъ. При такихъ ресурсахъ трудно было дѣйствовать. Главный комитетъ тоже, конечно, не могъ бы долго продержаться при шеститысячномъ бюджетѣ, но его постоянно поддерживала щедрость председателя (бар. Гинцбурга) и казначея (Л. Ровенталя), которые своими личными пожертвованіями удваивали и даже утраивали упомянутый доходъ «Общества»².

Но почему же само русское еврейство такъ плохо поддерживало одно изъ крупнѣйшихъ своихъ учреждений?—Вотъ вопросъ, который смущалъ дѣятелей «Общества» въ началѣ 70-хъ годовъ. Этотъ вопросъ не разрѣшенъ, кажется, еще и нынѣ. Посмотримъ, не дадутъ-ли дальнѣйшіе итоги «Общества» нѣкотораго матеріала для его разрѣшенія.

IV.

«Девять лѣтъ прошли, — писалъ комитетъ въ своемъ «воззваніи къ евреямъ» отъ начала іюня 1872 г., — съ тѣхъ поръ, какъ учредилось

¹ Ч. II, стр. 154. Намъ пришлось перевести съ древне-еврейскаго перевода это письмо, написанное въ подлинникѣ по-русски. Не ручаемся за полное тождество выраженій, но смыслъ передать точно, если только еврейскій переводъ точенъ.—Одесское отдѣленіе, впрочемъ, было упразднено лишь временно, ибо въ 1878 г. оно возобновилось.

² Въ 1864 г. расходы „Общества“ равнялись 4,515 р.; въ 1865 г.—11,202 р., въ 1866 г.—12,289 руб.; въ 1867—70 г. расходы колебались между 8,742 руб. и 9,357 руб. Съ 1871 года расходы идутъ *stevesendo* и достигаютъ въ 1884 году 27,832 руб. Въ эту цифру входятъ, впрочемъ, частныя пожертвованія въ пользу учащихся, собираемыхъ уполномоченными отъ общества студентами отдѣльно для каждаго высшаго учебнаго заведенія.

наше «Общество», имѣющее цѣлью распространять просвѣщеніе между евреями въ нашемъ отечествѣ, посредствомъ выдачи денежныхъ пособій учащейся въ учебныхъ заведеніяхъ молодежи и авторовъ полезныхъ книгъ, написанныхъ, какъ на священномъ языкѣ нашихъ предковъ, такъ и на языкѣ страны, въ коей ны живемъ. За все это время мы, не покладая рукъ, стояли на своемъ посту, трудились, не жалѣли ни денегъ, ни времени, исполняли свою обязанность съ любовью, руководясь горячею привязанностью къ нашему народу и желаніемъ улучшить его матеріальное и правовое положеніе. Тѣмъ не менѣе, мы *хорошо сознаемъ, что мы еще не исполнили нашего долга и что мы еще далеки отъ поставленной себѣ цѣли.* Чѣмъ же это объяснить?—Единственное объясненіе, по нашему мнѣнію, то, что *народъ держится отъ насъ поодаль*—тотъ народъ, для блага и спасенія котораго мы трудимся» (ч. I, стр. 87—90; переводъ съ древнееврейскаго). Безучастность «народа» выражается, по мнѣнію комитета, въ томъ, что богачи въ провинціи скупаются на поддержку «Общества» деньгами, интеллигенція неохотно помогаетъ ему трудомъ, что провинція вообще равнодушна къ судьбѣ учрежденія и взваливаетъ всю громадную работу просвѣщенія евреевъ на плечи нѣсколькихъ столичныхъ богачей и интеллигентовъ, далекихъ отъ еврейской массы и не могущихъ удовлетворять всѣмъ ея умственнымъ потребностямъ».

Въ этой самооцѣнкѣ слышится сознаніе собственного безсилія, убѣжденіе, что сдѣлано очень мало и что слѣдовало бы гораздо больше сдѣлать. Комитетъ, однако, не упалъ духомъ. Напротивъ, онъ какъ будто воспрянулъ отъ долгаго сна и его охватила жажда широкой и плодотворной дѣятельности. Чему приписать этотъ внезапный подъемъ духа — трудно сказать на основаніи имѣющихся матеріаловъ. Воззваніе было написано Л. О. Гордономъ, со вступленіемъ котораго въ должности секретаря комитета (въ концѣ 1871 г.), послѣдній, долготѣ молчаливый, сдѣлался словоохотливѣе и сталъ отъ времени до времени обращаться къ публикѣ съ очень краснорѣчивыми посланіями. На сей разъ комитетъ, надѣясь «возродиться къ новой жизни и къ болѣе широкой дѣятельности», убѣдительно приглашалъ всѣхъ, сочувствующихъ цѣлямъ «Общества», помогать ему своими средствами или силами, вербовать повсюду членовъ, присылать въ комитетъ всевозможныя свѣдѣнія о состояніи и потребностяхъ образованія во всѣхъ мѣстахъ еврейской оспѣлости. «Членамъ-сотрудникамъ» предложена была весьма обширная программа. Приглашались къ активному участію въ дѣлахъ «Общества» и духовные раввины, при чемъ послѣднихъ увѣрили, что

«Общество» отнюдь не будет посягать на религиозныя традиціи народа. Въ заключеніе, «воззваніе» напоминаетъ о томъ, что нужно пользоваться моментами благоволенія къ евреямъ въ правительственныхъ сферахъ, что нужно надѣяться, что гражданское положеніе евреевъ вскорѣ переиѣнится къ лучшему, и не откладывать пока спасительнаго дѣла просвѣщенія массы, могущаго ускорить означенную благу переиѣну.

Откликнулась-ли публика на этотъ зовъ,—объ этомъ не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Для исторіи «Общества» въ 70-хъ годахъ, лежащей передъ нами собранія документовъ не даетъ, какъ уже сказано выше, никакихъ новыхъ матеріаловъ, кромѣ краткихъ извлеченій изъ протоколовъ, ибо корреспонденцію за эти годы издатели не сочли нужнымъ обнародовать. Однако, изъ протоколовъ и изъ послѣдующихъ воззваній можно заключить, что «откликъ» былъ чрезвычайно слабый. Доходы «Общества» не возросли сколько-нибудь значительно. На призывъ къ помощи духовной откликнулись, вопреки ожиданію, нѣкоторые духовные пастыри. Последніе, въ письмахъ на имя комитета и въ известномъ консервативномъ органѣ «Галеванонъ», высказались, что считаютъ преобразование хедернаго воспитанія на современныхъ началахъ дѣломъ необходимымъ, что они, съ своей стороны, готовы содѣйствовать «Обществу» въ достиженіи этой цѣли, но подъ условіемъ, чтобы «Общество» представило ясныя гарантіи въ томъ, что религиозная сторона воспитанія нисколько не пострадаетъ отъ такого преобразования. Чтобы столковаться на этотъ счетъ, раввины предлагали комитету ходатайствовать о созывѣ раввинскаго съѣзда въ Петербургѣ для совѣщанія о предстоящихъ школьныхъ реформахъ. Комитетъ, вслѣдствіе этого заявленія раввиновъ, очутился въ довольно затруднительномъ положеніи. Гарантировать неприкосновенность правовѣрія въ школьномъ дѣлѣ онъ не могъ: сама жизнь говорила противное. Религиозный индифферентизмъ учащейся молодежи былъ слишкомъ очевиденъ, чтобы его можно было оспаривать. Комитетъ, въ своемъ обширномъ отвѣтѣ раввинамъ, объяснялъ это печальное явленіе прежнимъ поведеніемъ еврейскаго духовенства, которое своими фанатизмомъ и упорнымъ сопротивленіемъ всякой новизнѣ, оттолкнуло отъ себя молодежь и заставило ее удариться въ другую крайность— въ религиозное отрицаніе. Что же касается съѣзда раввиновъ, то комитетъ считалъ въ то время такой съѣздъ «неудобнымъ» и даже опаснымъ, ибо публичное обсужденіе столь животрепещущаго вопроса, какъ связь религіи съ воспитаніемъ, могло бы подать поводъ только къ усиленію разномыслія, даже къ расколу. Вѣсто всякихъ съѣздовъ, комитетъ предлагалъ равви-

намъ доказать свое расположеніе къ образованію на дѣлѣ, содѣйствовать, каждый въ своемъ районѣ, улучшенію воспитанія юношества въ хедерахъ и іешиботахъ, ввести тамъ преподаваніе общихъ предметовъ наравнѣ съ еврейскими и имѣть надзоръ за преуспѣваніемъ такихъ школъ (февраль, 1873 г., т. I, стр. 97 и сл.).

Спустя два мѣсяца, мы видимъ, однако, двухъ крупныхъ раввиновъ на засѣданіяхъ комитета. То были: С. Могилеверъ изъ Радома (нынѣшній бѣлостокскій раввинъ, одинъ изъ вождей палестинскаго движенія) и Я. Заккинъ изъ Варшавы. Раввинъ Могилеверъ, горячо сочувствуя дѣлу приниренія «вѣрующихъ съ образованными», подалъ проектъ объ основаніи повсюду новыхъ талмудъ-торъ и іешиботовъ (элементарныхъ и высшихъ религіозныхъ школъ), съ преподаваніемъ русскаго языка и другихъ элементарныхъ наукъ, наравнѣ съ еврейскими предметами, по съ тѣмъ, чтобы непосредственное наблюденіе за ними принадлежало раввинамъ. По просьбѣ г. Могилевера, комитетъ назначилъ особую комиссію изъ своихъ членовъ и изъ названныхъ раввиновъ для обсужденія этого проекта; но изъ дальнѣйшихъ дѣйствій комитета мы не видимъ, чтобы эта комиссія привела къ какимъ-либо положительнымъ результатамъ. Надо полагать, что засѣдавшіе въ комиссіи представители «вѣрующихъ» и «образованныхъ» не могли прійти ко взаимному соглашенію относительно способовъ преобразованія воспитанія, — этого первостепеннаго вопроса тогдашней еврейской жизни.

А между тѣмъ, жизнь постоянно требовала рѣшенія этого вопроса. Упраздненіе казенныхъ еврейскихъ училищъ съ 1872 г. обострило его до крайности. Для подростающаго поколѣнія оставался только выборъ между хедерами, съ нѣтъ невозможной обстановкой и первобытнымъ методомъ воспитанія на узко-религіозныхъ началахъ, и общерусскими учебными заведеніями, гдѣ учащійся еврей совершенно отчуждался отъ своей религіи и науки. Середины не было: или абсолютно-раввинское воспитаніе, или-же воспитаніе совершенно безрелигіозное. Печальные результаты этого порядка вещей не замедлили обнаружиться. Новое положеніе о воинской повинности 1874 г., предоставившее разныя льготы лицамъ, окончившимъ общія учебныя заведенія, вызвало чрезвычайный наплывъ евреевъ въ такія заведенія. Городскія и сельскія школы, гимназіи, университеты, профессиональные «институты» переполнились учащимися евреями. Изъ хедеровъ переходили прямо въ гимназіи, отъ талмуда — къ Цицерону и алгебрѣ. Еврейская молодежь, бросавшаяся изъ одной крайности въ другую, терпала

почву подъ ногами... «Общество» съ безпокойствомъ смотрѣло на это стихійное движеніе, но было уже бессильно дать ему иное, болѣе нормальное направленіе ¹. Оно все болѣе теряло способность къ какой-либо самостоятельной инициативѣ, а, напротивъ, само поддавалось напору событий и исполнило свою обязанность пассивально, вяло, по инерціи. «Общество» все болѣе превращалось въ благотворительное учрежденіе, пекущееся о нуждахъ бѣдныхъ еврейскихъ студентовъ и гимназистовъ. Великія «задачи» и широкіе планы остались позади.

Закрытіе двухъ раввинскихъ училищъ въ 1873 г. выдвинуло на сцену трудный «раввинскій вопросъ». «Общество» и его не осмѣло. Оно рѣшило содержать на свой счетъ въ бреславской раввинской семинаріи (въ Пруссіи) нѣсколькихъ стипендіатовъ изъ русскихъ евреевъ, готовившихся къ раввинскому званію, съ тѣмъ, чтобы они потомъ занимали соответственные должности въ Россіи. Объ этомъ много толковалось въ засѣданіяхъ комитета. На дѣлѣ же вышло, что «Общество» такимъ путемъ доставило русскому еврейству двухъ-трехъ «общественныхъ» раввиновъ, далеко не изъ первостепенныхъ. Въ 1879 г. вѣтербургскій градоначальникъ окончательно запретилъ «Обществу» содержать на свой счетъ какихъ бы то ни было стипендіатовъ за-границею, какъ «дѣяніе, не предусмотрѣнное уставомъ Общества» (I, 158). Конечно, единственнымъ способомъ разрѣшенія раввинскаго вопроса было бы устройство въ Россіи семинаріи по образцу бреславской, — семинаріи, которая могла бы играть роль и высшей академіи еврейскихъ наукъ. «Общество», повидимому, ниѣло въ виду необходимость такого учрежденія, но рѣшительнаго шага для достиженія этой цѣли не сдѣлало. Это, можетъ быть, одно изъ непростительнѣйшихъ упущеній со стороны органа нашего «просвѣщенія». Отсутствие духовнаго и научнаго центра для четырехмилліоннаго русскаго еврейства даетъ себя чувствовать и доселѣ; оно вредно отражается и на нашихъ раввинахъ и на нашей серьезной литературѣ, не имѣющей призванныхъ руководителей ².

¹ Въ концѣ 1874 г. комитетъ устроилъ особый фондъ для вспоможенія учителямъ, открывавшимъ новыя нормальныя школы для евреевъ въ „чертѣ осѣдлости“. Въ 1876 г. было разослано воззваніе комитета, поощряемаго къ открытію такихъ школъ. Но и тутъ результаты получились сравнительно мизерные. Фондъ тратилъ ежегодно тысячу-другую на поддержку частныхъ училищъ въ нѣсколькихъ городахъ — и больше ничего.

² Мы забыли отиѣтить, что въ 1878 году возобновило свою дѣятельность одесское отдѣленіе „Общества“. Финансовое положеніе этого отдѣленія впоследствии совершенно упрочилось; но дѣятельность его имѣетъ часто мѣстное знач-

Не считавъ ничего сдѣлать для еврейской науки, въ обширномъ смыслѣ, комитетъ хотѣлъ поддержать хоть знаніе древне-еврейскаго языка, которому грозила серьезная опасность со стороны все разрушающаго ассимиляціоннаго движенія. Главнымъ поборникомъ этой идеи въ комитетѣ былъ постоянный казначей его, Л. М. Розенталь, — самъ порядочный гебраистъ и восторженнымъ поклонникъ творцовъ ново-еврейской литературы. Еще въ 1871 г., онъ обратилъ вниманіе своихъ сотоварищей на быстрое вытѣсненіе древне-еврейскаго языка изъ литературы и на пренебреженіе къ этому языку со стороны учащейся молодежи, при чемъ упрекнулъ комитетъ въ томъ, что послѣдній, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ членовъ, и самъ поддался этому модному теченію (ч. I, стр. 75). Чтобы противодѣйствовать столь опасному направленію, щедрый казначей назначилъ изъ своихъ собственныхъ суммъ премію за сочиненіе о вліяніи древне-еврейскаго языка на просвѣщеніе евреевъ¹. Комитетъ, однако, слабо содѣйствовалъ общей цѣли Л. М. Розенталя и по прежнему ограничивался выдачею мелкихъ пособій бѣднымъ литераторамъ, пишущимъ по древне-еврейски. На свой счетъ «Общество» издавало, кромѣ упоминаемаго выше еврейскаго перевода «Всемирной исторіи» Вебера, пространное руководство по исторіи Россіи на древне-еврейскомъ языкѣ, составленное С. Манделькерномъ («Дивре еной Русія», Варшава, 1875, 3 части), да еще нѣсколько незначительныхъ книжечекъ.

Въ концѣ 70-хъ годовъ комитетъ проявилъ нѣкоторую склонность къ поддержкѣ еврейской исторической науки. Результатомъ этого серьезнаго стремленія, особенно поддерживаемаго г. Гаркани, явились въ ближайшіе годы: сборникъ архивныхъ матеріаловъ для исторіи русскихъ евреевъ г. Бернадскаго «Русско-еврейскій Архивъ», т. I и II, Спб., 1882 г.) и начало русскаго перевода классическаго труда Греца («Исторія евреевъ», т. V, Спб., 1888). Но дальше этого начала не пошли, и предпринятія чрезвычайно полезныя заданія такъ и остались недоконченными.

Тяжелыя событія въ еврейской жизни 80-хъ годовъ не могли, конечно, не отразиться и на дѣятельности «Общества просвѣщенія». Они могли сломать и болѣе крѣпкую организацію, а такое хрупкое созданіе — и подавно. Первоначальные устои «Общества»: обрусеніе, «сближеніе», улучшеніе

ніе, выражалась въ выдачѣ пособій учащимся въ общихъ и спеціально-еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Одессы. Для литературы „отдѣленіе“ пока ничего еще не сдѣлало.

¹ Сочиненіе на эту тему издано С. И. Финномъ только въ 1880 г., подъ заглавіемъ „Сафа Ле-нееманнъ“.

гражданскаго положенія евреевъ посредствомъ просвѣщенія «въ русскомъ дутѣ» и пр., рухнулись одинъ за другимъ подъ безощадными ударами времени. Раньше «Общества», скудно надѣленное и силами, и энергіей, имѣло хоть опредѣленную программу, которой киншиально слѣдовало; теперь же оно и этой программы лишилось. «Трудное время» захватило его врасплохъ, неготовыиъ въ борьбѣ. Оно стоитъ на распутьи и не знаетъ, что дѣлать. Отъ того, рѣшить ли оно этотъ вопросъ, и какъ оно его рѣшить, зависить—быть или не быть «Обществу просвѣщенія».

V.

Что сдѣлало «Общество просвѣщенія» за свое 28-лѣтнее существованіе—мы уже въ общихъ чертахъ знаемъ. Мы видѣли, что въ теченія всего этого долгаго періода «Общество» являлось въ сущности только благотворительнымъ учрежденіемъ. Оно облегчило участь очень многихъ учащихся, давъ имъ возможность кончить образованіе, пришло на помощь нѣсколькимъ бѣднымъ писателямъ, издало на свой счетъ десятокъ-другой полезныхъ книгъ, поддержало многихъ содержателей частныхъ еврейскихъ училищъ¹. Это, несомнѣнно, результатъ весьма почетный, и заслуги «Общества» въ этомъ отношеніи неоспоримы. Но развѣ это одно имѣло въ виду «Общество» при своемъ основаніи? Развѣ оно готовилось быть благотворительнымъ учрежденіемъ—и ничѣмъ больше?—Нѣтъ. Мы видѣли, что оно считало себя «zu etwas Bessrem geboren», хотѣло играть руководящую роль, вліять активно и непосредственно на еврейскую массу и до известной степени управлять ходомъ событій. Оно имѣло много благихъ намѣреній, широкихъ плановъ, иногда бралось даже за ихъ осуществленіе—и, какъ мы видѣли изъ предыдущихъ «итоговъ», почти всегда терпѣло неудачу. Отчего же это? Отчего, желая руководить ходомъ событій, почетное учрежденіе всегда безусловно подчинялось имъ? Отчего, желая идти вперед, оно всегда шло въ хвостъ?

Оставляя въ сторонѣ политическія и иные побочныя обстоятельства, мы должны сказать, что главная причина этого печальнаго явленія кроется не столько внѣ «Общества», сколько въ немъ самомъ, или, точнѣе,

¹ За 25 лѣтъ, съ 1863 по 1888 г., „Общество“ израсходовало: на пособія учащимся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ—268,000 руб.; на пособія частнымъ еврейскимъ училищамъ—57,000 руб.; на поощреніе литературы—82,000 руб. См. „Отчетъ Общества распр. проsv. между евреями въ Россіи“ за 1888 годъ.

въ характерѣ его главныхъ дѣтелей. «Общество» имѣло руководителей благонадежныхъ, щедрыхъ, но никогда не имѣло вождей идейныхъ, сильныхъ, неустранимыхъ, — такихъ, въ которыхъ принималъ афоризмъ: *Fortis nihil difficile*. Съ самаго начала своей дѣятельности комитетъ «Общества», какъ мы видѣли, обнаруживалъ нерѣшительность, робость и отсутствіе инициативы, когда рѣчь шла о чемъ нибудь крупномъ. На зарѣ своихъ дней, юное учрежденіе проявило крайнюю осторожность и интеллигентность, свойственную дряхлой старости. Случайный неуспѣхъ или неудачный исходъ какого-либо ходатайства надолго лишали его энергии. Комитетъ всегда чего-то боялся: не слишкомъ ли смѣло будетъ, что скажутъ наши враги и т. п. Въ немъ было слишкомъ сильно развито чувство самосохраненія, — признакъ безсилія и несамостоятельности. Онъ какъ будто больше дорожилъ своимъ существованіемъ, чѣмъ своею дѣятельностью... Эти качества не могли внушить къ учрежденію должнаго уваженія ни со стороны евреевъ, ни со стороны христіанъ.

Помимо отсутствія руководителей идейныхъ и мужественныхъ, комитетъ особенно страдалъ отъ *отсутствія такихъ руководителей, которые всецѣло отдались бы служенію его цѣлямъ*. Эти дѣли были, — въ первоначальномъ проектѣ, по крайней мѣрѣ, — такъ обширны, что для ихъ осуществленія требовалась организація силъ, специальная и *постоянная*. Люди, задавшіеся великою цѣлью преобразовать весь культурный строй еврейства, должны были исключительно работать для этой цѣли, а не для чего-либо иного. Короче: должна была существовать *постоянная комитетъ* изъ постоянныхъ же членовъ-работниковъ, а не комитетъ, состоящій изъ временныхъ членовъ, собирающихся въ рѣдкіе сроки для совѣщаній и занятыхъ каждый своимъ дѣломъ. Члены комитета, при такихъ порядкахъ, состоятъ активно членами и думаютъ о нуждахъ «Общества», пока находятся на его засѣданіяхъ; какъ только послѣднія кончаются, каждый изъ этихъ «членовъ» возвращается къ своимъ личнымъ заботамъ, къ исполненію своей профессіи, къ своей должности, и перестаетъ думать о способахъ осуществленія того или другого принятаго въ комитетѣ рѣшенія. Такъ-то погибло много прекрасныхъ замысловъ и хорошихъ начинаній, ибо не было специальныхъ *исполнителей*, пропагаторовъ, людей, преслѣдующихъ только одну данную цѣль, а не «между прочимъ», «на досугѣ» для нея работающихъ.

Да, дѣйствительно очень мало силъ было въ распоряженіи комитета, — и это ужь, конечно, не его вина, а прямо чрезвычайно грустный фактъ

изъ жизни русскаго еврейства. Взять, наприѣръ, хоть одну изъ главныхъ задачъ «Общества»: поощреніе литературы. Литературы, конечно, одними денежными пособіями не создашь: для этого нужны другія условія, неизвѣрно болѣе важныя. Этыхъ условій не было въ достаточной степени въ 60-хъ годахъ. Наша литература носила въ то время характеръ совершенно *элементарный*. Въ ней было что-то дѣтское, недоразвитое, заимствованное. Сколько-нибудь выдающихся оригинальныхъ силъ не было. Кликнуть комитетъ кличь о доставкѣ матеріаловъ для его серьезнаго литературнаго органа—и появились на сцену разные переводчики, компиляторы, разные непрізнанные «писатели» со своими «вкладами», такъ что едва набралось нѣсколько статей, дѣльво написанныхъ. Въ дѣлѣ распространенія историческихъ знаний—то же самое: нашихъ «литературныхъ силъ» хватило на нѣсколько переводовъ старыхъ руководствъ, на извлеченіе, изложеніе чужихъ произведеній etc. Самостоятельные серьезные труды вовсе не предлагались на усмотрѣніе комитета. Въ то время, какъ скромному парижскому «Обществу еврейской науки» (*Société des études juives*), располагающимъ весьма малыми средствами, удалось за десятилѣтній періодъ (1880—90) издать свыше 20 объемистыхъ томовъ, наполненныхъ замѣчательными историческими изслѣдованіями и оригинальными научными работами,—наше «Общество просвѣщенія» за 28 лѣтъ издало до двухъ десятковъ *переводовъ* разныхъ книгъ, болѣею частью элементарныхъ, учебныхъ. А вѣдь «Общество» имѣло въ виду, между прочимъ, и разработку еврейской науки.

Конечно, крайне несправедливо поступилъ бы тотъ, который сталъ бы судить о винувшей дѣятельности «Общества просвѣщенія» съ нашей, современной точки зрѣнія. Безпристрастная историческая оцѣнка воздастъ должное неважнѣйшимъ заслугамъ этого учрежденія передъ русскими евреями. «Общество» было всецѣло продуктомъ того времени, когда оно возникло. Тогда на первомъ планѣ стояла задача распространенія общерусскаго образованія между евреями съ цѣлью сближенія послѣднихъ съ кореннымъ населеніемъ. Это было въ сущности образованіе чисто внѣшнее: стремились къ переустройству еврейскаго быта на новыхъ, *культурныхъ* началахъ, «образованіе» сводилось къ усвоенію русскаго языка и общихъ позваній. Элементарная русская школа являлась главнымъ орудіемъ, для достиженія такой цѣли. Средняя и высшая школы поднимали еврея еще выше по общественной лѣстницѣ—и потому посѣщеніе ихъ считали нуж-

нымъ поощрять. Вообще, всё заботы нашихъ «просвѣтителей» были направлены тогда на улучшение социальна-юридическихъ условий еврейской жизни въ Россіи *посредствомъ* школьнаго образованія. Время показало тщетность ихъ усилій; но не въ томъ дѣло: *культурный* уровень русскихъ евреевъ несомнѣнно поднялся за послѣднія десятилѣтія, и «Общество», съ своей стороны, не мало тому содѣйствовало.

Теперь—иное время и иныя задачи. Не столько о просвѣщеніи внѣшнемъ должны мы заботиться, сколько о *просвѣщеніи внутреннемъ*; не о томъ или другомъ практическомъ «образованіи» (Bildung), но о серьезномъ и глубокомъ *знаніи*, имѣющемъ цѣлью *укрѣпленіе духа народа*. Рядомъ со всестороннимъ *общечеловѣческимъ* знаніемъ, не приравленнымъ ни къ какимъ узкимъ цѣлямъ, должно стоять всестороннее же и специальное *знаніе еврейское*,—изученіе еврейской исторіи и литературы въ широкомъ смыслѣ,—имѣющее одну только высокую цѣль: *самосознаніе*. Волѣ чѣмъ когда-либо, намъ теперь слѣдуетъ углубиться въ себя, трудиться надъ своимъ духовнымъ усовершенствованіемъ, не прилаживаясь ни къ какимъ случайнымъ и временнымъ теченіямъ, не угождая никому и ни передъ кѣмъ не заискивая... «Общество просвѣщенія» на собственномъ опытѣ извѣдало, какъ ненадежно строить «просвѣщеніе» народа на узко-утилитарной основѣ. Если дѣятели этого «Общества» проникнутся убѣжденіемъ, что еврейство есть одновременно и часть чело-вѣчества и особая народность, и что, поэтому, оно въ своей духовной жизни должно сочетать общечеловѣческое знаніе съ специально-еврейскимъ, не подчиняя своихъ духовныхъ интересовъ никакимъ временнымъ и истиннымъ цѣлямъ,—то есть надежда, что они что-нибудь сдѣлаютъ для нашего обездоленнаго народа. Если «Обществу просвѣщенія» суждено возродиться къ новой жизни, то оно должно возродиться именно на такихъ широкихъ началахъ. Ближайшею его цѣлью должно быть: разработка еврейской науки и исторіи и посильное содѣйствіе обогащенію и процвѣтанію еврейской литературы. Для «Общества просвѣщенія» русское еврейство должно существовать, главнымъ образомъ, какъ самостоятельная *духовная особь*, имѣющая свой особый источникъ духовной жизни. Практическія же заботы о евреяхъ, какъ о единицѣ социальна-гражданской, должны быть предоставлены другимъ учрежденіямъ.

Критикусь.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Acten und Gutachten in dem Prozesse Rohling contra Bloch. Erster Band. Wien, 1890. (Акты и отзывы по дѣлу Ролинга съ Блохомъ. Вѣна, 1890: Т. I. 395 стр. in 8°).

Въ 1888—85 годахъ въ европейской прессѣ возбуждалъ много толковъ громкій процессъ между известнымъ антисемитомъ, профессоромъ пражскаго университета Ролингомъ, и депутатомъ австрійскаго рейхсрата, раввиномъ Блохомъ. То былъ, въ сущности, не столько ординарный судебный процессъ, сколько учено-литературный поединокъ на судебной почвѣ. По известному стеченію обстоятельствъ, дѣло Блоха, обвиненнаго Ролингомъ въ диффамаци, стало дѣломъ чести всего еврейства—и вѣнскому уголовному суду пришлось разбирать не людей, а великіе принципы. Депутатъ Блохъ превратилъ скандалъ подсудимыхъ въ учительскую кафедру, съ которой онъ, при помощи своего адвоката и привлеченныхъ къ дѣлу экспертовъ, прочелъ рядъ публичныхъ лекцій о социальныхъ отношеніяхъ иудаизма и, въ концѣ концовъ, успѣлъ убѣдить общество въ возмутительныхъ научныхъ фальсификаціяхъ антисемитскихъ вождей. Въ этомъ отношеніи Ролинго-Блоховскій процессъ сильно напоминаетъ знаменитые «политико-экономическіе» процессы Лассалля и, подобно имъ, составляетъ крупный историческій фактъ.

«Дѣло» Ролинга съ Блохомъ тянулось, какъ известно, болѣе двухъ лѣтъ. Въ теченіе этого долгаго времени, заинтересованная публика слѣдила за ходомъ процесса, который все болѣе и болѣе усложнялся, по отрывочнымъ газетнымъ отчетамъ, такъ что полное и цѣльное представление о дѣлѣ весьма трудно было составить себѣ. Такое представление стало возможнымъ только теперь, благодаря озаглавленному выше изданію. Въ этомъ изданіи, первый томъ котораго вышелъ въ концѣ минувшаго года, собраны и помѣщены въ хронологическомъ порядкѣ всѣ под-

линные акты и отзывы по Ролинго-Блоховскому процессу, сложныя перипетіи котораго раскрываются теперь передъ нами съ поразительною ясностью. Вотъ краткія исторія этого замѣчательнаго процесса.

Весною 1882 г., въ разгаръ антисемитическаго движенія въ Австріи, вѣдкій Францъ Голубекъ произнесъ зажигательную рѣчь противъ евреевъ въ одномъ изъ собраній рабочихъ въ Вѣнѣ. Въ своей рѣчи антисемитскій ораторъ объявлялъ, между прочимъ, что Талмудъ обязываетъ евреевъ ненавидѣть христіанъ и смотрѣть на нихъ, какъ «на стадо свиней, собакъ или ословъ». Вѣнская прокуратура усмотрѣла въ этой рѣчи преступное нарушеніе общественнаго спокойствія, посредствомъ возбужденія одного класса населенія противъ другого, и привлекла оратора къ отвѣтственности. На судѣ Голубекъ сослался на авторитетъ пражскаго профессора теологіи и еврейскихъ древностей, пресловутаго Ролинга, который, въ своей книгѣ «Talmudjude», имѣвшей столь скандалезный успѣхъ, высказался объ отношеніяхъ Талмуда къ христіанамъ въ томъ же смыслѣ, какъ подсудимый. Голубека оправдали. Это неожиданное оправданіе явнаго злоумышленника произвело удручающее впечатлѣніе на вѣнское еврейское общество, такъ какъ судъ въ данномъ случаѣ косвенно какъ будто подтвердилъ компетенцію Ролинга въ еврейскомъ вопросѣ. Въ октябрѣ 1882 г. вѣдскій проповѣдникъ д-ръ Іеллинекъ и раввинъ д-ръ Гидеманъ объявили во всеобщее свѣдѣніе, черезъ газеты, что презрительные отзывы о христіанахъ, приписываемые Ролингомъ Талмуду, ни въ одномъ экземплярѣ Талмуда не находятся, но взяты на-прокатъ изъ старой лживой книги Эйзенбергера. Въ подтвержденіе этого заявленія, раввинъ м. Флорисдорфа (близъ Вѣны) и депутатъ рейхсрата, д-ръ Блохъ, напечатали въ газетѣ «Wiener Allgemeine Zeitung» рядъ статей, въ которыхъ многочисленными фактами и цитатами доказалъ безусловную лживость увѣреній Ролинга; невѣрность его цитатъ въ «Talmudjude» и, наконецъ, полную его некомпетентность въ вопросѣ о Талмудѣ и еврейскомъ богословіи. Д-ръ Блохъ пошелъ еще дальше и, въ отвѣтъ Ролингу, вызвавшемуся выдать тысячу талеровъ тому, кто докажетъ подложность хоть одной еврейской цитаты въ его «Talmudjude», объявилъ, что готовъ заплатить 3000 флориновъ штрафа, если пражскій профессоръ публично прочтетъ и правильно переведетъ хоть одну страницу изъ Талмуда. Со стороны Ролинга посыпались ругательства и новыя нападки на еврейство, но сдѣланнаго ему прямаго вызова онъ не принялъ. Тогда Блохъ рѣшился довести своего противника до необходимости публичнаго объясненія—и въ

началѣ 1888 г. напечаталъ новый рядъ статей, подъ заглавіемъ «Новые подлоги профессора Ролинга» (всѣ упоминаемыя здѣсь статьи перенечтаны въ разсматриваемой книгѣ). Здѣсь достоиможно отмѣнана вся «учено-литературная» карьера Ролинга, вачинающаго съ похода противъ протестантизма и кончившаго походомъ противъ еврейства, и указани тѣ подлыя средства, которыми пользуется воинственный профессоръ для своей фанатической пропаганды. Вскорѣ затѣмъ послѣдовала третья серия статей Блоха, гдѣ уже прямо разоблачены продѣлки Ролинга въ качествѣ ученаго эксперта на судѣ по разнымъ дѣламъ, касающимся еврейскаго вѣроученія. Во всѣхъ такихъ процессахъ, Ролингъ, какъ экспертъ, давалъ подъ присягою явно пристрастныя показанія во вредъ евреямъ, всегда основывая такія показанія на инныхъ цитатахъ изъ Талмуда и раввинской литературы, и подъ присягою же ручаясь за вѣрность перевода этихъ цитатъ. Такимъ образомъ на судѣ, по разбиравшемуся тогда Тисса-Эслорскому дѣлу, къ коему онъ былъ привлеченъ въ качествѣ одного изъ экспертовъ, Ролингъ торжественно заявилъ, что въ раввинской литературѣ ииются будто бы ярыныя указанія на то, что убіеніе христіанской дѣвочки для религиозныхъ цѣлей есть дѣло богоугодное. Блохъ обратился по этому поводу къ извѣстному богослову Мерксу, профессору гейдельбергскаго университета, и послѣдній, въ обстоятельной запискѣ, разъяснилъ, что цитаты изъ каббалистическихъ книгъ («Зогаръ» и «Ливуте Ватамъ»), приведенныя Ролингомъ, въ доказательство своего обвиненія, на судѣ, не заключаютъ въ себѣ ни одного намека на инное «убіеніе христіанской дѣвочки», ибо рѣчь идетъ тамъ только объ извѣстныхъ вопросахъ, касающихся высшей теософій. Тогда Блохъ сталъ себя въ правѣ бросить Ролингу печатно обвиненіе въ ложной присягѣ. Тутъ Ролингъ уже былъ припертъ къ стѣнѣ и не могъ не откликнуться.

Въ мартѣ 1884 г. Ролингъ подалъ въ вѣнскій уголовный судъ жалобу, обвиняя депутата Блоха въ диффамаци и публичномъ оскорбленіи посредствомъ печати. Своимъ повѣреннымъ на судѣ онъ выбралъ извѣстнаго антисемитскаго депутата, Роберта Патгала. Блоху только того и нужно было: для того, чтобы очиститься отъ ввведеннаго на него обвиненія, ему предстояло доказать на судѣ, что все, написанное имъ о Ролингѣ, есть сущая правда, то есть окончательно убить авторитетъ неутомимаго юдофоба. Но какъ убѣдить судъ, непосвященный въ еврейское богословіе, въ справедливости своихъ доводовъ? Задача предстояла весьма трудная—и Блохъ долженъ былъ прибѣгнуть къ посторонней помощи. Взавъ на себя научно-

авторатурную сторону дѣла, онъ поручилъ всю процессуальную работу и защиту своихъ интересовъ на судѣ адвокату и депутату д-ру *Иосифу Конигу* (христіанину). Последний горячо взялся за дѣло и выполнилъ порученіе своего кліента самымъ блестящимъ образомъ.

Существенная задача защиты состояла не въ отрицаніи факта диффамации (это было невозможно и нежелательно), а въ томъ, чтобы доказать основательность брешанныхъ Роллингу печатно оскорбительныхъ обвиненій. Такимъ образомъ, на судѣ роли перемѣнились—и обвиненный фактически сталъ обвинителемъ. Прежде всего Конигъ представилъ суду обширную записку, гдѣ были подробно изложены важнѣйшія фальсификаціи въ фактахъ и цитатахъ, приведенныхъ Роллингомъ въ его памфлетахъ изъ книгъ не-еврейскихъ. Конигъ просилъ судъ поручить проверку этихъ цитатъ по источникамъ специалистамъ изъ среды профессоревъ-христіанъ вѣнскаго университета. Проверка, произведенная по распоряженію суда, выяснила, что авторъ «*Talmidjude*» въ своихъ книгахъ не рѣдко навязываетъ древнимъ писателямъ (какъ, напр., Св. Агобарду) свои собственные мѣткія, искажать приводимыя имъ выдержки изъ малоизвѣстныхъ сочиненій (Павло Медичи и «*рабби Молдаво*»), а на худой конецъ позволяетъ себѣ ссылаться и на несуществующіе источники (р. Мендель Коссовъ и фантастическій преповѣдникъ въ Лионѣ Августъ Фабиа).

Затѣмъ дошло дѣло до экспертизы специально-еврейскихъ цитатъ, которыми Роллингъ, не владея на знакомство публики съ древне-еврейскимъ и талмудическимъ діалектами, особенно злоупотреблялъ. Стали судить и рѣшать, кого выбрать въ эксперты. Защита предложила обратиться къ берлинскому «Обществу ориенталистовъ» съ просьбою назначить изъ своей среды свѣдущихъ людей въ распоряженіе суда. «Общество» назвало нѣсколько крупныхъ ученыхъ изъ профессоревъ германскихъ университетовъ: Фрайда Делича, Дильмана, Де-Лагарда, Нѣльдеке и др. Но Роллингъ рѣшительно воспротивился выбору названнаго «Общества», ссылаясь на то, что большинство ученыхъ относится къ его, Роллинга, дѣятельности враждебно. Съ своей стороны, онъ постарался, чтобы сочувствующая ему профессорская партія рекомендовала суду, въ качествѣ экспертовъ, единомышленниковъ своихъ, въ родѣ проф. Экера и выкреста Августа Вримана. Относительно послѣдняго кандидата сдѣланы были весьма скандальныя разоблаченія, ибо выяснилось, что Вриманъ (тепная личность, промышленная печитыи доносамъ на евреевъ) за приличное вознагражденіе преподавалъ Роллингу талмудъ, и, затѣмъ, самъ объявилъ, что его ученикъ крайне

влохо усвоить предмет и не въ состоянн перевести талмудическн притаты. Послѣ долгихъ пререманнй, избраны были эксперты профессора страсбургскаго университета Нельдене (видающійся библейскн критикъ) и извѣстный переводчикъ талмудической агады д-ръ Вюнше.

Ученой экспертизѣ предстояла еще одна работа: перевести съ еврейскаго подлинника 320 листовъ изъ талмудико-раввинской письменности, представленныхъ суду д-ромъ Блюкомъ въ качествѣ важнѣйшаго материала для опредѣленн отношенн иудаяна къ иновѣрцамъ. Съ другой стороны защитникъ Коппъ предъявлялъ суду 45 отрывковъ изъ твореннй отцовъ церкви и соборныхъ постановленнй, — отрывковъ, свидѣтельствующихъ о крайней ненависти католическаго духовенства къ евреямъ въ среднихъ вѣкахъ. Въ приложенной къ этимъ отрывкамъ запискѣ Коппъ говоритъ: «Роллингъ утверждаетъ, что раввинская литература содержитъ въ себѣ весьма презрительные отзывы о язычникахъ и, вообще, объ иновѣрцахъ. Переводъ еврейскихъ текстовъ (представленныхъ Блюкомъ) выяснитъ, какая доля истины заключена въ подобныхъ мнѣнняхъ, ибо подлечитъ, во всякомъ случаѣ, сомнѣнню, что бы древнн раввинскн сочиненн выражались о язычникахъ и еврейскихъ еретикахъ въ формѣ, прѣставшей нашимъ современнмъ воззрѣннемъ. Но если и такъ, то еврейскн богословы стараго времени въ этомъ отношенн ничѣмъ рѣшительно не отличались отъ своихъ христіанскихъ современниковъ; и если мы вспомнимъ, что еврейскн религіозныя общины были презираемы, угнетены и часто безчеловѣчно преслѣдуемы, то приходится даже о самыхъ сильнмъ взрывать истеричности со стороны еврейскихъ богослововъ судить, по меньшей мѣрѣ, не строже, чѣмъ о талмидъ же выходцахъ господствующей, почти всецѣльной церкви» (стр. 363).

Въ этомъ послѣднемъ доводѣ, во нашемъ мнѣнн, заключается наилучшн отвѣтъ тѣмъ, кто обвиняетъ талмудиковъ и раввиновъ въ истеричности. Въ самомъ дѣлѣ, было бы лицемернмъ утверждать, что евреи начали вѣками чувства къ своимъ вѣковымъ прѣдшественникамъ.

Если въ старой еврейской литературѣ и прориваются иногда вопли негодованн и даже ненависти къ окружающимъ народамъ, то развѣ хватать у кого нибудь дуза ставить это въ вину научной и терпимой народности? Потребуетъ-ли кто нибудь отъ жертвы, чтобы она не кричала подъ игомъ палача? Другое дѣло — обязательность тѣмъ, предвѣтываемыхъ такимъ страдающимъ, афоризмовъ для поддѣвнмъ цемолѣннй. Тутъ нечего

быть только одинъ ясный и короткій отвѣтъ: *cessante causa cessat et effectus* (съ прекращеніемъ причины прекращается и ея слѣдствіе).

На вышеупомянутыхъ выдержкахъ изъ древне-церковной литературы обрывается первый томъ разсматриваемаго нами изданія. Второй томъ, выходящій вскорѣ выйти, будетъ заключать въ себѣ: переводы вышеупомянутыхъ 320 еврейскихъ текстовъ, предъявленныхъ суду обвиняемымъ Блюкомъ, отзывы экспертовъ Нельдеке и Вюлше объ этихъ текстахъ и, вообще, объ отношеніяхъ іуданства къ иновѣрцамъ, затѣмъ — финалъ всего дѣла, т. е. отказъ обвиняемаго Роллинга отъ обвиненія и приговоръ суда о прекращеніи дѣла.

Мы еще возвратимся къ этому предмету, когда выйдетъ второй томъ «Актовъ». Пока замѣтимъ, что изданіе, предпринятое партіей г. Блока, весьма полезно, и можетъ, до известной степени, служить даже руководствомъ для еврейскихъ полемистовъ. Роллинги всѣхъ странъ и народовъ, въ сущности мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга: ихъ фальсификаціи и недобросовѣстныя обвиненія давно стали ходячими мѣстами; а потому и отвѣты ихъ могутъ быть одни и тѣ же. Такихъ отвѣтовъ и возраженій собрано не мало въ разсмотрѣнной нами книгѣ — и въ этомъ ея главная практическая заслуга, помимо несомнимаго историческаго значенія изложеннаго въ ней процесса.

изъ глѣбѣ, т. е. *Рокочая перемѣна. Романъ изъ современной жизни. Соч. А. Тиктина. Варшава, 1890 г.* (216 стр., in 16°).

Намъ кажется, что г. Тиктинъ гораздо точнѣе опредѣлилъ бы характеръ своего произведенія, если бы озаглавилъ его не: «романъ изъ современной жизни», а хоть бы такъ: «романъ, заимствованный изъ современныхъ романовъ». Ибо «жизненнаго», а тѣмъ наче еврейскаго, весьма мало въ этомъ «романѣ»; за то вы въ немъ найдете весьма много такого, что вамъ уже давно знакомо изъ обыкновенныхъ романовъ, въ особенности же изъ наиболее модныхъ и забористыхъ, въ родѣ твореній Зола и «экспериментальной школы». Посудите сами.

Два университетскихъ товарища, только что окончившихъ курсъ науки по медицинскому факультету — полякъ Зайковскій и еврей Нѣщовичъ, ѣдутъ изъ Варшавы на лѣтніе мѣсяцы въ городокъ К. Это было въ 1880 году, — прибавляетъ авторъ, вообще весьма аккуратный насчетъ хронологіи. Въ городкѣ К. жили мать и сестра Нѣщовича, прекрасная Клева, — и Зайковскій ѣхалъ туда по приглашенію своего пріятеля, не безъ задней

мысли, конечно, на счет «живения сердца» Елены, съ которой онъ дознакомился еще въ предыдущіе каникулы. Зайковский, опытный завоеватель женскихъ сердецъ, уже тогда сдѣлалъ первый «пробу» и никакъ основаніе думать, что красивая еврейка недалеко отъ канитуляціи. Теперь же, прѣбывая въ К., герой нашъ наткнулся на неожиданное препятствіе: героиня имѣла при себѣ жениха, въ образѣ нѣкоего навиваго и застѣнчиваго еврейскаго юности Розенфельда, который пописывалъ статьи въ еврейскихъ газетахъ. Разувѣется, что это препятствіе только пуце разожгло страсть влюбленнаго героя. Что же касается Елены, то и ее тянуло гораздо больше къ бойкому поляку, нежели къ тщедушному женигу, почти навязанному ей матерью и роднею; однако, нѣкоторое время она еще колебалась въ борьбѣ «между долгомъ и чувствомъ». Последнее одержало верхъ, послѣ того какъ герой совершилъ два удивительныхъ подвиговъ: а) подкрался къ Еленѣ въ тотъ моментъ, когда она съ пріятельницами куналась въ прудѣ и находилась *in naturalibus*, что было замѣчено и оцѣнено; б) пробрался къ ней въ спальню въ одну прекрасную ночь и сдѣлалъ то, что дѣлать въ подобныя случаи въ порядочные герои въ романахъ Зола и Копп. Тутъ занавѣсъ опускается — и въ рассказѣ дѣлается перерывъ.

Спустя семь лѣтъ мы снова встрѣчаемъ нашихъ знакомыхъ героевъ, но уже въ другой обстановкѣ. Полковой врачъ Зайковский живетъ вмѣстѣ со своей женою, Еленою (которая, какъ догадывается читатель, своевременно крестилась и вышла замужъ за возлюбленнаго), въ городѣ Д. У нихъ уже нѣтъ дѣти; но семейная жизнь ихъ крайне несчастлива. Зайковский давно уже охладѣлъ къ Еленѣ и теперь совершаетъ свои допотопическіе опыты надъ другими легковѣрными Клевами, безъ различія вѣроисповѣданія, между тѣмъ какъ несчастная жена, пожертвовавшая для него честию, религіею и семьей, терзается ревностью и живетъ въ полнѣйшемъ нравственномъ одиночествѣ. Новый кругъ, въ который попала Елена, весь пронитанъ любовными скандалами, семейными кризисами, адюльгеромъ — и она себя чувствуетъ чужою въ этомъ кругу, какъ трезвый человѣкъ среди пьяныхъ. Въ этотъ моментъ героиня снова встрѣчается съ своимъ бывшимъ женигомъ, Розенфельдомъ, который уже сталъ солиднымъ молодымъ человѣкомъ, занятымъ службою у одного изрядника и работою для «наместнической идеи». Въ Розенфельдѣ просыпается старая любовь, и онъ уговариваетъ Елену бѣжать съ нимъ за-границу и начать новую жизнь. Елена отказывается отъ этого плана, ссылаясь на любовь къ мужу и дѣтямъ, затѣмъ идетъ домой (свиданіе происходило въ лѣсу) и принимаетъ ядъ.

Романъ кончается сценою трогательнаго прощанія умирающей героини съ Розенфельдомъ и съ своими братьями.

И такъ, героиня вкусила свой тяжкій грѣхъ впередъ еврействомъ; но чтѣтъ же, спрашивается, искупить г. Тиктина своей большой безразлической грѣхъ? Ибо чтѣтъ или нѣтъ, если не грѣхонъ, можно назвать еврейскій романъ, въ которомъ такъ мало еврейскаго и, напротивъ, такъ много чуждаго еврейскому быту, вѣстяго на-прокатъ изъ романовъ, описывающихъ нравы совсѣтъ другой среды? Положимъ, описаній еврейскаго быта ничего нѣтъ въ романѣ г. Тиктина, такъ какъ это, видите-ли, романъ «соціальный», а не бытовей; но въдѣ лица, носящія еврейскія имена, должны же заключать въ себѣ хоть что-нибудь типическое. А между тѣмъ ни, кромя ряда безцвѣтныхъ фигуръ, ничего не виднѣтъ передъ собою. Безцвѣтна и безжизненна главная героиня, легкомысленно совершающая роковой шагъ, повидѣноу, не понимая даже всей его важности. Ничего характернаго нѣтъ въ дѣйствеской ея обстановкѣ, въ ея матери, братѣ-младшѣ, женихѣ Розенфельдѣ. Единственное понятное лицо въ разсказѣ—это Зайковский, да и то потому, что онъ представляетъ собою обычный типъ донъ-жуана, котораго всякому легко представить себѣ по нѣкоторымъ чертамъ. Вдобавокъ же онъ—не еврей.

Авторъ еще не удовольствовался тѣмъ, что обезцвѣтилъ еврейскую жизнь: онъ сдѣлалъ нѣчто гораздо худшее, навязавъ этой жизни явленія, ей несвойственныя и, во всякомъ случаѣ, совершенно произвольныя. Читая описанія г. Тиктина, можно подумать, что вся еврейская семейная жизнь среднихъ и высшихъ круговъ наполнена амурными интригами, супружескими извѣдками и всяческими прелюбодѣянками, совсѣтъ на манеръ парижскихъ семейныхъ нравовъ, изображенныхъ въ «Ругенъ-Макарахъ» и тому подобныхъ «современныхъ» романахъ. Въ одной главѣ (VI-в) выведенъ цѣлый десятокъ еврейскихъ женщинъ, которыя въ священный день Юнъ-Кнаура собираются и разсуждаютъ о своихъ романтическихъ интригахъ, при чемъ каждая изъ этихъ Софьюшекъ, Душишекъ, Вертъ, Андюшекъ и Маріи нѣтъ вънемѣнно свою сердечную исторію, въ образѣ грѣзливой связи съ какимъ-нибудь офицеромъ, аптекаремъ и тому подобными «душишками». Не правда-ли, характерно для еврейской семейной жизни? Авторъ, очевидно, обременилъ свое воображеніе «человѣками», и потому щедро такъ расточаетъ ихъ повсюду. Этихъ объясняютъ и допущенныя нѣтъ въ романѣ циническія сцены, въ родѣ тѣхъ, которыя сопровождали ухаживанія Зайковского за Иленой (главы IV—V). Принимая во вниманіе, что романы на

древне-еврейскомъ языкѣ читаются, по преимуществу, провинціальными еврейскими юношами, мы должны сказать, что, въ этомъ отношеніи, открывенная «напера писанія» г. Тиктина уже прямо вредна. Литература на древне-еврейскомъ языкѣ предназначается, вообще, для публики, нуждающейся въ книгѣ, какъ въ воспитательномъ средствѣ; а какое «воспитательное» значеніе можетъ имѣть для такой публики книжка г. Тиктина—не трудно угадать.

Фривольный тонъ автора тѣмъ болѣе неуиѣственъ, что въ томъ же романѣ цѣлыя главы наполнены философскими и публицистическими разсужденіями объ антисемитизмѣ, о національной идеѣ, о малестинской эмиграціи (дневникъ Нѣщовича въ главѣ VII-й), о роли іудазма (бесѣда Нѣщовича съ Розенфельдомъ, гл. XI) и т. п. серьезныхъ матеріалъ, съ которыми какъ-то не вьжуются непримичныя картины, помѣщенные авторомъ въ сосѣднихъ главахъ. Къ стати замѣтить, что главы, занятыя означенными серьезными разсужденіями, наиболѣе удачны, хотя и состоятъ изъ газетныхъ общихъ мѣстъ, и хотя противъ нихъ уиѣстности въ романѣ также можно бы кое-что возразить.

Къ характеристикѣ стиля г. Тиктина надобно сказать, что онъ (стиль, а не авторъ) представляетъ довольно пеструю смѣсь евроепейскихъ приемовъ съ кудреватными фразами à la Библия, которыя авторъ, какъ готовое платье, надѣваетъ на тѣ или другія понятія, болѣе заботясь о «красотѣ» выраженій, чѣмъ объ ихъ точности. Г. Тиктинъ еще любитъ часто вставлять въ свое изложеніе, и особливо въ разговоръ дѣйствующихъ лицъ, фразы на французскомъ языкѣ, напечатанныя французскими же литератами и даже безъ еврейскаго перевода. Такими фразами щеколяетъ почти весь женскій персоналъ книги, а также Зайковскій. Это знакомство автора съ салоннымъ языкомъ не мѣшаетъ ему, однако, писать еврейскими буквами слово «журналы» (нѣсколько разъ, стр. 56, 155), вмѣсто «журнали», что доказываетъ, что авторъ хотя и знаетъ французскій языкъ (*hopny soit qui mal y pense*), но только... не уиѣетъ читать на этотъ языкъ.

Впрочемъ, это далеко не главный грѣхъ г. Тиктина, которому мы бы охотно простили такой промахъ, если бы его романъ имѣлъ хоть какія-нибудь существенныя достоинства. Но мы уже видѣли, что таковыхъ въ разсмотрѣнномъ романѣ нѣтъ, а потому—да проститъ уже Богъ всѣ прегрѣшенія г. Тиктина, вольныя и невольныя, и да предохранитъ его на будущее время отъ искушенія писать подобныя романы!..

Notus.

О СОВОКУПНОЙ РАБОТѢ

ПО СОВИРАНІЮ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Вспомните времена древнѣи,
Помыслите о лѣтахъ прежнихъ поколѣній!
(Второзак. XXII, 7).

Интересъ къ еврейской исторіи начинаетъ, кажется, пробуждаться въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества. Обнаруживается слабая пока, но многообещающая впослѣдствіи, склонность къ изученію нашего прошлаго, къ исторической вдумчивости, къ самоопредѣленію. Этотъ отрадный фактъ подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что призывъ мой въ статьѣ «Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ» (*Восходъ*, кн. IV—IX, сего года) не остался совсѣмъ безъ отклика. Съ разныхъ сторонъ я получаю заявленія о сочувствіи идеѣ разработки русско-еврейской исторіи и даже о готовности посильно содѣйствовать ея осуществленію. Виѣсть съ тѣмъ, меня спрашиваютъ: 1) дѣлается-ли что-либо для приведенія въ исполненіе проекта организаціи историческихъ работъ, наложеннаго въ названной статьѣ? — и 2) въ чемъ именно можетъ выразиться участіе въ этихъ работахъ со стороны сочувствующихъ дѣлу лицъ?

Считаю нужнымъ отвѣчать на эти вопросы гласно и, виѣсть съ тѣмъ, представить всѣмъ сочувствующимъ и готовымъ «содѣйствовать» практическую программу подготовительныхъ работъ, участіемъ въ которыхъ эти лица могли бы оказать существенныя услуги нашему историческому предпріятію.

На первый изъ приведенныхъ вопросовъ могу пока отвѣтить: что для осуществленія вышеупомянутаго проекта широкой организаціи историческихъ изслѣдованій требуются извѣстныя вѣшнія условія и болѣе или менѣе продолжительное время. Ставить же въ зависимость отъ этихъ условій и

откладывать на неопредѣленное время самое дѣло разработки русско-еврейской исторіи нецѣлесообразно. А потому, стремясь къ организаціи нашего историческаго предпріятія на общепринятыхъ широкихъ основаніяхъ и надѣясь, что это раньше или позже удастся,—мы, однако, не должны пренебрегать пока тѣми *завислицами отъ насъ* средствами и способами дѣйствія, которые можно пустить въ дѣло сейчасъ-же, не дожидаясь извѣстныхъ внѣшнихъ удобствъ. Мы имѣемъ полную возможность немедленно приступить къ подготовительнымъ работамъ по исторіи русскихъ евреевъ и сразу поставить все дѣло на твердую, реальную почву. Вы, господа, сочувствующіе и готовые «содѣйствовать», спрашиваете, какъ это сдѣлать, и въ чемъ можете выразиться ваше участіе въ дѣятельности, направленной къ достиженію симпатичной вамъ цѣли. Нижеслѣдующее разъяснитъ вамъ это вполнѣ.

Первая и главная наша работа заключается теперь въ дѣятельномъ *собираніи историческихъ матеріаловъ* и фактическихъ данныхъ, относящихся къ исторіи евреевъ въ Польшѣ, Литвѣ и Руси. Эта собирательная работа должна производиться повсемѣстно, во всѣхъ пунктахъ русско-еврейской осѣдлости, и участвовать въ ней могутъ,—по программѣ, которая будетъ наложена ниже,—всѣ, безъ исключенія, лица, сочувствующія великой идее и цѣли такой работы. Вторая часть задачи состоитъ въ томъ, чтобы всѣ собираемые такимъ путемъ историческіе матеріалы *приводить въ порядокъ*, систематизировать и, ввердъ до возможности ихъ публикаціи, *довести о нихъ до всеобщаго свѣдѣнія*. Эту часть задачи я беру пока на себя. Съ начала будущаго (1892) года, въ книгахъ «Восхода» открывается мною, съ согласія редакціи, *особый отдѣлъ*, въ которомъ періодически будутъ поимѣваться *обстоятельные отчеты или краткія сообщенія о вѣщахъ поступающихъ ко мнѣ историческихъ документахъ*, относящихся къ прошлымъ судьбамъ русскихъ евреевъ, при чемъ будутъ названы имена лицъ, доставляющихъ таковыя. Эти періодическіе отчеты, будучи интересны сами по себѣ, какъ бюллетень о движеніи нашихъ историческихъ работъ и какъ научно-библиографическій источникъ, могутъ служить также поощреніемъ для собирателей, которыхъ убѣждать, что ихъ труды не пропадаютъ даромъ и приносятъ «плодъ явный». Этими-же путемъ я надѣюсь возбудить охоту къ серьезному изслѣдованію нашей исторіи въ способныхъ къ тому лицахъ и показать имъ примѣръ того, что можно и что нужно дѣлать для раскрытія нашего восьмивѣкового прошедшаго. Что же касается публикаціи важнѣй-

шить рукописныхъ документовъ въ особомъ сборникѣ, то съ этимъ надо подождать, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не составится значительная коллекція такихъ документовъ.

И такъ, всё собираемое въ различныхъ мѣстахъ сотрудниками-добровольцами материалы и рукописные документы по исторіи русскихъ евреевъ поворѣйше прошу направлять пока ко мнѣ. Я же буду давать о нихъ публичные отчеты въ «Восходѣ». Съ учрежденіемъ предложенной мнѣ въ вышеупомянутомъ проектѣ «Исторической Комиссіи», я охотно передамъ въ распоряженіе послѣдней всё имѣющее быть собранными такими путемъ материалы.

Теперь предложу вамъ, гг. собиратели и будущіе сотрудники въ нашъ великомъ историческомъ предпріятіи, краткую программу первоначальныхъ работъ, изъ коей усмотрите, что именно и какъ нужно собирать.

1) Прежде всего соберите старинные *Пинкосы* (рукописныя намятныя книги еврейскихъ общинъ). Всамій изъ васъ, господа, знаетъ или можетъ узнать о существованіи такихъ Пинкосовъ въ своемъ городѣ или мѣстечкѣ, о мѣстѣ ихъ нахождения, объ ихъ содержаніи (разумѣется, если они сохранились). Такъ старайтесь-же разыскать ихъ, узнайте время, къ которому они относятся, вынимайте оглавленіе заключающихся въ нихъ актовъ, важнѣйшіе документы, имѣющіе общенсторическое значеніе, тщательно перепишите и присылайте всё эти свѣдѣнія ко мнѣ. Еще лучше сдѣлайте, если будете присылать самые Пинкосы въ подлинникахъ для временнаго или постояннаго пользованія. Имѣйте еще въ виду, что тѣмъ древнѣе Пинкосъ, тѣмъ онъ важнѣе для исторіи. Поэтому особенно усердно слѣдуетъ искать ихъ въ древнѣйшихъ мѣстахъ поселенія евреевъ, а именно: въ большинствѣ городовъ нынѣшняго Царства Польскаго и Литвы (губ. Виленская, Гродненская и Минская), во многихъ городахъ и мѣстечкахъ Волыни и Подолія (въ родѣ Острога, Дубна, Заслава, Тульчина, Вары etc.), въ Вѣлоруссіи (губ. Могилевская и Витебская) и на Жмуди (города Виржи, Поневѣжъ, Россіены, Жагоры и др. мѣстности Ковенской губ.). При чемъ обращаю вниманіе собирателей, что въ губерніяхъ Черниговской, Полтавской и большей части Кіевской, принадлежавшихъ некогда къ *казацкой Украйнѣ*, евреи не имѣли постояннаго жительства отъ 1648 года до конца прошлаго вѣка; а потому въ такихъ мѣстахъ *древнѣйшіе* Пинкосы должны относиться къ до-казацкой эпохѣ, и объ отысканіи ихъ слѣдовало-бы больше всего заботиться. Для нашей цѣли одинаково

важны Пинксы бывають кагаловъ, погребальныхъ братствъ или иныхъ союзовъ. Если окажется, что тотъ или другой Пинксы, о которомъ написать старожилы, истребленъ или утерянъ, то прошу о томъ сообщить.

2) Далѣе, тщательно собирайте: а) *мѣстныя преданія*, имѣющія историческій характеръ, б) свѣдѣнія о такого-же рода *мѣстныихъ обычаяхъ* (постаяхъ или торжествахъ по случаю какаго-либо давняго событiя), в) *разказы старожилоевъ* о тѣхъ или другихъ лицахъ или происшествiяхъ, съ поименованiемъ рассказчиковъ, и г) *древнѣйшiя надѣробныя надписи* еврейскихъ кладбищъ съ точнымъ воспроизведенiемъ ихъ датъ.

3) Особенное вниманiе обращайте еще на старинныя *рукописи и частныя письма историческаго характера*, хранящiяся въ библиотекахъ или на чердакахъ частныхъ лицъ. Иныя изъ такихъ невѣдомыхъ рукописей могутъ проливать свѣтъ на цѣлую историческую эпоху. Изъ слѣдуетъ скопировать или, что было-бы лучше, присылать на время въ подлинникахъ.

4) Тѣ изъ васъ, которые живутъ въ крупныхъ центрахъ еврейской осѣлости (въ родѣ Вильны, Варшавы, Кiева, Витебска, Минска) и могутъ получить доступъ къ *иѣстнымъ центральнымъ или губерньскимъ архивамъ*, окажутъ великую услугу нашему общему дѣлу, если будутъ собирать въ такихъ архивахъ документы, относящiеся къ исторiи русскихъ евреевъ, и будутъ присылать намъ точныя съ нихъ копiи. Прежде, однако, чѣмъ списать какой-либо документъ, надо узнать, не опубликованъ-ли онъ уже въ однои изъ русскихъ археографическихъ изданiй.

5) Присылайте рѣдкiя *старопечатныя книги*, имѣющiя въ себѣ кое-что историческое, или существенныя изъ нихъ выписки. Въ особенноти важны выписки историческихъ отрывковъ изъ древнихъ раввинскихъ и каббалистическихъ книгъ.

Равнымъ образомъ необходимы точныя указанiя на документы и свѣдѣнiя по исторiи русскихъ евреевъ, разбросанныя въ разныхъ напечатанныхъ уже «Актахъ» археографическихъ комиссiй, въ «Архивахъ» и «Временникахъ» историческихъ обществъ, въ «Памятныхъ книгахъ» или «Описанiяхъ» разныхъ губернiй. Особенно желательно, чтобы такiе документы и свѣдѣнiя списывались и присылались цѣликомъ; но если это затруднительно, то можно ограничиваться хоть простыми указанiями на нихъ, съ точнымъ обозначенiемъ ихъ источника.

6) Кроме того, чрезвычайно полезныи для историческихъ цѣлей могутъ быть всякаго рода *указанiя на мѣстонахожденiе тѣхъ или*

другихъ историческихъ памятниковъ, документовъ, рукописей и проч.

7) Всѣ такія сообщенія, указанія и свидѣнія могутъ быть писаны на русскомъ и древне-еврейскомъ языкахъ и на разговорномъ жаргонѣ.

8) Лицамъ, желающимъ подробно ознакомиться съ планомъ разработки русско-еврейской исторіи и не читавшимъ моей статьи «Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ», я готовъ высылать эту статью, по выходѣ ея въ свѣтъ отдѣльною брошюрою, бесплатно, по востребованію. — Подробная инструкція для лицъ, не понимающихъ по русски, и для желающихъ копировать Пинкосы, будетъ разслана вскорѣ на древне-еврейскомъ языкѣ.

9) Всѣ перечисленные выше матеріалы, документы и письменныя сообщенія прошу присылать по слѣдующему адресу: въ Одессу, Базарная улица, д. № 12, С. М. Дубнову.

С. Дубновъ

Одесса, 11-го ноября 1891 г.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. ВЫХОДЦЫ ИЗЪ МЕЖЕПОЛЯ. Романъ. Часть первая. (Продолженіе). С. О. Ярошевскаго.	3
II. ЮДИОЪ ТРАХТЕНБЕРГЪ. Повѣсть Карла-Энлиа Францоа. Гл. X, XI, XII и XIII. Перев. А. Г. Каррикъ	34
III. РУССКІЕ ЕВРЕИ ВЪ АМЕРИКЪ. Эмиграціонный вопросъ въ Америкѣ.— Еврейскій вопросъ на американской почвѣ.—Фондъ барона Гирша. (Продолженіе). Г. М. Прайса.	74
IV. ИЗЪ КНИГИ ПРОРОКА ИСАИИ. Стихотвореніе. Константина Льдова.	94
V. ЕВРЕИ И АНТИСЕМИТИЗМЪ. II. Нареканія національныя. Статья члена Французской академіи Леруа-Волье. Перев. Л. Б.	98
VI. ИСТОРИЯ ХАСИДСКАГО РАСКОЛА. Возобновленіе антихасидскаго движенія (1796 г.). С. М. Дубнова	121
VII. МОЛИТВА. Стихотвореніе. И. Т.	145
VIII. ЧЕРЕЗЪ ГРАНИЦУ. Изъ воспоминаній дѣтства. Бенъ-Ами	146
IX. ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНИИ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ. (Продолженіе). В. Н. Никитина	171
X. НАДЪ ВИБЛЕИЙ. Стихотвореніе. Л. Медвѣдева	182
XI. РУКОВОДСТВО КЪ РУССКОМУ ЗАКОВОДАТЕЛЬСТВУ О ЕВРЕЯХЪ. (Особое приложеніе къ «Восходу»). М. И. Мыша.	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

- ХII. ПИСЬМА ИЗЪ ГАЛИЦІИ. Письмо восьмое. *Veritas*. 1
- ХIII. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: ИТОГИ «ОБЩЕСТВА ПРОСВѢЩЕНІЯ
ЕВРЕЕВЪ». (הנהלת חברה לבי תורה: *Историческій очеркъ
дѣятельности «Общества распространенія просвѣщенія
между евреями въ Россіи»*. Составленъ казначеемъ Обще-
ства Л. М. Розенталемъ. Части I и II. С.-Петербургъ,
1885—1890 г.). Критикуса 13
- ХIV. БИБЛИОГРАФІЯ:
- 1) *Acten und Gutachten in dem Prozesse Rohling contra Bloch.
Erster Band. Wien, 1890.* (Акты и отзывы по дѣлу Роллинга
съ Блоховъ. Вѣна, 1890. Т. I. 395 стр. in 8°). *Notus*. 25
- 2) *מכתב המלח, ת. ע. רוקוואל פערמאן. Романъ изъ современной
жизни. Соч. А. Тиктина. Варшава, 1890 г. (216 стр.,
in 16°). Notus* 30
- ХV. О СОВОКУДНОЙ РАБОТѢ ПО СОБИРАНІЮ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ
ИСТОРИИ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ. С. М. Дубнова. 34
-

ства Л. М. Розенталемъ. Части I и II. С.-Петербургъ,
1885—1890 г.). Критикуса 13

XIV. БИБЛИОГРАФІЯ:

1) *Acten und Gutachten in dem Prozesse Rohling contra Bloch.*
Erster Band. Wien, 1890. (Акты и отзывы по дѣлу Ролинга
съ Блохомъ. Вѣна, 1890. Т. I. 395 стр. in 8°). *Notus* 25

2) *הַחַיִּים וְהַמָּוֶת, ת. ע. Роковая перемѣна. Романъ изъ современной
жизни. Соч. А. Тиктина. Варшава, 1890 г.* (216 стр.,
in 16°). *Notus* 30

XV. О СОВОКУПНОЙ РАБОТѢ ПО СОБИРАНИЮ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ
ИСТОРИИ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ. С. М. Дубнова. 34

РЕДАКЦІЯ И ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА „ВОСХОДЪ“

С.-Петербургъ, Площадь Большого Театра, 2—32.

РЕДАКЦІЯ открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ и средамъ отъ 10-ти часовъ утра до часу пополудни.

КОНТОРА открыта ежедневно, отъ 9-ти часовъ утра до 8-ми часовъ вечера, по праздникамъ до 1 ч. пополудни.

Подписная цѣна журнала „Восходъ“ съ „Недѣльной Хроникой Восхода“

	въ Россіи:	за границею.
На годъ съ доставкой и пересылкою	10 р. — к.	12 р. —
На полгода	6 „ — „	7 „ — „
На три мѣсяца	3 „ — „	4 „ — „

На три мѣсяца можно подписаться лишь въ слѣдующіе сроки: съ 1-го Января, съ 1-го Апрѣля, съ 1-го Іюля и съ 1-го Октября. На другіе сроки подписка не принимается.

Отдѣльная подписка на журналъ „Восходъ“ или на „Недѣльную Хронику“ не принимается.

Отдѣльныя книги журнала стоятъ по 1 руб. каждая. Двойныя книги—2 р. Отдѣльныя ЛѢ „Недѣльной Хроники“ стоятъ по 10 к., для иногородныхъ—15 к.

Желающіе пользоваться разсрочкой подписной платы обращаются непосредственно въ редакцію и уплачиваютъ при подпискѣ 4 р., къ 1-му Марта 3 р. и къ 1-му Іюля 3 р.

Объявленія для напечатанія въ журналъ „Восходъ“ принимаются по слѣдующей таксѣ: за одну страницу 15 р., за $\frac{1}{2}$ страницы 8 руб., за $\frac{1}{4}$ страницы 4 руб.; для помѣщенія въ „Недѣльную Хронику“—10 коп. за строчку петита, въ $\frac{1}{2}$ столбца или за занимаемое ею мѣсто. При повтореніи дѣлается уступка.

За аккуратность и своевременную доставку редакція отвѣчаетъ лишь предъ тѣми, которые подписались въ главной конторѣ ея. Лица, подписавшіяся въ книжныхъ магазинахъ, съ своими жалобами благоволятъ обращаться въ означенные магазины.

За перемѣну адреса уплачивается 50 коп., которая можно выслать почтовыми марками.

Редакторъ-издатель А. Е. Ландау.

ГОДЪ

1891

XI.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

XII

Декабрь.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Лавдау. Площадь Большого Театра, 2.

1891.

Книга 12-я. ДЕКАБРЬ, 1891 г.

I. ВЫХОДЦЫ ИЗЪ МЕЖЕПОЛЯ. Романъ. Часть первая. С. О. Ярошевскаго.	3
II. О ЕВРЕЙСКИХЪ ИМЕНАХЪ СОБСТВЕННЫХЪ. (Продолженіе). Д-ра М. Погорѣльскаго	25
III. ЮДИОЪ ТРАХТЕНБЕРГЪ. Повѣсть Карла-Эмиля Францоа. Гл. X—XV. (Окончаніе). Перев. А. Г. Каррикъ.	42
IV. РУССКІЕ ЕВРЕИ ВЪ АМЕРИКѢ. Вѣѣшнее вліяніе и внутренняя жизнь эмигрантовъ. Г. М. Прайса.	75
V. ИЗЪ МИДРАША. Стихотвореніе. С. Г. Фруга.	90
VI. ИСТОРИЯ ХАСИДСКАГО РАСКОЛА. Посланіе Залмана, смерть гаона и обостреніе борьбы (1797 г.). С. М. Дубнова.	92
VII. ЧЕРЕЗЪ ГРАНИЦУ. Изъ воспоминаній дѣтства. (Окончаніе). Бенъ-Ами.	113
VIII. БІОГРАФИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. С. М. Станиславскаго.	143
IX. ГОСПОДЬ СКАЗАЛЪ: ДА БУДЕТЬ СВѢТЪ. Стихотвореніе. Л. Медвѣдева.	158
X. ЕВРЕИ И АНТИСЕМИТИЗМЪ. II. Нареканія національныя. Статья члена Французской академіи Леруа-Болье. Перев. Л. Б.	160
XI. ИЗЪ КНИГИ ПРОРОКА ИСАИИ. Стихотвореніе. Константина Льдова.	200
XII. РУКОВОДСТВО КЪ РУССКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ О ЕВРЕЯХЪ (Особое приложеніе къ «Восходу»). (Окончаніе). М. И. Мыша.	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

XIII. ПИСЬМА О ХЕРСОНСКИХЪ ЕВРЕЙСКИХЪ КОЛОНИАХЪ. Письмо первое. И. Ф. Блюменфельда.	1
XIV. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: НОВЫЙ ТРУДЪ ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ. (И. Каманинъ. <i>Переписки еврейскаго населенія въ юго-западномъ краѣ въ 1766—1791 г. Архивъ юго-западной Россіи, часть пятая, томъ II, выпуски 1 и 2. Кіевъ, 1890</i>). С.	9

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

Декабрь.

С.- ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.

1891.

ВЫХОДЦЫ ИЗЪ МЕЖЕПОЛЯ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

IX ¹.

Съ приходомъ войска, однообразная патріархальная жизнь, повидимому, навсегда оставила Межеполь. Ежедневное ученіе солдатъ, стрѣльба, маршировка, частые парады, вечернія зори, музыка по воскреснымъ днямъ на площади передъ домою полкового командира, наконецъ частые пикники, попойки, кутежи офицеровъ, дебоширство солдатъ внесли столько новаго и непривычнаго въ обыденную тихую обстановку обывателей, что они долго не могли опомниться. Все это особенно возбуждающимъ образомъ дѣйствовало на женскую половину населенія.

Межеполь всегда отличался красивыми женщинами и дѣвушками, но никому до сихъ поръ и въ голову не приходило останавливать на нихъ свое вниманіе, а тѣмъ болѣе восхищаться ими. Да и сами женщины не знали силы своихъ чаръ и никогда не пробовали ихъ. Не такъ смотрѣли на это молодые офицеры. Сначала они ухаживали за молодыми пани и паненками, между которыми, къ слову сказать, совсѣмъ не было хорошенькихъ. Но когда послѣднія имъ пріѣлись, отчасти вслѣдствіе однообразія, отчасти вслѣдствіе черезъ-чуръ серьезнаго отношенія паненокъ къ этимъ ухаживаніямъ, офицеры обратили свое благородное вниманіе на межепольскихъ обывательницъ въ платкахъ. Ихъ восторгъ и удивленіе не знали предѣловъ, когда въ одно изъ воскресеній среди публики, со-

---

¹ См. „Восходъ“, в.н. XI.

бравшейся на музыку, они насчитали чуть-ли не цѣлый десятокъ хорошенькихъ дѣвушекъ и женщинъ. Когда объ этомъ открытіи доложили полковнику, онъ не полѣнился самолично удостовѣриться, и, расхаживая среди толпы, добродушно заигрывалъ съ красивыми дѣвушками, отпуская имъ легкіе щипки и заглядывая въ искрѣпящаяся глаза.

— Прелестъ, что за штучки! Куда лучше вашихъ сухопарыхъ паненокъ, — обращался онъ къ сопровождавшимъ его офицерамъ.

— Г-нъ полковникъ, не прикажете-ли музыкантамъ отправиться домой? — докладывалъ между тѣмъ адъютантъ.

— Развѣ ужъ пора?..

— Лишнихъ пять минутъ прошло.

— Нельзя-ли еще ихъ задержать на 55 минутъ?

— Слушаю-съ.

И на этотъ разъ музыканты играли лишнихъ 55 минутъ въ честь хорошенькихъ межепольскихъ жидовочекъ. То же повторилось и въ слѣдующее воскресенье. Но такъ какъ тщательныя наблюденія офицеровъ показали, что воскресная музыка собираетъ сравнительно мало публики и что самый цвѣтъ межепольскихъ красавицъ, преимущественно замужнихъ женщинъ, остается дома или въ лавкахъ, то полковникъ очень мудро распорядился, чтобы музыканты чередовались между воскресными и субботными днями.

— Это будетъ даже справедливо, — заявилъ, покручивая свои сѣдые усы, полковникъ.

— А главное, что мы хоть два раза въ недѣлю будемъ свободны отъ навязчивости паненокъ и пань, — замѣтилъ адъютантъ.

— О, это безподобно, — захохоталъ полковникъ.

Субботная музыка, дѣйствительно, привлекала въ нѣсколько разъ больше публики или, вѣрнѣе, весь городъ. Не было ни одной женщины, ни одной дѣвушки, ни одной старухи, которая, слышавъ звукъ трубы, не спѣшила бы на площадь. Офицеры, съ полковникомъ во главѣ, по прежнему вылавливали хорошенькихъ. Сначала дѣвушки и женщины были крайне польщены такимъ особеннымъ къ нимъ вниманіемъ гг. офице-

ровъ и даже гордились этимъ; потомъ онѣ стали красѣть и блѣднѣть при каждомъ приближеніи молодыхъ воиновъ и легкомъ заигрываніи; нѣкоторые даже убѣгали и прятались. Но такъ какъ невозможно же было не ходить на музыку, то межепольскія красавицы примирились съ этимъ неудобствомъ, которое постепенно стало входить въ привычку и даже нравиться. Мало по малу межепольки научились дѣлать офицерамъ глазки, кокетливо отбиваться отъ легкихъ объятій, даже отвѣчать на плоскія шутки. Во внѣшности межепольскихъ женщинъ тоже произошла большая перемѣна. Онѣ стали одѣваться съ большимъ вкусомъ, получили страсть къ новымъ нарядамъ, разнымъ украшеніямъ. Не только по субботамъ, но и по буднямъ можно было встрѣтить прифранченную межепольку, кокетливо оглядывающуюся по сторонамъ. Нельзя сказать, чтобы такая перемѣна въ характерѣ и привычкахъ межеполецъ нравилась ихъ отцамъ и мужьямъ; въ особенности они не одобряли траты на наряды и бездѣлушки; но, съ другой стороны, дѣла у всѣхъ шли такъ хорошо, что было бы жестоко скаредничать и лишать женщинъ маленькихъ удовольствій. Хаймъ-Шимонъ привелъ даже по этому поводу мѣсто изъ каббалы, гдѣ сказано, что женщинъ нужно наряжать, какъ можно пышнѣе, если хотятъ, чтобы они услаждали глазъ. Между межепольскими красавицами Зельда безспорно занимала, если не первое, то весьма выдающееся мѣсто. Яхна въ ней души не чаяла и часто удивлялась, въ кого она уродилась. Покойный мужъ Яхны былъ, если не уродъ, то близко къ тому; сама Яхна также не отличалась красотой и изяществомъ формъ, и не даромъ ее прозвали «длинноногая». Точно выточенная изъ мрамора, Зельда поражала природнымъ изяществомъ и граціей. Все у нея было пропорціонально, а чудный цвѣтъ лица, черные съ синеватымъ отливомъ волосы, классическій разрѣвъ глазъ придавали молоденькой дѣвушкѣ такое обаяніе, предъ которыми могли устоять развѣ одни межепольцы, никогда толкомъ не смотрѣвшіе не только на чужихъ женщинъ, но и на своихъ женъ. За то прапорщикъ Василенко зналъ толкъ въ женщинахъ, и его побѣды надъ слабыми женскими сердцами приобрѣли ему нѣкоторую извѣстность. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ

съ перваго же раза замѣтилъ и отличилъ Зельду. Сама судьба, всегда, впрочемъ, покровительствовавшая въ подобныхъ случаяхъ молодому прапорщику, устроила такъ, что Василенко оказался сосѣдомъ Зельды. Стоило ему только выйти на крыльцо, чтобы видѣть, что дѣлалось не только во дворѣ, но и въ комнатахъ Яхны. Сначала такое близкое сосѣдство съ жидовскою семьей, въ особенности въ школьные часы, когда къ мейтру собирались ученики, не понравилось Василенко. Онъ уже рѣшился было просить, чтобы ему отвели другую квартиру; но, замѣтивъ Зельду, онъ сразу перемѣнилъ намѣреніе и только ограничился тѣмъ, что позвалъ своего деньщика Станчука. Станчукъ вытянулся въ струнку, вперилъ глаза въ своего барина и ждалъ приказанія. Нѣсколько минутъ Василенко молча прохаживался по комнатѣ, наконецъ остановился передъ Станчукомъ.

— Ты чего буркулы вытаращилъ, болванъ?

— Ваше благородіе приказали.

— Ничего я не приказывалъ. Ступай вонъ! Нѣтъ, постой... Сходи ты къ этому жиду, знаешь, — Василенко указалъ куда, — и скажи ему, что если въ его домѣ будетъ продолжаться гвалтъ, какъ вчера, то я его за пейсы повѣшу. Понялъ?

— Понялъ.

Станчукъ повернулся на каблучкахъ и побѣжалъ въ точности исполнять порученіе барина. Это были первыя сосѣдскія сношенія между Василенко и семьей мейтра. Въ тотъ же день Василенко отправился на музыку, въ надеждѣ встрѣтить тамъ Зельду. Но, къ великому его огорченію, Зельды на этотъ разъ не было среди межепольскихъ красотокъ. Возвращаясь домой, онъ увидѣлъ Зельду у открытаго окна. Онъ подошелъ и спросилъ, почему она не была на музыкѣ. Зельда вся покраснѣла и убѣжала въ другую комнату. Василенко всунулъ голову въ окно и звалъ дѣвушку, но, вмѣсто Зельды, къ нему вышла Яхна. Василенко, сконфуженный, отскочилъ.

— Ахъ, ты, старая карга, — мысленно выругался онъ, — развѣ тебя мнѣ нужно! — Но такъ какъ безъ объясненія неловко было отретироваться, то онъ громко спросилъ:

— Зельда твоя что-ли дочь?

— Моя.

— Отчего же она такая хорошенькая, а ты такая уродина?

— Такъ панъ-Буку угодно было.—Яхна всегда выражалась по-польски, когда хотѣла быть утонченно вѣжливой.

— Ну, панъ-Букъ тутъ не при чемъ. Вѣроятно, Зельда не твоя дочь...

— Какъ не моя? Хоть весь Межеполь спросите, — на томъ же ломаномъ польскомъ языкѣ проговорила Яхна.

— А я тебѣ не вѣрю.

— Какъ панъ хочетъ.

— Пусть Зельда выйдетъ, я ее спрошу.

— Зельда! панъ капитанъ хочетъ тебя видѣть.

Но Зельда не вышла, и хитрость Василенко осталась на этотъ разъ безъ результата. Все же онъ былъ доволенъ своимъ поведеніемъ. По его мнѣнію, это уже былъ шагъ впередъ. «Если дѣвушка боится тебя, значитъ, ты будешь имѣть у нея успѣхъ», — говорилъ онъ часто товарищамъ. А теперь онъ мысленно сказалъ это себѣ. Съ тѣхъ поръ, Василенко пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ встрѣчаться съ Зельдой.

Часто деньщикъ его Станчукъ по цѣлымъ часамъ простаивалъ у воротъ, подкарауливая Зельду. Какъ только она появлялась, онъ немедленно давалъ сигналъ барину, и тотъ выскакивалъ на улицу. «Зельда, Зельдочка, стой, куда ты бѣжишь отъ меня!» кричалъ ей вслѣдъ Василенко. Но дѣвушка убѣгала и пряталась. Тогда Василенко уходилъ на базаръ, закупалъ разныхъ лакомствъ и конфектъ и посылалъ ихъ съ Станчукомъ Зельдѣ. Яхна и мейтръ были въ восторгѣ отъ такого вниманія. Зельдѣ же это не нравилось, хотя она этого и не высказывала. Чтобы видѣть Зельду, Василенко даже сталъ заходить къ Яхнѣ и бесѣдовать съ ней и мейтромъ. Василенко оказался отличнымъ собесѣдникомъ, умѣющимъ своими каламбурами заставить смѣяться всякаго. Къ тому же онъ былъ добръ по натурѣ, оказывалъ Яхнѣ разныя услуги, выхлопоталъ, чтобы ее освободили отъ постоя, заставлялъ Станчука носить ей воду, колоть дрова, а по субботамъ тушить свѣчи. Мейтру онъ давалъ книжки читать, а Зельдѣ приносилъ каждый разъ конфекты. Мало по малу и Зельда перестала его дичиться и убѣгать, когда

онъ приходилъ. Она теперь охотно слушала его какамбуры, авонко смѣялась, когда онъ заставлялъ Станчука прыгать лягушкой или когда самъ продѣлывалъ затѣливые фокусы. Она теперь смотрѣла на него безъ боязни и чувствовала себя очень хорошо въ его обществѣ. Только иногда, когда колныя какого-то таинственнаго выраженія глаза Василенко останавливались на ней, она испытывала непонятныя ей ощущенія. Тогда она долго не могла придти въ себя, волновалась, не спала ночи, при чемъ въ темнотѣ она видѣла молодого офицера, и его взглядъ бросалъ ее и въ жаръ и въ холодъ. Разъ вечеромъ Василенко, желая зайти къ Яхнѣ, случайно столкнулся въ дверяхъ съ Зельдой. Одно мгновеніе они оба стояли смущенные, потомъ онъ быстро обнялъ дѣвушку и поцѣловалъ ее. Зельда вырвалась и убѣжала. Василенко тоже вернулся домой и весь вечеръ пролежалъ на диванѣ, не приказывая зажигать свѣчей. Зельда же пробралась въ свою комнату и проплакала всю ночь. Послѣ этого случая Василенко сталъ рѣже бывать у Яхны, за то Зельда очень часто вставала ночью и тайкомъ, чуть касаясь земли своими босыми ногами, пробиралась во дворъ, гдѣ, прижавшись въ самый дальній уголъ, ждалъ ее Василенко.

— Зельда, Зельдочка, это ты, — тихо, точно напѣвая сладкую пѣсню, шептала молодой прапорщикъ, заключая въ свои объятія дрожащую Зельду.

— Сегодня послѣдній разъ, больше не приду, — такъ же тихо говорила Зельда.

— О, моя копечка! Да кто же тебѣ позволить? Ты это такъ говоришь, потому что знаешь, что я не могу жить безъ тебя!

И Василенко поднималъ на руки Зельду, покрывалъ поцѣлуями ея свѣжія губы, ея упругія плечи и маленькія ножки. Отъ этихъ страстныхъ поцѣлуевъ дѣвушка совсѣмъ пьянѣла и теряла рассудокъ. Въ слѣдующій вечеръ повторялась та же исторія, съ тѣми же горячими поцѣлуями и страстными ласками. Зельда была счастлива. Но это было счастье, построенное на вулканѣ: каждую минуту можно было ожидать взрыва. Это и случилось въ послѣдніе зимніе мѣсяцы, когда Зельда въ первый разъ почувствовала себя нехорошо. Сначала она хоро-

пёнько не разобрала, въ чемъ дѣло; но когда поняла она свое положеніе, безотчетный страхъ охватилъ ее. Василенко не было. Онъ ужъ съ мѣсяць какъ отправился въ командировку, и неизвестно было, когда онъ вернется. Да и чѣмъ онъ могъ помочь несчастной дѣвушкѣ? Зельда все болѣе блѣднѣла. Когда опытный глазъ Яхны уловилъ наконецъ перемѣну, происшедшую въ Зельдѣ, нужно было уже считаться съ фактами и спасать репутацію несчастной.

Яхна слишкомъ любила Зельду, чтобы сдѣлать ей сцену, къ тому же подъ грубой наружностью этой женщины скрывался глубокой источникъ самыхъ вѣжныхъ чувствъ, и она инстинктивно сочувствовала своей бѣдной дочери. Нѣсколько ночей Яхна провела безъ сна, перешивая юбки Зельды и думая, какъ бы помочь горю. Наконецъ она рѣшилась обратиться къ бабушкѣ Индѣ. Только Инда, съ ея чуткимъ сердцемъ, могла ей дать добрый совѣтъ.

X

Бабушку Инду не всегда можно было застать дома. У нея было столько хлопотъ и работы, что она не успѣвала все сдѣлать за день. Бабушка Инда не знала усталости. Немного нужно было силъ, чтобы носить ея маленькое, высохшее отъ времени, тѣльце, въ которомъ, однако, билось совсѣмъ юное сердце. Бабушка Инда много видѣла, но еще больше переживала на своемъ вѣку.

Чужое горе и несчастье такъ близко принимались ею къ сердцу, что часто, не зная Инды и видя ея перекошенное страданіемъ лицо, можно было думать, что она страдаетъ за себя. Зато весь Межеполь зналъ бабушку Инду и цѣнилъ ее по заслугамъ. Ея маленькій, покосившійся отъ времени домикъ былъ центромъ, куда стекались всѣ тѣ, отъ кого судьба отворачивалась. Бабушка Инда умѣла всѣхъ утѣшить и всѣмъ помочь. Въ одинъ вечеръ, когда Инда ужъ собиралась тушить огонь, къ ней постучалась Яхна.

— Это я, бабушка Инда, отворите!

Инда узнала голосъ Яхны и впустила ее въ комнату. При видѣ Яхны она отшатнулась и съ испугомъ спросила:

— Кто-нибудь умеръ?

Яхна, вмѣсто отвѣта, тихо и судорожно зарыдала. Бабушка Инда молча смотрѣла на нее и не приставала съ вопросами. Она знала, что слезы лучше всякихъ словъ облегчать страждущее сердце, и ждала, пока Яхна успокоится. Когда Яхна наконецъ успокоилась, она взяла ее за руку и сказала:

— Не падай духомъ, Яхна, всякое горе преходяще.

— Ахъ, бабушка Инда, еслибъ вы знали...

— Ты мнѣ расскажешь, и тогда тебѣ легче станетъ на душѣ. Дѣйствительно Яхна почувствовала себя значительно облегченною, когда она все рассказала бабушкѣ Индѣ.

За то Инда молчала, погруженная въ глубокое раздумье.

— Бѣдная Зельдочка...—вырвалось у нея наконецъ. И это восклицаніе, въ которомъ звучало такое теплое безпредѣльное участіе, вызвало горячіе слезы на глазахъ Яхны.

— О, Инда,—сказала она, прижавъ къ ея плечу и задыхаясь отъ рыданій,—только вы одни въ состояніи понять мое горе... помогите мнѣ...

Долго послѣ этого обѣ женщины совѣщались. Уже въ подсвѣчникѣ догорѣла сальная свѣча, уже прогѣбли пѣтухи, а Яхна все еще сидѣла у Инды. Казалось, ихъ тихой бесѣдѣ и конца не будетъ.

Наконецъ Яхна встала.

— Иди съ Богомъ, Яхна; не плачь и не грусти. Будетъ такъ, какъ я тебѣ говорю. Помни, что все отъ Бога и что такъ должно быть было суждено. Успокой Зельдочку.

На другое утро, бабушка Инда, по обыкновенію, встала очень рано и побѣжала въ синагогу; но на полпути повернула въ сторону, ускоривъ шаги. Это былъ первый случай, когда бабушка Инда измѣнила Богу ради человѣка. Но принятая ею на себя обязанность была настолько важна, что было бы грѣшно потерять хоть одну минуту. «Богъ видитъ мои помыслы и проститъ меня», шептала про себя Инда, ускоряя свои маленькіе шагки. Бабушка Инда застала Іейкева за утренней молитвой. Закутанный въ талесъ съ одной филактеріей на лбу, а дру-

гой на лѣвой рукѣ, Іейкевъ стоялъ съ лицомъ, обращеннымъ къ востоку. Такъ какъ онъ не двигался и даже не повернулся при входѣ Инды, то послѣдняя заключила, что онъ читаетъ *ммонэ эсре* и спокойно усѣлась въ углу въ ожиданіи. Кромѣ Іейкева въ комнатѣ никого не было, если не считать грудного ребенка, мирно спавшаго въ висачей люлькѣ. Отсутствие постороннихъ, въ особенности жены Іейкева, крикливой и глупой женщины, очень обрадовало и даже придало особенную бодрость Индѣ, принявшей на себя такую трудную задачу. Ни для кого другого въ мірѣ она бы этого не сдѣлала, но эта несчастная дѣвушка... И старческіе глазки Инды наполнились при этомъ слезами. Но что, если ея миссія не увѣнчается успѣхомъ, если этотъ долговязый парень не согласится или Іейкевъ заупрямится. По тощему тѣлу Инды даже дрожь пробѣжала. Она мысленно представила себѣ страдальческое лицо Яхны, блѣдную и дрожащую Зельду, и сердце ея сжалось отъ тоскливаго чувства. Она подняла голову съ твердымъ рѣшеніемъ не отступать и непремѣнно побѣдить. Въ эту минуту Іейкевъ сдѣлалъ три прыжка и, плюнувъ три раза въ сторону, обернулся къ ней.

— А, бабушка Инда, — сказалъ онъ, снимая съ головы филактерію и кладя ее на столъ. — Доброе утро. Что васъ привело сюда такъ рано?..

— Совсѣмъ не такъ рано, какъ ты думаешь, — сказала Инда, желая что-нибудь сказать, прежде чѣмъ собраться съ мыслями.

— Какъ не рано. Видите, мой долговязый Хаимъ еще ни одного ученика не принесъ на своихъ «острыхъ» плечахъ, — засмѣялся Іейкевъ.

— Лѣнивый парень, должно быть, этотъ Хаимъ.

— Что ужъ говорить... какъ всѣ бегельферы...

— Благочестивъ ли онъ по крайней мѣрѣ?..

— Трефнаго не ѣсть. Хотя случается, что онъ забываетъ, когда ѣлъ мясное, въ особенности если въ его сумкѣ оцутится свѣжій пирогъ съ творогомъ.

— Ахъ, безбожникъ! — воскликнула Инда. — Что же ты ему правоученій не читаешь?

— Гдѣ-же тутъ до нравоученій. И то радъ, что не оставляетъ меня. Вѣдь вы знаете, какъ трудно отыскать херонаго бегельфера.

Бабушка Инда этого совсѣмъ не знала. Однако, замѣчаніе Іейкева произвело на нее непріятное впечатлѣніе, и суровая тѣнь пробѣжала по ея морщинистому лицу.

— Все-же нельзя попускать,—сказала она послѣ минутнаго размышленія,—и на тебя вѣдь грѣхъ падаетъ.

— Такъ-то такъ. Но какъ исправить такого болвана.

— Я думаю, его женить бы слѣдовало,—проговорила Инда не безъ внутренней тревоги.

— Женить? Да кто за такого остолопа пойдетъ? Развѣ слѣпая и горбатая Дрейва изъ богадѣльни.—И при этомъ Іейкевъ громко рассмѣялся.

— Ты не смѣйся, Іейкевъ,—строго сказала Инда.—Никто судьбы своей не знаетъ. Всякій получаетъ то, что предназначено ему свыше. Но ты слушай, что я тебѣ скажу.

Строгий тонъ, которымъ произнесла послѣднія слова бабушка Инда, серьезное, почти суровое выраженіе ея лица произвели должное впечатлѣніе на Іейкева, и онъ не безъ внутренняго волненія приблизился къ ней.

Сначала бабушка Инда говорила намеками, но видя, что Іейкевъ ничего не понимаетъ, она прямо приступила къ дѣлу, при чемъ въ нѣсколькихъ энергическихъ выраженіяхъ изложила ему всѣ обстоятельства, предупредивъ его, что если онъ, паче чаянія, проболтается женѣ, то не видать ему царства небеснаго какъ своихъ ушей.

— За кого вы меня принимаете, Инда; развѣ я не мущина?

— Потому-то я тебѣ и напоминаю,—отрывисто сказала Инда.—Ну, что же ты скажешь?

— Что же мнѣ сказать... Надо подумать...

— Тутъ думать нечего. Посуди самъ, сколько выгодъ для этого долговязаго...

— Для него-то даже слишкомъ. Но для меня... Шутка-ли потерять бегельфера!

— Найдешь другого,—утѣшала его Инда.

— Ну, нѣтъ. Во всемъ Межеполѣ такого дурака не найдешь.

- Такъ съѣдишь въ сосѣдній городъ.
- А кто мнѣ путевыя издержки вернетъ?
- Будь спокоенъ; это я беру съ устройствъ.
- А за сватовство кто получить?—освѣдомился Іейковъ.
- Ты, конечно...

Лицо Іейкова мгновенно преобразилось.

- О, въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ, весело потирая руки...
- Яхна тебя не обидитъ...
- Знаю, знаю... Когда я устроилъ ей бракъ съ майстромъ...
- Лучше бы не устраивалъ,—оборвала его Инда.—За грѣхи родителей страдаютъ дѣти. Бѣдная Зельдочка! Ну, такъ я разсчитываю на тебя, Іейковъ.

— Конечно, можете быть увѣрены. Этотъ оболтусъ и руками и ногами ухватится. Въ случаѣ чего, я его прямо поведу къ вѣнцу. Церемониться не буду. А вотъ и онъ самъ идетъ...

Дверь отворилась и въ комнату, согнувъ свою тощую фигуру, вошелъ Хаимъ. На рукахъ у него барахталось какое-то маленькое существо, громко всхлипывавшее; на спинѣ, обвивъ рученками длинную шею бегельфера, торчало другое маленькое существо, а позади бегельфера, держась за засаленныя полы его балахона, виднѣлись еще двѣ кудрявыя головки съ заплаканными глазками и мокрыми, раскраснѣвшими щеками. Сбоку у бегельфера висѣла корзина съ провизіей. Войдя въ комнату, Хаимъ смутясь на полъ все еще всхлипывавшаго малютку, потомъ нагнулся, чтобы дать возможность спрыгнуть съ его спины крѣпко уцѣпившемуся за его шею другому мальчугану, а затѣмъ уже, ни на кого не глядя, направился въ уголокъ комнаты, гдѣ стояла громадная печь, и поставилъ туда корзину. Оба мальчугана, державшіеся за его полы, пугливо озирались и неотступно слѣдовали за нимъ.

— Отстаньте, щенки! — грубо крикнулъ онъ на малютокъ, вынимая изъ корзины провизію и сортируя ее.

- Смотри, не перепутай тамъ,—крикнулъ ему Іейковъ.
- Ладно, не первый разъ...

— А что же ты всего четырехъ мальчугановъ принесъ! Если такъ таскать, то къ вечеру не перетаскаешь всѣхъ. Сколько разъ я тебѣ говорилъ...

Ханмъ не отвѣчалъ, усердно продолжая сортировать провизию.

— Что же ты не отвѣчаешь?—разсердился Іейкевъ.

— Что же мнѣ отвѣчать. Попробовали бы вы носить на своихъ плечахъ этихъ кошекъ.

— Ты бы ихъ не щиналъ, они бы тебя не царапали,—виѣшпалась въ разговоръ Инда.—Ишь какія крошки...

Она подошла къ самому маленькому, погладила его по кудрявой головкѣ и поцѣловала. Малютка, припомнивъ, вѣроятно, свою мать, громко зарыдалъ. Тогда подошелъ къ нему Іейкевъ, взялъ его на руки и поднесъ къ длинному столу, гдѣ среди истрепанныхъ молитвенниковъ и букварей лежалъ традиціонный «канчукъ».

— Будешь плакать, дамъ тебѣ десять горяченькихъ, а твой завтракъ съѣсть бегельферъ,—сказалъ онъ строго, указывая глазами на плетку.

Малютка мгновенно притихъ.

— О-охъ!—тихо вдохнула бабушка Инда, при чемъ взоръ ея остановился на все еще возившемся у печи Ханмѣ. Хотя она давно знала этого малаго, но теперь только въ первый разъ хорошенько рассмотрѣла его. Долговязая фигура Ханма съ длинными неуклюжими руками, выдающимися, какъ крылья, лопатками и длинными, торчащими ушами по бокамъ небольшой продолговатой формы головы, на которую былъ надвинутъ старый засаленный картузъ съ разодраннымъ козырькомъ, произвела далеко не отрадное впечатлѣніе на Инду. Она мысленно представила себѣ красавицу Зельду и рядомъ съ ней этого безобразнаго грязнаго малаго, и маленькое сердце ея сжалось отъ боли. Было мгновенье, когда она хотѣла взять свое рѣшеніе назадъ—сказать Іейкеву, что она раздумала, что этотъ безобразный парень не пара Зельдѣ. Но мысль о позорѣ, ожидавшемъ Зельду, заглушила все, и, подойдя къ Іейкеву, Инда шепнула ему:

— Такъ поговори съ нимъ и кончай дѣло поскорѣе. Ручаюсь тебѣ, что Яхна хорошо вознаградитъ тебя за стараніе...

— Будьте спокойны, Инда,—сказалъ Іейкевъ, провожая ее

до дверей.— Не будь я Іейкевъ, если сегодня же не принесу вамъ хорошихъ вѣстей.

XI.

Какъ только Инда скрылась за дверью, Іейкевъ подошелъ къ печкѣ, чтобы лично провѣрить, цѣла ли принесенная Хаимомъ для дѣтей провизія, но, взглянувъ на угрюмое лицо бегельфера, сердито закричалъ:

— Негодай, чей ты завтракъ только что пробовалъ?

— Я ничего не пробовалъ...

— Но на твоихъ губахъ еще видны слѣды. И Іейкевъ замахнулся на Хаима.

Хаимъ ловко отскочилъ назадъ, но при этомъ задѣлъ люльку и разбудилъ спавшаго ребенка, который поднялъ громкій крикъ. Болѣе по привычкѣ, чѣмъ изъ сожалѣнія, Хаимъ сталъ укачивать ребенка, а Іейкевъ, у котораго гнѣвъ уже успѣлъ пройти, подошелъ къ длинному столу и усѣлся на свое обычное мѣсто. Хотя, кромѣ доставленныхъ Хаимомъ 4-хъ малютокъ, еще никого не было, но Іейковъ велѣлъ имъ сѣсть по мѣстамъ и взять буквари.

— Смирно, черти,— произнесъ онъ грозно, протянувъ руку къ клѣткѣ. Однако, онъ ее въ руки не взялъ и помолчавъ немного, уже спокойно обратился къ Хаиму.

— Что же ты намѣренъ сходить за остальными школярами?

— Притащить и безъ меня,— продолжая укачивать малютку, проговорилъ Хаимъ.— Вотъ ужъ ташутъ...

Дверь дѣйствительно отворилась и чья-то невидимая рука втолкнула въ комнату двухъ плачущихъ мальчишекъ.

— Пусть бегельферъ придетъ за завтракомъ!— раздался голосъ за дверью.

— Такъ-таки тебѣ и приду, жди,— пробормоталъ про себя Хаимъ.

— Что ты тамъ бормочешь. Помогъ бы лучше дѣтамъ раздѣваться,— сказалъ Іейкевъ.

— А малютку кто будетъ укачивать? Фрейда раньше меня ушла изъ дому, а еще не возвращалась. Видно, на рынкѣ веселѣе, чѣмъ дома.

Это замѣчаніе заставило Іейкева вспомнить про жену и про то, что онъ еще сегодня не завтракалъ.

— А и въ самомъ дѣлѣ Фрейда что-то замѣшкалась. Ты бы сходилъ за нею.—И тутъ же Іейкевъ прибавилъ:—Гдѣ твое субботнее платье?

— Гдѣ же, какъ не въ сундукѣ у Фрейды,—не безъ колкости проинвесь Хаимъ.

— Хорошо. Сегодня вечеромъ ты одѣнешь его. Мы пойдемъ съ тобой невѣсту смотрѣть.

Хаимъ въ недоумѣніи выпучилъ свои плоскіе безцвѣтные глаза, при чемъ лицо его приняло такое выраженіе, что трудно было сказать, какое чувство въ данный моментъ волнуетъ его: радость или ужасъ. Въ такомъ состояніи онъ находился нѣсколько минутъ, пока Іейкевъ, выведенный изъ терпѣнія его молчаніемъ, не сказалъ:

— Что же ты на меня тарачишь свои рыбы буркулы? Слышалъ, что я тебѣ сказалъ,—пойдемъ невѣсту смотрѣть.

На этотъ разъ Хаимъ осклабилъ свой широкій ротъ и показалъ Іейкеву зубы. Іейкевъ не могъ удержаться и тоже улыбнулся. Въ этомъ положеніи нашла ихъ Фрейда, которая воѣжала въ комнату, прежде чѣмъ Іейкевъ и его помощникъ успѣли очнуться. Поставивъ на полъ большую нагруженную до верху корзину, Фрейда, по обыкновенію, набросилась на Іейкева, не вабыла и Хаима, обдавъ его цѣлымъ потокомъ отборныхъ ругательствъ. Она трудится, она работаетъ, а этотъ дармоѣдъ не пришелъ даже, чтобы помочь ей отнести корзину домой. За что же его кормятъ. Не за то ли, что онъ скалитъ зубы, когда хозяйка обливается потомъ?

На этотъ разъ Хаимъ намѣнилъ своей тактикѣ: молчать, когда Фрейда ругается—и захохоталъ во все горло. Іейкевъ тоже вторилъ ему.

— Черти, варвары, безбожники!—кипятилась и шипѣла отъ злости Фрейда.—Что вы, бѣлены обѣлись? Вотъ я вамъ покажу, какъ смѣяться.

Она схватила стоявшую у печки кочергу и набросилась на Хаима. Іейкевъ воспользовался удобнымъ моментомъ и выскользнулъ изъ комнаты.

Нѣсколько мгновений онъ стоялъ на улицѣ, обдумывая, что ему дѣлать. Улыбка все еще не сходила съ его лица. Ему было и пріятно, что онъ избавился отъ нападковъ жены, что онъ свободенъ и можетъ идти, куда захочетъ, и въ то же время ему стало жаль бѣднаго Хаима, у котораго, навѣрное, на цѣлую недѣлю останутся синяки.

— Да, нужно его женить, непременно женить. Бабушка Инда ничего лучшаго не могла придумать,—мысленно сказала себѣ Іейкевъ и направился къ Индѣ, чтобы объявить ей, что сегодня будутъ смотрины. Когда часа черезъ три онъ вернулся домой, онъ засталъ все въ образцовомъ порядкѣ. Ученики всѣ были въ сборѣ и громко, насколько позволяли ихъ дѣтскіе голоса, певторали нараспѣвъ однообразные звуки, которые хрипло выкрикивалъ Хаимъ. Хаимъ былъ красенъ, какъ ракъ, и по лицу его струился потъ. Отъ времени до времени онъ хваталъ въ руки плетку и размахивалъ ею въ воздухѣ. Тогда къ однообразному гулу прибавлялся еще отрывистый дѣтскій крикъ или плачь.

Маленькіе ученики были не менѣе возбуждены, чѣмъ ихъ учитель, и ихъ дѣтскія личики горѣли лихорадочнымъ румянцемъ. Рвеніе Хаима и стараніе маленькихъ учениковъ, очевидно, пріятно подѣйствовали на Іейкева. Онъ подошелъ къ столу, постоялъ немного, раза два одобрительно покачалъ головой, потомъ направился къ большой кровати, стоявшей на самомъ видномъ мѣстѣ комнаты и до верху заваленной подушками и перинами. Тамъ молча сидѣла Фрейда, занятая чисткой гусиного пера. Около нея лежалъ грудной ребенокъ, а у ногъ ея на грязномъ полу барахтались четверо малютокъ. Іейкевъ умильно взглянулъ на свое потомство, что-то хотѣлъ сказать женѣ, но вмѣсто этого обернулся къ Хаиму.

— Распусти дѣтей по домамъ, а самъ одѣнься по праздничному, слышишь?

Съ этими словами онъ бросился на мягкія перины и захрапѣлъ, прежде чѣмъ любопытная Фрейда успѣла опомниться и спросить, въ чемъ дѣло.

XII.

Яхна торопилась со свадьбой. Послѣ долгихъ совѣщаній съ бабушкой Индой, рѣшено было отпраздновать свадьбу на третій день Пасхи. Въ противномъ случаѣ пришлось бы выждать до праздника Шевуось, чего, по вѣдѣстнымъ соображеніямъ, положительно нельзя было допустить.

Раньше тоже нельзя было, такъ какъ вѣрлїчїа должны были быть хоть сколько нибудь соблюдены, да и приданое не могло быть готово въ такой короткій срокъ. Сердце Яхны обливалось кровью при мысли о томъ, при какихъ обстоятельствахъ она должна выдать замужъ свою любимую дочь, красавицу Зальду. Къ счастью, бабушка Инда не оставляла ее своими совѣтами и хлопотала наравнѣ съ нею, насколько позволяли ей старческія силы. Вѣсть о помолвкѣ Хаима-бегальфера съ дочерью Яхны произвела сильную сенсацію въ Межепольѣ. Истинной причины, кромѣ бабушки Инды, никто не зналъ, но многіе, въ особенности женщины, догадывались, въ чемъ дѣло. Маленькая жена портного Іоине, та самая, которая устроила свадьбу Яхны съ мейтромъ, и теперь обиженная тѣмъ, что ее обошли въ такомъ важномъ вопросѣ, попробовала даже злословить; но бабушка Инда, встрѣтивъ ее разъ въ синагогѣ, задала ей такую головоломку, что бѣдная женщина готова была сквозъ землю провалиться. Съ тѣхъ поръ въ Межепольѣ перестали говорить о Яхнѣ и ея дочери. Хаимъ продолжалъ отправлять свои обязанности по прежнему, съ той только разницей, что онъ больше не таскалъ дѣтей по городу и не ходилъ каждый день обѣдать въ другой домъ. Онъ теперь обѣдалъ у Іейкева, который со дня его помолвки измѣнилъ свое обращеніе съ нимъ и сталъ даже въ немъ занесивать. Думали ли Хаимъ о томъ переворотѣ, который совершился въ его жизни, задавался ли онъ какими-нибудь вопросами,—этого никто не зналъ. Видно было только, что онъ доволенъ, и что широкая улыбка не сходила съ его некрасиваго лица. За недѣлю до свадьбы, Іейкевъ, по порученію Яхны, велѣлъ ему отправиться къ портному Іоине.

— А что я тамъ буду дѣлать?—спросилъ Хаимъ.

— Ужъ Юйне тебѣ скажетъ, ступай!—ламонически отвѣтилъ Іейкевъ.

— А, ребъ Хаимъ,—съ преувеличенной вѣжливостью встрѣтилъ его Юйне.

Хаимъ, котораго еще никто въ жизни не величалъ «раби», сильно переконфузился и покраснѣлъ. Но добродушный Юйне его выручилъ.

— Ничего, не смущайся,—сказалъ онъ, отложивъ въ сторону работу и глядя на Хаима.—Когда надѣнешь новыи ластиковый балахонъ, который я тебѣ сошью къ свадьбѣ, и плисовый картузь, то всѣ къ тебѣ будутъ относиться съ почтениемъ... Вѣрь мнѣ. А теперь стой смирно и давай снимать мѣрку.

Гораздо труднѣе было Яхнѣ подыскать портного, который взялся бы шить приданое Зельды. Теперь Зельда была не та, что 5 мѣсяцевъ тому назадъ, и скрыть отъ портного ея положеніе было не совсѣмъ легко. Но и тутъ на помощь явилась бабушка Инда и устроила такъ, что тайна, которую Яхна такъ тщательно скрывала, не была обнаружена. Зельда измѣнилась не только физически, но и нравственно. Изъ веселой, беззаботной дѣвушки, которой жизнь раньше такъ улыбалась, она превратилась точно въ автомата, для котораго все безразлично. Ничто, казалось, ее не трогало, ничто не радовало и не огорчало. Она словно находилась въ забытїи, сама ясно не сознавая, что съ нею творится. Короткое время блаженства казалось ей сладкимъ сномъ, давно исчезнувшимъ. О Василенко она старалась не думать вовсе, но пороку, въ особенности въ бессонныя ночи, ей грезились горячія ласки, страстныя объятїя... Тогда она вскакивала съ постели и жадно прислушивалась.

Разъ, проходя по улицѣ, она увидѣла толпу офицеровъ; и между ними, какъ ей показалось, былъ Василенко. Она закрыла лицо платкомъ и, не оглядываясь, побѣжала домой. Что-то рвало ей сердце, и она задыхалась. Всю ночь она не сомкнула глазъ, нѣсколько разъ на цыпочкахъ выходила на крыльцо, прислушиваясь, не зоветъ ли ее знакомый голосъ. Когда тайна ея была обнаружена, и когда, для спасенїя ея чести, Яхна объявила ей, что она должна выйти замужъ за Хаима-

бегальфера, она безучастно выслушала свой приговоръ. Ни отчаянія, ни протеста. Все это, какъ будто, ея не касалось.

Яхна отлично понимала, что весь городъ знаетъ ея тайну; тѣмъ не менѣе она не теряла присутствія духа и держала себя такъ, какъ будто въ ея семьѣ ничего не случилось. Съ этой цѣлью она рѣшила устроить свадьбу на славу.— «Не дамъ я врагамъ торжествовать. Пусть грызеть ихъ досада и зависть»,— повторяла она, не соглашаясь на этотъ счетъ съ протестами бабушки Инды.

— И враговъ не слѣдуетъ раздражать,—говорила умная старушка; но видя, что Яхна упорствуетъ, перестала съ нею спорить, въ глубинѣ души понимая тѣ чувства, которыя волновали бѣдную Яхну. Въ день свадьбы весь городъ былъ на ногахъ. Когда, по существующему обычаю, Зельду повели въ баню, всѣ межепольскія кумушки высыпали на улицу, чтобы посмотрѣть на «скоропѣлку», какъ онѣ между собою называли бѣдную дѣвушку. Нѣкоторые старались даже проникнуть въ баню, чтобы удовлетворить свое любопытство. Но суровая горбунья Дрейза была неумолима и метлой гнала ихъ вонъ.

— Уходите прочь, что вы дѣдете; или вамъ завидно,—кричала Дрейза.—И безъ васъ достаточно народу. Или вы думаете, что съумѣете лучше ухаживать за невѣстой, чѣмъ бабушка Инда и бабушка Бина?

Имена этихъ двухъ благочестивыхъ старушекъ заставили замолчать расходившихся кумушекъ. Авторитетъ Бины и Инды, по крайней мѣрѣ, съ формальной стороны, служилъ ручательствомъ, что невѣста безупречна. Иначе съ какой стати стали бы ее водить въ баню, да еще при такихъ свидѣтельницахъ. А бабушка Бина и бабушка Инда, придя утромъ къ Яхнѣ, чтобы сопровождать Зельду въ баню, застали ее въ слезахъ и отчаяніи. Въ это утро Зельда точно проснулась отъ продолжительнаго сна, и горькое чувство поруганной женщины проснулось въ ней съ необыкновенной силой. Она упорно отказывалась слѣдовать за обѣими женщинами. Но суровый обычай побѣдилъ ея упорство. Обливаясь слезами, съ жгучей болью въ сердцѣ, Зельда переступила низкій порогъ бани. Предсмертный ужасъ охватилъ ее. Ей представи-

лось, что ее опустили въ могилу, до того страшными показались ей грязныя закопченныя стѣны съ низкимъ потолкомъ и маленькими окошечками. Это было отдѣленіе для женщинъ, и она никогда тутъ не была.

Когда Инда и Вина по обычаю стали ее раздѣвать, она, до сихъ поръ блѣдная, вся зардѣлась и стыдливо опустила глаза. Обѣ женщины дѣлали видъ, что ничего не замѣчаютъ. Вина бережно расплетала ей волосы, Инда осторожно сдѣлывала ногти съ ея маленькихъ рововыхъ пальцевъ. Когда этотъ предварительный туалетъ былъ оконченъ, Инда торжественно взяла Зельду за руку и молча подвела ее къ ступенькамъ, ведущимъ въ узкій и неглубокій бассейнъ. Затхлый, неприятный запахъ застоившейся воды обдалъ Зельду, и у нея голова закружилась. Она пошатнулась и навѣрное упала бы, если бы бабушка Инда ее не поддержала.

— Не пугайся, дочь моя...—мягко сказала она.—Здѣсь неглубоко. Троекратное омовеніе очиститъ тебя, и ты предстанешь предъ своимъ мужемъ съ сердцемъ невинной голубки.

Зельда зажмурила глаза и молча послѣдовала за бабушкой Индой. Сырой холодъ могилы все болѣе и болѣе пронизывалъ ея члены; мокрыя и скользкія ступени неприятно раздражали ея холодющія ноги. Наконецъ она почувствовала прикосновеніе воды. Она инстинктивно отскочила назадъ. Но бабушка Инда схватила ее за руку и потащила за собой.

— Не пугайся, не пугайся,—повторяла она.—Это очиститъ тебя. Еще разъ... еще...

Бабушка Вина стояла наверху у перилъ и считала, сколько разъ Зельда погружалась въ воду.

— Ну, теперь довольно,—крикнула она, и сама спустилась внизъ, чтобы помочь бабушкѣ Индѣ вытащить Зельду изъ бассейна.—Ничего, ничего, она скоро придетъ въ себя. За то она теперь чиста, какъ голубка.

Яхна съ замѣраніемъ сердца ждала возвращенія Зельды изъ бани. Это былъ самый тяжелый моментъ изъ всѣхъ, какіе блѣдная женщина переживала за послѣднее время. Что если, кромѣ Инды и Вины, въ банѣ будутъ еще и другія женщины? Какой позоръ! Вынесетъ ли это Зельда? А она? Яхна ломала

руки и глубоко вздыхала. Когда она увидѣла наконецъ Зельду, блѣдную и едва державшуюся на ногахъ, она вся обомлѣла. Но веселыя лица Инды и Бины служили ручательствомъ, что все обошлось благополучно, и Яхна вздохнула свободно.

— Теперь будемъ веселиться, какъ подобаетъ въ день свадьбы,—сказала она и побѣжала на кухню торопить стряпухъ. Инда и Бина между тѣмъ дѣлали приготовленія къ приему гостей и жениха. Времени еще было довольно, и гости туго собирались. Нужно было, по крайней мѣрѣ, съ десятокъ солидныхъ женщннъ, чтобы приступить къ обычному туалету невѣсты. Бабушка Инда осматривала подвѣсочное платье; бабушка Бина пробовада ножницы, которыми готовилась отрѣзать волосы Зельдѣ. Яхна то вбѣгала, то выбѣгала изъ комнаты. Она вошла наконецъ въ роль матери невѣсты и была теперь счастлива. Комната между тѣмъ стала наполняться одѣтыми по праздничному женщинами. Онѣ окружили невѣсту, которую Инда посадила на стулъ посреди комнаты. Бабушка Бина расплела ей не успѣвшіе еще высохнуть волосы и энергическимъ ударомъ ножницъ отхватила чудныя пряди. Зельда истерически рыдала. Окружающія ее женщины тихо всхлипывали.

Въ это время въ домѣ Гейкева собралось тоже не мало народу. Ребъ Лейбеле и Ханмъ-Шимонъ, какъ представители той корпораціи, къ которой принадлежалъ женихъ, не отходили отъ Ханма. На Ханмѣ былъ новый ластиковый балахонъ, мѣховой картузъ и новые башмаки. Новая шуба изъ дешеваго мѣха висѣла на крючкѣ на самомъ видномъ мѣстѣ. Ждали прихода еще нѣсколькихъ гостей, чтобы отправиться въ домъ невѣсты. Гейкевъ, какъ посаженный отецъ, былъ тоже одѣтъ по праздничному. Онъ суетился, кричалъ, давалъ наставленія Ханму, какъ держаться. Въ сомнительныхъ случаяхъ онъ обращался къ Ханмъ-Шимону или Лейбеле какъ авторитетамъ. Ханмъ-Шимонъ по обыкновенію философствовалъ и въ свою очередь ссылался на Талмудъ и Кабалу.

— Слѣдуетъ-ли жениху во что бы то ни стало разбить хрупкое стекло, которое кладутъ ему подъ ноги?—задавалъ онъ вопросъ окружающимъ.

— Но моему слѣдуетъ,—отвѣчалъ Лайбелъ.

— А я говорю, что торопиться не слѣдуетъ. Въ Талмудѣ сказано...

Но въ это время приближалъ неснанный и объявилъ, что невеста готова и ждетъ жениха. Всѣ заторопились. Лайбелъ набросилъ на плечи Ханму шубу, и всѣ гурьбой вышли на улицу.

Окруженная женщинами Зельда сидѣла въ своемъ подвѣчномъ нарядѣ, блѣдная, съ глазами красными отъ слезъ. Теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, она сознавала свое положеніе, и при мысли о томъ, что скоро явится неизвѣстный и чуждый ей человѣкъ и покроетъ ей лицо шелковымъ покрываломъ, у нея сердце обливалось кровью. Она пробовала забыться и не думать... Но мысли толпой осаждали ея голову, а воображеніе рисовало ей счастливыя минуты пережитаго блаженства.

— Женихъ, женихъ...—раздалось вдругъ со всѣхъ сторонъ, и все вокругъ нея заволновалось. Въ ужасѣ она закрыла глаза, а когда снова открыла ихъ, она ничего не видѣла: лицо ея было закрыто покрываломъ, а сама она куда-то двигалась. Вокругъ нея раздавался веселый шумъ и говоръ, заглушаемый временами звуками барабана и звономъ литавръ. Зельда знала, что музыка обыкновенно идетъ впереди процессіи, но теперь она рѣшительно не могла сообразить, откуда долетаютъ до нея звуки. Подъ тяжелымъ покрываломъ ей было жарко, и она задыхалась. Ноги ея дрожали. Она боялась, что вотъ-вотъ упадетъ. Но ее поддерживали крѣпкія руки и тащили впередъ. Вотъ, наконецъ, остановились. Музыка перестала играть; все кругомъ затихло на время. У Зельды сильно кружилась голова, и въ то же время она чувствовала, что она сама, и тѣ, кто держитъ ее за руки, тоже кружатся... Вотъ-вотъ она упадетъ. Въ ушахъ ея сильно звенѣло. Ей почудилось, что знакомый голосъ что-то нашептываетъ ей. Какъ бы она дорого дала, чтобы имѣть возможность посмотретьъ вокругъ себя и убѣдиться, чей это голосъ. Въ это время всѣ снова остановились, и она вмѣстѣ со всѣми. Кто-то приподнялъ уголокъ шелковаго покрывала и поднесъ что-то къ ея губамъ, потомъ кто-то взялъ ее за руку. Въ то же время около нея раздался звонъ разбитаго стекла, а

вслѣдъ за этимъ грозкій смѣхъ толпы. Могильный холодъ обдалъ ее. Но она не успѣла очнуться, какъ снова раздался бой барабана и звонъ литавръ. Ее снова увлекли впередъ.

Такимъ образомъ Зельда стала женой Ханма, который едва ли подозревалъ, чему онъ обязанъ доставшимся на его долю неожиданнымъ счастьемъ.

С. Ярошевскій.

(Продолженіе будетъ).

О ЕВРЕЙСКИХЪ ИМЕНАХЪ СОБСТВЕННЫХЪ.

II. Алфавитный списокъ именъ евангельскихъ и талмудическихъ ¹.

Текстъ:		Переводъ:
Греческ.—Еванг.	Мѣсто цитаты. Русскій переводъ.	Еврейскій Деяча греч. и лат. ² автора
Еврейск.—Талмуд.		

А.

Ⲁⲓⲃⲁⲟⲥ	Act. 11, 27. Агавъ.	אבג
	Правильнѣе перевести это имя на еврейскій черезъ אבג, каковое имя имѣется въ Талмудѣ и значить <i>любовь</i> ; послѣднее имя имѣется и въ русскомъ языкѣ и ему отвѣтствуетъ жен. греческое имя Агасія, нѣм. (жарг.) Liebe.	
Ⲁⲓⲃⲣⲓⲡⲓⲁⲥ	Act. 25, 23. Агриппа.	אבגז
	Въ Талмудѣ принята ореографія אבגז. Изъ женскаго имени Агриппина употребляется у евреевъ уменьш. Груна (слав. Груна).	
Ⲁⲓⲃⲓⲁⲥ	Act. 9, 33. Эной.	אבג
	Въ Талмудѣ имѣются слѣдующія ореографіи:	
	אבג	
	אבגז	
	אבגז	

¹ См. „Восходъ“, кн. X. 1890 г.

² Въ виду малаго распространенія греческаго языка, авторъ при переводѣ талмудическихъ именъ пользовался исключительно латинскимъ шрифтомъ.

'Ακυλας (Aquila).	Act. 18, 2.	Акила.	אֶקְוִילָא
	Въ Талмудѣ	אֶקְוִילָא	
	и	אֶקְוִילָא	
'Αλέξανδρος	Magc. 15, 21.	Александръ.	אֶלְעֵזָרִים
	Въ Талмудѣ	} אֶלְעֵזָרִים אֶלְעֵזָרִים—Maasher Shone, finis. אֶלְעֵזָרִים—Berochoth. 17, a.	
	Въ жарт. умелъш. Сендеръ взято въ готскихъ нарѣчій Sander.		
'Αλφαιος	Matt. 10, 3.	Алфей.	אֶלְפֵי
	Кромѣ этого правописанія въ Талмудѣ находится еще цѣлый рядъ другихъ орфографій:		
	אֶלְפֵי	אֶלְפֵי	אֶלְפֵי
	אֶלְפֵי	אֶלְפֵי	
'Αμπλίας (Amplius).	Rom. 16, 8.	Амплій.	אֶמְפִּילִים
'Ανανίας	Act. 5, 1.	Ананій.	הַנִּינִי (Библи.).
'Ανδρέας	Mat. 4, 18.	Андрей.	אֶנְדְרֵי
	Въ Талмудѣ	אֶנְדְרֵי	
'Ανδρόνικος	Rom. 16, 7.	Андроникъ.	אֶנְדְרִיתִים
'Αννα	Luc. 2, 26.	Анна (ж.).	הַנָּה (Библи.).
'Ανναν	Act. 4, 6.	Анна (м.).	הַנָּה (Библи.).
'Απελλῆς	Rom. 16, 10.	Апеллесъ.	אֶפֶלְסֵי
'Απολλῶς	Act. 18, 24.	Аполлосъ.	אֶפֶלְסֵי
'Απφία	Philim 1, 2.	Апфία.	הַפִּיָּה
'Αρίσταρχος	Act. 19, 29.	Аристархъ.	אֶרִיסְטָרְכֹס
'Αριστόβουλος	Rom. 16, 10.	Аристовуль.	אֶרִיסְטֹבֻלֹס
	Въ Талмудѣ	אֶרִיסְטֹבֻלֹס	
		אֶרִיסְטֹבֻלֹס II, Mak., 1, 12.	
'Αρτεμος	Tit. 3, 12.	Артемъ.	אֶרְטֵמֹס
'Αρχιλαος	Matt. 2, 22.	Архилай.	אֶרְכִילָא
	Въ Талмудѣ	אֶרְכִילָא	
'Αρχίππος	Colos. 4, 17.	Архиппъ.	אֶרְכִּיפֹס
'Ασυκριτος	Rom. 16, 14.	Асинеритъ.	אֶסְיֻקְרִיתֹס
'Αχαϊκός	1 Corin. 16, 17.	Аханкъ.	אֶחַיִקֹס

אמנים	1 Makk.	Евменъ.	Eumenes.
אמולים	1 Makk 8, 20	Евполемъ	Eupolemus
אבא	Iebomoth 16, a.	Аба.	Abbas.
Это имя довольно распространено у современныхъ евреевъ.			
אבדוה	} Aboda Sarah, 6, a.		Hebdomas.
אבדסי		Baba Bathra, 12, a.	Евдомій.
אבדים	Seder Hadoroth	Евдемъ	Eudemus
אבנים	Vajikra Raba, 2	Евгеній	Eugenes
אבדוקים	Jerus. Megilla 3, 2	Евтикъ	Eteknos
Еврейское שובילד.			
אבוי	I Makk. 16, 12	Авива	
אבמולט	Erubin 35 a	} Автолемъ	Abtelemus
אבמולט	Chagiga 2, 2		
אבמולט	Sota fol. 49'		
אבנים	Misch. Schekalim 5, 1		Euthenes
* אבמולין	Pirke Abot, 1, 10	Полюнъ	Polion
אבין	Baba Bathr, 55, b	Апионъ?	Apion
אבמнос	Jerus Sanhed. III	Евмахъ	Eumachus
אבנים	Midrash Ruth	Евонимъ	Euonymos
אבסקמה	Jerus Aboda Sora I, 9	Авксентій	Eurentius
אבкулт	Gittin, 56 a	Евкуль	Eukoles
אגרא	Chulin, 104, b	Агро	Agros
אדмон	Shebuoth 38, b	Адамонъ	Adamon
אגבה	Nedarim, 32 a	Агавва	Agabus
* אגדילאי	Seder Hadoroth	Аглай (?)	Hilaus
אדוני	Kidushin, 51 a	Агній (?)	Agnios
אולчан	Orochin, 28 b	Олимпанъ	Olympanus
אוני	Midrasch Koheleth	Ониасъ	Onias

* Имена, отмеченныя звездочкой и жирнымъ ш., означаютъ, что у нихъ * есть Prosthesis.

Греческое чтеніе талмудическаго имени תלמוד

גטין	Gittin 56, b	Акила	(Onkelos, Aquila)
אשתיא	Jer. Jebom. 1, 1	Астей, Астїй Asteion	
אשתיא			
אוריון	Berach. 12 a	Оріонъ	Orion
אשיתוס	Mishna Chala	Титъ	Titus
אילא (י)	Mishn. Bechoroth 4, 5	Иліѣ	Pios
אלימ	Midr Raba. Threni	Илимъ	Elimos (?)
אילוס	см. חולס (Julus)		
אליפוס	Rosh. Hash. 17, b	Алфей	Alpheus
אליפ		Taanith, 24, a	Алфіѣ
אמי	Maaseroth 4, 3	Аміѣ	Amios
אמיא	см. א'מיאס.		
אמיס	см. יוסט (Justus)		
אמיб	Shebuoth 28, b	Иппей	Hyppens, Hyppias
אמלתי	см. לוליאני (Julianus)		
אלכסא	Chagiga, 18,	Алексѣѣ	Alexias
אלכסандרא	Maash. Shone finis	Александръ	Alexander
אלכסנדרי	Berachoth 17 a		
אמי	Sucah, 15 a	Аміѣ	Amius
אמר	Baba Bathr 29 a	Омаръ	Omar
אנדרי	Jerus. Berochoth 1, 1	Андрей	Andreas
אנטולי	Dimai, cap. 3	Анатолиѣ	Anatolias
אנטיнос	Mishn. Chala 4, 11	Антиной	Antinous
אנטיохוס	I Makk. 12, 17	Антиохъ	Antiochus
אנטיонוס	Mechilta Beshallach	Антонинъ	Antoninus
אנטיгонוס	Pirke Aboth, 1, 3	Антигонъ	Antigon (us)
אנטיפטרס	Derech Erez cap. 6	Антипатръ	Antipatrus
אניני	Pesachim 46, a	Анианъ Anianus	
אניינו			
אנסינו	Bechoroth 47, b	Анисиѣ	Anisios Onesimos (?)
אסטיו	Baba Meziah 86, b	Астїонъ	Asteon

צְבַחִים *	Zebachim 12, a	Патрикій	Patricius
צְחֻבּוֹת	Chethuboth, 103, b	Ипосъ	Hyrpus
תּוֹסֵפְתָא חֻלִּין	Tosephtha Chulin, 8	Вуколъ	Epikolus (?)
תּוֹסֵפְתָא			
יְרוּשָׁה	Jerus.	Арменій	Armenius
מִשְׁנַת חָלָא	Mishna Chala, 4, 11	Аристонъ	Ariston
סֵדֶר הַנְּדוֹרוֹת	Seder Hadoroth	Архидей	Archeiaus
אֶתּוֹן	Seder Hadoroth	Аэонъ (?)	Athon

В.

Βαραββᾶς	Mat, 27, 16	Варавва	בַּר-בְּבַי
Βαρθολομαῖος	Ib. 10, 3	Вароло-	בַּר-תּוֹלַי
		мей	
Βαρισοῦς	Act. 13, 6	Варисусъ	בַּר-יִשׁוּס
Βαρναβᾶς	Ib. 13, 7	Варнава	בַּר-נְבַנְבָּא
Βαρσαβᾶς	Ib. 1, 28	Варсава	בַּר-בְּשַׁבָּא
Βαρτιμαῖος	Marc 10, 46	Вартимей	בַּר-בְּתַיִם

На этомъ имени можно наглядно увидѣть, какъ частица בַּר (по сирійски сынъ, соответствуетъ еврейскому בֶּן), такъ тѣсно сливается съ именемъ отца, что образуетъ новое имя *. Дѣло въ томъ, что отца этого Вартимея звали «Тимей» и, слѣдовательно, имя сына дѣйствительно выражаетъ собою степень этого родства. Однако, въ означенномъ мѣстѣ текста написано: «Вар-тимей, сынъ Тимея», отсюда видно, что слово Вар-Тимей превратилось уже въ специальное имя.

Βερνίκη (Veronica)	Act. 25, 13	Вереника	בַּר-נִיקָה
Βλᾶστος	Ib. 12, 20	Власть	בַּר-בְּלַסְטוֹס

ג.

בְּרֻשׁ	Jerush. Schkol. 2, 5	Бонъ	Bonus
(ב) בּוֹנֵי	Erubin, 83, a		Bunias
בוֹסְתָנָא		Востанай	Busthana

* Сравни II главу, отдѣлъ *Patronymika*.

בגמ	} Jerus. Kidush. I, 1	Вива	Viva
בזי			
ביס	} Jer. Jebom. III	Висса	Bissa
(בגמ)			
זבחה	Zebachin, 43, b	Виссей	..
ביתוס	Orochin, 31 a		Boethus
בז	Jer. Git. 6, 6	Базый	
בולות	Orochin, 11 a		Balentes
ברוח	Sabbath, 21 a	Бруше (?)	Brunus
בדורה	TosephthaKelaim	Велурія	Veluria
	8, 4		
בג	Seder Hadoroth	Вата	Bathos

Г.

Γάιος (Gaius) Act. 20, 4 Кай גאי

Въ раввинистической литературѣ имѣются слѣдующія орографіи: גאי и גאי. Первое—имя императора римскаго; послѣднее—было имя нѣсколькихъ гаоновъ въ Сурѣ и Пумнадитѣ. Какая орографія правильнѣе—трудно сказать. Дѣло въ томъ, что въ самомъ латинскомъ языкѣ оно писалось различно: если представлялось полное имя, то писали черезъ G—Gaius; если употреблялся только инициалъ, то непременно писали C. Напр., C. Jul. Caesar.

Причина лежитъ въ томъ, что это имя древне-этруское, гдѣ, можетъ быть, и писалось черезъ <K>, вышедшее впоследствии изъ употребленія у римлянъ (ср. Kalendae и Calendae). Кромѣ того извѣстно, что буква <C> у римлянъ, можетъ быть не всегда произносилось какъ K, хотя новѣйшія изслѣдованія доказываютъ противное.

.ג

גברין	Seder Hadoroth	Габранъ (?)	
גחית	Berachot, 53, b	Гурій	Gorias
גוריון	} Baba Mez. 86, b	Оріонъ	Orion
(גוריון)			

גורדיא	Idioth, I, 3	Гордианъ	Gordianus
גרוני	Jerush Beza, 1, 7	Геронъ	Geron (tius)
גראדיסק	Erubin, 29, a	Градинокъ	Gradiscus

Δ

Δαμαρις	Act, 17, 34	Дамарь	דמריס
Δημας	Col., 4, 14	Димасъ	דמאס
Въ Талмудѣ имѣется דמטר.			
Δημητριος	Act. 19, 24	Дмитрій	דמיטριוס
Въ Талмудѣ דמיטריוס.			
Διονυσιος	Ib., 17, 34	Діонисій	דיוניסיוס
Δρουσιλλα (Drusilla)	Ib., 24, 29	Друзилла	דרוסלה

Это имя еврейки, бывшей замужемъ за римскимъ правителемъ Felix. Изъ этого имени произошли рѣдкое жаргонное имя *Дрисля* и частое—*Дреселе*.

• 7

דארי	} Menachoth, 42 a	Дарій (?)	Darios
דארו			
דדו			
דוסא	Pirke Aboth, 3, 7	Доса	Dosa
(?) דוסאי	Kethuboth, 111 b	Досіѣ	Dosias
דוסон	Jerus. Gittin 4, 3	Досонъ	Doson
דוסמאי	} Erubin, 45 a	Доснееѣ	Dositheus
דוסמי			
	Baba-Kama, 83 a		

Неправильная орфографія: דוסמאי, II Макк. 12, 2.

דורמאס	Mishna Jodaim, 5, 2		Dorimaseuth
דוריסמאי	Midrash Samuel, 28	Дорисееѣ	Doristheus
דורדי	Abodah Sarah, 17 a	Дарудій	
דורте	Pesachim, 70 b	Дороеѣ	Dorotheus
דמי	Gittin, 62 a	Диміѣ	Demius
דמ	} Erubin, 83 a	Димъ	Demos
(*) דמה			
	Abodah Sarah, 27 b	Демесъ	

דוּרַשׁ	Midrash Ruth, 1, 7	Друзъ	Drusus
דְּרוּשָׁא	Jerush. Kelaim, 9, 4	Друзиѣ	Drustus
דְּרוּשִׁית	Midrash Samuel, 28	Доросиной	Dorositheus

E.

Ἐλισάβετ	Luc. 1, 5	Елисавета	אלישבע
Ἐλύμας	Act. 13, 8	Елимъ	* אלימא
Ἐπαίνετος	Rom 16, 5	Еванетъ	אבנמוס
Ἐπαφροσ	Col. 1, 7	Епафросъ	אפארוס
Ἐπαφρόδιτος	Phil. 2, 25	Епафродитъ	אפארוδιמוס
Ἐρμάς	Rom. 16, 14	Ермъ	הרמס
Ἐρμῆς		Ермиѣ	הרמיס

Оба эти имени соответствуютъ библейскимъ именамъ דְּרַמִּי
и דְּרַמִּיָּה (ср. выше).

Ἐρμογένης	II Tim. 1, 15	Гермогенъ	הרמוניס
Ἐραστός	Rom. 19, 22	Эрастъ	אראסטוס
Ἐὐβούλος	II Tim. 4, 21	Еввулъ	אובולוס
Ἐὐνείχη	Ib. 1, 15	Евника	אבניקה

Въ Талмудѣ אַרְוִי.

Ἐβτιχος	Act. 20, 9	Евтихъ	אבמכוס
---------	------------	--------	--------

Дословный переводъ на лат. Felix. еврейск.—פֶּלִיִּחַ.

ה.

הגרוס	Jerush. Schekalim 5, 2	Агриѣ	Agros
האריני	Jerus. B. Bathr. 9, 4	Арианъ	Arianus
הארכנוס	Menachoth, 35, a	Гирканъ	Hircanus
הילני	Levitic. Raba, 12	Еленъ (м)	Helenus
הילני	Juma 37, b	Елена (ж.)	Helena
הסדם	Mishna Jodaim (finis).	Гомеръ, Омьръ	Homerus
הרכינוס	Pirke Aboth, 3, 14	Архиной	Archinous

* Въ Midrash имется форма איליא.

ז

חלם	Gittin, 29 a	Юлія	Julius
וספני	B. Meza 117, a	Юстинія	Justinus
חדיסות (א)	Siphra Emor	Евридемъ	Euridemus
חמינה	Themuroth, 21, a	Арминія	Arminius

Z.

Zeta	Tit 3, 13	Зина	זינא
------	-----------	------	------

ז

זמא	Nidah, 21, b		Zygos
זומא	Aboth, 4, 1		Zomos
זתן	Pesachim, 49 a	Зонъ?	Zena
זדל	Therumoth, 8, 5	Зетуль	Zetulus
זחמא	Sabbath, 153 a	Зевея	Zentheus
זלא	Berachoth 53, b	Зилай	Zilus
זתן	Jerus. Berochoth, 4, 1	Зинонъ	Zenon

ח

Ḥarōḇēs	Mat. 2, 1	Иродъ	חרוזם
Ḥarōḇāḥ	Ib. 14, 1	Иродіада	חרויה
Ḥarōḇāyon	Rom. 16, 11	Иродіонъ	חרודיון

ז

זרי	Jer. Megil. 1, 11	Агрія	Agros
זולפנא	см. זולפנא	Олимпанъ	Olympanus
זונה	Jerushalmi		
זוני	Taanith, 23 a	Оніасъ	Onias
זתנא	Jer.Sherozim 8,3		
זודנית	Jebomoth, 14, b	Херонитъ	Cheronites

ירושלם	}	Jerus.	
ירושלם		Jalk. Psalm. 247	Алфей Alphius
ירושלם		Threni-Raba	
(ירושלם)		Midr. Kohaleth	

Всѣ эти орографіи соответствуютъ принятому въ Вавилонскомъ Талмудѣ правописанію ירושלם.

אכניא	Aboth, 3, 5	Ахинея	Achineus
-------	-------------	--------	----------

בבא באתרא	Baba-Bathra,	Ханилай	
	131, b		

Θ.

Θαδδαιος	Mat- 10, 3	Θαδдей	תדי
----------	------------	--------	-----

Въ Талмудѣ תדי.

Θεοφιλος	Act. 1, 1	Θеофилъ	תפילוס
----------	-----------	---------	--------

Дословный переводъ תפילוס.

Θεωδωσ	Ib. 5, 36	Θевда	תודא
--------	-----------	-------	------

Въ Талмудѣ תודא.

Θωμας	Mat. 10, 3	Θома	תומא
-------	------------	------	------

Библейское תומא, талмудическое—תומא. Aboth. 5, 23.

יב.

טוביא	}		
טוביא		Juma, 65, b	Товія Tobias
טוביא		R.-Hasch. 22 a	(Славянское Добрыня).
טוביא			

טוביא—Baba Mez., 44 b. Въ переводѣ Агаземеръ, { Agathemerus
Euemerus.

טוביא	въ переводѣ	Евдуль	Eudulus
-------	-------------	--------	---------

טבלא	Baba Bathra 111 a		Tabala
------	-------------------	--	--------

טבריא	Jerus. Meg. 4, 12	Тиберій	Tiberius
-------	-------------------	---------	----------

טוביא	Seder Hadoroth	Тобіанъ	Tobianus
-------	----------------	---------	----------

טתא	Kidushin 16 b	Татія	Tatias
-----	---------------	-------	--------

טתא	Seder Hadoroth	Тулій	Tulius
-----	----------------	-------	--------

תודות	II Makk. 14, 22	Θεοδοτῆς	Theodoῦtus
תרומות	Therumoth, 8, 5	Τίτῳ	Titus
תימיה	Midr. Koheleth	Τιμίῳ	Timias
דימאי	Dimai, 3, 4	Τυφῶν	Tyrheus
תרוס	Gen.-Raba, 33	Τροάδῳ	Troas
פירקא בות	Pirke Aboth, 2, 20	Τρυφῶν	Tryphon

I.

Ἰάκωβος	Matt. 4, 21	Яковъ	כקו
Ἰάσων	Rom. 16, 21	Язонъ	קסו

Въ Талмудѣ קסו.

Ἰεζαβήλ	Апок. 2, 20	{ Исавель Изабелла	כזכל
Ἰησοῦς	Mat. 1, 1	Иисусъ	(ישו)ש
Ἰούδας	Mat. 19, 9	Иуда	דודא
Ἰούλιος (Julius)	Act, 27, 1	Юлій	יוליוס
Ἰουλίᾱ (Julia)	Rom. 16, 15	Юлія	יוליא

Эти латинскія имена Julius (ж. Julia) въ Талмудѣ переданы כקו, (י)לל, יוליא и יוליא.

Ἰουνίας (Junius).	Rom. 16, 7	Юній	ינוני
----------------------	------------	------	-------

Въ Талмудѣ יוני.

Ἰούστος (Justus).	Act. 1, 23	Юсть	יוסטוס
----------------------	------------	------	--------

Въ Талмудѣ יוסטוס и יוסטוס.

Ἰωάννης	Mat. 3, 1	Иоаннъ, Иванъ	ינוחן
Ἰωάννα	Luc. 8, 3	Иоанна	ינוחנה
Ἰωσήφ	Mat. 13, 55	Иосифъ	יוסף

Въ Талмудѣ имѣется еще יוסה.

יבסו	Abodah Sarah 42 a	Язонъ	Jason
יבסוני	Bechoroth, 47, b	Язоній	Jasonius

כח	Chulin, 86, b	Ива	Jva
יבשׁו	Jerush. Schekalim, 2 Baba-Meziah, finis Jerush. Berach. 8, 8	Юсть	Justus
יבשׁו			
יבשׁו			
יבשׁו	вм. יבשׁו	Досисей	Desitheus
יב	Jer. Abod. Sar. 4, fin.	Юлій	Julius
יב	Megilah 32 a	Янная	
יב	Jerushalmi	Юній	Junius
יבשׁו	Jerus. Thaanith 4, 8	Айнеть	Aenetes
יבשׁו	Jerus. Sucah. 2, 5	Иполить	Hypolites
יב	Berachoth, 38, b	Ипать	Ipatius
יבשׁו; (י)יב	Berachoth, 43, b	Ацій	Icius

Последнее можетъ быть еще и библейское имя «Яфеть».

К.

Καϊάφας	Mat. 26, 3	Каиафа	כח
Κάρπος	II Tim 4, 13	Карпъ	כח
Κηφᾶς	Joh. 1, 42	Кифа	כח

Это сирийская форма отъ еврейск. קָפָא — скала; въ греческомъ переводѣ Пётра. Прозвище апостола Симонъ-бар-Иона.

Κλαυδία	II Tim. 4, 21	Клавдія	כח
(Claudia)			
Κλαύδιος	Act. 23, 26	Клавдій	כח
(Claudius)			
Κλέοπας	Joh. 19, 25	Клеопъ	כח
Κλέοπας	Luc. 24, 18		
Κλήμεντος	Phil. 4, 3	Климентъ	כח
(Clemens)			

Можетъ быть, изъ этого латинскаго имени произошло имяблужееся въ раввинистической литературѣ имя: כולמן — Coloman, хотя почему-то совершенно неосновательно последнее имя считаютъ сокращеннымъ отъ греческаго имени Κολωνύμης — Calonymus (כח כח).

Κορνήλιος	Act. 10, 1	Корнелій	כח
(Cornelius)			

Κεόαρτος (Qartus)	Rom. 16, 23	Квартъ	קארטוס
Κρησενς (Crescens)	II Tit. 4, 10	Крескентъ	קריסענס
Въ переводѣ на евр. קסח			
Κρισκος (Crispus)	Act. 18, 8	Криспъ	קריסטוס

Въ Талмудѣ קריסטוס.

ג.

כורין	Orochin, 4 a	Хабриѣ	Chabrias
כדים	Seder Hadoroth	Херимонъ	Cherimon
כפרי	Nidah, 47 b	Кипрій, Киприанъ	Cyprias
כריספידי	Sanh. 69 a	Коприѣ	Coprios
כרסנא	Maashroth, 1, 2	Криспидъ	Chrysippides
		Хрисанѣ	Chrysanthus

ק.

קוסיא	Jebomoth, 103 a	Куфій	
קריא	Seder Hadoroth	Курій	Curius
קדא	Kethuboth, 104 a	Ксой	
קיסא (קסי)	Baba Bathra, 63 a	Кассій, Кассъ	Cassius
קוסма	Aboda Sara 18 a	Кузьма, Косма	Cosma
קיסנא	Baba Bathr, 19, b	Ксеній (?)	Xenius
קלפטרא	Aboda Sara, 8 6	Клеопатра	Cleopatra
קלונים	Aboda Sara 11 a		Kalonymus
קלניקוס	Gittin 56, b	Каллиникъ	Kallinikus
קסр	Seder Hadoroth	(Цезарь), Хозрой	(Caesar)
קרנא	Sabbath, 108 a	Корона	Corona
קרני	Jer. Baba Kama, 8	Корнѣй	Cornius
קירוס	Jer. Bezah, 2, fin	Киръ	Cyrus
קריסטוס	Jer. Sanh. 4, 2	Криспъ	Cryspus

Л.

Λάζαρος	Luc. 16, 20	Лазарь	לעזר
Это сирийская форма отъ евр. לעזר.			

Λεββαῖος	Mat. 10, 3	Леввій	לְבִי
Не есть-ли это упоминаемое въ Талмудѣ имя אָל.			
Λίνος	II Tim 4, 21	Линъ	לִינּוּס
(Linus)			
Λουκᾶς	Col. 4, 14	Лука	לּוּקᾶ
Въ Талмудѣ אָל (Aboda Sarah, 6 a)			
Λουκιος	Rom. 16, 21	Луцій	לּוּקִיּוֹס
(Lucius)			

Въ переводѣ на евр. לִינּוּס

Λουδία	Ib. 16, 14	Лидія	לִידִיָּא
Λυσάνος	Luc. 3, 1	Лизаній	לִיזַנִּיּוֹס
Λυσίας	Act. 23, 26	Лисій	לִיזִיָּאס
Λωϊς	II Tim. 1, 5	Лонда	לִוּיָּס

Это имя, вѣроятно, было или библейское אָל (I Sam. 25, 44) или талмудическое אָל.

ל

לְבִי	Berachoth, 27, b	Леидъ, Левій	Luis
לְבִי	Orochin	Левитій	{ Levitas
לְבִי	Aboth, 4, 4	Левитасъ	
לְבִי	Genesis-Raba, 98	Юліаній	Julianus
לְבִי	Jalkuth, Boah, 897	Юліанъ	Julianus
לְבִי	Jer. Chalah 2, 6	Юлита	Juhita
לְבִי	Jer. Sab, 3, 3	Леонтія	Leontius
לְבִי (לְבִי)	Jer. Berach. 3	Лео (Левъ)	Leo
לְבִי	Jebomoth, 12 a	Юлія	Julius
לְבִי (לְבִי)	Sanhedr. 36 a	Юль	Julus
לְבִי	Megillah, 13, b	(Линъ ?)	(Linus ?)
לְבִי	II Makk.	Лизимахъ	Lysimachus
לְבִי	Bechoroth, 38, b	Луканій	Lucanus
לְבִי	Jer. Sucah 4, 7	Лукархъ	Lucarchos

М.

Μάλλος	Joh. 18, 10	Малхъ	מַלְלוֹס
--------	-------------	-------	----------

Это имя раба, вѣроятно, по еврейски было: или מַלְלוֹס (матрость) или одно изъ двухъ именъ: מַלְלוֹחַ — Malluch (Ezr. 10, 32)

или מלך — Melech (I Chron. 8, 35 — царь; соответствуетъ европейскому—Василій).

Μανασ̄ς	Act. 13, 1	Мананлъ	מנחם
Μάρθα	Luc. 10, 38	Марса	מרת
Μαρία	Mat. 1, 6	Марія	מרים
Μάρκος (Marcus)	Act. 12, 13	Маркъ	מרקוס
Ματθῆος	Mat. 10, 3	Матей	מתי

Переводъ Делича совершенно неоснователенъ: 1) въ Библии это имя лгго—Mathatha (Езр. 10, 33) и 2) въ Талмудѣ מתי

Μαθθῆος	Act. 1, 23	Матей	מתי
---------	------------	-------	-----

Нужно перевести черезъ: 1) Библейское מתיחיה (Matthithiah) (Езр. 10, 43) или 2) Талмудическое מתיחיה.

Μησαων	Act. 21, 16	Мнасонъ	משון
--------	-------------	---------	------

.ד

מוד	Midr. Tanchuma Levit	Модъ	Modus
מנחם	Seder Hadoroth	Маниѣ	Manius
מנחם (מרי)	Pesachim, 83 a	Маріѣ	Marius
מבי	Seder Hadoroth	Мавіѣ	Mabius
מכסימ	Jer. Meashr. 5, fin	Мавсимъ	Maximus (?)

(Православн. календарь Янв. 23).

מלוד	Sanhedrin, 71 a	} Мелодій (?) Милетій (?)	Melodius
מנבז	Juma 37 a		} Монабазъ
מוסיו	Seder Hadoroth	Музіѣ	Musios
מכסיו	Jer. Beroch. 6, 6	Максіѣ	Maxius
מוטי	Jer. Sanh. 7, 11	Мотіѣ	Motius
מינה	Jer. Baba Mez. 4	Мина	Mina
מנילאוס	Ц Makk. 4, 28	Менелай	Menelaus
מילי	} Sabbath, 139, 1	} Миліѣ	} Milius
מלאה			
ממני	Seder Hadoroth	Маміанъ	Memenius (?)
מנחם	Midr. Koheleth	Манъ	Manus
מני	Baba Bathra 59, b	Маниѣ	Manius

מבאב	Baba Kama. 83 a	Маниюмій	
מבאב	II Makk.	Мнестъ	Mnestes
מבאב	Juma, 4. b		
Геленизированное библейское имя «Манасія».			
מבאב	Chulin, 43, b	Марій	Marius
מבאב	Seder Hadoroth	Маріамъ (муж.)	Mariamus
מבאב	Ibid	Марій	Marius
מבאב	Sucah, 32, b	Маріанъ	Marianus
מבאב	Jer. Berachoth, 7, 1	Марина	} Marinus
מבאב	Nidah, 37 a	Маринусъ	
מבאב	Sanhedrin, 5 a	Марса (муж. ?)	Martha
מבאב	Baba Kama 96 a	Тоже что Натанъ	Mathan
מבאב	Aboth, 4, 20	Маттеѣ	Matthius
מבאב	Baba Bathr 23, a	} Матнай	Mathnai
מבאב	Ib. 58 a		
מבאב		Матеїѣ	Mathias

N.

Νάρκισσος	Rom. 16, 11	Нарциссъ	נארציס
Νήρεας	Ib. 16, 15	Нирей	נירей
Νιγερ	Act. 13, 1	Нигерь (Niger)	ניג
Въ переводѣ מנר — напр. מנרתי			
Νικάνωρ	Ib. 6, 5	Никаноръ	ניקנ
Νικόδημος	Ioh. 3, 1	Никодимъ	ניקוד
Νικόλαος	Act. 6, 5	Николай	ניק
Νιμφάς	Col. 4, 15	Нимфанъ	נימ

.J

נבאב	Jebomoth, 66, b	Неаній	Neanias (?)
נבאב	Baba Kama 115 a	Насей	Nasius
נבאב	Juma, 22, b	Нилаѣ (?)	
נבאב	Gittin, 56 a	Неронъ	Nero
נבאב	Baba Bathr. 56, b	Нирей	Nireus
נבאב	Chulin, 45, b	Нилъ	Neilus (Nilus)
נבאב	Chagiga, 16, b	Нимъ	Nimus

По предположенію Zunz'a, это греческое имя Νόμος—Номъ.

נפנ	Juna 38 а	Никаноръ	Nicanor
נפנ	Pirke Aboth 1, 6	Нитай	Nathaios
נפנ	Begachoth, 23, b	Нуменій	Numenius

Значить, *новомъслече*, по евр. שנת שנה въ параллель съ именами другихъ праздниковъ.

בב	Baba Bathra 105 а	Номъ	Nennas
נפנ	Baba Bathra, 71 а	Никазіи	Nikasiaus
נפנ	Gittin, 56 а	Никодимъ	Nikodemon

Д.

Этой буквы нѣтъ въ еврейскомъ языкѣ, а потому и нѣтъ въ Евангеліи имени, начинающагося съ этой буквы.

М. Погорѣльскій.

(Продолженіе будетъ).

ЮДИОЪ ТРАХТЕНБЕРГЪ.

ПОВѢСТЬ КАРЛА ЭМИЛЯ ФРАНЦОЗА.

(Окончаніе).

XIV ¹.

Докторъ Рейзеръ былъ не мало удивленъ, когда, на слѣдующее утро, къ нему пришла Миріамъ съ порученіемъ отъ Юдионъ просить его не приходить къ ней въ этотъ день. Такъ какъ ей разрѣшено было выходить, то она намѣревалась посѣтить могилу своего отца.

— Это сильно разстроитъ ее, — сказалъ докторъ. — Скажите, что я настоятельно прошу ее повременить нѣсколько дней.

Но старуха повачала головой.

— Она и слушать не станетъ; да и вреда отъ этого не будетъ. Скорѣе повредитъ то, что она такъ долго будетъ напрасно стремиться къ этому. Съ тѣхъ поръ, какъ она пришла въ себя, у нея только и мысли, что о могилѣ. Если бы зависѣло отъ ея воли, то я давно должна была бы хоть усадить ее на повозку и свезти на кладбище. Но сегодня ее уже ничѣмъ не удержишь; она всю ночь глазъ не сомкнула отъ нетерпѣнія. Я полагаю, что ей нужно поговорить со своимъ отцомъ, — прибавила старуха такимъ спокойнымъ тономъ, какъ будто дѣло шло о посѣщеніи живого человѣка.

На слѣдующій день, докторъ, съ тяжелымъ предчувствіемъ,

---

¹ См. „Восходъ“, кн. XI.

вошелъ въ комнату Мириамъ, и чувство это усилилось, когда онъ взглянулъ въ лицо Юдиши. На немъ опять появилось то выраженіе мрачнаго спокойствія, которое стало свойственно ему со времени ея выздоровленія. „Такъ не смотрять селомыне къ примиренію“, подумалъ докторъ, и дѣйствительно, лишь только онъ сѣлъ, какъ она сказала:

— Не могу я согласиться, докторъ; я должна отказать.

— А сынъ? хорошо-ли вы обсудили этотъ вопросъ?

— И это обсудила, — отвѣтила она. — Для сына, правда, было бы лучше, если бы я согласилась. Неважно счастье быть евреемъ, а я дамъ ему въ придачу еще другое, худшее наслѣдство, которое рѣдко тяготѣетъ на еврейскомъ ребенкѣ: позоръ его рожденія. Но даже и для дѣтища своего нельзя идти на преступленіе, а креститься теперь было бы, съ моей стороны, преступленіемъ передъ Богомъ.

Докторъ глядѣлъ на нее, озадаченный.

— Этого я не ожидалъ! — сказалъ онъ. — Согласились же вы раньше креститься. Не отъ васъ зависѣло, если крещеніе не состоялось.

— Тогда! — возразила она. — Но что я знала тогда о Богѣ? Что знаютъ о Немъ вообще счастливые, невинные люди? А я была такъ исключительно счастлива! Конечно, я вѣрила въ Бога и, хотя предпочла бы тогда быть христіанкой, но довольна была и моею вѣрой, и молилась, всегда мнѣ оставалось еще что-нибудь желать. Короче, вѣра была для меня въ ту пору только одеждой; отчего мнѣ было не переѣхать ея на другую, болѣе удобную? Тѣмъ болѣе, что этого желалъ мой возлюбленный. Правда, не легко мнѣ было и тогда, но только потому, что эта переѣзъ удаляла меня отъ моихъ родныхъ. Оказалось, однако, что на меня не надѣли новой одежды. Я стала несчастна, стала виновна и узнала, что значить вѣра. Не одежда она, а самая суть душа; душу нельзя переѣхать... Я знаю, что вы хотите сказать, — нетерпѣливо

прибавила она, видя, что онъ собирается возражать, — что у всѣхъ насъ одинъ Отецъ на небесахъ. Много разъ уже слышала я это, да и сама такъ думала. Даже въ минуты самого глубокаго горя, для меня было утѣшеніемъ надѣяться, что когда-нибудь все люди будутъ такъ думать. Но выскнувъ въ мою судьбу и судьбу другихъ людей вокругъ меня, я перестала вѣрить въ это. Какъ? мы столько выстрадали за вѣру, а Богу наша вѣра не нужна! Для Него все равно, евреи мы или нѣтъ! Зачѣмъ же Онъ далъ намъ родиться евреями? Нѣтъ, Онъ знаетъ зачѣмъ это нужно. Но напрасно же тешутъ наши слезы, наша кровь, иначе Онъ не былъ бы высшею справедливостью, высшимъ милосердіемъ. Такъ лучше покориться Его волѣ, не брать на душу новой вины, — вѣдь я и безъ того уже достаточно провинилась передъ Богомъ.

— Передъ вашими, еврейскими? — печально сказалъ докторъ. — Я понимаю, что вы вернулись къ Нему, но все же Богъ одинъ, и нѣтъ Бога еврейскаго, или христіанскаго!.. Вы плохо знаете нашу вѣру. Изучите ее сначала хорошенько!..

— О! — дико вскричала она, — съ меня довольно и малаго!.. Это вѣра любви, вѣра человеколюбія, которая предписываетъ людямъ открывать свой домъ для богатой, красивой еврейки, если они должны деньги ей отцу, и если она привлекаетъ въ домъ молодыхъ господъ, которые съ нею могутъ свободнѣе разговаривать, чѣмъ съ христіанскими дамами!.. Еврейка не чувствуетъ отчужденія; для нея они такіе же люди, какъ и она; но для нихъ и она сама, и отецъ, и братъ ея — не люди, а евреи. Евреи же созданы для того, чтобы христіанинъ пользовался ихъ трудомъ, а еврейки — чтобы онъ забавлялся ихъ красотой. Если еврейка отдастъ христіанину свое сердце и бросаетъ все, чтобы слѣдовать за нимъ, то и тогда вѣра его предписываетъ ему помнить, что она еврейка. И это называется религіей милосердія!

Она судорожно зарыдала и, закусивъ руки въ свои волосы,

показала доктору прядь ихъ: въ этой золотисто-рыжей пряди была широкая бѣлая полоса.

— Миѣ двадцать два года, докторъ! Нужно ли еще что-нибудь прибавлять?

— Но развѣ евреи не содѣйствовали расширенію этой сѣдины? Вѣдь и въ ихъ законѣ написано: „Люби ближняго, какъ самого себя“; это даже главный догматъ ихъ вѣри, какъ и у христіанъ. А слѣдуютъ-ли они ему? Вспомните, какъ васъ приняли здѣсь!

— Такъ, какъ я заслужила, — ирачно возразила она. — Что они знали, что они знаютъ и теперь обо мнѣ, кромѣ того только, что я безчестная женщина, убійца своего отца? Но даже если вы правы, докторъ, если собственно для всѣхъ насъ писанъ одинъ законъ, и всѣ мы равно грѣшныя вретивъ него, то что же это означаетъ? — Только то, что когда-нибудь на землѣ, быть можетъ, наступать миръ и весна, но пока еще стоитъ зима и кипитъ война. Въ зимнее время люди сидятъ дома; въ военное время не ходятъ во вражескій станъ. И если — какъ вы говорите — и вангъ алтарь священенъ передъ Богомъ, то въ нравѣ-ли я осквернять его? Скажите сами, что должна была бы я чувствовать, склоняя голову надъ купелью, и что должна была бы я думать водъ бѣнцонъ? Не былъ ли бы это мой худшій грѣхъ, послѣ всего случившагося? А я боюсь Бога. Я должна думать о томъ, какъ судить бы мой отецъ, и уже одно это не позволяеть мнѣ принять вашъ совѣтъ. Это ясно представилось моему уму, когда я стояла вчера на его могилѣ: онъ былъ богобоязненный человѣкъ и никогда не посоветовалъ бы лгать передъ лицомъ Господа.

— Онъ былъ милосердный человѣкъ, — возразилъ докторъ, — и хорошо знаетъ, какъ велико долготерпѣніе Бога. Онъ самъ умѣлъ прощать...

— Свои обиды, но не преступленія передъ Богомъ, — сказала она дрожащимъ голосомъ. — Онъ говорилъ себѣ: „Дочь моя разбила мое сердце, Богъ накажетъ ее, но я прощаю. Настрадавшись,

пусть она почиётъ возлѣ меня, чтобы въ день судный, когда ангелъ пробудитъ насъ, она могла предстать предъ Судью объ руку со мною и съ моею женою". Вотъ, чего онъ хотѣлъ! Но, какъ ни тяжело было бы мнѣ потерять это наследіе, я принесла бы эту жертву для моего ребенка, но, если бы это не было преступленіемъ. Повторяю:—на преступленіе же я не пойду даже для него.

Докторъ глядѣлъ на ея блѣдное, мрачное, застывшее лицо, и не рѣшался возражать. Молча поднялся онъ со стула, пожалъ ей руку и направился къ двери. Но тихій возгласъ, похожій на вздохъ, заставилъ его обернуться. Онъ вопросительно поглядѣлъ на Юдью. Она стояла, наклонившись впередъ, трепещущая, съ залитымъ красною лицомъ.

— Еще одно слово,—прошептала она почти невнятно:—если онъ рѣшится...

Она остановилась.

— На что?—спросилъ докторъ.

Она глубоко вздохнула и безжизненно опустила руки.

— Нѣтъ, этого онъ не сдѣлаетъ. Не можетъ... Да и законы наши запрещаютъ... Онъ только сѣмѣетъ меня за то, что такая мысль могла придти мнѣ въ голову... Извините, докторъ, мнѣ нечего болѣе сказать.

Онъ настаивалъ, чтобы она высказалась.

— Нѣтъ... ничего,—отвѣтила она, и голосъ ея снова сталъ твердымъ и рѣшительнымъ.

Докторъ ушелъ. Ему предстояла теперь тяжелая обязанность передать отвѣтъ ея графу. Впрочемъ, тотъ принялъ его спокойнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. При первыхъ словахъ, онъ страшно поблѣднѣлъ и побормоталъ:—И вамъ напередъ говорить...

Но слушая далѣе отчетъ врача, онъ ничѣмъ не обнаруживалъ своего волненія, кромѣ нервнаго постукиванія пальцами по столу.

— Какъ Богу угодно,—сказалъ онъ, когда тотъ кончилъ.—

Я могу утѣшать себя, но крайней мѣрѣ, тѣмъ, что я сдѣлалъ все, что могъ. И если она будетъ жаловаться, то вы не откажетесь засвидѣтельствовать, что я готовъ былъ исполнить всѣ ея требованія.

— Да,—но не на доброй волѣ!—коротко возразилъ докторъ. Последнія слова графа раздражили его, но лишь на минуту; онъ считалъ себя, что они вполне понятны въ устахъ этого слабого человѣка, которымъ движетъ не только раскаянiе, но и страхъ. Чтобы въ точности исполнить свое порученiе, докторъ передалъ графу и послѣднiя слова Юдина.

Онъ произвели на него сильное впечатлѣнiе: онъ некраснѣлъ, вспыхнулъ съ мѣста и вскричалъ, съ отрицательнымъ жестомъ:

— Это невозможно! Скорѣе на матергу!.. И какъ она можетъ предлагать?

— Она ничего не предлагаетъ,—возразилъ врачъ.—Она даже не сказала мнѣ, въ чемъ дѣло; да я и не спрашивалъ.

„Недурной онъ человѣкъ, — размышлялъ докторъ, сходя съ лѣстницы,—и полемение это въ самомъ дѣлѣ неведомое: но какой слабохарактерный! Я убѣжденъ, что твердости его не хватитъ и на три дня, и онъ опять придетъ ко мнѣ умолять, чтобы я сдѣлалъ новую попытку“.

Онъ немножко ошибся: Агеноръ пришелъ къ нему уже въ тотъ же самый вечеръ.

— Поговорите съ Рафаиломъ,—просилъ онъ.—Это единственный человѣкъ, который можетъ имѣть на нее влiянiе. Для него не можетъ быть безразлично, живетъ-ли его сестра въ вѣсточкѣ въ качествѣ опозоренной женщины или въ качествѣ моей жены.

Но докторъ настроѣвъ отказался.

— Это было бы напрасно,—отвѣтилъ онъ.—Для Рафаила она умерла.

Никакiя просьбы не могли поколебать его рѣшенiя.

И однако, на слѣдующее утро, этотъ добрый человѣкъ пошелъ

къ Рафаилу. Чего не могъ достигнуть графъ, того достигла Мириамъ Гольдъ. Едва узнавъ Агенора, какъ она робко проскользнула въ кабинетъ доктора и разсипалась въ измѣненіяхъ, что обезпеконна его въ такой поздній часъ.—Но я должна была сдѣлать это,—увѣряла она.—Сердце кричало мнѣ: „Ты обязана сходить къ доктору!“ Я и пошла!

— Говорите, Мириамъ, что вамъ нужно,—сказалъ Рейзеръ. Но относительно примиренія съ графомъ я не возьму на себя божье никакихъ попытокъ.

— Кто объ этомъ говорить?—отвѣтила Мириамъ.—Хвала и благодареніе Богу, что примиреніе не удалось. Пока вы говорили съ Юдиной, я молилась: „Господи! не допусти до этого! Докторъ нашъ—человѣкъ здравомыслящій, но помрачи его умъ на этотъ разъ! заставь его говорить бессмыслицы и не дозволай ему убѣдить ее!“ Зачѣмъ я объ этомъ молила? Не для того-ли, чтобы она не отпала отъ своей вѣры?—Нѣтъ! Я знаю Бога лучше, чѣмъ кто-либо. Я сердцею познала Его. Онъ былъ милосердъ къ моей Девѣ, будетъ милосердъ и къ Юдиной. Или потому я молила объ этомъ, что бравъ ея былъ бы несчастливъ? Но развѣ иначе она будетъ счастлива?—Нѣтъ, и не по этому.—Она понизила голосъ до шопота.

— Мы должны быть осторожны, докторъ, иначе не миновать несчастія! Въ ея душѣ происходитъ что-то нехорошее. Это бѣдная пташка, которой хочется улетѣть, но нѣсколько нитей еще крѣпко привязываютъ ее къ землѣ. Ей нужно еще позаботиться о своемъ ребенкѣ, возстановить себя въ людскомъ мнѣніи, исполнить волю Божию. Покуда она тернитъ позоръ и гоненіе, она будетъ жить, такъ какъ видитъ въ этомъ искупленіе своей вины. Но какъ скоро она сдѣлается женою Агенора, честь ея будетъ возстановлена, ребенокъ обезпеченъ и гоненіе прекратится. Тогда всѣ нити будутъ обрѣзаны и бѣдная пташка улетитъ...

— Мнѣ и въ голову не приходило опасаться этого,—сказалъ докторъ.—Развѣ она намекала вамъ что-нибудь?

— Нѣтъ, но когда живешь съ человѣкомъ, когда слышишь каждый его вздохъ... Ну, вамъ не удалось, и слава Богу! Только мнѣ хотѣлось бы привязать ее еще одной ниточкой. Сердце ея обливается кровью отъ гнѣва Рафаила; какое было бы счастье, еслибы они помирились! Правда,—старуха провела пальцемъ по воздуху, словно дѣйствительно видѣла нити,—правда, тогда ослабла бы другая ниточка: гоненію. Но совѣсть она не порвется,—я знаю нашъ народъ... Такъ вотъ, докторъ: у васъ такое доброе сердце, а она такъ несчастна,—не поговорите-ли вы съ Рафаиломъ?

— Это будетъ бесполезно,—отвѣтилъ онъ ей, какъ и графу; но, впрочемъ, общалъ попытаться.

Но придя къ Рафаилу и взглянувъ ему въ лицо, онъ потерялъ всякую надежду; это было лицо врачаго, страдающаго челоуѣка, а не двадцати-трехлѣтняго юноши. Едва докторъ коснулся цѣли своего посѣщенія, какъ Рафаилъ поднялся съ мѣста.

— Докторъ,—сказалъ онъ спокойнымъ и холоднымъ тономъ,—это ния не должно быть произносимо въ моемъ домѣ. Я не могу допустить этого даже въ томъ случаѣ, ежели гость мой исполняетъ долгъ совѣсти. Нѣсколько дней тому назадъ, ко мнѣ приходили старѣйшины общины и требовали, чтобы я принялъ наконецъ мѣрны ко включенію мальчика въ израильскій союзъ. Я долженъ былъ отвѣтить, что не считаю себя ни въ правѣ, ни обязаннымъ вмѣшиваться въ это дѣло. А то было дѣло священное.

— Не священнѣе того, которое меня привело къ вамъ,—возразилъ врачъ,—и если вы терпѣливо выслушали старѣйшинъ, то, надѣясь, не откажетесь выслушать и меня.

И онъ въ прѣстныхъ и сжатыхъ словахъ, какъ обыкновенно говорилъ, рассказалъ исторію Юдионъ; ему казалось, что самое жесткое сердце должно смягчиться передъ такимъ несчастьемъ. Онъ

не скрнлъ и предложенія графа жениться, и причины, почему Юдиень отказала ему.

Рафаилъ слушалъ и неподвижно глядѣлъ въ сторону, не подавая ни малѣйшаго признака нетерпѣнія. Но когда онъ повернулся потомъ къ доктору, тотъ сейчасъ же понялъ, что говорилъ напрасно; человекъ съ такимъ выраженіемъ лица разучился состраданію.

— Вы сказали мнѣ мало новаго, — отвѣтилъ онъ. — Конечно, судьба ея жестока; вы называете ее не заслуженной, а я — заслуженной; рѣшать между нами подлежитъ Тому, Кто послалъ ей такую судьбу. Я же, съ моей стороны, — не желаю ни отягчать, ни облегчать ее. „Мнѣ отищеніе“ сказалъ Господь, — а для меня она умерла. Я продолжаю считать ее мертвой и теперь, послѣ всего, что вы мнѣ рассказали. Вы увѣряете, что она не легкомысленно бросила свою честь, а была обманута; пускай же она и винить обманщика, а съ меня довольно и того, что она, береженое дитя лучшаго изъ отцовъ, сдѣлалась опозоренною женщиной, — первою такою, въ теченіе вѣковъ, изъ женщинъ ея вѣры въ этомъ городѣ. Вы говорите, что она не хочетъ сдѣлаться христіанкою: но, по моему, это не заслуга, а долгъ. Что-же касается до ея раскаянія, то оно не воскреситъ моего отца и не смоетъ позора съ нашего имени...

— Г. Трахтенбергъ, вы обнаруживаете рѣдкое жестокосердіе.

— Можетъ быть, но не такое сильное какою была моя любовь, къ ней, — возразилъ молодой еврей, и голосъ его впервые дрогнулъ, Уходя отъ него, врачъ увидѣлъ у подвѣзда экипажъ Агенора.

— Графъ у комиссара Гросцы, — пояснилъ Федька.

„Ужъ не явился ли онъ отдать себя въ руки правосудія“? подумалъ докторъ. Ему опять вспомнились странныя слова Миріамъ; онъ не придавалъ имъ вѣры, и, однако, они тяжело лежали у него на сердцѣ. Ниточку уже нельзя болѣе связать, она порвалась навсегда.

Подъ вечеръ, когда онъ вернулся съ объѣзда своихъ пациен-

товъ, слуга доложилъ ему, что его спрашивали графъ Барановскій и старуха Мириамъ, и эта послѣдняя просила немедленно дать ей знать, когда докторъ вернется.

— Такъ поди, извѣсти ее,—сказалъ врачъ.

Едва успѣлъ усталый старикъ усесться въ свое кресло, какъ вошелъ графъ. Онъ имѣлъ нехорошій видъ, и взглядъ его былъ нетвердъ.

— Простите,—началъ онъ,—но я не могъ ждать. Оедьба сказалъ мнѣ, что вы были-таки сегодня у Рафаила. Что же онъ вамъ сказалъ?

Докторъ передалъ.

— Стало быть,—сказалъ Барановскій,—мнѣ не зачѣмъ расканяться въ шагѣ, который я сдѣлалъ сегодня. А я уже думалъ, что, можетъ быть, онъ былъ преждевременнымъ.

Неувѣренный тонъ его противорѣчалъ словамъ; онъ глубоко вздохнулъ и прибавилъ: я былъ у Гросцы. Слѣдуя совѣту моего повѣреннаго, я самъ сознался ему во всемъ.

— Какъ же онъ принялъ это?

— Хуже, чѣмъ я ожидалъ. Правда, онъ не сказалъ мнѣ ничего обиднаго, но глядѣлъ на меня мрачно и, прощаясь, не подалъ мнѣ руки. Онъ съ особеннымъ удареніемъ сказалъ мнѣ, что будетъ ожидать моего слѣдующаго посѣщенія въ судебной камерѣ и пригласилъ явиться туда завтра, въ 11 часовъ утра... Ну, что Богъ дастъ! Во всякомъ случаѣ, это былъ не опрометчивый...

Докторъ, глядѣвшій въ это время на улицу, вдругъ вскочилъ со стула, схватилъ графа за плечи и втолкнулъ его въ смежную комнату. Онъ увидѣлъ, что вслѣдъ за его слугой идетъ къ его дому сама Юдиобъ съ ребенкомъ на рукахъ.

— Вы можете слушать—шепнулъ онъ Агенору и, притворивъ за собою дверь, пошелъ навстрѣчу молодой женщинѣ.

Щеки ея пылали, глаза блестя были возбужденіемъ.

— Вы—мой единственный другъ,—начала она:—вы не раз-

сѣрдитесь, что я пришла къ вамъ за совѣтомъ. Сегодня въ полдень курьеръ изъ суда принесъ мнѣ вотъ эту бумагу.

Она развернула листъ: „Комиссаръ Гросца приглашаетъ васъ явиться завтра въ 11 час. утра, въ качествѣ свидѣтельницы по дѣлу...“

— Вы, конечно, угадали, по какому дѣлу? Во всякомъ случаѣ, я могу сообщить вамъ, что дѣло идетъ дѣйствительно о графѣ. Онъ самъ отдалъ себя въ руки суда.

— А! Чтобы смягчить наказаніе!

— А хотя бы и такъ, развѣ можно ставить ему это въ вину? Онъ достаточно доказалъ вамъ свое раскаяніе, но вы остались непримиримы, и онъ не сталъ ждать выполненія вашихъ угрозъ. Завтра вы встрѣтитесь съ нимъ на судѣ—онъ приглашенъ въ тотъ же самый часъ, въ качествѣ обвиняемаго.

— Нѣтъ, нѣтъ!—вскричала она,—я не хочу его видѣть!

Докторъ поглядѣлъ на нее. Она стояла передъ нимъ, выпрямившись; стройный станъ ея и благородныя черты лица, оживленныя легкимъ румянцемъ, сіяли отблескомъ былой красоты. Но какой глубокой слѣдъ наложило горе на эти черты! Какой потрясающій контрастъ составляли сѣдые волосы съ молодымъ оваломъ лица! Доктору трудно было выдержать тонъ, какимъ онъ началъ говорить съ нею, но это было необходимо.

— Отчего вы не хотите видѣть его?—спросилъ онъ.—Я нахожу, что Гросца поступаетъ практично, приглашая васъ обоимъ вмѣстѣ; это ускоритъ процессъ, и графъ скорѣе подвергнется заслуженному наказанію. Вамъ нѣтъ надобности брать съ собою сына, когда вы пойдете завтра излагать ваше обвиненіе, на основаніи котораго отца отведутъ въ тюрьму.

— Докторъ,—вскричала она,—неужели и вы противъ меня?.. Не могу же я сдѣлаться христіанкой... Что же мнѣ дѣлать?

— Онъ самъ скажетъ вамъ это,—отвѣтилъ врачъ.

На порогъ отворенной двери стоялъ Агеноръ. Увидѣвъ его,

Юдинов тихо вскрикнула и поматнулась; графъ нѣсколько минутъ глядѣлъ на нее въ ошѣненіи, потомъ, зарыдавъ, упалъ къ ея ногамъ.

— Юдинов, прости меня, прости!.. Тебѣ не нужно креститься... Мы поѣдемъ въ Веймаръ и тамъ обвинчаемся. Блянусь тебѣ въ этомъ Всемогущимъ Богомъ!

У нея закрылись глаза; докторъ бросился къ ней, взялъ изъ ея рукъ ребенка и посадилъ ее на стулъ.

— Это только обморокъ, — утѣшилъ онъ графа.

XV.

Четыре мѣсяца спустя, послѣ цѣлой недѣли сентябрьскихъ бурь и дождей, наступило ясное, теплое воскресенье. Дождя нигде втайнѣ радовались, такъ какъ они служили оправданіемъ передъ г-омъ Штигле въ томъ, что обыватели не выставляютъ на своихъ домахъ флаговъ и другихъ украшеній. Но уже въ пятницу облака разсѣялись, а въ субботу засіяло яркое солнце, высушившее улицы и стѣны. Христіане стали поспѣшно нагонять потерянное время; евреи же, которымъ законъ ихъ не позволялъ ничего дѣлать въ этотъ день до самыхъ сумерокъ, упрямилась съ украшеніемъ своихъ домовъ только поздно ночью. Обыватели повиновались приказанію г-на Штигле, который объявилъ, что графъ не проститъ никому, кто не украситъ своего дома. Но никогда еще вѣнки изъ зелени и гирлянды изъ цвѣтной бумаги, развѣшываемыя отъ окна къ окну, не плелись съ такою злобой, какъ въ этотъ разъ, при чемъ всѣ еще надѣялись, что въ утро торжественнаго дня выпадетъ хорошій дождь. Однако, надежда не сбылась: день наступилъ солнечный и теплый, какъ въ іюнь.

— Все ей удастся, даже и въ этомъ ей везетъ! — шептали обыватели.

И, однако, всѣ облачались въ свои праздничныя платья и выходили на улицу встрѣчать графа Агенора Барановскаго и его

жену, еврейку Юдию Трахтенбергъ, обвиняемую съ нимъ, два мѣсяца тому назадъ, веймарскимъ бургомистромъ.

Пріѣзжій, которому случилось бы быть въ этомъ мѣстечкѣ почти ровно за два года назадъ при вѣздѣ новаго владѣльца, едва-ли нашелъ бы какую-нибудь вѣшнюю разницу между этими двумя встрѣчами. Какъ и тогда, выслалась триумфальная арка; а толпа на улицахъ была еще больше, такъ какъ сотни людей сбѣжались изъ окрестностей посмотреть на чудо. Уже и то было бы неслыханнымъ дѣломъ для жителей этого округа, если бы слухъ о бракѣ графа подтвердился въ своей первоначальной формѣ: дворянинъ стариннаго рода, носитель одного изъ знатнѣйшихъ именъ Подолин, возвысилъ до себя крещеную еврейку! А тутъ еще оказалось, что христіанинъ женился на еврейкѣ безъ участія священника и алтара, безъ благословенія Бога! И нашлась же такая страна на землѣ, гдѣ это обаялось возможнымъ; нашлись такіе люди, которые не убоялись, что за подобное преступленіе ихъ поразитъ громъ небесный! И громъ не грянулъ, земля не дрогнула въ этотъ день!.. Все это было непонятно, все это въ конецъ сбывало съ толку установившіяся понятія и чувства людей; но фактъ этотъ случился далеко, за сотни миль отъ нихъ, и звучалъ для нихъ ушей чѣмъ-то въ родѣ легенды. Быть можетъ, это случилось въ той странѣ, гдѣ, какъ рассказываютъ, рядомъ съ бѣлыми людьми живутъ черные и желтые люди. Да, черные, совсѣмъ черные; но ихъ никто не видалъ въ Подолин, а кто уѣзжалъ въ эту страну, тотъ уже не возвращался. Можетъ быть, по законамъ той страны графъ съ еврейкой и признаются вѣнчанною четой, но въ такомъ случаѣ они должны и оставаться тамъ. Посмѣютъ-ли они дышать тѣмъ воздухомъ, какимъ дышутъ люди, вѣрующіе въ Бога?—Легенда превратилась въ истинное, хотя непонятное чудо только тогда, когда прошелъ слухъ, что они возвращаются. „Самъ императоръ разрѣшилъ имъ возвратиться“... Теперь, конечно, ихъ уже ничто не могло удивить, ни даже приказаніе торжественно встрѣ-

чать новобрачныхъ. Почему нѣтъ? Вѣдь оба онѣ уже потеряли всякое чувство стыда и всякій страхъ Бога; они хотятъ испытать божеское и людско долготерпѣніе. Разсуждая такимъ образомъ, люди прибавляли: „Не обочились бы они!“ Много было толковъ также и о томъ, позволительно-ли върующимъ глядѣть на подобное зрѣлище.

— Пойдете-ли вы глядѣть, какъ человекъ везетъ волчицу въ качествѣ своей законной жены?—воскликала почтенный деканъ мѣстнаго костела.—Вѣдь и это не меньшее преступленіе!

И странно то, что такое же сравненіе сдѣлалъ и благочестивѣйшій изъ мѣстныхъ раввиновъ. Многіе полагали, что грѣшникамъ не слѣдуетъ доставлять даже такого торжества, какъ созерцаніе ихъ огромной толпой народа, а иные не желали присутствовать, если толпа, въ справедливомъ негодованіи, вздумаетъ по своему расправиться съ преступниками.

Тѣмъ не менѣе, когда взошло солнце въ день вѣзда, извсѣхъ окрестностей на пять миль въ окружности повалили въ мѣстечко сотни народа; бургеры, крестьяне, евреи тянулись туда конныя, пѣшіе и въ экипажахъ; отсутствовали только дворянство и духовенство. Среди добровольныхъ участниковъ встрѣчи, находились и призванные г-омъ Штигле триста крестьянъ и дворовыхъ людей изъ графскихъ имѣній и фермъ,—все пожилые, солидные люди, которые должны были образовать собою шпалеры.

— Вы призваны сюда для поддержанія порядка—объяснилъ имъ Штигле.—Нашему господину и его избранницѣ должна быть сдѣлана достойная встрѣча.

Онъ ничего не прибавилъ, зная что эти люди поняли его и исполнять свой долгъ въ случаѣ надобности.

Никто не могъ пока предсказать, встрѣтится-ли такая надобность, ни даже этотъ осторожный, предусмотрительный человекъ, хорошо знавшій жителей мѣстечка. Онъ могъ утѣшать себя только тѣмъ, что не его будетъ вина, если дѣло дойдетъ до печальныхъ

событій. Когда нѣсколько недѣль тому назадъ, онъ получилъ отъ графа изъ Вѣны эстафету съ извѣщеніемъ, что князь Меттернихъ предписалъ мѣстному начальству, молча, признать бракъ Барановскаго правильнымъ и сына его, крещенаго въ католическую вѣру, узаконеннымъ, и что графъ желаетъ, чтобы, при возвращеніи, ему была сдѣлана торжественная встрѣча, — вѣрный швабъ отговѣтовалъ ему эту вѣру, ссылаясь на общее настроеніе умовъ. Но совѣтъ не былъ принятъ. Новая эстафета подтвердила первую, прибавивъ, что „графиня непременно желаетъ этого“. — „Графиня!“ — даже панъ Штигле, не любившій только долговъ да безпорядковъ, но не презиравшій никакой религій, даже онъ не могъ удержаться отъ злобной усмѣшки при этомъ титулѣ; тѣмъ не менѣе онъ исполнилъ свою обязанность. Обыватели новиновались его распоряженіямъ, и, выйдя по-утру, въ день вѣзда, осмотрѣвъ украшенія домовъ, онъ остался доволенъ. Только доминиканскій монастырь, да домъ раввина не выставили ни флаговъ, ни вѣнковъ. Настоятеля швабъ и не пытался принуждать къ этому, раввинъ же отвѣтилъ ему, что онъ боится Бога болѣе, чѣмъ графа. Не украсилъ своего дома также и панъ Гросца; окна его были заперты, занавѣсы опущены. Управляющему онъ отвѣчалъ:

— Я потому только не сдѣлался, весной, судьей графа, что не явился обвинитель, и я могъ отнестись къ его сознанию, какъ къ дѣлу частному. Но привѣтствовать его я не желаю.

Все это было еще понятно, но чего Штигле не могъ ни понять, ни простить, такъ это то, что братъ „графини“ не выставилъ на своемъ домѣ ни одного флага. Управляющему было не безызвѣстно, что въ послѣднее время Юдией нѣсколько разъ обмѣнивалась письмами съ Рафайломъ, хотя, очевидно, до приниренія дѣло все-таки не дошло. Чего-же, однако, требовалъ еще этотъ мрачный, истительный человекъ?

Во время обхода мѣстечка и разстановки крестьянъ шалерами, г-омъ Штигле овладѣли серьезныя заботы. Правда, на

этихъ честныхъ людей можно было положиться, а тѣснившаяся за ними толпа слишкомъ труслива для насильственныхъ дѣйствій; но что, если раздадутся оскорбительные крики? если произойдетъ скандалъ? Буда ни обращалъ онъ свои взоры, всюду встрѣчали они врачныя или насмѣшливыя лица.

— Панъ Иваничій, я полагаюсь на вашу предусмотрительность,—обратился онъ къ маленькому, горбтому сапожнику, который, какъ ему было извѣстно, пользовался большимъ вліяніемъ среди своихъ.

— Конечно, конечно! — отвѣтилъ этотъ жокакъ. — Если-бы только знать, что намъ кричать. Какъ по жидовски „да здравствуетъ“?

А когда, съ такимъ-же внушеніемъ, управляющій Штигле обратился, у триумфальной арки, къ еврейскому старшинѣ, Симону Трагману, тотъ смѣренно отвѣчалъ:

— Мы исполнили ваше приказаніе, вышли встрѣчать; но если нашъ народъ не будетъ въ силахъ подавить своего негодованія, то что-же намъ дѣлать?

— Негодованія? — вскричалъ Штигле. — Да это вашъ триумфъ, какого вы никогда еще и не переживали!

Старый Симонъ повачалъ головой.

— Что Богу противно, то не можетъ насъ радовать. Богу угодно, чтобы еврейская дѣвушка выходила замужъ за еврея, и чтобы дѣти ея были евреями.

Единственный человекъ, на лицѣ котораго было написано полное удовольствіе, былъ мѣстный Демосеонъ, панъ бугомистръ. Онъ заучилъ прекраснѣйшую рѣчь, въ которой намѣревался изложить исторію обоихъ вѣроисповѣданій и показать могущество любви. И нужно же было, чтобы именно ему панъ Штигле испортилъ удовольствіе, предупредивъ его, что графъ желаетъ, чтобы привѣтственные рѣчи были какъ можно короче.

Затѣмъ управляющій выслалъ отрядъ конныхъ крестьянъ навстрѣчу къ владѣльцу и, вставъ у триумфальной арки, съ без-

покойствомъ прислушивался къ возгласамъ, вылетающимъ изъ толпы. А въ возгласахъ не было недостатка, уже потому, что надо же было убить время. Остроумный сапожникъ и его друзья придумывали все новыя переводы выговоровъ на еврейскій языкъ и потѣшались, выкрикивая ихъ. Они забавлялись еще и тѣмъ, что предлагали свою руку находившимся въ толпѣ евреямъ, прибавляя: „вѣдь это разрѣшено императоромъ“. Еврейки визжали и не ходили за словомъ въ карманъ; мужья ихъ вступались за нихъ, кое гдѣ пускались въ ходъ кулаки, но далѣе тумановъ дѣло не заходило. Если гдѣ-нибудь грозила завязаться кровопролитная драка, то графскіе крестьяне, вооруженные бердынами, тотчасъ возстанавливали спокойствіе. Какъ ни туго глядѣли они, однако, каждый изъ нихъ сознавалъ, зачѣмъ онъ призванъ, и что предписываетъ ему честь его господина. Иногда и въ толпѣ какой-нибудь благообразный человѣкъ восклицалъ умиротворяющимъ тономъ:

— Зачѣмъ намъ драться? Вѣдь всё мы одинаково желали бы, чтобы этого грѣха не совершалось!

Такія слова всюду оказывали свое дѣйствіе, и трудно рѣшить, кто горячѣе откликался на нихъ, христіане или евреи. Только передъ домомъ Трахтенберга миръ между кафтаномъ и курткою никакъ не могъ восстановиться.

— Мы должны были выставить флаги, а еврей не выставилъ ихъ!—кричали христіане.

— Онъ правъ!—защищали его его единовѣрцы.—На него всего тяжелѣе падаетъ этотъ позоръ.

— Для насъ позоръ, а для васъ честь!

Уже поднимались палки, когда какой-то шутникъ крикнулъ:—

— Въ этомъ же домѣ и Вроблевскій жилъ. Да здравствуетъ панъ Вроблевскій!

Шутка была встрѣчена оглушительнымъ взрывомъ хохота. Всѣ знали, что этотъ ненавистный народу человѣкъ, прогнанный адвокатомъ изъ замка графа, уже съ весны проживаетъ въ домѣ одного

изъ окрестныхъ фермеровъ, чловѣка дурной репутаціи, и существуетъ на счетъ позора своей жены...

Было только два чловѣка въ мѣстечкѣ, которые радовались прїѣзду графской четы, видя въ немъ благотворную руку Промысла; но и между чувствами этихъ двухъ людей было глубокая, ненаполнимая пропасть. Въ бѣдной комнаткѣ, въ Рошкевѣ, уже долгіе часы сидѣла въ своемъ креслѣ, въ ожиданіи, Мириамъ Гольдъ. Чуть забрезжило утро, какъ она разбудила свою служанку и велѣла ей украсить чѣмъ можно комнату и дать ей, Мириамъ, то платье, которое она надѣвала въ праздники. Служанка, дѣвушка изъ гетто, жившая за хорошее жалованье у чудной старухи, такъ щедро обезпеченной Юдицью, что изъ нищей она сдѣлалась благотворительницей—повиновалась безпрекословно, зная, что возраженія были бы напрасны. Она полагала, что разумъ старухи слабѣетъ, какъ и ея силы. Дѣло въ томъ, что Мириамъ, въ прежнія времена шедшая своимъ жизненнымъ путемъ съ несокрушимую твердостью, хотя и сгибалась подъ бременемъ нужды и нищеты, а съ тѣхъ поръ, какъ Вогъ отырылъ ей, „на что нужно ея раскаяніе“, заботившаяся, трудившаяся и бодрствовавшая для Юдиной и ея ребенка, словно къ ней возвратились силы ея молодости,—со времени примиренія Юдиной съ графомъ стала видимо слабѣть и гаснуть изъ недѣли въ недѣлю. Впрочемъ, она не жаловалась и говорила, съ блѣдной улыбкой на увядшихъ губахъ:

„Онъ знаетъ, что дѣлаетъ, и моя задача на землѣ кончена!“
 Когда распространилась вѣсть о веймарскомъ бракѣ, и обитатели гетто не находили словъ для выраженія своего изумленія и своихъ проклятій, старуха еще выше подняла голову. „Я знала, что такъ будетъ,—говорила она своей служанкѣ, но я не надѣялась, что Вогъ приведетъ меня дожить до этого. А какъ дитя мое возрадуется при этой вѣсти!—вѣдь и тамъ тоже узнаютъ...“
 Служанка разболтала объ этихъ словахъ, и нашлись ревнители, пришедшіе въ бѣдный домишко въ предмѣстїи, чтобы укорять

старую грѣшницу. Но при видѣ высохшей старухи, дни которой, видимо, были уже сочтены, ни у кого не хватило духа вступать съ нею въ пререканія. Однако, они ошиблись. Миріамъ продолжала жить. Даже докторъ Рейзеръ, навѣщавшій ее иногда по собственному побужденію—она никогда не носила за нимъ—даже онъ удивлялся этому. Старуха всегда была очень рада видѣть его, но вина, которое онъ прописывалъ ей въ подкрѣпленіе, она не пила. „Онъ не дастъ мнѣ умереть прежде времени,—говорила она.—Я надѣюсь, что Онъ въ своемъ милосердіи приведетъ меня дожить и до величайшей радости въ моей жизни.“ Когда докторъ спросилъ ее, что она хочетъ сказать, старуха сказала съ загадочной улыбкой: „Скоро и вы воѣ узнаете ее,—какъ только это случится, я, въ послѣдній разъ, пойду въ школу (въ синагогу).“ Рейзеръ не допрашивалъ ее и рассказалъ, что Юднѣ просилъ его въ письмѣ навѣщать иногда ее „благодѣтельницу.“

— Глупости!—вскричала старуха.—Это она спасла меня! Глупости также и то, что я говорила вамъ, докторъ, о птицѣ, которая хочетъ улетѣть! Этого Юднѣ не сдѣлаетъ,—не пойдетъ наперекоръ мнѣ и Ему! Она должна теперь понять, что Богъ избралъ ее орудіемъ откровенія своей воли бѣднымъ, слѣпымъ людямъ; а это такая нить, которая не порвется.

Докторъ слушалъ ее, тронутый. „Многіе-ли изъ великихъ умовъ,—думалъ онъ,—способны возвыситься до такой гуманности, до какой возвысило эту простую еврейку ее личное страданіе?“

Черезъ нѣсколько дней, онъ узналъ, чего ждала Миріамъ. Когда пришло извѣстіе о вѣнечайшей резолюціи и о предстоящемъ торжественномъ въѣздѣ графской четы въ мѣстечко, старуха, въ первый разъ со времени своей болѣзни, пригласила къ себѣ Рейзера. „Простите, докторъ,—сказала она,—но мнѣ хотѣлось подѣлиться моею радостью хотя съ однимъ человекомъ. Какъ Онъ великъ и милосердъ!“ А въ слѣдующую субботу она надѣла свое лучшее платье и, опираясь на руку служанки, пошла въ „школу“.

Много разъ на пути она готова была упасть, но, собравшись съ силами, дошла до дверей синагоги. Люди съ удивленіемъ глядѣли, когда она ковыляла мимо нихъ.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ, она приходила въ синагогу только украдкой и, проскользнувъ въ „женскую школу“ уже послѣ того, какъ служба началась, пряталась тамъ въ углу. Теперь же, если кто-нибудь стоялъ на ея пути, она повелительно кричала: — „Дайте дорогу! дайте дорогу матери Лев!“ И какъ ни удивляли евреевъ эти дерзкія слова, однако, всѣ сторонились передъ страннымъ блескомъ глазъ на этомъ мертвенно-блѣдномъ, страшно похудаломъ лицѣ. „Помѣшанная!“ — думали одни; „умирающая!“ — говорили себѣ другіе, и всѣ давали дорогу. Какъ побѣдительница, вошла старуха въ ряды молящихся и, какъ побѣдительница, вышла изъ нихъ. „Это мой послѣдній выходъ, — сказала она своей служанкѣ, — и это платье я надѣну еще всего одинъ разъ!“

День этотъ насталъ, и хотя было еще очень рано, но старуха торопила служанку, пока та не убрала все по ея желанію. Послѣ этого, она велѣла настѣжь отворить окна, чтобы слышать выстрѣлы изъ мортиръ, которые возвѣстятъ о вѣздѣ, открыла свою книгу псалмовъ и отослала служанку. „Не лучше-ли мнѣ остаться, те-тушка Миріамъ? — возразила та. — Нравно вамъ что-нибудь понадобится.“ — „Глупая! сегодня-то? — улыбаясь, сказала старуха. — Что мнѣ можетъ еще понадобится?“

Былъ еще одинъ человѣкъ въ мѣстечкѣ, который съ нетерпѣн-нѣемъ ждалъ вѣзда и также благодарилъ Бога за то, что онъ далъ ему дожить до этого дня; но мысли его обращались къ дру-гому Богу — къ Богу мести, воздающему грѣшнику за грѣхи, по-пирающему въ прахъ голову гордеца. Рафаилъ, гордо поднявъ блѣдное лицо, въ возбужденіи ходилъ по своей комнатѣ, и въ душѣ его ясно сказывалось только одно чувство, заглушавшее всѣ другія: пятно, которое гордый христіанинъ, въ сознаніи своего могущества, нанесъ еврейскому дому, будетъ смыто въ этотъ день

до послѣдняго слѣда. Графъ женился на еврейкѣ и торжественно вѣвъ ее, неоступившуюся отъ своей вѣры, въ замокъ своихъ предковъ.

Что онъ чувствуетъ—это его дѣло; если страдаетъ, то страданіе заслужено. Хвала и благодареніе Промислу! И если Агеноръ—какъ писала изъ Вѣны Юдиень—согласенъ даже на такое удовлетвореніе, какого Рафаилъ не рѣшался и требовать: если онъ готовъ, при вѣздѣ въ мѣстечко, остановиться у его дома и зайти къ нему вѣвѣтъ съ его похищенной сестрой, испросить заднимъ числомъ его согласія на бракъ, — то хотя бы это былъ самый горькій часъ въ жизни графа, онъ заслужилъ это справедливое наказаніе, и Юдиень, требуя этого, требовала лишь того, чѣмъ онъ былъ обязанъ передъ нею и ея семьей... Да, Богъ все направилъ къ лучшему, и чѣмъ громче ревѣла на улицѣ толпа, тѣмъ горделивѣе и упрямѣе поднимала голову молодой еврей: „Пускай они потому хотъ разорвутъ меня, — шипѣлъ онъ, яростно топая ногой, — лишь бы послѣдній вздохъ мой былъ благодареніемъ за то, что мнѣ дано было дожить до искупленія!“ Только когда онъ думалъ о Юдиені, мысли его путались, и въ душѣ поднималась борьба. Что должна она чувствовать, заставляя такъ унижаться человѣка, честь котораго стала ея честью? Какъ сложится ея жизнь послѣ всего случившагося, и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ самый воздухъ пропитанъ общею ненавистью къ ней?—обо всемъ этомъ онъ едва-ли думалъ; но всякій разъ, когда мысль его все-таки касалась этого вопроса и въ сердце его закрадывалось предчувствіе того, что должна испытывать въ этотъ день его сестра, и чѣмъ грозить ей будущее,—ему помогало отдѣлываться отъ этихъ мыслей то убѣжденіе, которое служило опорой ему въ два послѣдніе страшные года: Юдиень пожинаетъ, что посѣяла; Богъ ведетъ точный счетъ людскимъ дѣламъ...

Но все-же она была его сестра,—существо, которое онъ любилъ болѣе самого себя; и были минуты, когда все, что накипѣло въ

его сердцѣ горечи и злобы, таяло въ горячей, трепещущей нѣжности. Что выстрадала эта добрая, предестная дѣвушка, достойная чистѣйшаго счастья! Самое преступленіе ея имѣло своимъ источникомъ благородное чувство; но люди злоупотребили имъ, затоптали его въ прахъ,—и какъ жестоко она поплатилась! Ему припоминался часъ, когда она вернулась къ нему съ покаянной, упала передъ нимъ ницъ:—о Боже! какъ она измѣнилась, подавленная горемъ, котораго никакое человѣческое слово не въ состояніи выразить!.. Рафаилъ не расказывался, что встрѣтилъ ее такъ сурово; но теперь, когда позоръ заглаженъ?.. Не долженъ-ли онъ открыть ей свои объятія, летѣть къ ней навстрѣчу?... Уклоненіе его отъ свиданія съ нею даже передъ отъѣздомъ ея въ Веймаръ казалось ему теперь непростительною жестокостью. Онъ поступилъ такъ потому, что не вѣрилъ, чтобы ей удалось дѣло искупленія, а главное, не могъ забыть смерти своего отца. Загладила ли она и это? Можетъ ли быть искупленіе для такой винны?.. Онъ стоялъ въ мрачномъ раздумьи и сжималъ кулаки:—Какъ забыть это? Какъ принять ее?

Новый крикъ на улицѣ, оглушительнѣе прежнихъ, заставилъ его вздрогнуть; это былъ виватъ Вроблевскому. Но сейчасъ-же вслѣдъ затѣмъ глухо грянулъ вдали пушечный выстрѣлъ, на который откликнулся другой, на торговой площади: владѣльцы доѣхали до городской черты, гдѣ ихъ ждалъ конвой. Черезъ полчаса кортежъ долженъ былъ вступить въ мѣстечко.

Но это случилось еще скорѣе. Когда оба экипажа—открытое ландо, въ которомъ сидѣли графъ съ женой, и карета, въ которой помѣщались Гаия, Янъ и нянька съ мальчикомъ Людовикомъ, окрещеннымъ въ католическую вѣру—доѣхали до городской черты, обозначенной въ этомъ мѣстѣ тремя липами, предводитель конвоя успѣлъ только дать сигналъ къ обычному: „ура!“ и поднести хлѣбъ-соль. Графъ, не давая времени сѣдому старостѣ сказать приѣтствіе, приказалъ каретѣ тотчасъ ѣхать въ замокъ окольнымъ путемъ, а самъ крикнулъ своему кучеру Федькѣ: „Ступай, живо!“

Ландо быстро помчалось по дорогѣ къ мѣстечку, такъ что конвоемъ пришлось пустить своихъ лошадей въ галопъ, чтобы не отстать отъ него. Кортезъ, словно убѣгая отъ погони, мчался во весь опоръ, поднимая облава пыли.

Лицо графа становилось съ каждой минутой блѣднѣе, и нервныя подергиванія мышцъ его замѣтнѣе. Онъ не поднималъ глазъ и по временамъ прикрывалъ ихъ рукою. Мѣсяцы, недѣли со страхомъ думалъ онъ объ этомъ часѣ, самомъ тяжеломъ, какъ ему казалось, какой могла еще принести ему жизнь. Быть ли этому? спрашивалъ онъ себя всѣ эти дни, и теперь его наполняло только одно чувство: возмущеніе противъ женщины, заставившей его покориться еще этому, самому тяжкому изъ униженій, и противъ своей слабости, которая допустила это. Чего только не перенесъ онъ въ эти послѣдніе мѣсяцы, и—по его убѣжденію—перенесъ вовсе незаслуженно? Если вина его была велика, то велико—неслыханно велико!—было и искупленіе ея: онъ исполнилъ волю Юдиной, женился въ Веймарѣ на еврейкѣ. Чего-же могла она еще требовать отъ него? Но она потребовала большаго. Относительно мальчика, она, не противорѣча, покори-лась волѣ графа, какъ будто это была и ея собственная воля. Но, когда онъ сказалъ ей, что они должны прожить въ чужихъ краяхъ, по меньшей мѣрѣ, два года, пока всѣ не привыкнутъ къ небывалому факту,—она стала умолять его поѣхать въ Вѣну и хлопотать о признаніи ихъ брака. Графъ долго сопротивлялся, и его не слишкомъ трогало, когда она говорила ему: „Все спокойствіе души моей зависитъ отъ этого. Судьбай это для меня, и я щедро вознагражу тебя!“—Чѣмъ? думалъ онъ. Любовью и вѣрностью? Но онъ уже приобрѣлъ на нихъ право самою тяжеломъ жертвой, какую когда-либо приносилъ человѣкъ его званія. Ей-ли, изъ-за которой ему измѣнили его ближайшіе друзья, не быть ему вѣрной? Ей-ли не любить его, когда изъ-за нея онъ навлекъ на себя столько ненависти? Но понемногу сопротивленіе его ослабѣвало;

у него былъ не такой характеръ, чтобы устоять даже передъ менѣ сильными вліяніями, не говоря уже объ этой желѣзной волѣ; и онъ кончилъ тѣмъ, что сдался, говоря себѣ, что въ Вѣнѣ она сама скоро убѣдится, что желаетъ невозможнаго. „Если тебѣ не удастся, сказалъ онъ ей, то мы уѣдемъ потомъ на два года въ Италію,“ — и она согласилась на это. Въ Вѣнѣ ея попытки двойнѣ раздражали его, такъ какъ онъ былъ твердо убѣжденъ въ ихъ бесполезности и находилъ, что она только напрасно отдаетъ его ния въ жертву толкамъ. Казалось слишкомъ яснымъ, что деспотическое правительство Меттерниха, склонявшееся только передъ перевью, никогда не согласится на такое несмысленное ослабленіе, какъ признаніе брака Барановскаго. Къ кому ни обращалась Юдиноъ, всѣ, съ трудомъ удерживаясь отъ улыбки, отвѣчали, что цѣль ея недостижима. Но она неутомимо изыскивала новыя знакомства и, видя, что все напрасно, обратилась, наконецъ — къ самой церкви. Первымъ далъ себя привлечь одинъ коледой прелать знатной, но обѣднѣвшей фамиліи, и вскорѣ въ гостиной графини, въ отелѣ „Дикій Человѣкъ“, въ Кертнерштрассѣ, стали толпиться ясы и влюбукы. Шесть недѣль проживали они такимъ образомъ въ Вѣнѣ, и что стоило Юдиноъ — знали только банкиръ, у котораго лежало ея наслѣдство. Наконецъ, однажды утромъ, она сказала мужу:

— Пожалай мнѣ удачи, Агеноръ; я иду къ Меттерниху.

Онъ поглядѣлъ на нее: она стояла передъ нимъ въ длинномъ, темномъ платьѣ, въ черной вуали на сѣдѣющихъ волосахъ; рѣзкія черты ея блѣднаго лица были неподвижны, и только около губъ мыщцы нервно вздрагивали. Видъ ея внушилъ ему какое-то странное чувство удивленія, смѣшаннаго со страхомъ; любви не было болѣе въ этомъ чувствѣ.

Это Агеноръ уже и раньше смутно сознавалъ, а теперь со-
зналъ какъ нельзя яснѣе.

— И ты увѣрена, что онъ приметъ тебя?—спросилъ онъ нерѣшительно.

Она показала ему карточку, разрѣшающую ей аудіенцію.

— Хорошо-ли ты обдумала этотъ шагъ?—настаивалъ онъ.

Она ничего не отвѣтила и только протянула ему на прощанье руку. Часа черезъ два она вернулась, и онъ прочелъ на ея лицѣ побѣду. Онъ вскочилъ и, молча, уставился на нее глазами. Но въ словахъ ея не слышалось торжества. — „Мы на этой-же недѣлѣ получимъ бумаги“,—сказала она коротко, а когда онъ сталъ допрашивать, какъ она достигла этого, она отвѣчала:— „просто сказала правду. На умнаго человѣка правдой скорѣе всего можно подѣйствовать, а онъ такъ уменъ! Онъ тотчасъ понялъ—привидѣна она съ горькой усмѣшкой,—что я не замышляю ниспроверженія ни Австріи, ни церкви, ни даже стѣнъ гетто. И сдѣлалъ онъ это не для еврейки, а для меня, когда узналъ, что я пережила, и что у меня на душѣ. Одно только я скрыла отъ него“...

— Что?—спросилъ графъ. Но она покачала головой.

— Ты узнаешь это, скоро узнаешь... Только не теперь. Я не скрыла бы отъ него и этого,—прибавила она, какъ бы говоря сама съ собою,—но не было надобности говорить... Онъ лучше, чѣмъ его считаютъ; онъ слишкомъ уменъ, чтобы быть совсѣмъ дурнымъ человекомъ...

Графъ слушалъ, не придавая большого значенія ея словамъ, и сдѣлался внимательнѣе только, когда она сказала:

— Получивъ бумаги, мы, разумѣется, тотчасъ поѣдемъ домой.

Онъ сталъ съ живостью возражать, а когда она опять повторила: „Я награжу тебя за это“, онъ нетерпѣливо высказалъ ей, что онъ думаетъ объ этой наградѣ.

Юдинонь выслушала его спокойно и повторила съ странной улыбкой:

— Ты не такъ понялъ меня! Я дѣйствительно готовлю тебѣ высшую награду, какую я могу тебѣ дать.

Эти слова подѣйствовали на него гораздо менѣе, чѣмъ ея обѣщаніе удовлетвориться одной недѣлей пребыванія въ мѣстечкѣ. — Относительно будущаго, ты рѣшишь самъ, — обѣщала она.

Но всего болѣе расположило Агенора къ уступчивости внушеніе, сдѣланное ему передъ самымъ отъѣздомъ въ Галицію однимъ важнымъ официальнымъ лицомъ, приближеннымъ всеиельнаго министра.

— Разговоръ съ вашей супругой, — сказало ему это лицо, — произвелъ на князя глубочайшее впечатлѣніе. Онъ замѣтилъ: „Какъ жаль, что изъ такого великолѣпнаго созданія не вышло ничего, кромѣ глубоко несчастной женщины! Я, на мѣстѣ графа, постоянно думалъ бы о томъ, какъ она несчастна!“

И такъ Юдиѣ настояла на всемъ, чего желала, не исключая и торжественнаго вѣзда, не смотря на его унижительное значеніе для Барановскаго и на всѣ опасности, съ которыми онъ былъ сопряженъ.

Графъ приподнялся, крича кучеру: — Скорѣе! скорѣе! Скачи черезъ мѣстечко во всю прыть!

До сихъ поръ Юдиѣ сидѣла въ углу экипажа неподвижно и молча. Черное платье изъ тяжелой шелковой матеріи облекало ея нехудалый станъ; на голову ея была накинута великолѣпная кружевная вуаль, и въ волосахъ блестѣла графская корона, наслѣдованная Барановскимъ вмѣстѣ съ маіоратомъ. Но блѣдное лицо ея было мрачнѣе, чѣмъ когда-либо, и только тяжелые вздохи показывали, что приближается часъ, который она подготовила съ такими сверхчеловѣческими усилиями. Вдругъ она выпрямилась, и рука ея опустилась на руку мужа.

— Агеноръ, — произнесла она рѣзко и строго, — честный человѣкъ держитъ свое слово, хотя бы это было и тяжело для него!

— Вѣдь я для твоей же пользы... — возразилъ онъ. — Ты знаешь, что Штигле...

— Ни слова болѣе! Мы вѣдемъ шагомъ.

Онъ нерѣшительно отмѣнилъ свое приказаніе. Отставшій конвой догналъ и окружилъ экипажъ. Медленно приближался кортежъ къ таможенѣ. Впереди высалась украшенная цвѣтами застава.

— Урра!—закричали разставленные шпалерами крестьяне.— Урра!—подхватилъ конвой. Грянули мортиры; выставленный оркестръ музыкантовъ сыграть тушь; но все это заглушалось свѣшанными криками толпы, въ которыхъ можно было разобрать лишь нѣкоторые слова. Они звучали недружелюбно. Крестьяне, составлявшіе шпалеры, обернулись и погрозили бердышами стоявшимъ позади нихъ крикунамъ. Конвой тѣснѣе окружилъ коляску. Графъ страшно поблѣднѣлъ и опустился въ глубину экипажа; Юдиѣ же, напротивъ того, хотя такая же блѣдная, какъ и онъ, сидѣла выпрямившись и спокойно смотрѣла по сторонамъ на бурную толпу. Такимъ образомъ они проѣхали таможену.

Начиная отъ этого зданія, улица расширялась; стоявшая за шпалерами толпа стала еще гуще, и опасность увеличилась. Но, странно! лишь только смолкла музыка и стихли крики крестьянъ, толпа также стихла, словно ее раздражали эти привѣтствія. Не подѣйствоваль-ли на нее также мрачный, повелительный взоръ этой блѣдной женщины въ своей великолѣпной нарядѣ? Или, можетъ быть, толпа унялась только для того, чтобы не мѣшать себѣ наслаждаться невиданнымъ зрѣлищемъ.

До сихъ поръ живы еще люди, видѣвшіе шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, будучи мальчиками или юношами, какъ вѣзжала въ шѣстечко графиня Юдиѣ Барановская. Когда ихъ спрашиваютъ объ этомъ, они качаютъ головой: „Невозможно описать, какъ она глядѣла, и что происходило въ насъ, когда мы встрѣчали ея взглядъ. Она казалась, въ одно и то же время, и царицей, и умирающей. Кто взглядывалъ на нее, тотъ уже не могъ произнести нитомъ ни одного дурного слова. Когда мужики снимали шапки, мы невольно дѣлали то-же самое, и когда они снова кричали: ура!—имъ уже никто болѣе не мѣшалъ. Мы стояли между тамож-

ней и триумфальными воротами, и самого удивительнаго,—того, что произошло передъ домою ея отца, мы, въ сожалѣнію, не видали“.

А это одно заслуживаетъ подробнаго описанія. У триумфальныхъ воротъ все шло мирно. Даже такой человекъ, какъ бургомистръ, чувствовалъ, что теперь не время для красивыхъ рѣчей: слишкомъ много стояло на картѣ, быть можетъ, даже человѣческая жизнь, если бы какая-нибудь случайность—острое слово или взмахъ крестьянскаго бердыша—нарушили тѣ странныя чары, которыя сдерживали возбужденную толпу. Поэтому бургомистръ ограничился лишь нѣсколькими привѣтственными словами, за которыя графъ коротко и торопливо выразилъ ему свою признательность.

Затѣмъ, обращаясь къ Юдионъ, онъ прошепталъ:—Умоляю тебя не останавливаться у дома твоего брата: это вѣрная гибель.

— Надо!—возразила она и, видя что онъ колеблется, сама дала Оедькѣ приказаніе въ этомъ смыслѣ.

Казалось, это дѣйствительно грозило гибелью. Лишь только притихшая толпа замѣтила, куда направляется экипажъ, какъ сотни голосовъ дружно разразились дикимъ, яростнымъ крикомъ.

— Стыдъ и позоръ!.. Въ дому еврея! потому, можетъ быть, еще къ синагогѣ!.. Долой ее! долой! долой!

Съ этими криками тысячная толпа бурно хлынула къ экипажу и прорвала шпалеры; крестьяне подняли бердыши; завязалась рукопашная схватка. Экипажъ остановился; единственной защитой его были теперь нѣсколько конныхъ крестьянъ, оставшихся еще вокругъ него. Тутъ въ Агенорѣ проснулся рыцарскій духъ; онъ выхватилъ изъ-за пояса своего мѣховаго кунтуша пистолеть и выскочилъ на подножку экипажа, держа палецъ на куркѣ.

Но вдругъ произошло нѣчто неожиданное. Юдионъ, до этой минуты неподвижно глядѣвшая на толпу, поднялась во весь ростъ, такъ что корона засверкала на ея лбу въ лучахъ солнца.

— Прочь!—крикнула она коннымъ людямъ такимъ повелитель-

нынѣ тономъ, что они повиновались и потянули назадъ своихъ лошадей.—Прочь!—приказала она Агенору и столкнула его съ подножки.

Толпа смелѣла; дерущіея остановились, и все мгновенно стихло.
— Чего вы хотите?—металлически прозвучалъ среди этой тишины громкій, спокойный голосъ блѣдной женщины.—Убить меня? Вотъ я! Никто не долженъ защищать меня, я запрещаю это. Изъ-за меня не должна проливаться кровь; на мнѣ уже и безъ того лежитъ много крови... Я жду!

Но никто не шевелился, всё молчали. Тогда чей-то голосъ—чей, этого никто никогда не узналъ—громко произнесъ:

— Она избрана орудіемъ Бога! Она загладитъ свою вину! И графъ тоже загладитъ! Нельзя мѣшать дѣлу Божьему!

Снова послышался ропотъ, толпа заволновалась и разступилась. Графъ вскопчалъ въ экипажъ, и Федька направилъ лошадей къ дому Рафаила; народъ и тутъ разступился. Среди глубокой тишины, Юдиень съ мужемъ вошли въ домъ. Когда черезъ нѣсколько минутъ они снова вышли въ сопровожденіи Рафаила, на улицѣ не раздавалось ни малѣйшаго звука; всё, молча, глядѣли, какъ Агеноръ пожималъ руку молодому еврею, и какъ Юдиень обнималась съ братомъ.

— Въ четыре часа—на „доброю мѣстѣ“!—шеннула она ему.

Графъ съ женою сѣли въ экипажъ. Тутъ опять произошло нѣчто неожиданное. Когда Рафаиль, обливаясь слезами, пожималъ руку сестры, кто-то изъ близъ-стоящихъ вдругъ закричалъ:

— Она много страдала! Дай ей Богъ счастья! Урра!

— Урра! урра!—поддержали сотни голосовъ.—Урра! пошли имъ Богъ счастья!—и крикъ этотъ началъ переходить изъ устъ въ уста.

Среди привѣтовъ и ликованія народа графскій экипажъ проѣхалъ мѣстечко и остановился у замка. Но теперь Юдиень уже

не сидѣла прямо; какъ надломленная, опустилась она въ уголъ экипажа, и по лицу ея текли слезы.

Между тѣмъ въ замкѣ собрались арендаторы графа. Явился прѣвѣствовать прѣѣзжихъ также и докторъ Рейзэръ; у котораго Юднѣ тотчасъ освѣдомилась о старухѣ Миріамъ.

— Я поѣду къ ней, лишь только можно будетъ выдти изъ-за стола,—сказала она.

— Поѣзжайте,—отвѣчалъ старшій врачъ съ видимымъ волненіемъ,—завтра вы уже не найдете ее на землѣ. Часа два тому назадъ—она умерла. Какъ разъ въ ту минуту, когда я собрался ѣхать сюда, ко мнѣ прѣѣжала ея плачущая служанка. Я зашелъ на минуту къ покойницѣ. Такого просвѣтленнаго лица, какъ у нея, я не видалъ еще ни у одного мертвеца.

Сѣли за столъ; онъ былъ убранъ точно такъ, какъ всегда убирался свадебный столъ у Барановскихъ. Подавались такія же кушанья и вина; столъ былъ украшенъ тѣми же самыми фамильными дорогими сосудами. Только общее настроеніе было другое, и черезъ часъ гости поднялись съ своихъ мѣстъ.

Юднѣ поѣхала съ докторомъ въ маленькій домишко въ Рошковѣ, чтобы проститься со своимъ старымъ другомъ. Тѣло еще не было положено въ гробъ и поконилось въ креслѣ, одѣтое въ праздничное платье. Юднѣ, не говоря ни слова, глядѣла на это мертвое лицо, носившее свѣтлое радостное выраженіе.

— Знаете-ли отчего Миріамъ умерла съ улыбкой на губахъ?—спросилъ Рейзэръ.—Она слышала выстрѣлы, возвѣщавшіе вангъ въѣздъ.—Онъ передалъ Юднѣ свои послѣдніе разговоры съ старухой.—Она умерла, какъ побѣдительница, зная, что дѣла ея не осуждено, и она увидится съ нимъ за гробомъ.

Юднѣ опустилась передъ трупомъ на колѣни и подѣловала застывшую руку.

— Ваша правда,—сказала она,—благо ей! она умерла, какъ побѣдительница.

— И благо вамъ!—сказалъ докторъ;—вы будете жить, какъ побѣдительница.

— Не говорите этого!—торопливо возразила она;—послѣ такой борьбы, побѣдителемъ можете считать себя только безупречный. Виновный не переживаетъ побѣды... Простите, мнѣ нужно спѣшить: мой братъ ждетъ меня на „доброшь мѣстѣ“, на могилѣ нашего отца.

Докторъ, качая головой, проводилъ ее глазами. „Что за страннѣйшій тонъ!“ сказалъ онъ себѣ, но не сталъ глубоко вдумываться въ слова Юдны.

Рафаиль пришелъ на могилу аккуратно въ назначенный часъ. Какъ и раньше, на глазахъ толпы, братъ съ сестрою, которыхъ такъ долго раздѣляло отчужденіе, упали другъ другу въ объятія и долго простояли, крѣпко обнявшись, въ этомъ священнѣйшемъ мѣстѣ, какое было для нихъ на землѣ. Здѣсь только примиреніе ихъ сердець было по настоящему скрѣплено.

— Это мое мѣсто!—сказала Юднѣ, показывая на свободное пространство между могилами ее родителей.—Его никто не отниметъ у меня, не правда-ли? Но я жена христіанина, и благочестивые евреи могутъ воспротивиться этому. Но ты не потерпишь этого, Рафаиль, не правда-ли?

— Если я переживу тебя, то ты будешь погребена здѣсь. Но объ этомъ ны поговоримъ лѣтъ черезъ тридцать.

— Поклянись мнѣ памятью отца, что ты сдѣлаешь это. Прощу тебя!.. Ты понимаешь, въ какомъ возбужденномъ состояніи я нахожусь сегодня.

— Если это можетъ успокоить тебя,—клянусь!

— И ты сдѣлаешь такую клятву на моей могилѣ, какую я за вѣщанъ сдѣлать?

— Сдѣлаю, если переживу тебя.

Они поговорили еще нѣкоторое время о планахъ, которые

дѣлалъ Рафаилъ въ будущемъ; потомъ Юдиноѣ еще разъ обняла его и уѣхала обратно въ замокъ.

Графъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ съ управляющими и нѣсколькими арендаторами. Юдиноѣ прошла въ свою спальню и написала тамъ два короткихъ письма, къ мужу и къ брату. Тѣмъ временемъ уже наступили сумерки. Не смотря на то, Юдиноѣ велѣла принести къ себѣ ребенка, который уже лежалъ въ своей колыбели.

— Я не видала его съ утра, съ тѣхъ поръ, какъ мы выѣхали изъ Глусти,—сказала она нянькѣ и, отпустивъ ее, пробыла съ ребенкомъ наединѣ цѣлый часъ. Когда нянька, безъ зова, вошла потомъ въ комнату, тамъ было уже совсѣмъ темно; нянька не могла видѣть лица своей госпожи, которая сидѣла, низко склонившись надъ ребенкомъ, но по голосу ей показалось, что она плачетъ. Нянька разслышала только слова: „И для тебя такъ будетъ лучше... и для тебя“...

Передавъ ей ребенка, Юдиноѣ сказала, что пойдетъ пройтись по саду, такъ какъ вечеръ былъ очень теплый и вскорѣ должна была взойти луна.

Юдиноѣ ушла. Сойдя съ лѣстницы въ паркъ и пройдя мимо того мѣста, гдѣ, два года тому назадъ, Агеноръ въ первый разъ поцѣловалъ ее, она направилась къ пруду. Дорогой ей встрѣтился кучеръ Федька, пожелавшій ей добраго вечера и получившій на свой привѣтъ ласковый поклонъ. Онъ приостановился и поглядѣлъ ей вслѣдъ, когда она приближалась къ пруду, на поверхности котораго трепетали перые лучи мѣсяца. „Какъ вспомню я,—подумалъ этотъ добрый человекъ,—то утро, когда она бросилась въ прудъ... Вотъ сегодня у нея, должно быть, совсѣмъ другія мысли; все ей удалось, чего она хотѣла!“

Федька ошибся.

Часу въ десятомъ графъ, видя, что Юдиноѣ не возвращается, пошелъ искать ее. Не найдя нигдѣ, онъ пришелъ въ безпокой-

ство и хотѣлъ позвать слугъ, но тутъ Ганя принесла ему письмо, найденное ею на столѣ, въ комнатѣ графини. Аговоръ узналъ изъ него, гдѣ онъ долженъ искать трупъ своей жены. Письмо было короткое, но любящее. Юдишь поручала ему сына и просила не винить и не мучить себя упреками за ея смерть. Она говорила, что умираетъ для того, чтобы не дѣлать его несчастнымъ и не сдѣлаться самой еще несчастнѣе; что у нея нѣтъ силы и мужества жить послѣ всего, что случилось, но что въ этомъ ни онъ и никто не виноватъ.

Лицо ея нисколько не было искажено, когда трупъ вынули изъ пруда; оно было такъ же серьезно и неподвижно, какъ и всегда въ послѣднее время.

Два дня спустя, единовѣрцы ея похоронили ее на „доброму мѣстѣ“, на томъ клочкѣ земли, который былъ завѣщанъ ей въ наслѣдство. При выкапываніи могилы, въ ней были найдены остатки большого розоваго куста, и лишь немногимъ было извѣстно, что это за кустъ и зачѣмъ онъ былъ здѣсь зарытъ.

На памятникѣ надъ этой могилой стоитъ слѣдующая надпись:

*„Юдишь,
графиня Барановская,
дочь Натали бене Метаме
изъ колѣна Израилева.*

Умерла во тьмѣ, но когда ишбуди-наступитъ день“.

Пер. А. Каррикъ.

Конецъ.

РУССКІЕ ЕВРЕИ ВЪ АМЕРИКѢ¹.

ВНѢШНЕЕ ВЛІЯНІЕ И ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ ЭМИГРАНТОВЪ.

И вѣтъ, гдѣ бы во мракѣ тучъ
Ни загорѣлся правды лучъ
И гласъ съѣта на возвалъ,
Послуду саммень голосъ ихъ,
Питомцевъ рабства и неволи,
Во славу правды, дѣлъ благихъ,
Въ защиту правды и свободы.

С. Фрун.

I.

Въ одной изъ прежнихъ главъ я старался дать отчетъ о матеріальномъ положеніи эмигрантовъ въ Америкѣ; но я бы не хотѣлъ, чтобы мое описаніе было принято въ томъ смыслѣ, что положеніе *всѣхъ* эмигрантовъ такъ плачевно, какъ я описалъ.

Положеніе значительной части эмигрантовъ, особенно новопривывающихъ, конечно, очень печально и далеко незавидно, что само по себѣ понятно. Нельзя было и рассчитывать, чтобы массѣ или значительной ея части, ступившей на чужомъ берегу, безъ средствъ, безъ знанія господствующаго языка и обычаевъ страны, могло бы быть особенно хорошо въ матеріальномъ положеніи. Но необходимо также констатировать, что многимъ, если не большинству эмигрантовъ, прожившихъ въ Америкѣ нѣсколько лѣтъ, удалось уже пристроиться болѣе или менѣе сносно. Особенно это можно сказать относительно евреевъ, поселившихся внѣ Нью-Йорка. Да и въ Нью-Йоркѣ очень значительное число бывшихъ

¹ См. „Восходъ“ кн. XI.

эмигрантовъ 1882—3, 4 и 5 годовъ уже успѣло порядочно устроиться и жить безбѣдно.

Тотъ фактъ, что изъ числа 50 тысячъ семействъ, поселившихся въ Нью-Йоркѣ, только около 5000 семействъ обращается за помощью къ еврейскимъ благотворительнымъ обществамъ, говоритъ самъ за себя. Если допустить, что, кромѣ этихъ 5000, существуетъ еще столько же, даже въ два раза столько же семействъ, не желающихъ почему-либо или не могущихъ обратиться за помощью, — хотя и нуждающихся, — то все-таки останется большинство, которое, какъ бы то ни было, а имѣетъ на свои потребности. Не нужно также упускать изъ виду, что очень многіе изъ живущихъ здѣсь помогаютъ своимъ роднымъ и родственникамъ въ Россіи и, что $\frac{2}{3}$ всѣхъ новоприбывающихъ эмигрантовъ пріѣзжаютъ на билеты и деньги, высланные имъ изъ Америки. Наконецъ, слѣдующій фактъ еще болѣе рельефно доказываетъ, что многіе изъ еврейскихъ эмигрантовъ успѣли даже *скупить* немного на черный день. На-дняхъ (ноябрь, 1890), благодаря преувеличеннымъ слухамъ о финансовой паникѣ, масса евреевъ, испугавшись за свои сбереженія, осадила нѣкоторые банки. И вотъ оказалось, что только въ одномъ изъ нихъ — the Citizens Bank на Каналъ-улицѣ — еврейскихъ вкладовъ было 425.000 долларовъ. Президентъ этого банка говоритъ, что эти 425 тысячъ внесено «by russian jews» — русскими евреями и, что эти вклады — въ размѣрѣ отъ 20 до 500 долларовъ ¹. Этотъ банкъ не единственный, таковыхъ въ еврейскомъ участкѣ дюжины, и вклады еврейскихъ эмигрантовъ во всѣхъ нихъ, по увѣренію газетъ «Sun», доходятъ до десятковъ милліоновъ долларовъ. Все это доказываетъ, что значительное число эмигрантовъ уже сумѣли пристроиться въ Америкѣ. Я счелъ нужнымъ это объяснить, чтобы предыдущая моя статья не была комментирована въ томъ смыслѣ, что я желаю рисовать положеніе евреевъ въ Америкѣ слишкомъ черными красками.

Обратимся теперь въ вопросу о положеніи, занятомъ эмигрантами въ экономической и политической сферѣ пріютившей ихъ республики.

¹. Эти 425 тысячъ выданы только въ три дня. Всего вкладчиковъ въ этомъ банкѣ 176.304 (на 12,000,000); изъ нихъ большая часть евреи. Президентъ

II.

Трехсотъ-тысячная масса переселившихся въ Соединенные Штаты и преимущественно въ Нью-Йоркъ русскихъ евреевъ не могла не оказать значительное вліаніе на экономическую и политическую жизнь тѣхъ мѣстъ, гдѣ они поселились.

Вычтя изъ общей массы эмигрантовъ все число занимающихся исключительно педлерствомъ, мелкою торговлею и разными промыслами, рассчитанными на поддержку еврейской же массы, — останется еще громадное число занимающихся производительнымъ трудомъ и представляющихъ собою важный индустриальный факторъ въ экономической жизни окружающаго ихъ населенія.

Эта часть эмигрантовъ, занимающаяся производительнымъ трудомъ, является, конечно, немаловажнымъ конкурентомъ американскимъ рабочимъ.

Такъ, портняжеская индустрія со всѣми ея отраслями, которыхъ насчитываютъ до нѣсколькихъ дюжинъ, почти исключительно перешла въ руки эмигрантовъ. Также и табачная индустрія. Во всѣхъ почти нью-іоркскихъ сигарныхъ и папиросныхъ фабрикахъ (кромя гаванскихъ, гдѣ работаютъ только кубанцы и испанцы) евреи вытѣснили прежнихъ рабочихъ. Въ нѣкоторыхъ фабрикахъ и заводахъ въ Елизабетпортѣ (фабрика новыхъ машинъ Зингера), Нуарка (штатъ Нью-Джерси), Чикаго, Филадельфіи, Портландѣ (штата Мэнъ) и въ разныхъ фабричныхъ городахъ штатовъ Коннектикута и Массачусетса — число эмигрантовъ-рабочихъ также очень значительно, иногда преобладающее.

Казалось бы, что такой порядокъ вещей не особенно долженъ нравиться американскимъ рабочимъ. Между тѣмъ до сихъ поръ ни одна рабочая газета, ни одинъ американскій общественный дѣятель и никто изъ представителей прессы или рабочихъ союзовъ не нашли ничего предосудительнаго въ томъ, что евреи конкурируютъ съ мѣстнымъ населеніемъ, иногда вытѣсняя его.

Причина такого, для русскаго юдофоба непонятнаго явленія, очень проста; она объясняется характеромъ Америки и американца.

заявилъ, что изъ 12,000 вкладчиковъ за 1890 годъ — было 6094 (или 51%, почти) русскихъ евреевъ, (Газета „Sun“ нов. 20, 1890).

Американецъ глубоко вѣрить въ принципъ свободной конкуренціи. Онъ признаетъ право каждаго человѣка на «жизнь, свободу и стремленіе къ свободѣ, («Life, liberty and pursuit of happiness»—Американская конституція). Для американца не существуетъ расового, національнаго или религіознаго различія. Въ Америкѣ нѣтъ «коренныхъ» жителей, кромѣ развѣ индѣйцевъ; каждый американецъ или самъ недавно былъ «чужимъ», или же рожденъ отъ людей, эмигрировавшихъ въ Америку. Если американцы возмущались противъ китайцевъ и постарались оградить себя отъ ихъ конкуренціи, то это не потому, что они—китайцы, или же что они конкурировали, а потому, что китайская конкуренція не велась согласно общепринятымъ экономическимъ законамъ. Американцу не важно кто является его конкурентомъ на экономическомъ поприщѣ: онъ вѣрить въ свою силу и энергію и въ законъ «survival of the fittest» (переживание наимоспособнѣйшаго). Но онъ не можетъ позволить, чтобы многомилліонный Китай наводнилъ Соединенные Штаты своимъ населеніемъ, чтобы китайцы, не принося никакой пользы странѣ, не становясь ея гражданами, не употребляя почти ничего изъ ея произведеній, довольствуясь самымъ малымъ, высасывали бы соки американской республики, чтобы—послѣ нѣкотораго временнаго пребыванія въ Америкѣ для эксплуатаціи—возвратиться въ свое небесное царство; американцы не могутъ позволить такого ненормальнаго состоянія. Слово «свободная конкуренція» не можетъ быть примѣнимо къ китайскимъ «кули». Наоборотъ, американецъ ничего не можетъ имѣть противъ конкуренціи евреевъ. Евреи, при первой возможности, дѣлаются американскими гражданами; они составляютъ не только важную продуктивную, но и потребительную силу; они не работаютъ или не желаютъ работать дешевле американцевъ; они не живутъ и не желаютъ жить хуже ихъ. Если въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства, переполненныхъ евреями, и понизилась рабочая плата, то это не благодаря желанію эмигрантовъ (они часто боролись противъ этого пониженія), но вслѣдствіе общаго желѣзнаго закона капиталистическаго производства.

Съ другой стороны американецъ не можетъ не признать, что

поселеніе русско-еврейскихъ эмигрантовъ имѣло благотворное значеніе для Америки.

Возьмемъ, напр., Нью-Йоркъ. За послѣднія десять лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ началось эмиграціонное движеніе, цѣны на землю и дома во многихъ участкахъ города удвоились и утроились. Десять лѣтъ тому назадъ 4, 7, 10 и 11 участки города имѣли только $\frac{1}{10}$ всего населенія, всѣ дома этихъ участковъ были небольшія—одно-двухъ- и трехъ-этажныя зданія, теперь этихъ старинныхъ домовъ не осталось и одной трети, ихъ мѣсто занимаютъ 6—8-этажные те-нементгаузы, гдѣ живутъ нѣсколько десятковъ семействъ въ одномъ домѣ, а общее населеніе этихъ еврейскихъ участковъ составляетъ $\frac{1}{3}$ всего населенія Нью-Йорка. Увеличенію населенія, конечно, соотвѣтствуетъ и оживленіе торговли, индустріи и проч. (U. S. Census).

Американская газета «Sun» совершенно основательно заявляетъ, что «еврейское населеніе Нью-Йорка принесло очень много пользы городу и является важнымъ экономическимъ факторомъ». По мнѣнію американской прессы—Америка въ сущности должна быть благодарна Россіи за ея выходцевъ, которые составляютъ трудолюбивое, энергическое и полезное населеніе Нью-Йорка и другихъ городовъ. Но было бы ошибочно предполагать, что эмигранты исключительно населяютъ только нѣкоторые участки города или только Нью-Йоркъ. Правда, около 75% всѣхъ эмигрантовъ осталось въ Нью-Йоркѣ и большая часть этихъ поселилась въ еврейскихъ участкахъ. Это, конечно, объясняется просто тѣмъ, что прибывшіе эмигранты, не зная языка, обычаевъ и т. п. страны, естественно поселяются между своими братьями-эмигрантами. Но не менѣе вѣрно и то, что, какъ только эмигрантъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ странѣ, онъ стремится выселиться изъ еврейскихъ участковъ, и число еврейскихъ семействъ, переселившихся «up town» въ американскіе участки, съ каждымъ годомъ увеличивается. Фактъ тотъ, что едва-ли существуетъ улица въ Нью-Йоркѣ и въ другихъ большихъ городахъ, едва-ли въ настоящее время есть американскій городокъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ бы русскій еврей не занимался-бы производствомъ или промышленностью.

«Замѣчательный народъ—эти русскіе евреи,—говоритъ филадель-

фійскій «Exponent»,—энергичны, умны, ловки (smart) и дѣятельны. Они проникли во всѣ отрасли труда и во всѣ профессіи, они какъ будто стараются наверстать шансы, потерянные въ своей бывшей родинѣ».

«Каждая страна,—говоритъ одинъ американскій профессоръ въ своемъ письмѣ въ «Jewish Messenger»,—имѣетъ такихъ евреевъ, какихъ она заслуживаетъ. Понятно поэтому, почему еврей въ Америкѣ, имѣя всѣ права гражданства, дѣлается полезнымъ населеніемъ страны».

Интересно то явленіе, что специально въ американскихъ рабочихъ организаціяхъ русско-еврейскіе эмигранты пользуются очень хорошей репутаціей.

Американскіе рабочіе союзы сначала опасались, чтобы голодная масса эмигрантовъ не явилась опаснымъ орудіемъ въ рукахъ работодателей противъ американскихъ организацій. Вначалѣ это и было вѣрно. Извѣстно, что стачка грузинщиковъ въ 1882 году была безуспѣшна, именно благодаря эмигрантамъ. Но вскорѣ этому былъ положенъ конецъ. Въ то время, какъ эмигранты: словаки, венгерцы, поляки и итальянцы почти вездѣ занимаютъ мѣста забастовывающихъ американцевъ, русскіе евреи успѣли организоваться и очень рѣдко рѣшаются занимать мѣста американцевъ, бастующихъ противъ своихъ фабрикантовъ.

Русскіе еврейскіе рабочіе успѣли организовать до сотни разныхъ союзовъ, составляютъ часть «Общихъ рабочихъ федерацій», «Рыцарей труда» и др. и всегда оказываютъ помощь, а также и получаютъ таковую, въ частныхъ борьбахъ рабочихъ организацій противъ фабрикантовъ. Это очень много содѣйствовало укорененію хорошаго мнѣнія о русскихъ евреяхъ.

Но не только въ эвономическомъ мірѣ, но и въ политическомъ эмигранты успѣли уже занять довольно почетное мѣсто.

Большая часть русскихъ евреевъ дѣлаются, по истеченіи 5-лѣтняго пребыванія въ Соединенныхъ Штатахъ, американскими гражданами ¹.

¹ Интересно знать, считаются-ли эти евреи и понынѣ русскими подданными. Рѣдко кто изъ нихъ, сдѣлавшись американскимъ гражданиномъ, подаетъ прошеніе русскому послу или консулу объ исключеніи, и, по всей вѣроятности, они считаются подданными и Россіи и Соединенныхъ Штатовъ. Желательно было бы,

Каждый гражданинъ имѣетъ право голоса, и, при раздѣленіи населенія на нѣсколько политическихъ партій, каждый голосъ имѣетъ большое значеніе, и иногда успѣхъ или паденіе цѣлой партіи зависитъ отъ одной какой нибудь сотни голосовъ. Такъ Клевеландъ былъ выбранъ президентомъ Соед. Штатовъ противъ Блэна большинствомъ только въ нѣсколько сотъ голосовъ. Понятно, поэтому, что какихъ нибудь 20—30 тысячъ (если не больше) голосовъ, представляемыхъ бывшими эмигрантами въ Соединенныхъ Штатахъ, и какихъ нибудь 15—25 тысячъ въ Нью-Йоркѣ—имѣютъ очень важное значеніе для политики страны. Американскіе политическіе дѣятели не даромъ такъ любезно говорятъ о «hebreu votes» и наперерывъ стараются заискивать въ нихъ, стараясь каждый склонить еврейскихъ гражданъ на свою сторону.

Между занимающими общественныя должности въ Нью-Йоркѣ есть не мало евреевъ, а теперь поговариваютъ о назначеніи Ф. Ливая (президента Нахуве Орхун) на мѣсто городского судьи, «in recognition of the hebreu votes», какъ признаніе еврейскихъ голосовъ.

Дѣло, конечно, не въ этой чести и не въ Ливаѣ; онъ и его братья не лучше и не хуже другихъ политиковъ; но важенъ фактъ самъ по себѣ, важно то, что эмигранты, бывшіе «униженные и оскорбленные», вдругъ сдѣлались полноправными гражданами великой страны, и что эта масса, дрожавшая предъ каждымъ полицейскимъ мундиромъ и унижавшаяся предъ каждою полицейскою «бляхою», теперь стала полноправною составною частью страны.

Необходимо также констатировать, что еврей-граждане не составляютъ отдѣльной партіи или части одной партіи, но раздѣлены между разными партіями. Общеизвѣстенъ также фактъ, что еврей гораздо меньше и рѣже продаетъ свои голоса за деньги, чѣмъ, напр., итальянцы и ирландцы.

III.

Переселеніе евреевъ изъ Россіи въ Соединенные Штаты не только повліяло на окружающую ихъ среду въ Америкѣ, но не чтобы всѣ эмигранты, не обновившіе своего паспорта, по истеченіи 5 лѣтъ были бы исключены, безъ прошенія, изъ числа русскаихъ подданныхъ. Это бы предотвратило многія недоразумѣнія, могущія произойти отъ такого „служенія двумъ господамъ“.

осталось, да и не могло остаться, безъ глубокихъ слѣдовъ и на весь какъ вѣшній, такъ и внутренній характеръ самихъ эмигрантовъ.

Первый цивилизующій эффектъ переселенія въ Новый Свѣтъ замѣчается на вѣшности, — на одеждѣ и фигурѣ эмигранта.

Не успѣваетъ еще эмигрантъ страхнуть съ себя пылъ Старого Свѣта и отдѣлаться отъ не очень-то благоухающихъ результатовъ путешествія на пароходѣ — какъ онъ уже снѣшитъ купить себѣ американскую одежду: шляпу, пиджакъ и т. д. Никакіе указы о длиннополыхъ кафтанахъ, никакія постановленія о ермолкахъ и «инструкціи» о пейсахъ не имѣли в сотоѣ части того вліянія, которое самъ воздухъ какъ будто производитъ въ Америкѣ. Не выглядывать же эмигранту «гринеромъ», «зеленымъ» (вличка, данная всѣмъ не по-американски одѣтымъ эмигрантамъ)! И вотъ, это одно слово лучше цивилизуетъ, чѣмъ сотни указовъ и всѣ старанія интеллигенціи реформировать своихъ ортодоксовъ-собратьевъ.

Но не только длиннополый кафтанъ, ермолка и картузь эмигранта дѣлаются жертвами новаго духа, вѣющаго на этой сторонѣ Атлантическаго океана, но и, увы! болѣе важныя въ религіозномъ значеніи — пейсы, борода и парикъ. О пейсахъ даже нечего упоминать: бѣдныя! онѣ даже не успѣваютъ узрѣть береговъ сей свободной страны: еще въ Европѣ или на пароходѣ онѣ приносятся въ жертву цивилизаціи Новаго Свѣта; но, наконецъ, настаетъ время, что и борода, а также и парикъ падаютъ на алтарѣ Молоха нерелигіозной страны Колумба. Долго борется набожный эмигрантъ, долго держится онъ своей бороды, терпя насмѣшки и улыбки американцевъ за свои «whiskers», но, наконецъ, онъ сдается, и его первобытная борода дѣлаетъ все болѣе и болѣе близкое знакомство съ ножницами, а потомъ, глядь, — и съ бритвою!..

Sic transit gloria mundi! Мнѣ часто приходилось встрѣчать знакомыхъ эмигрантовъ, совершенно преобразованныхъ и неузнаваемыхъ въ ихъ новой американской одеждѣ и съ сбритой бородой, сдѣлавшихся похожими болѣе на ирландцевъ, чѣмъ на литовскихъ и польскихъ евреевъ.

«Вы-ли это, ребъ Хайкель?» — невольно задавалъ я вопросъ такому обамериканившемуся обывателю. — «Что же подѣлаете?» грустно

и застѣнчиво отвѣтитъ ребѣ Хайкель, который въ Россіи скорѣе позволилъ бы себя сжечь, чѣмъ сбрить бороду. Такова сила общественнаго мнѣнія. О парикахъ ужъ нечего и говорить. Если вы увидите еврейку съ этимъ «головоломнымъ» аксессуаромъ, то будьте увѣрены, что это или 70-лѣтняя старуха, которую и гробъ не вылечитъ, не то что Америка, или же субъектъ, у котораго природныя волосы «мыши съѣли».

Но этого еще не довольно. Америка произвела еще болѣе радикальную переимѣну въ характерѣ еврея: она заставила его сдѣлаться, въ большинствѣ случаевъ, *мехалель-шабесникомъ* (нарушителемъ субботы)! Не умирать же съ голоду!—думаетъ бѣдный эмигрантъ, когда ему представляется альтернатива выбирать между безработицей и нарушеніемъ субботы.

На фабрикахъ, заводахъ и т. п. не соблюдаютъ субботы, да и рѣдко даже какой американскій еврей останавливаетъ свою фабрику въ субботу, и, конечно, эмигранту приходится *vollens pollens* работать въ святой день. Вотъ еще одна причина, почему большее число эмигрантовъ выбираютъ педлерство и торгашество своимъ занятіемъ: занимаясь этими профессіями, можно соблюдать субботу.

Замѣтите, что я не говорю, что русскій еврей, переселившійся въ Америку, имѣетъ тенденцію сдѣлаться «апикоресомъ» (безбожникомъ),—нѣтъ, только его умственный кругозоръ расширяется.

Онъ такъ же набожно молится, когда имѣетъ время, онъ такъ же соблюдаетъ посты, онъ такъ же горячо плачетъ въ Рошъ-Гашано и бьетъ себя «алхэтъ» въ Йомъ-Кипуръ, какъ и въ Россіи, но онъ уже успѣлъ понять, что религія ничего общаго не имѣетъ съ модою одежды, формой бороды и т. п. «святынями» фанатика.

Число синагогъ въ обыкновенное время года не особенно значительно въ еврейскихъ участкахъ, но за то это число достигаетъ до сотенъ и даже тысячъ во время Рошъ-Гашано и Йомъ-Кипуръ; благо разрѣшенія на открытіе синагоги не требуется.

Въ это время едва-ли не въ каждомъ 10-мъ или 20-мъ домѣ въ еврейскихъ улицахъ вы услышите грустные напѣвы «поста» и стройные звуки кантора, перемежаемые съ молитвами набожной массы.

Года три тому назадъ небольшая часть нью-іоркскихъ евреевъ,

бывшихъ нѣмецкихъ и русскихъ выходцевъ, задумала пригласить сюда одного виленскаго раввина, для занятія должности въ родѣ римскаго кардинала или архіепископа. Выписанный «равъ гаколль», рабби Джозефъ, задумалъ ввести въ нью-іоркскихъ еврейскихъ общинахъ нѣчто въ родѣ католическихъ порядковъ, и даже началъ вводить русскій институтъ пресловутой «таксы» на мясо. Но его начинанія не только не увѣнчались успѣхомъ, на потерпѣли полное фіаско, и раби Джозефу приходится теперь довольствоваться ролью простаго раввина въсколькихъ общинъ.

Американская жизнь и общественное устройство не остались также безъ вліянія на общій внѣшній обликъ эмигранта. Онъ ходитъ бодрѣе, смотритъ веселѣе, дѣйствуетъ смѣлѣе прежняго. Въ его походкѣ, взглядѣ, разговорѣ и дѣйствіяхъ видно слѣдствіе освобожденія отъ невыносимаго кошмара жидофобіи, отъ вѣчной боязни будочниковъ и босяковъ, отъ постояннаго дрожанія, что вотъ-вотъ раздастся грозное: «а, это ты Гершко Янкелевичъ? а подай-ка сюда Гершка Янкелевича!»...

Необходимо также констатировать фактъ, признаваемый здѣсь всѣми, что нравственность евреевъ гораздо выше другихъ проживающихъ въ Америкѣ національностей, особенно китайцевъ, итальянцевъ и ирландцевъ. Въ многочисленныхъ газетныхъ отчетахъ о частыхъ кражахъ, взломахъ и т. п. вы никогда или крайне рѣдко встрѣчаете имя евреевъ. Еще ни одинъ изъ русскихъ эмигрантовъ не былъ обвиненъ и осужденъ на тюремное заключеніе за послѣднія 10 лѣтъ. Случаются иногда обвиненія евреевъ въ поджогѣ своего имущества, но большею частью обвиненіе остается недоказаннымъ. Чѣмъ бы евреи ни занимались, но они никогда не попрошайничаютъ, что вообще очень рѣдко въ Америкѣ, гдѣ попрошайничество считается преступленіемъ.

Американская пресса единодушна въ своихъ отзывахъ относительно признанія еврейскаго населенія Нью-Йорка и другихъ городовъ полезнымъ, честнымъ, трудолюбивымъ ингредиентомъ американской республики.

IV.

Говоря о вліяніи эмигрантовъ на окружающую ихъ среду, я до сихъ поръ имѣлъ въ виду преимущественно массу, но не можетъ-

БЫТЬ ТАКЖЕ НИКАКОГО СОМНѢНІЯ, ЧТО И ИНТЕЛЛИГЕНТНАЯ ЧАСТЬ ЭМИГРАНТОВЪ ИМѢЛА И ИМѢЕТЪ НЕ МАЛОЕ ВЛІЯНІЕ, КАКЪ НА ОКРУЖАЮЩУЮ АМЕРИКАНСКУЮ СРЕДУ, ТАКЪ И НА ВНУТРЕННЮЮ ЖИЗНЬ САМИХЪ ЭМИГРАНТОВЪ.

Если численность этой интеллигенціи въ общемъ не очень велика, за то ея умственный уровень, энергія, воодушевленіе идеалами, духъ агитаціи и пропаганды, высокій нравственный стандартъ таковы, что и при незначительномъ, относительно, числѣ, она сдѣлала оставить глубокій слѣдъ своей просвѣдательной дѣятельностью какъ въ общей жизни страны, такъ и специально въ исторіи развитія самой эмиграціонной массы.

Еврейство вообще и эмигранты въ особенности очень многимъ обязаны этой интеллигенціи.

Если въ сердцахъ эмигрантовъ еще теплится вѣра въ идею колонизаціи; если въ средѣ русскаго еврейства убѣжденіе въ осуществленіи земледѣльческихъ колонизаціонныхъ идеаловъ еще не совсѣмъ пропало, если еврейскимъ рабочимъ удалось избѣгнуть судьбы китайскихъ «кули» и занять почетное мѣсто въ средѣ организованной арміи американскаго пролетаріата; если эмигрантамъ удалось сохранить и лелѣять общественность и солидарность въ этой странѣ индивидуализма и матеріализма; если, наконецъ, эмигранту не дали совершенно завоснѣть въ невѣжествѣ и обскурантизмѣ—то все это результатъ безкорыстной дѣятельности, идеальной честности, энергіи и самопожертвованія находящейся здѣсь русско-еврейской интеллигенціи.

Извѣстно, что не матеріальныя бѣдствія, не боязнь погромовъ, не экономическая необходимость заставили эмигрировать тѣ десятки, сотни и тысячи гимназистовъ, реалистовъ, студентовъ, людей ученыхъ и свободныхъ профессій и переселиться въ Новый Свѣтъ.

Всѣ они хорошо знали, что въ матеріальномъ отношеніи имъ будетъ гораздо хуже въ Америкѣ, чѣмъ въ Россіи; большая часть знала, что она оставляетъ свою профессію, свою карьеру, — всѣ были убѣждены, что въ Америкѣ имъ придется, по крайней мѣрѣ въ первое время, страдать и мучиться, работать трудно и долго, чтобы только не умереть съ голоду. Но чувство человѣческаго достоинства, желаніе начать новую жизнь, вѣра въ идею коло-

низации и убѣжденіе въ возможности лучшаго удѣла для народа Израиля—были болѣе важные стимулы для нихъ, чѣмъ эгоистическія матеріальныя соображенія.

И эта интеллигенція, къ гордости еврейства нужно сказать, осталась вѣрна себѣ и въ Новомъ Свѣтѣ, не смотря на всѣ трудности, на всѣ страданія, на всѣ горькія разочарованія.

Горькая дѣйствительность безжалостно разбила юношескія мечты о новой жизни, разрушила идеалъ колонизаціи; трудъ и горе охладил идеалистическій пылъ молодежи,—вмѣсто того, чтобы, какъ часто случается въ подобныхъ примѣрахъ, совершенно бросить свои идеалы, «сжечь все, чему прежде поклонялись», войти въ эгоистическую скорлупу и направить всѣ свои мысли къ достиженію земныхъ благъ и блестящей карьеры,—вмѣсто всего этого—много, очень много изъ числа интеллигенціи вотъ ужъ почти десять лѣтъ работаютъ для болѣе рациональной и практической организаціи экономическаго положенія еврейской массы и для ея умственнаго возвышенія этой массы.

Для человѣка, близко соприкасающагося со всѣмъ теченіемъ внутренней жизни эмигрантовъ, можетъ казаться преувеличеннымъ, если ему говорятъ о великой миссіи интеллигенціи среди эмигрантовъ; для человѣка, посвященнаго во внутреннія событія, организацію и дразни интеллигенціи; для того, который хорошо знаетъ всѣхъ дѣятелей и ихъ слабости,—польза дѣятельности русско-еврейской интеллигенціи можетъ казаться сомнительною.

Да это и естественно. «Нѣсть пророка въ своемъ отечествѣ», и трудно видѣть лѣсъ изъ-за деревьевъ. Но стоитъ немного удалиться отъ кипучей жизни всѣхъ русскихъ организацій, стоитъ только, откинувъ узкія, личныя симпатіи и антипатіи, бросить взглядъ на исторію развитія еврейскихъ эмигрантовъ въ Америкѣ со стороны—и вы убѣдитесь, что интеллигенція сдѣлала очень многое для эмигрантовъ.

Многимъ изъ числа интеллигенціи удалось занять выдающіяся мѣста въ благотворительности, въ рабочемъ движеніи и въ журналиствѣ. Нѣсколько американскихъ и вѣмецкихъ газетъ редактировались и редактируются бывшими русскими эмигрантами, а число сотрудничающихъ въ прессѣ довольно значительно. Во многихъ рабочихъ организаціяхъ, даже не спеціально еврейскихъ,

русскіе евреи стоятъ во главѣ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напр., Филадельфія, всѣ почти выдающіяся должности въ благотворительныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ соприсношеніе съ эмигрантами, заняты русскими же эмигрантами.

Въ исторіи внутренняго развитія эмигрантскихъ организацій первое мѣсто, въ историческомъ отношеніи, занимаетъ общество «Амь-Олемъ», сохранившее свою, начатую еще въ Россіи, организацію и на первое время въ Америкѣ. «Амь-Олемъ» даже издавалъ въ 1882 году свой собственный «Листокъ» въ Нью-Йоркѣ.

Въ 1883 году организовался Русскій Рабочій Союзъ, съ цѣлью умственнаго совершенствованія интеллигентной части эмиграціи. Рус. Раб. Союзъ организовалъ лекціи, дебаты, собранія и имѣлъ также уже довольно порядочную библіотечку. Немного позже вызванъ къ жизни Русскій Рабочій Лицей, а потомъ Еврейскій Рабочій Verein. Этотъ послѣдній задался спеціальною цѣлью организовать еврейскихъ эмигрантовъ, работающихъ въ различныхъ фабрикахъ и по разнымъ ремесламъ. Насколько эта дѣятельность удалась, свидѣтельствуетъ недавно организованная Федерация Еврейскихъ Ремесленныхъ Союзовъ Соединен. Штатовъ и Канады, имѣющая до 50 разныхъ своихъ организацій. Кромѣ вошедшихъ въ составъ этой федераціи, существуетъ еще до сотни или болѣе другихъ обществъ. Нѣтъ ни одного города въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ находятся русскіе эмигранты, гдѣ бы не существовало нѣсколькихъ обществъ или съ экономической или съ интеллектуальной цѣлью.

Дать перечень всѣхъ еврейскихъ организацій невозможно и неудобно. Во всей Америкѣ ихъ число, вѣроятно, достигнетъ до 300 (я, конечно, не говорю о чисто религіозныхъ обществахъ). Вотъ, впрочемъ, для курьеза перечень еврейскихъ обществъ, имѣвшихъ собранія въ одну недѣлю. Названія эти я взялъ изъ жаргонной газеты «Arbeiter-Zeitung», органа федераціи:

Мѣдники, мясники, модистки, рабочіе подтяжекъ, брюкъ, туфель, пальто, клоновъ, рубахъ, фуражекъ, петель, портные, позументщики, плотники, столяры, красильщики, ювелиры, часовыхъ дѣлъ мастера, и т. д.

Вообще, можно сказать, что большая часть эмигрантовъ занимается какою нибудь изъ отраслей производительнаго труда

что значительное число ремесленниковъ организовано, что имъ даетъ возможность помогать другъ другу въ нуждѣ и болѣзни, а также не допускаетъ заработной платѣ понижаться до минимума, какъ это случается въ ремеслахъ еще неорганизованныхъ. Кроме рабочихъ организацій, существуютъ и другія общества, какъ «Саморазвитіе», «Русско-Американская Лига» и другія.

V.

Описаніе внутренней жизни эмигрантовъ было бы не полно, если упустить изъ виду еврейскую прессу и театр. Еврейскія газеты имѣютъ важное значеніе для эмигранта. Онѣ даютъ ему необходимую умственную пищу, въ которой онъ нуждается и которой не можетъ достать за незнакомствомъ языка страны. Онѣ поддерживаютъ его интересъ къ текущимъ событіямъ и вопросамъ дня; онѣ освѣщаютъ его интеллектуальный міръ и даютъ ему много необходимыхъ и полезныхъ свѣдѣній, уже не говоря объ идейной пропагандѣ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ этихъ специальныхъ газетъ. Литературное достоинство еврейскихъ газетъ не особенно высоко, — не потому только, что между еврейскими писателями въ Америкѣ мало хорошихъ литераторовъ, но по естественной нелитературности жаргоннаго діалекта, на которомъ большинство газетъ печатается. Правда, между сотрудниками этихъ газетъ есть нѣсколько довольно талантливыхъ поэтовъ и писателей, но бѣдность жаргона умаляетъ, а иногда скрываетъ ихъ талантъ. Къ тому же число газетъ слишкомъ велико, конкуренція между ними очень ожесточенная, полемика не особенно порядочная, и, за исключеніемъ двухъ-трехъ, остальные газеты не стараются возвысить массу до себя, на высшій общественный уровень, а поддѣлываются подъ грубый вкусъ и вульгарный юморъ низшихъ слоевъ массы. Число еврейскихъ газетъ въ Нью-Йоркѣ доходитъ до 12, и въ Нью-Йорка, кажется, только одна—въ Чикаго.

Вотъ перечень существующихъ еврейскихъ газетъ въ Нью-Йоркѣ.

- 1) «Jüdisches-Tagesblatt».
- 2) «Jüdische-Zeitung».
- 3) «Die Neue Post».

- 4) «Der Morgenstern».
- 5) «Der Courier».
- 6) «Der Telephon».
- 7) «Der Menschenfreund».
- 8) «Der Telegraph».
- 9) «Der Volksadvokat».
- 10) «Der Pipernoter».
- 11) «Die Arbeiter Zeitung».
- 12) «Die freie Arbeiter-Stimme».

№ 6 и 7 издаются Шайкевичемъ или Шомеромъ, написавшимъ нѣсколько жаргонныхъ романовъ. «Arbeiter Zeitung» есть, какъ я уже упомянулъ, органъ Федерациа Евр. Рабочихъ въ С. Ш. и Канадѣ. Она печатается въ количествѣ болѣе 5,000 экземпляровъ. «Die freie Arbeiter-Stimme» издается представителями крайней радикальной партіи въ средѣ еврейскихъ рабочихъ. Печатается она въ числѣ 3,500 экземпляровъ. Остальныя газеты имѣютъ отъ 2 до 5 тысячъ экземпляровъ. Кромѣ этихъ жаргонныхъ газетъ, эмигрантами въ Нью-Йоркѣ издаются еще древне-еврейскія газеты Harisgo и Hasaingur.

Что касается до еврейскаго театра, то его польза сомнительна. Въ Нью-Йоркѣ существуютъ двѣ труппы,—драматическая и опереточная. Поучительнаго ни та, ни другая ничего не даютъ. Таланты актеровъ не особенно высоки. Авторы пьесъ менѣе обращаютъ вниманіе на литературность языка, вѣрность характера типовъ и вѣрное отраженіе еврейской жизни, чѣмъ на сенсацию, грубый юморъ и т. п. Качество еврейскихъ театральнхъ пьесъ, сочиненныхъ въ Америкѣ, гораздо ниже тѣхъ пьесъ, которыя давались въ Россіи въ началѣ 80-хъ годовъ и которыя не встрѣтили одобренія еврейскихъ критиковъ. Впрочемъ, главная цѣль, какъ авторовъ, такъ и актеровъ—привлеченіе массы и продажа билетовъ. При такихъ обстоятельствахъ искусство едва-ли можетъ стоять высоко.

Впрочемъ, какъ ни сомнительно художественное ихъ достоинство, еврейскіе театры увеселяютъ публику и вносятъ нѣкоторое разнообразіе въ монотонную трудовую жизнь русско-еврейскихъ эмигрантовъ.

Г. Прайсъ.

ИЗЪ МИДРАША.

Премудрый равви въ чистомъ полѣ
Гулялъ вечернею порой.
Колосья зыблились на волѣ,
Позолоченные зарей.
Ихъ стебельки съ игривымъ шумомъ
Дрожали въ синей полумгнѣ,
Какъ будто вторя свѣтлымъ думамъ
На блѣдномъ старческомъ челѣ.
И вдругъ съ нежи раздался голосъ —
Ребенокъ старцу говорилъ:

— „Затѣй-ли, равви, этотъ колосъ
Творецъ всеблагій уродилъ,
Чтобъ ты топталъ его ногами?“

— Господь храни тебя, дитя! —
Отвѣтилъ равви, — вѣдь тропою
Иду по нивѣ этой я“.

— „Тропой?!.. На дикую забаву
Стрѣлокъ прѣмчался здѣсь верхомъ;
Копыта конскаго потраву

Другой жежею счель потомъ;
 Прошелъ гулява тутъ съ пирушки,
 Бродя безъ цѣли по полямъ;
 Прошли двѣ нпщія старушки,
 Теперь и ты—по ихъ слѣдамъ“...

* * *

Уныло бродить по строкамъ
 Завѣтной книги взоръ усталый,—
 И со страницы обветшалою,
 Глубокой вѣя стариной,
 Звучить мнѣ голосъ неземной:

— „Не довѣрай дорогѣ торной,
 Когда, безумна и слѣпа,
 По ней съ безпечностью позорной,
 Рабой, обычаемъ покорной,
 Идетъ шумливая толпа.
 Пускай пытливой мысли око,
 Презрѣвъ обманчивые сны,
 Не проглядитъ слѣдовъ порока
 И въ чтимыхъ нами такъ глубоко
 Завѣтахъ темной старины“.

С. Фругъ.

ИСТОРИЯ ХАСИДСКАГО РАСКОЛА.

НА ОСНОВАНІИ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ, ПЕЧАТНЫХЪ И РУКОПИСНЫХЪ.

XIII. Посланіе Залмана, смерть гаона и обостреніе борьбы (1797 г.)¹.

Бѣдствія виленскихъ хасидовъ и обращеніе ихъ къ Залману.—Отвѣтное посланіе Залмана.—Историческій характеръ этого посланія.—Бесплодность его.—Смерть гаона (сентябрь, 1797).—Великая скорбь въ Вильѣ.—Безтактная выходка виленскихъ хасидовъ: веселій пиръ по случаю смерти прѣдсѣдателя.—Вѣрныя годованія въ средѣ миснагидовъ: торжественная молитва на кладбищѣ.—Безчестія разъяренной толпы ночью.—Чрезвычайное собраніе ревнителей и выработанныя ими репрессивныя мѣры противъ сектантовъ.—Организованная духовная инквизиція.—Тайное рѣшеніе виленскаго багала.

Всеобщее возбужденіе противъ хасидовъ должно было, конечно, прежде всего отразиться на сектантахъ, жившихъ въ самомъ очагѣ враждебнаго имъ движенія—въ резиденціи гаона. Виленскіе хасиды первые почувствовали на себѣ карающую руку миснагидовъ. Съ членами мѣстнаго хасидскаго кружка стали обращаться какъ съ отъявленными еретиками, ихъ преслѣдовали, публично жгли ихъ священныя книги, мѣшали ихъ молитвеннымъ собраніямъ, всячески возбуждали противъ нихъ толпу. Благочестивые люди смотрѣли на «кружокъ» съ ужасомъ, какъ на колонію преступниковъ. Положеніе было и тяжелое, и опасное, ибо что значила горсть сектантовъ среди грозной массы, враждебно къ нимъ настроенной и способной во всякое время раздавить ихъ?

При такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, нѣкоторые предстатели виленскихъ хасидовъ обратились къ вождю секты въ

¹ См. „Восходъ“, кн. XI.

Въѣлоруссіи—Залману изъ Ліовна съ просьбою принять какія нибудь мѣры противъ новаго нашествія непріятеля. Залманъ въ это время не только зналъ о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ хасидамъ, но и болѣе всѣхъ страдалъ отъ этихъ притѣсненій лично. Онъ былъ тогда въ зенитѣ своей славы. Годы общественной и политической смуты въ Литвѣ были для него наиболѣе спокойною и отрадною эпохою жизни: вокругъ него было тихо; враги, овабоченные собственными дѣлами, оставляли его въ покоѣ; росту секты въ Вѣлоруссіи, политически разъединенной съ Литвою, никто не мѣшалъ. Въ эти тихіе годы Залманъ, какъ намъ уже извѣстно, успѣлъ написать и напечатать свой знаменитый трактатъ «Таніо». Книга пріобрѣла ему многихъ восторженныхъ поклонниковъ среди хасидовъ и не мало ярыхъ враговъ среди миснагидовъ. Въ обвинительномъ актѣ противъ секты, эта «еретическая» книга занимала не послѣднее мѣсто. Понятно, что, какъ только поднялось новое антихасидское движеніе, Залманъ снова сдѣлался главною мишенію непріятельскихъ стрѣлъ. 1796 годъ положилъ конецъ тихой порѣ его жизни и напомнилъ ему о печальныхъ 1781 и 1784 годахъ. Какъ и тогда, эмиссары изъ Вильны, въ лицѣ Саадія и Хаима, развѣзжали теперь по Вѣлоруссіи, распространяя зажигательныя прокламаціи гаона и возбуждая въ толпѣ непримиримую вражду къ хасидамъ. Слухи о выходкахъ миснагидовъ, о публичныхъ ауто-да-фе надъ хасидскими книгами, и между прочимъ надъ его «Таніо», наполняли сердце Залмана скорбью...

Въ этотъ моментъ виленскіе хасиды обратились къ нему съ просьбою о совѣтѣ и защитѣ. Просители настаивали въ особенности на томъ, чтобы Залманъ устроилъ публичный диспутъ съ главными представителями миснагидовъ—съ гаономъ и его свитой, и доказалъ бы, что въ хасидскомъ ученіи, вопреки отзыву гаона, нѣтъ никакой опасной ереси, ничего противнаго догматикѣ іудаизма. На эту просьбу Залманъ отвѣтилъ слѣдующимъ замѣчательнымъ письмомъ, адресованнымъ къ кружку виленскихъ хасидовъ ¹.

---

¹ Письмо это, давно циркулировавшее въ рукописныхъ копіяхъ, впервые напечатано лишь въ 1858 г. въ приложеніи къ извѣстному „Диспуту между ха-

«Мои дорогіе братья и друзья, стоящіе на страхѣ ученія и богослуженія въ молитвенномъ собраніи нашихъ единомышленниковъ, въ святомъ градѣ Вильнѣ, — да будетъ Богъ съ вами!

«Прежде всего объясню я вамъ все подлинно касательно диспута съ нашими противниками. Если бы только была возможность придти съ ними къ какому нибудь окончательному соглашенію, то это, конечно, было-бы самымъ лучшимъ подвигомъ передъ Богомъ, ибо что можетъ быть выше водворенія мира во Израилѣ? Но развѣ съ нашей стороны не сдѣлано все возможное для достиженія этой цѣли, развѣ мы не употребили всѣ усилія, чтобы добиться мира? Однако, это намъ не удалось — и мы чисты передъ Богомъ и передъ еврействомъ. Вѣдь мы съ самаго начала высказались въ такомъ духѣ (въ духѣ миролюбія) и даже отправились къ благочестивому гаону на домъ для того, чтобы вступить съ нимъ въ словопреніе и доказать неосновательность его жалобъ на насъ. Я былъ тогда тамъ (въ Вильнѣ) вмѣстѣ съ покойнымъ благочестивымъ р. Менделемъ Гараснеромъ, блаженной памяти. Но гаонъ захопнулъ передъ нами дверь дважды. А когда уважаемыя лица въ городѣ сказали ему: «Владыко, вотъ пріѣхалъ къ намъ прославленный глава ихъ (хасидовъ) съ цѣлью диспутировать съ вашею честью, и если вы его побѣдите, то этимъ навѣрное утвердите миръ во Израилѣ», — то онъ всячески уклонялся отъ прямого отвѣта. Когда же они стали настаивать и убѣждать его, онъ взялъ и выѣхалъ изъ города и пробылъ тамъ (за городомъ) до дня нашего отъѣзда изъ Вильны, какъ извѣстно тамошнимъ старѣйшинамъ. Затѣмъ, въ нашихъ краяхъ мы ѣздили въ *Шкловъ* также для диспута, но и тутъ ни-

---

сидахи и миснагдани» (פירוש קדוש, Кенигсбергъ, изд. Сегаловича). Письмо Займана не помѣчено никакой датой, но все содержаніе его свидѣтельствуетъ, что оно относится къ описываемому нами моменту, т. е. къ первой половинѣ 1797 г. Эту дату мы опредѣляли еще ближе на основаніи двухъ пунктовъ: 1) въ письмѣ упоминается о миссѣ Саадіа, что могло быть только послѣ вилненскихъ циркуляровъ отъ іюня и сентября 1796 г.; 2) въ немъ говорится о гаонѣ, какъ о живущемъ еще (проставка "и" къ его имени), что могло имѣть мѣсто лишь раньше сентября 1797 г. (времени смерти гаона). Стало быть, письмо писано между концомъ 1796 г. и началомъ осени 1797 г.

чего не успѣли. Тутъ съ нами поступили неслыханнымъ образомъ и не исполнили даннаго ранѣе обѣщанія, что намъ ничего худого не сдѣлаютъ. Только видя, что имъ нечего возразить на наши доводы, противники наши употребили насиліе и сослались на великій авторитетъ благочестиваго гаона ¹.

«Впрочемъ, по совѣсти, мы склонны были судить гаона въ смыслѣ оправдательномъ, имѣя въ виду, что у него давно уже и безповоротно составилось мнѣніе о насъ. Наша виновность— для него неоспоримый фактъ, основанный на свидѣтельскихъ показаніяхъ многихъ людей, пользующихся, на взглядъ поверхностно судящаго общества, репутаціей честныхъ и добросовѣстныхъ. Поэтому, когда онъ (гаонъ) узналъ отъ извѣстнаго посредника, разъясняющаго ему все это, о нѣкоторыхъ началахъ (нашего) ученія, онъ не счелъ нужнымъ взглянуть на дѣло съ хорошей стороны и толковать слышанное въ благопріятномъ для насъ смыслѣ ². Онъ не сообразилъ, что посредникъ могъ изложить ему предметъ не въ точныхъ выраженіяхъ, а вѣдь перемѣнить хотя что нибудь въ формѣ выраженія какой либо идеи нѣрѣдко значитъ исказить самую идею и дать о ней понятіе, прямо противоположное дѣйствительному. Подавно же, не могло придти ему въ голову, что, можетъ быть, у хасидовъ есть откровеніе Божіе черезъ пророка Ілію, что люди свѣдующіе могутъ, имъ однимъ извѣстнымъ, тайнымъ способомъ отдѣлать и совершенно снять матеріальную оболочку съ выраженій «Зогара» (т. е. очистить хасидизмъ отъ обвиненія въ грубомъ толкованіи словъ каббалы о Божествѣ), но что для этого необходимо непосредственное посвященіе, помимо всякихъ посредниковъ, въ родѣ вышеозначеннаго. И такъ какъ, для достиженія такой высокой степени пониманія, нужна необыкновенная святость,—вопреки мнѣнію, составившемуся у гаона на основаніи «достоверныхъ» на его взглядъ свидѣтельскихъ показаній,—то онъ, гаонъ, не думая, чтобы эти свидѣтели могли такъ радикально ошибаться, не пожелалъ

¹ Подробности о всѣхъ этихъ попыткахъ Заимана устроить публичныя диспуты см. выше, гл. X.

² Кто именно былъ этотъ загадочный „посредникъ“, посвящавшій гаона въ тайны хасидизма, намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно.

принять отъ насъ никакихъ возраженій, оправданій или толкованій на то, что ему сообщено о началахъ нашего ученія,— словомъ, не хотѣлъ имѣть съ нами никакихъ объясненій.

«Отношенія не измѣнились къ лучшему и теперь. Ибо и поднесъ не слышно, чтобы гаонъ отрекся отъ чего либо, чему вѣрилъ прежде, или чтобы у него возникло хоть какое либо сомнѣнiе насчетъ того, что ему сообщили его люди. Напротивъ, фактъ о деньгахъ, а именно то, что гаонъ потребовалъ двухъ тысячъ дукатовъ на благотворительность или на другое богоугодное дѣло, — этотъ фактъ доказываетъ нѣчто совсѣмъ иное¹. Наши противники просто не хотѣли вникнуть въ дѣло, ибо вѣдь имъ было хорошо извѣстно, что я могъ бы легко устранить всѣ возраженія (на хасидское ученiе), извѣстныя и распространенныя въ нашемъ краѣ; но они мовъ-то отвѣтовъ и не хотѣли слушать, какъ мы видѣли воочию въ Шкловѣ. Если такъ, то къ чему мнѣ все трудиться? Мудрецы талмудисты давно сказали: «Ты имѣешь обязанность говорить, когда тебя слушаютъ, но обязанъ молчать, когда тебя не хотятъ выслушать и понять». А слова мудрецовъ нашихъ — искры огненные, и въ притчахъ ихъ скрываются великiя предостереженiя для понимающихъ. Кромѣ того, Талмудъ гласитъ: «Если ученый предлагаетъ вамъ какое нибудь толкованiе на законъ, то принимайте послѣднее лишь въ томъ случаѣ, если оно не было вызвано какимъ-нибудь частнымъ практическимъ случаемъ; въ противномъ же случаѣ, не принимайте его, хотя бы ученый сослался на авторитетъ великаго учителя, ибо разъ практика вызвала такое толкованiе закона, то можно опасаться, что оно односторонне и пристрастно»². То же примѣнимо и къ нашему дѣлу. Ибо хотя мы не можемъ опасаться завѣдомой лживости (со стороны нашихъ противниковъ), но вѣдь все тутъ зависитъ отъ субъективнаго пониманiя и отъ расположенiя выслушать насъ и принять къ свѣдѣнiю наши

¹ И этотъ фактъ, къ сожалѣнiю, намъ неизвестенъ. Не собирались-ли деньги для агитацiи противъ хасидовъ, и не имѣть-ли это связь съ миссiей вилевскихъ пословъ, Саадiа и Халма?

² Смыслъ тотъ, что всякiй сколько нибудь заинтересованный дѣломъ, incompetentъ судить о немъ. Стало быть, и гаонъ не могъ компетентно судить о хасидахъ.

доводы. А что противники наши заинтересованы нашимъ осужденіемъ и никоимъ образомъ не склонны судить насъ справедливо—это не подлежитъ сомнѣнію послѣ известной исторіи и послѣ тѣхъ ужасныхъ волю, которыя были причинены нашимъ единомышленникамъ въ этихъ краяхъ, въ Литвѣ и Вѣлорусіи, въ силу заявленія гаона и внушеній, сдѣланныхъ имъ, въ особенности своимъ ученикамъ и приближеннымъ. Да я и самъ собственными глазами читалъ письмо отъ одного изъ этихъ учениковъ изъ Вильны, гдѣ послѣдній, отъ имени своего учителя, говорить такія слова, которыя я, ради чести Торы, не хочу занести здѣсь на бумагу.

Изъ содержанія вашего письма замѣтно, впрочемъ, что и отъ васъ не ускользнуло все это и что вы даже имѣли это въ виду. Но вы предлагаете еще положиться на рѣшеніе третьейскаго суда изъ двухъ уважаемыхъ лицъ, которыя должны рѣшить, кто правъ въ спорѣ. Ваше предложеніе, на мой взглядъ, не подсказано разумомъ, ибо авторитетъ самыхъ уважаемыхъ лицъ не можетъ имѣть никакого значенія противъ авторитета гаона и не поколеблетъ (въ глазахъ народа) его сужденія о хасидахъ, внушеннаго имъ своему ученику р. *Саадию*, который говоритъ все отъ имени своего учителя, а не отъ своего собственнаго. Въ особенности (укоренилось въ народѣ) его сужденіе о книгѣ «*Ликуте-Амаримъ*» и тому подобныхъ произведеніяхъ, основанныхъ на высокой мудрости святѣйшаго изъ святыхъ *Ари* (р. Исаака Луріи), блаженной памяти¹. Какъ слышно, въ Литвѣ не найдется ни одного человѣка, который осмѣлился бы держаться убѣжденія, не одобряемаго гаономъ, или открыто заявить, что гаонъ неправъ. Это считалось бы святотатствомъ. Только въ далекихъ странахъ, какъ Турція, Италія, большая часть Германіи, великая и малая Польша, осмѣлятся противорѣчить гаону. А я, по правдѣ, этого бы и хотѣлъ: вѣдь дѣло идетъ о вѣрѣ. Какъ слышно отъ имени уче-

¹ *עליון עשר*—второе заглавіе книги „Таніо“ Залмана. Повидимому, о ней тутъ идетъ рѣчь, а не о книгѣ Бера Межрицкаго подъ такимъ же заглавіемъ. Залманъ тутъ, очевидно, говоритъ про дошо виа, доказывая, что ему лично, заподозрѣнному въ ереси, не данъ оправдаться.

Восходъ, кн. 12.

никовъ гаона, главное его предубѣжденіе противъ книгъ вродѣ «*Дикуте-Амаримъ*» и т. п. истекаетъ изъ того, что въ этихъ книгахъ изреченіе: «*Богъ наполняетъ ось міра и нѣтъ мѣста, свободнаго отъ Него*» толкуется въ буквальномъ смыслѣ; а въ глазахъ гаона такое толкованіе составляетъ настоящую ересь, ибо богохульно утверждать, что Богъ находится самолично во всѣхъ даже низкихъ и нечистыхъ вещахъ. Какъ вы пишете мнѣ, изъ-за этого предубѣжденія *сожгли извѣстную книгу*¹. Они же (миснагиды) имѣютъ свои объясненія на вышеупомянутое изреченіе, объясненія аллегорическія и странныя, такъ что, напр., библейскій стихъ: «*Пома земля славою Божіей*» они толкуютъ въ смыслѣ Провидѣнія Божія, проявляющагося въ мірѣ и т. п.

«О, если бы я могъ увидѣть его (гаона) и представить ему наше дѣло въ настоящемъ видѣ! Я могъ-бы тогда снять съ насъ всѣ его упреки, уничтожить всѣ его философскія возраженія, ибо онъ пошелъ по слѣдамъ философовъ, даже по сознанию его учениковъ, желая объяснить Божество человѣческимъ разумомъ. Я получилъ отъ своихъ учителей неопровержимый отвѣтъ на всѣ такіе вопросы—и могъ-бы разубѣдить его. Если-же ему будетъ трудно отказать отъ своего прежняго образа мысли, съ коимъ онъ свыкъся съ дѣтства, и онъ не захочетъ принять (лично) мои возраженія,—то пусть онъ соединитъ съ величіемъ скромность и согласится хоть на слѣдующее: онъ, гаонъ, пусть изложитъ ясно всѣ свои претензіи къ намъ относительно означенныхъ вѣрованій, пусть начертаетъ свои слова въ письмѣ при помощи одного изъ главныхъ своихъ послупниковъ, и пусть потрудится подписать собственноручно; я же вслѣдъ затѣмъ отвѣчу на его слова въ точности, по всѣмъ пунктамъ и также въ письмѣ за моею подписью. Затѣмъ оба эти письма пускай будутъ напечатаны и разсланы ко всѣмъ еврейскимъ ученымъ, близкимъ и далекимъ, съ тѣмъ, чтобы они высказались по сему предмету, ибо не обижень Богомъ Израиль и найдутся еще среди него многіе мужи, въ совершенствѣ знающіе законъ и способные рѣшить спорный вопросъ безъ всякаго лицепрія-

¹ Повидимому, одну изъ книгъ, приписываемыхъ Бенту. Ср. ниже.

тія. Большинство голосовъ положить конецъ спору—и миръ водворится во Израилѣ.

«Что же касается изложеннаго въ «Ликуте-Амаримъ» и т. п. книгахъ принципа выдѣленія божественныхъ искръ изъ оболочекъ (внѣшнихъ предметовъ) ¹, то надо имѣть въ виду, что этотъ принципъ развитъ только въ Каббалѣ *арійской* (практической); въ произведеніяхъ же каббалистовъ, предшествовавшихъ *Ари*, и даже въ «Зогарѣ» онъ не выраженъ въ ясномъ видѣ. А между тѣмъ намъ доподлинно извѣстно, что благочестивый гаонъ не вѣритъ въ происхожденіе всей арійской каббалы отъ пророка Иліи, но полагаетъ, что въ ней лишь частію проявилось откровеніе отъ Иліи, остальное же истекаетъ изъ мудрости самого *Ари*, и мы поэтому не обязаны безусловно вѣрить въ эту каббалу. Вдобавокъ онъ, гаонъ, ссылается на то, что многія писанія *Ари* дошли до насъ въ искаженномъ видѣ, и тѣмъ самымъ предоставляетъ себѣ право дѣлать различія, выбрать то, что ему нравится изъ этихъ священныхъ писаній *Ари*, и затѣмъ произвольно рѣшить, что такое-то молъ, преданіе отъ Иліи, а другое не отъ Иліи. Можемъ-ли мы послѣ этого говорить и оправдываться передъ нимъ? Всякій, имѣющій мозгъ въ головѣ, пойметъ, что разъ человѣкъ не вѣритъ во что-нибудь (во что другіе вѣрятъ), то онъ не властенъ судить объ этомъ и рѣшать участь вѣрующихъ по одному своему свободному мнѣнію. Судьями въ такомъ дѣлѣ могутъ быть только великіе во Израилѣ, извѣстные своею вѣрою въ арианскую каббалу, какъ всецѣло внушенную пророкомъ Иліей, каковы напр. сефардійскіе ученые и т. п. Да и то еще необходимо, чтобы сами противники хасидизма также вѣрили въ святость арианской каббалы, какъ, напр., знаменитые раввины, свѣдующіе и въ явномъ, и въ тайномъ ученіи. Если такіе раввины будутъ спорить съ знаменитостями изъ нашихъ единомышленниковъ въ Польшѣ и Германіи, то обѣ стороны можно будетъ разсудить и привести дѣло къ благополучному рѣшенію. Но мы еще ни о чемъ подобномъ не слышали.

¹ Извѣстное начало *קצת מן המדות*, изложенное во всѣхъ важнѣйшихъ хасидскихъ книгахъ и особенно въ системахъ Бера изъ Межрича и самого Залмана

«Что же касается сожженія, которому подвергли извѣстную книгу, я скажу вамъ: не вамъ воевать за Бешта блаженной памяти и возбуждать распри! Не таковъ городъ (гдѣ вы живете) и не таковъ путь, угодный Богу. Вамъ кажется, что мы переживаемъ нѣчто новое, небывалое, а между тѣмъ оно давно было. Вспомните времена прошедшія! Выль-ли кто-нибудь въ свое время выше великаго Моисей-бенъ-Маймона блаженной памяти, который на своей родинѣ, въ Испаніи, пользовался величайшею славою и всеобщимъ поклоненіемъ, такъ что еще при жизни упоминали его имя въ торжественной молитвѣ, ибо видѣли его мудрость, святость и благочестіе; а между тѣмъ въ далекихъ странахъ, гдѣ о немъ мало слышали, его считали еретикомъ, не вѣрующимъ въ догматъ воскресенія мертвыхъ, и сжигали публично, среди улицы, его книги, какъ, напр. первую часть кодекса «Ядъ-гахазака». И все это случилось оттого, что самоувѣренные мудрецы не надлежащимъ образомъ поняли слова Маймонида въ отдѣлѣ «*O покаяннн*» и осудили его, при чемъ имъ и въ голову не приходило приписать это мнимое невѣріе Маймонида своему собственному непониманію и недостаточному вниманію въ его слова,—какъ это впоследствии выяснилось черезъ Рамбана и Радака (Нахманида и Кимхи) блаженной памяти. Но вотъ, минули годы—и отъ ненависти преслѣдователей не осталось и слѣда, а истина выросла изъ подъ земли, и весь Израиль узналъ, что Моисей (Маймонидъ) правъ и ученіе его правое. То же да будетъ и съ нами въ скоромъ времени, аминь!

«Желающій вамъ отъ души мира и благополучія, преданный вамъ *Шнеуръ-Залманъ сынъ Боруха.*»

Это посланіе Залмана, очевидно, предназначено было не столько для тѣхъ, кому оно непосредственно адресовано, сколько для всей публики вообще, и для миснагидовъ еще больше, чѣмъ для хасидовъ. Оно служило прямымъ отвѣтомъ на громовые циркуляры

(Ср. „Возникновеніе Цадикизма“, гл. III, и выше, гл. XI). Развѣны видѣли въ этомъ началѣ кощунство, ибо подъ „видѣніемъ искръ“ хасиды подразумевали мысленное возведеніе къ Богу всѣхъ помисловъ, чувствъ и даже грубыхъ страстей, такъ что всякія плотскія возжеланія освящались и какъ-бы оправдывались возведеніемъ ихъ къ Богу, т. е. экзальтированнымъ состояніемъ.

гаона. Послѣдній обвинялъ учителей секты въ склонности къ пантеизму, а Залманъ доказываетъ, что этотъ пантеизмъ не философскій, а мистическій, основанный на преданіяхъ священной каббалы, которую его противникъ недостаточно чтитъ и понимаетъ. Вождь хасидовъ вызывается, при спеціальному обсужденіи вопроса, очистить хасидизмъ отъ всякаго подозрѣнія въ догматической ереси Далѣе, гаонъ въ своихъ циркулярахъ приглашалъ къ практической борьбѣ противъ хасидовъ, къ преслѣдованію ихъ путемъ административнымъ и дозволялъ всякія средства борьбы, лишь-бы поскорѣе искоренить еретиковъ; Залманъ же снова и въ послѣдній разъ предлагаетъ публичный диспутъ, устный или письменный, какъ единственное средство уладить споръ и предупредить гибельную междоусобицу; но, наученный прежнимъ горькимъ опытомъ, онъ сомнѣвается, чтобы такой диспутъ могъ состояться, ибо гаонъ разъ навсегда рѣшилъ, что хасидизмъ—ересь и потому, не хочетъ выслушивать никакихъ оправданій или возраженій.

И такъ, Залману оставалось молчать и терпѣть, сознавать свою невинность—и носить страшную кличку «еретикъ», пламенно вѣрить—и слыть невѣрующимъ, колебателью основъ религіи. Вотъ гдѣ настоящее мученичество. Залманъ свыкъ съ нимъ и хотѣлъ приучить къ тому же своихъ послѣдователей. По поводу публичнаго сожженія хасидскихъ книгъ, между которыми было и его любимое «Таніо», Залманъ напоминаетъ своимъ ученикамъ о судьбѣ книгъ Маймонида, которыя когда-то также всенародно сжигались, а потомъ признаны были священными¹. Онъ утѣшается мыслью, что то же будетъ и съ осужденными хасидскими твореніями... Его чаяніе сбылось отчасти: клеймо ереси въ послѣдствіи снято было съ догматива хасидизма, но «священной» послѣдняя все-таки не стала для миснагидовъ. Да и прежде, чѣмъ добиться этого скромнаго результата, т. е.

¹ Залманъ, впрочемъ, говоритъ объ одной половинѣ факта, умалчивая о другой. Онъ упоминаетъ о сожженіи догматическаго сочиненія Маймонида (первой части его кодекса), а не объ одновременномъ истребленіи его великаго философскаго творенія «Путеводитель заблудшихъ», которое особенно напекло на своего автора гѣвъ раввиновъ, да и въ послѣдствіи осталось опаснымъ въ глазахъ ортодоксовъ. Напоминаніе о послѣднемъ, очевидно, было не въ видахъ Залмана.

очиститься отъ подозрѣнія въ ереси, хасидизму предстояли еще немалыя испытанія.

Новая кампанія только начиналась. Борьба пока происходила на почвѣ принциповъ. Преслѣдовали больше хасидизмъ, чѣмъ хасидовъ; жгли книги, но еще щадили людей. Всѣ правовѣрные вняли призыву гаона, всѣ готовы были стоять за вѣру, но еще колебались въ выборѣ средствъ борьбы...

Вдругъ случилось событіе, которое на первый взглядъ должно было ослабить силы нападающихъ, но на самомъ дѣлѣ укрѣпило ихъ, по крайней мѣрѣ временно. Умеръ главный военачальникъ нападающей арміи—гаонъ.

Смерть гаона не была неожиданностью. Старецъ, истощенный постомъ, бдѣніями и непрерывнымъ умственнымъ напряженіемъ, давно уже болѣлъ. Съ 1791 г. гаонъ постоянно чувствовалъ себя плохо. Въ 1796 г.—годъ возобновленія борьбы съ хасидами — онъ испыталъ тяжкую и опасную болѣзнь и окончательно впалъ въ немощь. Въ канунъ Іомъ-Кипура 1797 г. онъ, по старому обычаю, призвалъ своихъ сыновей, дочерей и внуковъ и благословилъ ихъ на новый годъ, но тутъ голосъ старца задрожалъ, и онъ навзрыдъ заплакалъ. Присутствующіе, потрясенные этимъ необычайнымъ зрѣлищемъ, не знали, чему приписать внезапное волненіе гаона, но предчувствовали что-то недоброе. Это было спустя ровно годъ послѣ знаменитаго посланія гаона въ отвѣтъ на запросъ минскаго кагала. Послѣ Іомъ-Кипура, гаонъ уже едва держался на ногахъ, но крѣпился и въ первые дни праздника Кушей еще молился въ своей синагогѣ, торжественно держа въ рукахъ заповѣдную пальму съ райскимъ яблокомъ. На пятый день праздника онъ слегъ и, сжимая въ рукахъ названные священные атрибуты, тихо скончался, 78 лѣтъ отъ роду (въ концѣ сентября 1797 г.)¹.

Такъ умеръ этотъ могучій воинъ Обряда, умеръ, какъ жилъ съ внѣшними религіозными символами въ рукахъ. Вся его жизнь, вся дѣятельность посвящены были всецѣло изученію религіозныхъ законовъ и строгому исполненію ихъ. Въ области

¹ חסידים חסידים (Жизнеописаніе гаона), Вильна, 1875, 4-е изд., стр. 73.

вѣры онъ былъ строгимъ законникомъ и до мелочей точнымъ исполнителемъ. Больше этого онъ не зналъ. Онъ ненавидѣлъ не только хасидимъ, но и вообще всякіе «измы», всякую попытку внести въ религіозную догматику философскія умозрѣнія или восторженное мистическое чувство. «Учись и повинуйся!»—вотъ его лозунгъ. Богъ для него былъ строгимъ генераломъ, временно поручившимъ ему командованіе войсками: онъ самъ въ точности исполнялъ воинскую дисциплину и требовалъ того-же отъ солдатъ. Разсуждать и чувствовать позволялось только въ предѣлахъ дисциплины: чувствуй почтеніе къ небесной власти, разсуждай о способахъ проявленія этого почтенія наружными знаками, не покушайся, однако, измѣнить что бы то ни было изъ установленныхъ формъ—и больше ничего! Въ этомъ славномъ рыцарѣ раввинизма, его твердости, неуклонномъ исполненіи долга, неподкупной честности, стоической воздержности,—во всей этой фигурѣ есть что-то величественное, но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ нея вѣетъ холодомъ. Вы невольно вытянетесь въ струнку передъ такимъ человѣкомъ, но сердце ваше не будетъ тронуто...

Не такъ, однако, думалъ въ то стародавнее время народъ, который повиновался этому человѣку, какъ начальнику, и благоговѣнно поклонялся, какъ кумиру. Смерть гаона, хоть и не внезапная, поразила всѣхъ, особенно въ Вильнѣ. По разсказу современника, въ городѣ, въ день смерти гаона, по всѣмъ улицамъ слышались только громкій плачъ и рыданія. Веселый праздникъ Куцей превратился въ великій трауръ. На кладбищѣ, при похоронахъ, присутствовалъ почти весь городъ, такъ что къ вечерней молитвѣ, совпавшей съ часомъ похоронъ, ни въ одной синагогѣ нельзя было собрать законнаго «миніана» (десять человѣкъ) для публичнаго отправления богослуженія ¹.

Въ этотъ моментъ всеобщей искренней скорби, виленскіе хасиды совершили крайне безтактный поступокъ, за который имъ потомъ пришлось очень дорого заплатить. Узнавъ о смерти гаона, хасиды вдругъ почувствовали чрезвычайное душевное облегченіе. Имъ казалось, что со смертью этого неумо-

¹ Ibid., стр. 74, прим. 119.

лимаго воителя, давившаго секту цѣлыхъ четверть вѣка, умереть или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабнуть все антихасидское движеніе, во главѣ котораго стоялъ покойный. Недавно еще гонимымъ сектантамъ, униженнымъ и заклейменнымъ, какъ преступники, рисовались впереди миръ, спокойное исповѣданіе своего «спасительнаго» ученія и можетъ быть, даже будущая побѣда послѣдняго. По экспансивности своей натуры, они почувствовали потребность ознаменовать чѣмъ-нибудь наступленіе этой новой эры въ жизни секты. И вотъ, въ самый день смерти гаона, всѣ виленскіе хасиды, подъ предлогомъ праздника, собрались и устроили товарищескую пирушку. Въ то время, когда на улицахъ Вильны раздавались рыданія о почившемъ, сектанты въ одномъ частномъ домѣ ѣли, пили и безумно веселились. Для большей торжественности пирующіе пригласили музыкантовъ изъ неевреевъ (евреи отказывались идти къ нимъ) и, напившись, неистово плясали подъ веселую музыку. Пирушка превратилась въ шумную оргію и затянулась за-полночь. Нѣкоторые хасиды перепились до безчувствія ¹.

Этотъ скандалъ немедленно сталъ извѣстенъ всѣмъ виленскимъ обывателямъ. Народное чувство возмутилось. Глубокая скорбь о почившемъ пастырѣ смѣнилась пламенной ненавистью къ дерзкимъ поносителямъ его имени. Народъ, собравшійся на кладбищѣ, чтобы опустить въ могилу священные останки своего вождя, узнавъ, что въ эту минуту горсть «еретиковъ» безумно веселится и радуется общему горю. Всѣхъ вдругъ охватила неодолимая жажда мести. Рыданія надъ опущеннымъ въ землю дорогимъ прахомъ смѣшались съ дикими проклятіями и угрозами отступникамъ. Когда закрылась могила, лица всѣхъ выражали какую-то ужасающую рѣшимость. Представители общества, духовные и свѣтскіе, тутъ-же, стоя надъ свѣжей могилой обожаемаго вождя, дали другъ другу руки и громко поклялись не успокоиться, пока не отомстятъ безбожнымъ сектантамъ и не истребятъ ихъ съ лица земли ². Моментъ былъ потрясающій!

¹ Рукопись рѣчь су глѣбъ № 25.

² О клятвѣ «ревнителей» надъ могилой гаона свидѣтельствуютъ единогласно устные рассказы хасидовъ и миснагидовъ, письменное сообщеніе Ш. Л. Шнеерсона (потомка Залаяна), указаніе въ рукописной биографіи Зал-

Мирное кладбище превратилось въ военный станъ, и тамъ, гдѣ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ лились слезы и трепетно замирали грустные звуки заушойной молитвы, теперь слышались вопли гнѣва и грозные боевые крики...

Что дѣлалось въ Вильнѣ вечеромъ, тотчасъ по возвращеніи народа съ кладбища, мы въ точности не знаемъ. Но происходило что-то необычайное. Есть основаніе думать, что въ тотъ же вечеръ толпа «ревнителей» ворвалась въ домъ, гдѣ въ эту минуту пировали и веселились хасиды, избива до смерти трехъ человекъ (о которыхъ впоследствии показывали, будто они умерли отъ перепоя, какъ упомянуто выше) и передала въ руки полиціи нѣсколькихъ другихъ наиболѣе буйствовавшихъ сектантовъ. Трупы избитыхъ хасидовъ разъяренная толпа выволокла на улицу, топтала и въ растерзанномъ видѣ бросила въ одинъ изъ загородныхъ овраговъ. Остальные хасиды спаслись бѣгствомъ уже на разсвѣтѣ, ибо, какъ говоритъ современный документъ, «великій страхъ напалъ на нихъ»¹.

И было чего бояться. На слѣдующее утро (20-го тисри, въ 5-й день праздника) состоялось экстренное засѣданіе тѣхъ старѣйшинъ общины, которые наканунѣ поклялись отомстить хасидамъ. Вслѣдствіе крайней спѣшности, съ какою дѣйствовали раздраженные ревнители, не успѣли составить полное и законное собраніе всѣхъ членовъ кагала. Въ экстренномъ совѣщаніи принимали участіе только немногіе члены духовнаго отдѣленія кагала (такъ называемаго ש"ס לרבי—собранія равви-

---

нава (ש"ס לרבי, стр. 11) и наметъ въ лрмз ל"ר פינא, стр. 213. Фактъ подтверждается и всѣмъ ходомъ событій. Имѣется еще такая версія. На похоровахъ присутствовалъ одинъ изъ представителей мѣстаго хасидскаго кружка, известный Мееръ Рфоельсъ, поклонникъ Залмана. Когда одинъ изъ миснагидовъ выразилъ сожалѣніе, что теперь, со смертью гаона, некому будетъ бороться съ сектантами, Мееръ Рфоельсъ поднялся и сталъ рѣзко отзываться объ отношеніяхъ покойнаго къ хасидамъ. Тогда представители общества, возмущенные этими словами, соединились и поклялись посвятить всѣ силы искорененію секты. (Сообщеніе Ш. Л. Шнеерсона со словъ его родныхъ изъ фамиліи Залмана). Это преданіе нуждается еще въ проверкѣ.

¹ Картина этой кровавой ночи представлялась мнѣ вдругъ съ поразительною ясностью, когда я вдумывался въ тѣ нѣсколько строкъ стариннаго документа (ל"ו לרבי, № 25), которыя таинственно сообщаютъ объ исходѣ хасидской оргіи.

новъ, канторовъ и служителей синагоги). Совѣщаніе, руководимое однимъ общимъ чувствомъ, привело къ единодушнымъ рѣшеніямъ. Чтобы придать законную силу этимъ рѣшеніямъ, совѣщавшіеся поручили особой депутаціи изъ своей среды испросить на нихъ согласіе всѣхъ прочихъ своихъ сочленовъ, не участвовавшихъ въ засѣданіи,—какое согласіе и было получено въ тотъ же день въ кагалной избѣ. Такимъ образомъ, выработанныя ревнителями рѣшенія объявлены были строго обязательными, какъ всѣ официальные постановленія кагалной власти, и тутъ же занесены въ общинную актовую книгу (*Шикко*). Эта актовая запись сохранилась и дошла до насъ въ точной копіи ¹. Вотъ ея содержаніе:

«Выступили люди, дѣти народа израильскаго, отлученные и отверженные, исключенные изъ стана благобѣрныхъ за то, что они разрушили вѣковую ограду, намѣнили постановленія мудрыхъ относительно благословеній и молитвы, кричатъ въ молитвѣ и отличаются своими обрядами отъ всего народа еврейскаго. Эти люди именуютъ себя «хасидами», при чемъ одни изъ нихъ называются «карлинерами», а другіе — другими прозвищами. Они образуютъ разные кружки и назначаютъ надъ собою начальникомъ человѣка, котораго именуютъ «*реббе*» (цадикъ). Наши ученые давно уже старались устранить это безобразіе, а именно въ 1772 и 1773 г., когда собрались начальники, вожди и раввины пяти главныхъ общинъ Литвы, примѣру которыхъ послѣдовали раввины и вліятельные люди дру-

---

О нападеніи толпы тамъ прямо не говорится, но, что толпа волочила трупы „перепившихся“ хасидовъ и надругалась надъ ними, ясно указано: *וְהָיוּ כְּמֵתִים וְנִשְׁכְּרוּ בְּיָדֵיהֶם*. Спрашивается, откуда взялась вдругъ толпа и какъ это вообще люди переживали до смерти? Очевидно, что ярость толпы больше участвовала въ этой смерти, чѣмъ вино, которое лишь послѣдствіе, во избежаніе уголовного обвиненія, объяснил этотъ печальный фактъ. Та же толпа предала въ руки полиціи матерыхъ сектантовъ, не успѣвшихъ убѣжать. О бѣгствѣ прочихъ указано: *וְהָיוּ כְּמֵתִים וְנִשְׁכְּרוּ בְּיָדֵיהֶם* и съ волненіями предшествовавшего дня очевидно.—Документъ, на который ссылался, написавъ антихасидомъ, чѣмъ и объясняются недоумки въ мѣстахъ, гдѣ говорить откровенно было небезопасно.

¹ *ה'תקל"ג*, докум. № 24.

гихъ странъ,—о чемъ своевременно напечатана книга съ приложеніемъ текстовъ всѣхъ великихъ отлученій и проклятій противъ сектантовъ. Но съ теченіемъ времени снова возстали и поднялись многіе приверженцы этой секты и нынѣ они дѣйствуютъ еще смѣлѣе прежняго.

«Въ виду этого, мы поручаемъ десяти членамъ изъ собранія раввиновъ, канторовъ и служителей синагоги, въ силу существующихъ для нихъ въ нашей общинѣ обязательствъ, спросить всѣхъ членовъ означеннаго собранія въ полномъ составѣ: согласны-ли они утвердить и сдѣлать обязательными въ настоящее время всѣ огражденія, предписанія, запрещенія и отлученія, которыхъ въ бывшее время держались по отношенію къ названной сектѣ, какъ то значится въ актовыхъ книгахъ и въ печатныхъ сочиненіяхъ отъ имени главнѣйшихъ общинъ (Литвы) и ихъ раввиновъ, а также великихъ раввиновъ другихъ странъ. Сверхъ того, рѣшено испросить согласіе на слѣдующія мѣры:

«Если на кого нибудь будетъ показано, что онъ принадлежитъ къ означенной сектѣ, а, подавно, если станетъ извѣстно, что онъ идетъ по путямъ ихъ (сектантовъ) и слѣдуетъ ихъ обрядамъ,—то такой человекъ не только отлучается и отвергается отъ всѣхъ и считается чуждымъ всего святого въ еврействѣ, но вовсе не признается сыномъ Израиля и приравнивается къ самаритянину и саддукею. Его хлѣбъ и вино запрещено вкушать, онъ совершенно изгоняется изъ нашего города, лишается здѣсь всякаго права владѣнія, а подавно не имѣетъ права занимать какую бы то ни было должность въ кагалѣ, участвовать въ собраніяхъ или въ какомъ-нибудь братствѣ. Все это дѣлается черезъ тайнаго преслѣдователя¹. Господинъ секретарь (собранія) обязанъ слушаться этого преслѣдователя, не испрашивая на то согласія правителя, раввина или судьи. Всякій изъ нашей общины, который пожелаетъ взять на себя роль преслѣдователя въ означенномъ дѣлѣ, имѣетъ на то полное право, какъ если бы былъ уполномоченъ всѣмъ духовнымъ собраніемъ. Каждый членъ этого собранія въ правѣ предлагать мѣры для предотвра-

¹ וְהָיָה לְכָל אֶחָד מֵהֶם הַרְשָׁה לְהַלְכֵם.

щенія означеннаго зла, а секретарь обязанъ заносить такія предложенія въ актыя книги для руководства, дабы наши единовѣрцы удалялись отъ тѣхъ злодѣевъ и грѣшниковъ на большое разстояніе. Одобренныя для сей цѣли мѣры предупреденія имѣютъ силу, какъ всѣ постановленія, изложенныя въ общинныхъ актахъ и въ книгахъ по управленію всѣмъ краемъ относительно всѣхъ прочихъ предметовъ.

«Также строжайше воспрещается всякому еврею, нынѣ живущему и имѣющему народиться, убавить хоть одну іоту изъ всего, что теперь постановляется относительно хасидовъ, что уже ранѣе постановлено и что помѣщено въ книгахъ, писанныхъ и печатанныхъ по сему поводу. Съ тѣмъ, который дерзнетъ сдѣлать это, будетъ поступлено по всей строгости закона. И если даже, сохрани Господи, захотятъ семь именитыхъ представителей города (ר׳ א׳ ז׳ ל׳ ז׳), или судейское собраніе, или какое бы то ни было большое либо малое собраніе убавить изъ означенныхъ постановленій хоть одну іоту, то всѣ такіе нарушители попадаютъ въ сѣть отлученія (херема), грѣхъ ихъ не изгладится, и будутъ они опальными въ обоихъ мірахъ (земномъ и небесномъ), — и все это (будетъ дѣлаться) черезъ тайнаго преслѣдователя.

«Всѣ означенныя постановленія хранятся у *р. Лейба изъ Любавича*, а также у получателей росписокъ (?), обязанныхъ по очереди назначать рѣзниковъ.

«И все это мы приняли на себя и согласились отъ всего сердца стоять крѣпко противъ членовъ секты и всѣхъ, присоединяющихся къ нимъ. Тяжесть отлученія падаетъ на начальника секты, на входящихъ къ нему, на имѣющихъ сношеніе съ сектантами, на ихъ друзей и доброжелателей. Кагальнымъ служителямъ, судебнымъ приставамъ и господину секретарю строго запрещаемъ, подъ страхомъ херема, принимать какое бы то ни было рѣшеніе, которое убавило бы хоть одну букву изъ вышеизложеннаго. Служители обязаны, подъ страхомъ увольненія отъ должности, безпрекословно подчиняться секретарю во всемъ, касающемся исполненія нашихъ постановленій, какъ еслибы послѣднія исходили отъ семи именитыхъ представителей и отъ духовнаго собранія въ полномъ составѣ.

«И принимаютъ на себя участники сего собранія и вся община, ручаясь за себя и за своихъ дѣтей и за всѣ будущія поколѣнія, подъ угрозой отлученій и проклятій, что не будетъ убавлено ни одной іоты изъ всѣхъ прежде и нынѣ признанныхъ полезными строгихъ мѣръ противъ хасидовъ. Та же обязанность лежитъ на великомъ и маломъ духовныхъ судахъ, члены коихъ не въ правѣ отмѣнить ни одной буквы изъ всѣхъ прежнихъ и настоящихъ нашихъ постановленій. Никто изъ постоянныхъ или временныхъ жителей нашего города не имѣетъ права допускать въ своемъ домѣ молитвенное собраніе проклятыхъ членовъ названной секты. Тайный преслѣдователь долженъ имѣть за этимъ наблюденіе. А если въ чьемъ либо домѣ или дворѣ накроютъ такое молитвенное собраніе, то домохозяину не помогутъ никакія оговорки и оправданія—и онъ подлежитъ строгому отлученію и исключенію изъ общества.

Избираемъ пять членовъ, имена коихъ будутъ означены ниже, съ тѣмъ, чтобы они имѣли полномочія семи представителей города и большаго собранія во всемъ, что касается до носталцаго дѣла. Все, что впредь сочтутъ за благо постановить эти пять человекъ, будетъ имѣть силу акта, подписаннаго семью представителями города и полнымъ собраніемъ изъ 19 человекъ, согласно кагальному уставу. Также на всякій расходъ, который понадобится на это дѣло, выдаются деньги (изъ кагальной кассы) установленнымъ порядкомъ. Служители и секретарь, хранитель «Пинкоса», обязаны безпрекословно повиноваться всему, что прикажутъ означенные пять членовъ. Послѣдніе въ правѣ собираться во всякое время въ кагальной избѣ для наблюденій по сему дѣлу, чему никто не можетъ препятствовать. Избранные пять человекъ суть: раввинъ Лейбель сынъ Бера, голова Давидъ сынъ Якова, голова Моисей сынъ Ошера, голова Аввикъ сынъ Авраама Сегаль, и правитель Рафанлъ сынъ Мордохая ¹. Эти пять человекъ имѣютъ право присоединить

¹ Это были почетѣйшія лица въ городѣ, какъ указано въ надгробныхъ надписяхъ въ плэмъ мѣр, стр. 215—16 и 257. Голова общинный (ромъ) Моисей сынъ Ошера особенно прославился своею ненавистью къ хасидамъ; онъ больше всѣхъ усердствовалъ въ день похоронъ гаона и стоялъ во главѣ поклонившихся на кладбищѣ ревнителей. Ibid. стр. 213.

къ своимъ совѣщаніямъ кого имъ угодно, по большинству голосовъ.

«Все вышеизложенное должно быть прочитано громкогласно въ синагогахъ и молельняхъ предъ молитвою «Гошанна», при трубныхъ звукахъ и зашенимъ селъ». Господинъ секретарь обязанъ помѣстить въ актовую книгъ кагала, рядомъ съ настоящимъ декретомъ, текстъ давнишнихъ постановленій, а также выписать изъ «Пинжоса» точную копию съ прежнихъ воззваній противъ хасидовъ, не пропуская ни одной буквы. Если, однако, хасиды раскаяются и оставляютъ свой путь, то за прошлое Богъ ихъ простить, какъ за невольное прегрѣшеніе. Всѣ книги, сочиненные членами хасидской секты или приверженцами Саббатая Цеви, а также всѣ рукописи ихъ, должны быть отобраны и поступить въ распоряженіе нашего главнаго раввина.

«На все изложенное выше мы, нижеподписанные, испросили согласіе всѣхъ почтенныхъ членовъ собранія раввиновъ, канторовъ и служителей синагоги, по приказанію означенныхъ десяти человекъ, согласно уставу. И такое согласіе было получено отъ пришедшихъ въ кагальную избу, по тайной подачѣ голосовъ,—согласіе на все вышеизложенное отъ начала до конца.

«Въ удостовѣреніе чего мы подписались, 20 тисри 5558 г. Арье-Лейбъ сынъ Якова-Гавріила, секретарь и судья; Моисей сынъ Арона Сегаль, служитель и повѣренный; Ицхокъ, сынъ Якова, служитель общины виленской; Нафтали Герцъ, сынъ Цеви-Гирша, служитель общины».

На другой день послѣ совѣщанія, выработавшаго всѣ эти драконовскія мѣры, виленскія синагоги были переполнены народомъ по случаю торжественнаго праздника «Гошанна Раба». Въ одинъ изъ антрактовъ богослуженія, предъ произнесеніемъ молитвы «Гошанна», во всѣхъ синагогахъ раздался вдругъ потрясающіе звуки «шофера» (синагогальнаго рожка), всѣ свѣчи были погашены, и среди водворившагося гробового молчанія, громкогласно прочитанъ былъ текстъ вышеприведеннаго «херема». Молящихся охватилъ священный ужасъ. «Еретики» были осуждены безвозвратно.

Такимъ образомъ, миснагиды отомстили за оскорбленную

честь гаона и, что еще важнѣе, исполнили предсмертный завѣтъ послѣдняго—преслѣдовать хасидовъ. Жизнь сектантовъ въ Вильнѣ стала невозможною. Оставаться хасидомъ, значило, быть мученикомъ, терпѣть всякія обиды, лишиться имущества и способовъ къ пропитанію, стоять внѣ общества и внѣ закона, наконецъ, подвергнуться изгнанію изъ города. Эти строгія мѣры были отчасти повтореніемъ репрессалій 1781 г.¹, но только отчасти. Въ 1781 г. программа «искорененія ереси» не была опредѣлена такъ категорически и со всѣми практическими подробностями, какъ теперь. Тогда больше грозили строгими карами; теперь же не грозили, а исполняли. Теперь уже не ограничались установленіемъ строгихъ мѣръ, но назначили также особыхъ исполнителей таковыхъ, въ лицѣ пятичленной комиссіи, игравшей роль *духовной инквизиціи* по дѣламъ хасидовъ. Работа «искорененія» секты была организована.

Таковы были *главныя* мѣропріятія противъ хасидовъ, объявленные въ синагогахъ во всеобщее свѣдѣніе. Но мы имѣемъ основаніе думать, что одновременно съ ними были приняты виленскимъ кагаломъ рѣшенія, которыя нужно было сохранить *тайно*. Главнымъ изъ этихъ рѣшеній было: *донести русскому правительству на хасидовъ и на ихъ главарей*, выставить ихъ мятежными раскольниками, опасными для общества и для государства, и добиться того, чтобы наиболѣе выдающихся представителей секты осудили на ссылку въ Сибирь². Это смѣлое предпріятіе, возникшее въ головѣ виленскихъ ревнителей, требовало большихъ усилій и извѣстнаго времени для своего осуществленія. Нужно было агитировать осторожно и съ оглядкою въ прочихъ городахъ Литвы и Вѣлоруссіи, нужно было собирать деньги, отыскать нужныхъ людей, которые поѣхали бы въ Петербургъ и взяли бы на себя суть «дѣла», — словомъ, предстояли большія хлопоты. Потребовался цѣлый годъ для того, чтобы замыселъ, созрѣвшій въ разгоряченныхъ головахъ виленскихъ «охранителей», перешелъ въ дѣло. Первою жертвою этого

¹ См. выше, гл. VII.

² Довольно ясны указанія на это — въ примѣч. стр. 213—14, въ рукописной біографіи Залмава стр. 11, въ устныхъ и письменныхъ сообщеніяхъ.

тайнаго замысла будетъ нашъ трагическій герой — вождь сѣверныхъ хасидовъ—Залманъ...

Но не будемъ забѣгать впередъ. Мы — на исходѣ 1797 г., и до осени 1798 года (времени ареста Залмана) остается почти цѣлый годъ; а за этотъ годъ въ Литвѣ и Бѣлоруссiи совершилось много такого, что непосредственно вытекало изъ предыдущихъ, уже рассказанныхъ нами, событiй и подготовляло послѣдующiя. Виленскiя демонстрацiи отразились во всемъ сѣверо-западномъ краѣ и вызвали повсемѣстно цѣлый рядъ жестокихъ схватокъ въ общинахъ между миснагидами и хасидами, сильную агитацiю, общественную и литературную,—словомъ, упорную религиозную борьбу со всѣми ея трагическими атрибутами. Къ картинѣ этой междоусобицы мы теперь и обратимся.

С. Дубновъ.

ЧЕРЕЗЪ ГРАНИЦУ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ДѢТСТВА ¹.

(Окончаніе).

На другой день, который былъ пятницей, я, снабженный свѣжимъ, горячимъ, облитымъ саломъ «подпалочкомъ», испеченнымъ для меня доброй Циной-Леей, радостный побѣжалъ въ хедерь, чтобы скорѣе сообщить товарищамъ о моемъ будущемъ путешествіи. На дворъ за ночь слегка примерзало, и выпалъ снѣжокъ, первый снѣжокъ, который всегда такъ милъ и пріятенъ. Все кругомъ преобразилось и приняло чистый, веселый, нарядный видъ. Изъ всѣхъ трубъ клубился черный дымъ, поднимаясь высоко-высоко почти ровными столбами. Стаи воронъ копошатся по землѣ, покрываютъ заборы, крыши и, гдѣ есть какое, деревцо. То тутъ, то тамъ появляется голодная, тощая собака, съ поджатымъ между ногами хвостомъ, которая съ какимъ-то жалкимъ видомъ нюхаетъ снѣгъ, не касаясь его, и, ничего не найдя, направляется дальше, оглядываясь каждый разъ то въ одну, то въ другую сторону. Изъ нѣкоторыхъ дворовъ раздается ревъ теленка. Вотъ, съ огромною вязанкой соломы на спинѣ, закрывающей его почти всего, согнутый до земли, плетется бѣдный р. Дувидъ-Гершъ, нашъ мѣстный водовозъ. Увидѣвъ его, нѣсколько женщинъ выбѣгаютъ съ криками: «Р. Дувидъ-Гершъ, а вода!»— Подождите, подождите, — отвѣчаетъ р. Дувидъ-Гершъ сердито, — я тоже еврей, моей женѣ надо тоже печь хале. Вотъ видите, у насъ еще печь не затопили.—И онъ поплелся дальше, весь облитый потомъ. Въ хе-

¹ См. „Восходъ“, кн. XI.
В. сходъ, кн. 12.

дерѣ еще царствовалъ безпорядокъ. Сѣни были завалены соломою, которую со двора наносилъ самъ р. Хаимъ-Гершъ.

Въ первой комнатѣ, служившей спальней для всей семьи, постели еще были неубраны. Переде каждый разъ выскакивала съ раскрасѣвшимся отъ огня лицомъ, въ одной нижней юбкѣ и чепцѣ, походя въ этомъ видѣ на настоящую вѣдму. Учениковъ собралось всего человекъ пять изъ старшихъ и дватри изъ самыхъ крошечныхъ. Я, разумеется, немедленно имъ сообщилъ важную новость, которую они приняли съ какою-то завистью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-то недоувѣрчиво.

Каждый разъ, когда являлся новый ученикъ, всѣ наперывъ другъ передъ другомъ бѣгутъ ему навстрѣчу, чтобы поскорѣе ему сообщить услышанное. Меня окружаютъ, я сдѣлался предметомъ общаго вниманія, общей зависти, настоящимъ героемъ, на котораго всѣ стали смотрѣть съ уваженіемъ.

— Ты знаешь,—обратился ко мнѣ Мендель, сынъ упомянутого р. Айзика,—что переправляются ночью, и въ такую ночь, когда нѣтъ луны. О, я все знаю, знаю всѣхъ контрабандистовъ—они у насъ бывали прежде. Придутъ, навалятъ огромные тюки на спины и уходятъ. Я дѣлаю видъ, что сплю, а все вижу. Знаешь, какіе они страшные. У, какіе страшные! Все такіе высокіе, здоровые. Главный у нихъ мечипоръ называется. Они всѣ его слушаются, какъ кесаря. Смотри, чтобъ тебя не убили по дорогѣ. Знаешь, солдаты, что у канавы (т. е. границы), какъ услышатъ шаги, сейчасъ стрѣляютъ. Вотъ въ прошломъ году Берль, котораго нашъ комиссаръ хотѣлъ отдать въ солдаты, тоже «кралъ границу». Его велъ другой, не мечипоръ. Ну, такъ и попалъ около самыхъ кордоновъ. Солдаты услышали и выстрѣлили, и Берлю прострѣлили ладонь. Еще хорошо, что попали въ руку. О, я все знаю. Думаешь нѣтъ? Лучше всѣхъ васъ знаю. Моего отца чуть не убили, они всѣ на него напали. А мой отецъ здоровый, такъ онъ ихъ всѣхъ побилъ и убѣжалъ. Онъ ихъ всѣхъ могъ бы убить одной рукой, однимъ пальцемъ. У меня былъ дядя Перець, такъ онъ жилъ въ деревнѣ, такъ на него напали пятьдесятъ молдаванъ и хотѣли убить его и ограбить. Такъ, знаешь, онъ выломалъ

дверь и сталъ ихъ всѣхъ бить дверью и всѣхъ убилъ. Это былъ настоящій Шимпонтъ-Гагиборъ (могучій Самсонъ).

Такъ неумолкаемо говорилъ своимъ пискливымъ голосомъ Мендель, весь раскраснѣвшійся и брызгая сильно вслѣдъ въ лицо слюной. Онъ бы, вѣроятно, еще долго продолжалъ свои необыкновенные рассказы, но вошелъ ребе и приказалъ приступить къ молитвѣ. Мы установились вокругъ стола съ молитвенниками и принялись молиться, между тѣмъ какъ самъ ребе, взявъ подъ мышку молитвенныя принадлежности, хранившіяся въ темно-сичемъ съ желтыми полосками суконномъ мѣшкѣ, отправился въ бесъ-гамедрашъ.

Пятница была для насъ, учениковъ, лучшимъ, счастливейшимъ днемъ всей недѣли, который мы любили даже лучше субботы. Одно пробужденіе утромъ съ сознаніемъ, что сегодня пятница, уже наполняло дѣтское сердце невыразимой радостью, чѣмъ-то бесконечно хорошимъ. Ожиданіе счастья всегда лучше самого счастья...

Однако, и помимо предвкушенія субботы, сама по себѣ пятница имѣла въ себѣ много-много чуднаго и прекраснаго. Пятница была единственный день, когда мы отправлялись въ хедеръ охотно, безъ всякаго страха. За весьма рѣдкими исключеніями, порка почти никогда не имѣла мѣста въ пятницу. Ученія никакого не было для насъ, старшихъ. Помолившись, мы весело всѣ вмѣстѣ принимались за наши завтраки, болтая при этомъ неумолкаемо, устраивая, по обыкновенію, обмѣнъ куска подпалока на кусокъ печенаго калача или пирога, начиненнаго лукомъ, и т. д. Такъ мы сидѣли до прихода ребе, который по пятницамъ оставался очень долго въ бесъ-гамедрашѣ. Младшіе же, которыхъ было человѣкъ двадцать, впопились на землѣ и вызывались по очереди къ чтенію бегельферомъ Ицекомъ, къ которому они подходили, дрожа отъ страха. Хедеръ у насъ былъ совсѣмъ не такой, какъ его описываютъ обыкновенно, а большой, просторный, свѣтлый; четыре его окна выходили на огромный огородъ, обрабатываемый самимъ р. Ханмъ-Гершемъ, и на широкій дворъ. И меламедъ р. Хавмъ-Гершъ и его не менѣе оригинальная и интересная семья тоже далеко не походили на меламедовъ обыкновеннаго типа. Въ самомъ

хедерѣ, т. е. въ комнатѣ, гдѣ происходили занятія, никто не жилъ, и тамъ спалъ одинъ только ребе; кромѣ этой комнаты, была еще другая и большая свѣтлая, просторная кухня. Р. Хаймъ-Гершъ самъ, своими руками, построилъ этотъ домъ при помощи всей своей семьи, состоявшей изъ трехъ дѣвицъ.—По возвращеніи ребе изъ бесъ-гамедраша, мы принимались за чтеніе отдѣла пятикнижія со всѣми нотными знаками и требуемымъ ими нагѣвомъ (мовуръ-седру), сопровождая каждую главу текста чтеніемъ гаргума (арамейскаго перевода). Затѣмъ мы читали «Пѣснь пѣсней» со вставленными въ различныхъ промежуткахъ отрывками изъ Талмуда, трактата «Суббота», въ которыхъ мы не понимали ни слова, и языкъ которыхъ намъ хотя казался и звучнымъ, но въ высшей степени страннымъ.

Во время этихъ пятничныхъ чтеній ребъ Хаймъ-Гершъ кушалъ свой неизмѣнный пятничный «росель-флейшъ» (рагу) съ чеснокомъ, съ картофелемъ, мокая горячій хлѣбъ въ обильный блѣдно-желтый соусъ. Затѣмъ онъ приступалъ къ разнымъ работамъ, относившимся къ субботнимъ приготовленіямъ: разбивалъ на подушкѣ съ помощью ножа и толкача принесенную Переле обсмоленную и тщательно очищенную бычачью ногу; рубилъ начинку для рыбы, если таковая была, и самъ же ее фаршировалъ; поправлялъ или дѣлалъ новую заслонку изъ глины для замазыванія въ печи «чолента»; желѣзной лопатой обчищалъ съ земляного пола накопившуюся за недѣлю грязь. И все это онъ дѣлалъ съ необыкновеннымъ умѣніемъ и искусствомъ, какими отличался при совершеніи всякой работы, какова бы она ни была, будь это починка часовъ или вырѣзываніе надписи и разныхъ украшеній на надгробномъ памятникѣ. И при этомъ не пропускалъ ни одной нашей ошибки, исправляя ихъ, однако, безъ помощи канчука, который по пятницамъ рѣдко снимался съ завѣтнаго гвоздя.

По совершеніи всѣхъ этихъ чтеній, продолжавшихся часа два, мы, получивъ должныя наставленія, какъ вести себя дома и въ синагогѣ, уходили домой этапъ часовъ въ двѣнадцать. О, какъ радостно было это возвращеніе, въ виду предстоящей свободы въ теченіе полутора сутокъ, торжественной вечерней молитвы, соблазнительнаго ужина, а главное — въ

виду завтрашнихъ послѣобѣденныхъ играхъ во дворѣ бесъ-гамедраша. На этотъ разъ это возвращеніе было какъ-то особенно свѣтло и радостно. Вышли мы всѣ вмѣстѣ; но вмѣсто того, чтобы направиться домой, побѣжали на большую площадь, передъ бесъ-гамедрашемъ, всю покрытую свѣжимъ снѣжнымъ пухомъ ослѣпительной бѣлизны. Небо очистилось совершенно, солнце ярко свѣтило и грѣло, и въ воздухѣ было тихо и тепло.

Мы принялись дѣлать «качалки» наъ снѣгу, т. е. брали комокъ снѣгу и катали его по землѣ до тѣхъ поръ, пока онъ превращался въ огромную глыбу, которой мы всѣ вмѣстѣ не въ состояніи были двинуть съ мѣста. Такъ мы долго забавлялись бы, но прошедшій мимо шамесъ ребъ-Меиръ, съ ящичкомъ свѣчъ подъ мышкой, которыя онъ собралъ по всѣмъ домамъ для освѣщенія бесъ-гамедраша, разогналъ насъ, пригрозивъ, что сейчасъ-же доложить обо всемъ ребе. Мы принуждены были разойтись по домамъ. Передъ разставаніемъ всѣ товарищи пристали, чтобы я клятвенно подтвердилъ, что дѣйствительно буду «красть границу», такъ какъ у многихъ явилось подозрѣніе, не сочинилъ ли я все это. Я охотно подтвердилъ не одной, а цѣлыми двадцатью клятвами, и тѣмъ не менѣе оставилъ еще нѣкоторыхъ скептиковъ неубѣжденными. Къ нимъ принадлежалъ и мой лучшій другъ Пейселе, который, какъ мнѣ кажется теперь, скорѣе не хотѣлъ вѣрить, чѣмъ дѣйствительно не вѣрилъ. Ибо у него было какое-то задумчивое грустное выраженіе, когда онъ меня переспросилъ послѣ клятвы уже:

- И ты такъ-таки перейдешь границу?
- Еще какъ перейду.
- И ты не будешь бояться идти ночью съ гоями?
- Ого! отчего это я буду бояться?

И мы разошлись.

По всѣмъ улицамъ носится запахъ готовящихся субботнихъ кушаньевъ. Дымъ изъ трубъ валитъ еще болѣе густой, болѣе черный чѣмъ утромъ. Посреди улицы нѣсколько собакъ съ остервенѣніемъ нажинулись на кучку, подстерегаемую и поджидаемую ими уже, вѣроятно, цѣлую недѣлю. Вотъ изъ-за угла появляется нѣсколько женщинъ, въ отчаяніи спрашивая другъ друга, не видѣлъ-ли кто р. Дувидъ-Герша.

— Боже; я совсѣмъ пропала, я еще «чолентъ» не надила, — кричить Сура, жена р. Мешра.

— Что уже мнѣ сказать, горе мнѣ, когда я еще лапши не сварила — волнуется вдова Гитель.

— А я, темные годы мои, еще бульону на вечеръ не «приставила», — вопить другая Гитель, жена р. Якова Герша.

И всѣ наперерывъ начинаютъ кричать, что есть силы: «Р. Дувидъ-Гершъ, р. Дувидъ-Гершъ!» А бѣдный р. Дувидъ-Гершъ застрялъ со своей бочкой на противоположномъ концѣ улицы, введенный въ несчастье снѣгомъ, покрывавшимъ еле примерзшее сверху, липкое болото. Несчастный уже выбился изъ силъ, поломалъ уже кнутъ и еще палку на измученной исхудалой ибгой клячѣ, которая стоитъ, растопыривъ переднія ноги, съ опущенной до самой земли головой, тяжело дыша; съ нея валитъ густой паръ, она дѣлаетъ всевозможныя усилія, но вокругъ застрялъ по самымъ оси и — ни съ мѣста, не смотря на дѣятельную помощь цѣлаго десятка собравшихся *баале-батимъ*, которые собственно мирно направлялись въ баню съ рубахами подъ мышкой и, видя въ затрудненіи ближняго, не могли не придти къ нему на помощь.

Они торопливо, съ серьезными и озабоченными лицами, забѣгаютъ со всѣхъ сторонъ, кричатъ и даютъ самые умные совѣты, какимъ образомъ слѣдовало бы ѣхать, чтобы не попасть въ это проклятое болото.

Бѣдный р. Дувидъ-Гершъ, выбившись окончательно изъ силъ и въ виду раздающихся со всѣхъ сторонъ отчаянныхъ криковъ женщинъ: «вода, вода», снимаетъ съ воза ведра и начинаетъ накачивать воды, чтобъ такимъ образомъ разнести ее по всѣмъ концамъ. Но тутъ на помощь является мясникъ р. Іозель со своими двумя плечистыми сыновьями. Они быстро соображаютъ, что надо дѣлать, подсовываютъ подъ оси длинный крѣпкій столбъ въ видѣ рычага и добрая кляча, почуввавъ дѣйствительную помощь, дѣлаетъ послѣднее усиліе, — и возъ мигомъ очутился на сухомъ мѣстѣ.

— Ге, ге, р. Іозель, — кричитъ сухопарый р. Айзикъ, еще очень молодой человекъ съ маленькой острой рыжей бородкой, съ длинными, въ видѣ «бутылочекъ», пейсами, проводившія

три четверти года у Л—скаго цадика,—ге, ге, р. Юэль, какой вы мудрецъ! Со столбомъ и я бы умѣлъ вытащить. Пшнгъ!

Айзику, очевидно, обидно стало, что какой-нибудь кацевъ мгновенно и дѣйствительно помогъ; между тѣмъ какъ онъ съ самыми почтенными баале-батимъ ушли ни съ чѣмъ, простоявъ цѣлый часъ. Р. Юэль окинулъ его презрительнымъ взоромъ и ничего не отвѣтилъ, а длинный р. Айзикъ торжественно зашагалъ по направленію къ «мерхацу».

Когда я пришелъ домой, т. е. къ Цинъ-Леѣ, эта послѣдняя, давъ мнѣ предварительно покушать, принялась мыть меня и чесать мнѣ голову, наравнѣ со своими дѣтьми, и вообще обнаружила ко мнѣ столько безконечной доброты, что не только я, одиннадцатилѣтній мальчикъ, но даже и взрослый человѣкъ могъ бы совершенно забыть свое положеніе, какъ бы тяжело оно ни было, и почувствовать себя совершенно какъ дома.

Однако, когда наступили сумерки, и всѣ дѣти одѣлись въ субботное платье, а я остался въ своемъ будничномъ костюмѣ, сердце у меня сжалось до слезъ, не изъ зависти, а изъ чувства какого-то униженія, которое всегда меня охватывало въ подобныхъ случаяхъ.

Въ домѣ царствовала уже та теплая, сердце проникающая привѣтливость, которая создала трогательную талмудическую легенду о посѣщеніи ангелами жилищъ евреевъ при наступленіи субботы. Цина-Лея тихо молилась надъ только что зажженными ею свѣчами, и крупныя слезы капали по ея рано изможденному горемъ ангельски-доброму лицу и падали на бѣлоснѣжную скатерть, которой былъ закрытъ большой убранный для субботняго ужина столъ. На западномъ горизонтѣ, гдѣ только что исчезъ огненно-красный шаръ солнца, появилась огромная черная туча въ формѣ длинной черной цѣпи со множествомъ зубчатыхъ вершинъ, позолоченныхъ послѣдними гаснущими лучами. Кругомъ прекратилось движеніе, все вдругъ замерло, и издалека доносился грустный мелодичный кличъ шамеса р. Меира: *Go-e-eh't in Schül ara a-a-n!*¹.

¹ Идите въ синагогу.

Въ субботу вечеромъ, когда уже зажгли свѣчи, къ Цингъ-Леѣ собралось много гостей. Ребѣ Шимпону и старшій его сынъ, къ которымъ присоединились нѣсколько мушинъ, правили еще третью трапезу, распѣвая громко установленные «амирось». Между женщинами-же шелъ оживленный разговоръ о предстоявшей свадьбѣ старшей дочери р. Меира, Малки. Свадьба предстояла блестящая, и уже выписаны были изъ ближайшаго города знаменитый Мелехъ съ его капеллой. Къ свадьбѣ ожидали пріѣзда тещи р. Меира изъ А. Этотъ городъ находился по ту сторону границы и всего въ семнадцать верстахъ отъ деревни, гдѣ жилъ мой дядя р. Гершъ. Вотъ и было рѣшено, что меня отпирать съ тещей р. Меира, когда та поѣдетъ обратно. Мой отъѣздъ, такимъ, образомъ, долженъ былъ состояться черезъ недѣлю пять-шесть. Срокъ этотъ для меня, горѣвшаго нетерпѣніемъ скорѣе ѣхать, казался невозможно длиннымъ, и только перспектива услышать Мелеха нѣсколько утѣшила меня. Услышать Мелеха! Лучшаго, высшаго наслажденія я представить себѣ въ то время не могъ. При одной мысли объ этомъ Орфей въ сердце мое наполнялось блаженствомъ.

Когда Мелехъ являлся къ намъ въ городокъ—а это могло случиться разъ въ два-три года—я ужъ ни на шагъ не отступалъ отъ него, ни днемъ, ни ночью, заслушиваясь и заглядываясь, какъ онъ водилъ смычкомъ по своей магической скрипкѣ, какъ быстро дѣйствовали его пальцы по струнамъ. Но не на одной скрипкѣ игралъ Мелехъ: онъ игралъ и на кларнетѣ и на виолончели. И какіе звуки извлекалъ онъ изъ этого инструмента! Нѣтъ, не звуки, а стоны, рыданія, которые пронизывали всю душу. Но наиболѣе любимымъ его инструментомъ была скрипка, и на ней онъ преимущественно игралъ. И что дѣлалось со слушателями, когда онъ за свадебнымъ ужиномъ заиграетъ одинъ!

Мелехъ былъ человѣкъ невысокаго роста, довольно плотнаго сложенія, съ овальнымъ въ высшей степени блѣднымъ лицомъ, благороднымъ орлинымъ носомъ, не особенно широкимъ, но красивымъ лбомъ, окаймленнымъ гладко причесанными блестяще черными волосами, и прекрасными мягкими карими глазами. Одѣвался онъ уже «по-нѣмецки» и въ выс-

шей степені чисто и даже щеголевато. Все на немъ лежало какъ-то аккуратно, просто, ничто не бросалось въ глаза. Помню его всегда въ непальскаго цѣнта костюмѣ, въ ослѣпительной бѣлизны бѣльѣ, съ большою золотою булавою въ манжетахъ, въ шелковомъ картузѣ, котораго никогда не сбрасывалъ. Не въ примѣръ всѣмъ музыкантамъ, онъ отличался скромностью и сдержанностью. Въ его манерахъ было что-то изящное, джентельменское, и это изящество выражалось во всѣхъ движеніяхъ. Говорилъ онъ также изящно, мягко, тихо, сдержанно. Иногда въ рѣчь свою вставлялъ текстъ изъ библіи и талмуда, чѣмъ совсѣмъ очаровывалъ нашихъ обывателей. Его прѣвѣдъ наполнялъ радостью не меня только, а весь почти городокъ, въ которомъ въ меломанахъ недостатка не было. Да какой это еврей не любить, чтобъ его «пробрало насковозъ», чтобъ «все сердце надрывалось и плакало» отъ волшебныхъ звуковъ «говорящей» скрипки? И кому больше, какъ не еврейскому сердцу, можетъ быть доступна эта чудная, небесная поэзія звуковъ, которая одна только въ состояніи выразить всю бездонную глубь горя и стонувъ?.. И когда Мелехъ, бывало, становится у края стола и опираетъ скрипку о плечо, то тотчасъ раздавался внушительный, повелительный «шати!» даже со стороны самыхъ суровыхъ, усѣянныхъ сѣдинами аскетовъ, проводившихъ всю жизнь за старыми фоліантами талмуда, — и мгновенно все замирало, притаивало дыханіе и превращалось въ одинъ слухъ. И всѣ души, всѣ сердца, всѣ мысли уносились далеко-далеко туда, куда уносили ихъ чудные звуки, чистые, какъ лучи луны, мучительно-сладостные, какъ тихая грусть молодости въ весеннія сумерки среди чистой природы, мрачные и глубокіе, какъ горе и печаль еврейскаго народа. А Мелехъ стоялъ съ закрытыми глазами, какъ будто самъ сливался весь съ волшебными звуками своей скрипки и вмѣстѣ съ ними поднимался высоко-высоко...

Съ прѣвѣдомъ Мелеха связывалось еще одно чрезвычайное, изъ ряда выходящее удовольствіе, оставлявшее на долгія времена неизгладимое впечатлѣніе на всемъ населеніи, не исключая отчасти и молдаванъ. Именно—вечерняя молитва въ пятницу,

«пріемъ субботы», совершалась въ синагогѣ при аккомпанементѣ капеллы Мелеха.

Въ синагогѣ оркестръ, да еще въ пятницу вечеромъ! Да—и въ пятницу вечеромъ! И представьте, даже самъ старшій, весь сгорбленный, весь бѣлый р. Авриэль, проводившій ежедневно до двухъ часовъ дня въ бесгамедрангѣ въ талесѣ и филокторіяхъ и прерывавшій ученеіе лишь для своихъ скудныхъ трапезъ, постившійся по поведѣльникамъ и четвергамъ, самъ этотъ суровый аскетъ, сидитъ, бывало, на своемъ мѣстѣ у восточной стѣны, оперши благородную старческую голову обѣими руками, и блаженная улыбка играетъ на его чистомъ бѣломъ лицѣ и, словно прокрадывающійся лучъ луны, освѣщаетъ его морщинистый лобъ и блѣдно синія губы, а его маленькіе полусотухніе синіе глаза оживляются и покрываются туманной влагой.

Такъ-то иногда душевный огонекъ, завалившійся гдѣ-то клочекъ глубокаго поэтическаго чувства, какъ бы слабо ни тлѣлъ въ самомъ затасянномъ уголкѣ души, загроможденной цѣлыми глыбами холодныхъ камней, нѣтъ-нѣтъ и пробьется наружу, и вспыхнетъ вдругъ синевато-красный язычекъ, и освѣтитъ, и обогрѣетъ всю эту холодную, безжизненную массу.

Да, Мелехъ игралъ съ капеллой въ синагогѣ въ пятницу. Но не во всякій свой пріѣздъ игралъ онъ. Это зависѣло отъ его вдохновенія. Просьбы, предложенія, вознагражденія, все это ни къ чему не вело. Но вдругъ, ни съ того ни съ сего, объявятъ въ самую пятницу послѣ обѣда: «Сегодня играю въ синагогѣ». И услышавшіе это изъ его устъ бросаются, какъ шальные, возвѣщать великую радостную вѣсть. И всѣ дома вдругъ словно заливаются свѣтлыми теплыми лучами солнца, и всѣ женщины, и въ особенности дѣвушки, съ дѣтской трогательною нѣжностью въ голосѣ, повторяютъ другъ другу: «Ой, душечка, милая, слышала: вѣдь Мелехъ сегодня играетъ въ синагогѣ». И онѣ съ лихорадочной поспѣшностью принимаются кончать уборку комнатъ, чтобы успѣть одѣться и побѣжать въ синагогу.

Да, Мелехъ играетъ сегодня! И старъ, и младъ, и жены, и дѣвы наполняютъ мужскую половину синагоги. Молитва тогда начинается за часъ до захода солнца, такъ какъ послѣ

захода нельзя уже было играть. Мелехъ со своей капеллой, состоявшей изъ восьми человекъ, помѣщалась на возвышеніи посрединѣ синагоги на бальеморѣ, а кругомъ всей синагоги, въ особенности лѣтомъ,—масса молдаванъ, тоже большихъ любителей музыки. И не смотря на всю эту огромную толпу, повсюду царствовала мертвая тишина, и всѣ глаза свѣтились несказаннымъ блаженствомъ. А временами, когда вся капелла умолкала, и «говорила» одна скрипка Мелеха, говорила то бурно-пламенно, то сладостно-иѣжно, замирая, какъ гаснущіе лучи заходящаго надъ тихимъ озеромъ солнца; или когда скрипка вдругъ зарыдастъ, и, вмѣсто звуковъ, изъ нея начнутъ вырываться стоны,—тогда сотни глазъ заволакивались влагой, на многихъ прекрасныхъ рѣсницахъ дрожали кристаллыныя слезы и изъ глубины сердецъ вырывались глубокіе тяжкіе вздохи.

Таковъ былъ Мелехъ, котораго мнѣ предстояло услышать въ послѣдній разъ передъ моимъ отъѣздомъ. И не удивительно, что мысль объ этомъ предстоящемъ удовольствіи много умѣряла мое нетерпѣніе—ѣхать.

Быстро прошли не пять, а семь недѣль, изъ которыхъ цѣлыхъ три были наполнены свадьбой. Да, цѣлыхъ три недѣли продолжалась эта свадьба у р. Меира, оставшаяся памятной, какъ одно изъ самыхъ блестящихъ незабвенныхъ воспоминаній, въ сердцахъ всѣхъ почти безъ исключенія мѣстныхъ жителей, такъ какъ всѣ они безъ исключенія участвовали въ этомъ торжествѣ.

—Я не хочу,—говорилъ р. Меиръ,—чтобъ въ городкѣ было одно печальное, одно недовольное лицо въ то время, какъ у меня такая великая радость, когда я дожилъ до того, что выдаю первую дочь замужъ.—Много было въ этихъ словахъ тщеславія, много таилось тутъ стремленія превзойти блескомъ праздновавшуюся годомъ раньше свадьбу у р. Дуди; но много тутъ было и искренности, во многомъ тутъ сказалось доброе и благородное сердце р. Меира. Къ тому же р. Меиръ былъ на верху счастья: Мална, какъ первая дочь, была самой любимой его дочерью, а тутъ еще и партія такая блестящая. Мехутонъ былъ богатый почтосодержатель и вдобавокъ вполне «шелко-

вый» (благородный, интеллигентный) еврей. Женихъ тоже соотвѣтствовалъ тому идеалу молодого человѣка, какого желалъ р. Меиръ для своей дочери: изъ почтенной фамиліи, ученый, благочестивый и даже красивый. Правда, р. Меиръ видѣлъ жениха своей дочери всего два раза, но обо всѣхъ этихъ качествахъ въ одинъ голосъ кричали рѣшительно всѣ, и всѣ рѣшили, что р. Меиру «попалъ истинный діамантъ». Желая, чтобы всѣ участвовали въ его радости, р. Меиръ самъ обошелъ всѣ дома, начиная отъ бѣднѣйшаго портного и кончая первымъ богачемъ, чтобы лично пригласить каждого и получить торжественное обѣщаніе непременно явиться. То же сдѣлала и его жена Сура. И всѣ явились, и всѣ были въ восторгѣ.

Свадьба въ нашемъ городкѣ, если она случалась у состоятельныхъ людей, составляла нѣчто вродѣ олимпійскихъ игръ. Всѣ роды удовольствія, увеселеній, какіе только при наличныхъ средствахъ можно было получить, доставлялись приглашеннымъ, которые, однако, не являлись только зрителями, но и лицедѣями. Всякій считалъ своимъ священнымъ долгомъ сдѣлать съ своей стороны все возможное для увеличенія радости и веселья. И тутъ вдругъ обнаруживалось, что р. Хаимъ-Буцисъ мастерски танцуетъ «джокъ», что р. Ноахъ умѣетъ положить монету въ ермолку одного такъ, чтобы она очутилась въ пантуфляхъ другого; что р. Мотель артистически играетъ на стаканахъ, а р. Мендель съ необычайнымъ искусствомъ подражаетъ старой «бубѣ» Іешіехъ, какъ она лечитъ завалки, какъ произноситъ отшептыванія, и копируетъ также саму «махтенесте», какъ она ходитъ переваливаясь, какъ она всѣхъ приглашаетъ кушать и т. д. И если вспомнить, какъ однообразно проходила жизнь этого заброшеннаго захолустья, для котораго пріѣздъ новаго лица уже было необычайнымъ событіемъ, какая мертвенная тишь всегда въ немъ царилъ, — то вовсе не будетъ преувеличеніемъ сказать, что свадьба, наполнившая вдругъ все необычайнымъ веселіемъ, была для его жителей настоящими олимпійскими играми. И если это можно сказать о другихъ свадьбахъ, то уже о свадьбѣ р. Меира и говорить нечего. Мелехъ и его капелла были задержаны на двѣ недѣли, и въ теченіе этого времени ежедневно чуть ли не впро-

долженіе цѣлыхъ сутокъ воздухъ оглашался звуками музыки. Мнѣ особенно врывались въ память проводы «мехетунимъ». Морозная, но не очень холодная ночь; ясно-прозрачный необъятный сводъ небесный, посреди этого свода полный мѣсяцъ, заливающий все своимъ таинственнымъ серебристо-синева-тымъ волшебнымъ свѣтомъ и превращающій все кругомъ въ какое-то заколдованное царство. Впереди, молчаливо грустные, въ праздничныхъ одѣяніяхъ, шли мехетунимъ, сопровождаемые всѣмъ семействомъ р. Меира и его ближайшими друзьями и родственниками, несшими въ рукахъ зажженные факелы (гавдуле). За ними оркестръ, играющій маршъ, который, несмотря на всѣ усилія кларнетиста придать ему бравурность, очень походить на похоронный, до того онъ надрываетъ душу своею грустною мелодіей. И чудно отдавались эти звуки въ чистомъ морозномъ воздухѣ, среди этой волшебной заколдованной тиши.

На другой день вмѣстѣ съ мехетунимъ уѣхалъ и Мелехъ со своей капеллой. Какая холодная пустота охватила вдругъ весь городокъ. Нѣсколько дней всѣ шли какъ ошеломленные, какъ будто только-что пробудившись отъ долгаго, но прекраснаго сна. Нужно было больше недѣли, чтобъ все опять вошло въ свою колею даже чисто внѣшнимъ образомъ. Ибо добрая половина хозяйства обывателей перешла на это время къ Сурѣ, и всѣ жили какою-то бивуачной жизнью. Кто отдалъ всѣ почти ложки, кто тарелки, кто стулья, кто горшки, кто даже перины и подушки, словомъ всадѣ были крупнѣйшіе недочеты, и приходилось обѣдать и спать, если только еще готовили дома, какъ въ «великую субботу», когда уже три четверти всей утвари выкошераны на Пасху.

Ровно черезъ недѣлю послѣ упомянутой ночи и я разстался навсегда съ моимъ роднымъ городкомъ, безконечно мнѣ дорогимъ, которому я обязана всѣмъ моимъ нравственно-духовнымъ міромъ, и среди наивной, матеріально бѣдной, но духовно богатой жизни котораго я научилась любить, страдальчески любить всѣми атомами души.

Въ одинъ прекрасный день мнѣ объявили, что завтра ѣдетъ Бурдиха, — такъ почему-то звали тещу р. Меира, — и я съ нею.

По приказанію р. Шоэль-Аарона, я съезъ Шигилю-лавочнику огромный феллантъ трактата «Шабосъ», изъ отцовской бібліотеки, и подъ залогъ этой книги получилъ полъ червонца для дорожныхъ издержекъ. Сестра привезла мнѣ маленький узелокъ, содержащій двѣ мои рубашки, и вотъ въ этомъ состояли всѣ мои дорожныя приготовленія. Явившись утромъ, часовъ около десяти, съ этимъ завѣтнымъ узелкомъ, сестра уже оставалась со мной до самаго отъѣзда. Она, видно, была очень взволнована, глаза были очень красны отъ слезъ, а подъ глазами стояли большіе синіе круги, и все лицо ея какъ-то вытянулось. Она вѣдь оставалась одна, безъ одной родной души, и въ совершенной къ тому неизвѣстности насчетъ будущаго. Я же обо всемъ этомъ ни на секунду не задумался. Всѣ мои чувства и мысли были наполнены зеленымъ нѣмецкимъ фургономъ и парой гнѣдыхъ «неваковъ» фурмана Іоне. Этотъ Іоне былъ зять стараго часового мастера, р. Пейсаха. Послѣдному очень рѣдко приходилось примѣнять на практикѣ свое ремесло, и я даже былъ удивленъ, что «Seigermacher» есть только его прозвище. Впрочемъ, раза два въ году его приглашалъ къ себѣ молдаванскій священникъ для приведенія въ порядокъ его стѣнныхъ часовъ, о которыхъ р. Пейсахъ, бывало, рассказываетъ истыя чудеса: будто ихъ циферблатъ изображаетъ коня со всадникомъ и будто прежде, чѣмъ они начинаютъ бить, выскакиваетъ птичка и кричитъ «куку», такъ что, когда мы разговоримся о чудесахъ міра, то сейчасъ выступали и мнемическіе часы «галаха». Р. Пейсахъ за каждую починку получалъ мѣшочъ ржаной муки, а подъ большой еврейскій праздникъ и пару индюковъ, которыми одарила его уже «галахте» (попадья). Вообще галахъ и галахте, особенно послѣдняя, играли немалую роль въ жизни нашего городка. Священникъ очень любилъ заходить въ еврейскіе дома, заявляя прямо, что евреи единственные въ городкѣ люди, съ которыми можно вести человѣческой разговоръ, между тѣмъ какъ его молдаване не болѣе какъ «копъ — ди — бу» (бычачьи головы). Основательное знакомство всякаго почти еврея съ бібліей поражало его, какъ нѣчто необычайное, и, какъ это часто бываетъ съ не-евреями, впадающими въ одну или другую крайность, онъ считалъ ихъ всѣхъ

учебнѣйшими и умнѣйшими людьми. И это несомнѣнное, по его мнѣнію, превосходства евреевъ вызывало въ немъ нерѣдко злобное къ нимъ чувство, проявлявшееся довольно мелко и непристойно. За то про его жену, тоже жившую въ большой дружбѣ съ евреями, и проявлявшую большую доброту къ еврейскимъ бѣднякамъ, всѣ рѣшили, что она попадетъ въ «танъ-адень гатахтонъ» (нижнее отдѣленіе рай).

Но возвратимся къ Іоне. Лошадей своихъ онъ пріобрѣталъ прямо изъ табуна и превосходно ихъ самъ дрессировалъ. Какое бы дикостью онъ ни отличался, онъ безстрашно на нихъ садился верхомъ и непремѣнно одолевалъ ихъ. Это былъ здоровенный малый, коренастаго сложения, смуглый, съ большимъ толстымъ носомъ, съ длинными черными волосами. Онъ былъ поэтъ своего рода въ своей страсти къ лошадямъ и къ ѣздѣ. Онъ часто, безъ всякой надобности, возьметъ вдругъ да въ самую сильную вьюгу съѣдетъ верхомъ и проскачетъ цѣлый день; часто даже онъ пропадалъ на нѣсколько дней. Тестъ и жена считали его никуда негоднымъ человѣкомъ. Заработки отъ продажи выѣзжанныхъ лошадей существовали въ одномъ только его воображеніи. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ онъ занимался извозомъ, считая это занятіе ниже своего достоинства и достоинства своихъ лошадей. Вотъ съ этимъ то Іоне, на его «огненныхъ» лошадяхъ, мнѣ предстояло ѣхать, и понятно, что эта блестящая перспектива должна была заглушить во мнѣ всякія иныя чувства и мысли.

Наконецъ наступилъ желанный моментъ. На улицѣ раздался дребезжащій стукъ «нѣмецкаго» фургона. Я вздрогнулъ отъ восторга и нетерпѣнія и выбѣжалъ, не сказавъ никому ни одного слова на прощанье. Однако, въ это рѣшительное мгновеніе къ моей радости неволью примѣшивалось и нѣчто другое; сердце замерло, и ноги подкосились. Сестра и вся семья Цины-Лей выбѣжали вслѣдъ за мною.

— Ну, скорѣй, скорѣй, пачкунъ,—обратился ко мнѣ Іоне крайне презрительно. Я сѣлъ на свѣжее сѣно, которымъ былъ наполненъ фургонъ. Сестра подошла ко мнѣ и взглянула на меня молча, вся залитая слезами. Тутъ у меня сердце больно сжалось. Но Іоне пустилъ лошадей, и мы подѣхали къ р.

Менру. Сестра тоже туда побѣжала. Началось безконечное укладываніе узелъ, подушекъ, одѣяль и т. п. и еще болѣе безконечное прощаніе, съ громкимъ плачемъ. Во все это время сестра стояла около меня, ни на секунду не отрывая отъ меня глазъ и все заливаясь тихими, жгучими слезами. Наконецъ Бурдиха со своей младшей дочерью, еще дѣвушкой, пріѣхавшей тоже на свадьбу, усѣлись, и лошади понеслись во весь духъ. Лоне всегда такъ любитъ ѣхать по городу. Я сидѣлъ спиной къ лошадямъ, такъ что все время могъ видѣть рыдающую сестру, пока мы не завернули за уголъ и все разомъ скрылось. Тутъ у меня самого слезы брызнули потокомъ. Я себя вдругъ почувствовалъ одинокимъ, заброшеннымъ. Но это продолжалось не долго. Черезъ какія нибудь пять минутъ мы очутились на узкой проселочной кочковатой дорогѣ, и фургонъ прыгаль съ камня на камень. Уже наступилъ вечеръ, морозъ стоялъ сильный, жгучій; небо было ясно, прозрачно, усѣянное рѣдкими, но ярко мигавшими звѣздочками. На западномъ склонѣ, еще блѣдноватомъ, стоялъ тонкій серебристый серпъ луны. Меня охватило невыразимо сладостное обаяніе въ первыя минуты среди этого новаго, невѣдомаго, безконечнаго, прекраснаго міра. Мнѣ казалось, что я уже очутился за тысячу верстъ отъ города, хотя вотъ только что исчезъ деревянный верхъ колокольни. Намъ надобно было ѣхать верстъ семь до деревни, гдѣ жили проводники, которые за извѣстную плату «переправляли» границу и къ которымъ надо было являться поздно вечеромъ, изъ опасенія, чтобы другіе молдаване не донесли. Когда мы проѣхали версты три, направо стала вырѣзываться свѣтлая масса, надъ которой носился какъ будто легкій туманъ, и вскорѣ мы довольно ясно стали различать море, и еще яснѣе къ намъ сталъ доноситься глухой шумъ волнъ. Бурдиха, которая до тѣхъ поръ не переставала плакать, успокоилась наконецъ и стала поудобнѣй умищаться въ фургонѣ.

— Громъ меня побилъ!—воскликнула она вдругъ, взглянувъ на меня. — Смотрите только, въ чемъ этотъ мальчикъ ѣдетъ. Онъ вѣдь въ полчаса можетъ замерзнуть. Что это за разбойники, что зимой пускаютъ такъ ребенка!—И, какъ теперь подумаю, было дѣйствительно отъ чего придти въ ужасъ. Вся

моя одежда состояла изъ парусиноваго костюма, подъ которымъ я носилъ фланелевую куртку на ватѣ, изъ небольшой шали, въ которую сестра меня завернула уже въ самый моментъ отъѣзда, да изъ большого цвѣтнаго платка, которымъ были завязаны шея и уши. На ноги я надѣлъ двѣ пары нитяныхъ чулокъ вмѣсто одной, и былъ я не въ сапогахъ, а въ низкихъ и къ тому еще крѣпко порванныхъ башмакахъ. Когда Бурдиха обратила на меня вниманіе, я былъ близокъ къ полному окоченѣнію. Она немедленно вытащила изъ подъ себя какое-то старое теплое женское пальто и надѣла на меня, а ноги мои засунула въ сѣно и закрыла какимъ-то тряпьемъ. Не смотря на это, я ногъ совершенно не чувствовалъ: до того онѣ у меня окоченѣли. Но вотъ замелькали издали огоньки, послышался отдаленный лай собакъ; въ темной дали стали очерчиваться сначала огромныя скирды, а затѣмъ разбросанныя въ беспорядкѣ землянки,—мы подѣзжали къ деревнѣ, откуда доносился сильный запахъ дыма и свѣжаго навоза. Іоне пустилъ лошадей шагомъ, и мы тихо вѣхали въ большой дворъ и остановились между длинными скирдами сѣна и соломы. Меня вдругъ обдало пріятнымъ тепломъ, такъ какъ мы между скирдами укрылись отъ вѣтра. Іоне соскочилъ съ фургона, куда-то исчезъ въ темнотѣ и спустя довольно долгое время возвратился въ сопровожденіи высокаго парня, съ которымъ переговаривался шепотомъ. Онъ принялся выпрягать лошадей, а мы молча сошли съ фургона и пошли за парнемъ. Я едва переступалъ ногами и съ большимъ трудомъ поспѣвалъ за другими. Къ счастью, мы скоро вступили въ темныя сѣни, гдѣ обдалъ насъ запахъ кислой капустой, и затѣмъ въ просторную низкую комнату, гдѣ стоялъ густой дымъ отъ махорки. Насъ обдало невыразимо пріятнымъ тепломъ. Огромная печь была вся наполнена пламенемъ отъ пылавшей въ ней соломы; около нея, согнувшись, стояла женщина, всовывая туда на ухватѣ необычайныхъ размѣровъ горшочки. Это была хозяйка дома, которая пріятливо намъ улыбнулась, широко раскрывъ свой большой ротъ и показавъ свои большіе неправильные, но бѣлые зубы.

Мы всѣ усѣлись на прилежавшей къ печи лежанкѣ. Бурдиха сейчасъ раздѣла мнѣ башмаки и стала тщательно опу-

пывать мои ноги. Когда я, наконецъ, вполнѣ обогрѣлся, я принялся съ любопытствомъ разсматривать эту новую для меня обстановку. Вдоль стѣнъ стояли широкія лавки, а въ переднемъ углу большой столъ, вкопанный въ землю. Противъ печи висѣлъ шкафчикъ, на полкахъ котораго была установлена деревянная, вычурно выкрашенная миска и ложки, и нѣсколько горшковъ и макитръ. Постели никакой не было видно. Хозяйка, какъ люди зажиточные, имѣли еще одну хату. Всѣ лавки были покрыты разноцвѣтными полосатыми коврами. Комната освѣщалась овечьимъ жиромъ, горѣвшимъ въ горѣлкѣ на карнизѣ печи и издававшимъ сильное зловоніе. За столомъ сидѣло съ трубками въ зубахъ шесть человекъ рослыхъ, здоровыхъ молдаванъ, не обратившихъ никакого вниманія на наше появленіе и не удостоившихъ насъ все время ни единымъ взглядомъ. Признаюсь, они своимъ видомъ навели на меня ужасъ. Такими я себѣ всегда рисовалъ «газлунизмъ» (разбойниковъ), о которыхъ такъ любили рассказывать въ хедерѣ. Они мнѣ казались всѣ одинаковаго роста, одинаковаго сложенія и вообще похожими другъ на друга. Всѣ они дѣйствительно были одинаково атлетическаго сложенія, всѣ бритые съ усами, всѣ одинаково одѣтые въ коротенькія курточки изъ овечьихъ шкуръ, отороченныя кругомъ мелкимъ барашкомъ, въ широкія кожаныя шаровары, подвязанныя очкуромъ ниже колѣнъ; у всѣхъ ноги были въ лаптяхъ, обвязанныхъ перекрещивавшимися узкими бѣлыми ремнями до самыхъ колѣнъ; у всѣхъ были широкіе твердые кожаные пояса, къ которымъ были привѣшаны всякаго рода мѣшечки, огниво и по нѣскольку большихъ ножей, которые больше всего привели меня въ ужасъ; у всѣхъ почти, наконецъ, были длинные черные волосы, виспадавшіе до затылка. Только одного изъ нихъ, сидѣвшаго лицомъ ко мнѣ, я могъ отличить отъ другихъ, и онъ-то больше всего завершалъ для меня идеаль разбойника. У него было изрытое оспой лицо, красный, мясистой толстой носъ, толстыя покрытыя чирьями губы и маленькіе часто скрывавшіеся глаза; въ ушахъ были кольца. Былъ онъ также смуглѣе другихъ, и, когда говорилъ, его узкій лобъ покрывался множествомъ морщинъ. На видъ онъ казался очень молодымъ, лѣтъ двадцати, не больше, и тѣмъ не менѣе выра-

женіе у него было, какъ мнѣ тогда казалось, крайне свирѣпое. Они всѣ разговаривали шопотомъ, держа въ зубахъ коротенькія трубочки, часто и громко отплевывались во всѣ стороны. Мы сидѣли молча. Мнѣ становилось жутко. Іойне все не являлся. Бурдиха стала громко выражать свою досаду. Хозяйка, какъ будто понимая, что намъ должно быть страшно, каждый разъ подходила и дружески намъ улыбалась. Она пыталась заговорить, но никто ея не понималъ. Это была женщина лѣтъ тридцати, высокая, стройная, какъ большая часть молдаванскихъ женщинъ, съ симпатичнымъ, очень измученнымъ, запуганнымъ лицомъ. Все она дѣлала съ оглядкой, даже улыбалась намъ съ оглядкой. Видно было, что мужъ съ ней очень круто обращался. Мы уже начали сидя дремать, какъ явился наконецъ Іойне. Оказалось, что онъ за это время успѣлъ побывать у жившаго въ той же деревнѣ еврея, помолиться тамъ и закусить.

— Превосходные у р. Буриха соленые огурцы,—проговорилъ онъ, какъ будто въ оправданіе своего долгаго отсутствія. Онъ сейчасъ-же фамиллярно усѣлся за столомъ рядомъ съ молдаванами и вступилъ съ ними въ бесѣду, вполне свободно объясняясь по молдавански, чѣмъ возбудилъ во мнѣ сильную зависть; въ эту минуту мнѣ ужасно хотѣлось знать о чемъ они говорили. Черезъ нѣсколько минутъ онъ удалился съ хозяиномъ дома, который былъ никто иной какъ начальникъ банды контрабандистовъ, знаменитый Мечипоръ. Поговоривъ съ нимъ очень недолго, Іойне подошелъ къ Бурдихѣ.

— Онъ рѣшительно требуетъ по поль-червонца съ чело-вѣка,—заявилъ онъ.

— По поль-червонца!—воскликнула она.—Что онъ съ ума сошелъ! Сюда я платила по пятидесяти копѣекъ.

— Онъ говоритъ, что у него сегодня никакого товара нѣтъ и что онъ долженъ отправиться нарочно ради васъ, что теперь, вдобавокъ, очень опасно, что усилили кордоны съ обѣихъ сторонъ, и что часовые расхаживаютъ вдоль всей канавы (границы).

— Вреть, вреть,—кричала сердито Бурдиха.—Это они всегда рассказываютъ подобныя басни. Вотъ увидите, какъ у него товара нѣтъ.

Іойне снова подошелъ къ Мечипору, и между ними опять

начался безконечный разговоръ, пересыпанный на каждомъ шагу словами «джутати галбуне», «джутати корбова» (поль червонца, поль рубля).

— Нѣтъ, рѣшительно не хочетъ меньше,— сказала Іойне.

— Ну, такъ мы поѣдемъ обратно.—И Бурдиха рѣшительно встала и начала одѣваться, повелѣвъ сдѣлать то же своей дочери и мнѣ. У меня похолодѣло на душѣ, и я проклиналъ Бурдиху за ея скупость. «Какъ, неужели вдругъ вся моя поѣздка разстроится?» Мнѣ, однако не пришлось долго отчаяваться. Какъ только мы всѣ одѣлись и встали, Мечипоръ, который опять было усѣлся, всталъ изъ-за стола, подошелъ къ Бурдихѣ, сталъ дружески ее трепать по плечу и что-то говорить, чего я разумѣется, не понималъ. Тутъ-то я могъ его вполне разглядѣть. Это былъ мужчина лѣтъ тридцати пяти, выдававшійся даже среди этихъ великановъ своимъ ростомъ и своимъ сложениемъ, съ правильными, красивыми чертами лица и большими свѣтло-сѣрыми, очень умными и выразительными глазами. Одѣтъ онъ былъ хоть и въ такой же костюмъ, какъ и всѣ молдоване, но на немъ все какъ-то блистало новизной и щегольствомъ. Въ общемъ онъ производилъ въ высшей степени хорошее впечатлѣніе. Отъ него какъ-то вѣяло силой, увѣренностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ выраженіи глазъ было что-то мягкое, привлекательное. Дѣло было скоро улажено по цѣнѣ, предложенной Бурдихой. Мы снова раздѣлись и усѣлись на теплой лежанкѣ. Подъ вліяніемъ охватившей меня приятной теплоты я очень скоро уснулъ. Но вслѣдствіе сильнаго возбужденія отъ необычайныхъ впечатлѣній, я находился какъ въ бреду и видѣлъ чудовищные сны; я часто вздрагивалъ и просыпался, не зная рѣшительно, гдѣ я и что со мной. Тѣмъ не менѣе помню, какъ я, разъ, проснувшись, былъ испуганъ необычайными звуками. Я робко сталъ вглядываться въ полумракъ и увидѣлъ храпѣвшихъ молдаванъ, растянутыхъ на лавкахъ и на землѣ въ кучѣ соломы. Я себя почувствовалъ въ какомъ-то странномъ загадочномъ мірѣ, рядомъ съ которымъ тотъ, который я только что оставилъ, мнѣ казался гдѣ-то далеко, далеко, въ какой-то заоблачной сферѣ, на десятки лѣтъ разстоянія. Потомъ я опять крѣпко заснулъ, и теперь рѣшительно не могу

припомнить, какимъ образомъ мы всё встали и снова снарядились въ дорогу. Помню только, какъ я очутился за стѣной какого-то уединеннаго необитаемаго домика; дрожа всёмъ тѣломъ отъ холода до того, что не въ состоянїи былъ внятно отвѣтить на какой-то вопросъ Леи, дочери Бурдихи, державшей меня за руку. Изъ этого пустыннаго домика вдругъ выползали шесть великановъ съ огромными тюками на спинахъ и длиннѣйшими палками въ рукахъ. Меня снова посадили на фургонъ Іойне, между Бурдихой и ея дочерью, совершенно закрывшихъ меня собой, и я скоро ободрился. Мы ѣхали шагомъ, между тѣмъ какъ люди съ тюками шли впереди, и мнѣ то казалось, что это сказочныя сверхъ естественныя существа, двигающіяся въ густомъ мракѣ, то, что это вѣтряныя мельницы, пустившіяся вдругъ шагать. Временами они разсыпались въ разныя стороны или же совершенно исчезали въ темнотѣ. Іойне тогда останавливался, прислушиваясь, чтобъ по шуму шаговъ узнать, куда ѣхать. Онъ съ трудомъ удерживалъ лошадей, которыя сердито и громко фыркали. Это обстоятельство ужасно пугало Бурдиху. «Боже мой, Боже мой», шептала она непрерывно: «въ несчастье ввергнуть эти проклятыя лошади. И надо же было его взять съ его невеками. Отлично бы доѣхали и на лошадкѣ Дувидь-Герша.

Вдругъ, какъ изъ подъ земли, выросъ передъ нами человекъ. Я чуть не вскрикнулъ отъ ужаса, нисколько не сомнѣваясь, что это разбойникъ. Я, однако, скоро успокоился, услышавъ, какъ онъ мирно перешептывается съ Іойне, который сейчасъ остановилъ лошадей и велѣлъ намъ слѣзть. Передавъ парню всё наши узлы, Іойне распростился съ нами, обѣщавъ пождать въ деревнѣ до возвращенія проводниковъ, чтобъ принести р. Меиру извѣстіе о благополучной переправѣ, — а мы пустились дальше пѣшкомъ. Не соображаясь нисколько съ нашими силами, нашъ проводникъ шелъ себѣ своими огромными шагами, и намъ приходилось непрерывно за нимъ бѣжать. Чтобы я не отставалъ, Бурдиха и Лея взяли меня за обѣ руки и почти что таскали за собою. Черезъ минуту десять такой ходьбы я рѣшительно сталъ изнемогать и готовъ былъ упасть въ бессилю. Вдругъ провожатый припалъ къ землѣ, приказавъ намъ знаками

сдѣлать то-же. Притаивъ дыханіе, онъ приложился ухомъ къ самой землѣ и сталъ прислушиваться. Не могу я выразить, какое блаженство я почувствовалъ при этомъ внезапномъ отдыхѣ. Вся земля вокругъ меня закружилась съ ужасной быстротой, и въ этой тиши мнѣ казалось, что я слышу бѣненіе своего сердца, до того оно стучало. Пролежавъ такъ нѣсколько секундъ, мы ясно услышали шумъ шаговъ. У меня замерло сердце отъ ужаса. Проводникъ еще плотнѣе прилегъ къ землѣ, напряженно и тревожно прислушиваясь. Шаги становились все явственнѣе. Я совершенно забылъ утомленіе и крѣпко прижался къ Бурдикѣ. Но тутъ проводникъ вскочилъ на ноги и поднялъ высоко свою палку. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ тоже мгновенно приподнялось нѣсколько палокъ. Проводникъ сдѣлалъ намъ знакъ встать. То были наши молдаване съ тюками. Мы отдохнули еще минутъ пять, въ теченіе которыхъ между контрабандистами произошелъ шопотомъ серьезный совѣтъ, судя по ихъ энергичнымъ движеніямъ и указаніямъ палками въ различныя направленія. Но вотъ всѣ разомъ поднялись, и мы снова пустились въ путь. Темнота, казалось, еще сгустилась; на горизонтѣ впереди насъ небо затянулось огромной черной тучей! Едва сдѣлали мы только нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ, къ невыразимому моему ужасу, я замѣтилъ, что очутился одинъ среди трехъ молдаванъ, между тѣмъ какъ Бурдика съ дочерью и съ остальными контрабандистами какъ сквозь землю провалились. Ужасъ смерти, ужасъ наступившей послѣдней минуты, говорю это безъ всякихъ метафоръ, охватилъ меня въ этотъ моментъ. У меня не осталось никакого сомнѣнія, что ихъ увели куда-нибудь, чтобъ покончить съ ними, и что то-же самое скоро сдѣлаютъ со мной. Я ясно видѣлъ предъ собой раскрывающуюся могилу. Однако, послѣ первой минуты ужаса, наступило какое-то ошеломленіе, и я безсознательно бѣжалъ за проводниками, бѣжалъ безконечно, до изнеможенія, до окончательнаго истощенія силъ, въ своихъ изорванныхъ шлепаншихъ башмакахъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, весь облитый потомъ. Вѣтеръ, который раньше дулъ съ такой силой, и которому теперь я былъ бы такъ радъ, или улегся на самомъ дѣлѣ, или же я его не чувствовалъ; казалось все замерло кругомъ, и только издали до-

носился глухой зловѣщій ревъ моря, еще больше увеличивая ужась. А я все бѣжалъ, бѣжалъ, спотыкаясь и больно ударяясь о затвердѣлыя кочки. Еще одинъ шагъ—и я упаду. Ахъ, если бы мнѣ позволили прилечь тутъ на кочкѣ, одному среди пустынной степи, среди этого черного окутывающаго все мрака. Ничего,—лишь бы прилечь и сладко, сладко заснуть. Въ бокахъ стало невыносимо колоть. «Нѣтъ, лягу, припаду къ землѣ, будь что будетъ», рѣшилъ я мысленно. Не знаю, остановился ли я дѣйствительно; только одинъ изъ контрабандистовъ обернулся ко мнѣ, шепча: «май ди грабу, май ди грабу, баетъ»¹— слова, которыя я понималъ. Я сдѣлалъ послѣднее усиліе и пустился бѣгомъ. Гдѣ это у меня взялись силы, я рѣшительно не въ состояніи постигнуть. Но это было дѣйствительно послѣднее усиліе. Дальше идти я не былъ въ состояніи, потъ градомъ лилъ по всему тѣлу, и особенно по лицу; въ ушахъ звенѣло, сердце било молотами. Вдругъ одинъ изъ контрабандистовъ подхватилъ меня одной рукой и поднималъ высоко. Не смотря на весь испытанный мной въ ту секунду ужась, такъ какъ я думалъ, что тутъ уже наступилъ мой конецъ,—я отлично замѣтилъ, какъ у меня съ ноги упалъ башмакъ, что меня сильно огорчило. Оказалось, однако, что молдаванинъ подхватилъ меня не для того, чтобы зарѣзать, а чтобы перенести черезъ канаву, и когда этотъ роковой переходъ былъ благополучно совершенъ, онъ преспокойно меня спустилъ, предоставляя мнѣ бѣгать по кочкамъ одной босой ногой. Я, однако, бѣжалъ довольно бодро, забывъ вдругъ всякое утомленіе. Ужась понемногу сталъ проходить, и у меня стала являться надежда увидѣть еще живыми Вурдику и ея дочь. Дѣйствительно, очень скоро проводники опять припали къ землѣ и пролежали на этотъ разъ довольно долго и затѣмъ вдругъ, какъ изъ подъ земли, появились остальные контрабандисты вмѣстѣ съ Бурдикой и Леей. Мы шли еще минутъ пятнадцать, и вдругъ совершенно внезапно замѣтили мелькавшій вдали огонекъ, и вскорѣ стали очерчиваться бѣлые домики деревни. Деревня эта находилась уже по ту сторону границы, и когда мы очутились въ ней, то насъ

¹ Скорѣе, скорѣе, мальчикъ.

опять раздѣлили. Меня завели въ тотъ домикъ, гдѣ мелькалъ свѣтъ, а Бурдиху съ дочерью куда-то въ другое мѣсто. На тихій стукъ въ окно, совсѣмъ молодая женщина, въ одной рубахѣ и полосатой юбкѣ, босая, отворила дверь. Одинъ изъ проводниковъ, тоже еще совсѣмъ молодой, какъ оказалось, мужъ этой женщины, зашелъ со мной и, сказавъ нѣсколько словъ женѣ, сейчасъ же исчезъ. Я очутился въ предестной, привѣтливой, теплой горницѣ, поразившей меня своей необычайной чистотой и своимъ убранствомъ. Молодая, удивительной красоты хозяйка съ материнскою привѣтливостью усадила меня на теплую печь, стянула съ меня всю верхнюю промерзшую одежду и сейчасъ же ушла въ другую половину, откуда доносился плачь ребенка. Я не въ состоянїи выразить того сладостнаго чувства, которое меня охватило среди этой уютной милой обстановки.

Я мгновенно забылъ все мое утомленіе, боль въ ногахъ, сонъ такъ сильно меня одолѣвавшій раньше, даже какая-то веселость меня одолѣла вдругъ; самъ не знаю почему, вмѣсто того, чтобы отдохнуть, я всталъ и сталъ осматривать все кругомъ. Вся комната, очень просторная, съ тремя окнами, освѣщалась лампадой, горѣвшей передъ иконами. Эти послѣднія; меня очень стѣсняли и внушали почему-то робость и страхъ, особенно же большой деревянный крестъ надъ ними, убранный колосьями и засохшими желтыми цвѣтами. Больше всего меня занимали ковры, которыми былъ покрытъ земляной полъ и завѣшены всѣ стѣны и которые придавали всей комнатѣ особенную уютность. Въ углу, насупротивъ иконы, находилась широкая досчатая кровать, тоже убранная коврами, но самыми красивыми, и множествомъ подушекъ симметрично поднимавшихся въ видѣ пирамиды. Къ потолку, надъ постелью, очевидно, служившей только украшеніемъ, веревками прикрѣплены были шесты, на которыхъ тоже висѣло множество ковровъ и всякаго рода полотно, льна, льняныхъ нитокъ, шерсти и нѣсколько бѣлыхъ мѣшечковъ съ зерномъ.

Я остался одинъ, но не ощущалъ никакой неловкости, которую обыкновенно испытываешь, очутившись въ совершенно чуждой обстановкѣ. Напротивъ, я себя чувствовалъ очень хо-

рошо, даже празднично хорошо, и ни одной тягостной мысли не приходило въ голову въ этомъ уютномъ уголкѣ, гдѣ во всемъ виденъ былъ благородный женскій вкусъ и изящная простота. Однако, я не очень долго оставался одинъ. Спустя полчаса хозяйка опять появилась на порогѣ и съ очаровательной улыбкой, которой я никогда не могъ забыть, поманила меня къ себѣ. Я пошелъ за ней. Мы пошли черезъ темныя сѣни, гдѣ она меня взяла за руку (помню какъ при этомъ я почувствовалъ большую неловкость), и затѣмъ очутились въ другой, почти такой же комнатѣ, но безъ ковровъ. Въ русской печи ярко горѣлъ огонь. Она меня посадила за столъ, подала мнѣ крашеную мисочку, наполненную борщомъ, и предложила кушать. Я, разумеется, съ ужасомъ отказался. Бѣдная женщина усиливала свои очаровательныя улыбки и просьбы. Полагая, что борщъ мнѣ не нравился, она его убрала и принесла свѣжія только что испеченыя плацинды (пирогѣ), обмазала ихъ сверху свинымъ саломъ и поставила предо мной, въ увѣренности, что отъ этого соблазнительнаго блюда я уже никоимъ образомъ не откажусь. Но свиное сало не только не привлекало меня, но возбудило такое отвращеніе, что я былъ близокъ къ рвотѣ; я вышелъ изъ-за стола, къ великому отчаянію молодой красавицы. Въ это время раздался легкій стукъ въ окно. Хозяйка пошла отворить и возвратилась съ мужемъ, который сѣлъ прямо за столъ и, перекрестившись, мигомъ истребилъ поданную ему хозяйкой огромную миску борщу и мамалыги. Я, между тѣмъ, усѣлся на лежанкѣ и сталъ дремать сидя и вскорѣ совсѣмъ заснулъ сладкимъ, спокойнымъ сномъ. Но меня скоро разбудили, я съ большимъ трудомъ открылъ глаза и долго не могъ понять, гдѣ я и что со мной. Предо мной стояла хозяйка съ двумя испечеными въ золѣ яйцами въ рукахъ. Она, очевидно, узнала у мужа, имѣвшаго частыя сношенія съ евреями, что я не могу кушать приготовленной въ ея посудѣ пищи, и ея доброе сердце нашло выходъ изъ этого затрудненія. До сихъ поръ воспоминаніе объ этихъ печеныхъ яйцахъ трогаетъ меня до слезъ. Не смотря на то, что меня страшно клонило ко сну, я этимъ яйцамъ несказанно обрадовался. Я всталъ, умылъ руки и сѣлъ ихъ съ жадностью; когда я кончилъ, хозяйка под-

несла мнѣ два кочана сырой капусты, словно знала о томъ, что я ихъ такъ люблю. Я, однако, сильно задумался, кушать ли или нѣтъ, такъ какъ они были обрѣзаны трѣпнымъ ножомъ. Но подумавъ затѣмъ, что капуста холодная и при томъ не ѣдкая вещь, успокоился и съѣлъ ихъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Тутъ я съ сильнѣйшимъ угрызениемъ вспомнилъ, что не совершилъ ни вечерней, ни ночной молитвы и почувствовалъ себя отъ этого такъ скверно, какъ будто совершилъ что-то очень постыдное. Съ особенной горячностью принялся я заглаживать свой грѣхъ; но когда дошло до молитвы *Шмона-Эсра*, я очутился въ большомъ затрудненіи, не зная, гдѣ востокъ, и потому сталъ на угадъ лицомъ къ лежанкѣ; однако, я сдѣлалъ это съ большимъ безпокойствомъ, опасаясь, что моя молитва изъ-за этого не будетъ настоящей. Хозяйка съ мужемъ, между тѣмъ, ушли въ другую комнату; я остался опять одинъ, и мнѣ стало очень жутко на этотъ разъ. Я опять прилегъ и немедленно сталъ засыпать. Вдругъ раздался сильный стукъ въ окно, и вскорѣ въ комнату ввалились всѣ наши контрабандисты съ чрезвычайнымъ шумомъ. Лица у всѣхъ были красныя, возбужденныя; нѣкоторые сильно пошатывались и съ трудомъ держались на ногахъ; окруживъ со всѣхъ сторонъ хозяина, они съ угрозами стали ему что-то говорить. Онъ имъ отвѣчалъ такими же угрозами, и чѣмъ дальше, тѣмъ голоса ихъ все возвышались, глаза разгорались свирѣпымъ, зловѣщимъ блескомъ. Я прикурнулъ на лежанкѣ до-нельзя испуганный ихъ свирѣпымъ видомъ. Ребенокъ, спавшій до сихъ поръ спокойно въ висѣвшей подъ лежанкой висачей холщевой люлькѣ, возбужденный шумомъ, сильно раскричался. Мать прибѣжала и взяла его на руки, усѣвшись около меня, и принялась его кормить. А разговоръ дѣлался все шумнѣе, все возбужденнѣе. Въ глазахъ бѣдной женщины выразился ужасъ, и видно было, что она чего-то опасалась. Дѣйствительно, скоро раздался сильный стукъ кулакомъ по столу. Мечипоръ подбѣжалъ къ лежанкѣ, гдѣ мы сидѣли, и сталъ шарить, какъ будто ища чего-то; другой контрабандистъ бросился въ другую комнату. Очевидно, хозяина подозрѣвали въ присвоеніи чего либо изъ переправленныхъ товаровъ. Затѣмъ опять всѣ сбѣжали вмѣстѣ, съ еще болѣе свирѣпыми лицами, и еще тѣснѣе

окружили хояина. Кто-то схватилъ его за шиворотъ и сталъ трясти со всей силой. Раздался сильный ударъ по чьей-то спинѣ, одного кто-то таскалъ за чуприну, и въ мигъ началась страшная общая свалка; удары кулакомъ, пощечины сыпались градомъ и, наконецъ, всё очутились на землѣ, смѣшавшись въ одну кучу, барахтаясь руками и ногами, съ яростью вѣпляясь другъ другу въ волосы и въ физиономію; и среди всего этого раздавались, какъ будто изъ-подъ земли, страшныя, неистовыя проклятія, сопровождаемыя стонами и криками наиболѣе страдавшихъ отъ побоевъ: хояйка, съ ребенкомъ на рукахъ, съ пронзительнымъ крикомъ бросилась ихъ разнимать, но удары посыпались и на нее, и, опасаясь за ребенка, она съ громкими рыданіями вскочила на лежанку, оттуда на печь, гдѣ сушились кукурузныя зерна. Уложивъ тамъ ребенка, она опять соскочила, опять бросилась къ барахтавшимся на землѣ, свирѣпость которыхъ какъ будто все росла съ каждой минутой. Кто-то кинулся на нее и повалилъ. Она, какъ пронзенная стрѣлой, вырвалась, оставивъ въ рукахъ повалившаго ее, юбку, и вся растрепанная, съ разодранной рубахой, съ ужасающими криками: «валю, валю», бросилась опять на печь, гдѣ бѣдный ребенокъ разрывался отъ плача. Я все время лежалъ съживившись, ни живъ, ни мертвъ, боясь подать признакъ жизни. Не могу сказать, долго-ли продолжалась эта ужасная, звѣрская свалка. Мнѣ тогда казалось, что очень долго. Они, однако, наконецъ, успокоились, поднявшись почти всё съ окровавленными лицами и вскорѣ разошлись. Ушелъ за ними и хояинъ, а хояйка тщательно заперла за ними дверь и повела меня въ другую комнату, гдѣ постлала мнѣ прекрасную постель. Но когда я увидѣлъ, что она уходитъ, я, при мысли спать одному, да еще послѣ только что видѣннаго, пришелъ въ такой ужасъ, что побѣжалъ за нею. Она, видно, поняла меня и положила меня на той же лежанкѣ, гдѣ я дремалъ раньше, а сама легла тутъ же рядомъ на нечи, взявъ съ собой туда и ребенка.

Было уже недалеко до разсвѣта, когда мы легли; темная, непроницаемая масса, закрывавшая снаружи окна, стала уже блѣднѣть, и издалека уже доносилось одинокое пѣніе пѣтуха.

Когда я на другой день открылъ глаза, я увидѣлъ предъ собой Бурдику. Она разспрашивала меня, какъ я себя чувствую и заявила съ ужасомъ, что намъ здѣсь придется остаться до разсвѣта слѣдующаго дня, такъ какъ днемъ выѣхать нельзя, чтобы не вызвать подозрѣнiя, ночью же она ѣхать не хочетъ; между тѣмъ всѣ съѣстные припасы, данные ей на дорогу, похищены проводниками, которымъ она отъ всей души желала подавиться ими. Она мнѣ принесла старый башмакъ своей дочери, хлѣба, котораго ей осталось довольно, и молитвенникъ, чтобы мнѣ было въ чемъ помолиться.

Остались онѣ недолго, объяснивъ, что это самый подозрительный для кордонныхъ стражниковъ домъ, куда они иногда являются для обысковъ,—но что для меня, маленькаго мальчика, нѣтъ никакой опасности. И она ушла, обѣщавъ прийти съ дочерью, какъ только стемнѣетъ.

Хозяйка моя встрѣтила меня утромъ съ еще болѣе сердечной, болѣе малой улыбкой, словно стараго друга, съ которымъ вмѣстѣ испытали много тяжелаго. Она топила печь и мѣсила коржи, а ребенокъ копошился на землѣ въ соломѣ. Умывшись, я выбѣжалъ на дворъ, и меня охватило невыразимое обаянiе. Мороза почти не было никакого, и падалъ тихiй, мелкiй снѣжокъ, покрывъ все кругомъ легкимъ серебристымъ ковромъ. Домикъ стоялъ на самой окраинѣ деревни, далеко отъ всякаго жилья; сама же деревня была живописно расположена на крутомъ склонѣ покатаго холма и оканчивалась котловиной, заросшей густой рощей, оголенные деревья которой, покрытыя инеемъ и легкимъ снѣжкомъ, представляли въ эту минуту восхитительный видъ. Тутъ, въ котловинѣ, немного подальше отъ рощи, находился большой ставъ. Дальше, налѣво отъ рощи, за небольшимъ холмомъ, на разстоянiи около трехсотъ шаговъ, не больше, видѣлось море, темное, мрачное, беспокойное. Я стоялъ какъ очарованный и не могъ оторваться отъ этой поразившей меня картины. Прекраснѣе этого, мнѣ казалось, ничего не могло быть. Меня охватило сильное, неодолимое желанiе пуститься бѣжать, обойти все кругомъ, все осмотрѣть. Больше всего меня притягивала эта роща. Въ первый разъ въ жизни увидѣлъ я такую массу деревьевъ, да еще въ такомъ

чудномъ убранствѣ. Я бы немедленно исполнилъ свое желаніе, но меня останавливалъ страхъ—натолкнуться на собакъ и на «шкучимъ» (крестьянскихъ мальчишекъ). Я, однако, набрался смѣлости и дошелъ до какой-то пустой мельницы съ разбитыми крыльями, стоявшей на самой верхушкѣ склона. Оттуда видъ былъ еще поразительнѣе, особенно на это безбрежное, мрачное море.

Дальше идти я не осмѣлился. Возвратившись домой, я усердно помолился. Хозяйка опять испекла для меня два яйца, и я отлично позавтракалъ.

Не смотря на то, что я былъ совершенно одинъ въ совершенно чуждой для меня обстановкѣ, да еще въ первый разъ въ жизни, для меня день прошелъ совершенно незамѣтно, даже слишкомъ скоро. Каждый разъ выбѣгая на дворъ и дѣлаясь все смѣлѣе и смѣлѣе, я уходилъ все дальше и дошелъ, наконецъ, до самой рощи. Вблизи, особенно когда я очутился подъ самымъ этимъ серебристымъ сводомъ, она мнѣ показалась еще прекраснѣе, еще очаровательнѣе. Дальше нѣсколько мальчугановъ на салазкахъ спускались съ довольно крутого склона холма и неслись съ такой быстротой, что долетали до середины покрытаго льдомъ става. Приблизиться къ нимъ я, разумѣется, не осмѣлился и былъ радъ, что они меня не замѣтили.

Въ хату я заходилъ только грѣться, и каждый разъ получалъ то кочанъ капусты, то печеное яйцо. Я почувствовалъ себя какъ дома, и Марія (такъ звали мою хозяйку) мнѣ казалась старой, близкой знакомой.

Мужъ ея все время не являлся, и я его уже болѣе не видѣлъ. Ночь я провелъ все на той же лежанкѣ, между тѣмъ какъ Марія спала на печи. Она меня сама укрыла, гладила долго по головѣ и щекамъ, сохраняя на лицѣ все ту же невыразимо предестную улыбку. И чѣмъ больше я къ ней присматривался, тѣмъ прекраснѣе она мнѣ казалась. И насколько я ее еще теперь припоминаю,—а припоминаю я ее ясно,—это была красавица въ полномъ смыслѣ слова, съ выточенными чертами, немного овальнымъ, матовымъ лицомъ, большими черными выразительными глазами, густыми черными волосами, окаймлявшими бѣлый красивый лобъ, стройная, средняго роста,

немного худая. На видъ ей казалось лѣтъ восемнадцать, не больше, и вообще было что-то чудно-дѣтское въ ея невыразимо прекрасномъ лицѣ. Какъ среди такой грубой, полудикой среды является подобная красота и столь благородныя прекрасныя души—это совсѣмъ неразрѣшимая загадка. А можетъ быть именно полудикая масса только и въ состояніи еще создать подобныя чудныя творенія.

На другой день, когда уже почти совсѣмъ разсвѣло, разстался я съ моею незабвенной красавицей-хозяйкой и прелестной деревушкой, и въ огромной скверной телѣгѣ, на волахъ, мы потянулись дальше. Это было въ четвергъ. День былъ такой же, какъ и наканунѣ, тихій, безъ малѣйшаго вѣтра, при небольшомъ морозѣ. Кругомъ тянулись безконечныя, покрытыя снѣгомъ, поля. Во все время намъ не попался ни одинъ проѣзжій, и мы еле плелись по скучной, однообразной, безконечной дорогѣ, часто идя пѣшкомъ, впереди телѣги, чтобы погрѣться и немного развлечься. Уже передъ самымъ разсвѣтомъ пріѣхали мы въ большую грязную деревню и заѣхали къ какому-то Айзигу, который принялъ насъ съ необычайнымъ радушіемъ и задержалъ у себя на субботу. Въ воскресенье же онъ безвозмездно отвезъ насъ на своихъ лошадахъ въ городъ А. Я пробылъ у Бурдихи два дня, а на третій явился молодой человекъ съ чисто-негрскимъ лицомъ, спросилъ, тутъ-ли оставился племянникъ р. Герша—Хаимъ, и взялъ меня съ собой. Онъ привелъ меня на почтовую станцію и посадилъ на обратную почту, шедшую въ деревню или, вѣрнѣе, корчму, гдѣ жилъ мой дядя. Ямщикъ былъ очень пьянъ и всю дорогу до того гналъ лошадей, что меня схватили холики. Наконецъ показались три острия камышевыя крыши среди безконечной степи. Уже наступили полныя сумерки, когда я слѣзъ у перваго изъ домиковъ. Какая-то женщина, стоявшая на порогѣ, холодно меня встрѣтила и провела въ темную, мрачную комнату, гдѣ сильно несло водкой и махоркой. У меня вдругъ сердце сильно сжалось. И тутъ я въ первый разъ вдругъ вспомнилъ о моемъ дорогомъ городѣ и крѣпко заплакалъ...

Бель-Ами.

БИОГРАФИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ ¹.

III ².

Больше интереса и значенія, какъ авторъ полезныхъ книгъ по математикѣ и естествовѣдѣнію на еврейскомъ языкѣ, представляетъ собой другой еврейскій ученый, р. Барухъ Шикъ изъ Шклова, занимающій очень видное мѣсто въ исторіи умственнаго развитія евреевъ въ Россіи, какъ одинъ изъ лучшихъ представителей талмудической школы виленскаго гаона р. Ильи Вильнера. Многимъ изъ читателей, скептически относящимся къ заслугамъ истыхъ талмудистовъ, можетъ быть, покажется нѣсколько страннымъ, что мы придаемъ особенное значеніе представителямъ этой школы, какъ пропаторамъ и носителямъ культурныхъ идей въ зачаточной формѣ. По мнѣнію этихъ скептиковъ выходитъ, что талмудисты, предававшіеся, повидимому, исключительно изученію Талмуда со всѣми его глоссаторами и толкователями, — на сколько послѣдніе являются кодификаторами закона, — и потому мало заботившіеся о практическихъ результатахъ этого ученія и примѣненіи его къ улучшенію соціального строя народа и испѣленію его нравственныхъ недуговъ, — не могутъ занимать мѣста въ исторіи литературы, какъ люди односторонняго, узко-національнаго

---

¹ См. „Восходъ“ 1889 г., кн. XI—XII.

² При составленіи настоящаго этюда я отчасти пользовался библиографическими указаніями д-ра В. О. Цейтлина, автора библиографическаго словаря „Bibliotheca Hebraica post Mendelssohniana“, вышедшаго недавно вторымъ изданіемъ въ Лейпцигѣ, подъ названіемъ „Вс Лѣр“, изданіемъ книгопродавческой фирмы К. Ф. Köhler's Antiquarium.

направленія и мало значущаго съ строго научной точки зрѣнія. Но это далеко не такъ. При строгомъ анализѣ и трезвомъ взглядѣ на вещи, не трудно будетъ убѣдиться въ томъ, что и эта школа, при всей своей теологической окраскѣ и узкости взглядовъ и тенденцій ея приверженцевъ, не можетъ быть совершенно игнорируема, какъ одинъ изъ главныхъ и естественныхъ фазисовъ умственнаго роста евреевъ въ Россіи, при постепенномъ ихъ приближеніи къ усвоенію европейской культуры. Не говоря уже о томъ, что заслуги виленскаго гаона, стоявшаго цѣлой головой выше своего вѣка, неизмѣримо велики въ томъ отношеніи, что онъ, своимъ неутомимымъ и энергическимъ протестомъ въ борьбѣ съ хасидизмомъ, былъ сильнымъ оплотомъ противъ распространенія этого ученія, грозившаго охватить все русское еврейство и внесшаго въ іудаизмъ чуждый ему элементъ мистицизма, какъ исчадіе ложно понятой Кабаллы,—онъ имѣетъ еще и то значеніе, что, въ извѣстной степени, систематизировалъ изученіе Талмуда и разъ навсегда положилъ конецъ тому пильпудистическому методу, который господствовалъ въ талмудическихъ школахъ съ начала семнадцатаго вѣка, со времени извѣстнаго раввина Юшуа Фалька Когена. Притомъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ программу его постоянныхъ занятій вошло и изученіе еврейскаго языка, его грамматики и комментированіе Библии, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ его сочиненія въ этой области, а такой терпимостью къ изученію священнаго языка пророковъ, считающемся переходной ступенью къ усвоенію общеобразовательныхъ знаній, едва-ли могутъ похвалиться многіе изъ ортодоксальныхъ раввиновъ и въ настоящее время. Виленскій гаонъ занимался и изученіемъ положительныхъ наукъ, насколько онѣ казались ему необходимыми для лучшаго пониманія Торы. По словамъ его біографовъ, между рукописями, оставшимися послѣ его смерти, находится сочиненіе по астрономіи—любимѣйшей наукѣ всѣхъ выдающихся ученыхъ талмудистовъ. Маслитый историкъ Гретцъ, относящійся, вообще, недружелюбно къ поль-

скимъ талмудическимъ корифеемъ, говоря о виленскомъ гаонѣ, замѣчаютъ, что если-бы онъ находился въ болѣе благоприятной средѣ, то могъ бы, подобно Мендельсону, содѣйствовать возрожденію своихъ современниковъ¹, жъ это нисколько не преувеличено. Вся бѣда только въ томъ, что, при всей громадности своего авторитета, виленскій гаонъ былъ ложно понятъ своими современниками, видѣвшими въ немъ только *талмудическаго* корифея, праведника и благочестиваго мужа, а не человека науки въ обширномъ смыслѣ этого слова. Такое заблужденіе насчетъ ограниченности его занятій, не выходявшихъ будто-бы изъ узкой рамки талмудизма, существовало долго и послѣ его смерти. Такъ, напримеръ, по истеченіи тридцати лѣтъ послѣ его смерти, когда одинъ изъ приверженцевъ его школы, нѣкій р. Самуилъ, который былъ раввиномъ въ Лукнижѣ (Ковенской губерніи), явился въ Вильну съ цѣлью обзурѣнія его рукописей, собранныхъ и изданныхъ имъ въ 1834 году подъ общимъ названіемъ *ש"ס ל"ח*—сочиненіе, заключающее въ себѣ чотыреста теоремъ по геометріи, алгебрѣ и математической астрономіи,—многими изъ виленскихъ старожиловъ, благоговѣвшихъ предъ памятью своего знаменитаго учителя, вся эта затѣя считалась чуть ли не профанаціей святости его имени. Ихъ самолюбію, конечно, льстило то, что глава литовскихъ евреевъ, какимъ обыкновенно считался виленскій гаонъ, не былъ чуждъ наукъ, не находящихся въ тѣсной связи съ изученіемъ Талмуда; но, по ихъ мнѣнію, подобныя мелочи не подлежатъ обнародованію, какъ роняющія достоинство ихъ автора. Виленскій гаонъ велъ слишкомъ замкнутый, можно сказать, отшельническій образъ жизни; онъ былъ слишкомъ скромнъ, стѣсняясь насчетъ отъ званія раввина и участія въ общественныхъ дѣлахъ; отвлеченныя его занятія, рѣдко соприкасавшіяся со злобой дня и практическими сторонами жизни, лишая его возможности вербовать учениковъ, какъ это мы видимъ, на-

¹ См. Грегъ. Исторія евреевъ 1750—1848. Т. XI, стр. 102. С.-Петербургъ, 1884.

примѣръ, у Мендельсона; онъ же нѣмѣлъ достаточно досуга для того, чтобы привести въ порядокъ свои многочисленныя рукописи, а переписчики внесли въ нихъ не мало своего и искажили до неузнаваемости; только изрѣдка онъ погружался въ водоворотъ жизни и выступалъ въ защиту духовныхъ интересовъ своего народа съ такой энергіей, какъ съ пропагандистами хасидскаго раскола, а потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что практическая его дѣятельность мало соприкасалась съ обыденнымъ строемъ жизни его единовѣрцевъ¹.

Тѣ, однако, ученики, которымъ удалось развиться подъ благотворнымъ его вліяніемъ, остались вѣрными его традиціямъ, его ученію и строго выработаннымъ принципамъ, и трезвый взглядъ на жизнь и все окружающее является главнымъ признакомъ, придающимъ извѣстный отпечатокъ всему ихъ образу мыслей и строго отличающимъ ихъ отъ заскорувлыхъ обскурантовъ, застывшихъ въ своей неподвижности и узкой привязанности къ буквѣ. Однимъ изъ этихъ учениковъ былъ р. Барухъ Шикъ изъ Шилова, памяти котораго мы посвящаемъ настоящій этюдъ.

«Поскольку намъ не достаетъ знаній въ общеобразовательныхъ наукахъ, постольку въ стократъ больше мы видимъ наши пробѣлы въ истинномъ пониманіи Торы, потому что Тора и наука идутъ рука объ руку и находятся между собой въ тѣсной связи», — вотъ подлинныя слова виленскаго гаона, которыя онъ сказалъ р. Баруху Шику, во время пребыванія послѣдняго въ Вильнѣ, въ 1778 году, прося у него одобренія на предпринятый имъ переводъ «Элементовъ» Эвклида, изъ которыхъ онъ перевелъ шесть книгъ и издалъ съ таблицами и примѣчаніями въ Гаагѣ, въ 1780 году. Виленскій гаонъ, поощряя этотъ трудъ, — рассказываетъ переводчикъ въ предисловіи къ этому изданію, — просилъ его не ограничиваться этимъ и про-

¹ См. Nakarmel. Ежемѣсячный журналъ. Годъ IV, стр. 267—262. Вильна 1879 г.

должать заниматься переводами научныхъ сочиненій съ европейскихъ языковъ, дабы этимъ содѣйствовать распространенію знаній среди евреевъ и хотя нѣсколько парализовать справедливыми нареканіями надменныхъ христіанъ, упрекающихъ насъ въ невѣжествѣ и непониманіи мудраго устройства вселенной. Слова маститаго раба глубоко зацѣли въ душу послушнаго Шика и были для него путеводной звѣздой въ теченіе всей его жизни, не смотря на то, что начало его умственного просвѣщенія относится къ болѣе раннему періоду.

Годъ рожденія Шика не можетъ быть опредѣленъ съ точностью. Слѣдуетъ предположить, что онъ родился въ Шкловѣ, въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Юношескіе годы, всецѣло посвященные изученію Талмуда, онъ провелъ подъ наблюденіемъ своего отца, а въ 1764 году онъ получилъ дипломъ на званіе раввина отъ брестскаго главнаго раввина Авраама Кацаналенбогена, давшій ему возможность быть нѣсколько лѣтъ даіономъ въ Минскѣ. Талмудическія знанія безъ всякой, однако, научной подготовки не могли удовлетворить любопытнаго юношу. Еще въ ранней молодости, когда онъ просиживалъ дни и ночи надъ толстыми фоліантами, — какъ онъ свидѣтельствуетъ въ предисловіи къ изданному имъ впоследствии капитальному математическому сочиненію извѣстнаго средневѣкового еврейскаго ученаго Исаака Израэли «Jesod Olam», хранившемуся въ рукописи у берлинскаго верховнаго раввина р. Гарша Левина, — въ немъ зародилась мысль о необходимости перевода научныхъ сочиненій съ европейскихъ языковъ, что дало бы возможность евреямъ отпарировать нападки своихъ враговъ на основаніи научныхъ данныхъ. Житейскія невзгоды и матеріальныя лишенія, подрывавшія въ корнѣ всякія благія начинанія, долгое время лишали его возможности осуществить на дѣлѣ свою завѣтную мечту. По примѣру многихъ своихъ собратьевъ, подвергавшихся гоненіямъ за всякую попытку къ нарушенію обычныхъ, освященныхъ давностью и не гармонирующихъ со всякимъ инымъ образомъ мышленія порядковъ, онъ

вынужденъ былъ оставить родину. Въ 1777 году мы застаемъ его въ Берлинѣ въ обществѣ тамошнихъ меценатовъ—приверженцевъ мендельсоновской школы—и известнаго еврейскаго поэта Гартвига Вессели, посвятившаго Шнику прелестное, глубоко прочувствованное стихотвореніе, напечатанное въ сочиненіи «A laude Schönaim», появившемся въ томъ же году и заключающемъ въ себѣ комментаріи къ астрономическому сочиненію Маймонида *שתי שטר לילה* (правила посвященія мѣсяца) и трактатъ о научномъ основаніи и практическомъ приложеніи еврейскаго календаря ¹. Вторая часть этого сочиненія, подъ названіемъ «Tifeteth Adam»—краткое руководство по анатоміи съ научной терминологіей на еврейскомъ и латинскомъ языкахъ. Въ предисловіи къ этому сочиненію, занимающемъ нѣсколько страницъ, авторъ говоритъ о дѣлахъ, преслѣдуемыхъ имъ при изданіи на еврейскомъ языкѣ книгъ научнаго содержанія и, расширяясь главнымъ образомъ о второй части этого сочиненія, говоритъ очень много о тождествѣ законовъ питанія и развитія, начиная отъ низшей твари и кончая человекомъ—вѣнцомъ природы, какъ высшимъ разумнымъ существомъ. Подкрѣпляя свои доводы цитатами изъ Талмуда и древне-еврейской письменности, онъ ссылается также и на «Зогаръ», таинственную книгу каббалистовъ, нрѣдко поражающую своей

¹ Считаю не лишнимъ привести въ подлинникъ два стиха изъ этой залогіи, характеризующіе весьма рельефно, въ образной рѣчи, отношенія Вессели къ Шнику.

עם ברוך ושרד פא מלוקה
 תפלה קורים כן שקלה
 פי תפלה נדיבים אמר ונתן
 עתה לתבועה תמן קלה
 הקים על יסודותיו עמדתה
 גם שטר בקה לו ופתח תולת
 ננים יעלו קרין אם עבר מן
 בן ספר ואין בין פורה אלת

широкой фантазіей, смѣлымъ полетомъ мысли и умѣньемъ облечь въ мистическую форму научныя истины. Выставляя на показъ матеріаламъ вѣка и жадуясь на отсутствіе уваженія и почтенія къ людямъ науки со стороны имущаго и богатаго класса людей, преслѣдующихъ въ жизни одніе только mercantильныя цѣли—онъ жадуется также на свой матеріальный недостатокъ и отсутствіе книгъ научнаго содержанія, такъ какъ большая часть его библиотеки сдѣлалась жертвою пламени.

Тѣмъ не менѣе, не задаваясь слишкомъ широкими цѣлями, онъ, по мѣрѣ силъ и возможности, желаетъ быть полезнымъ тѣмъ читателямъ, которымъ недоступно знаніе европейскаго языка и которые вынуждены питаться тѣмъ, что преподается имъ на еврейскомъ языкѣ въ заимствованной формѣ изъ другихъ языковъ. Берлинскій духовный раввинъ, р. Гиршелъ Левинъ, являясь строгимъ приверженцемъ положенія Авраама, что сочиненіе книгъ не имѣетъ границъ, не сочувствовалъ въ принципѣ книгамъ свѣтскаго содержанія, лишеннымъ тѣснаго соприкосновенія съ галахой, съ догмой и буквой закона; но, какъ говоритъ Гретцъ, воздухъ Берлина не представлялъ особеннаго простора его аромату религіозному усердію; онъ не могъ не сочувствовать Шикку, выступавшему навстрѣчу требованіямъ вѣка. Сочуствуя его предпріятію, онъ снабдилъ книгу длиннѣйшей анпробаціей, въ которой старался доказать, что науки являются главнымъ подаркомъ для точнаго разумѣнія нѣкоторыхъ законовъ, вошедшихъ въ еврейскій религіозный кодексъ, какъ нѣчто необходимое и не подлежащее критикѣ, и принятыхъ безапелляціонно синагогой и строго ортодоксальными раввинами. Такъ, напримѣръ, не зная анатоміи, трудно ориентироваться въ законахъ о менструаціяхъ; безъ элементарныхъ знаній ботаники нельзя уяснить себѣ законовъ о посѣвахъ; весь талмудическій трактатъ «Kla'im» становится непонятнымъ безъ знанія геометріи, не говоря уже объ астрономіи, изученію которой посвятили много времени лучшіе умы еврейства и кодификаторы закона. Жалѣя о томъ, что преклонныя лѣта и

зоботы по дѣламъ частныи лишають его возможности восполнить пробѣлы въ знаніи наукъ, онъ сознается въ своемъ невѣдѣніи, не смотря на то, что въ молодости имѣлъ сильное влеченіе къ приобрѣтенію свѣтскихъ знаній. Сынъ его, болѣе пресвѣщенныи франкфуртскій раввинъ Саулъ Левинъ, также высказался въ пользу предпріятія Шика, поощряя его на дальнѣйшую плодотворную дѣятельность. И Шикъ остался вѣрнымъ своему девизу и разъ начертанному направленію. Еще раньше, до своего пребыванія въ Берлинѣ, Шикъ жилъ нѣкоторое время въ Кенигсбергѣ, гдѣ близко сошелся съ тамошнимъ раввиномъ р. Самсономъ, занимавшимъ потомъ раввинскій постъ въ Слонимѣ. Этотъ р. Самсонъ, который былъ самъ родомъ изъ Литвы, интересенъ самъ по себѣ, какъ хорошій математикъ и непримиримый врагъ хасидизма. Онъ приютилъ земляка и далъ ему возможность предаваться своимъ любимымъ занятіямъ. Въ молодости онъ путешествовалъ по Германіи, жилъ въ Гамбургѣ, гдѣ успѣлъ нѣсколько познакомиться съ науками, которыми занимался втайнѣ. Къ нему отправился изъ Несвижа извѣстный впоследствии философъ Соломонъ Маймонъ, чтобы выпросить у него нѣсколько научныхъ книгъ. По прибытіи въ Слонимъ, онъ немедленно отправился къ раввину, высказавъ ему свои желанія и убѣдительно просилъ о поддержкѣ. Послѣдній не мало былъ изумленъ этимъ, такъ какъ въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ, которыя прошли со времени возвращенія его изъ Германіи, ни одинъ человекъ не являлся къ нему съ подобной просьбой, и онъ обѣщавъ одолжить ему нѣсколько старыхъ нѣмецкихъ книгъ, между которыми самое лучшее было одно старое сочиненіе объ оптикѣ и физикѣ Штурма ¹.

Какъ мы уже сказали, Шикъ издалъ въ Берлинѣ рукописное сочиненіе извѣстнаго средневѣкового еврейскаго ученаго Исаака б. Иосифа Израэли (1330 г.), подъ названіемъ «Iesod Olam» (основаніе вселенной), написанное послѣднимъ по побужденію

¹ См. Еврейская Библіотека. Т. I. Стр. 239—240. С.-Петербургъ, 1871.

другого ученаго Ашера б. Гехіеля изъ Толедо. Сочиненіе это распадается на пять главъ. Въ первой излагаются необходимыя предварительныя свѣдѣнія по математикѣ, во второй заключается описаніе системы міра, на птоломеевыхъ началахъ; въ третьей главѣ изображены движенія солнца и луны; въ четвертой и пятой главахъ представлена съ полной основательностью система еврейскаго лѣтосчисленія и календарь праздниковъ съ приложеніемъ относящихся сюда таблицъ. По мнѣнію историка литературы Карпелеса, сочиненіе это до сихъ поръ не изслѣдовано специалистами по отношенію къ его научному содержанію и значенію для исторіи развитія астрономіи; но свѣдущими людьми уже признано, что Израэли значительно опередилъ свое время въ астрономіи и космографіи, потому что онъ опредѣлялъ паралаксъ луны совершенно вѣрно, а такія наблюденія еще были чужды его современникамъ ¹.

Переходя затѣмъ къ оцѣнкѣ дальнѣйшей литературной дѣятельности Шика, намъ слѣдуетъ остановиться на изданіи «Элементовъ» Эвклида, о которомъ мы упомянули выше. Необходимо замѣтить, что Шикъ не впервые обратилъ вниманіе на трудъ Эвклида, считающагося, какъ извѣстно, отцомъ геометріи. Еще въ 1269 году сочиненіе это было переведено съ арабскаго равностнымъ переводчикомъ Мойсеемъ ибнъ Тиббономъ, а позже оно было переведено однимъ изъ потомковъ Тиббонидовъ Яковомъ б. Макиромъ (1245—1312), пользовавшимся рѣдкой популярностью и среди христіанъ и давшимъ толчокъ умственному движенію евреевъ въ южной Франціи.

¹ Сх. Исторія еврейской литературы г. Карпелеса. Стр. 688. Приложеніе къ „Восходу“ 1889. Слѣдуетъ замѣтить, что соч. „Jewod Olam“ было издано Шикомъ съ значительными пробѣлами въ четвертой и пятой главахъ. Полное и вполне точное изданіе этого сочиненія вышло въ Берлинѣ, въ 1846—48 гг., подъ редакціей покойнаго еврейскаго ученаго и математика В. Гольдберга, который былъ также родомъ изъ Литвы и, помимо своей колоссальной эрудиціи, сдѣлался извѣстнымъ, какъ издатель рѣдкихъ книгъ и рукописей научнаго содержанія. При этомъ изданіи выѣзжаетъ нѣмецкое предисловіе д-ра Д. Касселя, заключающее въ сжатомъ видѣ все содержаніе книги.

Досифъ-даль Медига, въ двѣнадцатой части своего капитальнаго сочиненія «Elim», говоритъ съ благоговѣнїемъ объ Эвклидѣ, а комментаторъ извѣстнаго сочиненія Бахія б. Иосифа ибнъ Покуда «Chobath Halebabot» утверждаетъ, что сочиненїемъ Эвклида онъ пользовался не мало для объясненія трудныхъ математическихъ мѣстъ въ Талмудѣ.

Упомянутые переводы остались, однако, неизданными и хранятся въ бібліотекахъ, а Шикъ былъ первый, который сдѣлалъ часть этого сочиненія доступной и для еврейскихъ читателей. Предисловіе, предшествующее этому изданію, представляетъ собой нѣчто образцовое по рѣкости тона и обличительному характеру, съ которымъ онъ выступаетъ противъ завзятыхъ противниковъ всякаго умственнаго прогресса, маскирующихъ свое невѣжество подъ личиной внѣшняго благочестія.

«Нѣтъ худшаго врага науки,—говоритъ онъ,—какъ тотъ, которому чужда эта наука. Живя въ изгнаніи, среди чужихъ народовъ, мы совершенно отстали отъ науки, которая нѣкогда была для насъ лучшимъ украшеніемъ. Нами овладѣлъ страшный матеріализмъ, насъ обуяла страсть къ наживѣ, составляющая основу всѣхъ нашихъ возжелѣній. Есть классъ людей, которымъ чуждо всякое понятіе о чемъ-нибудь умственномъ, вслѣдствіе чего они, безъ всякаго стыда и зазрѣнія совѣсти, дѣлаютъ вылазки противъ ученыхъ, стараясь унизить ихъ въ глазахъ массы посредствомъ равныхъ клеветъ и обвиненій въ вольнодумствѣ. Гераздо болѣе, чѣмъ эти невѣжды, несимпатичны тѣ сумасброды, которые, разъ свихнувшись отъ пути, витаютъ въ какихъ-то заоблачныхъ сферахъ и не находятъ удовлетворенія въ томъ, что составляетъ результатъ науки, не признающей ничего эфемернаго. Но положительно вредными членами общества слѣдуетъ считать тѣхъ ханжей, которые изъ-за угла нападаютъ на людей невинныхъ. Это лицемѣры, стоящіе на стражѣ закона, и во имя того же закона творящіе зло. Увы! этимъ глупцамъ жизнь дана только для того, чтобы производить расколъ и заглушать всякіе благородные порывы,

и горе тѣмъ правящимъ и власть имущимъ, которые изъ-за личныхъ выгодъ не обращаютъ должнаго вниманія на этихъ господъ, мечтающихъ, при всемъ своемъ невѣжествѣ, о спасеніи міра, горе имъ, что они не прислушиваются къ тому, что имъ говорятъ истые равнины добра, пекущіеся о благѣ своего народа». И этотъ трудъ, по примѣру другихъ сочиненій Шика, сопровождался отзывами и одобреніями талмудическихъ корифеевъ, представляющихъ главнымъ мотивомъ то, что евреямъ, какъ и въ старину, пора ваяться за умъ и показать міру, что они не отстаютъ отъ общаго теченія и интересуются науками наравнѣ съ другими народами. Изъ этихъ апробаций особенно выдается письмо упомянутаго нами склонившаго раввина р. Самсона, обнаруживающее дѣйствительный свѣтлый умъ автора, знаніе математики и глубокое пониманіе предмета, о которомъ трактуется въ этомъ сочиненіи. «Пора снять съ нашихъ единовѣрцевъ,—восклицаетъ онъ,—позорное обвиненіе, что они непричастны ни къ какой наукѣ». Слова эти, на устахъ раввина въ концѣ прошлаго столѣтія, звучатъ рѣзкимъ диссонансомъ, принимая во вниманіе возвращенія тогдашнихъ русскихъ евреевъ, которые еще саншомъ далеки были отъ пониманія такой, въ сущности, азбучной истины. Строго слѣдуя совѣту вилнскаго гаона, Шикъ, помимо «Элементовъ» Эвклида, перевелъ съ англійскаго языка сочиненіе математическаго и астрономическаго содержанія, изданное имъ въ Прагѣ въ 1784 г., подъ названіемъ «Кне Namida», съ приложеніемъ необходимыхъ математическихъ чертежей. Какъ видно изъ предисловія къ этому сочиненію, Шикъ, живя некоторое время въ Прагѣ, имѣлъ нѣсколько учениковъ, которымъ онъ давалъ уроки математики. Вторымъ изданіемъ сочиненіе это вышло въ Шкловѣ, въ 1791 году, во время управленія краемъ генералъ-маіоромъ Зоричемъ (!), какъ сказано на заглавномъ листѣ, когда Шикъ, какъ видно, уже возвратился на родину. Еще ранѣе, въ 1779 году, онъ издалъ въ Прагѣ краткое руководство по гигиенѣ и популяр-

ной медицинѣ подъ названіемъ «Derech Jeschaga», съ номенклатурой болѣзней на еврейскомъ и латинскомъ языкахъ. Въ этомъ сочиненіи онъ упоминаетъ объ имѣющемъ у него готовымъ къ печати большомъ лечебникѣ «Sefer Refuoth», который такъ и остался неизданнымъ. Последніе годы своей жизни Шикъ провелъ въ Россіи, въ имѣніи извѣстнаго еврейскаго филантропа и мецената Юсін Цейтлина, близъ м. Дубровна (Могилевской губерніи), гдѣ онъ, совместно съ другимъ не менѣе извѣстнымъ еврейскимъ ученымъ Менделемъ Левинымъ, предавался своимъ любимымъ занятіямъ по математикѣ и естествовѣденію. Слѣдуетъ предположить, что онъ занимался врачебной практикой, потому что и понынѣ мѣстные старожилы отзываются о немъ какъ объ опытномъ врачѣ, и зовутъ его «Rabbi Baruch der Doktor». Щедрый владѣлецъ имѣнія, пользовавшійся, какъ извѣстно, особымъ покровительствомъ князя Потемкина Таврическаго, какъ рѣдкой честности поставщикъ фуража и провіанта во время турецкой войны, послѣ смерти послѣдняго, поселился окончательно въ своемъ имѣніи, гдѣ онъ давалъ приютъ всѣмъ угнетеннымъ и преслѣдуемымъ, какъ со стороны фанатиковъ-хасидовъ, такъ и гонителей просвѣщенія. Онъ владѣлъ обширной бібліотекой по всѣмъ отраслямъ знанія, имѣлъ собственный молитвенный домъ съ дорогой священной утварью и свитками Торы, которые были привезены имъ изъ Турціи. Любовь Цейтлина къ наукѣ дошла до того, что онъ позаботился также объ устройствѣ химической лабораторіи, въ которой дѣлали опыты упомянутые нами ученые. Въ 1812 году, во время нашествія французовъ, двигавшихся цѣлыми полчищами чрезъ Полоцкъ и Шкловъ, жизнь въ деревнѣ сдѣлалась не совсемъ безопасной, и Цейтлинъ, со всѣмъ своимъ домашнимъ скарбомъ и штатомъ ученыхъ, переѣхалъ въ Чериковъ. По окончаніи войны, Цейтлинъ, какъ патриотъ и истый сынъ отечества, устроилъ большой праздникъ, въ которомъ участвовало все мѣстное ев-

рейское население ¹. Цейтлинъ умеръ въ чинѣ надворнаго советника, въ 1822 году, въ Херсонѣ, гдѣ и похоронять, а годъ смерти Шика не можетъ быть опредѣленъ съ точностью.

Въ заключеніе нашего этюда, считаемъ не лишнимъ привести слова извѣстнаго еврейскаго ученаго Леопольда Лева, хотя и не имѣющія непосредственнаго отношенія къ личности Баруха Шика, но вполне характеризующія эпоху, къ которой онъ принадлежитъ. «Пильпулистическое и кабалистическое направленіе, господствовавшее въ талмудической еврейской сферѣ, — говоритъ Левъ, — не могло завладѣть умами всѣхъ и парализовать всякую попытку къ уметственному анализу. Точныя науки имѣли своихъ приверженцевъ, и обширное поле для болѣе глубокаго изслѣдованія и познанія сути вещей не осталось совсѣмъ необработаннымъ. Соломонъ Когенъ, родившійся въ Ганау, въ 1687 году, имѣя всего двадцать лѣтъ отъ роду, написалъ солидное грамматическое сочиненіе «Binjon Schelomo». Жалуясь на полнѣйшее нерадѣніе къ изученію еврейскаго языка, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ, что имѣлъ много учениковъ, обнаруживавшихъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ большіе успѣхи по еврейской грамматикѣ, которую онъ имъ преподавалъ. Сочиненія его противниковъ — Рубена Крейзгера, Авріеля Мефвельса, Мордохая Прогера и нѣкоторыхъ другихъ — вполне доказываютъ, что изученіе еврейскаго языка пользовалось должнымъ вниманіемъ и не могло считаться чѣмъ-то исключительнымъ. Хорошіе знатоки ариметики и составители календарей, изъ которыхъ нѣкоторые изучали геометрію, находились во многихъ городахъ среди учениковъ высшихъ талмудическихъ школъ. Не только дипломированный врачъ Анниель Вермсъ, но и многіе другіе талмудисты, какъ лембергскій раввинъ Соломонъ Хелмо (умеръ въ 1777 г.), Эйдлицъ въ Прагѣ (умеръ въ 1786 г.), Илья Пинчевъ и Барухъ Шикъ писали сочиненія математическаго содержанія. Виленскій гаонъ

¹ См. Kirja Neemana. Исторія виленской еврейской общины. С. И. Фиша Стр. 277—279. Вильна, 1860 г.

р. Илья Вильнаръ (1722—1792) питалъ особенную любовь къ математикѣ. Его заслуги, какъ глубокаго критика талмудическаго текста, почти неоцѣнимы. Другой талмудическій корифей, бреславльскій раввинъ р. Исаия Пикъ, не уступаетъ ему въ этомъ отношеніи, и труды обоихъ въ этой области незамѣнимы для всѣхъ, желающихъ серьезно изучитъ талмудъ. Въ лицѣ р. Іехіеля Гальперина они имѣли достойнаго предшественника. И Израиль Замосць, достойнѣйшій учитель Мендельсона, не можетъ считаться единственнымъ среди тѣхъ, которые занимались изученіемъ средневѣковой еврейско-арабской школы. Нельзя, конечно, отрицать, что всѣ эти лица и ихъ приверженцы составляли пріятное исключеніе среди окружавшей ихъ темной среды; но, съ другой стороны, нельзя не признавать и того, что, болѣе трезвымъ пониманіемъ сути еврейства, они подготовили почву для современныхъ еврейскихъ ученыхъ, положившихъ основаніе научному наслѣдованію Талмуда въ будущемъ, руководствуясь главнымъ образомъ его лингвистическимъ и историко-археологическимъ значеніемъ, какъ памятникомъ старины, не смотря на то, что имъ приходится вооружать противъ себя одностороннихъ нильшулистовъ, старающихся откапывать во всемъ какія-то невѣдомыя тайны. И строго ошибается Цунцъ, — продолжаетъ Левъ, — утверждая, что столѣтіе отъ Іосифа дель Медико до Мендельсона (1655—1755 г.) должно считаться эпохой умственного застоя для евреевъ въ Польшѣ и Германіи. Это положеніе можетъ имѣть мѣсто только тогда, если мы будемъ разсматривать этотъ періодъ съ точки зрѣнія исторіи литературы; но исторія религіознаго развитія въ теченіе этого вѣка должна быть разсматриваема иначе. Пильпудистическій методъ, достигшій своего апогея въ этомъ столѣтіи, повліялъ сильно на подъемъ духа и далъ сильный толчокъ умственному движенію. Будирова мысль, онъ, напротивъ, породилъ охоту къ ученію и далъ толчокъ необозримымъ юношамъ, въ которыхъ не было недостатка, къ глубокому анализу и стойкому преслѣдованію разъ намѣченной

цѣли. Саббатіанскія заблужденія, затмившія умы многихъ изъ приверженцевъ этого лжеученія, выдвинули на очередь тѣ религіозные вопросы, которые изъ-за юридическихъ и ритуальныхъ тонкостей ешиботниковъ отодвинуты были на задній планъ, и возвратили многихъ къ первоначальному источнику— къ изученію библіи. Посредствомъ этихъ факторовъ, равно какъ и тѣхъ немногихъ грамматиковъ, математиковъ и фило-софовъ, которые появлялись спорадически, постепенно разрых-лялась почва для воспринятія культурныхъ сѣмянъ мендель-соновской школы, принесшихъ впоследствии обильные плоды и въ дѣлѣ воспитанія подрастающаго поколѣнія¹.

С. Станиславскій.

---

¹ См. *Gesammelte Schriften* v. Leopold Löw. II B. S. 233—284. Verlag v. Alexander Bohn. Szegedin, 1890.

* * *

Господь сказалъ: „да будетъ свѣтъ“...
И, повинуясь Божьей мысли,
Ряды безчисленныхъ планетъ
Въ бездоннои хаосѣ повисли.

Изъ черной мглы угрюмыхъ тучъ
Потокъ нетлѣннаго сіянья
Прорвался яроеъ и могучъ
И легъ въ основу мірозданья.

Вступила жизньъ въ свои права
По мановенію Владыки...
Въ долинахъ выблется трава,
Въ лѣсахъ звучать пернатыхъ елки.

Шумять потоки свѣтлыхъ водъ,
Вершины горъ блестятъ снѣгами,
Лазурью блещетъ небосводъ,
И нѣтъ грѣха подъ небесами.

Но человекъ рожденъ творцомъ...
Прекрасенъ онъ—вѣнецъ творенья...
Онъ краше всѣхъ... И только въ немъ
Таится сѣмя преступленья.

Ему готова встрѣчный пиръ,
Одѣлась въ брачныя уборы
Земля, а онъ приноситъ въ мѣръ
Новою, злобу и раздоры...

Л. Медвѣдевъ.

ЕВРЕИ И АНТИСЕМИТИЗМ¹.

Статья члена Французской академіи Леруа-Белье.

III.

Но довольно говорить о древнихъ евреяхъ. Современные евреи, чистые ли они семиты? Увѣрены ли мы, что существуетъ еврейская раса, иначе говоря, что евреи Европы, Азии, Африки—всѣ одинаково потомки Якова и сыновъ израильскихъ изъ Ханаанской земли? Нѣтъ ничего, чѣмъ это подтверждалось бы. Долгое время, согласно съ убѣжденіемъ самихъ же евреевъ, мы полагали, что въ іуданствѣ раса и религія составляютъ два понятія, стоящихъ въ тѣсной связи, неотдѣлимыхъ другъ отъ друга. Этотъ взглядъ не всегда согласуется съ данными исторіи. Есть основаніе сомнѣваться въ чистотѣ крови іудинной. Евреи, въ своей 20-ти-вѣковой одиссеѣ, среди сотни различныхъ народовъ, не разъ, кажется, подвергались стороннимъ примѣсямъ. Начиная отъ временъ древняго міра до конца среднихъ вѣковъ, много ручьевъ чужой крови проникло въ жилы сыновъ Іакова. Соединеніе съ сынами или дочерьми другихъ націй происходило у евреевъ даже до разсѣянія. Этническія примѣси восходятъ, кажется, до плѣна вавилонскаго. Если даже предположить, что іудеи подъ ивами Ефрата не нарушили своей чистоты смѣшанными браками, то трудно допустить, чтобы поселенцы, посланные изъ Ассиріи въ царство Израильское, не оставили слѣдовъ, помимо самаритянъ, которые, впрочемъ, сами мало по малу были поглощены еврействомъ.

¹ См. „Восходъ“, кн. XI.

Вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ былъ однимъ изъ вопросовъ, волновавшихъ Иерусалимъ по возвращеніи изъ плѣна. Восстановители Сіона, Эадра и Неемія напрасно воспреещали всякую связь съ чужестранками, и самый запретъ этихъ преобразователей V-го вѣка указываетъ, какъ часты совершались подобныя соединенія. Книга о моавитянкѣ Руен можетъ служить однимъ изъ доказательствъ этого; нѣкоторые эжзегеты сдѣлали даже предположеніе, что эта патриархальная идиллія была своего рода защитительнымъ словомъ за чужестранныхъ женъ.

Совсѣмъ иначе, во всякомъ случаѣ, обстояло дѣло въ эпоху греко-римскаго владычества. Не только кровь ханаанская, сирійская, халдейская, но кровь греческая, римская, быть можетъ, и гальская или испанская различными путями примѣшивалась къ старой семитической крови. Полагали даже, недавно еще, что расцѣпленіе евреевъ, непосредственно до паденія храма или тотчасъ послѣ него, есть явленіе чисто этнографическаго порядка, результатъ выселенія евреевъ изъ Палестины. Но это не вполнѣ вѣрная точка зрѣнія: быстрое распространеніе іудаизма въ Египтѣ, Малой Азій, даже Европѣ, еще до христіанской эры, скорѣе явленіе моральнаго порядка, и произошло преимущественно благодаря еврейской пропагандѣ. Въ этомъ также іудаизмъ былъ предшественникомъ и какъ бы піонеромъ христіанства; онъ проложилъ для него дорогу на Востокъ, такъ же какъ и на Западъ. Онъ заранѣе открылъ ему ворота язычества, присоединивъ къ закону Моисееву язычниковъ различныхъ націй. Въ синагогахъ, между поселившимися среди Израіля переселенцами и еврейскими прозелитами, апостолы вербовали своихъ первыхъ учениковъ¹. Еврей временъ Асмонеевъ и Иродовъ вовсе не питалъ того отвращенія къ прозелитизму, о которомъ позднѣе свидѣлствуютъ раввины; напротивъ того, еврей-эллинисты, приходя въ соприкосновеніе съ язычниками, старались привлечь къ культу истиннаго Бога грековъ и варваровъ. Не будучи въ состояніи заставить своихъ пророковъ, Исаію или Даниіла, убѣждать язычниковъ, александрійцы замѣнили пророковъ старыми сибиллами (прорица-

¹ Фактъ констатированъ много разъ въ „Дѣяніяхъ Апостольскихъ“.

Восходъ, кн. 12.

тельницами), обязанными проповѣдывать язычникамъ единство Бога, пришествіе Мессіи и будущую славу Израиля ¹.

Классическій міръ не былъ глухъ къ голосу своихъ оракуловъ, преобразовавшихся въ отголоски Сіона; онъ испытывалъ передъ монотеизмомъ Израиля известное обаяніе, которое отъ Ветхаго Заветъ скоро перешло и на Новый Заветъ ². Въ этомъ согласны всѣ старинные авторы, будь они евреи, греки или латиняне. «Множество людей,—говоритъ историкъ Флавій,—схвачено рвеніемъ почитать Бога такимъ же образомъ, какъ и мы,—такъ что нѣтъ ни одного города, греческаго или варварскаго, нѣтъ ни одной націи, гдѣ не придерживались бы соблюденія субботы, нашихъ постовъ, обрядовъ освѣщенія, предписаній относительно пищи» ³. Палестинская Іудея была тогда только ядромъ іуданзма. Смѣлое предсказаніе пророковъ, казалось, уже вотъ должно было исполниться: казалось, что народы обращаются на путь, который приведетъ къ богопочитанію въ Іерусалимѣ. Сибиллы не ошиблись: Изида, Сераписъ и вообще боги язычниковъ должны были преклониться предъ Богомъ Израиля. Еслибъ міръ не сдѣлался христіанскимъ, онъ, быть можетъ, сталъ бы іудейскимъ.

Язычники, обращенные въ вѣру Израиля, усваивали не

¹ Gaston Boissier, *la Fin du paganisme*, т. II, стр. 23, 24; Hachette, 1891.—Книги сибиллинты вообще составлены евреями.

² См. Renanъ, *les Origines du christianisme*, т. V, стр. 227 и слѣд.; ср. Kuenen, *Judaisme et Christianisme* (*Revue de l'Histoire des religions*, т. VII, n° 2, 1888, стр. 208, n° 9.—Graetz: *Die jüdischen Proselyten im Römerreich* (Breslau, 1884). — Isr. Sack: *Die Altjüdische Religion*, (Berlin, 1889), стр. 384—387.

³ Josephus, *Contre Apion*, II, 39. — Утвержденіе еврейскаго автора подтверждено христіанскимъ авторомъ „Дѣяній Апостольскихъ“ (II, 5): „Жили же въ Іерусалимѣ евреи, люди благочестивые изъ всѣхъ націй, какія только существуютъ подъ небомъ“. Слѣдуетъ перечисленіе, гдѣ фигурируютъ всѣ древніе народы, отъ иуданъ и вараевъ до обитателей Рима, и среди этой толпы канонизированный писатель особо упоминаетъ „проевритовъ“ рядомъ съ собственно евреями: „И тѣ, которые пришли изъ Рима, евреи и проевриты“ (Дѣянія, II, 10). Точно также въ городахъ Азіи и Европы, гдѣ проповѣдуютъ апостоли, „Дѣянія“ повсюду упоминаютъ проевритовъ рядомъ съ коренными евреями, см. XIII, 17, 1; XVI, 14; XVII, 4 и 17; XVIII, 4 и 7 и пр.

только догматъ объ единебожии и мораль десяти заповѣдей, но только соблюденіе субботы и молитвы іудейскія, но часто и всѣ релігіозныя обряды, начиная съ отличительнаго признака потомковъ Авраама—обрѣзанія. Рядомъ съ простыми прозелитами, остававшимися на полудорогѣ, изъ людей богобоязненныхъ, *metuentes Deum*, какъ, напр., кантуріонъ Корнелій, обращенный св. Петромъ,¹ встрѣчались язычники, которые перескакивали черезъ послѣднія препятствія, усваивая вмѣстѣ съ кровавою печатью сыновъ Іакова, всѣ обычаи іудейскіе. Іудейская и языческая древность оставили намъ по этому поводу категорическія указанія текстовъ. Флавій прямо высказываетъ, что значительное число грековъ принадлежало къ Александрійской еврейской общинѣ². Многіе евреи Кирены, Антиохіи, Пальмиры, большія восточныя еврейскія общины, по происхожденію, кажется, были крови греческой или греко-египетской³. Къ эллинизированнымъ евреямъ присоединились іуданизированныя эллины. Но что еще болѣе удивительно, все это иногда происходило и въ самомъ Римѣ. Ювеналъ, въ извѣстномъ мѣстѣ своей XIV-й сатиры, различаетъ простыхъ прозелитовъ и обратившихся уже совершенно въ іудейство. Онъ представляетъ отцовъ еще довольствующимися соблюденіемъ субботы и воздержаніемъ отъ свинины, между тѣмъ какъ сыновья, стараясь превзойти отцовъ въ рвеніи, доходятъ до обрѣзанія: *«mox est praeripitum rostrant»*,—выражается на своемъ энергичномъ языкѣ сатирикъ I-го вѣка⁴. Около того же времени, Тацитъ, говоря о происходящемъ въ іудазимѣ обращеніи, высказываетъ то же самое своимъ эллинистическимъ слогомъ⁵. Во II-мъ вѣкѣ императоръ Антонинъ считаетъ нужнымъ запретить евреямъ совершать обрѣзаніе надъ кѣмъ-либо другимъ, кромѣ своихъ сыновей. Даже въ III вѣкѣ, около

¹ Дѣянія Апостольскія, X, 2.

² Флавій, Война Іудейская, кн. VII, гл. III, 3; г. Ренанъ (*le Judaïsme comme race et comme religion*, 1883) собралъ главныя греческія и латинскія тексты, указывающіе на частоту этихъ обращеній въ іудейство.

³ См. Mommsen, *Römische Geschichte*, т. V (1885), стр. 492—494.

⁴ Ювеналъ, Сатира XIV, стихъ 95.

⁵ „*Circumcidere gentilia instituire, ut diversitate noscantur. Transgressi in mores eorum, idem usurpant*“ (Тацитъ, *Historiae*, кн. V, 5).

225 г., сенаторъ Діонъ Кассій, говоря о войнахъ въ Палестинѣ, указываетъ, что рядомъ съ коренными евреями Иудей имѣются другіе люди, «которые усвоили обычай и установленія этого народа, хотя принадлежать сами къ другой расѣ»¹. «И такого рода людей,—прибавляетъ бывший консулъ,—никогда среди римлянъ; то, что было предпринято для удержанія ихъ, только способствовало увеличенію числа ихъ». Если даже допустить, что послѣднее мѣсто относится отчасти къ христіанамъ,—однако, подобные тексты заставляютъ думать, что на Западѣ, какъ и на Востокѣ, множество евреевъ древняго міра происходило отъ обращенныхъ язычниковъ. Эти евреи были только какъ бы усыновленными сынами Авраама и Иакова. Даже въ Римѣ, евреи, катаромбы которыхъ сохранились по Аппіевой или Портуенской дорогѣ, можетъ быть, имѣли не больше семитической крови, чѣмъ ихъ христіанскіе сосѣди въ Калекстовомъ или Понтійскомъ кладбищѣ, гдѣ даже древнѣйшія надписи сдѣланы на греческомъ языкѣ.

И такъ, нельзя представлять себѣ Израиль, какъ племя свободное отъ всякихъ примѣсей, потому что уже съ древнихъ временъ прозелитизмъ Асмонеевъ и Иродовъ, посредствомъ обращенія присоединилъ къ іуданскому многочисленное населеніе Идумей, Итурей, Горана и сосѣднихъ сирійскихъ странъ. Притокъ посторонней крови не прекратился даже въ талмудическую эпоху, когда побѣжденный Израиль весь ушелъ въ себя. Уже почти близкій къ тому, чтобы сдѣлаться всемірною религіей, іуданизмъ, на самомъ дѣлѣ, снова сталъ тогда культомъ узко-національнымъ. Народоучители, опасаясь, что еврейство растворится среди народовъ и сольется съ христіанствомъ, рѣшили изолировать евреевъ. «На прозелитовъ смотрѣли, какъ на бичъ, какъ на язву Израиля». Синагога, сосредоточившись въ себѣ самой, замкнула свои двери; но, не смотря на нежеланіе раввиновъ, множество прозелитовъ проникало еще туда, особенно на окраинахъ еврейскаго міра. Евреевъ, вербующихъ новообращенныхъ, можно было найти въ Аравіи; цѣлыя арабскія

¹ Κατὰ ἀλλοθῆνας ὄντες, Dion Cassius, кн. XXXVII, гл. XVII (текстъ цитированъ у Ревала; le Judaïsme comme race et comme religion).

племени переходить къ закону Моисееву. Самъ Магометъ является ученикомъ евреевъ, и исламъ только грубое подобіе и какъ бы подлаживание подъ иудаизмъ (*adaptation grossière du judaïsme*). Даже въ Европѣ, еврейскіе миссіонеры соперничали съ христіанскими въ раіонѣ черноморско-каспійскихъ странъ. Около VIII вѣка, на сѣверѣ Чернаго моря, въ скинскихъ степяхъ—народъ финне-турскаго корня, козары или хазары цѣлкомъ переходятъ къ ветхому завету ¹. Это, можетъ быть, не единственный примѣръ подобныхъ обращеній на границахъ Европы и Азіи. Въ Тифлисоѣ мнѣ указывали еврейское племя на Кавказѣ, съ воинственными правами, которое, какъ по тину, такъ и по обычаямъ, отличается отъ другихъ евреевъ. Можно полагать, что эти еврей-горцы родственны другимъ туземнымъ племенамъ Кавказа ².

На Западѣ мы не знаемъ ничего, подобнаго массовому обращенію хазаръ. Съ эпохи Меровинговъ мы встрѣчаемъ уже въ Галліи и Испаніи множество евреевъ. Но были ли евреи времени Григорія Турскаго дѣйствительно евреями по расѣ, проникшими въ Галлію не Ронѣмъ и Соанѣ, —или многие изъ нихъ были просто галлами, обращенными въ иудейство? Г. Ренанъ и другіе ученые стоятъ за послѣднее мнѣніе ³. Къ сожалѣнію,

¹ По такъ наз. „Лѣтописи Нестора“ (гл. XL), хазарскіе евреи предлагали Владимиру, великому князю кievскому — тогда еще язычнику—также принять иудаизмъ. Въ Monumenta historica Poloniae Бѣловскаго (т. I, стр. 50 и слѣд.) имѣется письмо хазарскаго царя Іосифа къ кордовскому раввину Хасдаю, гдѣ хазарскій владѣлецъ прямо заявляетъ: „уредки наши приняли вѣру іудейскую; Богъ открылъ мнѣ глаза“, и затѣмъ рассказываетъ, какъ состоялось обращеніе одного изъ его вѣдомствъ къ роду обслѣдованія различныхъ религій, аналогичнаго съ приписываемымъ въ „Лѣтописи Нестора“ русскому князю Владимиру, ср. L. Léger, Cyrille et Méthode.—Какова бы ни была подлинность письма Іосифа, переходъ хазаръ къ иудейству не подлежитъ никакому сомнѣнію.

² То же самое,—думаемъ мы,—можно сказать о дагестанскихъ еврейкахъ, называемыхъ по турецки „Дагъ-Чуфутъ“ (геріе еврей), иногда принадлежать изъ Персіи и читающихъ Талмудъ по персидски; болѣею частью, они уже слились съ татарами.

³ Е. Renan, такъ же. Достоинъ замѣчанія, что этотъ ученій, употребившій всѣ усилія, чтобы разрушить прежнее предположеніе о иудаизмѣ, какъ замкнутой расѣ, имѣетъ съ тѣмъ наиболѣе способствовалъ распространенію у насъ

это только гипотеза, за отсутствием положительных данных не поддающаяся проверкѣ, с чѣмъ приходится тѣмъ болѣе сожалѣть, что еврейскія общины Германіи и Англіи происходятъ вѣдь отъ французскихъ.

Если даже допустить, что галльскіе и испанскіе евреи были только израильской крови, во всякомъ случаѣ они, разными путями, въ разные эпохи восприняли притокъ туземной крови. Послѣ крестовыхъ походовъ смѣсь еврейской крови съ христіанской имѣла мѣсто лишь вслѣдствіе обращенія евреевъ въ христіанство, т. е. происходила какъ бы въ пользу христіанства; но до этого, въ первую половину среднихъ вѣковъ, такая смѣсь еще довольно часто совершалась въ пользу еврейства. Чтобы проникнуть изъ церквей въ синагогу имѣлось два пути, которые церковь съ трудомъ могла закрыть: рабство и бракъ. Относительно рабства не можетъ быть сомнѣнія; торговля невольниками была довольно прибыльна; евреи, какъ легкіе торговцы, много занимались ею, и, чтобы соединить дѣло прибыли съ дѣломъ благочестія, они часто надъ своимъ человѣческимъ товаромъ совершали обрѣзаніе. Доводительство этому наводитъ въ постановленіяхъ соборовъ и въ указахъ папъ и епископовъ. Одной изъ заботъ духовенства, именно въ славянскихъ странахъ, и заботой, впрочемъ, довольно законной, было—духовное покровительство надъ рабами, содержимыми евреями. Этими рабовладѣльцамъ воспрещалось обращать своихъ подвластныхъ въ іудейство; затѣмъ, евреямъ стали запрещать подвергать своихъ языческихъ рабовъ обрѣзанію, а имѣть въ своемъ обладаніи христіанскихъ рабовъ совѣтъ не разрѣшали. Предубѣжденіемъ противъ евреевъ въ этомъ отношеніи объясняется также запрещеніе евреямъ держать христіанскую прислугу, запрещеніе, бывшее въ употребленіи въ обѣихъ церквяхъ и еще недавно фигурировавшее среди русскихъ законовъ, причѣмъ нѣкоторые пытались даже тѣмъ широко проводить его въ жизнь. Такъ было и съ браками. Столько разъ повторившееся запрещеніе,—чтобы евреи не женились на христіанкахъ, а хри-

---

тебрій расъ, и даже, какъ кажется, всю исторію религій основываетъ на антигопийскій аристократъ и семитовъ. Это рѣдкій примѣръ научной добросовѣстности.

стіане на еврейкахъ, — показывается, какъ трудно было духовенству обонхъ культовъ воспрепятствовать заключенію подобныхъ браковъ. У христіанъ тогда вовсе не было того отвращенія къ евреямъ, которое послѣдніе стали внушать имъ впоследствии. Въ глазахъ недавно крещенныхъ варваровъ, иудазмъ былъ такой же религіей, какъ и другія, своего рода ересью или сектой христіанскою. Подобно Хризостому въ Антиохіи, четыре вѣка послѣ него, жалуется на Западѣ въ Лионѣ архіепископъ Агобардъ, — что христіане принимаютъ участіе въ еврейскихъ празднествахъ и присутствуютъ на проповѣдяхъ раввиновъ. Церкви потребовались значительныя усилія, чтобы привести своихъ сыновъ къ ясному различенію между Новымъ и Ветхимъ Заветомъ. Необходимость превести между обонми культурами демаркаціонную линію была одной изъ причинъ уже ранняго суроваго отношенія каноническаго права къ евреямъ. Церковь, собственно, не имѣла въ виду ни преслѣдовать остатки Иерусалима, ни вызвать противъ нихъ фанатизмъ невѣжественныхъ массъ; она желала, преимущественно, отдѣлить Моисеевъ законъ отъ закона Христова, добиться того, чтобы ихъ не смѣшивали, и чтобы къ нимъ не относились съ одинаковымъ уваженіемъ¹. Можетъ быть, въ этомъ одинъ изъ мотивовъ нежеланія духовенства — передать Ветхій Заветъ въ руки свѣтскихъ людей. Всѣ предписанія каноническаго права по отношенію къ евреямъ имѣли исходной точкой одно — желаніе изолировать ихъ отъ христіанъ, чтобы отвлечь вѣрующихъ отъ ихъ вліянія. Такимъ образомъ, средніе вѣка мало по малу воздвигли стѣну между евреями и христіанами. Духовенство успокоилось только тогда, когда оно окружило уже ядра Христовой церкви достаточно-высокой оградой, чтобы вполне защитить свою паству отъ соблазна еврейскихъ обрядовъ.

Не слѣдуетъ, далѣе, забывать, что было также нѣсколько ересей съ еврейскими тенденціями; что иногда еврейство приобрѣтало прозелитовъ чуть ли не противъ своей воли. Вспом-

¹ Истина эта прямолинейно была признана и еврейскими учениками, г. Исидоромъ Лэбомъ: Nouveau Dictionnaire de géographie universelle de M. Vivien de Saint Martin (ст. Juifs, стр. 908).

нимъ, что въ Россіи «жидовствующіе» въ XIV и XV вв. были въ Новгородѣ и Москвѣ довольно могущественны; что еще понынѣ попадаются среди русскаго населенія въ разныхъ мѣстахъ—общины «субботниковъ», которые, кромѣ почитанія субботы, усвоили себѣ и многія другія предписанія Ветхаго Завета¹. Я слышалъ даже, что на Кавказѣ существуетъ группа сектантовъ, которые, не довольствуясь усвоеніемъ еврейскихъ обрядовъ и предписаній, пригласили къ себѣ евреевъ, чтобы слышать молитвы на древне-еврейскомъ языкѣ. Дѣлались иногда предположенія, что эти субботники—евреи по расѣ, особый видъ русскихъ маррановъ, иногда насильно крещенныхъ; скорѣе правильно противоположное: это христіане по происхожденію, плѣннившіеся лишь еврейскими обычаями.

Если въ жилахъ Израиля течетъ чужая кровь, языческая или христіанская, то еще болѣе вѣрно то, что не мало еврейской крови среди христіанскихъ народовъ. Выродожденію многихъ вѣковъ обращеніе въ христіанство, добровольное или насильственное, присоединяло къ составу христіанскихъ націй тысячи еврейскихъ семей. Нѣтъ, можетъ быть, ни одного европейскаго народа, а слѣдовательно и американскаго, который былъ бы чистъ отъ всякаго смѣшенія съ семитами-евреями. Начиная съ Испаніи вестготовъ до Германіи крестовыхъ походовъ, съ «новыхъ христіанъ» (*novos cristianos*) Кастиліи или марранъ Португаліи до «франкистовъ» Польши—всюду въ разные эпохи получился невѣстный притокъ еврейской крови. Развѣ кто-либо въ состояніи сказать, во что обошлось Израилю, ужъ въ теченіе XV вѣковъ, крещеніе его сыновъ, вольное или невольное? Цифра можетъ быть опредѣлена только милліонами. При видѣ быстраго численнаго возрастанія евреевъ, съ тѣхъ поръ какъ они въ послѣднюю сотню лѣтъ пользуются терпимостью,—можно позволить себѣ одѣлать предположеніе, что, если бы христіанство не отнимало у нихъ въ каждомъ поко-

¹ См. *l'Empire des tsars et les Russes*, т. III. 1. a Religion, кн. III, гл. X.—Шотландскіе мисіонеры встрѣтили въ среднѣй текущаго столѣтія въ Палестинѣ, именно въ Сафедѣ, русскаго, обратившагося въ иудейство, и случай этотъ, во ихъ словахъ, не единичен (*Narrative of a Mission of inquiry to the Jews from the Church of Scotland, in 1839, Эдвбургъ, 1844 г., стр. 283*).

лѣтѣи тысячи жкъ дѣтей, іудеямиъ насчитывалъ бы теперь четверо или пятеро, а можетъ быть, и десятеро больше приверженцевъ. Вся равнина ушла въ среду христіанскихъ націй. Нѣкоторыя народности, какъ испанцы или португальцы, поглотили столько еврейской крови, что какъ бы насквозь пропитаны ею.

Со времянь эдиктовъ Феодосія и Ираклія до французской революціи Израиль былъ какъ бы островомъ или архипелагомъ, берега котораго, омываемые волнами, мало-по-малу обваливались въ море, такъ что послѣ нѣкотораго времени ему стало угрожать полное затопленіе. Изъ потомства Іакова только малое число, быть можетъ, очень незначительное меньшинство, осталось вѣрнымъ до конца религіи своихъ предковъ. Большинство двѣнадцати коленъ прошло сивозъ ярмо креста, оно давно слилось съ нами, вода крещенія растворило его среди другихъ націй. Кто бы мы ни были, мы не можемъ знать, не имѣется ли среди нашихъ предковъ какой-нибудь тѣлодушный еврей Сѣвера или Юга. Когда подумаешь о непрерывномъ, многолѣтнемъ смѣшеніи, происходившемъ между евреями и христіанами, трудно, право, видѣть во взаимныхъ антипатіяхъ между ними какой-то роковой антагонизмъ между семитами и арійцами.

IV.

Антропология и изученіе современнаго человѣка вполне подтверждаютъ то, что заставляетъ подозрѣвать уже исторія. Еврейская раса не есть раса чистая: евреевъ постольку же нельзя разсматривать какъ семитовъ, поскольку христіане не вправѣ называть себя арійцами. Но, прежде всего, что мы, собственно, разумѣемъ подъ типомъ семита? Чтобы дать объ этомъ наглядное, яркое представленіе,—намъ указываютъ иногда на халдейцевъ и барельефы Ниневіи. Я самъ, правду сказать, знаю евреевъ, которыхъ можно признать точно снятыми со стѣнъ дворца Хорсабада, но такихъ лишь незначительное число. Тѣ, которые такъ много говорятъ о типѣ семитическомъ, въ сущности отождествляютъ его съ типомъ еврейскимъ; а еврейскій типъ далеко не представляетъ того единства, той опредѣленности, какъ обык-

новешно думаютъ. Лучшее тому доказательство то, что христіане и мусульмане въ теченіе вѣковъ присвоивали евреямъ какіе нибудь отличительные признаки во внѣшности. Даже теперь еще, надо сказать, вопросъ,—существуетъ ли одинъ какой-либо еврейскій типъ, или ихъ нѣтъ нѣсколько. Что касается меня, я склоненъ думать, что существуетъ одинъ болѣе или менѣе господствующій еврейскій типъ, который можно—если угодно—назвать типомъ семитическимъ. Рембрандтъ оставилъ намъ въ эрмитажѣ чудные этюды этого рода¹. Продолговатое или, большей частью, овальное лицо, небольшой лобъ, закругленные и нѣсколько приподнятыя брови, иногда мигающіе глаза, нависшія, какъ-бы на половину замкнутыя вѣки, продолговатый, приплюснутый у основанія носъ, тонкія губы, выдающійся подбородокъ—таковъ, кажется, классическій типъ еврея. Но нельзя не сознаться, что всѣхъ евреевъ подвести сюда не возможно. Не у всѣхъ найдется даже характеристическая черта Израиля, скажемъ семитическая черта, если есть такая: горбатый носъ. Среди нихъ имѣется, несомнѣнно, и нѣсколько второстепенныхъ типовъ или подтиповъ, которые свидѣтельствуютъ о различныхъ скрещиваніяхъ. Поэтому часто можно съ перваго взгляда различить евреевъ различныхъ странъ. Но, прежде всего, нужно совершенно отдѣльно разсматривать извѣстныя группы евреевъ, у которыхъ въ жилахъ, можетъ быть, нѣтъ и капли еврейской крови. Таковы чернокожіе евреи Абиссиніи, 220,000 фелаховъ—очевидно африканской крови. Въ нѣкоторыхъ странахъ живутъ рядомъ, не смѣшиваясь, евреи, различное происхожденіе которыхъ можно узнать по цвѣту кожи. Такъ, въ Бомбей три разновидности евреевъ: блѣлыхъ, похожихъ на обитателей Леванта; смуглыхъ, съ темнаго цвѣта кожей, называемыхъ стариннымъ именемъ: Бней-Израиль (ихъ считаютъ туземцами Индіи); наконецъ — черныхъ, которые, кажется,

¹ Изъ портретовъ Рембрандта, знаменитѣйшихъ у *Сефардимъ* или португальскихъ евреевъ Амстердама, можно подковать еврея, изображеннаго у нидерландскаго художника Мункача, на его большомъ полотнѣ: *Христосъ передъ Пилатомъ*. См. также *Еврейскіе рассказы* Захеръ-Мазоха, иллюстраціи къ которымъ были исполнены живописцами изъ евреевъ. Замѣтно, что, желая отгнать расовыя черты, художники эти порою давали чуть-ли не карикатуры (Paris, 1868, Quantin).

происходить отъ прежнихъ обращенныхъ рабовъ—негровъ. Въ Персіи также различаютъ два типа евреевъ, различающіеся и по вѣнчанному виду, и по всему физическому строенію.

Среди европейскихъ евреевъ нѣтъ въ такой степени замѣтныхъ контрастовъ. Но даже тамъ, гдѣ обычай не раздѣлялъ евреевъ на совершенно различными группы, внимательный глазъ часто подмѣчаетъ среди нихъ разные типы или подтипы, еще мало сдѣлавшіеся. И это вѣрно не только по отношенію къ большому еврейскому кварталу Восточна. Такимъ образомъ, есть евреи высокорослые и малорослые, смуглые и блѣднокурые, попадаются тутъ глаза черные и голубые, носы—приплюснутые или выдернутые рядомъ съ тонкими и горбатыми. Подобныя же различія можно найти относительно формъ черепа или скелета. Антропологическіе признаки далеко не одинаковы у евреевъ во всѣхъ странахъ, они даже иногда различны у евреевъ одной и той же страны¹. Поэтому и нѣтъ, обыкновенно, достаточна устойчивыхъ признаковъ, чтобы отличать евреевъ отъ ихъ иноземныхъ сосѣдей².

Среди всѣхъ этническихъ группъ, считающихъ себя потомками Іакова, двумя, можетъ быть, наиболее интересными и, во всякомъ случаѣ, наиболее оригинальными являются—каранны и самаритяне. Одинаково отвергая Талмудъ, самаритяне и каранны уже съ давнихъ поръ изолированы отъ общей массы Израиля. Я посѣтилъ и тѣхъ и другихъ съ любопытствомъ натуралиста, имѣющаго передъ собой виды, близкіе въ полному исчезновенію. Мнѣ было интересно сравнить ихъ съ евреями-талмудистами тѣхъ же странъ. На горѣ Гаризимъ я встрѣтилъ остатки самаритянъ, собравшихся въ тѣхъ шатрахъ для отпразднованія праздника Пасхи; они теперь еще ежегодно отправляются на святую Эфратскую гору, чтобы принести въ

¹ Нельзя придавать большого значенія „головецкому признаку (indice céphalique) евреевъ. Наблюденія относятся къ слишкомъ незначительному числу индивидуумовъ. По Pruner-Bey'ю и Ломброзо, евреи Африки и Италіи скорѣе могутъ считаться „*long-dolichocéphales*“.—По извѣщеніямъ гг. Копперника и Майера, польскіе евреи вообще брахизоцефальные или суб-брахизоцефальные.

² См. наблюденія, собранныя г. Лобомъ (статья *Israël* въ *Nouveau Dictionnaire de géographie universelle.*)

жертву пасхальнаго агнечка. На слѣдующій день я былъ въ ихъ синагогѣ въ Назузѣ и бесѣдовалъ съ ихъ раввиномъ, который показывалъ мнѣ ихъ святое рукописи *Памиски-асія*,—единственной книги, пользующейся у нихъ признаннымъ авторитетомъ. «Насъ сто восемьдесятъ самаритянъ,—говорилъ мнѣ по-англійски глава ихъ общины, развертывая предо мною древній свитокъ:—это, конечно, религія, насчитывающая менѣе всего адептовъ, но въ такомъ обстоятельствѣ нельзя еще видѣть оснований — не считать нашу религію истинной». — Признаюсь, что на лицѣ у этихъ самаритянъ, отълѣпленныхъ отъ другихъ евреевъ 25-ю вѣками, я не находилъ ничего особенно характернаго. Они казались мнѣ только болѣе рослыми, болѣе сильными и, вообще, болѣе здоровыми по внѣшнему виду, чѣмъ настоящіе евреи, жившіе въ ихъ же сосѣдствѣ. Въ физическомъ отношеніи, эти самаритяне,—которые, можетъ быть, черезъ какихъ-нибудь сто лѣтъ совершенно исчезнутъ,—имѣютъ несомнѣнное преимущество передъ своими враждебными имъ братьями изъ Іудеи; вѣроятно потому, что имъ не пришлось перенести печальнаго изгнанія послѣднихъ, столько страдать и унижаться. Мы знаемъ изъ Библии, что самаритяне происходятъ отъ смѣшенія евреевъ съ ассирійскими поселенцами, водворившимися на пространствахъ Самаріи. Если ихъ осталось такъ мало, то—вѣроятно—потому, что многіе изъ нихъ вернулись въ дою ортодоксальнаго Іуданіама.

Каранны ¹—или, не крайней мѣрѣ, криминалы каранны, которыхъ я, собственно, посѣтилъ—показались мнѣ наиболѣе отличающимися отъ всѣхъ другихъ вѣтвей племени Іакова, хотя отдѣлились они отъ стога израилева гораздо позже самаритянъ, двѣнадцатю или пятнадцатю вѣками позже. Они убѣждены, что далеко они отъ представителей чистаго Моисеева ученія, — другіе же евреи, талмудисты, замѣнили и авторитетъ Библии авторитетомъ раввиновъ. Говорятъ, что секта

¹ Каранны. или каранты, отъ слова *кара* (читать) или *мира* (Библия), потому что въ противоположеніи еврейск., *неисправныхъ раскольниковъ*, они не допускаютъ никакого другаго авторитета; кроме Ветхаго Завета, отвергая устное преданіе и раввинскія постановленія.

возникла въ среднѣ VII вѣка въ Вавилоніи и была тогда главнымъ умственнымъ центромъ Израиля. Когда-то эти протестанты іудаизма насчитывали въ своей средѣ многолюдныя общины въ Азіи, Европѣ и даже Африкѣ, — теперь ихъ только пять-шесть тысячъ, и половина ихъ сосредоточена въ Крыму. Даже они, мало по малу, стали сближаться съ ортодоксальными евреями, какъ бы снова пристали къ еврейству талмудическому. Я посѣтилъ тамъ, въ горахъ, къ сѣверу отъ татарскаго городка Бахчисарая, старинный «мертвый» городъ каранмовъ, Чуфутъ-Кале, и находящееся по близости старинное кладбище, которое они называютъ Иосафатовой долиной. Іерусалимъ та-врическихъ евреевъ теперь совершенно покинутъ; обитатели его перешли въ равнину, а отъ домовъ остались однѣ развалины. Каранмы сохранили тутъ въ цѣлости синагогу, куда они являются въ извѣстные праздники. Старога сѣдовласаго раввина я засталъ за полуистертыми фрагментами старинныхъ рукописей и свитками *Торы*, и онъ показався мнѣ какъ бы олицетвореніемъ своей угасающей религіи. У этихъ крымскихъ каранмовъ, оставшихся по большей части земледѣльцами, нѣтъ почти еврейскаго типа. Они походятъ скорѣе на своихъ бахчисарайскихъ сосѣдей-татаръ. Черты ихъ столько же говорятъ о семитическомъ происхожденіи, какъ то множество именъ, которое вырѣзано на надгробныхъ камняхъ ихъ пустынной Иосафатовой долины.

На этомъ старинномъ кладбищѣ Фирковичъ открылъ еврейскія надписи VIII вѣка, съ обозначеніемъ именъ турецкаго происхожденія, какъ, напр., Тохтамышъ. Этотъ Тохтамышъ былъ, безъ сомнѣнія, обратившимся въ іудейство ногайскимъ татаринномъ, или, такъ какъ надпись предшествуетъ времени нашествія монголовъ, это былъ хазаринъ, во всякомъ случаѣ членомъ финно-тюркскаго племени, тураецъ. «Развѣ еврей малестивскаго происхожденія, — спрашиваетъ г. Ренанъ, — сталъ бы себя называть Тохтамышемъ вмѣсто того, чтобы называть себя Авраамъ, Леви или Іаковъ?» Эти каранмы скорѣе походятъ на прозелитовъ изъ другихъ народностей, чѣмъ на вавилонскихъ каранмовъ. У этихъ евреевъ нѣтъ, можетъ быть, ни капли еврейской крови въ жилахъ, точно также какъ множе-

ство окрестныхъ татаръ, въ этнологическомъ отношеніи, не имѣютъ въ себѣ ничего татарскаго, будучи часто только отирысками древнихъ готовъ или грековъ, вносѣдствіи, подъ властью крымскихъ хановъ¹, обратившихся въ исламъ. Такъ называемые татары, гордящіеся тутъ своимъ происхожденіемъ отъ турецкаго корня, являются, быть можетъ, въ гораздо меньшей степени турками или татарами, чѣмъ караны, считающіе себя котомками Іакова.

Крымскіе караны являются, вѣроятно, не единственными подданными русскаго царя, которые считаются евреями по религіи, не будучи евреями по расѣ. Предполагать, что они происходятъ отъ древнихъ хаваръ—этого народа окрестнаго, обращеннаго въ іудейство. Но развѣ только три-четыре тысячи караномовъ тауриды можно считать потомками финно-тюресскаго племени? Развѣ не представляются вѣроятнымъ, что среди четырехъ милліоновъ русскихъ евреевъ имѣются тысячи стоящихъ въ генеалогической связи со степными хаварами? Изученіе еврейскихъ типовъ въ Польшѣ и Малороссіи наводитъ на мысль, что это именно такъ. Часто кажется, что у нихъ замѣтна какая-то финно-тюресская примѣсь. Однажды въ Варшавѣ,—съ ея наиболѣе, кажется, многолюдной въ свѣтѣ еврейской общины—я посѣтилъ, въ сопровожденіи одного знакомаго польскаго ученаго, спеціальныя еврейскія школы. Онъ обратилъ мое вниманіе на то, что среди еврейскихъ дѣтей можно различать три или четыре различныхъ типа: прежде всего, одинъ болѣе знакомый намъ, который спутникъ мой называлъ типомъ собственно еврейскимъ или семитическимъ; другой типъ онъ сблизилъ уже съ хаварами или туранцами; главными отличительными чертами тутъ являются короткій носъ, иногда приплюснутый, и выдающіяся скулы; третьяго рода типъ, съ низкимъ лбомъ, толстыми губами, темнымъ цвѣтомъ кожи, наводилъ ему что-то африканское; наконецъ, четвертый типъ, со свѣтлыми волосами, голубыми глазами, казался скорѣе типомъ арійскимъ или германскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, евреи русскаго государства представляютъ такіа различія и въ отдѣль-

¹ См. *l'Empire des tsars et les Russes*, т. I, кн. II, гл. III.

ныхъ чертахъ, и въ типахъ, что ихъ можно объяснять только различіемъ происхожденія. Можно было бы сдѣлать подобныя наблюденія въ Иерусалимѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ, даже Парижѣ, — повсюду, гдѣ встрѣчаются, евреи различныхъ странъ.

Конечно, нельзя всё видоизмѣненія еврейскаго типа приписывать только смѣшенію расъ; нельзя оставлять безъ вниманія и вліянія окружающей среды. Еврей сохраняетъ на себѣ отпечатокъ всѣхъ тѣхъ мѣстностей и климатовъ, въ которыхъ пребывали его предки. Не даромъ прожилъ Израиль двѣ тысячи лѣтъ въ самыхъ противоположныхъ краяхъ: въ *асурахъ Сахары* и *аулахъ* туркменскихъ степей, подъ померанцевыми деревьями Гвадалквивира и берегами Западной Двины. Вотъ этимъ обстоятельствомъ — даже въ странахъ, гдѣ старинная еврейская кровь менѣе всего потерпѣла отъ скрещиваній, — обуславливается другого рода различіе въ ихъ средѣ. Известно, что исторія раздѣлила потомковъ Іакова на двѣ значительныя группы, хотя и далеко неравныя въ численномъ отношеніи: *сфардимъ* и *ашкеназы* — евреевъ Юга, называемыхъ также португальскими или испанскими евреями, и евреевъ Сѣвера, называемыхъ нѣмецкими или польскими евреями¹. Въ этомъ историческомъ или географическомъ различіи не слѣдуетъ, однако, — замѣтимъ — видѣть остатка стариннаго дѣленія Израиля на колѣна. Это дѣленіе давно исчезло, чтобы уступить мѣсто новой группировкѣ по языкамъ или странамъ.

Сфарды и ашкеназы различаются не только по преданіямъ и обрядамъ; и тѣ и другіе сохраняютъ до сихъ поръ въ своихъ наружныхъ чертахъ слѣды тѣхъ странствованій, на которыхъ они были осуждены нетерпимостью прошлаго. Изъ двухъ этихъ группъ, сфарды кажутся болѣе чистыми отъ постороннихъ примѣсей. Они всегда смотрѣли на себя, какъ на цвѣтъ націи, не жала даже смѣшиваться съ другими евреями. Такъ какъ они долго жили среди семитовъ или полу-семитовъ, у нихъ,

¹ Слово сфардимъ происходитъ отъ *Сфарди*, библейскаго названія Испаніи; ашкеназы отъ *Ашкеназъ*, предполагаемаго родоначальника германцевъ, по библейской генеалогіи. Къ сфардамъ, — въ настоящее время гораздо менѣе численныя, — можно причислить и евреевъ Италіи, графства и южной Франціи.

вѣроятно, и больше крови семитической. Въ ихъ чертахъ, обыкновенно, больше утонченности, и среди сфардовъ именно встрѣчаются самые прекрасные образцы еврейскаго типа. Этотъ типъ принимаетъ у нихъ иногда отпечатокъ особаго благородства, рѣже встрѣчающагося у евреевъ Сѣвера. Однако, нѣкоторые изъ нихъ, въ Португаліи или Африкѣ, вступали, вѣроятно, (какъ и сами португальцы) въ брачныя отношенія съ невольниками черной расы. У анкенавовъ, старинная кровь Израилля значительно болѣе перемѣшивалась съ кровью другихъ народовъ; она, такъ сказать, шире разлилась при посредствѣ этой восточной крови. Раса пострадала тутъ, прежде всего отъ стародавнихъ скрещиваній евреевъ съ грубыми народностями сѣверо-востока, а въ то же время суровый сѣверный климатъ оставилъ слѣды на ихъ лицахъ. Черты ихъ отчасти огрубѣли: носъ сталъ какъ-то крупнѣе, губы—толще; и эти физическія различія соответствуютъ, кажется, и нѣкоторымъ различіямъ въ нравственномъ отношеніи. «Какъ можно допустить, — говорилъ мнѣ одинъ русскій, — чтобы при нашей продолжительной жизнѣ, съ нашими насморками и катаррами, очертанія семитическаго носа сохранили ту же восточную утонченность?» Но, однако, въ силу одного только климата, орляные носы не обратились бы въ приплюснутые, или въ ту форму, которую можно замѣтить иногда на курносыхъ лицахъ польскихъ евреевъ.

Не смотря на эти различія, анкенавовъ и сфардовъ одинаково нужно считать вполне евреями. Нѣкоторые ученые, специально занимавшіеся этническими вопросами, хотѣли видѣть въ нихъ двѣ различныя народности или двѣ особыя расы, при чемъ настоящими, истинными евреями, евреями по происхожденію и крови, они признавали только сфардовъ ¹. Это ужъ значить придавать у евреевъ слишкомъ много важности расѣ. Даже съ точки зрѣнія физиологической, раса не является ни единственнымъ, ни даже, пожалуй, главнымъ факторомъ у евреевъ. И то, что я сказалъ о расѣ, еще съ большимъ основаніемъ можно утверждать относительно почвы, климата, вообще

¹ См., напр., M. G. Lagneau, *Anthropologie de la France*, стр. 676.

физической среды. Чтобы понять и уяснить, что такое еврей, надо обратить вниманіе на нѣчто другое. Израиль является не столько продуктомъ расы, сколько продуктомъ исторіи. Два обстоятельства особенно содѣйствовали, такъ сказать, особому существованію евреевъ и давали ему, подъ всѣми широтами, своеобразную фізіономію: это—вѣковая изолированность и традиціонный ритуаль, стѣсненное социальное положеніе и религіозные обряды.

Евреи, на самомъ дѣлѣ, не представляютъ естественнаго продукта почвы или климата; это искусственное произведеніе, продуктъ двойной традиціонности, двойного рабства: вотъ что въ столь различныхъ странахъ, не смотря на примѣси крови, дало евреямъ такое единство во всемъ внѣшнемъ видѣ и фізіономіи, въ привычкахъ и характерѣ. Евреевъ, по скольку они являются расой, выработали два противоположные фактора: съ одной стороны—заточеніе, которому мы ихъ подвергали, а съ другой—предписанія, которыми они сами себя ограничивали. Они создались, такимъ образомъ, отчасти *нашими* законами, отчасти *своими*; можно было бы даже сказать, что они сформированы какъ бы на половину *нашими* канонистами и *своими* раввинами.

Если влиянія среды когда-либо имѣли могучее значеніе, то именно по отношенію къ евреямъ, осужденнымъ въ продолженіе вѣковъ на страшную изолированность. Современные евреи—продуктъ точно какого-то загона скота («ragcage»), продуктъ всего того, что резюмируется словомъ «гетто». И въ этомъ смыслѣ, еврей и еврейская раса, можно сказать, созданы этимъ гетто, т. е., нами христіанами, нашими гражданскими законами, нашимъ каноническимъ правомъ, нашимъ духовенствомъ и нашими правительствами. И ужъ совершенно вѣрно было замѣчено на страницахъ этого же изданія, что «существующія между нами и евреями различія обусловила не раса ихъ, но мы сами и наши предки»¹. Гетто выработало и закрѣпило еврейскій типъ. Гетто вызвало или развило среди евреевъ различнаго происхожденія физическое или нравственное сходство, зависящее не столько отъ родства по крови,

¹ См. Revue d. d. M., 1 июня 1886, стлбъ г. Брюсселя.
Восходъ, кн. 12.

сколько отъ одинаковыхъ условий жизни. Въ этомъ сирадномъ и страшномъ горнилѣ, среди жара костровъ, образовалась—въ средніе вѣка—эта смѣсь различныхъ этническихъ элементовъ, откуда вышелъ этотъ металлъ удивительной твердости и гибкости — современный еврей. Христіане старательно созидали вокругъ евреевъ небольшой замкнутый міръ, обитатели котораго, уединенные въ стѣнахъ своихъ еврейскихъ кварталовъ, исключенные изъ всѣхъ почти занятій, вынужденные пережениться между собою,—естественно должны были составить среди народовъ новую расу. Кто знаетъ, каковы были бы результаты подобнаго режима въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ—для всякаго другаго вѣроисповѣданія. Если бы мусульмане произвели такой опытъ надъ христіанами, имъ не понадобилось бы, можетъ быть, и десяти поколѣній, чтобы получить настолько же рѣзкій типъ.

Представьте себѣ, что заперли бы въ огороженномъ паркѣ, на четыреста или пятьсотъ лѣтъ, какихъ-либо животныхъ, лошадей или собакъ, строго изолировали бы ихъ отъ всѣхъ однокордныхъ имъ животныхъ и подвергли ихъ однообразной діетѣ. Вотъ почти такъ поступили съ евреями. Образовали человѣческую расу точно такъ же, какъ скотоводы образуютъ новую породу животныхъ. Послѣ этого, можно ужъ позволить себѣ утверждать, что евреи являются продуктомъ обязательной для нихъ скученности и условий экономическихъ и политическихъ въ такой же степени, и даже еще больше, какъ и условій этнографическихъ. Ихъ оригинальность, съ точки зрѣнія расы, обуславливается не столько ихъ восточной кровью, унаслѣдованной отъ дальнихъ предковъ, Вней-Израиль, сколько образомъ жизни, къ которому ихъ предки были вынуждены нашими. И что это дѣйствительно такъ, доказывается хотя бы тѣмъ, что, по мѣрѣ того какъ рушатся ограды старинныхъ еврейскихъ кварталовъ, особенности еврейскаго типа и характера мало-по-малу изглаживаются и исчезаютъ.

V.

Еврей, такимъ образомъ,—созданіе нашихъ среднихъ вѣковъ; они—искусственный продуктъ непріязненнаго для нихъ

законодательства. Но если мы и повинны въ этомъ созданіи еврея, то, во всякомъ случаѣ, не мы одни. Гетто Италіи, *Juden-gasse* Германіи, *carrière* Прованса, мароккское *mellah*, триполійское *hara* были только какъ бы литейной формой, черезъ которую прошелъ еврей, но они дали ему только наружный видъ. Кромѣ законовъ, исходившихъ извнѣ, и вообще внѣшнихъ воздѣйствій, еврей формировался еще подъ вліяніемъ внутренняго фактора, дѣйствіе котораго было и болѣе постояннымъ и, можетъ быть, болѣе могущественнымъ. Такимъ факторомъ были—его законъ, его обряды, однимъ словомъ—его религія. Какъ сказалъ уже г. Ренауъ, еврей—продуктъ не столько расы, сколько традиціи; или, какъ утверждаетъ г. Дармштетеръ, еврей въ большей степени является твореніемъ плоти, чѣмъ твореніемъ духа. Его выработали (не скажу сфабриковали) именно такимъ его книги и обряды; онъ вышелъ изъ рукъ своихъ раввиновъ.

Въ этомъ смыслѣ еврея создавала синагога. Если гетто можно считать домомъ, гдѣ онъ получилъ свое воспитаніе, то Библия была его матерью, а Талмудъ—отцемъ. И онъ сохранилъ подобіе этихъ произведшихъ его на свѣтъ родителей. Рожденіе тутъ нужно понимать не только въ смыслѣ духовномъ. Тора и Гемара породили еврея не только содержащимися въ нихъ законами и идеями, но и совершенно матеріальнымъ, такъ сказать, плотскимъ образомъ—всякими обычаями и обрядами. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ вѣковымъ воздѣйствіемъ, которое еще недостаточно выяснено. Іудаизмъ не есть, подобно христіанству, религія чисто-духовная, гдѣ, по словамъ, сказаннымъ у колодца Іакова, истинно вѣрующіе поклоняются и мысленно, и на дѣлѣ. Талмудическій іудаизмъ, вообще, является собраніемъ тѣлесныхъ и плотскихъ правилъ; онъ постольку же религія тѣла, какъ религія души. Это, если угодно, его недостатокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и достоинство. Законъ занимается вопросомъ о плоти не менѣе, чѣмъ вопросомъ о духѣ; онъ не мало содѣйствовалъ возникновенію тѣсной связи между тѣмъ и другимъ, и можно сказать, что еврей столько же продуктъ плоти, сколько продуктъ духа. Ученіе іудаизма оказалось, такимъ образомъ, первостепеннымъ факторомъ—въ созданіи ев-

рея съ его расовыми особенностями. Никогда, можетъ быть, религія настолько не проникала въ существо человѣка. Еще до Мишны, Тора изъ правилъ гигиены сдѣлала заповѣди Вошин. Исламъ хотя и подражалъ іудаизму въ этомъ отношеніи, но далеко не настолько. Ничто такъ не чуждо (чтобы не сказать противно) іудаизму—до крайней мѣрѣ, со времени древнихъ эссеянъ—какъ пренебреженіе тѣломъ, высказанное у нѣкоторыхъ изъ нашихъ аскетовъ. Законъ тутъ постоянно печется о тѣлѣ; касается ли это непосредственно тѣла, или нѣтъ,—не важно; значеніе, во всякомъ случаѣ, одно и то же. Понятно поэтому, почему среди сень-симонистовъ, проповѣдывавшихъ восстановление значенія плоти, было не мало евреевъ.

Въ теченіе двадцати пяти или тридцати вѣковъ у евреевъ была всегда великая забота—быть чистымъ, при чемъ тутъ чистоту нужно понимать не только въ смыслѣ требуемой закономъ чистоты, тѣлесной опрятности, но и въ смыслѣ чистоты душевной. Эта забота не перестаетъ его беспокоить отъ рожденія до самой смерти, отъ обрѣзанія каменнымъ ножомъ до омовенія трупа на погребальномъ столѣ; она (эта забота) сопровождаетъ его всюду при употребленіи пищи, одежды, даже на ложѣ его жены. Точно бѣсомъ, одержимъ онъ этой заботой о соблюденіи правилъ чистоты; онъ ею точно загнипнотизированъ. Законъ и раввины все предусмотрѣли, все регламентировали, все до самыхъ интимныхъ актовъ личной и супружеской жизни. Съ самаго ранняго возраста изучалъ еврей этотъ мелочной кодексъ въ *хедеръ* или *талмудъ-торъ*. Сосчитали, что правовѣрный еврей подчиненъ 613 законамъ или предписаніямъ, изъ коихъ 248—съ положительнымъ характеромъ и 365—съ отрицательнымъ. Большая часть этихъ правилъ касается очищенія тѣла, одежды, пищи. «Еврею—говаривалъ циничный раввинъ—философъ Соломонъ Маймонъ—нельзя ни пить, ни ѣсть, ни ложиться спать, ни умываться, ни отпугивать своихъ потребностей безъ того, чтобы не пришлось соблести при этомъ безчисленное множество повелѣній». Набожный еврей живетъ въ постоянномъ страхѣ осквернить себя чѣмъ-либо. Достаточно одного только прикосновенія нечистой личности или предмета, чтобы явства, напитки, бѣлье, сидѣнье, мебель въ его глазахъ

оказались уже нечистыми. Избѣжать всѣхъ этихъ загрязненій, — вотъ къ чему во всѣ времена стремилось еврейское благочестіе. Шестой отдѣлъ или *seder* Мишны, содержащій девять трактатовъ, называется *Toharoth* (чистоты). Раввинистическая казуистика входитъ во всѣ детали фیزیологіи и медицины, детали самыя нескромныя; это — стремленіе къ такой утонченной чистотѣ, которое въ насъ вызываетъ просто отвращеніе. Кто хочетъ въ этомъ убѣдиться, пусть прочтетъ въ Талмудѣ трактатъ *Niddah*. Тутъ можно видѣть, какому надзору ежедневно и почти ежечасно подвержены «благоразумныя женщины», особенно жены *sohanim*, желающія оставаться чистыми. Иудаизмъ не довольствуется ежедневнымъ испытаніемъ передъ совѣстью, какъ въ другихъ религіяхъ; еврей и еврейка подчинены еще особаго рода тѣлесному испытанію. Невозможно даже передать, по-французски, какія странныя мѣры предосторожности приняты были Тобитой, прислужницей рабби Гамліеля, когда она наливала въ кувшинъ вино своего господина, и Талмудъ хвалитъ Тобиту, какъ благоразумную женщину.

Какковы бы ни были смыслъ и происхожденіе всѣхъ этихъ обычаевъ и обрядовъ, несомнѣнно, что, передаваясь по наслѣдству въ теченіе вѣковъ, они не могли остаться безъ вліянія на мужчинъ и женщинъ, и вообще на всю расу. Израиль всегда хвасталъ тѣмъ, что онъ народъ чистый: чистота передъ Превѣчнымъ была его привилегіей, его отличительнымъ признакомъ среди народовъ. «Ибо ты народъ святой передъ Превѣчнымъ, Богомъ твоимъ», повторяетъ ему неоднократно *Tora*¹, а у еврея, древняго или современнаго, святость какъ бы сливается съ требуемой его закономъ чистотою. Продолжительное отвращеніе евреевъ къ необрѣзаннымъ происходило отъ того, что въ ихъ глазахъ послѣдніе являлись нечистыми. Только Израиль, по ихъ убѣжденію, зналъ и исполнялъ законы моральной и физической чистоты; онъ былъ къ этимъ законамъ въ такой степени привязанъ, что предпочиталъ (какъ, напр., Маккавей) лучше умереть, чѣмъ ихъ нарушить. Какъ они ни кажутся намъ порою излишними, эти мелочныя предписанія, —

¹ Второзаконіа, XIV, 2, 21.

этотъ кодексъ чистоты, надо сказать, былъ силой для Израиля, для его тѣла и души. Разумѣется, униженный и обѣднѣвшій еврей часто сталъ держаться не столько духа этихъ предписаній, сколько буквы. Среди зловонія «еврейской улицы», тѣлесная чистота стала для него вопросомъ одной лишь формы; онъ сталъ совершать всѣ эти омовенія и очищенія, лишь какъ требуемую закономъ формальность, видя въ этомъ только религіозный обрядъ и не думая нисколько ни объ опрятности, ни о гигиенѣ. Еще теперь, въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ восточной Европы бассейнъ *миква*—мѣсто омовенія, куда должны приходять женщины разъ въ мѣсяцъ, для очищенія,—содержитъ только испорченную и мутную воду, скорѣе способную заразить, чѣмъ очистить. Изъ соблюденія весьма полезнаго предписанія, невѣжество и рутина создали отвратительную церемонію. Но не всегда было такъ. Благодѣтельное значеніе всѣхъ этихъ гигиеническихъ предписаній не совсѣмъ пропало для расы. Не смотря на наружную нечистоплотность, часто намѣренную или вынужденную, еврей и еврейка, въ смыслѣ личной опрятности, долгое время стояли выше христіанъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что въ продолженіе многихъ вѣковъ евреи пользовались безопасностью, только благодаря своему грязному и жалкому виду; ихъ неопрятность, какъ и бѣдность, долгое время была для нихъ средствомъ защиты, точно такъ же, какъ для многихъ животныхъ ихъ гадливость. Но при этой неопрятности и смрадѣ, въ которыхъ еврей принужденъ были жить, у нихъ была все-таки значительная противодействующая сила, заключавшаяся именно въ ихъ надобливыхъ, порою даже противныхъ предписаніяхъ.

Законъ сдѣлалъ изъ Израиля расу чистую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, расу цѣломудренную; послѣ всѣхъ своихъ страданій и бѣдствій Израиль представляетъ все-таки расу здоровую. Недостатокъ въ пищѣ и зараженный воздухъ гетто, можетъ быть, ослабили его мышцы; но въ его плоть не вѣдрились безобразные обычаи Востока. Постыдный порокъ арійца—грека либо римлянина—или семита—араба либо сирійца—не испортилъ въ источникъ крови Іудиной. Если въ нѣкоторыхъ странахъ бѣдность или алчность толкають дочерей Израиля на путь публич-

наго разврата, то это—свѣжая язва недавняго происхожденія, и этимъ нисколько не осквернены члены израильскаго племени. И хотя евреи злоупотребляли заключеніемъ раннихъ браковъ, заставляя вступать въ брачныя узы 14—15-ти-лѣтнихъ мальчиковъ и 12—13-ти-лѣтнихъ дѣвочекъ,—но уваженіе къ браку, цѣломудріе супружеской жизни, чистота семейной жизни, однимъ словомъ, порядочность въ нравахъ укрѣпили еврея и придали расѣ силу. То, что мы сказали по поводу очищеній и омовеній, предписываемыхъ еврейскимъ закономъ, будетъ, можетъ быть, еще болѣе справедливымъ по отношенію къ нищѣ, именно *кашрутному* мясу. Утверждаютъ вѣдь, что евреи обладаютъ нѣкоторыми преимуществами по отношенію къ извѣстнымъ болѣзнямъ; если это правда, еврей обязанъ этимъ, какъ мы увидимъ, своимъ предписаніямъ, своему закону.

Если Израиль, какъ кто-то сказалъ, есть продуктъ традиціи, то, въ такомъ случаѣ, не только продуктъ духовной традиціи, но въ такой же степени, или, можетъ быть, еще большей—традиціи гигиенической и профилактической. При медленномъ, но безпрестанномъ воздѣйствіи времени, Израиль, между прочимъ, также въ силу этого долженъ былъ стать особой расой. Когда говорить о евреяхъ, нельзя не считаться съ наследственностью и влияніями, физическими и нравственными, накопившимися среди нихъ въ теченіе поколѣній. Было бы вполне достаточно нашихъ ограничительныхъ законовъ и еврейскихъ религиозныхъ предписаній, чтобы евреи, даже смѣшанные уже нѣсколько съ арійцами и туземцами, дѣлались все болѣе и болѣе отличными отъ своихъ инновѣрныхъ сосѣдей, такъ что еврей, если онъ даже былъ имъ родственнымъ по крови, терялъ сознание этого родства. Жалаль-ли онъ этого или нѣтъ—Израиль снова долженъ былъ стать особымъ народомъ, особымъ племенемъ.

VI.

Израиль снова становился особымъ племенемъ—вотъ капитальный пунктъ. Хотя, по происхожденію, евреи не составляли уже *этнуса* въ собственномъ смыслѣ слова—они не переставали разсматривать себя, какъ потомство Авраама. Была-ли

это, дѣйствительно, кровная связь, или они могли считать себя отпрысками патриарховъ, только въ смыслѣ какъ бы усыновленныхъ потомковъ, — они этого не знали, и для нихъ это не имѣло значенія: всякій подвергшійся обрѣзанію еврей сопричислялся къ «дому Іакова».

Израиль становился особымъ племенемъ подъ двойнымъ вліяніемъ, стремившимся сдѣлать изъ него расу: подъ дѣйствіемъ нашихъ гражданскихъ законовъ, которые силою изолировали его отъ другихъ народовъ—съ одной стороны, и дѣйствіемъ своихъ религіозныхъ законовъ, ставившихъ его въ такое изолированное состояніе своими обрядами,—съ другой. Христіанскіе и еврейскіе авторитеты, вліяя тутъ, одни—извнѣ, другіе—изнутри, дѣйствовали, въ сущности, сами того не подозревая, въ одномъ и томъ же направленіи. Каноническое право и талмудическій кодексъ шли рука объ руку; церковь и синагога, правительство и *каала*, епископы и раввины, стараясь отдѣлать евреевъ отъ насъ, работали, точно въ согласіи, надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ евреевъ чуждое народамъ племя. Весь ушедшій въ себя, Израиль поневолѣ составилъ особый городъ въ городѣ, или—какъ теперь говорятъ—государство въ государствѣ. Наши гражданскіе законы поддерживали дѣйствіе его религіозныхъ законовъ, а нашъ духъ исключительности питалъ его исключительность.

Духъ племени, въ свою очередь, былъ причиною того «ограниченія, въ одно и то же время добровольнаго и насильственнаго», которое наложилъ на себя Израиль. Подобно побѣжденнымъ евреямъ римскихъ временъ, стѣсненные и сдавленные евреи среднихъ вѣковъ сомкнулись около своего закона. Этотъ законъ сдѣлался абсолютнымъ правиломъ въ жизни Іуды. «Израиль держалъ его передъ глазами, точно гипнотическую пластинку»,—сказалъ г. Ренанъ. А мы знаемъ, что такое законъ, что такое талмудъ, который, лишь толкуя его, занялъ его мѣсто; мы знаемъ вѣдь, какіе мелочные обряды налагаютъ на сыновъ Іуды Тора и Мишна. Указываемые закономъ обряды были какъ мы сказали уже, въ нѣкоторомъ родѣ изолирующимъ началомъ. И въ самомъ дѣлѣ, изолировать еврея, поставить его въ сторонѣ отъ народовъ—составляло, кажется цѣль редакто-

ровъ Торы и компиляторовъ Гешары. Это какъ бы ограда, воздвигнутая раввинами вокругъ Израиля, чтобы оставить его неприкосновеннымъ. Исполненіе обрядностей заставляло евреевъ жить скученными другъ волеѣ друга, не смѣшиваясь съ иновѣрцами. Законъ стремился за одно поддерживать въ нихъ чувство солидарности и держать ихъ въ сторонѣ отъ «народовъ», онъ развивалъ въ нихъ, такимъ образомъ, духъ племени. Въ этомъ смыслѣ, можно было бы сказать, что талмудическій іуданамъ былъ религіей социальнаго сепаратизма; онъ приводилъ къ тому, что евреи составляли замкнутое общество среди другихъ человѣческихъ обществъ.

Между Израилемъ и *гойм*, точно застава, выдвигается законъ и его соблюденіе въ жизни. Еврей, желающій соблюдать во всей точности предписанія раввиновъ, не можетъ жить съ другими людьми; ѣсть за ихъ столомъ значило бы нарушить законъ. На страницахъ этого же изданія¹ было когда-то сказано: «Ревностные евреи скорѣе рѣшились бы умереть съ голоду, чѣмъ прикоснуться къ яствамъ, изготовленнымъ не по предписанію моисеевыхъ законовъ. Всякая пища христіанъ, или, лучше сказать, вся кухня христіанская у нихъ въ омерзѣніи». Такъ и въ Библии сказано: «ѣсть запрещенныя яства — омерзѣніе». Это отвращеніе отъ всякаго близкаго соприкосновенія съ «народами» — было однимъ изъ пунктовъ, въ коемъ христіанству труднѣе всего было восторжествовать: «Когда Петръ явился въ Іерусалимъ, то единовѣрцы его обратились къ нему съ упреками, говоря: ты пришелъ къ необрѣзаннымъ и ѣлъ съ ними»².

Талмудъ (имѣющій еще большее значеніе, чѣмъ Тора) стремится, въ силу заботы о требуемой закономъ чистотѣ, сдѣлать евреевъ особаго рода кастой, отдѣленной отъ другихъ людей, подобно кастамъ Индіи. Въ этомъ отношеніи талмудическіе евреи какъ бы остались людьми Востока. Презираемые тѣми, которые ихъ окружаютъ, они избѣгаютъ всякаго сближенія съ ними; они не желаютъ ни садиться за ихъ столъ, ни

¹ Maxime Du Camp, *la Bienfaisance israélite*, въ *Revue*, 15 août 1887.

² Дѣянія Апостоловъ, XI, 2, 3.

отвѣдывать ихъ купаній; они стараются сохранить свою касту. Этотъ грязный судра или наріи боятся запачкаться, онъ онасается нечистыхъ прикосновеній. Они отказываются пользоваться утварью иновѣрцевъ или дать послѣднимъ пользоваться своею. Я отправился однажды изъ Іерусалима на гробницу патриарховъ, въ Хевронъ, считающійся у евреевъ, еще и нынѣ, однимъ изъ четырехъ священныхъ городовъ Палестины. У меня былъ проводникъ еврейскаго происхожденія, который отвелъ меня на ночлегъ въ одинъ еврейскій домъ, къ хасидамъ, если я не ошибаюсь. Чтобы поужинать, намъ пришлось ждать, пока не пришелъ еврейскій *schächter* зарѣзать живность. Мы не принесли съ собой ни ложекъ, ни вилокъ; такъ какъ наши хозяева не позаботились намъ ихъ дать, пришлось просить ихъ у менѣе ригористичныхъ изъ нихъ. Таковы еще многіе евреи на Востоку.

Правда, не такъ дѣло обстоитъ на Западѣ. Въ моей юности я провелъ три мѣсяца въ Дрезденѣ, въ пансіонѣ, въ одномъ еврейскомъ семействѣ. Я не знаю даже, ѣлъ ли я *кошерную* говядину; но что касается колбасы и свинины, то со стороны хеваянъ можно было бы ожидать большей разборчивости. Не нужно, впрочемъ, думать, что европейскіе евреи нисколько не дорожатъ предписаніями о пицѣ. Повсюду, гдѣ только имѣется еврейское населеніе, оно имѣетъ свои бойни и своихъ рѣзакъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ французскихъ городовъ даже имѣются особыя гостиницы для еврейскихъ путешественниковъ. Въ прошлую зиму я нашелъ такую гостиницу на одной изъ нашихъ станцій въ Морскихъ Альпахъ. На вывѣскѣ были изображены три еврейскія буквы, — слово *комеръ*. Составъ посѣтителей былъ исключительно изъ евреевъ Востока или центра Европы. Такія гостиницы или рестораны еврейскія имѣются и въ большихъ городахъ и на водахъ, напр. въ Виши; я знаю даже нѣчто подобное и въ Парижѣ. Для католика или протестанта важно въ путешествіи найти церковь или часовню со священникомъ, который служилъ бы по воскресеньямъ обѣдню, или же съ пасторомъ, который произносилъ бы проповѣдь. Для еврея, даже самаго набожнаго, сина-

гога второстепенное дѣло; существенная вещь — это бойня и *шохетъ*.

Соблюденіе обрядовъ и предписаній о пищѣ не было еще единственнымъ, что поддерживало въ евреяхъ ихъ племенное обособленіе. Богослуженіе въ его частностяхъ способствовало этому, можетъ быть, столько же, сколько законъ. Оно все еще проникнуто воспоминаніями о Иерусалимѣ; оно сохранило въ теченіе вѣковъ національный характеръ; его праздники и посты, большей частью, только воспоминаніе о радостяхъ и горестяхъ Израиля. 1821 годъ спустя, Израиль все еще не перестаетъ оплакивать разрушеніе храма. вмѣсто того, чтобы дать этому національному отпечатку изгладиться въ теченіе вѣковъ, талмудъ и раввины тщательно старались его сохранить, или восстановить. Какъ во дни Маккавеевъ, еврейское благочестіе долгое время походило на патриотическій пылъ, такъ какъ воспоминаніе о Сионѣ сдѣлалось родиной Израиля. Современные іудеи какъ бы вернулись къ національному и религіозному партикуляризму древнихъ евреевъ. Какъ и первоначальный іеговизмъ, талмудическій іуданизмъ снова сталъ культомъ племени—сталъ религіей національной, или, какъ любятъ также выражаться: «унаслѣдованной отъ предковъ» (*ancestrale*). Въ этомъ отношеніи, іуданизмъ противоположенъ христіанству, которое—устами апостола Павла — предстало предъ міромъ, какъ религія универсальная, не составляющая частной принадлежности какого-нибудь одного народа. Очищенная и расширенная пророками, еврейская религія, благодаря талмудическому ритуализму, какъ-то сузилась и матеріализировалась. Для многихъ евреевъ, Іегова представлялся не столько единственнымъ и всеобщимъ Богомъ Исаи и Іереми, сколько божествомъ, имѣющимъ особое попеченіе о сынахъ Израиля; это былъ, положимъ, Богъ вселенной, но прежде всего, это былъ Богъ евреевъ, Богъ ихъ предковъ, Исаака и Іакова.

Было бы несправедливо жаловаться на это, потому что, вопреки смыслу Новаго Завѣта, вопреки прекрасному названію «католическій» (вселенный), нѣсколько христіанскихъ народностей также внесли въ свое почитаніе Христа нѣкотораго рода національный партикуляризмъ, и разсматривали себя, какъ

новый народъ Божій, которому Христосъ и ангелы намѣтили изъ глубины небесъ особенное предпочтеніе и специальное покровительство. Даже протестанты, пуритане Шотландіи и Англіи, не всегда въ этомъ отношеніи оставались позади, напримѣръ, папистовъ...

Различіе между христіанствомъ и іудаизмомъ заключается, между прочимъ, въ томъ, что національный партикуляризмъ. племенные особенности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, духъ секты—противны христіанству, между тѣмъ какъ іудаизму, вслѣдствіе его происхожденія, его традицій, даже обрядовъ, трудно отъ этого отдѣлаться. И для того, чтобы еврей могъ вполне войти въ составъ націй разныхъ странъ, гдѣ онъ живетъ, необходимо, чтобы ученіе іудаизма утратило свой національный характеръ. Если евреи желаютъ повсюду быть такими же гражданами, какъ и другіе, имъ нужно прежде всего—отрѣшиться отъ племенныхъ особенностей. Но такъ какъ этими племенными особенностями пропитано талмудическое ученіе іудаизма, то можно утверждать, что еврей не будетъ вполне французомъ, англичаниномъ, нѣмцемъ, русскимъ, венгерцемъ, — не будетъ вполне европейцемъ или американцемъ, если не откажется отъ излишняго раввиническаго ритуализма. Терновую ограду, которой окружили Израиль *thanaïm* и *amoraïm*, придется срубить или вырвать съ корнемъ. Иначе говоря, для того, чтобы еврей сталъ современнымъ человекомъ въ полномъ смыслѣ слова, ему нужно «деталмудироваться», «дераввинироваться». То, что пытались въ древности сдѣлать еврей-эллинисты, а именно alexandрійцы, съ цѣлью приобщить еврейскій законъ къ греческой культурѣ,—предстоитъ въ настоящее время совершить современнымъ евреямъ, чтобы согласовать этотъ законъ съ новѣйшей культурой. Евреямъ нужно оставить всѣ тѣ обособлявшіе ихъ обычаи, коими окружилъ ихъ Талмудъ. Евреи Запада поняли это; они уже давно открыли, что іудаизмъ не закрѣпощенъ Талмудомъ. Подъ вліяніемъ нашей цивилизаціи и идей западной свободы, возникаетъ въ синагогѣ добровольная работа очищенія культа и ритуала. По мѣрѣ того, какъ еврей становится все болѣе французомъ, итальянцемъ, нѣмцемъ,—іудаизмъ, а вмѣстѣ съ нимъ и самъ еврей, становится все менѣе еврей-

скимъ. Развѣ не въ такомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать происшедшую уже на французскомъ языкѣ замѣну слова «juif» словомъ «israélite». Только сто лѣтъ тому назадъ началась эта эволюція, и въ нѣкоторыхъ странахъ она уже почти закончена. Что было бы, еслибъ она могла произойти семью или восемью вѣками раньше? И почему же такъ случилось, что именно наши же исключительные законы сдѣлали ее невозможной и затормозили ее на долгое время?

VII.

Религиозныя реформы—надо, однако, признать—дѣло чрезвычайно щепетильное. Религія — это не пресмыкающееся или насекомое, которыя, съ наступленіемъ извѣстнаго возраста, въ опредѣленный часъ подвергаются надлежащей метаморфозѣ. А вѣдь это тоже своего рода линяніе, своего рода метаморфоза, черевъ которую проходитъ теперь іуданизмъ; если хорошенько сосчитать, это, можетъ быть, третья или четвертая въ его длинной исторіи. Во всякомъ случаѣ, это—последняя и наиболѣе трудная, которая должна привести его—если можно такъ выразиться—къ болѣе или менѣе совершенному состоянію. Для осуществленія подобнаго преобразованія въ іуданизмѣ имѣется особая, своеобразная трудность: его обряды и обычаи, его племенные традиціи не являются для него обыкновенной вѣшной оболочкой, отъ которой онъ могъ бы по желанію освободиться. Его обычки и обряды составляютъ съ нимъ вмѣстѣ какъ бы одно цѣлое. Двумя элементами, главнымъ образомъ, опредѣляется религія, двѣ вещи даютъ ей жизнь и продолжительное существованіе, это—вѣрованія и обряды, догматы и культъ. Но, какъ бы въ противоположность другимъ религіямъ, — по крайней мѣрѣ, религіямъ современнымъ — догматы въ іуданизмѣ занимаютъ второстепенное мѣсто; его *Credo* отличается такой простотой, что, выражая его цѣлкомъ, пришлось бы свести его къ тому, что наивный оптимизмъ нашихъ предковъ называлъ естественной религіей. Я скажу то же самое о нравственномъ ученіи іуданизма; оно прошло въ другія религіи, отъ него происшедшія, и другія культуры, разившіяся на почвѣ его литера-

туры; это нравственное учение уже, собственно, принадлежит не ему. Единственная вещь, реально ему принадлежащая, — это законъ съ его ритуальными установленіями. Законъ является настоящимъ остономъ еврейской религіи: онъ одинъ даетъ ей реальныя формы, безъ него иудаизмъ обратился бы въ какой-то неопредѣленный, беспочвенный деизмъ.

Нѣкоторые евреи, считая уже всѣ эти требуемыя закономъ обряды и церемоніи устарѣвшими, видятъ ихъ обреченными на постепенное исчезновеніе вмѣстѣ со стариннымъ духомъ Талмуда. Есть и такіе, которые послѣ трехъ тысячъ лѣтъ мечтаютъ о новомъ будущемъ для Торы. Они ждутъ, чтобы Ягова опять открылъ источникъ Хоревской скалы, и они надѣются, что не одинъ лишь Его народъ будетъ здѣсь утолять свою жажду. Исходя изъ этой вѣры въ особую миссію Израиля, которую хранить въ сердцѣ всякій еврей, они считаютъ его призваннымъ еще разъ поднести цивилизованному міру, опять извѣрившемуся въ своихъ боговъ, — божеественный даръ религіи, я на этотъ разъ религіи безъ стѣсняющихъ обычаевъ, безъ неудобнопонятныхъ догматовъ, безъ чудесъ и таинствъ. Чтобы привлечь древній міръ къ суровому монотеизму Торы, иудейству временъ Филона и Флавія слѣдовало, по ихъ мнѣнію, принести въ жертву свои національныя обряды. Только этой цѣною религія Израиля могла бы покорить вселенную. Обрѣзаніе было камнемъ преткновенія въ судьбѣ племени Іудина; употреблявшійся при обрѣзаніи кремневый ножъ лишилъ его религіознаго господства надъ человечествомъ¹. Чтобы синагога не была вытѣснена церковью, ей, можетъ быть, было бы достаточно Саула изъ Тарса, который указалъ бы ей необходимость отбросить ритуальныя узы. На ту жертву, которую Израиль не догадался принести во время паденія храма, ему надо рѣшиться теперь, ему надо наверстать два тысячелѣтія потеряннаго времени. Тогда, наконецъ, религія евреевъ, свободная отъ всякихъ племенныхъ особенностей и очищенная отъ всякаго

¹ По-французски здѣсь непередаваемая въ переводѣ игра словъ: le couteau de silex du péritom iste lui a coûté l'empire religieux de l'humanité.

Примѣч. переводчика.

національнаго народа, сдѣлаеся религіей челоѣчества. Миръ, столь злоупотреблявшій терпѣніемъ Израиля, увидитъ тогда осуществленіе тѣхъ завѣтовъ, исполненіе которыхъ замедлилось на 20 вѣковъ, лишь благодаря ослѣвленію книжниковъ и упрямству раввиновъ. Согласно со словами пророковъ, націи придутъ поучаться у Іуды, а народы ухватятся за края его одежды, говоря: «Взойдемъ вмѣстѣ на гору Іеговы, къ жилищу Бога Израилева, съ тѣмъ, чтобы Онъ научилъ насъ идти по путямъ Его». Ту религію духа и истины, о которой выдыхаютъ люди со временъ Лютера и, затѣмъ, Вольтера, — эту религію Израиль имъ преподастъ. Ему стоитъ для этого только сбросить съ себя свои устарѣвшіе обычаи подобно тому, какъ весною дуб стряхиваетъ съ себя мертвые листья зимы. Освободившись отъ ига своихъ неуклюжихъ обрядовъ, іудеи передадутъ «народамъ» то божественное сокровище, завѣщанное имъ пророками, которое они сохранили неприкосновеннымъ подъ сѣнью этихъ обрядностей. Это будетъ тогда появленіе новой религіи, во-истину всемирной и опредѣленно-законченной, въ одно и то же время челоѣческой и божественной. Только тогда, послѣ того, какъ Израилю удастся дать духу Торы проникнуть вполне въ умы народовъ, ему можно будетъ, — исполнивъ свой долгъ, — раствориться среди націй.

Мечта грандіозная, и каждый еврей — часто даже не сознавая этого — нѣчто подобное таитъ у себя внутри. Притомъ нѣсколько внѣшнихъ обстоятельствъ могутъ его воодушевлять и бодрить въ этомъ отношеніи: эта умственная анархія, царящая среди нашихъ старыхъ христіанскихъ обществъ; это общее всѣмъ страданіе религіозное, самое сокровенное изъ категорій челоѣческихъ страданій, потребность въ вѣрѣ и трудность вѣрить; это дальнѣйшее развитіе протестантизма и раціональных сектъ, которые, подъ покровомъ Библии, возвращаются, точно такъ же какъ и унитаріи, къ равнинному единобожію Іеговы. Но по силамъ ли еврейству осуществленіе этой мечты? Оставимъ въ сторонѣ христіанство, древній расщепленный стволъ котораго содержитъ въ себѣ, однако, больше внутренней силы, чѣмъ обыкновенно полагають. Разсмотримъ одинъ только іудаизмъ. Если бы у него даже осталось достаточно силы и вѣры, чтобы

еще разъ поднять міръ, Израилю все-таки трудно было бы дать міру религію, такъ какъ религія составляетъ не одной лишь болѣе или менѣе опредѣленной доктриной, въ ра же въ Единого Бога уже не является настолько отличительной чертой одного лишь іудаизма, чтобы ея достаточно было для опредѣленія, собственно, его догмы. Религія, какъ мы сказали уже, нуждается въ культѣ, церемоніяхъ, богослужебныхъ собраніяхъ, чтобы соединять людей видимою связью. Обрядность, можетъ быть, даже важнѣе догмы; обрядность въ состояніи, по крайней мѣрѣ, пережить догму. Старинныя религіи можно было бы въ послѣднемъ смыслѣ сравнить со старыми деревьями, обрубленный стволъ которыхъ продолжаетъ, однако, давать листья и цвѣты. Никакая религія, напротивъ того, не можетъ обойтись долгое время безъ обрядности. Самъ Израиль своимъ же религиознымъ обрядамъ объявилъ тѣмъ, что онъ пережилъ вѣка. А первое условіе для торжества ветхозавѣтнаго закона заключается вѣдь въ исключеніи церемоніальныхъ обрядовъ, т. е. въ уничтоженіи самого закона. Другими словами, чтобы сдѣлаться всемірнымъ, іудаизму нужно какъ бы начать съ подавленія самого себя. Побѣда его, значить, можетъ быть куплена только цѣною самоубійства.

Это сказано не для того, чтобы запугать евреевъ, которые на половину отстали отъ іудейства, и чьи мессіанскія мечты ограничиваются неопредѣленными надеждами гуманитарнаго содержанія. Не такъ обстоитъ дѣло у тѣхъ горячихъ приверженцевъ синагоги, которые сохранили вѣру Израиля и привязанность къ его закону. Они вовсе не заботятся о томъ, чтобы законъ обратился лишь въ руководство гражданской морали, а вся сущность торы улетучилась въ бессодержательномъ деизмѣ, или еще болѣе обманчивомъ гуманитаризмѣ. Они хотятъ, чтобы религія Израиля осталась положительнымъ культомъ, живою религіей. Они согласны урѣзать обычай и сократить ритуаль, подъ условіемъ, однако,—не касаться ствола или корня этого стараго дерева. Они придерживаются обычаевъ, доставшихся имъ въ наслѣдіе отъ ихъ отцовъ, и боятся порвать съ традиціей, такъ какъ чувствуютъ, что іудаизмъ имѣетъ

свои корни въ традиціи, и, если ихъ у него отрѣзать, онъ долженъ завянуть.

И въ самомъ дѣлѣ, іудаизмъ не является такой же религіей или церковью, какъ прочія исповѣданія; это не столько вѣра, не столько откровеніе Божіе, сколько культъ, законъ, собраніе обрядовъ и обычаевъ, унаслѣдованныхъ отъ предковъ и почитаемыхъ именно въ качествѣ таковыхъ. Тутъ культъ и обряды являются не столько формами, сколько въ нѣкоторомъ родѣ и самой религіей; ихъ значеніе, ихъ важность, въ глазахъ вѣрующихъ, заключается скорѣе не въ олицетворяемыхъ ими догматахъ, но въ предкахъ, которые ихъ передали, изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ семейное завѣтное имѣніе. По отношенію ко многимъ евреямъ, въ этомъ даже можно видѣть главную причину продолжительнаго существованія іудаизма. Они придерживаются его, какъ наслѣдственнаго преданія. Этимъ, между прочимъ, можетъ объясняться, почему они такъ мало склонны къ прозелитизму. Ихъ религія является, въ нѣкоторомъ родѣ, домашнимъ культомъ въ домѣ Іакова: съ какой стати налагать эти обязательные обряды на того, кто не принадлежитъ къ дому Іакова? Для евреевъ, церемоніи и обряды являются не только внѣшнимъ признакомъ союза Израиля съ Іеговой,—они служатъ имъ также знакомъ той связи, которая существуетъ между однимъ евреемъ и другимъ. Обряды составляютъ соединительныя звенья въ той цѣпи, которая сближаетъ евреевъ другъ съ другомъ. Отвергать, подобно нѣкоторымъ реформированнымъ евреямъ Германіи и Англіи, все то, что въ іудаизмѣ не имѣетъ исключительно религіознаго характера, все, что напоминаетъ его національную основу,—исключить воспоминаніе о Сіонѣ и Іерусалимѣ, отмѣнить обрѣзаніе или предписанія о пищѣ, замѣнить субботу воскресеньемъ, употреблять при пѣніи псалмовъ разговорный языкъ вмѣсто древне-еврейскаго,—это значитъ не только ослабить связь единства, развязать узлы, прикрѣпляющіе еврея къ его собратьямъ, и въ то же время къ его предкамъ; это значитъ—мало по малу подавлять все, что составляетъ оригинальность іудаизма; это значитъ—привести его къ тому, чтобъ отъ него осталось одно только названіе или одна лишь тѣнь.

Нѣмецкій историкъ евреевъ, докторъ Гретцъ, правъ ¹: у удаивма нельзя отрѣзать его палестинскихъ корней, ибо именно они даютъ ему его сокъ. Реформированныя общины, исключаящія изъ культа все собственно-еврейское, рискуютъ сдѣлаться только этапными пунктами по пути къ христіанству, или, по извѣстной наклонной плоскости, къ свободомыслию, въ смыслѣ «libre penseur». Въ концѣ XVIII вѣка, это можно было видѣть въ «просвѣщенномъ кружкѣ» Берлина, среди наслѣдниковъ Моисея Мендельсона и поклонниковъ прекрасной Генриетты Герцъ.

Мы указывали уже ² на опасность, которой подвергается еврейство среди современнаго настроенія умовъ и той самой цивилизаціи, которая, освободивъ его, открыла ему міръ. А вотъ для него и другая опасность, можетъ быть, нисколько не меньшая. Чтобы пристать къ нашей западной культурѣ, ему нужно передѣлать себя на современный ладъ (se moderniser); чтобы приобщиться къ національной жизни современныхъ народовъ, ему слѣдуетъ отрѣшиться отъ своей національности (se dénationaliser); а для того и другого нужно «деравнинироваться», («se dérabbiniser») — упростить свои обряды, отказаться отъ большей части предписаній. Но въ то же время, передѣлывая себя на современный ладъ, отрѣшаясь отъ своей національности, отказываясь отъ своихъ обрядовъ и обычаевъ, евреи рискуютъ совершенно отстать отъ еврейства (se déjudaiser), слѣдовательно разсыпаться и уничтожиться. Они покидаютъ защищавшія ихъ внѣшнія оболочки, уходятъ изъ-подъ сѣни талмудической ограды и освобождаются отъ всего того, что вызвало ихъ къ жизни и поддерживало ихъ существованіе. Синагога, въ теченіе вѣковъ, покоилась на прочныхъ столбахъ закона; отмѣнить законъ или дать ему утратить всякое значеніе, вслѣдствіе непримѣненія, развѣ это не значитъ потрясти основы синагоги? Рѣдко когда исторія религій выдвигала подобную проблему. Было бы, однако, безразсудно считать ее неразрѣшимой. Религіи обладаютъ особою способностью одерживать верхъ надъ всякими противорѣ-

¹ Graetz, Geschichte der Juden, т. XI, стр. 170 и слѣд.

² Revue 15 févr. p. 810, 811 Восходъ, 1891 г., кн. 10.

чїями въ законахъ исторїи; у нихъ замѣчается какой-то особый удивительный инстинктъ — принаравливаться къ требованїямъ мѣста и времени. Иудаизмъ, въ частности, уже вышелъ съ честью изъ двухъ или трехъ кризисовъ, которые, казалось, должны были быть для него смертельными. Онъ обладаетъ странною живучестью; онъ далъ тому столько доказательствъ, что въ правѣ былъ бы быть недовольнымъ такимъ безпокойствомъ насчетъ его судьбы. У насъ имѣются преданїя или легенды, которыя говорятъ, что иудаизмъ просуществуетъ до конца міра; онѣ, можетъ быть, правы. Заключить ли Израиль новый договоръ съ вѣками будущаго или нѣтъ — это его дѣло. То, что мы знаемъ, это—если ему придется погибнуть, онъ вынужденъ будетъ «денационализироваться» и «деравнизироваться». А развѣ онъ этого не дѣлаетъ уже, на нашихъ глазахъ, на пространствѣ отъ запада до востока, въ одномъ мѣстѣ быстрѣе, въ другомъ—медленнѣе? Дни стараго талмудизма сосчитаны; раввины, пропитанные Гемарой, тщетно оплакиваютъ направление послѣдняго времени. Духъ Запада поднялся надъ Иерусалимомъ, и ничто у Іакова не противостанетъ этому западному вѣянїю.

VIII.

Какъ преобразованїе ни кажется труднымъ, оно совершается; оно происходитъ не только въ синагогѣ и *талмудаторн*, но также въ домѣ, въ семьѣ, въ обыденной жизни. Не только культъ и обряды Израїля стремятся принять современные формы, но и его обычаи, нравы, понятїя, вся жизнь. А здѣсь измѣненїя далеко не встрѣчаютъ такихъ препятствїй, какъ внутри синагоги. Если синагогѣ нельзя забывать своихъ палестинскихъ традицій и утратить свой старинный національный характеръ, то иначе дѣло обстоитъ относительно домашней жизни еврея. Ничто не заставляетъ его сохранять въ жизни восточную обстановку; ничто не обязываетъ его соблюдать особые обычаи, сохранять особый языкъ и особую одежду и, вообще, вести жизнь, чѣмъ-либо отличающуюся отъ жизни его сосѣдей другихъ исповѣданїй. Въ этомъ отношенїи преобразованїе особенно становится замѣтнымъ, тутъ также оно особенно

важно. Съ точки зрѣнія соціальной или національной, это преобразование, собственно, насъ болѣе всего должно интересовать. Преобразование въ синагогѣ касается насъ только постольку, поскольку оно является условіемъ перваго.

По всему Западу Европы и даже въ крупныхъ центрахъ Восточной Европы старинный еврей въ длинномъ кафтанѣ и съ длинными пейсами преобразовывается въ вполне современнаго человѣка. Къ этому обращенію *juif'a* въ *israélite'a* стремятся повсюду, гдѣ только этому не препятствуютъ наши законы или наши предразсудки. Еврей все болѣе и болѣе подвергается вліянію окружающаго міра, среди котораго рождаются и живутъ. Мало-по-малу они оставляютъ то, что можно было бы назвать ихъ національными обычаями. Исчезаютъ одинъ за другимъ тѣ интимные обряды и обычаи частной жизни, которые имѣли столько значенія въ домахъ гетто. Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напр. Франціи, Англіи, отъ нихъ остается одно только поэтическое воспоминаніе. Къ великому сожалѣнію любителей всего картиннаго—стусшевываются и отходятъ на задній планъ эти старинные еврейскіе обычаи съ ихъ библейскимъ характеромъ, ихъ наивно торжественностью, ихъ трогательными легендами, съ ихъ «живымъ ощущеніемъ патриархальной жизни». Чтобы разыскать ихъ, нужно отправиться въ какую-нибудь деревушку Эльзаса; скоро придется добираться до мѣстечекъ Польши. Судя по тому, какъ происходитъ теперь измѣненіе, можно полагать, что послѣдніе слѣды его исчезнутъ, можетъ быть, еще до конца XX вѣка. Старинная жизнь еврейской семьи, вся запечатлѣнная воспоминаніями Востокѣ и Библии, будетъ фигурировать только у рассказчиковъ изъ Богеміи или Галиціи, въ родѣ Комперта или Захеръ-Мазоха. Израиль подвергается вліянію общаго закона: онъ также, самъ стусшевываясь, подпадаетъ подъ дѣйствіе единообразія, охватывающаго весь міръ.

Удивительно, что Талмуду удалось удержать его замкнутымъ въ свои обряды въ теченіе пятнадцати вѣковъ. Но синагога и *кагалъ* давно пришли-бы въ упадокъ, если-бы раввинскій сепаратизмъ не встрѣтилъ себѣ поддержки въ христіанской исключительности. Тяжеловѣсныя талмудическія стѣны рушились

бы подъ тяжестью вѣковъ, если бы наши каноническіе и гражданскіе законы не явились для нихъ подкрѣпленіемъ и какъ бы подпорами извнѣ. Всякій разъ, когда еврей собирался выйти изъ за этихъ стѣнъ, мы отводили его обратно въ *Judengasse*. Изгоняя его изъ нашего общества, мы осуждали его оставаться замкнутымъ среди своихъ; запрещая ему принимать участие въ нашей общинѣ, въ нашей національной жизни, мы какъ-бы предписывали ему оставаться членомъ своего племени. Все христіанское и мусульманское право, кажется, соединились въ стремленіи удержать Израиль въ состояніи корпораціи или особаго племени—законопаченнымъ въ его наслѣдственныхъ привычкахъ. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ ничего болѣе поучительнаго, чѣмъ изученіе средневѣковыхъ законовъ или законовъ «старога режима»¹. Они объясняютъ, какимъ образомъ разсѣянные въ мѣрѣ іудей образовали среди націй небольшія, плотно сомкнутыя группы, которыя въ теченіе вѣковъ не слились все-таки съ окружающею средой, напоминая точно капли масла, попавшія на поверхность пруда.

Нельзя сказать, чтобы евреи были неправы, когда они говорятъ намъ: вы жалуетесь на нашу исключительность, но вы, съ своей стороны, сдѣлали все, чтобы ее поддержать и продлить. Наши раввины заключили насъ въ Талмудъ, а вы оставили двери баррикадами, чтобы мы не могли ихъ открыть. Изъ опасенія слиться съ нами или видѣть насъ смѣшивающимися съ вами, вы удалили насъ въ спеціальныя кварталы и присвоили намъ отличительныя одежды и оскорбительныя внѣшніе знаки. Что же удивительнаго, что, не будучи въ состояніи быть гражданами вашихъ государствъ или городовъ, мы не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ евреями,—не зная другой родины, кромѣ Израиля, другого управленія, кромѣ *кааала*?

И какъ, въ самомъ дѣлѣ, чаще всего формировалось національное чувство? Мы знаемъ, что оно именно явилось реакціей противъ иностранца, необходимою защищаться противъ

¹ Во многихъ отношеніяхъ таково также законодательство въ Россіи и Румыніи, и результаты тамъ вполне аналогичны.

притѣснителя или общаго врага. А, въ теченіе вѣковъ, все поведеніе и законодательство христіанскихъ народовъ по отношенію къ евреямъ стремились привить имъ особое еврейское національное сознаніе. — «Предположите, — говоритъ Маколей, — что въ продолженіе тысячи лѣтъ, люди съ рыжими волосами были повсюду подвержены ограниченіямъ и социальнымъ пыткамъ, вслѣдствіе цвѣта своихъ волосъ, — очевидно, что рыжіе люди всѣхъ странъ стали бы себя разсматривать какъ бы соотечественниками и родственными другъ другу, хотя они были бы и совершенно различнаго происхожденія».

На упреки, которые посылаемъ по адресу евреевъ, они могутъ намъ тотчасъ смѣло возразить. Если въ столькихъ странахъ они составляютъ особое племя или общество, то, въ значительной степени, мы ихъ къ этому вынудили или приучили. Даже теперь, когда мы имъ предоставили уже ключи отъ гетто, развѣ мы всегда охотно открываемъ для нихъ наши двери? Развѣ мы, — французы, нѣмцы, славяне, венгерцы, румыны, — охотно приглашаемъ еврея къ нашему столу? Притомъ, мы воздерживаемся отъ этого уже не по недостатку общаго съ нимъ языка, не изъ сожалѣнія, что не можемъ предложить ему *кошерную* пищу. — «Почему вы не играете съ этой дѣвочкой?» — слышала я однажды вопросъ, обращенный къ группѣ дѣтей въ паркѣ Монсо. — «Потому что она еврейка, мама». — Съ какой же стороны, преимущественно, является теперь исключительность? Въ большей части Европы, напр. и Франціи, она проявляется гораздо менѣе со стороны евреевъ, чѣмъ со стороны христіанъ. Еврей обыкновенно даже ревниво старается близко сойтись съ нами; порою онъ даже навязчивъ въ этомъ отношеніи. Теперь его упрекаютъ уже не въ томъ, что онъ замыкается вмѣстѣ съ ему подобными, или удаляется отъ насъ, а, напротивъ того, въ томъ, что навязывается намъ; что онъ проникаетъ — хотимъ-ли мы этого или нѣтъ — въ наше свѣтское общество, пробиваетъ себѣ доступъ въ наши кружки и салоны; посылаетъ своихъ дѣтей, рядомъ съ нашими, въ наши школы и коллегіи, вмѣсто того, чтобы оставлять ихъ въ *хедеръ* или у *меламда*; однимъ словомъ, онъ перешагнулъ черезъ всѣ общественныя и свѣтскія преграды, которыя мы желали удержать между нимъ

и нами. Стѣны гетто пали, но духъ гетто еще живеть—даже у тѣхъ, которые считаются свободными отъ него.

Откуда происходитъ эта постоянная и невольная антипатія? Не имѣеть-ли она другого основанія, кромѣ инстинктивныхъ воспоминаній о предрасудкахъ нашихъ отцовъ? Откровенно говоря, не смѣю того утверждать. Чтобы объяснить себѣ это, нужно ближе изслѣдовать эту еврейскую расу, соприкосновеніе съ которой противно еще столькимъ людямъ съ менѣе благородною кровью. А чтобы узнать ее, недостаточно лишь ознакомиться съ вопросомъ—сочетаніемъ какихъ элементовъ, этническихъ или религіозныхъ она является? Прежде чѣмъ посмотрѣть, какое мѣсто современныя націи должны отвести евреямъ, стоить поразслѣдовать, что такое умъ, характеръ, духъ евреевъ? Это будетъ, кажется мнѣ, любопытная глава психологіи¹.

Пер. М. Б.

---

¹ Читатели не должны забывать, что статья эта принадлежитъ перу не еврея; отчасти этимъ, отчасти нѣкоторой смѣлостью въ области гипотезъ объясняется, что, столь талантливая и основательная въ общемъ,—она содержитъ въ частностяхъ не совсѣмъ вѣрныя и одностороннее освѣщенныя положенія. Въ виду интереса, представляемаго, однако, возвращеніями такого первоисточника западно-европейскаго публициста, печатаемыми притомъ на страницахъ одного изъ лучшихъ и наиболѣе распространенныхъ во всемъ мірѣ журналовъ, мы считали себя не въ правѣ дѣлать въ ней какія-либо замѣненія; комментированіе же частностей завело бы насъ слишкомъ далеко.

Ред.

ИЗЪ КНИГИ ПРОРОКА ИСАИИ.

IV.

Господь возсталъ судить народы,
Судить старѣйшинъ и вельможъ:
Они стравили виноградниѣ,
Стравили Божій вертоградъ.

— Зачѣмъ, отвѣтствуйте Еговѣ,
Зачѣмъ тѣсните вы народъ?
Зачѣмъ къ погибели ведете,
Лицепріятные вожди?
Скажите, дерзкіе, скажите:
Гдѣ проторенная тропа,
Гдѣ Божій путь, тотъ путь, которымъ
Шли ваши дѣды и отцы?

Не вы-ли гоните убогихъ,
Смѣтаетесь злобно надъ нуждой,
Обременяете жилища
И совѣсть—золотомъ сиротъ?

Очнись, народъ, возстань, Израиль!
Взгляни, какъ низменно ты палъ:

Твоихъ приставниковъ продажныхъ,
Бакъ пыль съ одежды, отряхни,—
Страхни съ себя ярмо порока,
Господству женъ противостань!

А вы, развратницы Сіона,
Страшитесь гнѣва Моего:
Зачѣмъ гордитесь вы красою,
Грѣховной прелестью дыша?
Зачѣмъ, вытягивая шею,
Нескромныхъ взоровъ не тая,
Коварно съете соблазны
И сладострастно гнете станъ?
Зачѣмъ колеблетесь задорно,
Гремя цѣпочками у ногъ?

Зато Господь на васъ возстанеть
И ваше темя обнажить,
И тѣ, которыхъ вы плѣняли,
Увидятъ вашу срамоту.

Въ тотъ день Господь отъ васъ отниметь
Убранство грѣшной суеты
И съ вашихъ ногъ сорветъ цѣпочки,
Кривыя луночки сорветъ.
Отниметь Мститель ваши серьги,
Сорветъ повязки съ головы,
И расписныя покрывала,
И расписныя пояса.

И упадутъ въ тотъ день запысты
 Съ оцѣпенѣлыхъ вашихъ рукъ,
 И персти съ пальцевъ, и привѣски
 Иноплеменныхъ чаровницъ.

Вы—какъ язычницы. Сосуды
 Съ духами носите. Въ носу
 Продѣты кольца. Епанчею
 Покрты перси и спина.

Но гнѣвно Богъ смѣшаетъ съ грязью
 Весь этотъ мусоръ дорогой,
 Порветъ узорчатя ткани,
 И полотно, и кружева.
 И, вмѣсто тонкихъ ароматовъ,
 Отъ васъ зловоніе пахнетъ,
 И станетъ поясомъ веревка,
 И плѣшью—кудри на челѣ!

И въ этотъ день, въ день кары Божьей,
 Мѣшокъ замѣнитъ епанчу,
 И отвратительныя пятна
 Обезобразятъ красоту.

И отъ меча на полѣ битвы
 Падутъ отважные бойцы,
 Падутъ защитники Сіона,
 Надменной дѣвы сыновья!
 И вотъ она на землю сядетъ

У городскихъ своихъ воротъ,
И, какъ покинутая, станеть
Вздыхать, и плакать, и стенать.

V.

Въ день гнѣва Божія семь женщинъ
Придутъ къ мужчинѣ одному:

„Мы будемъ ѣсть свой хлѣбъ и будемъ
Свои одежды одѣвать,
Дозволь намъ только называться
Отнынѣ именемъ твоимъ,
Намъ жизнь минувшая постыла,
Какъ пепель, горекъ нашъ позоръ“.

Такъ всё, которые спасутся,
Къ добру прилѣпятся душой,
И стануть славою Сіона,
Ерусалима красотой.

Тогда Господь очиститъ скверну
Своихъ заблудшихъ дочерей,
Очиститъ городъ свой отъ крови
Дыханьемъ горячаго огня.
И будетъ облако дымиться
Надъ обновленною горой,
И будетъ ночью надъ Сіономъ
Господня слава пламенѣть.

И снова въ скини священной
Народа Божьяго сыны
Найдутъ убѣжище отъ зноя,
Отъ непогоды и дождя.

Константинь Льдовъ.

ПИСЬМА О ХЕРСОНСКИХЪ ЕВРЕЙСКИХЪ КОЛОНИАХЪ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Херсонскій уѣздъ принадлежитъ къ числу наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая уѣздовъ Херсонской губ. Въ этомъ уѣздѣ есть мѣстности, гдѣ многіе хлѣбопашцы не вернули даже сѣмянъ; они остались безъ хлѣба для своихъ семействъ, безъ корма для скота, безъ топлива на зиму. Къ такимъ мѣстностямъ, пораженнымъ сильнымъ недородомъ, принадлежатъ 10 еврейскихъ колоній съ населеніемъ въ 11,121 душу. Эти десять колоній слѣдующія: Львово, Ново-Бериславъ, Бобровый Куть, Большая Сейдеменуха, Малая Сейдеменуха, Большой Нагартавъ, Малый Нагартавъ, Романовка, Добрая, Ефенгарь. Но среди этихъ 10 колоній есть менѣе и болѣе пострадавшія отъ неурожая текущаго года мѣстности. Наиболѣе пострадавшія: Львово, Ново-Бериславъ, Бобровый Куть, Большая и Малая Сейдеменухи и Большой Нагартавъ.

Еврей-земледѣльцы, въ послѣднее время, усиленно занимаются земледѣліемъ, обрабатывая не только свои собственные участки, но и арендуемыя у казны оброчныя статьи, принадлежащія еврейскимъ колоніямъ. Это, именно, оброчныя статьи, образовавшіяся отъ 10-ти десятинныхъ отрѣзковъ первоначальныхъ семейныхъ надѣловъ каждаго изъ дворохозяевъ.

Первоначальный семейный надѣлъ состоялъ изъ 40 десятинъ. Но затѣмъ, для покрытія расходовъ по управленію и на разныя необходимыя нужды еврейскихъ колониальныхъ общинъ, отъ каждаго семейнаго надѣла, по распоряженію правительства, было отрѣзано по 10 десятинъ, изъ которыхъ и образовались оброчныя статьи при каждой колоніи. Эти-то оброчныя статьи отдавались и отдаются съ торговъ въ аренду. Еврей-земле-

дѣльцы цѣлыми обществами или отдѣльными лицами арендовали эту землю по сходнымъ цѣнамъ. Но въ послѣднее время арендная плата на эти оброчныя статьи возвысилась до крайности, вслѣдствіе неравномѣрной конкуренціи со стороны крестьянъ, которые пользуются весьма выгодной льготой брать въ аренду оброчныя статьи безъ денежнаго залога, а только по общественному приговору, чего, къ сожалѣнію, лишены еврей-земледѣльцы. Подобными конкуррентами являются и нѣмцы, которые набиваютъ цѣну до махішума. Такъ, въ колоніи Большой Нагартавъ, гдѣ, до послѣдняго времени, арендная плата за десятину не превышала 1 р. 50 к.— 2 руб., въ настоящее время она повысилась до 5 руб. Еврей-земледѣльцы пользуются лишь правомъ арендовать землю у своихъ односельчанъ, либо свои оброчныя статьи, между тѣмъ какъ нѣмцамъ и крестьянамъ представлено право повсемѣстнаго арендованія. Вслѣдствіе этого, еврей-земледѣльцы, изъ которыхъ многіе, особенно много-семейные, не имѣютъ и $\frac{1}{4}$ участка, поневолѣ, чтобы не остаться безъ занятій, должны платить непомѣрныя цѣны и, въ случаѣ неурожая, они совершенно разоряются, какъ, напр., земледѣлецъ колоніи Воброва Кута, Ланидусъ, бывшій шульцъ Бергардтъ, колонистъ колоніи Большой Сейдеменуки, или же Шимеловскій изъ Большого Нагартавъ и многіе другіе. Всѣ они были лучшими земледѣльцами, обрабатывали землю исключительно собственнымъ, а не наемнымъ трудомъ, а теперь они дошли до крайней бѣдности, и многіе изъ нихъ нуждаются въ насущномъ хлѣбѣ. Аналогичный этому примѣръ мы встрѣчаемъ въ колоніи Ингульцѣ. Земледѣлецъ этой колоніи Швальбинъ въ продолженіе многихъ лѣтъ занимался en gros сельскимъ хозяйствомъ, арендуя казенныя участки до 1882 года, а послѣ этого года оброчную статью колоніи Ингульца въ количествѣ 1,500 десятинъ земли. Хозяйство свое онъ велъ весьма успѣшно и, благодаря цѣлому ряду урожайныхъ годовъ, онъ составилъ себѣ изрядное состояніе, имѣлъ значительное количество скота, дорогія земледѣльческія орудія и паровую молотилку. Но въ текущемъ году крестьяне высоко набили арендную плату на оброчную статью колоніи Ингульца, и Швальбинъ, поневолѣ, долженъ былъ уступить имъ. Послѣдствіемъ этого является необходимость совершенно ликвидировать свое хозяйство и въ самый неблагоприятный моментъ, когда скотъ, вслѣдствіе безкоринцы, окончательно обезцѣненъ, а орудія при общемъ безденежьи также теряютъ половину своей стоимости. Такихъ примѣровъ много, при чемъ самымъ худшимъ является то, что подобные Швальбины, всю жизнь свою проведеніе въ занятіи сельскимъ хозяйствомъ, пріобрѣвшіе опытъ, вообще трудно дающійся,

совершенно отчужденные отъ другихъ занятій, остаются безъ всякаго дѣла, въ виду закона 2-го мая 1882 г., который, такимъ образомъ, разорительно отзывается и на евреяхъ-земледѣльцахъ въ сферѣ ихъ специальной земледѣльческой дѣятельности. Ощутительнѣе еще является дѣйствіе этого ограниченія для мелкаго хозяйства еврея-земледѣльца при опредѣленіи наличнаго душевого надѣла. Обыкновенно берется общее количество наличнаго рабочаго населенія той или другой колоніи и общее количество десятинъ земли, отведенной каждой колоніи, и, раздѣляя одно число на другое, получается цифра личнаго душевого надѣла. Но этотъ выводъ вѣренъ лишь ариѳметически, но отнюдь не фактически, такъ какъ не всякое семейство состоитъ изъ одинаковаго числа душъ. Такъ, напр., въ колоніи Романовкѣ количество отведенныхъ ей десятинъ земли равно 2,909 десат.; раздѣляя это число на 615 (количество наличныхъ рабочихъ душъ), мы получаемъ 4,7 десат., приходящихъ на каждую рабочую душу. Теперь возьмемъ въ отдѣльности одно какое-либо многолюдное семейство, какъ, напр., семейство земледѣльца той же колоніи Романовки—Айзика Ерухимовича. У него рабочихъ душъ 17 человекъ обоаго пола; семейный надѣлъ 30 десятинъ, слѣдовательно на каждую рабочую душу приходится лишь 1,8 десат. Этотъ недостатокъ земли можно было бы пополнить при помощи аренды оброчныхъ статей, что до сихъ поръ и практиковалось; но въ настоящее время, вслѣдствіе конкуренціи крестьянъ, пользующихся болѣе выгодными условіями при снятіи съ торговъ земли, подобное дополненіе стало для евреевъ-земледѣльцевъ совершенно недоступнымъ. Для такихъ многолюдныхъ семействъ нѣтъ другого исхода, какъ искать другихъ занятій на сторонѣ и тѣмъ навлечь на себя упрекъ, что еврей-земледѣлецъ бродяжничаетъ и земледѣліемъ не занимается.

Въ такомъ неблагопріятномъ положеніи еврей-земледѣльцы находятся даже и въ урожайные годы. Но, къ сожалѣнію, въ Херсонскомъ уѣздѣ вообще и въ особенности въ еврейскихъ колоніяхъ Херсонскаго уѣзда урожай — рѣдкое явленіе. Это объясняется отчасти невыгодными условіями почвы, отведенной подъ еврейскія колоніи, во многихъ мѣстахъ каменистой и песчаной и страдающей при этомъ крайней безводностью. Начиная съ 1888 года, въ колоніяхъ Воборовѣ Кутѣ, Большой и Малой Сейдеменузахъ неурожай слѣдуетъ одинъ за другимъ. Такимъ образомъ, населеніе этихъ колоній постепенно истощалось и бѣднѣло, и хозяйство колонистовъ изъ году въ годъ приходило въ упадокъ.

Въ ряду наиболѣе пострадавшихъ колоній, какъ мы уже сказали,

первое мѣсто занимаютъ колоніи Большая и Малая Сейдеменуха и Бобровый Куть, которыя лежатъ въ 2-хъ-3-хъ-верстномъ разстояніи одна отъ другой. Эти колоніи носятъ названіе степныхъ, вслѣдствіе того, что лежатъ посреди степи, вдали отъ какого-либо торговаго пункта, города или большого села. Большая Сейдеменуха и Бобровый Куть принадлежатъ къ числу колоній стараго водворенія и основаны въ 1807 году, а Малая Сейдеменуха основана гораздо позднѣе, въ 1841 году. Всѣ три названныя колоніи расположены на берегу мелководнаго здѣсь Ингула, который въ лѣтнее время мѣстами совершенно высыхаетъ. Ингуль въ этомъ мѣстѣ, вслѣдствіе мелководья, даже рыбы не имѣетъ; на его берегахъ не растутъ даже и камышъ, который могъ бы послужить топливомъ въ неурожайные годы, между тѣмъ какъ въ колоніяхъ, лежащихъ вблизи Днѣпра, какъ это мы видимъ во Львовѣ и Ново-Бериславѣ, рыбная ловля и рѣзка камыша могутъ служить подспорьемъ въ случаѣ нужды. Отхожихъ промысловъ въ этихъ трехъ колоніяхъ также нѣтъ, и только нѣкоторые изъ колонистовъ въ зимнее время, свободное отъ полевыхъ работъ, отправляются въ качествѣ стельщиковъ въ сосѣднія деревни.

Земледѣльцы этихъ трехъ колоній живутъ исключительно хлѣбопашествомъ, и должно отдать имъ справедливость, что они—лучшіе земледѣльцы во всѣхъ колоніяхъ Херсонской губерніи. Этотъ и объясняется относительно низкій уровень ихъ благосостоянія, такъ какъ земля ихъ, истощенная въ теченіе 8 десятковъ лѣтъ, рѣдко и скудно вознаграждаетъ ихъ трудъ; это подтверждается слѣдующими цифрами: общее населеніе въ Большой Сейдеменухѣ равняется 1,609 душъ обоого пола, изъ нихъ 753 мужчины и 856 женщинъ. Изъ всего этого числа—рабочихъ, считая отъ 18 до 60-ти-лѣтняго возраста,—714 душъ обоого пола; изъ нихъ 378 мужчинъ, 336 женщинъ. Занимаются же земледѣліемъ 298 мужчинъ и 270 женщинъ, всего обоого пола 568. Ремеслами же и поденными работами занимаются 110 чел., что составляетъ относительно малый $\frac{0}{100}$. 36 чел. живутъ внѣ колоніи, не находя себѣ занятій вслѣдствіе малоземелья.

Это число составляетъ весьма незначительный $\frac{0}{100}$ населенія въ 1609 душъ обоого пола, постоянно жительствующихъ въ колоніи, и стереотипное обвиненіе евреевъ-земледѣльцевъ въ томъ, что они только номинально земледѣльцы и живутъ по городамъ—голословное. Всѣхъ ремесленниковъ въ Большой Сейдеменухѣ 59, изъ нихъ 35 мужчинъ и 24 женщины (изъ назначенныя 24 женщины принадлежатъ къ семействамъ ремесленниковъ и ремеслами не занимаются). Такое же благоприятное распределеніе насе-

лѣнія между земледѣльцами и ремесленниками мы встрѣчаемъ въ колоніи Вобрововъ Кутъ и Малой Сейдеменухъ.

Колонія Вобровый Кутъ:

Коллч. жи- телей.		Число раб. душъ.		Занятыхъ земледѣльцъ.		Ремесленн.		Поден. работ.		Кузнецы.	Плотник.		Портные.	Савомнн.		Канальники.		Отсутствующихъ.	
м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м	у	д	м	н	ж.	м.	ж.	м.	ж.
689	596	261	248	190	170	41	50	30	28	2	2	10	10	7	—	—	—	—	—
1285		509		360		91		58											

Колонія Малая Сейдеменуха:

259	301	120	124	105	110	10	7	2	4	2	1	3	2	2	3	3			
560		244		215		17		6								6			

Количество земли, принадлежащей колоніи Вольшой Сейдеменухъ, равняется 3300 десятинъ. Считая подъ усадьбу по 2 десятины, какъ полагается закономъ, на 164 усадьбы выйдетъ 328 десятинъ усадебной земли, вычтя которую изъ общаго количества земли, принадлежащей Вольшой Сейдеменухъ (3300 д.) получимъ 2972 десятины. Такимъ образомъ на каждую наличную душу придется 1³/₄ десятины—и хотя въ отчетахъ показано на каждую рабочую душу 4,7 десятины, разиѣръ душеваго надѣла сравнительно достаточный—но упускается изъ виду, что населеніе до 18 лѣтъ и послѣ 60 лѣтъ тоже должно питаться насчетъ этихъ 4,7 десятины.

Къ такимъ выводамъ мы приходимъ на основаніи приложенныхъ при семъ статистическихъ данныхъ.

	Всей земли.	Уса- дебной.	Число адамъ.	Пака- той.	Рабоч. душ. над.	На налич- ную душу.
Вобровый Кутъ.	3060	308	154	2752	5,4	2
М. Сейдеменуха.	930	112	56	876	4	1 ¹ / ₂

При обзорѣни этой таблицы фактъ, что отсутствіе бродяжничества въ колоніи зависитъ отъ большаго или меньшаго надѣла, становится для насъ очевиднымъ. Въ Вобрововъ Кутъ душевой рабочей надѣлъ равенъ 5,4 десятины, т. е. больше на ¹/₂ десятины, чѣмъ въ Вольшой Сейдеменухъ, на 1,4 десятины—чѣмъ въ колоніи Малой Сейдеменухъ. Такое болѣе благоприятное, сравнительно съ сейдеменухскими колоніями, владѣніе землею достаточно объясняетъ полное отсутствіе бродяжничества въ Вобрововъ Кутъ и большее число работниковъ и ремесленниковъ (въ Вобрововъ Кутъ при меньшемъ

населеніи въ 1285 душъ—работниковъ больше; тѣмъ въ Сейдеменухъ при на-
селеніи въ 1609 душъ, а ремесленниковъ на 6), т. е. излишекъ населенія
находить приложеніе своего труда на мѣстѣ, частью въ земледѣліи въ ка-
чествѣ батрака, частью въ качествѣ ремесленника.

Въ настоящее время эти три колоніи—Вобровый Кутъ, Большая и Ма-
лая Сейдеменуха—находятся въ крайне бѣдственной, безысходномъ поло-
женіи. Кровь цѣпенѣетъ въ жилахъ, когда смотришь на этихъ несчастныхъ
исхудалыхъ тружениковъ, которыхъ гнететъ настоящее и еще болѣе бу-
дущее. Три неурожайныхъ года краду не могли не уничтожить ихъ и безъ
того шаткое благосостоянія.

Въ прошломъ году земледѣльцы колоніи Воброваго Кута засѣяли озимого
хлѣба 251 четверть и собрали 502 четв.; это составляетъ самъ 2.
Яровой же хлѣбъ, засѣянный въ количествѣ 768³/₄ четвер., далъ сбору
711¹/₂ четв., т. е. не вернулъ даже вполне сѣмянъ. Картофель же, кото-
раго было посеяно 27¹/₂ четв., собранъ былъ въ количествѣ 11 четв., т. е.
получена была лишь ¹/₂ посѣва. Такимъ образомъ, отдѣляя 251 четв. на
будущій посѣвъ, у нихъ осталось на продовольствіе на цѣлый годъ 251
четв. на населеніе въ 1285 душъ обоего пола, или, превращая въ пуды
251 четв. озимого хлѣба, мы получимъ на каждую душу на годъ 1¹/₂ п. хлѣба,
а между тѣмъ нормальный размѣръ годового продовольствія—12—16 пу-
довъ. При этомъ должно знать, что прошлый 1890 г. болѣе благоприят-
ный, такъ какъ 1889 и 1891 годы не дали даже и тѣхъ результатовъ.
Въ Большой и Малой Сейдеменухъ урожай хлѣбовъ, озимого и ярового, въ
1890 г., правда, былъ относительно лучшій, но въ общемъ ниже средняго

Большая Сейдеменуха.

	Посѣяно.	Снито.	Самъ.
Озимого . . .	600	1400	2 ¹ / ₂
Ярового . . .	978 ³ / ₄	2685	3
Картофеля . . .	50	—	—

Малая Сейдеменуха.

Озимого . . .	150	380	2 ¹ / ₂
Ярового . . .	272 ¹ / ₂	630	2 ¹ / ₂
Картофеля . . .	10	—	—

Такимъ образомъ еще въ началѣ текущаго года земледѣльцы этихъ
трехъ колоній, не имѣя своего хлѣба, принуждены были его покупать. Въ

текущемъ году яровые хлѣба совершенно продали во всѣхъ трехъ колоніяхъ; многія нивы были оставлены некошенными, вслѣдствіе плохого роста хлѣбовъ, и такимъ образомъ населеніе осталось даже безъ соломы, т. е. безъ топлива и корма для скота; выпасы страдали полнымъ отсутствіемъ подножнаго корма, вслѣдствіе совершеннаго бездождія. Единственно что уродилось вдоволь въ колоніи Вобровомъ Кутѣ послѣ перепадавшихъ въ августѣ мѣсяцѣ 2—3 дождей—это бурьянъ, извѣстный подъ мѣстными названіемъ «Курая». Въ обыкновенные годы бурьянъ этотъ сожигался на поляхъ, для удобренія почвы и еще болѣе для очистки отъ сорныхъ травъ, чтобы не задушить посѣва. Но уже и въ то время населеніе этой колоніи, нуждаясь въ хлѣбѣ, продавало за 50 копѣекъ десятину бурьяна соседнимъ нужникамъ, и такимъ образомъ осталось безъ корма для скота и безъ топлива. Такая непредусмотрительность не можетъ имъ быть поставлена въ вину, потому что у нихъ не было лучшаго исхода. Теперь имъ приходится за возъ своего же бурьяна уплачивать 1 р. 20 к.—1 р. 50 к. который хватаетъ на 4—5 дней. Экономіи ради 3—4 семейства переселяются въ одинъ домъ, въ низкую, тѣсную хату, вслѣдствіе чего до нельзя ухудшаются гігіеническія условія и безъ того некрасной жизни. Да и что за топливо этотъ курай? Въ крещенскіе, сильные морозы или въ сухую погоду, когда и курай сухъ, онъ пожалуй замѣнитъ солому и камышь, но теперь въ осеннюю ненастную погоду онъ сырѣетъ и становится совершенно негоднымъ для употребленія. Зеленый курай, собранный молодымъ, служитъ единственнымъ кормомъ для скота, за отсутствіемъ соломы, о сѣнѣ же нечего и говорить. Бѣдная скотинка, изо дня въ день питается сухимъ кормомъ, который возбуждаетъ въ ней сильную жажду, постепенно тощаветъ и обезснливаетъ.

На-дняхъ я посѣтилъ эти колоніи, сопровождая отца моего, главнаго раввина еврейскихъ колоній Херсонской губерніи Ѡ. Г. Блюменфельда, который получалъ отъ господина Арнольда Уайта 1000 рублей для задачи на продовольствіе наиболѣе пострадавшихъ колоній и обязалъ пораженныхъ неурожаемъ мѣстности съ цѣлью личнаго ознакомленія со степенью нужды евреевъ-земледѣльцевъ и для составленія списковъ лицъ, нуждающихся въ безотлагательной помощи; но трудно рѣшить, кто изъ нихъ болѣе нуждается въ помощи. Намъ поразило видъ разрушенія, отпечатокъ котораго носили многія хаты: соломенные крыши ихъ были полусорваны, отчасти пошли на кормъ скоту и отчасти на топливо. Приступая къ составленію списковъ, мы ожидали ожесточенной борьбы изъ-за этихъ

скудныхъ крохъ, но были поражены добровольнымъ отреченіемъ отъ подачи со стороны очень многихъ нуждающихся въ пользу болѣе нуждающихся. Я долженъ отиѣтити еще одинъ отрядный примѣръ благороднаго поступка одного изъ сельчанъ Воброваго Кута. Это не деревенскій кулакъ, который, подобно грибамъ, вырастаетъ теперь по многимъ деревнямъ и руководствуется правиломъ своеобразной житейской мудрости, что «иногда неурожаемъ лучше корнить, чѣмъ урожаемъ», а это безкорыстный односельчанинъ, глубоко сострадающій горю своихъ сосѣдей: безъ процентовъ раздаетъ онъ нуждающимся въ заборъ тотъ небольшой запасъ хлѣба, который онъ сберегъ сверхъ своего продовольствія.—Согласно составленнымъ, нами спискамъ, число крайне нуждающихся въ продовольствіи въ этихъ трехъ колоніяхъ равно 768 душамъ обоего пола, для которыхъ была бы потребна сумма ежемѣсячнаго пособия въ 1152 р., держась разнѣра ежемѣсячнаго пособия въ 1 р. 50 к. на душу, выдаваемаго херсонскимъ уѣзднымъ Попечительствомъ при Обществѣ Краснаго Креста для вспоможенія пострадавшимъ отъ неурожая.

Этихъ писемъ я заканчиваю описаніе 1-й группы колоній, наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая, колоній образцовыхъ земледѣльцевъ, которые заслуживаютъ полнаго сочувствія и безотлагательной помощи.

Ис. Блюменфельдъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НОВЫЙ ТРУДЪ ПО ИСТОРИИ ЕвРЕЕВЪ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

(И. Каманинъ. *Переписи еврейскаго населенія въ юго-западномъ краѣ въ 1765—1791 гг. Архивъ юго-западной Россіи, часть пятая, томъ II, выпуски 1 и 2. Киевъ 1890*).

Сближеніе жизни съ наукой, освѣщеніе наиболее трудныхъ и подчасъ даже жгучихъ вопросовъ современной дѣйствительности свѣтломъ научнаго историческаго знанія—высокая и вѣсть трудная задача. Такое освѣщеніе должно внести бѣольшую сознательность въ человѣческія дѣйствія и отношенія, должно избавить отъ напростаго повторенія однихъ и техъ же ошибокъ, старинныхъ заблужденій, указать тотъ путь, по которому слѣдуетъ идти къ великой цѣли — благу человечества; но для того, чтобы оно могло выдѣлать такую задачу, его нужно производить крайне осмотрительно и осторожно. Предпринимая нѣслѣдованіе того или другаго фактора въ жизни народовъ, труженникъ науки долженъ тщательно завѣсвить его значеніе, принять во вниманіе его отношеніе ко всѣмъ другимъ процессамъ народной жизни, строго опредѣлить достовѣрность устанавливаемыхъ имъ фактовъ. Я не говорю уже,—онъ долженъ сохранить безпристрастіе, не поддаваться вліянію своихъ личныхъ симпатій и антипатій настолько, чтобы онѣ способны были затѣмнить передъ нимъ дѣйствительное значеніе изучаемаго вопроса: лучше оставаться въ полной тѣнѣ, чѣмъ идти за блуждающимъ огонькомъ, который можетъ равно вывести и на дорогу, и въ болото. Съ того времени, какъ исторія перестала изучать исключительно дипломатическія ноты и международныя войны, съ того момента, какъ ее перестало удовлетворять даже одно описаніе политическаго строя государствъ и, стремясь проникнуть глубже въ жизнь народовъ, она стала пытаться связать всѣ явленія этой жизни въ одинъ общій процессъ раз-

вѣтій и подробно анализировать даже такія стороны этого процесса, которыя раньше не вызывали къ себѣ никакого вниманія, какъ слишкомъ обыденныя, писать исторію стало гораздо труднѣе, но, надо думать, и гораздо плодотворнѣе. Исследователь историческихъ явленій долженъ обладать яснымъ взглядомъ на ихъ взаимныя отношенія, долженъ въ высшей степени осторожно исследовать факты, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, и если онъ выполнить эти требованія, то можетъ надѣяться, что его трудъ не только увеличитъ научныя богатства, но еще и поможетъ при случаѣ разрѣшить запутанныя затрудненія современной жизни. За то всякій трудъ, не удовлетворяющій этимъ условіямъ, является лишнимъ балластомъ, только загромождающимъ дорогу если не дѣйствительной наукѣ, которая легко избавится отъ него, то вопросамъ современности, такъ какъ лична учености въ глазахъ такъ называемой у насъ широкой публики весьма удачно часто скрывается полное отсутствіе серьезнаго, научнаго отношенія къ дѣлу.

Такія мысли невольно пришли намъ въ голову, когда мы стали перелистывать трудъ г. Каманина, заглавіе котораго выставлено въ началѣ настоящей записки, и на первой же страницѣ его наткнулись на нѣсколько фразъ, показывающихъ, какой вопросъ ставитъ себѣ авторъ и какой путь избираетъ для его рѣшенія. «Только цифровое измѣреніе фактовъ или явленій извѣстнаго порядка въ общественной жизни даетъ ясное представленіе, по словамъ г. Каманина, о состояніи самаго общества въ то или другое время; мы думаемъ также, продолжая отъ, что примененіе статистическихъ данныхъ въ связи съ указаніемъ на состояніе культуры, и къ рѣшенію вопроса объ экономическомъ вліяніи одной народности или сословія на бытъ остальнаго населенія въ государствѣ является, въ свою очередь, важнѣйшимъ условіемъ и ручательствомъ въ правильности рѣшенія этого вопроса». Первое изъ приведенныхъ положеній не можетъ возбуждать никакого спора, во второе кажется намъ не совсемъ яснымъ. Излишне повторять давно извѣстную истину, что статистическія, цифровыя данныя только представляютъ фактъ, но не объясняютъ его; объясненія нужно искать въ связи съ этими данными, пожалуй, даже исходя изъ нихъ, но во всякомъ случаѣ внѣ нихъ, и если авторъ, какъ на это повидному намекаетъ его фраза, хотѣлъ сказать противное, имено, что статистическія данныя имѣютъ главное значеніе при рѣшеніи вопроса, то онъ, конечно ошибается. Но не будемъ спорить объ этомъ теоретическомъ положеніи, которое, какъ мы скоро въ этомъ убѣдимся, не имѣетъ въ дал-

номъ случаѣ и особаго значенія, и перейдемъ къ дальнѣйшимъ предварительнымъ послышанъ г. Каманина. Онъ говоритъ далѣе: «это прилѣженіе (т. е. цифровыхъ данныхъ), кажется намъ, будетъ особенно полезнымъ и даже необходимымъ, когда рѣчь заходить о евреяхъ, надъ которыми тяготѣетъ многолѣтнее обвиненіе въ эксплуатаціи народной массы»... Указавъ на то, что такіа обвиненія раздавались противъ евреевъ въ различныхъ странахъ, что отъ нихъ не была свободна и старая Польша, г. Каманинъ повторяетъ: «единственнымъ источникомъ для провѣрки справедливости этихъ жалобъ можетъ служить, по нашему мнѣнію, изученіе статистическихъ данныхъ и сопоставленіе ихъ съ данными о состояніи культуры въ государствѣ въ избранный періодъ времени».

Вотъ, стало быть, тотъ вопросъ, изслѣдованію котораго посвященъ трудъ, о какомъ мы собирались говорить, вопросъ о качествѣ и размахѣ вліянія евреевъ, жившихъ въ Польшѣ и, въ частности, въ предѣлахъ юго-западнаго края, на остальное населеніе странъ, причемъ авторъ желаетъ опредѣлить это вліяніе данными статистики и данными о состояніи культуры. Вопросъ этотъ, бесспорно, имѣетъ весьма значительный интересъ и притомъ не въ одномъ только чисто научномъ смыслѣ. Области старой Польши, населенныя евреями, вошли между прочимъ и въ составъ Россійской имперіи; этия путемъ впервые появились въ послѣдней въ значительной массѣ еврейскій народъ и возникъ т. н. еврейскій вопросъ. Для насъ чрезвычайно важно, конечно, знать, каково было положеніе этой народности въ моментъ ея присоединенія къ Россіи и какъ оно создавалось, и важно притомъ не только ради удовлетворенія любознательности, но и для того еще, чтобы сумѣть правильно оцѣнить и понять факты современности, частью вытекшіе изъ историческаго прошлаго, частью же ему аналогичные. Только такое пониманіе современности въ связи съ прошлымъ, съ условіями развитія, и можетъ дать намъ возможность сознательныхъ дѣйствій въ настоящемъ. Намъ слѣдуетъ опредѣлить теперь, что же внесъ г. Каманинъ для такого пониманія поднятаго имъ вопроса, какъ онъ отнесся къ своей задачѣ и, сообразно этому, къ какому изъ тѣхъ двухъ разрядовъ работъ, о какихъ мы говорили выше, слѣдуетъ отнести этотъ трудъ.

Но прежде всего нѣсколько словъ о самомъ основаніи этого труда. Какъ показываетъ уже самое заглавіе книги, такимъ основаніемъ являются статистическія данныя, переписи еврейскаго населенія, производившіяся польскимъ правительствомъ въ теченіе времени съ 1765 по 1791 годъ въ

нынѣшнемъ юго-западномъ краѣ, тогдашнихъ воеводствахъ—киевскомъ, волынскомъ, подольскомъ и брацлавскомъ. Составлялись эти переписи правительственными чиновниками, люстраторами, ради сбора взимаемой съ евреевъ въ Польшѣ поголовной подати (pogłównie), и заносились въ городскія книги, откуда и извлекалъ ихъ издатель. При этомъ онъ перепечаталъ ихъ сплошь цѣликомъ, что на нашъ взглядъ является не только бесполезной роскошью, но и серьезнымъ неудобствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ данныя этого источника сводятся къ перечисленію еврейскихъ «головъ», подлежащихъ податному обложенію, иногда указанію ихъ занятій и, еще рѣже, немногихъ другимъ даннымъ экономического характера. Такія простые свѣдѣнія нетрудно было бы свести въ удобныя для пользованія таблицы, которыя наглядно и ясно представили бы всѣ цифровыя колебанія и въ то же время заняли бы не особенно много мѣста. Между тѣмъ при томъ способѣ буквальной перепечатки актовъ, какой избралъ г. Каманинъ, самыя переписи заняли 729 страницъ печатнаго текста, да географическій указатель къ нимъ 285 страницъ, и если не предположить, что авторъ хотѣлъ сохранить для потомства всѣ имена евреевъ, жившихъ подъ польскимъ владычествомъ въ юго-западномъ краѣ, то является рѣшительно непонятнымъ, зачѣмъ избранъ этотъ примитивный способъ передачи статистическихъ цифръ, который къ тому же долженъ былъ весьма значительно увеличить и стоимость изданія. Уже это одно обстоятельство способно возбудить нѣкоторое сомнѣніе въ знакомствѣ автора съ приемами статистическаго изслѣдованія, хотя оно и относится собственно не къ пользованію матеріаломъ, а къ изданію его. Что касается перваго, то ему посвящено обширное предисловіе издателя, занимающее 284 страницы. Къ нему-то мы теперь и перейдемъ.

Первый вопросъ, возникающій при пользованіи какимъ бы то ни было матеріаломъ, есть, конечно, степень достовѣрности послѣдняго. Прежде чѣмъ оперировать надъ какимъ нибудь матеріаломъ и дѣлать на основаніи его выводы, нужно установить вѣрность самого основанія, иначе же всѣ выводы теряютъ свое значеніе. И если гдѣ либо это правило требуетъ особенно строгаго примѣненія, то это, конечно, въ вопросахъ статистики прошлыхъ вѣковъ, являющейся всегда такою гадательной и неточной, оставляющей такъ много мѣста догадкамъ и произволу. Къ сожалѣнію, г. Каманинъ не позаботился дать удовлетворительнаго отвѣта именно на этотъ вопросъ, не обосновавъ въ достаточной степени достовѣрность своихъ матеріаловъ. Такая достовѣрность опубликованныхъ имъ переписей предста-

вылется ему стоящей вѣ сомнѣнія, главнѣйшій образъ, на основаніи трехъ причинъ: сосредоточенія дѣла перенесен въ рукахъ правительственныхъ чиновниковъ подъ главнѣйшій надзоръ скарбовой комисіи, права христіанскаго населенія обнаруживать укрывающихся отъ перенесен евреевъ, проявлявшася, однако, лишь съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, и, наконецъ, того обстоятельства, что цифры перенесен «подтверждаются историко-географическими и политико-экономическими данными» (стр. 10 пред.). Изъ послѣднихъ имъ еще будетъ имѣть случай вернуться, а пока достаточно отиѣтитъ, что такіа данныя доказательствомъ вѣрности статистическихъ цифръ служить никакъ не могутъ уже по одной той причинѣ, что процессы политической и социальна-экономической жизни страны остаются до сихъ поръ далеко невыясненными во всѣхъ своихъ деталяхъ, а только такое выясненіе дало бы возможность опираться на данныя этого рода для установленія цифръ статистики, и то въ самомъ общемъ видѣ. По всей вѣроятности, г. Каманнъ не придастъ бы особенно серьезнаго значенія и первымъ двумъ своимъ доказательствамъ, если бы далъ собѣ трудъ предварительно ознакомиться съ литературой и иными источниками трактуемаго имъ вопроса. Дѣло въ томъ, что перенесен евреевъ, о которыхъ идетъ рѣчь, были вызваны, какъ уже сказано, исключительно финансовыми потребностями государства, но именно финансовое хозяйство и пребывало въ Польшѣ того времени въ самомъ хаотическомъ и беспорядочномъ состояніи. Подати собирались съ чрезвычайнымъ трудомъ, всакій, кто только могъ, уклонялся отъ нихъ, и даже въ моменты наибольшаго напряженія страны многіе шляхтичи рѣшались дать ложную присягу, чтобы только уменьшить взимаемый съ нихъ налогъ, и тѣмъ вызвали у своихъ публицистовъ отчаянные вопли, «что вѣсто податей несчастной отчизнѣ досталось клятвенное преступленіе» (*Dzieła Stanisława Staszycy, 1816, t. I, s. 179*). Если такъ поступали люди, бывшіе единственными полноправными гражданами Рѣчи-Посполитој, то уже а priori можно сказать, что наврядъ ли можно было отыскать болѣе гражданскихъ добродѣтелей у евреевъ, для которыхъ Польша 18-го вѣка была если и не мачихой, то во всякомъ случаѣ и не очень любезной матерью. И дѣйствительно, помяки 18-го столѣтія, указывая на фактъ постоянного укрывательства евреевъ отъ перенесен, не придавали никакого значенія цифрамъ еврейскаго населенія, какъ онѣ заносились въ люстраціи. На сейнѣ 1784 года познанскій воевода Сулковскій открыто объявилъ, что цифры еврейскихъ люстрацій невѣрны, что происходитъ, благодаря «лукавству этого народа (ев-

реень) и неаккуратности, чтобъ не сказать болѣе, иллюстраторовъ». Въ то самое время, какъ по официальнымъ даннымъ иллюстрацій число евреевъ въ Польшѣ достигало до 220,000, частіями лица сообщаютъ совершенно нныя цифры. Авторъ вышедшей въ 1785 г. брошюры «Les ragades» считаетъ до 1.000,000 евреевъ въ Польшѣ; писскій посоль Вутримичъ, специально занимавшійся еврейскимъ вопросомъ и изслѣдовавшій положеніе евреевъ и способы его улучшенія, даетъ ту же цифру, канцеляръ луковскій и также сеймовой посоль Взерскій, равнымъ образомъ одинъ изъ тогдашнихъ специалистовъ по еврейскому вопросу, увеличиваетъ эту цифру даже до 3.000,000, а Чацкій считаетъ возможнымъ повысить ее до 900,000 человекъ (ср. Korzon, Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta, t. I, s. 164 и слѣд.). Эти и другія разногласія, собранныя въ указанномъ трудѣ почтеннаго польскаго историка Корзона, заставляютъ сильно сомнѣваться въ возможности безусловнаго довѣрія къ цифрамъ иллюстрацій. Тотъ же Корзонъ, предпринявшій строгое изслѣдованіе данныхъ о населеніи Польши въ моментъ, предшествовавшій ея раздѣланъ, тщательно собравшій все, что могло бы служить къ уясненію этого вопроса, высказываетъ, однако, такое общее мнѣніе объ немъ: «надъ числомъ населенія Рѣчи-Посполитой до ея раздѣловъ повисъ таинственный покровъ, котораго никто уже не въ состояніи будетъ снять; можно только нѣсколько приподнимать его и въ полуракахъ создавать болѣе или менѣе правдоподобныя картины». Это общее положеніе онъ распространяетъ и на собственно еврейское населеніе, замѣчая объ извѣстныхъ таблицахъ Мошинскаго, основанныхъ на официальныхъ данныхъ: «не подожить ни малѣйшему сомнѣнію, что это число (данное у Мошинскаго) неполно» (Корзон, t. I, s. 163—4, 164). Такимъ образомъ, современники опубликованныхъ ннѣ переписей не вѣрили имъ и не придавали значенія ихъ даннымъ, сообщая въ то же время сами свѣдѣнія чересчуръ разнообразныя, чтобы можно было сразу опредѣлить ихъ достовѣрность, ннѣшній историкъ, наиболѣе поработавшій надъ опредѣленіемъ внутренняго состоянія Польши за время Станислава Августа, также отказывается придавать вѣру какъ иллюстраціямъ, такъ и основаннымъ на нихъ таблицамъ Мошинскаго, а г. Каманинъ вполне довѣряетъ и тѣмъ, и другимъ, не потрудившись, однако, устранить возникающихъ при этомъ сомнѣній, довѣряетъ только потому, что онѣ составлены официальнымъ путемъ и въ нихъ могло принимать участіе и остальное населеніе, въ свою очередь укрывавшееся отъ податей. Но официальное происхожденіе переписей само по себѣ далеко не можетъ еще ру-

чаться за нѣгъ достовѣрность, и послѣдняя, намъ кажется, въ конецъ под-
рывается намеками современниковъ на отсутствіе строгой чистоты среди
самыхъ люстраторовъ. Иногда эти намеки переходили уже въ весьма прямые
и недвусмысленныя заявленія: такъ, на четырехлѣтнемъ сеймѣ, именно въ
1790 году, во время преній по поводу проекта общей переписи, сеймовой
маршалъ рѣшился сказать, что, по общему мнѣнію, «государство обман-
ваютъ» (*Dziennik Szynności Sejmu Głównego Warsz., sesyja 247*).
Въ виду всѣхъ приведенныхъ данныхъ, намъ кажется, можно считать без-
спорнымъ фактомъ, что современники, имѣвшіе всю возможность ближе
знать дѣло, не считали переписи евреевъ дѣйствительнымъ и серьезнымъ
источникомъ для опредѣленія численности этого народа въ Польшѣ. Если
признать это—а не признать врядъ-ли возможно,—то является новый во-
просъ: должны-ли мы теперь вѣрять цифрамъ этихъ люстрацій и имѣть-ли
скорѣе основаній отвергнуть ихъ, какъ вполне негодныя? Попробуемъ дать
опредѣленный отвѣтъ на такой вопросъ. Возможность къ этому даютъ
намъ сами люстраціи: съ переписи 1784 года именно въ нихъ имѣются
цифры евреевъ, укрывавшихся отъ предыдущихъ люстрацій, но открытыхъ
при помощи указаній христіанскаго населенія, и любопытны разныя этихъ
цифръ. Въ 1784 г. они опредѣляются такъ: «въ Летичевскомъ повѣтѣ
укрывающіеся евреи составляютъ 11,07% общаго числа ихъ въ повѣтѣ,
въ Луцкомъ—6,52% и во Владимірскомъ—5,4%» (стр. 143 предисл.);
въ 1787 г.: въ Луцкомъ повѣтѣ 31,08%, Летичевскомъ—19,31%, Ка-
мневскомъ—16,02%, Владимірскомъ—8,38% и Брацлавскомъ—4,77%
(стр. 182 пред.). Г. Каманинъ видитъ въ этихъ цифрахъ только лишнее
доказательство достовѣрности переписей, въ которыхъ онѣ заключаются.
Предположимъ на минуту, что это дѣйствительно такъ; но тогда во вся-
комъ случаѣ уже всѣ люстраціи до 1784 года имъ рѣшительно должны
считать неточными и мы лишены даже возможности опредѣлить, хотя бы при-
близительно, степень этой неточности, зная лишь, что она снѣло можетъ
• доходить до уменьшенія на треть общей суммы, а можетъ быть еще и
больше; такихъ же отдѣльныхъ люстрацій (за 1765, 1773, 1775, 1776,
1777 и 1778 гг.) у г. Каманина помѣщено 23 изъ общаго числа ихъ—
сорока девяти. Всѣ цифры этихъ люстрацій, стало быть, отпадаютъ, такъ
какъ мы имѣемъ официальное же свидѣтельство, подтверждающее вполне
частныя свѣдѣнія объ ихъ негодности, но этихъ дѣло еще не оканчивается.
Заявленія о неточности люстрацій, какъ мы видѣли, не останавливаются
на 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, но идутъ еще дальше и даже ста-

новятся особенно настойчивыми и рѣвкими ко времени четырехлѣтняго сейма. Какое же основаніе имѣемъ мы отвергать здѣсь эти заявленія, когда раньше они оказались совершенно справедливыми. Право участія въ составленіи переписей христіанскаго населенія, т. е. по преимуществу шляхтичей, имѣвшихъ ностогинныя дѣла съ евреями и не хуже ихъ уклонявшихся отъ податей? Такое основаніе слишкомъ уже слабо.

Остановимся здѣсь на минуту и соберемъ все, нами сказанное. Мы имѣемъ рядъ современныхъ переписей свидѣтельствъ объ ихъ неточности, шедшихъ со всѣхъ сторонъ: отъ польской администраціи, отъ частныхъ лицъ, специально занимавшихся еврейскимъ вопросомъ, отъ сеймовыхъ посланцевъ, наконецъ отъ главнаго представителя сейма—его маршала; всѣ они единогласно утверждали, что люстраторы небрежно или надобросовѣстно ведутъ свое дѣло и потому ихъ показанія нельзя довѣрять. Мы знаемъ имѣть съ тѣмъ, что и все финансовое хозяйство страны находилось тогда въ величайшемъ разстройствѣ и отъ уплаты податей успѣшно уклонялись и многие шляхтичи, несомнѣнно съ большою сознательностью, чѣмъ евреи, относившіеся къ своимъ государственнымъ обязанностямъ и болѣе замечательные въ ихъ исправномъ выполненіи. Въ имѣніи о неточности еврейскихъ переписей присоединяется дальѣ и наиболѣе авторитетный въ вопросахъ о бытѣ Польши за данный періодъ изъ имѣвшихся польскихъ историковъ. Наконецъ, это же имѣніе какъ нельзя болѣе подтверждается и данными самихъ люстрацій по крайней мѣрѣ относительно значительной ихъ части (по годамъ—половина), что способно только укрѣпить правильность такого же положенія и по отношенію къ остальнымъ. Въ виду всего этого мы, кажется, имѣемъ право не согласиться съ г. Каманинымъ, будто опубликованныя имъ переписи «вполнѣ заслуживаютъ довѣрія» (стр. 148 пред.), и напротивъ того утверждать, что онѣ никакого довѣрія не заслуживаютъ и представляютъ изъ себя мало годную груду невѣрныхъ цифръ, причѣмъ самъ ихъ издатель не замѣтилъ этого лишь по случайному своему незнакомству съ литературой и источниками вопроса, которому онъ посвятилъ свое изслѣдованіе. Мы, повторяемъ, считаемъ себя въ правѣ оставаться при такомъ имѣніи, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока самъ г. Каманинъ или кто иной не докажутъ неосновательности нашихъ выводовъ.

Такъ какъ всѣ безъ исключенія выводы г. Каманина исходятъ, затѣмъ, именно изъ этихъ цифръ, которыя мы признаемъ невѣрными, то мы бы могли на этомъ и покончить свой отчетъ о его работѣ, такъ какъ ясно,

что разь неправильна исходная точка, то неправильны будутъ и всё дальнѣйшіе выводы. Но особая обстоятельства, о которыхъ мы еще упомянемъ ниже, побуждаютъ насъ продолжать свой разборъ и рассмотреть весь ученый аппаратъ, сопровождающій трудъ кіевскаго изслѣдователя. Чтобы имѣть возможность вполне безпристрастно оцѣнить этотъ аппаратъ по его достоинству, мы и не возвратимся болѣе къ вопросу о недостоверности статистическаго матеріала, надъ которымъ оперируетъ г. Каманинъ, а будемъ разсуждать такъ, какъ будто передъ нами лежитъ трудъ, основанный на вполне достоверныхъ и заслуживающихъ уваженія источникахъ.

Припомнимъ, что авторъ желалъ, руководясь статистическими данными и сопоставляя ихъ съ «данными о состояніи культуры», опредѣлить качество и размѣры вліянія евреевъ на остальное населеніе страны. Первой его задачей явилась поэтому сводка данныхъ относительно размѣненія евреевъ, и колебаній въ этомъ размѣненіи за взятое имъ время, и сообразно этому намъ предстоитъ оцѣнить, насколько умѣло выполнена имъ эта часть его работы. Нужно сознаться, что съ внѣшней стороны авторъ крайне добросовѣстно выполнилъ свою задачу. Не довольствуясь буквальной перепечаткой переписей, онъ и въ предисловіи къ нимъ повторяетъ всё самыя мельчайшія ихъ данныя относительно размѣненія евреевъ, сообщаетъ среднія цифры ихъ на городъ и село не только въ повѣтѣ, но и въ кагалномъ округѣ, отмѣчаетъ ихъ процентное отношеніе въ сотыхъ доляхъ, вычисляетъ также въ процентахъ увеличеніе или уменьшеніе числа евреевъ при каждой новой переписи опять-таки на всякій округъ и т. д. Насколько, однако, эта добросовѣстность и точность заходитъ далѣе чисто внѣшней стороны, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Для 1784 года перепись кременецкаго повѣта отсутствуетъ, но, по словамъ г. Каманина, въ 1765 г. цифры этого повѣта «занимаютъ средину между цифрами лудскаго и владимірскаго повѣтовъ; поэтому, продолжаетъ онъ, если убыль въ лудкомъ повѣтѣ составляетъ 44,78%, а во владимірскомъ—47,72%, то въ кременецкомъ она *должна была* составлять приблизительно 45%, т. е. изъ общаго числа евреевъ въ этомъ повѣтѣ (20,998) *должно было* убыть 9,447 душъ; слѣдовательно, въ 1784 г. евреевъ въ кременецкомъ повѣтѣ *было* приблизительно 11,546 душъ; такимъ образомъ, во всемъ волынскомъ воеводствѣ въ періодъ разсматриваемой переписи евреевъ *должно было быть* около 28,305 душъ, т. е. 3,200 больше, чѣмъ въ кіевскомъ воеводствѣ» (стр. 120—121 пред.). Этотъ примитивный до наивности, чтобы не сиа-

затѣ больше, приѣхъ, позволяющій соединять съ точнѣйшими вычисленіями рѣшительно ничѣмъ не обоснованная гипотезы, авторъ употребляетъ довольно часто (ср., напр., стр. 158, 166, 179 предисл.), нѣсколько напоминавая въ этомъ отношеніи не то пресловутаго Кифу Мокіевича, не то щедринскаго Іудушку, всѣ свои метанія переводившаго, какъ извѣстно, въ самыя точныя цифры. Къ сожалѣнію только, врядъ-ли такая точность особенно увеличиваетъ цѣнность выводовъ г. Каманна; намъ, по крайней мѣрѣ, дѣло представляется совершенно наоборотъ. Но автору знакомъ и еще болѣе оригинальные статистическіе приѣмы, такъ что мы не можемъ удержаться отъ искушенія познакомиться съ ними и читателей и потому позволимъ себѣ привести еще одну выдержку съ этой цѣлью. Собираясь опредѣлять измѣненія въ населенности страны евреями, г. Каманнъ предпосылаетъ этому такія общія замѣчанія: «При разсмотрѣніи цифръ увеличенія и уменьшенія еврейскаго населенія намъ необходимо оговориться, что, при нормальномъ положеніи населенія, въ немъ всегда долженъ совершаться естественный приростъ; въ нашей статистикѣ евреевъ, вслѣдствіе отсутствія цифръ рождаемости и смертности и невозможности поэтому опредѣлить естественный приростъ для каждаго года отдѣльно, мы возьмемъ общую цифру годового прироста въ средней величинѣ, одинъ процентъ для городовъ и соотвѣтственно этому 0,05 души (sic) для селъ при указанной выше средней степени населенности одного села въ 5 душъ; но такъ какъ отъ ревизіи 1764—65 года протекло 10 лѣтъ до второй ревизіи 1775 года, слѣдовательно, и естественный приростъ населенія въ городахъ будетъ составлять 10⁰%, а въ селахъ по 0,5⁰%, души (sic) на каждое изъ нихъ» (стр. 68 пред.). Признаемся откровенно, мы рѣшительно не понимаемъ, почему это годовой приростъ населенія въ городахъ долженъ равняться именно одному проценту, тогда какъ нѣтъ—да и самъ авторъ въ этомъ сознается—никакихъ данныхъ для такого вывода, равно какъ не понимаемъ и того, что это за сотны и десятны части душъ явились въ селахъ. Но надо думать, что то и другое составляетъ тайну г. Каманна, и мы не рѣшимся сдвигать скрывающій ее покровъ. Здѣсь кстати будетъ, однако, сдѣлать другое замѣчаніе относительно характера источниковъ, какими пользовался авторъ. Эти источники, т. е. переписи евреевъ, не имѣютъ въ основаніи своемъ одной общей системы, по которой бы они составлялись; напротивъ того, почти каждая перепись отличается по своему плану отъ предыдущей и послѣдующей. Ни въ одной изъ нихъ не имѣется точныхъ свѣдѣній относительно возрастнаго состава занесен-

ныхъ въ нихъ лицъ; въ иныхъ дѣти показаны особо, причѣмъ сообщены свѣдѣнія и о полѣ ихъ, въ другихъ они, невидному, входятъ въ одну группу съ взрослыми; однѣ иллюстраціи содержатъ въ себѣ только общее число евреевъ въ городскихъ и сельскихъ поселеніяхъ, другія поминеновыми каждымъ отдѣльно; въ этомъ послѣднемъ случаѣ иногда имѣются и свѣдѣнія о занятіяхъ еврейскаго населенія, иногда же они отсутствуютъ. Для всякаго, знакомаго съ первоначальными, самыми основными условіями статистики, очевидно, что, при такомъ разнообразіи плана источниковъ какой бы то ни было сводкѣ представляемыхъ ими данныхъ, должна предшествовать долгая предварительная работа, цѣлью которой было бы возможно сблизить между собою разнородный матеріалъ, но даже и въ томъ случаѣ, если бы это удалось, не могло бы быть и рѣчи о полной точности выводовъ. Всякій изъ послѣднихъ необходимо былъ бы лишь вѣроятенъ, имѣлъ бы лишь приблизительное значеніе. Но никакой подобной работы, никакого даже признанія ея необходимости мы не находимъ у г. Каманна. Заимѣвъ ее произвольно установленными положеніями, образчикъ которыхъ мы только что привели, онъ безобязанно сблизаетъ затѣмъ самыя разнородныя цифры, не отступая и передъ созданіемъ новыхъ, и съ точностью до одной сотой производить арифметическіе расчеты. Такая простота въ статистическихъ приемахъ автора въ связи съ запутаннымъ положеніемъ источниковъ, не такъ легко поддающихся обработкѣ и сравненію, думается намъ, уполномочиваетъ насъ сказать, что вся статистическая часть изслѣдованія г. Каманна имѣла бы весьма небольшую цѣну даже въ томъ случаѣ—возможности какого мы не предполагаемъ,—если бы цифры, на которыхъ она основана, заслуживали сами по себѣ какого либо довѣрія.

Такимъ образомъ мы считаемъ возможнымъ установить пока два главныхъ вывода, касающихся основанія всего разбираемаго труда: во первыхъ, авторъ его отнесся къ своему источнику съ довѣріемъ, какого тотъ не заслуживалъ, и не замѣтилъ его полной недостоверности; во вторыхъ, обращаясь съ данными этого источника, онъ пользовался здѣсь приемами, не имѣющими ничего общаго съ дѣйствительной наукой статистики, и потому не могъ надлежащимъ образомъ эксплуатировать ихъ, даже если бы онѣ обладали нѣкоторой достоверностью. Теперь мы переходимъ ко второй части работы г. Каманна, рисующей экономическое положеніе евреевъ юго-западнаго края и ихъ вліяніе на остальное населеніе и составляющей собственно центръ тяжести всего труда, и здѣсь наше положеніе

становится труднѣе, не потому, впрочемъ, что выводы автора дѣлаются серьезнѣе (это скорѣе облегчило бы задачу критика), а потому, что они приобретаютъ здѣсь уже совсѣмъ иной характеръ. Мы сейчас увидимъ ихъ особенности, а пока напомнимъ общій путь рассужденій г. Каманна. Казалось бы, выборъ этого пути не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Желая выяснить экономическое вліаніе еврейской народности на окружавшее ее населеніе и тѣ причины, которыя управляли тѣмъ или инымъ размещеніемъ ея по странѣ, надо было дать картину экономическаго положенія прежде всего этой самой народности въ связи съ условіями ея общаго положенія въ государствѣ. Матеріалъ для такой картины частью уже собранъ въ печатныхъ сочиненіяхъ гг. Вернадскаго, немного у Nusbaum'a, но болѣе всего въ упомянутой уже работѣ Kogzona и книгѣ Wl. Smoleńskiego: Stan i sprawa żydów polskich w XVIII wieku. Warsz. 1876, отчасти въ громадномъ количествѣ долженъ находиться въ архивахъ, и прежде всего, конечно, въ томъ самомъ Киевскомъ Центральномъ архивѣ, изъ котораго извлекъ г. Каманнъ иллюстраціи евреевъ. Такая картина, если бы и не объяснила намъ небывшихъ цифръ еврейскаго населенія, то имѣла бы самостоятельное значеніе и помогла бы уяснить себѣ роль евреевъ въ общей экономической жизни Польши. Подобной картины не имѣется, однако, у г. Каманна: онъ не далъ очерка экономическаго положенія евреевъ въ данный періодъ, будь то на основаніи печатныхъ трудовъ или новыхъ архивныхъ матеріаловъ, равно какъ не далъ и очерка ихъ политическаго положенія въ государствѣ, если не считать такихъ нѣсколько страницъ, наполненныхъ весьма серьезными ошибками ¹, но из-

¹ Чтобы не распространяться слишкомъ долго, укажемъ одну изъ нихъ, наиболее видную, такъ какъ она имѣетъ прямое отношеніе къ текстъ и источникамъ автора, касаясь еврейскаго „поголовнаго“. Г. Каманнъ думаетъ именно, что евреи платили съ 1661 года по 1717 г. этотъ налогъ въ количествѣ 105,000 злотыхъ, и что въ этомъ послѣднемъ году онъ былъ увеличенъ на 5,000 злотыхъ (стр. 6 пред.). Слѣдуетъ замѣтить его, что это заблужденіе, неизвѣстно на чемъ основанное. Уже въ конституціи 1708 года поголовное съ коронныхъ (а не польскихъ и литовскихъ) евреевъ было установлено въ разкѣрѣ 105,000 „pie szęcenti, ale Pruską dobrą monetą“. (Volumina legum, изд. 1860 г. Петербургъ, т. VI. s. 54). Если бы у г. Каманна оставались еще сомнѣнія насчетъ того, что представляетъ изъ себя эта прусская добрая монета, то ихъ могла бы окончательно разсвѣтать та самая конституція 1717 г., на которую онъ ссылается и которая устанавливаетъ, чтобы коронные евреи платили „iewskie pićć tysięcy złotych dobrej Pruskiej monety do dawniejszychъ sta y pięćiu tysięcy, aby imъ

бралъ совершенно иной путь для освѣщенія своихъ статистическихъ данныхъ. Не давая себѣ труда выяснить дѣйствительное экономическое положеніе ни самихъ евреевъ, ни окружавшаго ихъ населенія, онъ установилъ а priori, безъ всякихъ предварительныхъ изслѣдованій, тѣ основныя причины, какиѣ должно было, по его мнѣнію, подчиняться расселеніе евреевъ въ краѣ. Евреи, по его словамъ, «всегда считали себя племенемъ пришлымъ, чуждымъ мѣстному населенію и его интересамъ, и избѣгали поэтому всѣми силами прикрѣпленія къ мѣсту и слиянія съ туземцами, а вслѣдствіе того должны были въ своемъ расселеніи подчиняться не физическимъ условіямъ страны, отъ которыхъ по большей части зависитъ всегда густота или рѣдкость коренного населенія, но, занимаясь исключительно арендой мѣтній, пропаваніемъ и торговлей, должны были становиться въ зависимость отъ степени населенности той или другой мѣстности и ея экономическаго состоянія; такимъ образомъ, густота или рѣдкость еврейскаго населенія, иначе сказать, должна была состоять въ прямомъ отношеніи къ количеству мѣстныхъ обитателей, къ тяжести крестьянскихъ повинностей и къ состоянію промышленности и торговли юго-западной Россіи (стр. 12 предисл.). Вотъ тѣ главныя «данныя о состояніи культуры», съ которыми авторъ собрался сопоставить статистическія цифры, иначе—тѣ «историко-географическія и политико-экономическія данныя», которыми якобы подтверждаются эти цифры. Мы уже ознакомились съ цѣнностью послѣднихъ, а сейчасъ приступимъ къ разбору этихъ новыхъ данныхъ, но прежде отиѣтимъ, что авторъ ими все же не довольствуется. Цифры, хотя и невѣрныя, хотя порою и прямо измышленныя, все же не укладываются въ напередъ данныя рамки, не объясняются всецѣло ими, и автору приходится прибѣгать къ новымъ объясненіямъ. Въ качествѣ таковыхъ является на сцену «вторая сила»,—«политическія событія въ краѣ», а затѣмъ и цѣлый рядъ иныхъ факторовъ. Чтобы дать понятіе о той ответственности и натуности, съ какою они подбираются авторомъ, достаточно привести два-три приѣбра. Всѣ событія, какъ бы нелики или какъ бы далеки отъ интересовъ евреевъ они не были, привлекаются сюда. Такъ, на стр. 182 авторъ рассказываетъ о свиданіи Екатерины II, Юсіфа II и Станислава Августа въ Каневѣ и замѣчаетъ по поводу этого свиданія:

ma in currentem monetam wynosiła złotych dwakroć dwadzieścia tysięcy“ (ibid. s. 142). Стало быть, съ 1703 по 1717 годъ коронныя евреи платили 210,000 złotych поголовнаго, съ 1717 года—220,000, но не 110,000 złotych.

«Само собою разувѣется, что этотъ фактъ могъ не имѣть на расселеніе евреевъ никакого вліянія». Такъ, въ другомъ мѣстѣ авторъ сожалеетъ, что «для сравненія роста и распредѣленія евреевъ съ усиленіемъ религіознаго гнета (уніатовъ и католиковъ надъ православными) у насъ недостаточно данныхъ» (стр. 47), а немного спустя говорить: «связь прямую между усиленіемъ религіознаго гнета и наплывомъ въ этой же мѣстности евреевъ нельзя, намъ кажется, допускать» (стр. 100). Но если, съ одной стороны, авторъ неизвестно зачѣмъ рассказываетъ событія, которыя, по его же собственнымъ словамъ, на расселеніе евреевъ не вліяли и, слѣдовательно, никакого отношенія къ его темѣ не имѣютъ, то, съ другой, онъ готовъ приписывать вліяніе на это расселеніе событіямъ, еще не совершившимся. Такъ, на стр. 207—8 мы читаемъ: «надежды (польскаго) правительства на благотѣльность мѣропріятій относительно городовъ и королевскихъ мѣстнѣй возбуждаютъ, надо думать, и надежды евреевъ на усиленіе тяжести крестьянскихъ повинностей, на возвышеніе благосостоянія городовъ и способствуютъ увеличенію количества евреевъ то въ городахъ, то въ селахъ».

Но всѣ эти и имъ подобныя натянутыя объясненія приводятся г. Каманинымъ только для того въ сущности, чтобы сохранить въ цѣлости свои три главные тезиса относительно причинъ расселенія евреевъ и оправдать тѣ уклоненія отъ нихъ, какія встрѣчаются въ цифрахъ. Зная уже, что эти послѣднія не имѣютъ никакого значенія какъ сами по себѣ, по своей недостоверности, такъ и по той неправильной сводкѣ, какая изъ нихъ сдѣлана, мы не нуждаемся въ доказательствахъ ложности этихъ тезисовъ путемъ устраненія всѣхъ этихъ мелкихъ побочныхъ объясненій. Если бы и въ самомъ дѣлѣ цифры г. Каманина вполне совпадали съ его главными тезисами, то это еще ровно ничего не доказывало бы или же доказывало бы невѣрность объясненій, основанныхъ на невѣрныхъ цифрахъ. Поэтому, если мы все-таки собираемся говорить объ этихъ тезисахъ, то потому, что насъ интересуетъ въ данномъ случаѣ другая сторона книги г. Каманина. До сихъ поръ намъ приходилось говорить о томъ, чего недостаетъ въ его трудѣ; теперь мы ставимъ иной вопросъ, — насколько соответствуютъ его выводы даннымъ, имѣвшимся у него же въ рукахъ, отчасти имъ же добытымъ.

Въ основаніе своего положенія о причинахъ расселенія евреевъ г. Каманинъ кладетъ утверженіе, что они занимались исключительно арендой мѣстнѣй, пропинаціей и торговлей (стр. 42). Въ дальнѣйшемъ своемъ изло-

женін онъ раздробляетъ этотъ тезисъ на два и говоритъ: «исключительной профессіей евреевъ въ селахъ было шинкарство и арендаторство» (стр. 233 пред.) и «главная профессія евреевъ въ городѣ—торговля и шинкарство» (стр. 234 пред.). Теперь, насколько же эти тезисы соответствуютъ даннымъ, бывшимъ въ рукахъ г. Каманина? Сперва о селахъ. Стоитъ самымъ бѣглымъ образомъ перелистовать изданные самимъ г. Каманинымъ акты, чтобы убѣдиться въ полной невѣрности такого положенія: мы находимъ здѣсь среди сальскаго еврейскаго населенія «винниковъ», или рабочихъ на винокурняхъ, «фурмановъ», «рѣзниковъ», «нытниковъ», «инспекторовъ», учителей, пекарей, стекольщиковъ, кухарокъ и вообще прислугу и т. д., словомъ, встрѣчаемъ самыя разнообразныя профессіи. При этомъ нужно припомнить, что такихъ иллюстрацій, гдѣ указываются занятія помѣщенныхъ въ нихъ лицъ, меньшинство. Что касается городовъ, то г. Каманинъ сдѣлалъ свой выводъ на основаніи однихъ только данныхъ по г. Житомиру за 1789 годъ. Насколько рискованно употреблять подобный приемъ свѣлыхъ обобщеній, могутъ показать слѣдующія данныя, взятые нами изъ тѣхъ же актовъ по тремъ другимъ городамъ въ разное время. Въ г. Каневѣ въ 1765 г. было шинкарей изъ евреевъ—28, торговцевъ—2, ремесленниковъ—53 и людей, занятія которыхъ не указаны,—13 (акты, стр. 14—15). Въ мѣстечкѣ Смѣлѣ въ 1764 г. было: семейство раввина—7 человекъ, арендаторовъ—41, лавочниковъ—12, ремесленниковъ—62, прислуги—9, людей, занятія которыхъ не указаны,—24 (акты, стр. 29—32). Въ г. Овручѣ въ 1773 г. было: арендаторъ—1, шинкарей—15, лавочниковъ—13, ремесленниковъ и людей свободныхъ профессій—39, убогій—1, вдовъ—6 и людей, занятія которыхъ не указаны,—7 (акты, стр. 200—202). Всѣ эти данныя не даютъ еще, конечно, права сдѣлать какой либо вполне опредѣленный и законченный выводъ, но они позволяютъ по крайней мѣрѣ утверждать, что оба тезиса г. Каманина относительно занятій сальскаго и городского еврейскаго населенія совершенно невѣрны, противорѣчатъ имъ же самимъ изданнымъ актамъ и представляются основанными на полномъ незнакомствѣ съ ними. Впрочемъ, послѣднее утвержденіе можетъ быть и невѣрно, но тѣмъ хуже, если это такъ. Здѣсь небезынтересно будетъ отнѣтитъ одну подробность, характерную для этой части выводовъ автора. Говоря о прислугѣ изъ евреевъ въ г. Житомирѣ, онъ замѣчаетъ, что вся она «состояла изъ лицъ безсемейныхъ (вѣроятно, (?) молодежи), которая имѣла много шансовъ стать хозяевами впоследствии» (стр. 223 пред.). Было бы весьма любопытно знать, въ чемъ именно состояли эти шансы,

но, въ сожалѣнію, иллюстраціи объ этомъ рѣшительно ничего не знаютъ, да врядъ ли знаетъ и самъ г. Каманинъ; ему надо было только отгѣтить въ умѣ читателя, что положеніе самыхъ низшихъ слоевъ еврейскаго населенія не было бѣдственнo, и вотъ и явились «шансы стать хозяевами». Врядъ ли только это можетъ назваться приѣмомъ серьезнаго изслѣдователя.

Но пойдешъ далѣе. Съ паденіемъ тезиса объ исключительномъ занятіи евреевъ торговлей, пропинаціей и арендой, падаетъ въ сущности и все остальное шаткое зданіе причинъ расселенія евреевъ, возведенное авторомъ; но такъ какъ мы теперь разбираемъ не безусловную цѣнность этихъ выводовъ, а лишь соотвѣтствіе ихъ съ извѣстными автору данными, то мы еще немного остановимся на нихъ. Не слѣдуя, однако, за всѣми измѣненіями этихъ тезисовъ въ устахъ автора, что было бы чрезчуръ утомительно и скучно, мы отгѣтимъ лишь вкратцѣ главнѣйшія ихъ несообразности. По словамъ г. Каманина, плотность еврейскаго населенія всегда соотвѣтствуетъ плотности христіанскаго, кореннаго; но эта послѣдняя неизвѣстна вообще, неизвѣстна и самому г. Каманину (стр. 47 пред.), и такимъ путемъ получается какая-то неразрѣшимая загадка. Далѣе, онъ ставитъ количество евреевъ въ связь съ увеличеніемъ крестьянскихъ повинностей, но трудно понять, на какомъ основаніи, такъ какъ тяжесть повинностей не увеличивала количества арендаторовъ въ одномъ селѣ, да и опредѣленіе этихъ отношеній зависѣло не отъ евреевъ. Впрочемъ, повидимому, и для самого автора неясно, какой изъ этихъ двухъ фактовъ, увеличеніе повинностей и увеличеніе числа евреевъ, должно считать причиной и какой слѣдствіемъ (см. стр. 109), и такимъ образомъ этотъ тезисъ теряетъ весь свой смыслъ. Что же касается связи торговли съ количествомъ евреевъ, то незачѣмъ было открывать этотъ фактъ, какъ нѣчто новое, когда давно извѣстно, что вся почти торговля Польши въ 18-мъ столѣтіи находилась въ рукахъ евреевъ. Впрочемъ, авторъ и сюда внесъ новость, измѣнивъ въ обратную сторону отношеніе этихъ двухъ фактовъ и стараясь доказать это, за отсутствіемъ много рода данныхъ, описаніемъ торговыхъ путей, на которыхъ лежали населенные еврейми города. Но въ сущности всѣ доводы автора въ этомъ отношеніи только подтверждаютъ связь между количествомъ евреевъ и развитіемъ торговли и не даютъ ничего болѣе.

Таковъ характеръ выводовъ и разсужденій г. Каманина въ его трудѣ, поскольку они касаются уже не одной фактической стороны собраннаго имъ матеріала, но и его объясненія. Такое объясненіе дается авторомъ на всѣ частности съ полной готовностью, но, въ сожалѣнію, слишкомъ часто

противорѣчить тѣмъ самымъ фактамъ, которые оно должно растолковать, фактамъ, впрочемъ, не существующимъ. Для полноты картины намъ слѣдуетъ, однако, опѣтить еще два утвержденія автора. Въ своемъ предисловіи онъ, между прочимъ, заявляетъ, что «евреи были одною изъ главныхъ причинъ внутренняго разложенія польскаго государства» (стр. 45 пред.). Можно только пожалѣть, что авторъ ничѣмъ не постарался доказать такого замѣчательнаго по новизнѣ своей положенія, пока же мы позволимъ себѣ не согласиться съ голословнымъ утвержденіемъ. Далѣе, говоря о попыткахъ рѣшенія еврейскаго вопроса въ Польшѣ подъ конецъ 18-го вѣка, г. Каманинъ утверждаетъ, что всѣ подобныя проекты клонились къ ограниченію правъ евреевъ. Такое утвержденіе обличаетъ, однако, лишь недостаточное знакомство съ вопросомъ, и намъ остается только еще разъ указать г. Каманину на труды Корвона и Смоленскаго, гдѣ онъ можетъ найти болѣе точныя свѣдѣнія на этотъ счетъ. Наша же замѣтка по поводу его книги и такъ уже чрезчуръ разрослась и, не желая утомять вниманіе читателей, мы спѣшимъ къ концу. Сводя теперь все сказанное нами о книгѣ г. Каманина, мы должны констатировать слѣдующія свои положенія: въ основаніе ея легъ недостоверный статистическій матеріалъ, сводка котораго произведена исследователемъ путемъ приемовъ слишкомъ произвольныхъ и примитивныхъ, чтобы можно было назвать ихъ научнымъ, что же касается выводовъ автора, то, не имѣя подъ собою никакихъ другихъ основаній, кромѣ этого статистическаго матеріала, не вызывающаго къ себѣ довѣрія, они часто становятся въ противорѣчіе и съ нимъ или же далеко выходятъ за его рамки. Понятно, что въ виду всего этого мы не признаемъ возможнымъ согласиться съ г. Каманинымъ ни въ одномъ изъ его выводовъ и не находимъ въ его работѣ никакого серьезнаго научнаго значенія. Мы можемъ лишь сказать, что этотъ трудъ ничего не прибавилъ къ разъясненію того вопроса, о которомъ въ немъ идетъ рѣчь, и задача его автора осталась невыполненною, поскольку такое выполненіе могло бы произойти на почвѣ дѣйствительной науки.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Die Agada der Tannaiten. Zweiter Band.: von Akiba's Tod bis zum Abschluss der Mischna. Von Wilhelm Bacher. Strassburg. 1890 Ss. 578+VIII («Агада Танаитовъ». Томъ второй: отъ смерти Акивы до заключенія Мишны. Соч. В. Бачера).

Съ недавнихъ поръ въ научныхъ изслѣдованіяхъ талмудической эпохи установился новый методъ, который можно бы назвать методомъ «расчлененія» или «поличной классификаціи». Громадная энциклопедія, называемая Талмудомъ, рассматривается уже не какъ нѣчто цѣлое и однородное, а какъ конгломератъ разнородныхъ воззрѣній и системъ, созданныхъ разными лицами. Изслѣдуется не «духъ Талмуда» вообще, а духъ ученія каждаго изъ его составителей. Величій доселѣ конгломератъ «талмудистовъ» получаетъ плоть и кровь, расчленяется на группы, а затѣмъ на индивидуумы, имѣющіе каждый свою опредѣленную физиономію. Дать біографію и духовную характеристику каждаго изъ главнѣйшихъ творцовъ «устнаго ученія» (а такихъ творцовъ, отъ Гилеля до р. Аши, наберется не менѣе сотни), выяснить обстоятельства жизни этихъ людей и условия, вліявшія порознь на ихъ міросозерцаніе, вотъ завѣтное желаніе всѣхъ изслѣдователей той замѣчательной и загадочной эпохи. Такая задача представляетъ немовѣрные трудности, если принять во вниманіе, что въ Талмудѣ все перемѣшано, разбросано и перепутано, что въ немъ нѣтъ ни правильной хронологіи, ни чисто-историческихъ данныхъ, свободныхъ отъ мелухи легенды. Однако, нашлись ученые сибѣльчаки, которые взяли за эту нелегкую задачу и исполняютъ ее не безъ успѣха. Извѣстные труды З. Франкеля, Греца, Брилля, Вейса и Деренбурга внесли уже не мало свѣта въ лабиринтъ Талмуда и выяснили внутреннее расположеніе главнѣйшихъ частей этого удивительнаго зданія. Больше всего сдѣлалъ въ этомъ отношеніи Вейсъ въ своей книгѣ «Dog we-dorschow» (Вѣна, 1871—91, 5 томовъ), составляющей одинъ изъ крупнѣйшихъ памятниковъ нашей современной исторической литературы. По его стопамъ идетъ и авторъ раз-

сматриваемой нами книги, г. Вахеръ, учитель раввинской семинаріи въ Будапештѣ.

Г. Вахеръ, ставшій извѣстнымъ въ послѣднее время, благодаря своимъ изслѣдованіямъ о средневѣковыхъ еврейскихъ грамматикахъ¹, издалъ еще въ 1878 г. краткій обзоръ «агады вавилонскихъ амораевъ» («Die Agada der babilonischen Amoräer: ein Beitrag zur Geschichte der Agada und zur Einleitung in den Babylonischen Talmud»). Эта книга имѣла характеръ монографическій; предметъ былъ въ ней только затронутъ, но не исчерпанъ. Дальѣйшее специальное изученіе талмудической литературы приоткрыло автору къ болѣе глубокимъ и систематическимъ изслѣдованіямъ, плодомъ которыхъ является нынѣшній обширный трудъ его — «Агада Тананитовъ». Первый томъ этой книги, напечатанный нѣсколько лѣтъ назадъ, обнимаетъ начальную эпоху Агады, отъ патриарха Гиллеля до р. Акивы (30 г. до Р. Х.—135 г. по Р. Х.); второй томъ, вышедшій въ прошломъ году и озаглавленный выше, обнимаетъ время расцвѣта устного ученія въ Палестинѣ—отъ смерти Акивы до заключенія Мшны (135—220 по Р. Х.).

Г. Вахеръ — не историографъ-мыслитель, подобно Вейсу или Грецу а только ученый изыскатель, поставщикъ историческаго матеріала. Онъ пишетъ не столько для публики, сколько для специалистовъ. Вотъ почему онъ избѣгаетъ широкихъ обобщеній и рѣшительныхъ выводовъ, а довольствуется группировкою изыскающагося въ его распоряженіи фактическаго матеріала. Въ этой группировкѣ, для которой нужна огромная эрудиція и чрезвычайное трудолюбіе, заключается главнѣйшая заслуга автора.

Вотъ, наприимѣръ, глава о *рабби Меирѣ*, главномъ преемникѣ Акивы. Вначалѣ собраны авторомъ и искусно расположены всѣ тѣ мѣста Талмуда, которыя заключаютъ въ себѣ какія-нибудь прямыя или косвенныя данныя для біографіи или характеристики р. Меира. Затѣмъ идутъ послѣдовательными группами всѣ агадическія изреченія р. Меира: теософическія, моральныя, политическія, экзегетическія и др., собранныя не только изъ талмудическихъ трактатовъ, но и изъ позднѣйшихъ «Мидрашимъ» и апокрифическихъ книгъ. Такимъ образомъ выясняется мирозосерпаніе «тананита» и его духовная фізіономія. Конечно, образъ получается еще неполный, ибо тутъ принимается во вниманіе только реллигиозно-моральная

¹ „Die grammatische Terminologie des Jehuda b. David Hajug, nach dem arabischen Originale“, Wien, 1882; „Leben u. Werke des Abulwalid Ibn-Ganah“, 1885; „Abraham Ibn-Esra als Grammatiker“, 1882; „Grammatik d. hebr. Sprache von R. Joseph Kimchi“ zum ersten Male herausgegeben, Berlin, 1888, и др.

(агадическая) система даннаго танаита, а не законодательная (галахическая) его дѣятельность; но во всякомъ случаѣ, первая гораздо характернѣе второй въ историческомъ отношеніи. Р. Менръ, напримѣръ, какъ законодатель, является творцомъ безчисленнаго множества обрядовныхъ правилъ, мало чѣмъ отличающихся отъ таковыхъ же правилъ, созданныхъ другими его сподвижниками; но какъ мыслитель и моралистъ, онъ уже имѣетъ свою особую физиономію. Въ Агадѣ больше разнообразія, оригинальности и свободы духа, чѣмъ въ Галахѣ; а потому первая неизвѣрно важнѣе для исторіи, чѣмъ послѣдняя.

Особенно тщательно сгруппированъ г. Вахеромъ обширный агадическій матеріалъ, относящійся къ міросозерцанію и личности знаменитаго р. *Симона-бенъ-Иохан* (гл. II, стр. 70—150). Отношенія р. Симона къ современникамъ и сподвижникамъ, его идеи о Богѣ, мірѣ, нравственности, о миссіи еврейства, о Мессіи, о житейской мудрости, о загробной жизни, его толкованія извѣстныхъ библейскихъ стиховъ, наконецъ, приписываемыя ему мистическія воззрѣнія—все послѣдовательно раскрывается передъ нами въ цѣломъ рядѣ параграфовъ. Авторъ, какъ уже сказано, очень мало прибавляетъ отъ себя. Приводя и располагая извѣстными образомъ изреченія р. Симона, онъ довольствуется только тѣмъ, что кое-гдѣ связываетъ ихъ разными замѣчаніями, указываетъ въ многочисленныхъ выдочкахъ ихъ источники или варианты, если таковые имѣются, высказываетъ иногда свои филологическія и хронологическія гипотезы. Общіе же принципиальные выводы онъ предоставляетъ читателямъ или, точнѣе, будущимъ историкамъ-систематикамъ. Личное отношеніе автора къ талмудизму вообще, вслѣдствіе этого, весьма трудно опредѣлить; но, судя по нѣкоторымъ вскользь брошеннымъ имъ замѣчаніямъ, онъ принадлежитъ къ консервативной партіи, ибо нерѣдко выступаетъ противъ рѣзкихъ критическихъ выходовъ анти-талмудиста Шора, бывшаго издателя «Галахуца», и противъ излишняго недовѣрія къ талмудическимъ текстамъ.

Въ первомъ томѣ сочиненія г. Вахера центральными личностями были: Гиллель, Иоханана б. Закай и Акива, какъ представители *перваго поколѣнія* танаитовъ; во второмъ томѣ все группируется вокругъ учениковъ Акивы—р. Менра, Симона б. Иохан, Иосун б. Халафты и другихъ главныхъ представителей *второго поколѣнія* творцовъ Мишны. Это второе поколѣніе гораздо многочисленнѣе перваго, и потому разсматриваемый томъ по содержанію гораздо богаче предыдущаго. Кромѣ двухъ десятковъ извѣстнѣйшихъ танаитовъ, которымъ въ настоящемъ томѣ посвященъ рядъ обшир-

ныхъ главъ, авторъ упоминаетъ также о многихъ второстепенныхъ и мало-извѣстныхъ агадистахъ II-го вѣка, отъ которыхъ дошло до насъ только нѣсколько случайныхъ изреченій. Эти *obscuri viri* (въ родѣ Іоханана Сандлера, Абба Саула, Пнхоса б. Яира, р. Досы и др.) рѣдко фигурируютъ въ историческихъ описаніяхъ, ступаясь за образамъ лицъ, игравшихъ болѣе крупную роль. Г. Вахеръ внимательнѣе отнесся къ этимъ рядовымъ талмудизма и, сколько могъ, постарался выяснитъ ихъ характеры и воззрѣнія.

Послѣдняя группа агадистовъ объединена авторомъ подъ главенствомъ знаменитаго *рабби Іезуды Ганаси* (Патріарха), редактора Мишны (200 л. по Р. X.), которому посвящена особая обстоятельная глава (454—87). Въ концѣ книги приведена коллекція 24-хъ агадистовъ, о жизни которыхъ и принадлежности къ той или другой школѣ почти ничего неизвѣстно (547—560). Таковы: Абба Веньяминъ, Ала, Антигоносъ, Ханна б. Іуды, Менахемъ Галиля и др. О нихъ сохранились только нѣкоторыя упоминанія въ Талмудѣ, показывающія, что эти личности принадлежали къ кругу составителей Мишны.

Настоящимъ тономъ г. Вахеръ закончилъ первый агадическій циклъ, а именно исторію Агады творцовъ Мишны (тававтовъ), жившихъ въ Палестинѣ въ первые два столѣтія христіанской эры. Чтобы довести свой историческій трудъ до конца, ему предстоитъ еще очень длинный путь: придется прослѣдить развитіе Агады палестинскихъ амораевъ (составителей такъ называемой «Іерусалимской Гемаринъ»), жившихъ между III и V вѣками, до упраздненія палестинскаго патриархата въ 415 г.; затѣмъ предстоитъ исторія Агады многочисленныхъ вавилонскихъ амораевъ, творцовъ великаго «Вавилонскаго Талмуда» (IV—VI в.); наконецъ, подлежитъ изслѣдованію обширная литература «Мидрашинъ», тѣсно принимающая къ талмудической агадѣ. Если г. Вахеръ исполнитъ этотъ сложный трудъ ¹. то онъ окажетъ важную услугу еврейской исторической историографіи, а себѣ воздвигнетъ вѣчный литературный памятникъ. С. М.

Сокращенное руководство къ изученію исторіи евреевъ. Для

¹ Что онъ неутомимо продолжаетъ свою историческую работу, доказываетъ появившееся въ послѣднее время извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ 1-го тома новаго сочиненія г. Вахера „Die Agada der Paläst. Amoräer“ (Budapest, 1891), составляющаго непосредственное продолженіе разобранной нами книги.

употребленія въ школы и дома. Составилъ Б. Л. Сегаль. Часть II: по-библейская исторія. Одесса, 1890. (116 стр. in 8°).

Чтеніе этой книжки можно сѣбѣ рекомендовать всѣмъ, желающимъ узнать, какъ пишутся у насъ учебники, и въ особенности учебники исторіи. «Руководство» г. Сегалья тѣмъ болѣе пригодно для такой цѣли, что авторомъ его является немолодой уже педагогъ, давно извѣстный какъ составитель нѣсколькихъ учебниковъ по еврейской исторіи и еврейскому вѣроученію, «одобренныхъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія къ употребленію въ еврейскихъ училищахъ». Стало быть, мы имѣемъ дѣло съ «руководителемъ юности», компетенція котораго официально засвидѣтельствована, и учебники котораго распространены во многихъ школахъ, «наукой юношей питаея».

Каково это «питаніе», покажетъ разсматриваемый нами новый плодъ педагогической дѣятельности г. Сегалья. Книжка, весьма компактно изданная, заключаетъ въ себѣ добрую половину древней исторіи евреевъ и всю средневѣковую ихъ исторію. Начинается она съ македонскаго владычества въ Палестинѣ (330 г. до Р. Х.) и кончается эпохою изгнанія евреевъ изъ Испаніи (1492 г.). По своему содержанію, «Руководство» составляетъ весьма поверхностную компиляцію изъ сочиненій еврейскихъ историковъ въ Германіи, и всякій, знакомый съ сочиненіями послѣдняго рода, тотчасъ замѣтитъ, что г. Сегаль старательно заимствовалъ изъ нихъ не только связь и расположеніе фактовъ, но даже освѣщеніе ихъ, а подчасъ и способъ выраженія. При такой механической вѣрности источникамъ, конечно, весьма трудно впасть въ фактическія ошибки. Однако, авторъ не преминулъ сдѣлать ихъ нѣсколько. Онъ, напр., утверждаетъ, будто сынъ Авраама Ибнъ-Эзраи, Исаакъ, «былъ однимъ изъ величайшихъ мыслителей своего времени» (стр. 89), что совершенно невѣрно: исторія ровно ничего не знаетъ объ этомъ Исаакѣ, который ничѣмъ не ознаменовалъ себя и не оставилъ по себѣ ни одного сочиненія. Невѣрно также, будто 13-я основа (изъ символа вѣры Маймонида), излагающая догматы воскресенія мертвыхъ, «вызвала недоразумѣнія и нападки на Маймонида» (стр. 94), такъ какъ эти нападки были вызваны известною главою «о покаяніи», въ «Книгѣ познанія» Маймонида (первой части его кодекса), гдѣ великій философъ изобразилъ загробную жизнь въ духѣ рационализма и безъ уваженія къ традиціи, о воскресеніи же мертвыхъ совершенно умолчалъ, чѣмъ и навлекъ на себя подозрѣніе въ невѣріи.

Впрочемъ, главный недостатокъ разбираемой книги заключается не

въ подобныхъ случайныхъ ошибкахъ, а въ самомъ способѣ составленія и изложенія, т. е. въ исполненіи существенной задачи всякаго составителя учебника. Этотъ способъ изложенія у г. Сегалы такой, что не только малолѣтній учащійся, но даже взрослый и свѣдущій человекъ никакъ не сладитъ съ его книгою. Изложеніе въ ней сухо, жестко, факты нагромождены безъ толку, имена и событія нелкяютъ какъ въ калейдоскопѣ, вездѣ хаосъ, тьма, безпорядокъ. Маккавейская эпоха, напримѣръ, изложена до того запутанно и безтолково, что даже знающій исторію станеть втупикъ. Учащійся же никакими усиліями не освонтся со всѣми этими Симонами, Гирканами, Аристовулами, которые въ разсказѣ автора такъ всѣ похожи другъ на друга. Возьмите наугадъ хоть слѣдующій отрывокъ (стр. 22): «Гирканъ виѣстѣ съ саномъ первосвященника получилъ званіе правителя народа, но уже безъ титула царскаго, а Аристовула съ его двумя сыновьями, Александромъ и Антигономъ, и двумя его дочерьми Понпей отвелъ (отвезъ?) въ Римъ для своего триумфальнаго шествія. Виѣсто неспособнаго Гиркана сталъ управлять Іудеей (почему?) другъ его Антипаторъ. Спокойствіе не долго продолжалось. Старшій сынъ Аристовула, Александръ, ускользнулъ отъ плѣна («какъ ускользнулъ? Вѣдъ сказано, что его отвезли въ Римъ. Значитъ, бѣжалъ изъ плѣна») и возвратился въ свое отечество. Въ непродолжительное время онъ успѣлъ собрать значительное войско и угрожалъ Іерусалиму; но Антипаторъ, при помощи сирійскаго консула Габинія, подавилъ возстаніе. Тотъ же Габиній усмирилъ другое возстаніе, поднятое Аристовуломъ и младшимъ сыномъ его Антигономъ. Но вскорѣ Аристовуль, тяжело раненный, виѣстѣ съ Антигономъ, былъ захваченъ въ плѣнъ и опять отправленъ въ Римъ. Во время похода Габиніева въ Египетъ, Александръ поднялъ снова мятежъ, но и онъ былъ скоро усмирень», и т. д.—Спрашивается, что же вынесеть изъ такого параграфа юный учащійся, кромя... мучительной головной боли?

Въ томъ же духѣ разсказана вся средневѣковая исторія евреевъ. Главы, въ которыхъ излагается исторія еврейской литературы, представляютъ собою большею частью простые каталоги, гдѣ кромя цѣлой массы именъ лицъ и сочиненій вы ничего не найдете (ср., напр., гл. «Евреи въ христіанскихъ государствахъ Испаніи», стр. 87, и «Евреи въ Провансѣ», стр. 96—97). Стоитъ-ли, спрашивается, подвергать такой пыткѣ умъ и память ученика, нуждающагося въ «сокращенномъ руководствѣ», для того только, чтобы онъ зналъ и помнилъ о множествѣ второстепенныхъ писателяхъ въ родѣ р. Мойше Дарсона, Авраама б. Исаака, Іонатана га-Когена и

всѣхъ поколѣній переводчиковъ ибнъ-Тиббоновъ вкупѣ съ переведенными или написанными ими спеціальными сочиненіями?

Вся бѣда въ томъ, что г. Сегалию хотѣлось соединить непрѣтно крайнюю сжатость съ полнотою фактовъ и дать какъ можно больше матеріала на 116 страницахъ своего учебника. Это несчастное стремленіе побудило его нагромоздить несоразмѣрную массу событій и именъ, обнимающихъ періодъ въ 1700 лѣтъ, на сравнительно маломъ пространствѣ. Отсюда—хаотичность его изложенія, безцвѣтность, сухость и неясность его повѣствованія, которое скорѣе можетъ внушить новичку отвращеніе къ изученію исторіи, нежели пріохотить къ ней.

Этому печальному результату не мало содѣйствуетъ своеобразный слогъ или, точнѣе, языкъ автора,—языкъ нескладный, деревянный, неправильный и мѣстами просто безграмотный. Что вы, напримѣръ, скажете о такихъ фразахъ: «Эго одна и та же кровавая нить кровожадности и ужаснаго фанатизма, которая тянется во всѣхъ обстоятельствахъ и случаяхъ» (стр. 118, о бѣдствіяхъ нѣмецкихъ евреевъ); «Жизнь евреевъ въ южной Испаніи была угнетаема, она (жизнь-то?) все болѣе стала сосредоточиваться въ Кастиліи и Каталоніи и оставалась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ южной Франціей» (стр. 96); «Юсефъ-бенъ-Абитуръ занимаетъ почетное мѣсто, какъ авторъ синагогальной поэзіи» (стр. 81); «Еврейскія общины процвѣтали своею дѣятельностію на государственной службѣ и на ученомъ поприщѣ» (стр. 85); «Фанатики (арабы) излили свою неистовую страсть къ обращенію на евреевъ и христіанъ» (стр. 91); «Изъ выдающихся ученыхъ этого времени (XIV в.) на лонѣ еврейской литературы первое мѣсто занимаетъ Леви бенъ-Гершонъ» (стр. 101). Какъ вамъ нравятся эти перлы стилистики, взятые изъ цѣлой массы ивъ подобныхъ? Авторъ, очевидно, помыкаетъ всѣми правилами логики и общепринятаго стиля, ибо никакая логика и никакой стиль въ мірѣ не допускаютъ существованія «кровавой нити кровожадностей и ужаснаго фанатизма, тянущейся во всѣхъ случаяхъ», «угнетаемой жизни, остающейся въ сношеніяхъ съ Франціей», «общинъ, процвѣтающихъ (сплошь?) дѣятельностію на государственной службѣ», «авторовъ синагогальной поэзіи», или «ученыхъ, занимающихъ мѣсто (да еще «почетное») на лонѣ литературы». Но кромѣ этихъ общечеловѣческихъ несообразностей, въ учебникѣ г. Сегалии найдется не мало грѣховъ противъ русскаго языка и грамматики, грѣховъ непростительныхъ даже для ученика первыхъ классовъ гимназій. Вотъ немногіе приимѣры: «Много (вмѣсто «многихъ») ев-

реевъ они переселили» (стр. 1); «Язовъ умеръ въ бѣдствіи» (стр. 6); «Не видя конца этой междуусобной войны» (войнѣ) и т. д. (стр. 21); «Онъ былъ отравленъ однимъ (нѣкиншъ?) Маликомъ» (стр. 23); «Греки или александрійцы погружались въ бездѣятельность» (стр. 37); «Талудъ сдѣлалъ возможнымъ поступательное развитіе и усовершенствованіе» etc. (68); званіе «способствовало къ прекраснѣйшему развитію еврейскаго мышленія и чувства» (80); «Онъ проданъ какъ рабъ (рабомъ?) въ Кордовѣ» (81); «Моисей де-Леонъ, ведшій странствующую (странническую?) жизнь» (102); «Пришедшіе изъ Испаніи евреи были разсадниками культуры» (стр. 107—108, дважды); «Крестовые походы не принесли имъ времена большихъ бѣдствій и скорби» (112); «Каждый мыслящій человекъ бываетъ пораженъ отъ удивленія, что евреи» etc. (114)... Но довольно! Дунаемъ, что любой изъ «малыхъ сихъ», для которыхъ г. Сегаль предназначаетъ свою книгу, сумѣетъ указать ея почтенному автору еще множество ошибокъ противъ русской рѣчи и грамматики, столь жестоко имъ обиженныхъ.

Такъ-то пишутся у насъ учебники, да еще съ претензіей на распространеніе подъ эгидою оффиціального «одобренія». Намъ глубоко, искренно жаль бѣдныхъ еврейскихъ юношей, которымъ приходится учиться по такни «руководствамъ». Жаль намъ и еврейской исторіи — этой прелестнѣйшей и привлекательнѣйшей части исторіи человечества, — которая въ безобразномъ костюмѣ, напяливаемомъ на нее разными топорными мастерами, способна скорѣе отталкивать, чѣмъ привлекать. Какъ же искоренить это зло, удалить этотъ учебно-воспитательный мусоръ, безусловно вредный для учащейся молодежи, — вотъ вопросъ, надъ которымъ стоило бы серьезно призадуматься...

Notus.

Bibliotheca hebraica post-Mendelsoniana. Bibliographisches Handbuch der neuhebräischen Literatur etc. Herausgegeben von William Zeitlin. I. Hälfte: A—M.—Leipzig, 1891. 248 Ss. in 8°. (Библиографическій лексиконъ ново-еврейской литературы, изданный В. Цейтлинномъ).

Въ этомъ «Библиографическомъ лексиконѣ» перечислены всѣ книги на древне-еврейскомъ языкѣ, появившіяся въ свѣтъ по смерти Мендельсона, т. е. съ конца прошлаго вѣка до настоящаго времени. Такъ какъ собиратель имѣлъ въ виду только, такъ называемую, «ново-еврейскую (просвѣтительную и научную) литературу», то онъ совершенно исключилъ изъ своего словаря, какъ казуистическія раввинскія книги, такъ и произведенія

хасидскія, хотя бы и явившіяся въ настоящемъ столѣтіи. Въ лежащей передъ нами первой половинѣ «лексикона» перечислены всѣ произведенія писателей, фамиліи которыхъ начинаются съ буквъ алфавита отъ А до М. О наиболѣе выдающихся писателей даются коротенькія біографическія отиѣтки. Названія книгъ приводятся по древне-еврейски, но съ точнымъ объясненіемъ ихъ содержанія по-нѣмецки, и съ обычными указаніями времени и мѣста печати и количества страницъ. Иногда указываются и крупнѣйшія статьи изъ періодическихъ изданій.

Г. Цейтлинъ самъ заявляетъ въ своемъ предисловіи, что, не смотря на многолѣтнія изысканія, онъ не осмѣливается претендовать на абсолютную полноту своего словаря, ибо при беспорядочности еврейскаго книжнаго дѣла почти невозможно, чтобы что-нибудь не ускользнуло отъ вниманія бібліографа. Охотно принимаешь къ свѣдѣнію это заявленіе bona fide, и не станемъ ловить собирателя на пропускахъ, недосмотрахъ и т. п.¹ Достоинства изданія г. Цейтлина слишкомъ значительны, чтобы ихъ могли умалить мелкіе недосмотры. Разсматриваемый «лексиконъ» представляетъ собою неоцѣнное пособіе для исторіи еврейской литературы нашего вѣка. Въ извѣстномъ лексиконѣ Бенякоба, обвиняющемъ еврейскую литературу всѣхъ временъ, отиѣчены только книги, появившіяся до 1863 г. Въ каталогахъ Х. Д. Липпе, напротивъ, названы только новѣйшія книги, да и не на одномъ еврейскомъ языкѣ. Словарь г. Цейтлина можетъ служить необходимымъ дополненіемъ къ нимъ и самъ по себѣ представляетъ нѣчто цѣльное. Внѣшность изданія весьма привлекательная. Вторая половина словаря (буквы N—Z), согласно обѣщанію издателя, имѣетъ появиться въ самомъ непродолжительномъ времени. Надѣемся, что появленію этой книги порадуются не одни бібліофилы, но и всѣ, серьезно интересующіеся исторіею ново-еврейской литературы.

С. М.

¹ Советуемъ только издателю исправить въ Errata къ слѣдующему тому ошибочное заглавіе соч. В. Мавдельштама ו'ש"ז נון, вмѣсто дѣйствительнаго ו'ש"ז לון (стр. 227), а также замѣтить, что принадлежность антихасидскаго памфлета ו'ש"ז ח"ו П. Федеру (стр. 82) очень сомнительна.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ.

Народное бѣдствіе и наши обязанности.—Пожертванія еврейскихъ общинъ.— Черта осѣдлости и голодный вопросъ.—Клеветы гг. Шатилова и К°.—Поведеніе еврейской массы въ отношеніи скупщиковъ.—Подвиги патриотовъ своего кармана.—„Коренные“ благодѣтели Иркутскаго населенія.—„Мы все-таки побиваемъ“.—Объ одномъ загубленномъ существованіи.—Беллетристъ—Макс. Бѣлинскій.—Литературный портретъ его.—Романъ „Ординарный профессоръ“.—О хорошихъ людяхъ: Э. Ожешко; (†) Э. К. Ватсонъ.

Надъ Россіей стряслась бѣда... Десятки тысячъ нашихъ согражданъ—растерянные и подавленные—стоятъ безпомощно передъ неумолимо жестокимъ врагомъ. Врагъ этотъ — голодь. Чуткое правительство, отзывчивыя учрежденія общественныя уже бросались на помощь. Очередь — за отдѣльными группами, частными лицами... Сотни разнообразныхъ, сами по себѣ важныхъ вопросовъ — отодвинуты на задній планъ, — всѣхъ ихъ поглотилъ одинъ вопросъ: какъ достать голоднымъ хлѣба? Евреи также обязаны принять участіе въ разрѣшеніи этого вопроса.

Ни пережатыя невзгоды, ни горечь невыплаканныхъ слезъ не могутъ служить препятствіемъ къ исполненію обще-гражданскаго долга: родина страдаетъ, и сыновья ея не могутъ спокійно глядѣть на ея горе. Любимы или нелюбимы мы въ Россіи; сытно или голодне кормить она насъ — развѣ объ этомъ въ правѣ мы думать въ теперешніе тяжелые дни? Все, что рождаетъ чувство озлобленія, должно быть заглушено; вспоминать должно одно лишь добро: вѣдь оно было, — оно и теперь еще есть. За рѣдкія минуты счастья, за немногіе лучи радости, выпавшіе и на нашу долю — воздадимъ добромъ широкимъ, искреннимъ. Съ самозабвеніемъ, столь присущимъ нашей національной страстности, обратимъ свои сердца и служъ къ взывающимъ о помощи: кто въ силахъ — помогите!.. Добрые инстинкты подскажутъ еврейскому населенію — въ чемъ заключаются обязанности,

обусловливаемыя серьезностью переживаемаго момента. Благо, начало уже положено: гораздо раньше, чѣмъ появились въ печати воззванія представителей другихъ иновѣрныхъ исповѣданій, нѣкоторые еврейскіе раввины уже откликнулись на горькую нужду народную. Въ простомъ, исполненномъ глубокаго чувства «словѣ» они настойчиво призываютъ къ посланнымъ пожертвованіямъ: «Братья-единовѣрцы! Хотя почва, на которой зиждется наше матеріальное благосостояніе, далеко не усыяна розами,—такъ закончилъ свое воззваніе проскуровскій раввинъ — однако же, врожденное нашему племени чувство состраданія къ ближнимъ, возлагаетъ на насъ обязанности двоякаго рода въ дѣлѣ помощи пострадавшимъ, какъ ближнимъ и соотечественникамъ нашимъ: Первое,—помолитесь завтра, въ священный для всѣхъ евреевъ день Всепрощенія (Судный День) Всевышнему за страждущій народъ,—да восполнитъ ему Милосердный въ этомъ году сторицею то, что пропало въ землѣ въ прошломъ. Второе,—мы должны немедленно приступить къ изысканію источниковъ *помочь* крестьянамъ болѣе или менѣе *значительными* суммами денегъ».

Слова, исходящія изъ глубины добраго сердца, пали на плодородную почву. Обыватели разныхъ градовъ и весей пресловутой «черты» дружно отзываются на голосъ нужды. Въ спискахъ жертвователей разныхъ губерній мы насчитали немало еврейскихъ именъ; скажемъ прямо — количество ихъ очень велико. Если бы кто взялъ на себя трудъ кропотливаго подсчета,—онъ легко убѣдился бы, что участіе евреевъ въ дѣлѣ благотворенія значительно выше процентнаго состава ихъ въ общемъ народонаселеніи.

Мы не станемъ указывать на примѣры Бродскихъ, Зайцевыхъ и др. пожертвовавшихъ значительныя суммы денегъ, и по нѣскольку вагоновъ хлѣба; — они люди богатые, хотя далеко уступаютъ въ своемъ богатствѣ сотнямъ русскихъ купцовъ; знаменательнымъ представляется тотъ фактъ, что разныя мелкія еврейскія общины, сами живущія впроголодь, также сдѣлали крупныя, сравнительно, пожертвованія.

Такъ, напр., община гор. Проскурова назначила въ пользу голодающихъ—5,000 руб.; аккерманскіе евреи — по 400 р. въ теченіе 5 мѣсяцевъ; евреи г. Сорокъ (Вессараб. губ.)—2,000 руб.; роменскіе (Полтав. губ.)—1,000 руб.; община Велижа (Витеб. губ.)—500 руб.; и Новая-Ушица (Под. губ.)—500 руб.; за ними слѣдуютъ еврейскія общины Вобруйска, Витебска, Прилугъ и т. д., и т. д. ¹. Даже *мищенское*—какъ это при-

¹ „Нах. Хр. Восх.“—№№ 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22.

звать корреспондентъ «Кіевлянина» — население Переяслава не отстало отъ общаго движенія и, собравшись съ силами, устроило общественную лавку, откуда отпускается христіанамъ, наравнѣ съ евреями, мука по крайне удешевленной цѣнѣ. — Въ Пинскѣ открыли бесплатную столовую на 500 человѣкъ; доброе дѣло встрѣтило себѣ уже оцѣнку въ поученіи мѣстнаго священника, о. Грудницкаго: «Посмотрите, что сдѣлали у насъ евреи, — сказалъ, между прочимъ, уважаемый пастыръ, — они поспѣшили сборомъ пожертвованій и всѣми силами стараются облегчить тягость дороговизны для своихъ бѣдныхъ собратьевъ, и даже нашихъ бѣдняковъ-христіанъ не обошли... А мы что совершили?»

Но если всякое доброе дѣяніе, само по себѣ, — благо, то тѣмъ цѣннѣе становится оно, когда исходитъ отъ людей, сами нуждающихся въ благотвореніи. Ни для кого не тайна, что большая часть еврейскаго населенія, влачащаго и въ сытые годы бѣдственное существованіе, обречена въ настоящее тяжелое время на полную голодовку. Непомѣрно высокія цѣны на хлѣбъ, крайнее переполненіе рынка рабочими руками, отсутствіе заработковъ — вотъ общій фонъ картины еврейскихъ городовъ и мѣстечекъ, рисуемой даже такими органами печати, какъ «Кіевлянинъ».

«По отыскавъ хорошо освѣдомленныхъ лицъ, — читаемъ мы, между прочимъ, въ переяславской корреспонденціи юдофобской газеты, — мѣстная еврейская гомытѣба испытываетъ въ настоящее время тяжкую нужду и вслѣдствіе лишенія. Огромная масса закудальнѣ домохозяевъ ждетъ не дождется необходимой помощи изъ специальныхъ суммъ, предвѣщенныхныхъ для этой цѣли. Между тѣмъ, нужда этихъ несчастныхъ день за днемъ возрастаетъ усиленно. Тяжело жилось этой оюлтѣлой массѣ и раньше при дешевизнѣ хлѣба, — настоящая же дороговизна совсѣмъ ее докажетъ. Среди мѣстныхъ обывателей, кромѣ евреевъ, насчитывается значительная масса христіанъ, — людей, тоже далеко не богатыхъ. Но на этихъ послѣднихъ вынѣшняя дороговизна отразилась благопріятнѣе...»¹.

Таковы и корреспонденціи «Восхода» изъ городовъ — Херсона, Витебска, Кременчуга, Пинска, Чернигова, Бобруйска, Елисаветграда, Брестъ-Литовска, Ляды и т. д., мѣстечекъ — Мажерѣче, Прель, Васильковъ, Деречинъ, Новая-Ушица, Шумячи, Ново-Александровскъ, Велижъ, Каховка и ин. друг.; колоній — Львово (Херсон. губ.), Ровнополь, Затишье (Екатери. губ.). Всѣ онѣ достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, что на взморенное и безъ

¹ „Кіевлянинъ“, № 252, 20 ноября.

Восходъ, кн. 12.

того населеніе еврейское надвигается вплотную новая гроза? Уже и теперь въ большей части мѣстечекъ юго-западнаго края наблюдаются проявленія такой осложнившейся нужды, что даже чужіе народу нашему люди испытываютъ щепящую боль. Васильковскій корреспондентъ нашей «Хроники» имѣлъ случай бесѣдовать съ однимъ офицеромъ, пришедшимъ съ маневровъ, производившихся между Киевомъ и Каменецъ-Подольскимъ. Частныя столпки въ разныхъ юго-западныхъ мѣстечкахъ дали ему возможность ознакомиться съ жизнью еврейской массы: «Я не могу безъ содроганія,—говорилъ онъ,—вспомнить о томъ, что видѣлъ. Вѣдность, не дай Богъ, какая. Ободраны, исхудалы—голы, однимъ словомъ. Хатки—кое-какъ крыты черепицей, а нныя совершенно безъ крышъ. Хорошо гѣтомъ: кое-какъ прожить можно. Но приближается зима... Гдѣ будутъ они жить, что ѣсть—совершенно не постигаю. Даже въ мѣстечкахъ, расположенныхъ почти у самаго Києва, *кусокъ хлѣба просто за рѣдкость видать*»...¹

Не болѣе утѣшительныя свѣдѣнія далъ въ своемъ официальномъ представленіи г. черниговскому губернатору инспекторъ врачебной управы; нищета между мѣстными евреями, по его словамъ, удручающая: *многіе чуть-ли не буквально умираютъ съ голода*; наступившая стужа, при отсутствіи топлива, довершаетъ бѣдствіе,—вслѣдствіе чего заболѣваемость евреевъ значительно повысилась.

Приведенныя отрывочныя указанія даютъ основаніе заключить, что черта еврейской осѣдлости легко можетъ превратиться въ черту голодовки, если обществомъ не будутъ приняты своевременно энергичныя мѣры.

Не взирая на то, что еврейское населеніе мечтаетъ о пониженіи цѣнъ на хлѣбъ, какъ о спасеніи своемъ, встрѣчаются, однако, публицисты, позволяющіе себѣ печатно заявлять, что «около голоднаго коренного русскаго населенія навивается теперь *все племя іудейское*, и каждый пудъ хлѣба, поступающій въ земства нуждающихся губерній, служатъ навивой, но крайней мѣрѣ, пяти евреямъ»². При всей выразительности приведенныхъ словъ, мы затрудняемся опредѣлить—о комъ собственно идетъ рѣчь? Если о какихъ нибудь *нѣсколькихъ* проходившихъ изъ евреевъ, которые купно съ агентами земствъ пытались снабдить соринимъ хлѣбомъ голодающее населеніе,—то мы охотно присоединяемся къ негодованію автора. Патриоты каравана и проходивцы всемірнаго отечества не принадлежатъ къ какой либо

¹ „Нед. Хр. Восх.“, № 22.

² „Новое Время“, письмо И. Шатилова.

определенной национальности: они составляют особую «нацию», которая может быть рассмотрена лишь с точки зрения судебного розыска. Еврейская нация чуждается подобных вырожденцев в той же мере, в какой и всякая иная народность. Она так же мало ответственна за продажки нескольких евреев-комиссионеров, как неотвественно русское дворянство за тех своих сочленов, которые «придерживают свою рожь, чтобы поднять цены до двух рублей за пуд»¹. Посрамлено-ли российское купечество от того, что среди него нашлись «лабазники, подсыпавшие песок в муку, предназначенную для голодающих?»

Легкость наживы на счет народного бедствия разлакомила столько низменных инстинктов, пробудила такое множество дремавших «алчущих и жаждущих», что, право, терпенье счет многочисленных героев криминальной эпохи.

Как свести счет коренных русских скупщикам, которые, наводнив деревню, покупили «все добро до ниточки» и сдвигали предметомъ торга срѣзыванье бабьихъ костей? Вотъ почтенная газета—«Волжскій Вѣстникъ»—попыталась перечислить земскихъ агентовъ, которые «подъ видомъ закупки хлѣба для земства закупали хлѣбъ для себя и затѣмъ продавали его съ громадными барышами на сторону»,—да рукой махнула: не счесть². Несомнѣнно, что въ этомъ взбаламученномъ морѣ похотливого пройдохства и оскоптившейся тупости, грѣхи нѣсколькихъ комиссионеровъ-евреевъ незамѣтно расплываются. Но намъ говорить не объ отдѣльныхъ лицахъ, а обо всемъ еврейскомъ населеніи — «о всемъ племени иудейскомъ»... Не о томъ-ли населеніи, которое, доведенное до отчаянія продажками скупщиковъ, выразило имъ свой открытый протестъ въ угрожающе-рѣзкой формѣ? «Вѣдныя евреи, — читаемъ мы въ корреспонденціи изъ Шавель³, — и работѣ, вида, что хлѣбъ везутъ огромными массами въ Либаву, стали протестовать, а въ нѣсколько минутъ собравшаяся толпа забрала всѣ подводны и повезла ихъ во дворъ городской управы». Не менѣе энергично подчеркнули свою неадекватность къ эксплуатациіи скупщиковъ евреи города Ляды выѣсть съ ремесленниками-христіанами «заняли они дороги у желѣзнодорожной станиціи и не допускали сюда обозы, сбрасывая на землю пѣшки съ хлѣбомъ»⁴.

¹ См. вообще „Новое Время“ за октябрь и ноябрь.

² „Волжск. Вѣстн.“ № 216—247.

³ „Виленск. Вѣстн.“, за августъ.

⁴ Ibid.

Такия же демонстраціи, при участіи евреевъ, были произведены на либаво-романовской, динабургско-витебской и орловско-витебской желѣзныкъ дорогахъ, на станціяхъ: «Динабургъ», «Дрисса», «Витебскъ» и т. и. Можно-ли, послѣ этого, равнодушно читать гнусныя измышленія о либавианіи еврейскаго населенія по поводу неурожая?

Странно подумать о великожь грѣхѣ, который берутъ на себя г. Шатиловъ и ему подобныя публицисты. Грѣхъ не передъ правдой, въ авантажѣ у нихъ не обрѣтающейся, а передъ государствомъ, передъ обществомъ. Въ минуты голоднаго отчаянія, когда людскіи и жизни своей не жалко, честно-ли играть подобными зловѣщными обвиненіями? Зароженная искра легко можетъ вспыхнуть, разлиться огромнымъ пожаромъ... Сзубете-ли вы, гг. Шатиловы, совладать се стійкою силою, такъ неосторожно вами призываемой?.. Не на раздоръ или ненависть надо растрачивать теперь духовныя силы свои, а вопить, набирать ихъ для дѣятельной любви къ своему страдающему народу.

Игра тенденціями, ложь обобщеній, искусственное оскѣщеніе фактовъ—оружіе обоюдострое: отъ его удара часто падаютъ тѣ, кто, въ увѣренности полного успѣха, прибѣгаютъ къ нему. Изъ числа выставленныхъ противъ евреевъ обвиненій нѣтъ ни одного, котораго бы, при добромъ желаніи, нельзя было обратить противъ кореннаго населенія. Въ недавно отпечатанномъ официальномъ изслѣдованіи объ экономическомъ бытѣ населенія *Иркутской губ.* приведены весьма интересные факты объ условіяхъ мѣстнаго кредита. Громадное большинство займовъ совершается на исходѣ зимы или весной и имѣетъ краткосрочный характеръ. Заемъ заключается обыкновенно на 5—6 мѣсяцевъ и почти никогда болѣе, чѣмъ на годъ. Всякая кредитная сдѣлка обеспечивается обыкновенно или поручительствомъ, или залогомъ и залогомъ—либо намень, похвеса, скота и т. и. Такииъ образомъ, кредиторъ почти всегда обезпеченъ. Тѣмъ не менѣе, размѣръ роста морозителенъ: при денежныиъ займахъ минимальный размѣръ его 40—50⁰%, средній — около 75, а максимальный доходитъ до 180 и даже 240⁰% въ годъ. Если уплата по денежному займу производится *клубомъ*, — то выговаривается опредѣленная скидка съ базарной цѣны послѣдняго (отъ 5 до 40 коп. на пудъ), иногда же цѣну клубъ опредѣляютъ заранее, при самомъ заключеніи займа, около 50—60 коп. за пудъ, между тѣмъ, въ моментъ расчета, цѣны обыкновенно стоятъ не ниже 1 рубля; стало быть, размѣръ роста за нѣсколько мѣсяцевъ дохо-

дять до 100%. При сдѣлкахъ чисто натуральной формы въ пудъ ссужаемаго хлѣба возвращается 1½, а то и 2 пуда¹.

Какъ вышеприведенные, такъ и многіе другіе факты даютъ основаніе автору статьи «Хозяйственный и общинный бытъ крестьянъ и инородцевъ Иркутской губ.» придти къ слѣдующему несемому выводу: «Условія кредита настолько тяжелы, что неизбежно превращаютъ *значительную часть населенія въ неплатящихъ должниковъ, попадающихъ прямо въ кабалу*». И вотъ я представляю себѣ шумъ и трескъ, какой подняли бы самозванные печальники русскаго народа, еслибы среди представителей иркутскаго кредита, ненарокомъ, оказалось нѣсколько евреевъ... Очевидно, что весь ихъ охранительно-обвинительскій нытъ направленъ на однихъ лишь инородцевъ и, надо отдать справедливость, травля съ каждымъ днемъ распространяется все больше и больше. Насколько она развращаетъ чернь, ослабляетъ понятіе законности и чувство обиденной гражданской дисциплины, можно судить хотя бы по послѣднему баннискому погрому «гололобыхъ»².

Казалось бы, разкузавность толпы, доходящей въ своемъ *безпримичномъ* остервенѣніи до бросанія камнями въ начальника губерніи, ни въ комъ не вызоветъ сочувствія; корреспондентъ «Новаго Времени» нашелъ, однако, возможнымъ закончить описаніе погрома слѣдующей похвалой: «Русское населеніе въ Баку, не смотря на свою малочисленность по сравненію съ мусульманскимъ, не смотря на то, что послѣдніе при дракахъ пускаютъ въ ходъ ножи и огнестрѣльное оружіе, — *все-таки побиваетъ мусульманъ*».

«Все-таки побиваетъ!» Нечего сказать, красиво очень и радостно звучитъ эта фраза въ устахъ руководящаго органа общественнаго мнѣнія. Но каково-то побиваемыи?..

Лѣтомъ настоящаго года въ убогомъ номерѣ, такъ называемыхъ, «мембрированныхъ конвентъ», былъ усмотрѣнъ трупъ инженеръ-технолога Марка Волгянскаго, 30 лѣтъ, іудейскаго вѣроисповѣданія. Медицинско-полицейскіи дознаніемъ было установлено, что смерть послѣдовала отъ самоотравленія, при чемъ обнаружилось, что ближайшей причиною, побудившей несчастнаго покончить жизненные счеты въ полномъ разцвѣтѣ силъ,

¹ «Озерн. Вѣстн.», 1891 г. сент. и окт. „Хозяйственный и общинный бытъ крестьянъ и инородцевъ Иркутской губерніи“.

² „Новое Время“, 1891 г., 14-го дек. № 5674.

послужило безвыходное матеріальное положеніе: Событіе это произошло въ публикѣ нѣкоторую сенсацию; говорили по поводу «перепроизводства» интеллигентныхъ работниковъ, пожалѣли «лишнихъ людей»... и смеяли. Маркъ Болтянскій, занявъ на игнореніе правдое любопытство толпы, быстро канулъ въ забвеніе, уступивъ свое мѣсто другимъ персонажамъ «дневника происшествій». Оно и понятно: жизнь Болтянскаго—сѣренькая и неприхътная — не могла притворить къ себѣ серьезнаго общественнаго вниманія. Фактъ какъ будто—и заурядный: жилъ человекъ и отравился. По какой причинѣ?—Съ одной стороны,—неутоленный дарвиновскій законъ борьбы за существованіе; съ другой—проникнутое грустью, но глубоко справедливое объясненіе поэта, что

„ . . . . . Судьба
Жертвъ искупительныхъ просить,—
Чтобъ одного возвеличить, борьба
Тысячи слабыхъ уносить“...

Но мнѣ кажется, что такая точка зрѣнія на самоубійство Болтянскаго не совсѣмъ правильна. Событіе это не укладывается въ гѣсныя рамки обычнаго полицейскаго протокола; оно—шире ихъ и вполне заслуженно должно быть разсмотрѣно съ точки зрѣнія общественной. Болтянскій—не частность, не исключеніе; его самоубійство—не только эпизод неудавшагося существованія. Онъ самъ и вся холодная и тяжкая мятя его—глубоко типичны, а потому—и поучительны. За Болтянскихъ мнѣ рисуются десятки другихъ евреевъ-интеллигентовъ — такъ же, какъ и онъ, мечущихся безъ цѣли, теряющихся въ тоскѣ невѣдѣнія—какъ имъ выбраться изъ своего безвыходнаго положенія?

Обсуждая безвременную смерть Болтянскаго, всѣ какъ-то забыли, что въ паспортѣ его, кромѣ званія—инженеръ-технологъ,—значилось еще другое «званіе» — еврей. Эти два званія постоянно конкурировали между собою; во взаимной борьбѣ своей создали драматическую ситуацію, и, наконецъ, послѣднее изъ нихъ, побѣдивъ, привело къ печальной развязкѣ. Глубоко заинтересовавшись этимъ случаемъ, мы тщательно собрали о немъ свѣдѣнія, которыми мы дѣлимся теперь съ читателями.

Маркъ Болтянскій принадлежалъ къ небогатой еврейской семьѣ. Отличаясь хорошими способностями, онъ въ тринадцать лѣтъ былъ отдавъ въ гимназію; въ скорости, чуть-ли не съ пятаго класса—ему пришлось изыскивать средства для самостоятельнаго существованія; студенческіе годы

онъ провёлъ въ неустанной борьбѣ съ лишениями, но они нисколько не повліяли на его душевное настроеніе; по свидѣтельству товарищей, онъ всегда былъ бодръ и исполненъ жизнерадостности. Любимая наука, опредѣленный кругъ студенческихъ обязанностей и твердая надежда, что тамъ, за стѣнами института, его ждетъ скромная, но исполненная разумной прелестью, дѣятельность интеллигентнаго труженника, скрадывали и красили трудность переживаемыхъ годовъ. Наконецъ, въ 1886 г., настала такъ нетерпѣливо жданный день: экзамены сданы — и врученъ дипломъ. Теперь настало время прийтись на живомъ дѣлѣ всѣмъ тѣмъ познаніямъ, которыя онъ такъ жадно впитывалъ въ себя во время курса. Болтянскій сталъ искать работы — само собою разумѣется, въ предѣлахъ своей специальности. Онъ ни минуты не сомнѣвался въ успѣхѣ: всѣ его сокурсники уже устроились; нѣкоторые — даже блестяще; а вѣдь его потребности такъ скромны, сведены почти что до крайне необходимаго. Онъ забылъ, однако, что *есть* приспособившіеся — не евреи, что тѣ преимущества, которыя указаны на оборотной сторонѣ ихъ дипломовъ — дѣйствительныя права, а не форма только. Пока Болтянскій студентъ рылся въ учебникахъ химіи и штудировалъ «ученіе о сопротивленіи строительныхъ матеріаловъ» — въ извѣстныхъ сферахъ русской жизни ворвалось ученіе о «сопротивленіи» всѣмъ тѣмъ, кто носитъ кличку — еврей. Ему пришлось извѣдать на себѣ всю силу этого сопротивленія. Куда онъ ни сунулся, вездѣ его еврейство — помѣяло. Болтянскій не унывалъ, крѣпился... Между тѣмъ, прошелъ въ понескахъ годъ; пришлось взять, что даютъ: онъ поступилъ *чернорабочимъ* на какую-то небольшую бумаго-прядильную фабрику. Работа начиналась въ седьмомъ часу утра, кончалась поздно вечеромъ. Хозяину понравились его трудолюбіе и смѣленость; Марку Болтянскому было обѣщано мѣсто химика, но... но тутъ случилось нѣчто глубоко бессмысленное и жестокое. Кто-то постарался указать хозяину, что Болтянскій — еврей. По натурѣ добрый, но тронутый ученіемъ о «сопротивленіи» фабрикантъ вспомнилъ, что существуетъ правило: *Зачѣмъ намъ чужіе*, когда можно найти «своего»... и Болтянскій уѣхалъ въ Москву. Начались снова поиски работы; попадалась переписка, черченіе плановъ, но все это — случайно, съ большими полосами полнѣйшей безработицы. Энергія, вначалѣ сильная, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ослабѣвала. Въ обезсиливающей борьбѣ между отчаяніемъ и слабой, едва мерцающей надеждой на успѣхъ прошло еще три года. Могутъ подумать, что Болтянскій бѣлоручничалъ, гнушался тяжелаго труда. — Напротивъ, онъ напрягалъ всѣ силы,

готовъ былъ взяться за любое занятіе; сталъ обивать отъ пороги и у своихъ богачей—единовѣрцевъ,—отвѣтъ одинъ: «поставить васъ на некое мѣсто—для насъ стѣснительно будетъ: вы—съ высшимъ образованіемъ, а порядочныя мѣста—всѣ заняты. Впрочемъ,—навѣдайтесь». Волтянскій сталъ навѣдываться... Въ результатѣ—одно лишь безрезультатное метаніе. Вскорѣ онъ поѣхалъ искать свое запропанное счастье въ провинціи; тамъ приходилось еще хуже: даже *случайной* работы нельзя найти,—всѣ смотреть какъ-то подозрительно. Опять переездъ въ Петербургъ — опять судорожное исканіе работы. Петянулся рядъ безпросвѣтныхъ дней — безъ радости въ прошломъ, безъ надежды въ будущемъ.... Испробованы были всѣ пути — отъ черной работы до содержанства на хлѣбѣхъ благотворительнаго общества. Тогда онъ понялъ, что стоитъ передъ на-глухо замертою дверью, ключъ отъ которой запрятанъ куда-то очень далеко: какъ ни бойся—во вѣкъ не сыскать. Остальное извѣстно... И сколько въ настоящее время такихъ Волтянскихъ—юристовъ, технологовъ, инженеровъ и пр.

Однако, пора и обратиться къ заправской литературѣ. Вотъ, напр., писатель-романистъ Максимъ Вѣлинскій поучаетъ публику разныхъ «политико-литературно-ученыхъ» изданій мудрыми сентенціями слѣдующаго рода: «Грѣхъ такъ сладокъ, а человекъ—надокъ»; «день пережить—и слава Богу»... Онъ полагаетъ, что роль романа, какъ философско-художественнаго синтеза явленій жизни, заключается въ возвеличиваніи того, что наименѣе встрѣчается. Жизнь порождаетъ много свинства,—всѣ такъ и понимаютъ это порожденіе; но Максимъ Вѣлинскій возводитъ его въ перлъ созданія и съ увлеченіемъ настраиваетъ свою лиру на мотивъ: «Да скроется солнце,—да здравствуетъ тьма». Не подумайте, однако, что М. Вѣлинскій—обскурантъ и гаситель; онъ противъ солнца ничего собственно и не имѣетъ; но тьма нужна для удобства его героевъ въ ихъ пакостныхъ положденіяхъ. Впрочемъ, пора его отрекомендовать читателямъ: Максимъ Вѣлинскій... Я не знаю другого имени, которое вызывало бы такъ много противоположныхъ толковъ, ивѣній и пересудовъ. Начавъ довольно удачно свою беллетристическую карьеру въ «Отечественныхъ Запискахъ», онъ сразу сдѣлался предметомъ серьезныхъ сивнатій со стороны той части молодежи, которая въ каждомъ писателѣ цѣнила главнѣе всего—«направленіе». Справедливость требуетъ признать, что въ самыхъ тенденціозныхъ произведеніяхъ Макс. Вѣлинскаго,—каковы «Восходы» и «Искра божія»,—найдется немало страницъ, отиѣченныхъ несомнѣнными художественными дарованіемъ. Но странное дѣло,—даже въ этихъ безгрѣшныхъ дѣтищахъ литературной молодости автора чуткіе люди

подиѣтали какую-то неискреннюю нотку. Словно уныный рассказчикъ, попавшій въ чуждую ему компанію, гдѣ для разговоровъ обязательны порядочныя темы, М. Вѣлискій ловко и занимательно, — съ затанцовою, однако, скукою, — развиваетъ нить неинтереснаго для него рассказа, — и лишь въ тѣ моменты, когда наступаетъ очередь за отдѣльными, ловко пригнанными, скабрзными эпизодами, — взоръ его вспыхиваетъ, голосъ становится выразительнѣй и звонче; жесты — свободнѣй и болѣе округлены.

Въ особенности такое впечатлѣніе, помнится, произвелъ помѣщенный въ «Словѣ» очеркъ — «*На чистоту*». — Пока въ этомъ очеркѣ идутъ словепрѣнія между искреннимъ представителемъ и отщепенцемъ натуралистическаго движенія, рассказъ — вялый и подчасъ скучноватый — можетъ удовлетворить развѣ неврѣльных гимназистовъ, чрезвычайно обиженныхъ изыскательностью своего инспектора; но вотъ подъ столомъ поднимается незримая борьба между дамской туфелькой и мужскимъ сапогомъ: слышатся нескромныя рѣчи, загораются плотоядные взоры — авторъ оживляется, повѣствованіе льется бойкой и живой струей. Сразу видно, что М. Вѣлискій и самъ отъ щекотки не прочь, и другіе пощекотать умѣетъ. Прогрессисты и литературные критики снисходительно улыбаются по поводу этой черты творчества романиста, резонно полагая, что М. Вѣлискій балуется, скрѣпя сердце, лишь для того, чтобы привлечь вниманіе читателей къ серьезной сторонѣ своего произведенія. Протекло нѣсколько лѣтъ... Прогрессисты — надо полагать, въ поступательномъ ходѣ своемъ — ушли куда-то очень далеко; появилось новое литературное теченіе; читатель и писатель стали откровенно перемигиваться насчетъ разныхъ нескромныхъ «еще кой-что, чего сказать нельзя» — Максимъ Вѣлискій расцвѣлъ. Онъ пересталъ скрѣпяться: не представлялось уже необходимости щекотать съ оглядкой, исподтишка, сохраняя на лицѣ своемъ елеинно-постное выраженіе: наоборотъ, — мода, воцарившаяся въ извѣстной части литературы, требовала въ этомъ отношеніи полнѣйшей откровенности. Само собою разумѣется, что новомодный литературный костюмъ оказался какъ разъ по плечу Макс. Вѣлискому. Онъ выглядѣлъ въ немъ очень интересно, и на него стали засматриваться. Потянулася серія рассказовъ «откровенной щекотки»: литературные персонажи Макс. Вѣлискаго совсѣмъ перестали разговаривать, — не до того нтъ; въ одно изъ такитъ большихъ романовъ — «Вѣрочка»¹ — всѣ разговоры могутъ быть умѣщены на одной страницѣ. М. Вѣлискій

¹ Помѣщенномъ въ журн. „Новъ“.

поправился публикѣ,—и его стали вѣлчать талантомъ и россійскимъ Золя. Если возможно, съ оговоркою, согласиться съ первымъ,—то ни какъ уже со вторымъ. Между Вѣлинскимъ и Золя—помимо, понятно, разбѣровъ ихъ дарованій—огромная разница. Золя лишь настойчивъ въ своей любознательности романиста, онъ проникаетъ во всѣ уголки жилья своихъ героев: порывшись долго въ мастерской и рабочемъ кабинетѣ, внимательно осматривъ столовую и посидѣвъ въ гостиной,—Золя не можетъ воздержаться отъ любопытства заглянуть и въ спальную комнату. Не то—Макс Вѣлинскій: быстро пробѣжавъ черезъ всю анфиладу комнатъ, въ которыхъ проходитъ большая часть дѣятельнаго дня человѣка, онъ назойливо врывается въ спальную, отдергиваетъ занавѣсъ алькова и съ рокошующей отъ щекотныхъ ощущеній толпою читателей своихъ начинаетъ испытующе осматривать постель... У Золя—любопытность, доходящая иногда до нескромности; у М. Вѣлинскаго—цинизмъ, доходящій всегда до омерзѣнія. Но толпѣ мало одного цинизма: ощущенія этого рода быстро притупляются; ей занятно знать—чѣмъ срамоту писатель живописуетъ М. Вѣлинскій—уступчивъ (доступъ въ порядочныя изданія ему вѣдь, все равно, прегражденъ); онъ начинаетъ описывать разныхъ знакомцевъ, со всѣми особыми приѣздами, вдобавокъ обезображиваетъ ихъ—и, такимъ образомъ, создается не просто блудливый, а *блудливо-пасквильный* романъ. Таковы его произведенія—«Старый другъ», «Ириниръ Плутарховъ»—таковъ и интересующій насъ романъ «Ординарный профессоръ»¹.

Въ «Ординарномъ профессорѣ», къ обычнымъ атрибутамъ своего творчества—цинизму, оплевыванію почтенныхъ людей, клеветническому пасквилю—Максимъ Вѣлинскій присоединилъ и лхой пошлостъ уличнаго разжигателя дурныхъ религіозно-національныхъ инстинктовъ.

Цинизмъ сказанъ въ цѣломъ рядѣ безцѣльно-нескромныхъ сценъ; оплевываніе почтенныхъ людей—въ сообщеніи своихъ пошлымъ героинямъ и одурчаиваемому герою признаковъ и приѣтъ извѣстныхъ обществу дѣятелей; разжиганіе племенныхъ страстей—въ охарактерисованіи вводныхъ лицъ романа еврейскаго происхожденія съ самой мерзкой, почти звѣрской стороны.

Оцѣнка пасквильности приемовъ автора была произведена совершенно неожиданно членомъ одного ученаго университетскаго общества, который въ своей рѣчи, посвященной свѣтлой памяти недавно скончавшагося про-

¹ Наблюдатель,—1891 г. Кн. 2, 3, 4, 5 и 6.

фессора химии, указалъ на то, что напечатаніе настоящаго романа ускорило печальную развязку. Слова эти намъ станутъ понятны, если вспомнимъ, что герой романа является обычный профессоръ химии университета въ г. Святогорскѣ при Днѣпрѣ, какъ предупредительно подчеркиваетъ авторъ. На протяжении 200 съ чѣмъ-то страницъ Максъ Вѣлиинскій хлещетъ его, какъ ученаго, какъ человѣка и семьянина, которому чуть ли не на каждомъ шагѣ измѣняетъ жена...

Цинизмъ разбрасаемаго автора оцѣненъ ужъ давно; остается только указать на его усердное подслуживаніе жидотрепателямъ. Не имѣя возможности—по разбѣрамъ нашей статьи, — ознакомить читателя со всею мозаичною постройкою настоящаго романа, мы приведемъ лишь тѣ сцены, гдѣ наиболее рельефно выступаетъ интересующая насъ черта. Въ фабулу романа, имѣющаго своимъ предметомъ пошлость и адюльтеръ «мужей науки», впутанъ крайне искусственно полицейскій эпизодъ—обнаруженіе въ Ботаническомъ университетскомъ саду окровавленнаго трупа неизвѣстной 16-лѣтней дѣвушки.

Дѣвушка эта оказывается дочерью мѣстнаго еврея-миллионера, убѣжавшей изъ родительскаго дома и принявшей крещеніе — подъ вліяніемъ своего соблазвителя — офицера Аловайскаго. Судбно-слѣдственными власти терпятъ въ догадкахъ о виновникѣ возмутительнаго преступленія, привлекаютъ къ слѣдствію множество лицъ и все никакъ не могутъ схватить нити загадочнаго дѣла. М. Вѣлиинскій беретъ нить помощи — и съ этой цѣлью обрисовываетъ семейную среду, въ которой до крещенія жила убитая, нѣхъ взаимоотношенія и чувство въ нихъ мести къ ренегатѣ. Сжато и выпукло представлено нравственное неросоверщанье Гошала-отца въ слѣдующей сценѣ:

«Въ это самое время (т. е. въ день обнаруженія преступленія) на другомъ концѣ города—или вѣрнѣе — за городомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ богатые люди построили роскошныя дома и образовался цѣлый кварталъ, прозванный «дворянскимъ», рвалъ на себѣ волосы и плакалъ старый Гошаль. Онъ стоялъ на чугунномъ воздушномъ балконѣ съ раззолоченными розетками, и передъ нимъ разстилалась зелень его ровно подстриженнаго сада, а высоко на горизонтѣ, за Днѣпромъ, синѣла безграничная даль.

«Гошаль былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти пяти, съ ястребиными носомъ и въ выпуклыхъ темносинихъ очкахъ. На немъ былъ надѣтъ шелковый пиджакъ и турецкія желтыя съ золотомъ, туфли. Большой брилліантъ сверкалъ на низинѣ его лѣвой сморщенной отъ старости руки. Какъ

было не терзаться Гошалу! рано утромъ его собаки, — когда ихъ повели купать въ Дѣвиръ, — бросались на мальчика на берегу и чуть не разорвали его. Теперь онъ въ больницѣ. Уже началось дѣло, и родители мальчика предъявляютъ къ Гошалу искъ. Бѣдные люди рады всякому предлогу сорвать что-нибудь съ богатыхъ. Такъ рассуждалъ Гошалъ, и видъ безграничной, невозмутимой дали нисколько не успокаивалъ его. *И еще страдалъ* Гошалъ потому, что его дочь, уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ ушла изъ дому, опозорила его сѣдныи, приняла христіанство и *сегодня...* Но что сегодня? *Гошала самому себѣ не хотѣлъ признаться.* Это уже было высшее страданіе!

— «Я васъ спрашиваю, — плача, говорилъ Гошалъ, хотя, на самомъ дѣлѣ онъ никого не спрашивалъ, потому что на балконѣ никого и не было: — Скажете вы мнѣ, кто былъ всю жизнь такъ счастливъ, какъ Гошалъ, и на кого въ настоящее время такъ несправедливо обрушивается бѣда за бѣдой? Я спрашиваю васъ (на балконѣ рѣшительно никто не появлялся), зачѣмъ погябъ въ Черноѣ морѣ мой пароходъ? Зачѣмъ сослали въ Сибирь бѣднаго, прекраснаго, глупаго Юзела? Нѣтъ, скажите же мнѣ, зачѣмъ собаки разорвали этого мальчика? Зачѣмъ онъ никогда никого не рвалъ прежде? Я спрашиваю васъ, зачѣмъ обанкрутился мой милый зять Рувинъ Ширяховскій? Я спрашиваю васъ, наконецъ—слышите? — *Зачѣмъ это христіанство и зачѣмъ пролита кровь?*»

Кто же таковъ Гошалъ, — по описанію М. Вѣлиискаго? Типичный «жидъ», поклоняющійся одному лишь золотому идиолу. Золото, какъ средство и виѣствъ съ тѣмъ—дѣлъ, заполонила всѣ уголки его духовнаго міра: въ слезамъ отца, потрясеннаго горемъ, всегда привѣшиваются вопли купца, чующаго денежную потерю; семейная бѣда, сама по себѣ, неспособна потрясти этого черстватаго эгоиста, — она переплетается съ дожевными ущербомъ, и въ восполняется и теряется, наконецъ, подъ мощнымъ взрывомъ купеческаго отчаянія: «Зачѣмъ собаки разорвали этого мальчика? Зачѣмъ погябъ въ Черноѣ морѣ мой пароходъ?»... Но этого мало: окутанное дымкой недоумовъ, таинственныхъ намековъ, выдвигается, роетъ какое то страшное самообвиненіе; Гошалъ самому себѣ не хочетъ въ чемъ-то сознаться и лишь оброненныи безсвязно слова — *зачѣмъ христіанство, и зачѣмъ пролита кровь*—сближаютъ его съ страшнымъ дѣломъ, свершеннымъ въ Ботаническомъ саду. Въ дальнѣйшемъ изложеніи клубокъ мерзкаго обвиненія развивается все болѣе и болѣе. Вечеромъ въ столовой Гошала собирается вся семья; пришелъ съ женою зять — Шир-

паховскій—«черноглазый еврей въ бѣломъ жилетѣ», претендентъ на руку покойной Дувидовичъ «съ столбообразной головой въ мягкихъ *рысачихъ* кудерькахъ» и «съ длинной шеей въ бѣлыхъ рубцахъ — слѣдахъ золотухи,—повязанной батистовыми бантами въ видѣ котылька». Начинается кривлявая еврейская бесѣда съ жалкими потугами на остроуміе—конечно, со стороны евреевъ, а не М. Вѣлиискаго; говоря о городскихъ вѣстахъ, Дувидовичъ упоминаетъ и объ убійствѣ: Гошалъ вздрагиваетъ и дико восклицаетъ: «Горе мнѣ, горе!» — Эта тяжелая по своей фантастичности сцена заканчивается еще болѣе фантастичнымъ эпизодомъ: входитъ лакей и докладываетъ, что пришелъ какой то нищій и настойчиво требуетъ хозина; Гошалъ велитъ дать небольшую милостыню и прогнать его. Лакей возвращается и сообщаетъ, что нищій отказывается отъ милостыни и произноситъ оскорбительныя угрозы. Гошалъ блѣднѣетъ и съ дрожью въ голосѣ спрашиваетъ: «Онъ говоритъ, что *можетъ посадить меня въ острогъ?*» — «Да, онъ говоритъ, что въ тюрьму!» Страшное слово произнесено: Гошалъ понимаетъ, что онъ *долженъ* принять нищаго. Онъ подымается съ мѣста; шатаясь, направляется къ двери и бросаетъ загадочный взглядъ на зятя своего. Поблѣднѣвшій Шираховскій бросается къ нему, что-то шепчетъ ему на ухо...

Тутъ со старикомъ Гошаломъ происходитъ припадокъ раскаянія. «Я самъ догадываюсь, зачѣмъ онъ пришелъ,—сказалъ Гошалъ и потрясъ головой.—О, Рувинъ! Я не могу видѣть тебя. Я любилъ тебя, но не могу тебя больше видѣть!» Все освѣтилось: Гошалъ и зять его—убійцы вѣротстуницы! Мстительность религіознаго фанатизма не остановилась даже передъ связью кровнаго родства; авторъ, опасаясь очевидно, чтобы убійство не было объяснено вслѣдствіемъ оскорбленнаго родительскаго чувства, настойчиво подчеркиваетъ религіозный мотивъ. Какъ только Гошалы узнали отъ дочери, что она увлечена христіанствомъ—какъ начался рядъ безчеловѣчныхъ истязаній; форма ихъ до того дика, что только ничѣмъ несдерживаемая фантазія романиста могла ее изобрѣсти. Маргарита (покойная) рассказывала—говоритъ авторъ,—что съ вечера ее мать, пошептавшись съ зятемъ, наполнила ее сладкими виномъ и крѣпко цѣловала, отпуская спать. Но, когда она проснулась отъ страшной боли, она увидѣла себя связанной по рукамъ и ногамъ. Мать ходила по спальнѣ и сердито кричала: «Не жалѣйте ее, не жалѣйте! Такъ ее, такъ!» Сестра, съ искаженнымъ блѣднымъ лицомъ, держала ее за голову, а Рувинъ билъ. Наконецъ, сестра надѣла на нее наволочку и завязала вокругъ ее шею. Что съ ней

потомъ дѣлали, Маргарита не помнила, потому что впала въ безсознательное состояніе... Но утромъ она увидѣла себя опять свободной; мать пришла и, ласково улыбаясь, спросила, какъ она провела ночь. Маргарита сообщила ее укоризнами. «Но мать,—какъ повѣствуетъ М. Вѣлинскій,—все такъ же ласково облядила ей, что, если она не исправится, ей каждую ночь будутъ сниться дурные сны».

Но довольно! Спорить противъ живыхъ изображеній жизни подобными бытописателями-романистами — невозможно; они, какъ и всякій иной выдумщикъ странныхъ сказокъ, въ правѣ вамъ отвѣтить: «Не люблю — не слушай, а врать — не вѣдай!» Мы и не вѣдаемъ, а только констатируемъ, что Максимъ Вѣлинскій смеетъ за собою послѣднюю ступень, соединявшую его съ мало-мальской литературной порядочностью: онъ грузно шлепнулся въ лужу базарныхъ клеветъ и невѣжественнаго издѣательства... Оставьте его тамъ барахтаться и обратитесь къ тѣмъ служителямъ печатнаго слова, которые, «упорствуя, волнуясь и спѣша», честно шли и идутъ въ одной высокой цѣли.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ исполнилось двадцатипятилѣтіе литературной дѣятельности Элизы Орженко. Среди ея многочисленныхъ произведеній, приобрѣвшихъ себѣ извѣстность въ образованномъ мирѣ, найдется немало такихъ, которыя посвящены художественному изображенію убогой еврейской дѣйствительности. Не головою, а чуткимъ прощающимъ сердцемъ своимъ полюбила она сумрачную долю нашего народа, переболѣла его страданіями и научилась прощать тамъ, гдѣ другія, быть можетъ, смали бы ожесточенными проклятiя. Два міра — враждебныхъ и страстныхъ въ борьбѣ своей — нашли себѣ выраженіе въ ея чудныхъ романахъ, — миръ высокихъ понимовъ и самоотверженной любви, вышедшій на честную борьбу съ миромъ крѣпкихъ старины залпеснѣлой. Съ живымъ сочувствіемъ слѣдитъ она за неносильною борьбою «Сильнаго Самсона» и «Мейера Иозефовича», сострадаетъ имъ и указываетъ на дружную работу тѣхъ, кому дорого «сближеніе всѣхъ вѣтвей великаго древа человѣчества»¹. Если подойти къ нѣкоторымъ деталямъ ея произведеній, посвященныхъ еврейскому быту, съ масштабомъ придирчивой критики, — весьма вѣроятно, что удалось бы доказать неточность описаній, ошибки въ изображеніи ритуала,

¹ „Мейеръ Иозефовичъ“. — Романъ, введеніе, стр. 2.

нарушение правил исторической перспективы. Но по отношению къ Э. Орешко этотъ призывъ былъ бы далеко неправиленъ. Маудсли замѣтилъ какъ-то, что «освѣжающее и укрѣпляющее вліяніе нѣкоторыхъ писателей не столько зависитъ отъ дѣйствительнаго смысла ихъ произведеній, сколько отъ того *состоянія души*, которое они вызываютъ». Эти слова, точно нарочно, сказаны объ Элизѣ Орешко. Со страницъ ея романовъ — всегда гуманныхъ и проникнутыхъ вѣрою въ братство народовъ — вѣтъ душевной бодростью, ясно сознанными человѣческими обязанностями. Это строго опредѣленное мировоззрѣніе досталось ей не дешевой цѣной. Какъ видно изъ предисловія къ собранію своихъ сочиненій¹, Элиза Орешко очень дорого платила за каждое пріобрѣтеніе свое въ области духа; мысль ея прежде, чѣмъ выйти на широкій просторъ, долго блуждала по разнымъ «тропинкамъ и зарослямъ». Тѣмъ болѣе цѣнно достигнутое ею совершенство, тѣмъ выше свершенный ею подвигъ двадцати-пятилѣтняго честнаго служенія искусству. Въ теченіе еще многихъ годовъ — пока не свершится такъ восторженно проповѣдуемое ею братское сліяніе народовъ — всѣ обиденные и униженные будутъ вспоминать имя высокѣ-даровитой женщины, такъ горячо ратовавшей въ ихъ защиту.

Мы въ долгу — передъ читателями и памятью симпатичнаго человѣка и сотрудника нашего журнала — Эрнеста Карловича Ватсона.

Кандидатъ московскаго университета Эрнестъ Карловичъ выступилъ на литературное поприще въ самое «совѣтливое время» — шестидесятые года. Двадцать девять лѣтъ (съ 1862—1891 г.) литературной дѣятельности Ватсона озарены единымъ высокимъ сознаніемъ преданнаго служенія общественному благу. Стойкій и не поколебный, онъ всегда шелъ одною опредѣленною, честною дорогою — и никакія, выпавшія на долю его тяжелыя испытанія не заставили его ни разу поступиться высокимъ идеалами ранней юности своей. Многосторонне образованный, талантливый и трудолюбивый, Ватсонъ всю почти жизнь свою знался съ тяжелой нуждою. Объясненіе этого, съ перваго взгляда, страннаго обстоятельства можно найти въ тѣхъ требованіяхъ, которыя онъ предъявлялъ литературному дѣлу. Эрнестъ Карловичъ считалъ возможнымъ работать лишь въ тѣхъ изданіяхъ, которыя честно откликались на вопросы, волновавшие его благородный умъ. Соредакторъ коршевскихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», одинъ изъ видныхъ представителей газеты «Молва» — покойный не могъ

¹ См. „Русская Мысль“ 1891 г. кн. 9.

принираться со многими условиями журналистики, возросшей на нездоровой литературной почвѣ 80-хъ годовъ. Ватсонъ написалъ нѣсколько цѣнныхъ работъ, изъ которыхъ особаго вниманія заслуживаютъ: «Шульце-Деличъ и Лассаль»¹ и «Эпизодъ франко-прусской войны».

Миръ праху твоему, честный труженикъ литературной нивы!

Ос. Гр.

---

¹ „Современникъ“ 1864 г.

общаго сбора распредѣляется ежегодно министерствомъ внутр. дѣлъ между еврейскими обществами, по возможности, сообразно съ ихъ состояніемъ и соотвѣтственно съ количествомъ коробочныхъ откупныхъ доходовъ. 3) Каждое общество составляетъ внутреннюю раскладку причитающейся съ него суммы, приѣняясь къ правиламъ, для государственныхъ податей поставленнымъ, и по наставленіямъ, какія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ будутъ преподаны. 4) Бездоночный взносъ сбора, слѣдующаго съ каждаго общества, лежитъ на полной его отвѣтственности; общество же, съ своей стороны, понуждаетъ неисправныхъ плательщиковъ иѣрами, для взиманія государственныхъ податей предписанными. 5) Сборъ взимается старостами и ихъ помощниками, опредѣляемыми на основаніи устава о податяхъ, и вносится въ городскія думы, магистраты и ратуши, въ вѣдомствѣ конкъ состоитъ общество. 6) Податные старосты и ихъ помощники, равно члены городскихъ думъ, магистратовъ и ратушъ, за доказанное непринятіе всѣхъ законныхъ мѣръ къ очищенію недоноковъ, а тѣмъ болѣе за умышленное въ томъ послабленіе, подлежатъ отвѣтственности на точномъ основаніи 629 ст. уст. о подат. (Свод. зак. т. 5). 7) Министерство народнаго просвѣщенія сообщаетъ министерству внутреннихъ дѣлъ ежегодно, не позже октября, свѣдѣніе, въ какихъ мѣстахъ должны производимы быть отпуски суммъ свѣчнаго сбора, долженствующаго поступить въ слѣдующемъ году, а министерство внутреннихъ дѣлъ, сообразно сему, дѣлаетъ заблаговременно нужныя распоряженія. Затѣмъ министерство народнаго просвѣщенія не входитъ уже ни въ какіе расчеты и получаетъ каждый разъ сполна причитающіяся ему суммы. 8) Сроки, въ которые должны быть вносимы вышепомянутыя суммы, опредѣляются по взаимному соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. 9) На обязанности министерства внутреннихъ дѣлъ возлагается руководить въ настоящемъ дѣлѣ мѣстныя начальства, давать имъ, въ случаѣ надобности, подробныя наставленія, разрѣшать недоумѣвія, какія могли бы случиться, и наблюдать за правильнымъ взиманіемъ и поступленіемъ сбора, на поставленныхъ законами общихъ основаніяхъ относительно порядка завѣдыванія общественными суммами городскихъ сословій; предъ истеченіемъ же назначаемаго для дѣйствія настоящихъ правилъ трехлѣтняго срока, представляется министру внутреннихъ дѣлъ войти въ соображеніе и представить, куда слѣдуетъ, заключеніе свое о возможности взиманія сего сбора въ видѣ налога косвеннаго, по числу зажигаемыхъ евреями свѣчей.

II. Назначеніе комиссіонеровъ, агентовъ или откупщиковъ для взиманія

свѣчнаго сбора отмѣнить, и производившійся итъ донынѣ отпускъ процентовъ съ валоваго дохода отъ сего сбора прекратить. (И. С. З. 1852, № 25865).

Означенныя правила продолжаютъ дѣйствовать до слухъ поръ на основаніи именнаго указа 24 декабря 1858 г., и нѣтъ дѣйствовать впередъ до утвержденія новаго положенія о коробочныхъ сборахъ ¹.

У Сборъ съ еврейскихъ типографій.

§ 319. Въ 1845 г. печатаніе еврейскихъ книгъ сосредоточено было въ двухъ только типографіяхъ, съ отдачей ихъ чрезъ министерство народнаго просвѣщенія съ публичныхъ торговъ благонадежнымъ евреямъ. При чемъ постановлено было, что предметъ торговъ на еврейскія типографіи составляетъ количество ежегоднаго денежнаго взноса на пользу еврейскихъ учебныхъ заведеній за исключительное право печатать еврейскія книги.

Впрочемъ, еслибы предложенныя на торгахъ цѣны оказались неудовлетворительными, то, по представленію о томъ попечителей учебныхъ округовъ, министръ народнаго просвѣщенія имѣлъ право, вмѣсто отдачи еврейскихъ типографій на откупъ, установить плату съ каждаго напечатаннаго въ нихъ листа, не свыше однако одной копѣйки. Кроме того въ обезпеченіе означеннаго дохода, обложены были не свыше полутора копѣекъ съ каждаго печатнаго листа привозимыя изъ за-границы еврейскія книги, кромѣ тѣхъ, которыя относятся до наукъ и языкованія ².

Указанный налогъ, стѣснявшій евреевъ въ духовной пищѣ, весьма вредно отразился на практикѣ: книги вздорожали и сдѣлались мало доступными еврейской массѣ. На эту сторону дѣла обращено было вниманіе въ царствованіе Императора Александра II. По уваженію оказавшагося на опытѣ крайняго вреда отъ отдачи на откупъ еврейскихъ типографій, — сказано въ Высоч. утв. 26 Апрѣля 1862 г. положеніи комитета объ устройствѣ евреевъ, — какъ въ отношеніи развитія образованія между еврейскимъ населеніемъ, такъ и въ отношеніи матеріальнаго стѣсненія бѣднѣйшей части сего народа, принужденнаго пріобрѣтать по несоразитрно высокимъ цѣнамъ необходимыя ему книги духовнаго содержанія, Государь

¹ В. П. С. З., т. 33, № 33949.

² В. П. С. З., т. 20, № 19474.

Императоръ повелѣлъ: разрѣшить евреямъ съ 1-го Іюля 1862 г. открывать безирепатственно типографіи для печатанія въ нихъ исключительно еврейскихъ книгъ: а) во всѣхъ дозволенныхъ евреямъ для жительства мѣстахъ, гдѣ будетъ министерствомъ народнаго просвѣщенія * призвано возможнымъ и удобнымъ имѣть особые еврейскіе цехворовъ, и б) въ С.-Петербургѣ, тѣмъ изъ евреевъ, которые имѣютъ право пребыванія въ столицѣ.

Нѣ въ возвышеніе дохода, получаемого съ еврейскихъ типографій, назначена плата съ ручнаго типографскаго станка по 20 руб., съ скоропечатныхъ машинъ малаго разиѣра по 120 р. и съ большаго разиѣра или двойныхъ—240 р. въ годъ**. Опредѣленіе же срока, мѣста и порядка взноса этой платы, поступающей на содержаніе еврейскихъ училищъ, предоставлено ближайшему усмотрѣнію управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія¹.

Это узаконеніе составляетъ несомнѣнно большое облегченіе для еврейской массы, но вѣстѣ съ тѣмъ остается желать, чтобы установленный закономъ сборъ съ типографскихъ станковъ былъ вовсе упраздненъ, такъ какъ въ сущности такой сборъ является налогомъ на релігіозныя потребности евреевъ въ книгахъ духовнаго содержанія.

ГЛАВА XXVI.

О еврейской присягѣ.

1. Историческій очеркъ формъ и обрядовъ еврейской присяги.

§ 320. Присяга — это обѣщаніе, торжественнымъ призваніемъ Бога во свидѣтели, исполнить свято, честно и добросовѣстно обязанности, которыя присягающій принимаетъ на себя въ качествѣ-ли подданнаго, должностнаго лица, воина, либо свидѣтеля по гражданскому или уголовному дѣлу и т. п. Означенныя лица, вступая въ отправленіе своихъ обязанностей принятіемъ присяги, тѣмъ самымъ признаютъ: 1) что эти обязанности не противорѣчаютъ божественной волѣ, а напротивъ,—повиновеніе правительству и закону и показаніе правды согласны съ этой волей; 2) что Богъ

* Нынѣ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

** Этотъ законъ составляетъ нынѣ примѣчаніе къ ст. 158 уст. цензурнаго, изд. 1860 г.

¹ П. С. З. 1862 г., т. 37, № 38213.

является всебѣдущимъ бжествителемъ и къ вѣрности долгу, нарушение которой Богъ наказываетъ какъ угроженіями совѣсти, такъ и на страшномъ судѣ, независимо отъ уголовного наказанія за нарушение присяги.

Такъ какъ вѣра въ Бога повсемѣстно распространена между евреями, христіанами и магометанами, то, по видимому, нѣтъ основательныхъ поводовъ къ установленію различныхъ формъ присяги, смотря по вѣроисповѣданію. Но въ дѣйствительности такія формы существуютъ у насъ особо для христіанъ и нехристіанъ.

Здѣсь мы будемъ говорить лишь объ установленныхъ русскими законодательствомъ формахъ присяги для евреевъ, очертивъ предварительно историческій ходъ установленія ихъ въ Россіи. Существующія для евреевъ формы присяги, въ ихъ историческомъ развитіи, раздѣляются на слѣдующія категории: 1) для рекрутъ (нынѣ новобранцевъ); 2) для членовъ кагала; 3) для членовъ правленія еврейскаго молитвеннаго общества; 4) на званіе раввина; 5) предъ начатіемъ выборовъ въ общественныя должности; 6) для поступленія въ государственную либо общественную службу; 7) для свидѣтелей и 8) на подданство.

А. Присяга для рекрутъ.

§ 321. Во всѣхъ перечисленныхъ присяжныхъ формахъ обращаютъ на себя вниманіе правила о вѣрнѣемъ ихъ исполненіи. Эти правила пропитаны крайнимъ недоувѣріемъ къ искренности присягающаго и лицъ, приводящихъ его къ присягѣ, подозрительностью, что первый и послѣдніе при всякомъ случаѣ готовы нарушить данную присягу, а потому ихъ приходится связать такими обрядностями и проклятіями, которыя отбили бы у нихъ и помышленіе о нарушении присяги. Въ этомъ отношеніи, прежде всего, заслуживаетъ особаго вниманія первая, по времени, присяга—для еврейскихъ рекрутъ. Присяга эта, изданная въ 1827 г. вмѣстѣ съ уставомъ рекрутской повинности и военной службы евреевъ, въ настоящее время нѣтъ однихъ историческій интересъ и характеризуетъ взглядъ тогдашняго правительства на еврейскую присягу.

До приведенія рекрута къ присягѣ, раввинъ долженъ былъ дать за своею подписью *удостовереніе*, что онъ исполнитъ обрядъ оной вѣрно, по слѣдующей формѣ: «Призываю во свидѣтели Бога, что я съ моей стороны, по званію законоучителя евреевъ, не уступаю ничего, что по нашему закону требуется въ обрядахъ присяги, для святости и ненарушимости

оной. Если съ моей стороны, что будетъ допущено съ намереніемъ, для ослабленія приюти, даваемой рекрутами евреями, то, во первыхъ, проклятіе Божіе да постигнетъ меня *са семействомъ моимъ и весь народъ Израильскій*, какъ клятвенпреступниковъ; во вторыхъ, снѣхъ изъявляю готовность подвергнуться наказанію по законамъ за таковое преступленіе». Такими образомъ, не только семейство раввина, но и весь израильскій народъ подлежали проклятію за неисполненіе единичнымъ лицомъ — раввиномъ свейхъ обязанностей; въ этомъ, между прочимъ, выражается также взглядъ правительства на круговую отвѣтственность всѣхъ евреевъ за преступленія одного изъ нихъ.

За снѣхъ слѣдуютъ *уемманіе* со стороны раввина приводимому къ присягѣ рекруту. Это увѣщаніе формулировано слѣдующимъ образомъ:

«Зная законъ Божій, дошедшій до насъ и сохраняемый правобѣрными сынами Израиля, объявляю тебѣ предъ сою святою книгою (т. е. передъ свитками завета), что вы всѣ должны повиноваться и служить государю и государству российскимъ, какъ своимъ собственнымъ, пока не возстановится Святыи Иерусалимъ и не возвратится въ оный по предсказанію.

«Клятва на вѣрность службы, которую ты готовишься произнести, столь же свята и ненарушима, какъ всякая клятва, даваемая объ исполненіи нашего (т. е. еврейскаго) закона. Правобѣрные начальники древняго Израиля (Несіемъ) исполняли клятву, данную народу, который поклонялся чуждымъ богамъ, чтобы, такимъ образомъ, исполнить законъ Божій.

«Всякое нарушеніе всякой присяги и слѣдственно приписной на вѣрность военной службы, по объясненію всѣхъ нашихъ истинныхъ учителей, есть грѣхъ тяжчайшій, нескрупаемый никакимъ покаяніемъ, никакимъ разрѣшеніемъ, ни Гофорисъ, Недурисъ, Месирасъ Модуу, Колнудре, Ахлетъ, ни какими другими средствами, ни въ день очищенія и никогда.

«Кто, произнесъ клятву, думаетъ иное, нежели говорить устани, есть уже клятвенпреступникъ по истинному закону: ибо онъ произноситъ ния Божіе всуе.

«Знай, что весь міръ потрясся, когда Богъ сказалъ: не произноси имени Господа Бога твоего всуе.

«О всѣхъ преступленіяхъ Моисеева закона сказано, что они очищаются; но о клятвенпреступленіи сказано, что оно не очищается.

«За всѣ преступленія Моисеева закона наказывается одинъ только преступникъ, а за клятвенпреступленіе падаетъ наказаніе на весь родъ преступника, покровительствующій ему, и не только падаетъ на родъ его, но,

чрезъ сего преступника, на всѣхъ сыновъ Израиля, какъ будто на невѣрныхъ: *ибо естъ сыны Израиля руются другъ за друга.*

«За всѣ преступленія Моисеева закона наказаніе откладывается до втораго и третьяго поколѣнія, чтобы преступникъ могъ заслужить милость Божию какими либо добрыми дѣломъ; не за клятвопреступленіе падаетъ оно на преступника безъ замедленія, и те, что ведею и огнемъ не уничтожаются, уничтожаются ложною присягою.

«Если ты нарушишь присягу, даваную тобою мнѣ предъ законамъ, то проклятiе отяготитъ твою душу сугубо, потому, что тебѣ объяснятся напередъ о сѣхъ грѣхѣхъ.

«И всякое наказаніе отъ военныхъ начальниковъ за неисполненіе твоей должности будетъ уже наказаніе Божіе, чрезъ нихъ посылаемое за клятвопреступленіе».

Самая присяга рекрута заключалась въ слѣдующемъ:

«Именемъ Адоунаи живаго, всемогущаго и вѣчнаго Бога израильскихъ, клянусь, что желаю и буду служить российскому императору и российскому государству, куда и какъ назначено мнѣ будетъ во все время службы, съ полнымъ повиновеніемъ военному начальству, также вѣрно, какъ бы былъ обязанъ служить для защиты законовъ земли Израильской¹.

«Произнося сiя слова, не кляпiяю оныхъ въ своемъ сердцѣ, но принимаю въ томъ смыслѣ, въ какомъ приводящiе меня къ присягѣ, не говорили и не буду говорить о настоящей присягѣ, что даю или давалъ оную съ наивѣрнѣеиъ не исцелитъ оной; однимъ словомъ, не буду искать, не признавать ни отъ кого никакого средства къ нарушенію оной.

«Но если, по слабости своей, или по чьему внушенію, нарушу даваную мною на вѣрность военной службы присягу, то да падеть проклятiе вѣч-

¹ Нинѣ же дѣйствующій текстъ присяги при поступленіи въ военную службу гласитъ, что „хочу и долженъ Его Императорскому Величеству, *во всемъ истинному и природному Государю Императору...* и Его Императорскаго Величества Всероссийскаго престола Наслѣднику... вѣрно и нелицемѣрно служить, и во всемъ повиноваться военному начальству, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и воѣ, къ Высокому Его Императорскаго Величества самодержавству, силѣ и власти принадлежаміа права и преимуществъ, узаконенныя и впродъ узаконенныя, по крайнему разумѣнію силѣ и возможности предостерегать и оборонять и при томъ по крайней мѣрѣ старатися споспѣшествовать все, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ“...

ное на мою душу и да постигнетъ вѣсть со мною и все мое семейство. Амнь»¹.

§ 322. Обрядовая сторона выполненія присяги предписывалась закономъ въ слѣдующемъ видѣ: для присяги еврейскаго рекрута назначались свидѣтели: а) со стороны начальства—стряпчій и членъ магистрата или ратуши; б) со стороны евреевъ — потребное число почетныхъ (Миньянъ), которое бываетъ не менѣе 10. Сверхъ того, должны были находиться тѣ лица и въ томъ числѣ, какъ у евреевъ бываетъ при судѣ, называемомъ *Бесъ-Динъ*. Присяга еврейскихъ рекрутъ должна была совершаться въ синагогѣ или школѣ, въ которыхъ отправляется еврейское богослуженіе, надъ священною книгою *Сеферъ Торой*, которая должна быть одной изъ тѣхъ, по которымъ читается священный законъ во время еврейскаго богослуженія.

Для предосторожности предписывалось: если губернское правленіе не удостовѣрено, что будетъ употреблена для присяги книга, не имѣющая никакого недостатка, то можетъ, во время богослуженія, прежде присяги, приказать запечатать ту, по которой евреи читаютъ законъ.

Далѣе постановлено, что присяга не совершается въ субботу и другіе еврейскіе праздничные дни, реестръ которыхъ должно было имѣть губернское правленіе. Рекрутъ приводится къ присягѣ раввиномъ *особымъ*, т. е. не тѣмъ, который находится въ числѣ свидѣтелей, утвержденнымъ отъ начальства и не дающимъ сомнѣнія въ повиновеніи законамъ государства; раввинъ долженъ быть того ученія (секты), къ которому принадлежитъ приводимый къ присягѣ, причемъ прежде, чѣмъ раввинъ приступитъ къ исполненію обрядовъ присяги, стряпчій дѣлаетъ ему приличное внушеніе о его обязанностяхъ въ этомъ случаѣ, затѣмъ раввинъ читаетъ и подписываетъ удостовѣреніе, что онъ исполнитъ свою обязанность въ точности, послѣ чего раввинъ читаетъ приводимымъ къ присягѣ рекрутамъ увѣщаніе, которое приведено выше. Предъ присягающими во время увѣщанія стоятъ двѣ зажженные свѣчи на столѣ и гасятся предъ самой присягой. По окончаніи увѣщанія присутствующіе говорятъ присягающему: «мы приведемъ тебя къ сей присягѣ не по твоимъ мыслямъ, но по нашимъ мыслямъ и по мыслямъ третейскаго суда — Бесъ-Динъ». Потомъ дѣлаются приготовленія къ присягѣ по еврейскимъ обрядамъ, какъ-то: присягающій умываетъ руки, надѣваетъ *талисъ* и *китель*, обвиваетъ голову и лѣвую

¹ П. С. З., 1827 г., т. 2, № 1360.

руку ремнемъ *тфиллинъ*, становится предъ кивотою, на сей случай открытымъ, причеъ каждый рекрутъ долженъ былъ особо читать присягу на древне-еврейскомъ языкѣ за раввиномъ слово въ слово, присутствовавшіе же чиновники, имѣвшіе форму присяги на еврейскомъ языкѣ, писанную русскими буквами, должны были повѣрять каждое слово, произносимое раввиномъ и рекрутомъ. Но такъ какъ присягающій могъ не знать древне-еврейскаго языка, то предписывалось, прежде обряда присяги, прочесть ему такую же на новомъ, употребительномъ еврейскомъ языкѣ. Впрочемъ, и повѣрка со стороны чиновниковъ считалась недостаточной, такъ какъ для наблюденія за точностью въ обрядахъ, совершаемыхъ на еврейскомъ языкѣ, велѣно было употреблять, сверхъ свидѣтелей, благонадежныхъ *крещеныхъ евреевъ* или хорошо знающихъ еврейскій языкъ христіанъ, если таковые нѣлись. По окончаніи присяги, присяжный листъ подписывался раввиномъ и всѣми свидѣтелями — христіанами и евреями и представлялся стражничь въ казенную палату. По заключеніи обряда присяги, еврей, назначенный для сего особо, трубилъ въ рогъ (шоферъ) четырьмя разными тонами, и затѣмъ рекрутъ отдавался военному чиновнику подъ росписку, которая представлялась въ казенную палату¹.

§ 323. Изложенные, чрезвычайно унижительные и оскорбительные, но сквозящей въ нихъ подозрительности, обряды могли выноситься въ мѣстахъ постоянной осѣдлости евреевъ, гдѣ были и синагоги, и раввины, и бесѣ-динъ, и миньянъ, и трубные рога, однимъ словомъ, всѣ установленныя закономъ обстановочныя принадлежности присяги. Но въ 1842 г. встрѣтился случай привода къ присягѣ рекрута еврея въ Иркутскѣ, гдѣ не оказалось ни миньяна, ни бесѣ-дива, ни синагоги, рѣшительно ничего изъ этихъ принадлежностей, и вотъ возникъ вопросъ, какъ быть.

Въ разрѣшеніе этого вопроса министръ внутрен. дѣлъ полагалъ, что еврейскіе рекруты въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ еврейскаго общества и синагогъ, могутъ быть приводимы къ присягѣ на вѣрность службы при соблюденіи только слѣдующихъ, установленныхъ для общей присяги, правилъ: а) чтобы присяга не производилась по субботамъ и праздничнымъ днямъ, означеннымъ въ календарѣ для военно-служащихъ евреевъ, и не совершалась въ домахъ, посвященныхъ богомоленію христіанъ, либо въ конвратахъ, гдѣ въ то время находятся святые иконы; б) чтобы присягающій рекрутъ держалъ во все время произношенія имъ присяги печатное Пятикнижіе или только

¹ Тамъ же.

одну из пяти книг Моисеевыхъ, прикладывая ее правою рукою къ своей груди; в) чтобы рекрутъ произносилъ присягу на томъ языкѣ, который онъ понимаетъ, и преимущественно на русскомъ, ибо можно съ достовѣрностью полагать, что, находясь между одними русскими, онъ достаточно понимаетъ этотъ языкъ; г) чтобы присягающій самъ читалъ, если не можетъ, присяжный листъ, въ противномъ же случаѣ долженъ ему читать оный другой, а онъ повторяетъ за нимъ слово въ слово; д) чтобы при приводѣ къ присягѣ находились свидѣтели со стороны гражданской—стражничей и членъ магистрата или ратуши, изъ коихъ первый долженъ, въ случаѣ незнанія русскаго чтевія евреемъ рекрутомъ, прочитывать присяжные слова, и е) присяга читается по формѣ, установленной для еврейскихъ рекрутъ. Но, для приданія ей, совершаемой безъ особенныхъ обрядовъ, большей важности, министръ полагалъ прибавить предъ концомъ, что присягающій *отрекается отъ своей вѣры, если не исполнитъ данной имъ клятвы*, въ такихъ выраженіяхъ: «то снѣ сдѣлаюсь жидишникомъ своей вѣры и не буду называться иудеемъ». Съ этимъ мнѣніемъ согласился и военный министръ, и правит. сенатъ, и комитетъ министровъ, положеніе котораго по этому предмету получило Высочайшее утвержденіе 18-го іюня 1842 г. ¹.

Изъ только что приведеннаго узаконенія видно, что, въ сущности, не было надобности во всей той унизительной обстановкѣ, которой сопровождалась присяга рекрутъ въ чертѣ еврейской осѣдлости, ибо присяга и безъ этой обстановки, по мысли закона 18 іюня 1842 г., имѣетъ полную силу.

Изъ дальнѣйшаго же изложенія мы увидимъ, что обстановка эта значительно упростилась для всѣхъ родовъ присяги въ царствованіе императора Александра II, но отъ этого святость присяги едва-ли пострадала.

Б. Присяга членовъ кагала и членовъ правленія молитвеннаго общества.

§ 324. Формы присягъ для этихъ должностныхъ лицъ обнародованы были въ 1838 году. Что касается обрядовой стороны этой присяги, то она заключалась въ томъ, что кагалные приводились къ присягѣ въ мѣстной синагогѣ раввиномъ и Бесдиномъ, а члены правленія молитвеннаго общества—въ синагогѣ или молитвенной школѣ, къ которой принадлежать,

¹ П. С. З., 1842, т. XVII, № 15761.

мѣстнымъ же раввинамъ, на основаніи обычаевъ и обрядовъ еврейской вѣры. При присягѣ кагалныхъ должны были присутствовать въ городахъ—полицеймейстеръ или городничій, а въ уѣздѣ—земскій исправникъ и члены правленія еврейскаго молитвеннаго общества той синагоги, въ которой давалась присяга, а также десять почетныхъ членовъ городского еврейскаго общества; а при присягѣ членовъ правленія молитвеннаго общества, кромѣ полиціеймейстера, городничаго или исправника, по принадлежности, членами правленія еврейскаго гражданскаго общества, также члены того молитвеннаго общества, къ которому принадлежатъ приводимые къ присягѣ. Каждый изъ приводимыхъ къ присягѣ долженъ былъ читать особо присяжный листъ на еврейскомъ языкѣ и подписывать его. Свидѣтелями, при присягѣ кагалныхъ, подписывались раввинъ и Веддинъ, приводившіе къ присягѣ, и члены правленія молитвеннаго общества, при присягѣ находившіеся, а при присягѣ членовъ правленія молитвеннаго общества—раввинъ, приводившій къ присягѣ, члены правленія гражданскаго общества и члены молитвеннаго общества. Въ томъ и другомъ случаѣ присутствовавшій при томъ чиновникъ скрѣплялъ ихъ подписью своею ¹.

Содержаніе присяги кагалныхъ заключалось въ слѣдующее: они клялись въ томъ, что чистыми седцами и душевными желаніемъ будутъ, въ порученной имъ должности, вѣрно и безкорыстно служить Государю Императору и Наслѣднику престола, не щадя при томъ живота своего до послѣдней капли крови, и повиноваться высокой Его Императорскаго Величества власти и повелѣніямъ, равно какъ и поставленнымъ отъ него правителямъ, судьямъ и начальникамъ.

Кагалные, дажѣ, присягали въ томъ: а) что будутъ соблюдать и исполнять всѣ возложенныя и впредь возлагаемыя на нихъ законами государственными обязанности, равно какъ регламенты и постановленія мѣстнаго начальства; б) что не будутъ утаивать либо скрывать, при дачѣ новой ревизской сказки или переписи, ни одной души изъ подвѣдомственнаго имъ общества; в) что не будутъ снабжать свидетельствами для получения видовъ на свободное жительство или паспортовъ на свободный прѣздъ тѣхъ людей, которымъ таковыя виды давать не слѣдуетъ; г) что они будутъ пещись всѣми мѣрами, чтобы слѣдующіе съ общества рекруты были ими представляемы куда слѣдуетъ своевременно, и что всякое требованіе и предписаніе установленнаго начальства, къ сословію еврейскаго

¹ П. С. З., 1838 г., т. XIII № 10895 и № 11134.

общества относящихся, будут исполнять въ точности и въ надлежащее время; д) что деньги, казенныя подати и прочія повинности общественныя, слѣдующія къ поступленію въ казначейство и другія мѣста, будутъ ими вносимы по принадлежности безъ малѣйшаго промедленія; е) что они, магальныя, будутъ строго наблюдать за исправнымъ вѣсомъ безъ утайки съ каждаго лица и каждаго семейства казенныхъ податей и прочіихъ общественныхъ сборовъ, и что, при раскладкѣ недостающихъ суммъ по казеннымъ податямъ и прочимъ общественнымъ надобностямъ, не будутъ ими уважаемы ни родство, ни званіе, ни происхожденіе, ни же секты; ж) что они не будутъ ставить въ порокъ кому либо проступковъ по неисполненію обрядовъ вѣры, и что не будутъ изъ общественныхъ сборовъ или доходовъ дѣлать издержекъ для какихъ бы то ни было постороннихъ потребностей, кромѣ расходовъ и надобностей, сословія еврейскаго общества касающихся, отвѣтствуя за всякое по сему упущеніе, злоупотребленіе или безпорядокъ; з) что они будутъ направлять, всѣми зависящими отъ нихъ средствами, членовъ подѣдомственного имъ общества къ исполненію ихъ обязанностей, повнновенію гражданскимъ властямъ и сохраненію общественного порядка и спокойствія; и) что не допускать и не скрывать ничего вреднаго и противнаго законамъ Имперіи, но будутъ соблюдать все, касающееся интереса и пользы высокой власти.

§ 325. Что касается формы *присяги членовъ правленія* молитвеннаго общества, то послѣдніе присягали въ томъ, что будутъ въ препоручаемой имъ должности поступать справедливо и безкорыстно и стараться всѣми мѣрами, дабы занимаемая молитвеннымъ обществомъ синагога (или школа) была навсегда посвящена исключительно одному богомолю, совершенію обрядовъ вѣры и чтенію книгъ еврейскаго закона, чтобы, кромѣ этого, въ ней никакого другаго собранія, противнаго общественному спокойствію, распоряженія мѣстнаго начальства и полицейскому порядку, производимо не было, и никакихъ другихъ вещей, кромѣ списковъ Тойры, свертковъ, книгъ и утвари, принадлежащихъ къ богомолю и совершенію обрядовъ вѣры, въ ней сохраняемо не было; даѣе, члены правленія обѣщали не позволять и не допускать въ синагогѣ или школѣ какъ при управленіи общественного богомоля, такъ и въ другое время, равно какъ и въ хранящихся въ ней книгахъ, свиткахъ и утвари, ничего противнаго существующимъ на это узаконеніямъ и правиламъ, или оскорбительнаго для высокой власти Императора, Августѣйшаго его дома, государства, поставленныхъ отъ него начальниковъ и всѣхъ его вѣрныхъ подданныхъ, от-

нѣтотуа за всякое по этимъ предметамъ упущеніе, злоупотребленіе или безпорядокъ.

Надшеецъ, заключительная часть присяги какъ кагалъскихъ, такъ и членовъ правленія молитвеннаго общества, состояла въ слѣдующемъ: присягающій говорилъ: «прошюся сіи слова, не изстѣваю оныхъ въ моемъ сердцѣ, но принимаю ихъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ приводящіе меня къ присягѣ ихъ принимаютъ. Я не говорилъ и ни предъ кѣмъ не объявлялъ, что буду давать сію присягу съ намѣреніемъ не исполнить оной, а если сіе сдѣлать, то оныя слова теперь предъ вами, Бесдѣвъ, уничтожаю. Также не буду искать или принимать отъ кого либо никакихъ родовъ разрѣшенія сей присяги, а буде таковыя впродъ мною сдѣланы будутъ, то оныя теперь предъ вами, Бесдѣвъ, уничтожаю. Не если, по слабости моей, или по чьему влуженію, нарушу данную мною теперь клятву, то снѣмъ сдѣлаюсь отступникомъ отъ своей вѣры и не буду называться іудеемъ. И проклятіе да падеть на мою душу, и да постигнетъ вмѣстѣ со мною все мое семейство наказаніе Божіе. Аминь»⁴.

В. Присяга на званіе раввина.

§ 326. Порядокъ выполненія этой присяги обставленъ крайне сложною и оскорбительною процедурою. И здѣсь сивозитъ недоувѣріе къ духовнымъ представителямъ еврейскихъ обществъ, какъ будто они только о томъ и помышляютъ, чтобы какимъ нибудь изворотомъ обойти начальство и этимъ сдѣлать для себя присягу необязательной. По формѣ, изданной для раввиновъ въ 1838 г., раввинъ даетъ присягу на свое званіе въ синагогѣ (или молитвенной школѣ, когда въ городѣ, мѣстечкѣ или селеніи, которымъ онъ избранъ, нѣтъ синагоги), надъ книгою Сейферъ-Тора, въ присутствіи мѣстнаго начальства и членовъ правленія еврейскаго гражданскаго общества того города или мѣстечка, которымъ онъ избранъ, также членовъ правленія той синагоги, въ которой присягаетъ и, по крайней мѣрѣ, десяти взрослыхъ, т. е. не моложе 13 лѣтъ, евреевъ (Миньянъ). Мѣстное же начальство должно было вообще стараться придать этому обряду, сколь возможно, болѣе публичности.

Раввинъ долженъ былъ приводиться къ присягѣ въ понедѣльникъ или четвергъ, если въ эти дни нѣтъ у евреевъ праздниковъ, поутру, по окон-

⁴ Тамъ же.

чаши 1-й части утренняго богослуженія, тремя учеными евреями, изъ которыхъ и образуется Бесдинъ (третейскій судъ).

Во время исполненія обряда присяги всѣ вообще, присутствовавшіе въ синагогѣ евреи нѣдѣли оставаться въ томъ самомъ одѣяніи, которое они употребляютъ при богомоленіи, т. е. въ покрывалахъ (талісахъ), и обшты реніями (тефляинъ). Самый обрядъ присяги совершался слѣдующимъ порядкомъ:

По окончаніи 1-й части утренняго богомоленія въ синагогѣ, гдѣ нѣдѣла быть произведена присяга, вынимается изъ кивота свитокъ Тойры и приносится на возвышенное мѣсто, называемое Аллемеръ. На это мѣсто восходитъ чиновникъ, присутствующій при присягѣ, Бесдинъ, приводимый къ присягѣ раввинъ и члены правленія кагала и молитвеннаго общества.

Чтець (Валкофр) совершаетъ по обыкновенію обрядъ чтенія въ свитокѣ Тойры и приглашаетъ къ оному, по обычаю евреевъ, Бесдинъ и раввина. По окончаніи чтенія, какъ Бесдинъ, приводимый къ присягѣ, такъ и раввинъ, къ ней приводимый, *скидываютъ верхнюю обувь*, надеваютъ кители и становятся лицомъ къ кивоту, на этотъ случай открытому, предъ столомъ, на которомъ остается тотъ самый свитокъ Тойры, изъ котораго производилось чтеніе. При этомъ присутствующій чиновникъ долженъ наблюдать, чтобы этотъ свитокъ Тойры, на подѣ какимъ предложимъ, не былъ перекрѣненъ другимъ во все время продолженія обряда присяги.

Предъ ними стоятъ двѣ зажженные свѣчи и лежатъ рожная труба (Шойферъ). Бесдинъ читаетъ на еврейскомъ языкѣ *удостовереніе* слѣдующаго содержанія:

«Призываю Господа Бога Егова (на мѣсто Егова евреи произносятъ слово Адонай) во свидѣтели между нами и предстоящими здѣсь предъ Богомъ начальниками, для исполненія высокаго повелѣнія Государа Нашего Императора, да вознесется величество престола его, въ томъ, что мы, Бесдинъ, приведемъ избраннаго нашими обществомъ, предстоящаго здѣсь предъ Богомъ раввина къ вѣрной и справедливой присягѣ, по всѣмъ святого нашего писанія и преданія законамъ, не допуская никакого оброта, упущенія или отступленія, которые могли бы ослабить сію присягу и подать впослѣдствіи поводъ или дозвольтельное средство къ нарушенію или уничтоженію оной вовсе, но, напротивъ того, соблюдая при совершеніи сей присяги всѣ законы и обряды, установленные святыми на-

шнии законоположителями, дабы присяга была соблюдена свято и неварушно.

«Если же мы сего не исполнимъ и съ нашей стороны будетъ что либо допущено для ослабленія сей присяги, къ которой приводимъ предстоящаго здѣсь раввина, съ хитринъ вѣнтрениемъ или по нашему порадѣнью, то да достигнетъ проклятiе Божiе насъ и всѣ семейства наши, какъ клятвопреступниковъ, и мы со *всєю братiєю Израиля*, здѣсь предстоящiе, да будутъ прокляты въ сень и въ будущее мiръ. Аминь». При этомъ всѣ присутствующiе въ синагогѣ евреи должны отвѣчать троекратно голосомъ: Аминь.

§ 327. Потомъ, одинъ изъ членовъ Ведина, обратившись къ раввину, читаетъ ему также на еврейскомъ языкѣ *возвѣщанiе* слѣдующаго содержания:

«Мы, Ведимъ, объявляемъ тебѣ, что, по заповѣдъ святого нашего писанiя и преданiя, мы всѣ сныи Израиля, а паче того свѣдущiе въ законъ и соблюдающiе оный, должны почитать законнаго царя земли, гдѣ мы имѣемъ жительство, и исполнять его приказанiя, какъ бы были обязаны исполнять приказанiя царей израильскихъ, и быть ему вѣрными и преданными, *какъ бы ему въ собственность принадлежали.*

«Соблюдать всѣ къ денежнымъ и уголовнымъ дѣламъ¹ относящiеся государственные законы, постановленiя и правила, какъ отъ высокой власти царя, такъ и поставленныхъ отъ него правителей, судей и начальниковъ проносящiе, наравнѣ съ законами святого нашего писанiя и преданiя.

«Исполнять всѣ гражданскiя обязанности и повинности, законами края на насъ возлагаемыя, или въ пользу государства начальниками и правителями отъ насъ требуемыя, не уклоняться отъ платежа государственныхъ податей и не утаивать оныхъ, но почитать ихъ наравнѣ съ начатками, которые предками нашими давнымъ были въ храмъ Божiй и священникамъ его.

«Наконецъ, не допускать и не скрывать ничего вреднаго или противнаго государственнымъ законамъ того края, гдѣ мы имѣемъ жительство, и, напротивъ, обнаружить преступника въ примѣръ другимъ, ибо по истинному смыслу закона нашего о преслѣдованiи доношителей, подвергаются оному только клеветники.»

¹ При этомъ оговорено, что подъ словами: „денежные и уголовные законы“ разумѣются у евреевъ всѣ законы, которые не относятся собственно къ ихъ религiи.

Засиць, Бесдинъ напоминаеть раввина, что, по писанію и предавію еврейскому и во исполненіе высокаго повелѣнія Государя Императора, снѣ, Бесдинъ, преготовляется теперъ привести раввина къ присягѣ, кроу перный обязываетъ послѣдняго: быть вѣрнымъ подданнымъ и въ препорученной должности чистую совѣстью служить Государю Императору и Наслѣднику престола, не щадя при томъ живота своего до послѣдней капли крови, и повиноваться Императорской власти и повелѣніямъ, равно какъ и установленнымъ отъ него правителямъ, судьямъ и начальникамъ, какъ бы онъ, раввинъ, былъ обязанъ повиноваться и вѣрно служить царямъ израильскимъ, соблюдать и исполнять всѣ установленные государственные законы, регламенты и постановленія мѣстаго начальства, наравнѣ съ законами еврейскихъ святыхъ законоположителей.

Направлять всѣми зависящими отъ него, раввина, средствами подлежащихъ его ученію евреевъ къ исполненію своихъ обязанностей, повиновенію гражданскимъ властямъ и сохраненію общественнаго порядка и спокойствія.

При отправленіи еврейскаго богомолія и совершеніи обрядовъ вѣры, какъ въ синагогахъ и молитвенныхъ школахъ, такъ и въ оныхъ, равно какъ и въ хранящихся въ тѣхъ синагогахъ и школахъ книгахъ и утварь, не позволять и не допускать ничего противнаго существующимъ на этотъ предметъ государственнымъ узаконеніямъ и правиламъ, или оскорбительнаго для христіанъ, высокой власти Императора, его Августѣйшаго дома, государства, постановленныхъ отъ него судей и начальниковъ и всѣхъ его вѣрныхъ подданныхъ.

Не допускать и не скрывать также ничего вреднаго и противнаго законамъ Имперіи, а соблюдать все, клонящееся къ интересу и пользѣ высокой власти, хранить крѣпко всякую вѣренную тайну.

Засиць, Бесдинъ спрашиваетъ раввина: а) «объявивши тебѣ всѣ обязанности, на которыя произнесть имѣешь присягу, ны, Бесдинъ, спрашиваетъ тебя, согласенъ-ли ты принять на себя эти обязанности»? На что раввинъ отвѣчаетъ: «я согласенъ принять на себя объявленныя вамъ имѣ обязанности»; б) «хочешь-ли присягнуть чистымъ сердцемъ и душевнымъ желаніемъ, что будешь исполнять всѣ объявленныя нами тебѣ обязанности»? Раввинъ отвѣчаетъ: «хочу чистымъ сердцемъ и душевнымъ желаніемъ присягнуть, что буду исполнять всѣ объявленныя вами имѣ обязанности»; в) «возможешь-ли и будешь-ли соблюдать сію присягу, къ которой ны тебя приводимъ, свято и ненарушино, какъ то святыми нашими законами

предписывается? Раввинъ отвѣчаетъ: «могу и буду соблюдать сію присягу, къ которой вы меня приводите, свято и ненарушимо, какъ то святыи нашии законами предписывается»; г) «пріемлешь-ли сію присягу съ проклятіемъ, надъ нарушающимъ оную произносимымъ»? Раввинъ отвѣчаетъ: «пріемлю сію присягу съ проклятіемъ; вами надъ нарушающимъ оную произносимымъ».

§ 328. Послѣ изложеннаго возвѣщанія Весдинъ произноситъ слѣдующее *проклятіе* надъ пріемлющимъ присягу раввиномъ:

«Именемъ Егровы, Бога Израиля, и присоединеніемъ Весдина и Ми-ниана, здѣсь стоящихъ, я проклинаю приготовляющагося давать, предъ нами и предъ стоящими здѣсь начальниками, присягу, если онъ хочетъ дать сію присягу не съ душевнымъ желаніемъ содержать ее свято и ненарушимо въ своемъ сердцѣ, но съ хитрымъ намѣреніемъ переступить оную, или подвергнуть когда либо средствамъ, нарушение присяги по закону нашему дозволяющимъ.

«Проклятъ и проклинаемъ будетъ сию произносимымъ нами предъ вами проклятіемъ, какъ проклятіемъ Іасуса Навина, когда онъ не будетъ исполнять, во все время пребыванія его въ званіи раввина, всѣ данныи имъ сею присягою общанія; но если онъ будетъ свято и ненарушимо соблюдать таковыя общанія, то да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе и счастье послѣдуетъ во всѣхъ его дѣлахъ и занятіяхъ. Аминь!»

Но такъ какъ составители присяги относились недовѣрчиво не только къ раввину, но и къ Весдину, то для послѣдняго предписано слѣдующее прибавленіе: «Проклятіе сіе произнесено нами въ томъ смыслѣ, что ни мы, ни какой другой Весдинъ никакимъ средствомъ, либо обрядомъ уничтоженія и разрѣшенія, не можемъ освободить проклинаемаго здѣсь отъ произносимаго нами надъ нимъ сего проклятія».

Изложеннымъ не исчерпывается, однако же, предварительное приготовленіе къ присягѣ: и возвѣщаніе, и проклятіе считается недостаточнымъ для охраненія ея святости. Предъ самымъ принятіемъ присяги Весдинъ читаетъ приводимому къ ней раввину и *уещаніе* о соблюденіи оной, съ напоиниваніемъ о великомъ грѣхѣ клятвопреступленія, и о Божьемъ грѣхѣ и чрезвычайномъ за оное наказаніи. Это увѣщаніе довольно пространно и имѣетъ сходство съ приведеннымъ выше увѣщаніемъ, дѣлаемымъ рекрутамъ, съ прибавленіемъ, между прочимъ, слѣдующаго: «если сію, даваемую тобою присягу предъ Богомъ и святыми законами его Тойра

когда-либо нарушишь, то снѣть сдѣлаешься отступникомъ отъ своей вѣры и лишишься названія іудея».

§ 329. Самая же присяга, даваемая раввиномъ, заключается въ томъ, что онъ клянется вѣрно и безкорыстно служить государю императору и наследнику престола, повиноваться его власти и повелѣніямъ, правителямъ, судьямъ и начальникамъ, соблюдать и исполнять установленные законы, регламенты и постановленія мѣстнаго начальства, направлять евреевъ къ исполненію своихъ обязанностей, повиновенію гражданскимъ властямъ и сохраненію общественнаго порядка и спокойствія; при отправленіи еврейскаго богослуженія и совершеніи обрядовъ вѣры, а равно въ книгахъ, свиткахъ и утвари, не допускать ничего противнаго государственнымъ законамъ и правиламъ или оскорбительнаго для высокой власти императора, его августѣйшаго дома, для судей, начальниковъ и вѣрно-подданныхъ; не допускать или скрывать ничего вреднаго и противнаго законамъ имперіи, хранить крѣпко всякую вѣренную тайну и, вообще, вести себя и поступать, какъ-то доброму и вѣрному подданному надлежитъ¹.

Заключительная же часть присяги такая же, какъ въ предыдущей присягѣ для кагалныхъ и членовъ правленія молитвеннаго общества².

Г. Свидѣтельская присяга.

§ 330. Форма свидѣтельской присяги была утверждена впервые въ 1838 г., согласно заключенію общаго собранія сената о необходимости изданія единообразной формы присяги, для привода по оной евреевъ въ качествѣ свидѣтелей по уголовнымъ дѣламъ. Она была составлена *по образцу и обрядамъ*, установленнымъ для привода къ присягѣ раввиновъ и гласила такъ: «по вѣдѣнію Всевышняго и по смыслу Весдина и начальниковъ, приводящихъ меня къ присягѣ, клянусь именемъ Бога живаго, Бога Израїля, въ томъ, что я долженъ открыть, въ чемъ бы я ни былъ спрашиванъ начальствомъ, самую истину, не закрывая, и ни подъ какими видами не долженъ я показывать неправду противъ совѣсти: въ противномъ же случаѣ, если я по слабости моей, или по члену внушенію, нарушу даваемую мною теперь клятву, то снѣть содѣлаюсь отступникомъ отъ своей

¹ Этотъ же текстъ, за нѣкоторые незначительными измѣненіями, сохраняется въ дѣствующей формѣ присяги для раввиновъ.

² П. С. З, 1838 г., т. XIII, № 11134.

Рукоп. изъ русск. зак. о евр.

вѣры, недостойнъ буду назваться іудеемъ и проклятіе да падеть на мою душу и да постигнеть вѣстѣ все мое семейство наказаніе Божіе. Амизъ¹.

Вскорѣ на практикѣ оказалось крайнее неудобство въ приводѣ евреевъ-свидѣтелей къ присягѣ по образцу и обрядамъ, установленнымъ для привода раввиновъ къ присягѣ. Кіевскій генералъ-губернаторъ донесъ въ 1840 г. министру внутреннихъ дѣлъ, что прии́зненіе обряда присяги, предписаннаго для раввиновъ, къ лицамъ изъ простыхъ евреевъ—свидѣтелей крайне неудобно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже невозможно, такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производится слѣдствіе, не вездѣ можетъ быть синагога или молитвенная школа, въ коей приводятся къ присягѣ раввины. По внимательномъ разсмотрѣніи этого дѣла, управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, находя, съ одной стороны, что указанныя затрудненія происходятъ главнѣйше отъ того, что указомъ сената отъ 20 января 1839 г. республикована только форма присяги для еврея—свидѣтеля, но обряда, по которому онъ долженъ быть приготовляемъ и приводимъ къ присягѣ, не предписано, а съ другой стороны, что прии́зненіе къ этому случаю обряда присяги, установленнаго для раввиновъ, оказывается на опытѣ неудобнымъ, а иногда совершенно невозможнымъ, далъ департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій приказаніе войти въ ближайшее разсмотрѣніе настоящаго предмета и представить ему свои по оному предположенія.

При исполненіи сего, департаментъ иностранныхъ исповѣданій, соображаясь съ прочими присягами, изданными для евреевъ, и придерживаясь въ точности правилъ на этотъ предметъ закона еврейскаго, а равно, ни́я въ виду устранить указанныя затрудненія, счелъ необходимымъ предначертать, сообразно сему, обрядъ или порядокъ, который долженъ предшествовать присягѣ евреевъ—свидѣтелей, и не только *по уголовнымъ*, но, *вообще, по слѣдственнымъ дѣламъ*.

Обрядъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: еврей—свидѣтель приводится къ присягѣ въ синагогѣ или молитвенной школѣ, раввиновъ и двумя евреями, которые вѣстѣ составляютъ третейскій судъ (Васдиль). При этомъ должны присутствовать производители дѣла, по которому присяга дается; для приданія же обряду большей важности, мѣстное начальство допускаетъ всякаго, кто пожелаетъ быть при совершеніи онаго. Свидѣтель даетъ присягу надъ книгой Моисеева закона, написанною на пергаментномъ свертѣѣ

¹ П. С. З., 1838 г., т. XIII, № 11790.

(тойра). Эта присяга может совершаться во всякій день, исключая субботы и праздниковъ, означенныхъ въ особомъ спискѣ, и во всякое время, исключая ночи. Приводимый къ присягѣ складаетъ верхнюю обувь, надѣваетъ китель, становится лицомъ къ открытому кивоту—предъ нимъ стоятъ на столѣ двѣ зажженные свѣчи и лежатъ свертокъ тойра. Раввинъ читаетъ приготовляющемуся къ присягѣ свидѣтелю увѣщаніе по образцу, приведенному нами уже выше. По окончаніи сего чтенія, свѣчи, стоящія на столѣ предъ кивотомъ, погасаются, и раввинъ говоритъ свидѣтелю по еврейски: «какъ гаснутъ свѣчи сіи, такъ погаснетъ твоя душа, когда нарушишь законъ, данный тебе вѣчно». Свидѣтель отвѣчаетъ по еврейски: «аминь». Послѣ того раввинъ передаетъ свертокъ (тойра) въ правую руку свидѣтеля, и онъ самъ читаетъ присяжанный листъ на еврейскомъ языкѣ, а востокъ его подписываетъ. Раввинъ и члены Беседана подписываются свидѣтели присяги, также и въ томъ, что они въ точности исполнили свои обязанности.

Далѣе предписывалось, что всѣ наложенные обряды для приготовления къ присягѣ еврей-свидѣтеля считаются необходимыми и исполняются по мѣрѣ возможности ихъ соблюденія, особенно если присяга дается по уголовнымъ, или хотя не уголовнымъ, но на мѣнѣ важнымъ дѣламъ. Но если этихъ обрядовъ нельзя соблюсти въ точности, особенно когда случится приводить къ присягѣ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ, по малонаселенности евреевъ, нѣтъ средствъ, нужныхъ для совершенія этихъ обрядовъ, то соблюдаются только слѣдующія правила: 1) чтобы присяга свидѣтеля производилась въ жилищѣ покой, въ которомъ на этотъ случай не было бы святыхъ иконъ; 2) чтобы свидѣтель былъ приводимъ къ присягѣ тремя какими либо евреями, или хотя однимъ изъ нихъ, который читалъ бы пріемленному присягу увѣщаніе; 3) чтобы приводимый къ присягѣ самъ читалъ присяжанный листъ на еврейскомъ языкѣ и во время чтенія держалъ въ рукахъ печатную книгу Моисеева закона, полную или хотя одну ея часть.

Далѣе, департаментъ считъ нужнымъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы, съ одной стороны, сдѣлать въ самой присягѣ нѣкоторыя, необходимыя, по его мнѣнію, измѣненія, пополнивъ ее выраженіями, свойственными понятіямъ еврея въ разсужденіи присяги, съ цѣлью сдѣлать ее такимъ образомъ наиболѣе обязательною, съ другой стороны, чтобы приспособить эту присягу, какъ и предшествовавшей ей обрядъ, не только къ однимъ уголовнымъ, но и ко всѣмъ вообще слѣдственнымъ дѣламъ.

Новая, т. е. пополненная форма присяги была такова: послѣ словъ «Бога Израиля» значилось: «Клянусь въ томъ, что по дѣлу, по которому я

вызванъ въ свидѣтели, открою самую страшную правду, въ чемъ я ни былъ спрашиваемъ начальствомъ, и, кромѣ сего, не скрывая, покажу все то, что я по этому дѣлу знаю, и что ни водъ какими видами не покажу неправду, ни для дружбы либо вражды, ни родства либо собратства, ни даже страха ради ¹, но во всемъ покажу такъ, какъ бы я долженъ былъ отвѣчать и признавать предъ Богомъ и страшнымъ его судомъ. Произвои сн слова, не измѣняю оныя въ моемъ сердцѣ, но принимаю ихъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ приводящіе меня къ присягѣ ихъ принимаютъ. Также уничтожаю теперь предъ вами, бедникъ (или вѣсто: предъ вами бедникъ, предъ вами) всѣ средства, установленныя для уничтоженія и разрѣшенія присяги, буде таковыя иною отъ кого либо приняты, или впредъ иною приняты будутъ. Конецъ же присяги (т. е. проклетіе на случай ея нарушенія) такой же, какъ значится выше въ формулѣ свидѣтельской присяги.

Всѣ эти обрядности были одобрены и управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и мѣвскимъ генералъ-губернаторомъ, и правительствующимъ сенатомъ, и, наконецъ, получили Высочайшее утвержденіе 26-го октября 1842 г. ², причемъ переводы этой присяги и приложений къ ней на еврейскій языкъ обнародованы при сенатскомъ указѣ отъ 17 апрѣля 1844 г. ³.

Д. Присяга для поступающихъ въ государственную и общественную службу.

§ 331. Формы этой присяги и предшествующихъ ей обряда и увѣщанія установлены въ 1842 г. и заключаются въ слѣдующемъ: лица изъ евреевъ, поступающія въ государственную службу, на основаніи § 111 Положенія о евреяхъ 1835 г., приводятся къ присягѣ на вѣрность службы раввиномъ и двумя евреями, которые вѣствѣ составляютъ третейскій судъ (бедникъ). Эта присяга дается въ синагогѣ надъ книгою Моисеева закона, написанною на пергаментномъ сверткѣ (Тойра) въ присутствіи мѣстнаго городского или уѣзднаго начальства. Приводимый къ присягѣ долженъ стоять во все время совершенія оной лицомъ къ кивоту, на сей разъ открытому, одѣтый въ китель. Раввинъ читаетъ приготовляющемуся къ при-

¹ Этотъ же текстъ сохраненъ и въ дѣйствующей формѣ свидѣтельской присяги.

² П. С. З., 1842 г., т. XVII, № 16122.

³ П. С. З., 1844 г., т. XIX, № 17826.

слагъ увѣщаніе на еврейскомъ языкѣ, потомъ передаетъ свертокъ (Тойры) въ руки принимающаго присягу и онъ самъ чтааетъ присяжный листъ на еврейскомъ языкѣ и подписываетъ его. Свидѣтели подписываются раввинъ и члены бедина, приводившіе къ присягѣ; чиновникъ же, при этомъ присутствовавшій, скарбляетъ ихъ подпись своею.

Упомянутое только что увѣщаніе заключается въ общихъ чертахъ въ томъ, что бединъ наошнваетъ присягающему, что всѣ сыны Израиля должны почитать законнаго царя земли, гдѣ они живутъ жительство, исполнять его повелѣнія и быть ему вѣрными и преданными, какъ бы были обязаны быть вѣрны царямъ Израильскимъ и исполнить ихъ приказанія; что присягой присягающій обязуется быть вѣрнымъ и чистомъ совѣстью служить Государю Императору, Наслѣднику престола, не щадя живота своего до послѣдней капли капли крови и повиноваться Высочайшей власти и ея повелѣніямъ, равно какъ поставленнымъ отъ нея правителямъ, судьямъ и начальникамъ; соблюдать и исполнять государственные законы, регламенты и постановленія начальства наравнѣ съ заповѣдями святой Торы. При этомъ бединъ увѣщаетъ приводимаго къ присягѣ къ соблюденію ея, для предостереженія отъ оскорбленія, въ противномъ случаѣ, святаго имени Божія и отъ Божьяго гнѣва и чрезвычайнаго за оное наказанія, указываетъ на значеніе клятвopреступленія съ религіозной точки зрѣнія, на то, что правовѣрные начальники древняго Израиля (вавилонскіе воевалы) никогда не нарушали данныхъ имъ клятвъ царямъ и начальникамъ чужихъ народовъ, и что въ случаѣ нарушенія присяги присягающій сдѣлается извѣнникомъ своей вѣры и лишится названія израильтана.

Самая присяга заключается въ томъ, что присягающій клянется Богомъ Израиля, что обязуется вѣрно и великодѣльно служить Государю Императору. Обязанности эти тѣ же, что въ общей присягѣ на вѣрность службы. Въ концѣ же присяги прибавлено: «Если же по слабости моея или по чьему внушенію нарушу даваемую мною теперь клятву на вѣрность службы, то снмъ сдѣлаюсь извѣнникомъ своей вѣры и народа израильскаго, и не буду болѣе считаться между сынами Израиля. И проклятіе да падеть на мою душу и да постигнетъ вѣстѣ со мною все мое семейство наказаніе Божіе»¹.

¹ П. С. З., т. ХУП, № 16126; П. С. З., 1844 г., т. XIX, № 17747; П. С. З. 1855, т. XXX, № 29820.

Е. Форма присяги предъ начатиємъ выборовъ въ общественныя должности.

§ 332. Эта форма присяги установлена лишь въ 1862 г. Установлена же она потому, что присяга предъ общественными выборами въ различныхъ мѣстностяхъ еврейскаго населенія исполнялась до того времени по одинаковому порядку и до различныхъ формъ присяги, съ измѣненіемъ въ текстѣ лишь нѣкоторыхъ выраженій соответственно еврейской вѣрѣ. Въ отвращеніе происходившихъ отъ этого неудобствъ, по порученію министра внутреннихъ дѣлъ, составлена была учрежденіемъ при этомъ министерствѣ раввинскою комиссіей, для приведеи евреевъ къ присягѣ предъ начатиємъ выборовъ, особая форма, которая получила Высоч. утвержденіе 6-го сентября 1862 г. ¹.

Присяга эта заключается въ томъ, что присягающій клянется Господомъ Богомъ, Богомъ Израилевымъ, что онъ хочеть и должеть, при предлагаемомъ выборѣ въ установленныя общественныя и гражданскія должности, для отправленія правосудія и другихъ дѣлъ, во истинной совѣсти и чести, безъ пристрастія и собственной корысти, устраняя вражду и связи родства и дружбы, избирать изъ его собратій только, которыхъ, по качествамъ, ума и совѣсти онъ находитъ способнѣйшими и достойнѣйшими, и отъ которыхъ онъ надѣется, что они въ возлагаемыхъ на нихъ должностяхъ окажутъ себя ревностными къ службѣ Императорскаго Величества и повелительными о пользѣ общественной; если же присягающій иначе поступитъ, то, какъ нерадивый о благѣ общественномъ, въ коемъ заключается и его собственное, онъ подвергаетъ себя, какъ клятвеннопреступникъ, нареканію своихъ собратій. Въ концѣ присяги прибавлено: «и какъ я предъ Богомъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще и въ Господи Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Аминь» ². Этотъ же текстъ сохраненъ и въ дѣйствующей формѣ присяги.

II. Еврейская присяга по дѣйствующему законодательству.

А. Порядокъ внѣшняго исполненія присяги.

§ 333. По дѣйствующимъ законамъ, къ присягѣ евреи приводятся по иначе, какъ въ синагогѣ или молитвенной школѣ, а тамъ, гдѣ нѣтъ ни

¹ П. С. З., т. 1862 г., т. XXXVII, № 38643.

² Свод. Зак., т. XI, уст. иностр. исп., прилож. къ ст. 1061 (прим.), форма 6, по прод. 1890 г.

той, ни другой, въ подлежащемъ присутственномъ мѣстѣ, по правиламъ и формамъ, приложеннымъ къ ст. 1061 (прик.), уст. иностр. испов., по прод. 1890 г. Въ мѣстностяхъ же, гдѣ введены въ дѣйствіе судебные уставы, лица, принадлежащія къ иновѣрнымъ исповѣданіямъ, приводятся къ присягѣ на основаніи правилъ, наложенныхъ въ тѣхъ уставахъ (прик. къ ст. 1061 уст. иностр. испов., по прод. 1890 г.). Такимъ образомъ, намъ предстоитъ разсмотрѣть: а) порядокъ присяги евреевъ вообще и б) по судебнымъ уставамъ 20 Ноября 1864 г.

Порядокъ внѣшняго исполненія еврейской присяги значительно упрощенъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ, основанномъ на постановленіяхъ, изданныхъ въ царствованіе Императора Александра II. Порядокъ этотъ одинаковъ для всѣхъ видовъ присяги и заключается въ слѣдующемъ:

1) Евреи произносятъ присягу преимущественно *на русскомъ языкѣ*, а если присягающіе не знаютъ его, то на простонародномъ еврейскомъ нарѣчій.

2. Евреи приводятся къ присягѣ во всякое время, кромѣ субботнихъ и праздничныхъ дней, въ синагогахъ или молитвенныхъ школахъ, предъ открытымъ кивотоиъ, въ коемъ хранится пергаментный свертокъ пятикнижія Моисея (Сеферъ Тора), а гдѣ нѣтъ синагогъ и молитвенныхъ школъ, въ подлежащемъ присутственномъ мѣстѣ, начальствующими лицами и раввиномъ или помощникомъ его, въ присутствіи двухъ свидѣтелей изъ евреевъ, гдѣ это возможно.

3. Изъ начальствующихъ лицъ должны непремѣнно находиться при судебной присягѣ евреевъ: слѣдователь или, вообще, должностныя лица, обязанныя къ тому законами о судопроизводствѣ гражданскомъ или уголовномъ. При приводѣ къ присягѣ въ другихъ случаяхъ присутствуютъ: уѣздный исправникъ, или полиціймейстеръ, или чиновникъ вѣдомства министерства государств. имуществъ, по принадлежности. При присягѣ на вѣрность подданства присутствуютъ сверхъ того и всѣ, по возможности, члены мѣстнаго городского или сельскаго управленія евреевъ. Изъ этихъ членовъ одинъ долженъ находиться и въ случаѣ привода къ присягѣ на вѣрность службы по городскимъ и сельскимъ выборамъ. Если еврею дается присяга на званіе раввина, то при этомъ кромѣ члена гражданскаго управленія евреевъ, долженъ находиться и одинъ изъ членовъ кагала или правленія той синагоги или школы, въ которой назначено учинить присягу.

При присягѣ для поступления на военную службу присутствуютъ подлежащія лица военного вѣдомства.

4. Самому обряду присяги предшествуетъ увѣщаніе присягающаго чрезъ присутствующаго раввина или его помощника, который, начавъ это увѣщаніе словами: «не возмешь имени Господа Бога твоего всуе: не очиститъ бо Господь приѣмлющаго его всуе» и «не клянитесь именемъ ложнѣ въ неправдѣ, и да не оскверните имени святаго Бога вашего», продолжаетъ увѣщаніе, читая его по одной изъ печатныхъ еврейскихъ духовно-религіозныхъ книгъ, при чемъ можетъ дѣйствовать на присягающаго и своими собственными словами, соображаясь съ личными качествами увѣщиваемаго и стараясь внушить ему полное благоговѣніе къ предстоящему религіозному акту и представить ему кратко, но живо, съ одной стороны, всю тяжесть грѣха клятвеннаго преступленія предъ Богомъ, государемъ, обществомъ, ближними и самимъ собой, а съ другой стороны—страшную картину наказанія, ожидающаго клятвеннаго преступника, какъ въ здѣшнемъ, такъ и въ будущемъ мірѣ, ссылаясь на изреченіе Св. Писанія. Независимо отъ этого, въ случаѣ привода къ присягѣ на русскомъ языкѣ, раввинъ, при увѣщаніи обязанъ объяснить присягающему еврею, на основаніи Шульханъ Арухъ Хошемъ Мишнаде и Шульханъ Арухъ Йоре Деа, что присяга, на какомъ бы языкѣ она ни была произнесена, всегда остается законною, обязательною и святою.

5. Вслѣдъ за увѣщаніемъ, присягающій, стоя съ покрытою головою, кладетъ руку, если онъ присягаетъ въ синагогѣ или молитвенной школѣ, на книгу Моисеева закона, писанную на пергаментномъ сверткѣ (Софаръ-Тойру); если же приводится къ присягѣ въ присутственномъ мѣстѣ—на десятисловіе развернутаго передъ нимъ печатнаго пятикнижія или библии, и читаетъ громко, сколько можно внятнѣе, переданный ему непосредственно главнымъ изъ присутствующихъ начальствующихъ лицъ присяжный листъ, который, по прочтеніи, подписывается сперва самимъ присягнувшимъ, а потомъ всѣми лицами, присутствовавшими при присягѣ¹.

Изъ только что изложеннаго порядка вѣшняго исполненія еврейми присяги видно, такимъ образомъ, что изъ него исключены всѣ прежніе уважительные и оскорбительные атрибуты, какъ омовеніе рукъ, надѣваніе талиса и кителя, скидываніе обуви, зажиганіе и тушеніе свѣчей, рожоная труба, произношеніе проклятія надъ приѣмлющимъ присягу, а снѣгъ по-

¹ Прилож. въ ст. 1061 (прим.) Уст. Иностр. исп., по прод. 1890 г.

слѣднннхъ надъ собою, своимъ семействомъ и даже надъ всѣмъ народомъ Израильскимъ, объявленіе себя присягающихъ отступникомъ отъ вѣры, на случай ея нарушенія и т. п. Атрибуты эти, ослабляя въ дѣйствительности святость присяги, благодаря странной обстановкѣ, при которой присяга происходила, и явно съвозвншему въ нихъ недовѣрью къ приводимому къ присягѣ еврею и присутствовавшимъ при ней его единовѣрцамъ, превратили актъ присяги въ актъ мученія и издѣвательства надъ религиозными чувствами евреевъ, которые вѣдь первые и провозгласили правдину: «не возмннш имени Господа Бога твоего всуе», а, стало быть, и сознавать святость присяги и помню указанныхъ атрибутовъ.

В. Формы присяги.

§ 334. Сообразно измѣненію порядка внѣшняго исполненія евреями присяги, измѣнена въ дѣйствующемъ законодательствѣ и самая форма присяги. Всѣ формы присяги состоятъ изъ трехъ текстовъ: начальнаго, средняго и конечнаго. Начальный текстъ состоитъ изъ слѣдующихъ выраженій: «Я, нижепоименованный, общаю и клянусь Господомъ Богомъ, Богомъ Израилемъ, съ чистымъ сердцемъ и не по иному, скрытому во мнѣ смыслу, а по смыслу и вѣдѣнію приводящихъ меня къ присягѣ». Конечный текстъ гласитъ: «и какъ я предъ Богомъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Аминь». Средній же текстъ содержитъ въ себѣ изложеніе тѣхъ дѣйствій, которыя присягающій обязуется исполнить; это изложеніе соответствуетъ тому, что заключается въ приведенныхъ выше разныхъ формахъ присяги. Такимъ образомъ, изъ дѣйствующихъ нынѣ формъ присяги ирокланіе, а равно и отреченіе отъ вѣры иудейской, на случай ея нарушенія, исключены.

Дѣйствующій законъ заключаетъ въ себѣ текстъ слѣдующихъ формъ присяги: а) свидѣтельской, б) на вѣрность подданства и службы, в) на званіе раввина, г) членовъ правленія еврейскаго молитвеннаго общества, д) при поступленіи на военную службу, и е) предъ вѣщаніемъ выборовъ въ общественныя должности. Кроиъ того, въ случаѣ *очистительной* присяги, средній текстъ присяжнаго листа свидѣтельской присяги долженъ быть каждый разъ предварительно составленъ судебнымъ мѣстомъ, сообразно обстоятельствамъ дѣла, но безъ всякаго измѣненія начальнаго и конечнаго текстовъ и общаго порядка относительно внѣшнихъ обрядовъ присяги ¹.

¹ Уст. изостр. исп., прилож. къ ст. 1061 (арм.), по прод. 1886 г.

В. Присяга по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864.

§ 385. *Присяга свидетельская по гражданскимъ дѣламъ.* По ст. 395 уст. уг. суд. свидетели приводятся къ присягѣ по обряду своего вѣроисповѣданія, за исключеніемъ того случая, когда обѣ стороны, по взаимному согласію, освободятъ свидетеля отъ присяги. Стало быть, въ этомъ случаѣ соблюдается, въ сущности, тотъ обрядъ присяги, который указанъ выше. Уставъ гражд. судопроизводства не содержитъ въ себѣ особыхъ ограниченій относительно допущенія евреевъ къ присягѣ по гражданскимъ дѣламъ. Во второй же части X т., т. е. въ старомъ судопроизводствѣ, имѣется ст. 330, которая гласитъ: «евреи по дѣламъ христіанъ, во всѣхъ Вѣлорусскихъ и западныхъ губерніяхъ, принимаются въ свидетельское нравствѣ съ другими россійскими подданными; но по дѣламъ евреевъ, принявшихъ христіанское исповѣданіе, бывшіе ихъ единовѣрцы, т. е. евреи же, допускаются, въ мѣстахъ постоянного ихъ жительства, тогда только, когда не будетъ достаточнаго числа свидетелей изъ христіанъ.

§ 386. *Присяга свидетельская по уголовнымъ дѣламъ.* Въ этомъ отношеніи въ законѣ сказано, что свидетели неправославнаго исповѣданія приводятся къ присягѣ, согласно съ догматами и обрядами ихъ вѣры, духовныхъ лицъ ихъ вѣроисповѣданія. Когда же въ мѣстѣ засѣданія суда не окажется духовнаго лица того иновѣрнаго исповѣданія, къ которому принадлежитъ свидетель, то онъ приводится къ присягѣ председателемъ суда (ст. 714—715 уст. угол. суд.). Причемъ не допускаются къ свидетельству подъ присягою, въ случаѣ предъявленія которой либо изъ сторонъ отвѣда, евреи — по дѣламъ бывшихъ ихъ единовѣрцевъ, принявшихъ христіанство (т. же, ст. 96, п. 4 и ст. 707, п. 5). Въ старомъ же уголовномъ судопроизводствѣ дѣйствовало такое же правило, которое содержится въ ст. 330, приведенной выше въ предыдущемъ параграфѣ.

§ 387. *Присяга по званію присяжнаго застѣателя.*

По составленіи присутствія присяжныхъ застѣателей, председатель суда распоряжается о приводѣ ихъ къ присягѣ, каждаго по обряду его вѣроисповѣданія. Застѣатели неправославнаго исповѣданія приводятся къ присягѣ, согласно съ догматами и обрядами ихъ вѣры, духовныхъ лицъ ихъ вѣроисповѣданія. Когда же въ мѣстѣ засѣданія суда не окажется духовнаго лица того иновѣрнаго исповѣданія, къ которому принадлежитъ кто либо изъ застѣателей, то онъ приводится къ присягѣ председателемъ суда (ст. 664, 667 и 668 уст. угол. суд.).

Особой формы присяги для евреевъ по исполненію или обязанности присяжнаго застѣдателя не имѣется, а потому они, поводящому, должны приводиться къ присягѣ по общей формѣ, приложенной къ ст. 666 уст. угол. суд., съ опущеніемъ лишь словъ: «предъ Святыхъ Его Евангеліемъ и Животворящимъ Крестомъ Господнимъ» и «цѣлую Слова и Крестъ Спасителя моего».

§ 338. *Присяга добровольная.* Тяжущіися не вырещается, по взаимному или соглашенію, просить судъ о рѣшеніи дѣла на основаніи принятой одной изъ этихъ присяги. Такое прошеніе должно быть подписано самими тяжущіися, а не ихъ повѣренными, причемъ при прошеніи представляется заранее изготовленный тяжущіися присяжный листъ, съ точнымъ означеніемъ обстоятельствъ, по кониъ присяга предоставлена одному изъ тяжущіихся, и самыхъ выраженій и словъ, подтверждаемыхъ присягою. Тяжущіися приводятся къ присягѣ въ церкви или молитвенномъ мѣстѣ ихъ исповѣданія. Лица православнаго исповѣданія присягаютъ предъ Святыхъ Евангеліемъ, а лица другихъ вѣроисповѣданій—по ихъ закону. Явившемуся въ назначенный день тяжущемуся, священникъ или духовное лицо его исповѣданія напоминаетъ о святости присяги и о наказаніяхъ, положенныхъ по закону за лживую присягу. Тяжущіися присягаютъ всегда сами и представительство въ присягѣ не допускается. Присяга должна быть изустная, на основаніи изготовленнаго тяжущіися присяжнаго листа, который подписывается приведеннымъ къ присягѣ тяжущіися и духовнымъ лицомъ его исповѣданія (ст. 485—495 уст. гр. суд.).

§ 339. *Присяга на званіе присяжнаго повѣреннаго.* Особой присяги на это званіе для евреевъ закономъ не установлено. Но въ ст. 381 уст. суд. установленій сказано, что, по представленіи принятымъ въ присяжные повѣренные свидѣтельства (на это званіе) въ то судебное мѣсто, при коемъ состоитъ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, мѣсто сіе дѣлаетъ распоряженіе о приводѣ его къ присягѣ, по прилагаемой у сего формѣ. *Каждый присягаетъ по правиламъ своего строисповѣданія.* Стало быть, въ формѣ присяги на званіе присяжнаго повѣреннаго, при приводѣ къ оной евреевъ, должны быть опущены выраженія: «предъ Святыхъ Его Евангеліемъ и Животворящимъ Крестомъ Господнимъ» и «цѣлую Слова и Крестъ Спасителя моего». Такъ и дѣлалось всегда на практикѣ со времени введенія судебныхъ уставовъ. Между тѣмъ въ 1889 г. харьковская судебная палата отказала одному лицу еврейскаго исповѣданія, Лившицу, принятому харьковскимъ совѣтомъ въ присяжные повѣренные, въ приводѣ къ присягѣ на это званіе, въ виду того, что для евреевъ не установлено

особой формы присяги, общая же форма рассчитана только для христианъ. Но прав. сенатъ, принимая во вниманіе: 1) что по точной силѣ ст. 381 укр. суд. уст., по представленіи повѣренныхъ свидѣтельства о принятіи его въ число свѣдѣваемыхъ въ то судебное мѣсто, при коемъ состоитъ совѣтъ ихъ, мѣсто сіе обязано сдѣлать распоряженіе о приводѣ его въ присягѣ по приложенной къ означенной статьѣ формѣ; 2) что при этомъ законъ не дѣлаетъ никакого исключенія для лицъ, не исповѣдующихъ православную вѣру, а слѣдовательно и для евреевъ, но совершенно ясно и опредѣлительно предписываетъ приводить къ присягѣ каждого принятаго въ присяжные повѣренные по правиламъ того вѣроисповѣданія, къ которому оны принадлежатъ, и 3) что въ виду сего и ст. 65 т. I основ. зак., 136 ст. укр. суд. уст., 9 ст. уст. гр. суд. и 12 ст. уст. угол. суд., палата не имѣла никакого права отказывать Я. въ приводѣ его къ присягѣ на званіе присяжнаго повѣреннаго по приведеннымъ въ постановленіи ея основаніямъ, прав. сенатъ, на основаніи ст. 250 укр. суд. уст., постановленіе палаты отклонилъ.

Все, изложенное въ настоящей главѣ о еврейской присягѣ, показываетъ, что, относясь подозрительно къ присягѣ, даваемой евреямъ по разнымъ случаямъ, правительство сначала стремилось обставить ея выполненіе крайне сложными, въ сущности оскорбительными для нравственнаго и религіознаго чувства присягающаго, обрядностями. Подобное отношеніе къ еврейской присягѣ смягчалось въ царствованіе императора Александра II. Но подозрительность продолжаетъ сквозить и въ дѣйствующихъ формахъ присяги, а именно въ словахъ: «и не по иному *скрытому* во мнѣ смыслу, а по смыслу и вѣдѣнію приводящихъ меня къ присягѣ». Казалось бы, что это недоувѣріе къ честности присягающаго скорѣе ослабляетъ, чѣмъ поддерживаетъ святость присяги. Въ душу присягающаго все равно влѣзть нельзя.

Для поддержанія же святости присяги вполнѣ достаточно напоминаніе о той ответственности, которой клятвopреступникъ подлежитъ предъ Богомъ и закономъ уголовнымъ.

ГЛАВА XXVII.

О взысканіяхъ и наказаніяхъ.

Законъ поднимаетъ евреевъ особому режиму и въ нѣкоторыхъ случаяхъ уголовныхъ правонарушеній. Сюда относятся: 1) преступленія религіозныя; 2) проступки, заключающіеся въ исполненіи обрядовъ еврей-

ской вѣры не равнинами; 3) уклоненіе отъ воинской повинности и укрывательство военныхъ бѣглецовъ; 4) нарушенія таможенныхъ правилъ; 5) нарушение правилъ объ образованіи еврейскаго общества¹; 6) перадрѣніе евреевъ-каланистовъ къ хозяйству; 7) построеніе синагогъ безъ разрѣшенія; 8) недовольное производство торговли внѣ черты еврейской осѣдлости, и 9) наконецъ, неправомерное совершеніе браковъ равнинами.

I. Преступленія религіозныя.

§ 340. Гражданскіе законы разрѣшаютъ браки російскихъ подданныхъ евангелическаго исповѣданія съ магометанами и евреями, обуславливая совершеніе ихъ на основаніи устава евангелическо-лютеранской церкви въ Россіи (ст. 87 X т., ч. I, изд. 1887 г.). Этимъ же уставомъ такіе браки дозволяются на слѣдующемъ основаніи: 1) чтобы лицо, исповѣдующее христіанскую вѣру, предварительно испросило на то дозволеніе мѣстной консисторіи; 2) чтобы бракосочетаніе совершилось только евангелическо-лютеранскимъ проповѣдникомъ и по обряду сей церкви, а отнюдь не по обычаямъ магометанъ или евреевъ, и 3) чтобы другая сторона обязалась подпискою предъ консисторіей крестить и воспитывать могущихъ произойти отъ такого брака дѣтей обоюдо пола въ евангелическо-лютеранской, или же, если обѣ стороны желаютъ, въ православной вѣрѣ, будучи готова, въ противномъ случаѣ, подвергнуться строжайшему наказанію, и объявлялась также, что она ни угрозами либо обольщеніемъ не будетъ стараться совратить супруга или супругу, или дѣтей своихъ, въ свою вѣру и не будетъ препятствовать имъ въ свободномъ исповѣданіи христіанства. Кроме этого, супругъ-не христіанинъ, при бракосочетаніи съ христіанкою, обязанъ отказаться отъ многоженства (ст. 210 уст. дух. д. ин. исп., т. XI, изд. 1857 года).

Сообразно съ этимъ, въ уложеніи о мамаз. имѣется слѣдующее правило: если магометане и евреи, вступившіе въ бракъ съ лицами евангелическо-лютеранскаго или реформатскаго исповѣданія, будутъ, вопреки даннымъ ими подпискамъ, воспитывать дѣтей своихъ не въ христіанской вѣрѣ, или же будутъ угрозами и обольщеніями приводить супруговъ или дѣтей къ своему закону или препятствовать имъ свободно отправлять обряды ихъ религіи, то бракъ ихъ расторгается и они подвергаются лишенію

¹ О нарушеніи правилъ объ образованіи еврейскаго общества см. говорили выше, на стр. 345 и 346.

всѣхъ правъ состоянія и смѣлѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ или вовсе отдаленныхъ мѣстахъ Россіи (улож. нак., изд. 1885 г., ст. 186).

Омассовіе дурное мнѣнія евреевъ на религіозныя отягощенія христіанъ послужило къ тому, что до недавняго времени еврейскіе запрещенія держали христіанъ для домашнихъ услугъ. За нарушеніе этого запрещенія евреи подвергались значительнымъ денежнымъ штрафамъ. Это запрещеніе отиѣнено было въ 1887 г., но въ то же время созданъ былъ для евреевъ особый проступокъ, составляющій нынѣ статью 48² устава о наказ., налаг. миров. судьями, по прод. 1890 года. Статья эта гласитъ: за препятствованіе лицамъ христіанскихъ исповѣданій, нанимаемымъ евреями для домашнихъ услугъ или иныхъ работъ, или же обучающимся у евреевъ ремесламъ, въ чествованіи воскресныхъ и установленныхъ праздничныхъ дней, равно какъ въ исполненіи прочихъ религіозныхъ обязанностей, виновные въ томъ евреи подвергаются денежному взысканію не свыше 50 рублей.

Наконецъ, слѣдуетъ указать на то, что закономъ 15-го января 1885 года созданъ былъ еще особый проступокъ для не-христіанъ, заключающійся въ писаніи иконъ, изготовленіи крестовъ и другихъ подобныхъ предметовъ чествованія христіанъ и торговлѣ ими. Объясненіе этого проступка должно искать въ томъ, что законодатель считалъ, въроатно, оскорбительнымъ для религіознаго чувства христіанъ, чтобы чествуемые ими предметы изготовлялись иновѣрцами. А потому ст. 48¹ устава о наказ., налаг. мир. судьями (изд. 1885 г.), постановляетъ: «за писаніе иконъ, изготовленіе крестовъ и другихъ подобныхъ сему предметовъ чествованія христіанъ, а также за торговлю такими предметами, лица не-христіанскихъ вѣроученій, сверхъ отобранія всѣхъ найденныхъ у нихъ предметовъ означеннаго рода, подвергаются денежному взысканію не свыше 50 рублей».

II. Неполное обрядовъ еврейской вѣры на равнинахъ.

§ 341. По уставу иностранныхъ исповѣданій, на равниновъ (и ихъ помощниковъ) возлагается обязанность совершать исключительно, по всему ихъ вѣдомству обряды *обръзанія и нареченія имени младенца, бракосочетанія, расторженія браковъ и погребенія* и вести также, по всему ихъ вѣдомству, метрическія книги. И, засимъ, никакія другія лица не могутъ исполнять указанныхъ религіозныхъ обрядовъ (ст. 1086 и прик. уст. ин. исп., изд. 1857 г.). Смыслъ этой статьи заключается въ томъ, что равнинъ совершаетъ всѣ тѣ обряды, которые подлежатъ регистраціи

въ установленные акты состоянія, именно—въ метрическія книги, для приданія непоколебимой достовѣрности событіямъ рожденія, бракосочетаній, разводовъ и смерти. Выше (стр. 92) мы уже видѣли, что раввинъ вовсе не въ состояніи выполнить нѣкоторые, возложенныя на него законы, обязанности, но неимѣнно специальной для сего подготовки, какъ, напримеръ, обряда обрѣзанія. Поэтому, по необходимости, обрядъ этотъ совершается сторонними, опытыми въ этомъ дѣлѣ, лицами. А между тѣмъ законъ считаетъ это преступленіемъ, постановляя, что никакія другія лица, кромѣ утвержденныхъ правительствомъ раввиновъ и ихъ помощниковъ, не могутъ исполнять обрядовъ еврейской вѣры, означенныхъ въ уставѣ иностранныхъ исповѣданій, и что виновные въ нарушеніи этого правила подвергаются: въ первый разъ—тюремному заключенію на время отъ 40 дней до 4 мѣсяцевъ, а во второй—отдать въ исправительныя арестантскія отдѣленія на 4 года. Глава же семейства, для котораго будетъ совершенъ тотъ обрядъ, подвергается денежному высканію не свыше 20 рублей (улож. вак., изд. 1885, ст. 302).

Для избѣжанія несоотвѣтствія закона съ требованіями дѣйствительной жизни слѣдовало бы постановить такое же правило, которое дѣйствуетъ относительно караниновъ. Въ ст. 30 правилъ объ управленіи духовными дѣлами караниновъ¹ сказано, что обрѣзаніе младенцевъ мужского пола галаганъ предоставляетъ тому изъ караниновъ, кто по этой части извѣстенъ своею опытностію, не возбраняя, однако, выборъ такого лица самимъ родителямъ младенцевъ, причѣмъ обрѣзаніе совершается или въ присутствіи старшаго газзана, или же съ особаго каждый разъ письменнаго его разрѣшенія. Сообразно съ этимъ, слѣдовало бы предоставить раввину каждой еврейской общины то же право, въ отношеніи назначенія галаганъ (лицъ, совершающихъ обрѣзаніе), которое принадлежитъ галагану, не возбраняя родителямъ выборъ такого лица съ тѣмъ, чтобы самое обрѣзаніе происходило въ присутствіи раввина или же съ особаго каждый разъ письменнаго его разрѣшенія, какъ это практикуется и теперь между евреями. Тогда нераціональность закона (ст. 302 улож. о наказ.) была бы устранена, безъ всякаго вреда для правильности регистраціи.

III. Уклоненіе отъ воинской повинности и укрывательство военныхъ бѣглецовъ.

§ 342. Къ уклоненію евреевъ отъ воинской повинности русское прави-

¹ Прилож. къ ст. 1097 т. IX, уст. ин. испов., по прод. 1890 г.

тельство всегда относилось очень сурово. Въ уставѣ о воинской повинности 1 января 1874 года никакихъ специальныхъ постановленій о еврейскъ по этому предмету не было. Закономъ же 12 апрѣля 1886 г. опредѣлено, что семейство еврея, уклонившагося отъ исполненія воинской повинности, подвергается денежному взыскаію въ размѣрѣ 300 руб. Взысканіе это налагается постановленіемъ подлежащаго уѣзднаго, окружнаго или городского по воинской повинности присутствія, приводится въ исполненіе полиціею и не подлежитъ задержанію арестомъ въ случаѣ несостоятельности лицъ, обязанныхъ платежомъ оного (ст. 360 уст. о воин. повинн., изд. 1886 г.)*.

§ 343. Что касается укрывательства военныхъ бѣглецовъ, то въ этомъ случаѣ къ отвѣтственности привлекается не только укрыватель, но и еврейское общество того мѣста, гдѣ укрывался военный бѣглець. Законъ, очевидно, предполагаетъ въ этомъ случаѣ солидарность всѣхъ мѣстныхъ евреевъ въ укрывательствѣ, предположеніе довольно проблематичное. Касающагося этого предмета постановленіе гласитъ: еврей, укрывавшій военно-служащаго изъ евреевъ хотя бы на самое короткое время, или давшій ему

* На практикѣ это постановленіе о денежномъ взысканіи, въ случаѣ неуплаты послѣдняго подлежащими лицами, влечетъ для нихъ и другія послѣдствія. Обыкновенно, въ наложеніи взысканія на семейство еврея, пришедшаго уклонившагося отъ воинской повинности, подлежащая власть предписываетъ сословному управленію, которому подлѣдомственнымъ членомъ этого семейства, о невѣдѣчѣ имъ паспортовъ на отлучки изъ мѣста приписки, впредь до уплаты наложеннаго взысканія. Если же они все-таки отлучаются, конечно—безъ паспортовъ, но дѣлать или для заработковъ, то полиція возбуждаетъ противъ нихъ преслѣдованіе по ст. 61 уст. о наказ., наказ. нѣр. судами, причемъ судебная власть присылаетъ въ обязанности еврейскъ обществу (61) статью, даже въ томъ случаѣ, когда отлучки извѣргодичными и мѣсто отлучки отстоитъ отъ мѣста приписки обыкновеннаго мѣсяца тридцать верстъ. Такая практика едина-ли правильна. Хотя по ст. 14 уст. о насп., изд. 1890 г., еврейскъ купцамъ, мѣщанамъ и цеховымъ изъ мѣщанъ дозволяется жить внѣ городовъ, къ которымъ они приписаны, и мѣстечекъ, гдѣ показаны по ревизіи не иначе, какъ по паспортамъ, но дагдѣ прибавлено: „на общиѣхъ правилахъ, установленныѣхъ для дружины городскихъ обывателей односторонно съ ними званія“. По общему же правилу, установленному для другихъ городскихъ обывателей (мѣщанъ), послѣдніе обязаны брать паспорта только тогда, когда они отлучаются для провормленія себя разными промыслами и работою далье 30 верстъ отъ мѣста своего жительства и на срокъ свыше полугода (ст. 103 уст. о насп., изд. 1890 г.). Стало бытъ, это же правило слѣдуетъ принимать и къ евреямъ.

способъ къ побѣгу, подвергается отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на время отъ одного до полутора года. Сверхъ того, съ еврейскаго общества, въ которомъ укрывался военный бѣглець изъ евреевъ, взыскивается не свыше 300 р. за каждого, если оно само его не обнаружило и не представило надлежащему начальству (ст. 530 улож. Нак., изд. 1885 г.).

IV. Нарушеніе таможенныхъ правилъ.

§ 344. Это нарушеніе, какъ и всякое другое, можетъ, конечно, исходить и отъ не-еврея. Но специальное наказаніе существуетъ только для еврея, и при томъ не только тогда, когда еврей изобличенъ въ контрабандномъ промыслѣ, но и тогда, когда на него падаетъ лишь подозрѣніе.

Законъ, имено, говоритъ, что изобличенные въ тайномъ провозѣ товаровъ, и вообще, контрабандномъ промыслѣ и участіи въ ономъ еврей, сверхъ другихъ опредѣленныхъ за контрабанду наказаній (улож. Наказ., ст. 744—821), немедленно удаляются изъ 50 верстнаго отъ границы пространства, о чемъ судебныя мѣста, при рѣшеніи дѣлъ этого рода, и должны означать въ своихъ приговорахъ.

Заслѣдствіемъ, главнымъ мѣстнымъ начальникамъ губерній предоставляется удалять за 50-ти верстную черту и тѣхъ евреевъ, которые, не бывъ по судебнымъ рѣшеніямъ совершенно оправданы, оставляются, за недостаткомъ полныхъ доказательствъ, въ подозрѣніи, или которые, по дѣламъ о задержанной контрабандѣ, разрѣшаемымъ таможеннымъ начальствомъ, будутъ окончательными рѣшеніями признаны виновными въ контрабандѣ. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ, для удаленія изъ 50-ти верстной пограничной полосы, вовсе не требуется признанія виновности еврея въ контрабандѣ судебнымъ рѣшеніемъ. Равнымъ образомъ, предписывается принимать таковую мѣру, тоже безъ судебного постановленія, противъ тѣхъ изъ евреевъ, удаленіе коихъ начальство таможеннаго округа найдетъ нужнымъ, по имѣющимся о неблагонадежности ихъ свѣдѣніямъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ удаленію подвергаются не только обвиненные и заподозрѣнные въ контрабандѣ, но и ихъ семейства, при чемъ всѣ еврей, удаленные за 50 верст отъ черты границы, лишаются навсегда права жительства въ этой чертѣ и въѣзда въ оную. Жена же и несовершеннолѣтнія дѣти такихъ евреевъ, живущія съ ними, но безъ участія въ ихъ винѣ, выселяемые, лишаются права жительства въ этой чертѣ и въѣзда въ оную, первая—при жизни

только мужа, а послѣднія—до совершеннолѣтія (ст. 19 и 20 уст. паси., изд. 1890 г.).

V. Нерадѣніе евреевъ-колонистовъ къ хозяйству.

§ 345. Проступокъ этотъ есть отголосокъ давно минувшаго времени, когда наше правительство стремилось приучить евреевъ къ земледѣлію. Въ настоящее время, когда стремленіе направлено къ удаленію евреевъ отъ земли, когда имъ не дозволяется арендовать даже малѣйшій клочокъ земли внѣ городовъ и мѣстечекъ, звучитъ какъ-то странно проступокъ—нерадѣніе по хозяйству и занятіямъ земледѣльческимъ. Но проступокъ этотъ существуетъ и облагается значительной карой. По ст. 1056 улож. о наказ., колонисты-евреи, за явное нерадѣніе къ хозяйству и занятіямъ земледѣльческимъ и за упорное отъ оныхъ уклоненіе безъ всякихъ основательныхъ къ тому причинъ, а равно и за производство не предоставленнаго имъ рода торговли, шинкарство, факторство, содержаніе харчевень, корчемъ, постоянныхъ дворовъ и за буйство и непослушаніе распоряженій начальства, подвергаются: въ первый разъ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 2 до 4 мѣсяцевъ, во второй разъ тому же наказанію вдвое, а въ третій разъ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на четыре года. Смыслъ этой статьи, говорится въ рѣшеніяхъ общаго собранія сената по дѣлу Пахомовскаго (Рѣш. 1871 г. № 987) и Когановыхъ (Рѣш. 1878 г. № 26), совершенно ясенъ и не представляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что евреямъ-колонистамъ не дозволяется шинкарство, факторство и содержаніе харчевень, корчемъ и постоянныхъ дворовъ, какъ занятія, несовѣстныя съ земледѣльческимъ хозяйствомъ, составляющимъ ихъ назначеніе, и въ этомъ отношеніи безразлично, въ собственномъ или чужомъ шинкѣ торгуетъ еврей-колонистъ.

§ 346. Взысканіяжъ подвергаются не только колонисты, но и равнины и сельскіе старшины. Правительство предполагало, что равнины будутъ отвращать евреевъ отъ земледѣльческаго труда, поэтому сочло нужнымъ издать слѣдующее правило, до сихъ поръ дѣйствующее: равнины, которые будутъ постоянными, съ обдуманнѣмъ намѣреніемъ или умысломъ дѣлаемыми, внушеніями разстраивать евреевъ-земледѣльцевъ въ хозяйственныхъ упражненіяхъ и отвращать ихъ отъ занятій сего рода, а также сельскіе старшины, которые не будутъ исполнять распоряженій начальства, относящихся къ устройству еврейскихъ колоній, или будутъ потворство-

вать поселенцамъ и дѣлать распоряженія во вредъ поселенію, приговариваются къ лишенію нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ тюрьмѣ на время отъ одного года и 4 мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ, а если они и заснѣ будуть снова изобличены въ тѣхъ же противозаконныхъ дѣйствіяхъ, то приговариваются къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на четыре года (ст. 1056 улож. нак., изд. 1885 г.).

Евреи-поселенцы за развратное поведеніе могутъ также быть передаваемы ихъ обществами въ распоряженіе правительства, но не иначе, какъ по строгому удостовѣреніи попечителя еврейскихъ колоній въ необходимости сей мѣры и по утвержденіи начальства. Приговоры о таковой передачѣ могутъ быть утверждаемы тогда только, когда въ нихъ участвовали, по крайней мѣрѣ, двѣ трети находящихся на мѣстѣ евреевъ, и когда въ этомъ числѣ было также не менѣе двухъ третей почетнѣйшихъ изъ нихъ (ст. 209 уст. пред. и прест. изд. 1890 г.).

VI. Построеніе еврейскихъ синагогъ безъ разрѣшенія.

§ 347. Этотъ проступокъ относится къ нарушеніямъ правилъ строительнаго устава и обвиняетъ собою, какъ построеніе еврейскихъ синагогъ и молитвенныхъ школъ безъ надлежащаго разрѣшенія, такъ и построеніе оныхъ не въ предписанномъ разстояніи отъ христіанскихъ церквей. Виновные въ этомъ нарушеніи подвергаются денежному взыскацію не свыше 200 рублей, при чемъ построенныя безъ соблюденія этихъ правилъ зданія, по усмотрѣнію главнаго мѣстнаго начальства, переносятся на другія мѣста на счетъ виновныхъ, а когда это необходимо, то и вовсе закрываются или, если только построены не по фасадамъ, то исправляются (ст. 1074 улож. наказ., изд. 1885 г.). По разъясненію общаго собранія правительствующаго сената, по этой статьѣ наказывался и устроитель лицомъ, получившимъ разрѣшеніе и планъ на постройку жилого дома, вѣсто дома—еврейской молитвенной школы, на что не было получено надлежащимъ порядкомъ разрѣшенія, хотя бы устроившимъ были допущены нарушенія общихъ техническихъ и ограждающихъ личную безопасность правила (рѣш. 1880 г. № 40, по дѣлу Шафера).

VII. Недозволенное производство торговли виѣ черты еврейской осѣдлости ¹.

§ 348. Это дѣяніе отнесено къ нарушеніямъ уставовъ торговыхъ. По

¹ Мы упустили указать въ надлежащемъ мѣстѣ на то, что по ст. 1500 X т.

ст. 1171 улож. о наказ., евреи, за производство въѣ черты, назначенной для постоянного ихъ жительства, какой-либо торговли, кромя той, которая въ опредѣленныхъ именно закономъ случаяхъ имъ дозволена, подвергаются: конфискаціи товаровъ ихъ и немедленной высылкѣ изъ тѣхъ мѣстъ.

О смыслѣ этой статьи и примѣненіи ея на практикѣ мы говорили уже выше на стр. 107, 108, 190, 191, 209, 287—289. Здѣсь мы займемъ только слѣдующее: 1) практика примѣняетъ 1171 ст. къ производству евреями торговли, какъ въѣ черты еврейской осѣдлости, т. е. въѣ губерній, перечисленныхъ въ ст. 16 уст. о пасп., во прод. 1886 г., такъ и въ этой чертѣ, но въ мѣстностяхъ, гдѣ имъ запрещено новое поселеніе, т. е. въѣ городовъ и мѣстечекъ; 2) въѣ черты еврейской осѣдлости ст. 1171 примѣняется не только къ лицамъ, не имѣющимъ права жительства здѣсь, но и къ такимъ лицамъ, которымъ законъ предоставилъ право повсемѣстнаго пребыванія, какъ, напримѣръ, къ отставнымъ нижнимъ чинамъ, прошедшимъ военную службу на основаніи прежде дѣйствовавшего рекрутскаго устава, и къ ремесленникамъ (рѣш. уг. касс. деп. 1889 г. № 7) 1;

ч. 1 евреи не могутъ быть допускаемы къ торгамъ, производимымъ на продажу казеннаго имущества въ тѣхъ мѣстахъ, въ концы имъ воспрещено постоянное жительство.

1 Такое примѣненіе, какъ мы видѣли выше (стр. 288), не только несоотвѣтствуетъ дѣйствительному смыслу этой статьи и тѣмъ измѣненіямъ, которыя уже послѣ ея изданія послѣдовали въ законахъ, расширившихъ право жительства нѣкоторыхъ категорій евреевъ, но ведетъ нерѣдко къ послѣдствіямъ, которыя едва-ли могутъ быть терпимы въ благоустроенномъ государствѣ. Такъ, недавно напечатано было въ № 19 „Кіевлянина“, отъ 23 января 1891 г., о томъ, что кіевскій окружной судъ слушалъ дѣло о мѣщанкахъ еврейкахъ: Юдовичъ, Брейтманъ, Портной, Восовикъ, Кроль, Левшиной, Цейтлинвокъ, Носковой, Слосманъ и Слуцкой. обвиняемыхъ по ст. 1171 улож. о наказ. Всѣ подсудимыя провоздвигали въ Кіевѣ торговлю, не имѣя на это права: восемь изъ нихъ торговали молокомъ, одна — горшками и одна — хлѣбомъ. Мужья ихъ, какъ ремесленники, живутъ въ Кіевѣ. Судъ призналъ названныхъ евреекъ виновными и опредѣлилъ выселить ихъ изъ Кіева.

Этотъ случай представляетъ собою рельефный, рѣзкій примѣръ несостоятельности и суровости означенной статьи и ея примѣненія на практикѣ. Дѣйствительно, если приговоръ окружнаго суда будетъ оставленъ въ силѣ высшей инстанціей, то десять честныхъ женщинъ, матерей семейства, будутъ насильно оторваны отъ своихъ мужей и дѣтей, изгнаны изъ Кіева, только потому, что онѣ рѣшились, для добыванія средствъ существованія, для воспособленія въ заработкахъ своимъ мужьямъ, торговать молокомъ, горшками и хлѣбомъ, т. е. такими предметами, торговлю которыми законъ (ст. 4 полож. о торг. пошл.) при-

3) ст. 1171 приѣдена и къ прикащику купца 1-й гильдіи, который (прикащикъ), исполняя обязанности по дѣламъ своего принципала, расширилъ свою прикащичью дѣятельность поступленіемъ прикащикомъ еще къ другому лицу. Сенатъ рассуждаетъ такъ: на основаніи 17 ст. уст. о насл., по прод. 1886 г., проживавшій въ Орлѣ 1-й гильдіи купецъ, еврей Германъ Левитанъ, имѣлъ право, при соблюденіи указанныхъ въ томъ законѣ условій, взять съ собою, въ качествѣ прикащика, брата своего, еврея Жана Левитана. Но такое право Г. Левитана имѣть при себѣ единовѣрца въ качествѣ прикащика, во точному смыслу приведеннаго закона, не могло создать для Ж. Левитана права расширить свою прикащичью дѣятельность поступленіемъ прикащикомъ еще къ другому лицу. Вслѣдствіе сего сенатъ пришелъ къ заключенію, что Ж. Левитанъ, которому означенное право не могло принадлежать и по проживательству его въ г. Орлѣ въ качествѣ ремесленника (касс. рѣш. сен. 1877 г., № 20), поступленіемъ въ прикащики по г. Орлу къ еврею, купцу Фреману, совершилъ преступное дѣяніе, правильно подведенное палатою подъ дѣйствіе 1171 ст. улож. о наказ., каковое примѣненіе вполнѣ оправдывается и содержаніемъ рѣшеній 1-го общ. собр. сената 25 октября 1885 и 25 апрѣля 1886 г. за № 69, по дѣлу Выдрина, того же общ. собр. 27 марта 1887 г. (собр. узак. № 82, ст. 749) и общ. собр. 1-го и кассац. деп. правительствующаго сената 1888 г., № 5 (рѣш. угол. касс. деп. 1890 г., № 23); 4) въ случаѣ совершенія проступка, указаннаго въ ст. 1171, еврею не только выселяются изъ того мѣста, гдѣ они производили торговлю, но, вообще, выселяются въ предѣлы назначенной для постоянного ихъ жительства мѣстности (рѣш. угол. касс. деп. 1875 г., № 46Е, по дѣлу Блоха, и 1889 г., № 7), при чемъ такая высылка не можетъ быть судомъ ни отмѣнена, ни смягчена (рѣш. угол. касс. деп. 1887 г., № 14, по дѣлу Животинскаго). Впрочемъ, правительствующій сенатъ, по второму общему со-

знаетъ свободной, безъ платежа пошлины, для всѣхъ состояній, не исключая иностранцевъ. Спрашивается, что же дѣлать женамъ бѣдныхъ ремесленниковъ, средства мужей которыхъ не хватаетъ на содержаніе семьи, если имъ нельзя продавать даже молока, горшковъ и хлѣба? Очевидно, что примѣненіе къ означеннымъ женщинамъ 1171 ст. улож. о наказ. не можетъ найтти оправданія ни въ интересахъ здоровой государственной политики, ни въ соображеніяхъ общественной пользы. Если не польза, то, во всякомъ случаѣ, никому не можетъ быть вреда отъ продажи подудными молока, горшковъ и хлѣба въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ вправѣ были жить при своихъ мужьяхъ.

бранію, въ рѣшеніи 25 января 1891 г., по дѣлу отставнаго утеръ-офицера Исаи и сына его Израиля Гительмановъ, числящихся во 2-й гильдіи уфимскаго купечества и обвиненныхъ въ подыменной питейной торговлѣ, высказалъ слѣдующее: по точному смыслу ст. 1171 улож. о наказ., евреи, признанные виновными въ производствѣ воспрещенной сими законами торговли, «подвергаются конфискаціи товаровъ и немедленной высылкѣ изъ тѣхъ мѣстъ», въ концѣ они незаконно произвели торговлю. Такимъ образомъ, говорить общее собраніе, на основаніи приведеннаго закона, Гительманы должны быть присуждены къ конфискаціи находящихся въ нихъ заведеній товаровъ и высылкѣ ихъ *лишь изъ г. Уфы и Уфимскаго уѣзда*, гдѣ они производили означенную торговлю, а соответственно сему должно подлежать измѣненію и обжалованное Гительманами опредѣленіе 5-го департамента сената въ части, касающейся назначенія слѣдующаго имъ наказанія (о высылкѣ ихъ изъ Уфы въ мѣста, назначенныя для постояннаго жительства евреямъ); и 5) наконецъ, такъ какъ конфискаціи, о коей говорить ст. 1171, имѣеть, по разъясненію сената, свойство гражданскаго иска¹, то примѣненіе этой мѣры погашается 10-ти лѣтнею, а не шестилѣтнею давностью, а высылка изъ опредѣленнаго мѣста жительства никакой давности не подлежитъ (рѣш. угол. касс. деп. 1887 г., № 14).

VIII. Неправильное совершеніе браковъ раввинами.

§ 349. За совершеніе брака не-христіанъ, прежде опредѣленнаго законами возраста или вслѣдствіе неправильныхъ разводовъ, всѣ въ томъ виновные подвергаются удаленію отъ своихъ должностей и заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 2 до 4 мѣсцевъ. Раввины же, изблеченныя въ этомъ нарушеніи закона во второй разъ, приговариваются къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на четыре года (ст. 1579 улож. наказ., изд. 1885 г.).

Для раввиновъ Царства Польскаго установлено еще слѣдующее: именно, раввины, которые, по совершеніи брака между лицами еврейскаго вѣроисповѣданія, не явятся, вмѣстѣ съ новобрачными, къ чиновнику, содер-

¹ Конфискація товаровъ едва-ли имѣеть свойство гражданскаго иска; она присоединяется къ наказаніямъ (ст. 58 улож. о наказ.), и судъ въ случаяхъ, указанныхъ закономъ, обязанъ постановить приговоръ о конфискаціи, хотя бы казенное управленіе не задало объ этомъ требованія, тогда какъ, еслибъ конфискація имѣла свойство гражданскаго иска, то, безъ предьявленія такого иска,

жающему акты гражданского состоянія, для составленія акта о бракосочетаніи, подвергаются денежному взысканію десяти рублей.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ указать и на то, что, по закону, отъ наказаній тѣлесныхъ, т. е. отъ наказанія розгами и заключенія въ оковы, изъемяются, между прочимъ: 1) всѣ духовныя лица не-христіанскихъ исповѣданій и дѣти ихъ; 2) евреи поселенцы, отличившіеся въ сельскомъ хозяйствѣ и получившіе золотыя и серебряныя медали ¹.

ГЛАВА XXVIII.

Объ эмиграціи евреевъ изъ Россіи.

§ 350. Отъ добра добра не ищутъ, гласятъ житейская мудрость. Но такъ какъ еврейской массѣ живется въ Россіи далеко не вольготно, то совершенно повятно стремленіе тѣхъ или другихъ лицъ выйти изъ заколдованнаго круга, созданнаго для нихъ особымъ законодательствомъ о евреяхъ, удалиться изъ Россіи, въ надеждѣ пристроиться сносно гдѣ-нибудь на чужбинѣ. Этимъ объясняется эмиграція евреевъ изъ нашего отечества. Такое выселеніе нерѣдко дѣлалось безъ соблюденія установленныхъ правилъ, а потому на отлучки евреевъ за предѣлы государства русское правительство давно обратило вниманіе. Еще въ 1826 г. начальству пограничной стражи имѣялось въ строжайшую обязанность отказывать въ пропускѣ евреевъ, возвращающихся изъ за-границы изъ самовольныхъ отлучекъ и не выдавать установленныхъ для проѣзда въ имперію кордонныхъ свидѣтельствъ ². По ст. 11 положенія о евреяхъ 1835 г., евреи, отлучившіеся за границу безъ узаконеннаго дозволенія, исключаются изъ подданства Россіи и къ возврату въ оную не допускаются ³. Это правило вошло въ сводъ законовъ изд. 1842 г. въ видѣ ст. 281 устава о пасп. и бѣглыхъ. Но такъ какъ и въ нѣкоторыхъ иностранныхъ европейскихъ государствахъ евреевъ тоже не терпѣли и, вслѣдствіе этого, между правительствами этихъ государствъ и Россіей происходили дипломатическія объясненія о принятіи

судъ не въ правѣ былъ бы постановить рѣшеніе о конфискаціи (ст. 6, 7, 17 и 18 уст. угол. суд.).

¹ Прилож. I къ ст. 30 улож. о наказ., изд. 1885 г., ст. 5, пп. 34 и 36.

² П. С. З. 1826, т. 1, № 347, п. 1.

³ П. С. З., 1835, т. X, № 8054.

выселенцевъ обратно въ Россію, то русскому правительству пришлось нѣсколько ограничить дѣйствіе только что указаннаго правила положенія 1835 г. По этому предмету состоялось въ 1842 г. слѣдующее мѣнѣе государственнаго совѣта: оставя означенную 281 ст. въ своей силѣ, какъ законъ общій, постановить, въ видѣ изъятія, для евреевъ, высланныхъ изъ за границы сосѣдственными государствами, на основаніи особыхъ условій, слѣдующее: «евреи, отлучившіеся за границу безъ узаконеннаго дозволенія и установленныхъ видовъ, или съ видами и паспортами просроченными, въ случаѣ высылки ихъ изъ за границы обратно, по предварительномъ удостовереніи въ дѣйствительной принадлежности къ русскому подданству, принимаются безпрепятственно пограничными нашими начальствами. По приѣздѣ, евреи сіи препровождаются въ мѣстныя губернскія правленія, для поступленія съ ними по существующимъ узаконеніямъ, какъ съ бродягами, *хотя бы преждее жьсто ихъ жительства и общества, къ коему они принадлежатъ, и были извѣстны*. На семъ основаніи, означенные евреи обращаются въ военную службу безъ зачета за рекруты, а по негодности къ оной, препровождаются въ арестантскія роты безъ права возвращенія въ свои общества, по требованію сихъ послѣднихъ; неспособные же къ работамъ, равно и женщины, ссылаются въ Сибирь на поселеніе».

Видѣть съ тѣмъ предоставлено было вице-канцлеру, если онъ признаетъ возможнымъ и удобнымъ, вступить съ австрійскимъ правительствомъ и правительствами другихъ государствъ, съ которыми заключены условія о взаимной выдачѣ бѣглыхъ и безпаспортныхъ, въ сношенія касательно назначенія срока, послѣ котораго евреи, отлучившіеся безъ узаконеннаго вида и дозволенія за границу, не должны быть высланы обратно въ Россію¹.

Декларация о высылкѣ бѣглыхъ евреевъ изъ Россіи и Австріи заключена была между этими государствами въ 1850 г. По силѣ этой декларации, евреи, русскіе подданные, переходящіе въ Австрію безъ установленнаго вида или безъ какого-либо узаконеннаго дозволенія или же тѣ, у коихъ паспорта или другія бумаги окажутся недействительными, по причинѣ невозобновленія ихъ въ предписанный срокъ, высылаются обратно въ Россію. Однако же, они не иначе допускаются въ Россію, какъ если ихъ принадлежность къ русскому подданству будетъ надлежащимъ образомъ доказана, и если отсутствіе ихъ продолжалось не болѣе 5 лѣтъ; этотъ 5

¹ П. С. З., 1844 г. XIX, № 17557.

лѣтній срокъ считается со времени ихъ противозаконнаго отсутствія, но срокъ этотъ прерывается первымъ извѣщеніемъ, которымъ австрійскія начальства сообщаютъ россійскимъ начальствамъ о намѣреніи своемъ выслать бѣглаго. Тогда время, которое пройдетъ въ розысканіяхъ о настоящемъ подданствѣ, не будетъ включено въ счетъ пяти лѣтъ; эти постановленія распространены были и на тѣхъ евреевъ, которые противозаконно оставили свой край до разнѣна разсматриваемой деклараціи. Засишь, пятилѣтняя давность не должна была распространяться на тѣхъ евреевъ, которые до перехода чрезъ границу совершили бы какое-либо преступленіе или проступокъ: такіа лица подлежали выдачѣ по первому востребованію, не взвѣряя на продолжительность пребыванія ихъ внѣ своего края ¹.

Для того же, чтобы евреи не могли отговариваться невѣдѣніемъ узаконеній, опредѣляющихъ послѣдствія недозволенныхъ отлучекъ за границу, предписано было въ 1848 г., при выдачѣ евреямъ заграничныхъ паспортовъ, объявлять имъ, съ подпискою, узаконенія, относящіяся, какъ вообще до россійскихъ подданныхъ, такъ и въ особенности до евреевъ, отлучающихся въ чужіе края ².

§ 351. Въ царствованіе императора Александра II наступаетъ поворотъ по разсматриваемому предмету. Высочайше утв. 18-го апрѣля 1860 года мнѣніемъ госуд. совѣта велѣно было распространить въ полной мѣрѣ ст. 33 всемілостивѣйшаго манифеста 26-го августа 1856 г. на возвратившихся изъ-за границы евреевъ, которые отлучились туда безъ узаконеннаго дозволенія ³.

Засишь, государственный совѣтъ, по поводу согласованія уложенія о наказаніяхъ, съ уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, принялъ въ соображеніе, что наказаніе, опредѣляемое въ 3 части ст. 1228 улож. о нак. изд. 1857 г., въ видѣ исключенія евреевъ навсегда изъ подданства Россіи, за отлучку безъ дозволенія за границу, нельзя не признать непоумѣрно строгимъ въ сравненіи съ маловажностью проступка, состоящаго, собственно, въ отъѣздѣ за границу, безъ взятія установленнаго паспорта. Посему, по мнѣнію госуд. совѣта, и за подобныя нарушенія слѣдуетъ подвергать евреевъ общему для всѣхъ денежному взыскацію, за исключеніемъ лишь случаевъ, въ которыхъ они должны были бы подлежать болѣе строгому наказанію за преступныя дѣйствія, совершенныя или прежде отлучки за гра-

¹ П. С. З., 1850 г., т. XXV, № 23845;

² П. С. З., 1848 г., т. XXIII, № 22748.

³ П. С. З., 1860 г., т. XXV, № 35709.

ницу, или во время оной¹. И, такимъ образомъ, законъ 27-го декабря 1865 г. означенное наказаніе отиѣнено.

§ 352. Погромы, начавшіеся въ 1881 году и послѣдовавшія заснѣть разными «раничательными мѣры, до крайности ухудшившія юридическое и экономическое положеніе евреевъ, вызвали среди послѣднихъ усиленное эмиграціонное движеніе. Не говоря уже о безпорядочномъ бѣгствѣ за границу многихъ тысячъ людей, спасавшихся отъ ужасовъ погромовъ, выселеніе евреевъ изъ Россіи приняло значительные размѣры уже въ 1882 г. Этому способствовали отчасти и распускавшіеся среди еврейской массы слухи о томъ, что выселенцы будутъ за границей пристроены разными благотворителями. Тогда же правительство обратило вниманіе на эмиграціонное движеніе, и министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Толстой, вопреки указанія его предшественника на то, что западная граница открыта для евреевъ, обратился къ начальникамъ губерній съ циркуляромъ, въ которомъ изъяснено, что изъ свѣдѣній, имѣющихся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, оказывается, что значительное количество евреевъ, побуждаемыхъ различными неосновательными слухами, распускаемыми агентами нѣкоторыхъ заграничныхъ еврейскихъ обществъ, покидаютъ мѣста своего жительства съ цѣлю переселенія въ другія государства.

Имѣя въ виду, что большинство такихъ лицъ, обманувшись въ своихъ надеждахъ, вынуждены бываютъ возвращаться обратно въ Россію и, такимъ образомъ, подвергаются нерѣдко полному разоренію или, по меньшей мѣрѣ, несутъ невознаградимые убытки, министръ внутреннихъ дѣлъ призвалъ необходимымъ просить губернаторовъ принять зависящія мѣры къ оглашенію между еврейскимъ населеніемъ губерній, какъ чрезъ раввиновъ, такъ и тѣмъ путемъ, который будетъ признанъ наиболѣе для сего удобнымъ, о томъ тяжеломъ положеніи, въ которое поставляются лица, довѣрчиво положившіяся на обѣщанія, ни на чемъ не основанныя, людей пришлыхъ и мѣстному населенію неизвѣстныхъ. Независимо отъ этого, предписывалось принять мѣры къ тому, чтобы мѣстныя полицейскія власти не оставляли безъ законнаго преслѣдованія тѣхъ личностей, которыя подстрекають обѣщаніями выгоды евреевъ къ переселенію, какъ виновныхъ въ распространеніи ложныхъ слуховъ, тревожащихъ мѣстное населеніе, а объ иностранцахъ, оказывающихся виновными въ томъ же, сообщать гу-

¹ Суд. уст. 20-го ноября 1864, изд. госуд. канц. 2-е ч. IV, стр. 177.

бернаторамъ для высылки таковыхъ лицъ изъ предѣловъ Имперіи (цирк. мн. внутр. дѣлъ 21-го іюня 1882 г. № 1655).

§ 353. Циркуляръ этотъ не могъ, конечно, прекратить эмиграціоннаго движенія, такъ какъ таковое кроется въ весьма тягостномъ юридическомъ и экономическомъ положеніи евреевъ¹. Поэтому масса народа, и притомъ, самаго энергичнаго, здороваго и способнаго работать, уходить, не будучи въ состояніи мириться съ своимъ тяжелымъ положеніемъ, что, несомнѣнно, составляетъ ущербъ для Россіи, лишаящейся и производительныхъ работниковъ, и платежной силы, и для самихъ остающихся здѣсь евреевъ, такъ какъ тягость поддержки убогихъ, сиротъ, старыхъ и, вообще, венущихъ падаетъ на меньшее число лицъ, да и много средствъ уходитъ непроизводительно на самое переселеніе. Многие изъ выселенцевъ занялись земледѣліемъ, отчасти въ Америкѣ, отчасти въ Палестинѣ, въ устроенныхъ ими земледѣльческихъ колоніяхъ. Такъ какъ всякое начало, въ особенности въ области земледѣлія, трудно, то колонисты нуждаются пока въ поддержкѣ. Для вспоможенія еврейскимъ колонистамъ и ремесленникамъ въ Палестинѣ недавно образовалось у насъ общество, уставъ котораго утвержденъ правительствомъ. Изъ устава видно, что общество имѣетъ цѣлью оказывать поселившимся въ Сиріи и Палестинѣ колонистамъ и ремесленникамъ пособіе орудіями и другими средствами, но обществу отнюдь не дозволяется содѣйствовать чѣмъ либо переселенію русскихъ евреевъ въ Палестину. Кромѣ членскихъ взносовъ и случайныхъ пожертвованій, обществу разрѣшено, для увеличенія своихъ средствъ, устраивать отъ времени до времени въ свою пользу концерты, литературные вечера, базары, лотереи и т. п. Членами общества могутъ быть всѣ евреи, живущіе въ предѣлахъ Россіи и дѣлающіе взносы не менѣе трехъ рублей въ годъ. Дѣла общества вѣдаетъ постоянный комитетъ, избираемый общимъ собраніемъ членовъ. Общее собраніе обсуждаетъ важнѣйшія дѣла общества и созывается комитетомъ по мѣрѣ надобности. О каждомъ такомъ собраніи обществу обязано извѣстить одесскаго градоначальника за недѣлю до собранія.

¹ Эмиграція несомнѣнно будетъ содѣйствовать и Высочайшее повелѣніе 28 марта 1891 г. о восарещеніи евреямъ механикамъ, винокурамъ, пивоварамъ и вообще мастерамъ и ремесленникамъ евреямъ переселяться изъ черты еврейской осѣлости, а равно переходить изъ другихъ мѣстностей Имперіи въ Москву и Московскую губернію, и о принятіи мѣръ къ выѣзду изъ Москвы и Московской губ. этой же категоріи евреевъ въ мѣстности, определенныя для постоянной осѣлости евреевъ (Собр. уз. 1891 № 35, ст. 380).

Комитетъ, какъ и общія собранія, должны имѣть свои собранія только въ Одессѣ. Члены комитета избираются исключительно изъ тѣхъ членовъ общества, которые имѣютъ постоянное жительство въ Одессѣ. Комитетъ обязывается доставлять одесскому градоначальнику каждые три мѣсяца списокъ лицъ, которымъ общество оказывало поддержку. Прежде, чѣмъ общество начнетъ совершать свои операціи, оно вноситъ одесскому градоначальнику 5,000 р. залога, который хранится въ одесской конторѣ государственнаго банка. Этотъ капиталомъ гарантируются издержки, которыя правительство, въ случаѣ необходимости, будетъ имѣть по дѣламъ общества ¹.

§ 354. Что касается юридической стороны эмиграціи, то должно имѣть въ виду слѣдующее:

По законамъ, дѣйствующимъ въ европейскіхъ государствахъ и Сѣверо-Американскіхъ Штатахъ, свобода выселенія изъ отечества составляетъ неотъемлемое право личности, какъ право на тѣлесную неприкосновенность. Государственная власть считаетъ, кромѣ того, несогласнымъ съ своимъ достоинствомъ насильное удержаніе подданнаго, желающаго отдѣлаться отъ отечества, ставшаго для него по какому либо случаю начикой.

Наше законодательство не только не допускаетъ свободной эмиграціи, но считаетъ послѣднюю весьма серьезнымъ преступленіемъ, какъ нарушеніе долга вѣрноподданничества и присяги.

Кто, гласитъ ст. 325 улож. о нак., изд. 1885 г., отлучась изъ отечества, войдетъ въ иностранную службу безъ дозволенія правительства или вступитъ въ подданство иностранной державы, тотъ, за сіе нарушеніе вѣрноподданческаго долга и присяги, лишается всѣхъ правъ состоянія и подвергается вѣчному изъ предѣловъ государства изгнанію или, въ случаѣ самовольнаго потомъ возвращенія въ Россію, ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

Мало того, не только вступленіе въ иностранное подданство, но даже неявка обратно изъ-за границы, по вызову правительства, пребываніе тамъ долѣе опредѣленнаго въ законахъ о паспортахъ срока (5-ти-лѣтняго) и подговоръ къ переселенію за границу, влекутъ за собою весьма серьезныя кары, именно — лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и взятіе имѣнія переселенца въ опекуновское управленіе (ст. 326—328 улож. о наказаніяхъ).

При такомъ положеніи дѣла понятво, что переселенцамъ, для ограж-

¹ „Над. Хров. Восхода“ 1890 г. № 16, стр. 406 и 407.

денія себя отъ всякихъ случайностей въ будущемъ, слѣдуетъ, предварительно окончательнаго переселенія, испросить разрѣшеніе правительства на выселеніе за границу. Съ другой стороны и правительству слѣдовало бы урегулировать эмиграціонное движеніе въ видахъ какъ облегченія тяжелаго положенія эмигрирующихъ, такъ и освобожденія остающихся въ Имперіи евреевъ отъ отвѣтственности за эмигрантовъ въ отбываніи денежныхъ и воинской повинностей.

ГЛАВА XXIX.

З а к л ю ч е н і е .

Если теперь бросимъ общій взглядъ на развитіе русскаго законодательства о евреяхъ, то нельзя не замѣтить два параллельныхъ направленія: положительное и отрицательное. Въ первомъ отношеніи русское правительство принимаетъ мѣры, чтобы сдѣлать евреевъ полезными членами общества путемъ водворенія между ними производительнаго труда—ремесленнаго, фабричнаго и земледѣльческаго, и возвышенія ихъ нравственнаго и умственнаго уровня; во второмъ же,—чтобы отвлечь ихъ отъ занятій, по мнѣнію правительства, непродуцательныхъ. На этотъ двойственный характеръ правительственныхъ мѣръ указывается, между прочимъ, категорически въ Положеніи о евреяхъ 1835 г. «Главною цѣлью сего Положенія,—сказано въ именномъ указѣ 13 апрѣля 1835 г.,—было устроить евреевъ на такихъ правилахъ, кои бы, открывая имъ свободный путь къ снисканію безбѣднаго содержанія упражненіями въ земледѣліи и промышленности и къ постепенному образованію ихъ юности, въ то же время преграждали имъ поводы къ праздности и промысламъ незаконнымъ»¹. Между тѣмъ отрицательныя или репрессивныя мѣры правительства, направленные не противъ тѣхъ или другихъ дѣйствительно вредныхъ по своей дѣятельности лицъ, а противъ всѣхъ евреевъ вообще, стѣсненіе ихъ въ правѣ жительства и занятія промыслами, гдѣ они могли бы таковыя съ выгодой для себя основать, имѣли въ результатѣ крайне печальныя послѣдствія, такъ какъ изъ всего того, что выше изложено въ настоящей книгѣ, нельзя не видѣть, что юридическое положеніе евреевъ въ Россіи представляется совершенно ненормальнымъ. Милліоны людей, не смотря на иногвѣковое пребываніе въ государствѣ, считаются инородцами. За нѣкоторыми небольшими исключеніями эти люди могутъ жить не повсемѣстно

¹ В. П. С. З., т. X, № 8054.

въ Россіи, а лишь въ опредѣленныхъ (15) губерніяхъ, именуемыхъ чертой еврейской осѣдлости. Притомъ же и въ этой чертѣ они подвергаются ограниченіямъ въ правѣ жительства какъ въ 50-верстной пограничной съ Пруссіей, Австріей и Румыніей полосѣ, такъ и въѣ городовъ и мѣстечекъ, гдѣ новое поселеніе ихъ вовсе не допускается, и гдѣ они не могутъ ни приобрѣтать недвижимыя имущества, ни арендовать таковыя, либо принимать въ залогъ, ни управлять ими по довѣренности. Далѣе, практикующіеся въ послѣдніе годы постоянныя выселенія евреевъ изъ 50-верстной пограничной полосы, изъ селъ и деревень, изъ мѣстъ, лежащихъ въѣ общедѣлной черты еврейской осѣдлости, гдѣ они при прежнему, болѣе мягкомъ режимѣ, успѣли поселиться и пристроиться, не могутъ не дѣйствовать разорительно на выселенцевъ, которые въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ еще болѣе увеличиваютъ собою контингентъ людей, влачащихъ жалкое существованіе и лишеныя прочной осѣдлости. Двери общихъ учебныхъ заведеній въ настоящее время почти закрыты для еврейскаго юношества, въ гражданскую службу фактически не принимаютъ тѣхъ евреевъ, которые по закону имѣютъ на это право, а равно прекращенъ доступъ ихъ въ адвокатуру, если не по закону, то на дѣлѣ. Не смотря, однако же, на все это, евреи подлежатъ, независимо отъ общихъ налоговъ и повинностей, платежу особыхъ сборовъ—коробочнаго, свѣчнаго и съ типографій для печатанія еврейскихъ книгъ, а въ порядкѣ отправленія воинской повинности они подчиняются особымъ, крайне тягостнымъ правиламъ; но и прохожденіе военной службы не измѣняетъ ихъ юридическаго положенія, какъ евреевъ.

Всѣ эти ограниченія и способы примѣненія ихъ на практикѣ, благодаря неясности и противорѣчивости законовъ о евреяхъ, изданныхъ въ разное время и при разныхъ теченіяхъ, имѣютъ своимъ послѣдствіемъ то, что еврейская масса пребываетъ въ крайней нищетѣ, такъ какъ всѣ сферы доступной евреямъ промышленной и торговой дѣятельности въ городкахъ и мѣстечкахъ черты ихъ осѣдлости переполнены, и конкуренція отчаянная.

При этомъ надо имѣть въ виду, что указанными законодательными ограниченіями далеко еще не опредѣляется въ дѣйствительности юридическое положеніе евреевъ. При разнообразіи несогласованныхъ другъ съ другомъ постановленій о евреяхъ и склонности практики придавать ограничительнымъ узаконеніямъ распространительное толкованіе, нерѣдко получаются результаты, которыхъ законодатель едва ли могъ желать. Укажемъ здѣсь на одинъ примѣръ, бывшій въ разсмотрѣніи общаго собранія прав. сената. Законъ 28-го іюня 1865 г. дозволяетъ евреямъ-решесленникамъ

проживать *повсеместно* внѣ черты, для постоянной осѣдности евреевъ назначенной. Что можетъ быть яснѣе выраженія «*повсеместно*»? Между тѣмъ администрація, какъ мы видѣли выше (на стр. 305—310) истолковала этотъ законъ; въ томъ смыслѣ, что еврей-ремесленники могутъ проживать лишь въ городахъ, гдѣ имѣются ремесленные управления, и такимъ образомъ вся уѣздная территория, т. е. чуть ли не $\frac{9}{10}$ пространства Россіи, должна была закрыться для евреевъ-ремесленниковъ при послѣдовательномъ проведеніи такого толкованія. Въ концѣ концовъ сенатъ возстановилъ истинный смыслъ закона, но вѣдь администрація не ждетъ исполненіемъ своихъ постановленій до разъясненія сената: она свои распоряженія приводитъ въ исполненіе, высылаетъ ремесленниковъ изъ мѣстъ ихъ пребыванія, что не можетъ не быть сопряжено съ разореніемъ для высылаемыхъ.

Равнымъ образомъ и сибирская администрація, съ своей стороны, починаетъ мѣры къ выдворенію евреевъ-ремесленниковъ изъ Сибири на томъ основаніи, что законъ, позволяющій имъ проживать по узаконеннымъ паспортамъ *повсеместно* внѣ черты, для постоянной осѣдности евреевъ назначенной, на Сибирь не распространяется и не можетъ вообще здѣсь имѣть приѣніе. Вслѣдствіе этого енисейское, наприимѣръ, губернское правленіе сдѣлало недавно (въ 1890 г.) распоряженіе о томъ, чтобы еврей-ремесленники были немедленно удалены изъ предѣловъ Енисейской губерніи; красноярской же ремесленной управѣ оно предписало на будущее время не выдавать прибывающимъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь евреямъ-ремесленникамъ свидѣтельствъ на производство какого бы то ни было ремесла, подъ опасеніемъ за неисполненіе строгой по закону отвѣтственности ¹.

И такъ, совершенно ясны сами по себѣ, но льготные для евреевъ, законы лишаются на практикѣ своей силы ², благодаря своеобразному

¹ „Нед. Хроника Восхода“ 1891 г. № 8.

² Въ этомъ отношеніи представляется знаменательнымъ и слѣдующій фактъ: Выше (на стр. 232 и 233) мы видѣли, что иногороднимъ евреямъ, не имѣющимъ права постоянного жительства внѣ черты еврейской осѣдности, разрѣшается пріѣздъ въ Кіевъ и временное тамъ пребываніе, между прочимъ, для воспитанія въ учебныхъ заведеніяхъ. При чемъ вмѣстѣ съ евреями, пріѣзжающими въ Кіевъ для этой цѣли, дозволяется пріѣзжать туда и вообще имѣть тамъ временное пребываніе и семьямъ сихъ лицъ. Сроки пребыванія евреевъ въ Кіевѣ для воспитывающихся въ учебныхъ заведеніяхъ и семействъ сихъ лицъ ограничиваются окончаніемъ воспитывающимся курса наукъ. Правила эти совершенно ясны: не

нѣ толкованію, которое крайне тягостно отражается на еврейѣ, служа источникомъ разоренія и безвыходнаго положенія для тѣхъ лицъ, которыхъ толкованіе касается.

Далѣе, знаменіемъ времени является и приведенное выше на стр. 269—271 разъясненіе сената о томъ, что предоставленное евреямъ, пріобрѣтшимъ ученныя степени, право на повсемѣстное жительство есть право, лично имъ принадлежащее, и что посему семейства этихъ лицъ могутъ проживать повсемѣстно въ Россіи только при нихъ. Отсюда, стало быть, выводъ тотъ, что со смертью главы семейства, проживавшаго внѣ черты еврейской осѣдности, жена и дѣти его не могутъ оставаться на жительство тамъ, гдѣ они проживали, можетъ быть, десятки лѣтъ, гдѣ дѣти родились, воспитывались, гдѣ сосредоточены всѣ ихъ матеріальные и нравственные интересы. Однимъ словомъ, смерть отнимаетъ у семейства не только его главу, его помѣлца и кормильца, но и разрушаетъ созданное въ прежнемъ мѣстѣ жительство положеніе и всѣ права, вытекающія изъ семейнаго союза. Члены семейства подлежатъ удаленію въ черту еврейской осѣдности, съ которой они ничего

смотря на то, что Кіевъ не входитъ въ черту еврейской осѣдности, еврейѣ, вообще не имѣющимъ права жительства внѣ этой черты, всетаки разрѣшается пріѣздъ и пребываніе въ Кіевѣ для воспитанія своихъ дѣтей. Между тѣмъ „Кіевлянинъ“ сообщаетъ, что не такъ давно, г. министромъ народнаго просвѣщенія изданъ на имя попечителя кіевскаго учебнаго округа циркуляръ слѣдующаго содержанія:

„На основаніи ст. 284 т. XIV св. зак., уст. о исп. (по продолженію 1876 года), позволяющей евреямъ временное пребываніе въ г. Кіевѣ для воспитанія дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ, евреи селятся въ Кіевѣ, не смотря на то, что этотъ городъ не входитъ въ черту еврейской осѣдности. Вслѣдствіе сего, имѣю честь покорнѣе просить ваше превосходительство сдѣлать зависящее распоряженіе, чтобы начальство подѣломственныхъ вамъ кіевскихъ учебныхъ заведеній, руководствуясь ст. 966 т. IX св. зак. о сост. (изд. 1876 г.), принимало въ число учащихся лишь такихъ евреевъ, отцамъ которыхъ дозволено жительство въ Кіевѣ, и отнюдь не допускало въ подчиненныя имъ заведенія дѣтей иногородныхъ евреевъ, не имѣющихъ права на постоянное проживаніе въ г. Кіевѣ“. (Нов. 1891 № 132).

Такимъ образомъ, этимъ циркуляромъ, если только вѣрно означенное сообщеніе „Кіевлянина“, отиѣняется сила дѣйствующаго закона, ибо волиція не можетъ, конечно, разрѣшить пребываніе евреевъ въ Кіевѣ, если они не представляютъ удостовѣреніе учебнаго начальства, что ихъ дѣти воспитываются въ учебныхъ заведеніяхъ; дѣти же такихъ евреевъ не могутъ, въ силу означеннаго циркуляра, быть принимаемы въ учебныя заведенія, такъ какъ ихъ родители не имѣютъ сами по себѣ права на постоянное проживаніе въ Кіевѣ.

общаго не имѣютъ, съ правами, обычаями и жаргономъ которой они даже незнакомы. Болѣе печальнаго положенія трудно себѣ даже представить! Спрашивается, могъ-ли законодатель что нибудь подобное имѣть въ виду? Едва-ли. Jus est ars boni et aequi, т. е. право, законъ есть выраженіе добраго и справедливаго, а потому и толковать законъ надо такъ, чтобы справедливость не нарушалась; а между тѣмъ при означенномъ толкованіи справедливость нарушается. Даже помимо справедливости, а просто въ силу ст. 100 X. т. ч. I, по которой мужъ сообщаетъ женѣ своей всѣ права и преимущества, сопряженныя съ его состояніемъ, чиномъ или званіемъ, нельзя отрицать за женами лицъ съ высшимъ образованіемъ права повсемѣстнаго жительства послѣ смерти ихъ мужей.¹ Что же касается дѣтей этихъ лицъ то, если за дѣтьми купцовъ, а равно за дѣтьми отставныхъ солдатъ, признается право оставаться на жительствахъ внѣ черты еврейской осѣдлости, хотя бы ихъ отцы выбыли изъ купечества, казалось бы, въ силу ст. 9 уст. гр. суд., нѣтъ основанія отрицать это же право въ отношеніи дѣтей лицъ съ высшимъ образованіемъ.

Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принимаются по отношенію къ евреямъ такія мѣры, которыя едва-ли оправдываются дѣйствующими узаконеніями. Въ одномъ изъ южныхъ городовъ было объявлено во всеобщее свѣдѣніе, что «каждый еврей, замѣченный въ варушеніи порядка въ мѣстахъ скопленія публики или при посадкѣ въ вагоны пригородныхъ желѣзныхъ дорогъ, или же вообще въ оказаніи кому либо при этомъ неуваженія или обиды, будетъ немедленно подвергнутъ строгому взысканію въ административномъ порядкѣ, примѣняемомъ къ лицамъ, вреднымъ для общественнаго спокойствія»². Такимъ образомъ, за обыкновенныя проступки

¹ Недавно напечатанъ въ газетахъ слѣдующій приказъ московскаго обер-полиціймейстера: Исполняющій обязанности московскаго генералъ-губернатора, за № 2272, уведомилъ его, обер-полиціймейстера, что вдовы и дѣти евреевъ, проживавшихъ, согласно и. 1 прилѣч. къ ст. 12 уст. о пас. т. XIV изд. 1890 г., т. е. по праву оконченныхъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній, могутъ, какъ видно изъ отношенія министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 30 апрѣля 1891 г., за № 1457, совершеннолѣтніа, а дочери до выхода въ замужество за единообразіемъ, не пользующихся правомъ повсемѣстнаго жительства въ имперіи.—Такимъ образомъ администрація относится къ вдовамъ и дѣтямъ означенныхъ лицъ человѣчѣе, притомъ болѣе соотвѣтственно закону, чѣмъ нашъ высшій кассационный судъ („Новости“, 1891 г., № 132).

² „Нед. Хроника Восхода“, 1890 г., № 28.
Гунов. къ русск. закон. о евр.

(нарушеніе порядка, нанесеніе обиды или даже неуваженіе), подмежаніе, вообще, вѣдѣнію судебной власти (ст. 39 и 130 уст. о наказ., налаг. имп. суд.), рѣшено облагать виновныхъ строгими взыскапіями, и притомъ въ административномъ порядкѣ, если проступки эти совершены евреями. Стало быть, нормальный порядокъ отправленія правосудія и общія репрессивныя мѣры считаются въ этихъ случаяхъ непригодными для евреевъ.

Не лишены также жизненнаго значенія распоряженія, касающіяся цензуръ нравовъ и поведенія евреевъ. По одной губерніи, по поводу неотдачи поклона начальству, разославъ былъ мѣстной губернской властью циркуляръ подвѣдомственнымъ ей чинамъ и предводителямъ дворянства, въ которомъ внушается разъяснить евреямъ совершенную необходимость и непремѣнное требованіе, чтобы они заботились о домашнемъ и общественномъ воспитаніи молодого поколѣнія въ мягкости нравовъ, въ обходительности, въ правильномъ отношеніи къ старшимъ по положенію и возрасту¹. Противъ такого циркуляра, въ принципѣ ничего сказать нельзя, ибо мягкость нравовъ и другія перечисленныя здѣсь правила общежитія вообще очень желательны, но все это желательно не только въ евреяхъ, а и въ остальныхъ обывателяхъ, изъ коихъ весьма и весьма многіе далеко не отличаются ни мягкостью нравовъ, ни обходительностью, ни правильнымъ отношеніемъ къ положенію и возрасту. Почему же циркуляръ этотъ дѣлаетъ объектомъ своихъ внушеній однихъ евреевъ?²

¹ „Нед. Хроника Восхода“ 1890 г., № 24.

² Интересно, какъ этимъ циркуляромъ воспользовались исполнители его. Одинъ изъ предводителей дворянства созвалъ представителей мѣстнаго еврейскаго общества и объявилъ имъ, что онъ виновныхъ (въ пренебреженіи правилами вѣжливости), будь они даже самыя уважаемыя лица въ городѣ, подвергнетъ такому наказанію, которое сопряжено съ физической болью и публичнымъ позоромъ для наказываемаго и, сверхъ того, ляжетъ итѣномъ на все еврейское населеніе. Присутствовавшій же при этомъ товарищъ прокурора, въ опроверженіе обвиненія его въ томъ, что онъ сказалъ: „новросту будемъ драть на площади“, самъ печатно разъяснилъ, что на вопросъ раввина и еще кое-кого изъ евреевъ: что имъ дѣлать для исполненія требованій циркуляра, если ихъ не станутъ слушать, — отвѣтилъ, между прочимъ, что если словесныя внушенія и призывы не окажутъ желаемаго вліянія на молодежь, то къ особенно упорнымъ и несороченнымъ возможно, въ крайнемъ случаѣ, прибѣгнуть чрезъ родителей и другую мѣру—*выгнать ихъ для острастки самими и для примѣра другимъ*, а членовъ, которые будутъ препятствовать мѣрамъ, общество можетъ сослать *в Сибирь* въ административномъ порядкѣ („Нед. Хр. Восхода“ 1890 г., № 27 и 31).

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ оказалось, что подходящими мѣрами для водворенія между евреями мягкости нравовъ, обходительности и правильного отношенія къ старшимъ, по положенію и возрасту—это наказаніе даже самыхъ уважаемыхъ въ городѣ лицъ, сопряженное съ физической болью и публичнымъ позоромъ, сѣченіе и ссылка въ Сибирь.

Для оцѣнки современнаго положенія евреевъ нельзя упускать изъ виду и отношеніе къ нимъ значительной части органовъ нашей печати. Печать—это великая сила, какъ въ дѣлѣ добра, такъ и въ дѣлѣ зла, въ особенности у насъ, гдѣ способность самостоятельно мыслить въ читающей публикѣ ограничена и гдѣ предъ печатнымъ словомъ преклоняются. Свобода печати великое дѣло, если она держится въ разумныхъ предѣлахъ; но въ отношеніи евреевъ не считаютъ нужнымъ стѣсняться какими либо границами. Вѣсто рабоблаженія фактовъ и дѣйствительныхъ злѣхъ, которые могутъ проявиться въ практической жизни, извѣстные органы печати предприняли безщадный походъ огульно противъ всѣхъ евреевъ и еврейства, задавшись, повидимому, цѣлью держать въ постоянномъ возбужденіи коренное населеніе противъ евреевъ. А какъ это должно отразиться на взаимныхъ ихъ отношеніяхъ и какіе плоды могутъ приносить постоянныя инсинуаціи,—это легко себѣ представить.

Спрашивается, требуется-ли государственными интересами Россіи приниженное юридическое положеніе евреевъ.

Рассмотримъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія интересовъ религіозныхъ, политическихъ и экономическихъ.

Что касается первыхъ, то едва-ли они могутъ требовать ограниченія евреевъ въ элементарныхъ гражданскихъ правахъ, какъ право жительства, промысловъ и т. под., уже въ силу проповѣдуемой христіанской церковью любви къ ближнему. Юридическія стѣсненія евреевъ могутъ, конечно, подчасъ загнать въ лѣно церкви того или другого поставленнаго въ безвыходное положеніе еврея, но наврядъ-ли приобрѣтеніе, сдѣланное этимъ путемъ, можетъ имѣть для православной церкви особую дѣйственность. Оружіе церкви—это проповѣдь, поученіе, долженствующее дѣйствовать на душу и сердце человѣка, вліять на его убѣжденіе, но не лишеніе или ограниченіе гражданскихъ правъ людей, повинныхъ лишь въ принадлежности къ другой религіи. Такія стѣсненія способны лишь вызывать озлобленіе и заставлять смотрѣть на себя какъ на мучениковъ за вѣру. Опа-

саться же прозелитизма со стороны евреевъ православная церковь не имѣеть основанія, такъ какъ стремленіе къ прозелитизму чуждо и еврейскаго вѣроученія и его приверженцевъ. Въ теченіе болѣе столѣтій, протекшаго со времени принятія евреевъ въ русское подданство, былъ только одинъ случай перехода въ еврейство (и притомъ не изъ православія) двухъ католичекъ, жившихъ у евреевъ въ услуженіи съ самаго юнаго возраста ¹. Что же касается такъ называемой жидовствующей ереси, то хотя возникновеніе ея среди православныхъ и приписывалось природнымъ евреямъ, но по дѣлу это не доказано и, повидному, опровергается тѣмъ, что, по отзыву преосвященнаго Воронежскаго, т. е. того имено лица, которое и приписывало евреямъ возникновеніе означенной ереси, существо послѣдней не представляетъ прямо ветхозавѣтнаго іудейскаго богослуженія ², что было бы невозможно, если бы эта секта возникла отъ природныхъ евреевъ. А что само правительство, наконецъ, убѣдилось, что евреи безвредны для православія, видно изъ отиѣны законовъ 28 апрѣля 1887 года существовавшаго до того запрещенія евреямъ держать въ домашнемъ услуженіи христіанъ. Притомъ же, и дѣйствующіе уголовные законы исполнѣ гарантируютъ православіе отъ попытокъ совращенія его адептовъ въ другое исповѣданіе.

Равнымъ образомъ и *политическіе* интересы Россіи не могутъ требовать обособленія евреевъ въ юридическомъ положеніи отъ прочаго населенія. Сила и крѣпость государства обусловливается сплоченностью всѣхъ входящихъ въ него элементовъ; сознаніемъ общности интересовъ для пользы всего государства. А такая сплоченность и такое сознаніе создаются не исключительными мѣрами, а общими для всего населенія законами и учрежденіями, установленіемъ для всѣхъ обывателей государства, смотря по ихъ состоянію, одинаковыхъ правъ и обязанностей. Исключительные же законы для той или другой группы населенія порождаютъ и поддерживаютъ ея обособленность. Неудобство существованія исключительныхъ о евреяхъ законовъ сознано было правительствомъ, какъ объяснено выше ³, еще въ 1840 г., при чемъ постановлено было цѣлью—слианіе евреевъ съ общимъ населеніемъ; но для достиженія этой цѣли не было принято надлежащихъ мѣръ. Въ послѣдніе же годы стали принимать мѣры, способныя закрѣпить обособленіе еврейскаго населенія отъ остальнаго. Если правительство при-

¹ В. П. С. З., т. I, № 736.

² П. П. С. З., т. XL, № 30436 а.

³ См. стр. 12.

лагають въ настоящее время усилія къ уничтоженію или ослабленію обособленности на окраинахъ государства, ко введенію послѣднихъ въ общій строй русской жизни, то, значить, что оно эту обособленность считаетъ вредной для государственныхъ интересовъ Россіи. Послѣдовательность требуетъ, чтобы и въ отношеніи евреевъ было поступлено въ духѣ упраздненія всѣхъ тѣхъ исключительныхъ законовъ, которые поддерживаютъ ихъ обособленность, создаютъ пропасть между евреями и не-евреями. Говорятъ, будто слияніе евреевъ съ прочимъ населеніемъ возможно лишь посредствомъ перехода въ христіанство. Это едва-ли вѣрно. Слияніе можетъ имѣть мѣсто чрезъ усвоеніе языка, культуры, нравовъ и обычаевъ господствующаго населенія. А такое усвоеніе вполне возможно и помимо перемѣны религіи, что доказывается тѣмъ, что, внѣ черты еврейской осѣдлости, въ селеніяхъ образованныхъ евреевъ еврейскій языкъ совершенно вышелъ изъ употребленія, и такіе евреи и ихъ дѣти вполне пріобщились къ русской культурѣ. Равнымъ образомъ, дѣти ремесленниковъ, купцовъ и проч., родившіяся и воспитывавшіяся внѣ означенной черты, въ постоянномъ общеніи съ не-еврейской средой, представляютъ собой типъ, вовсе не похожій въ культурномъ отношеніи на еврейскую молодежь тѣхъ губерній, гдѣ евреямъ дозволено постоянное жительство. Да и евреи англійскіе, французскіе и другихъ европейскихъ государствъ, гдѣ существуетъ равноправность, доказываютъ возможность слиянія безъ перемѣны религіи.

Что касается, наконецъ, *экономическихъ интересовъ*, то, въ этомъ отношеніи, надо, прежде всего, выдѣлить пожеланія тѣхъ или другихъ группъ торговцевъ, ремесленниковъ и другихъ профессионалистовъ, которые домогаются устраненія конкуренціи евреевъ. Изъ такихъ пожеланій, если бы они гдѣ нибудь раздавались, вовсе не слѣдуетъ, чтобы экономическая дѣятельность евреевъ была вредна для Россіи. Эгоизмъ, стремленіе къ монополіи, попользованіе закабалить публику могутъ, конечно, внушить заинтересованнымъ лицамъ желаніе освободиться отъ евреевъ, какъ конкурентовъ; но здравая экономическая политика едва-ли можетъ руководствоваться подобными соображеніями и потакать рыцарямъ легкой наживы. До какой степени не-евреи пользуются устраненіемъ конкуренціи евреевъ, видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ историческихъ фактовъ. Въ 1835 году евреямъ-фуриарамъ запрещено было заниматься извозомъ дагѣ губерній, смежныхъ съ мѣстами ихъ осѣдлости. Что же оказалось? Въ запискѣ, приложенной къ закону 5-го января 1848 года о допущеніи евреевъ къ торгамъ на перевозки, рассказывается слѣдующее: «Въ общемъ собраніи

его императорское высочество главный начальник военно-учебных заведений словесно, въ присутствіи государственнаго совѣта, изволилъ отозваться, что съ воспрещеніемъ допускать евреевъ къ перевозкѣ въ С.-Петербургъ воспитанниковъ полковаго кадетскаго корпуса, цѣны на сію перевозку, *отъ извѣстности русскимъ извозчикамъ, что изъ Острова или Пскова нанять ихъ необходимо, и отъ недостатка соперничества съ ними, чрезвычайно возвысились, въ крайнее отягощеніе для отдомства учебныхъ заведеній.* А потому весьма желательно, чтобы евреи отъ означенной перевозки устранимы не были». Съ своей стороны, военный министръ полагалъ полезнымъ и необходимымъ дозволить и евреямъ-купцамъ вступать въ подряды на перевозки по военному вѣдомству, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, уменьшится соревнованіе торговцевъ и казна вынуждена будетъ на большія переплаты, а въ нныхъ мѣстахъ и вовсе не найдетъ подрядчиковъ, кромя евреевъ¹.

Въ 1848 г., по поводу производства новыхъ торговъ на отдачу въ содержаніе 206 корчемъ въ казенныхъ мѣстныхъ западныхъ губерній, комитетъ министровъ высказалъ, что «соревнованіе евреевъ при торгахъ на отдачу въ содержаніе корчемъ могло бы значительно возвысить цѣну за содержаніе тѣхъ корчемъ и даже указать съ большею опредѣлительностью тотъ доходъ, который долженъ быть съ нихъ получаемъ». Комитетъ министровъ не ошибся: на торгахъ евреи дѣйствительно сдѣлали значительную надбавку противъ первоначальной оценочной суммы². Изъ положенія комитета министровъ 24 ноября 1850 года видно, что доходъ съ корченной аренды по семи западныхъ губерніямъ упалъ на торгахъ 1851 г. на 205,050 р. и, кромя того, значительная часть корчемъ осталась вовсе неприторгованными, главнымъ образомъ потому, что къ торгамъ, въ силу существовавшаго запрещенія, не были допущены евреи. При этомъ случаѣ комитетъ министровъ указалъ, что значительное возвышеніе дохода отъ корченной аренды за послѣдніе два года, т. е. до 1851 г., произошло, именно благодаря допущенію къ торгамъ евреевъ.

Изъ изложенныхъ фактовъ нельзя не видѣть, что устраненіемъ конкуренціи евреевъ, вслѣдствіе ограничительныхъ законовъ, всегда пользуются не-евреи для извлеченія монопольныхъ выгодъ ко вреду казны и публики. Бывшій кievскій, наприимѣръ, магистратъ—представитель хри-

¹ В. П. С. З., т. XXIII, № 21658.

² В. П. С. З., т. XXIII, № 22723.

стіанскаго купечества—не даромъ хлопоталъ въ прежнее время объ вигнаніи євреевъ изъ Кіева. Онъ достигъ своей цѣли, хотя тогдашній кіевскій губернаторъ графъ Левашовъ полагалъ, что нельзя не предпочесть пользы жителямъ личнымъ выгодамъ, ожидаемымъ христіанскимъ купечествомъ отъ удаленія євреевъ¹.

Но то, что нѣло въ прежнее время мѣсто въ сферѣ извозничества, арендованія корчемъ и т. п., то несомнѣнно встрѣчается и въ настоящее время во всѣхъ сферахъ дѣятельности, гдѣ єврей законномъ стѣсненъ².

¹ В. П. С. З., т. УІІІ, № 6418.

² Въ сентябрьской книгѣ журнала „Русская Мысль“ за 1890 г. нѣтъ очеркъ Владимира Короленко, изображающій экономическое состояніе кустарей села Павлова (Воронежской губ.). Г. Короленко рассказываетъ, что многіе кустари принимали его за єврея и поэтому оказывали ему радушный пріемъ; они даже сильно разочаровывались, когда узнавали о своей ошибкѣ. Дѣло въ томъ, что євреи, которые въ прежніе годы проникали въ Павлово, являлись тѣми желанными посѣтителями, покупателями кустаринныхъ издѣлій, которымъ теперь, съ прихлѣненіемъ извѣстныхъ строгостей относительно євреевъ, почти вовсе нѣтъ сбыта. Кустарь рассказывалъ г-ну Короленко, что онъ продавалъ всегда єврейскіе свои произведенія и цѣну хорошую бралъ, да „вишь, уничтожили его, чтобы во все въ Павловѣ не торговать. Вотъ теперь и объ жидѣ заплачешь“. На вопросъ, отчего выслали євреевъ, (собесѣдникъ отвѣтилъ: „Кто знаетъ! Сказываютъ, утѣшеніе народу отъ нихъ; а по моему—такъ никакого утѣшенія отъ нихъ кустарю и быть не можетъ. *Скутчики возникли видѣли ихъ, это точно*“. На вопросъ г. Короленко: отчего же? Отвѣтъ послѣдовалъ такой: „да жидъ онъ—єврей за два процента десять верстѣ пѣшкомъ пробѣжитъ, а ними прочимъ народамъ пятнадцать процентовъ подавай“.

Другой фактъ:

Въ происходившемъ 23 октября 1891 г. засѣданіи кишиневскаго уѣзднаго земскаго собранія, предсѣдатель уѣдной земской управы прочелъ отчетъ о дѣятельности земства за 1890 г. Въ этомъ отчетѣ сообщается, между прочимъ, слѣдующее: при объѣздѣ, въ концѣ августа, уѣзда, предсѣдателемъ управы, ему объявлено было поселянами въ Ниспоренской, Вужорской и Вороничевской волостяхъ, что вина, да и другихъ продуктовъ никто не спрашиваетъ, такъ какъ всѣ євреи, приписанные внѣ 50 верстной пограничной черты, въ томъ числѣ и кишиневскіе, выслены изъ селъ, а мѣстные кулаки предлагаютъ отъ 9 до 13 коп. за євро; въ с. Страшеняхъ, производимъ ежегодно болѣе 120,000 ведеръ вина, предсѣдателя поразило почти всеобщее пьянство; причина—выселеніе євреевъ и пониженіе вслѣдствіе этого цѣны на вино съ 50—60 коп. за євро на 30 коп. Вина никто не покупаетъ, и поселяне, чтобы опорожнить бочки для новаго вина, хотятъ выпить старое. Наконецъ, въ Кишиневѣ къ предсѣдателю управы являлись четыре старика изъ с. Дурлештъ съ оригинальной просьбой „дать жидѣ“ для покупки вина, такъ какъ это источникъ пополненія ими налоговъ, уцѣла

Эти стѣсненія положительно вредны казнь и публикѣ. Выкасть даже такъ, что и христіанскіе кушцы либо промышленники не извлекаютъ изъ стѣсненій евреевъ никакихъ выгодъ, а вредъ несомнѣнно на лицо ¹.

При такихъ обстоятельствахъ и ниѣя въ виду, что въ экономической дѣятельности еврей предпринчивы, подвижны и обладаютъ значительными способностями для развитія и распространенія торговли и промышленности, то они ограничиваются малыми барышами при частыхъ оборотахъ капитала, нельзя не признать, что ихъ участіе въ экономической жизни можетъ быть очень полезно. При этомъ нельзя не принять въ соображеніе и того, что если иностранцы всѣхъ націй допускаются у насъ къ торговой и промышленной дѣятельности безъ ограниченій, то гдѣ же разумное основаніе ставить ограниченія евреямъ—русскимъ поданнымъ въ этомъ отношеніи. Что же касается эксплуататоровъ, то правительственные власти всегда

которыхъ ими требуется. („Бессараб. Вѣстникъ“, отъ 25 октября 1891 г.).—Факты эти говорятъ сами за себя.

¹ Такъ, въ печати сообщенъ слѣдующій фактъ, какъ результатъ запрещенія евреямъ арендовать мельницы закономъ 3 мая 1882 года.

Еврей Бердъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, по приѣру своихъ предковъ, арендовалъ въ Киевской, Волынской и Подольской губерніяхъ, въ общей сложности, до тысячи казенныхъ и частныхъ мельницъ. Но, вслѣдъ за изданіемъ „временныхъ правилъ“ 8 мая 1882 г., арендованіе это было прекращено, и мельницы пустуютъ. Положимъ, часть ихъ сдается крестьянамъ въ аренду за самую ничтожную плату, вслѣдствіе отсутствія конкуренціи; но мельницы пришли въ полнѣйшее разстройство отъ неумѣлаго обращенія съ ними; мельничныя постройки въ большинствѣ случаевъ обращаются съемщиками просто въ хлѣвы для загона скота. Этими, однако, не ограничивается тотъ ущербъ, который нанесенъ названнымъ губерніямъ разстройствомъ мельничнаго дѣла. По приблизительному разсчету, количество людей, вѣвшихъ постоянный заработокъ отъ одной мельницы, не менѣе сорока рабочихъ (изъ мѣстныхъ крестьянъ), считая въ томъ числѣ и подводчиковъ. Значитъ, отъ 1,000 мельницъ ниѣли обезпеченный заработокъ около 40,000 домохозяевъ крестьянъ. Принимая семью каждому изъ нихъ только въ четыре души, получится въ общей сложности около 160,000 человѣкъ, кормившихся отъ мельницъ. Теперь вся эта масса сельскаго крестьянскаго населенія терпитъ страшную нужду, вслѣдствіе отсутствія заработковъ. („Восходъ“, 1891 г., мартъ, стр. 39).

Можетъ быть, наложенный разсчетъ нѣсколько преувеличенъ, но во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что, благодаря запрещенію евреямъ арендовать мельницы, масса ихъ пустуетъ, не принося, такимъ образомъ, никакой пользы ни ихъ владѣльцамъ, ни даже промышленникамъ изъ христіанъ, такъ какъ таковыхъ ниѣется весьма мало въ губерніяхъ черты еврейской осѣлости, крестьяне же лишались заработковъ.

обладають достаточними средствами, чтобы унять их алчность. Поэтому нельзя не прийти къ заключенію, что улучшеніе юридическаго положенія евреевъ не только не вредно государственныиъ интересамъ Россіи, но, напротивъ, вполне согласно съ ними.

Эгоизмъ и человѣконенавистничество, какъ бы ни были дикы ихъ проявленія, ищутъ для себя оправданія. Для оправданія безчеловѣчнаго похода противъ евреевъ ссылаются на глупость ихъ религіи, на эксплуатацію кореннаго населенія, на кагалъ и еврейскую солидарность, на отвращеніе ихъ отъ производительнаго труда, на обходъ закона и уклоненіе отъ воинской повинности.

Но если еврейская религія глупорна, то зачѣмъ ее терпятъ? Государство въ правѣ и даже обязано искоренить всякое противообщественное ученіе, но для этого необходимо доказать, что данное ученіе отличается такимъ характеромъ. Спрашивается, въ какихъ-такнхъ школахъ наши юдофобы изучили еврейское вѣрученіе, въ особенности Талмудъ, чтобы такъ развязно судить о немъ? Въ Россіи, по крайней мѣрѣ, когда надо было провѣрить содержаніе богословскихъ книгъ евреевъ, не нашлось ни одного христіянина, знакомаго съ этимъ предметомъ, а, какъ мы видѣли выше (стр. 77), пришлось обратиться къ надежныиъ раввинамъ. А между тѣмъ и въ нашихъ законодательныхъ актахъ встрѣчаются указанія, въ видѣ упрека, что евреи придерживаются талмудическихъ заблужденій.

Каждому вѣроисповѣданію, конечно, свойственно считать другія исповѣданія заблужденіями, ересью, а себя истинными и единоспасающими. Исключенія изъ этого не составляютъ, даже относительно другъ друга, сами христіанскія исповѣданія: православіе, протестантизмъ и католицизмъ. Но доказывать и проповѣдывать истинность того или другаго религіознаго ученія—это дѣло лицъ духовнаго чина, но никакъ не свѣтской власти, задача которой—регулировать мірскія отношенія, а не провѣрять совѣсть и одѣивать религіозные принципы подданныхъ, если только эти принципы не нарушаютъ общественнаго порядка. Поэтому представляется странныиъ ссылка въ законодательныхъ актахъ на то, что евреи придерживаются Талмуда, талмудическихъ заблужденій. Совершенно справедливо замѣчаетъ бібліотекарь Британскаго музея въ Лондонѣ, Дейтшъ, въ своемъ сочиненіи «Талмудъ», что еще никогда книга не была такъ часто цитируема всѣми и такъ мало изучаема. Что же касается публики вообще, то,—продолжаетъ упомянутый авторъ,—«мы ни на минуту не сомнѣваемся, что, какъ часто въ послѣд-

нее время ни употребляют это слово, все-таки есть еще очень много, которые все еще раздѣляют мнѣніе ученаго калуцкаго Генриха Саймензля, что Талмудъ—не книга, а человѣкъ. «*Ut narrat Rabbibus Talmud*» (какъ раввинъ Талмудъ рассказываетъ), восклицаетъ онъ и торжествующимъ тономъ подтверждаетъ такіе образомъ свой аргументъ¹.

Притомъ же, сопоставлять Талмудъ съ Священными Писаніемъ и говорить о первомъ, какъ о чемъ-то обособленномъ отъ послѣдняго, не представляется никакого основанія. «Кодифицированный въ Талмудѣ традиціонный законъ,—говоритъ профессоръ богословія при лейпцигскомъ университетѣ, извѣстный христіанскій богословъ Францъ Делитцъ,—представляетъ не созданіе произвола, а естественный плодъ потребности истолкованія часто слишкомъ сжатыхъ и въ продолженіе времени ставшихъ непонятными буквальныхъ законовъ Моисея»².

Этика Талмуда не далеко отстоитъ отъ морали евангелія. Въ этомъ отношеніи мы ссылаемся на цитированное уже сочиненіе Дейтша. «Нравственное ученіе въ талмудѣ и христіанствѣ,—говоритъ онъ,—въ общихъ его чертахъ, совершенно тождественно. Знаменитое изреченіе: «дѣлай другимъ то, чего ты желаешь, чтобы тебѣ другіе дѣлали», противъ котораго такъ рѣшительно возставалъ Кантъ съ философской точки зрѣнія, приводится президентомъ синагога Гиллелемъ, при смерти котораго Іисусу Христу было всего только десять лѣтъ, не какъ что нибудь новое, а какъ древнее и давно извѣстное изреченіе, которое заключаетъ въ себѣ весь законъ. За христіанствомъ остается та великая заслуга, что оно чудеснымъ, драгоценнымъ начала, возделѣаннымъ въ школахъ и «мирномъ обществѣ» ученыхъ, перенесло, такъ сказать, на рынокъ всего человѣчества. То «царствіе небесное», о которомъ говоритъ постоянно Талмудъ отъ первой до послѣдней страницы, христіанство сообщило всей паствѣ, даже прокаженными. Не наше дѣло,—продолжаетъ авторъ,—здѣсь разсматривать плоды, которые это принесло всему міру. Но нельзя достаточно часто и энергично не протестовать противъ того колоссальнаго заблужденія, будто Богъ любви вдругъ послѣдовалъ за Богомъ мести. «Люби ближняго, какъ самого себя»,—это предписаніе ветхаго завета, какъ этому самъ Христосъ училъ своихъ учениковъ. «Законъ»,—говоритъ Дейтшъ,—какъ мы уже видѣли и какъ мы еще увидимъ впоследствии, былъ развиваемъ до самыхъ

¹ См. Дейтшъ, „Талмудъ“, переводъ съ 7-го изданія, СПб., 1877 г., стр. 5—6.

² Францъ Делитцъ, „Слово правды о Талмудѣ“, переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія, СПб., 1885, стр. 8.

крайних, нежеть быть, даже весьма тягостных мелочей, но все это только относительно виинных дѣяній и поступковъ. Но «вѣра сердца» — догматъ, на который особенно налегалъ апостолъ Павелъ — было нѣчто такое, что фарисеи ставили гораздо выше этого закона»¹.

Отсылая интересующихся этической системой Талмуда къ сочиненію Дейтша, гдѣ можно найти очень много интереснаго, мы считаемъ нужнымъ указать еще на то, что если бы въ Талмудѣ, кодифицированномъ болѣе 1500 лѣтъ тому назадъ, и встрѣчались нѣкоторыя законоположенія, несогласныя съ современными принципами гуманности, то, съ одной стороны, вѣдь и въ богословныхъ сочиненіяхъ другихъ религій не мало найдется такихъ законоположеній, а съ другой — такія законоположенія могли быть продуктомъ лишь безчеловѣчнаго отношенія другихъ народовъ къ евреямъ. Г. Соловьевъ въ статьѣ своей, напечатанной въ августовской книжкѣ «Русской Мысли» за 1886 г., говоритъ: «всякій, кто заглядывалъ, напримѣръ, въ такъ называемыя «Коричія», по которымъ въ теченіе многихъ вѣковъ управлялась наша церковь, знаетъ, какими великими и невѣжественными вымыслами питалась вражда православныхъ къ другимъ исповѣданіямъ. И если русское правительство въ новѣйшія времена нашло необходимымъ составить для руководства нашей церкви такъ называемую книгу «Правилъ», изъ которой исключены всѣ дикія басни старыхъ «Коричіи», то подобныя же образцы и въ правовѣрномъ еврействѣ устарѣвшія части Талмуда теряютъ свой авторитетъ и обязательность». То же говоритъ и профессоръ Францъ Деличъ въ цѣтованномъ сочиненіи относительно законоположеній, о которыхъ мы упомянули. «Уже въ самомъ талмудѣ эти законоположенія встрѣчаютъ множество сильныхъ возраженій со стороны выдающихся учителей. Со времени открытія новой эры для еврейства Моисеемъ Мендельсономъ, эти законоположенія давно осуждены самими евреями, какъ несправедливыя. При чемъ нѣтъ никакого основанія къ подозрѣнію, чтобы евреи могли отвѣчать на уравнианіе ихъ правъ черной неблагодарностью сохраненія этихъ законоположеній неравноправія»².

• «Возобновились, — говоритъ г. Соловьевъ въ приведенной статьѣ, — старинныя жалобы на то, что религіозный законъ евреевъ, содержащійся въ Талмудѣ, предписываетъ избранному народу ненавидѣть всякъ инопѣрцевъ, въ особенности христіанъ, и наносить имъ всякій вредъ. Не было

¹ Дейтшъ, 55—57.

² фр. Деличъ, стр. 9.

бы по-истинѣ ничего удивительнаго, если бы дѣйствительно въ религиозныхъ книгахъ евреевъ были такіа предписанія. Нужно-ли припоминать все, что евреи претерпѣли отъ христіанскихъ народовъ въ средніе вѣка, когда гоненія на нихъ доходили до такого неистовства, что даже столь строгій ревнитель воинствующаго католицизма и столь рѣшительный противникъ іудейства, какъ папа Иннокентій III, долженъ былъ издать въ защиту евреевъ особое узаконеніе (*constitutio pro Judaeis*), гдѣ онъ, между прочимъ, запрещаетъ христіанамъ, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, *разрушать еврейскія кладбища и сармать погребенныя тѣла съ цѣлью вымогательства денегъ*. Намъ кажется, — продолжаетъ г. Соловьевъ, — что всѣ обвиненія евреевъ въ сребролюбіи и эксплуатаціи христіанъ блѣднѣютъ передъ такимъ свидѣтельствомъ. Многимъ изъ нашихъ читателей, вѣроятно, будетъ интересно, но едва-ли утѣшительно, узнать, что менѣе чѣмъ полутораго лѣтъ тому назадъ, въ 1738 г., въ Петербургѣ были сожжены на кострѣ еврей Лейба Баруховъ и флота канцелярскій-лейтенантъ Возницинъ за то, что первый изъ нихъ обратилъ второго, посредствомъ разговоровъ, въ еврейство».

Обыкновенно ставятъ «еврейскую эксплуатацію» въ связи съ Талмудомъ. Безпристрастные люди смотрятъ на это дѣло совершенно иначе. Профессоръ Деличъ говоритъ: «Самымъ рѣшительнымъ образомъ я долженъ протестовать противъ связи, установленной между Талмудомъ и тѣми ваннирами, которые высасываютъ крестьянъ, тѣми биржевыми игроками, которые поднимаются вверхъ безъ работы и труда, тѣми аристократами кармана, которые увлекаютъ христіанскихъ дѣвушекъ для своихъ оргій, тѣми торговцами соблазнительными картинками, которые обогащаются отъ нежотанія сладострастія. Мораль Талмуда чиста и достаточно строга, чтобы предавать полному осужденію и проклятію дѣятельность этихъ негодяевъ, которые безчестятъ еврейство и все человѣческое общество, и лишь неисходительность и терпимость савременнаго государства возростили и воспитали это ехиднино порожденіе. Развѣ можно сдѣлать отвѣтственнымъ евангеліе за ужасы инквизиціи? Развѣ можно сдѣлать отвѣтственнымъ апостола Павла за ужасы николаитовъ? Развѣ можно сдѣлать отвѣтственною нѣмецкую реформацію за ужасы Крестьянской войны? И что сказалъ бы Роллингъ, еслибъ кто либо хотѣлъ вывести изъ каноневъ и декреталій всѣ ужасы распутства и убійства, процвѣтавшіе подъ господствомъ папы Александра VI и его дочери Лукреціи?»¹.

¹ Фр. Деличъ, стр. 9—10.

Читатели видятъ, что въ предыдущемъ мы лично отъ себя ничего не высказали на счетъ Таллуда, а цитировали отрывки о немъ авторитетныхъ ученыхъ. Признаться, мы такъ поступили потому, что считаемъ себя не компетентными ни порицать его, ни защищать, ибо не имѣли случая заняться изученіемъ его. Наша цѣль состояла лишь въ томъ, чтобы показать, что свѣтскому законодателю не подобаетъ увлекаться несвойственной ему ролью и пускаться въ добри теологій, давать однимъ права потому, что они слѣдуютъ евангелію, корану или библіи, и подвергать другихъ суровымъ ограниченіямъ потому, что они придерживаются какихъ то проблематическихъ таллудическихъ заблужденій. Одно изъ двухъ: или Таллудъ вреденъ, несовѣстенъ съ общечлвчтвомъ, или онъ безвреденъ. Въ первомъ случаѣ надо его истребить, во второмъ—оставить его и его приверженцевъ въ покоѣ. Люди должны пользоваться гражданскими правами не потому, что они придерживаются того или другого религіознаго кодекса, а потому, что они люди, созданные по образу и подобию Божію, и имѣютъ потребности, нуждающіяся въ удовлетвореніи. Наконецъ, всякія опасенія, по отношенію къ Таллуду, могли бы быть устранены тѣмъ способомъ, который уже испытанъ былъ Франціей при Наполеонѣ I, именно созваніемъ собранія еврейскихъ выборныхъ со всѣхъ мѣстъ имперіи, которымъ предложить нужные вопросы для уясненія — насколько религіозные принципы евреевъ совмѣстны съ обязанностями ихъ по отношенію къ государству, обществу и ихъ согражданамъ. При удовлетворительномъ отвѣтѣ должны устраниться опасенія на счетъ таллудическихъ заблужденій, тѣмъ болѣе, что, съ распространеніемъ просвѣщенія между евреями, господство Таллуда сильно падаетъ.

Что касается такъ называемой еврейской *эксплуатаціи*, то въ этомъ отношеніи отдѣльные факты умышленно обобщаются. Несомнѣнно, что между евреями встрѣчаются эксплуататоры, но развѣ между не-евреями ихъ нѣтъ? Развѣ типы коренного Разуваева, Колупаева или Дерунова измышленіе фантазіи? ¹ Факты безшабашнаго чисто-русскаго эксплуататорства

¹ Г. П. Сазоновъ въ исследованіи своемъ „Народный кредитъ и ростовщичество“, въ одномъ Опочецкомъ уѣздѣ, Псковской губ., насчиталъ 1,915 деревенскихъ ростовщиковъ, изъ коихъ 1,630 человекъ (т. е. 82%) приходится на долю крестьянъ. Евреевъ же въ названной мѣстности почти совсѣмъ нѣтъ. Въ виду такихъ данныхъ, Сазоновъ подвергаетъ сомнѣнію, чтобы евреи могли сравняться съ сельскими ростовщиками изъ крестьянъ. Для сужденія о грабежахъ,

приводятся чуть-ли не въ каждомъ номерѣ даже такихъ газетъ, какъ «Новое Время», однако же, они не обобщаютъ, не говорятъ, что всѣ русскіе—эксплуататоры. Относясь къ дѣлу объективно, слѣдуетъ признать, что специально еврейской эксплуатаціи нѣтъ и быть не можетъ уже потому, что конкуренція между евреями подавляющая. Да и ницетъ еврейской массы говорить противъ какой-то специально еврейской эксплуатаціи. Можно сказать только одно: промышленный и торговый народъ вообще и всудѣ у насъ отличается плутоватостью. Слѣдовательно, эта плутоватость свойственна и горожанамъ евреямъ. Если же тѣ или другія личности изъ евреевъ пользуются слабостями или безвыходными положеніемъ своихъ ближнихъ, то они дѣлаютъ это не потому, что они евреи, а потому, что такъ поступаютъ всѣ кулаки, которыхъ во всякой средѣ много. Притомъ же еврей-кулакъ, какъ вообще и кулакъ другой національности, не разбираетъ жертвъ: своихъ онъ обращаетъ не меньше, чѣмъ чужихъ. Поэтому мѣры противъ кулачества должны носить общій характеръ, а не специально противъ евреевъ, иначе онѣ не достигнутъ цѣли. Кулачество развивается и процвѣтаетъ на почвѣ неудовлетворительнаго экономическаго положенія и низкаго умственнаго уровня массы. Никто добровольно въ кабалу не идетъ, значить, необходимость заставляетъ, значить, нѣтъся спросъ на господѣ, берущихъ въ кабалу. Но гдѣ спросъ, тамъ явится и предложеніе. Удалите кабатчиковъ, ростовщиковъ и т. под. людей изъ евреевъ, нѣкто непременно займуть другіе кабатчики, другіе ростовщики, не только изъ коренныхъ, которые тоже охужди на руку не кладутъ ¹. Стало быть,

производимыхъ этими кулаками по отношенію къ своимъ должникамъ—крестьянамъ, достаточно привести лишь слѣдующій фактъ о томъ, кого крестьяне считаютъ *добродѣтельными ростовщиками* и превозносятъ уже за то, что они не выискиваютъ уличенныхъ долговъ и не грабятъ должниковъ мошенническимъ образомъ. Таковъ, наприимѣръ, Лебедевъ, начавшій свое житейское поприще пастухомъ и имѣющій теперь миллионное состояніе. Стоимость его кредита опредѣляется приблизительно въ 60%, не считая обязательныхъ работъ, которыя также составляютъ около 40%. «Какова же должна быть жизнь при такихъ условіяхъ,—замѣчаетъ г. Сазоновъ,—если въ самомъ дѣлѣ приходится благословлять, какъ благодѣтеля, человека, кредитующаго, принимая во вниманіе обязательныя помочи, чуть не по 100%».

¹ Газета «Кіевлянинъ», относящаяся особенно враждебно къ евреямъ, рассказываетъ въ одномъ изъ февральскихъ номеровъ 1891 г. слѣдующее о расшатаніи крестьянскаго кулачества съ удаленіемъ евреевъ изъ деревень на основаніи закона 3 мая 1882 г.

только центр тяжести переи́детъся, но для покровительствуемыхъ въ концѣ концовъ пользы не будетъ: изъ огня они попадутъ въ полныя. <Своей>, пожалуй, еще хуже поступить съ своими жертвами, такъ какъ узды на немъ нѣтъ, еврей же все-таки опасается, что начальство можетъ согнуть его въ бараний рогъ. Наконецъ, ни одинъ порядочный еврей не

„Земельное кулачество, т. е. сосредоточеніе въ однихъ рукахъ значительнаго числа крестьянскихъ надѣловъ, приобретаетъ въ нашихъ деревняхъ все болѣе право гражданства. Но однимъ только этимъ кулачествомъ крестьянское хищничество далеко еще не исчерпывается, оно идетъ теперь и шире, и глубже. Въ недавнемъ прошломъ, а отчасти и теперь еще считается аксіомой, что денежное ростовщичество въ самыхъ отвратительныхъ его формахъ должно быть призвано нестемлемой принадлежностью еврейскаго племени, особенно въ селахъ. Однако же, наличная дѣйствительность убѣждаетъ насъ, что теперь это не совсѣмъ такъ. Еврейское ростовщичество такъ долго тяготѣло надъ крестьянами, и матеріальныя выгоды торговли деньгами были на столько очевидны, что въ концѣ концовъ крестьяне пошли въ этомъ отношеніи въ науку къ евреямъ и нынѣ во многихъ отношеніяхъ не только сравнялись съ своими бывшими учителями, но даже превзошли ихъ. Во многихъ селахъ вы найдете теперь выработанный и совершенно законченный типъ крестьянина-ростовщика, держащаго въ своихъ рукахъ всю деревенскую голытьбу. И что интереснѣе всего, хохоль-ростовщикъ отливаеся въ общезвѣстную форму деревенскаго ростовщика-великоросса. Если крестьянинъ занимаетъ деньги у еврея, то здѣсь происходитъ передъ вами одинъ изъ видовъ коммерческой сдѣлки, гдѣ нѣтъ ни благодѣтелей, ни облагодѣтельствованныхъ, а есть просто обманывающіе и обманываемые, и каждый изъ участниковъ въ этой сдѣлкѣ не только отлично знаетъ свое мѣсто въ природѣ, но и не считаетъ долгомъ скрывать эти свои знанія. Жидъ-кредиторъ, по мнѣнію крестьянина, высказываемому откровенно здѣсь же, при операціи займа, „исеіра“, мошенникъ; крестьянинъ-должникъ, съ еврейской точки зрѣнія „свинья, гадюка“. Здѣсь и финансовыя, и житейскія взгляды, и отношенія упрощены, и все совершенно ясно. Совсѣмъ другое бываетъ при сдѣлкахъ съ кулакомъ-крестьяниномъ. Онъ не даетъ деньги займа на сто и двѣсти процентовъ въ годъ, онъ „благодѣтельствуетъ“. Занимая кому нибудь изъ своихъ односельчанъ рубль и тут же высчитывая изъ этого рубля сорокъ коп. „процентъ“ (фактъ), крестьянинъ говоритъ, что „треба поратовати чоловіка“. Взависывая съ должника 200 процентовъ, кулакъ-крестьянинъ дѣлаетъ такой видъ, точно онъ оказываетъ громаднѣшее одолженіе и притомъ не столько изъ расчета, сколько по добросердечію. Поставивъ вопросъ денежнаго займа на эту почву, новоявленный деревенскій капиталистъ отрываетъ себѣ возможность самой широкой эксплуатаціи должника и помимо всякихъ процентовъ—онъ требуетъ отъ него массы разнаго рода услугъ и одолженій въ смыслѣ даровой или дешевой работы и при каждой попыткѣ сопротивленія напоминаетъ о томъ, что вѣдь онъ же его „ратувае“ и вдругъ такая черная неблагодарность! И должникъ покоряется и мускульнымъ трудомъ

может ничего иметь противъ мѣропріятій относительно дѣйствительныхъ кулаковъ евреевъ; но несправедливо считать à priori всѣхъ евреевъ эксплуататорами, язвой, и на этомъ основаніи подвергать поголовно всѣхъ ограниченія въ элементарныхъ правахъ.

Въ доказательство особенной еврейской эксплуатаціи сельскаго населенія и раздраженія, вслѣдствіе этого, народа противъ евреевъ ссылаются на погромы. Между тѣмъ, всѣмъ, кто слѣдилъ за извѣстіями о погромахъ, отлично извѣстно, что послѣдніе возникли въ г. Елисаветградѣ и за сѣмъ происходили преимущественно по направленію желѣзныхъ дорогъ въ городахъ, проявляясь здѣсь въ грандіозныхъ размѣрахъ, какъ въ Елисаветградѣ, Киевѣ, Вальтѣ, Варшавѣ, не смотря на присутствіе властей и войскъ, тогда какъ въ деревняхъ погромы встрѣчались по исключенію, какъ отголосокъ погромовъ близлежащихъ городскихъ поселеній. Между тѣмъ, если бы погромы вызывались эксплуатаціей сельскаго населенія, то явленіе должно бы быть совершенно обратное, т. е. погромы должны были возы-

увеличиваетъ размѣръ уплачиваемыхъ за рубль процентовъ. „Ратуванье“ происходитъ не одними только деньгами. „Ратуютъ“ кулаки и хлѣбомъ, особенно въ другое весеннее время, когда деревенская голытьба находится въ полномъ истощеніи. При хлѣбныхъ ратукахъ деревенскіе *благодѣтели* пускаютъ въ ходъ прямое мошенничество, которое отлично извѣстно должнику, но противъ котораго онъ возражать безсиленъ. Такъ какъ хлѣбный заемъ производится мѣрой, то кулакъ льетъ въ пшеницу или рожь воду, чтобы увеличить ихъ объемъ и такимъ образомъ искусственно поднять цѣну своего продукта. Эти же кулаки, достигнувъ прелесть водочной торговли, повемногу начинаютъ теперь разселяться въ оставленныхъ евреями корчмахъ, а гдѣ корчмы нѣтъ, тамъ они производятъ безпатентную торговлю водкой, будучи вполнѣ увѣрены, что закабаленная голытьба секрета не выдастъ. Такимъ-то образомъ,—говорить „Кіевлянинъ“,—растетъ и крѣпнетъ въ нашихъ деревняхъ это совершенно новое для насъ и экономическое, и общественное зло, общественное потому, что кулаки дѣйствуютъ развращающимъ образомъ на крестьянскую массу, вводя въ нее понятія, не заключающія въ себѣ даже зерна нравственности. Кулакъ въ сущности долженъ быть признанъ теперь настоящимъ, фактическиимъ *хозяиномъ* деревни, ибо въ его рукахъ имѣются два такіа могучія орудія успѣха въ современной жизни, какъ наличность капитала и отсутствіе совѣсти. И только иногда этимъ новоиспеченнымъ „*досподамъ*“ приходится неловкато,—это когда голытьба деревенская подопьетъ хорошенько и вспомнитъ, что Клима Рыбчинскій или Иванъ Мельничукъ—такіе же крестьяне, какъ и всѣ, но только заѣе, безпощаднѣе другихъ. Тогда и Клима, и Иванъ получаютъ крупную „непріятность на тѣлѣ“, и голытьба такимъ способомъ хотя немного регулируетъ свои запуганіе и даже мало повѣтнѣе для нея денежныя счеты съ „богачами“.

нѣтъ начало и особенно свирѣпствовать въ деревняхъ. При этомъ бросается въ глаза и то, что, напримѣръ, въ такомъ обширномъ генералъ-губернаторствѣ, какъ виленское, и въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, гдѣ евреевъ не менѣе, чѣмъ въ губерніяхъ юго-западныхъ, о погромахъ и помину не было. Если же евреи подверглись погромамъ лишь въ одной части черты ихъ осѣлости, и то преимущественно въ городахъ, гдѣ объ экономической зависимости сельскаго населенія не можетъ быть рѣчи, то причины погромовъ слѣдуетъ искать не въ экономическомъ гнетѣ евреевъ и ихъ эксплуатаціи сельскаго населенія, а въ чемъ-то другомъ, о которомъ не мѣсто здѣсь распространяться. Одно можно сказать, что погромы вызваны были искусственно, и мѣстное населеніе принимало участіе въ нихъ, возбуждаемое неблагонамѣренными людьми изъ корыстныхъ или иныхъ цѣлей, какъ заявило само правительство ¹.

Далѣе, обвиненіе въ существованіи у евреевъ подпольнаго всемогущаго *кагала*, дѣйствія котораго направлены противъ христіанъ, основано на однихъ лишь досужихъ измышленіяхъ. Кагалъ дѣйствительно существовалъ до 1844 года, но существовалъ, какъ мы видѣли выше ², въ качествѣ правительственнаго органа для взиманія съ евреевъ податей и разныхъ повинностей. Съ такими же функціями существуетъ до настоящаго времени кагалъ въ нѣкоторыхъ городахъ остзейскихъ губерній. Собраніе еврейскихъ раввиновъ и другихъ почетныхъ лицъ, засѣдавшее въ С.-Петербургѣ въ срединѣ восьмидесятихъ годовъ, торжественно и публично заявило, что никакого кагала у евреевъ не нѣтъся, и такое торжественное заявленіе, казалось бы, вполне достаточно для уничтоженія неосновательнаго обвиненія, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока противное не будетъ доказано.

Что же касается обвиненія евреевъ въ солидарности, то подобное обвиненіе должно бы служить въ ихъ пользу, такъ какъ солидарность, сознаніе общихъ интересовъ и поддержка другъ друга—качество вполне похвальное и желательное вездѣ. Но, къ сожалѣнію, на дѣлѣ эта солидарность отсутствуетъ у евреевъ, напротивъ, изъ-за конкуренціи и зависти, они готовы проглотить другъ друга.

Далѣе обвиняютъ евреевъ въ томъ, что они избѣгаютъ производитель-

¹ Собр. узак. 1882 г., № 43.

² Стр. 62—67.

наго труда. Но это въ общемъ невѣрно. Выше ¹ мы видѣли, что, по официальнымъ даннымъ, ремесленный классъ между евреями крайне многочисленъ, благодаря чему онъ сильно бѣдствуетъ. Далѣе, всѣ тяжелыя физическія работы въ чертѣ еврейской осѣдлости исполняются евреями же, вслѣдствіе чего учреждены для нихъ даже особые перемесленные цехи ². Мало того, въ 1851 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы, въ видахъ облегченія курляндскаго дворянства, въ ремонтномъ содержаніи шоссе въ предѣлахъ Курляндской губ., дозволить, согласно ходатайству курляндскаго дворянства, нанимать къ этимъ работамъ евреевъ Ковенской губерніи ³, съ той обычной оговоркой, чтобы евреи, по окончаніи срока найма ихъ, не имѣли постоянного пребыванія въ Курляндской губ. Такимъ образомъ, евреи поставляли изъ своей среды рабочихъ для исполненія самыхъ тяжелыхъ шоссевыхъ работъ даже внѣ черты еврейской осѣдлости. Нѣсколько десятковъ тысячъ евреевъ занимаются также земледѣліемъ ⁴. Это, конечно, число сравнительно небольшое; но и оно свидѣтельствуетъ, что евреи не чуждаются тяжелаго физическаго труда. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что историческія судьбы евреевъ такъ сложились, что они, будучи въ теченіе тысячелѣтій насильно оторваны отъ земли, по необходимости сдѣлались чистокровными горожанами. Городскіе же жители, какой бы національности они ни были, неохотно обращаются къ тяжелому земледѣльческому труду. А между тѣмъ, въ настоящее время замѣчается то явленіе, что евреи стремятся къ землѣ: многіе нанимаются теперь къ помѣщикамъ на лѣтнія полевныя работы, другіе же, не находя на родинѣ возможности приложить свой трудъ, уходятъ въ Америку, въ Палестину, гдѣ и учреждаютъ земледѣльческія колоніи, въ которыхъ и занимаются земледѣліемъ. Правда, у насъ между евреями много торговцевъ, факторовъ и посредниковъ; но что же имъ дѣлать, если многія отрасли дѣятельности для нихъ закрыты, доступныя же такъ переполнены, что не даютъ средствъ къ жизни.

Евреи, говорятъ, обходятъ стѣснительные для нихъ законы. Это, конечно, бываетъ, но въ этомъ отношеніи евреи не составляютъ исключенія. Развѣ христіане не дѣлаютъ того же? Возьмемъ, наприимѣръ, временныя

¹ Стр. 173.

² Стр. 312—317.

³ В. П. С. З., т. XXVI, № 25726.

⁴ См. выше, стр. 333.

правила 3 мая 1882 г., воспретившія евреямъ арендовать недвижимости, хотя бы ключокъ земли, сѣдъ, мельницу, вигородовъ и иѣ стечекъ.

Нѣкоторыя данныя заставляютъ предполагать, что означенный законъ на практикѣ нарушается. Но обходить его не одни евреи, а и землевладельцы-христіане. Дѣйствительно, развѣ еврей могъ бы взять у помѣщика въ аренду его недвижимость, еслибъ послѣдній не согласился вступить съ первымъ въ арендную сдѣлку. Конечно, нѣтъ. А между тѣмъ помѣщики-христіане вступаютъ съ евреями въ подобныя сдѣлки. И это они дѣлаютъ не изъ любви къ евреямъ, а по экономическимъ расчетамъ, потому что иначе нельзя имъ извлечь доходы изъ своихъ имуществъ. Равнымъ образомъ евреи, вступая въ противозаконную сдѣлку, дѣлаютъ это не изъ любви къ помѣщику, не изъ желанія доставить ему удовольствіе, а потому, что при данныхъ обстоятельствахъ—пользованіе недвижимостью представляется для нихъ единственнымъ источникомъ добыванія средствъ къ жизни, хотя они и подвергаются опасности поплатиться за такой обходъ закона, въ случаѣ возникновенія спора по сдѣлкѣ, которая, какъ противозаконная, не можетъ получить судебной защиты. Стало быть, и тою и другою стороною законъ обходится не изъ любви къ искусству, а вслѣдствіе несоотвѣтствія его потребностямъ дѣйствительной жизни. Никакой законъ, идущій въ разрѣзъ съ такими потребностями, не можетъ рассчитывать на безусловное исполненіе. Это такая аксіома, противъ которой едва ли можно спорить.

Что же касается, наконецъ, уклоненія евреевъ отъ воинской повинности, то, насколько основательно это обвиненіе, мы уже объяснили выше (стр. 399—401).

Въ виду изложеннаго, нельзя не придти къ заключенію, что ограниченіе евреевъ въ элементарныхъ гражданскихъ правахъ не вызывается требованіями нормальнаго общественнаго строя и не имѣетъ достаточно вѣскихъ основаній. Вся бѣда происходитъ отъ взгляда на евреевъ, какъ на ивородцевъ, пришельцевъ, которые кому-то иѣшаютъ. Но этотъ взглядъ невѣренъ: евреи живутъ въ предѣлахъ нынѣшней русской имперіи около восьми вѣковъ, а стало быть они такіе же коренные, природные обыватели, какъ и всѣ другіе подданные, и, имѣя подобно имъ право на существованіе, никому иѣшать не могутъ. Если они имѣютъ недостатки, нравитые имъ многовѣковыми преслѣдованіями, то эти недостатки въ по-

слѣдующихъ поколѣзнійхъ исчезнуть при цѣлесообразномъ воспитаніи еврейскаго юношества. Ограниченіе евреевъ въ элементарныхъ гражданскихъ правахъ въ то время, когда они несутъ всѣ повинности на пользу государства наравнѣ съ остальными подданными, не только негуманно и несправедливо, но и не можетъ считаться цѣлесообразнымъ. Последнее потому, что подобныя ограниченія вызываютъ обходъ закона, заставляютъ прибѣгать къ предосудительнымъ способамъ для добыванія средствъ къ жизни, къ той именно эксплуатаціи, для предотвращенія которой установлены ограниченія, и въ то же время понижаютъ нравственный уровень какъ самихъ евреевъ, такъ и высшихъ блюстителей закона, плодятъ нищенство, обособленность, умственное убожество и недовольство.

ОГЛАВЛЕНІЕ

«РУКОВОДСТВА КЪ РУССКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ О ЕВРЕЯХЪ».

	Стр.
Предисловіе	3— 4
Глава I. Мотивы законодательства о евреяхъ	5— 13
I. Мотивъ вѣроисповѣдній (§§ 2 и 3)	6— 9
II. Мотивъ экономическій (§ 4)	9— 10
III. Мотивъ фискальній (§ 5)	10
IV. Мотивъ политическій (§ 6)	10— 11
V. Мотивъ сліянія (§ 7)	11— 13
Глава II. Раздѣленіе евреевъ на категоріи	13— 34
A. Евреи-караимы (§§ 9—11)	14— 18
B. Евреи Царства-Польскаго (§§ 12 и 15)	18— 24
B. Евреи иностранцы (§§ 14—21)	24— 34
Глава III. Возникновеніе и прекращеніе еврейскаго состоянія.	34— 51
A. Возникновеніе еврейскаго состоянія (§§ 22—29)	34— 44
B. Прекращеніе еврейскаго состоянія (§§ 30—32)	44— 51
Глава IV. Приписка евреевъ къ обществамъ (§§ 33—39)	52— 62
Глава V. Организациія еврейскихъ хозяйственно-податныхъ обществъ	62— 73
I. Кагалъ (§§ 40 и 41)	62— 67
II. Современное устройство еврейскихъ обществъ (§§ 42 и 43)	67— 71
III. Еврейскіе сборщики податей и уполномоченные (§§ 44 и 45)	71— 73
Глава VI. Устройство духовныхъ дѣлъ евреевъ	74— 99
I. Отношеніе правительства къ еврейской религіи (§§ 46—50)	74— 79
II. Синагоги и молитвенныя школы (§§ 51—56)	80— 84

	Стр.
III. Молитвенныя общества и духовныя правленія	
(§§ 57—60)	85—89
IV. Раввины (§§ 61—67)	89—96
V. Раввинская коммисія (§§ 68 и 69)	96—99
Глава VII. О правѣ жительства евреевъ вообще и о чертѣ осѣдности	99—106
I. О правѣ жительства вообще (§§ 70 и 71)	99—102
II. О чертѣ еврейской осѣдности (§§ 72—75)	102—106
Глава VIII. Объ ограниченіяхъ жительства евреевъ въ чертѣ ихъ общей осѣдности	107—138
I. Право жительства евреевъ въ губ. Витебской и Могилевской (§ 77)	109—110
II. Жительство евреевъ въ 50-верстной пограничной полосѣ (§§ 78—89)	110—127
III. Жительство евреевъ внѣ городовъ и мѣстечекъ (§§ 90—103)	127—138
Глава IX. Право повсемѣстнаго жительства нѣкоторыхъ категорій евреевъ вообще (§§ 104—108)	138—146
Глава X. Право повсемѣстнаго жительства по купеческому цензу	146—162
I. Условія для приниска къ купечеству (§§ 109—112)	146—151
II. Права перечислявшихся евреевъ-купцовъ (§§ 113 и 114)	151—154
III. Содержаніе прикащиковъ-евреевъ и домашней прислуги (§§ 115—120)	154—159
IV. Последствія выбитія изъ купечества (§§ 121—128)	159—162
Глава XI. Право повсемѣстнаго жительства по образовательному цензу (§§ 124—132)	162—170
Глава XII. Право повсемѣстнаго жительства по ремеслу (§§ 133—156)	170—196
Глава XIII. Право жительства по службѣ военной	196—211
I. О правахъ нижнихъ чиновъ, поступившихъ на службу по уставу о военск. повинн. 1874 г. (§§ 157—161)	196—200
II. О правахъ нижнихъ чиновъ, поступившихъ на службу на основаніи прежняго рекрутскаго устава (§§ 162—170)	200—211
Глава XIV. Право жительства евреевъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ внѣ черты еврейской осѣдности	211—251

	Стр.
I. Право жительства евреевъ въ Курляндіи и Ригѣ (§§ 173—177)	214—220
II. Право жительства евреевъ въ г. Николаевѣ и Севастополѣ (§§ 178—181)	220—225
III. Право жительства евреевъ въ г. Киевѣ:	
А. О постоянномъ жительствѣ евреевъ въ Киевѣ (§ 184)	227—229
Б. О частяхъ города, въ которыхъ евреямъ дозволяется жить въ Киевѣ (§ 185)	229—232
В. О временномъ пребываніи евреевъ въ Киевѣ (§ 186)	232—234
IV. Право жительства евреевъ на Кавказѣ (§§ 187—190)	234—240
V. Право жительства евреевъ въ Туркестанскомъ краѣ (§§ 191 и 192)	240—242
VI. Право жительства евреевъ въ Сибири (§§ 193—197)	243—251
Глава XV. Право евреевъ на отлучки	251—258
А. Отлучки за черту еврейской осѣдлости (§ 199)	252—253
Б. Отлучки въ предѣлахъ черты еврейской осѣдлости (§ 200—202)	256—258
Глава XVI. Право приобрѣтенія, залога и арендованія недвижимыхъ имуществъ	258—261
I. Приобрѣтеніе и залогъ недвижимыхъ имуществъ (§§ 203—212)	258—273
II. Право аренды недвижим. имуществъ (§§ 213—218)	273—281
Глава XVII. Торговля и промышленныя права евреевъ	281—306
I. Торговля и промышленныя права въ чертѣ еврейской осѣдлости (§§ 219 и 220)	282—284
II. Права торговли евреевъ внѣ черты еврейской осѣдлости (§§ 221—226)	284—290
III. Права евреевъ на питейную торговлю:	
I. Историческое изложеніе (§§ 227 и 228)	290—294
II. Дѣйствующее законодательство (§§ 229—234).	294—303
Глава XVIII. Права евреевъ по ремеслу	308—317
I. О правахъ по ремеслу (§§ 235—242)	303—312
II. О еврейскихъ перемесленныхъ цехахъ (§ 243)	312—317
Глава XIX. Мѣры привл. евреевъ къ земледѣлію (§§ 244—259)	317—335
Глава XX. Объ образованіи евреевъ	336—348
I. Обученіе въ общ. учебн. заведеніяхъ (§§ 260—264)	336—341
II. Еврейскія рава и казенн. училища (§§ 265—267)	341—344

	Стр.
III. Еврейскія частн. училища и меламды (§§ 268 и 269)	344—347
IV. Образование ремесленное и техническое (§ 270)	347—348
Глава XXI. Учрежденія для распространенія между евреями просвѣщенія, ремеслъ и земледѣлїя	349—355
I. Общество распространенія между евреями просвѣщенія (§ 271)	349—352
II. Временн. комитетъ по образов. общества ремесл. и земледѣлч. труда среди евреевъ въ Россіи (§ 272)	352—355
Глава XXII. Права по государственной, общественной и военной службѣ	356—378
I. Государственная служба.	
A. Вообще (§§ 274—278)	356—362
B. Служба по учебной части (§ 279)	363—364
B. Ученые евреи (§ 280)	364—366
II. Общественная служба:	
A. Служба по городскимъ учрежденіямъ прежняго устройства и сословнымъ (§§ 281—284)	366—372
B. Служба по земскимъ и городскимъ учрежденіямъ новаго устройства (§§ 285—287)	372—375
B. Исполненіе обязанностей присяжныхъ заседателей (§ 289)	375—376
III. Военная служба (§ 290)	376—378
Глава XXIII. Право на занятіе либеральными профессіями.	
Адвокатура (§§ 291, 292)	378—382
Глава XXIV. Военная повинность	382—401
I. Рекрутчина (§ 293)	382—383
II. Уставъ о военной повинности (§§ 294, 295)	383—385
III. Мѣры къ огражденію правильнаго исполненія евреями военной повинности:	
A. Приниска евреямъ къ призывнымъ участкамъ (§§ 296, 297)	386—387
B. Заѣмъ неспособныхъ къ службѣ евреямъ евреями же (§ 298)	387—389
B. Порядокъ составленія частныхъ призывныхъ списковъ (§ 299)	389—390
Г. Удостовереніе правильности свѣдѣній о семейномъ составѣ евреямъ (§§ 300—302)	390—396
Д. Примеченіе первоуволенныхъ къ отбыванію военной повинности (§ 303)	395—396
E. Ограниченіе перемѣщенія евреямъ изъ одного призывнаго участка въ другой и установленіе	

	Стр.
денежныхъ штрафовъ за уклоненіе отъ воинской повинности (§§ 304, 305)	396—401
Глава XXV. Специальные сборы съ евреевъ	401—419
I. Двойная подать (§§ 306 и 307)	401—404
II. Сборъ коробочный:	
A. Характеръ этого сбора и лица, подлежащія ему (§§ 308, 309)	404—407
B. Назначеніе коробочнаго сбора (§ 310)	407—410
B. Распределеніе и употребленіе суммъ коробочнаго сбора (§§ 311, 312)	410—411
Г. Размѣръ таксы съ предметовъ короб. сбора и способы взысканія его (§§ 313—316)	411—415
III. Сборъ съ еврейской одежды (§ 317)	416
IV. Свячной сборъ (§ 318)	416—418
V. Сборъ съ еврейскихъ типографій (§ 319)	418—419
Глава XXVI. О еврейской присягѣ	419—444
I. Историческій очеркъ формъ и обрядовъ еврейской присяги.	
A. Присяга для рекрутъ (§§ 321—323)	420—425
B. Присяга членовъ кагала и членовъ правленія молитвеннаго общества (§ 324, 325)	425—428
B. Присяга на званіе раввина (§§ 326—329)	428—433
Г. Свидѣтельская присяга (§ 330)	433—436
Д. Присяга для поступающихъ въ государств. и общественную службу (§ 331)	436—437
E. Форма присяги предъ начатіемъ выборовъ въ общественную должность (§ 332)	438
II. Еврейская присяга по дѣйствующему законодательству.	
A. Порядокъ вѣнчанія исполненія присяги (§ 333)	438—441
B. Формы присяги (§ 334)	441
B. Присяга по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 г. (§§ 335—339)	442—444
Глава XXVII. О взысканіяхъ и наказаніяхъ	444—445
I. Преступленія религіозныя (§ 340)	445—446
II. Исполненіе обрядовъ еврейской вѣри не раввинами (§ 341)	446—447
III. Уклоненіе отъ воинской повинности и укрывательство военныхъ бѣглецовъ (§§ 342 и 343)	447—449
IV. Нарушеніе таможенныхъ правилъ (§ 344)	449
V. Нерадніе евреевъ-колонистовъ къ хозяйству (§ 345 346)	450—451

VI. Построеніе еврейскихъ синагогъ безъ разрѣшенія (§ 347)	451
VII. Недозволенное производствѣ торговли изъ чертъ еврейской осѣдлости (§ 348)	451—454
VIII. Неправильное совершеніе браковъ раввинами (§ 349)	454—455
Глава XXVIII. Объ эмиграціи евреевъ изъ Россіи	455—461
Глава XXIX. Заключеніе.	461

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

ЖУРНАЛЪ «ВОСХОДЪ» за 1891 г.

Въ 1891-мъ году экземпляры „Восхода“ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

экз.		экз.		экз.	
1	Херсонск. губ. 515	29	Воронежская.	20	57 Уфимская. . . 6
2	Кіевская . . 366	30	Бакинская . . 19	58	Тульская . . . 5
3	Екатериносл. 197	31	Пермская . . . 17	59	Сѣдлецкая . . . 5
4	Таврическая. 176	32	Смоленская . . 15	60	Псковская . . . 5
5	Подольская . 170	33	Терская 14	61	Черномор. Окр. 5
6	Бессарабск . 129	34	Саратовская. 14	62	Якутск. Обл. . . 4
7	Петербургская 128	35	Астраханск. . 14	63	Акмолинская . . 4
8	Волынская . . 125	36	Тамбовская . . 13	64	Вятская 3
9	Минская . . . 120	37	Закаспійск. Обл. 12	65	Ставропольск. . 3
10	Московская . 111	38	Самарская . . . 12	66	Владимірска . . 3
11	Виленская . . 106	39	Люблинская. . 12	67	Ярославская. . 3
12	Полтавская . 99	40	Енисейская . . 12	68	Эриванская . . . 3
13	Гродненская. 82	41	Бурляндская . 12	69	Тавастуская. . . 2
14	Могилевская. 77	42	Орловская . . . 11	70	Дагестанск. Обл. 2
15	Бовенская . . 69	43	Сырѣ - Дарь-	71	Кастромская. . . 2
16	Харьковская. 64		инская 11	72	Симбирская . . . 2
17	Варшавская . 61	44	Ложинская. . . 10	73	Елисаветин. . . 2
18	Витебская . . 57	45	Курская 9	74	Плоцкая 2
19	Черниговская 57	46	Казанская . . . 9	75	Семипал. Обл. . 1
20	Обл. Войска	47	Новгородск. . 9	76	Радомская . . . 1
	Донского . . . 54	48	Оренбургская . 8	77	Ферганская . . . 1
21	Иркутская . . 33	49	Тобольская . . 8	78	Архангельск. . . 1
22	Петрововск. 26	50	Рязанская . . . 8	79	Выборская . . . 1
23	Лифляндская 24	51	Кутанская . . . 8	80	Карская Обл. . . 1
24	Кубанская . . 23	52	Пензенская . . 8	81	Эстляндская . . 1
25	Тифлисская . 22	53	Тверская 7		
26	Забайкальск. Обл. 21	54	Калужская . . 7		
27	Томская . . . 20	55	Нижегородск. 6		
28	Сувальская . 20	56	Самаркан. Обл. 6		

II За-границей 38

Всего: экз. 3369

Изъ нихъ полугодовыхъ 240

На 3 мѣсяца 418

М. Дубинскій.

Секретаря редакціи. Digitized by Google

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. ВЫХОДЦЫ ИЗЪ МЕЖЕПОЛЯ. Романъ. Часть первая. С. О. Ярошевскаго.	3
II. О ЕВРЕЙСКИХЪ ИМЕНАХЪ СОБСТВЕННЫХЪ. (Продолженіе). Д-ра М. Погорѣльскаго	25
III. ЮДИОЪ ТРАХТЕНВЕРГЪ. Повѣсть Карла-Эмиля Францова. Гл. X—XV. (Окончаніе). Перев. А. Г. Каррикъ.	42
IV. РУССКІЕ ЕВРЕИ ВЪ АМЕРИКѢ. Вѣдшее вліяніе и внутренняя жизнь эмигрантовъ. Г. М. Прайса.	75
V. ИЗЪ МИДРАША. Стихотвореніе. С. Г. Фруга.	90
VI. ИСТОРИЯ ХАСИДСКАГО РАСКОЛА. Посланіе Залмана, смерть гаона и обостреніе борьбы (1797 г.). С. М. Дубнова.	92
VII. ЧЕРЕЗЪ ГРАНИЦУ. Изъ воспоминаній дѣтства. (Окончаніе). Бенъ-Ами.	113
VIII. БІОГРАФИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. С. М. Станиславскаго.	143
IX. ГОСПОДЬ СКАЗАЛЪ: ДА БУДЕТЬ СВѢТЪ. Стихотвореніе. Л. Медвѣдева.	158
X. ЕВРЕИ И АНТИСЕМИТИЗМЪ. II. Нареканія національныя. Статя члена Французской академіи Леруа-Вольте. Перев. Л. Б.	160
XI. ИЗЪ КНИГИ ПРОРОКА ИСАИИ. Стихотвореніе. Константина Льдова.	200
XII. РУКОВОДСТВО КЪ РУССКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ О ЕВРЕЯХЪ (Особое приложеніе къ «Восходу»). (Окончаніе). М. И. Мыша.	

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

XIII. ПИСЬМА О ХЕРСОНСКИХЪ ЕВРЕЙСКИХЪ КОЛОНИАХЪ. Письмо первое. И. Ф. Блюменфельда.	1
XIV. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: НОВЫЙ ТРУДЪ ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ. (И. Каманинъ, <i>Переписи еврейскаго населенія въ юго-западномъ краѣ въ 1766—1791 и. Архивъ юго-западной Россіи, часть пятая, томъ II, выпуски 1 и 2. Кіевъ, 1890</i>). С.	9
XV. БИБЛОГРАФІЯ:	
1) <i>Die Agada der Tanaiten. Zweiter Band Von Akiba's Tod bis zum Abschluss der Mischna. Von Wilhelm Bacher. Strassburg. 1890 Ss. 578—VIII (Агада Танантовъ. Томъ второй: отъ смерти Акивы до заключенія Мишны. Соч. В. Бахера). С. М.</i>	26
2) <i>Сокращенное руководство къ изученію исторіи евреевъ. Для употребленія въ школѣ и дома. Составилъ Л. Б. Сегаль. Часть II: по-библейская исторія. Одесса, 1890 (116 стр. in 8°). Notus . . . . .</i>	29
3) <i>Bibliotheca hebraica post-Mendelsoniana. Bibliographisches Handbuch der neuhebräischen Literatur etc. Herausgegeben von William Zeitlin. I. Hälfte: A—M—Leipzig, 1891. 248 Ss. in 8°.</i> (Библиографическій лексиконъ ново-еврейской литературы, изданный В. Цейлиномъ). С. М.	33
XVI. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. Ос. Гр.	35
XVII. МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.	

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 Г.

НА ИЗДАЮЩИЙСЯ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОСХОДЪ“

И ГАЗЕТУ

„НЕДЕЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА“.

Въ 1892 г. журналъ «ВОСХОДЪ» и газета «НЕДЕЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА» вступаютъ въ ДВѢНАДЦАТЫЙ годъ своего существованія.

ОДИННАДЦАТИЛѢТНЯЯ дѣятельность «ВОСХОДА», надѣмся, настолько выяснила его цѣли и задачи, равно какъ и способы ихъ осуществленія, что едва-ли теперь предстоить надобность въ болѣе обстоятельномъ ихъ разъясненіи.

Въ «ВОСХОДѢ» и «НЕДЕЛЬНОЙ ХРОНИКѢ» принимали участіе:

Абрамовичъ М. С., Бершадскій С. А. (профессоръ), Бердяева Елена, Берхинъ І., Блюменфельдъ Г. Ф., Бенъ-Ами, Богровъ Г. И., Брамсонъ Л. М., Вейнбергъ П. И., Ватсонъ Э. К., Вербовъ А., Волинскій А. Л., Гарнави А. Я., Градовскій Г. К., Градовскій Н. Д., Гордонъ Л. О., Горвицъ М. И. (профессоръ), Грузенбергъ С. О., Дубновъ С. М., Каминка А. И., Коршъ В. Ф., Кайзерлингъ д-ръ, Канторъ Л. О., Кулишеръ М. И., Кулишеръ Рув., Лазаревъ М. Н., Леванда Л. О., Левенсонъ П. Я., Льдовъ Константинъ, Лякубъ П. М., Лиліенблюмъ М. Л., Минскій Н. М., Манасевичъ Ю. В., Моргулисъ М. Г., Мордовцовъ Д. Л., Мышь М. И., Мандельштамъ І. Е., Мережковскій Д., Никитинъ В. Н., Оршанскій М. О., Онуфровичъ А. И., Песковскій М. Л., Петръ Шлемиль (Д. Л. Словинскій) Позняковъ Н. И., г-жа Р.-Хинъ (псевдонимъ), Ромбро Я. С., Рубакинъ Н. А., Рускинъ Л. (Н. Н. Фяровъ), Сементновскій Р. И., Станиславскій С. М., Фругъ С. Г., Фофановъ К. М., Цедербаумъ А. А., Хисинъ Е., Шафиръ М. П., Штейнбергъ О. Н., Ярошевскій С. О., Федоровъ А. и другіе.

Для ближайших книжек «ВОСХОДА» имеются, между прочимъ, слѣдующія произведенія:

ВЪ ИЗГНАНІИ. Очеркъ изъ исторіи литовскихъ и польскихъ евреевъ въ концѣ XV столѣтія. Профессора С. А. Бершадскаго.

ТВОРЕЦЪ «ИСТОРИИ ЕВРЕЕВЪ». Жизнь и соч. Г. Гретца. С. М. Дубнова.

ВЫХОДЦЫ ИЗЪ МЕЖЕПОЛЯ. Романъ. Часть вторая. С. О. Ярошевскаго.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ ОВЪ ИНОВѢРЦАХЪ ВЪ ТАЛМУДИЧЕСКОМЪ ПРАВѢ. Посмертное изслѣдованіе. И. И. Шершевскаго.

ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНІЕ ПЕТЕРБУРГА ВЪ СОЦІАЛЬНОМЪ И САНИТАРНОМЪ ОТНОШЕНІИ. Статистическій очеркъ, д-ра С. О. Грузенберга

ПРИКЛЮЧЕНІЕ. Эскизъ изъ нашего high-life. М. С. Варшавскаго.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СООБЩЕНІЯ. С. М. Дубнова.

ОВѢТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ, съ картою палестинскихъ еврейскихъ колоній. Е. Хисина.

ВНѢШНЕЕ ВЛІЯНІЕ И ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ РУССКО-ЕВРЕЙСКИХЪ ЭМИГРАНТОВЪ ВЪ АМЕРИКѢ. Г. М. Прайса.

САМУИЛЬ АВРАМОВИЧЪ. Изъ заголустныхъ очерковъ. Елены Бердзевой.

ЕВРЕИ И АНТИСЕМИТИЗМЪ. Ш. Физиологія и психологія еврея. Статья члена французской академіи. А. Леруа-Болье.

ИЗЪ ДНЕВНИКА КИТАЙ-ГОРОДСКАГО ОБЫВАТЕЛЯ. С. Вермея.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ПОЛЬШѢ И ЛИТВѢ. Проф. С. А. Бершадскаго.

НЕУДАЧНИКЪ. Разсказъ. М. О. Грузенберга.

НА ЗАПАДѢ. Путевыя впечатлѣнія и заграничныя очерки. П. Я. Левенсона.

СВЯТОЙ ГОСПОДИНЪ. Историческій романъ изъ эпохи франкистовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ С. Г. Фруга, Н. М. Минскаго, Константина Льдова, А. Федорова, Л. Медвѣдева и др.

Новые подписчики на 1892 годъ получаютъ безплатно первые листы романа С. О. Ярошевскаго «Выходцы изъ Межеполя», начавшагося печатаніемъ въ октябрьской книжкѣ.

Кромѣ того, по примѣру прежнихъ лѣтъ, подписчики получаютъ особое приложеніе къ журналу.

XV. БИБЛИОГРАФІЯ:

- 1) *Die Agada der Tanaiten. Zweiter Band.: von Akiba's Tod bis zum Abschluss der Mischna. Von Wilhelm Bacher.* Strassburg, 1890 Ss. 578+VIII (Агада Танантовъ». Томъ второй: отъ смерти Акивы до заключенія Мишны. Соч. В. Бахера). С. М. 26
- 2) *Сокращенное руководство къ изученію исторіи евреевъ Для употребленія въ школы и дома. Составилъ Л. Б. Сегаля. Часть II: по-библейская исторія. Одесса, 1890 (116 стр. in 8°). Notus . . . . .* 29
- 3) *Bibliotheca hebraica post-Mendelsoniana. Bibliographisches Handbuch der neuhebräischen Literatur etc. Herausgegeben von William Zeitlin. I. Hälfte: A—M—Leipzig, 1891. 248 Ss. in 8°.* (Библиографическій лексиконъ ново-еврейской литературы, изданный В. Цейтлиномъ). С. М. 33

XVI. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. Ос. Гр. 35

XVII. МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

РЕДАКЦІЯ И ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА „ВОСХОДЪ“

С.-Петербургъ, Площадь Большого Театра, 2—32.

РЕДАКЦІЯ открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ и средамъ отъ 10-ти часовъ утра до часу пополудни.

КОНТОРА открыта ежедневно, отъ 9-ти часовъ утра до 8-ми часовъ вечера, по праздникамъ до 1 ч. пополудни.

Подписная цѣна журнала „Восходъ“ съ „Недѣльной Хроникой Восхода“

	въ Россіи:	за ГРАНИЦЕЮ.
На годъ съ доставкою и пересылкою	10 р. — к.	12 р. — к.
На полгода	6 ” — ”	7 ” — ”
На три мѣсяца	3 ” — ”	4 ” — ”

На три мѣсяца можно подписаться лишь въ слѣдующіе сроки: съ 1-го Января, съ 1-го Апрѣля, съ 1-го Юля и съ 1-го Октября. На другіе сроки подписка не принимается.

Отдѣльная подписка на журналъ „Восходъ“ или на „Недѣльную Хронику“ не принимается.

Отдѣльныя книги журнала стоятъ по 1 руб. каждая. Двойныя книги—2 р. Отдѣльныя М.М. „Недѣльной Хроники“ стоятъ по 10 к., для иногородныхъ—15 к.

Желающіе пользоваться разсрочкой подписной платы обращаются непосредственно въ редакцію и уплачиваютъ при подпискѣ 4 р., къ 1-му Марта 3 р. и къ 1-му Юля 3 р.

Объявленія для напечатанія въ журналѣ „Восходъ“ принимаются по слѣдующей таксѣ: за одну страницу 15 р., за $\frac{1}{2}$ страницы 8 руб., за $\frac{1}{4}$ страницы 4 руб.; для помѣщенія въ „Недѣльной Хроникѣ“—10 коп. за строчку петита, въ $\frac{1}{2}$ столбца или за занимаемое ею мѣсто. При повтореніи дѣлается уступка.

За аккуратность и своевременную доставку редакція отвѣчаетъ лишь предъ тѣми, которые подписались въ главной конторѣ ея. Лица, подписавшіяся въ книжныхъ магазинахъ, съ своими жалобами благоволятъ обращаться въ означенные магазины.

За перемѣну адреса уплачивается 50 коп., которыя можно выслать почтовыми марками.

3 2044 024 243 990

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.
A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.
Please return promptly.

~~JUN 25 '58 H~~

~~AUG 18 '58 H~~

~~CANCELLED~~
569078
JUL 25 1984
JUN 7 '77

WIDENER
DEC 15 1994
BOOK DUE
CANCELLED

~~CANCELLED~~
WIDENER
NOV 14 1994
JUL 26 1984

WIDENER
JAN 0 5 1999
CANCELLED
BOOK DUE

